Эл. адрес: article@tuva.asia
https://nit.tuva.asia

ISSN 2079-8482

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ

№4
2025

ISSN 2079-8482

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ

THE NEW RESEARCH OF TUVA

2025 № 4

nit.tuva.asia

ISSN 2079-8482

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ

THE NEW RESEARCH OF TUVA

2025 № 4

nit.tuva.asia

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ

THE NEW RESEARCH OF TUVA

www.nit.tuva.asia №4 2025 Novye issledovaniia Tuvy

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Ламажаа Ч. К., доктор философских наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

СЕКЦИЯ ИСТОРИИ (ИСТОРИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ)
Харитонова В. И., Институт этнологии и антропологии РАН, Россия
Ерекешева Л. Г., Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, Казахстан
Донахо Б., Институт социальной антропологии Макса Планка, Германия
Монгуш М. В., Российский государственный архив Российской Федерации
Дацышен В. Г., Сибирский федеральный университет, Россия
Чулуун Сампилдондов, Институт истории и археологии Академии наук Монголии
Харунова М. М.-Б., Институт востоковедения РАН, Россия
Бакаева Э. П., Калмыцкий научный центр РАН, Россия

СЕКЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК (ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ)
Ламажаа Ч. К., доктор философских наук
Попков Ю. В., Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, Россия
Балакина Г. Ф., Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения Российской академии наук, Россия
Хомушку О. М., Тувинский государственный университет, Россия

СЕКЦИЯ КУЛЬТУРОЛОГИИ (КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ)
Сузукей В. Ю., Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований, Россия
Левин Т., Дартмаус колледж, США
Ксения Пименова, Парижский университет Нантерр, Франция

СЕКЦИЯ ФИЛОЛОГИИ (ЯЗЫКОЗНАНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ)
Бичелдей К. А., Национальный музей им. Алдан Маадыр Республики Тыва, Россия
Шамина Л. А., Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук, Россия
Бахтикиреева У. М., Российский университет дружбы народов
Туймебаев Ж. К., Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Республика Казахстан

ТЕХНИЧЕСКАЯ ГРУППА
Папын А. С., редактор, администратор
Макаров В. С., редактор
Гайдин Б. Н., редактор

EDITOR-IN-CHIEF
Chimiza K. Lamazhaa, Doctor of Philosophy

EDITORIAL BOARD

SECTION OF HISTORY (HISTORY, ETHNOGRAPHY, ANTHROPOLOGY)
Valentina I. Kharitonova, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Laura G. Yerekesheva, Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan
Brian Donahoe, Max Planck Institute for Social Anthropology, Germany
Marina V. Mongush, State Archives of the Russian Federation
Vladimir G. Datsyshen, Siberian Federal University, Russian Federation
Chuluun Sampildondov, Institute of History and Archaeology, Academy of Science Mongolia, Mongolia
Marianna M.-B. Harunova, The Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
Elza P. Bakaeva, Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Science

SECTION OF SOCIAL SCIENCES (PHILOSOPHY, SOCIOLOGY, RELIGIOUS STUDIES)
Chimiza K. Lamazhaa, Doctor of Philosophy
Yuri V. Popkov, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
Galina F. Balakina, Tuvinian Institute for Exploration of Natural Resources, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Russia
Olga M. Homushku, Tuvan State University, Russian Federation

SECTION OF CULTUROLOGY (CULTURAL STUDIES, ART HISTORY)
Valentina Yu. Suzukey, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research, Russian Federation
Theodore Levin, Dartmouth College, United States
Ksenia Pimenova, l'Univesité Paris Nanterre, France

PHILOLOGY SECTION (LINGUISTICS, FOLKLORE, LITERARY STUDIES)
Kaadyr-ool A. Bicheldey, National Museum of the Republic of Tuva, Russian Federation
Lyudmila A. Shamina, Institute of Philology, Siberian branch, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Uldanay M. Bakhtikireeva, Peoples' Friendship University of Russia
Zhanseyt K. Tuymebaev, Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan

TECHNICAL GROUP
Alexander S. Papyn, Editor, Manager
Vladimir S. Makarov, Editor
Boris N. Gaydin, Editor

Журнал публикует статьи на русском и английском языках.
Выходит 4 раза в год.

The New Research of Tuva welcomes contributions in Russian and English. The journal is published quarterly.

Зарегистрирован в качестве СМИ Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации Эл №ФС77-37967 от 5 ноября 2009 г.

Индексация журнала: ERIH PLUS, РИНЦ, КиберЛенинка, PKP Index, Google Scholar, DOAJ, Scopus, ESCI Web of Science Core Collection.

The journal is indexed in ERIH PLUS, RINTs, CiberLeninka, PKP Index, Google Scholar, DOAJ, Scopus, ESCI Web of Science Core Collection.

Издатель: Ч. К. Ламажаа, Россия, 117437, г. Москва, а/я 30,
Соиздатель: Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Республика Казахстан, Алматы, 050040 пр. Аль-Фараби, д. 71.

Publisher - Ch. K. Lamazhaa (Postal box 30, Moscow, Russia, 117437);
Co-publisher - Al-Farabi Kazakh National University (71 Al-Farabi Ave., Almaty, Republic of Kazakhstan, 050040).

ISSN 2079-8482

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons «Attribution-NonCommercial» («Атрибуция — Некоммерческое использование») 4.0 Всемирная.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License.

СОДЕРЖАНИЕ

СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА

Стороженко А. А. (Россия) Переселение русских в Туву в 1920–1970-е гг.: этнодемографический и этноконфессиональный аспекты 6

Доржу З. Ю., Ширап Р. О. (Россия) Адаптация тувинцев-сельчан к городской жизни Кызыла в 1960–1980-е гг. 23

Ростовская Т. К., Натсак О. Д., Накисбаев Д. В. (Россия) Влияние миграционных процессов на этнические и социально-демографические характеристики населения Тувы в советский и постсоветский периоды 38

Лысенко О. В., Ширап Р. О. (Россия) «За Саянами»: эволюция этнической и территориальной идентичности уроженцев Тувы, мигрировавших в другие регионы России 58

Кимерлинг А. С., Шабалин В. В. (Россия) Повседневная жизнь работников-мигрантов в тувинских и молотовских лесных хозяйствах в 1940–1950-е гг. 75

Дутчак Е. Е. (Россия) Семейная книга, родовая келья: скитские технологии самосохранения в период урбанизации 91

Глушков А. В., Козлова К. О. (Россия) Печатные агитационные материалы как фактор советской миграции в конце 1940 х — 1950-е гг. (на примере Молотовской области) 107

Пермякова Т. М., Смирнова Е. А. (Россия) Два подхода к дифференциации терминов миграционных исследований (по данным корпусного анализа) 122

ТУВА ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Ламажаа Ч. К. (Казахстан), Майны Ш. Б. (Россия) Семейные фотографии тувинцев сквозь десятилетия 137

Доптан Э. С. (Россия) Школы-интернаты в Тувинской АССР: между советской цивилизованностью и традиционной культурой 176

Ламажаа Ч. К. (Казахстан), Маркова Е. А. (Россия), Бурибаева М. А. (Казахстан) Стрит нейминг города Кызыла (Тува) 190

Вангородская С. А. (Россия) Проблемное поле исследований алкоголизации коренного населения Республики Тыва 210

Ростовская Т. К., Ситковский А. М., Гишкаева Л. Н. (Россия) Методология и практика проведения демографической экспертизы на примере региональной программы «Повышение рождаемости в Республике Тыва на период 2023–2025 годов» 233

Глебова А. Б., Сергеев И. С. (Россия) Использование нейронных сетей для поиска археологических памятников скифского времени (VII–III вв. до н. э.) в Юго-Западной Туве 254

Зайцева О. И., Колодяжная Т. А., Зайцева Ж. Г. (Россия) Паттерн интернет-зависимого поведения у подростков Республики Тыва 267

Сиразетдинова М. Ф. (Россия) Сферы занятости титульных этносов России (на примере тувинцев, башкир, калмыков, бурят, хакасов, якутов и дагестанцев) 287

РОДНОЙ ЯЗЫК

Бочина Т. Г. (Россия) Тувинские загадки об артефактах в лингвокогнитивном аспекте 305

ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Шайгозова Ж. Н., Наурзбаева А. Б. (Казахстан) «Притяжение места»: живопись Шой Чурука и Оралбека Кабоке как культурная память 321

Мамедов С. Р. (Азербайджан) Сравнительный анализ становления и развития этнической печати Гагаузии и Тувы (XX–XXI вв.) 346

ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИЙ МИР

Batmunkh B., Tuya A., Sandagjav S., Unenbat M., Shagdar I. (Монголия) *Ovoo* phenomenon of the Mongolians: Influencing well-being through the human–nature and human–spiritual relationships 376

Негизбаева М. О., Дудинова Е. И., Шынгысова Н. Т., Скрипникова А. И., Тасилова А. А. (Казахстан) Смена термина как репрезентация миграционного дискурса в СМИ: кейс Казахстана 394

Есенова Г. Б., Есенова Т. С. (Россия) Концепт *аан* ‘пиала’ в лингвокультуре калмыков 417

Краснобаева Н. Л., Аубакирова Ж. С., Алексеенков А. Н. (Казахстан) Казахи в Казахстане во второй половине XX века: рождаемость в контексте социально-экономического развития 436

Иванова Н. И. (Россия) Этноязыковое самочувствие русского населения в Якутии: этносоциопсихолингвистическое измерение 451

БУДДИЙСКИЙ МИР

Аякова Ж. А. (Россия) Цам Калачакры и цам Докшитов в Бурятии: современные адаптации и интерпретации 469

CONTENTS

SPECIAL THEME
Storozhenko A. A. (Russia) Resettlement of Russians in Tuva in the 1920s–1970s: Ethnodemographic and Ethnoconfessional Aspects 6
Dorzhu Z. Yu., Shirap R. O. (Russia) Adaptation of Rural Tuvans to Urban Life in Kyzyl in the 1960s–1980s 23
Rostovskaya T. K., Natsak O. D., Nakisbaev D. V. (Russia) The Impact of Migration Processes on the Ethnic and Socio-Demographic Characteristics of the Population of Tuva during the Soviet and Post-Soviet Periods 38
Lysenko O. V., Shirap R. O. (Russia) "Beyond the Sayan Mountains": Evolution of Ethnic and Territorial Identity of Natives of Tuva Who Migrated to Other Regions of Russia 58
Kimerling A. S., Shabalin V. V. (Russia) The daily life of migrant workers in Tuvan and Molotov forestry in the 1940s and 1950s 75
Dutchak E. E. (Russia) Family book, ancestral cell: skete technologies of self-preservation in the period of urbanization 91
Glushkov A. V., Kozlova K. O. (Russia) Printed Agitation Materials as a Factor in Soviet Migration in the Late 1940s–1950s (Case Study of Molotov Oblast) 107
Permyakova T. M., Smirnova E. A. (Russia) Two approaches to differentiation of migration research terms (based on corpus analysis data) 122

TUVA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW
Lamazhaa Ch. K. (Kazakhstan), Mainy Sh. B. (Russia) Family Photographs of the Tuvans Across Decades 137
Doptan E. S. (Russia) Boarding schools in the Tuvan ASSR: between Soviet civility and traditional culture 176
Lamazhaa Ch. K. (Kazakhstan), Markova E. A. (Russia), Buribayeva M. A. (Kazakhstan) Street Naming in the City of Kyzyl (Tuva) 190
Vangorodskaya S. A. (Russia) Research Problem Field of Alcoholization among the indigenous population of the Republic of Tuva 210
Rostovskaya T. K., Sitkovsky A. M., Gishkaeva L. N. (Russia) Methodology and practice of demographic expertise based on the example of the regional program "Increasing Birth Rates in the Republic of Tuva for the Period 2023–2025" 233
Glebova A. B., Sergeev I. S. (Russia) The use of neural networks for the search of archaeological sites from the Scythian period (7th — 3rd centuries BC) in Southwestern Tuva 254
Zaitseva O. I., Kolodiazhnaia T. A., Zaitseva Zh. G. (Russia) The pattern of Internet-dependent behavior among adolescents in the Republic of Tuva 267
Sirazetdinova M. F. (Russia) Areas of employment of the titular ethnic groups of Russia (cases of Tuvans, Bashkirs, Kalmyks, Buryats, Khakass, Yakuts and Dagestanis) 287

NATIVE LANGUAGE
Bochina T. G. (Russia) Tuvan Riddles about Artifacts in a Linguo-Cognitive Aspect 305

DIALOGUE OF CULTURES
Shaygozova Zh. N., Naurzbayeva A. B. (Kazakhstan) "Attraction of Place": The Painting of Shoi Churuk and Oralbek Kaboke as Cultural Memory 321
Mammadov S. R. (Azerbaijan) Comparative Analysis of the Formation and Development of Ethnic Press in Gagauzia and Tuva (20th–21st Centuries) 346

TURKIC-MONGOLIAN WORLD
Batmunkh B., Tuya A., Sandagjav S., Unenbat M., Shagdar I. (Mongolia) Ovoo phenomenon of the Mongolians: Influencing well-being through the human–nature and human–spiritual relationships 376
Negizbayeva M. O., Dudinova Y. I., Shyngyssova N. T., Skripnikova A. I., Tassilova A. A. (Kazakhstan) Change of Terminology as a Representation of Migration Discourse in the Media: The Case of Kazakhstan 394
Esenova G. B., Esenova T. S. (Russia) The Concept of *aah* 'piala' in the Linguoculture of the Kalmyks 417
Krasnobayeva N. L., Aubakirova Zh. S., Alekseenko A. N. (Kazakhstan) Kazakhs in Kazakhstan in the second half of the twentieth century: fertility in the context of socio-economic development 436
Ivanova N. I. (Russia) Ethnolinguistic Well-Being of the Russian Population in Yakutia: An Ethnosociopsycholinguistic Dimension 451

BUDDHIST WORLD
Aiakova Zh. A. (Russia) Kalachakra tsam and Dokshitov tsam in Buryatia: Contemporary Adaptations and Interpretations 469

Специальная тема
«**Миграция в советском пространстве: человеческое измерение и региональные особенности (Тува и Пермский край, 1920–1960-е гг.)**»

Special theme
«**Migration in the Soviet Space: the Human dimension and regional peculiarities (Tuva and Perm Krai, 1920s-1960s)**»

Ответственные редакторы:
кандидат исторических наук
Алена Александровна Стороженко
(Тувинский государственный университет, Россия),
доктор исторических наук
Сергей Иванович Корниенко
(Национальный исследовательский университета «Высшая школа экономики» — Пермь, Россия)

Guest editors:
Alena A. Storozhenko
Candidate of Historical Sciences,
Tuvan StateUniversity, Russia;
Sergey I. Kornienko
Doctor of Historical Sciences,
(HSE University — Perm, Russia)

СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА

DOI: 10.25178/nit.2025.4.1

Статья

Переселение русских в Туву в 1920–1970-е гг.: этнодемографический и этноконфессиональный аспекты

Алена А. Стороженко
Тувинский государственный университет, Российская Федерация

В статье рассмотрены исторические условия и проанализированы основные этапы миграционного движения русского населения в Туву в период Тувинской Народной Республики и в советский период. Проанализированы особенности миграционной ситуации на советско-тувинской границе в период условно «закрытый» — ТНР и позднее в советский период, когда миграционные ограничения для советских граждан были сняты.

Отмечены различия в характере, направленности, масштабах, мотивах и модели расселения русских в Туве в 1920–1970-х гг., обусловленные как политикой тувинского правительства, так и характером развивавшихся советско-тувинских отношений. Рассмотрены особенности сложившейся в результате миграций на протяжении данного периода половозрастной структуры и состава семей русских переселенцев на примере населения Сизимского сельсовета Каа-Хемского района Тувинской АССР в общерегиональном контексте.

Выявлен прогрессивный характер развития этой группы населения, ее достаточный демографический потенциал. Установлено, что этнические и религиозные факторы оказывали серьезное воздействие на мотивы, формы миграции, выбор места жительства.

Выделены основные изменения социального ландшафта Тувы, произошедшие в результате миграций русского населения — усложнение этнодемографической структуры региона, формирование новой оседлой поселенческой структуры, распространение новых видов хозяйственных занятий, трансформация сакрального ландшафта.

Ключевые слова: *миграция; переселение; советско-тувинская граница; этнодемографический процесс; этноконфессиональный аспект; Тувинская Народная Республика; Тува; советский период; Каа-Хемский район; тувинцы; русские Тувы; старообрядцы*

Работа выполнена в рамках реализации проекта РНФ «”Доместикация советского”: опыт репатриации старообрядцев из Европы и адаптации в СССР» (№ 24-28-01663); Статья подготовлена в ходе проведения исследования в рамках проекта «Зеркальные лаборатории НИУ ВШЭ» «Миграции в социально-экономическом, демографическом, культурном и человеческом измерении (кейсы Пермского края и Республики Тыва в 1920-х — начале 1960-х гг.)».

Для цитирования:
Стороженко А. А. Переселение русских в Туву в 1920–1970-е гг.: этнодемографический и этноконфессиональный аспекты // Новые исследования Тувы. 2025. № 4. С. 6-22. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.1

Стороженко Алена Александровна — кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Тувинского государственного университета. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Ленина, д. 36. Эл. адрес: alstorozhenko@yandex.ru

STOROZHENKO, Alena Aleksandrovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of National History, Tuvan State University. Postal address: 36 Lenina St., 667000, Kyzyl, Russia. E-mail: alstorozhenko@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-9986-8966

SPECIAL THEME

Article

Resettlement of Russians in Tuva in the 1920s–1970s: Ethnodemographic and Ethnoconfessional Aspects

Alena A. Storozhenko
Tuvan State University, Russian Federation

The article examines the historical conditions and analyzes the main stages of the migration movement of the Russian population into Tuva during the period of the Tuvan People's Republic and the Soviet era. It analyzes the specific features of the migration situation along the Soviet–Tuvan border during the conditionally "closed" period of the Tuvan People's Republic and later in the Soviet period, when migration restrictions for Soviet citizens were lifted.

Differences are noted in the character, direction, scale, motives, and settlement patterns of Russians in Tuva during the 1920s–1970s, determined both by the policies of the Tuvan government and by the nature of evolving Soviet–Tuvan relations. The study considers the gender and age structure and the composition of Russian migrant families, which developed as a result of these migrations, using as an example the population of the Sizim Village Council of the Kaa-Khem District of the Tuvan ASSR in the broader regional context.

The progressive nature of this population group's development and its considerable demographic potential are revealed. It is established that ethnic and religious factors exerted a significant influence on the motives, forms of migration, and the choice of residence.

The main changes in Tuva's social landscape resulting from Russian migration are identified: the complication of the region's ethnodemographic structure, the formation of a new sedentary settlement system, the spread of new economic occupations, and the transformation of the sacred landscape.

Keywords: *migrations; resettlement; Soviet–Tuvan border; ethnodemographic processes; ethnoconfessional aspect; Tuvan People's Republic; Tuva; Soviet period; Kaa-Khem District; Tuvans; Russians of Tuva; Old Believers*

Financing
The study was carried out within the framework of the Russian Science Foundation project "Domestication of the Soviet: The Experience of Repatriation of Old Believers from Europe and Their Adaptation in the USSR" (No. 24-28-01663); the article was prepared as part of research conducted within the framework of the "Mirror Laboratories" project at the National Research University Higher School of Economics: "Migration in Socioeconomic, Demographic, Cultural, and Human Dimensions (Cases of Perm Krai and the Republic of Tuva in the 1920s — Early 1960s)."

For citation:
Storozhenko A. A. Resettlement of Russians in Tuva in the 1920s–1970s: Ethnodemographic and Ethnoconfessional Aspects. *New Research of Tuva*, 2025, no. 4, pp. 6-22. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.1

Введение

Тува является уникальным примером современного российского пограничного региона, пережившего в XX в. ряд системных государственных и административных трансформаций. Они определяли не только ее внешнеполитический статус, но и влияли на миграционную ситуацию: потоки, масштабы, объемы, состав мигрантов, степень их адаптации. Обладание Тувой с 1921 по 1944 гг. особого статуса государственного суверенитета — Тувинской Народной Республики (далее — ТНР) — позволяло ей, особенно в 1920-х гг., самостоятельно определять миграционную политику. Вхождение ТНР в состав СССР в 1944 г. привело к полному «открытию» государственной границы, начавшемуся еще в 1930-е гг., для советских граждан. При этом стоит отметить, что понимание «открытости» территории Тувы носило односторонний характер — для населения советского государства; будучи же в составе СССР приграничной территорией республика была закрыта для посещения иностранцами. Этот государственно-политический контекст закономерно определил уникальный характер ми-

грационной ситуации в Туве в советское время, за короткий срок поменявшейся кардинально — от практически не (слабо) контролируемой до регулируемой тотально.

Трудно порой бывает в толще исторического процесса определить отдельные миграционные потоки, выявить их этническую и конфессиональную составляющую. Анализ закономерностей в истории миграционных процессов и особенностей их проявления в Туве как территории, пережившей в 1920-1970-е гг. масштабную социально-экономическую и культурную трансформацию, является актуальной задачей современного этапа развития историографии Тувы.

Целью настоящей статьи является анализ процесса переселения русского населения в Туву в период 1920–1970-х гг. через призму этнодемографических и этноконфессиональных факторов. Рассмотрение исторического контекста миграций русскоязычного населения в Тувинскую Народную Республику, Тувинскую автономную область в 1920–1970-е гг., составление и анализ его социодемографического портрета на примере устойчивой по составу группы старообрядцев, локализованной в Каа-Хемском районе, а также выявление особенностей этноконфессионального аспекта миграционного движения — вот те задачи, которые предстоит решить в настоящей статье.

Объектом рассмотрения в статье является миграционное движение русского населения в Туву, хронологические рамки исследования — 1920–1970-е гг. Предметно рассмотрены социодемографический и этноконфессиональный аспекты миграционных процессов в исторических условиях социально-экономических и общественно-политических трансформаций рассматриваемого периода.

Этноконфессиональные признаки переселяющихся сообществ или отдельных людей в регион в массовых статистических и делопроизводственных источниках советского периода слабо отражены, что затрудняет возможность непосредственно статистического анализа. В этих условиях ведущим становится историко-генетический метод, с привлечением методов исторической реконструкции и моделирования. Для анализа этнодемографических процессов, наглядного их представления в виде статистических таблиц были использованы методы описательной статистики. Агрегирование данных массовых источников, какими выступили похозяйственные книги, их анализ и визуализация были выполнены в Microsoft Excel.

Методологическими основаниями статьи является рассмотрение миграций как процесса и возникающего в пределах уравнения, содержащего две основные переменные — стремления и возможности (*aspirations-capabilities framework*) (de Haas, 2021). Понятие негативной свободы, подразумевающее отсутствие препятствий, барьеров или ограничений со стороны государства связано с решением человека задуматься о переселении, но не обязательно приводит к реализации этого решения. Чтобы человек принял решение о переселении, нужна позитивная свобода, понимаемая как способность контролировать свою жизнь и реализовывать свои цели. Это необходимое условие делает массовые миграции возможными. В этом случае миграция рассматривается не как отчаянное бегство от нищеты, а как вложение в лучшее будущее.

В статье миграции рассматриваются не как простое механическое перемещение населения, а как комплексный процесс, меняющий социальный ландшафт территории, причём как территории прибытия, так и покинутой местности (Castles, 2010).

Отражаясь в источниках личного происхождения — воспоминаниях самих переселенцев, мемуарах и свидетельствах современников — процессы мобильности, миграции понимаются как такие, в которых разные группы людей, перемещаясь, несут с собой свои привычки, традиции, практики (все, что обычно обозначается общим словом «культура»), оказывают влияние на все основные стороны жизни, отражают стремление приспособиться к новым, непривычным для них условиям жизни: климату, материальной инфраструктуре, сосуществованию с носителями других социальных установок и практик. Именно это в результате обуславливает социокультурную специфику Тувы как «принимающего» региона.

Источниковой базой статьи является комплекс документов: архивных массовых статистических источников — похозяйственных книг советского периода, нарративных источников, опубликованных статистических сборников. Наиболее ранний массив, из известных нам в настоящее время, сохранившихся массовых источников советского периода представлен похозяйственными книгами Сизимского сельсовета Каа-Хемского района Тувинской АССР конца 1960-х — начала 1970-х гг. (хранятся в районном архиве Каа-Хемского кожууна Республики Тыва, цифровые копии с разрешения архива — в личном архиве автора).

Данные похозяйственные книги представляют собой формулярные документы, таблицы которых содержат 14 столбцов: №/№ п/п; № лицевого счета; фамилия, имя и отчество; дата рождения; пол; родственные отношения; национальность; образование; место получения образования; место работы; характеристика хозяйственных построек; виды и группы скота; земельный участок; место выбытия. Эти сведения позволяют реконструировать основные этнодемографические характеристики группы русских переселенцев, обосновавшихся в Туве в 1920–1960-е гг. Примером успешного опыта реконструкции демографических характеристик этноконфессиональных сообществ стоит признать работы А. А. Пригарина[1].

Основой для анализа этноконфессионального аспекта переселенческого процесса в изучаемый период, стали воспоминания переселенцев и их потомков. Среди них опубликованные сначала как цикл интервью в региональной газете «Центр Азии» и впоследствии собранные в 6 томов антологии «Люди Центра Азии»[2] под общей редакцией главного редактора Н. М. Антуфьевой в период с 1998 по 2018 гг. Наибольшую ценность для выполнения задач настоящей статьи представляет серия личных интервью, взятых А. Вещиковой у старейшей жительницы Тоджинского кожууна Тувы Екатерины Дорофеевой[3]. Материалы этих интервью содержат важную информацию о мотивах, условиях и способах переселений русских в Туву, позволяют реконструировать переселения сквозь призму «человеческого», социального восприятия как фактора адаптации, приживаемости переселенцев, причинах возвратной миграции в СССР в 1930-е гг. Толчком для обращения к этим материалам стала недавно вышедшая совместная статья Ч. К. Ламажаа с Ж. К. Туймебаевым и Б. Е. Шагимгереевой «Люди Центра Азии» как научный источник (Ламажаа, Туймебаев, Шагимгереева, 2024). Материалы этой антологии до сих пор недооценены историками, антропологами, этнографами, как справедливо отмечают коллеги. Восполнить также отдельные белые пятна в истории переселений баптистских общин в Туву позволяют материалы, опубликованные в сборнике под редакцией З. К. Казанцевой (Казанцева, 2023).

Обзор литературы

Изучению миграций в Туве пристальное внимание уделяется представителями самых разных общественных и гуманитарных наук (см., напр.: Абылкаликов, 2021). Тем не менее стоит отметить неравномерность степени проработки миграционной проблематики в тувинской историографии.

К числу исследований, предметно рассматривающих разные аспекты миграций в Туве, прежде всего, относятся работы З. В. Анайбан. Интересен и до конца не исчерпавший своего эвристического потенциала предложенный З. В. Анайбан вариант периодизации и объяснения факторов миграционных процессов в первой четверти XX в. в контексте формирования региональных контактирующих этнических общностей (Анайбан, 1999: 63–64). Содержание главы VII третьего тома академического издания «История Тувы» (История Тувы, 2016) «Социально-демографические, межэтнические и религиозные процессы в Туве (1944–1991 гг.)» отражает в целом основные положения, содержащиеся также в вышедшей чуть ранее ее статье (Анайбан, 2011), целиком посвященной анализу этнодемогра-

[1] Пригарин А. А. Этносоциальные характеристики села Буджака: материалы похозяйственных книг с. Муравлевки 1940-х гг. // Человек в истории и культуре: Сборник научных работ в честь 70-летия лауреата Государственной премии Украины, академика РАЕН, профессора, доктора исторических наук Владимира Никифоровича Станко. Одесса-Терновка : Друк, 2007. С. 296–311.

[2] Люди Центра Азии. 50 интервью / под общ. ред. Н. Антуфьевой. М., 1998. Т. 1; Люди Центра Азии. Кызыл, 2001. Т. 2; Люди Центра Азии. Новосибирск : Новосиб. полигр. Комбинат, 2006. Т. 3; Люди Центра Азии / гл. ред. и сост.: Н. М. Антуфьева. Кызыл: Центр Азии, 2011. Т. 4: 115 интервью и очерков; Люди Центра Азии / редкол.: Н. М. Алтуфьева, А. А. Лачугина. Кызыл: Центр Азии, 2014. Т. 5. 58 интервью и очерков; Люди Центра Азии / редкол.: Н. М. Антуфьева, А. А. Лачугина. Кызыл : Центр Азии, 2018. Т. 6. 52 интервью и очерка ; Избранное из первого тома: 21 очерк и интервью.

[3] Екатерина Дорофеева. Девяносто два солнца (беседовала Анастасия Вещикова) (начало) [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2015, № 46, 11 декабря. URL: http://www.centerasia.ru/issue/2015/46/5270-ekaterina-dorofeeva.-devyanosto-dva.html (дата обращения: 15.06.2025); Екатерина Дорофеева. Девяносто два солнца (беседовала Анастасия Вещикова) (продолжение) [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2015, № 47, 18 декабря. URL: http://www.centerasia.ru/issue/2015/47/5271-ekaterina-dorofeeva.-devyanosto-dva.html (дата обращения: 15.06.2025); Екатерина Дорофеева. Девяносто два солнца (беседовала Анастасия Вещикова) (окончание) [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2015, № 48, 18 декабря. URL: http://www.centerasia.ru/issue/2015/48/5273-ekaterina-dorofeeva.-devyanosto-dva.html (дата обращения: 15.06.2025).

фического развития Тувы в советский период. Автор связывает причины положительного миграционного сальдо в тот период с приездом квалифицированных специалистов из разных уголков России для работы в разных отраслях народного хозяйства республики. В комплексе эти работы отражают определенный этап развития истории миграций в Туве.

Изучению причин и обстоятельств переселений русского населения в Туву, особенностей внутрирегионального расселения староверов, их социокультурной и хозяйственной адаптации посвящено немало работ[1], в том числе автора данной статьи с соавторами (Стороженко, 2019; Любимова, Стороженко, 2021; Пригарин, Стороженко, 2024).

М. П. Татаринцева рассмотрела разные аспекты этого процесса, в частности, влияния политических репрессий и религиозных преследований на уход «староверов от мира» (Татаринцева, 2006, 2016, 2017). В совместной монографии с Н. М. Моллеровым «Русские в Туве» (Татаринцева, Моллеров, 2016), М. П. Татаринцева впервые в тувинской науке миграционные процессы русского населения в регионе рассмотрела многоаспектно и предметно.

В отдельной работе Н. М. Моллерова «История советской зарубежной колонии в Тувинской Народной Республике (1921–1944 гг.)» (Моллеров, 2022) переселения как таковые не выделены в отдельный сюжет. Однако автор приводит много неизвестных ранее фактов по миграционному движению периода ТНР, уточняющих его общую картину, в том числе статистических данных, впервые введенных в научный оборот. Исторические условия, связанные с непростой ситуацией вокруг советско-тувинской границы в период ТНР (Саая, 2016), накануне вхождения в состав СССР (Харунова, 2011) также рассмотрены современными исследователями на основе широкого круга исторических источников.

Постепенно формируется предметное поле изучения этноконфессиональных аспектов миграционного движения на примере изучения христианских общин в Туве (Дашковский, Монгуш, 2024), в том числе баптизма в немногочисленных работах Н. М. Моллерова (Моллеров, 2019), З. К. Казанцевой (Казанцева, 2023).

В подавляющем большинстве имеющихся работ исследователи рассматривают преимущественно этническую миграцию в Туву в целом и более конкретно — в города, а также особенности внутрирегионального движения в советский период. Своеобразие и определенная узость источниковой базы, особенно массовой статистики, определенным образом ограничивают возможности изучения этноконфессионального аспекта миграционных процессов в период ТНР и в советское время.

Единичными остаются исследования, рассматривающие миграции в историческом контексте и как часть исторического процесса. Тем ценнее немногочисленные пока труды, частично проливающие свет на отдельные аспекты этого вопроса.

Исторический контекст миграций русских переселенцев в Туву в 1920–1960-е гг.

Переселенческое движение русских крестьян, торговцев, промысловиков-охотников, старателей, активно начавшееся во второй половине XIX в., способствовало активному включению территории Тувы «…в поле российской цивилизации» (Ламажаа, 2021: 181). Впоследствии это переселение шло почти беспрепятственно и постепенно русские переселенцы стали в Туве привычным явлением, особенно старообрядцы.

Стоит отметить, что существовала разница в официальной позиции тувинских властей по вопросу переселения в Туву и реальной миграционной ситуацией. С одной стороны, решением Всетувинского учредительного Хурала в августе 1921 г. было введено ограничение переселения русских в ТНР[2], кроме одного места — района Шагонара, где образовался поселок красных партизан. Это было зафиксировано особым протоколом пересечения советско-тувинской границы, провоза вещей и товаров. После 15 февраля 1922 г. была введена процедура регулирования режима пребывания советских граждан на

[1] Пастухов К. С. Взаимодействие старообрядческого сообщества и государственных институтов в Туве в 1970–1980 гг. // МНСК-2022 : Материалы 60-й Международной научной студенческой конференции, г. Новосибирск, 10–20 апреля 2022 года. Новосибирск: Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2022. С. 181–182.

[2] Протокол Первого революционного съезда представителей от всех хошунов народов Танну-Тува, происходившего в местности Сух-Бажи с 13 августа 1921 года // История Тувинской Народной Республики в архивных документах (1921–1944). Новосибирск : Сибирское книжное издательство, 2021. С. 21.

территории Тувы, которые были отнесены к категории лиц, проживающих за границей. Официально им выдавались виды на жительство в Туве, соответственно, покидая ее, нужно было оформлять выездные визы в консульстве (Моллеров, 2022: 221).

С другой стороны, в условиях фактически «закрытой» границы (см. *таблицу 1*), официальные ограничения не смогли остановить добровольных переселений в целом и население продолжало прибывать, хотя масштабы несколько уменьшились. Переселение русских в Туву, по мнению З. В. Анайбан, вступило в этап правительственного патернализма. Решения ограничить и даже запретить въезд новых переселенцев после провозглашения ТНР повлияли на миграционную активность, изменились мотивационные установки, что привело к уменьшению количества переселенцев. Нельзя сказать, что весь миграционный обмен как внешний, так и внутренний, находился под контролем государства. Но органы государственной власти стремились внести некоторую организованность в вопросы принятия новых жителей (Анайбан, 1999: 64).

Характерными чертами этого этапа являлся по-прежнему добровольный и частный характер переселений в Туву, но были факты и вынужденных выселений за пределы Тувы, особенно представителей зажиточных слоев населения и репрессированных лиц в 1930-х гг. Среди причин добровольных переселений русского населения в Туву в период ТНР и позднее исследователи указывают желание укрыться от войн, революции, колхозов и раскулачивания, от призыва в армию (Татаринцева, Моллеров, 2016: 23).

В то же время, Правительство СССР предоставило тувинским гражданам возможность свободного передвижения, торговли продуктами своего сельского хозяйства и своей промышленности и занятиями промыслами в пределах Усинского района Енисейской губернии[1].

В период ТНР ежегодный наибольший рост населения Тувы наблюдался в 1930-е гг., но выражено это было по-разному у тувинских и русских граждан. При общем приросте населения на 13,78%, численность граждан ТНР в это время выросла на 11,26% , т. е. более чем на 7 тыс. чел. Это, скорее всего, было связано с естественным приростом. В то же время численность граждан СССР, проживавших в ТНР, увеличилась на 21,25% или на 3180 чел. Почти на протяжении всего периода с 1930 г. по 1939 г. прибыль в обеих вышеуказанных категориях шла равномерно, но в отношении советских граждан произошел краткий спад в 1933 году (*таб. 1*). Вероятно, он был вызван принудительным выселением нежелательных элементов по политическим мотивам.

Таблица 1. Динамика роста численности населения ТНР с 1930 по 1939 гг.[2]
Table 1. Dynamics of population growth in the Tuvan People's Republic from 1930 to 1939

		Численность в 1930 г.		*Численность в 1939 г.*		*Прирост абс., в чел.*	*Прирост, в %*
		в чел.	*в %*	*в чел.*	*в %*		
1.	Граждане ТНР	64 075	84,62	71 289	82,78	7 214	11,26
2.	Граждане СССР	11 647	15,4	14 827	17,22	3 180	27,3
	ИТОГО:	75 722		86 116		10 384	13,73

Впечатляющие результаты прироста русскоязычного населения за такой короткий период почти на 30% стали возможны не только за счет высокой рождаемости, но и возросшей интенсивности миграционного движения в Туву. Эта тенденция постоянного увеличения удельного веса русского

[1] Соглашение между СССР и Танну-Тувинской Народной Республикой об установлении дружественных отношений, подписанное в Москве, 22 июля 1925 года // История Тувинской Народной Республики в архивных документах (1921–1944). Новосибирск: Сибирское книжное издательство, 2021. С. 46.
[2] Рассчитано по: Моллеров, 2022: 365.

населения в Туве сохранится на протяжении всего рассматриваемого периода и составит к 1959 г. уже 40,9%. При этом стоит отметить интересную тенденцию опережающего роста удельного веса русского населения по сравнению с тувинским при сохраняющемся численном перевесе последнего.

До 1970 г. в Туве наблюдался наибольший миграционный прирост населения — ежегодно примерно до 3,7 тыс. чел. В общем миграционном движении населения в 1950 г. было 11,7 тыс. чел. прибывших, а убывших всего 8 тыс. чел., а в 1970 г. их уже 19,6 тыс. чел. прибывших против 16,9 тыс. чел. Это больше в динамике почти на 100 %, но с сохранением показателя миграционного прироста (Мандыт, Гончиков, 2015: 251). И старообрядцы вносили существенную лепту в демографическую картину региона.

Старообрядцы в Туве появились вместе с первыми русскими переселенцами (Татаринцева, 2006; Татаринцева, Моллеров, 2016). В современном Каа-Хемском районе они были первопроходцами и основали в течение первой половины XX столетия большинство населенных пунктов. Это стало результатом практически постоянного миграционного движения старообрядцев как из внутри Тувы (Урянхайского края — Тувинской Народной Республики — Тувинской автономной области), так и из других сибирских и российских регионов (Стороженко, 2019). По данным Министерства Государственной Безопасности (далее — МГБ) по Тувинской автономной области:

> «В 1926 году тоже из Алтая прибыло во Владимировку несколько десятков староверческих семей. В эти же годы образовались русские посёлки в Пий-Хемском районе: Ленинск (раньше назывался Морозовка), Сушь, Малиновка, значительно расширились посёлки Уюк, Хадын, Тарлык, Азют и Чихачёвка.
>
> Причём, помимо жителей Алтая и Красноярского края, в это время стали появляться переселенцы и западных и центральных областей России. В частности, посёлок Ленинск в основном заселён украинцами и русскими из Курской области.
>
> Во второй половине 1940-х гг. только в Каа-Хемском районе было 149 старообрядческих хозяйств и Тандинском — 104 хозяйства, в общей сложности до 600–700 человек»[1].

Последняя волна массового переселения старообрядцев в Туву, преимущественно в Каа-Хемский район, в 1950–1960-х гг. (Хомушку, 1998; Стороженко, 2019) была вызвана разгромом духовного центра староверов часовенного согласия — скитов на р. Дубчес в Туруханском районе Красноярского края (Любимова, Стороженко, 2021).

В течение 1930-х гг. миграционная политика меняется в сторону ослабления ограничений. Усиливавшиеся экономические и культурные связи с Советским Союзом требовали новых условий для более свободного политического и хозяйственного сближения населения двух стран. И уже в первой половине 1940-х гг. имеющиеся в связи с наличием границы формальности признаются правительством ТНР препятствием, которое «…искусственно задерживает политический и экономический рост сравнительно маленькой экономически слабой республики» (Харунова, 2011: 52). В ходе подготовительных мероприятий по вхождению ТНР в состав СССР одним из первоочередных и насущных вопросов было открытие границы «…для свободного и беспрепятственного хозяйственного и политического общения государственных, общественных организаций и населения ТНР с государственными, общественными организациями и населением Союза ССР» (там же: 52–53).

В советский период, а именно в 1944–1961 гг., в условиях «открытой границы» наряду с продолжавшимися добровольными переселениями на смену ограничениям приходит политика целенаправленного, массового привлечения трудовых ресурсов и поощрения частного миграционного движения на большей части территории Тувы (Стороженко, 2024: 277). При этом особенностью этого этапа становится расселение русских почти по всей территории Тувы. Люди переезжают не только к родственникам или единоверцам, как, например, староверы или баптисты, а по иным — трудовым или другим причинам.

Все больше появляется населенных пунктов с этнически и конфессионально смешанным населением. Направляя на работу советских специалистов в западную часть Тувы тувинское правительство преодолевает существовавшее ранее ограничение для русских селиться и заводить хозяйство в этих районах.

[1] Справка Управления МГБ по Тувинской автономной области «О политических настроениях русского населения области» от 10 июня 1947 г. Машинописная копия. 19 л. ЛЛ. 4–5.

Деление миграционного движения в Туве на этапы, представленное в *таблице 2*, носит условный характер и не отражает всех его сторон и аспектов. Предложенная трактовка «закрытой» и «открытой» границы раскрывает особенности миграционной политики и ее результатов только применительно к русскому населению на определенном этапе с 1920-х по 1960-е гг.

Таблица 2. Миграционная ситуация в Туве в 1921–1961 гг.
Table 2. Migration situation in Tuva in 1921–1961

Тувинская Народная Республика (1921–1944) «Закрытая» граница	*Тувинская автономная область (1944–1961) «Открытая» граница*
Добровольный характер	Государственное регулирование / Добровольный характер
Входящий / исходящий вектор	Входящий вектор
Ограниченная	Массовая
Стремление присоединяться к одноверцам / родственникам	Причины смешанного характера
Моно-этноконфессиональная среда	Дисперсное расселение

Русские переселенцы на протяжении рассматриваемого периода оставались важной и доминирующей частью общего миграционного движения как в Туву, так и внутри региона. Это стало возможным благодаря накопленному на предыдущих этапах исторического развития русско-тувинских связей опыту успешной хозяйственной и социокультурной адаптации. Впоследствии, уже опираясь на помощь и поддержку государства, переселенческое движение сохраняло высокие темпы прироста, постепенно все более становясь характерной чертой этнодемографической структуры тувинского общества.

Социодемографический портрет русских переселенцев (на примере старообрядческого населения Тувы в 1960–1970-х гг.)

В общем переселенческом потоке русского населения в Туву старообрядцы всегда занимали особое место и были нацелены на освоение новых территорий, переселяясь большими клановыми и семейными коллективами, поддерживая конфессиональное единство. Их доля в общей численности русских переселенцев также всегда была достаточно приличной — не менее одной трети и это только та часть населения, которая попадала в разные системы учета.

Старообрядцы часовенного согласия расселились в течение рассматриваемого периода (а местами и ранее) во всех имевшихся тогда населенных пунктах по течению реки Каа-Хем (Малый Енисей) — селах Сизим, Эржей, Ужеп, Шивей, деревнях Усть-Сизим, Чодуралыг, Унжей и нескольких малодворных заимках и монашеских скитах, именуемых в источнике Верховье. Кроме старообрядцев в это время в них проживало незначительное количество тувинцев и приезжих русских не старообрядцев (учителей, медиков, служащих) — в общем массиве используемых похозяйственных книг они не составили и 0,5% и в расчет не взяты. Старообрядцы стали преобладающей категорией населения, которая освоила хозяйственные ниши и встроилась в советскую экономическую систему, сохранив конфессиональные основы культуры и быта.

В течение второй половины 1950-х — 1960-х гг. произошла стабилизация старообрядческого населения Каа-Хемского района Тувы, получившая отражение в материалах похозяйственных книг Сизимского сельсовета конца 1960-х — начала 1970-х гг. В основном пофамильный состав этой группы населения сохранился до сих пор, что подтверждается полевыми материалами автора, собранными в течение нескольких десятков лет — с 1999 г. по настоящее время.

Анализ половозрастной структуры, представленный на *рис. 1*, позволяет довольно точно оценить демографический потенциал старообрядцев как сообщества, длительного время находящегося в ситуации миграционной подвижности и начавшего в рассматриваемый период переход к стабильному оседлому существованию и хозяйствованию.

Половозрастная структура русского населения Тувы, сложившаяся к началу 1970-х гг., в целом ближе к прогрессивной модели, для которой характерна высокая доля молодого поколения до 15 лет (29,2%). В нашем случае она еще примерно равна доле поколения старше 50 лет (25,7%) (см. *рис. 1*, *таб. 3*). Демографический потенциал переселенцев выглядит довольно обнадеживающе — почти 45% относится к «средней» группе, состоящей из трудоспособного и репродуктивного возраста от 15 до 50 лет.

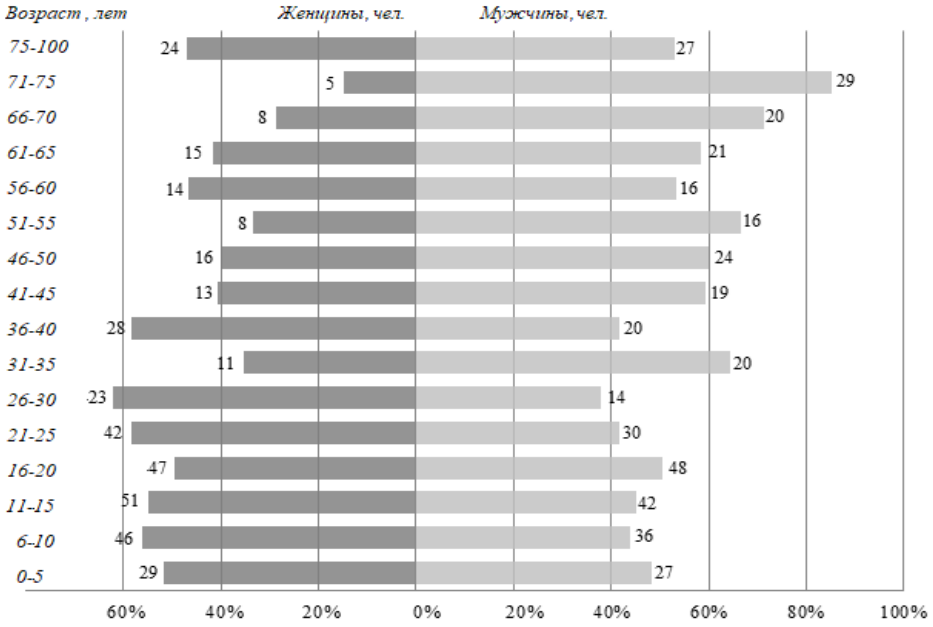

Рисунок 1. Половозрастная структура населения Сизимского сельсовета Каа-Хемского района Тувинской АССР, начало 1970-х гг. (возраст, лет, человек)
Figure 1. Sex and age structure of the Sizimsky village Council of the Kaa-Khemsky district of the Tuvan ASSR, early 1970s (age, years, person)

Хотелось бы отметить некоторые особенности. Средний мужской коэффициент является характерной чертой средней когорты. Начиная с 30-летнего возраста и старше наблюдается достаточно устойчивая тенденция превышения женского населения над мужским. Это поколения, рожденные в годы Великой Отечественной войны и ранее — примерно с 1900 по 1940-е гг., и это может быть объяснено не только естественно более короткой продолжительностью жизни мужчин. Влияние на демографический баланс, в том числе, оказывали те социально-политические трансформации, которые выпали на долю этих поколений, а именно — неучтенные потери революционных событий, гражданской войны, репрессий и принудительных выселений, погибших на фронтах Великой Отечественной войны.

Стоит отметить разброс возраста в третьей «возрастной» группе, который составляет порядка 50 лет: самому старшему представителю мужского пола исполнилось 100 лет, женского — 97 лет. Частично это можно объяснить притоком «возрастного» населения в Верховье как привлекательного — на конфессиональном языке «узкого» — места. Возможность уединенного проживания, ухода от «мира» в труднодоступном месте была одной ведущей причин, стимулирующих особый тип миграции — конфессиональной.

Прослеживается почти равное соотношение полов с небольшим превалированием женского пола: 381 против 408 женского (женский коэффициент составил 1,070). Эти 789 чел. объединены в 248 семейных коллектива, т. е. на одну семью приходится 3,18 чел.

Таблица 3. Распределение по возрастным когортам населения Сизимского сельсовета Каа-Хемского района Тувинской АССР, начало 1970-х гг. (возраст, лет, человек)
Table 3. Distribution by age cohorts of the Sizimsky village Council of the Kaa-Khemsky district of the Tuvan ASSR, early 1970s (age, years, person)

Возраст, лет	Количество				Мужской коэффициент	Соотношение полов
	Женского пола, чел.	Мужского пола, чел.	Всего, чел.	То же, в %		
до 15	105	126	231	29,2	1,2	0,833
16–50	175	180	355	44,9	1,0	0,972
старше 50	129	74	203	25,7	0,6	1,743
ИТОГО	409	380	789	100,0	0,9	1,076

Распределение населения по возрастным группам в 5-летнем диапазоне не совпадает с общерегиональной картиной, которая отражала традиционную модель развивающегося общества с высокой долей молодого и трудоспособного населения и сравнительно небольшой долей населения старшей возрастной группы от 55 и 60 лет и выше[1].

Обращают на себя внимание (*рис. 3*) несколько резких провалов в возрастных группах от 28 до 34 лет, что соответствует периоду рождения с 1942 по 1947 гг. и с 51 года до 54 лет, что соответствует периоду с 1918 по 1920 гг. Нетрудно заметить, что эти демографические провалы соответствуют двум важнейшим историческим этапам — времени революционных событий и гражданской войны, а также Великой отечественной войны. В этом смысле демографическая ситуация развивалась в русле общероссийских тенденций, характерных для XX столетия.

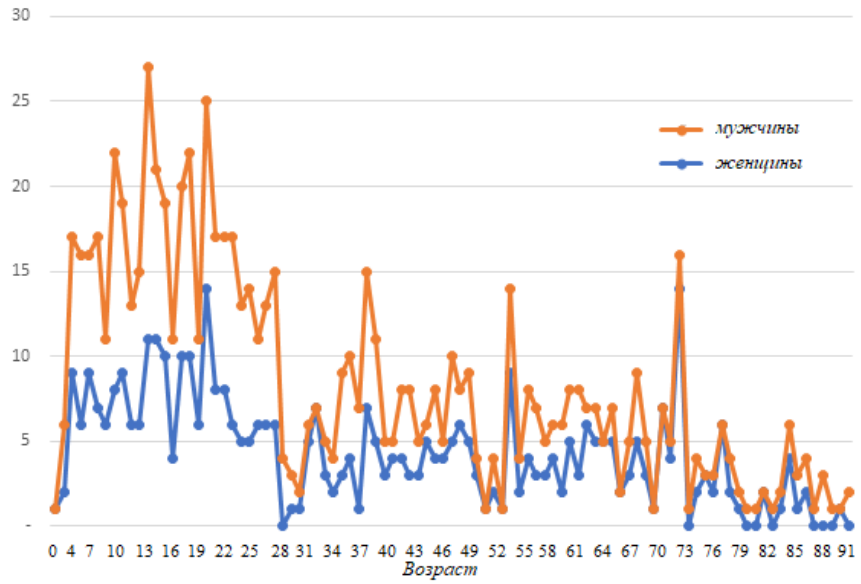

Рисунок 3. Половозрастное распределение населения Сизимского сельсовета Каа-Хемского района Тувинской АССР, начало 1970-х гг. (лет, человек)
Figure 3. Sex and age distribution of the Sizimsky village Council of the Kaa-Khemsky district of the Tuvan ASSR, early 1970s (years, people)

[1] Республика Тыва в цифрах. Статистический сборник. Т. 1. / ред. С. Н. Ламоченко. Кызыл: Госкомитет Республики Тыва по статистике, 2000. С. 16.

В общей структуре типологии старообрядческих семей преобладающим типом (почти 50%) были простые семьи, состоящие из одной брачной пары с детьми, в единичных случаях — без детей и главой подавляющего их числа являлись мужчины. Патриархальность сообщества прослеживается и в наличии сложных, неразделенных семей, состоящих из нескольких поколений (не менее 3-х) и близких родственников, проживающих вместе. Их удельный вес хоть и небольшой — 12,1%, но совсем немного уступает неполным семьям, которых насчитывается 18,1%.

Интересно отметить, что мужские неполные семьи, состояли из одиноко проживающих мужчин без детей, как правило, преклонного возраста старше 50 лет. Неполные женские семьи составляли большинство — более 70% и женщины в одиночку воспитывали детей примерно в третьей части из них. Но в остальном это были также одиноко проживающие, больше половины из которых (38 человек) были старше 50 лет.

Таблица 4. Состав и структура старообрядческих семей в Туве в конце 1960-х — начале 1970-х гг. (человек, семей)
Table 4. Composition and structure of Old Believer families in Tuva in the late 1960s and early 1970s (people, families)

	Тип семьи	*Муж. пола, чел*	*Жен. пола, чел.*	*Всего, чел.*	*Удел. вес, %*	*Всего семей, чел.*	*Всего семей, %*	*Кол-во членов*
1.	Простые	297	254	551	69,9	121	48,8	4,55
2.	Неполные	59	84	143	18,1	97	39,1	1,47
3.	Сложные	24	71	95	12	30	12,1	3,17
	ИТОГО	380	409	789	100	248	100	3,18

Особое выделение этого типа семей связано со спецификой конфессиональной среды, для которой характерно стремление «возрастной» группы к отдельному проживанию — буквально отшельническому, монастырскому/скитскому существованию. Частично эта категория семей «пересекается» со «сложными женскими семьями», примерно 1/5 часть которых совместно проживали с родными сестрами или близкими родственницами.

В этом смысле концепт *семья* в старообрядческой среде имеет не только гражданский смысл, но и, прежде всего, подразумевает конфессиональную микро-ячейку. В случае совместного проживания женщин ее возглавляет *матушка,* по отношению к которой все остальные члены *семьи* находятся в

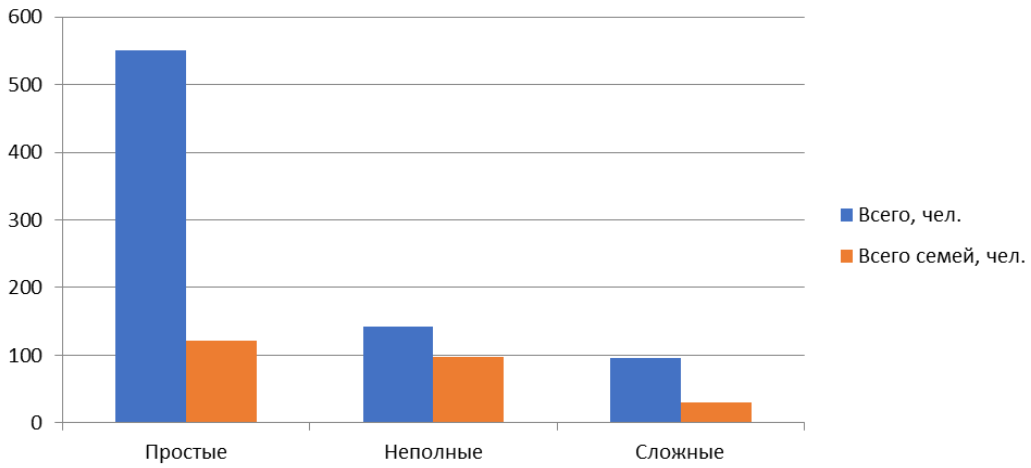

Рисунок 2. Соотношение типов старообрядческих семей в Туве в конце 1960-х — начале 1970-х гг. (человек, семей)
Figure 2. The ratio of types of Old Believer families in Tuva in the late 1960s — early 1970s (person, family)

позиции подчинения и относятся к категории *послушниц*. Аналогичная ситуация наблюдалась и в случае образования одинокой «мужской семьи», но такие случаи практически не получили отражение в источнике.

На формулярном языке похозяйственных книг «матушка» обозначена как «глава» семьи. Подтверждением того, что речь идет именно о таком типе семьи, является их территориальная отнесенность в отдельном кусте населенных пунктов — *Верховье*. Именно в Верховье были сосредоточены (Татаринцева, Стороженко, 2016) отшельнические скитские поселения старообрядцев часовенного согласия. Там не было посторонних и случайных людей, практически все были так или иначе связаны между собой родственными узами. В скиту или монастыре люди могли оказаться практически в любом возрасте по разным причинам и мотивам.

Монастырь был местом спасения в тяжелые годы политических и религиозных преследований, верующие оказывались здесь по разным причинам: по сугубо личным, по возрасту и состоянию здоровья, в силу религиозных убеждений. Живущее в скитах и на заимках население старательно избегало любых форм учета и государственной регистрации, в том числе паспортизации. Поэтому имеющиеся в анализируемых похозяйственных книгах данные позволяют судить о его составе и отличительных особенностях только в самом общем виде. Из 40 человек, вошедших в списки проживающих в Верховье, больше 2/3 были старше 40 лет, а средний их возраст составлял 72 года.

Значительная часть старшего поколения этой группы населения были переселенцами первой волны конца XIX в. — середины 1920-х гг., и закономерно составляли основную часть одиноко живущих староверов или входили в состав сложных семей своих детей. Условно второе поколение переселенцев конца 1920-х — середины 1950-х гг. были потомками мигрантов первой волны, родившихся уже в Туве и те, кого к переселению подтолкнуло открытие границы в середине 1940-х гг. Важным конфессиональным фактором переселений начала 1950-х гг. стал в это время разгром духовного центра старообрядцев на севере Красноярского края (Стороженко, 2019), заставивший старообрядцев-часовенных искать спасения в Туве. Третье поколение конца 1950–1970-х гг. представляло собой уже укоренившихся переселенцев.

Этноконфессиональный аспект миграционного движения

Заграничный статус Тувы как Тувинской Народной Республики 1921–1944 гг., был для определенной части населения Сибири (Алтайского края, Красноярского края, Хакасии) одним из важных факторов, влиявшим на выбор молодой тувинской республики как места эмиграции. Для конфессиональных мигрантов это было связано с надеждами и возможностью относительно свободного отправления религиозных нужд, сохранения свободы вероисповедания.

Переселенцы, как и в более ранний период, стремились воссоединиться со своими родственниками[1] или одноверцами (например, старообрядцами, баптистами), что способствовало складыванию более однородной в этноконфессиональном отношении среды.

Конфессиональная структура Тувы менялась в соответствии с изменениями этнического состава населения. Этнический состав населения Тувы был представлен тюркскими, славянскими, прибалтийскими, финно-угорскими народами при сохранении высокого удельного веса тувинского и русского населения в целом. Несмотря на официальное неприятие приверженности религии со стороны государства в советский период переселенцы неизбежно приносили с собой свои конфессиональные представления и культурные традиции.

В этнической структуре населения наблюдалась наибольшая динамика. Титульным этносом оставались тувинцы, чья общая численность в 1921 г. составляла 48 тыс. чел. и выросла к 1959 г. до почти 98 тыс. чел., что соответствует общей динамике роста более чем в полтора раза (1,7 раз). Закономерно тувинцы составляли в этот период 57% от общего числа населения и до начала XXI в. положительная динамика роста продолжилась.

Но наибольшую динамику роста — в 5,8 раза — продемонстрировала так называемая русскоязычная группа населения, в которую до переписи населения 1959 г. включались не только собственно

[1] Екатерина Дорофеева. Девяносто два солнца (беседовала Анастасия Вещикова) (окончание) [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2015, № 48, 18 декабря. URL: http://www.centerasia.ru/issue/2015/48/5273-ekaterina-dorofeeva.-devyanosto-dva.html (дата обращения: 15.06.2025).

русские, но и украинцы, мордва, чуваши, татары. Этот учет отражал скорее язык общения, чем этничность. Совокупная численность этой группы русскоязычного населения выросла с примерно 12 тыс. чел. до 69 тыс. чел., составив 40,9% от общего числа населения в 1959 г. Этот масштабный прирост в 5 раз произошел именно в период с 1945 по 1959 гг., когда Тува вошла в состав СССР и началась активная внешняя миграция. В 1950–1960-х гг. начинается массовое переселение трудовых мигрантов — ветеринаров, учителей, врачей, инженеров, научных работников и других специалистов, получивших направление на работу в молодую советскую республику.

Представленность других этносов, таких как хакасы, украинцы, татары, мордва не превышала 1% в общей структуре населения Тувы на протяжении всего исследуемого периода. Среди прочих малых групп населения, чья численность колебалась от 250 до 60 чел., к 1959 г. в Туве проживали буряты, белорусы, чуваши, корейцы, евреи. Стоит отметить, что наиболее разнообразный этнический состав населения (почти 200 этносов), согласно данным переписей населения, в Туве сложился к 1979 г.

Из традиционных религиозных направлений, сложившихся еще в досоветский период, сохранялись буддизм, шаманизм, православие, старообрядчество, баптизм. Начиная с 1930-х гг. они не выходили в публичное и общественное пространство, приобретая черты скрытых и неофициальных групп, о существовании которых было хорошо известно государственным и партийным органам.

В первой половине 1950-х гг. отмечается ощутимая волна конфессиональной миграции старообрядцев в Туву, вызванная преследованиями духовных центров последователей старой веры на севере Красноярского края. Нам представляется, что эти условия и обстоятельства выступают в данном случае внешней рамкой, а внутренним посылом, заставляющим старообрядцев на протяжении нескольких столетий постоянно искать лучших мест для жизни, является именно возможность *контролировать свою жизнь и реализовывать свои цели*. Назрела, на наш взгляд, необходимость посмотреть на старообрядческие, и не только, переселения не только сквозь призму негативной коннотации и концептов «бегства», «преследования», «несвободы». Представляется, что в этом случае, успешная социокультурная адаптация русских в Туве, стала следствием внутренней установки на долговременное пребывание и создание устойчивой хозяйственной системы.

В Уюке, Азюте, Березовке баптисты предпочитали селиться преимущественно со своими единоверцами, в Успенке они успешно проживали со староверами (Моллеров, 2019: 27). Скудные сведения о мотивах переселений баптистов, имеющиеся в нашем распоряжении, не позволяют безусловно утверждать, что заставляло их неоднократно переезжать с места на место. Тем не менее, воспоминания, собранные З. К. Казанцевой, немного проливают свет на этот аспект этноконфессиональных миграций. Общим моментом для них является проживаемые концепты *«страданий», «нужды», «неприкаянности»* (Казанцева, 2023).

Показательна история семьи Вавилиных, выделенная в сборнике Казанцевой весьма примечательно — «Жизнь в исканиях». Они, очевидно, так же как, например, Колодкины были выходцами из усинского старообрядческого клана и вынужденно уехали в 1930-х гг. из родной деревни в Туву «в поисках лучшей жизни», потом переехали на прииск Усть-Золотая, голодали, особенно во время войны:

> «Наконец решили в Туву ехать: там, говорят, прокормиться можно. Вначале жили в Аргузуне (Арыг-Узун), совхоз “25 лет РКК” около Шагонара (1946–1951 гг.). Понадобился в Огнёвку — поехал по набору, как хороший строитель, плотник. А из нужды выйти никак не могли. Сначала в палатках жили, потом построили “Копайгород” — землянки. Там до 1959 года продержались. Был депутатом в Хову-Аксы — это новая Огнёвка» (Казанцева, 2023: 29).

Многие добровольные переселенцы первых лет после вхождения Тувы в состав СССР, т. е. второй половины 1940-х гг., в своих воспоминаниях отмечали, что стремились переехать из-за голода и плохого снабжения соседних территорий, где «… было несладко, а в Туве калачи на деревьях росли» (Полевые материалы автора, г. Шагонар, 1998).

Практически для всех переселенцев, особенно первой половины XX в., была характерна большая внутрирегиональная подвижность: неоднократная смена жительства, постоянные переезды с места на место, нередкой была возвратная миграция[1]. Но, как правило, все эти перемещения только выгля-

[1] Екатерина Дорофеева. Девяносто два солнца (беседовала Анастасия Вещикова) (продолжение) [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2015, № 47, 18 декабря. URL: http://www.centerasia.ru/issue/2015/47/5271-ekaterina-dorofeeva.-devyanosto-dva.html (дата обращения: 15.06.2025).

дят хаотичными, зачастую выбор нового места был обусловлен возможностью продолжить на новом месте конфессиональную и воссоздать привычную рамку социальной жизни.

Таким образом, в Туве в рассматриваемый период ярко прослеживается сложное переплетение традиционных православных ценностей с новыми течениями христианства в инокультурных условиях. Переселение старообрядцев, баптистов и других верующих было обусловлено рядом причин: они сталкивались с религиозными преследованиями в России, что вынуждало их искать более свободные места для вероисповедания. Возможно, что переселенцев также мотивировали поиски новых хозяйственных возможностей, в Туве они находили перспективы для ведения сельского хозяйства благодаря наличию свободных земель и ресурсов, а также определенной вероисповедной свободы.

Заключение

Непростой во многих отношениях период с 1920-е по 1970-е гг. в тувинской историографии редко выделяется отдельно. Более привычным, что во многом оправданно, является рассмотрение отдельно периода ТНР и начала советского периода, соответствующего Тувинской автономной области. Однако предпринятая в настоящей статье попытка в контексте переселений комплексно взглянуть на этот сравнительно небольшой по протяженности временной отрезок позволила частично оценить последствия масштабной социально-экономической и культурной трансформации этого периода.

Рассмотрение исторического контекста миграций русскоязычного населения в Туву в 1920–1970-е гг. позволило установить определенную разницу основных тенденций миграционного движения. Состоялся переход от исключительно добровольных входящих переселений, характерных для периода ТНР к миграциям, контролируемым государством. Результатом переселений этапа «закрытой» границы стало поддержание системы этнически и конфессионально однородных поселений, возникших на предыдущем этапе. Для периода ТАО при сохранении этого принципа расселения получает развитие дисперсный характер, что приводит к появлению смешанных сред.

Выявление этнической и конфессиональной составляющей в отдельных миграционных потоках непростая задача, но сочетание статистических, количественных методов с качественным анализом полевого эмпирического материала позволило в нашем случае составить демографический портрет русских переселенцев. Был выявлен обнадеживающий демографический потенциал группы старообрядческого населения в Туве, позволяющий им до настоящего времени поддерживать достаточный демографический баланс, развиваться устойчиво. Установлена зависимость колебаний численности русского населения от общеисторических событий и процессов XX в. — гражданской и Великой отечественной войн, приведших к заметным демографическим провалам.

Этноконфессиональный аспект миграционного движения рассмотрен на примере двух христианских направлений, получивших распространение в Туве в этот период: старообрядчества и баптизма. Выявлена общность их мотивационных переселенческих установок, связанная с желанием и поиском возможности избежать преследований, как по религиозным, так и по социально-экономическим причинам. Также обращает на себя внимание высокая внутрирегиональная подвижность этой группы переселенцев — «тяга к перемене мест», но эта хаотичность скорее есть стремление к порядку, к системности, возможной лишь в определенных условиях.

Переселения русских в Туву стали важным фактором, серьезно изменившим этнокультурный и демографический облик региона. Они сопровождались новыми социальными явлениями: распространением оседлой системы расселения, этнически и конфессионально смешанной по своему характеру; складыванием специфической культурной среды, со временем все более разнообразной по своему составу в этническом отношении. Изменилась и структура социально-экономических отношений в связи активным освоением переселенцами новых районов, распространением видов хозяйственных занятий, связанных с оседлым образом жизни — земледелия, огородничества, рыболовства и других. Относительная вероисповедная свобода начального этапа переселения способствовала изменению сакрального ландшафта — появлению молитвенных домов и других культовых сооружений, системы старообрядческих монашеских скитов и отшельнических поселений. В целом, переселенцы повлияли на изменение жизненного уклада тувинского общества, а по мере вхождения Тувы в советскую систему управления и производства неизбежно менялись социальные условия жизни людей, культура и традиции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абылкаликов, С. И. (2021) Особенности демографического развития Тувы: вклад миграции в демографический баланс // Новые исследования Тувы. № 4. С. 131–142. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.10

Анайбан, З. В. (1999) Межнациональные отношения в Туве в 90-е годы : (По материалам этносоциологического исследования). М. : б. и. 336 с.

Анайбан, З. В. (2011) Характеристика этнодемографических процессов Тувы в советский период // Новые исследования Тувы. № 2–3. С. 130–150.

Дашковский, П. К., Монгуш, А. В. (2024) Положение религиозных общин в Туве в контексте становления советской системы государственно-конфессиональных отношений в середине 1940-х гг. // Oriental Studies. Т. 17. № 3. С. 525–539. DOI: https://doi.org/10.22162/2619-0990-2024-73-3-525-539.

История Тувы (2016) : в 3-х т. / под общ. ред. Н. М. Моллерова. Новосибирск : Наука. Т. III. 455 с.

Казанцева, З. К. (2023) Исторические рассказы о христианах Тувы. Кызыл : б. и. 180 с.

Ламажаа, Ч. К. (2021) Тува как лимитрофная зона: язык, религия и идентификация тувинцев // Новые исследования Тувы. № 3. С. 178–194. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.14

Ламажаа, Ч. К., Туймебаев, Ж. К., Шагимгереева, Б. Е. (2024) «Люди Центра Азии» как научный источник // Новые исследования Тувы. № 1. С. 39–54. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.3

Любимова, Г. В., Стороженко, А. А. (2021) Траектория жизненного пути в этнокультурном ландшафте енисейских старообрядцев (материалы к биографии К. И. Юрковой) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 75–89. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.6

Мандыт, М. К., Гончиков, Ц. Д. (2015) Региональные особенности динамики численности населения Республики Тыва // Вестник Бурятского государственного университета. Биология, география. № 4. С. 248–252.

Моллеров, Н. М. (2019) Общины евангельских христиан-баптистов в Тувинской Народной Республике (1926-1932 гг.) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 16–28. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2019.1.2

Моллеров, Н. М. (2022) История советской зарубежной колонии в Тувинской Народной Республике (1921–1944 гг.). Кызыл : Аныяк. 376 с.

Пригарин, А. А., Стороженко, А. А. (2024) «Енисейский меридиан» староверия: методы исследования этноконфессиональной среды // Новые исследования Тувы. № 4. С. 259–277. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.17

Саая, С. В. (2016) Вопрос о государственных границах Тувинской Народной Республики в 1921–1944 гг. // Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. № 1 (28). С. 114–124.

Стороженко, А. А., Татаринцева, М. П. (2016) Верхнееенисейские старообрядческие скиты в Туве: историческая реконструкция // Научные труды Тувинского государственного университета : Материалы ежегодной научно-практической конференции преподавателей, сотрудников и аспирантов ТувГУ. Вып. XIII / отв. ред. У. В. Ондар. Кызыл : Тувинский государственный университет. 228 с. С. 95–96.

Стороженко, А. А. (2019) Старообрядческие монастыри «енисейского меридиана» в XX веке: истоки, традиции и современное состояние // Новые исследования Тувы. № 1. С. 4–15. DOI: https://doi.org /10.25178/nit.2019.1.1

Татаринцева, М. П. (2006) Старообрядцы в Туве. Историко-этнографический очерк. Новосибирск : Наука. 216 с.

Татаринцева, М. П. (2016) Старообрядцы в Туве в начале XX века и в период Тувинской Народной Республики // Новые исследования Тувы. № 3. С. 82–90.

Татаринцева, М. П. (2017) Особенности земледелия русских переселенцев в Туву в начале XX века // Новые исследования Тувы. № 1. С. 151–161. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2017.1.10

Татаринцева, М. П., Моллеров, Н. М. (2016) Русские в Туве (конец XIX — первая половина XX в.). Новосибирск : Наука. 295 с.

Харунова, М. М.-Б. (2011) Социально-политические преобразования в Тувинской автономной области (1944-1961 гг.). Новосибирск : Наука, 135 с.

Хомушку, О. М. (1998) Религия в истории культуры тувинцев. М. : Институт этнологии и антропологии РАН имени Н. Н. Миклухо-Маклая ; Координационно-методический центр «Народы и культуры». 177 с.

De Haas, H. (2021) A theory of migration: the aspirations-capabilities framework // Comparative Migration Studies. Vol. 9 (1). Article 9. DOI: https://doi.org/10.1186/s40878-020-00210-4

Castles, S. (2010) Understanding Global Migration: A Social Transformation Perspective // Journal of Ethnic and Migration Studies. Vol. 36. Issue 10. P. 1565–1586. DOI: https://doi.org/10.1080/1369183X.2010.489381

Дата поступления: 01.07.2025 г.
Дата принятия: 12.09.2025 г.

REFERENCES

Abylkalikov, S. I. (2021) Features of the demographic development of Tuva: the contribution of migration to the demographic balance. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 131–142. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.10

Anaiban, Z. V. (1999) *Interethnic relations in Tuva in the 1990s: (Based on materials from an ethnosociological study)*. Moscow, s. n. 336 p. (In Russ.)

Anaiban, Z. V. (2011) Characteristics of ethnodemographic processes in Tuva during the Soviet period. *New Research of Tuva*, no. 2–3, pp. 130–150. (In Russ.)

Dashkovskiy, P. K. and Mongush, A. V. (2024) Faith Communities of Tuva and the Mid-1940s Shaping of the Soviet Government-Religion Relations System. *Oriental Studies*, vol. 17, no. 3, pp. 525–539. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.22162/2619-0990-2024-73-3-525-539

The History of Tuva (2016): in 3 vols. / Ed. by N. M. Mollerov. Novosibirsk, Nauka. Vol. III. 455 p. (In Russ.)

Kazantseva, Z. K. (2023) *Historical tales about Christians of Tuva*. Kyzyl, s. n. 180 p. (In Russ.)

Lamazhaa, Ch. K. (2021) Tuva as a liminal zone: language, religion, and identification of Tuvans. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 178–194. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.14

Lamazhaa, Ch. K., Tuimebaev, Zh. K. and Shagimgereeva, B. E. (2024) "People of Central Asia" as a scientific source. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 39–54. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.3

Lyubimova, G. V. and Storozhenko, A. A. (2021) Life trajectory in the ethno-cultural landscape of Yenisei Old Believers (materials for the biography of K. I. Yurkovaya). *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 75–89. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.6

Mandyt, M. K. and Gonchikov, Ts. D. (2015) Regional features of population dynamics in the Republic of Tuva. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Biologiya, geografiya* (*Bulletin of Buryat State University. Biology, Geography*), no. 4, pp. 248–252. (In Russ.)

Mollerov, N. M. (2019) Communities of Evangelical Christian Baptists in the Tuvan People's Republic (1926-1932). *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 16–28. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2019.1.2

Mollerov, N. M. (2022) *The history of the Soviet foreign colony in the Tuvan People's Republic (1921–1944)*. Kyzyl, Anyak. 376 p. (In Russ.)

Prigarin, A. A. and Storozhenko, A. A. (2024) "Yenisei Meridian" of Old Belief: methods for studying the ethnoconfessional environment. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 259–277. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.17

Saaya, S. V. (2016) The issue of state borders of the Tuvan People's Republic in 1921–1944. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsialnye i gumanitarnye nauki* (*Bulletin of Tuvan State University. Social and Human Sciences*), no. 1 (28), pp. 114–124. (In Russ.)

Storozhenko, A. A. and Tatarintseva, M. P. (2016) Upper-Yenisei Old Believer hermitages in Tuva: historical reconstruction. In: *Nauchnye trudy Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta*: Proceedings of the annual scientific-practical conference of teachers, staff, and postgraduate students of Tuvan State University. Issue XIII. Ed. by U. V. Ondar. Kyzyl, Tuvan State University. 228 p. Pp. 95–96. (In Russ.)

Storozhenko, A. A. (2019) Old Believer monasteries of the "Yenisei Meridian" in the 20th century: origins, traditions, and contemporary state. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 4–15. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2019.1.1

Tatarintseva, M. P. (2006) *Old Believers in Tuva. Historical-ethnographic essay*. Novosibirsk, Nauka. 216 p. (In Russ.)

Tatarintseva, M. P. (2016) Old Believers in Tuva in the early 20th century and during the Tuvan People's Republic. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 82–90. (In Russ.)

Tatarintseva, M. P. (2017) Features of agriculture among Russian settlers in Tuva at the beginning of the 20th century. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 151–161. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2017.1.10

Tatarintseva, M. P. and Mollerov, N. M. (2016) *Russians in Tuva (late 19th — first half of the 20th centuries)*. Novosibirsk, Nauka. 295 p. (In Russ.)

Kharunova, M. M.-B. (2011) *Socio-political transformations in the Tuvan Autonomous Region (1944–1961)*. Novosibirsk, Nauka. 135 p. (In Russ.)

Khomushku, O. M. (1998) *Religion in the history of Tuvan culture*. Moscow, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS named after N.N. Miklukho-Maklay; Coordination and Methodology Center “Peoples and Cultures”. 177 p. (In Russ.)

De Haas, H. (2021) A theory of migration: the aspirations-capabilities framework. *Comparative Migration Studies*, vol. 9 (1), article 9. DOI: https://doi.org/10.1186/s40878-020-00210-4

Castles, S. (2010) Understanding Global Migration: A Social Transformation Perspective. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 36, issue 10, pp. 1565–1586. DOI: https://doi.org/10.1080/1369183X.2010.489381

Submission date: 01.07.2025.
Acceptance date: 12.09.2025.

DOI: 10.25178/nit.2025.4.2

Статья

Адаптация тувинцев-сельчан к городской жизни Кызыла в 1960–1980-е гг.

Зоя Ю. Доржу, Регина О. Ширап
Тувинский государственный университет, Российская Федерация

В статье анализируются особенности адаптации сельских жителей Тувы, мигрировавших в столицу республики — г. Кызыл в 1960–1980-х гг. Рассматриваются факторы миграции, отношение мигрантов к Кызылу, их впечатления от городской жизни. Исследование основано на анализе глубинных интервью с 8 этническими тувинцами, переезжавшими из сельской местности в Кызыл в тот период.

С вхождением Тувы в состав СССР в 1944 г. г. Кызыл стал центром промышленного, экономического и культурного развития республики. Это выражалось в быстром увеличении численности городского населения, в первую очередь, за счет приезжих русскоязычных специалистов из других регионов РСФСР. Наряду с изменениями в городах происходили перемены в жизни населения тувинских сел: улучшались условия быта сельчан, повысился их культурно-образовательный уровень.

Исследованием установлено, что для большинства жителей сельской местности поездки в Кызыл представляли собой значимые события, насыщенные множеством впечатлений от знакомства с городским укладом жизни. Первое знакомство со столицей осуществлялось в формате семейных визитов, было торжественным и долгожданным событием, оставляя яркий след в культурном опыте и мировоззрении. Сельская молодежь стремилась получить образование в столице. Но у них отсутствовало стремление к переезду, к дальнейшей интеграции в городскую жизнь. В том числе этому препятствовала система распределения, которая после завершения образовательного процесса направляла выпускников в сельские поселения в соответствии с полученной квалификацией.

Ключевые слова: *адаптация; Кызыл; Тувинская АССР; село; сельский житель; образовательная миграция; тувинцы*

Статья подготовлена в ходе проведения исследования в рамках проекта «Зеркальные лаборатории НИУ ВШЭ» «Миграции в социально-экономическом, демографическом, культурном и человеческом измерении (кейсы Пермского края и Республики Тыва в 1920-х — начале 1960-х гг.)».

Для цитирования:
Доржу З. Ю., Ширап Р. О. Адаптация тувинцев-сельчан к городской жизни Кызыла в 1960–1980-е гг. // Новые исследования Тувы. 2025. № 4. С. 23-37. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.2

Доржу Зоя Юрьевна — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедры отечественной истории Тувинского государственного университета. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Ленина, д. 36. Эл. адрес: zoyadorzhu@yandex.ru

Ширап Регина Олеговна — кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Тувинского государственного университета. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Ленина, д. 36. Эл. адрес: reggylook@yandex.ru

DORZHU, Zoya Yurievna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head, Department of National History, Tuvan State University. Postal address: 36 Lenina St., Kyzyl, 667000, Russia. E-mail: zoyadorzhu@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-6409-3248

SHIRAP, Regina Olegovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of National History, Tuvan State University. Postal address: 36 Lenina St., Kyzyl, 667000, Russia. E-mail: reggylook@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-6060-2308

Article

Adaptation of Rural Tuvans to Urban Life in Kyzyl in the 1960s–1980s

Zoya Yu. Dorzhu, Regina O. Shirap
Tuvan State University, Russian Federation

The article analyzes the specific features of adaptation among rural residents of Tuva who migrated to the republic's capital, Kyzyl, in the 1960s–1980s. It examines the factors driving migration, migrants' attitudes toward Kyzyl, and their impressions of urban life. The study is based on an analysis of in-depth interviews conducted with eight ethnic Tuvans who moved from rural areas to Kyzyl during that period.

Following Tuva's incorporation into the USSR in 1944, the city of Kyzyl became the center of industrial, economic, and cultural development in the republic. This was reflected in a rapid increase in the urban population, primarily due to the arrival of Russian-speaking specialists from other regions of the RSFSR. Alongside the transformations in the cities, changes also occurred in the lives of the rural Tuvan population: living conditions improved, and their cultural and educational levels rose.

The research found that, for most rural residents, trips to Kyzyl represented significant events filled with impressions of encountering urban lifestyles. The first visits to the capital usually took the form of family trips and were perceived as ceremonial and long-awaited occasions, leaving a vivid mark on cultural experience and worldview. Rural youth aspired to receive education in the capital, yet they did not demonstrate a pronounced desire for relocation or deeper integration into urban life. One of the major obstacles to such integration was the system of state job placement, which assigned graduates to rural employment according to their acquired qualifications after completing their education.

Keywords: *adaptation; Kyzyl; Tuvan ASSR; rural area; rural resident; educational migration; Tuvans*

Financing
The article was prepared during a study conducted within the framework of the HSE Mirror Laboratories project "Migration in socio-economic, demographic, cultural and human dimensions (cases of the Perm Region and the Republic of Tuva in the 1920s and early 1960s)".

For citation:
Dorzhu Z. Yu. and Shirap R. O. Adaptation of Rural Tuvans to Urban Life in Kyzyl in the 1960s–1980s. *New Research of Tuva*, 2025, no. 4, pp. 23-37. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.2

Введение

Урбанизационные процессы на территории Тувы имеют свою региональную специфику, которая, прежде всего, обусловлена сравнительно поздним появлением здесь городов (с 1914 г.). Во-вторых, вектор урбанизационного развития задавался такими крупными социально-политическими событиями как вхождение ТНР в состав СССР в 1944 г. В ходе преобразований бывшим сельским населенным пунктам таким, как Шагонар, Туран, Чадан, был придан статус городов. В-третьих, интеграция Тувинской автономной области в орбиту влияния советского государства сопровождалась активным ростом промышленности, повышением материального благосостояния населения и появлением образовательных и культурно-досуговых учреждений. Эти мероприятия были частью государственной политики советского правительства, направленной на преодоление отсталости Тувинской автономной области и выравнивание ее с другими регионами страны в политическом, экономическом, культурном развитии. Поскольку все эти преобразования требовали значительного количества тру-

довых ресурсов, в Туву хлынула миграционная волна из других регионов СССР. Привлечение рабочих, служащих и специалистов разных сфер — носителей новой культуры, оседавших в городах, преимущественно в Кызыле, способствовало тому, что город стал центром перемен, центром новой жизни и возможностей. Здесь были сосредоточены объекты промышленности, культурно-досуговые учреждения, средние и высшие учебные заведения.

Интересным для исследователей советского Кызыла является вопрос восприятия феномена города этническими тувинцами — выходцами из сельской местности, изучение вопросов их мотивации переселения в столицу и адаптивные практики. Отметим, что советский Кызыл для тувинской сельской молодёжи был неким трамплином на пути к повышению социального статуса, усвоению городских форм жизни, адаптации — как залога дальнейшей успешной карьеры. История переселения в Туве сельчан в город практически не изучена наукой.

Научная проблема исследования включает рассмотрение мотивов и последствий миграций, приспособления к новой среде тех, кто прибыл из деревни в город Кызыл, насколько эффективно и в каких направлениях проходил этот процесс и как это повлияло на изменения в социальной структуре региона в пределах определённых хронологических рамок.

Большое значение подобное исследование приобретает сегодня, в связи с новыми волнами сельской миграции, с разрастанием границ нынешнего Кызыла, неконтролируемой застройкой пригородной территории выходцами из сельской местности, отставанием необходимой социальной инфраструктуры «новых жилых районов» города. Также неясные перспективы несут в себе рост преступности и безработицы. В таких условиях учёным и практикам необходимо объединить усилия для изучения мотивов переселения в город, трудностей адаптации и дальнейшей идентификации сельских переселенцев в городских условиях. Первым этапом в таком объёмном исследовании авторами избран ретроспективный анализ мотивов переселения и адаптации сельских мигрантов в Кызыл.

Это первая попытка анализа адаптации сельских жителей в обозначенных хронологических и географических рамках с использованием антропологического подхода методом глубинного интервью, который позволил рассмотреть исторические процессы глазами людей, с точки зрения человека во всех проявлениях конкретных форм его существования в определённое время и месте. В данном случае человек выступает как действующее лицо тех событий, социальный носитель определённой культуры, менталитета, массового сознания.

Под адаптацией авторы понимают организацию и устройство личной жизни индивида, включая его работу, быт и отдых, усвоение норм и требований общества, взаимодействие с ближайшим окружением.

Цель данной статьи заключается в анализе адаптационных процессов сельских жителей Тувы, переехавших в г. Кызыл в 1960–1980-е гг. Исследование направлено на выявление обстоятельств, способствующих миграции сельских жителей, изучение их отношения к Кызылу и впечатлений сельчан от городской жизни.

Достижению обозначенной цели способствует ряд задач, которые исследователи поставили перед собой:

— изучить имеющиеся научные труды по исторической урбанистике, включая историю городов Тувы;

— провести антропологическое исследование путем глубинного интервью с теми, кто переехал из села в Кызыл в рассматриваемый период;

— выявить особенности социально-экономического и культурного развития Тувы в советский период в разрезе «город — деревня»;

— выявить ключевые аспекты знакомства с городом жителей сельской местности на основе их первых впечатлений и восприятия городского пространства;

— рассмотреть основные мотивы миграции жителей из сельской местности в столицу, с акцентом на образовательные и социальные факторы, включая особенности взаимодействия сельских жителей с городскими.

Хронологические рамки исследования охватывают 1960–1980-е гг. Этот период характеризуется весьма серьезными количественными и качественными изменениями в структуре экономики, населения и процессе урбанизации Тувы. Начальный рубеж связан с преобразованием Тувинской ав-

тономной области в Тувинскую АССР в 1961 г. Авторы исходили из логики исследования, которая позволила выявить степень влияния крупных политических и социально-экономических процессов на динамику качества жизни, дать оценку социально-экономическому и демографическому развитию г. Кызыла. Верхняя граница изучаемого периода совпала с последней советской переписью населения 1989 г., ее итогами, выступающими в качестве основных рубежей демографических изменений в республике и ее столице.

Основным источником для проведения исследования стали материалы глубинного интервью с выходцами из сельской местности, которые переехали в столицу Тувинской АССР на протяжении 1960-1980-х гг. Всего авторы провели 8 интервью в период с мая по июнь 2025 г. Из них 3 интервью было проведено в онлайн-формате с помощью платформы Яндекс-телемост, 5 интервью прошли г. Кызыле при личной встрече[1]. Для понимания общих тенденций урбанизационного развития и миграционных процессов авторами используется также статистический метод, который предполагает активное привлечение материалов переписи населения[2].

Обзор литературы

Первыми отечественными краеведами, которые особое внимание уделяли феномену города, были петербургские исследователи И. М. Гревс (Гревс, 1921) и Н. П. Анциферов (Анциферов, 1926). В их понимании город выступал как живой организм, наиболее яркий носитель человеческой культуры, изучение элементов которого позволит исследователю города раскрыть его лицо, душу. Однако разгром краеведения в 1930-е гг. не позволил данному направлению развиться дальше (Филимонов, 2023).

Как справедливо отмечают хакасские исследователи Е. Е. Тиникова и О. Л. Лушникова, во второй половине 1920 — начале 1930-х гг. урбанизация непосредственно связывалась с индустриализацией и определялась как процесс сосредоточения промышленности и населения в крупных городах. В 1930-1950-е гг. наблюдалась тенденция изучения советских городов с позиции экономической географии, исследователи активно изучали городские проблемы и пути их решения. При этом как предмет специального исследования советских историков город не рассматривался (Тиникова, Лушникова, 2024: 14).

Утверждение урбанизации как масштабного исторического процесса, для которого характерны рост численности городского населения, концентрация производства и утверждение городского образа жизни относится к началу 1960-х гг. Из этого определения следует, что урбанизация как процесс состоит их двух стадий: увеличение численности городского населения и распространение городской культуры и образа жизни, ментальности на широкие слои населения.

В 1970–1980-е гг. в результате объединения усилий ученых историков и социологов в центре исследования стали вопросы динамики численности населения городов, социально-профессиональная структура городского населения, миграционные процессы в разрезе «город — деревня» (Алексеев, 1987).

Оформление исторической урбанистики как самостоятельного научного направления в отечественной гуманитарной науке произошло сравнительно недавно, и, прежде всего, шло параллельно с распадом Советского Союза, что способствовало отказу от различных идеологических ограничений и поиску новых методов проведения исследований.

Важным событием для историков-городоведов стал выход монографии А. С. Сенявского «Российский город в 1960–1980-е годы», которая стала первым обобщающим трудом по истории советского города (Сенявский, 1995). Автор предложил рассматривать урбанизацию в значении «урбанизационный переход» с позиции теории модернизации.

Большое влияние урбанизационных процессов на модернизацию признавал петербургский историк Б. Н. Миронов (Миронов, 2018). Он считал, что советская урбанизация наряду с индустриализацией, демократизацией, эмансипацией женщин напоминала западную модель модернизации. К при-

[1] Все информанты дали согласие на аудиозапись разговора при условии гарантий полной анонимности и защиты их персональных данных.

[2] Юбилейный статистический сборник «Кызыл — 100». Кызыл: Тывастат, 2014; Краткий юбилейный статистический сборник к 100-летию единения России и Тувы. Кызыл: Тывастат, 2014; Народное хозяйство Тувинской АССР: Статистический сборник. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1967.

сущим особенностям российской (советской) урбанизации Б. Н. Миронов относил то, что горожане являлись таковыми только по документам, сохраняя крестьянское (сельское) мировоззрение, многие города с трудом можно было назвать центрами городской жизни (Миронов, 2012).

Об условности понятия «городской житель» писала красноярский исследователь С. А. Рафикова. Она делит жителей Красноярска на три категории: истинные горожане (45,8%), «формирующиеся горожане» (19,7%), «горожане — не горожане» (34,5%) (Рафикова, 2014: 120). По мнению исследователя, вчерашние сельские жители слабо адаптируются в городских условиях. Данная типология помогает понять и состав горожан Кызыла, который пополнялся за счет сельчан.

Интересен комплексный подход И. Н. Стася к изучению урбанистики, который предполагает анализ условий и факторов ее формирования, градостроительной политики, социокультурной сферы и социально-бытовых условий, а также количественных показателей, таких как численность и социально-демографический портрет городов (Стась, 2015). Впоследствии автором была предложена концепция множественной урбанистики, акцентирующая внимание на восприятии городских исследований через дисциплинарную идентичность, что в российских условиях усложняется конфликтом сциентизма и прагматизма. И. Н. Стась справедливо призывает к интеграции дисциплинарных подходов, реализации фундаментальных исследований на основе консолидирующих теорий и внедрению теоретических знаний в прикладные исследования. Множественная урбанистика подразумевает институционализацию диалога между социальными науками для более глубокого понимания городской динамики (Стась, 2024).

Историографию тувинской городской истории следует начать с монографии В. Ч. Очура «Кызыл — столица Советской Тувы (1914—1964)» (Кызыл — столица … , 1964), вышедшей к 50-летнему юбилею первого города Тувы. Несмотря на компактность издания, в нем хронологически отражены основные социально-экономические индикаторы развития города, как развитие промышленности, строительства, культуры и здравоохранения. Монография «Городское население Тувинской АССР: опыт социологического исследования» под редакцией В. И. Бойко (Городское население …, 1981) раскрывает характер и тенденции развития профессиональной структуры городского населения Тувинской АССР, проблемы социальной мобильности, адаптации тувинцев к новым видам труда и городу.

Вопросам формирования городского населения Тувинской АССР (Бегзи, 1975) и региональным особенностям урбанизационных процессов в современной Туве посвящены научные труды экономиста А. Д. Бегзи (Бегзи, 2017, 2019). В его работах отмечается связь высоких темпов роста городского населения с развитием экономики.

Особенностям городского расселения Тувы во второй половине XX в. посвящена статья М. М.-Б. и Р. Ш. Харуновых (Харунова, Харунов, 2021). Авторы выделяют три фактора формирования и роста городского населения: присвоение статуса городских поселений ряду населенных пунктов, механическое увеличение числа жителей и трудовую миграцию из сел Тувы и других регионов.

Ключевым показателям урбанизации Тувы в 1944–2020-х гг. посвящена статья Е. Е. Тиниковой (Тиникова, 2024). Автор, подчеркивая региональную специфику урбанизационных процессов, выделяет два периода: советский и постсоветский. Главным источником пополнения городского населения в постсоветский период автор называет выходцев из сельской местности.

Вышеуказанные исследования во многом проводились на основе привлечения количественных данных, предложенный авторами антропологический анализ посредством проведения глубинных интервью позволяет по-новому взглянуть на процесс миграции из села в советский Кызыл через призму личных историй информантов.

Методика исследования

Основным методом проведения исследования был выбран антропологический анализ путем проведения глубинных интервью с этническими тувинцами, выходцами из сельской местности.

Главным условием при поиске информантов для настоящего исследования было наличие у них личного опыта переезда в Кызыл, то есть смены места жительства из сельской местности на протяжении рассматриваемого периода — 1960-1980-е гг. При этом важен был сам факт переселения, независимо от того, как принималось это решение, самими респондентами или их родителями/старшими поколениями.

Несмотря на состоявшийся переезд в Кызыл в рассматриваемый период только половина (4 чел. из 8) информантов остались в городе. Двое из них, после окончания среднего учебного заведения (суз), были распределены в столичные организации. Третий информант, оставшийся в столице — женщина. В Кызыл она переехала с родителями в 7-летнем возрасте, успешно адаптировалась, закончила школу, поступила в вуз, после окончания которого 6 лет отработала в селах Тувы и в 1982 г. вновь вернулась в Кызыл. Жизнь четвертой героини сложилась так: училась в школе интернат № 2 г. Кызыла, после окончания поступила в один из сибирских вузов, став дипломированным специалистом, получила предложение работать в одной из ведомственных организаций в Кызыле. Остальные четверо информантов, после окончания обучения, один из них закончил вуз, трое — суз, по распределению вернулись в сельскую местность. Двое из них, прожив в сельской местности продолжительное время (10 лет и 22 года), переехали в Кызыл соответственно в 1997 и 2007 гг. Два других информанта в настоящее время проживают в районных центрах Тувы — в городах Туран и Шагонар.

Респонденты были выходцами как из полных (большинство — 5 чел.), так и из неполных семей (один из них был полусиротой, имел только отца). Двое были полными сиротами, они также мечтали выучиться, получить хорошую профессию и жить независимо. Важно подчеркнуть, что часто встречающегося в настоящее время случаев социального сиротства не отмечено.

Возраст респондентов от 58 до 72 лет. Двое из них имеют среднее специальное образование, шестеро — высшее, один из которых имеет ученую степень кандидата наук; работали в разных сферах. Все достигли пенсионного возраста, но продолжают работать. Будучи в статусе «работающий пенсионер» они одновременно получают пенсию от государства и заработную плату.

Интервью проводилось в форме свободной беседы с респондентами, им предлагалось ответить на вопросы: о первом визите в Кызыл, причинах переезда в город на длительный период, трудностях адаптации к условиям городской жизни, взаимоотношениях с кызылчанами (родственниками, однокурсниками, друзьями), сохранении или преодолении сельских привычек в процессе пребывания в городе.

Город и деревня

Основание в 1914 г. первого города в истории Тувы — Белоцарска было напрямую связано со сложной геополитической обстановкой начала XX в., которая известна как «урянхайский пограничный вопрос». В 1911 г. после Синьхайской революции и последующего падения Цинской империи, тувинская политическая элита начала задумываться об освобождении от владычества Китая и прорабатывала различные варианты дальнейшего исторического пути Урянхайского края — старое название Тувы в 1914–1921 гг.). Так, группа влиятельных нойонов обратилась к русскому царю Николаю II с просьбой о принятии тувинского народа под покровительство Российской империи. Соответствующее решение о принятии урянхайского края «под высокую державную руку» «Белого» царя, оформленное в виде протектората, сопровождалось стремлением создать в далеком Урянхайском крае оплот новой власти — город, который бы стал политико-административным, экономическим и культурным центром Урянхая (История Тувы, 2007: 11–12).

Основателем первого города Тувы принято считать В. К. Габаева, направленного в Туву из Санкт-Петербурга в должности заведующего русским населением в Урянхае. Само название Белоцарск было дано в честь Николая II — Белого царя (Доржу, 2015: 33).

В первые годы своего существования Белоцарск рос медленно, но все же развивался. Город строили рабочие из ближайших сибирских городов — Минусинска, Красноярска, Томска, тувинские батраки. Уже в 1915 г. в Белоцарске были 18 казенных и 54 частных строений, открыты школа, больница, почта, метеостанция, появились небольшие промышленные мастерские. Однако революционные события 1917 г. и последовавшая за ними Гражданская война сыграли свою роль и здесь. В ходе Белоцарского боя в августе 1919 г. город был практически полностью уничтожен пожаром (там же: 34).

Победа красных в Гражданской войне естественным образом повлияла и на топонимику региона. На X съезде русского населения края, созванного в селе Туран в 1920 г., Белоцарск был переименован в Красный в честь павших воинов.

В период существования независимой тувинской государственности с 1921 по 1944 гг. Красный, а впоследствии — Кызыл (с 1926 г.) имел столичный статус. Здесь был сосредоточен политический, экономический и социокультурный центр Тувинской Народной Республики (ТНР).

После вхождения ТНР в состав СССР в 1944 г. на правах автономной области в Кызыле начался новый виток развития. Столица стала самым крупным промышленным центром Тувы. На базе имевшихся полукустарных производств создавались предприятия, оснащенные современной техникой. В 1959 г. была построена паротурбинная электростанция. В 1960–1970-е гг. в Кызыле появились хлебозавод, молочный, пивоваренный заводы, мельница, мясокомбинат. Действовали предприятия легкой промышленности — кожевенно-пимокатный завод, швейная фабрика, две мебельные фабрики, предприятие народно-художественных промыслов. Начали работать авторемонтный завод. Все эти преобразования требовали людских ресурсов и влекли за собой рост численности населения (Бегзи, 2017: 39).

Динамика численности населения Тувинской АССР за 1960–1970-е гг. свидетельствовала о росте удельного веса городского населения *(таб. 1)*. Так, удельный вес городского населения увеличился к 1970 г. до 37,7% против 29,2% в 1959 г., а в 1979 г. составил 42,5% от всего населения Тувинской АССР. Темпы нарастания городского населения в 1970–1979 гг. были менее интенсивны, чем в предшествующее десятилетие. В период 1959–1970 гг., наряду с естественным приростом, население Тувинской АССР пополнялось за счет внешней миграции в республику, в первую очередь, русскоязычного населения из других регионов страны (Городское население..., 1981: 72–73).

Таблица 1. Численность населения Тувинской автономной области, Тувинской АССР[1].
Table 1. Population of the Tuva Autonomous Region, Tuva ASSR

Население	*1959 г.*		*1970 г.*		*1979 г*	
	тыс. чел	*в %*	*тыс. чел*	*в %*	*тыс. чел*	*в %*
городское	50,2	29,2	87,0	37,7	113,2	42,5
сельское	121,7	70,8	143,9	62,3	153,1	57,5
Все	171,9	100,0	230,0	100,0	266,3	100,0

Этнический состав населения г. Кызыла с конца 1950-х гг. до конца 1980-х гг. претерпел значительные изменения, особенно в соотношении русского и тувинского населения (*таб. 2*). В 1959 г. тувинцы составляли всего 11,9% (4 тыс. чел.) от общего числа населения (34,4 тыс. чел.), а к 1989 г. этот показатель возрос до 29,4%, то есть тувинское население столицы выросло в 6 раз до 24,6 тыс. чел. Такой рост численности тувинцев можно связать как с миграцией из сельской местности в город, так и с естественным приростом.

Несмотря на сохранявшуюся тенденцию увеличения общей численности русского населения на протяжении рассматриваемого периода, наблюдается замедление темпов его роста. Как видно из данных таблицы (*таб. 2*), доля русских снизилась с 83,3 % в 1959 г. до 63,9% — в 1989 г.

Тувинцы, прибывающие в столицу на учебу, сталкивались с культурным и языковым барьерами, так как они переезжали в урбанизированную и русскоязычную среду. Первоначально это вызывало трудности в адаптации, но в процессе более тесного общения с городскими жителями, с усвоением языка, который происходит постепенно, это предоставляло возможность интеграции в более широкий культурный контекст. Этноязыковой ситуации Кызыла в рассматриваемый период было присуще широкое распространение, функционирование и в целом преобладание русского языка, параллельно происходило и тесное социокультурное взаимодействие, взаимовлияние русского и тувинского этносов.

[1] Народное хозяйство Тувинской АССР в девятой пятилетке. Кызыл, 1976. С. 3; О предварительных итогах переписи населения 1979 года // Тувинская правда. 1979. 5 мая. С. 1.

Таблица 2. Этнический состав населения Кызыла (в 1959, 1970, 1979 и 1989 гг.), в чел. и %[1]
Table 2. Ethnic composition of the Kyzyl population (in 1959, 1970, 1979 and 1989), in people and %

	1959 г.		1970 г.		1979 г.		1989 г.	
	чел.	в %	чел.	в %	чел.	в %	чел.	в %
Все население	34462	100	50217	100	66055	100	83822	100
тувинцы	4098	11,9	7103	14,1	12666	19,2	24643	29,4
русские	28695	83,3	40191	80,0	49303	74,6	53576	63,9
хакасы	-	-	735	1,5	876	1,3	1044	1,3
другие этносы	1669	4,8	2188	4,4	3210	4,9	4559	5,4

Однако в 1970-е гг. внешний миграционный поток замедлился и прирост городского населения шел за счет естественного прироста населения (12,3 тыс. человек из 26,2 тыс. чел.) и за счет незначительной миграции в города из сельских районов Тувы.

В монографии «Городское население Тувинской АССР» отмечается, что в 1970-е гг. темпы роста городского населения невелики и возможность его увеличения за счет мигрантов из сельской местности крайне маловероятна. Так, среди опрошенного сельского населения потенциальными мигрантами оказались лишь 8,6%, причем среди них полностью уверены в своем переезде были лишь 51,1%, то есть чуть больше половины. Примечательно также то, что 22,9% мигрантов-тувинцев мотивом переезда в город указали учебу, по окончании которой они планировали вернуться в село на постоянное жительство (Городское население … , 1981: 116). По оценкам А. Д. Бегзи, в 1970-е гг. ежегодно из сельских поселений в город приезжало около 6000 человек, среди которых был высок удельный вес прибывающих именно на учебу (Бегзи, 1974: 65).

Отсутствие большого стремления мигрировать в город можно объяснить позитивными изменениями в советской тувинской деревне. Об этом писала в своей статье С. М. Биче-оол (Биче-оол, 1970). По мнению автора, с переходом на оседлый образ жизни в середине XX в. произошли кардинальные изменения в укладе тувинских аратов — колхозников (жилище, одежда, пищевая культура и семейный быт).

Первоначально в колхозных поселках строились однокомнатные дома с четырьмя окнами и двускатной крышей, стоящие на фундаменте. Интерьер этих домов менялся благодаря предметам оседлого быта: железным кроватям, столам и стульям (там же: 29). В конце 1940-х гг. начали строить двухкомнатные дома с выделенной кухней и кладовой для хранения хозяйственных предметов. К концу 1960 — началу 1970-х гг. доминировали двух- и трехкомнатные двухквартирные дома с четырехскатной крышей, встроенной верандой и кладовыми. Колхозники могли обустраивать свои усадьбы, включая огороды и постройки для скота, с улучшением материального благосостояния в интерьере появились диваны, шифоньеры и зеркальные трюмо (там же: 30).

С. М. Биче-оол подчеркивала, что жители сельской местности в рассматриваемый период в основном носили европейскую одежду, что можно объяснить ее удобством, красотой и доступностью в магазинах. В то время как люди преклонного возраста все еще отдавали предпочтение традиционной тувинской одежде.

В рацион питания сельских жителей Тувы вошли картофель, овощи, сахар, консервы, макаронные изделия, крупы, печенье, конфеты и т. д. Несмотря на введение в рацион большого количества новых продуктов, национальная кухня по-прежнему пользовалась большим спросом.

Таким образом, в рассматриваемый период столица Советской Тувы переживала период активного развития, стабильно росла численность городского населения, Кызыл стал пространством социокультурного взаимодействия и взаимовлияния русского и тувинского этносов, средоточием

[1] Юбилейный статистический сборник «Кызыл — 100». Кызыл: Тывастат, 2014. С. 15.

важных промышленных объектов, культурно-образовательных учреждений Тувы. Для тувинского села было характерно улучшение социально-бытовых условий жизни населения, наблюдалось повышение культурно-образовательного уровня и политической осознанности. Большую роль в этом процессе сыграли сельские дома культуры, библиотеки, школы, а также комсомольские и партийные организации, представители сельской интеллигенции.

Кызыл глазами сельского жителя — первое знакомство с городом

Опыт первого знакомства с г. Кызылом у большинства наших респондентов случился в их детстве в кругу семьи. Традицией сельских семей было посещение столицы Тувы с детьми в период летних каникул. Между столицей и сельскими поселениями регулярно курсировали рейсовые автобусы, которые по ходу маршрута останавливались в разных селах, где также садились пассажиры. Автобусы были небольшие и при отправлении уже почти полные, поэтому попасть на них было крайне затруднительно. В личном пользовании у сельских жителей в те годы было мало машин.

Так, один из информантов вспоминает:

> «В то время были рейсовые автобусы. С утра выезжал автобус из Кызыла, заезжал в райцентр Пий-Хемского кожууна — г. Туран, вечером проезжал наш поселок Аржаан, конечная остановка была в селе Хадын. На следующее утро этот автобус следовал в направлении к городу Кызылу из Хадына в 7 часов утра, также проезжая наш посёлок Аржаан, забирал пассажиров. Очень много народу ездило в то время, мы часто не могли попасть на этот рейс, потому что из Хадына автобус приезжал уже полный народу. Потом на следующий день собирались и снова пытались попасть в автобус, это могло продолжаться несколько дней…» (жен., 64 года).

Другой житель Улуг-Хемского кожууна вспоминал, что билеты на рейсовые автобусы следовало приобретать за неделю до предстоящей поездки.

В частном порядке можно было добраться до Кызыла с помощью грузовых машин (в кузове) по предварительной договоренности с водителем. Как правило во время поездок в кузове грузовых машин помещалось сразу несколько семей из одного села для посещения важных событийных мероприятий в городе — Наадым или гастроли иногороднего цирка.

Поездка в Кызыл была долгожданным событием с насыщенной программой для всей семьи. Все респонденты подчеркивают, что обязательными к посещению были следующие культурно-досуговые учреждения: популярный в советский период парк культуры и отдыха им. Н. Гастелло с качелями и каруселями, набережная реки Енисей, обелиск Центр Азии, сквер Красных партизан на набережной, краеведческий музей им. 60-ти богатырей, кинотеатр «Найырал». Будучи детьми, наши герои с нетерпением ждали семейную поездку в Кызыл. По продолжительности визит в Кызыл составлял 2–3 дня. Останавливались у городских родственников:

> «Я почему-то не помню, чтобы гостиницы были. Они, наверное, были, но наши родители туда не стремились попасть. Мы всегда приезжали в гости к родственникам, чтобы переночевать. Это были мои дяди по материнской линии, в то время известные люди, спортсмены, борцы. Останавливались мы у них на 1–2 дня, не больше. Обязательно приезжали с деревенскими гостинцами: сметана, молоко, мясо, картофель. Целый день мы гуляли по городу… городскими автобусами не пользовались, все время пешком ходили» (жен., 62 года).

Среди наших респондентов были те, кто не имел столичных родственников, и поездка в Кызыл для них ограничивалась 1 днем. Утром приезжали, вечером того же дня возвращались обратно. В случае респондента-сироты, первый визит в столицу состоялся относительно поздно, после окончания 8 класса и совпал с поступлением в суз.

Для Кызыла в 1960–1980-е гг. был характерен контраст сельской и городской жизни. С одной стороны, можно было встретить кызылчан, которые имели жилой дом на земле, огород и даже могли держать мелкий и крупный рогатый скот, с другой стороны, в рассматриваемый период начали строиться благоустроенные многоквартирные дома с центральным отоплением и водопроводом. Наиболее ярко этот контраст представлен в воспоминаниях женщины 1953 г. р., впервые посетившей Кызыл в начале 1960 г. в 7 лет:

> «Мы поехали в гости к моей тете, она была учительницей в школе №2. У них был большой добротный дом на “Востоке” (микрорайоне г. Кызыла. — *Авт.*) с огородом, с хозяйством. Я тогда удивилась, оказыва-

ется в городе люди тоже занимаются огородом, держат коров. Казалось, что такое возможно только в сельской местности. Впечатляли меня строения в центре города, это трехэтажное здание школы № 2. Архитектура конечно меня впечатляла. Также запомнился мне визит к знакомой мамы, когда в первый раз я попала в многоквартирный дом. Было удивительно, что, как только мы открыли дверь, мы попадали в подъезд; я же думала, что мы сразу попадем к кому-то домой, оказалось, что там есть лестница и вообще это помещение общего пользования. Дальше мы постучались в какую-то в дверь и только потом уже попали в квартиру. И что самое удивительное для меня, это то, что туалет был в доме. Как так, туалет и в квартире? Я же привыкла к тому, что он стоит отдельно во дворе. Потом уже поговаривали, что тот самый дом, в который мы тогда заходили, был первым благоустроенным в Кызыле, где санузел располагался в квартирах и некоторые сельские жители Тувы, просто стучались к незнакомцам в квартиру и просили показать туалет. До того это было сельчанам в диковинку».

Лакомством для сельских детей были мороженое, которое можно было попробовать только в Кызыле. Одна из наших информанток вспоминала следующее:

«Я помню, как мы в деревне, зимой, с подружкой, которая училась в русском классе, делали у нее дома мороженое. Оно, конечно, отличалось от того, которое в Кызыле продавалось, но, тем не менее, было вкусно» (жен., 62 года).

Привычное на первый взгляд посещение столовых города, также для жителей села было чем-то новым.

«Это было такое открытие для меня. Ведь в нашем селе Аржаан тогда не было столовых. Первое, второе брали, компот. Мороженое тоже в Кызыле впервые попробовали» (жен., 64 года).

Социально-политические изменения, связанные с развитием общества, в том числе улучшение материального благосостояния и повышение образовательного и культурного уровня населения, происходили в условиях соответствующего идеологического воспитания в духе социалистических идей. Как вспоминает одна из наших информантов, которая до окончания школы не выезжала из сельской местности, в школе очень много внимания уделялось коммунистическому воспитанию, повышению осведомленности учащихся о событиях, происходивших не только в стране, но и в мире. Больше всего ей запомнилось, что скоро должен наступить коммунизм, в коммунизм в СССР верили и сама она была убеждена, что такое время, действительно, настанет.

«В первое время после моего переезда в Кызыл мы гуляли с сестрой. Она-то мне и сказала, чтобы я зашла в “Магазин без продавца” и взяла себе что-нибудь и когда я услышала, что есть такой магазин для меня это было удивительно. На миг даже подумала, что неужели эти времена настали. Значит, в Кызыле настал коммунизм. Впоследствии оказалось, что это был нетипичный магазин как обычно бывает в сельской местности — с прилавком, можно было зайти, самому взять все что тебе необходимо и заплатить на кассе» (жен., 58 лет).

Результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что для большинства жителей сельских районов Тувы поездки в Кызыл были значимым событием, насыщенное впечатлениями о новом образе жизни. Первое знакомство с городом совершалось в формате семейных поездок, что создавало специфическую атмосферу ожидания и торжественности, первые визиты в Кызыл стали важной частью их культурного опыта.

Учеба как один из путей переезда

Переезд в столицу наших информантов в основном осуществлялся по двум причинам: с целью продолжения образования после окончания школы и по семейным обстоятельствам, когда решение принималось родителями из-за состояния здоровья одного из членов семьи. К другим причинам переезда в столицу, хоть и не упоминаемым нашими респондентами, но известным нам из личных наблюдений, можно отнести переезд из села в город после получения высшего образования за пределами республики, когда выпускники вузов Москвы, Ленинграда сразу получали назначение в столицу Тувы. Другой причиной был и переезд, связанный с продвижением по карьерной лестнице. Что касается наших информантов, по причине образовательной миграции переехали в Кызыл семь из восьми опрошенных. Двое обучались в профессиональных училищах, две девушки — в кооперативном профессионально-техническом училище, один — в училище искусств на танцевальном отделении, один — в Кызылском педагогическом институте. Один из них, успешно сдав экзамены у себя на селе,

прошел отбор в 9–10 классы Кызылской средней школы № 2, которая была кузницей кадров Тувы. Ее выпускники были успешны, среди них есть известные писатели, учёные, спортсмены и деятели разных сфер.

Абитуриенты из сельской местности в столицу Тувы приезжали, как правило, в компании со своими одноклассниками, с которыми уже была определённая договоренность куда подавать документы. Однако бывали случаи, когда решения принимались спонтанно. Так, наша информантка вспоминает:

> «Мы приехали поступать после 10 класса с подружками. Документы хотели сдать в институт на высшее, почему-то я туда не пошла. А совсем в другую сторону пошла с другими подружками в кооперативное профессионально-техническое училище на хлебобулочное отделение. И осенью стала учиться» (жен., 64 года).

В период приемной кампании не все учебные заведения давали общежитие для сельских абитуриентов. При отсутствии городских родственников будущим студентам приходилось искать ночлег:

> «Во время вступительных экзаменов где-то надо было переночевать. Первую ночь мы с подружками провели в здании автовокзала, чтобы не опоздать утром на экзамен, автобус из нашего села прибывал только к обеду. Хочу сразу сказать, что это было безопасно, в здании были скамейки, комната матери и ребёнка. Вторую ночь мы провели у родственников одной из наших подруг. Она тогда собрала около 10 наших одноклассников и повела к своим родственникам. Это была квартира в одном из деревянных бараков. Нас приняли, накормили, уложили. На следующий день, утром поели и ушли. Третью ночь опять провели на вокзале, в ту квартиру возвращаться было как-то неудобно» (жен., 64 года).

В целом, студенты, приехавшие учиться в Кызыл из села, были удовлетворены социально-бытовыми условиями. Студенты сузов были обеспечены общежитием, бесплатным трехразовым питанием (завтрак, обед, ужин) и финансовой поддержкой в виде стипендии в размере 9 рублей. Студенты, обучавшиеся в институте, также проживали в общежитии, но питались за свой счет, размер их стипендии варьировался от 40 до 60 рублей.

Студентка Кызылского училища искусств конца 1970 — начала 1980-х гг. о своих студенческих годах рассказывает следующее:

> «Наше общежитие находилось по улице Щетинкина-Кравченко. Там сейчас башенка, часовня стоит. Такое старенькое здание. Одноэтажное. Каждое утро мы шли на занятия мимо универмага по улице Ленина. Перед универмагом стояли автоматы с газированной водой. Отпускали три копейки, и такая вкусная была вода там газированная. Мы всегда пили эту газированную воду. Дальше шли к магазину “Юность”, там продавали такой вкусный кефир в бутылках и булочки. В то время нас кормили, у нас была столовая, общая студенческая столовая. Там питались не только студенты училища искусств, но и студенты пединститута, сельхозинститута, кооперативного училища, учащиеся школы-интерната № 2. У нас были талоны: завтрак, обед, ужин. Мы утром перед занятиями выходили и завтракали в столовой, потом шли на учёбу, учились до обеда, потом приходили на обед в ту же столовую. Нам давали стипендию девять рублей, и на эту стипендию мы покупали себе необходимые вещи: гигиенические, зубную пасту, мыло. И вот на эти девять рублей мы целый месяц могли неплохо прожить. Могли позволить себе даже в кино сходить» (жен, 62 года).

Совместная жизнь в общежитии укрепляла связи сельской молодежи из разных районов Тувы, что способствовало оказанию взаимной поддержки в процессе их обучения. Респонденты с ностальгией вспоминают годы учебы в Кызыле, подчеркивая, что это время было для них самым насыщенным, ярким периодом в жизни.

Они также отмечают разнообразие форм взаимопомощи. Например, некоторые респонденты вспоминают о том, как девушки в общежитии обменивались одеждой. Один из мужчин упоминал, что старшекурсники охотно давали свои советы по покупке нужных вещей, ремонту техники, пошиву одежды, а также подсказывали как ориентироваться в городе, как правильно пользоваться общественным транспортом.

Среди трудностей, с которыми сталкивались студенты из сельских районов, пребывающие в город, выделяется сложность ориентации в новом окружении, а также проблемы с запоминанием номеров маршрутных автобусов и названий остановок. Некоторые респонденты отмечали наличие языкового барьера, который был обусловлен недостаточным знанием русского языка.

В данной категории респонденты разделились на две группы: первая группа состояла из тех, кто испытывал значительные трудности и чаще использовал родной тувинский язык в общении (37,5%), в

то время как вторая группа включала людей, которые успешно адаптировались, благодаря хорошему знанию русского языка, полученному в школе, и, соответственно, не сталкивались с подобными затруднениями (63,5%).

Отношения респондентов с городскими жителями можно охарактеризовать как дружелюбные, без явных конфликтных ситуаций. Тем не менее, уроженцы сельских районов были склонны сохранять свой круг общения, подчеркивая наличие неформального разделения на группы городских и сельских жителей:

> «Ну, видимо, не сильное, но разделение было. Мы чувствовали, что мы сельские. Вот городские девочки между собой говорили: “Вот они такие-сякие” про нас. Мы тоже могли сказать в их адрес подобное. А так, такого грубого разделения не было» (жен., 65 лет).

Отличия между горожанами и сельчанами наблюдались в их внешнем виде. По оценкам респондентов-женщин, городские девушки в советском Кызыле отличались изысканными нарядами и манерами. Одевались по последней моде, делали красивые прически. В то время как девушки из села выглядели «проще». Подобное отмечают и респонденты-мужчины:

> «Городские парни сильно отличались от нас сельских. Мы в основном на тувинском говорили. Фуфайки, сапоги носили. Более простые, а городские носили пальто, модные брюки. Городские чисто говорили на русском и хорошо на тувинском. По внешнему виду было сразу понятно, кто перед тобой: горожанин или сельчанин. Особенно легко отличить было девушек» (муж., 59 лет).

Сохранение тувинских традиций в условиях советского Кызыла проявлялось в практике гостеприимства, характерной для кочевой культуры. Характерным было уважительное отношение ко всем гостям, особенно родственникам из сельской местности. В традиции тувинцев было предоставление ночлега и пищи любому гостю, независимо от его социального положения, будь то студент или уважаемый старейшина.

Следует подчеркнуть, что исследование выявило полное отсутствие стремления сельских респондентов изначально остаться и интегрироваться в жизнь тувинской столицы — г. Кызыла. Напротив, многие отмечают тесную связь со своей семьей, частые, практически еженедельные поездки в село в период учебы. Определяющую роль в дальнейшем жизненном пути наших информантов сыграла существовавшая в рассматриваемый период система распределения, которая после завершения обучения направляла их на трудоустройство в сельские поселения в соответствии с полученной квалификацией. В Кызыле после окончания обучения оставались, как правило, по двум причинам: брак с жителем столицы, создание семьи и распределение после завершения обучения в кызылские организации и ведомства. Из наших респондентов в городе осталась только половина.

Заключение

Таким образом, проведенное антропологическое исследование на основе глубинного интервью об адаптации сельских мигрантов в г. Кызыле в 1960–1980-е гг. позволило прийти к следующим выводам.

Во-первых, Кызыл в исследуемый период для сельского населения рассматривался как место культурного отдыха и досуга, экономический и образовательный центр Советской Тувы.

Во-вторых, одним из путей миграции сельчан в Кызыл был образовательный путь, с целью получения образования. В процессе обучения студенты из сельской местности жили в общежитии, были обеспечены питанием и получали стипендию. Как таковых материальных и социально-бытовых трудностей в период адаптации в городских условиях они не испытывали. Активно вовлекаясь в городскую жизнь, сельская молодежь участвовала в культурно-массовых мероприятиях, посещала достопримечательные места, досуговые учреждения. Некоторые из них испытывали языковой барьер из-за недостаточного владения русским языком.

В-третьих, в рассматриваемый период не отмечалось большого стремления всех сельчан остаться после обучения в Кызыле. Определяющими факторами являлись возможность трудоустройства на местах, достаточный уровень развития сельской местности, желание внести свой вклад в развитие родных мест и, наконец, прочная связь с семьей — родителями и другими близкими родственниками. Вторая группа респондентов остались в городе после завершения учебы по двум причинам: семейным обстоятельствам (брак с кызылчанами и создание семьи) или распределению на работу в столичные организации и ведомства.

В-четвертых, взаимоотношения между горожанами и сельчанами в рассматриваемый период можно охарактеризовать как дружелюбные и непринужденные, хотя среди студентов и существовало неформальное деление на городских и сельских. Визуально это проявлялось в стиле одежды и манере общения, городские жители, как правило, хорошо владели и русским, и тувинским языками, тогда как для сельчан основным языком общения оставался тувинский. Городские родственники оказывали своим сельским гостям традиционное тувинское гостеприимство, предоставляя возможность останавливаться их в доме. Сельчане активно поддерживали друг друга в городской среде, оказывая помощь и советы в быту и в учебе.

Основной вывод, вытекающий из данного исследования, заключается в том, что тувинская сельская молодежь в рассматриваемый период не воспринимала Кызыл как потенциальное место для будущего проживания. Развитие советского села, его социально-бытовые условия, а также уровень образования, получаемого в сельских школах, все больше приближались к городским. В первую очередь, это подчеркивает, что в советское время уделялось много внимания условиям жизни населения в селе; сама сельская жизнь была достаточно комфортной. Особую важность в современных условиях приобретает разработка и создание эффективных программ, направленных на комплексное развитие сельских территорий, включая создание рабочих мест и предоставление качественных услуг в области образования, здравоохранения и культурного досуга для жителей села.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев, В. В. (1987) Итоги и задачи изучения урбанизации советской Сибири // Урбанизация советской Сибири / отв. ред. В. В. Алексеев. Новосибирск : Наука. 224 с. С. 7–25.

Анциферов, Н. П. (1926) Пути изучения города как социального организма. Опыт комплексного подхода. Л. : Сеятель. 151 с.

Бегзи, А. Д. (1975) Формирование городского населения Тувинской АССР и изменение его социальной структуры и национального состава // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Вып. XVII / отв. ред. Ю. Л. Аранчын. Кызыл : Типография управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Совета Министров Тувинской АССР. 279 с. С. 62–71.

Бегзи, А. Д. (2017) Развитие экономики города Кызыла на разных этапах его истории // Региональная экономика: технологии, экономика, экология и инфраструктура / отв. ред. Г. Ф. Балакина. Кызыл : ФГБУН ТИКОПР СО РАН. 388 с. С. 38–43.

Бегзи, А. Д. (2019) Основные факторы, этапы и особенности урбанизации в Туве // Региональная экономика: технологии, экономика, экология и инфраструктура / отв. ред. В. О. Ооржак. Кызыл : ФГБУН ТИКОПР СО РАН. 520 с. С. 52–59.

Биче-оол, С. М. (1970) Новый быт в тувинской деревне // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Вып. XIV / отв. ред. Ю. Л. Аранчын. Кызыл : Типография управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Совета Министров Тувинской АССР. 304 с. С. 26–38.

Городское население Тувинской АССР: Опыт социологического исследования (1981) / отв. ред. В. И. Бойко. Новосибирск : Наука. 223 с.

Гревс, И. М. (1921) Монументальный город и исторические экскурсии // Экскурсионное дело. № 1. С. 1–14.

Доржу, З. Ю. (2015) Из истории столицы Республики Тыва — Кызыла // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. №1. С. 32–41.

История Тувы (2007): в 3-х т. / под общ. ред. В. А. Ламина. Новосибирск: Наука. Т. II. 430 с.

Миронов, Б. Н. (2012) Город из деревни: четыреста лет российской урбанизации // Отечественные записки. № 3 (48). С. 259–276.

Миронов, Б. Н. (2018) Модернизация имперская и советская // Вестник СПбГУ. История. Т. 63. Вып. 1. С. 54–82.

Рафикова, С. А. (2014) «Шкала идентификаторов горожан» как метод качественных урбанистических исследований // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Том 13. Выпуск 1: История. С. 115–122.

Сенявский, А. С. (1995) Российский город в 1960–1980-е гг. М. : Институт истории РАН. 264 с.

Стась, И. Н. (2015) Исследовательские проблемы в истории урбанизации Севера // Северный регион: наука, образование, культура. № 2. С. 34–39.

Стась, И. Н. (2024) Множественная урбанистика и ее языки описания // Городские исследования и практики. Т. 9. № 4. С. 6–21. DOI: https://doi.org/10.17323/usp9420246-21

Тиникова, Е. Е. (2024) Урбанизация Тувы: динамика ключевых показателей (1944–2020 годы) // Исторический курьер. № 4 (36). С. 60–72. DOI: https://doi:10.31518/2618-9100-2024-4-5

Тиникова, Е. Е., Лушникова, О. Л. (2024) Урбанизация и адаптация сельских жителей Хакасии к городским условиям. Абакан : Бригантина. 222 с.

Филимонов, С. Б. (2023) Расцвет и разгром российского краеведения (1917–1931 гг.) // Сигурд Оттович Шмидт Педагог. Ученый. Просветитель: К 100-летию со дня рождения. Сборник статей по материалам Международной научной конференции / отв. ред. В. И. Дурновцев. М. : Российский государственный гуманитарный университет. 479 с. С. 420–423.

Харунова, М. М.-Б., Харунов, Р. Ш. (2021) Особенности формирования городского расселения в Туве в советский период // Новые исследования Тувы. № 3. С. 137–147. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.11

Дата поступления: 15.07.2025 г.
Дата принятия: 15.09.2025 г.

REFERENCES

Alekseev, V. V. (1987) Results and objectives of the study of urbanization in Soviet Siberia. In: Alekseev, V. V. (ed.) *Urbanization of Soviet Siberia*. Novosibirsk, Nauka. 224 p. Pp. 7–25. (In Russ.)

Antsiferov, N. P. (1926) *Ways of studying the city as a social organism. An attempt at a comprehensive approach*. Leningrad, Seyatel. 151 p. (In Russ.)

Begzi, A. D. (1975) Formation of the urban population of the Tuvan ASSR and changes in its social structure and national composition. In: Aranchyn, Yu. L. (ed.) *Proceedings of TNIYALI. Issue XVII*. Kyzyl, Printing House of the Administration for Publishing, Printing and Book Trade of the Council of Ministers of the Tuvan ASSR. 279 p. Pp. 62–71. (In Russ.)

Begzi, A. D. (2017) Development of Kyzyl's economy at different stages of its history. In: Balakina, G. F. (ed.) *Regional Economy: Technologies, Economy, Ecology and Infrastructure*. Kyzyl, FGBUN TIKOPR SB RAS. 388 p. Pp. 38–43. (In Russ.)

Begzi, A. D. (2019) Main factors, stages and features of urbanization in Tuva. In: Oorzhak, V. O. (ed.) *Regional Economy: Technologies, Economy, Ecology and Infrastructure*. Kyzyl, FGBUN TIKOPR SB RAS. 520 p. Pp. 52–59. (In Russ.)

Biche-ool, S. M. (1970) New way of life in the Tuvan village. In: Aranchyn, Yu. L. (ed.) *Proceedings of TNIYALI. Issue XIV*. Kyzyl, Printing House of the Administration for Publishing, Printing and Book Trade of the Council of Ministers of the Tuvan ASSR. 304 p. Pp. 26–38. (In Russ.)

Boiko, V. I. (ed.) (1981) *Urban population of the Tuvan ASSR: Sociological research experience*. Novosibirsk, Nauka. 223 p. (In Russ.)

Grevs, I. M. (1921) Monumental city and historical excursions. *Ekskursionnoe delo*, no. 1, pp. 1–14. (In Russ.)

Dorzu, Z. Yu. (2015) From the history of the capital of the Republic of Tuva — Kyzyl. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra SO RAN*, no. 1, pp. 32–41. (In Russ.)

The History of Tuva (2007): in 3 volumes / Lamin, V. A. (ed.). Novosibirsk, Nauka. Vol. II. 430 p. (In Russ.)

Mironov, B. N. (2012) City from the village: Four hundred years of Russian urbanization. *Otechestvennye zapiski*, no. 3 (48), pp. 259–276. (In Russ.)

Mironov, B. N. (2018) Imperial and Soviet modernization. *Vestnik SPbGU. Istoriya*, vol. 63, issue 1, pp. 54–82. (In Russ.)

Rafikova, S. A. (2014) "Scale of identifiers of townspeople" as a method of qualitative urban studies. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya*, vol. 13, issue 1: Istoriya, pp. 115–122. (In Russ.)

Senyavsky, A. S. (1995) *The Russian city in the 1960–1980s*. Moscow, Institute of History RAS. 264 p. (In Russ.)

Stas, I. N. (2015) Research problems in the history of the urbanization of the North. *Severnyy region: nauka, obrazovanie, kultura*, no. 2, pp. 34–39. (In Russ.)

Stas, I. N. (2024) Multiple urbanistics and its languages of description. *Gorodskie issledovaniya i praktiki*, vol. 9, no. 4, pp. 6–21. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.17323/usp9420246-21

Tinikova, E. E. (2024) Urbanization of Tuva: Dynamics of key indicators (1944–2020). *Istoricheskiy kur'er*, no. 4 (36), pp. 60–72. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.31518/2618-9100-2024-4-5

Tinikova, E. E. and Lushnikova, O. L. (2024) *Urbanization and adaptation of rural residents of Khakassia to urban conditions*. Abakan, Brigantina. 222 p. (In Russ.)

Filimonov, S. B. (2023) The rise and destruction of Russian local history (1917–1931). In: Durnovtsev, V. I. (ed.) *Sigurd Ottovich Schmidt: Teacher. Scholar. Educator*. On the 100th Anniversary of his Birth. Proceedings of the International Scientific Conference. Moscow, Russian State University for the Humanities. 479 p. Pp. 420–423. (In Russ.)

Kharunova, M. M.-B. and Kharunov, R. Sh. (2021) Features of the formation of urban settlement in Tuva during the Soviet period. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 137–147. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.11

Submission date: 15.07.2025.
Acceptance date: 15.09.2025.

DOI: 10.25178/nit.2025.4.3

Статья

Влияние миграционных процессов на этнические и социально-демографические характеристики населения Тувы в советский и постсоветский периоды

Тамара К. Ростовская
Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН; Российский университет дружбы народов, Российская Федерация,
Органа Д. Натсак
Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Российская Федерация,
Дмитрий В. Накисбаев
Российский университет дружбы народов, Российская Федерация

В статье представлено исследовано влияние миграционных процессов на этнические и социально-демографические характеристики населения Тувы в динамике в советский и постсоветский периоды. Проанализированы изменяющаяся этническая структура населения республики, социально-демографический профиль участников миграционных процессов, представлены результаты социологического исследования 2023 г.

В советский период истории въездная миграция в Туву отличалась принудительно-добровольным и срочным характером. Миграционная привлекательность республики была низкой в силу объективного отставания по уровню жизни и социально-экономического развития от других областей и республик РСФСР и СССР. Въездная миграция специалистов и квалифицированных рабочих способствовала полиэтнизации населения республики, формированию новой социально-профессиональной структуры, отвечающей требованиям аграрно-индустриальной экономики Тувы. Миграционная активность населения имела этническую дифференциацию — для тувинского населения была характерно внутрирегиональная, для русского — межрегиональная миграция.

С 1990-х гг. усилился отток русскоязычного населения, который продолжается и в настоящее время. В результате происходит увеличение моноэтнизации населения республики. В силу социально-экономических причин столица республики привлекает всё больше сельского населения. Активная субурбанизация вокруг столицы приводит к диспропорциям в структурах размещения населения и человеческого капитала.

Ключевые слова: *Тува; тувинцы; русские Тувы; миграционныq процесс; советский период; внешняя миграция; внутренняя миграция; этническая структура населения*

Для цитирования:
Ростовская Т. К., Натсак О. Д., Накисбаев Д. В. Влияние миграционных процессов на этнические и социально-демографические характеристики населения Тувы в советский и постсоветский периоды // Новые исследования Тувы. 2025. № 4. С. 38-57. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.3

Ростовская Тамара Керимовна — доктор социологических наук, профессор, заместитель директора Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН; директор Института современных языков, межкультурной коммуникации и миграций Российского университета дружбы народов. Адреса: 119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, к. 1; 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Эл. адрес: rostovskaya.tamara@mail.ru

Натсак Органа Доржуевна — кандидат философских наук, учёный секретарь Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 4. Эл. адрес: nod695596@gmail.com

Накисбаев Дмитрий Владимирович — кандидат политических наук, доцент, заместитель директора Института современных языков, межкультурной коммуникации и миграций, заведующий кафедрой государственного и муниципального университета Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Эл. адрес: nakisbaev-dv@rudn.ru

Article

The Impact of Migration Processes on the Ethnic and Socio-Demographic Characteristics of the Population of Tuva during the Soviet and Post-Soviet Periods

Tamara K. Rostovskaya
Institute for Demographic Research, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences; RUDN University, Russian Federation,
Organa D. Natsak
Tuvan Institute for Humanitarian and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Russian Federation,
Dmitry V. Nakisbaev
RUDN University, Russian Federation

This article presents an analysis of the impact of migration processes on the ethnic and socio-demographic characteristics of the population of Tuva in a dynamic perspective during the Soviet and post-Soviet periods. The study examines the shifting ethnic structure of the region's population, the socio-demographic profile of migration participants, and includes data from a sociological survey conducted in 2023.

During the Soviet period, in-migration to Tuva was predominantly of a semi-voluntary and temporary nature. The region had low migratory attractiveness due to its comparatively low standard of living and lagging socio-economic development relative to other regions and republics of the RSFSR and the USSR. The influx of skilled specialists and workers contributed to the polyethnic composition of the population and led to the emergence of a new socio-professional structure corresponding to the needs of Tuva's agrarian-industrial economy. Migration activity was marked by ethnic differentiation — Tuvan residents primarily engaged in intra-regional migration, whereas ethnic Russians were more involved in interregional mobility.

Since the 1990s, the outflow of the Russian-speaking population has intensified and continues to this day. As a result, an increasing monoethnic character of the republic's population is being observed. For socio-economic reasons, the republic's capital has seen a growing influx of rural residents. Active suburbanization around the capital is causing disproportion in the spatial distribution of the population and human capital.

Keywords: *Tuva; Tuvans; Russians of Tuva; migration process; Soviet period; external migration; internal migration; ethnic structure of the population*

For citation:
Rostovskaya T. K., Natsak O. D. and Nakisbaev D. V. The Impact of Migration Processes on the Ethnic and Socio-Demographic Characteristics of the Population of Tuva during the Soviet and Post-Soviet Periods. *New Research of Tuva*, 2025, no. 4, pp. 38-57. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.3

ROSTOVSKAYA, Tamara Kerimovna, Doctor of Sociology, Professor; Deputy Director, Institute for Demographic Research, Federal Research Sociological Center, Russian Academy of Sciences; Professor, Director, Institute of Modern Languages, Intercultural Communication and Migration, RUDN University. Postal addresses: Bldg. 1, 6 Fotievoi St., 119333, Moscow, Russian Federation; 6 Miklukho-Maklaya St., 117198 Moscow, Russian Federation. E-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1629-7780

NATSAK, Organa Dorzhuevna, Candidate of Philosophy, Academic Secretary, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva. Postal address: 4 Kochetov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. E-mail: nod695596@gmail.com
ORCID: 0000-0003-1833-4810

NAKISBAEV, Dmitriy Vladimirovich, Candidate of Political Science, Associate Professor, Deputy Director, Institute of Modern Languages, Intercultural Communication and Migration RUDN University; Head of the Department, Department of State and Municipal Administration RUDN University. Postal address: 6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation. E-mail: nakisbaev-dv@rudn.ru
ORCID: 0000-0002-0600-7639

Введение

Проблемы миграции населения Тувы являются одним из актуальных региональных исследовательских направлений. Только за последние пять лет опубликован целый ряд работ, изучающих разные аспекты миграционных процессов на основе миграционной статистики и результатов социологических исследований. Причина актуализации данной темы связана с необходимостью изучения заметных изменений миграционного поведения коренного населения Тувы, а именно, его трансформации в сторону большей открытости, пространственной мобильности, в особенности, молодой и трудоспособной части. Выездная миграция русского и другого некоренного населения Тувы, начавшаяся в советский период и продолжающаяся на современном этапе, привела к существенным изменениям этнической структуры республики. Интенсификация миграционного движения населения влияет на урбанизационные процессы в Республике Тыва, на изменение соотношения городского и сельского населения, а также на демографический потенциал республики.

Целью исследования является анализ влияния миграционных потоков на этнические и социально-демографические демографические характеристики населения Республики Тыва (Тувы) в советский и постсоветский периоды. Задачи исследования заключаются в анализе миграционных процессов и этнической структуры населения в советский и постсоветский периоды; изучении социально-демографических характеристик участников современных миграционных процессов в Туве; выявлении причин и социальных рисков внутрирегиональной миграции.

Объектом анализа является население Тувы. Предметом исследования — миграционные процессы и их влияние на демографические и этносоциальные характеристики населения Тувы. Хронологические рамки исследования — период с 1944 г. по настоящее время.

В статье использованы методы исторического, статистико-демографического и количественного социологического анализа.

Авторы в качестве информационной основы опирались на опубликованные документы, к которым относится сборник законодательных актов Президиума Верховного Совета РСФСР, Совета Народных комиссаров РСФСР, Совета Народных комиссаров СССР, Совета министров РСФСР, охватывающий период с 1944 г. по 1964 гг. (подготовлен Л. И. Тульчинским)[1]. Использована также статистическая информация, касающаяся социально-экономических характеристик населения Тувы в советский и постсоветский периоды, миграционных потоков, их интенсивности и направлений, социально-демографического профиля мигрантов, а также архивные документы[2].

В качестве эмпирической основы использованы результаты репрезентативного социологического исследования, проведённого в Республике Тыва 2023 г. Тувинским институтом гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований. Численность выборочной совокупности респондентов составила не менее 0,1% от численности населения Республики Тыва исследуемой возрастной категории и насчитывает 1200 чел. Объем выборки был рассчитан исходя из требуемой точности (±3%) данного исследования (в процентах с доверительным интервалом в 95%, p=0,5). Генеральная совокупность составила 332 609 ед., выборочная совокупность — 1064 ед., с учетом возможной погрешности объем выборки был доведён до 1200 ед., фактически было опрошено 1236 чел.

[1] Сборник законодательных актов Президиума Верховного Совета РСФСР, Совета Народных Комиссаров РСФСР, Совета Министров РСФСР по советской Туве (1944 октябрь — 1964 гг.) / сост. Л. И. Тульчинский. Кызыл: ТИГПИ при Правительстве Республики Тыва, 2021.

[2] Советская Тува в цифрах. Статистический сборник. Кызыл: Тув. респ. управление статистики. 1991; Юбилейный статистический сборник к 100-летию единения России и Тувы. Кызыл: Терр. орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Тыва. 2014; Итоги переписей [Электронный ресурс] // Статистический музей. URL: https://www.statmuseum.ru/ru/results/1989/ (дата обращения: 01.02.2025); Всероссийская перепись населения 2020 [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020 (дата обращения: 01.02.2025); Численность и миграция населения Российской Федерации 2023 [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283 (дата обращения: 01.02.2025); Численность безработных международных трудовых мигрантов [Электронный ресурс] // ЕМИСС. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/59537 (дата обращения: 01.02.2025); Численность занятых международных трудовых мигрантов [Электронный ресурс] // ЕМИСС. URL: fedstat.ru/indicator/59536 (дата обращения: 01.02.2025).

Исследование было проведено по формализованному опроснику методом личного интервью. Отдельные результаты этого исследования были опубликованы в статье О. Д. Натсак и Ч. Б. Даржаа (Натсак, Даржаа, 2023).

Обзор литературы

Миграционные процессы в Туве в 1940–1970 гг. до сих пор не были самостоятельным предметом исследований, вместе с тем динамика численности, этнического состава, а также соотношения населения по типу поселения на основе материалов переписи 1959 г. освещалась в работах Н. П. Иконникова (Иконников, 1961). О высоких темпах роста численности населения в 1940–1960-е гг., в том числе, за счет притока населения извне в связи с промышленным развитием Тувы писала А. И. Николаева (Николаева, 1967). Вопросы миграции населения она рассматривала в рамках изучения трудовых ресурсов и народного хозяйства. Она же отмечала, что на долю городов ежегодно приходится около 60% общей численности прибывших в Туву и подавляющая часть «механического» прироста населения республики, обеспечивавшего прирост трудоспособного населения и квалифицированных кадров (там же: 212).

Проблемы невысокого удельного веса населения трудоспособного возраста в связи с высокой долей молодежи в возрастной структуре населения, а также вопросы влияния притока населения из-за пределов Тувы на численность и возрастную структуру населения в 1970-е гг. писал А. Д. Бегзи (Бегзи, 1975). Он отмечал благоприятное воздействие миграции на половозрастную структуру и рост численности трудовых ресурсов (там же: 65–66).

Вопросы миграции населения Тувы в конце 1970-х гг. представлены в социологическом исследовании, проведённом в ходе экспедиций Тувинского социологического отряда (отдела социологии Института истории, филологии и философии СО АН СССР и ТНИИЯЛИ[1]) в 1977–1979 гг. (Очерки социального … , 1982).

Об осложнении межэтнических отношений в 1990-е гг. как причине этнической миграции и оттоке русскоязычного населения Тувы писали Г. Ф. Балакина, З. В. Анайбан (Балакина, Анайбан, 1995). Указанные авторы на основе социологического исследования, проведённого в 2010 г., показали снижение значимости межнационального фактора в миграции русскоязычного населения и повышение роли экономических факторов, экономического пессимизма, связанных с кризисным состоянием региональной экономики (Анайбан, Балакина, 2015; Балакина, Анайбан, 2016).

Современная миграционная ситуация стала предметом исследований З. В. Анайбан (Анайбан, 2020), Г. Ф. Ахметовой (Ахметова, 2022), О. Д. Натсак, Ч. Б. Даржаа (Натсак, Даржаа, 2023). О влиянии миграции на специфику современных демографических процессов и размещение населения в Туве писали С. В. Рязанцев, Т. К. Ростовская, Л. А. Давлетшина (Рязанцев, Ростовская, Давлетшина, 2022); С. И. Абылкаликов, С. И., Баймурзина, Г. Р., Баталов, Р. О. (Абылкаликов, 2021; Абылкаликов, Баймурзина, Баталов, 2023). Межрегиональные сравнения в миграции населения, включая жителей Тувы, проведены в работах Г. Ф. Ахметовой (Ахметова, 2022); Н. В. Воробьева (Воробьев, 2021).

Современной трудовой межрегиональной миграции из национальных республик на примере Калмыкии и Тувы посвящено социологическое исследование Н. В. Бадмаевой и О. Д. Натсак (Бадмаева, Натсак, 2021). Ю. В. Голиусова на основе социологического опроса, проведённого в Туве в 2022 г., изучала потенциальную трудовую мобильность населения Республики Тыва (Голиусова, 2023).

Образовательная миграция как жизненная стратегия тувинской молодёжи рассматривалась в исследовании Р. Ш. Харунова, М. М.-Б. Харуновой (Харунов, Харунова, 2021). Т. К. Ростовская, Е. Н. Васильева анализировали демографический аспект образовательной миграции молодежи Тувы (Ростовская, Васильева, 2023). Масштабы и направления образовательной миграции исследовались в работах К. А. Чернышева, Е. В. Митягиной, Н. В. Чернышевой, Е. Ю. Петрова (Чернышев и др., 2023).

В. И. Дятлов рассматривал социокультурные эффекты внутрирегиональной миграции населения из села в город для столичных городов ряда национальных республик, в том числе Тувы (Дятлов, 2024). Отношение к внешним мигрантам среди жителей Тувы исследовано в работе А. И. Евдокимова (Евдокимов, 2019).

[1] Тувинский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы.

Авторы, исследовавшие современные миграционные процессы в Туве, отмечают несколько важных тенденций: сокращение в республике численности русских (Анайбан, 2020); формирование профессиональных каналов трудовой миграции из Тувы (Бадмаева, Натсак, 2021); отток сельского населения (Татарова, Затеева, 2021); усиление значения межрегиональной трудовой миграции (Абылкаликов, 2022); наличие в Туве «выталкивающих» факторов, ведущих к миграционной убыли (Ахметова, 2022); отрицательный миграционный прирост населения республики (Рязанцев, Ростовская, Давлетшина, 2022); рост образовательной миграции вследствие недостаточной ёмкости региональной системы профессионального образования и несоразмерного количества бюджетных мест в единственном вузе республики доле молодёжи в демографической структуре республики (Ростовская, Васильева, 2023); рост невозвратной образовательной миграции (Харунов, Харунова, 2021); усиление мотивов поиска высокооплачиваемой работы, доступных и качественных медицинских, образовательных услуг в миграционной активности населения республики (Натсак, Даржаа, 2023); потенциальную трудовую мобильность населения республики (Голиусова, 2023); большую склонность женщин республики по сравнению с мужчинами к внутрироссийскому направлению миграции (Натсак, Балакина, 2024).

Эти факторы, выявленные разными исследователями, имеют практическое значение для органов власти, учитывая приоритизацию демографической повестки в государственной политике современной России.

Наше исследование дополняет все указанные работы, при этом его особенность заключается в более обширных хронологических рамках, позволяющих анализировать процессы миграционного движения и изменения этнической структуры населения в динамике, обусловленной спецификой социальных и экономических трансформаций на разных этапах развития Тувы.

Миграционные процессы и население Тувы в советский период (1944–1991 гг.)

За вхождением Тувинской Народной Республики в состав СССР последовала волна въездной миграции, связанная с прибытием в Тувинскую автономную область (в составе РСФСР) советских специалистов.

В 1944 г. в ряд постановлений Совета Народных Комиссаров РСФСР были включены поручения отдельным министерствам, обязывающие их направить в Туву специалистов по курируемым отраслям. Так, 24 октября 1944 г. в постановлении «Вопросы Тувинской автономной области РСФСР» от 24 октября 1944 г. было указано:

> «Обязать Наркомздрав РСФСР (т. Третьякова)… направить до 1 января 1945 г. в Тувинскую автономную область РСФСР дополнительно к имеющемуся медицинскому персоналу 6 врачей и 11 фельдшеров… Обязать Наркомместпром РСФСР (т. Смиряева) командировать в I квартале 1945 г. на постоянную работу на предприятия местной промышленности Тувинской автономной области РСФСР электротехника, техника по холодной обработке металла, электротехника и техника по деревообработке.»[1].

Постановлением Совета Народных комиссаров СССР от 20 октября 1944 г. № 1499 Наркомсвязи СССР было поручено направить в Туву 40 руководящих и инженерно-технических работников связи[2]. Таким же образом в Туву направлялись на постоянную работу в 1945 г. зоотехники, ветеринарные врачи, ветеринарные фельдшеры, агрономы, инженеры-механики, механики, гидротехники, инженеры-землеустроители, инженерно-технические работники по жилищно-коммунальному хозяйству[3]. В 1945 г.

[1] Постановление Совета Народных Комиссаров РСФСР №750 от 24 октября 1944 г. «Вопросы Тувинской автономной области РСФСР // Сборник законодательных актов Президиума Верховного Совета РСФСР, Совета Народных Комиссаров РСФСР, Совета Министров РСФСР по советской Туве (1944 октябрь — 1964 гг.) / сост. Л. И. Тульчинский. Кызыл: ТИГПИ при Правительстве Республики Тыва, 2021. С. 13.

[2] Постановление Совета Народных Комиссаров СССР от 29 октября 1944 г. № 1499 «О мероприятиях по Тувинской автономной области // Сборник законодательных актов Президиума Верховного Совета РСФСР, Совета Народных Комиссаров РСФСР, Совета Министров РСФСР по советской Туве (1944 октябрь — 1964 гг.) / сост. Л. И. Тульчинский. Кызыл: ТИГПИ при Правительстве Республики Тыва, 2021. С. 28.

[3] Постановление Совета народных комиссаров РСФСР от 8 февраля 1945 г. №87 «О мерах развития местной промышленности, городского хозяйства, дорожного строительства, народного образования и здравоохранения Тувинской автономной области в 1954 г. // Сборник законодательных актов Президиума Верховного Совета РСФСР, Совета Народных Комиссаров РСФСР, Совета Министров РСФСР по советской Туве (1944 октябрь — 1964 гг.) / сост. Л. И. Тульчинский. Кызыл: ТИГПИ при Правительстве Республики Тыва, 2021. С. 47.

из Наркомпроса РСФСР было направлено 50 учителей[1]; выпускники полиграфического института — цинкографы, инженеры-механики; специалисты по дорожному строительству[2]; квалифицированные врачи; в 1950 г. — специалисты по сельскому хозяйству, строители, техники-строители, мастера-строители, инженеры-строители; в 1950 г. — специалисты для развития местной промышленности: по деревообработке; керамике; кожевенному производству, планированию, строительству[3].

Миграционный приток извне был связан с потребностями в высококвалифицированных специалистах и квалифицированных рабочих крупных предприятий, которые строились в республике (ставшей Тувинской АССР в 1961 г.) в 1960-е гг. К примеру, для запуска первого предприятия цветной металлургии в Туве — Хову-Аксынского комбината «Тувакобальт», по сведениям Д. Б. Бузур-оола, требовалось 60 инженеров и 170 техников, имевших такие специальности, которых почти не было на предприятиях Тувы: металлурги по цветным металлам, химики, специалисты по автоматике и телемеханике и др. (Бузур-оол, 1967: 247).

Таким образом, с момента присоединения Тувинской Народной Республики к СССР начинается приток специалистов в Туву, пик которого приходился на 1944–1960-е гг. С 1970-х гг. стал очевидным обратный отток специалистов, прибывших в Туву из других регионов страны. В последствии данный процесс постепенно усиливался.

Миграционные потоки в этот период изменили, прежде всего, этническую структуру населения Тувы (*табл. 1*).

Табл. 1. Этническая структура населения Тувинской АССР по данным Всесоюзных переписей населения 1959, 1970, 1979, 1989 гг., чел.[4]
Table 1. Ethnic structure of the population of the Tuvan ASSR according to the All-Union population censuses of 1959, 1970, 1979, 1989, persons.

Этносы	*Годы*			
	1959	*1970*	*1979*	*1989*
Тувинцы	97996	135306	161888	198448
Русские	68924	88385	96793	98831
Хакасы	1726	2120	2193	2258
Украинцы	1105	1466	1729	2208
Татары	481	822	988	1071
Киргизы	–	5	13	64
Армяне	–	34	134	299
Буряты	263	372	448	570
Азербайджанцы	–	36	65	196
Белорусы	163	350	530	556
Даргинцы	–	–	3	14
Чуваши	144	260	312	405
Корейцы	59	55	62	117
Узбеки	–	17	64	523
Немцы	61	173	298	260
Другие	1006	1463	2079	2737

Как показано в *таблице 1*, по данным всесоюзных переписей населения, во-первых, Тува всё более становилась многонациональной республикой, во-вторых, рост численности наблюдался практически во всех этнических группах. При этом удельный вес тувинского населения в межпереписные периоды повышался за счёт естественного прироста, соответственно, снижался удельный вес русского населения (*табл. 2*).

[1] Там же. С. 48.
[2] Там же. С. 51.
[3] Постановление Совета министров СССР от 9 августа 1949 г. № 3436 «О дополнительной помощи сельскому хозяйству Тувинской автономной области»; Распоряжение от 28 июля 1950 г. № 25455-р // Сборник законодательных актов Президиума Верховного Совета РСФСР, Совета Народных Комиссаров РСФСР, Совета Министров РСФСР по советской Туве (1944 октябрь — 1964 гг.) / сост. Л. И. Тульчинский. Кызыл: ТИГПИ при Правительстве Республики Тыва, 2021. С. 195, 237.
[4] Итоги переписей [Электронный ресурс] // Статистический музей. URL: https://www.statmuseum.ru/ru/results/1979/ (дата обращения: 01.02.2025).

Табл. 2. Удельный вес русского, тувинского населения и представителей других национальностей по данным Всесоюзных переписей населения 1959, 1970, 1979, 1989 гг., в %[1]
Table 2. The proportion of the Russian, Tuvan, and other ethnic groups according to the All-Union population censuses of 1959, 1970, 1979, and 1989, in %

Этносы	*Годы*			
	1959	*1970*	*1979*	*1989*
Тувинцы	56,99	58,6	60,49	64,31
Русские	40	38,28	36,17	32,03
Все другие	2,91	3,1	3,3	3,65

Социологическое исследование, проведённое Тувинским социологическим отрядом[2] в 1977–1979 гг. под руководством доктора философских наук, профессора В. И. Бойко, показало, что реальная миграция за пределы Тувы существует, потенциальная миграционная подвижность и интенсивность миграции некоренного населения Тувы была высокой. При этом наблюдался низкий уровень миграции тувинского населения за пределы республики, что объяснялось этническим фактором, который заключался в языковой, культурной, национальной самоидентификации тувинцев, тесно ассоциированной с местом, где они родились, где находятся ближние и дальние родственные круги (Очерки социального … , 1982: 137). Так, среди городских потенциальных мигрантов из числа некоренных этносов две трети ориентировались на выезд из республики, среди сельских — более 40% имели намерения покинуть республику (там же: 137). Таким образом, для тувинского населения преимущественно была свойственна миграция по направлению «село — город», для представителей других этносов — за пределы республики.

Основными мотивами отъезда жителей Тувы, не относившихся к коренному населению, являлись, прежде всего, улучшение материального положения; продолжение образования; смена места работы; улучшение жилищных условий. Главным же фактором выступала существенная разница в уровне жизни в Туве и в среднем по регионам РСФСР, Восточной Сибири. Уже тогда, в конце 1970-х гг., исследователями ожидалось, что в перспективе Тува будет терять население в миграционном обмене с другими регионами (там же: 137).

Как показано выше, по итогам всесоюзных переписей населения 1970, 1979, 1989 гг. в последние два десятилетия советской истории Тувы наблюдался значительный рост миграционной мобильности городского и сельского населения некоренной национальности, что изменило, в том числе, этническую структуру населения Тувы[3].

Потеря миграционной привлекательности Тувы происходит в позднесоветское время с конца 1970-х гг., поскольку республика проигрывала в сравнении уровня и качества жизни с другими областями РСФСР, несмотря на то, что она приближалась к ним, а также материальных и жизненных перспектив в целом. Въездная миграция была связана с направлением специалистов в рамках распределения выпускников вузов и средних специальных учебных заведений, по линии отраслевых ведомств, выездная миграция — с возвратной миграцией специалистов, а также отъездом местного русского населения в поисках более благоприятных социальных и экономических условий жизни. Это не касалось особо тувинского населения, у которого были весьма сильны этническая идентичность и социокультурные ценности привязанности к малой родине, в этой связи поиск лучших условий жизни они искали не за пределами республики, а именно в столице республики, поскольку деиндустриализация и экономическая деградация в период экономических реформ резко ухудшили условия прожи-

[1] Там же.
[2] В Тувинский социологический отряд входили сотрудники отдела социологии Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР и Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (с 1990 г. по 2015 г. — Тувинский институт гуманитарных исследований; с 2015 г. по настоящее время — Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва).
[3] Итоги переписей [Электронный ресурс] // Статистический музей. URL: https://www.statmuseum.ru/ru/results/1979/ (дата обращения: 01.02.2025).

вания в недавно только отстроенных вокруг предприятий добывающей промышленности городе Ак-Довураке и посёлке Хову-Аксы.

Таким образом, в рассмотренный период въездная миграция иноэтнического населения — специалистов и рабочих — в Туву была результатом политики советского государства, направленного на выравнивание диспропорций в уровне социально-экономического развития между республикой, позже всех вступившей в социалистическую экономику, и другими регионами страны. Территориальное и пространственно-экономическое развитие страны ставило задачу ускоренной индустриализации и создания местного промышленного комплекса в Тувинской АССР, что требовало специалистов и квалифицированных рабочих из-за пределов Тувы, роста численности трудовых ресурсов и одновременно подготовки кадров из местного населения.

В то же время специфика экономики территории и отстающее от крупных промышленно развитых регионов качество жизни толкало прибывшее население на возвращение или поиск другого места для постоянного проживания после завершения сроков работы на проектах. Такие мотивы миграционной подвижности были характерны и для местного нетувинского населения, для коренного населения было свойственно внутритерриториальное перемещение, а также возвратная образовательная миграция.

Активная въездная миграция изменила не только этническую структуру населения, но и привела к повышению показателей уровня образования населения; формированию технической интеллигенции, когнитариата[1], квалифицированного рабочего класса; обеспечивали человеческими ресурсами аграрно-индустриальную социалистическую экономику Тувы; способствовали подъему промышленности и производительности труда. Строительство двух крупных промышленных комбинатов — «Тувакобальта» и «Туваасбеста» — и размещение специалистов, прибывших для их обслуживания, способствовали строительству новых городских населённых пунктов и росту доли городского населения.

Миграционные процессы и этническая структура населения Тувы в постсоветский период

В постсоветский период по политическим и экономическим причинам произошло перераспределение населения по крупным частям России (Мкртчян, 2015: 97). Европейская часть показывала миграционный прирост и выступала «принимающей» зоной, а противоположная зона распространялась от Красноярского края на восток (там же).

Миграционные процессы в Туве изменили «этнические среды», о которых писали З. В. Анайбан, М. Н. Губогло и М. С. Козлов (Анайбан, Губогло, Козлов, 1999: 37). Оттоку русского населения, прежде всего, из сельской местности, и миграционным потерям способствовали и обострившиеся межнациональные отношения, и экономические трудности (там же).

Немаловажную роль играли социокультурные и социальные факторы, на которые указывала З. В. Анайбан: слабая интегрированность русского населения республики с коренными жителями; изменение «элитного» положения русского населения в новой структуре рынка труда; повышение конкуренции (Анайбан, 2002: 47–48).

В результате активных миграционных процессов в постсоветский период в Туве уменьшилась доля русских и представителей других этносов, всё более отчетливо проявляются тенденции моноэтнизации населения (*табл. 3*). В 2002 г. доля русского населения составляла 20,1%, в 2010 г. — 16,27%, в 2020 г. — 9,48%[2]. Такая ситуация касается представителей многих других народов.

[1] Когнитариат — социальная группа, чья профессиональная деятельность связана с умственным трудом.

[2] Юбилейный статистический сборник к 100-летию единения России и Тувы. Кызыл: Терр. орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Тыва. 2014. С. 17; Всероссийская перепись населения 2020 [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020 (дата обращения: 02.02.2025).

Табл. 3. Этническая структура населения Республики Тыва по материалам Всероссийских переписей 2002, 2010, 2020 гг., чел.
Table 3. Ethnic structure of the population of the Republic of Tuva based on the materials of the All-Russian censuses of 2002, 2010, 2020, person

Этносы	*Годы переписей*		
	2002	*2010*	*2020*
Тувинцы	235313	249299	286928[1]
Русские	61442	49434	31927
Хакасы	1219	877	359
Украинцы	832	493	107
Татары	584	352	180
Киргизы	520	628	378
Армяне	500	512	289
Буряты	436	313	180
Азербайджанцы	304	159	76
Белорусы	220	99	20
Даргинцы	207	12	20
Чуваши	195	98	45
Корейцы	188	162	57
Узбеки	161	253	99
Немцы	153	87	26
Другие	3236	1079	15910

Последние три постсоветские переписи населения в России показывают, что численность и доля русского населения продолжают снижаться (*табл. 4*).

Таблица 4. Удельный вес русского, тувинского населения и представителей других этносов по данным Всесоюзных переписей населения 1959, 1970, 1979, 1989 гг., Всероссийских переписей 2002, 2010, 2020 гг., в %[2]
Таблица 4. The proportion of the Russian, Tuvan, and other ethnic groups according to the All-Union censuses of 1959, 1970, 1979, 1989, and the All-Russian censuses of 2002, 2010, and 2020, in %

Этносы	*Годы переписей*						
	1959	*1970*	*1979*	*1989*	*2002*	*2010*	*2020*
Тувинцы	56,99	58,6	60,49	64,31	77,2	82,04	85,23
Русские	40	38,28	36,17	32,03	20,11	16,27	9,48
Все другие	2,91	3,1	3,3	3,65	2,87	1,69	5,29

В структуре выбытия незначительно, но превалируют выезды в другие регионы: выбыло в 2023 г. 12446 чел., из них 48,17% внутри республики, 49,03% в российские регионы, 2,8% за пределы России (преимущественно в страны СНГ) (*рис. 1*). В целом 51,83% участников выездной миграции выбыло за пределы республики.

[1] Тувинцы и тувинцы-тоджинцы.
[2] Юбилейный статистический сборник к 100-летию единения России и Тувы. Кызыл: Терр. орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Тыва. 2014. С. 17; Всероссийская перепись населения 2020 [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020 (дата обращения: 02.02.2025).

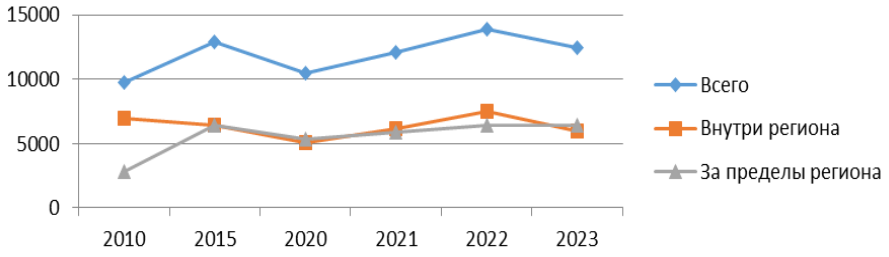

Рис. 1. Структура выбытия из Республики Тыва в 2010–2023 гг.[1]
Fig. 1. The structure of departure from the Republic of Tuva in 2010–2023.

Влияние международных мигрантов на социально-экономические и демографические процессы в республике незначительны.

Миграционный обмен с другими регионами становится все более активным. Этот процесс связан с социально-экономическим положением республики: уровнем среднедушевых доходов (РФ — 53 573 руб., РТ — 28934 руб.), среднемесячной начисленной заработной платы (РФ — 74854 руб., РТ — 57 793 руб.), с низкими позициями, занимаемыми республикой среди регионов страны по основным социально-экономическим показателям (по уровню занятости — 84 место; по инвестициям в основной капитал — 80-е; ВРП — 71-е; общей площади, приходящейся на 1 жителя — 87-е и др.)[2].

Рассмотренный период характеризуется отрицательным миграционным сальдо, уменьшением удельного веса представителей русского и других этносов: в 2020 г. по сравнению с 2002 г. в два раза уменьшилась доля русского населения, корейцев, хакасов, немцев более чем в три раза. В структуре выбытия начал превалировать выезд за пределы республики.

Полагаем, что тенденции моноэтнизации в связи с миграционными потерями будут дальше усиливаться.

Социально-демографические характеристики участников миграционных процессов в Туве на современном этапе

Рассмотрим социально-демографические характеристики участников миграционных процессов в Туве по данным 2023 г.

В возрастной структуре прибывающих и убывающих преобладают лица трудоспособного возраста, за ними следуют лица моложе трудоспособного возраста и меньше всего — лица старше трудоспособного возраста (*рис. 2*). Общий миграционный прирост составил (–) 2482 чел., моложе трудоспособного возраста — (–728), трудоспособного возраста (–) 1523, старше трудоспособного возраста (–) 676[3].

Лица моложе трудоспособного и трудоспособных возрастов имеют непосредственное отношение к демографическому потенциалу республики, к потенциалу рождаемости, в частности.

Анализ уровня образования выбывающих и прибывающих в возрасте 14 лет и старше показал, что республика больше теряет лиц с высшим образованием и высшей квалификацией (имеющих ученые степени кандидата наук), чем получает (*табл. 5*).

[1] Численность и миграция населения Российской Федерации 2023 [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283 (дата обращения: 01.0.2025).
[2] Регионы России. Социально-экономические показатели 2024 [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://www.rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204 (дата обращения: 17.04.2025).
[3] Там же.

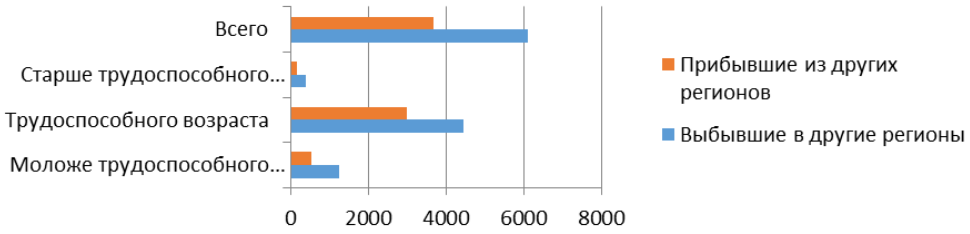

Рис. 2. Распределение участников миграционного движения по возрастным группам в 2023 г., тыс. чел.
Fig. 2. Distribution of participants in the migration movement by age group in 2023, thousand persons.

Табл. 5. Миграционный прирост лиц в возрасте 14 лет и старше по уровню образования в 2023 г.[1]
Table. 5. Migration growth of people aged 14 and over by education level in 2023.

Уровни образования	*Миграционный прирост*
Ученая степень доктора наук	(–) 1
Ученая степень кандидата наук	(–) 6
Высшее образование	(–) 342
Незаконченное высшее	(–) 155
Среднее профессиональное образование	(–) 566
Начальное профессиональное образование	(–) 109
Среднее общее образование	(–) 567
Основное общее	(–) 83
Начальное общее	(–) 54

Дальнейшему миграционному оттоку молодого населения Тувы, не только невозвратной образовательной, но и межрегиональной трудовой миграции могут способствовать ценностные изменения, наблюдающиеся среди тувинской молодёжи. Исследование, проведённое среди тувинских студентов, выявило свойственные им секуляризацию отношения к родине, имеющей в традиционном понимании сакральное значение, рационализацию сознания, приоритет целей индивида (Селиверстова, Сорокин, Ооржак, 2021: 121). Исследование социально-профессиональной ориентации выпускников школ показало, что в Туве 30,3% городских и 35,5% сельских школьников хотели бы вернуться после получения диплома работать в своей республике, менее 10% хотели бы вернуться в родное село, при этом по сравнению со школьниками из Республики Хакасия, Республики Алтай доля намеревающихся вернуться в родной регион в Туве самая высокая (Ойдуп, 2023: 166). Эти данные показывают трансформацию структуры идентичностей молодёжи, миграционные намерения школьников свидетельствуют об открытости миру и снижении привязанности к месту, где они родились и выросли.

Тенденцию некоторого ослабления локальной идентичности, определяющейся «чувством малой родины», укрепления российской идентичности среди тувинцев отмечали О. А. Персидская, А. И. Евдокимов, а также Ю. М. Аксютин (Персидская, Евдокимов, 2016: 139; Аксютин, 2019: 66).

Развитие современных технологий связи коммуникации изменило восприятие социальной общности современными тувинцами. Об этом пишет Ч. К. Ламажаа, согласно которой мобильная связь и беспроводной Интернет расширили поле «регион — пространство», нивелируя географическую основу пространства (Ламажаа, 2021). В этой связи эмоциональные состояния, возникающие в условиях продолжительного по времени пребывания за пределами Тувы, как «тоска по родным, «тоска по родине» теряют свою остроту. Развитие сетевых этнических сообществ (помогает мигрантам адаптироваться в новом месте (Мельникова, Кузнецова, Чарина, 2021: 118).

[1] Численность и миграция населения Российской Федерации 2023 [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283 (дата обращения: 01.0.2025).

С учетом вышесказанного можно отметить, что молодежь всё более склонна к межрегиональной миграции.

Таким образом, преимущественную часть прибывающих и убывающих составляют лица трудоспособного возраста, при этом первых меньше, чем вторых. Анализ образовательной структуры показал неравный миграционный обмен — убывающие имеют более высокий уровень образования.

Причины и социальные риски внутрирегиональной миграции

Как выше указывалось, социологическое исследование и данные статистики показывают тенденцию усиления значения межрегиональной миграции в структуре выбытия. Несмотря на то, что разница между внутренней и внешней выездной миграцией не столь значима, можно допустить, что эта тенденция будет укрепляться. На данном этапе направление почти половины выбывающих — внутрирегиональное. В этой связи актуальность анализа социальных рисков внутрегиональной миграции сохраняется.

Активные миграционные процессы, при которых число городских столичных жителей пополнялось сельскими жителями, начались ещё в советский период, усилились в условиях социально-экономического кризиса в 1990-е гг., часть мигрировавшего сельского населения сконцентрировалась в пригородных территориях, которые в советский этап истории функционально являлись дачами. Территории дачных обществ были привлекательным местом, на которых строились дешевые дачные строения. В результате миграции сельского населения на эти территории возник целый комплекс социальных проблем, связанных с низким уровнем жизни, плохим качеством жилья, криминогенной обстановкой, алкоголизмом, недостаточной доступностью социальных услуг, концентрацией незанятых лиц, отсутствием доходов у многих прибывших. Кроме того, отсутствие у многих регистрации по месту жительства осложняет статистический учёт населения (Абылкаликов, Баймурзина, Баталов, 2022: 12).

Признанию пригородных территорий как части единой экосистемы г. Кызыла способствовало наличие там детей, которых нужно было обучать, социализировать. Результатом явилось строительство и открытие в течение последних 5–6 лет таких важнейших социальных объектов, как общеобразовательная школа, дошкольное образовательное учреждение, подразделения медицинской организации первичного звена, а также пункта полиции[1].

Многие мигрировали из сёл в поисках работы, для обучения своих детей в городских школах. В настоящее время основными причинами притока внутренней миграции в г. Кызыл является разрыв в качестве жизни между столицей и другими населёнными пунктами республики. Это единственный город в республике с населением свыше 100 тыс. человек, на него приходится 38,5% населения республики, 49,6% среднегодовой численности работников организаций республики, 56,2% инвестиций в основной капитал, 87,7% оборота розничной торговли[2].

Статистические данные показывают, что для Тувы, как и для многих российских регионов, характерно центростремительное направление внутренней миграции (*рис. 3*). Внутрирегиональное движение доминирует в структуре прибытия. Так, в 2023 г. прибыло всего 9954 чел., 60,13%[3] из них — это лица, перемещающиеся внутри региона, 36,38% — из других регионов России, 2,86% — из-за пределов России.

[1] В Кызыле дан старт строительству школы на 825 мест на левобережных дачах [Электронный ресурс] // ИА Тува-Онлайн. 2019, 9 августа. URL: https://www.tuvaonline.ru/2019/08/09/v-kyzyle-dan-start-stroitelstvu-shkoly-na-825-mest-na-levoberezhnyh-dachah.html?ysclid=m9bazlyivu131995679 (дата обращения: 10.04.2025); В Туве ввели в эксплуатацию новый детский сад — на территории дачного поселка [Электронный ресурс] // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. URL: http://council.gov.ru/events/regions/76312/ (дата обращения: 10.04.2025); Совсем скоро на дачах Левого берега откроется врачебная амбулатория [Электронный ресурс] // Мэрия г. Кызыла. URL: https://mkyzyl.ru/about/info/news/12659/ (дата обращения: 10.04.2025); Сегодня на левобережных дачных обществах состоялось торжественное открытие опорного пункта полиции [Электронный ресурс] // Мэрия г. Кызыла. URL: https://mkyzyl.ru/about/info/news/14327/ (дата обращения: 10.04.2025).

[2] Данные на 1 января 2024 г. Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. Официальное издание. 2024. Статистический сборник. М.: Росстат. 2024. С. 341.

[3] Расчёты процентов сделаны авторами на основе данных Росстата по миграции в 2023 г. Численность и миграция населения Российской Федерации 2023 [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283 (дата обращения: 01.0.2025).

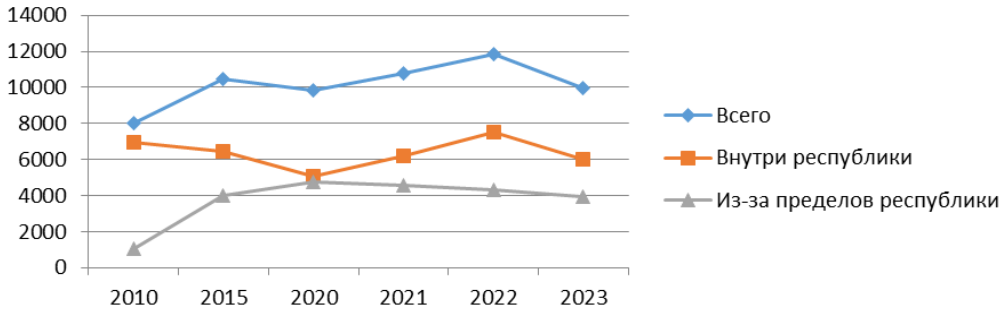

Рис. 3. Структура прибывших в Республике Тыва в 2010–2023 гг.[1]
Fig. 3. The structure of migrants arrived in the Republic of Tuva in 2010–2023.

Несмотря на то, что изменений в сети сельских населённых пунктов республики сторону уменьшения их количества не было, доля населения, проживающего там, сокращается (*рис. 4*).

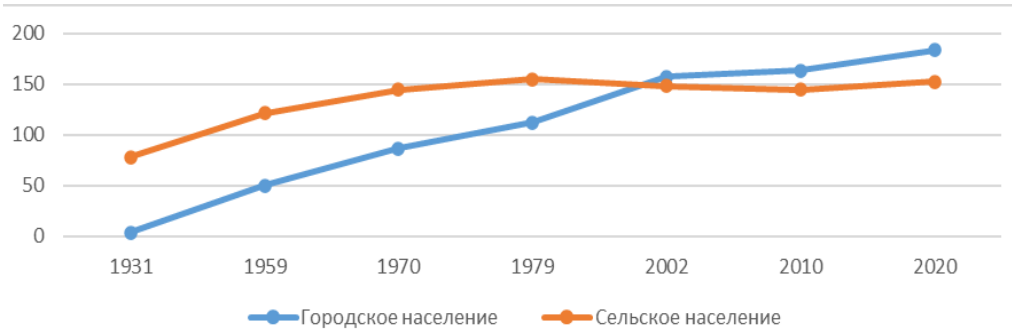

Рис. 4 Динамика роста городского и сельского населения Тувы по материалам переписей 1931, 1959, 1970, 1979, 1989, 2002, 2010, 2020 гг., тыс. чел.[2]
Fig. 4. Dynamics of urban and rural population growth in Tuva are based on census data 1931, 1959, 1970, 1979, 1989, 2002, 2010, 2020, thousands of persons.

По данным 2023 г., миграционный прирост и городского, и сельского населения Тувы имел отрицательные значения, однако сельского населения выбывает значительно больше, чем городского — (–) 2384 и (–) 108 соответственно[3]. Данное обстоятельство имеет серьёзные социальные и экономические последствия, связанные с притоком сельских жителей преимущественно в столицу республики; вымыванием демографического и экономического потенциала сельского населения; ростом нагрузки на социальную инфраструктуру столицы республики. С одной стороны, внутреннее миграционное движение приводит к росту числа лиц с деформированной занятостью. Считается, что

[1] Численность и миграция населения Российской Федерации 2023 [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283 (дата обращения: 01.0.2025).
[2] Тувинская сельскохозяйственная и демографическая перепись 1931 г. М.: Изд-е Научно-исследовательской ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем, 1933. С. 23; Итоги переписей [Электронный ресурс] // Статистический музей. URL: https://www.statmuseum.ru/ru/results/1979/ (дата обращения: 01.02.2025); Юбилейный статистический сборник к 100-летию единения России и Тувы. Кызыл: Терр. орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Тыва, 2014. С. 17; Всероссийская перепись населения 2020 [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020 (дата обращения: 02.02.2025).
[3] Численность и миграция населения Российской Федерации 2023 [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283 (дата обращения: 01.0.2025).

привнесение практик сельской жизни в городское пространство усиливает негативную архаизацию (Ерохина, 2023: 23). С другой стороны, это проявление адаптационных стратегий сельского населения, направленных на поиск занятости и доходов. Исследователи отмечают, что миграционные процессы «село — город» имеют более сложный характер, связанный, прежде всего, с дефицитом социальных благ и институций в сельских районах (см.: Тарбастаева, 2024: 209).

В последние годы наблюдается дальнейший рост значения отрицательного миграционного прироста сельского населения (*табл. 5*).

Табл. 5. Миграционный прирост городского и сельского населения Республики Тыва в 2020–2023 гг.[1]
Table. 5. Migration growth of the urban and rural population of the Republic of Tuva in 2020–2023

Годы	*Миграционный прирост*	
	Городское население	*Сельское население*
2020	-954	369
2021	507	-1865
2022	314	-2374
2023	-108	-2384

Прирост численности сельского населения Тувы в 2023 г. составил (–) 0,9 тыс. чел., городского населения 0,9 тыс. чел. Коэффициент общего прироста населения на 1000 чел. в городе равнялась 9,0, в селе — (–) 9,4.

Социологическое исследование, проведённое ТИГПИ при Правительстве РТ в 2023 г. (возрастные характеристики опрошенных: 18–24 лет — 20,1%; 25–34 лет — 20,6 %; 35–44 лет — 15,9%; 45–54 лет — 16,2%; 55–64 лет — 15%; 65 и старше — 12,3%), показало, что из опрошенных респондентов в г. Кызыле 38,7% родились и выросли в столице, а суммарно 56,6% в разные годы переехали в г. Кызыл и являются выходцами из села.

Табл. 5. Распределение ответов на вопрос «Как давно Вы живёте в г. Кызыле?», в %
Table 5. Distribution of answers to the question "How long have you been living in the city of Kyzyl?", in %

Варианты ответа	*Ответы*
6 лет назад и более	41,9
Я родился / родилась в Кызыле и живу большую часть жизни в этом городе	38,7
4–5 лет назад	6,1
2–3 года назад	5,4
Полгода назад	1,7
Год назад	1,5
Не хочу отвечать на этот вопрос	3,0
Затрудняюсь ответить	1,7
Всего	100

Причинами фактически состоявшихся переездов в столицу республики респонденты назвали семейные факторы (46,8%), отсутствие работы (19,5%) и создание условий для получения детьми об-

[1] Численность и миграция населения Российской Федерации 2020, 2021, 2022, 2023 [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283 (дата обращения: 01.0.2025).

разования более высокого качества, низкий уровень зарплат (8,4%) и низкий уровень жизни в родном кожууне, городе, селе (7,8%). Также 7,8% респондентов, переехавших в г. Кызыл, отметили, что не имели в прежнем месте жительства будущего и перспектив.

Табл. 6. Распределение ответов на вопрос «Почему Вы переехали в г. Кызыл?», в %
Table 6. Distribution of answers to the question "Why did you move to Kyzyl?", in %

Варианты ответа	*Ответы*
Семейные обстоятельства	46,8
Отсутствие работы в моем кожууне, городе	19,5
Получение детьми образования более высокого качества	11,6
Низкие заработные платы в моем кожууне , городе	8,4
Низкий уровень жизни в моем кожууне, городе	7,8
В кожууне у меня не было будущего, перспектив	7,8
Получение медицинского обслуживания для членов семьи	2,9
Высокий уровень преступности в кожууне, городе	2,3
Отсутствие спортивных и культурных мест отдыха в моем кожууне, городе	1,5
Другое	9,6
Затрудняюсь ответить	5,2

Прим.: Респонденты имели возможность выбрать несколько вариантов ответа (не более трех).

Опрос показал, что у большинства респондентов, переехавших в г. Кызыл, значительно улучшилось материальное положение семьи (39%). 23,8% указали на незначительное улучшение; 19,5% — что не произошло никаких изменений в уровне материальной обеспеченности.

Согласно мнению респондентов, г. Кызыл привлекателен для переезда сельских жителей, прежде всего, тем, что имеет больше возможностей для поиска работы и трудоустройства, обладает большим уровнем доступности медицинских услуг, качественным школьным образованием, а также большими возможностями для открытия и ведения бизнеса по сравнению с сельскими территориями республики.

Мнения респондентов относительно мер, которые нужны для создания привлекательных и комфортных условий проживания в сельских поселениях Тувы, распределились следующим образом. Первое ранговое место занимает ответ, согласно которому в сёлах нужно строить современные школы (60,0%). На втором месте по значимости, по мнению респондентов, находится ответ о необходимости открытия производств и создания рабочих мест (47,2%). Необходимость обеспечения районных больниц и фельдшерско-акушерских пунктов (ФАП) диагностическим оборудованием, медицинскими кадрами стоит на третьем месте (41,3%).

Таким образом, жизнь в сельских районах, по мнению респондентов, малопривлекательна, для людей отсутствуют финансовая мотивация и экономические проекты, приносящие доход. В результате социальных, экономических трансформаций, начавшихся в 1990-е гг., сельское население постепенно утрачивает навыки традиционного животноводческого хозяйствования. Стратегия открытия собственного производства проигрывает стратегии поиска работы по найму с удовлетворительным уровнем оплаты.

Социальными последствиями интенсивной внутренней миграции по направлению «село — город» в совокупности с общей демографической ситуацией в столице стала сверхнагрузка на имеющуюся социальную инфраструктуру г. Кызыла. Миграция, а также высокие темпы рождаемости приводят к росту удельного веса населения моложе трудоспособного населения в целом, и детей от 1 до 6 лет в г. Кызыле. В этой ситуации социальная инфраструктура столицы функционирует в условиях, превышающих предельные её возможности. Это можно увидеть по соотношению числа мест в детских дошкольных учреждениях (ДОУ) и числа воспитанников в них (*таб. 7*).

Табл. 7. Соотношение количества мест и воспитанников ДОУ г. Кызыла в 2019–2023 гг., тыс.[1]
Table 7. The ratio of the number of places and pupils of the pre-school in Kyzyl in 2019–2023, thousand

Число мест и кол-во воспитанников в ДОУ	*Годы*				
	2019	*2020*	*2021*	*2022*	*2023*
Число мест	5,5	6,1	6,4	6,9	6,9
Число воспитанников	8,5	8,9	9,1	9,5	10,0

Как показано в *таблице 7*, фактическое количество воспитанников значительно превышает проектные мощности зданий. Приращение количества мест в ДОУ за последние годы не удовлетворяет текущую потребность.

При этом дефицит таких ресурсов, как наличие собственного жилья в городе или достаточной площади жилья, мест в школах и дошкольных образовательных организациях, будет приводить к демографическим рискам, прежде всего, снижению рождаемости.

К социальным рискам такой урбанизации относятся рост агломерации г. Кызыла за счет уплотнения населения и застройки в пригородных территориях без необходимой инженерной и социальной инфраструктуры; росту числа детского населения, не охваченного дошкольным образованием, наполняемости школ сверх норматива в нарушение требований СанПин[2], и, как следствие, снижению качества образования.

Не менее важными являются проблемы, связанные с социализацией вновь прибывших жителей столицы в части усвоения бытовой культуры, принятой в урбанизированных сообществах. Выбывание экономически активной части из сёл может привести к ещё большему культурному, экономическому разрыву районов со столицей.

Основная причина такой миграции — поиск лучших условий жизни, а главным ее риском может явиться потеря тувинскими селами своего экономического потенциала, человеческих ресурсов, что представляет собой угрозы для демографической безопасности приграничного региона, как Республика Тыва.

Заключение

В целом наше исследование показало, что миграционные потоки за несколько десятков лет советского и постсоветского времени в значительной степени повлияли на этнический и социально-демографические профиль населения республики. Характерная для советского периода въездная миграция являлась результатом государственной политики в рамках заданных параметров уровня образования, специальности и отрасли. И это были полностью управляемые процессы. Таким образом, миграционный прирост не всегда является следствием миграционной привлекательности региона, в советское время он, скорее, был результатом государственного принуждения. А направление миграции носило этнически обусловленный характер — тувинское население все больше участвовало во внутренней миграции — трансформация социальной структуры определяла переход сельских жителей в города.

Практики централизованного управления миграционными потоками прекратились с распадом советского государства. Межэтнические противоречия, изменяющаяся структура рынка труда, экономический кризис, наиболее болезненно переживаемый слаборазвитыми регионами, предопределил миграционный отток, прежде всего, русского и иноэтнического населения республики. За произошедшим в начале 1990-х гг. всплеском выездной миграции последовал стабильный, постепенный, но неуклонный их отток, приведший к моноэтнизации населения республики.

[1] Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2024 / статистический сборник. М.: Росстат, 2024. С. 342.
[2] СанПин — санитарные правила и нормы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абылкаликов, С. И. (2021) Особенности демографического развития Тувы: вклад миграции в демографический баланс // Новые исследования Тувы. № 4. С. 131–142. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.10

Абылкаликов, С. И., Баймурзина, Г. Р., Баталов, Р. О. (2023) Миграция населения в Туве по данным Всероссийской переписи населения 2020 года // Новые исследования Тувы. № 2. С. 6–16. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.1

Аксютин, Ю. М. (2018) Влияние трансформации структуры идентичностей жителей Саяно-Алтая в постсоветский период на оценки характера межнациональных отношений // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. В. Катанова. № 25. С. 66–67.

Анайбан, З. В. (2002) Этносоциальные аспекты миграционных процессов в Республике Тыва в 90-е годы // Ученые записки / Тувинский институт гуманитарных исследований. Вып. XIX. Кызыл : Республиканская типография. 326 с. С. 40–49.

Анайбан, З. В. (2020) Современная миграционная ситуация в Туве // Sciences of Europe. № 49. С. 62–66.

Анайбан, З. В., Балакина, Г. Ф. (2015) Динамика межэтнических отношений и этнических стереотипов в Республике Тыва // Социологические исследования. № 8 (376). С. 93–99.

Анайбан, З. В., Губогло, М. Н., Козлов М. С. (1999) Формирование этнополитической ситуации. Том I. Очерки по истории постсоветской Тувы. М. : Центр по изучению межнациональных отношений Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. 420 с.

Ахметова, Г. Ф. (2022) Миграционные процессы в национальных республиках с разным уровнем развития человеческого потенциала (на примере Башкортостана, Татарстана и Тувы) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 53–69. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.4

Бадмаева, Н. В., Натсак, О. Д. (2021) Современная трудовая миграция из Калмыкии и Тувы: экономические, социокультурные и гендерные аспекты // Новые исследования Тувы. № 4. С. 186–205. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.14

Балакина, Г. Ф., Анайбан, З. В. (2016) Особенности этнорегиональной миграции в Туве // Социологические исследования. № 10 (390). С. 85–92.

Балакина, Г. Ф., Анайбан, З. В. (1995) Современная Тува: социокультурные и этнические процессы. Новосибирск : Наука. 137 с.

Бегзи, А. Д. (1975) Формирование городского населения Тувинской АССР и изменение его социальной структуры и национального состава / Ученые записки. Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Вып. XVII. Кызыл : Типография Совета министров Тувинской АССР. 278 с. С. 62–70.

Бузур-оол, Д. Б. (1967) Комбинат «Тувакобальт» — первенец цветной металлургии Тувы // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Вып. XII. Кызыл : Тип-я Управления по печати при Совете Министров Тувинской АССР. 278 с. С. 243–248.

Воробьев, Н. В. (2021) Миграционная динамика сельского населения сибирского макрорегиона // Геополитика и экогеодинамика регионов. Т. 7 (17). Вып. 3. С. 193–203.

Голиусова, Ю. В. (2023) Потенциальная трудовая мобильность населения Республики Тыва // Теория и практика общественного развития. № 9. С. 46–51. DOI: https://doi.org/10.24158/tipor.2023.9.5

Дятлов, В. И. (2024) Столицы сибирских автономий — миссия нациестроительства (динамика функций, статуса и этизации городского пространства) // Периферия. Журнал исследования нестоличных пространств. № 2 (3). С. 8–28. DOI: https://doi.org/10.38161/2949-6152-2024-2-08-28

Евдокимов, А. И. (2019) Внешние миграционные процессы в Республике Тыва в оценках местного населения // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. №11–2 (38). С. 146–149. DOI: https://doi.org/10.24411/2500–1000-2019-11771

Ерохина, Е. А. (2023) Диспропорции в развитии национальных республик России в оценках российских социологов: этносоциальный аспект (на примере Азиатской России) // Society and Security Insights. Т. 6. № 4. С. 13-30. DOI: https://doi.org/10.14258 (SSI(2023)4-01

Иконников, Н. П. (1961) К итогам переписи населения // Ученые записки / Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Вып. IX. Кызыл : Типография управления культуры. 286 с. С. 49–56.

Ламажаа, Ч. К. (2021) Социальная культура тувинцев и онлайн-пространство // Новые исследования Тувы. № 2. С. 115–129. DOI: 10/2578/nit. 2021.2.10

Мельникова, Н. М., Кузнецова, С. А., Чарина, Е. В. (2021) Виртуальный мир как способ сохранения и формирования этнической идентичности в условиях миграции // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия Педагогика. Психология. Философия. № 4 (24). С. 118–125.

Мкртчян, Н. В. (2015) Пространственные особенности внутрироссийской миграции населения // Современные исследования миграции населения. Вып. 25 / под общ. ред. Е. В. Донец, О. С. Чудиновских. М. : МГУ им. М. В. Ломоносова. 150 с. С. 94–111.

Натсак, О. Д., Балакина, Г. Ф. (2024) Гендерные различия в адаптивных стратегиях населения Республики Тыва // Новые исследования Тувы. № 2. С. 177–192. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.11

Натсак, О. Д., Даржаа, Ч. Б. (2023) Миграционные намерения населения Республики Тыва: направления, причины и мотивы // Азиатские исследования: история и современность. № 2–3 (6–7). С. 193–219. DOI: https://doi.org/24412/2782-6139-2023-6-7-193-219

Николаева, А. И. (1967) Трудовые ресурсы Тувинской АССР и их использование в народном хозяйстве // Ученые записки / Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Вып. XII. Кызыл : Типография при Совете министров Тувинской АССР. 278 с. С. 208–220.

Ойдуп, Т. М. (2023) Особенности социально-профессиональных ориентаций выпускников городских и сельских школ Южной Сибири // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. № 3. С. 152–173. DOI: https://doi.org/10.22162/2587-6503-2023-3-27-152-173

Очерки социального развития Тувинской АССР (1983) / Бойко В. И., Белошапкина В. Н., Ширшин Г. Ч. и др. Новосибирск : Наука. 262 с.

Персидская, О. А., Евдокимов, А. И. (2016) Разные виды идентичности у этнических групп Сибири: опыт сопоставления выводов социологических исследований // Исторические, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 10 (72). С. 137–141.

Ростовская, Т. К., Васильева, Е. Н. (2023) Вызовы образовательной миграции молодежи Тувы: демографический аспект // Новые исследования Тувы. № 3. С. 207–219. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.13

Рязанцев, С. В., Ростовская, Т. К., Давлетшина, Л. А. (2022) Актуальные проблемы демографии и подготовки демографов в Туве // Новые исследования Тувы. № 4. С. 146–168. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.12

Селиверстова, Н. А., Сорокин, О. В., Ооржак, С. У. (2023) Смысловые компоненты в представлениях о родине тувинской студенческой молодежи // Новые исследования Тувы. № 1. С. 110–124. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.6

Тарбастаева, И. С. (2024) Сельско-городское взаимодействие в Туве (по материалам интервью с уроженцами Овюрского района) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 209–224. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.1

Татарова, С. П., Затеева, Н. А. (2021) Проблемы развития сельских территорий (на примере республик Бурятия и Тыва) // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. Т. 6. № 1. С. 58–65. DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-1-58-65

Харунов, Р. Ш., Харунова, М. М.-Б. (2021) Образовательная миграция как жизненная стратегия молодежи Тувы // Ермолаевские чтения. С. 32–36. DOI: https://doi.org/10.24412/2686-9624-2021-32-36

Чернышев, К. А., Митягина, Е. В., Чернышева, Н. В., Петров, Е. Ю. (2023) Масштабы и направления образовательной миграции тувинской молодёжи // Новые исследования Тувы. № 2. С. 70–83. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.5

Дата поступления: 28.02.2025 г.

Дата принятия: 24.04.2025 г.

REFERENCES

Abylkalikov, S. I. (2021) Features of Demographic Development of Tuva: The Contribution of Migration to the Demographic Balance. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 131–142. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.10

Abylkalikov, S. I., Baimurzina, G. R. and Batalov, R. O. (2023) Population Migration in Tuva According to the 2020 All-Russian Population Census. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 6–16. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.1

Aksyutin, Yu. M. (2018) The Influence of Identity Structure Transformation on Interethnic Relations in Sayano-Altai in the Post-Soviet Period. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.V. Katanova*, no. 25, pp. 66–67. (In Russ.)

Anaiban, Z. V. (2002) Ethnosocial Aspects of Migration Processes in the Republic of Tuva in the 1990s. In: *Uchenye zapiski. Tuvinskiy institut gumanitarnykh issledovaniy*, vol. XIX. Kyzyl, Respublikanskaya tipografiya. 326 p. Pp. 40–49. (In Russ.)

Anaiban, Z. V. (2020) The Current Migration Situation in Tuva. *Sciences of Europe*, no. 49, pp. 62–66. (In Russ.)

Anaiban, Z. V. and Balakina, G. F. (2015) Dynamics of Interethnic Relations and Ethnic Stereotypes in the Republic of Tuva. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, no. 8 (376), pp. 93–99. (In Russ.)

Anaiban, Z. V., Guboglo, M. N. and Kozlov, M. S. (1999) *Formation of the Ethnopolitical Situation. Vol. I. Essays on the History of Post-Soviet Tuva*. Moscow, Center for the Study of Interethnic Relations, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS. 420 p. (In Russ.)

Akhmetova, G. F. (2022) Migration Processes in National Republics with Different Human Development Levels (Case Studies of Bashkortostan, Tatarstan and Tuva). *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 53–69. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.4

Badmaeva, N. V. and Natsak, O. D. (2021) Contemporary Labor Migration from Kalmykia and Tuva: Economic, Sociocultural and Gender Aspects. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 186–205. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.14

Balakina, G. F. and Anaiban, Z. V. (2016) Features of Ethnoregional Migration in Tuva. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, no. 10 (390), pp. 85–92. (In Russ.)

Balakina, G. F. and Anaiban, Z. V. (1995) *Modern Tuva: Sociocultural and Ethnic Processes*. Novosibirsk, Nauka. 137 p. (In Russ.)

Begzi, A. D. (1975) Formation of Urban Population in Tuva and the Evolution of Its Social Structure and Ethnic Composition. In: *Uchyonye zapiski*, vol. XVII. Kyzyl, Sovet Ministrov ASSR. 278 p. Pp. 62–70. (In Russ.)

Buzur-ool, D. B. (1967) The “Tuvacobalt” Plant — The First in Tuvan Non-Ferrous Metallurgy. In: *Uchenye zapiski TNIYALI*, vol. XII. Kyzyl, Sovet Ministrov. 278 p. Pp. 243–248. (In Russ.)

Vorobyev, N. V. (2021) Migration Dynamics of Rural Population in Siberia. *Geopolitika i ekogeodinamika regionov*, vol. 7 (17), no. 3, pp. 193–203. (In Russ.)

Goliusova, Y. V. (2023) Potential Labor Mobility of the Population of the Republic of Tuva. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, no. 9, pp. 46–51. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.24158/tipor.2023.9.5

Dyatlov, V. I. (2024) Capitals of Siberian Autonomous Regions and the Nation-Building Mission: Dynamics of Functions, Status, and Ethnization of Urban Space. *Periferiya. Zhurnal issledovaniya nestolichnykh prostranstv*, no. 2(3), pp. 8–28. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.38161/2949-6152-2024-2-08-28

Evdokimov, A. I. (2019) External Migration Processes in the Republic of Tuva as Perceived by Local Population. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, no. 11–2 (38), pp. 146–149. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.24411/2500-1000-2019-11771

Erokhina, E. A. (2023) Disparities in the Development of Russian National Republics: Ethnosocial View of Asian Russia. *Society and Security Insights*, vol. 6, no. 4, pp. 13–30. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.14258/SSI(2023)4-01

Ikonnikov, N. P. (1961) On the Results of the Population Census. In: *Uchyonye zapiski Tuvinskogo NII yazyka, literatury i istorii*, vol. IX. Kyzyl: Tipografiya upravleniya kultury. 286 p. Pp. 49–56. (In Russ.)

Lamazhaa, Ch. K. (2021) Social Culture of the Tuvans and Online Space. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 115–129. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.10

Melnikova, N. M., Kuznetsova, S. A., Charina, E. V. (2021) The Virtual World as a Way to Preserve and Shape Ethnic Identity under Migration Settings. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal’nogo universiteta im. M.K. Ammosova. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Filosofiya*, no. 4 (24), pp. 118–125. (In Russ.)

Mkrtchyan, N. V. (2015) Spatial Features of Internal Migration in Russia. In: Donets, E. V. and Chudinovskikh, O. S. (eds.) *Modern Research of Population Migration*, vol. 25. Moscow, Moscow State University. 150 p. Pp. 94–111. (In Russ.)

Natsak, O. D. and Balakina, G. F. (2024) Gender Differences in Adaptive Strategies of the Population of the Republic of Tuva. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 177–192. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.11

Natsak, O. D. and Darzhaa, Ch. B. (2023) Migration Intentions of the Population of the Republic of Tuva: Directions, Causes and Motives. *Aziatskiye issledovaniya: istoriya i sovremennost’*, no. 2–3 (6–7), pp. 193–219. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.24412/2782-6139-2023-6-7-193-219

Nikolaeva, A. I. (1967) Labor Resources of the Tuva ASSR and Their Use in the National Economy. In: *Uchenye zapiski*, vol. XII. Kyzyl: Sovet Ministrov. 278 p. Pp. 208–220. (In Russ.)

Oidup, T. M. (2023) Social and Professional Orientations of Graduates from Urban and Rural Schools in Southern Siberia. *Byulleten' Kalmytskogo nauchnogo tsentra RAN*, no. 3, pp. 152–173. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.22162/2587-6503-2023-3-27-152-173

Essays on Social Development of the Tuva ASSR (1983) / Boyko, V. I., Beloshapkina, V. N., Shirshin, G. Ch., et al. Novosibirsk, Nauka. 262 p. (In Russ.)

Persidskaya, O. A. and Evdokimov, A. I. (2016) Different Types of Identity among Ethnic Groups in Siberia: Comparative Sociological Analysis. *Istoricheskiye, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kulturologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki*, no. 10 (72), pp. 137–141. (In Russ.)

Rostovskaya, T. K. and Vasilieva, E. N. (2023) Challenges of Educational Migration of Tuva Youth: Demographic Aspects. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 207–219. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.13

Ryazantsev, S. V., Rostovskaya, T. K. and Davletshina, L. A. (2022) Current Demographic Issues and Demographer Training in Tuva. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 146–168. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.12

Seliverstova, N. A., Sorokin, O. V. and Oorzhak, S. U. (2023) Semantics of Homeland in Representations of Tuvan Students. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 110–124. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.6

Tarbastaeva, I. S. (2024) Rural-Urban Relations in Tuva (Based on Interviews with Natives of Ovyursky District). *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 209–224. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.1

Tatarova, S. P. and Zateeva, N. A. (2021) Issues of Rural Development (Cases of Buryatia and Tuva). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskiye, sotsiologicheskiye i ekonomicheskiye nauki*, vol. 6, no. 1, pp. 58–65. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-1-58-65

Kharunov, R. Sh. and Kharunova, M. M.-B. (2021) Educational Migration as a Life Strategy of Youth in Tuva. *Ermolayevskiye chteniya*, pp. 32–36. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.24412/2686-9624-2021-32-36

Chernyshov, K. A., Mityagina, E. V., Chernyshova, N. V. and Petrov, E. Yu. (2023) Scale and Orientation of Educational Migration of Tuvan Youth. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 70–83. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.5

Submission date: 28.02.2025.

Acceptance date: 24.04.2025.

DOI: 10.25178/nit.2025.4.4

Статья

«За Саянами»: эволюция этнической и территориальной идентичности уроженцев Тувы, мигрировавших в другие регионы России

Олег В. Лысенко
Пермский государственный национальный исследовательский университет, Российская Федерация,
Регина О. Ширап
Тувинский государственный университет, Российская Федерация

В статье исследуются вопросы трансформации локальной и этнической идентичности тувинцев в процессе их миграции из Тувы в другие регионы страны. Исследование базируется на основании глубинных интервью с 11 информантами, проведенных в 2025 г. в онлайн-формате: тувинцами, выходцами из республики, проживающими в других регионах России и за рубежом.

Выявлены два основных сценария миграции: рациональный выбор в пользу получения образования в престижном вузе страны, и спонтанные решения, связанные с желанием избежать рутинной жизни, увидеть большие города, ослабить связи с родственниками. Подчеркиваются гендерные аспекты миграции, где женщины стремятся выйти за рамки традиционного восприятия своей роли в тувинском обществе путем получения образования, профессиональной реализации в крупных городах и осознанного выбора приоритетов.

Адаптация тувинских мигрантов нередко сопровождается языковыми, культурными и бытовыми трудностями, однако этническая принадлежность становится ресурсом для преодоления этих проблем через взаимопомощь и формирование землячеств. Эмоциональные связи с родиной остаются сильными, однако многие опрошенные не планируют возвращение по ряду причин.

Авторы пришли к выводу, что с увеличением времени проживания вне родины у тувинцев усиливается этническая идентичность при одновременном ослаблении территориальной.

Ключевые слова: *тувинцы; Тува; миграция; территориальная идентичность; локальная идентичность; этническая идентичность; гражданская идентичность*

Статья подготовлена при финансовой поддержке НИУ ВШЭ (проект «Миграции в социально-экономическом, демографическом, культурном и человеческом измерении (кейсы Пермского края и Республики Тыва в 1920-х — начале 1960-х гг.)».

Для цитирования:
Лысенко О. В., Ширап Р. О. «За Саянами»: эволюция этнической и территориальной идентичности уроженцев Тувы, мигрировавших в другие регионы России // Новые исследования Тувы. 2025. № 4. С. 58-74. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.4

Лысенко Олег Владиславович — кандидат социологических наук, доцент кафедры культурологии и социально-гуманитарных технологий Пермского государственного национального исследовательского университета. Адрес: 614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15. Эл. адрес: oleg-lysenko@yandex.ru

Ширап Регина Олеговна — кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Тувинского государственного университета. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Ленина, д. 36. Эл. адрес: reggylook@yandex.ru

LYSENKO, Oleg Vladislavovich, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Cultural Studies and Socio-Humanitarian Technologies, Perm State National Research University. Postal address: 15 Bukireva St., Perm, 614068, Russia. E-mail: oleg-lysenko@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-2605-9126

SHIRAP, Regina Olegovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of National History, Tuvan State University. Postal address: 36 Lenina St., Kyzyl, 667000, Russia. E-mail: reggylook@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-6060-2308

Article

"Beyond the Sayan Mountains": Evolution of Ethnic and Territorial Identity of Natives of Tuva Who Migrated to Other Regions of Russia

Oleg V. Lysenko
Perm State National Research University, Russian Federation,
Regina O. Shirap
Tuvan State University, Russian Federation

The article analyzes the issues of transformation of local and ethnic identity among Tuvans during their migration from Tuva to other regions of the country. The study is based on in-depth interviews with 11 informants, conducted online in 2025: Tuvans, natives of the republic, residing in other regions of Russia and abroad.

The authors identify two main scenarios for migration: the rational choice in favor of obtaining an education at a prestigious university in the country, and spontaneous decisions related to the desire to escape routine life, see large cities, and loosen family ties. Gender aspects of migration are emphasized, wherein women seek to go beyond the traditional perception of their role in Tuvan society by obtaining education, achieving professional self-realization in large cities, and consciously choosing their priorities.

Adaptation of Tuvan migrants is often accompanied by linguistic, cultural, and everyday challenges; however, ethnic affiliation serves as a resource for overcoming these issues through mutual assistance and the formation of community associations ("zemlyachestvo"). Emotional ties to the homeland remain strong but many respondents do not plan to return for a number of reasons.

The authors conclude that with increasing duration of residence outside their homeland, Tuvans experience a strengthening of ethnic identity alongside a simultaneous weakening of territorial identity.

Keywords: *Tuvans; Tuva; migration; territorial identity; local identity; ethnic identity; civic identity*

Financing
The article was prepared with the financial support of the HSE University (the project "Migration in socio-economic, demographic, cultural and human dimensions (cases of the Perm Region and the Republic of Tuva in the 1920s — early 1960s)".

For citation:
Lysenko O. V. and Shirap R. O. "Beyond the Sayan Mountains": Evolution of Ethnic and Territorial Identity of Natives of Tuva Who Migrated to Other Regions of Russia. *New Research of Tuva*, 2025, no. 4, pp. 58-74. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.4

Введение

Миграционные процессы — одно из наиболее значимых и сложных явлений в современном глобальном мире. Они оказывают огромное влияние практически на все сферы жизни российского общества, как позитивные, так и негативные. Особое значение приобретает изучение особенностей миграционных движений в современной демографической ситуации, когда, в силу естественных демографических процессов, между странами и регионами усиливается конкуренция за людей, как основу экономического развития, политической стабильности и сохранения культурного наследия. Все это справедливо и в отношении Республики Тыва (Тувы), которая на протяжении последних десятилетий является регионом-донором в миграционных процессах.

Актуальность такого исследования определяется ставшими классическими научными представлениями о ключевой роли идентичности в жизни общества (Бергер, Лукман, 1995; Абельс, 1999; Ядов, 1995; Жаде, 2007) и взаимосвязью территориальных и этнических идентичностей с существованием национальных и региональных сообществ. По сути, это основа всех социальных, поли-

тических и культурных процессов, главный фактор сохранения любого сообщества, в том числе территориального и национального. Утрата идентичности грозит исчезновением для любого сообщества, а миграционные процессы бросают достаточно серьезный вызов этому фундаментальному элементу социумов.

Отсюда вытекает цель нашего исследования — выявить, как меняется восприятие республики у молодых жителей Тувы после нескольких лет жизни в других регионах, как меняется приоритетность и содержание их локальной (региональной, поселенческой) и этнической идентичности, и как это влияет на принятие решения о возвращении или невозвращении на родину после обучения/получения опыта работы.

Для достижения этой цели мы решаем следующие задачи:

- выявить основные сценарии образовательной миграции молодых жителей Тувы;
- проследить, как влияет этническая идентичность на адаптационные способности молодых выходцев из Тувы;
- проследить, как меняются (ослабевают или, наоборот, укрепляются) их связи с семьей, локальным сообществом, регионом и какие факторы имеют при этом решающее значение;
- выяснить, каковы их планы на дальнейшую жизнь, в том числе планируют ли они возвращаться в регион, и если да, то при каких условиях и обстоятельствах;
- проследить какое место в общей структуре территориальных идентичностей занимает региональная, локальная и этническая идентичность.

Вынесение в заголовок фразеологизма «за Саянами» объясняется тем, что среди населения Тувы существуют устоявшееся восприятие этого словосочетания как чего-то что происходит вне Республики Тыва, в частности за Саянскими горами. «За Саянами» также часто используется самими жителями Тувы как обозначение всех локаций мигрировавших в другие регионы земляков. Также в научный оборот введено условное название «засаянские тувинцы», предложенное Ч. К. Ламажаа (Ламажаа, 2014) для обозначения тувинского населения, рассеянного по всему миру.

Хронологические рамки данного исследования охватывают период с 2000-х гг., когда наступило время относительной экономической стабилизации и сформировались современные миграционные тренды (Абылкаликов, 2021), по настоящее время.

Наше исследование строится на глубинных интервью, взятых у уроженцев Тувы, этнических тувинцев, в разные годы уехавших для обучения в другие регионы страны и за рубеж. Интервью проводились в онлайн-формате через мессенджер *Telegram* и социальную сеть КНР *WeChat* (с информантом, который в данный момент обучается в Китае). Всего было взято 11 интервью на русском языке в период с апреля по июнь 2025 г., всем собеседникам была гарантирована анонимность.

В выборке представлены информанты с разными социально-демографическими характеристиками и социальным опытом: 1) трое мужчин и восемь женщин, что соответствует общей тенденции (согласно некоторым исследованиям, женщины чаще проявляют миграционную активность, см: Натсак, Балакина, 2024); 2) три информанта в возрасте до 18 лет, пять человек в возрасте до 35 лет и 4 человека в возрасте от 35 до 42-х лет; при малой выборке такой подбор позволяет зафиксировать как первичные (самые «свежие») впечатления от перемены места жительства, так и проследить весь путь адаптации, включая изменения восприятия этнической и локальной идентичности; 3) среди информантов представлены нынешние жители Москвы (2 чел.), Санкт-Петербурга (3 чел.), Красноярского края (3 чел.), Екатеринбурга, Абакана, Ямало-Ненецкого автономного округа (по 1 чел.); при этом многие информанты имеют опыт проживания и в других городах, и даже странах (Пермь, Новосибирск, Челябинск, Ачинск, Китай, Корея); один информант после смены двух городов вернулся обратно в Кызыл; 4) четверо информантов имеют среднее-профессиональное образование или находятся в процессе его получения; остальные информанты имеют высшее образование; 5) в настоящий момент все информанты, кроме обучающихся в учреждениях среднего профессионального образования, являются состоявшимися людьми, работающими медиками, экономистами, юристами, программистами, сотрудниками вузов. Большинство из совершеннолетних информантов замужем/женаты, имеют детей; 6) трое информантов на момент проведения интервью проживали «за Саянами» менее года (точнее — около 9 месяцев — это обучающиеся колледжа), двое информантов имеют относительно небольшой стаж миграции — 9 и 13 лет, трое информантов — 17-18 лет, и еще трое — более 20 лет.

Хотя данная выборка не может претендовать на репрезентативность в понимании количественных методов, разнообразие представленных в ней социальных типов позволяет нам увидеть миграционные процессы глазами разных людей, последить различные сценарии миграции и выделить общие особенности трансформации этнической и территориальной идентичности.

При интерпретации полученных данных мы опирались на теоретические и эмпирические исследования, посвященные проблемам формирования и трансформации территориальной и этнической идентичности, в том числе — на авторские наработки по этой теме. Один из авторов этой статьи (О. В. Лысенко) проводил исследования, посвященные структуре территориальных идентичностей качественными и количественными методами в разных регионах страны: Пермском крае, Республике Хакасия, в Иркутской, Брянской, Новгородской, Сахалинской областях. Часть результатов этих исследований опубликована (Пермь как стиль … , 2013), часть находится в личном архиве. Эти исследования исходили из популярной метафоры соотношения территориальных идентичностей в современном национальном государстве как «матрешки», в которой идентичности более широкого масштаба вмещают в себя идентичности меньшего масштаба. Например, общероссийская идентичность может вмещать в себя идентичности региональную, локальную (городскую или поселенческую) и микролокальную (житель микрорайона, улицы, вернакулярного[1] района).

Понимая социальную идентичность как самоотождествление человека с какой-либо общностью, и учитывая, что при наличии разного рода территориальных идентичностей у отдельно взятого индивида некоторые из идентичностей могут превалировать над всеми остальными, нами был создан базовый инструментарий для замера их иерархии в массовом сознании через ранговую шкалу. При этом в состав территориальных идентичностей мы ввели и этническую идентичность, основываясь, во-первых, на многочисленных исследованиях, выявляющих особую роль территорий в процессах этногенеза (Ассман, 2004; Фадеичева, 2006; Андерсон, 2016; Мочалов, 2017; Медушевский, 2025abc), а во-вторых, на закрепившуюся в массовом сознании российского общества связь этничности и территории, что подкрепляется существованием административных национально-территориальных образований.

Обзор литературы

В настоящее время накоплено немало исследований, посвященных миграционным процессам в Туве. Не претендуя на полноту обзора, мы рассмотрим основные направления и достижения коллег в этой области.

Прежде всего следует отметить большой вклад в изучение этой темы демографов, географов и экономистов. В качестве источников в этих исследованиях используются данные государственной и ведомственной статистики (Ростовская, Васильева, 2023; Абылкаликов, Баймурзина, Баталов, 2023; Абылкаликов, 2021; Гончиков и др., 2019; Безвербный, Микрюков, Ситковский, 2024), иногда — новые цифровые источники (Чернышев, Митягина, 2023). Благодаря таким исследованиям мы имеем представление о количестве людей, вовлеченных во внешние и внутренние миграционные процессы Тувы, социально-демографический и этнический состав мигрантов, наиболее популярные направления миграции, наиболее важные факторы перемещению людей в пространстве, и иные важные сведения. Общим достоинством такого рода работ мы считаем количественный анализ, позволяющий выявить основные тенденции развития общей ситуации и задающий рамку управления изменениями. Однако, статистические данные не позволяют понять, какими мотивами движимы люди, принимающие решения о миграции, как они сами оценивают свои перспективы, как они строят планы на будущее и с какими проблемами они сталкиваются. Отдельно подчеркнем, что этот недостаток никоим образом нельзя адресовать авторам упомянутых работ — он вытекает из ограничения самих используемых источников.

Другим важным и интересным направлением изучения миграционных процессов являются социологические исследования (Ойдуп, Кылгыдай, 2011; Балакина, Анайбан, 2016; Натсак, Даржаа,

[1] Вернакулярный район — территория, бытующая в массовом сознании вне административных границ; обладает названием и наделяется специфическими качествами (См.: Смирнягин Л. В. Вернакулярный район / Социально-экономическая география: понятия и термины. Словарь-справочник / отв. ред. А. П. Горкин. Смоленск: Ойкумена, 2013. С. 35–36).

2023). Социологи вносят важное дополнение к статистическим исследованиям, вводят в научный и управленческий оборот информацию и миграционных настроениях населения, устанавливают корреляции между образовательным, имущественным и поселенческим статусом респондентов и их планами на перемещение. Для нашего исследования особо ценными являются работы, непосредственно связанные с тематикой заявленного исследования. Прежде всего, это статья Ч. К. Ламажаа, посвященная описанию социокультурного портрета мигрантов, их связей с малой родиной, оценке степени сохранности тувинских традиций среди мигрантов, вопросам трудоустройства «за Саянами», характеристикам тувинской общественной жизни в крупных российских городах на основе интернет-опроса (Ламажаа, 2014). Далее, следует отметить и работы В. С. Донгак[1] и Д. Ш. Монгуш, прямо направленные на исследование распространенности этнической идентичности среди тувинцев (Донгак, Монгуш, 2021). Анализ полученных этими исследователями результатов будет приведен ниже, в сопоставлении с результатами, полученными нами.

Также мы использовали результаты исследования коллег-социологов, сравнивших трудовую миграцию в Туве и Калмыкии на материалах глубинных интервью. Для нашего исследования важно, что в данной работе уделяется особое внимание «вопросам сохранения этнической и религиозной идентичности в иноэтнической среде, связям с малой родиной» (Бадмаева, Натсак, 2021: 188).

Мы предлагаем свой вклад в исследования миграционных процессов Тувы и сосредоточились на изучении процессов трансформации идентичности в рамках прежде всего образовательной миграции тувинцев, опираясь на результаты собственного исследования, выполненного методом биографического интервью.

Основные сценарии образовательной миграции молодых жителей Тувы

Судьба наших информантов до их переезда «за Саяны» складывалась по-разному: кто-то родился в сельской местности, кто-то — в Кызыле. У большинства опрошенных — неполные семьи, некоторые из них воспитывались в интернате в Кызыле, в одном случае информант рассказывал о приемной семье. Только одна девушка поведала, что ее воспитывали и оба родителя, и бабушка с дедушкой, причем она отмечала это как особый, редко встречающийся случай. Дважды встречаются истории о передаче информантов в детском возрасте на воспитание в семью родственников.

В рассказах упоминается разное материальное, социальное и образовательное положение родительской семьи. Есть примеры родителей медиков, заведующих сельским клубом культуры, предпринимателей, программистов, фермеров, актрисы, сотрудников правоохранительных органов. Отсутствие одного или обоих родителей чаще всего компенсировалось участием в жизни информанта большого числа других родственников — бабушек, дедушек, теть, дядей, братьев, сестер (родных и двоюродных) и т. д., что подтверждает тезис многих авторов о сохранении в тувинском обществе сильной традиции расширенной семьи, рода (Ламажаа, 2021: 124–125).

В рассказах информантов просматриваются два сценария возникновения и воплощения миграционных настроений их в жизнь. Первый — заблаговременный и рациональный, инициированный родителями, родственниками, а иногда учителями. Если ребенок проявлял усердие в учебе, родители загодя начинали готовить его к поступлению в вуз другого города. Для этого нанимались репетиторы, семья могла переехать в Кызыл, чтобы отдать ребенка в престижную школу, гимназию или лицей. Один из информантов готовился к месту в целевом наборе от государственного ведомства, проходя собеседования и тесты. Такой сценарий описывается информантами из более или менее благополучных семей. Этот сценарий опирается на такие мотивы миграции, как стремление к успеху, самореализации («Ещё когда я была несовершеннолетней, я хотела учиться, чтобы учиться, чтобы расти» — женщина, юрист, г. Абакан), занятию престижных позиций в будущем. Часто это сочетается с неуверенностью в способности реализоваться в регионе из-за отсутствия у семьи (в данном случае — понимаемой как расширенная, семейная группа, включающая многих родственников) административных ресурсов и связей для дальнейшей протекции при трудоустройстве.

Второй сценарий — спонтанный и иногда даже вынужденный. После неудач поступления в Туве (из-за большого конкурса или отсутствия нужного направления обучения, например, военного),

[1] Донгак В. С. Этническая идентичность тувинцев: дисс. … канд. соц. наук. СПб., 2003.

а также из-за опасений «…если ты год-два простаиваешь, не поступаешь, в армию не идешь ты, естественно, начинаешь плохими вещами заниматься… употребление алкоголя, туда-сюда» (мужчина, медик, г. Санкт-Петербург), некоторые информанты воспользовались первой подвернувшейся возможностью поступить хоть куда-то: «в Ачинске, в медицинский колледж, критический недобор был… Вот так вот повезло…» (он же). В одном случае решение поступать в колледж за пределами Тувы за информанта было принято воспитателями в интернате, поскольку он в этот момент «отдыхал в санатории» (мужчина, студент, Красноярский край). Второй вариант принятия решения сочетается у информантов с двумя обстоятельствами: отсутствием одного или обоих родителей, с ослабленными семейными связями и желанием «вырваться из провинции», убежать от рутины, избежать неприятных контактов с родственниками («хотелось убежать от них подальше» — женщина, медик, Ямало-Ненецкий автономный округ); обзавестись новыми друзьями («..Ну, просто чтобы тоже иметь русских друзей, другой национальности тоже» — мужчина, студент, Красноярский край), посмотреть другие города, получить новые впечатления, возможно компенсировать прежние социальные неудачи достаточно смелым и, по словам самих информантов, значимым поступком. Уезжать из республики, по словам наших информантов, перспективно, эта оценка формируется учителями, родителями, самой молодежной средой.

Мотивы выбора места для миграции можно разделить на две группы:

1) условно «притягивающие», способствующие выбору нынешнего города проживания;

2) условно «отталкивающие», не способствующие выбору города в качестве места миграции.

К первой группе отнесем следующие мотивы:

— наличие родственников, знакомых в городе: «Тут моя сестра учится» (женщина, 17 лет, студент, Красноярский край); вероятно также информация о наличии в городе и в учебном заведении значительного числа земляков;

— низкий порог поступления, вызванный либо доступностью сервисов поступления, (некоторые информанты поступали до введения обязательного ЕГЭ), либо ориентацией образовательных учреждений на выходцев из отдаленных регионов: «Полярная Академия… там просто ректор — казашка, она … решила [создать] университет для представителей из Сибири, Дальнего Востока, Севера» (женщина, сотрудник вуза, г. Москва); «недобор учеников [был], и они разослали к нам, в Республику Тыва… воспользовались моментом» (мужчина, медик, г. Санкт-Петербург);

— пример родителей: «мама тоже училась в Челябинске» (женщина, программист, Челябинск-Москва-Китай[1]);

— престижность и культурное амплуа города: «Я мечтала о Москве…», (женщина, сотрудник вуза, г. Москва); «я просто увидела по телевизору очень красивую архитектуру Санкт-Петербурга. … Хотелось всё это вживую посмотреть и жить в этом городе» (женщина, медик, Ямало-Ненецкий автономный округ);

— транспортная доступность: «[рассматривал поступление] в ближайшем городе, в Ачинске» (мужчина, медик, г. Санкт-Петербург);

— случайные факторы, например, «потому что первыми прошли экзамены именно в Петербург» (женщина, экономист, СПб) или «мне тут очень понравилось, везде зелень и ночью всегда дожди… и я решила здесь остаться» (женщина, юрист, Абакан).

Ко второй группе мотивов, характеризующихся как отказ от определенного города в пользу другого, относятся:

— недостаточная степень «необычности», можно сказать даже экзотичности принимающего города: «А в Иркутске…у меня не было такого желания туда ехать… Иркутск, на мой взгляд, это слишком в пределах Сибири и как-то слишком обыденно… там слишком много азиатов» (женщина, сотрудник вуза, г. Москва);

— затрудненная транспортная доступность: «В Саратове слишком далеко было и как-то неудобно ездить» (женщина, юрист, г. Кызыл),

[1] Информантка сперва долгое время проживала в Челябинске, затем — в Москве, а ныне находится на обучении в Китайской Народной республике.

— стоимость проживания в городе: «… Но на тот момент, это 2000 год, деньги, финансы, родители бюджетники, забастовки все были у учителей. И, соответственно, я мечтала о Москве, но почему-то подумали, что Питер хоть и далеко, но там, наверное, не так дорого, не так сложно жить» (женщина, экономист, г. Санкт-Петербург).

У тувинских абитуриентов встречается еще один мотив выбора, обусловленный специфическими религиозными традициями этнической культуры: советы от ламы или шамана. Как минимум, двое информантов упомянули о такой практике.

Миграционные сценарии в рамках образовательной миграции подразумевают не только первичное обучение, но и планы на дальнейшую жизнь. Разумеется, на первых порах они могут быть весьма туманны, неустойчивы. Так, например, у самых молодых наших собеседников, студентов-мужчин, возникает желание продолжить знакомство с городами, посмотреть мир, реализовать несбывшиеся пока мечты о военной службе (в военно-морском флоте). Остальные информанты по-разному преодолевали эту развилку своего жизненного пути.

Кто-то пытался вернуться в регион, но не смог найти работу с хорошей оплатой и без связей: «зарплаты хватало на неделю» (мужчина, медик, г. Санкт-Петербург); «когда я начала искать работу в Туве, это было, наверное, в 10 раз сложнее, чем найти работу в Петербурге… устроиться на хорошую должность в Туве — это, наверное, почти нереальная история, если у тебя нет знакомств» (женщина, экономист г. Санкт-Петербург) (последний фрагмент вновь свидетельствует, что одним из факторов, выталкивающих молодежь из региона, является отсутствие административных ресурсов у семейной группы). Кого-то привлекали в принимающем городе лучшая доступность социальных благ — медицины, образования для детей, публичных пространств, «третьих мест», то есть неформальных пространств для общения индивидов, не связанных с домом или работой, такие как кафе, кофейни, бары, пабы, рестораны и таверны, общественные культурные центры, рынки, торгово-развлекательные центры, парикмахерские, салоны красоты (см.: Ольденбург, 2014). Кто-то собирался продолжить образование в магистратуре, ординатуре, аспирантуре.

Но есть и еще три важных для нашей работы мотива выбора на этом этапе жизненного пути, и все они имеют гендерный аспект, т. е. все встречаются в интервью с женщинами.

Первый — относительно традиционный — возникновение романтических отношений с партнером, иногда перерастающих в брак. Этот мощный стимул, разумеется, становился для девушек решающим, и приводил с вполне «легальному», с точки зрения их родственников, решению не возвращаться домой, оставаясь в городах-реципиентах или следуя за своими мужчинами в другие города и регионы (последнее фиксируется дважды). Второй мотив — желание сохранить достигнутую престижную позицию человека, добившегося успеха за пределами республики своими трудами, получившего новый опыт жизни в больших городах в «мужских» сферах — финансах, бизнесе («я нашла то, что мне нравится, и стала специалистом в своей области, чем я действительно горжусь… у меня есть знания, компетенции и опыт» — женщина, экономист, г. Санкт-Петербург). А третий мотив связан с опытом иных, отличных от традиционных мотивов гендерных ролей. Некоторые информанты-женщины прямо или косвенно указали, что новый опыт самостоятельности в планировании собственной жизни оказался для них ценным.

> «Изначально, когда те же самые мои родители отправляли меня учиться, у них была чёткая цель, и они это озвучили, естественно. То есть подход такой — ты уезжаешь, получаешь образование, приезжаешь и вносишь вклад в свою семью. И занимаешь своё определённое место именно в тувинской среде» (женщина, юрист, г. Абакан).

Это место предполагает, помимо, прочего, следование традиционным гендерным ролям, включая необходимость выйти замуж («…тебе начинают говорить, что ты должна выйти замуж где-то с 23 примерно» — она же) и принятие доминирования мужа, что не всегда устраивает девушек, получивших высшее образование («но если у человека взгляд на жизнь традиционный, а не современный, я не смогу», «я за современные, равноправные эти все отношения» — она же). Так же некоторых из них смущает «негибкость», черно-белая дихатомичность социальных норм на своей малой родине, что в целом свойственно культуре небольших городов и сельской местности (Зубаревич, 2017):

> «У нас [в Туве] представление есть: чёрное и белое. То есть либо ты белый, либо ты чёрный. Почему нельзя быть и белым, и хорошим, и чёрным хорошим?» (женщина, экономист, г. Санкт-Петербург).

Иными словами, традиционные культурные устои тувинского общества, безусловно, выполняющие во многих случаях позитивную роль, иногда оказываются слишком тесными для уехавшей молодежи, особенно для женщин.

Итак, образовательная миграция молодежи Тувы строится по двум основным сценариям. Первый можно охарактеризовать как рациональный, основанный на планировании и поддержке родителей (семьи), а второй — как спонтанный, возникающий в ответ на неудачи и стремление к изменениям. Важными мотивами для выбора места жительства становятся наличие социальных связей, культурная привлекательность и транспортная доступность города, стоимость проживания, а также доступность образовательных возможностей. Гендерные аспекты также играют значимую роль, особенно для женщин, ищущих независимость и возможность уйти от традиционных норм и устоев.

Этническая принадлежность как способ преодоления трудностей адаптации

Все трудности, с которыми столкнулись наши информанты, можно разделить на четыре типа.

Прежде всего, это недостаточные языковые навыки. Поскольку в самой республике, по сведениям исследователей, сложилась ситуация языкового тувинско-русского двуязычия с преобладанием тувинского языка (Бадмаева, Натсак, 2021) многие абитуриенты поначалу испытывают трудности с общением на русском языке:

> «Мы всё понимаем. У нас всё в голове, всё это понимание, нам всё говорят, мы всё понимаем. Но просто с произношением у нас проблемы. Мы не можем выговаривать всё это красиво, без акцента. … И я … пением развивал свой русский язык» (мужчина, медик, г. Санкт-Петербург).

Далее, это вполне ожидаемые материальные трудности, особенно у выходцев из неполных семей, у оставшихся без родителей. Некоторые информанты вспоминали о том, что они буквально голодали (женщина, медик, Ямало-Ненецкий автономный округ), многие уже на первых курсах устраивались на подработки.

Не менее значимыми на первых порах были и трудности культурно-бытового характера, например, отсутствие привычной еды, национальной кухни, неумение ориентироваться в пространстве большого города, непонимание транспортной системы или непривычность некоторых культурных сервисов («Не знал, как заказать такси» — мужчина, студент, Красноярский край).

Еще одной проблемой, с которой сталкивались наши информанты, оказались межнациональные и расовые стереотипы, ставшие причиной многих конфликтов. Половина наших собеседников вспоминает случаи, когда они лично становились объектами нападок из своей этнической и расовой принадлежности (поскольку «Мы не славянской внешности, конечно…» — мужчина, медик, г. Санкт-Петербург), и почти все информанты смогли вспомнить случаи нанесения обид другим выходцам из Тувы и представителям иных этносов. Трения и конфликты на расовой и национальной почве варьируются от присваивания тувинцам ярлыков «китаец» или «иностранец», что, разумеется, обижает выходцев из Тувы, до открытых нападений со стороны националистов-«скинхедов». Печальную славу опасного для лиц с азиатской внешностью города имел г. Санкт-Петербург в 2000-х гг. (ныне проживающие в Петербурге тувинцы о таких случаях не упоминают) и г. Красноярск (одно упоминание). Определенную опасность для тувинцев мужского пола представляют также малые города, что следует из рассказа одного информанта о своем опыте силового столкновения с «гопниками» в период обучения в г. Ачинске. Самым распространенным и явным примером проявления ксенофобии являются оскорбительные слова («ускоглазые», «понаехали»), либо признаки бытовой дискриминации («сдам квартиру славянской семье», отказ в приеме на работу и т. д.

А вот непривычный климат новых регионов, как оказалось, проблемой почти никогда не является. Исключение составляет Ямало-Ненецкий автономный округ с его климатическими особенностями (чрезмерная влажность, гнус), и г. Санкт-Петербург: обе территории упоминаются в этой связи по одному разу. Большинство информантов наоборот, отмечают частые дожди Петербурга или Абакана как фактор привлекательности. На фоне резко континентального климата Тувы для них это необычно и даже приятно.

Несмотря на то, что этническая и расовая принадлежность изначально может быть источником проблем, она же зачастую выступает «естественным» ресурсом решения других сложных ситуаций. Так, взаимопомощь земляков оказалась очень важна для получения важной бытовой информации в

больших городах («Где купить подешевле, где какие рынки есть» — женщина, работник вуза, г. Санкт-Петербург), материальной поддержки, сохранения привычных бытовых условий («Вместе отмечали праздники, лепили буузы[1]» — (женщина, медик, Ямало-Ненецкий автономный округ) и языковой среды («Говорим друг с другом, здороваемся на тувинском» — мужчина, студент, Красноярский край), для моральной поддержки в сложной ситуации. Поэтому естественной практикой поведения тувинцев за пределами республики является создание землячеств, часто в формате официальной организации, но иногда и неформального объединения. Согласно данным Ч. К. Ламажаа, четверть землячеств в стране в 2014 г. имела юридическое оформление (Ламажаа, 2014: 161). Во втором случае, когда речь идет о неформальных объединениях, это преимущественно мужские союзы, о чем говорил информант, обучавшийся несколько лет назад в Ачинске. После того, как его побили на улице местные «гопники» за неславянскую внешность, он обратился за помощью к землякам, обучавшимся в колледже в соседнем поселке. «Вся Малиновка сюда приехала в город, но так и не нашли тех пацанов… А потом уже все, “брат, брат, друг, друг”» (мужчина, студент, Красноярский край). К чести студентов надо сказать, что на подмогу тогда прибыли не только земляки информанта, но и русские студенты.

Формальные землячества нацелены, разумеется, на иной тип поддержки: организацию традиционных и религиозных праздников, защиту прав обучающихся, общение, бытовые советы, помощь в поисках работы, просто слова утешений в сложной ситуации. Вот как говорит о подобных аспектах своей работы одна из информанток, занимавшаяся созданием и управлением одного из землячеств в большом городе:

> «[Когда] земляки жаловались вот, они там меня назвали узкоглазой, или там на работу не приняли, потому что я узкоглазая… я говорю, слушайте, а чего вы обижаетесь? … Ребята, всё от нас зависит: как вы себя внутренне ощущаете, от вашей энергетики, от вашего взгляда, от всего зависит. Если вы чувствуете себя чужаком, вы будете себя чувствовать каким-то, не знаю, может быть, каким-то ущербным или что-то. Это сразу считается во всех ваших действиях, просто в воздухе, как будет витать вокруг вас» (женщина, работник вуза, г. Санкт-Петербург).

Этническая и расовая принадлежность успешно использовалась в качестве ресурса и при решении иных задач. Так, многие наши собеседники рассказывают об исполнении национальных песен и танцев в рамках студенческой самодеятельности, что способствует их признанию в среде вуза. Один информант изготавливает своими руками мерч с символикой Тувы и дарит «хорошим людям», другая информантка даже использовала свою внешность, чтобы устроиться официанткой в японский ресторан.

Однако у эксплуатации этнической и расовой принадлежности есть и обратная сторона: концентрация на коммуникациях со своими земляками увеличивает вероятность замыкания в среде «своих», снижает эффективность языковой и культурной адаптации (на это указали несколько наших информантов), а также может обернуться социальным принуждением к замыканию контактов среди своих. Последнее скорее характерно для неформальных мужских объединений:

> «Чаще общаюсь с тувинцами, наверное… Ну, чтобы не было подозрений, что не уважаю свою нацию… Но не только с ними, но и с русскими тоже. К ним прихожу в комнату, посижу *немного* (курсив наш. — *О. Л., Р. Ш.*), пообщаюсь и потом ухожу к себе» (мужчина, студент, Красноярский край).

Таким образом, мы выяснили, что этническая принадлежность тувинцев служит как источником трудностей адаптации в больших городах, так и ресурсом для их преодоления. Недостаточные языковые навыки, незнакомая бытовая культура и конфликты на почве межэтнических стереотипов часто преодолеваются благодаря взаимопомощи и моральной поддержке земляков. Особую роль в этом играют землячества, заодно способствующие сохранению культурной идентичности тувинцев и созданию привлекательного образа тувинской культуры. Наряду с этим существует риск замыкания контактов внутри своей этнической группы, что может затруднять интеграцию в более широкую социальную среду мегаполисов.

Связи с малой родиной: от мистики до прагматики

Наиболее распространенной и естественной формой связи с Тувой для информантов выступают коммуникации со своими родственниками, в первую очередь с родителями. Все информанты, да-

[1] *Буузы* (или *позы*) — это традиционное блюдо бурятской, тувинской и монгольской кухни.

же находящиеся в натянутых отношениях с родными, рассказали про регулярные звонки и общение в мессенджерах с представителями своей семейной группы. Как правило, это рассказы о повседневной жизни, обмен новостями (в том числе — о Туве) и сведениями о других родственниках. Распространенность такой практики подтверждается исследованием Ч. К. Ламажаа о популярности среди тувинцев чатов родственников в различных мессенджерах; количество участников таких чатов варьируется от 13 до 70 чел. (Ламажаа, 2021: 120).

Почти все наши собеседники регулярно приезжают на родину, и это также соотносится с данными количественных исследований. По данным интернет-опроса, проведенного Ч. К. Ламажаа в 2014 г., «60% тувинцев приезжают на малую Родину ежегодно, при этом 25% — даже несколько раз в год (по делам и в отпуск) … Чуть менее четверти наших опрошенных (22%) не столь активна в отношениях с родней, пусть и многочисленной, а также реже приезжают в Туву — раз в 2–3 года (19%)» (там же: 156). Отчасти это продиктовано долгом посещать родителей и участвовать в семейных торжествах, но для большинства наших информантов это радостное и очень приятное событие, нагруженное эмоциональными переживаниями.

Поездки в обязательном порядке включают встречу с ближайшими родственниками (родителями, бабушками и дедушками, если они живы), братьями и сестрами, а также, вариативно, одноклассниками, друзьями детства, иногда — коллегами. Практики времяпровождения во время визитов могут включать помощь по хозяйству, особенно маме, хлопоты по получению медицинской помощи для старших родственников, прогулки или посиделки с друзьями, визиты к родственникам, посещение больших сборов семейной группы (с представлением новых членов семей — невесток, зятьев, знакомством с маленькими детьми и т. д.), посещение чабанских стоянок своих родственников или выезды на туристические природные объекты.

А вот новости, распространяемые традиционными СМИ и социальными медиа, интересуют выходцев из Тувы реже. Как сообщают некоторые информанты, «мы и федеральные то новости почти не читаем», а все, что нужно, «нам и так станет известно». Новости могут стать предметом гордости, а иногда разочарования. Причем прослеживается четкая корреляция между общим настроем в восприятии малой родины и готовностью следить за новостями: негативно настроенные информанты реже следят за новостями, позитивно — чаще. Трудно сказать, что в этой связке является причиной, а что — следствием. Возможно, изначальный негативный настрой приводит к угасанию интереса к новостной повестке республики, а возможно и наоборот, негативный новостной фон (ведь новости распространяются не только из официальных источников, но в социальных сетях, группах, сарафанным радио) приводит к постепенному изменению эмоционального восприятия Тувы на негативный. Но замечено, что даже у критически настроенных информантов периодически проскальзывает удивление и радость по поводу появления в городе новых зданий, магазинов или кафе, а также иных признаков городского развития, которые они видят во время визитов. Справедливости ради надо отметить, что и застарелые проблемы городского развития (разбитые дороги, отсутствие ремонта домов и общественных зданий) они также отмечают, укрепляясь в критическом взгляде на малую родину.

Многие информанты отмечают особое эмоциональное состояние, воодушевление, чувство «дома», а иногда и ностальгии при посещении родины. Некоторые описывают свои переживания достаточно возвышенно, прибегая к понятиям «энергии» и «шаманизм»:

> «Мы же шаманы… Мы приезжаем, трогаем горы, получаем энергию. Трогаем землю, получаем энергию. Трогаем барана, получаем энергию (улыбается) … Заряжаешься, можно сказать» (мужчина, медик, г. Санкт-Петербург).

Некоторые информанты осуждают других своих земляков, проживающих вне Тувы за то, что они годами не приезжают в республику, предпочитая туристические поездки за границу и на курорты. Наличие этого особого «чувства Родины» довольно устойчиво, что подтверждается другими исследованиями: «Можно констатировать сильную эмоциональную связь тувинцев-мигрантов с малой Родиной… связь также образована из чувства сопричастности тувинцев к уникальной, самобытной культуре, древним традициям и людям, которые это все развивают» (Ламажаа, 2014: 156–157).

Таким образом, визиты домой и поддержание связи с родственниками являются источником ярких, часто позитивных эмоций.

Планы на возвращение

В вопросах дальнейшего возвращения все информанты разделились на две группы: тех, кто планирует или, по крайней мере, желает рано или поздно вернуться в Туву, и тех, кто не видит для себя в этом особых резонов.

Первая группа включает в себя всех мужчин, которые несмотря на планы продолжать учебу, работать и строить карьеру, эмоционально расположены к возвращению («Свою родную землю никогда не забуду» — мужчина, студент, Красноярский край), «Вот так вот поживёшь в Петербурге, вот в этих вот каменных джунглях много-много лет, уже хочется вернуться к природе…. Год за годом очень такая тяга идёт в меня сейчас» — мужчина, медик, г. Санкт-Петербург), а также двух женщин, одна из которых уже вернулась в Кызыл, мотивируя это тесными эмоциональными связями с родными (не только родителями, но и с двоюродными и троюродными братьями, племянниками и т. д.), а вторая часто задумывается о возвращении, чтобы, возможно, реализовать какие-нибудь общественно значимые проекты.

Вторая группа по поводу возвращения настроена скорее скептично. «Не вижу никаких перспектив в плане работы, нет привычных городских удобств, мне нравятся большие города», сообщает женщина программист, ныне проживающая в Китае.

Ей вторит еще одна собеседница:

> «Если бы у меня была интересная должность, с высоким окладом, я бы могла вернуться. Тем более, если бы это было связано с пользой и благом для республики, я бы с удовольствием это делала (женщина, экономист, г. Санкт-Петербург).

Но неверно думать, что только деньги и работа являются стимулом к возвращению.

> «Там после шести вечера жизни нет… Очень мало инфраструктуры для детей … общественных туалетов нормальных чистых… куда мама со своим ребёнком пойти и нормально помыть, поменять подгузники… — рассуждает экономист из Петербурга — … Мне [даже] не нужна зарплата, … я хочу жить в комфорте» (женщина, экономист, г. Санкт-Петербург).

Еще один важный тормоз для возвращения — дети и их благополучие:

> «Родственники меня каждый раз всегда зовут, жить туда и так далее. Но я вот не знаю. Я, например, у меня дети здесь учатся, да? И дочка пойдёт в этом году в школу. Я понимаю, что, наверное, может быть, на пенсии я вернусь туда жить, но будут ли они меня навещать?» (женщина, сотрудник вуза, г. Москва).

Таким образом в выборе между возращением и невозвращением в Туву на первую чашу чаще всего кладутся скорее эмоциональные аргументы, а на вторую — аргументы прагматические, связанные не только с деньгами, но и с комфортом жизни, досугом, благополучием детей. Как указывается в уже неоднократно цитируемом нами исследовании Ч. К. Ламажаа, «далеко не всегда молодые люди руководствуются чувством ностальгии, патриотизмом, среди них есть и прагматики (в хорошем смысле этого слова), трезвомыслящие специалисты, которые хоть и в целом патриотичны, но осознают свою профессиональную ценность как таковую и реализующие себя вне связи со своими этническими корнями (Ламажаа, 2014: 158).

Трансформация этнической и территориальной идентичности в процессе миграции

Задача изучения структуры территориальных идентичностей и ее изменений по мере приобретения опыта проживания все Тувы решалась с помощью элемента полуструктурированного интервью, который мы использовали, чтобы иметь возможность соотнеси полученные данные с предыдущими авторскими наработками. Информантам задавался вопрос «Оцените, пожалуйста, кем Вы себя чувствуете в первую очередь. Поставьте цифру “1” напротив самого важного определения, цифру “2” напротив второго по важности, цифру “3” напротив третьего и т. д.») со следующими вариантами ответа: «Я — житель своего региона» (при выборе уточнялось, какого именно — Тувы или региона проживания), «Я — житель своего города (села) (при выборе уточнялось, какого именно — в котором информант вырос или в котором он проживает в настоящий момент), «Я — представитель своей национальности», «Я — житель Сибири», «Я — гражданин России» и «Я — гражданин мира» (*таб.*).

Затем мы просили информантов прокомментировать свой ответ, пояснить, почему та или иная идентичность ставилась им на первое, второе и третье место. Методологический подход, лежащий в основе этого инструментария, описан нами во введении.

Таблица. Кодировка ответов информантов по поводу их идентификаций
Table. Encoding of informants' responses regarding their identifications

Пол, род деятельности	*Место проживания*	*Тип территориальной идентичности, ранг*			
		1 место	*2 место*	*3 место*	*4 место*
Женщина, программист	Челябинск-Москва-Китай	Тувинка	Житель Москвы	Гражданин России	Гражданин мира
Женщина, экономист	Санкт-Петербург	Тувинка	Житель Петербурга	Гражданин России	Житель Сибири
Женщина, экономист	Санкт-Петербург	Тувинка	Житель Петербурга	Затруд. с ответом	Затруд. с ответом
Женщина, юрист	Абакан	Гражданин России	Житель Хакасии	Житель Абакана (с оговоркой)	Тувинка
Женщина, медик	ЯНАО	Тувинка	Гражданин России	Гражданин мира	Житель Сибири
Женщина, сотрудник вуза	Москва	Тувинка	Гражданин России	Житель Петербурга	Затруд. с ответом
Женщина, студент	Красноярский край	Гражданин России	Житель Сибири	Житель Тувы	Тувинка
Мужчина, студент	Красноярский край	Тувинец	Житель Тувы	Гражданин России	Затруд. с ответом
Мужчина, студент	Красноярский край	Житель Тувы	Житель Красноярского края	Затруд. с ответом	Затруд. с ответом
Мужчина, медик	Санкт-Петербург	Тувинец	Гражданин России	Затруд. с ответом	Затруд. с ответом

Большинство наших информантов на первое место уверенно поставили этническую идентичность (*таб. 1*). Только три человека из 11 на первое место поставили иную идентичность: «Я — гражданин России» (2 случая) и «Я — житель Тувы» (1 случай), что не типично для других регионов страны, в которых одному из авторов этой статьи приходилось вести подобные исследования (см., например: Пермь как стиль … , 2013).

На наш взгляд, возможно два отличающихся объяснения полученного нами результата: либо для выходцев из Тувы этническая идентичность чаще всего имеет первостепенное значение, что не свойственно жителям других регионов, особенно русским, либо мы наблюдаем типичный для мигрантов, проживающих в ином культурном окружении процесс усиления этнической идентичности по сравнению со всеми остальными идентичностями, перечисленными в вопросе.

В пользу первого объяснения могут свидетельствовать результаты количественного исследования, проведенного В. С. Донгак в 2001 г., согласно которому 87,3% респондентов, проживающих в Туве, на вопрос «Кем вы себя чувствуете в большей мере?» выбрали вариант «Прежде всего тувинцем»[1]. Однако следует отметить, что В. С. Донгак использовала в своем опросе иной набор вариантов ответа («Гражданином мира», «Гражданином России», «Тувинцем» и «Представителем рода»), номинальную, а не ранговую, как мы, шкалу (варианты ответа «Прежде всего», «В определенной степени» и «Совсем или почти не чувствую»), а респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа. Дополнитель-

[1] Донгак В. С. Этническая идентичность тувинцев: дисс. … канд. соц. наук. СПб., 2003. С. 110.

ные сомнения вносит тот факт, что у 2-х из 3-х наиболее молодых информантов нашего исследования этническая идентичность не входит в тройку значимых. Несовпадение инструментариев не дает нам с уверенностью принять данное объяснение.

В пользу второго объяснения говорят многочисленные исследования мигрантских сообществ и диаспор (Заславская, 2014; Константинов, Бабаева, 2020; Григорьев, 2015; Сурейко, 2010), так или иначе приходящие к общему выводу: сети общей мигрантов «фактически поддерживают устойчивость этнической идентификации мигранта» (Заславская, 2014: 71), а «глобализация в случае с диаспорами не столько ослабляет этническую идентичность, сколько поддерживает ее» (Сурейко, 2010: 64). Однако и это объяснение нужно принимать с осторожностью: чаще всего такие выводы делаются на основе исследований мигрантов, приехавших из-за рубежа, включенных в транснациональные отношения, часто — вынужденных беженцев. В нашем же случае речь идет о гражданах России, переехавших жить в другие регионы. До какой степени выводы, полученные на примере изучения иностранцев, можно экстраполировать на наши выводы, пока не понятно. Эта тема явно требует дальнейшей разработки с привлечением новых эмпирических данных. Пока же ограничимся следующими наблюдениями.

С одной стороны, у информантов, давно проживающих за Саянами, изначальные сугубо территориальные идентичности («житель Тувы», «житель города, села (например, Кызыла)» сегодня вообще не входят в число важных, в то время как этническая идентичность (тувинец, тувинка) доминируют почти во всех индивидуальных случаях, а если и не доминируют, то все равно присутствуют в перечне. Как выразилась одна из информанток, «Я идентифицирую себя как тувинка, но не идентифицирую себя как жительница Республики Тыва» (женщина, экономист, г. Санкт-Петербург). Вместо изначальных территориальных идентификаций у них часто появляются вновь приобретенные локальные идентичности — «житель Петербурга», например, и еще чаще становится важной общегражданская, а иногда и надтерриториальная идентичности. В то же время у мигрантов с малым стажем (студентов) во всех трех случаях изначальная территориальная идентичность присутствует в перечне важных, а вот национальная — не всегда. Это позволяет сформулировать тезис о том, что этническая идентичность усиливается в процессе миграции, даже если человек и утрачивает чувство тождественности с территорией малой родины. Это происходит не сразу, но после того, как человек «пускает корни», женится или выходит замуж, приобретает жилье, иногда перевозит в новый город обитания своих родителей и родственников (такие случаи тоже зафиксированы в интервью), он в какой-то момент осознает связь с новым местом обитания. Вот развернутый пример, иллюстрирующий этот процесс:

> «… На втором месте я — жительница Санкт-Петербурга… И причём это произошло, можно сказать, два или три года назад. В течение 15 лет … когда покупала билеты в Туву из Петербурга, я говорила: “Я взяла билеты домой. Ой, я съезжу домой”. У меня … 15 лет подряд именно Тува ассоциировалась с моим домом. Хотя у меня квартира своя там уже 6–7 лет…» (Женщина, экономист, СПб.).

Исследование трансформации этнической и территориальной идентичности в условиях миграции показывает, что для тувинцев, проживающих за пределами Республики Тыва, первая усиливается, в то время как локальная и региональная — ослабевают. Скорее всего эти изменения обусловлены процессом адаптации к новому месту жительства, обретением новых социальных связей, семьи, работы при сохранении и даже усилении связей с другими тувинцами через землячества. Возможно, усиление этнической идентичности сопряжено не только с позитивными практиками взаимопомощи, но и с негативными случаями проявления нетерпимости и бытового национализма и расизма, поскольку, как пишет М. И. Заславская, «исследования показывают, что чем более толерантна среда в отношении недоминирующего этноса, тем менее противопоставляются этнодифференцирующие маркеры в восприятии собственной идентичности со стороны представителей этнической группы и тем бóльшая вероятность ее ассимиляции в доминирующий этнос» (Заславская, 2014: 72). Эти предварительные выводы нуждаются в дальнейшей проверке в ходе более масштабных и комплексных полевых исследований.

Заключение

Таким образом, исследование показало сложные и часто противоречивые процессы эволюции этнической и территориальной идентичности жителей Тувы, уехавших за пределы республики в процессе трудовой миграции.

Выяснилось, что молодые жители Тувы чаще всего следуют двум основным миграционным сценариям. Первый можно охарактеризовать как рациональный и продуманный выбор в пользу выезда в другой регион ради получения высшего образования, повышения шансов на дальнейшее трудоустройство с хорошей зарплатой и престижным местом работы. Как правило, в формировании этого сценария участвуют родители, другие близкие родственники, иногда учителя. Этот сценарий предполагает использование услуг репетиторов, своевременный перевод ребенка в более сильную школу и даже переезд в региональную столицу, если до этого семья проживала в сельской местности. Второй сценарий выглядит как спонтанное решение поступить куда угодно за пределы региона, чтобы избежать негативных последствий вынужденного простоя после окончания школы, вырваться из рутины или покинуть родительскую семью.

Нами выявлен еще один важный мотив миграции, имеющий гендерный окрас. Выезд за пределы республики и приобретение опыта жизни в больших городах открывает для некоторых девушек возможности выйти за пределы традиционных гендерных ролей, строить свою личную и профессиональную жизнь, исходя из принципов гендерного равноправия и осознанного выбора приоритетов.

При переезде почти все выходцы из Тувы сталкиваются с некоторыми проблемами приспособления к новым условиям жизни (языковыми, материальными, бытовыми и культурными, а также зачастую с проблемами в межнациональных отношениях). Чаще всего основным ресурсом адаптации для молодых мигрантов из Тувы становится их этническая принадлежность. Это проявляется в распространенных практиках взаимопомощи в среде тувинцев, проживающих в одном городе, в формировании официальных и неофициальных землячеств, в использовании этнической культуры и символики как средства самопрезентации и повышения социального статуса в студенческой среде. Оказывается, что логика использования своей принадлежности к тувинскому народу в качестве ресурса при решении адаптационных проблем ведет молодых мигрантов не к отказу, а наоборот, к усилению их этнической идентичности. Вместе с тем, активная эксплуатация преимуществ нахождения в землячествах может привести и к некоторым проблемам, например, снизить число контактов с представителями других народов, растянуть период овладения русским языком или городской культурой.

Исследование показало, что самыми «сильными» формами связи с малой родиной для молодых мигрантов являются повседневные контакты с родственниками (особенно с родителями) и регулярные приезды на родину в каникулы или в отпуск. Во время таких поездок многие информанты испытывают большой эмоциональный подъем, говорят о сильном переживании чувства «дома», ностальгии, близости к тувинской природе, «заряжаются энергией».

Планы на возвращение на малую родину имеют далеко не все опрошенные мигранты. Чаще всего информанты колеблются между эмоциональным желанием вернуться и прагматическими мотивами окончательно осесть за пределами малой родины, причем первое чаще проявляется у мужчин, а вторые — у женщин. Основными факторами, препятствующими возвращению мигрантов в Туву, являются невозможность получить желаемую работу и доход, но также недостаточно комфортная городская среда, слабые возможности для обучения и развития детей, а также излишняя, с точки зрения жителя больших городов, жесткость традиционных норм культуры. Некоторые из опрошенных готовы были бы поработать на благо своей республики, но скорее всего в проектном формате, с ясным пониманием конечных целей и значимости результатов своей работы.

Отметим, что дальнейшая научная разработка обозначенной нами темы и придание ей некой завершенности возможны после проведения количественного опроса мигрантов на большой репрезентативной выборке, чтобы проверить степень распространенности того или иного типа поведения и мотивации, и мы надеемся, что в будущем нам удастся это сделать.

Основным же научным выводом всего исследования является установление следующей закономерности в эволюции этнической и территориальной идентичности выходцев из республики: чем дольше проживают тувинцы за пределами своей малой родины, тем сильнее в них укрепляется идентичность этническая при одновременном ослаблении и даже исчезновении идентичности региональной и локальной.

Из этого факта можно сделать и практический вывод. Мигранты из Тувы, обучившиеся и профессионально состоявшиеся за ее пределами, безусловно, могут внести большой вклад в развитие

республики, но для этого необходимо сохранить с ними связи, воспринимать их как партнеров и мотивировать общественным благом, не настаивая на возвращении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абельс, Х. (1999) Интеракция, идентификация, презентация. СПб. : Алетейя. 261 с.

Абылкаликов, С. И., Баймурзина, Г. Р., Баталов, Р. О. (2023) Миграция населения в Туве по данным Всероссийской переписи населения 2020 года // Новые исследования Тувы. № 2. С. 6–16. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.1

Абылкаликов, С. И. (2021) Особенности демографического развития Тувы: вклад миграции в демографический баланс // Новые исследования Тувы. № 4. С. 131–142. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.10

Андерсон, Б. (2016) Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М. : Кучково поле. 416 с.

Ассман, Я. (2004) Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности : пер. с нем. М. М. Сокольской. М. : Языки славянской культуры. 368 с.

Бадмаева, Н. В., Натсак, О. Д. (2021) Современная трудовая миграция из Калмыкии и Тувы: экономические, социокультурные и гендерные аспекты // Новые исследования Тувы. № 4. С. 186–205. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.14

Балакина, Г. Ф., Анайбан, З. В. (2016) Особенности этнорегиональной миграции в Туве // Социологические исследования. № 10 (390). С. 85–92.

Безвербный, В. А., Микрюков, Н. Ю., Ситковский, А. М. (2024) Образовательные межрегиональные миграции в России в 2017–2019 гг.: гендерные и пространственные аспекты // Новые исследования Тувы. № 3. С. 226–239. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.13

Бергер, П., Лукман, Т. (1995) Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : Медиум. 323 с.

Гончиков, Ц. Д., Мандыт, М. К., Гомбоев, Б. О., Урбанова, Ч. Б., Хальбаева, С. Р. (2019) Миграция населения как фактор формирования и размещения населения региона (на примере Республики Тыва) // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Естественные и точные науки. Т. 13. № 1. С. 56–65.

Григорьев, Д. С. (2015) Взаимосвязь выраженности этнической идентичности и аккультурационных установок мигрантов с уровнем их социоэкономической адаптации // Культурно-историческая психология. Том 11. № 1. С. 71–85. DOI: https://doi.org/10.17759/chp.2015110109

Донгак, В. С., Монгуш, Д. Ш. (2021) Тувинская этничность как объект исследования // Бюллетень КалмНЦ РАН. № 1. С. 146–172. DOI: https://doi.org/10.22162/2587-6503-2021-1-17-146-172

Жаде, З. А. (2007) Проблема идентичности в современных социальных теориях // Философия и общество. № 2 (46). С. 173–184.

Заславская, М. И. (2014) Особенности трансформации этнической идентичности в контексте миграционных процессов современности // Гуманитарий Юга России. № 1. С. 67–73.

Зубаревич, Н. В. (2017) Развитие российского пространства: барьеры и возможности региональной политики // Мир новой экономики. № 2. С. 46–57.

Константинов, В. В., Бабаева, М. В. (2020) Трансформация этнической идентичности мигрантов-армян, вовлеченных и не вовлеченных в деятельность национально-культурной автономии // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. Т. 17. № 1. С. 128–142. DOI: https://doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-1-128-142

Ламажаа, Ч. К. (2014) Засаянские тувинцы: образ жизни, ценности, идеалы // Новые исследования Тувы. № 3 (23). С. 152–165.

Ламажаа, Ч. К. (2021) Социальная культура тувинцев и онлайн-пространство // Новые исследования Тувы. № 2. С. 115–129. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.10

Медушевский, Н. А. (2025a) На стыке примордиализма и конструктивизма: осмысливая понятие «этнос». Ч. 1. // Власть. Т. 33. № 1. С. 228–233.

Медушевский, Н. А. (2025b) На стыке примордиализма и конструктивизма: осмысливая понятие «этнос». Ч. 2. // Власть. Т. 33. № 2. С. 196–208.

Медушевский, Н.А. (2025c) Территория как фактор этногенеза и принципы территориального разобщения и воссоединения этнической группы // Власть. № 3. С. 29–37.

Мочалов, А. Н. (2017) Территория, этничность и феномен «многонациональных» государств // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Т. 17. Вып. 4. С. 33–52. DOI: http://dx.doi.org/10.17506/ryipl.2016.17.4.3352

Натсак, О. Д., Балакина, Г. Ф. (2024) Гендерные различия в адаптивных стратегиях населения Республики Тыва // Новые исследования Тувы. № 2. С. 177–192. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.11

Натсак, О. Д., Даржаа, Ч. Б. (2023) Миграционные намерения населения Республики Тыва: направления, причины и мотивы // Азиатские исследования: история и современность. № 2–3 (6–7). С. 193–219. DOI: https://doi.org/24412/2782-6139-2023-6-7-193-219

Ойдуп, Т. М., Кылгыдай, А. Ч. (2011) Профессиональные предпочтения учащихся выпускных классов общеобразовательных школ г. Кызыла (по результатам социологического исследования) // Новые исследования Тувы. № 1 (9). С. 89–103.

Ольденбург, Р. (2014) Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества : пер. с англ. А. Широкановой. М. : Новое литературное обозрение. 456 с.

Пермь как стиль. Презентации пермской городской идентичности (2013) / под ред. О. В. Лысенко, Е. Г. Трегубовой, вступ. ст. О. Л. Лейбовича. Пермь : Редакционно-издательский совет ПГГПУ. 240 с.

Ростовская, Т. К., Васильева, Е. Н. (2023) Вызовы образовательной миграции молодежи Тувы: демографический аспект // Новые исследования Тувы. № 3. С. 207–219. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.13

Сурейко, С. (2010) Проблема изучения трансформации этнической идентичности в среде вынужденных мигрантов из Афганистана в Беларуси // Журнал международного права и международных отношений. № 3. С. 58–64.

Фадеичева, М. А. (2006) Этнонационализм в политическом дискурсе российского постмодерна // ПОЛИТЭКС: Политическая экспертиза. Т. 2. № 2. С. 125–133.

Чернышев, К. А., Митягина, Е. В., Чернышева, Н. В., Петров, Е. Ю. (2023) Масштабы и направления образовательной миграции тувинской молодёжи // Новые исследования Тувы. № 2. С. 70–83. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.5

Ядов, В. А. (1995) Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. Социология. Этнология. № 3–4. С. 158–181.

Дата поступления: 10.06.2025 г.
Дата принятия: 05.09.2025 г.

REFERENCES

Abels, H. (1999) *Interaction, identification, presentation*. St. Petersburg, Aletheia. 261 p. (In Russ.)

Abylkhalikov, S. I., Baymurzina, G. R. and Batalov, R. O. (2023) Population migration in Tuva according to the 2020 All-Russian Population Census data. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 6–16. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.1

Abylkhalikov, S. I. (2021) Demographic development features of Tuva: migration contribution to the demographic balance. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 131–142. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.10

Anderson, B. (2016) *Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism*. Moscow, Kuchkovo Pole. 416 p. (In Russ.)

Assmann, J. (2004) *Cultural memory: writing, remembrance of the past and political identity in ancient high cultures.* Trans. by M. M. Sokolskaia. Moscow, Languages of Slavic Cultures. 368 p. (In Russ.)

Badmaeva, N. V. and Natsak, O. D. (2021) Modern labor migration from Kalmykia and Tuva: economic, sociocultural and gender aspects. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 186–205. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.14

Balakina, G. F. and Anaiban, Z. V. (2016) Ethnoregional migration features in Tuva. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, vol. 10, no. 390, pp. 85–92. (In Russ.)

Bezverbny, V. A., Mikryukov, N. Yu. and Sitkovsky, A. M. (2024) Educational interregional migrations in Russia in 2017-2019: gender and spatial aspects. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 226–239. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.13

Berger, P. and Luckmann, T. (1995) *The social construction of reality: a treatise in the sociology of knowledge*. Moscow, Medium. 323 p. (In Russ.)

Gonchikov, T. D., Mandyt, M. K., Gomboev, B. O., Urbanova, Ch. B. and Khal'baeva, S. R. (2019) Population migration as a factor of population formation and distribution of the region (case of the Republic of Tuva). *Izvestiya Dagestanskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta. Estestvennye i Tochnye Nauki*, vol. 13, no. 1, pp. 56–65. (In Russ.)

Grigoriev, D. S. (2015) Interconnection of ethnic identity expression and acculturation attitudes of migrants with their socio-economic adaptation level. *Kulturno-Istoricheskaya Psikhologiya*, vol. 11, no. 1, pp. 71–85. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.17759/chp.2015110109

Dongak, V. S. and Mongush, D. Sh. (2021) Tuvan ethnicity as an object of research. *Bulleten KalmNTS RAN*, no. 1, pp. 146–172 (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.22162/2587-6503-2021-1-17-146-172

Zhade, Z. A. (2007) The problem of identity in modern social theories. *Filosofia i Obshchestvo*, no. 2(46), pp. 173–184. (In Russ.)

Zaslavskaia, M. I. (2014) Features of ethnic identity transformation in the context of modern migration processes. *Gumanitarij Yuga Rossii*, no. 1, pp. 67–73. (In Russ.)

Zubarevich, N. V. (2017) Russian space development: barriers and opportunities of regional policy. *Mir Novoj Ekonomiki*, no. 2, pp. 46–57. (In Russ.)

Konstantinov, V. V. and Babaeva, M. V. (2020) Transformation of ethnic identity of Armenian migrants involved and not involved in national-cultural autonomy activities. *Vestnik RUDN. Seriya: Psikhologiya i Pedagogika*, vol. 17, no. 1, pp. 128-142. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-1-128-142

Lamazhaa, Ch. K. (2014) Sayan Tuvans: lifestyle, values, ideals. *New Research of Tuva*, no. 3(23), pp. 152–165. (In Russ.)

Lamazhaa, Ch. K. (2021) Social culture of the Tuvans and online space. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 115–129. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.10

Medushevsky, N. A. (2025a) At the intersection of primordialism and constructivism: reflecting on the concept of "ethnos. Part 1. *Vlast*, vol. 33, no. 1, pp. 228–233. (In Russ.)

Medushevsky, N. A. (2025b) At the intersection of primordialism and constructivism: reflecting on the concept of "ethnos". Part 2. *Vlast*, vol. 33, no. 2, pp. 196–208. (In Russ.)

Medushevsky, N. A. (2025c) Territory as a factor of ethnogenesis and principles of territorial disintegration and reunification of an ethnic group. *Vlast*, no. 3, pp. 29–37. (In Russ.)

Mochalov, A. N. (2017) Territory, ethnicity and the phenomenon of "multiethnic" states. *Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*, vol. 17, no. 4, pp. 33–52. (In Russ.) DOI: http://dx.doi.org/10.17506/ryipl.2016.17.4.3352

Natsak, O. D. and Balakina, G. F. (2024) Gender differences in adaptive strategies of the population in the Republic of Tuva. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 177–192. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.11

Natsak, O. D. and Darzhaa, Ch. B. (2023) Migration intentions of the population of the Republic of Tuva: directions, reasons and motives. *Aziatskie Issledovaniya: Istoriya i Sovremennost*, no. 2–3(6–7), pp. 193–219. (In Russ.) DOI: https://doi.org/24412/2782-6139-2023-6-7-193-219

Oidup, T. M. and Kylgydai, A. Ch. (2011) Professional preferences of graduating school students in Kyzyl (based on sociological research). *New Research of Tuva*, no. 1(9), pp. 89–103. (In Russ.)

Oldenburg, R. (2014) *The third place: cafes, coffee shops, bookstores, bars, beauty salons and other "hangouts" as a community foundation.* Trans. By A. Shirokanova. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie. 456 p. (In Russ.)

Perm as a style: presentations of Perm city identity (2013). Ed. by O. V. Lysenko and E. G. Tregubova, intro. O. L. Leibovich. Perm, Editorial and Publishing Council of PSGPU. 240 p. (In Russ.)

Rostovskaya, T. K. and Vasileva, E. N. (2023) Challenges of educational migration of Tuva youth: demographic aspect. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 207–219. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.13

Sureiko, S. (2010) The problem of studying ethnic identity transformation among forced migrants from Afghanistan in Belarus. *Zhurnal Mezhdunarodnogo Prava i Mezhdunarodnykh Otnosheniy*, no. 3, pp. 58–64. (In Russ.)

Fadeicheva, M. A. (2006) Ethnonationalism in the political discourse of the Russian postmodern. *POLITEKS: Political Expertise*, vol. 2, no. 2, pp. 125–133. (In Russ.)

Chernishev, K. A., Mitiagina, E. V., Chernysheva, N. V., and Petrov, E. Iu. (2023) Scale and directions of educational migration of Tuvan youth. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 70–83. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.5

Yadov, V. A. (1995) Social and socio-psychological mechanisms of social identity formation of an individual. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*, no. 3–4, pp. 158–181. (In Russ.)

Submission date: 10.06.2025.
Acceptance date: 05.09.2025.

DOI: 10.25178/nit.2025.4.5

Статья

Повседневная жизнь работников-мигрантов в тувинских и молотовских лесных хозяйствах в 1940–1950-е гг.

Анна С. Кимерлинг, Владислав В. Шабалин
НИУ «Высшая школа экономики», Российская Федерация

В статье реконструируется и сравнивается повседневная жизнь работников лесного хозяйства Тувинской автономной и Молотовской областей в 1940–1950-е гг. Источниками послужили материалы государственных архивов территорий. В качестве теоретико-методологического подхода выступает теория повседневности в понимании М. де Серто, который описывает способы действия людей через понятие властных стратегий и ответных тактик. Теория Д. Норта об институциональной ловушке помогает объяснить значимость неформальных тактик для решения формальных задач.

В обеих областях система управления лесным хозяйством сформировалась в послевоенные годы. Практически всех работников лесного хозяйства можно отнести к разным категориям мигрантов. На работу в леспромхозы набирали рабочих различными способами — в Туве преобладал оргнабор, на работу в лесхозы «уговаривали» перейти колхозников, проживавших в сельской местности, руководящие кадры рекрутировались с других территорий СССР. Молотовские рабочие в большинстве своем были набраны по трудовой мобилизации или попали на Урал в результате депортации. Леспромхозы обеих областей испытывали текучку кадров и постоянную нехватку рабочей силы. В том числе, это объясняется трудностями, с которыми работники сталкивались в повседневной жизни.

Проблемы в обеих областях были схожими: обеспечение жильем было недостаточным, многие приезжие лесозаготовители жили в бараках, зачастую их не приравнивали к категории общежитий и не обеспечивали постельными принадлежностями, в поселках скапливался мусор, имела место частая задержка заработной платы, не хватало продуктов питания, кормили плохо. При этом надо было участвовать в неоплачиваемых воскресниках, подписываться на госзаймы. Скудный быт должен был компенсироваться идеологической работой партийных инстанций, но они зачастую не справлялись в послевоенные годы с этой задачей. Досуг был очень ограничен, дома культуры были только в городах и поселках.

В обеих областях можно выделить схожесть властных стратегий, направляемых центральной властью, а также проблем профессионального и бытового характера, но зачастую разные тактики решения проблем, обусловленные политическими, территориальными и культурными особенностями областей.

Ключевые слова: *Тува; Тувинская автономная область; Молотовская область; лесное хозяйство; леспромхоз; повседневность; миграция; заработная плата; норма питания*

Статья подготовлена при финансовой поддержке НИУ ВШЭ (проект «Миграции в социально-экономическом, демографическом, культурном и человеческом измерении (кейсы Пермского края и Республики Тыва в 1920-х — начале 1960-х гг.)».

Для цитирования:
Кимерлинг А. С., Шабалин В. В. Повседневная жизнь работников-мигрантов в тувинских и молотовских лесных хозяйствах в 1940–1950-е гг. // Новые исследования Тувы. 2025. № 4. С. 75-90. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.5

Кимерлинг Анна Семеновна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных дисциплин НИУ «Высшая школа экономики». Адрес: 614070, Россия, г. Пермь, ул. Бульвар Гагарина, д. 37А, каб. 219. Эл. адрес: akimerling@hse.ru

Шабалин Владислав Валерьевич — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных дисциплин НИУ «Высшая школа экономики». Адрес: 614070, Россия, г. Пермь, ул. Бульвар Гагарина, д. 37А, каб. 219. Эл. адрес: VShabalin@hse.ru

Article

The daily life of migrant workers in Tuvan and Molotov forestry in the 1940s and 1950s

Anna S. Kimerling, Vladislav V. Shabalin
HSE University, Russian Federation

This article reconstructs and compares the everyday experiences of forestry workers in the Tuvan Autonomous Oblast and Molotov Oblast during the 1940s–1950s. The study is based on materials collected from state archives of the respective territories. The theoretical and methodological framework employed is the theory of everyday life as interpreted by M. de Certeau, who describes people's modes of action through the concepts of power strategies and responsive tactics. D. North's theory of institutional traps provides an explanatory model for the significance of informal tactics in solving formal tasks.

In both regions, the management system of forestry enterprises was established in the postwar period. Practically all forestry employees can be classified as various categories of migrants. Workers in timber enterprises were recruited via diverse methods — organizational recruitment predominated in Tuva, rural residents were persuaded to transfer from collective farms to forestry jobs, and managerial staff were recruited from other regions of the USSR. Most Molotov workers were mobilized through labor deployment or arrived in the Urals as a result of forced displacement. Forestry enterprises in both oblasts suffered from high employee turnover and a persistent shortage of labor force, attributable in part to the challenges encountered by workers in their daily lives.

Problems were largely similar in both regions: housing provision was inadequate, many newly arrived logging workers resided in barracks, which were often not formally categorized as dormitories and lacked basic bedding; settlements faced waste accumulation, wage payments were frequently delayed, food supplies were insufficient, and nutrition was poor. Additionally, workers were required to participate in unpaid Sunday community labor and subscribe to state loans. The austere conditions of everyday life were intended to be offset by ideological work conducted by party institutions, yet these measures often failed to address workers' needs in the postwar years. Leisure opportunities were very limited, with cultural centers present only in towns and larger settlements.

Both oblasts displayed similar power strategies directed by central authorities and faced common professional and domestic challenges. However, the tactics adopted to solve these problems frequently differed, shaped by the political, territorial, and cultural specifics of each region.

Keywords: *Tuva; Tuvan Autonomous Oblast; Molotov Oblast; forestry; timber enterprise; everyday life; migration; wages; nutrition norm*

Financing
The article was prepared with the financial support of the HSE University (the project "Migration in socio-economic, demographic, cultural and human dimensions (cases of the Perm Region and the Republic of Tuva in the 1920s — early 1960s)".

For citation:
Kimerling A. S. and Shabalin V. V. The daily life of migrant workers in Tuvan and Molotov forestry in the 1940s and 1950s. *New Research of Tuva*, 2025, no. 4, pp. 75-90. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.5

KIMERLING, Anna Semenovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Humanities, HSE University. Postal address: office 219, 37A Gagarin Boulevard St., 614070, Russia, Perm. E-mail: akimerling@hse.ru
ORCID: 0000-0001-7198-0120

SHABALIN, Vladislav Valerievich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Humanities, HSE University. Postal address: office 219, 37A Gagarin Boulevard St., 614070, Russia, Perm. E-mail: VShabalin@hse.ru
ORCID: 0000-0003-1893-0698

Введение

Лесное хозяйство Тувинской автономной области (ныне Республика Тыва) и Молотовской области (ныне Пермский край) в 1940–1950-х гг., с одной стороны характеризовалось существенными лесными богатствами, но с другой стороны, имело много отличий как в способах формирования рабочей силы, так и в повседневных практиках организации труда и быта.

Площадь Тувинской автономной области (далее — ТАО) составляла 171,3 тыс. кв. км, а Молотовская область занимала 162,6 тыс. кв. км. Леса Тувы богаты редкой качественной древесиной — лиственницей и кедром. Общая производительность лесов республики оценивалась невысоко. «Дело в том, — писали И. Ю. Коропачинский и В. Д. Федоровский, — что значительные площади древостоев находятся в крайних условиях существования лесной растительности — высоко в горах или у нижней границы леса по соседству с засушливыми пустынно-степными котловинами» (Коропачинский, Федоровский, 1969: 342). Лесхозов в ТАО было 16 и в городе Кызыл действовал лесозавод. Лес доставляли сплавом в г. Кызыл. Лесная площадь гослесфонда в ТАО составляла почти 8,5 млн га. (там же: 341).

Леса Молотовской области были богаты елью, сосной и березой, область была в СССР в числе лидеров по добыче промышленной и строительной древесины, общая площадь лесов достигала здесь 11,3 млн га (Колесников, Шиманюк, 1969: 26). В Молотовской области, в отличии от Тувы, лесная промышленность организовывалась через объединение нескольких леспромхозов в один трест. В области действовали крупные лесные тресты — «Уралзападолес», «Комипермлес», «Камаречлес», «Молотовлес», «Кунгурлес», «Чусовлес», «Вишерлес», лесозаготовкой также масштабно занимались заключенные в Усольском, Ныробском, Кизеловском лагерях. В каждом тресте было несколько леспромхозов. Доставка леса из Молотовской области осуществлялась вначале по рекам, а затем по железной дороге в разные территории СССР.

Обе области испытывали нехватку рабочей силы, трудности с жильем, продовольствием и промтоварами, проблемы с организацией быта рабочих.

Лесное хозяйство Тувинской и Молотовской областей в 1940–1950-х годах попадало в фокус исследователей с разных позиций. Становление и развитие лесной промышленности Тувы в 1940–1950-е гг. описывали Т. Верещагина[1], Д. Оюн[2], О. Угрюмов[3]. Д. Дабиев комплексно описывал историографию развития экономических исследований периода Тувинской автономной области в 1944–1961 гг. и показал, что лесная промышленность послевоенных лет фактически осталась за пределами изучения (Дабиев, 2020).

Молотовскую лесную промышленность исследовали немного больше. Во-первых, с позиции миграционной политики СССР ее изучали А. Глушков, К. Козлова, И. Исмакаева (Глушков, Козлова, Исмакаева, 2024). Они анализировали добровольные трудовые миграции и агитационно-пропагандистские практики привлечения рабочих в леспромхозы Молотовской области, описывали трудности жизни в леспромхозах. А. Салатова исследовала возвратную внутреннюю миграцию и характеризовала источники о лесном хозяйстве Молотовской области (Салатова, 2022). Во-вторых, А. Суслов и С. Шевырин исследовали экономику, образ жизни, адаптацию и социальные связи спецпоселений и исправительно-трудовых лагерей Молотовской области, в том числе занятых заготовкой и переработкой древесины в 1930–1950-х гг.[4] В-третьих, В. Шабалин описал как был устроен один из лесопунктов треста «Уралзападлес» в середине 40-х гг., показал ограничения в потреблении, с которыми сталкивались работники предприятия, выявил незаконные способы, с помощью которых эти ограничения обходило местное руководство (Шабалин, 2014).

---

[1] Верещагина Т. Е. Лесное хозяйство Тувы — 60 лет (1946–2006 гг.). Десять лет спустя… (2006–2016 гг.). Кызыл: ОАО «Тываполиграф», 2016.

[2] Оюн Д. Лесники Тувы подвели итоги 60-летней работы // Wood.ru. 12.04.2006. URL: https://www.wood.ru/ru/loa436.html (дата обращения: 7.05.2025).

[3] Угрюмов О. Летопись Урдомы [Электронный ресурс] // Правда Севера (газета). 2014, 30 июля. URL: https://urdoma.info/post/8529 (дата обращения: 8.05.2025).

[4] Шевырин С. А. Развитие лесной отрасли в Прикамье в 1930–1950-е годы [Электронный ресурс] // Пермский государственный архив социально-политической истории. URL: https://www.permgaspi.ru/deyatelnost/stati/razvitie-lesnoj-otrasli-v-prikame-v-1930-1950-e-gody.html (дата обращения: 4.05.2025). Суслов А. Б. Спецконтингент в Пермской области (1929–1953 гг.). Екатеринбург, Пермь, 2003.

В сравнительном же плане Тувинскую и Молотовскую области не изучали. Представляется важным понять, чем отличались организационные тактики и обусловленные культурными особенностями стратегии в лесной промышленности этих регионов, которые, на первый взгляд, имеют одинаковое лесное богатство.

Цель данного исследования — реконструировать и сравнить условия повседневной жизни работников лесного хозяйства Молотовской области и Тувинской автономной областей в 1940–1950-е гг. Для этого необходимо решить следующие задачи: сравнить источники пополнения рабочей силы в лесных хозяйствах Тувинской и Молотовской областей; реконструировать трудовые практики в леспромхозах, особенности бытовых условий проживания, обеспечение продуктами питания и промтоварами, досуговые практики, формы взаимодействия работников друг с другом и с местным населением.

В качестве теоретико-методологического подхода выступает теория повседневности в понимании М. де Серто (Серто, 2013). В истории повседневности де Серто видит не повторяемость, а поле постоянного творчества: он описывает способы действия людей не как пассивное принятие и следование предлагаемым правилам (он называет их властными стратегиями), а как набор творческих активных практик (тактики). Во взаимодействии стратегий и тактик формируется уникальная повседневность. Теория Д. Норта об институциональной ловушке помогает объяснить значимость неформальных тактик для решения формальных задач (Норт, 1997).

Данное исследование сделано на материалах Национального архива Республики Тыва (НА РТ), Пермского государственного архива социально-политической истории (ПермГАСПИ) и Государственного архива Пермского края (ГА ПК). Документы ТАО написаны на русском и тувинском языке и содержат много формальных описаний с применением шаблонного советского дискурса. В большинстве протоколов неформальные тактики и проблемы скрываются за стандартными формулировками. В этом заключалась сложность исследовательского поиска материалов для данной статьи. Информация об истории повседневности была обнаружена в справках Молотовского обкома об обследовании леспромхозов разных районов Молотовской области, в докладах инструкторов обкома, в переписке партийных органов разного уровня, в документах первичных партийных организаций предприятий лесной промышленности Молотовской и Тувинской областей. В документах Молотовской области можно обнаружить гораздо больше следов повседневных неформальных тактик проживания и работы в лесхозах, чем в тувинских документах.

Новизна работы заключается, во-первых, в привлечении уникальных архивных материалов тувинского и пермских архивов, значительная часть которых ранее не вводилась в научный оборот, во-вторых, в том, что данная тема лишь в отдельных ее аспектах попадала в фокус исследования историков (только по повседневным практикам жизни в леспромхозах Молотовской области имеются статьи, тувинские лесхозы попадали в фокус исследования только с хозяйственной и организационной точки зрения), в-третьих, мы попытаемся сравнить повседневные практики работников тувинских и молотовских лесхозов.

Источники пополнения рабочей силы в лесных хозяйствах

Лесное хозяйство Тувы находилось в ведении областного отдела животноводства и земледелия Тувоблисполкома (на основании постановления Областного Совета депутатов трудящихся ТАО от 1 ноября 1944 г.). Управление водного, лесного и охотничьего хозяйства существовало с 1947 г., а в 1953 г. было в результате объединения с Областным управлением сельского хозяйства переименовано в Областное управление сельского хозяйства и заготовок Тувоблисполкома (согласно постановлению Совета Министров РСФСР от 23 мая 1953 г. № 621)[1]. Возможно, именно эти организационные моменты и то, что сама Тува присоединилась к СССР в 1944 г., повлияли на то, что в основном на работу в леспромхозы набирали рабочих по оргнабору[2], «уговаривали» перейти колхозников республики,

[1] Путеводитель по фондам Государственного архива Республики Тыва. 2-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. А. М. Дугар-Сюрюн. Новосибирск: Сибирское кн. изд-во, 2012. С. 160.

[2] Оргнабор — это форма перераспределения трудовых ресурсов в СССР, при которой в короткие сроки рабочих перераспределяли из колхозов на индустриальные предприятия. Постановление ЦИК и Совета народных комиссаров СССР от 30 июня 1931 «Об отходничестве» стало первым и основным нормативным актом в процедурах оргнабора. Колхозы, выделявшие отходников, получали материальное вознаграждение.

проживавших в сельской местности, руководящие кадры рекрутировали с других территорий СССР. Оргнабор происходил главным образом внутри республики.

Технологии подбора рабочей силы в леспромхозы Тувы на основе воспоминаний реконструирует О. Угрюмов:

> «Рабочий класс в лесопункты набирался либо по договору с южными колхозами, которые отправляли своих колхозников на лесоповал, получая в обмен за рабочие руки кубы кругляка сосны или елки, либо по оргнабору. Второй метод был гораздо проще. Уполномоченный от леспромхоза с командировочным удостоверением в кармане и пачкой денег в потрепанном портфеле отправлялся по стране набирать для производства кадровых рабочих. И набирал. Чаще всего на вокзалах. Трудовые качества будущего “кадра” в расчет брались мало, основным показателем в работе человека с портфелем в руках было количество прибывших в лесопункт»[1].

Проблемы с текучкой и качеством работы происходили именно из этих технологий рекрутинга:

> «Хлопот на местах с прибывшими хватало. Приехавших с направлениями от колхоза требовалось еще научить хотя бы простым навыкам работы в лесу. А работяги, которых свозили со всех вокзалов страны, дорабатывали в лучшем случае до первой получки, которую спускали всю до последней копейки в соседнем с общежитием магазине и исчезали навсегда с глаз поселкового начальства»[2].

Архивные источники подтверждают вышесказанное, но дополняют причины ухода из леспромхозов тем, что рабочие уезжали «на родину к родителям», возвращались в родные колхозы во время уборочных работ. Эти причины вовсе не эгоистичны, рабочие возвращаются на помощь семьям, что очень значимо для традиционной родовой модели культуры. Но были трудности с количеством рабочих и по другим причинам. Рабочих не хватало в связи с тем, что оргнабор мог не проводиться совсем или мужчин призывали в армию в силу наступления призывного возраста, ведь именно самых молодых удавалось уговорить переехать в леспромхоз из родной деревни. Кроме того, в Туве большое значение имели особенности родовой культуры. «Идентификация “своих”, — пишет Ч. К. Ламажаа, — основывалась на том, что эти “свои” жили рядом. И вся социальная культура была “привязана” к определенной территории, разворачивалась на знакомом пространстве» (Ламажаа, 2021: 8). Если человека уговаривали покинуть эту родную территорию, то при первой возможности или потребности родных он возвращался назад.

В лесном хозяйстве Молотовской области тоже фиксируется значительное возвратное движение переселенцев: «Данные свидетельствуют, что срок проживания в леспромхозах составлял в среднем от нескольких дней до нескольких месяцев» (Салатова, 2022: 371). Как и в тувинские сельсоветы и колхозы Молотовской области отзывали обратно рабочих с лесозаготовок, например, под предлогом проведения отчетно-выборных собраний колхозников (ГА ПК, ф.р-1366, оп. 1, д. 488, л. 6). Фиксируются массовые случаи прогулов из-за возвращения рабочих домой без увольнения (ГА ПК, ф.р-1366, оп. 1, д. 488, л. 14).

Обе области фиксируют самовольный возврат рабочих в колхозы, но не применяют строгие законы о наказаниях за прогулы. Однако, в Молотовской области в связи с нарушением трудовой дисциплины на лесоучастках проводят собрания рабочих, на которых читают лекцию «О борьбе с нарушителями трудовой дисциплины» (ГА ПК, ф.р-1366, оп. 1, д. 488, л. 15). На совещаниях сотрудников треста в Молотовской области в 1948 г. призывают применять законы о прогулах и дезертирстве с предприятий и передавать дела в военную прокуратуру (ГА ПК, ф.р-521, оп. 1, д. 3а, л. 11).

Даже в руководстве лесным хозяйством Тувы большинство составляли приезжие работники. Первоначально руководители Управления лесами менялись каждый год. Информацию о кадровом составе Управления собрала Т. Верещагина и она же взяла ценные интервью у работников[3].

Первым начальником был коренной тувинец Оюн Шыырап (1947 г.), но уже через год его сменил Иосиф Аткнин, еще через год — Василий Волин. С мая 1950 до 1977 г. руководил лесным хозяйством

[1] Угрюмов О. Летопись Урдомы [Электронный ресурс] // Правда Севера (газета). 2014, 30 июля. URL: https://urdoma.info/post/8529 (дата обращения: 8.05.2025).
[2] Там же.
[3] Верещагина Т. Е. Лесное хозяйство Тувы — 60 лет (1946–2006 гг.). Десять лет спустя… (2006–2016 гг.). Кызыл: ОАО «Тываполиграф», 2016.

Терентий Иванович Воронков. Тамара Петровна Киприевская приехала в Туву в 1950 г. после окончания Красноярского лесотехнического института. Она была редким на то время специалистом с высшим образованием. Она вспоминала откуда приехали другие специалисты Управления лесным хозяйством: «пятеро ребят из Бийского лесного техникума, среди них был Миша Сухачёв и Ваня Пугачев, впоследствии ставший главным лесничим Управления, чуть позже появились Вера Каратаева и Александра Сарыгина, закончившие Уральский лесной институт»[1].

Проблемы нехватки рабочей силы в тувинских лесхозах решали путем «мобилизации рабочей и конной силы из сумона[2]». О хорошей и плохой работе мобилизованных в леспромхозе рассказывает агитлисток Сыстыг-Хемского леспромхоза 1948 г. Решение о мобилизации принимал облисполком и райисполком. Но приехавшие на лесозаготовки рабочие по-разному относились к работе. Некоторые уже за 4 дня сделали все задание. Другие «занимаются только тем, чтоб только хлеб скушать, а работа их не касается, они для леспромхоза никакой пользы не приносят» (НА РТ, ф. 2, оп. 1, д. 284, л. 92). Кормили мобилизованных и их лошадей бесплатно. Причем некоторые забирали хлеб, овес и фураж для лошадей и просто уезжали обратно в сумон.

Важнейшим отличием Молотовской области от Тувы, если говорить о 1944–1945 гг., было то, что сюда были направлены существенные потоки мобилизованных работников из других регионов СССР. В 1942–1943 гг. на Урал прибыли десятки тысяч трудмобилизованных из Средней Азии и Казахстана. Летом 1943 г. только в Молотовской области находилось 12692 рабочих «восточных национальностей» (Гончаров, 2016: 44). Ближе к концу войны прибыли работники из западных районов Украины. Часть прибывших была распределена на предприятия лесной промышленности. Трудмобилизованные в основном были возвращены домой с окончанием войны. Так узбекские рабочие были отправлены в Узбекскую ССР в декабре 1945 г.[3]

Как пишет на основе архивных документов С. А. Шевырин, в 1945 г. пополнение дефицита в важнейших отраслях промышленности и лесного хозяйства Молотовской области составляло не менее 70–80 тысяч человек, а в 1946 г. еще 39 тысяч человек. В большинстве — это были депортированные, репатриированные, ссыльные, военнопленные, заключенные[4]. После 1947 г. начали набирать по оргнабору. По подсчетам из эшелонных списков переселенцев по оргнабору в леспромхозы Прикамья, составленных «Управлением труда Пермской области» (ГА ПК, ф. р-1271, оп. 1, д. 128) в 1951 г. прибыли 2 285 семей, в 1952 г. — 2497 семей, а в 1953 г. — 811 семей (Глушков, 2024: 73).

Таким образом, практически всех работников лесного хозяйства обеих областей можно отнести к разным категориям мигрантов. Обе области постоянно испытывали нехватку рабочей силы в лесной сфере. Но проблема решалась по-разному. В Тувинской автономной области уговаривали колхозников перейти в лесхозы на работу, применяли трудовую мобилизацию из колхозов той же области, набирали по оргнбору. В Молотовской области в военные и первые послевоенные годы завозили из других областей и республик депортированных, репатриированных, спецпереселенцев и трудармейцев, и лишь позже подключился оргнабор. Обе области испытывали нехватку рабочей силы и большое возвратное движение новых работников лесного хозяйства. При этом строгие законы о прогулах и самовольном уходе с работы не применялись. В Молотовской области требовали на совещаниях возбуждения уголовных дел для прогульщиков, в ТАО речи об этом не вели.

Трудовые практики в лесном хозяйстве

Повседневные практики работы лесхозов включали выполнение плана заготовки древесины, очистку леса от загрязнения, борьбу с болезнями деревьев и лесными пожарами, предотвращение незаконной вырубки леса, посев в питомнике и восполнение лесного фонда. Работа была тяжелой.

В лесхозах были утильцеха, которые осуществляли такой вид деятельности как производство ширпотреба. Ширпотреб — это инструменты, мебель, мочалки. Тема производства ширпотреба звучит в

[1] Там же. С. 10.
[2] Сумон — административно-территориальная единица (сельское поселение) в Туве.
[3] Подвиг рабочих колонн : сборник документов / под ред. С. В. Неганова. Пермь, 2021. С. 496.
[4] Шевырин С. А. Развитие лесной отрасли в Прикамье в 1930–1950-е годы [Электронный ресурс] // Пермский государственный архив социально-политической истории. URL: https://www.permgaspi.ru/deyatelnost/stati/razvitie-lesnoj-otrasli-v-prikame-v-1930-1950-e-gody.html (дата обращения: 4.05.2025).

отчетах по Тувинской области после темы лесозаготовок, что свидетельствует о ее значимости как вида деятельности лесхозов. Повседневные проблемы связаны с тем, что в лесхозах не хватает инструментов для создания мебели (НА РТ, ф. 76, оп. 1, д. 102, л. 28об). На производстве ширпотреба платили по уравнительной системе, недостаточно чтоб прокормить семью (НА РТ, ф. 76, оп. 1, д. 102, л. 28об).

Чтоб понять уровень жизни и возможностей работников лесного хозяйства, обратимся к размерам окладов в послевоенные годы.

По штатному расписанию начальник Управления лесами ТАО получал 1100 руб., старший лесничий получал 1000 руб., инженер по лесному хозяйству и лесонасаждениям имел оклад 750 руб., а начальник лесной охраны — 650 руб. Зарплата конюха составляла 315 руб. Сторож-истопник и уборщица-курьер получали по 280 руб. в месяц, в районных лесничествах эта должность оплачивалась еще меньше — 210 руб. Кадровую основу лесничеств составляли лесники и объездчики, их зарплата — 200 и 300 руб. соответственно[1]. В Бреньском леспромхозе ТАО в 1947 г. директор получал 830 руб., технорук и старший бухгалтер по 690 руб., десятник — 550 руб., уборщица — 385 руб. в месяц (НА РТ, ф. 264, оп. 1, д. 39, л. 169). В Молотовской области зарплаты были выше: директор получал 1600–2000 руб., инженер — 850–1000 руб. (ГА ПК, ф. р-521, оп. 1, д. 3а, л. 23), рабочий бракер получал 410–535 руб. (ГА ПК, ф. р-521, оп. 1, д. 2, л. 165). Таким образом, зарплата была выше у руководства лесного хозяйства Молотовской области.

Для мигрантов без семьи это был вполне хороший размер оплаты, но для тувинцев с семьей — это было недостаточно, поскольку по традиции женщины зачастую не работали, в семьях было много детей, и мужчине необходимо было обеспечить семью на этот размер оплаты труда.

При этом надо было участвовать в неоплачиваемых воскресниках (суббота и так была рабочим днем), участвовать в госзайме (желательно — в размере месячной зарплаты). Промтовары на такую зарплату купить было затруднительно. За 142–161 руб. можно было купить сапоги мужские из юфти (выделанная кожа крупного рогатого скота, коней, оленей, пропитанная березовым дегтем), за пальто зимнее суконное низкого качества 145,5 руб. (НА РТ, ф. 264, оп. 1, д. 37, л. 57, 64).

Проблема транспорта была достаточно важной для обеспечения качественной работы лесников и объездчиков. Автомобилей в лесном хозяйстве в Тувинской области практически не было. Основным средством передвижения была лошадь. Леснику без лошади трудно было выполнять свою работу, ведь обходить надо было территории от 100 до 300 км. Многие отчеты свидетельствуют, что лошадьми лесхозы обеспечены на примерно на 77%. В Молотовской области гужевой транспорт сочетался с автомобильным. Поэтому одной из повседневных проблем была заправка машин: учет расхода горючего, контроль с помощью путевых листов. Судя по детальности контроля, были случаи расхода горючего, не обеспеченного правильным оформлением путевых листов (ГА ПК, ф.р-521, оп. 1, д. 2, л. 57). Руководящая стратегия устанавливала строгий график ежемесячного планово-профилактического обслуживания автомашин по инструкции, но зачастую, на уровне ЛПХ, ему не следовали (ГА ПК, ф.р-521, оп.1, д.2, л.100), поскольку машины вывозили лес и простой в работе был чреват невыполнением плана.

Судя по тому, что протоколы первичных парторганизаций леспромхозов написаны в Тувинской области то на русском, то на тувинском языке, не всегда партийный состав ЛПХ был приезжим из других республик СССР. Видимо, взаимодействие русскоязычных приезжих и местных тувинских рабочих было затруднено языковым барьером. Поэтому не удивительно, что некоторые руководители не выезжали на места, а руководили не выходя из управления. Эта ситуация отразилась в документах парторганизации. Однако, специалисты управления работали иначе. Специалист Управления лесного хозяйства Тувы Тамара Киприевская вспоминала: «Мы все вместе жили в одной большой комнате при Управлении, на неделю обычно все разъезжались по районным лесничествам, там специалистов практически не было, и мы рассказывали, показывали, сами принимали участие во всех лесокультурных работах»[2].

[1] Верещагина Т. Е. Лесное хозяйство Тувы — 60 лет (1946–2006 гг.). Десять лет спустя… (2006–2016 гг.). Кызыл: ОАО «Тываполиграф», 2016. С. 9.
[2] Там же. С. 10.

Таим образом, властные стратегии, которыми должны были руководствоваться в лесном хозяйстве были похожи, но имелись различия — заработки были выше в Молотовской области, в Тувинской области доминировал гужевой транспорт, а в Молотовской он сочетался с автомобильным (отсюда значимой проблемой был контроль за расходом горючего и наличие неформальных тактик его использования для личных нужд). Властные стратегии обеих областей предполагали использование русского языка для руководства отраслью, но документы ТАО свидетельствуют о повседневных тактических предпочтениях использования тувинского языка и невозможности говорить на нем у приезжих-руководителей. На самом деле, проблемы взаимодействия на русском языке руководителей и рабочих были одинаковыми в обеих областях, поскольку и в Молотовской было много трудмобилизованных, например, из Узбекской ССР.

Особенности бытовых условий

Обеспечение жильем в разных лесхозах ТАО во второй половине 1940-х гг. варьировалась от 33% до 3%. Инженерно-технические работники (ИТР) лесхоза занимают все имеющиеся лесхозные квартиры, а для рабочих в лесхозах квартир не хватало. Некоторые лесники жили в собственных «чумах и вигвамах». Директор Кызыльского лесхоза в докладе 1950 г. так и сообщает: «рабочих, проживающих в квартирах лесхоза, не имеется, ввиду отсутствия жилплощади» (НА РТ, ф. 43, оп. 1, д. 48, л. 165). К 1954 г. ситуация все больше выравнивалась, например, в Тандынском лесхозе отмечали полное обеспечение жильем: некоторые проживали в своих домах, но «большее число рабочих и ИТР проживают в квартирах лесхоза» (НА РТ, ф. 700, оп. 1, д. 31, л. 67).

Некоторые приезжие лесозаготовители жили в бараках, но зачастую их не приравнивали к категории общежитий и не обеспечивали постельными принадлежностями. В отчетах лесхозов ТАО сообщается, что общежитий вообще нет, все проживают в домах.

О проблемах, связанных с жильем, говорят и документы Молотовской области. В марте 1945 г. на заседании бюро парторганизации Быковского мехлесопункта треста «Уралзападолес» констатировалось:

> «Особенно не удовлетворительны бытовые условия сезонных рабочих, прибывшие на лесозаготовке, согласно постановления ГКО. В общежитиях печи развалины, дым, неимоверная грязь, воды отварной для питья нет, стены в бараках не побелены, промазка пазов отлетела <…> Вёдер, ковшей нет. Баня в надлежащий порядок не приведена, в перебанке[1] дверей нет, весь пол покрыт льдом <…> вокруг бараков везде развалин лес /дрова/ и сено. Уборные регулярно не чистятся» (ПермГАСПИ, ф. 2742, оп. 1, д. 8, л. 3).

Ситуация не сильно изменилась и после войны. В официальных документах констатировалось, что в леспромхозах области «часть рабочих живет в неблагоустроенных помещениях, во многих общежитиях нет освещения, дров, не работают сушилки» (ПермГАСПИ, ф. 105, оп. 18, д. 395, л. 13). Бригада Молотовского медицинского института, обследовавшая в конце 1953 г. лесхозы северного Прикамья, констатировала, что общежития, особенно те, в которых размещались сезонные рабочие, «крайне неблагоустроены», в них «грязно, неуютно». Все лесные поселки строятся и сдаются без участия санитарной службы. У сезонных рабочих нет постельных принадлежностей, в помещениях отсутствуют титаны, многие общежития не снабжены сушилками, из-за чего «рабочие, вернувшись с работы развешивают мокрую одежду и лапти вокруг печи, на которой варится пища» (ПермГАСПИ, ф. 105, оп. 21, д. 86, л. 27).

Отсутствие очистки территории — общая проблема Тувинской и Молотовской областей. По общесоветским нормам территории лесного хозяйства подлежали регулярной очистке от мусора. Но мусор скапливался повсеместно. Тувинские отчеты свидетельствуют, что до 1948 г. регулярных работ по очистке не проводилось. Поэтому Управление лесного хозяйства ТАО в апреле 1948 г. выпустило приказ «произвести собственными средствами и транспортом очистку территории хозяйства, а также принадлежащего жилфонда от зимних накоплений мусора и отбросов. В дальнейшем проводить регулярно очистку территории, не допуская накопления мусора» (НА РТ, ф.43, оп. 1, д. 1, л. 15). Приказ по Камскому лесному тресту «Камречлес» от 20.03.1947 г. свидетельствует о проблемах с уборкой поселков, которые решались путем «коллективного выхода рабочих во внеурочное время на работу по уборке (ГА ПК, ф.р-521, оп. 1, д. 2, л. 58об.). Справки о размещении переселенцев по поселкам и

[1] Перебанком в пермских говорах называли «предбанник».

благоустройстве поселков, в которых проживают переселенцы леспромхозов Молотовской области, отмечают и в 1953 г. проблемы с мусором.

В Молотовской области достаточно жестко наказывали руководство лесного хозяйства, если оно не создавало нормальные бытовые условия для рабочих: некоторых руководителей лесного хозяйства «за безответственное и бездушное отношение к хозяйственному и трудовому устройству переселенцев, за несоздание им нормальных бытовых условий» (Глушков, 2024: 74) привлекли к уголовной ответственности. Нормализовать ситуацию с текучкой кадров удалось примерно к 1956 г. В Туве таких наказаний не наблюдалось, хотя по отчетам периодически прослеживалось неудовлетворительное состояние бытовых условий.

Таким образом, на сравниваемых территориях наблюдается схожий набор проблем, связанный с жильем. По выявленным документам мы видим, что в Туве в послевоенные годы вопрос обеспеченности жилплощадью стоял острее, и разрешился уже в 1950-е гг. В ТАО работники проживали в бараках, домах, квартирах лесхозов, а в Молотовской области, судя по документам, были общежития. Если вопрос наличия крыши над головой для работников-мигрантов в целом был решен, то условия проживания оставались не лучшими. На обеих территориях существовала проблема обеспечения людей постельным бельем, проблема поддержания чистоты вокруг и внутри жилья. Источники, касающиеся ситуации в Молотовской области, дают более детальную картину тяжелого бытового положения работников.

Обеспечение продуктами питания и промтоварами

Трудности с промтоварами ТАО в первые послевоенные годы носили системный характер. Тувинский обком ВКП(б) свидетельствует о продолжающемся недостатке промышленных товаров (хлопчатобумажных тканей, зеленого чая, табака, готовой обуви и одежды) и просит ЦК ВКП(б) составить план завоза промтоваров в 4-м квартале (НА РТ, ф. 2, оп. 1, д. 61, л. 178).

До отмены карточной системы для получения хлеба и других продуктов граждан «прикрепляли» к торговым предприятиям. Люди, проживающие в сельской местности, могли отоварить талоны на один день вперед, а продажа за прошедшие дни была запрещена (НА РТ, ф. 264, оп. 1, д. 38, л. 197). Лимитное снабжение происходило по 3-м категориям и было разным по норме продуктов, которые выдавали. Лесничие в 1946 г. проходили по 3-й категории (НА РТ, ф. 264, оп. 1, д. 38, л. 185). Они получали лимитные книжки и дополнительное снабжение помимо карточек. Лимитное снабжение предполагало получение в месяц 1,5 кг крупы, 2 кг мяса и рыбы, 0,6 кг жиров, 1 кг сахара. Рабочие получали практически такое же снабжение, только жиров было 0,5 кг (НА РТ, ф. 264, оп. 1, д. 38, л. 195).

Лесхозы вели работы в подсобном хозяйстве. Им выделялась земля, на которой косили траву и заготавливали овес для обеспечения лошадей лесхоза, садили картошку для работников лесхоза. В некоторых случаях они должны были обрабатывать не полевые угодья (НА РТ, ф. 700, оп. 1, д. 30, л. 60), поскольку других им не выделили.

Документы свидетельствуют о неудовлетворительной работе подсобного хозяйства, но оно зачастую было единственным источником продуктов в лесхозе. Стоит заметить, что в военные и первые послевоенные годы по всей стране продукты получали по карточкам, но в лесном хозяйстве ТАО была особая ситуация. Тувинский облисполком издал отдельное распоряжение 24 апреля 1946 г., предложив всем райпо принять на снабжение продтоварами работников управления лесами по нормам рабочего снабжение, значит, до этого их снабжать не полагалось. По факту, несмотря на распоряжение, с июля 1946 г. лесников и лесообъездчиков тувинских лесхозов сняли со всех видов снабжения (НА РТ, ф. 2, оп. 1, д. 181, л. 30). Начальник областного управления лесами писал в Тувинский обком партии в августе 1946, что «работники охраны лесов в районах продолжительное время не получают продовольственное снабжение, не говоря уже о промтоварном» (НА РТ, ф. 1, оп. 1, д. 181, л. 4). Длительность задержки он не оговаривает, но уточняет, что рабочие не получали даже хлебный паек с июля, то есть 2 месяца. И работники в этой ситуации отказывались работать, уезжали из лесхозов. По некоторым пояснениям становится понятным за счет чего все-таки удавалось питаться — только за счет личных посевов (там же). Зав. Облторготделом Тувинского обкома предложил «зачислить на продтоварное довольствие работников управления лесами, не имеющих собственного посева» (НА РТ, ф. 1, оп. 1, д. 181, л. 30). Это свидетельствует о том, что имеющие посев не ставились на довольствие по нормам рабочего снабжения.

В 1950-х гг. снабжение лесоучастков тоже было недостаточным. Директор Юрлинского леспромхоза Молотовской области в 1952 г. отмечал серьезные проблемы с поставками продовольствия: «Лесоучастки: Чус, Сюзьва, В.-Коса, У.-Березовка, Трошкиха и Лопан (вместе с детьми и иждивенцами 2500 человек) — не хватает муки, крупы, соли, сахара, рыбы, мяса, картофеля из-за отсутствия подъездных путей с апреля по декабрь и несвоевременном подвозе продуктов по санному пути» (Салатова, 2022: 372). Отмечается, что проблемы снабжения леспромхозов более существенные, чем в городах области:

> «Более 500 грамм сахара в месяц не купишь. И рыбы 1 кг на месяц тоже мало и 2-х кг белого хлеба в месяц в Ветлянах не купишь, не говоря уже о колбасе, консервах или конфетах и пряниках. Претензии рабочих очень справедливые. Рабочие бывают в городе и в районном центре и видят в магазинах достаточное количество продуктов» (ПермГАСПИ, ф. 105, оп. 17, д. 383, л. 24).

Так же как и в Туве, лесхозы Молотовской области старались самостоятельно решить вопрос нехватки продуктов питания. Например, в Быковском мехлесопункте, где трудилось около 500 работников, имелось собственное подсобное хозяйство. Здесь была пасека, «скотская ферма», где содержались коровы и свиньи. Имелись площади, регулярно засевавшиеся картофелем, злаками и бобовыми культурами. Работники держали огороды (Шабалин, 2014: 69).

Проблема решалась также и в рамках институциональной ловушки путем применения неформальных, а порой и незаконных, практик. В 1943–1945 гг. начальник, упоминавшегося Быковского мехлесопункта заключил несколько «безнарядных» (т. е. неучтенных государством) сделок на поставку лесоматериалов. Один из таких договоров был заключен с конторой треста «Росглавхлеб». За работу мехлесопункт должен был получить 300 кг мяса, 250 кг крупы, 100 кг масла, 100 кг кондитерских изделий и другое продовольствие (там же: 72). В редком случае руководитель действовал, вкладывая собственные средства: в Добрянском районе Молотовской области начальника Демидковского лесопункта в течение марта 1953 г. покупал на свои деньги в ближайшем поселке хлеб, «чтобы не срывать работу в лесу» (Глушков, 2024: 74).

Согласно положению о лесной охране, работникам полагалось выдавать обмундирование, обувь и продовольствие. В состав обмундирования в Туве входил: бушлат хлопчатобумажный на вате, костюм хлопчатобумажный — гимнастерка и брюки, шерстяная фуражка (НА РТ, ф. 43, оп. 1, д. 1, л. 12). На осень-зиму выдавали ватную телогрейку брюки, кепку, рукавицы, валенки (НА РТ, ф. 264, оп. 1, д. 39, л. 176). Но реальность не всегда соответствовала властным стратегиям. К примеру, «Заключение планово-финансового отдела по годовому отчету Тандинского лесхоза» за 1953 г. свидетельствует, что обмундирование не выдали в полной мере — «числится остаток на складе 2,6 т. руб. за невыданое обмундирование» (НА РТ, ф.700, оп. 1, д. 30, л. 10).

Порой получение обмундирования становилось частью тактики обогащения. Сельские жители Тувы, устроившись на работу в лесхоз, получали обмундирование и вскоре возвращались домой в село. Чтобы пресечь эту тактику приобретения бесплатной одежды начальник отдела охраны лесов Управления лесного хозяйства ТАО предложил выдавать обмундирование только тем работникам, которые «могут быть оставлены на дальнейшей работе» (НА РТ, ф.43, оп. 1, д. 1, л. 12). К тому же за обмундирование по дополнительным указаниям бухгалтерии была установлена плата.

В Молотовской области тоже есть сложности с рабочей одеждой, например, отмечается «отсутствие рукавиц в ЛПХ[1] и ОРСе[2], что создает тяжелые условия работы» (Салатова, 2022: 374). Документы Молотовской области и в 1948 г. отмечают недостаточное обеспечение рабочих спецодеждой и обувью (ГА ПК, ф.р-521, оп. 1, д. 4, л .8).

Уровень бытового обслуживания в тувинских столовых описана в Справке «О ходе выполнения облпотребсоюзом постановления бюро тувинского обкома партии от 12 марта 1952 г «О состоянии торговли в области»». В справке лесхозы отдельно не выделяются, но сложная ситуация описана следующим образом: «предприятия общественного питания продолжают работать плохо..., выпускают продукцию низкого качества, в узком ассортименте, многие столовые не обеспечены инвентарем, особенно ложками, вилками, тарелками и находятся в антисанитарном состоянии... медлительность в обслуживании и грубое отношение некоторых работников к потребителям еще не изжиты» (НА РТ, ф. 2, оп. 1, д. 416, л. 31).

[1] ЛПХ — леспромхоз, лесопромышленное хозяйство.
[2] ОРС — отдел рабочего снабжения.

Схожие проблемы в 1953 г. обнаружила и бригада Молотовского медицинского института. В ее отчете было отмечено, что столовые на лесоучастках работают очень плохо, качество блюд настолько низкое, что «подавляющее большинство рабочих, даже одиночек, предпочитают сами готовить себе пищу» (ПермГАСПИ, ф. 105, оп. 21, д. 86, л. 27). Из-за отсутствия термосов не был организован подвоз горячего питания на лесосеки.

Таким образом, обе территории имели схожую ситуацию, связанную с проблемами в потреблении. Несмотря на то, что лесная отрасль в рассматриваемое время была одной из важнейших, снабжение работников лесных предприятий продуктами питания оставляла желать лучшего. Эта проблема прослеживается и по тувинским, и по молотовским документам. Также фиксируется неэффективная работа столовых. Как и по всей стране (Мамяченков, 2017: 274), лесные предприятия Тувы и Молотовской области компенсировали нехватку еды благодаря подсобным хозяйствам и огородам, которые выделялись работникам.

Досуговые практики

С точки зрения стратегий советской власти досуг следовало организовывать. Центром досуга по стандарту становился Дом культуры или сельский клуб. 21 мая 1947 г. вышло Постановление Совета министров СССР № 1631, предусматривающее не только подъемные выплаты и льготы переезжающим рабочим, но и строительство в местах вселения школы, детского сада, больницы и дома культуры.

Для реализации постановления задачи по организации досуга власти ТАО ставили и перед руководством лесных хозяйств, однако на практике в послевоенные годы клубы не строили, хотя деньги на это могли быть выделены. Для организации досуга могли использовать «красный уголок», там организовывали игру в шахматы (НА РТ, ф. 167, оп. 1, д. 4, л. 31). В Молотовской области в 1948 г. издавали приказы «в качестве обязательного требования иметь на лесоучастках Красные уголки, снабженные отпущенными леспромхозам радиоприемниками, библиотеками, шахматами и другими настольными играми» (ГА ПК, ф.р-521, оп. 1, д. 4, л. 85). Но и эта форма досуга была в обеих областях в реальности доступна не во всех лесхозах. Таким образом, создавалась ситуация, когда совместное распитие спиртных напитков могло стать единственно возможным способом досуга.

Документы лесхозов Тувы позволяют отличить когда, с кем и в каком количестве принятие алкоголя не подлежало осуждению. Очень серьезным проступком было регулярное пьянство и пьянство с подчиненными. Ценность работников была высока, поэтому увольняли за пьянство не сразу. Первоначально старались вернуть работника к нормальной трудовой жизни.

Интересна ситуация с одним из инженеров Каа-Хемского лесхоза, упоминаемая в документе. Он регулярно позволял себе выпивать. За это он неоднократно получал административные взыскания, специально вызывался для беседы райкомом комсомола и райкомом партии, а также прокурором. Но он не поддавался воздействиям, «даже в это пьянство втягивает лесоохрану и технических работников» (НА РТ, ф.76, оп. 1, д. 102, л. 83). В итоге, за систематическое пьянство его сняли с должности инженера.

Если распитие спиртных напитков не было систематическим, то осуждение было не слишком суровым. Инженер Барун-Хемчикского лесхоза ТАО за пьянство во время работы получил лишь «общественное порицание» (НА РТ, ф. 657, оп. 1, д. 19, л. 76). Пить спиртосодержащие напитки не воспрещалось и даже до начала рабочего дня, но в умеренных количествах и в нерабочее время.

Таким образом, несмотря на предусмотренные стратегии обеспечения разнообразного досуга работников лесного хозяйства через организацию и оборудование «красных уголков», в реальности ситуация в обеих областях была похожей — «уголки» организовывали, но не оснащали. Поэтому совместно распитие спиртных напитков оставалось единственным вариантом отдыха рабочих и руководителей, а это влекло за собой проблемы производственного и морального характера.

Взаимодействия приезжих работников лесхозов друг с другом и с местным населением

В связи с нехваткой рабочей силы в лесном хозяйстве принимали работников из сельской местности без трудовых книжек (у колхозников их не было), а выдавать не спешили. Упорядочить ситуацию с трудовыми книжками министерство лесного хозяйства СССР пыталось с сентября 1947 г., однако

действовала институциональная ловушка, и дело двигалось медленно. 29 апреля 1948 г. Министерство лесного хозяйства СССР издало Приказ об упорядочивании учета и инвентаризации трудовых книжек, потребовали отчета (НА РТ, ф. 43, оп. 1, д. 1, л. 17).

Работа продвинулась, но документы ТАО свидетельствуют о том, что случаи приема на работу без трудовой книжки продолжали иметь место.

В Молотовской области имела место проблема, которой не было в Туве, поскольку в Туве рабочие лесхозов не были репатриированными. Парторганизации «не разъяснили рабочим и служащим, что репатриированные являются полноправными гражданами Советского Союза», и были случаи избиения, лишения пищи, незаконные аресты репатриированных в тресте “Уралзаподолес”» (ПермГАСПИ, ф. 105, оп. 12, д. 26, л. 8–9).

Лес как топливо и материал для строительства, продукты производства из дерева были необходимы для повседневной жизни крестьян, проживавших рядом с леспромхозами. На вырубку давали разрешения — билеты, а цена была установлена Облисполкомом и зависела от типа леса.

С 1 января 1946 г. таксы на древесину, отпускаемую с корня самозаготовителям из лесов ТАО для всех пород: деловой лес — 14 руб. за плотный куб. метр; дрова — 7 руб.; хворост — 2 руб. за складочный куб. метр[1]. Следует отметить, что установленные цены могли не соответствовать себестоимости вырубки. В отчете Тандынского лесхоза указывается, что при плановой себестоимость вырубки деловой древесины 2 рубля за кубометр — фактическая себестоимость вырубки была 6–7 руб./кбм. Однако в себестоимость входила еще и доставка леса с места рубки, таким образом, на пунктах потребления себестоимость вырастала до 30–35 руб./кбм. (НА РТ, ф. 700, оп. 1, д. 31, л. 33). Выходит, лес отпускали за цену (14 руб.), которая более чем в 2 раза ниже себестоимости. На практике — работники лесной охраны ТАО «допускали самовольные вырубки леса. За это получали строгий выговор с предупреждением или отстранялись от работы» (НА РТ, ф. 76, оп. 1, д. 78, л. 30). В архивных документах отмечается, что некоторые лесхозы ТАО, например, Тоджинский лесхоз производил бесплатный отпуск леса местному населению (НА РТ, ф. 43, оп. 1, д. 1, л. 3), а Кызыльский лесхоз завышал цены на хворост до 35 р. за куб.метр хвороста. (НА РТ, ф. 43, оп. 1, д. 1, л. 24).

Наказания за допущение лесниками безбилетной вырубки бывали и более строгими. Например, в Кызылском лесхозе в 1949 г. «один лесник был уволен с работы, а двое были отправлены под суд» (НА РТ, ф. 43, оп. 1, д. 48, л. 158). Трудности с контролем за самовольной рубкой директор Кызылского лесхоза объяснил тем, что население еще кочевое и за ним трудно уследить. Сила представителя лесной охраны должна была обеспечиваться наличием оружия. Лесная охрана была обеспечена огнестрельным оружием, но в докладе об охране леса Тандынского лесхоза за 1954 г. указано, что «боеприпасами (дробью, порохом, гильзами) лесная охрана не обеспечена» (НА РТ, ф. 700, оп. 1, д. 31, л. 42). При этом лесхозы ТАО каждый год отчитываются о снижении незаконной рубки леса: в 1952 г., например, отмечают снижение на 53% (НА РТ, ф. 76, оп. 1, д. 78, л. 39).

Сложной проблемой в лесном хозяйстве были лесные пожары. Зачастую их виновниками становились местные жители. В лесхозах ТАО была должность пожарного сторожа, который не только следил за соблюдением правил пожарной безопасности в лесах, но также был обязан проводить среди местного, в том числе кочевого, населения разъяснительную работу. Делали это не все. За нарушение пожарной безопасности выписывали штрафы (50 руб.) (НА РТ, ф. 43, оп. 1, д. 48, л. 158). Штрафы взыскивали в пользу лесхозов и они были для них важной статьей доходов: в документах производственных собраний 1952 г. отразилась информация, согласно которой задержка зарплаты и финансовые затруднения лесхоза объясняются в том числе тем, что бухгалтерия «не передает в народный суд дела для взыскания сумм в пользу лесхоза» (НА РТ, ф. 76, оп. 1, д. 102, л. 37).

В Молотовской области складывалась аналогичная ситуация: назначали ответственных лиц по каждому участку, с апреля 1948 г. ставили пожарных сторожей на каждом лесоучастке, контролировали курение в строго отведенных местах, вывешивали объявления и обращения ко всем гражданам призывающие к охране лесов от пожаров, устанавливали пожарные колокола, должны были проводить инструктажи с работниками (ГА ПК, ф.р-521, оп. 1, д. 4, л. 44–44 об.). Кроме того, важное место в работе руководства лесхоза занимала техника безопасности.

[1] Оюн Д. Лесники Тувы подвели итоги 60-летней работы [Электронный ресурс] // Wood.ru. 2006, 12 апреля. URL: https://www.wood.ru/ru/loa436.html (дата обращения: 7.05.2025).

Были случаи травматизма на лесозаготовках (за 1 квартал 1948 г. только в Чердынском ЛПХ было 7 несчастных случаев (ГА ПК, ф.р-521, оп. 1, д. 4, л. 57). Поэтому в стратегию руководства входило не только проведение инструктажа и семинаров по технике безопасности, но и вывешивание предупредительных вывесок «Валка леса — берегись» и «Осторожно — повал леса» (ГА ПК, ф.р-521, оп. 1, д. 4, л. 47).

Раз в квартал, а при необходимости ежемесячно, проводились совещания по технике безопасности, на них заслушивались доклады руководителей участков (ГА ПК, ф.р-521, оп. 1, д. 12А, л. 23). На технику безопасности выделялись средства, но фиксируются тактики руководителей по нецелевому расходованию этих средств, например, на зарплату рабочим и спецодежду (ГА ПК, ф.р-1366, оп. 1, д. 488, л. 10). Тут, кстати тоже можно отметить действие институциональной ловушки, при которой нехватка средств фонда заработной платы компенсировалась нецелевым использованием денег на технику безопасности. Сами инструктажи могли проводиться редко или вообще не проводится в реальности, виновные в нарушении техники безопасности не наказывались (ГА ПК, ф.р-1366, оп. 1, д. 488, л. 9 об.).

В ТАО документы подобную работу не фиксируют.

Руководство регулярно задерживало заработную плату по бюджетной и хозрасчётной деятельности — эта проблема существовала в обеих областях. Во всех отчетах лесхозов ТАО упоминается эта проблема и объясняется отсутствием средств (НА РТ, ф.76, оп. 1, д. 48, л. 144).

Задержки зарплаты в Молотовской области фиксируются по другой причине: «по причине невыполнения производственного плана», длительность задержки от 5–10 дней (ГА ПК, ф.р-1366, оп. 1, д. 488, л. 6об.) до «длительной систематической задержки» (ГА ПК, ф.р-1366, оп. 1, д. 488, л. 59). При этом имеется информация о случаях «обсчета путем невыписки нарядов на работу, утери нарядов, неправильного применения расценок и норм выработки» (ГА ПК, ф.р-1366, оп. 1, д. 488, л. 8).

Денежные премии лесникам Тувы тоже предполагались (НА РТ, ф. 700, оп. 1, д. 26, л. 48), но только за перевыполнение плана. В Молотовской области по той же причини фиксируется большое количество премий для руководителей лесхозов.

В ТАО, как и по всей стране, была поставлена задача проводить социалистическое соревнование, но судя по отчетам, до середины 1950-х гг. рабочие лесхозов не всегда принимали в нем участие, нормы выработки не выполнялись (об этом есть во всех отчетах 1952 г). Однако итоговые отчеты свидетельствуют о перевыполнении плана в лесной промышленности то на 100,1%, то на 116,3% (НА РТ, ф. 76, оп. 1, д. 102, л. 34). На производственном совещании Кызылского лесхоза это противоречие никого не удивило: «План 1951 г. выполнен на 116%, но большинство признано неудовлетворительным… лесозаготовки путем не ведутся, нет вывозки…, лошади куда попало ходят» (НА РТ, ф. 76, оп. 1, д. 102, л. 43). Видимо, в итоговой статистике имели место приписки. Об этом свидетельствуют материалы партсобраний собраний Улуг-Хемского леспромхоза в 1952 г. (НА РТ, ф. 167, оп. 1, д. 4, л. 61).

Впрочем, подлоги с зарплатой в лесном хозяйстве были повсеместной советской проблемой. Министерство лесного хозяйства СССР развернуло небольшую кампанию по борьбе с подлогами. Она началась с приказа № 266 25 мая 1948 г. «О нарушении правил лесопользования и финансовой дисциплины, очковтирательстве и злоупотреблениях в Борисовском леспромхозе и Минском областном Управлении Министерства лесного хозяйства БССР» (НА РТ, ф. 43, оп. 1, д. 1, л. 22), в котором описывалась ситуация нарушения правил отпуска леса, выписывания подложных лесбилетов на рубки, подложных санитарных рубок и ухода за лесом без реальных действий, составления подложных ведомостей на зарплату, использования лошадей лесхоза для личных нужд в личном хозяйстве: «лошади работают на стороне и используются рабочими без взимания платы за них» (НА РТ, ф. 76, оп. 1, д. 102, л. 36). Данный приказ был отправлен во все управления лесных хозяйств страны для принятия собственных мер, если имеются аналогичные ситуации.

Уже 30 мая 1948 г. газета «Тувинская правда» поместила в разделе «Письма в редакцию» статью «Деляги из лесхоза», в которой директора Кызыльского лесхоза обвиняли в завышении цен на валежник для населения (НА РТ, ф. 43, оп. 1, д. 1, л. 24). Таким образом, реализовывалась практика поиска на местах недостатков, связанных с кампанией.

В Молотовской области специальных действий в рамках данной кампании не обнаружено, но деятельность по борьбе с хищениями в лесной отрасли велась регулярно. Приказ по тресту «Камречлес» за 22.03.1947 г. свидетельствует о том, что старшего бухгалтера отстранили от работы из-за подделки подписей рабочих на ведомостях о зарплате; он не сдавал в кассу деньги от рабочих по займу, присва-

ивал деньги за промтовары, а также самовольно взял 100 кг сена. Для борьбы с подобными нарушениями предлагалось проверить годовую отчетность (ПермГАСПИ, ф. 521, оп. 1, д. 2, л. 62). Но особенно много хищений фиксировали в торговле на территории ЛПХ. Дела о хищении государственного имущества возбуждались в 1947 г. достаточно часто. Имеется доклад прокурора Коми-Пермяцкого округа о борьбе с хищениями и растратами в потребкооперации и орсах в леспромхозах за 1946 г. (ПермГАСПИ, ф. 1366, оп. 1, д. 133).

Традиционный подход к организации труда привел к еще одной неформальной тактике взаимодействия руководства и рабочих. В Чаданском лесхозе ТАО было зафиксировано в 1952 г. использование работников лесной охраны на работах, не входящих в круг их обязанностей — в ремонте дороги, строительстве канала, в колхозах на уборке урожая (НА РТ, ф. 76, оп. 1, д. 93, л. 41, 50). Скорее всего, это было повсеместной практикой, но из-за восприятия ее в качестве нормальной — она не фиксировалась документами.

В Молотовской области фиксируется похожая ситуация, но рабочие используются на «второстепенных работах» (ГА ПК, ф.р-521, оп. 1, д. 6, л. 5). Однако при обнаружении данных ситуаций от руководства в обеих областях требуют их исправления.

Коммунистическая партия тоже активно влияла на ситуацию в лесном хозяйстве, создавала первичные парторганизации ВКП(б), занимавшиеся идеологическим воздействием на работников лесного хозяйства, следила за нравственностью и организовывала социалистические соревнования. Лучшие инженерно-технические работники должны были читать лекции на технические и политические темы. Судя по обсуждению на техническом совещании работников лесхозов ТАО, в реальности лекции были редко (НА РТ, ф. 76, оп. 1, д. 102, л. 82), в лесхозах могли вообще не проводиться. Об этом пишется во многих отчетах за 1950-е гг. Однако на лесозаводе, в отличие от лесхозов, лекции проводились достаточно регулярно.

Таким образом, трудовая дисциплина вызывала серьезную озабоченность власти в обеих областях. Причем руководящие указания, содержащие набор стратегий, исходили из центра. В Туве эти руководящие указания нашли продолжение в борьбе за оформление трудовых книжек, контроле за зарплатой и борьбе с лесными пожарами и незаконной рубкой леса. Темы социалистического соревнования, борьбы с лесными пожарами, использования труда рабочих не по профилю их работы, задержки заработной платы занимали одинаково важное место в обеих областях. В Молотовской области проблемы с трудовыми книжками не выявлялись, а нарушения выплат, зарплат, в том числе махинации с ними — были постоянной темой для обсуждения в документах (в Туве тема незаконной выплаты зарплаты поднималась только в рамках общесоветской политической кампании). Но добавлялись в Прикамье и другие темы взаимодействия руководителей и рабочих: техника безопасности и предотвращение несчастных случаев (в Туве о них нет упоминаний), отсутствие заботы руководителей о бытовом благополучии лесозаготовителей.

Заключение

Документы архивов позволили найти сходства и отличия в организационных тактиках и обусловленных различиями культуры стратегиях работников лесной промышленности Тувинской и Молотовской областей. Лесное хозяйство обоих регионов реорганизовывалось в послевоенные годы. Области территориально не сильно отличались, но природный горный ландшафт Тувы и территориальное расположение Молотовской области на Транссибирской магистрали обусловили различия в размерах лесной промышленности: в Молотовской области добывали на 3 млн га больше древесины, леспромхозы объединялись в тресты, рабочая сила долго формировалась из числа принудительных мигрантов.

Плановая экономика позволяла мобилизовать огромные ресурсы, но она порождала проблему неэффективности. Любой управленец оказывался зажатым между имеющимися правилами и качественной результативностью. Чтобы быть эффективным, он вынужден был нарушать правила. Д. Норт называл такую ситуацию институциональной ловушкой. Институты задают правила игры, позволяющие избежать издержек, но, в то же время, они снижают возможность новаций и маневра (Норт, 1997). Тактики областных руководителей схожим образом были продиктованы руководящими указаниями центральной власти, но даже на этом уровне обнаруживаются различия стратегий, например, уголовное преследование за прогулы и дезертирство из лесхозов отсутствует в обеих об-

ластях (учитывая нехватку рабочей силы, это вполне логичный способ выхода из институциональной ловушки), но тувинские власти не призывали использовать данные законы, а в Молотовской области на совещаниях часто напоминали о необходимости применения законов о дезертирстве с предприятий.

В леспромхозах обеих областей имели место нехватка рабочей силы, большие возвратные потоки переселения и сложные условия труда, ограничения в потреблении благ. Власть разными способами пополняла состав работников. Для решения проблем зачастую использовались неформальные стратегии, которые наряду с формальными, обеспечивали более-менее эффективное функционирование предприятий лесной промышленности, хотя план постоянно выполнялся лишь частично и проблема организации соцсоревнований существовала в обеих областях.

В повседневной жизни леспромхозов были схожие бытовые проблемы, большую роль играли практики военного времени и строились они на принципах плановой экономики. Например, хлеб и горячее питание не нужно было покупать на зарплату, еду должны были «обеспечить». Обмундирование и обувь тоже выдавали. Проблемы с жильем решались, с одной стороны, по советским нормам, с другой стороны — были тактики обеспечения личного преимущества в сложном жилищном вопросе, а в ТАО проблема с жильем решалась через традиционные тактики — работники лесхоза проживали в своей традиционной юрте.

В отношении досуга предписывалось создание «красных уголков», наполненных настольными играми и служивших местом проведения лекций и идеологической работы. Однако, на практике в обеих областях они либо не создавались в связи с отсутствием места, либо не наполнялись оборудованием. И главную досуговую роль начинало играть потребление спиртного, что плохо сказывалось на трудовой дисциплине и выполнении планов.

Таким образом, можно выделить схожесть властных стратегий в Тувинской и Молотовской областях, направляемых центральной властью, схожесть проблем профессионального и бытового характера. Что касается тактик, то при очевидной схожести реакций работников на властные стратегии (например, употребление алкоголя при тяжелой физической работе и отсутствии культурной альтернативы) были и различия, обусловленные политическими, территориальными и культурными особенностями областей. К середине 1950-х гг. в обеих областях рабочий процесс начал налаживаться, текучка кадров снизилась, государство проводило небольшие общесоветские кампании по борьбе с экономическими нарушениями в лесном хозяйстве, обеспечивало нормальную постоянную оплату труда.

Благодарности

Благодарим коллег из деканата исторического факультета и с кафедры отечественной истории Тувинского государственного университета за теплый прием во время командировки в Национального архива Республики Тува и неоценимую помощь в поиске редкой книги Т. Верещагиной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Глушков, А. В. (2024) Добровольные трудовые переселенцы в лесной промышленности Молотовской области в 1950-е гг.: притягивающие факторы // Вестник Томского государственного университета. № 498. С. 70–79. DOI: https://doi.org/10.17223/15617793/498/8

Глушков, А. В., Козлова, К. О., Исмакаева, И. Д. (2024) Брошюры как форма агитационных материалов в период переселенческих кампаний в СССР во второй половине 1950-х — начале 1960-х гг. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. № 1 (67). С. 75–84. DOI: https://doi.org/10.24866/1997-2857/2024-1/75-84

Гончаров, Г. А. (2016) «Трудмобилизованные» из среднеазиатского военного округа на Урале в годы в годы Великой Отечественной войны // Magistra Vitae. № 1. С. 43–48.

Дабиев, Д. Ф. (2020) Экономические исследования в период Тувинской автономной области (1945–1961 гг.) // Новые исследования Тувы. №2. С. 260–275. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2020.2.18

Колесников, Б. П., Шиманюк, А. П. (1969) Леса Пермской области // Леса СССР / гл. ред. А. Б. Жуков. М. : Наука. Т. 4. 767 с. С. 5–63.

Коропачинский, И. Ю., Федоровский В. Д. (1969) Леса Тувинской АССР // Леса СССР / гл. ред. А. Б. Жуков. М. : Наука. Т. 4. 767 с. С. 321–349.

Ламажаа, Ч. К. (2021) Социальные общности и социальные связи тувинцев в XIX — начале XXI в. // Ермолаевские чтения. № V / отв. ред. В. С. Чигжит Кызыл : Издательский отдел Национальной библиотеки им. А. С. Пушкина Республики Тыва. 284 с. С. 7–10.

Мамяченков, В. Н. (2017) Подсобные хозяйства предприятий и организаций Свердловской области: кризис 1945–1953 гг. // Научный диалог. 2017. № 8. С. 272–287. DOI: https://doi.org/10.24224/2227-1295-2017-8-272-287

Норт, Д. (1997) Институты, институциональные изменения и функционирование экономики : пер. с англ. А. Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б. З. Мильнера. М. : Фонд экономической книги «Начала». 180 с.

Салатова, А. А. (2022) Внутренняя возвратная миграция переселенцев Молотовской области в 1945–1953 гг.: репрезентация в архивных документах // Международная научно-практическая конференция «Национальная политика и миграционные процессы в Советском Союзе» к 100-летию создания СССР : сборник материалов / отв. ред. С. В. Неганова, А. В. Черных. Пермь : Перм. гос. архив социал.- полит. истории. 655 с. С. 368–376.

Серто, М. де (2013) Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге. 330 с.

Шабалин, В. В. (2014) Распил по-быковски (о коррупционных практиках военного времени) // История в подробностях. № 8. С. 68–75.

Дата поступления: 10.06.2025 г.
Дата принятия: 08.09.2025 г.

REFERENCES

Glushkov, A. V. (2024) Voluntary labour migrants in the forestry industry of Molotov Region in the 1950s: pull factors. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta,* no. 498, pp. 70–79. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.17223/15617793/498/8

Glushkov, A. V., Kozlova, K. O. and Ismakaeva, I. D. (2024) Brochures as a form of propaganda material during the resettlement campaigns in the USSR in the late 1950s — early 1960s. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke,* no. 1(67), pp. 75–84. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.24866/1997-2857/2024-1/75-84

Goncharov, G. A. (2016) "Labour-mobilized" from the Central Asian Military District in the Urals during the Great Patriotic War. *Magistra Vitae,* no. 1, pp. 43–48. (In Russ.)

Dabiyev, D. F. (2020) Economic research during the period of the Tuvan Autonomous Region (1945–1961). *New Research of Tuva,* no. 2, pp. 260–275. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2020.2.18

Kolesnikov, B. P. and Shimanyuk, A. P. (1969) Forests of Perm Region. In: Zhukov, A.B. (ed.) *Forests of the USSR,* vol. 4. Moscow, Nauka. 767 p. Pp. 5–63. (In Russ.)

Koropachinsky, I. Yu. and Fedorovskiy, V. D. (1969) Forests of the Tuvan ASSR. In: Zhukov, A. B. (ed.) *Forests of the USSR.* Moscow, Nauka. Vol. 4. 767 p. Pp. 321–349. (In Russ.)

Lamazhaa, Ch. K. (2021) Social communities and social connections of Tuvans in the 19th — early 21st centuries. In: Chigzhit, V. S. (ed.) *Ermolaev Readings.* Kyzyl, Publishing Department of the National Library of the Republic of Tuva. No. V. 284 p. Pp. 7–10. (In Russ.)

Mamyachenkov, V. N. (2017) Subsidiary farms of enterprises and organizations of Sverdlovsk Region: the crisis of 1945–1953. *Nauchnyy dialog,* no. 8, pp. 272–287. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.24224/2227-1295-2017-8-272-287

North, D. (1997) *Institutions, institutional change and economic performance.* Transl. from English by A. N. Nesterenko, introd. and ed. by B. Z. Milner. Moscow, Nachala Economic Book Foundation. 180 p. (In Russ.)

Salatova, A. A. (2022) Return internal migration of settlers of Molotov Region in 1945–1953: representation in archival documents. In: Neganova, S. V. and Chernykh, A. V. (eds.) *International Scientific and Practical Conference "National Policy and Migration Processes in the Soviet Union" to the 100th Anniversary of the Creation of the USSR*: Conference Proceedings. Perm, Perm State Archive of Socio-Political History. 655 p. Pp. 368–376. (In Russ.)

Certeau, M. de (2013) *The practice of everyday life. 1. The art of making.* Transl. from French by D. Kalugin and N. Movnina. St Petersburg, European University at St Petersburg Press. 330 p. (In Russ.)

Shabalin, V. V. (2014) Sawing "Bykov-style" (on corruption practices during wartime). *Istoriya v podrobnostyakh,* no. 8, pp. 68–75. (In Russ.)

Submission date: 10.06.2025.
Acceptance date: 08.09.2025.

DOI: 10.25178/nit.2025.4.6

Статья

Семейная книга, родовая келья: скитские технологии самосохранения в период урбанизации

Елена Е. Дутчак
Национальный исследовательский Томский государственный университет, Российская Федерация

В статье анализируются стратегии адаптации сибирских староверов часовенного и странноческого согласий к внутрирегиональным миграциям 1950–1980-х гг. На примере общин, локализованных в сельских районах Республики Тыва и Томской области, рассматриваются технологии солидаризации разновозрастного и пространственно рассредоточенного между таёжным скитом, деревней и городом религиозного коллектива и моделируются процессы пролонгации монашеских установок в структуре семейных ценностей.

Методологическим основанием исследования выступают: а) концепция «проживаемой религии» (lived religion), фокусирующаяся на повседневных, пластичных состояниях конфессиональной идентичности; б) аналитическая программа материального поворота (material turn), раскрывающая влияние предметных миров на социальную, интеллектуальную и эмоциональную активность индивидов и групп. Источниковую базу исследования составили старообрядческие агиографические, мемуарные и генеалогические нарративы; публицистические и делопроизводственные материалы; владельческие записи на книгах и исследовательские полевые интервью.

Исследование призвано проверить гипотезу о наследовании семейного имущества, ассоциируемого с религиозной идеей, как инструмента межпоколенческой трансляции традиции пустынножительства. Выявлено, что появление родовых келий и заимок определили исторические особенности расселения старообрядческих групп в таёжной зоне и взаимозависимость монашеских и крестьянских хозяйств. Описана технология приобщения мирян к операциям с богослужебной и вероучительной книгой, охарактеризованы результаты её использования для удержания «старых» скитских династий, создания «новых» и наращивания ресурса для формирования «будущих».

Анализ сетевых отношений скита с ближним и дальним окружением, «своими» и «чужими» показал, что основой для воспроизводства монашеских институций в условиях оттока молодёжи, социальных и мировоззренческих трансформаций становятся делегирование ему функции держателя родовых «мест спасения» и хранителя семейных «намоленных» книг.

Ключевые слова: *старообрядческий скит; часовенные; странники; Обь-Енисейский регион; Тува; Томская область; монашество; религиозное воспитание; христианская книга; кириллическая традиция*

Исследование проведено при поддержке Российского научного фонда, проект № 23-78-10119. https://rscf.ru/project/23-78-10119/

Для цитирования:
Дутчак Е. Е. Семейная книга, родовая келья: скитские технологии самосохранения в период урбанизации // Новые исследования Тувы. 2025. № 4. С. 91-106. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.6

Дутчак Елена Ерофеевна — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры российской истории факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. Адрес: 634050, Россия, г. Томск, пр. Ленина, д. 36. Эл. адрес: dee010@mail.ru

DUTCHAK, Elena Erofeevna, Doctor of History, Professor of Department of Russian History, Faculty of Historical and Political science, National Research Tomsk State University. Postal address: 36 Lenina Av., 634050, Tomsk, Russia. E-mail: dee010@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5284-6054

Article

Family book, ancestral cell: skete technologies of self-preservation in the period of urbanization

Elena E. Dutchak
National Research Tomsk State University, Russian Federation

The article analyzes the adaptation strategies of Siberian Old Believers of the Chapel and Wanderer confessions to intraregional migrations of the 1950s–1980s. Using the example of communities located in rural areas of the Republic of Tuva and the Tomsk Region, the author examines the technologies of solidarity within a religious collective that was differentiated by age and spatially dispersed between the taiga skete, the village, and the town, and he models the processes of prolonging monastic principles within the structure of family values.

The methodological framework of the study includes a) the concept of lived religion, which focuses on every day, fluid states of confessional identity; and b) the analytical program of the material turn, which highlights the influence of material worlds on the social, intellectual, and emotional activity of individuals and groups. The source base consists of Old Believer hagiographic, memoir, and genealogical narratives; journalistic and administrative materials; ownership notes in books; and field interviews conducted by researchers.

The study aims to test the hypothesis that the inheritance of family property associated with religious ideas serves as a tool for the intergenerational transmission of the hermitic tradition. It has been revealed that the emergence of family cells and taiga settlements determined the historical features of Old Believer resettlement in the taiga zone and the interdependence of monastic and peasant households. The article describes the practices of involving laypeople in operations with liturgical and doctrinal books and characterizes the results of their use in maintaining "old" skete dynasties, creating "new" ones, and expanding resources for the formation of "future" ones.

An analysis of the network relations of the skete with its near and distant environment, with both "own" and "others", demonstrated that the reproduction of monastic institutions under conditions of youth outmigration and socio-ideological transformations is based on the delegation to the skete of the function of custodian of family "places of salvation" and keeper of family "prayed-over" books.

Keywords: *Old Believer skete; Chapel confession; Wanderer confession; Ob-Yenisei region; Tuva; Tomsk Region; monasticism; religious upbringing; Christian book; Cyrillic tradition*

Financing
The study was conducted with the support of the Russian Science Foundation, project No. 23-78-10119. https://rscf.ru/roject/23-78-10119/

For citation:
Dutchak E. E. Family book, ancestral cell: skete technologies of self-preservation in the period of urbanization. *New Research of Tuva*, 2025, no. 4, pp. 91-106. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.6

Введение

Советская программа урбанизации поставила сельское старообрядчество перед типологически новым вызовом: возрастающий с 1950-х гг. отток деревенской молодёжи[1] дополнился явным или скрытым нежеланием получивших образование и работу в городах наследовать семейные традиции. Быстротечность и необратимость этих трансформаций уже в 1970-е гг. отразились в научной типологии районов археографических поисков, в основе которой лежала установленная зависимость между

[1] В 1959 г. удельный вес детей, юношества и молодёжи в структуре городского населения национальных автономий Южной Сибири составлял 59,5%, что превышало аналогичные показатели по РСФСР на 4,6% (Тиникова, 2019: 78). В Томской области как регионе с преобладающим русским населением в 1961–1978 гг. из сёл ежегодно выезжало 22000–25000 чел. (Усольцева, 2018: 175).

демографическими показателями старообрядческих общин, их старением и сокращением, и лёгкостью получения государственными хранилищами принадлежавших им рукописных и печатных книг (Поздеева, 1978).

Наиболее остро эти изменения должны были ощутить старообрядческие течения, не имеющие священства и внешних инструментов дисциплинирования разновозрастных и пространственно рассредоточенных религиозных коллективов, и исследования 1990-х гг. констатировали движение их некогда богатой литературной культуры к упрощённым, устным формам (Смилянская, 2013). На этом фоне сохранение скитских династий тувинских часовенных и томских странников[1] выглядит противоречащим магистральной тенденции и свидетельствует о резистентности принятой ими модели физического и ментального перехода от профанного к сакральному — из деревни/города в скит, от мирского состояния к монашеству.

Детализации стратегий адаптации общин староверов часовенного и страннического согласий к внутрисибирским миграциям 1950–1980-х гг., их технологиям групповой солидаризации и пролонгации монашеских установок в структуре семейных ценностей — посвящена настоящая статья.

Гипотеза, методологические рамки и источниковая база исследования. Полевые исследования, начатые автором в 1987 г. в Томской области (Дутчак, 2019: 33), позволяют предположить, что межпоколенческая трансляция установки на пустынножительство обретает устойчивые формы лишь в том случае, если наследование конфессиональной идеи сопровождает передача ассоциируемого с ней семейного имущества: богослужебных и вероучительных книг, жилых строений (келий и заимок), возведённых при финансовом и трудовом участии родственников.

Наблюдение показывает религиозную мотивацию как образованную вербальными, материальными и акциональными компонентами и обращает к теоретико-методическим подходам, имеющим инструментарий для оценки интегрированности монашеской группы в светские сети владельческих прав, имущественных обязательств, реальных и символических обменов.

Первый подход представлен концепцией «проживаемой религии» (*lived religion*), манифестирующей отказ от описания стабильных состояний конфессиональной идентичности и предлагающей изучать её повседневные, не полностью структурированные воплощения (Недзьведзь, 2016; Knibbe, Kupari, 2020). Применительно к скитским сообществам, локализованным в природной зоне с аграрно-промысловым характером расселения, такая переориентация позволяет различать монашеские идентичности, обретённые в силу домашнего воспитания и в ходе ситуативного, заданного хозяйственной нишей выбора.

Второй подход фундирован программой материального поворота (*material turn*) и тезисом о способности предметных миров направлять социальную и интеллектуальную активность людей, видоизменять их эмоциональные и трансцендентные практики (Социология вещей … , 2006; Соколовский, 2017). Его принятие делает несущественными вероисповедные различия старообрядческих течений и переносит акцент на общие принципы формирования чувства принадлежности к сакральным локусам, в том числе посредством оперирования вещей с эксплицитным и имплицитным религиозным значением.

Сочетание подходов создаёт аналитическую рамку для описания старообрядческой общины периода урбанизации как открытой социальной системы, потенциал самовосстановления которой определяли исторически сложившиеся формы объединения её монашеского и мирского сегментов. В настоящем исследовании она реализована в следующих задачах: 1) характеристика семейно-экономических особенностей религиозного коллектива, делегирующего скиту функцию держателя родовых «мест спасения»; 2) реконструкция сетевых отношений скита как хранителя «намоленных» книг, действием которых воспроизводились «старые» династии, создавались «новые» и наращивался ресурс для формирования «будущих».

Источниковая база исследования включила в себя корпусы данных, генетически связанных со скитами староверов часовенного и страннического согласий на территориях Республики Тыва и Том-

[1] Исторически сложившиеся названия отражают особенности вероучения старообрядческих течений (согласий): часовенные — от церковной постройки для богослужения (часовни), странники — от требования странствовать в поисках пригодного для спасения души места (о внутриконфессиональном делении староверия, см.: Покровский, 1999).

ской области: а) старообрядческую агиографию и генеалогию, описывающую скитскую стратификацию через терминологию родства и семейной иерархии[1]; б) публицистические и делопроизводственные материалы, показывающие жизненный уклад и расположение келий и заимок[2]; б) опубликованные и неизданные воспоминания староверов, владельческие записи на скитских книгах и исследовательские полевые интервью, дающие информацию для восстановления монашеских династий[3], в том числе документы Научного архива Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований (далее — НА ТИГПИ) (НА ТИГПИ, т. 234, д. 95); материалы Научной библиотеки Томского государственного университета. Отдел рукописей и книжных памятников (далее — НБ ТГУ)[4], а также полевые материалы автора (далее — ПМА), собранные в ходе археографических исследований старообрядческих общин на территории Томской области в период 1987–2024 гг.

Родовая келья: скит в системе семейно-хозяйственных отношений

Модели пустынножительства часовенных и странников формально возникли в рамках конкурирующих концепций замещения духовенства монашеством, но их реализация на практике одинаково должна была учитывать сопротивление сельского социума «уходу от мира» взрослых и трудоспособных. Поэтому представления первых о личной передаче древней благодати через обряд пострига, а вторых — о групповой ответственности «крещённых в странство простецов» за богослужение без священника, не помешали их сообществам назвать равноценным принятие иночества в молодом возрасте и глубокой старости, по собственному желанию или семейному решению.

Сходство прослеживается и в визуализации особенного положения монашества. Енисейская горная тайга подходила для малочисленных, разбросанных скитов часовенных с обособленным проживанием руководителей-черноризцев, а обская равнинно-болотистая — для больших конгломераций странников с находящимися вместе с братией наставниками. При этом обе монастырские топографии идеально вписывались в фольклорные легенды о сокровенных местах как с трудом открывающихся «своим» («в келью лбом ткнёшься, только тогда увидишь»[5]) и исчезающих с приближением «чужих»[6].

Организация пространства, безупречная с точки зрения христианской аскетической литературы и крестьянской логики самообеспечения, оказалась уязвимой перед промышленным развитием сельских территорий в 1950–1980-е гг. Появление вблизи скитов леспромхозов и зверопромхозов[7] уплотняло разряженную сеть поселений и создавало реальность, в которой физическая изоляция и прежний авторитет им не были гарантированы. В любой момент требование официального трудоустройства

[1] Духовная литература староверов востока России XVIII–XX вв. / отв. ред. Н. Н. Покровский. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999; Государственная публичная научно-техническая библиотека — далее ГПНТБ. Тувинское собрание. О.V.5.

[2] Шамаро А. Кержацкие тропы // Наука и религия. 1959. № 4. С. 68–76; Емельянов А. Ф. От мира не уйти: Документальные повести и очерки. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1984; Государственный архив Томской области — далее ГА ТО, ф. Р-1786, оп. 1, д. 131, 218, 356.

[3] Дневник археографической группы Н. Н. Покровского // Урало-Сибирский патерик: тексты и комментарии : в 3-х томах. / отв. ред. Н. Н. Покровский. М. : Издательский Дом ЯСК, 2016. Т. 3. Кн. 2. С. 153–193; Хроника томских селений (по материалам этнографических экспедиций П. Е. Бардиной) / под. ред. Л. М. Плетневой. Томск: Ветер, 2023; Викулов М. С. Краткое описание жизни скитников Чулымской тайги / публ. И. Беневоленского // Томские епархиальные ведомости. 1900. 15 декабря. № 24. С. 8–11.

[4] Скитская библиотека [Электронный ресурс] // Электронная библиотека (репозиторий) Томского государственного университета. URL: https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Collection/vital:19990 (дата обращения: 17.04.2025); Living or leaving tradition: textual heritage of the taiga Old Believers' skit (EAP834) [Электронный ресурс] // Endangered Archives Programme. URL: https://doi.org/10.15130/EAP834 (дата обращения: 17.04.2025); Taiga Old Believer Skit as a Keeper, Restorer and Reader of the Old Cyrillic Book (EAP1308) [Электронный ресурс] // Endangered Archives Programme. URL: https://eap.bl.uk/project/EAP1308 (дата обращения: 17.04.2025).

[5] Хроника томских селений (по материалам этнографических экспедиций П. Е. Бардиной) / под. ред. Л. М. Плетневой. Томск : Ветер, 2023. С. 477; Емельянов А. Ф. От мира не уйти: Документальные повести и очерки. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1984. С. 39.

[6] Об оставленных строениях с потайными ходами и нишами см.: Маслов, П. П. Конец Урянхая // Урянхай. Тыва дептер. Антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках, об Урянхае — Танну-Туве, урянхайцах — тувинцах, о древности Тувы / сост. С. К. Шойгу. М. : Слово, 2007. Т. 5. С. 722.

[7] Леспромхоз — лесное промышленное хозяйство, зверопромхоз — звероводческое промысловое хозяйство.

могло превратить деревенских староверов в «кадровых слуг антихристовой власти» (как это случилось с часовенными, см.: Пастухов, 2021), а приказ лесозаготовителям «держаться кержацкой тропы, где поменьше болот» привести трассу прямо к кельям (как произошло со странниками[1]).

Вместе с тем давление вряд ли можно назвать однонаправленным — советскому модернистскому проекту противостояла сплочённость сибирских крестьянских семей и скитов, переселявшихся и выживавших вместе, поэтому выход из общины имел свои закономерности. Как показывают биографии представителей старинных старообрядческих родов Тувы, коммунистов и сельских активистов Е. Д. Паздерина и И. Ф. Рукавицына, «избавление от религиозного дурмана» легче шло в отсутствии старших родственников по прямой линии, но превращалось в мучительный выбор, если они находились рядом: «Я ведь тоже неверующий, но у меня отец, мать, старшая сестра игуменья-монашка» (НА ТИГПИ, т. 234, д. 95, л. 9). Лишь использование сотрудничества с советской властью для защиты единоверцев[2] позволяло таким людям совместить новую жизненную траекторию с привитым с детства пониманием христианского долга перед собой и семьёй.

Учитывая трудности согласования взаимоисключающих идентичностей и многовековой опыт монашеского патронажа мирских семей несложно предположить, что процесс переосмысления проходил, во-первых, под его контролем, во-вторых, с использованием методов дисциплинирования, отвечающих стандартам поведения не-старообрядческой сельской округи. Именно здесь проявили себя этносоциальные особенности Тувы и Томского региона, под влиянием которых общая для монашеской традиции терминология семейного родства *(отец, мать, брат, сестра)* получила в сообществах часовенных и странников разные акцентуации и реализовалась в диаметрально противоположных типах управления.

Исследователями часовенных общин как самостоятельной группы русских колонизаторов Сибири и носителей ярко выраженной идеи патриархальной власти отмечено стремление обосноваться в районах, где контакты с «никонианами» сводились к минимуму (Стороженко, Татаринцева, 2019). Оказываясь в результате в местах проживания индигенных народов с аналогичным отношением к старшинству, доминирующая позиция кровных и духовных родителей в их семейных и религиозных группах не могла быть оспоренной[3]. Возможно, как раз это обеспечило популярность среди тувинских староверов сокращённой редакции «Родословия часовенного согласия» (ГПНТБ. Тувинское собрание. O.V.5, л. 1–1 об.) — текста, фиксирующего преемственность местной монашеской иерархии, и закрепление принадлежности к одной семье-общине литературными образами Урало-Сибирского Патерика (например, «приехали к потомству отца Савы, в обитель матери Анатолии»[4]).

Поселение томских странников возникло и развивалось в соседстве с Московско-Сибирским трактом и русскими старожильческими и переселенческими деревнями, семейные коллективы которых состояли из равноправных и горизонтально связанных между собой семей братьев и сестёр. Эта социальная среда отвечала представлениям конфессии с не менее ярко выраженными коллективистскими началами о жизни в соответствии с соборными решениями, что закрепило в скитском тезаурусе обращение *старец / старица* к старшим, *братец / сестрица* к равным и младшим и наименование выборных наставников монашескими именами с родовыми отчествами («Александр Иванович», «Зоя Абрамовна» и т. д.: ПМА, Томская область, 1987–2024).

При всей важности символики старшинства очевидно, что солидарность в обеих общинах обеспечивалась не только ею: в частности, длительность ожидания «конца времён» предполагала принятие сложившихся до их возникновения правил природопользования.

Прежде всего приходилось считаться с тем, что тайга как «ничейная» земля — это иллюзия: задолго до появления русских крестьян-колонистов индигенными этносами была выработана система распределения пригодных для хозяйствования участков с доступом к питьевой воде, ягодным,

[1] Шамаро А. Кержацкие тропы // Наука и религия. 1959. № 4. С. 73.
[2] Дневник археографической группы Н. Н. Покровского // Урало-Сибирский патерик: тексты и комментарии: в 3-х томах / отв. ред. Н. Н. Покровский. М. : Издательский Дом ЯСК, 2016. Т. 3. Кн. 2. С. 190–192.
[3] В анналы атеистической и научной литературы вошёл рассказ об отце, заставившем не помолившихся перед работой детей вернуть сброшенный снег на крышу и начать заново (Зольникова, 2014: 59).
[4] Духовная литература староверов востока России XVIII–XX вв. / отв. ред. Н. Н. Покровский. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999. С.114.

грибным и рыбным местам, ареалам пушных зверей. Включение в неё ввело в русскую аграрную лексику тюркское слово «елань» (*алан* ‘поляна, поле’[1]), создало прецеденты покупки земли за пределами деревень (Емельянов, 1981: 109–111) и вместе с ними опорные пункты для регулярной промыслово-земледельческой деятельности — заимки. По мере превращения носителей славянских говоров в сибирских старожилов семантика слова, производного от древнерусского глагола *заяти* / *занять* свободный участок при расселении, трансформировалась во *владеть* сезонным жильём или стационарной усадьбой (Инютина, 2009: 136). Неизменными оставались обычай передачи заимок вместе с закреплёнными за ними угодьями и легализация владельческих прав на основании устных свидетельств и договорённостей.

Эта архаическая практика вхождения мигрирующей группы в локальные сообщества и была задействована староверами для организации скитов на новом месте. Они возникали там, где укоренившиеся русские заимщики соглашались принять монахов на «своих» территориях[2] или переселявшиеся с ними миряне проявляли гибкость в отношениях с иноэтничными соседями (Татаринцева, 2017).

Видимая извне связка «деревни — заимки — скит» создавала впечатление примитивности и быстрого искоренения методами, испытанными на пастве «никонианских» монастырей (см. об этом: Дубовка, 2020: 44–56). Например, в 1930-е гг. выход виделся в перекрытии дорог между скитами и заимками[3], в 1950-е гг. — в ликвидации монашеских поселений (Покровский, 1991: 86–88), в 1960–1970-е гг. — в демонстрации верующим крестьянам преимуществ отказа религии (Данилко, 2021: 70–72). Одинаковую неуспешность мер в отношении скитов странников и часовенных определили два обстоятельства: переоценка советской технологии борьбы с внешне схожими явлениями и недооценка социальной экологии таёжной зоны.

Староверы-заимщики отличались от трудников православных монастырей — тоже причастных к жизни своих обителей, но ничем им не обязанных (см. о них: Яровая, 2024). За «простотой» их отношений с монахами скрывалась эргономичная форма регулирования численности населения, занятого в поставках пищевых и пушных ресурсов высокой стоимости и обеспечении непрерывности скитского богослужения и обучения.

Неслучайно выделению надела в тайге предшествовало одобрение односельчан-единоверцев («деревенские сначала землю отцу на заимке не давали»[4]), а сам он воспринимался сторонами как плата за риски крестьянской семье, которая должна была оповещать скитников о приближении незнакомцев и утаивать монастырские работы и собственность за своими таёжными владениями. Игнорирование или нарушение обязательств влекло за собой религиозное и экономическое наказание — епитимью, отказ в духовном окормлении и исключение из числа доверенных посредников между скитом и «большим миром».

Строящаяся на этом фундаменте система коммуникаций, управление которой делегировалось монашеству, но в действительности растворялось в повседневных отношениях, оказывалась устойчивой к растущей привлекательности сельско-урбанистической модели потребления. Настроения и суждения — «хорошо бы в Кызыл уехать, жить без дров, а в тепле, и чтоб вода была в дому прямо», «всё купить можно, есть где погулять», «чай вере не мешает»[5] — не затрагивали оценку семейного и скитского хозяйства как взаимозависимых, что позволило обеим общинам назвать технологические и культурные новшества «простительным грехом» и допустить их в монастырский обиход сообразно

[1] Мурзаев Э. М. Тюркские географические названия. М. : Восточная литература, 1996. С. 146.
[2] Показательна близость даты регистрации в Томском уезде заимки крестьян Гужихиных в 1826 г. и странническ ой истории основания скита в «шаговой доступности» от неё в 1836 г. См.: Викулов М. С. Краткое описание жизни скитников Чулымской тайги / публ. И. Беневоленского // Томские епархиальные ведомости. 1900. 15 декабря. № 24. С. 8; Список населённых мест Сибирского края. Новосибирск: [б. и.], 1929. Т. 2. С. 179.
[3] Маслов П. П. Конец Урянхая // Урянхай. Тыва дептер. Антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках, об Урянхае — Тану-Туве, урянхайцах — тувинцах, о древности Тувы / сост. С. К. Шойгу. М. : Слово, 2007. Т. 5. С. 726.
[4] Хроника томских селений (по материалам этнографических экспедиций П. Е. Бардиной) / под. ред. Л. М. Плетневой. Томск: Ветер, 2023. С. 113.
[5] Емельянов А. Ф. От мира не уйти: Документальные повести и очерки. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1984. С. 137, 139; ПМА, Томская область, 1988.

со своими моделями легитимации (часовенной: «отец Палладий разрешил», страннической: «старцы решили»).

Пополнение рядов монахов людьми с привычкой к бытовому комфорту сделали нормой визиты родственников, которые теперь не только доставляли заказанное, но и — подчеркну особо — строили и ремонтировали жильё. Уже в 1970-е гг. кельи часовенных и странников выглядели как «новенькие домики» с большими печами, светлыми окнами, оштукатуренные или оклеенные обоями изнутри, «только без радио и электричества»[1].

Участие детей и внуков в превращении келий-землянок в кельи-дома открывало возможность передачи строений по наследству, но не означало автоматической пролонгации программы — «умирать нужно в скиту и под иконами». Возведение жилья «по правилам» и принятие угощения от заказчиков-новосёлов создавали лишь рамочные условия для уважительного отношения молодых горожан и селян к монашескому опыту старшего поколения. Чтобы из эпизодических поездок в скит выросло *личное* желание продолжить семейную традицию, трудовая помощь должна была сопровождаться практиками с более выраженным религиозным звучанием — присутствием на молениях и вероучительных беседах и обучением чтению на церковно-славянской кириллице[2].

На мой взгляд, именно дополняющие поездки мирян в скит операции с семейными книгами (объяснение содержания, ремонт, обмен, экспертиза, вклад на «вечную молитву», передача по завещанию и пр.) могут рассматриваться, с одной стороны, как понятное выходцам из старообрядческих семей обозначение принадлежности к родовому «месту спасения», с другой — как инструмент религиозной социализации, позволяющий общине восполнять численность монашествующих.

Семейная книга: «старые», «новые», «будущие» династии

Тонкая грань между семейными и общинными собраниями староверов точно отражена термином «живые библиотеки» (Дергачёва-Скоп, Алексеев, 1992), подчёркивающим глубинную связь между миграциями конфессии и её восприятием христианской книги как тоже требующей постоянного движения. Извне смены владельцев рукописей и старопечатных изданий выглядят хаотичными, но на самом деле они являются элементом древней технологии позиционирования управленческого ядра локальной религиозной сети (Богданов, 2021). Для любого сибирского скита от умения приобщить мирян к пополнению своего книжного фонда зависело выживание в конкурентной среде: комплектность литургических и дидактических текстов говорила о соответствии его устройства монастырскому уставу, регулярность частных пожертвований — об известности, влиятельности и преимуществах «окормления» именно здесь (*рис. 1*).

Разнообразие мирских мотивов передачи книги (обет, просьба о молитве, финансовый долг, избавление от выморочного имущества и т. д.) предполагает сопоставимую вариативность отношения скита к дарителям как реальным и потенциальным членам монашеской группы. В отсутствии полных сведений об этом[3] моделирование процессов восполнения монашествующих в общинах часовенных и странников в 1950–1980-е гг., на мой взгляд, возможно на основе предложенной Т. Блокландт типологии сопричастностей к решению общих задач, описывающей характер и последствия коммуникаций в персональных сетях / *personal networks*, прочных вовлечённостях / *durable engagements* и мимолётных столкновениях / *fluid encounters* (Блокландт, 2023: 86–93). Применение этой модели для соотнесения владельческих записей на отданных книгах с установленными светскими именами монахов даёт основания для дифференциации взаимодействий скита со «своими» и «чужими».

[1] Емельянов А. Ф. От мира не уйти: Документальные повести и очерки. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1984. С. 67–69; ГАТО. Р-1786, оп. 1, д. 131, л. 71–72; д. 218, л. 71–76.

[2] В страннической скиту однажды поправили мой неуклюже сформулированный вопрос об общинной библиотеке словами: «У нас книжек нет, у нас — книги».

[3] Убедительным доказательством принятия мирянином пострига является пересечение имён во владельческих записях на книгах с данными локальной антропотопонимики и списками скитников, составленными представителями власти. Однако проведение этой процедуры имеет серьёзные ограничения: древние манускрипты и издания Московского Печатного двора первой половины XVII в. поступали в таёжные библиотеки со следами многочисленных ремонтов и утраченными записями; до 80% учтённых в официальных списках людей записаны под полученными после пострига именами.

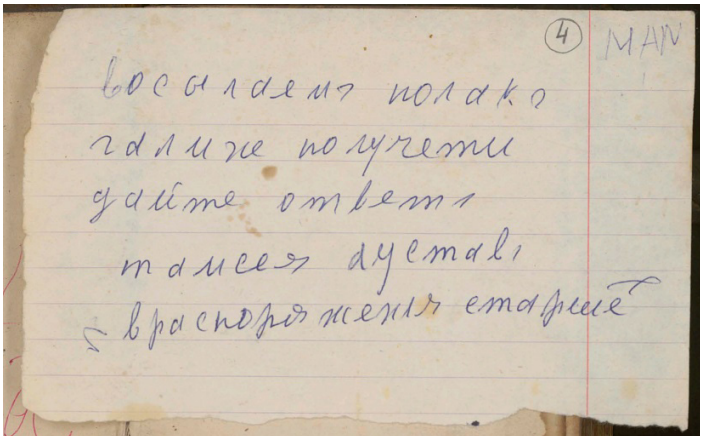

Рис. 1. Записка о передаче книги, 1970–1980-е гг. НБ ТГУ. ОРКП. Коллекция «Скитская библиотека». В-26122 (вложение[1])
Fig. 1. Note on the transfer of the book, 1970–1980s. National Library of TSU. ORCP. Skete Library collection. B-26122 (attachment)

Персональные сети и «старые» династии. К числу типичных скитских нарративов относится рассказ такого рода — «У него мать и тётки умерли в тайге, сам каждый год приезжал, много помогал, потом остался жить» (ПМА, Томская область, 1987–2024 гг.). За незатейливостью повествования скрывается важная составляющая старообрядческой идентификации — убеждённость в «извечной» принадлежности семьи к определённой деноминации. Реальность могла быть сложнее: миграции территориально разобщали семейно-родственные коллективы, ветви которых оказывались в разных сообществах. Например, прибывшие в Томскую губернию в 1920-е гг. тюменские часовенные Белослудцевы уже два десятилетия спустя полемизировали от имени страннического скита[2], Тимофей Глухин, пришедший туда же в 1970-е гг. с семейным Часословом[3], после смерти жены уезжает к родственникам-часовенным на р. Безымянку (приток Енисея).

Совпадения фамилий странников и часовенных Обь-Енисейского региона[4] интересны не только как свидетельство изменчивости родовой памяти в мигрирующих социумах. Сетевой характер расселения (Пригарин, Стороженко, 2022) позволял старообрядческим семьям распределять человеческие ресурсы между городами, деревнями и заимками и принимать монашество частями и в разных скитах. В результате возникала гибкая система, которая, во-первых, страховала от уничтожения выбранного таёжного поселения и раскола в общине, оставляя возможность переезда в другое место, во-вторых, обеспечивала плавное вхождение поколений в скитскую повседневность.

Продуктивное для семейно-родовых коллективов разделение ответственности, тем не менее, несло в себе угрозу для скита как институции и вынуждало нивелировать эмоциональную наполненность межличностных отношений (*рис. 2*).

Например, у странников только один из его представителей мог занять построенную сообща келью и лишь после смерти обитателя туда заезжал следующий. Данные о длительном послушничестве у часовенных (Татаринцева, 2006: 76) и зафиксированный страннической письмом прецедент

[1] Текст в современной орфографии и пунктуации: «Высылаем полог Галине, получите – дайте ответ Таисии, а Устав — в распоряжение старших»; здесь: полог — строительный укрывной материал; Устав — богослужебная книга с описанием порядка соединения молитв подвижных и неподвижных христианских праздников, правил поста, поведения во время церковной службы.
[2] НБ ТГУ. ОРКП. Коллекция «Скитская библиотека». В-26418. Полемические послания о браках и вероучении староверов-странников, между 1960–1987 г., л. 1–123, 125–172.
[3] Книга с записью на форзаце — «Часослов на память всем живущим в доме из роду в род» — содержит сведения об истории семьи с 1811 по 1918 гг.: НБ ТГУ. ОРКП. Коллекция «Скитская библиотека» В-27177. Часослов. М.: Московская старообрядческая книгопечатня, 1910.
[4] Сопоставление материалов по тувинским часовенным с имеющимися данными по томским странникам дало следующие пересечения имён: Вахрушевы, Глуховы / Глухины, Горбуновы, Мельниковы, Мерзляковы, Месниковы / Мясниковы, Соколовы, Субботины, Фомины / Фоминых, Шмаковы.

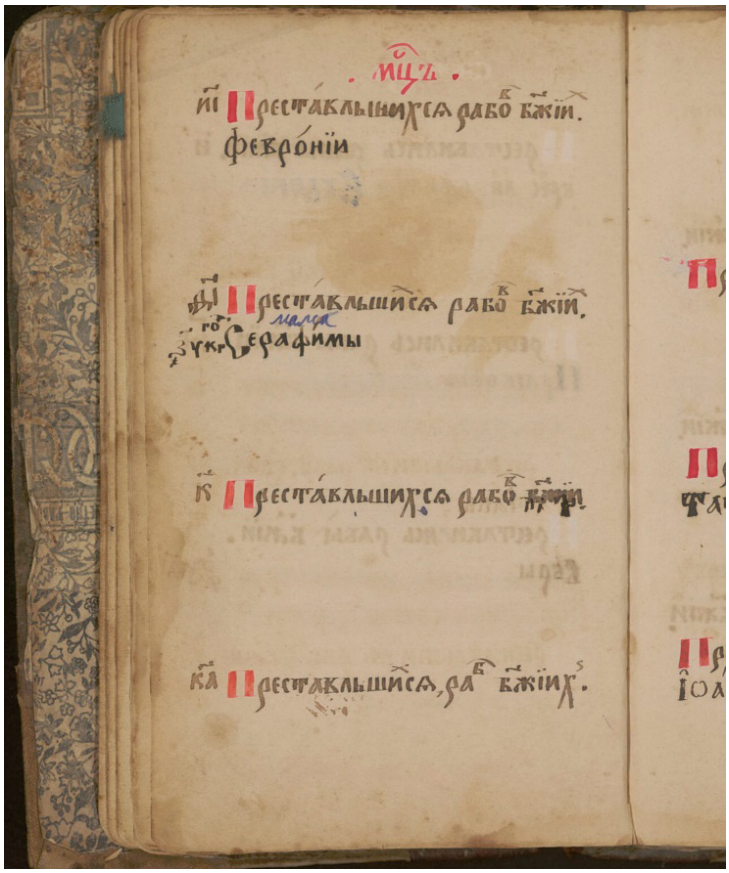

Рис. 2. Скитской синодик с надписью над основным текстом «мама», 1960-е гг. НБ ТГУ. ОРКП. Коллекция «Скитская библиотека». В-26103, л. 40 об.
Fig. 2. The Synod of the Skete with the inscription "mama" above the main text, 1960's. National Library of TSU. ORCP. Collection "Skete library". B-26103, l. 40 vol.

«бабки не разрешают келью Валентину строить, он живёт в избе»[1] указывают на регулирование сроков принятия монашества родственниками.

Насколько достаточными эти — в целом традиционные — приёмы оставались в 1950–1980-е гг., в условиях объективной трансформации старообрядческой модели семьи? Книги, пришедшие вместе с владельцами в страннический скит, показывают вектор адаптации к расщеплению больших семейных коллективов на нуклеарные звенья и растущему числу браков с «никонианами» и «атеистами». Вопреки монастырскому уставу община разрешила приезды внуков-школьников на каникулы, даже если после их визитов на богослужебных книгах оставались рисунки и записи[2], и не требовала отказа от личных привязанностей: инок Василий переименовывает один из текстов своего «Канонника», назвав его молитвой за умершую жену[3].

Подспудное обучение мирских родственников правилам поведения в скиту и сбережение памяти о пережитом, видимо, могут считаться интуитивно найденными способами реставрации деформирующихся под влиянием урбанизации монашеских установок в городских и сельских семьях староверов, исторически связанных со скитами. Функционал знакомой с детства «намоленной» книги

[1] Письмо находилось в рукописи: НБ ТГУ. ОРКП. Коллекция «Скитская библиотека». В-27169. Псалтирь с восследованием. 1925 г. (с дополнениями 1944 г.)
[2] См. детские записи на *рис. 1* — «это песала Маря», «мы за мир» (1970–1980-е гг.): НБ ТГУ. ОРКП. Коллекция «Скитская библиотека». В-27178. Цветная Триодь. М.: Московская старообрядческая книгопечатня, 1912, л. 25 об., 41 об.
[3] НБ ТГУ. ОРКП. Коллекция «Скитская библиотека». В-26103. Канонник: конволют. 1900–1918 гг.; 1980-1990-е гг., л. 40 об.

этим не исчерпывался: физические практики обращения с ней (открывание — прочитывание — закрывание, прикосновение к переплету и пожелтевшим от времени листам) в концепции «материального поворота» интерпретируются как формы тактильного и визуального освоения богослужебного текста бывшим мирянином[1], нынешнее положение которого обязывало совершать ритуал без рукоположенного священства и не только для членов собственной семьи.

Прочные вовлеченности и «новые» династии. В отличии от религиозных персональных сетей, целостность которых подкрепляется знанием вероучения и кодекса поведения, этот тип сопричастности образуют внеконфессиональные взаимодействия, изначально не предполагающие членства в общине и принятия её жизненного стиля.

Неизбежными для скитов часовенных и странников коммуникации такого рода сделали общестрановые фоновые факторы 1950–1970-х гг. — «религиозный ренессанс» (Смолкин, 2021: 142–196) и разложение экономики деревни вследствие проведённой директивными методами агропромышленной и расселенческой политики (Бегзи, 2017: 103–105; Усольцева, 2018: 170–195). Первый из них возродил давнюю проблему сибирского православия — слишком мало храмов на большой регион, второй — привёл к мировоззренческому разлому сибирского сельского социума и выделению небольшой активной группы, которая предпочла навязанному патернализму выживание «за пределами государства». В итоге скиты получили новых соседей — светских заимщиков, расположенных к принятию старообрядческих норм поведения (начинать день и дело с молитвы, говорить «Благодарю» вместо «Спасибо» и пр.), но потенциально несущих в себе риски для религиозной системы с реципрокным (дарообменным) типом связей.

Вовлечение их в коммуникации со скитом облегчила обоюдная заинтересованность в соглашениях и характерная для таёжного хозяйствования фрагментация взаимодействий. «Разделённой личности» промысловика, перемещающегося между пространственно удалёнными объектами (избушками, базами, домами, квартирами, причалами) и меняющего «свои различные ипостаси в контексте разных социальных отношений» (Рахманова, 2024: 50), соответствовала организация скита как иерархически устроенного сообщества, страты которого тоже существовали в символических и физических переходах — от послушничества к постригу, от молитвы в келье к работе в мастерской, на огороде, ближних и дальних угодьях и пасеках.

Повторяемость контактов для части заимщиков означала движение к пластичным формам идентичностей — не монашеским в строгом смысле слова, но уже не вполне светским и религиозно нейтральным, для скитников — ранжирование коммуникантов по степени доверия к скиту как альтернативному церковному институту. Следствием этих процессов стало включение лояльных в «защитный пояс» келий, число посредников по реализации собранных монахами дикоросов (Дутчак, 2021: 106), за которым следовали приглашение на разрешённые уставом моления и «практико-ориентированное» обучение (*рис. 3*).

Эта группа расширила фамильный состав монахов и одновременно стала катализатором для переосмысления миссии старообрядческого иночества, дополнив её передачей скитам опеки над больными и пожилыми родственниками. Отход от прежних правил — «тайга принимает только по вере», «хоронить нужно под кедёркой»[2] — уже в 1980-е гг. демонстрирует появление могил с крестами (*рис. 4*) и рассказов «раньше работал шофёром в больнице, и вся она приезжала его хоронить» (ПМА, Томская область,1989 г.).

Вряд ли эти изменения стоит связывать исключительно с присутствием светских заимщиков рядом со скитами. Неразвитость институтов призрения создавала условия для прагматичного подхода крестьянского мира к монастырям, описанного на материалах XVII века (Богословский, 1909: 80–82), но его возрождение во второй половине XX в. обеспечило доминирование в составе «старых» и «новых» династий людей со светскими представлениями о культуре поминовения.

На этом фоне заслуживают разбора последствия коммуникаций скитников с теми, кто случайно оказывался вблизи таёжных поселений и до встречи зачастую не подозревал об их существовании, —

[1] Культурные и психологические аспекты работы мирянина с богослужебной книгой описаны в исследовании М. П. Браун (Brown, 2010).

[2] Здесь иносказание: «под кедёркой» (под кедром) — не отмечая могилы, не выдавая присутствие живущих в лесу людей.

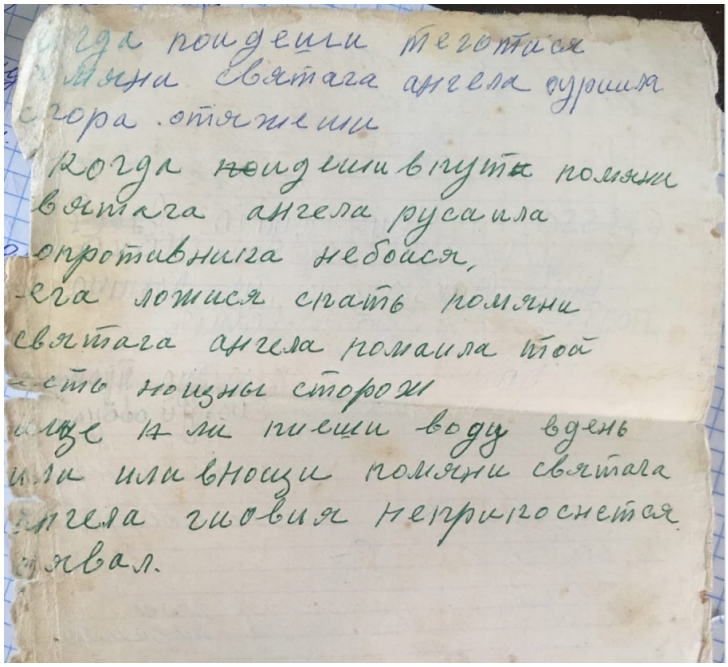

Рис. 3. Заговор «на власть», 1970–1980-е гг. НБ ТГУ. ОРКП. Коллекция «Скитская библиотека». В-26122 (вложение[1])
Fig. 3. The Spell "To power", 1970–1980es. National Library of TSU. ORCP. Skete Library collection. B-26122 (attachment)

Рис. 4. Скитское кладбище, Томская область. Фотография автора, 1989 г.
Fig. 4. Skete cemetery, Tomsk region. Photo of the author, 1989.

[1] Текст атрибутирован О. Б. Христофоровой, читался как защита от властей или для получения нужного решения, находился в: НБ ТГУ. ОРКП. Коллекция «Скитская библиотека». В-27168. Канонник. Вильно: тип. Свято-Троицкого униатского монастыря, 1794.

работниками лесозаготовительных предприятий, сотрудниками геологоразведочных партий, искавшими заработок или развлечения горожанами.

Мимолётные столкновения и «будущие» династии. Спонтанное общение обычно воспринимается как нечто незначительное и не требующее продолжения, однако это утверждение верно отчасти.

Во-первых, оборотной стороной атеистических пропагандистских мероприятий стал социальный запрос на знание о староверии как национальной религии, выполненный советскими просветительскими и литературными проектами: первое послевоенное издание романа А. И. Мельникова-Печерского «В лесах» выходит в 1955 г. «сразу рассчитанным на массовое чтение трёхсоттысячным тиражом»[1], выпуски написанного в 1963 г. А. Т. Черкасовым романа «Хмель» в 1970–1980-е гг. суммарно составляют три миллиона экземпляров (Самотик, 2010: 58). Неслучайно современные респонденты, пришедшие в конфессию взрослыми, называют художественные произведения первоисточником своего интереса (Бойцова, 2024: 150).

Во-вторых, разрушение религиозной идентичности «бывших верующих» вследствие смены окружения происходило не так легко, как рисовалось советской публицистикой. Должно было пройти несколько десятилетий, чтобы полученная в наследство книга стала в их семьях «мемориальным, иногда сакральным предметом, полностью утрачивая обучающую функцию» (Базаров, Бураева, 2015: 27). В период урбанизации процесс только начинался, и заложенная домашним воспитанием установка — «если икона — надо молиться, если книга — читать, чтоб не как игрушка была» (ПМА, Томская область, 2000) ещё оставалась прямым руководством к действию.

В связи с этим любопытно внешнее сходство 12 старообрядческих и единоверческих изданий 1887-1916 гг. из библиотеки странников[2]. С одной стороны, их слишком новые и чистые листы формируют стойкое убеждение — книги никогда не читались, с другой стороны — их переплёты восстановлены в схожей с прочими скитскими книгами манере. Этот корпус богослужебных и учительных текстов не мог быть приобретён по инициативе общины, признававшей только выпущенную до 1653 г. типографскую продукцию, но полностью отвечает старообрядческим нормам — книга с атрибутивными признаками дореформенного православия должна находится в «правильном месте» — по обычаю страннического скита начинать обучение неофитов с освоения техники её ремонта (Дутчак, Васильев, 2023).

Взаимодействия со скитами, возникшие на общей принадлежности к старообрядчеству, лишь в отдельных случаях могли вылиться в персональные и прочные вовлечённости, но как раз они прекрасно иллюстрируют тезис — «религия “передаётся” людям только одним путём, и путь этот наследственный» (Буайе, 2018: 424). Именно сохранение сельскими культурными ландшафтами черт семейно-хозяйственных отношений (Любимова, 2021) стало основой того, что монашеские институции, маркируемые в советский период как политически неблагонадёжная и культурно отсталая среда, не утратили способность к самовосстановлению.

Заключение

Длительность существования скитских поселений тувинских часовенных и томских странников (100 и 200 лет соответственно) даёт возможность для определения «точек сборки» групповой солидарности разновозрастного и пространственно рассредоточенного между тайгой, деревней и городом коллектива монахов и мирян.

[1] Аннинский Л. А. Три еретика. Повести о А. Ф. Писемском, П. И. Мельникове-Печерском, Н. С. Лескове. М.: Книга, 1988. С. 192.

[2] НБ ТГУ. ОРКП. Коллекция «Скитская библиотека». В-27245. Пролог (сентябрь — ноябрь). М.: тип. Преображенского кладбища, 1910; В-26126. Службы недель вайи, Пасхи и Антипасхи. М.: тип. Преображенского кладбища, 1911; В-27176. Шестоднев. М.: Христианская тип. при Преображенском богадельном доме, 1915; В-26413. Каноны за единоумершего и умерших. М.: тип. Преображенского кладбища, 1916; В-27178. Триодь цветная. М.: Московская старообрядческая книгопечатня, 1912; В-24928 и В-27165. Евангелие учительное. М.: тип. единоверцев при Троицкой Введенской церкви, [1880–1910-е гг.]; В-27166. Евангелие толковое. М.: тип. единоверцев при Троицкой Введенской церкви, [1880–1910-е гг.]; В-27175. Маргарит. М.: тип. единоверцев при Троицкой Введенской церкви, 1901; В-27392. Златоуст. Без м. и., [1870–1910-е гг.]; В-26414. Сын церковный. Без м.и., [не ранее 1887 г.]; В-26125. Житие Василия Нового. Без м. и., [1890–1910-е гг.].

Прежде всего, к ним следует отнести хозяйственные и культурные практики, восходящие к ключевому для традиционной религиозности концепту «большой семьи» и представлениям о том, что её собственность не ограничена материальной сферой, а права наследования равно распространяются на старших и младших, кровных и духовных родственников. Возникающее на этой основе различение вещей-пожитков и вещей-идей показывает, что социальную энергию системе давала социальная инерция семейно-родовых и семейно-символических сетей человеческого доверия, религиозного контроля и хозяйственных обязательств, переплетающихся подобно паутине с многочисленными узлами и переходами. Хотя это позволяло коллективу импровизировать лишь в заданном формате и рамках, но и берегло его целостность при отсутствии харизматического лидера.

Окончательно сформированное в период урбанизации предназначение скита как держателя родовых «мест спасения» и хранителя семейных «намоленных» книг говорит о серьёзных сдвигах в понимании старообрядческой миссии спасения дореформенного православия, ещё на рубеже XIX-XX вв. представляющую собой широкую конфессиональную программу. Вместе с тем именно сужение целей и апеллирование к локально ограниченным памяти и опыту — «наши предки жили здесь, теперь мы живём» — стало для современной скитской культуры не только каналом воспроизводства традиции, но и способом защиты от избыточного разнообразия внешнего мира.

Благодарности

Автор благодарна Алёне Александровне Стороженко за помощь в поиске материалов о сельской жизни Тувы и консультации по составу скитских династий Обь-Енисейского региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Базаров, А. А., Бураева, С. В. (2015) Семейная книга и забайкальская идентичность // Библиосфера. № 1. С. 21–27.

Бегзи, А. Д. (2017) Экономика советской Тувы: достижения, проблемы и уроки // Новые исследования Тувы. № 4. С. 94–108. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2017.4.5

Блокландт, Т. (2023) Сообщество как городская практика / пер. с англ. Н. Проценко. М. : Новое литературное обозрение. 232 с.

Богданов, В. П. (2021) Старопечатные книги библиотеки церкви Похвалы Пресвятой Богородицы в Орле-Городке (с. Орлинском) // Исторический журнал: научные исследования. № 1. С. 137–150.

Богословский, М. М. (1909) Земское самоуправление на русском Севере в XVII в.: в 2-х т. М. : Синодальная типография. Т. 1. 425 с.

Бойцова, А. А. (2024) Синдром неофита: проблема религиозного диалога внутри старообрядчества // Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии. № 4. С. 144–154. DOI: https://doi.org/10.28995/2658-4158-2024-4-144-154

Буайе, П. (2018) Объясняя религию: Природа религиозного мышления / пер. с франц. М. Дясятовой. М. : Альпина нон-фикшен. 496 с.

Данилко, Е. С. (2021) Тувинские старообрядцы на страницах советской периодики // Новые исследования Тувы. № 3. С. 61–74. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.5

Дергачева-Скоп, Е. И., Алексеев, В. Н. (1992) Старообрядческие библиотеки Сибири (проблемы реконструкции) // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки / отв. ред. Н. Н. Покровский, Р. Моррис. Новосибирск : Наука, Сибирское отделение. 320 с. С. 125-130.

Дубовка, Д. Г. (2020) В монастырь с миром. В поисках светских корней современной духовности. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 208 с.

Дутчак, Е. Е. (2019) Сибирские старообрядческие скиты и их паства на рубеже 1920–1930-х гг. // Новые исследования Тувы. № 3. С. 29–43. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2019.1.3

Дутчак, Е. Е. (2021) Скитская экономика в культурном ландшафте таежной Сибири: дар, милостыня, товар // Новые исследования Тувы. № 3. С. 99–110. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.8

Дутчак, Е. Е., Васильев, А. В. (2023) Новые материалы к дискуссии о старообрядческой грамотности // Вестник Томского государственного университета. № 489. С. 80–87.

Емельянов, Н. Ф. (1981) Заселение русскими Среднего Приобья в феодальную эпоху. Томск : Издательство Томского университета. 181 с.

Зольникова, Н. Д. (2014) Тувинские черноризцы XX в. в атеистической литературе и урало-сибирском старообрядческом патерике // Гуманитарные науки в Сибири. № 3. С. 56–60.

Инютина, Л. А. (2009) Семантическая история пространственного наименования в одной лексико-фразеологической системе (начало XVII — начало XX вв.): принципы и методика анализа // Сибирский филологический журнал. № 1. С. 130–140.

Любимова, Г. В. (2021) Структура и динамика сельских культурных ландшафтов. Обзор отечественной и англоязычной литературы // Гуманитарные науки в Сибири. Т. 28. № 2. С. 5–12.

Недзьведзь, А. (2016) От «народной религиозности» к «проживаемой религии»: дискуссия в польской антропологии религии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. № 3 (34). С. 172–188.

Пастухов, К. С. (2021) Хозяйственные практики сельских старообрядцев Тувы на рубеже 1950–1960-х гг. // Социальные и гуманитарные исследования сегодня: непредсказуемо прошлое, неопределённое будущее: сборник материалов конференции / отв. ред. Д. Н. Шевелёв, И. А. Дунбинский. Томск : Издательство Томского государственного университета. 613 с. С. 509–515.

Поздеева, И. В. (1978) Задачи и особенности работы экспедиций, собирающих памятники кириллической книжности (Из опыта работы археографов Московского государственного университета) // Археографический ежегодник за 1977 г. / отв. ред. С. О. Шмидт. М. : Наука. 390 с. С. 56–61.

Покровский, Н. Н. (1991) За страницей «Архипелага ГУЛАГ» // Новый мир. № 9. С. 77–103.

Покровский, Н. Н. (1999) Пути изучения истории старообрядчества российскими исследователями // Археографический ежегодник за 1998 г. / отв. ред. С. О. Шмидт. М. : Наука. 428 с. С. 3–20.

Пригарин, А. А., Стороженко, А. А. (2022) Традиционные варианты сетевых сообществ в доцифровую эпоху: староверы-часовенные Сибири поданным похозяйственных книг 1920–1950-х гг. // Сибирские исторические исследования. № 4. С. 54–76. DOI: https://doi.org/10.17223/2312461X/38/4

Рахманова, Л. Я. (2024) Дивид на заимке, заимка как дивид: этнография сибирской избушки сквозь призму женского отсутствия // Этнографическое обозрение. № 6. С. 41–65. DOI: https://doi.org/10.31857/S0869541524060035

Самотик, Л. Г. (2010) Архаизация языка художественного текста как приём создания образа старообрядческой речевой среды // Язык и социальная динамика. № 10. С. 58–64.

Смилянская, Е. Б. (2013) Книжная премудрость и избрание пути спасения старообрядцами Верхокамья на рубеже XX–XXI вв. // Вестник Томского государственного университета. Серия «История». № 1 (21). С. 36–43.

Смолкин, В. (2021) Свято место пусто не бывает: история советского атеизма / пер. с англ. О. Б. Леонтьевой, науч. ред. М. Ю. Смирнов. М. : Новое литературное обозрение. 552 с.

Соколовский, С. В. (2017) «Онтологический поворот» и исследования материальной культуры // Российская антропология и «онтологический поворот» / отв. ред. С. В. Соколовский. М. : ИЭА РАН. 404 с. С. 329–403.

Социология вещей: сборник статей (2006) / под ред. В. Вахштайна. М. : Территория будущего. 390 с.

Стороженко, А. А., Татаринцева, М. П. (2019) Прекрасная пустыня, прими меня в свою частыню! Старообрядческие скиты в верховье Енисея // Традиционная культура. Т. 20. № 2. С. 88–97. DOI: https://doi.org/10.26158/TK.2019.20.2.007

Татаринцева, М. П. (2017) Особенности земледелия русских переселенцев в Туву в начале XX века // Новые исследования Тувы. № 1. С. 151–161. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2017.1.10

Татаринцева, М. П. (2006) Старообрядцы в Туве: Историко-этнографический очерк. Новосибирск : Наука. 216 с.

Тиникова, Е. Е. (2019) Половозрастная структура населения городов Южной Сибири в середине XX — начале XXI вв. // Genesis: исторические исследования. № 2. С. 74–87.

Усольцева, О. В. (2018) Сельская поселенческая сеть Томской области (1940–1980 гг.). Томск : ООО «Издательство ДЕМОС». 268 с.

Яровая, П. Р. (2024) Труд и работа в этике современного православия: восстановление крестьянского дома, монастыря и Святой Руси // Этнографическое обозрение. № 6. С. 81–96. DOI: https://doi.org/10.31857/S0869541524060057

Brown, M. P. (2010) Hand Piety; or, Operating a Book in Early New England // Cultural Narratives: Textuality and Performance in American Culture Before 1900 / eds. S. M. Gustafson and C. F. Sloat. Notre Dame : University of Notre Dame Press. 400 p. Pp. 14–33.

Knibbe, K., Kupari H. (2020) Theorizing lived religion: introduction // Journal of Contemporary Religion. Vol. 35. Issue 2. P. 157–176. DOI: https://doi.org/10.1080/13537903.2020.1759897

Дата поступления: 22.04.2025 г.
Дата принятия: 11.05.2025 г.

REFERENCES

Bazarov, A. A. and Buraeva, S. V. (2015) Family book and Trans-Baikal identity. *Bibliosfera,* no. 1, pp. 21–27. (In Russ.)

Begzi, A. D. (2017) The economy of Soviet Tuva: achievements, problems, and lessons. *New Research of Tuva,* no. 4, pp. 94–108. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2017.4.5

Bloklandt, T. (2023) *Community as an urban practice.* Transl. from English by N. Protsenko. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 232 p. (In Russ.)

Bogdanov, V. P. (2021) Old-printed books of the Church of the Praise of the Most Holy Mother of God library in Orël-Gorodok (Orlinskoye village). *Istoricheskiy zhurnal: nauchnye issledovaniya,* no. 1, pp. 137–150. (In Russ.)

Bogoslovsky, M. M. (1909) *Zemstvo self-government in the Russian North in the 17th century*: in 2 vols. Moscow, Synodal Typography.Vol. 1. 425 p. (In Russ.)

Boitsova, A. A. (2024) Neophyte syndrome: the problem of religious dialogue within Old Believers. *Studia Religiosa Rossica: nauchnyy zhurnal o religii,* no. 4, pp. 144–154. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.28995/2658-4158-2024-4-144-154

Boyer, P. (2018) *Explaining religion: The nature of religious thought.* Transl. from French by M. Dyasyatova. Moscow, Alpina non-fiction. 496 p. (In Russ.)

Danilko, E. S. (2021) Tuvan Old Believers in Soviet periodicals. *New Research of Tuva,* no. 3, pp. 61–74. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.5

Dergacheva-Skop, E. I. and Alekseev, V. N. (1992) Old Believer libraries of Siberia (problems of reconstruction). In: Pokrovsky, N. N. and Morris, R. (eds.) *Traditional spiritual and material culture of Russian Old Believer settlements in Europe, Asia and America.* Novosibirsk, Nauka, Siberian Branch. 320 p. Pp. 125–130. (In Russ.)

Dubovka, D. G. (2020) *To monastery in peace. In search of the secular roots of modern spirituality.* St Petersburg, European University at St Petersburg Press, 208 p. (In Russ.)

Dutchak, E. E. (2019) Siberian Old Believer sketes and their communities at the turn of the 1920s–1930s. *New Research of Tuva,* no. 3, pp. 29–43. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2019.1.3

Dutchak, E. E. (2021) Skete economy in the cultural landscape of taiga Siberia: gift, alms, commodity. *New Research of Tuva,* no. 3, pp. 99–110. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.8

Dutchak, E. E. and Vasiliev, A. V. (2023) New materials for the discussion on Old Believer literacy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta,* no. 489, pp. 80–87. (In Russ.)

Emelyanov, N. F. (1981) *Settlement of the Middle Ob region by Russians in the feudal epoch.* Tomsk, Tomsk University Press. 181 p. (In Russ.)

Zolnikova, N. D. (2014) Tuvan black-robed monks of the 20th century in atheist literature and in the Ural-Siberian Old Believer paterik. *Gumanitarnye nauki v Sibiri,* no. 3, pp. 56–60. (In Russ.)

Inyutina, L. A. (2009) Semantic history of a spatial denomination in one lexico-phraseological system (early 17th — early 20th cc.): principles and methods of analysis. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal,* no. 1, pp. 130–140. (In Russ.)

Lyubimova, G. V. (2021) The structure and dynamics of rural cultural landscapes. A review of Russian and English-language literature. *Gumanitarnye nauki v Sibiri,* vol. 28, no. 2, pp. 5–12. (In Russ.)

Nedzvedz, A. (2016) From “popular religiosity” to “lived religion”: the discussion in Polish anthropology of religion. *Gosudarstvo, religiya, tserkov’ v Rossii i za rubezhom,* no. 3(34), pp. 172–188. (In Russ.)

Pastukhov, K. S. (2021) Economic practices of rural Old Believers of Tuva at the turn of the 1950s–1960s. In: Shevelev, D. N. and Dunbinskiy, I. A. (eds.) *Social and humanitarian research today: the unpredictable past, the uncertain future.* Conference proceedings. Tomsk, Tomsk State University Press. 613 p. Pp. 509–515. (In Russ.)

Pozdeeva, I. V. (1978) Tasks and specific features of expeditions collecting monuments of Cyrillic book culture (experience of expeditions of Moscow State University archeographers). In: Shmidt, S. O. (ed.) *Archaeographic Yearbook for 1977.* Moscow, Nauka. 390 p. Pp. 56–61. (In Russ.)

Pokrovsky, N. N. (1991) Beyond the pages of “The Gulag Archipelago”. *Novyy mir,* no. 9, pp. 77–103. (In Russ.)

Pokrovsky, N. N. (1999) Ways of studying the history of Old Belief by Russian researchers. In: Shmidt, S. O. (ed.) *Archaeographic Yearbook for 1998.* Moscow, Nauka. 428 p. Pp. 3–20. (In Russ.)

Prigarin, A. A. and Storozhenko, A. A. (2022) Traditional types of network communities in the pre-digital epoch: Siberian Chapel Old Believers according to household registers of the 1920s–1950s. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya,* no. 4, pp. 54–76. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.17223/2312461X/38/4

Rakhmanova, L. Ya. (2024) Dividend in the taiga cabin, cabin as dividend: an ethnography of Siberian huts through the prism of female absence. *Etnograficheskoe obozrenie,* no. 6, pp. 41–65. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.31857/S0869541524060035

Samotik, L. G. (2010) Archaization of the language of fictional texts as a device for constructing the image of the Old Believer speech milieu. *Yazyk i sotsial’naya dinamika,* no. 10, pp. 58–64. (In Russ.)

Smilyanskaya, E. B. (2013) Ecclesiastical wisdom and the choice of the path of salvation by Old Believers in Verkho-Kamye at the turn of the 20th–21st cc. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Istoriya",* no. 1(21), pp. 36-43. (In Russ.)

Smolkin, V. (2021) *There is no empty holy place: a history of Soviet atheism.* Transl. from English by O. B. Leontieva, ed. by M. Yu. Smirnov. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 552 p. (In Russ.)

Sokolovsky, S. V. (2017) The "ontological turn" and studies of material culture. In: Sokolovsky, S. V. (ed.) *Russian anthropology and the "ontological turn."* Moscow, Institute of Ethnology and Anthropology RAS. 404 p. Pp. 329–403. (In Russ.)

Vakhshtein, V. (ed.) (2006) *Sociology of things: collected articles.* Moscow, Territoriya budushchego, 390 pp. (In Russ.)

Storozhenko, A. A. and Tatarintseva, M. P. (2019) Wonderful desert, accept me into your community! Old Believer sketes in the upper Yenisei. *Traditsionnaya kultura,* vol. 20, no. 2, pp. 88–97. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.26158/TK.2019.20.2.007

Tatarintseva, M. P. (2017) Features of agriculture of Russian settlers in Tuva in the early 20th century. *New Research of Tuva,* no. 1, pp. 151–161. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2017.1.10

Tatarintseva, M. P. (2006) *Old Believers in Tuva: A historical-ethnographic essay.* Novosibirsk, Nauka. 216 p. (In Russ.)

Tinikova, E. E. (2019) Age and gender structure of the population of Southern Siberian towns in the mid-20th — early 21st centuries. *Genesis: istoricheskie issledovaniya,* no. 2, pp. 74–87. (In Russ.)

Usol'tseva, O. V. (2018) *Rural settlement system of Tomsk Region (1940–1980).* Tomsk, Demos Publishing. 268 p. (In Russ.)

Yarovaya, P. R. (2024) Labour and work in the ethics of contemporary Orthodoxy: reconstruction of the peasant home, monastery and Holy Rus'. *Etnograficheskoe obozrenie,* no. 6, pp. 81–96. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.31857/S0869541524060057

Brown, M. P. (2010) Hand Piety; or, Operating a Book in Early New England. In: *Cultural Narratives: Textuality and Performance in American Culture Before 1900* / eds. S. M. Gustafson and C. F. Sloat. Notre Dame, University of Notre Dame Press. 400 p. Pp. 14–33.

Knibbe, K., Kupari H. (2020) Theorizing lived religion: introduction. *Journal of Contemporary Religion*, vol. 35, issue 2, pp. 157–176. DOI: https://doi.org/10.1080/13537903.2020.1759897

Submission date: 22.04.2025.
Acceptance date: 11.05.2025.

DOI: 10.25178/nit.2025.4.7

Статья

Печатные агитационные материалы как фактор советской миграции в конце 1940-х — 1950-е гг. (на примере Молотовской области)

Александр В. Глушков, Кристина О. Козлова
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация

В статье представлен анализ печатных агитационных материалов, использовавшихся советской властью в ходе добровольных переселенческих кампаний послевоенного периода (конец 1940-х — 1950-е гг.) для работы в различных отраслях промышленности Урала и восточной части СССР. Наиболее популярными видами агитации, распространяемой в «регионах-донорах», были печатные брошюры, рассказывавшие о преимуществах переселения в тот или иной регион. Однако агитационная работа продолжалась и с уже прибывшими переселенцами на местах. Как правило, в целях закрепления кадров постоянные агитационные рубрики велись на страницах многотиражных изданий организаций и предприятий. Таким образом, в первом случае агитацию можно рассматривать в качестве «притягивающего» фактора, а во втором — в качестве способа борьбы с возвратной миграцией («обратничеством»).

Макрорегионами с высокой долей приезжего населения стали в послевоенный период Урал, Сибирь и Дальний восток. В данном исследовании внимание авторов сосредоточено на одном из уральских регионов — Молотовской области. На Урале массовый приток рабочей силы из центральной части РСФСР и из Белорусской ССР наблюдался в Молотовскую (с 1957 г. — Пермскую) область. Регион нуждался в кадрах для лесной промышленности, заводов и крупных строек. Переселения сопровождались масштабной идеологической работой — сначала в «регионах-донорах» рабочей силы, затем непосредственно в местах вселения. Сначала агитационные брошюры формировали положительный образ региона-реципиента, затем периодическая печать различными способами воздействовала на переселенцев, мотивируя их остаться. Многотиражная печать формировала позитивный образ переселенца, рассказывая о преодолении трудностей в настоящем и обещая хорошее будущее при условии самоотверженного труда.

Проведенный в исследовании анализ позволил авторам проследить эволюцию советской агитации в первое послевоенное десятилетие, выделить основные агитационные приемы, отличавшиеся заметным разнообразием, и прийти к выводу, что на рубеже 1940-х — 1950-е гг. в условиях добровольных переселенческих кампаний государство вынуждено было искать новые способы воздействия на потенциальных мигрантов.

Ключевые слова: *история СССР; послевоенный период; Урал; Сибирь; трудовая миграция; переселенец; агитация; пропаганда*

Публикация подготовлена при финансовой поддержке НИУ ВШЭ (проект «Миграции в социально-экономическом, демографическом, культурном и человеческом измерении (кейсы Пермского края и Республики Тыва в 1920-х — начале 1960-х гг.)»).

Для цитирования:
Глушков А. В., Козлова К. О. Печатные агитационные материалы как фактор советской миграции в конце 1940-х — 1950-е гг. (на примере Молотовской области) // Новые исследования Тувы. 2025. № 4. С. 107-121. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.7

Глушков Александр Владимирович — кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» — Пермь. Адрес: 614070, Россия, г. Пермь, бульв. Гагарина, д. 37а, каб. 219. Эл. адрес: AVGlushkov@hse.ru

Козлова Кристина Олеговна — студентка магистерской программы «История современного мира» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: 101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20. Эл. адрес: kokozlova@edu.hse.ru

Article

Printed Agitation Materials as a Factor in Soviet Migration in the Late 1940s–1950s (Case Study of Molotov Oblast)

Alexander V. Glushkov, Kristina O. Kozlova
HSE University, Russian Federation

This article examines printed agitation materials used by Soviet authorities during voluntary resettlement campaigns of the postwar period (late 1940s–1950s) to support various sectors of industry in the Urals and the eastern regions of the USSR. In the postwar years, the Urals, Siberia, and the Far East became macro-regions with a high proportion of incoming population. The present study focuses on one of the Ural regions — Molotov Oblast.

The most common forms of agitation disseminated in "donor regions" were printed brochures describing the advantages of relocating to specific areas. Agitation work, however, continued with those settlers who had already arrived on site. As a rule, to secure workforce retention, permanent agitation columns were maintained in the pages of mass-circulation publications of organizations and enterprises. Thus, in the first case, agitation can be viewed as a "pull" factor, whereas in the second, it served as a means of counteracting return migration ("reverse movement").

In the Urals, a large inflow of labor from the central RSFSR and the Byelorussian SSR was observed in Molotov Oblast (renamed Perm Oblast in 1957). The region required personnel for the forestry industry, factories, and major construction projects. Resettlement was accompanied by extensive ideological work — initially in labor "donor regions" and subsequently directly in the settlement areas. First, agitation brochures were used to create a favorable image of the recipient region; then, periodicals employed various methods to influence settlers, motivating them to remain. Mass-circulation publications shaped a positive image of the settler, portraying the overcoming of present hardships and promising a prosperous future conditional on dedicated labor.

The analysis undertaken in this study enabled the authors to trace the evolution of Soviet agitation in the first postwar decade, to identify the main agitation techniques — marked by considerable variety — and to conclude that at the turn of the 1940s–1950s, under the conditions of voluntary resettlement campaigns, the state was compelled to seek new methods of influencing potential migrants.

Keywords: *history of the USSR; postwar period; Urals; Siberia; labor migration; settler; agitation; propaganda*

Financing
This publication was prepared with financial support from the National Research University Higher School of Economics (project 'Migrations in socio-economic, demographic, cultural and human dimensions (cases of the Perm Krai and the Republic of Tuva in the 1920s — early 1960s)').

For citation:
Glushkov A. V. and Kozlova K. O. Printed Agitation Materials as a Factor in Soviet Migration in the Late 1940s–1950s (Case Study of Molotov Oblast). *New Research of Tuva*, 2025, no. 4, pp. 107-121. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.7

GLUSHKOV, Alexander Vladimirovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Humanities, HSE University. Postal address: 37a boulevard Gagarina, 614070, Russia, Perm. E-mail: AVGlushkov@hse.ru
ORCID: 0000-0002-5108-2662

KOZLOVA, Kristina Olegovna, Student of the Master's degree program "History of the Modern World", HSE University. Postal address: 37a boulevard Gagarina, 614070, Russia, Perm. E-mail: kokozlova@edu.hse.ru
ORCID: 0009-0001-0293-710X

Введение

Добровольные трудовые миграции в СССР послевоенного периода затрагивали как сельскохозяйственную, так и промышленную сферы, а также крупные стройки первых послевоенных пятилеток. Отдельно следует выделить кампании по заселению вновь присоединенных территорий (Южный Сахалин, Калининградская область), преимущественно русским населением. Вновь начавшийся в 1947 г. органабор рабочей силы превращался в полноценную систему управления трудовыми ресурсами и являлся неотъемлемой частью регулирования демографических и экономических показателей в СССР. Макрорегионами с высокой долей приезжего населения стали в послевоенный период Урал, Сибирь и Дальний восток. Перераспределение происходило таким образом, что один и тот же регион мог выступать как в качестве «региона-донора», так и в качестве «региона-реципиента». Так, на западном Урале, в Молотовской[1] области наблюдался значительный приток рабочей силы из Поволжья, центральной России и Белорусской ССР. В свою очередь, рабочая сила с Урала отправлялась по оргнабору в Сибирь и на Дальний Восток. Многие регионы испытывали на себе «взрывной» прирост населения именно в первое послевоенное десятилетие. Так, в вошедшей в 1944 г. в состав РСФСР Тувинской Народной Республике численность населения с 1945 по 1959 гг. увеличилась вдвое (Анайбан, 1995: 24).

Актуальность изучения послевоенных миграционных процессов заключается в том, что именно они во многом сформировали социально-экономический и культурный ландшафт страны в позднесоветский период, продолжая оказывать отложенный эффект и на современную Россию. Что двигало десятками тысяч людей, решивших начать жизнь на новом месте? Что заставляло их принимать решение о переселении? И менялись ли эти мотивы в зависимости от времени и ситуации? Это лишь немногие из вопросов, которые актуализируются в настоящем исследовании. Для ответа на эти вопросы необходимо обратиться к советским агитационным материалам.

Таким образом, целью исследования является анализ печатных агитационных материалов конца 1940-х — 1950-х гг., изданных в Молотовской области и ряде регионов Сибири, и выявление использованных в них техник пропаганды. Для этого необходимо: во-первых, понять, как была выстроена сопровождавшая миграционные процессы агитационная работа; во-вторых, проанализировать брошюры как первичные формы агитации; в-третьих, на основе анализа материалов периодической печати выявить основные пропагандистские приемы сперва рубежа 1940–1950-х гг., а затем середины 1950-х гг.; наконец, провести сравнительный анализ этих материалов, чтобы сделать выводы об эволюции агитационной работы в СССР.

Объектом исследования, таким образом, выступают печатные агитационные материалы Урала и Сибири, предметом — основные агитационные нарративы. Нижняя хронологическая граница исследования обусловлена окончанием Великой Отечественной войны, верхняя — периодом выхода агитационных материалов и пиком добровольных переселенческих кампаний, которые с конца 1950-х гг. постепенно идут на спад.

Исследование базируется на широкой базе источников, опубликованных и неопубликованных. К неопубликованным источникам относятся хранящиеся в Государственном архиве Пермского края (далее — ГА ПК) архивные делопроизводственные материалы, раскрывающие подробности организации переселенческих кампаний на местах. С помощью этих источников раскрывается механизм агитационной работы как с потенциальными, так и с уже состоявшимися переселенцами. Опубликованные источники можно разделить на нормативные документы, регулирующие миграционные процессы в СССР в конце 1940-х — 1950-е гг., предназначенные для агитации печатные издания — брошюры — из разных регионов страны, а также материалы периодической печати — многотиражные издания предприятий и трестов («За электрификацию», «На стройке», «Лесник Прикамья»).

Анализ брошюр и повременных печатных изданий позволяет выделить ключевые агитационные стратегии власти, необходимые как для привлечения переселенцев, так и для закрепления их в местах вселения.

[1] Молотовская область РСФСР возникла в марте 1940 г. в результате переименования Пермской области. В октябре 1957 г. региону было возвращено прежнее название.

Обзор литературы

В историографии, посвященной данной проблеме, можно выделить два ключевых направления. Первое — охватывает работы, анализирующие миграционные процессы в послевоенном СССР в целом, а также в отдельных регионах страны. Второе — важное для нашей работы направление — включает исследования, затрагивающие вопросы агитационной и пропагандистской деятельности советского государства в рамках переселенческой политики, преимущественно в 1950-е гг.

Среди значимых теоретических разработок первого направления можно отметить труд О. Д. Воробьевой, Л. Л. Рыбаковских и О. Л. Рыбаковских, в котором авторы исследуют миграционные тенденции в СССР на разных этапах его истории, уделяя особое внимание факторам, побуждавшим население к переездам (Воробьева, Рыбаковский Л., Рыбаковский О., 2016). Н. В. Чернышева и А. В. Бровцин в своей монографии анализируют место Кировской области в системе государственного регулирования миграций (Чернышева, Бровцин, 2015). И. А. Пушкин в своем исследовании рассматривает перемещение белорусского населения в Карелию, связанное как с сельскохозяйственными, так и с промышленными нуждами (Пушкин, 2016). А. А. Мальцев изучает внутрирегиональные миграции, направленные на перераспределение трудовых ресурсов между колхозами (Мальцев, 2010). В свою очередь, В. П. Мотревич исследует организованное переселение рабочих на Урал в 1940-1950-е гг. для обеспечения колхозов и совхозов рабочей силой (Мотревич, 2005). Ж. А. Зайончковская занималась исследованиями переселений в Сибирь. Её кандидатская диссертация[1] послужила основой для монографии о приживаемости новоселов в Сибири (Зайончковская, 1972).

Миграционные процессы в послевоенной Туве рассмотрены в статьях З. В. Анайбан (Анайбан, 1995), М. М.-Б. Харуновой и Р. Ш. Харунова (Харунова, Харунов, 2021), С. И. Абылкаликова (Абылкаликов, 2021).

Второй историографический блок объединяет исследования, посвящённые пропагандистскому сопровождению переселенческой политики в послевоенные годы. Н. В. Барабаш проанализировала агитационные мероприятия, проводившиеся в Белорусской ССР (Барабаш, 2007). О. В. Горбачёв в своей работе раскрыл механизмы деятельности вербовочных комиссий в период 1940–1960-х гг. (Горбачёв, 2003). Ранее нами были изучены источники, отражающие пропагандистские методы привлечения рабочей силы в Молотовскую область в конце 1940-х — 1950-е гг. Особое внимание уделялось анализу брошюр как одного из ключевых видов агитационной продукции (Глушков, Козлова, Исмакаева, 2024). Также в 2024 г. в Высшей школе экономики К. О. Козловой была защищена выпускная квалификационная работа «Кампании по организованному набору рабочей силы в СССР в 1950–60-е гг.: агитационные практики»[2].

Таким образом, можно констатировать, что вопрос как о методах нематериального стимулирования населения в ходе переселенческих кампаний середины XX века, так и о конкретных формах агитации находится на данный момент в начальной стадии разработки, что свидетельствует о новизне исследования.

Теоретико-методологическая основа исследования

Советская агитация и пропаганда, без которой сложно представить систему добровольных трудовых переселений, не может рассматриваться в отрыве от общих идеологических установок государства. Необходимо также учитывать социально-экономический аспект, напрямую влиявший на содержание агитационных призывов. С этой точки зрения СССР довоенного периода и периода позднего сталинизма должен был использовать иные рычаги давления на общество, чем в период правления Н. С. Хрущева. Но как скоро это отразилось на содержании агитационных материалов?

Историк С. Коткин, изучавший историю «Магнитостроя», оперировал понятием «советская модерность» (*soviet modernity*). По его мнению, отрицание капиталистической модели и вытекающего из нее индивидуализма на самом деле являлось иным — социалистическим — вариантом модерности (Kotkin, 1995). Идея Коткина заключалась в том, что дискурс «социалистической модерности» оставался незыблемым и после смерти И. В. Сталина, несмотря на происходившие в стране изменения.

[1] Зайончковская Ж. А. Приживаемость новоселов в городах Сибири: автореф. дис. … канд. геогр. наук. М., 1968.
[2] Козлова К. О. Кампании по организованному набору рабочей силы с СССР в 1950–60-е гг.: агитационные практики: дипломная работа. Пермь, 2024.

Однако большинство исследователей советской экономической модели и общества с этим не согласны. Ю. Л. Слёзкин в своей фундаментальной работе о большевизме показывает, что уже второе поколение советских людей, включая детей наиболее идейных революционеров, не разделяло энтузиазма своих родителей (Слёзкин, 2020). А. В. Юрчак в исследовании позднесоветского периода настаивает на том, что в СССР происходило не изменение, а «консервация» официального («авторитетного») дискурса, что привело к эффекту «гипернормализации» — ситуации, когда воспроизводство привычных лозунгов продолжалось скорее по инерции, при этом мало кто задумывался об их смыслах (Юрчак, 2022). Также оппонируя С. Коткину, исследователь А. Крылова настаивает на том, что в позднесоветский период происходит фундаментальная перестройка взаимоотношений между индивидом и обществом. По ее мнению, государство было вынуждено налаживать коммуникацию с поколением, для которого профессионализация была гораздо важнее идеализированных коллективистских практик рабочего класса (Крылова, 2016: Электронный ресурс). Таким образом, «постбольшевистский советский дискурс был ориентирован на выяснение того, как можно “соединить” или “сочетать” индивидуальные предпочтения и цели с общественным благом» (там же).

Этот тезис оказывается важным, когда мы говорим о послевоенной агитации, в том числе в области мотивирования добровольных переселенцев на переезд в отдаленные регионы. В таком случае агитационные нарративы периода сталинизма должны были трансформироваться после смерти И. В. Сталина в нечто иное. Так это или нет, предстоит выяснить.

В работе также используется опыт детализированного анализа пропаганды, примененный группой исследователей по корпусной лингвистике (Da San Martino et al., 2019). Авторы предложили новый подход к анализу пропагандистских приемов, выделив 18 различных техник пропаганды (например, «лозунги», «преувеличение или минимизация», «обращение к авторитету» и т. д.). Для этого они разработали многоуровневую нейросетевую модель, позволившую им обнаруживать конкретные пропагандистские техники в текстах, повышая качество интерпретации и анализа. Проанализировав агитационные материалы, мы соотнесли их с выделенными авторами техниками пропаганды.

Переселенческие кампании и агитация

Важным элементом политики добровольного переселения в послевоенные годы стало формирование привлекательных условий, способствующих принятию решения о переезде. Государство разработало систему льгот для переселенцев, включавшую, например, бесплатный транспорт до места нового проживания, единовременные денежные выплаты («подъёмные»), кредитование на приобретение жилья и т. д. Сведения о мерах поддержки в основном доносились до населения через печатные издания. В связи с этим, начиная с 1950-х гг., агитационно-пропагандистская работа превратилась в ключевой инструмент привлечения трудовых ресурсов в малозаселённые регионы.

Уже в начале десятилетия стали выходить правительственные постановления, прямо указывающие на необходимость разъяснительной работы среди населения о возможности переселения. Вслед за нормативными документами начался массовый выпуск специализированных агитационных материалов. На местах главными проводниками агитации становились многотиражные издания, выпускавшиеся на стройках и промышленных предприятиях, а также в колхозах.

Координация агитационной кампании осуществлялась при участии различных государственных и общественных институтов. В этот процесс были включены партийные органы, профсоюзные организации, комсомольские активисты, а также представители регионов, принимавших переселенцев (Чернышева, Бровцин, 2015: 124). Основной задачей массово-разъяснительной работы являлось доведение до граждан целей и значения государственной программы переселения.

Окончательное закрепление агитационного сопровождения миграционной политики на законодательном уровне относится к 1950-м гг. Первые законодательные акты, включая приказы Главного управления переселения и организованного набора рабочих при Совете Министров РСФСР, ограничивались общими положениями о необходимости агитационной деятельности, не раскрывая конкретных форм и методов её осуществления. Показательным в этом отношении стал приказ от 19 сентября 1956 г., который, утверждая план организованного набора рабочих на последний квартал года, впервые законодательно закрепил значение пропагандистской составляющей миграционной политики (ГА ПК, ф. р-1271, оп. 1, д. 4, л. 40–41).

Важным этапом стало принятие в ноябре 1956 г. Положения о Главном управлении переселения, которое систематизировало деятельность центральных и местных органов по организации переселенческого процесса. Этот документ заложил нормативные основы для создания разветвлённой системы управления миграционными потоками (ГА ПК, ф. р-1271, оп. 1, д. 2, л. 15–23). Первые нормативные акты, такие как приказы Главного Управления переселения и организованного набора рабочих при Совете Министров РСФСР, содержали лишь общие указания о необходимости агитационной работы, без детализации её форм и методов. Характерным примером является приказ от 19 сентября 1956 г. «О плане организованного набора рабочих для постоянной работы в промышленности, на строительстве и транспорте на IV квартал 1956 года», где впервые на нормативном уровне была обозначена роль пропаганды в реализации миграционной политики (ГА ПК, ф. р-1271, оп. 1, д. 4, л. 40-41).

В ноябре 1956 г. Совет Министров РСФСР выпустил Положение о Главном управлении переселения и организованного набора рабочих при Совете Министров РСФСР и его местных органах (ГА ПК, ф. р-1271, оп. 1, д. 2, л. 15–23). В регионах создавались местные отделения по управлению организованным переселением[1]. В целях реализации государственных задач по переселению на районных уполномоченных и инспекторов возлагалась обязанность по подготовке и распространению разнообразных агитационных материалов, включавших плакаты, листовки, объявления и брошюры, содержавшие сведения о программе организованного переселения. Нормативный документ подробно определял круг обязанностей местных отделов переселения, куда входила организация разъяснительной работы среди сельских жителей относительно условий переезда и порядка организованного набора рабочих, а также снабжение всех задействованных структур — районных уполномоченных, инспекторов, отделов переселения и подразделений по организованному набору рабочих при райисполкомах — необходимым объемом печатной агитационной продукции[2].

Говоря о классификации агитационных материалов, можно выделить две основные группы. В первую очередь, это визуальные источники, к которым относятся плакаты, фотоматериалы, фильмы. Вторую группу составляют письменные источники, включая различные брошюры, листовки и периодическую печать[3]. В периодике публиковалась подробная информация о местах, куда предполагалось переселение. Иногда это были специальные выпуски многотиражных изданий, выходивших для работников определенной отрасли[4].

Особую группу печатных материалов составляют брошюры, выпускавшиеся в регионах вселения[5]. В свою очередь, их можно разделить на две основные категории. Первую представляли, по сути, справочные издания с информацией о регионе, его географии, климате, экономике, культурной жизни, льготах для переселенцев и т. д.[6] Текст усиливался визуальным рядом, включая карты и фотографии[7]. Вторую группы брошюр составляют сборники писем уже переселившихся людей с рассказом об их жизни[8]. Некоторые брошюры носили смешанный характер: сначала в них публиковалась справочная информация, затем «письма от земляков»[9].

[1] Козлова К. О. Агитационные брошюры по привлечению трудовых мигрантов как репрезентация регионов СССР в 1950-е гг.: опыт контент-анализа: курсовая работа. Пермь, 2023. С. 14.
[2] Там же. С. 15.
[3] Там же. С. 22.
[4] Лесник Прикамья. Орган лесопромышленных комбинатов «Молотовлес» и «Комипермлес» обкома профсоюзов рабочих лесной и бумажной промышленности. Специальный выпуск. 1955. Сентябрь / под ред. Б. И. Базенковой. Молотов, б/и.
[5] Козлова К. О. Агитационные брошюры по привлечению трудовых мигрантов как репрезентация регионов СССР в 1950-е гг.: опыт контент-анализа: курсовая работа. Пермь, 2023. С. 24.
[6] Переселяйтесь к нам, в Молотовскую область / сост. С. Ф. Николаев; Переселенческий отд. исполкома Молотовского обл. Совета депутатов трудящихся. Молотов: Кн. изд-во, 1956.
[7] Переселяйтесь на богатые земли Красноярского края / Краснояр. краев. переселенческий отд. Красноярск: Краснояр. рабочий, 1956.
[8] Переселяйтесь в леспромхозы Карело-Финской ССР: Письма и рассказы наших земляков / Гл. упр. по переселению и организ. набору рабочих при Совете Министров Белорус. ССР. Минск: Изд-во ЦК КПБ, 1955.
[9] Огнев О. И., Лейман Р. И. Переселяйтесь на целинные земли в колхозы Казахской ССР / Гл. переселенческое упр. при Совете Министров Каз. ССР. Алма-Ата: б. и., 1956.

Идеологическая работа продолжалась и после прибытия переселенцев через местную периодическую печать, главным образом — через многотиражные издания трестов, предприятий и колхозов. Однако далеко не везде велась регулярная агитационная работа. Если ряд регионов мог себе позволить издавать не только газеты, но и цветные брошюры и плакаты, то вошедшая в состав СССР в 1944 г. Тувинская автономная область в послевоенный период все еще переживала, по сути, период становления периодической печати. Из-за отсутствия постоянного технического обучения работников типографии и должного контроля над качеством печати издание газет было нерегулярным, а качество выпускаемой продукции — низким (Кан, 2015).

Брошюры как форма первичной агитации

Для начала обратимся к краткому анализу первичной формы агитации — брошюрам — на примере печатных изданий Урала и Сибири. Большинство брошюр были выпущены уже в период активной переселенческой кампании для усиления агитационной работы. Брошюра о преимуществах переселения в Молотовскую область увидела свет в 1956 г.[1] Как само название издания («Переселяйтесь к нам, в Молотовскую область»), так и заголовки отдельных разделов («Приезжайте к нам на Урал!») носили характер лозунгов[2]. Составители использовали также прием преувеличения. Это проявлялось в описании природы области, территория которой была покрыта лесами более, чем наполовину[3]. Сам лес по советской традиции сравнивался с «зеленым золотом»[4].

Другой популярной пропагандистской техникой является так называемый «эффект присоединения к большинству». В брошюре рассказывается о том, какое количество переселенцев уже прибыло в Молотовскую область и из каких регионов. Авторы призывали жителей этих территорий, среди которых выделяются Белорусская ССР, Татарская АССР, Чувашская АССР, а также ряд областей РСФСР, поступить так же, как тысячи их земляков[5]. Подчеркивалось, что переселенцы составляли в некоторых леспромхозах до 69% и вносили большой вклад в развитие местной экономики[6].

Еще одним приемом агитации было замалчивание возможных негативных последствий переселения. В текстах были представлены только позитивные явления, связанные с процессом развития Молотовской области.

Похожие методы агитации можно проследить и в брошюрах, посвященных добровольному переселению в сибирские регионы РСФСР — на Алтай[7], в Томскую область[8], Красноярский край[9], Новосибирскую[10] и Кемеровскую область[11]. К «лозунгам» можно отнести различные преамбулы и отрывки в конце глав брошюр, содержащие призывы: «Вас ждут!», «Переселяйтесь», «Приезжайте» и т. п. Авторы рассказывали о богатстве и изобилии описываемых регионов. Представлялись и показатели производственного развития, многократно выросшие за годы советской власти[12]. К регионам также «прикреплялись» различные характеристики. Так, целина Алтая называлась «кладовой изобилия»[13], а Кемеровская область — родиной «рекордных урожаев картофеля»[14].

---

[1] Переселяйтесь к нам, в Молотовскую область / сост.: С. Ф. Николаев; Переселенческий отд. исполкома Молотовского обл. Совета депутатов трудящихся. Молотов: Кн. изд-во, 1956.
[2] Там же.
[3] Там же. С 10.
[4] Там же. С. 11.
[5] Там же. С. 43.
[6] Там же.
[7] Камбалов Н. А., Масаулов И. М. Переселяйтесь к нам на Алтай / Переселенческий отд. при Алт. крайисполкоме. Барнаул: б. и., 1957.
[8] Переселяйтесь в колхозы Томской области / Переселенческий отд. Томского облисполкома. Томск: б. и., 1956.
[9] Переселяйтесь на богатые земли Красноярского края / Краснояр. краев. переселенческий отд. Красноярск: Краснояр. рабочий, 1956; Добро пожаловать в Сибирь — край социалистического созидания! / Отд. переселения и организ. набора рабочих Краснояр. крайисполкома. Красноярск: Краснояр. рабочий, 1959.
[10] Протопопов Н. Н., Угренинов Н. Переселяйтесь в Новосибирскую область / Переселенческий отд. Новосиб. облисполкома. Новосибирск: Кн. изд-во, 1956.
[11] Филимонов А. К. Переселяйтесь в колхозы Кемеровской области. Кемерово: Кн. изд-во, 1957.
[12] Там же. С. 23.
[13] Там же. С. 30.
[14] Филимонов А. К. Переселяйтесь в колхозы Кемеровской области. Кемерово: Кн. изд-во, 1957. С. 10.

В качестве «эффекта присоединения к большинству» можно рассматривать рубрики с письмами переселенцев. Приемом «диктатуры» является отражение в брошюрах только позитивного опыта переселения: «Мне хочется на своем личном примере показать некоторым недоверчивым людям, что здесь, в Сибири, можно за короткий период хорошо устроиться и жить счастливо»[1].

Таким образом, можно сделать вывод, что для разных регионов агитаторы использовали одинаковые приемы, учитывая их географические и экономические особенности. Они отражали идею об изобилии, комфортной жизни, различных возможностях для переселенцев. Идея демонстрации комфортной жизни, начиная с середины 1950-х гг., становится приоритетной для агитаторов.

Гордость и патриотизм. Основные агитационные приемы конца 1940-х — начала 1950-х гг.

Одним из направлений массовых добровольных миграций первых послевоенных пятилеток стали «великие стройки» СССР, требовавшие огромного количества рабочей силы, в первую очередь, неквалифицированной. Камская гидроэлектростанция, расположенная приблизительно в 15 километрах от центра г. Перми, стала одной из последних «великих сталинских строек». Подготовка строительной площадки велась еще с первой половины 1930-х гг., однако еще до войны проект был заморожен. Строительство ГЭС уже по новому проекту началось в послевоенный период. Стройка требовала огромного притока рабочей силы, которую вербовали как в самой Молотовской области, так и в соседних регионах, например, в Свердловской и Челябинской областях. В условиях чудовищной текучести кадров, вызванной различными причинами материального характера, ставка делалась на попытку закрепить вольнонаемных рабочих с помощью агитации.

Проанализировав многотиражные издания «КамГЭСстроя», можно выделить основные агитационные нарративы. Важную роль «многотиражек» в мобилизации строителей Камской ГЭС отмечал в мемуарах инженер А. К. Икомасов, руководивший строительством в 1954–56 гг.[2] Известно, что некоторая часть высококвалифицированных рабочих была «переброшена» на КамГЭСстрой с других крупных строек. Если говорить о приезжих, имевших низкую квалификацию или не имевших таковую вовсе, значительная их часть прибывала «по зову» Свердловского и Челябинского обкомов КПСС. В воспоминаниях, записанных по «горячим следам», ключевые участники строительства отмечали, что в результате сложился коллектив строителей, обеспечивший успешное выполнение заданий по строительству Камского гидроузла. На деле же этот коллектив был крайне подвижен и нестабилен, демонстрируя часто встречавшуюся на больших советских стройках «систему вращающихся дверей». К примеру, в 1950 г. на строительстве, не считая спецконтингента, было задействовано 7700 чел., из них 3900 чел. — непосредственно на строительно-монтажных работах (ГА ПК, ф. р-207, оп. 3, д. 31, л. 17). При этом за год на стройку прибыло 3745 чел., а убыло — 2315 чел., то есть «текучесть» кадров составила более 60% (ГА ПК, ф. р-207, оп. 3, д. 29, л. 100). В 1951 г. коллектив стройки вырос до 10 тысяч человек, однако «разъедающая» стройку текучка продолжалась (ГА ПК, ф. р-207, оп. 3, д. 33, л. 19).

Нельзя сказать, что руководство стройки не боролось с объективными факторами таких показателей, например, общим низким уровнем социально-бытового устройства: строительство как временного, так и постоянного жилья находилось на «особом контроле». Однако наряду с этим на полную мощность включилась и идеологическая машина, неотъемлемой частью которой выступали многотиражные газеты. Корреспонденты газет «За электрификацию» и «На стройке» информировали читателей о ходе строительства, обращая внимание как на успехи, так и на и отстающие участки. Частыми были заметки о «замечательных людях стройки», приехавших на строительство ГЭС в Молотовской области и решивших связать с этим местом свою дальнейшую жизнь. Представляется, что одной из целей подобных публикаций являлось стремление донести до сомневающихся мысль о необходимости преодоления возникших трудностей как в интересах государства, так и в личных интересах рабочего.

Конец 1940-х — начало 1950-х гг. ознаменовались значительной интенсификацией работ на строительстве КамГЭС. 4 марта 1949 г. «За электрификацию» отмечала, что прибывшие на стройку раз-

[1] Добро пожаловать в Сибирь — край социалистического созидания! / Отд. переселения и организ. набора рабочих Краснояр. крайисполкома. Красноярск: Краснояр. рабочий, 1959. С. 69.
[2] Строители Камской ГЭС / состав. М. Г. Гуревич. Молотов, 1956 г. С. 51.

мещены в общежитиях комнатного типа, «благодарят руководство стройки за теплый прием и полны горячего желания по-большевистски трудиться на объектах строительства»[1]. Одним из основных агитационных приемов был рассказ о возможности в короткий срок сделать карьеру на стройке. Публикации повествовали о возможности для молодых рабочих при должном усердии стать лучшими в своей специальности. Назывались конкретные примеры: рабочий Степан Томилов, прибывший в 1948 г., «за короткий срок… выдвинулся в число лучших стахановцев»[2]. Пилорамщик Дмитрий Соколов, бывший колхозник из Рязанской области, за короткий срок превзошел мастера, у которого он учился[3]. Другой рабочий, плотник Кокоулин за несколько месяцев стал бригадиром, осознав, что его настоящее призвание — «быть строителем»[4]. При этом акцент делался именно на престижности карьерного роста, а не на материальных благах, которые за ним последуют. Конкретные суммы, которые мог заработать строитель Камской ГЭС, никогда не назывались.

Гораздо больше публикаций во главу угла ставят ответственность, престижность работы и возможность быть полезным. «Истории успеха» приезжих на стройку описывались достаточно регулярно. Один из основных посылов публикаций заключался в престижности работы «на крупнейшей стройке послевоенной сталинской пятилетки»[5].

Регулярным «гостем» публикаций был старейший плотник «КамГЭСстроя» Федор Половинкин, трудовой путь которого начался еще до революции и продолжился после 1917 г. на нескольких предприятиях Ленинградской области и строительстве Волховской и Нижнесвирской ГЭС. Газета с гордостью рассказывала о том, что в свои 75 лет опытный рабочий принял решение остаться в Молотовской области навсегда. «Хочу увидеть, как засверкают огни Камской ГЭС. — Цитировала газета Половинкина. — Это будет гордость строителей и всей страны»[6].

Мотивы ветерана (мнимые или истинные — в данном случае значения не имеет) раскрываются в другой публикации, рассказывающей о том, что он получил более выгодное в материальном плане предложение о работе, однако отказался от него, ведь Урал уже стал для него домом:

> «[Когда мы] приехали, был один лес и несколько домиков, а сейчас… Не узнать ничего. Проживем и здесь до окончания строительства»[7].

«Престижность» органично соотносилась с другим посылом, который условно можно обозначить как «зов партии». Наиболее емко этот мотив был выражен в наивной рабочей поэзии, в частности, в стихах П. Черкашина, опубликованных в газете «За индустриализацию»:

> «Я приехал по зову партии
> На строительство Камской ГЭС
> Это будет Уральское солнце
> Это будет второй “ДнепроГЭС”…»[8].

В текстах говорилось о доверии, возложенном на строителей партией и правительством, о том, что «работать на сооружении такой стройки советские люди считают большим счастьем, почетным делом»[9]. Так, обращая внимание на общегосударственное значение стройки, плотник Тарасов отмечает, что «работать здесь очень интересно».

> «Я пожалуй и на эксплуатацию останусь. Живу я хорошо. Построил дом, обзавелся небольшим хозяйством. И работаем дружно»[10].

В целом ряде публикаций делался акцент на «возможности быть полезным». Гордясь тем, что «в деле государственной важности» есть доля и его труда, бригадир Токарев рассказывает: «На строительство я приехал недавно и доволен тем, что я участвую в этом огромном деле. Поэтому отдаю все силы,

[1] Коммунисты прибывают на КамГЭСстрой // За электрификацию. 1949. № 1. 4 марта. С. 1.
[2] Учить новичков // За электрификацию. 1949. № 5. 18 марта. С. 1.
[3] Люди нашей стройки // За электрификацию. 1949. № 49. 2 сентября. С. 2.
[4] Мое призвание // На стройке. 1950. № 33 (112). 1 мая. С. 2.
[5] Плотник Половинкин рассказывает о своих «секретах» // За электрификацию. 1949. № 2. 8 марта. С. 1.
[6] Полвека на стройках// За электрификацию. 1949. № 21. 17 мая. С. 2.
[7] Старейший строитель // На стройке. 1950. № 93 (172). 8 декабря. С. 2.
[8] По зову партии // За электрификацию. 1949. № 6. 22 марта. С. 1.
[9] Гордится своей стройкой! // За электрификацию. 1949. № 13. 15 апреля. С. 1.
[10] Остаюсь на Каме// За электрификацию. 1949. № 16–17. 1 мая. С. 2.

чтобы быть полезным для стройки»[1]. Супруги Панковы, также на момент публикации посвященного им материала прибывшие в Молотовскую область недавно, «по-хозяйски огляделись и каждый из них без слов понимал, что на этой стройке нужно быть по-настоящему полезным»[2].

Поскольку приезжавшие на стройку люди часто сталкивались с трудными бытовыми условиями, неизбежным становился мотив необходимости преодоления трудностей, которые преподносились как временные и незначительные на фоне происходящего.

> «Как только я узнал о решении правительства начать строительство Камской гидроэлектростанции, у меня сразу же появилось желание принять участие в этой величайшей стройке. — Цитировала “За электрификацию” бригадира водопроводчиков П. Шилоносова. — В работе были немалые трудности. Дождливая осень, суровая зима, а затем приближение паводков были для водопроводчиков серьезным препятствием. Но мы преодолели все трудности… Я горжусь тем, что работаю на такой великой стройке…»[3]

Наконец, не часто встречающимся, но довольно ярко выраженным был мотив «покорения природы», победы большевиков над стихией — большой рекой и уральскими лесами. «Бурную Каму покорят большевики, перепояшут ее плотиной и зажгут над Уралом электрическое солнце и заставят его служить коммунизму», — говорилось в первомайском выпуске газеты в 1949 г.[4] Мотив подчинения «дикого» пространства советскому человеку повторяется неоднократно.

> «Еще недавно здесь шумели леса. — Рассказывала газета о поселке строителей ГЭС. — Селения связывали тропинки. По воскресеньям сюда съезжались любители-охотники пострелять уток… Сейчас… среди деревьев высятся корпуса жилищных и промышленных зданий. Вместо троп пролегли шоссейные дороги… Бесконечным потоком идут автомашины, далеко слышен лязг экскаваторных ковшей»[5].

Таким образом, агитация сталинского периода, не исключая вовсе вопросы престижа и карьеры, была направлена в большей степени на нематериальные аспекты — патриотизм, коллективизм и долг перед родиной.

Триумф материального. Основные агитационные приемы середины — второй половины 1950-х гг.

Если говорить о массовых переселенческих кампаниях 1950-х гг., одним из наиболее распространенных направлений миграции являлась лесная промышленность. Леспромхозы ряда территорий, включая регионы русского Севера (Вологодская и Архангельская области), Урала, Сибири и Дальнего Востока, приняли в послевоенный период десятки тысяч кадров, для большинства из которых работа на лесозаготовках и лесосплаве была непривычна. К тому же ряд регионов обладал своей спецификой, накладывавшей отпечаток на процесс адаптации к новым условиям. Так, если на Урале лес в массе своей сплавлялся по рекам, в силу географических особенностей Тувинской автономной области заготовка леса происходила преимущественно в горных районах, что утяжеляло производственный процесс (Ооржак, 2023).

Несмотря на то, что покинуть леспромхоз прибывшим по оргнабору переселенцам было не так просто, «обратничество» (так в разных регионах СССР называли быструю возвратную миграцию) достигло угрожающих масштабов. Поэтому массовая агитация в этой отрасли была направлена на решение нескольких специфических задач. Во-первых, убеждение колеблющихся на тех территориях, которые были определены в качестве регионов «выхода». Для этого представители трестов и предприятий выезжали агитировать на места с помощью устного убеждения и наглядной агитации. Во-вторых, агитационная работа была необходима и среди уже прибывших переселенцев — в одном случае, чтобы убедить «сезонников» перейти на постоянное место работы, в другом — чтобы снизить процент уезжающих обратно.

В Молотовской области, одной из крупнейшей в РСФСР по запасам леса, работу с переселенцами вел трест «Молотовлес», а также отдельные лесозаготовительные предприятия. Выезды представителей треста в другие регионы для агитации регламентировались постановлением Молотовского

[1] Есть тут и частица нашего труда // За электрификацию. 1949. № 16–17. 1 мая. С. 3.
[2] Супруги Панковы // За электрификацию. 1949. № 23. 24 мая. С. 1.
[3] Мечта сбылась // За электрификацию». 1949. № 16–17. 1 мая. С. 2.
[4] КамГЭС сегодня // За электрификацию. 1949. № 16–17. 1 мая. С. 4.
[5] Там же.

облисполкома от 29 ноября 1952 г. Совместно с переселенческим отделом облисполкома «Молотовлес» должен был подготовить и издать агитационно-справочные материалы и организовать посылку писем от ранее переселившихся к своим землякам (ГА ПК, ф. Р-554, оп. 3, д. 5, л. 32). К примеру, в I квартале 1953 г. для разъяснительной работы среди населения в областях выхода переселенцев, от «Молотовлеса» было направлено свыше 60 человек (Глушков, 2024: 75).

Особое место в агитационной работе занимала практика публикации так называемых «писем от земляков», которые широко распространялись через брошюры и периодические издания. Эти письма, формально написанные от лица переселенцев, совмещали прямое призывное обращение с описанием положительных изменений в жизни авторов на новом месте. Анализ содержания позволяет предположить, что тексты подвергались литературной обработке и стандартизации в соответствии с пропагандистскими задачами.

Важную роль в распространении подобных материалов на территории Молотовской области играла местная многотиражная пресса. Характерный пример — газета «Лесник Прикамья», которая в 1955 г. размещала в специальных выпусках подобные письма переселенцев с рассказами об их новом быте и условиях труда. Эта практика демонстрирует, как персональные истории использовались в качестве инструмента формирования положительного образа переселенческой программы[1].

Анализ публикаций помогает понять, как изменилась тональность агитации всего за несколько прошедших лет. В письмах переселенцев прослеживается характерный акцент на преодолении трудностей, что перекликается с традиционными нарративами сталинской эпохи. Однако содержательный анализ этих текстов позволяет выявить существенную трансформацию ценностных ориентиров: если в более ранний период главной целью представлялось служение общегосударственным интересам, то в материалах 1950-х гг. на первый план выходит мотив личного материального благополучия. Социальное признание и уважение коллектива в этих историях приобретают второстепенное значение, выступая скорее как дополнительное следствие, а не как основная цель трудовых достижений.

Эта смысловая эволюция отражает изменения в официальной пропаганде послесталинского периода, когда акцент постепенно смещался с коллективистских ценностей на индивидуальные материальные стимулы.

> «Дали нам квартиру и очень скоро мы обзавелись всем необходимым… Денег с избытком хватает для того, чтобы хорошо питаться и прилично одеваться. В последнее время мы сделали много ценных покупок… Лесной поселок стал для меня родным домом», — писал один из работников Осинского леспромхоза[2].

В письмах так или иначе присутствует мотив преодоления бытовых трудностей и адаптации на новом месте, однако герои, в конце концов, достигают успеха, под которым понимается строго материальное — покупка дома, приусадебного участка, различных вещей, включая одежду, предметы быта, личный транспорт. Те же, кто побоялся трудностей и уехал из леспромхоза, глядя на своих оставшихся товарищей, «кусают локти»[3].

Тема «обратничества» неоднократно поднимается в агитационных материалах. Переселенцев, испугавшихся трудностей и быстро уехавших, называют «гастролерами», причиняющими государству урон[4]. Однако уехавшие выставлены скорее не как предатели, а как упустившие собственную выгоду и возможность приобретения материальных благ[5].

Таким образом, в письмах переселенцев сознательно сохранялись упоминания о трудностях, что выполняло важную психологическую функцию — заранее готовило потенциальных мигрантов к неизбежным испытаниям. Этот нарратив выстраивал определенную траекторию личностной трансформации: от бедного, социально неопределенного сельского жителя к состоятельному и социаль-

[1] Лесник Прикамья. Орган лесопромышленных комбинатов «Молотовлес» и «Комипермлес» обкома профсоюзов рабочих лесной и бумажной промышленности. Специальный выпуск. 1955. Сентябрь / под ред. Б. И. Базенковой. Молотов, б/и.; Лесник Прикамья. Орган лесопромышленных комбинатов «Молотовлес» и «Комипермлес» обкома профсоюзов рабочих лесной и бумажной промышленности Специальный выпуск. 1955. Октябрь / под ред. Г. Гросланда. Молотов, б/и.
[2] Лесник Прикамья. 1955. Сентябрь. С. 3.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] Там же.

но признанному квалифицированному работнику. Подобная риторика не только снижала риск разочарования, но и создавала привлекательную модель социального лифта, где преодоление временных трудностей гарантировало существенное улучшение материального положения и социального статуса. К примеру, в письме электромоториста из Калужской области Ильи Голыжбина, говорится о том, что «Урал сурово встретил переселенцев»: лесопункт представлял собой два необжитых барака, вокруг которых простирался непроходимый лес[1].

Редакционная политика газеты «Лесник Прикамья» отличалась целенаправленным подбором тематики, рассчитанной на различные социальные группы. Яркой иллюстрацией этого подхода стало письмо переселенца из Калуги Михаила Карпова, в котором особый акцент делался на благоприятных условиях для воспитания детей в лесных поселках Молотовской области[2]. Подобные публикации демонстрировали стратегический подход редакции к пропаганде переселения, когда через индивидуальные истории транслировались конкретные преимущества, способные заинтересовать определенные категории граждан — в данном случае семьи с детьми.

Как и в агитационных материалах позднего сталинского периода, в пропаганде середины 1950-х гг. сохранялся акцент на государственной значимости труда лесозаготовителей. Однако в новых условиях этот тезис дополнялся конкретными социальными гарантиями: переселенцам в Молотовскую область предлагалось не только бесплатное профессиональное обучение в местных лесотехнических учебных заведениях, но и перспектива «увлекательного труда» в леспромхозах региона (их насчитывалось более 50). Такая подача сочетала традиционную патриотическую риторику с новыми элементами социальной поддержки, характерными для послесталинского периода. Указывались конкретные суммы, которые зарабатывают работники леса — до 5 тыс. руб., в зависимости от должности.

В агитационных материалах переселенцам в Молотовскую область рисовали привлекательную картину жизни, выходящую далеко за рамки просто высокого заработка. Пропагандистские брошюры и публикации акцентировали внимание на комплексных социальных благах: проживании в современных благоустроенных посёлках со всей необходимой инфраструктурой, доступном и разнообразном питании, насыщенном ассортименте товаров в магазинах. Особое место занимали упоминания о возможностях отдыха и лечения в советских санаториях, а также перспективах насыщенной культурной и духовной жизни. Эти обещания формировали образ территории не просто как места работы, а как пространства для полноценной и комфортной жизни.

Анализируя материалы «Лесника Прикамья» на предмет основных пропагандистских приемов, можно, в первую очередь, отметить лозунговый характер заголовков: «Добро пожаловать к нам, на Урал!», «Стране нужен лес, в лесу нужны люди»[3]. Кроме того, расчет делался на «эффект присоединения к большинству»[4]. Истории людей, обустроившихся на новом месте, отражали их позитивный опыт. В агитационных материалах особое место занимали истории успешной адаптации переселенцев, которые подавались как типичные примеры благополучного обустройства на новом месте. При описании возможностей лесной промышленности Молотовской области редакции активно использовали прием гиперболизации — производственные мощности, условия труда и перспективы карьерного роста нередко преподносились в преувеличенно оптимистичном ключе (например, «край безбрежных лесов»). Характерной чертой таких публикаций было обильное использование восторженных эпитетов и оценочных характеристик при описании природных богатств и экономического потенциала региона. Подобная стилистика создавала эмоционально привлекательный образ территории, призванный компенсировать потенциальным переселенцам тревогу перед переездом.

Таким образом, можно отметить, что всего за несколько лет тональность агитационных материалов поменялась. При сохранении тем патриотизма и необходимости преодоления трудностей на первый план выходит тема материального благополучия: оставшиеся на своей малой родине должны были ощутить шаткость своего положения в сравнении с земляками-мигрантами, которым пришлось нелегко, но которые были вознаграждены за упорство и труд новой профессией, стабильным доходом и уверенностью в будущем.

[1] Лесник Прикамья. 1955. Октябрь. С. 3.
[2] Там же.
[3] Там же. С. 3.
[4] Там же. С. 1.

Феномен «писем земляков» как инструмента агитации выполнял двойственную функцию. С одной стороны, эти тексты оказывали сильное эмоциональное воздействие через узнаваемые житейские истории. С другой — они сознательно включали описания трудностей, выполняя важную регулирующую роль: заранее адаптировали переселенцев к реальным условиям работы, предотвращая массовый отток работников после получения «подъемных».

Характерно, что даже в письмах, откровенно рассказывающих о суровых условиях труда в леспромхозах (нехватка жилья, тяжелый физический труд, суровый климат), неизменно присутствовала четкая сюжетная арка — от первоначальных трудностей к их успешному преодолению и обустройству. Такая нарративная структура, где любые проблемы подавались как временные и преодолимые, создавала у потенциальных мигрантов психологическую установку на неизбежность и оправданность первоначальных лишений. Агитация не являлась ложью, она лишь приукрашивала позитивные и оттеняла негативные аспекты переселения.

Заключение

Таким образом, в ходе исследования были изучены печатные агитационные материалы, характеризующие миграционные процессы в СССР в послевоенный период, когда советская агитационная машина столкнулась с явным противоречием. Анализ агитационных брошюр как первичной формы агитации, направленной на потенциальных переселенцев, позволил выделить основные техники пропаганды, а газетных материалов — выявить и сравнить основные агитационные нарративы.

В результате можно сделать следующие выводы. С одной стороны, агитация сталинского периода должна была делать акцент на партийности и коллективизме, на долге и ответственности перед родиной, то есть на нематериальной стороне вопроса. С другой стороны, запрос общества на индивидуализацию и более комфортную жизнь, проявившийся вскоре после смерти И. В. Сталина, приводил к тому, что на первый план стала стремительно выходить материальная сторона вопроса. Сравнивая публикации многотиражек периода конца 1940-х гг. с аналогичными материалами середины 1950-х гг. и с агитационными брошюрами этого периода, мы видим, как происходит возврат к дореволюционной «буржуазной» культуре среднего класса. Возможность получить образование, специализацию и материальные блага в агитационных материалах не могут — хотя бы в силу несменяемости официального дискурса — полностью затмить собой «чувство долга» и «приобщения к великому», однако именно сытость, комфорт и возможность приобрести дорогостоящие предметы быта постепенно выходят на первый план.

В этом отношении показательны исследования социального историка Л. Зигельбаума, установившего связь между «автомобилизацией» советских граждан в позднем СССР и постепенным размыванием советской идеи, поскольку автомобиль привносил в повседневные практики граждан ценности, близкие к западной культуре (Siegelbaum, 2009). И если переселенцы СССР в 1950-е гг. пока не могли себе позволить автомобиль, в качестве замены им предлагалось хорошее питание, предметы одежды, мебели и двухколесные транспортные средства. Аналогичную ситуацию мы наблюдаем и в агитационных брошюрах середины и второй половины 1950-х гг.: используя вполне традиционные техники пропаганды, авторы делают акцент на том, что переселение — будь то в леспромхозы Урала или целинные земли Сибири — это не исполнение долга перед партией, а билет в лучшую жизнь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абылкаликов, С. И. (2021) Особенности демографического развития Тувы: вклад миграции в демографический баланс // Новые исследования Тувы. № 4. С. 131–142. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.10

Анайбан, З. В. (1995) Динамика численности населения республики Тува // Ученые записки / ТНИИЯЛИ / отв. ред. Ю. Л. Аранчын. Кызыл : б/и. Вып. XVIII. 200 с. С. 23–30.

Барабаш, Н. В. (2007) Формы и методы агитационно-пропагандистской работы среди переселенцев в середине 1940-х — 1950-е гг. // Европа: актуальные проблемы этнокультуры: материалы Междунар. науч.- теорет. конф., Минск, 27 апр., 2007 г. / редкол. В. В. Тугай и др. Минск : БГПУ. 354 с. С. 317–319.

Воробьева, О. Д., Рыбаковский, Л. Л., Рыбаковский, О. Л. (2016) Миграционная политика России: история и современность. М. : Экон-Информ. 192 с.

Глушков, А. В. (2024) Добровольные трудовые переселенцы в лесной промышленности Молотовской области в 1950-е гг.: притягивающие факторы // Вестник Томского государственного университета. № 498. С. 70–79. DOI: https://doi.org/10.17223/15617793/498/8

Глушков, А. В., Козлова, К. О., Исмакаева, И. Д. (2024) Брошюры как форма пропагандистских материалов в период добровольных переселенческих кампаний в СССР в конце 1950-х — начале 1960-х гг. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. № 1. С. 75–84.

Горбачев, О. В. (2003) Организованная миграция из села Центрального Нечерноземья во второй половине 1940-х — 1960-е годы // Вопросы истории. № 2. С. 138–148.

Зайончковская, Ж. А. (1972) Новоселы в городах (методы изучения приживаемости). М. : Статистика. 164 с.

Кан, В. С. (2015) Этапы становления и развития периодической печати Тувы (1924–1985) // Вестник Омского университета. № 2. С. 121–125.

Крылова, А. (2016) «Советская современность»: Стивен Коткин и парадоксы американской историографии [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. № 4 (108). URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyy_zapas/108_nz_4_2016/article/12105/?ysclid=m7eegczih3597895054 (дата обращения: 25.04.2025).

Мальцев, А. А. (2010) Особенности послевоенных миграций в сельской местности Среднего Поволжья (1946-1955 годы) // Вестник Самарского государственного университета. №. 79. С. 84–86.

Мотревич, В. П. (2005) Сельскохозяйственное переселение на Урал в 1940-е–1950-е годы // Этнодемографические процессы на Севере Евразии / отв. ред. И. Л. Жеребцов. Сыктывкар : Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Вып. 2. 172 с. С. 98–104.

Ооржак, В. О. (2023) Лесная промышленность горного региона: оценка территориальной организации и рисков развития (по материалам республики Тыва) // Горная промышленность. № 4. С. 97–100. DOI: https://doi.org/10.30686/1609-9192-2023-4-97-100

Пушкин, И. А. (2016) Сельскохозяйственное и промышленное переселение белорусов в Карелию (опыт Могилевской области). Минск : БГУ. 63 с.

Слёзкин, Ю.Л. (2020) Дом правительства. Сага о русской революции. М. : CORPUS. 976 с.

Харунова, М. М.-Б., Харунов, Р. Ш. (2021) Особенности формирования городского расселения в Туве в советский период // Новые исследования Тувы. № 3. С. 137–147. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.11

Чернышева, Н. В., Бровцин, А. В. (2015) Трудовые миграции населения Кировской области в 1945–1967 годы. Киров : Радуга-Пресс. 234 с.

Юрчак, А. (2022) Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М. : Новое литературное обозрение. 664 с.

Da San Martino, G., Yu, S., Barron-Cedeno, A., Petrov, R., Nakov, P. (2019) Fine-grained analysis of propaganda in news article // Proceedings of the 2019 conference on empirical methods in natural language processing and the 9th international joint conference on natural language processing. Ed. by Inui K., Jiang J., Wan X. Hong Kong : Association for Computational Linguistics. 6461 p. P. 5636–5646. DOI: https://dx.doi.org/10.18653/v1/D19-1565

Kotkin, S., Richardson, W. (1995) Magnetic Mountain: Stalinism as a civilization // History: Reviews of New Books. Vol. 24. №. 1. P. 37–38. DOI: https://doi.org/10.1080/03612759.1995.9949203

Siegelbaum, L. (2008) Cars for comrades. The life of the Soviet automobile. Cornell University Press. 328 p.

Дата поступления: 20.05.2025 г.
Дата принятия: 29.08.2025 г.

REFERENCES

Abylkalikov, S. I. (2021) Features of the demographic development of Tuva: the contribution of migration to the demographic balance. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 131–142. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.10

Anaiban, Z. V. (1995) Dynamics of the population of the Republic of Tuva. In: *Scientific Notes* / TNIYALI / ed. by Yu. L. Aranchyn. Kyzyl, s. n. Issue XVIII. 200 p. Pp. 23–30. (In Russ.)

Barabash, N. V. (2007) Forms and methods of agitation and propaganda work among resettlers in the mid-1940s-1950s. In: *Europe: Topical Problems of Ethnoculture:* Materials of the International Theoretical Conference, Minsk, April 27, 2007 / editorial board V. V. Tugai et al. Minsk, BSPU. 354 p. Pp. 317–319. (In Russ.)

Vorobyeva, O. D., Rybakovsky, L. L., Rybakovsky, O. L. (2016) *Migration policy of Russia: history and modernity.* Moscow, Ekon-Inform, 192 p. (In Russ.)

Glushkov, A. V. (2024) Voluntary labor migrants in the forest industry of Molotov Oblast in the 1950s: attracting factors. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 498, pp. 70–79. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.17223/15617793/498/8

Glushkov, A. V., Kozlova, K. O. and Ismakayeva, I. D. (2024) Brochures as a form of propaganda materials during voluntary resettlement campaigns in the USSR in the late 1950s and early 1960s. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, no. 1, pp. 75–84. (In Russ.)

Gorbachev, O. V. (2003) Organized migration from the countryside of the Central Non-Black Earth Region in the second half of the 1940s–1960s. *Voprosy istorii*, no. 2, pp. 138–148. (In Russ.)

Zaionchkovskaya, Zh. A. (1972) *New settlers in cities (methods of studying adaptation).* Moscow, Statistika. 164 p. (In Russ.)

Kan, V. S. (2015) Stages of establishment and development of Tuva's periodical press (1924–1985). *Vestnik Omskogo universiteta*, no. 2, pp. 121–125. (In Russ.)

Krylova, A. (2016) "Soviet modernity": Stephen Kotkin and the paradoxes of American historiography [online]. *Neprikosnovennyy zapas*, no. 4 (108) [online] Available at: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyy_zapas/108_nz_4_2016/article/12105/?ysclid=m7eegczih3597895054 (accessed: 25.04.2025). (In Russ.)

Maltsev, A. A. (2010) Features of postwar migrations in rural areas of the Middle Volga region (1946–1955). *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 79, pp. 84–86. (In Russ.)

Motreovich, V. P. (2005) Agricultural resettlement to the Urals in the 1940s–1950s. In: *Ethnodemographic Processes in the North of Eurasia* / ed. by I. L. Zherebtsov. Syktyvkar, Institute of Language, Literature and History of the Komi Scientific Center, Ural Branch of RAS. Issue 2. 172 p. Pp. 98–104. (In Russ.)

Oorzhak, V. O. (2023) The forest industry of a mountain region: assessment of spatial organization and development risks (based on materials from the Republic of Tuva). *Gornaya promyshlennost'*, no. 4, pp. 97–100. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.30686/1609-9192-2023-4-97-100

Pushkin, I. A. (2016) *Agricultural and industrial resettlement of Belarusians in Karelia (experience of Mogilev region).* Minsk, Belarusian State University. 63 p. (In Russ.)

Slezkin, Yu. L. (2020) *The House of Government: A Saga of the Russian Revolution.* Moscow, CORPUS. 976 p. (In Russ.)

Kharunova, M. M.-B. and Kharunov, R. Sh. (2021) Features of the formation of urban settlement in Tuva in the Soviet period. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 137–147. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.11

Chernysheva, N. V. and Brovtsin, A. V. (2015) *Labor migrations of the population of Kirov Oblast in 1945–1967.* Kirov, Raduga-Press. 234 p. (In Russ.)

Yurchak, A. (2022) *Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation.* Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 664 p. (In Russ.)

Da San Martino, G., Yu, S., Barron-Cedeno, A., Petrov, R. and Nakov, P. (2019) Fine-grained analysis of propaganda in news article. In: *Proceedings of the 2019 conference on empirical methods in natural language processing and the 9th international joint conference on natural language processing*. Ed. by Inui K., Jiang J., Wan X. Hong Kong, Association for Computational Linguistics. 6461 p. Pp. 5636–5646. DOI: https://dx.doi.org/10.18653/v1/D19-1565

Kotkin, S. and Richardson, W. (1995) Magnetic Mountain: Stalinism as a civilization. *History: Reviews of New Books*, vol. 24, no. 1, pp. 37–38. DOI: https://doi.org/10.1080/03612759.1995.9949203

Siegelbaum, L. (2008) *Cars for comrades. The life of the Soviet automobile*. Cornell University Press. 328 p.

Submission date: 20.05.2025.
Acceptance date: 29.08.2025.

DOI: 10.25178/nit.2025.4.8

Статья

Два подхода к дифференциации терминов миграционных исследований (по данным корпусного анализа)

Татьяна М. Пермякова, Елизавета А. Смирнова
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация

В статье выполнен количественный и качественный анализ терминов английского языка, связанных с изучением миграции. Источниками выступили научно-исследовательские статьи по социальным наукам, опубликованные в период с 2018 по 2020 гг. в международных журналах 1-го квартиля в наукометрической базе Scopus. Корпусно-лингвистическое исследование решает две задачи: определение функционирующих систем терминов в научных статьях, описание их дисциплинарной принадлежности по признакам семантических полей. Выделен корпус текстов объемом около 280 тыс. слов, обработанных с помощью функций конкорданса и списка ключевых слов программы AntConc. В текстах определялись двусловные сочетания, содержащие единицы migration и migrant(s). Качественный анализ семантики единиц служил дополнительной верификацией к семантической дифференциации.

Результаты исследования показывают, что с точки зрения семантического анализа терминов в настоящее время формируются два подхода к изучению миграции: во-первых, это время-ориентированное изучение, а во-вторых, это предметно-ориентированное исследование миграции в рамках определенных дисциплин.

В результате анализа установлено, что поле миграционных исследований структурировано, во-первых, вокруг изучения сообществ или индивидуального опыта, а во-вторых, вокруг временного или предметного подходов, которые часто сочетаются. Также выявлено, что устоявшаяся терминология характерна для экономики, образования и госуправления, тогда как история, география и психология еще не выработали собственного аппарата для этого явления.

Ключевые слова: *корпусная лингвистика; миграционный дискурс; семантическая категория; коллокация; миграция; термин миграции*

Статья подготовлена в рамках научного проекта «Миграции в социально-экономическом, демографическом, культурном и человеческом измерении (кейсы Пермского края и Республики Тыва в 1920-х — начале 1960-х гг.)» по программе «Зеркальные лаборатории» НИУ ВШЭ.

Для цитирования:
Пермякова Т. М., Смирнова Е. А. Два подхода к дифференциации терминов миграционных исследований (по данным корпусного анализа) // Новые исследования Тувы. 2025. № 4. С. 122-136. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.8

Пермякова Татьяна Михайловна — доктор филологических наук, профессор департамента иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: Россия, г. Пермь, 614070, ул. Студенческая, д. 38. Эл. адрес: tpermayakova@hse.ru

Смирнова Елизавета Александровна — кандидат филологических наук, доцент департамента иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: Россия, г. Пермь, 614070, ул. Студенческая, д. 38. Эл. адрес: easmirnova@hse.ru

Article

Two approaches to differentiation of migration research terms (based on corpus analysis data)

Tatiana M. Permyakova, Elizaveta A. Smirnova
HSE University, Russian Federation

The article presents a quantitative and qualitative analysis of English-language terms related to the study of migration. The sources used were research articles in the social sciences published between 2018 and 2020 in international first-quartile journals indexed in the Scopus database. The corpus-linguistic study addresses two objectives: to identify functioning systems of terms in scientific articles and to describe their disciplinary affiliation based on the criteria of semantic fields. A corpus of texts amounting to approximately 280,000 words was compiled and processed using the concordance and keyword list functions of the AntConc software. Within the texts, two-word combinations containing the units migration and migrant(s) were identified. The qualitative analysis of the semantics of these units served as an additional verification of their semantic differentiation.

The results of the study indicate that, from the perspective of semantic analysis of terms, two approaches to the study of migration are currently emerging: first, a time-oriented approach, and second, a subject-oriented approach within specific disciplines.

The analysis further establishes that the field of migration studies is structured, on the one hand, around the study of communities or individual experience, and on the other, around temporal or subject-based approaches, which often intersect. It was also found that established terminology is characteristic of economics, education, and public administration, while fields such as history, geography, and psychology have yet to develop their own consistent conceptual frameworks for this phenomenon.

Keywords: *corpus linguistics; migration discourse; semantic category; collocation; migration; migration term*

Financing
This publication was prepared with financial support from the National Research University Higher School of Economics (project 'Migrations in socio-economic, demographic, cultural and human dimensions (cases of the Perm Krai and the Republic of Tuva in the 1920s — early 1960s)').

For citation:
Permyakova T. M. and Smirnova E. A. Two approaches to differentiation of migration research terms (based on corpus analysis data). *New Research of Tuva*, 2025, no. 4, pp. 122-136. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.8

PERMYAKOVA, Tatiana Mikhailovna, Doctor of Philology, Professor, Department of Foreign Languages, HSE University. Postal address: 38 Studencheskaya St., 614070, Russia, Perm. E-mail: tpermayakova@hse.ru
ORCID: 0000-0003-4960-5038

SMIRNOVA, Elizaveta Alexandrovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages, HSE University. Postal address: 38 Studencheskaya St., 614070, Russia, Perm. E-mail: easmirnova@hse.ru
ORCID: 0000-0001-9307-6773

Введение

В XXI в. феномен миграции находится на переднем крае политических, социальных и культурных дебатов во всем мире, привлекая пристальное внимание социологов, историков, политологов и экономистов, которые публикуют свои исследования по этой теме в том числе в научных журналах. Общеизвестно, что роль науки является центральной в создании, формировании и воспроизводства не только общественного мнения, но и терминологии определенной области знаний, описывающей текущие тенденции в той или иной сфере и определяющей направление дальнейших исследований (Рыбаковский, 2020).

Одной из задач ученого является порождение терминов для воплощения нового знания в материальной форме. Формирование терминологии также означает вербальную фиксацию взаимоотношения между исследователем и исследуемым объектом (Волох, 2015). Тем самым создатели терминологии фактически «задают» исследовательскую повестку, а также опосредуют опыт, связанный с изменением позиции знания как центральной или периферийной в научных дискуссиях (Raheim et al., 2016). Однако на сегодняшний момент лишь немногие работы затрагивают вопрос терминологии в относительно новой области изучения — исследований миграции.

В настоящей работе предпринята попытка провести количественный и качественный анализ англоязычной терминологии миграции, которая рассматривается как «единая область специализированной терминологии» (Mariani, 2021: 35). Основой исследования послужил корпус современных англоязычных научных статей по социальным наукам, опубликованных в ведущих международных журналах. Был проведен комплексный — количественный и качественный — анализ терминов, связанных с изучением миграции, в корпусе научных статей по социальным наукам.

В данной работе анализируются двусловные термины, содержащие слова *migrant* и *migration*, из корпуса научных статей. В данном исследовании мы сосредоточимся на двухсловных терминах, поскольку в предыдущих исследованиях было доказано, что именно двухсловные сочетания являются наиболее частотными терминами в словарях технической терминологии по различным предметам, так как «когда исконно английские формы используются для создания новых терминов, чаще всего требуется не менее двух слов, чтобы адекватно определить значение» (Justeson, Katz, 1995: 13). Предположительно, результаты анализа терминов могут уточнить области исследований миграции, а также помочь определить возможные направления дальнейших исследований.

В рамках работы сформулированы два исследовательских вопроса:

1. Какие статистически значимые двухсловные термины используются в исследовательских статьях, посвященных миграции?

2. Какие области знаний характеризуют термины миграции в семантическом аспекте?

Цель исследования — установить дифференциальную семантику функционирующих терминов в текстах научных статей, посвященных миграционным исследованиям (2018–2020 гг.). Достижение цели сопряжено с двумя задачами: во-первых, выявить термины, связанные с миграцией, функционирующие в статьях, и, во-вторых, классифицировать их по семантическим полям (Wilson, Rayson, 1993), чтобы раскрыть ключевые аспекты исследуемой темы, а также возможные тенденции в изучении миграции.

Процедура определения терминов, а также характеристика источниковой базы научных журналов, приводится далее в разделе «Данные и метод».

Исследования миграции в лингвистической перспективе

Стремительное развитие миграционных исследований стало самостоятельным предметом изучения, поскольку перед учеными встала задача проследить теоретическую и концептуальную институционализацию новой исследовательской области. Комплексная работа А. Писаревской и др. (Pisarevskaya et al., 2020) основана на тематическом моделировании библиометрических данных, позволяющем выявить разнообразие и связанность тем в данной сфере знания. Однако, по мнению А. Амелиной, изучение терминологии в миграционных исследованиях часто сосредоточено сугубо на процессах, превращающих «(им)мобильных индивидов в ‘мигрантов’, а географические перемещения через политико-территориальные границы — в ‘миграцию’» (Amelina, 2021: 1). Так, П. Пейс и К. Северанс дополняют, что миграционная терминология выходит далеко за рамки простой семантики,

а значение ее изучения может иметь серьезные последствия. В частности, при игнорировании специфики терминологии возникает вероятность ущемления прав мигрантов или предвзятости социальной полемики (Pace, Severance, 2016). С таким заключением схожи выводы О. Гулиной (Gulina, 2016), сделанные в ходе исследования миграционной терминологии русского и немецкого языков.

В одном из обзоров П. Левитт и Н. Яворский (Levitt, Jaworsky, 2007) отмечают, что, поскольку миграционная наука как междисциплинарная область меняется, исследователи стремятся описать и проанализировать эту динамику во всей полноте, и в связи с этим находят и используют новые методологические инструменты. Следствием этих исследований является появление новых перспективных научных работ и определение будущих направлений исследований. В этом отношении вопрос терминологического анализа становится критически важным, поскольку он способствует разрешению противоречий и переосмыслению социокультурного аспекта в концептуальных рамках того или иного направления исследований миграции (Ткаченко, 2020). Он предлагает не только системное решение моно- и мультиязычных проблем языка и перевода, но и развитие междисциплинарной коммуникации через репрезентацию и передачу лингвистических знаний, экспертные базы данных, уточнение существующих теорий и совершенствование социальных практик.

Функционирование слов, связанных с темой миграции, изучается в различных типах дискурсов, в том числе в медиадискурсе, который играет решающую роль для понимания миграции и ее последствий участниками и потребителями СМИ, а также самими мигрантами и группами этнических меньшинств (Wood, King, 2001). Репрезентация мигрантов в СМИ в разных странах и регионах исследовалась в ряде работ (см., напр.: Пешкова, 2016; Саакян, 2023; Усманов, Тажиев, 2012; Якимова, 2015).

Различные методологии изучения репрезентации (им)мигрантов в различных типах дискурсов подчеркивают социокультурную роль языка и опосредованную языковую специфику (Калыгина, 2009; Якимова, 2020). Они указывают на необходимость изучения сложных вопросов личности (им)мигранта и отношения к мигрантам. Именно поэтому в некоторых исследованиях лингвистическая перспектива репрезентации иммигрантов сочетается с социолингвистической. Например, по заключению О. С. Ана (Ana, 1999), метафорические фреймы, дегуманизирующие рабочих-иммигрантов, могут влиять на общественное восприятие. С этим согласуются идеи авторов В. Эссес и др. (Esses et al., 2013), изложенные в статье об освещении средствами массовой информации иммиграционной политики. В исследованиях утверждается, что иммигранты и беженцы подвергаются дегуманизации, их изображают как террористов, как носителей инфекционных заболеваний, как угрозу безопасности в разных странах (см. также: Скребцова, 2015).

За последние десятилетия появляется все больше исследований, посвященных лингвистическому анализу темы миграции, где используются методы корпусной лингвистики (Саакян, 2023). Такой методологический подход дает ученым ряд преимуществ, наиболее существенные из которых — возможность быстро обрабатывать большие объемы данных и эффективно выявлять значимые словосочетания. Например, П. Бейкер и соавторы[1], проанализировав корпус из 175000 британских газетных статей 1996–2005-х гг., предложили классификацию групп мигрантов — *refugees* (беженцы), *asylum seekers* (просители убежища), *immigrants* (иммигранты) и *migrants* (мигранты). Они обнаружили, что значительная часть британских широкополосных газет и таблоидов склонна использовать одни и те же словосочетания для описания мигрантов. Это позволило им сделать вывод о существовании устойчивых моделей, лежащих в основе дискурса, связанного с мигрантами.

Другим примером лингвистического анализа миграции служит работа Д. Арчер и П. Рэйсона[2], в которой авторы применили систему семантического анализа (*UCREL Semantic Annotation Scheme* — USAS) для маркировки данных интернет-ресурса по вынужденной миграции (*Forced Migration Online* — FMO, руководитель проекта — Дж. Пилбим). Данный интернет-ресурс содержит правительственные документы, научные статьи, юридические тексты, газетные публикации и другие многочисленные материалы по теме миграции. Полученные результаты затем сравнивались с Международным те-

[1] Baker P., McEnery T., Gabrielatos C. Using collocation analysis to reveal the construction of minority groups: The case of refugees, asylum seekers and immigrants in the UK press // *Corpus Linguistics*. Paper presented at Corpus Linguistics. University of Birmingham, Birmingham, UK, 2007.
[2] Archer D., Rayson P. Using the UCREL automated semantic analysis system to investigate differing concerns in refugee literature. // Proceedings of the Keywords Workshop. 2004, February. Pp. 5–6.
[3] International Thesaurus of Refugee Terminology. Главная страница [Электронный ресурс] // International Thesaurus of Refugee Terminology. URL: http://www.refugeethesaurus.org/ (дата обращения: 03.02.2025)).

заурусом терминологии беженцев (*International Thesaurus of Refugee Terminology* — ITRT[3], создатель — П. Кэмпбелл), который используется для обеспечения тематического поиска в интернет-ресурсе. Ученые пришли к выводу, что система семантического анализа может быть использована в качестве связующего компонента между Международным тезаурусом терминологии беженцев и данными интернет-ресурса по миграции. Этим самым пользователю предоставляется информация о соответствующих терминах или подклассах терминов тезауруса в конкретном наборе данных. Семантический анализ способен также выявить такие области значений единиц, которые на конкретный момент не включены в тезаурус.

Анализ ранее проведенных исследований показывает, что созданы предпосылки для более детального изучения терминологии, связанной с миграцией, в дискурсе широкого круга социальных наук. Полагаем, что лингвистический анализ миграции, направленный на изучение формирования значений в различных контекстах, таких как асимметрия власти, культурные установки или правовые рамки интерпретаций (Verschueren, 2008), наряду с применением инструментов корпусной лингвистики, может быть перспективным для выявления и классификации терминологии, связанной с миграцией.

Данные и метод

Анализ основан на корпусе научных статей объемом 281 000 слов, опубликованных в рецензируемых журналах, посвященных миграции. Выборка включает следующие журналы: *Journal of Ethnic and Migration Studies* (JEMS) (6 статей), *Journal of International Migration and Integration* (JIMI) (7 статей), *International Migration* (IM) (6 статей), *International Migration Review* (IMR) (7 статей), *Comparative Migration Studies* (CMS) (7 статей), *Migration Letters* (ML) (7 статей) и *Remittances Review* (RR) (6 статей). Всего в корпус вошло 46 статей из 7 журналов. Все тексты были опубликованы в период с 2018 г. по 2020 г. В названиях отобранных статей присутствуют слова *migration* или *migrant(s)*, чтобы обеспечить большое количество результатов по терминологии, связанной с темой.

Собранные данные были обработаны с помощью программы AntConc[1] функционалами конкорданса (Concordance) и ключевых слов (Keyword List) для выявления специфических терминов, связанных с дискурсом миграционных исследований. На первом этапе анализа использована функция ключевых слов, чтобы выявить слова, которые значительно чаще используются в целевом корпусе по сравнению с референтным корпусом. Эталонный корпус, насчитывающий примерно 775 000 слов, представляет собой широкий спектр академического дискурса. Он состоит из научных статей по восьми дисциплинам: химии, физике, математике, инженерии, бизнес-исследованиям, истории, лингвистике и политологии. Статьи референтного корпуса (всего 105) были опубликованы в ведущих научных журналах, индексируемых в первом квартиле (согласно метрике SJR) Scopus, в 2016 и 2017 гг. Таким образом, референтный корпус представляет собой академический дискурс в целом, с которым сравнивается целевой корпус. На втором этапе полученные результаты были подвергнуты количественному анализу с помощью функции конкорданса для определения терминов, включающих ключевые слова.

В данной работе использованы показатели MI (mutual information) — score и t-score в качестве статистических значений силы коллокаций. Значения показателей 3.00 и 2.00 соответственно традиционно используются в корпусной лингвистике для разграничения коллокаций, которые являются «лингвистически интересными» и не являются таковыми (см., напр.: Church, Hanks, 1990: 24). Эта идея поддерживается Т. МакЭнери и соавторами, которые утверждают, что значение MI, большее или равное 3, может рассматриваться «как доказательство того, что два слова являются коллокатами» (McEnery, Xiao, Yukio, 2006: 56), в то время как t-score, большее или равное 2, «обычно считается статистически значимым» (там же: 57).

Результаты корпусного анализа терминов миграционных исследований

Ожидаемо, согласно гипотезе, тремя ключевыми словами, отсортированными по значимости, оказались *migration*, *migrants* и *migrant* (см. *табл. 1*).

[1] Anthony L. AntConc (Version 3.4.4) [Computer Software]. Tokyo: Waseda University, 2014.

Таблица 1. Три самых частотных ключевых слова, отсортированные по значимости.
Table 1. Top 3 most frequent keywords sorted by significance.

Ранг	*Частотность*	*Хи-квадрат*	*Ключевое слово*
1	2673	7394,114	Migration
2	1789	4947,197	Migrants
3	1107	3064,182	Migrant

С учетом того, что термин определяется как лексическая метка в специальном языке конкретной области, обозначающая «определенную концепцию в знаниях этой области» (см.: Ahmad et al., 1994: 269), мы предполагаем, что ключевые слова могут рассматриваться как термины и, скорее всего, будут частью составных терминов.

Для получения двухсловных терминов, включающих ключевые слова, были отсортированы ближайшие правые и левые коллокаты слов *migrant, migrants* и *migration* в алфавитном порядке, а затем вручную выбраны те, чей диапазон был больше двух. Правосторонние коллокаты слова *migrants* не рассматривались, поскольку в английском языке существительное во множественном числе обычно не выступает в качестве левого компонента двухсловного термина. Затем сила всех двухсловных коллокатов была проверена на статистическую значимость. Результаты анализа представлены в *таблицах 2–5*.

В *таблице 2* представлены статистически значимые правосторонние коллокаты слова *migrant* в корпусе, упорядоченные по частоте. Столбец «Частотность» показывает абсолютную частотность в корпусе; столбец «Диапазон» означает количество текстов, в которых был использован конкретный термин.

Таблица 2. Правосторонние коллокаты слова migrant.
Table 2. Right-hand collocates of the word migrant.

Термин	*Частотность*	*Диапазон*	*t-score*	*MI-Score*
Migrant household(s)	100	8	9.708	5.099
Migrant worker/s	91	11	9.353	5.679
Migrant mother(s)	86	3	9.184	6.701
Migrant integration	65	4	7.869	5.385
Migrant woman/women	44	7	6.293	4.286
Migrant child(ren)	41	5	6.107	4.436
Migrant population/s	26	16	4.900	4.678
Migrant group/s	23	7	4.412	3.645
Migrant care	16	3	3.734	3.912
Migrant background	15	3	3.774	5.295
Migrant community/ies	15	9	3.620	3.935
Migrant sending	14	7	3.591	4.636
Migrant man/men	10	3	2.942	3.843
Migrant receiving	10	6	3.014	4.416
Migrant characteristics	9	3	2.776	3.741
Migrant professionals	9	2	2.946	5.801
Migrant labourer(s)	6	2	2.427	6.766

Таблица 3. Правосторонние коллокаты слова migration.
Table 3. Right-hand collocates of the word migration.

Термин	*Частотность*	*Диапазон*	*t-score*	*MI-Score*
Migration policy/ies	132	14	10.896	4.275
Migration studies	125	17	10.789	4.837
Migration decision/s	27	9	4.940	4.342
Migration management	42	2	6.372	5.900

Migration-related	47	11	6.490	4.227
Migration research	40	9	5.632	3.190
Migration flow/s	34	11	5.647	4.984
Migration decision-making	18	2	4.144	5.427
Migration experience/s	29	9	4.856	3.346
Migration governance	19	4	4.285	5.877
Migration researcher/s	19	5	4.126	4.223
Migration background/s	20	5	4.213	4.108
Migration theory/ies	17	5	3.833	3.827
Migration pattern/s	18	10	3.898	3.620
Migration project/s	15	5	3.645	4.084
Migration scholars	15	9	3.640	4.054
Migration aspiration/s	13	3	3.160	3.016
Migration scholarship	11	3	3.248	5.591
Migration history/ies	15	5	3.659	4.181
Migration program/me(s)	13	5	3.160	3.016
Migration journey/s	8	3	2.674	4.193
Migration route/s	6	5	2.310	4.132
Migration status	37	4	5.609	3.683

Таблица 4. Левосторонние коллокаты слова migrant/migrants.
Table 4. Left-hand collocates of the word migrant/migrants.

Термин	*Частотность*	*Диапазон*	*t-score*	*MI-Score*
High/low/semi-skilled migrant/s	91	11	9.175	4.712
Rural migrant/s	58	4	7.387	5.059
Female migrant/s	44	10	6.324	4.424
1st/2nd/3rd -generation migrant/s	42	3	6.325	5.379
Return migrant/s	33	5	5.511	4.623
Male migrant/s	20	8	4.018	3.301
Internal migrant/s	18	5	4.022	4.263
Prospective migrant/s	12	3	3.375	5.279
Temporary migrant/s	12	5	3.351	4.938
Asian migrant/s	9	5	2.715	3.396
Irregular migrant/s	8	4	2.726	4.794
Undocumented migrant/s	8	5	2.781	5.901
Urban migrant/s	19	4	4.012	3.649

Таблица 5. Левосторонние коллокаты слова migration.
Table 5. Left-hand collocates of the word migration.

Термин	*Частотность*	*Диапазон*	*t-score*	*MI-Score*
International migration	75	24	4.292	3.012
Labour migration	39	15	5.622	3.326
Internal migration	37	9	5.941	5.418
Skilled migration	29	6	4.790	3.178
Forced migration	18	9	4.117	5.079
Return migration	23	9	4.538	4.218
Irregular migration	11	5	3.236	5.369
Cross-border migration	25	2	4.914	5.869
Male migration	28	3	4.938	3.902
Asian migration	11	2	3.079	3.801

Как следует из *таблиц 2* и *3*, терминов, включающих слово *migration* (*миграция)*, больше, чем терминов со словом *migrant* (*мигрант)* (23 и 17 соответственно). Самым частотным термином оказалась *migration policy* (*миграционная политика)*, а самой распространенной коллокацией — *migration studies*

(миграционные исследования). Анализ левосторонних коллокатов показывает, что их количество выше для слов *migrant/migrants*, чем для слова *migration* (13 против 10), а наиболее частотным термином является *high/low/semi-skilled migrant/s (высоко/средне/низкоквалифицированный/ые мигрант/ы)*, который также является самым распространенным.

На следующем этапе анализа, для классификации терминов и выявления областей, представляющих интерес в сфере миграционных исследований, их правые и левые компоненты были размечены с помощью системы семантического анализа USAS (Rayson et al. 2004).

На *рисунке 1* показано соотношение семантических категорий, к которым относятся термины миграционных исследований.

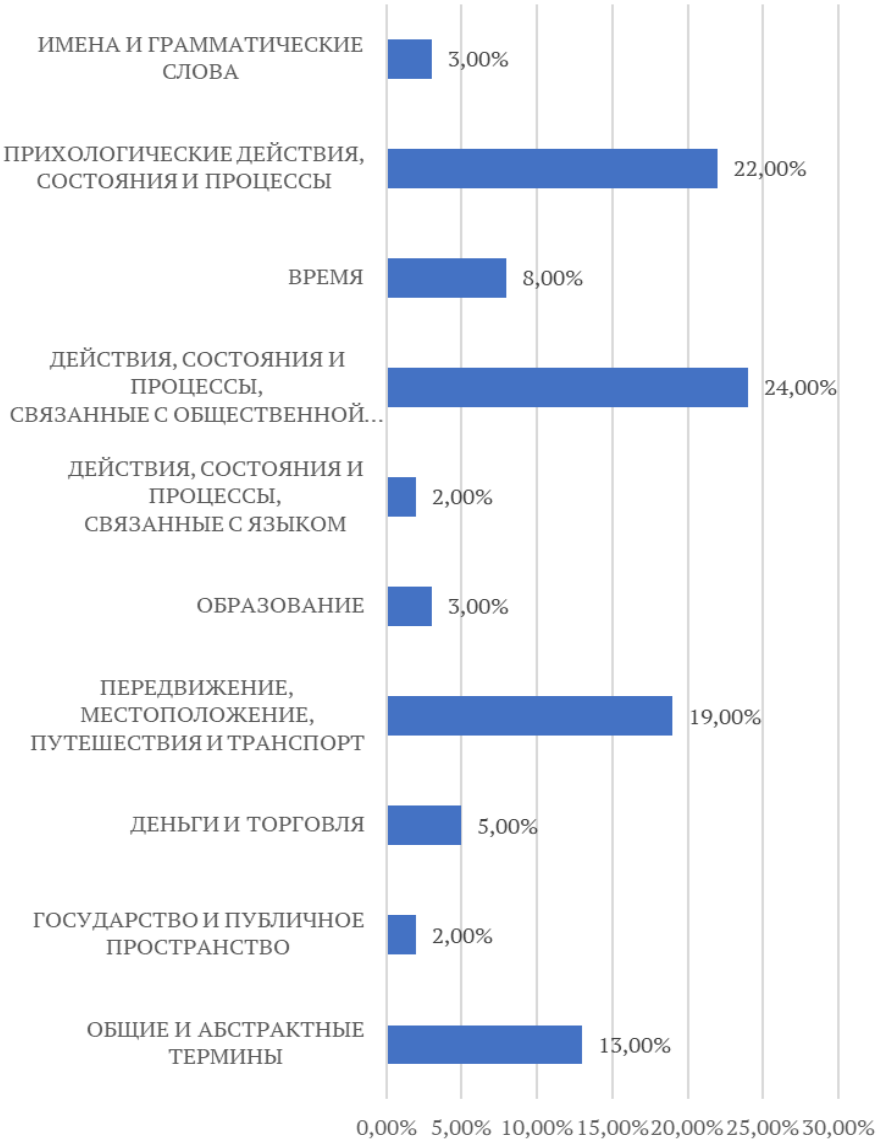

Рисунок 1. Семантические категории терминов миграционных исследований.
Figure 1. Semantic categories of terms in migration studies.

Как показано на *рисунке 1*, термины отнесены к десяти семантическим категориям, наиболее многочисленной из которых является категория «Действия, состояния и процессы, связанные с общественной жизнью» (24%). Второй и третьей по численности категориями, соответственно, являются «Психологические действия, состояния и процессы» (22%) и «Движение, местоположение,

путешествия и транспорт» (19%). Наименьшее количество терминов относится к категориям «Имена и грамматические слова» (3%), «Образование» (3%), «Государство и публичное пространство» (2%), «Действия, состояния и процессы, связанные с языком» (2%).

Выявленные термины дают представление о том, какие аспекты миграции освещаются в исследованиях, что позволяет определить, какие области исследований в настоящее время задействованы в данной области знания. Полагаем, что семантическое маркирование терминов, функционирующих в миграционном дискурсе, может способствовать развитию их таксономии[1], однако, поскольку семантические категории, предложенные в USAS, дают очень общую картину мира, выявление подходов, используемых в миграционных исследованиях, требует более тонкого анализа контекстов, в которых используются установленные термины.

Два подхода к дифференциации терминов миграционных исследований

С точки зрения семантического подхода к терминологии (L'Homme, 2020), мы используем подход, основанный на знаниях, для разграничения понятий. Эта перспектива соответствует пяти критериям рассмотрения полисемии в специализированных текстах, таким как замена синонима, дифференциальная оппозиция, дифференциальная морфологическая деривация, дифференциальные парадигматические отношения, а также совместимость и дифференциальная совместная встречаемость (там же).

Итак, среди сложных сетей отношений терминологических структур мы фокусируемся на парадигматических (вертикальных) отношениях между доменами. Такое рассмотрение приводит к двум подходам к дифференциации терминов в изучении миграции: ***временному*** (I) и ***предметному*** (II).

I. ***Временной подход*** сосредоточен на изучении прошлого мигрантов, истории явления, описании современной миграционной ситуации и возможных перспективах, которые определяются лицами, принимающими решения, правительствами стран, принимающих и отправляющих мигрантов. В основном данная дифференциальная группа включает термины, относящиеся к категориям: «Общие и абстрактные термины», «Время» и «Психологические действия, состояния и процессы».

Ряд терминов относится к изучению явления в прошлом, как с глобальной, так и с индивидуальной точки зрения — *migration history* (история миграции), *migration background* (миграционное прошлое), *migration experience* (миграционный опыт). Первые два термина (*история* и *прошлое*) относятся к семантической категории «Время», в то время как третий (*опыт*) был отнесен к категории «Психологические действия, состояния и процессы». Такие семантические различия могут свидетельствовать о пробелах в знаниях и повышенной потребности в методологии изучения глобальных процессов в личностном аспекте.

Показательно, что для обозначения исторического аспекта миграции в целом и в более частных случаях, как правило, используются разные грамматические формы терминов, например, *migrant background* по сравнению с *migration background* или *migration history* по сравнению с *migration histories* (примеры 1–4). Эти различия соответствуют о существующей в миграционных исследованиях дихотомии между изучением мигрантов как национальных групп и исследованием их индивидуального опыта (см., напр.: Krawatzek, Sasse, 2020).

(1) For migrants with a long *migration history* and more migration times, they have a long time to live in cities and have more opportunities to settle down. (IM-2020-2) / Мигранты с длинной *миграционной историей* и большим количеством передвижений живут в городах долгое время и имеют больше возможностей обосноваться в них (здесь и далее перевод наш — *Е. С., Т. П.*).

(2) One way to move closer to causality, and a possible direction for future research, would be to use panel data, where *migration histories* and EU preferences of the same people are observed over time. (IMR-2020-3) / Одним из способов приблизиться к установлению причинно-следственных связей и возможным направлением будущих исследований было бы использование панельных данных, когда *миграционные истории* и предпочтения одних и тех же людей в отношении ЕС наблюдаются в течение определенного времени.

[1] Archer D., Rayson P. Using the UCREL automated semantic analysis system to investigate differing concerns in refugee literature // Proceedings of the Keywords Workshop. 2004. February. Pp. 5–6.

(3) This is in line with social identity theory, as Muslims and people with a *migration background* likely identify more with newcomers than Christians or people without a *migration background* do. (CMS-2020-1) / Это согласуется с теорией социальной идентичности, поскольку мусульмане и люди с *миграционным прошлым*, вероятно, в большей степени идентифицируют себя с новоприбывшими, чем христиане или люди без *миграционного прошлого*.

(4) Specifically, we analyse whether a *migrant background* influences the likelihood of being mismatched or unemployed. (JEMS-2020-3) / В частности, мы анализируем, влияет ли *мигрантское прошлое* на вероятность несоответствия требованиям работодателя или безработицы.

Как видим, примеры 2 и 4 в большей степени посвящены отдельным людям, в то время как в примерах 1 и 3 представлен более глобальный взгляд на миграцию. В отношении дихотомии между изучением индивидов и популяций можно также рассматривать ключевые термины *migrant man* (мужчина-мигрант) и *migrant woman* (женщина-мигрант), противопоставленные терминам *migrant group* (группа мигрантов), *migrant population* (численность мигрантов) и *migrant community* (сообщество мигрантов).

Ряд терминов из полученного списка можно отнести к современному этапу изучения миграции и тем самым использовать для характеристики миграции и мигрантов. Рассматривая термины, связанные с настоящим, мы можем наблюдать дихотомию общего и индивидуального. Так, термин *migration pattern/s* (форма/ы миграции) относится к миграции как социальному явлению (пример 5), в то время как термин *migrant characteristics* (характеристики мигрантов) больше ориентирован на отдельных людей (пример 6).

(5) Family migration has become the most common *migration pattern* and more migrant mothers participate in the labour market. (IM-2020-2) / Семейная миграция стала наиболее распространенной *формой миграции*, и все больше матерей-мигрантов выходят на рынок труда.

(6) Four components are captured to measure female *migrant characteristics*, such as whether they migrated across the province or not, destination, years of migration, and migrant times. (IM-2020-2) / Четыре компонента используются для оценки *характеристик женщин-мигрантов*, таких как: мигрировали ли они через провинцию или нет, пункт назначения, годы миграции и время миграции.

Другая область исследований может быть названа «ориентированной на будущее» и посвящена перспективам миграции и мигрантов, которые формируются в ходе социальной политики: *руководства, управления, политики, программ* в *области миграции* (*migration governance* (управление миграцией), *management* (миграционный менеджмент), *policies* (миграционная политика), *programmes* (программы по поддержке мигрантов)) (пример 7).

(7) Cities are also playing an increasing role in *migration governance*: they develop their own local immigration *policies* and *programmes*, e.g. concerning the integration of migrants or diversity accommodation. (JIMI-2020-3) / Города также играют все большую роль в *управлении миграцией*: они разрабатывают собственную местную иммиграционную *политику* и *программы*, например, касающиеся интеграции мигрантов или предоставления жилья в условиях культурного разнообразия.

Области изучения, ориентированные на будущее, сосредоточены на миграции в целом, а не на отдельных людях. Кроме того, исследования в основном относятся к сфере управления, с отношением уверенности в будущем. Это означает, что новое направление изучения миграции может потребовать противопоставления текущей и будущей социальной политики, а также ретроспективного анализа миграционных программ.

II. *Второй подход — предметно-ориентированный*, фокусирующийся на изучении географических, экономических и демографических аспектов миграции. Миграционные исследования, как правило, изучают такие темы, как источники миграции, направленность и непрерывность потоков мигрантов, использование труда иммигрантов, социокультурная адаптация мигрантов и т. п. (Torkington, Ribeiro, 2019). Этот подход согласуется с идеей о том, что миграция — это рациональный выбор, основанный на анализе преимуществ и недостатков, подразумевающий ряд личностных и социально-экономических факторов[1]. Географический аспект включает термины, относящиеся к семантической категории «Передвижение» (например, *migration flow/s* (миграционный поток/и), *migration journey/s*

[1] Zeng C. Migrants and migrant workers // Oxford Research Encyclopedia of Communication. 2017. DOI: https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190228613.013.475

(миграционный путь/и), *migrant sending* ((страна) направляющая мигрантов), *migrant receiving* ((страна) принимающая мигрантов), *migration route/s* (миграционный маршрут)). Семантика передвижения в терминах *migrant sending* и *migrant* указывает на места, в которые и из которых мигрируют люди (пример 8). Необходимо также отметить, что термины *migrant sending* и *migrant receiving* не соответствуют общепринятой грамматической форме термина в английском языке, и потому являются актуальными терминами с точки зрения анализа, основанного на знаниях, в отличие от анализа, основанного на лексике (L'Homme, 2020).

(8) The applied programme used can help us calculate how far each country is on average through migration (the geodesic distance between two countries is the length of the shortest *migration route* between them and the route between two points equals the number of contacts). (ML-2020-1) / Используемая программа может помочь нам рассчитать, насколько далеко в среднем находится каждая страна по миграции (геодезическое расстояние между двумя странами — это длина кратчайшего *миграционного маршрута* между ними, а маршрут между двумя точками равен числу контактов).

Данные говорят о том, что в настоящее время миграция исследуется прямолинейно, то есть как потоки и маршруты на географически масштабируемых поверхностях, при этом в контекстуальной семантике иногда упускаются или игнорируются многие значения пространства, в частности, узко локальное, региональное, международное, городское или сельское. В целом данная группа терминов обозначает, как общество стратифицировано в пространстве, и что именно общество находит важным в пространственном перемещении.

Еще один аспект семантики в предметно-ориентированного подхода относится к сфере экономического знания. Так, экономическая среда играет ключевую роль в миграционном процессе. Низкая производительность труда, безработица, неудовлетворительные экономические условия, отсутствие возможностей для продвижения по службе и истощение природных ресурсов могут заставить людей покинуть родные места в поисках более высокой зарплаты и лучших условий труда (Zeng, 2017). Экономический аспект миграции отражается в использовании терминов из категории «Работа и занятость», а именно: *migrant worker/s* (трудящиеся/рабочие-мигранты), *migrant professionals* (специалисты-мигранты) (пример 9).

(9) Only 35 per cent of *migrant workers* are employed as regular/salaried workers. (ML-2020-5) / Только 35% *трудящихся-мигрантов* работают на постоянной основе/получают заработную плату.

Наконец, демографический аспект изучения миграции раскрывается через использование терминов, отнесенных к семантическим категориям «Люди» (10) и «Принадлежность к группе» (пример 11).

(10) Nonetheless, in comparison to Western Europe, Poland's *migrant population* remains very low. (IMR-2020-4) / Тем не менее, по сравнению с Западной Европой, *численность мигрантов* в Польше остается очень низкой.

(11) Consequently, migration studies traditionally were preoccupied with the question of under what conditions distinct *migrant communities* would integrate into the national society. (JIMI-2020-3) / Соответственно, исследования миграции традиционно были озабочены вопросом, при каких условиях отдельные *сообщества мигрантов* будут интегрироваться в национальное общество.

Поскольку коллокаты в этих семантических группах являются собирательными существительными и формами множественного числа, это еще раз доказывает, что в центре внимания исследований миграции находится процесс и социальные группы, а не отдельный человек. Таким образом, несмотря на тот факт, что научные исследования редко фокусируются на одном человеке, внимания ученых заслуживают разнообразие и многообразие целей и мотивов миграции по семейным, образовательным, климатическим, культурным и другим причинам. Более того, можно предположить, что многочисленные индивидуальные характеристики мигрантов, такие как пол, возраст (трудоспособный), уровень образования, расовая и этническая принадлежность, воспринимаются учеными универсально.

Для обобщения результатов необходимо соотнести итоги двух видов анализа: частотности терминов и семантических категорий, с одной стороны, и двух парадигм знания — временной и предметной, — с другой. В этом свете можно сделать заключение, что семантический анализ выявленных терминов отражает современное состояние новой, пока только формирующейся области исследования. Такое состояние терминологии определяется тем, что исследовательские концепции изначально обусловлены реальным опытом мигрантов и попыткой ученых абстрактно концептуализировать его в рамках существующих областей знания и теоретических социальных рамок. Весьма любопытен

тот факт, что сам процесс миграции, представленный как перемещение в пространстве и времени, концептуализируется в исследовательских работах сравнительно нечасто. Установлено также, что образование, экономика, государственное управление — социальные науки, которые до сих пор разрабатывали и применяли теоретические термины для объяснения поддающихся наблюдению и имеющих непосредственное влияние на миграцию практик.

Заключение

В данной работе предпринята попытка с помощью корпусного метода анализа терминов концептуализировать новую область знаний — миграционные исследования. Анализ терминологии показал, что миграционные исследования стали особой областью знания в социальных науках. Данная область изучения является междисциплинарной и строится на пересечении экономики, демографии, географии, истории, образования, государственного управления, права и психологии. Полученные результаты подтверждают выводы, сделанные А. Писаревской и др. (Pisarevskaya et al., 2020), о том, что изучение миграции — это фрагментированная область исследований, но при этом ее различные аспекты тесно связаны между собой.

Качественный анализ выявленных терминов позволяет сделать вывод о том, что, во-первых, в миграционных исследованиях существует два направления, фокусирующиеся на сообществах мигрантов как группах и на опыте отдельных мигрантов. Во-вторых, семантически можно выделить два подхода к изучению миграции. Они ориентированы на время и на предмет. Как правило, два дифференциальных подхода пересекаются в одном исследовании, когда, например, экономическое благосостояние мигрантов изучается в лонгитюдной перспективе. Более того, выявлено, что, в то время как экономика, образование и государственное управление уже имеют устоявшиеся термины для изучения миграции, другие науки, в частности, история, география и психология, еще не разработали свой терминологический аппарат для этого нового крупномасштабного социального явления.

Одним из возможных ограничений настоящей работы является то, что исследовательский корпус представлен на английском языке, поэтому терминология на других языках, особенно языков стран с интенсивными миграционными потоками, остается за кадром.

Помимо этого, поскольку корпус может рассматриваться как информационный ресурс, его можно использовать для анализа динамики миграционных исследований, выявления пере- и недопредставленных тем. В частности, лингвистический анализ антонимов позволяет выявить противоречивость исследовательских вопросов и задач, как это наблюдается в диспропорциях исследований, связанных со странами, отправляющими и принимающими мигрантов. Корпусная методология применима и к другим онлайн-ресурсам, например, к блогам и сообщениям в социальных сетях, что позволяет изучить восприятие миграционных терминов широкой неакадемической аудиторией.

Миграционные вопросы в свете лингвистики могут изучаться в том числе не только в терминологии, прямо связанной со словами «мигрант», «миграция» (и ее коллокациями), но и с лексикой языков, поднимающей этноспецифические обозначения для мигрантов (в свою очередь имеющие разные ценностные наполнения, отношения, оттенки смыслов). Это направление может быть интересным для исследований отдельных этнических регионов и миграционных процессов в них.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Волох, В. А. (2015) Миграция населения как объект научного исследования: сущность, современные трактовки и классификация // PolitBook. № 1. С. 7–16.

Калыгина, М. Ю. (2009) Метафорическая репрезентация миграции в медиадискурсе России, Великобритании и США // Политическая лингвистика. № 29. С. 109–113.

Пешкова, В. М. (2016) Репрезентации северо-кавказских сообществ в региональных медиа // Журналист. Социальные коммуникации. № 3. С. 148–158.

Рыбаковский, Л. Л. (2020) Миграция населения. М. : ЮРАЙТ. 480 с.

Саакян, А. А. (2023) Репрезентация концепта *миграция* в национальном корпусе русского языка // Миграционная лингвистика. № 5. С. 35–42.

Скребцова, Т. Г. (2015) (Транс) формирование социальных стереотипов в современном российском публичном дискурсе (на примере трудовых мигрантов и беженцев) // Политическая лингвистика. № 1. С. 224–230.

Ткаченко, А. А. (2020) Терминология в области миграции: проблемы международной сопоставимости // Социально-трудовые исследования. № 4(41). С. 68–79. DOI: https://doi.org/10.34022/2658-3712-2020-41-4-68-79

Усманов, Р. Х., Тажиев, Н. М. (2012) Современные социально-политические процессы и миграция в России: репрезентация реальности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. № 2. С. 140–144.

Якимова, О. А. (2015) Медиадискурс иностранной миграции в Россию в контексте конструирования межэтнического взаимодействия // Журнал социологии и социальной антропологии. № 18 (3). С. 123–136.

Якимова, О. А. (2020) Репрезентация мигрантов в российских массмедиа и ее динамика (2010–2020 гг.) // Сибирский социум. Т. 4. №. 4 (14). С. 22–40.

Ahmad, K., Davies, A., Fulford, H., Rogers, M. (1994) What is a term? The Semi-automatic extraction of terms from text // M. Snell-Hornby F. Pöchhacker and K. (eds.) Translation Studies: An Interdiscipline. John Benjamins Publishing. 438 p. P. 267–278.

Amelina, A. (2021) After the reflexive turn in migration studies: Towards the doing migration approach // Population, Space and Place. Vol. 27 (1). Article e2368.

Ana, S. O. (1999) “Like an animal I was treated”: Anti-immigrant metaphor in US public discourse // Discourse and Society. № 10. P. 191–224. DOI: https://doi.org/10.1177/0957926599010002004

Church, K. W., Hanks, P. (1990) Word association norms, mutual information and lexicography // Computational Linguistics. Vol. 16 (1). P. 22–29.

Esses, V. M., Medianu, S., Lawson, A. S. (2013) Uncertainty, Threat, and the Role of the Media in Promoting the Dehumanization of Immigrants and Refugees // Journal of Social Issues. № 69. P. 518–536. DOI: https://doi.org/10.1111/josi.12027

Gulina, O. (2016) Exploring the semantics of migration terminology // The Journal of Social Policy Studies. Vol. 14 (3). P. 331–346.

Justeson, J. S., Katz, S. M. (1995) Technical terminology: Some linguistic properties and an algorithm for identification in text // Natural Language Engineering. № 1. P. 9–27. DOI: https://doi.org/10.1017/S1351324900000048

Krawatzek, F., Sasse, G. (2020). The simultaneity of feeling German and being American: Analyzing 150 years of private migrant correspondence // Migration Studies. Vol. 8 (2). P. 161–188. DOI: https://doi.org/10.1093/migration/mny014

L’Homme, M. C. (2020) Lexical Semantics for Terminology: An Introduction. John Benjamins Publishing Company. 263 p.

Levitt, P., Jaworsky, N. B. (2007) Transnational migration studies: Past developments and future trends // Annual Review of Sociology. № 33. P. 129–156. DOI: https://doi.org/10.1146/annurev.soc.33.040406.131816

Mariani, J. (2021) Migration terminology in the EU institutions // Terminology. Vol. 27 (1). P. 35–55. DOI: https://doi.org/10.1075/term.00057.mar

McEnery, T., Xiao, R., Yukio, T. (2006) Corpus-Based Language Studies: An Advanced Resource Book. New York: Routledge. 406 p.

Pace, P., Severance, K. (2016) Migration terminology matters // Forced Migration Review. № 51. P. 69–70.

Pisarevskaya, A., Levy, N., Scholten, P., Jansen, J. (2020) Mapping migration studies: An empirical analysis of the coming of age of a research field // Migration Studies. Vol. 8 (3). P. 455–481. DOI: https://doi.org/10.1093/migration/mnz031

Raheim, M., Magnussen, L. H., Sekse, R. J., Lunde, A., Jacobsen, T., Blystad, A. (2016) Researcher–researched relationship in qualitative research: Shifts in positions and researcher vulnerability // International Journal of Qualitative Studies on Health and Well-being. Vol. 11 (1). Article 30996. DOI: https://doi.org/10.3402/qhw.v11.30996

Rayson, P., Archer, D., Piao, S. L., McEnery, T. (2004) The UCREL semantic analysis system // Rayson, P., Archer, D., Piao, S. L., McEnery, T., Guthrie, L., Basili, R. et al. (Eds.) Proceedings of the Workshop on Beyond Named Entity Recognition Semantic Labelling for NLP Tasks in Association with 4th International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC 2004), 25th May 2004. Lisbon, Portugal. 1362 p. P. 7–12.

Torkington, K., Ribeiro, F. P. (2019) 'What are these people: migrants, immigrants, refugees?': migration-related terminology and representations in Portuguese digital press headlines // Discourse, Context & Media. № 27. P. 22–31. DOI: https://doi.org/10.1016/j.dcm.2018.03.002

Verschueren, J. (2008) Intercultural communication and the challenges of migration // Language and Intercultural Communication. № 8. P. 21–35. DOI: https://doi.org/10.2167/laic298.0

Wilson, A., Rayson, P. (1993) Automatic content analysis of spoken discourse // Souter, C., Atwell, E. (eds.) Corpus Based Computational Linguistics. Amsterdam : Rodopi. 276 p. P. 215–226.

Wood, N., King, R. (2001) Media and migration: An overview // King, R., and Wood, N. (eds) Media and Migration: Constructions of Mobility and Difference. London : Routledge. 208 p. P. 1–23.

Дата поступления: 29.03.2025 г.
Дата принятия: 28.08.2025 г.

REFERENCES

Volokh, V. A. (2015) Migration of the population as an object of scientific research: essence, modern interpretations and classification. *PolitBook,* no. 1, pp. 7–16. (In Russ.)

Kalygina, M. Yu. (2009) Metaphorical representation of migration in the media discourse of Russia, Great Britain and the USA. *Politicheskaya lingvistika,* no. 29, pp. 109–113. (In Russ.)

Peshkova, V. M. (2016) Representations of North Caucasian communities in regional media. *Zhurnalist. Sotsial'nye kommunikatsii,* no. 3, pp. 148–158. (In Russ.)

Rybakovsky, L. L. (2020) *Migration of the population.* Moscow, Yurayt. 480 p. (In Russ.)

Saakyan, A. A. (2023) Representation of the concept of migration in the National Corpus of the Russian Language. *Migratsionnaya lingvistika,* no. 5, pp. 35–42. (In Russ.)

Skrebtsova, T. G. (2015) (Trans)formation of social stereotypes in contemporary Russian public discourse (on the example of labour migrants and refugees). *Politicheskaya lingvistika,* no. 1, pp. 224–230. (In Russ.)

Tkachenko, A. A. (2020) Migration terminology: problems of international comparability. *Sotsial'no-trudovye issledovaniya,* no. 4 (41), pp. 68–79. (In Russ.).

Usmanov, R. Kh. and Tazhiev, N. M. (2012) Contemporary socio-political processes and migration in Russia: representation of reality. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya,* no. 2, pp. 140–144. (In Russ.)

Yakimova, O. A. (2015) Media discourse of foreign migration to Russia in the context of the construction of interethnic interaction. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii,* vol. 18, no. 3, pp. 123–136. (In Russ.)

Yakimova, O. A. (2020) Representation of migrants in Russian mass media and its dynamics (2010–2020). *Sibirskiy sotsium,* vol. 4, no. 4 (14), pp. 22–40. (In Russ.)

Ahmad, K., Davies, A., Fulford, H. and Rogers, M. (1994) What is a term? The Semi-automatic extraction of terms from text // M. Snell-Hornby F. Pöchhacker and K. (eds.) *Translation Studies: An Interdiscipline*. John Benjamins Publishing. 438 p. Pp. 267–278.

Amelina, A. (2021) After the reflexive turn in migration studies: Towards the doing migration approach. *Population, Space and Place*, vol. 27 (1), article e2368.

Ana, S. O. (1999) "Like an animal I was treated": Anti-immigrant metaphor in US public discourse. *Discourse and Society*, no. 10, pp. 191–224. DOI: https://doi.org/10.1177/0957926599010002004

Church, K. W. and Hanks, P. (1990) Word association norms, mutual information and lexicography. *Computational Linguistics*, vol. 16 (1), pp. 22–29.

Esses, V. M., Medianu, S. and Lawson, A. S. (2013) Uncertainty, Threat, and the Role of the Media in Promoting the Dehumanization of Immigrants and Refugees. *Journal of Social Issues*, no. 69, pp. 518–536. DOI: https://doi.org/10.1111/josi.12027

Gulina, O. (2016) Exploring the semantics of migration terminology. *The Journal of Social Policy Studies*, vol. 14 (3), pp. 331–346.

Justeson, J. S. and Katz, S. M. (1995) Technical terminology: Some linguistic properties and an algorithm for identification in text. *Natural Language Engineering*, no. 1, pp. 9–27. DOI: https://doi.org/10.1017/S1351324900000048

Krawatzek, F. and Sasse, G. (2020). The simultaneity of feeling German and being American: Analyzing 150 years of private migrant correspondence. *Migration Studies*, vol. 8 (2), pp. 161–188. DOI: https://doi.org/10.1093/migration/mny014

L'Homme, M. C. (2020) *Lexical Semantics for Terminology: An Introduction*. John Benjamins Publishing Company. 263 p.

Levitt, P. and Jaworsky, N. B. (2007) Transnational migration studies: Past developments and future trends. *Annual Review of Sociology*, no. 33, pp. 129–156. DOI: https://doi.org/10.1146/annurev.soc.33.040406.131816

Mariani, J. (2021) Migration terminology in the EU institutions. *Terminology*, vol. 27 (1), pp. 35–55. DOI: https://doi.org/10.1075/term.00057.mar

McEnery, T., Xiao, R. and Yukio, T. (2006) *Corpus-Based Language Studies: An Advanced Resource Book*. New York, Routledge. 406 p.

Pace, P. and Severance, K. (2016) Migration terminology matters. *Forced Migration Review*, no. 51, pp. 69–70.

Pisarevskaya, A., Levy, N., Scholten, P. and Jansen, J. (2020) Mapping migration studies: An empirical analysis of the coming of age of a research field. *Migration Studies*, vol. 8 (3), pp. 455–481. DOI: https://doi.org/10.1093/migration/mnz031

Raheim, M., Magnussen, L. H., Sekse, R. J., Lunde, A., Jacobsen, T. and Blystad, A. (2016) Researcher–researched relationship in qualitative research: Shifts in positions and researcher vulnerability. *International Journal of Qualitative Studies on Health and Well-being*, vol. 11 (1), article 30996. DOI: https://doi.org/10.3402/qhw.v11.30996

Rayson, P., Archer, D., Piao, S. L. and McEnery, T. (2004) The UCREL semantic analysis system. In: Rayson, P., Archer, D., Piao, S. L., McEnery, T., Guthrie, L., Basili, R. et al. (Eds.) *Proceedings of the Workshop on Beyond Named Entity Recognition Semantic Labelling for NLP Tasks in Association with 4th International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC 2004), 25th May 2004*. Lisbon, Portugal. 1362 p. Pp. 7–12.

Torkington, K. and Ribeiro, F. P. (2019) 'What are these people: migrants, immigrants, refugees?': migration-related terminology and representations in Portuguese digital press headlines. *Discourse, Context & Media*, no. 27, pp. 22–31. DOI: https://doi.org/10.1016/j.dcm.2018.03.002

Verschueren, J. (2008) Intercultural communication and the challenges of migration. *Language and Intercultural Communication*, no. 8, pp. 21–35. DOI: https://doi.org/10.2167/laic298.0

Wilson, A. and Rayson, P. (1993) Automatic content analysis of spoken discourse. In: Souter, C. and Atwell, E. (eds.) *Corpus Based Computational Linguistics*. Amsterdam, Rodopi. 276 p. Pp. 215–226.

Wood, N. and King, R. (2001) Media and migration: An overview. In: King, R., and Wood, N. (eds) *Media and Migration: Constructions of Mobility and Difference*. London, Routledge. 208 p. Pp. 1–23.

Submission date: 29.03.2025.
Acceptance date: 28.08.2025.

DOI: 10.25178/nit.2025.4.9

ТУВА ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Статья

Семейные фотографии тувинцев сквозь десятилетия

Чимиза К. Ламажаа
Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Республика Казахстан,
Шенне Б. Майны
Тувинский государственный университет;
Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова, Российская Федерация

Статья посвящена анализу семейных фотографий тувинцев, запечатленных в течение столетия — от 1920-х до 2020-х годов. В рамках визуальных и этнокультурных исследований авторы рассматривают семейную фотографию как уникальный историко-культурный источник, отражающий социокультурную динамику, трансформацию семейных традиций, норм и репрезентаций в Туве. Материалом для исследования послужили архивные и частные фотоколлекции, фотографии, опубликованные в СМИ Тувы, записи семейных историй, собранных в ходе экспедиционной работы в 2022–2024 гг.

Анализ осуществлялся на основе теории Р. Барта о денотативном и коннотативном значениях фотографий. Методы включают визуальный анализ, сравнительно-исторический подход, а также элементы семейной истории и микроистории. Это позволило проследить изменения в фотообразах, сюжетах и эстетике изображений, связанные с разными волнами модернизации, урбанизации и переходом к цифровым технологиям.

Семейная фотография в Туве отражает ключевые этапы этнокультурной модернизации: в довоенные десятилетия фотографии преимущественно фиксировали ритуальные моменты, родственные связи и традиционный быт; с середины XX века проявились новые сюжеты, акцент сделан на выделение нуклеарных семей, новые формы праздничной культуры, подчеркнутое соответствие советским нормам. С конца 1990-х годов и в XXI веке доминируют цифровые образы, расширяется жанровый диапазон и обозначается стремление к визуализации этнокультурных символов, демонстрации этнической идентичности и наличию большой семьи в несколько поколений.

Выявлена роль семейных фотографий тувинцев в формировании коллективной памяти и идентичности, проанализировано развитие жанра как феномена, сопряженного с изменением социальных практик, структуры семьи и представлений о бытовом и праздничном облике тувинцев.

Ключевые слова: *тувинцы; история Тувы; семейная фотография; XX век; советская история; репрезентация; фотографирование; этничность; национальная одежда; повседневность; семья*

Для цитирования:
Ламажаа Ч. К., Майны Ш. Б. Семейные фотографии тувинцев сквозь десятилетия // Новые исследования Тувы. 2025. № 4. С. 137-175. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.9

Ламажаа Чимиза Кудер-ооловна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института тюркологии и алтаистики Казахского национального университета имени аль-Фараби. Адрес: 050000, Республика Казахстан, г. Алматы, пр. аль-Фараби, д. 71/27. Эл. адрес: lamazhaa@tuva.asia

Майны Шенне Борисовна — кандидат культурологии, старший научный сотрудник лаборатории этнологии и лингвокультурологии Тувинского государственного университета; магистрант кафедры культурологии Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. Адреса: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Монгуша Сата, д. 9В; 677013, Россия, г. Якутск, ул. Белинского, д. 58. Эл. адрес: shenne85@mail.ru

TUVA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

Article

Family Photographs of the Tuvans Across Decades

Chimiza K. Lamazhaa
Al-Farabi Kazakh National University, Republic of Kazakhstan,
Shenne B. Mainy
Tuvan State University; M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Russian Federation

The article analyzes family photographs of Tuvans taken over various periods, from the 1920s to the 2020s. The authors regard family photographs as a unique historical and cultural source reflecting sociocultural dynamics, the transformation of family traditions, norms, and representations in Tuva. The study draws on archival and private photo collections, photographs published in Tuva's mass media, and records of family histories collected during field expeditions from 2022 to 2024.

The analysis is grounded in R. Barthes' theory of denotative and connotative meanings of photographs. The methodology incorporates visual analysis, a comparative-historical approach, and elements of family history and microhistory. This enables the researchers to trace changes in photographic imagery, narratives, and aesthetics associated with successive waves of modernization, urbanization, and the transition to digital technology.

Family photography in Tuva reflects key phases of ethnocultural modernization: in the prewar decades, photographs predominantly recorded ritual moments, kinship ties, and traditional ways of life; since the mid-20th century, new subjects have emerged, with an emphasis on nuclear families, new forms of festive culture, and pronounced conformity to Soviet norms. From the late 1990s and into the 21st century, digital images dominate, the genre range expands, and an explicit aspiration emerges toward visualizing ethnocultural symbols, showcasing ethnic identity, and displaying large multigenerational families.

The study identifies the role of Tuvan family photographs in shaping collective memory and identity and examines the development of the genre as a phenomenon linked to shifts in social practices, family structure, and conceptions of everyday and festive appearances of the Tuvans.

Keywords: *Tuvans; history of Tuva; family photography; 20th century; Soviet history; representation; photographing; ethnicity; national costume; everyday life; family*

For citation:
Lamazhaa Ch. K. and Mainy Sh. B. Family Photographs of the Tuvans Across Decades. *New Research of Tuva*, 2025, no. 4, pp. 137-175. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.9

LAMAZHAA, Chimiza Kuder-oolovna, Doctor of Philosophy, Chief Researcher, Scientific Research Institute of Turkology and Altaic Studies, Al-Farabi Kazakh National University. Postal address: 71/27 al-Farabi Ave., Almaty, 050000, Republic of Kazakhstan. E-mail: lamazhaa@tuva.asia

ORCID: 0000-0003-1813-3605

MAINY, Shenne Borisovna, Candidate of Cultural Studies, Senior Researcher, Laboratory of Ethnology and Linguoculturology, Tuvan State University; Master's Student, Department of Cultural Studies, North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosova. Postal addresses: 9/B, Mongush Sat St., 667000 Kyzyl, Russia; 58 Belinskogo St., Yakutsk, Russia, 677013. E-mail: shenne85@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9106-2148

Введение

Практически у каждой семьи есть своя история, которая нашла свое отражение в фотографиях, размещенных в семейных фотоальбомах или в рамках на видных местах дома, в том числе на стенах. Для тувинцев традиция семейных фотоальбомов, как мы писали, стала также естественным продолжением традиции ритуальных уголков в юртах (Ламажаа, Майны, Кужугет, 2024). Эта традиция содержит память о членах семей; она выражает чувство единения в семьей, с большим родственным кругом (Нуркова, 2006: 93–94). Интерес к семейной теме сегодня в Туве также приобрел общественный характер: стали популярны всевозможные конкурсы[1]; проводятся фотосессии с приглашением фотографов разной квалификации; создаются специальные фотоальбомы, в том числе в виртуальной форме.

Visual studies сегодня бурно развиваются и включают целый спектр тем, в том числе изучение семейных фотографий, семейных фотоальбомов (Gillian, 2003; Sandbye, 2014; Круткин, 2005; Нуркова, 2006; Штомпка, 2007; Печурина, 2007, 2010; Чалфен, 2010; Пригарин, 2011; Визуальная антропология … , 2009, 2012; Паштекова, 2015; Абилова, 2015, 2022; Никитина, Никифорова, 2020; и др.). Но тувиноведение только начинает осваивать подобные темы (Сергеева, Четырова, 2022; Эфендиева, 2023, 2024; Ламажаа, Майны, Кужугет, 2024; Черняева, 2025; и др.[2]).

Хотя мы уже анализировали семейные фотоальбомы тувинцев (Ламажаа, Майны, Кужугет, 2024), неотъемлемой частью которых являются семейные фотографии, тем не менее значение последних заключается не только в том, чтобы составить симулякр большой, определенной семьи под единой обложкой. Сами семейные фотографии можно рассматривать как еще один источник для восстановления истории Тувы и ее жителей, причем с той стороны, которая пока не вошла в поле внимания историков. То есть они могут выступать как самостоятельные источники не семейной, а социальной истории.

Если история Тувы официальная, политическая, событийная, история социальных институтов — много изучается специалистами, то история повседневной жизни людей остается за рамками их внимания, хотя в целом это направление исследований в мировой и российской науке развивается с 1990-х гг. (Штомпка, 2009; и др.). Помимо всех прочих общих функций, которые семейные фотографии выполняют и которые уже изучены исследователями, они могут показать нам новые интересные страницы истории (Hudgins, 2010), социальные и культурные практики (Рождественская, 2008). Причем мы можем также увидеть детали истории Тувы в переплетении с историей советского государства, истории того как тувинцы теряли визуальные символы этнической культуры, становились советскими людьми, затем теряли «советскость» и снова возвращали символы тувинской идентичности.

Мы говорим именно о фотографиях этнических тувинцев, поскольку обращаем внимание на важный аспект, который они могут выражать — этничность. Фотоснимки тувинцев, которые делались в разные годы, показывают нам определенные периоды состояния этничности, т. е. проявления чувств этнической принадлежности, выраженных в одежде и пр. (Калачева, 2012; Pandey, 2016; Чжан Жуян, Забияко, 2019; Смирнова, Киссер, 2020; Базаров, Дашибалова, 2021). Помимо вопросов презентации этничности, фотографии семей позволяют увидеть и некоторые вопросы родственных отношений у тувинцев, особенностей повседневной жизни (досуг, праздники), повседневной моды.

---

[1] Фотопамять: история семьи — история Родины [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2004. № 15. URL: http://www.centerasia.ru/issue/2004/15/969-fotopamjat-istorija-semi-istorija-rodiny.html (дата обращения: 10.09.2025); В Туве объявлен фотоконкурс на самые красивые улыбки со смолкой «Саат» [Электронный ресурс] // ИА Тува-онлайн. 2021, 9 июня. URL: https://www.tuvaonline.ru/2021/06/09/v-tuve-obyavlen-fotokonkurs-na-samye-krasivye-ulybki-so-smolkoy-saat.html (дата обращения: 10.09.2025); Жителей Тувы приглашают принять участие в международном фотоконкурсе национальных костюмов [Электронный ресурс] // ИА Тува-онлайн. 2024, 3 марта. URL: https://www.tuvaonline.ru/2024/03/03/zhiteley-tuvy-priglashayut-prinyat-uchastie-v-mezhdunarodnom-fotokonkurse-nacionalnyh-kostyumov.html (дата обращения: 10.09.2025) и др.

[2] Сангы-Бадра Р. Н., Сымчан-оол К. А. Свадебная обрядность в семейных фотографиях тувинцев // Актуальные проблемы исследования этноэкологических и этнокультурных традиций народов Саяно-Алтая: Материалы V-ой международной научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов, Кызыл, 26–29 июня 2018 года. Кызыл: Тувинский государственный университет, 2018. С. 33–34; Монгуш Л. К. Коллекция фотоматериалов в составе архива И. У. Самбу в собрании Национального музея Республики Тыва // Ермолаевские чтения. 2022. С. 23–27.

Фотографии, как писал французский философ Р. Барт, это не просто изображение, а непосредственное свидетельство, неопровержимый очевидец реальности (Барт, 2011). Она всегда соприродна своему референту, то есть объекту, который была призвана запечатлеть, и неразрывно с ним связана. При этом фотография несёт на себе «сообщение без кода», имеет денотативное значение (просто регистрацию факта) и одновременно передает коннотативное, культурно кодированное сообщение через детали, выбор объекта и ракурса. Пока даже известные научному знанию фотографии прошлого Тувы рассматривались практически только в первом, денотативном значении, а вот коннотативное — почти не обсуждалось.

Поэтому в данной статье мы анализируем семейные фотографии тувинцев, жителей Тувы, на протяжении века, начиная с 1920-х гг. и до 2020-х гг., рассматривая их и денотативное значение, и коннотативное, согласно концепции Р. Барта, активно используемую для антропологического анализа фотографий (см., напр.: Романов, Ярская-Смирнова, 2007). Объектом нашего исследования выступают фотографии, на которой есть члены семьи (жених и невеста, супруги, родственники разных поколений, в том числе с детьми), предметом — содержимое фотографий как регистрация фактов и та социокультурная информация, которая присутствует в определенных элементах. В общей концепции семиотики Р. Барта, в рамках которой автор трактовал фотографии, есть термин «лексия изображения» (от лат. *lectio* ‘чтение’) (Барт, 1989: 313), которое мы считаем удачным для понимания каждой смысловой единицы визуального сообщения, каждого «смыслового кусочка»: фрагмента композиции (например, положение руки персонажа), элемента символики (крест, знамя, корона) или целого «кадра» внутри более крупного визуального нарратива. По лексиям фотографию можно не просто разглядывать, видеть объекты и их расположение, но и трактовать изображение, соотносить с определенной исторической, социокультурной ситуации в Туве тех лет. Поэтому наше внимание обращено и на факты, и на визуальные лексии.

Междисциплинарное исследование, базирующееся на концепции Р. Барта (Барт, 1989, 2011), а также подходах визуальных антропологов, использует в том числе методы исторических исследований, этнографии, социологии.

В качестве материала нашего исследования мы выбрали фотографии трех типов источников. Во-первых, мы изучили многочисленные фотографии, которые приводятся в биографических интервью жителей Тувы местной газеты «Центр Азии» (1991–2017), опубликованные в шести томах книги «Люди Центр Азии»[1]. Многие из них присутствуют в других изданиях тувиноведения, особенно начала XX в. Из них мы отобрали те фотографии (283 изображения), на которых изображены тувинцы с семьями (в том числе в межнациональных браках), хранившиеся в их личных архивах и опубликованные газетой как иллюстрации к беседам с владельцами снимков. Важным критерием для нас также были указания года или десятилетия, когда сделаны фотографии[2]. Во-вторых, мы собрали сведения о фотоальбомах и их содержимых у 53 чел. — наших коллег, жителей Тувы, а также попросили это сделать студентов Кызылского колледжа искусств им. А. Б. Чыргал-оола и Тувинского государственного университета[3]. Поскольку в семейных архивах наиболее ранние фотографии за редким исключением относятся в основном, к 1950-м годам, то для полноты картины, в-третьих, мы обратились к архивным фотографиям тувинцев начала XX в.: 1) хранящимся в Национальном музее им. Алдан-Маадыр Республики Тыва

[1] Люди Центра Азии. 50 интервью / под общ. ред. Н. Антуфьевой. М., 1998. Т. 1; Люди Центра Азии. Кызыл, 2001. Т. 2; Люди Центра Азии. Новосибирск: Новосиб. полигр. Комбинат, 2006. Т. 3; Люди Центра Азии / гл. ред. и сост.: Н. М. Антуфьева. Кызыл: Центр Азии, 2011. Т. 4: 115 интервью и очерков; Люди Центра Азии / редкол.: Н. М. Алтуфьева, А. А. Лачугина. Кызыл: Центр Азии, 2014. Т. 5. 58 интервью и очерков; Люди Центра Азии / редкол.: Н. М. Антуфьева, А. А. Лачугина. Кызыл: Центр Азии, 2018. Т. 6. 52 интервью и очерка; Избранное из первого тома: 21 очерк и интервью. Об источниковой ценности данных материалов мы писали ранее (Ламажаа, Туймебаев, Шагимгиреева, 2024).

[2] При этом мы не рассматривали фотографии групповые рабочие (коллег), учебные (одноклассников, одногруппников), дружеские; старались не брать фотографии, сделанные специально журналистами для интервью. Единственной проблемой с данными фотографиями стало то, что, поскольку публиковались на газетных полосах, то они переводились в формат черно-белых изображений, даже если были цветными, т. е. теряли свой цвет, а значит и некоторые визуальные лексии.

[3] Вся собранная информация и отдельные фотографии изучались и используются с согласия их владельцев.

(далее — НМ РТ)[1]; 2) открытые цифровые фонды Национального архива Республики Тыва, в которых содержится в том числе альбом В. П. Ермолаева 1930 г., посвященный быту тувинцев[2]; 3) фотоальбом «Черно-Белая Тува», выпущенный в 2010 г.[3]

На наш взгляд, содержимое фотографий, которые мы собрали самостоятельно в итоге (всего — 424 изображений), а также изучали в архивных и опубликованных источниках, довольно четко различается по десятилетиям, а в определенные десятилетия наблюдаются некоторые общие черты (при этом безусловно есть и характеристики, которые проходят сквозь несколько десятилетий; есть и нетипичные фотографии в каждой группе).

Поэтому мы результаты представляем в виде анализа фотографий по группам десятков лет: 1) 1920–1940-х гг. (раннее советское время), 2) 1950–1980-х гг. (советские годы), 3) 1990–2000-х гг. (постсоветские годы, рубеж XX–XXI вв.), 4) 2010–2020-х гг. (XXI в.). В итоге сформулируем отмеченные нами тенденции каждого периода и «сквозные», которые видны благодаря такому панорамному взгляду.

Помимо фотографических источников мы также опираемся на материалы наших интервью с тувинцами, которые записывали в 2022–2023 гг. в рамках работы над проектом «Тезаурус этнической культуры в XXI веке: проблемы исследования и сохранения (на примере тувинской культуры)» (грант № 21-18-00246)[4], в том числе исследуя тему семейных фотографий (Ламажаа, Майны, Кужугет, 2024).

Семейные фотографии тувинцев 1920–1940-х гг.

История фотографии в Туве (ее появления и развития как определенной отрасли) еще не написана. Поэтому мы можем судить об определенных ее страницах лишь косвенно, опираясь и на публикации других авторов, посвященные смежным вопросам, и на сами фотодокументы с информацией, которую они несут.

Ранние фотографии тувинцев относятся к началу XX в. — ко времени, когда Туву стали посещать научные экспедиции российских этнографов, путешественников (Ф. Я. Кон, Д. Клеменц, Г. Н. Потанин, С. Р. Минцлов, П. Е. Островских и др.)[5]. Фотографии делались для того, чтобы зафиксировать экзотический для гостей быт местного населения или чтобы показать самих приезжих с тувинцами[6]

[1] Надо отметить, что в советские годы, в 1990-е гг. и даже вплоть до недавнего времени в культурных и научных учреждениях Тувы практически не существовало регламентов по использованию изображений из фондов для публикаций. Снимки брались для иллюстраций самых разных изданий без должного соблюдения авторских прав, без указания выходных данных мест хранения и архивов. Ситуацию осложняет также то, что ряд фотографий оказались продублированными, они утеряли свои сведения о первоисточниках, что вызывает даже необходимость отдельных исследований (см.: Дыртык-оол, 2013). Поэтому восстановление прав правообладателей, в том числе для того, чтобы получить от них разрешения на использование изображений в ряде случаев представляется задачей не выполнимой. Ряд интересных иллюстраций, опубликованных в газете «Центр Азии» и соответственно в книгах «Люди Центра Азии», мы использовали со ссылкой на саму газету и при любезном согласии ее главного редактора Н. М. Антуфьевой. В таких случаях мы приводим фотографию как часть иллюстрации на книжной странице, т. е. как цитирование. Там, где мы опирались на фотографии из личных архивов, с полученными разрешениями правообладателей, то указаны соответствующие личные архивы. В случае использования фотографий из фондов Национального музея Республики Тыва мы опираемся на полученное письменное разрешение от руководства музея и указываем архивные данные из музейных коллекций.

[2] Дело № 3 / Фонд № 101 [Электронный ресурс] // Нацархив. Спецпроект Национального архива Республики Тыва. URL: https://fond.gosarhivrt.ru/fond_101/delo_3 (дата обращения: 12.09.2025).

[3] В данном издании также фотографии выстроены в формате столетней истории Тувы, однако только визуальным рядом, без анализа. Краткие тексты предисловия и вводных слов к разделам по периодам, в том числе подписей даны на русском и английском языках: Черно-белая Тува. Незаконченная история …: фотоальбом / авт.-сост. С. К. Шойгу. Б. м. : Культурный фонд «Пор-Бажын», 2010.

[4] Карточка проекта фундаментальных и поисковых научных исследований, поддержанного Российским научным фондом [Электронный ресурс] // Российский научный фонд. URL: https://rscf.ru/project/21-18-00246/ (дата обращения: 12.09.2025).

[5] См. Экспедиции, 1889–1917 гг. // Черно-белая Тува. Незаконченная история …: фотоальбом / авт.-сост. С. К. Шойгу. Б. м. : Культурный фонд «Пор-Бажын», 2010. С. 48–75.

[6] Минцлов С. Р. Секретное поручение: Путешествие в Урянхай. Фотоальбом. Дневник поездки в Туву в 1914 году. Кызыл: б. и., 2014.

(Сергеева, Четырова, 2022: 185–186; Черняева, 2025). Кстати, до эпохи фотографий, фиксация могла делаться в форме рисунков, гравюр[1].

Интересующие нас фотографии тувинцев в составе семей мы находим в богатых коллекциях первого краеведа республики — первого директора краеведческого музея (ныне — Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва) — В. П. Ермолаева (Монгуш, 2013; Мунге, 2019; и др.). Он в целом считается первым фотографом края, который оставил многочисленные фотодокументы, причем сделанные в разных районах республики (Дугар-Сурун, 2013; Монгуш, 2013; Айыжы, Мандан-Хорлу, Монгуш, 2019; Эфендиева, 2023, 2024; и др.), куда он добирался на своем мотоцикле с коляской, единственном тогда на всю Туву[2]. Его фотоархивы можно назвать результатом поистине подвижнического труда, поскольку фотографирование тех лет было делом в буквальном смысле тяжелым. Надо было носить огромный аппарат со штативом, со стеклянными пластинами, снимать, накрываясь черным покрывалом (Дугар-Сурун, 2013: 19; Долгунцева, Курило, 2022). Поэтому столь ценны фотодокументы, которые сделал Ермолаев не только в разных местах Тувы, но и по разным сторонам жизни населения.

Из материалов Национального музея Республики Тыва мы можем рассмотреть в первую очередь две фотографии В. П. Ермолаева (*фото 1* и *фото 2*), как наиболее характерные.

На *фото 1* фотограф запечатлел семью возле юрты: несколько взрослых и детей группой расположились перед своим жилищем. У людей одежда простая, холщевая; у взрослых тувинские национальные халаты по покрою. Женщины с длинными косами (правда, у центральной девушки прическа кажется короткой). Все стараются смотреть в объектив, очевидно по указанию фотографирующего. На переднем плане стоят козлята, принадлежащие хозяйству.

Перейдем от описания денотативных фактов к вопросам коннотативных значений, раскрываемых нам через анализ лексий. Это показывает нам, что людей оторвали от нескончаемой череды забот, все явно вышли и собрались у юрты по просьбе фотографа. Отметим несколько очевидных визуальных лексий.

По взлохмаченной голове крайней слева стоящей женщине, которая смотрит исподлобья, очевидно, что она не знает, для чего им надо стоять: фотографирование — для многих тувинцев тогда было незнакомым делом. Но центральная возвышающаяся женщина имеет короткую стрижку, что указывает на влияние новых, революционных практик, когда женщины стали стричься. Третья женщина еще имеет длинные волосы, тем не менее, она, как и центральная, смотрит в объектив прямо. То есть женщины по разному выглядят, как бы представляя женщин с разными убеждениями, информированностью, что в те годы было не удивительным. Жизнь менялась стремительно и людям приходилось приспосабливаться к изменениям по разному.

Мужчины все сидят на земле. При этом двое молодых мужчин приняли традиционную позу *сөгеден олурары* — тело немного боком, левая нога подогнута, правая в колене согнута, — которая считается необходимой для домашней деятельности. Сделаем предположение, что это главные работники хозяйства. Сидящие в центре мужчины с детьми на коленях — уже старшее поколение.

Для всех детей позирование кажется более скучным и не понятным занятием, их лица скучающие, не понимающие смысла сидения на одном месте. (Примерно также ведут себя дети с фотографии «Старшие дети нянчатся с младшими» 1916 г. или отчаянно зевающий ребенок на руках у матери — супруги Амбын-нойона на фото 1903 г. из фотоальбома «Черно-Белая Тува»[3]).

Сама юрта бедная, что видно по ее покрытию. Тем не менее ее хозяева не нищие, поскольку одежда — национальные халаты — целые, не рваные. Дети одеты в рубашки, кто-то и без штанов.

[1] Одна из таких — «Привал в долине реки Малый Алаш» — по итогам поездки натуралиста Н. Радде в Туву по поручению Русского географического общества в 1859 г. представлена: Черно-белая Тува. Незаконченная история …: фотоальбом / авт.-сост. С. К. Шойгу. Б. м.: Культурный фонд «Пор-Бажын», 2010. С. 54. См. также гравюры на странице 55 данного фотоальбома.

[2] Рачковский В. Бог благословил учиться // Тува. XX век. Народная летопись. Кызыл: Республиканская типография, 2001. С. 68.

[3] Черно-белая Тува. Незаконченная история …: фотоальбом / авт.-сост. С. К. Шойгу. Б. м.: Культурный фонд «Пор-Бажын», 2010. С. 17 и 19.

Фото 1. Семья арата возле юрты около с. Черби, 1930 г.
Фото В. П. Ермолаева из архива НМ РТ (не имеет архивного номера).
Photo 1. Arata's family near a yurt near the village of Cherbi, 1930.
Photo by V. P. Ermolaev from the archive of the National Museum of Tuva (has no archive number).

Фото 2. Семья феодала в своей юрте, 1925 г.
Фото В. П. Ермолаева из архива НМ РТ (НМРТ КП-11286/855 Фн-Е-154 № ГК 12659253).
Photo 2. The family of the feudal lord in his yurt, 1925. Photo by V. P. Ermolaev
from the archive of the National Museum of the Republic of Tuva (NM RT KP-11286/855 Fn-E-154 № GK 12659253).

За комбинацией визуальных лексий мы также видим традиционную семью небогатых тувинцев в трех поколениях, которая живет в одной или скорее всего в нескольких соседних юртах и образует хозяйственную единицу — *аал*.

Члены другой семьи (*фото 2*) сняты внутри юрты. Здесь мужчина в центре кадра, две женщины и дети. Все в национальных халатах, даже дети. Во внутреннем убранстве юрты видны предметы быта, в том числе шкафчики, а также *дөр* — сакральное место, алтарь с изображением божества, ритуальные предметы. Все выглядит более респектабельно.

Визуальные лексии этой фотографии указывают нам на то, что перед нами семья зажиточного тувинца, или, как указано в подписи, «феодала». Люди находятся у себя дома, внутри юрты, в привычных позах на полу, как и полагается в юрте, у женщин уложены длинные волосы за спину; дети даже увлечены происходящим, их глаза горят интересом. Данная фотография нередко иллюстрирует в различных изданиях традиционный быт тувинцев, несмотря на то, она явно относится к числу богатых, то есть не типичных семей. Также детали на фоне (ритуальные предметы) указывают нам на религиозность хозяев, чего мы не видели на первой фотографии.

Возможно то, что тувинцы были сфотографированы внутри, а не снаружи, с одной стороны, иллюстрирует и интерес фотографа к богатому убранству юрты, а с другой стороны — это факт, который указывает нам на невозможность «выгнать» состоятельную семью позировать на улицу (фотограф должен принимать высокое социальное положение людей).

При всех различиях, у обеих фотографий есть и общее коннотативное значение. Например, видно, что лица у людей темные, выжженные солнцем, как это бывает у тех, кто много бывает на улице, т. е. у людей, хозяйственный труд которых проходит на природе. Несмотря на некоторые визуальные лексии, свидетельствующие о появлении новаций в быту, снимки показывают настоящий традиционный быт тувинцев-кочевников, только разных по благосостоянию. Все они находятся в настоящих условиях своей повседневной жизни, фотограф приехал к ним и фиксирует их там, где они и живут.

Другие фотографии 1930-х гг. и далее показывают явные изменения в жизни тувинцев. Например, на фотографии 1937 г., также авторства В. П. Ермолаева, которая хранится в архивах Национального музея (НМРТ КП-11286/804 № ГК 12659062), изображена семья арата, живущего в долине р. Баян-Кол (Кызылский район). Все члены семьи группой расположились перед юртой: дедушка сидит на стуле (т. е. мы видим появление стула), рядом дети на земле, а за ними стоят мужчина и две молодые женщины. Несмотря на то, что все взрослые в традиционных халатах *тон*, тем не менее на голове у мужчины кепка, а у женщин весьма модные светлые береты, причем на коротких стрижках.

Далеко не на всех снимках из государственных хранилищ и домашних архивов тех лет можно установить авторство фотографий[1], поскольку они стали делаться в том числе по заказам тувинцев. Фотографы или выезжали к ним, или сами люди приезжали туда, где работал фотограф.

В шести томах книги «Люди Центра Азии» мы отобрали 11 фотографий 1930-х гг. Авторство фотографий не указано. На всех изображены члены семей, большие или малые. Композиции постановочные — люди специально размещены группой — стоят или сидят плечом к плечу, прижавшись, они статичны и в большинстве смотрят прямо в объектив. Тот факт, что большинство фотографий изображают известных деятелей политики и культуры, указывает на их привилегированное положение. Специальное фотографирование семей в те годы было доступно только высшим слоям общества, тем, кто имел собственный фотоаппарат, или тем, кто мог приглашать фотографа.

Например, на фотографии 1931 г. (*фото 3*) изображен член правительства Тувинской Аратской Республики (ТАР) Оюн Данчай (Танчай), в окружении членов семьи: жены, брата, сыновей, дочерей (с младшей дочерью на коленях). Люди сидят уже на стульях, все смотрят в объектив, кроме женщины, которая с тревогой смотрит на маленькую дочку на коленях супруга, очевидно, опасаясь, что та заплачет. Семья находится в помещении — уже очевидно не в юрте, все одеты в тувинские национальные халаты *тон*, кроме мальчиков и малышки.

[1] В. П. Ермолаев не был единственным фотографом в Туве тех лет. Например, в Национальном музее Республики Тыва хранятся негативы 1939–1947 гг., авторами которых указаны, помимо него: «Данзын-оол, Богатырев, Тока, Андреев, Секачев, Табаев, Феоктистов, Гусаков, Карл, Лопсан-Кенден» (Айыжы, Мандан-Хорлу, Монгуш, 2019: 673).

Галина САЙЗУ

Все еще вместе. Слева направо в первом ряду: Оюн Данзын (брат), Чагар-оол (средний сын), Оюн Дижитмаа (жена), Оюн Данчай, министр иностранных дел ТАР, на коленях у отца дочь Сай-суу. Второй ряд: Хандыжаа (старшая дочь), Хурбаа (старший сын). Осень 1931 года.

Применить к ним высшую меру наказания уголовного закона ТНР».

4 сентября 1938 года на предприятиях, в учреждениях и организациях состоялись митинги, на которых ответственные работники ЦК партии и правительства сообщили о том, что органами МВД разоблачены враги тувинского народа – контрреволюционная троцкистско-кенденовская шпионская организация во главе с Чурмит-Дажы, Данчаем и Хемчик-оолом. Это был гром среди ясного неба».

Гром прогремел, и настало время массового страха.

Вчерашние коллеги, друзья, соседи не могли взять в толк: как это улыбчивый и такой простецкий дарга-начальник Оюн Данчай вместе с товарищами стал в одночасье врагом народа, да еще каким – шпионом, замыслившим продать родину японским милитаристам?

Никто ничего толком не знал и не понимал. А спросить боялись.

Маленькой Сай-суу так и не суждено было понять, почему любимого отца все называют «контрой», почему дети перестали с ней играть, и почему в глазах родных поселилась печаль?

Только русские дети не боялись к ней подходить, а их родители жалели бедную сироту.

СИРОТСКАЯ ДОЛЯ

Дядюшкина телега, натужно поскрипывая, ехала по дороге, увозя их все дальше от родного гнезда.

Теперь в нем будут жить чужие люди. И никто не вспомнит, что еще вчера тут жила их семья, которой больше нет.

Детям Оюна Данчая не нашлось места в большом городе Кызыле. Старших уволили с работы, было приказано покинуть город с предписанием не селиться вблизи аалов и населенных пунктов.

Бабушка, крепкая еще старуха, всю дорогу сокрушалась о том, что у детей, глядя на зиму, отобрали теплую одежду, сказав непонятное слово «конфискаас».

Думала бабушка, что скоро ей на покой, пора «за красной солью» отправляться, так нет – беда нежданная пришла, теперь, пока внуков малых на ноги не поставишь, умирать никак нельзя будет.

Так для Сай-суу, которой не было и десяти, началась сиротская доля.

Она скрывала от всех свою тайну о том, что приходила к запретному дому и слушала, как отец пел любимую песню о родной стороне Межегей. Теперь о нем было принято молчать даже среди самых близких.

28

Фото 3. Фото Оюна Данчая с семьей, 1931 г., в книге «Люди Центра Азии», т. 4[1].
Photo 3. Photo of Oyun Danchai with his family, 1931, in the book "People of the Center of Asia", vol. 4.

И в создании первых яслей в Кызыле – тоже ее труд. Вот видите – в ее альбоме сохранились фотография тех лет: ребятишки, и тувинские, и русские, их первые воспитательницы.

А еще она первые пионерские отряды организовывала. Когда мама в 1982 году снова вернулась жить в Кызыл, Будегечи Конзулакович Будегечиев, он в восьмидесятые годы министерством финансов Тувинской АССР руководил, вспомнил, что именно она его в пионеры принимала, и в знак признания ее заслуг очень быстро решил вопрос о персональной пенсии для Александры Георгиевны Тока».

Снова вернулась в Кызыл – это спустя сорок лет после того, как в сентябре 1941 года Шура Тока вместе с сыном Валентином вынуждена была покинуть Туву. И не по своей воле покинуть.

Понимать русскую душу

Александра Алехина была первой русской женщиной, вслед за своей любовью приехавшей из Москвы в далекую Тувинскую Народную Республику – к мужу-тувинцу.

Пример Токи оказался заразительным, после него такие интернациональные браки стали заключаться в столице СССР постоянно: здесь находили своих вторых половинок и новые выпускники Коммунистического университета трудящихся Востока, и сотрудники тувинского посольства. Так что в Кызыле даже своеобразная диаспора московских жен руководителей республики образовалась, и эти интернациональные браки уже никого не удивляли. Но в 1929 году появление Шуры с младенцем произвело в Кызыле сенсацию местного масштаба: «Тока из самой Москвы привез русскую жену!»

Сидят супруги Тока: Тока, на руках у него сын Тагба, Александра с сыном Валентином. Стоят сын ветеринара Лев Машенкин и домработница. Кызыл, конец 1933 года.

О том, что у Токи уже была на родине жена, только не по светским, а по старообрядческим церковным законам, быстро забылось. Таково свойство памяти: если какой-то факт очень стараются забыть как не соответствующий требованиям времени, то он очень быстро стирается из истории. А первый брак Токи как раз и был таким не соответствующим коммунистическим идеалам – религиозным, с предшествующим ему крещением по старообрядческому канону, что совсем не к лицу партийному лидеру даже в качестве ошибки молодости. Так что о нем и сам Тока не распространялся, и очевидцы помалкивали до времени.

В 2004 году живший в Москве орденоносец и ветеран тувинского колхозного хозяйства девяностолетний Дорофей Игнатьевич Зайцев, уроженец деревни Знаменка, сейчас это село Сарыг-Сеп, центр Каа-Хемского района, рассказал в своем интервью газете «Центр Азии» о том, как мальчишкой в ноябре 1923 года был свидетелем крещения Токи.

«Возле нашего дома стояла деревянная старообрядческая церковь, в которой староверы молились. Главным в этой церкви был Евсей Шарыпов. А Току его хозяин Михайлов решил женить на Анне Нифантьевне Лубошниковой, проживающей в Медведевке. Анна была староверка, а Тока – нехристь, поэтому и решили его сначала крестить.

Фото 4. Фото С. Тока с семьей и домработницей 1933 г. из книги «Люди Центра Азии», т. 5[2].
Photo 4. Photo of S. Toka with his family and housekeeper in 1933 from the book "People of Central Asia", vol. 5

[1] Люди Центра Азии / гл. ред. и сост.: Н. М. Антуфьева. Кызыл: Центр Азии, 2011. Т. 4: 115 интервью и очерков. С. 28.
[2] Люди Центра Азии / редкол.: Н. М. Алтуфьева, А. А. Лачугина. Кызыл: Центр Азии, 2014. Т. 5. 58 интервью и очерков. С. 761.

На снимке видны следы ретуши, тем не менее, по сравнению с темнолицыми тувинцами из вышерассмотренных фотографий *1* и *2*, явно заметно, что семья явно из высших слоев общества и не занимается тяжелым физическим трудом (за исключением брата министра с выжженным от солнца лицом).

Визуальные лексии указывают нам и на то, что это снова тувинцы традиционной культуры бытования (национальные халаты, длинные волосы женщины), тем не менее они уже находятся не в условиях привычного быта кочевников (стационарное помещение, стулья).

Подобная семейная фотография есть у С. К. Тока, в 1930 г. ставшего членом правительства ТНР, затем с 1932 г. возглавившего партийные органы республики и фактически до конца жизни бывшего руководителем Тувы (до 1973 г.). Но это уже совсем другая тувинская семья. На фотографии 1933 г. (*фото 4*) он сидит также с сыном на коленях, рядом сидит его жена Александра с другим сыном, позади четы стоит мальчик, как указано в подписи, — сын ветеринара, а сбоку прислонилась домработница. Супруга сидит, не только повернувшись в сторону мужа, но и даже немного склонившись всем корпусом к нему. Сам Тока лишь слегка наклонил голову к ней, при этом корпусом наоборот даже как бы немного отстраняясь.

Можно сказать, что денотативно оба снимка почти не различаются — и там, и там это семьи в помещениях. Люди разных возрастов, полов, сидят на стульях (кто-то из детей стоит) во время специального сеанса фотографирования. Но визуальные лексии нам указывают на разительные коннотативные отличия этой семьи от семейной группы Оюна Данчая.

Во-первых, как мы видим, одежда семьи Тока — уже не тувинская национальная. Сам Салчак Тока в стиле милитари — очень распространившемся у руководителей раннего советского государства вслед за В. И. Лениным и И. В. Сталиным (различия их предпочтений касались воротников, первый предпочитал отложной воротник, второй — стоячий; соответственно мы видим, что у Тока — ленинский тип френча). Мальчики одеты в «матроски» — популярный наряд мальчиков советского времени для возраста 4–7 лет, в основе которого лежит морская «форменка» со специфическим воротником с белыми полосками. У супруги короткая стрижка, ставшая модной в СССР в 1920-е годы, в эпоху НЭПа (новой экономической политики), когда такой тип стрижки имел идеологическое значение (противопоставлялся старорежимным косам), а кроме того был практичным и не требовал особого ухода.

Во-вторых, можно отметить, что С. Тока позирует со второй женой — русской[1], что в целом ознаменовало новшества в брачном поведении тувинцев в начале XX в. — появление межнациональных браков.

И, в-третьих, конечно же, наличие домработницы сразу указывает на новый статус и нынешнее высокое положение выходца из бедноты. Причем, если предположить, что на фотографии Оюна Данчая брат министра также оказался не случайно и, вероятно, он был помощником своего влиятельного родственника, в том числе по домашнему хозяйству, тем не менее, этот факт вполне укладывается в традиции родственных связей и взаимопомощи тувинцев. Наличие же русской домработницы у семьи Тока указывает на явно экстраординарное положение тувинца-хозяина, сторонника всего русского и советского, включая и одежду, быт и пр., и имевшего возможности для того, чтобы иметь русскую домашнюю прислугу.

Помимо данной фотографии, у семьи Тока есть и другие снимки, причем в разных композициях, локациях (на даче, во время поездки, на отдыхе), редкие в целом для тувинцев тех лет, опубликованные не только в книгах «Люди Центра Азии»[2]. Например, в 5 томе есть фотография семьи С. К. Тока уже с третьей супругой — тувинкой Х. А. Анчима 1949 г. на обкомовской даче[3]. Он также в военной форме, на груди — несколько орденов и медалей. Все члены семьи одеты по-европейски, жена и ее дочь Анна

[1] Всего у него биографы насчитывают три жены (первые две русские и третья — тувинка): Байыр-оол М. С. Три жены Тока [Электронный ресурс] // Тува.Азия. 2010. 16 октября. URL: https://www.tuva.asia/news/tuva/2738-toka-zheny.html (дата обращения: 17.04.2025).
[2] Люди Центра Азии. 50 интервью / под общ. ред. Н. Антуфьевой. М., 1998. Т. 1. С. 103; Люди Центра Азии / редкол.: Н. М. Алтуфьева, А. А. Лачугина. Кызыл: Центр Азии, 2014. Т. 5. 58 интервью и очерков. С. 758, 762, 772; Люди Центра Азии. Новосибирск: Новосиб. полигр. Комбинат, 2006. Т. 3. С. 32.
[3] Люди Центра Азии / редкол.: Н. М. Алтуфьева, А. А. Лачугина. Кызыл: Центр Азии, 2014. Т. 5. 58 интервью и очерков. С. 773.

в светлых платьях с короткими рукавами. Старший сын Валентин в костюме, на лацкане которого также виднеются ордена, причем очевидно военные, поскольку он участвовал в Великой Отечественной войне в качестве добровольца[1].

То есть две рассмотренные фотографии двух представителей политической элиты республики (*фото 3* и *4*) разительно отличаются друг от друга, показывая как бы традиционную Туву и новую, советскую. Мы знаем историю о трагической судьбе Оюна Данчая. Он был награжден высшей наградой тувинского правительства — Ордена республики за заслуги перед революционной Тувой. Тем не менее, он был в оппозиции С. К. Тока, критиковал его, обвинял в неразумной политике. В итоге в 1937 г. был репрессирован вместе с другими членами правительства ТНР и в 1938 г. расстрелян[2]. Сам С. Тока приложил лично к этому руку, призывая повышать «революционную бдительность» и ликвидировать «контрреволюционеров», следуя в своих выступлениях, установках и политике советской политике репрессий 1930-х гг.

Тем самым за пределами рассмотренных снимков мы понимаем, что смена тувинцами ориентиров — социальных, культурных, политических — сопровождалась физическим уничтожением всего, что, казалось бы, мешало строить новую Туву. Для нас в итоге две фотографии — *3* и *4* — символизируют Туву уничтоженную и Туву победившую на данном историческом этапе.

Фото 5. Кара-Кыс и Максим Мунзуки с родными, 1939 г. Фото из архива семьи Мунзуков.
Photo 5. Kara-Kys and Maxim Munzuki with their relatives, 1939. Photo from the archive of the Munzuk family.

[1] Качан И. Неучтенный тувинский доброволец. Юнга Валентин Тока [Электронный ресурс] // ИА Тува-Онлайн. 2011, 16 мая. URL: https://www.tuvaonline.ru/2011/05/16/neuchtennyy-tuvinskiy-dobrovolec-yunga-valentin-toka.html (дата обращения: 17.04.2025).
[2] Ооржак Ш. Семья с трагической судьбой [Электронный ресурс] // Тувинская правда. 2016, 27 октября. URL: https://tuvapravda.ru/arkhiv/semia-s-tragicheskoi-sudboi/ (дата обращения: 10.09.2025).

Помимо этого, среди семейных снимков 1930-х гг. также можно увидеть изображения, в которых старое соседствует с новым сразу в одном кадре в уже не таком трагическом ореоле значений.

Например, посмотрим на фотографию 1939 г. семьи известных тувинских артистов Кара-Кыс и Максима Мунзуков, совсем молодых, вместе с отцом Номзатом Оюном и братом Кара-Кыс Тунгулаком Намзатовичем Оюном, держащими на коленях двух младенцев: дедушка — внучку Урану (старшую дочь четы Мунзуков, она умерла в младенчестве из-за дизентерии), военный — своего сына Николая (*фото 5*).

Старший из трех поколений на фотографии одет в тувинский национальный халат. Старик не вполне уверен куда следует смотреть, поэтому его растерянный взгляд устремлен немного выше, чем у остальных людей. Молодежь чувствует себя явно увереннее, они смотрят ровно в объектив, а артисты оба положили руки на плечи дедушки, как бы успокаивая того. Максим Мунзук одет в европейский костюм с галстуком, Кара-Кыс — в европейское платье, впрочем с очень длинным подолом в пол и длинными рукавами, возможно, чтобы соблюдать приличия, не шокировать стариков. Ее брат сидит в военной форме, фуражке, сапогах.

Данная фотография очень показательна в том коннотативном плане каким резким произошел разрыв в стиле жизни у старшего поколения тувинцев и молодежи в эти годы, и что людям приходилось прилагать явные усилия для того, чтобы сохранять родственные связи и свою родовую, и даже этническую идентичность. Возможно, только артистическая профессия Кара-Кыс (она была знаменитой певицей народных песен и артисткой театра) стала причиной того, что она осталась с длинными косами, видными не только на данной фотографии, но и на других известных изображениях этой женщины[1]. Во многих фотографиях тех лет тувинки имеют короткие стрижки.

По словам дочери С. М. Мунзук[2], архивариуса Национального театра им. В. Кок-оола, фотография была сделана в Кызыле, в маленьком домике, недалеко от места жительства Мунзуков по улице Кочетова, в районе гостиницы «Монгулек». Там было временное помещение для оказания населению фотоуслуг.

Фотографии 2–4 являются «студийными» по характеру, то есть были сделаны в помещении, возможно с продуманным и организованным фоном. Однако, состав семей, их позы, прически и одежда рассказывают нам о важном переломном времени для тувинцев, когда их жизнь разделилась на «традиционную» и «советскую».

Пожалуй, в этом отношении еще более красноречива, т. е. богата в коннотативном плане, фотография 1943 г. «Аратка провожает сына на фронт» из фондов НМ РТ, выполненная В. Ермолаевым (*фото 6*).

Денотативно снимок очень простой. Мы видим на фотографии двух людей: женщину, которая стоит, склонившись и приобняв сидящего парня. Оба одеты в простую суконную одежду с круглыми пуговицами, молодой человек обрит наголо, его рубашка — военная. Смотрят прямо в объектив.

Но снимок несет много и личной, и культурной информации. Возраст женщины — матери — сложно оценить, поскольку она была животноводом, а тяжелый труд чабанов преждевременно старил женщин. Она будто пытается удержать сына от шага в будущее, где ему грозит смертельная опасность. Тем не менее хотя правая ее рука судорожно сжата, левая — свободно свисает. Судя по решительному взгляду юноши, его уже не удержать, впереди — фронт, он отправляется участвовать в Великой Отечественной войне против фашистов от сил ТНР. Две фигуры — матери и сына — олицетворяют два поколения Тувы — старшее, которое тревожится, но уже смирилось с тем, что его дети уходят в опасную неизвестность, и молодое, которое готово отправиться в эту неизвестность.

Добавим только, что данная жизненная история завершилась благополучно: несмотря на то, что семья получила «похоронку» на сына в 1944 г. и даже успела его «похоронить», в июле 1945 г. он вернулся живым[3].

[1] См., например: Мижит Э. Максим Мунзук / Жизнь замечательных людей Тувы. М.: Слово, 2014. С. 39.
[2] Из личной переписки с авторами статьи.
[3] Люди Центра Азии / гл. ред. и сост.: Н. М. Антуфьева. Кызыл: Центр Азии, 2011. Т. 4: 115 интервью и очерков. С. 789.

Фото 6. Аратка Д. Д. Тулуш провожает сына М. К. Докпута на фронт. Кызыл, 1943 г. Фото В. Ермолаева из фондов НМ РТ (НМРТ КП-11286/386 Фн-Е-346 № ГК 10467738).
Photo 6. Arat women D. D. Tulush is seeing her son M. K. Dokput off to the front. Kyzyl, 1943. Photo by V. Yermolayeva from of the National Museum of the Republic of Tuva (NM RT KP-11286/386 Fn-E-346 no. GK 10467738).

Другие фотографии 1940-х гг. показывают нам тувинцев старшего поколения и младшего в европейских одеждах, которые на старших смотрятся мешковато и неудобно, на младших более органично. Молодые женщины уже в коротких стрижках, мужчины часто в военной одежде с наградами, дети в разноцветных платьицах и рубашках.

Среди фотографий этого периода достаточно много таких, которые исследователи называют сконструированными с композиционной точки зрения. Тувинцы не передавались так, как, например, калмыки в образе колонизированного народа (Сергеева, Четырова, 2022), и «фотоглаз» Ермолаева был гораздо более приближенным к реалиям тувинского быта. Тем не менее, общие принципы искусственной внешней «сборки» людей в привычных для них условиях быта проглядываются. При этом изначально фотография была лишь способом показать какими видят фотографы тувинцев в их ежедневном быту семьи. Но технические характеристики фотографических аппаратов и особенности съемки, когда для получения фотографического изображения была нужна длительная неподвижность, требовали статичности и создавали сложности особенно в съемке детей. Там, где мы видим семейные фотографии, они чаще всего статичны, не вполне естественны. Однако, как мы уже показали, фотографии все равно передают важную социологическую и культурологическую информацию. Сами люди не заботились тем, как они могут и должны выглядеть. Они были сами собой. И именно это позволяет нам видеть больше информации в фотоснимках.

Также денотативно семейные изображения изначально содержали упоминания традиционного жилища — юрты (в юрте, около юрты), элементы национальной одежды, традиционных верований. Затем изображения «переместились» в другие локации, чаще всего в помещение, в искусственно созданную атмосферу профессиональной съемки, одежды люди стали терять признаки этнической культуры, менялись прически.

Семейные фотографии тувинцев 1950–1980-х гг.

Фотографии сразу четырех десятилетий от 1950-х до конца 1980-х гг. мы рассматриваем как объединенные общим советским стилем жизни. Поэтому на снимках мы можем увидеть много таких социокультурных значений и практик, о которых уже свидетельствуют исследования других авторов. Опираясь на их труды, мы только покажем это на примерах выбранных фотографий семей тувинцев.

Особенности фотографий того времени заключаются прежде всего в местах съемок, в одежде людей и составе семей. Разберем фотографии по теме локаций, попутно отмечая и остальные особенности.

На фотографиях советских лет юрт стало гораздо меньше. Образованные тувинцы с разными специальностями переехали в села, в города. Они стали фотографироваться организованно, осознанно, в том числе в фотостудиях.

Исследователи пишут, что личные фотоаппараты у советских людей перестали быть редкостью после Великой отечественной войны[1]. Тем не менее, аппараты были дорогими, их стоимость могла составлять 1–2 месячные зарплаты рабочего, поэтому приобретение их было знаковым событием в семье, одним из статистических признаков роста ее благосостояния.

Поэтому главными локациями для советских фотографий стали фотостудии. Известно, что в России фотостудии или фотографические мастерские, фотоателье появились в середине XIX в.[2] сразу вслед за Европой. Само же европейское новшество распространилось как результат публикации массовой технологии фотографии (получившей название *дагеротипия*) Л. Дагером в 1839 г. (Новая история … , 2008: 23–31). В самом Париже стали открываться заведения, которые стали расцениваться как «храмы фотографии», как новое место светского времяпрепровождения (там же: 103–129). Подобным же образом в итоге стали устраиваться и российские фотоателье: за обширной приемной для встречи клиентов следовала частная зона с офисом, с будуаром для дам, и наконец были рабочие помещения (лаборатория, кабинеты, складские помещения)[3]. В том числе фотографии становятся маркером «семейственности».

В советское время фотоателье все стали государственными и довольно однотипными (там же: 6). Но фотографирование, которое стало считаться в семьях обязательным, рассматривается уже как советская обрядность (Калачева, 2012: 74).

Историкам еще предстоит выяснить когда в Туве появилось первое фотоателье (возможно, еще в царское время). Судя по имеющимся фотографиям (см. *фото 5*), фотоателье уже работало в Кызыле в 1930-е гг. В дальнейшем оно прочно вошло в культурную жизнь не только Кызыла, но и всей республики. Фотографирование в ателье также стало восприниматься как светский выход, было большим событием, к которому заранее готовились. Тувинцы приняли новую советскую обрядность.

Так нам описывала М. К. Хомушку (1967 г. р., работник образования) всю предшествующую подготовку, сам процесс фотографирования и последующие действия:

> «В советское время обязательно делали снимки, фотоателье обязательно работали в субботу и воскресенье.
>
> Мы тогда жили в селе, поэтому специально ездили в город, чтобы сняться на фото. Поездка туда требовала большой подготовки. Например, вечером готовились: гладили одежду, платье, сворачивали в круги бантики.
>
> На завтрашний день, одевшись, мы ехали в город Ак-Довурак, там бывала очередь. Даже если народу много, все стояли и тихо ждали своей очереди. Никто не заходит вперед, не говорит о своей спешке. Все ждали, так как фотографировать – это большая работа. В то время фотографы ставили стулья, садили туда людей, тех, кто будут стоять, также ставили на место, потом смотрели, далее одного берут обратно, ставят в другую сторону, если бантик мешает, то поправляет, потом уже начинает фотографировать. Оплатив фото, нужно ждать распечатку.

[1] Круткин В. Снимки домашних альбомов и фотографический дискурс // Визуальная антропология: настройка оптики / под редакцией Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2009. С. 116.
[2] Савченко Л. Г., Клопова И. В. История фотографических мастерских России [Электронный ресурс] // Культура: теория и практика. 2017. URL: http://theoryofculture.ru/issues/77/985/ (дата обращения: 12.08.2025).
[3] Там же.

На следующей неделе за фотографиями едет один человек. Когда он берет фото и садится на обратный автобус, то оставшиеся родственники ждут автобус на остановке. Когда автобус прибудет, то все кучкой стоим и смотрим, обмениваемся фотографиями. Мы делились фото так: для той семьи, для нашей семьи».

Действительно можно говорить о новой обрядности тувинских семей, связанной с фотографированием: она имеет и элементы ритуальных действий, и праздничной атмосферы.

Посмотрим на фотографию семьи известных цирковых артистов Оскал-оолов 1950-х гг., опубликованную в 1 томе книги «Люди Центра Азии» (*фото 7*).

гастролировать по городам Советского Союза. А в 1947 году нас включили в четвертый творческий смотр в Москве.

Вот мы там-то и дали жизни! Очень понравились людям, комиссии. Было больше двухсот номеров. Мы получили в своем жанре первую премию, и нас включили в московскую программу.

В цирке на Цветном бульваре после смотра мы отработали 6 месяцев. За это время в Москву в командировку приезжало руководство нашей республики: товарищ Тока, Чимба (тогда председатель облисполкома) и другие. И все приходили в цирк, смотрели нас.

После Москвы – опять все районы Тувы. Раньше мы обязательно через год, через два обслуживали Туву.

Номер был именно национальный, очень необычный для того времени и необычный до сих пор. Тувинский реквизит, мы жонглировали предметами, которые используются в повседневной жизни: согааш (ступа), бала (пестик), палочками для обработки шерсти. Костюмы – тоже тувинские. Сначала у нас было два номера: на проволоке и общее жонглирование с использованием акробатики, эксцентрики. Потом мы сделали один большой номер.

– И сколько же лет вы ходили по проволоке?

– С 19 до 60 лет.

– Обычно на натянутой над ареной проволоке мы привыкли видеть некое юное, ловкое, воздушное существо. До шестидесяти лет ходить по проволоке! Это, явно, редкость для вашего жанра?

– Да, это редкий случай. Один армянин, правда, работал на проволоке до 70 лет. А вообще последнее мое выступление было в 1994 году в городе Брянске.

– До 70 лет в цирке! За такую богатую творческую жизнь вы, наверное, весь мир с гастролями объездили!

– Нельзя сказать, что так и весь... В так называемых социалистических странах: Венгрии, Румынии, Болгарии, Монголии – во всех были. Первые гастроли в капстранах – Индия, Бирма, Индонезия. Были в Англии, Франции, Голландии, Бельгии, Австралии, США. Вот, пожалуй, и все.

– Да, совсем чуть-чуть (смеемся)! Вы стали родоначальником целой тувинской цирковой династии. И поэтому, насколько я знаю, с вашим уходом ваш номер "Тувинские артисты" не исчез с

Мама, папа, Валя, Майя и Юра. Середина 50-х годов.

272

Фото 7. Фотография семьи Владимира Базыр-ооловича и Дунзенмы Сувановны Оскал-оолов с тремя детьми, 1953 г. из книги «Люди «Центра Азии», т. 1[1].
Photo 7. Photo of the family of Vladimir Bazyr-oolovich and Dunzenma Suvanovna Oskal-ool with three children, 1953 from the book "People of the Center of Asia", vol. 1.

Денотативное описание фотографии опять же достаточно простое: фотография сделана в фотоателье, взрослые сидят по бокам и дети по центру — младший мальчик сидит, девочки постарше стоят за ним. Одеты опрятно, даже нарядно. У мужчины на груди, на лацкане пиджака виднеется орден. Женщина в нарядном платье, с модной укладкой волос и с макияжем. Мальчик одет в военно-гимназический стиль. Девочки стоят также в темных костюмчиках, каждая с двумя косичками, уложенными за спину. На детских одеяниях видны белые канты.

[1] Люди Центра Азии. 50 интервью / под общ. ред. Н. Антуфьевой. М., 1998. Т. 1. С. 272.

Коннотативное значение фотографии, все видимые лексии позволяют говорить о том, что это семья советских граждан со всеми характерными признаками в одежде, в прическах. Д. Оскал-оол носит прическу с высоким шиньоном. Причем очевидно, что артистка была в авангарде моды, поскольку такие шиньоны («бабетта») стали популярными в 1960-е гг. и эта мода продлилась вплоть до 1980-х гг. На груди В. Оскал-оола красуется судя по всему — Орден Ленина, который он получил в 1949 г.[1] — высшая государственная награда СССР. О деталях одежды сложно судить из-за качества снимка, однако, можно отметить темный цвет в целом. В 1950-е гг. внешний вид советских граждан, прежде всего женщин, еще мало отличалась от внешнего вида в 1940-е гг., поскольку страна еще восстанавливалась от военных лет. Преобладали темные оттенки одежды, в том числе у детей. Правда, как пишут исследователи, советских детей рекомендовали одевать не в «темную» одежду, а «менее яркую и менее светлую» (Бойцова, Орех, 2016: 9).

Студийные фотографии родителей и детей, а также сестер-братьев, друзей, однокурсников и пр. широко распространились в советское время у тувинцев (и эта традиция сегодня также сохраняется, но в меньших масштабах и измененном виде, о чем мы скажем далее), прочно пошли как в социальные привычки, образовав новую обрядность (поход в студию), так и сохранились в семейных архивах. Со страниц фотоальбомов мы видим советских тувинцев: мужчин в костюмах, женщин в платьях, детей в школьной или повседневной одежде, но старательно выглаженных, причесанных. Женщины особенно следили за модой и носили прически, следуя за советскими веяниями, в том числе на прически кинозвезд. Мужчины также порой щеголяли весьма модными вещами.

Если сравнить фотографии советских тувинцев с фотографиями советских бурят, калмыков и пр., то мы практически не увидим никакой разницы между ними и далеко не всегда сможем идентифицировать этническую принадлежность запечатленных на фото людей. «Советскость», советская «культурность» стали главными идентификационными критериями для граждан страны.

И еще несколько комментариев к *фотографии 7*. При всей типичности композиции фотографии семьи Оскал-оолов, мы видим перед собой семью нетипичную — артистическую, с наградами и хорошим положением в обществе. Фотография была сделана в г. Одессе во время гастролей[2]. За рамками фотографии мы также знаем историю этой семьи, которая в Туве считается легендарной, поскольку чета Оскал-оолов не просто образовала труппу тувинских артистов цирка, но и основала целую цирковую династию и объехала множество стран мира с выступлениями[3]. При этом В. Оскал-оол был родом из простой чабанской семьи, получивший образование, в том числе в цирковом училище в г. Москве. Тем самым он стал представителем той самой «новой Тувы», о чем мы сказали ранее, полностью порвавшим с делом родителей и их образом жизни. Причем он стал даже тем редким тувинцем, который оторвался и от республики, переехал в Москву, выстроил карьеру в столице страны. Но всю профессиональную жизнь он представлял тувинское искусство, Туву, превратив этническую идентичность в одну из сторон профессиональной деятельности. Тувинское этническое в его одежде, так же как в одеждах супруги, детей, ставших также артистами цирка, осталось, но только в сценических костюмах, на афишах их номеров.

Гораздо более типична семья тувинцев с *фотографии 8*, сделанной чуть более десяти лет позже, чем предыдущая. Денотативно фотография практически повторяет снимок семьи Оскал-оолов: в фотостудии супруги сидят плечом к плечу, поддерживают руками годовалого ребенка, стоящего на коленях в центре между ними.

Визуальные лексии (свитры, простая одежда, отсутствие макияжа у женщины) над подсказывают, что это молодые люди обычных профессий, возможно сельчане. Тем не менее молодая мама также следует моде тех лет на высокие шиньоны волос, ее прическа повторяет прическу цирковой артистки.

Как мы знаем из истории семьи Ондар, запечатленной на снимке, в те годы супруги проживали в с. Шекпээр Барун-Хемчикского района, оба работали учителями (она — учителем начальных классов, он — учителем физкультуры).

[1] Сузукей В. Владимир Оскал-оол. М.: Слово, 2014. С. 300.
[2] Люди Центра Азии / редкол.: Н. М. Антуфьева, А. А. Лачугина. Кызыл: Центр Азии, 2018. Т. 6. 52 интервью и очерка ; Избранное из первого тома: 21 очерк и интервью. С. 838.
[3] Сузукей В. Владимир Оскал-оол. М.: Слово, 2014.

Фото 8. Молодая семья тувинцев Владимира Давааевича и Хилераа Сендажыевны Ондар с их первенцем, дочерью Шолбаной, примерно 1968 г. Фото из архива семьи Ондар.
Photo 8. The young Tuvan family of Vladimir Davaevich and Hileraa Sendazhievna Ondar with their firstborn, daughter Sholbana, circa 1968. Photo from the archive of the Ondar family.

Еще одно новшество отмечается на серии фотографий семей советских лет: появились и распространились фотографии на природе, чаще всего в парках отдыха, демонстрируя тем самым новые практики досуга. Семье, как ячейке социалистического общества, уделялось много внимания в политике государства. В том числе считалось важным организовывать семейный досуг правильно. Важным местом для такой организации стали специальные парки, в которых ряд развлечений для детей и взрослых были устроены в уголках зелени. Не случайно они и назывались «парками культуры и отдыха»[1]. В Кызыле такой парк был открыт еще в период Тувинской Народной Республики — в 1928 г. В 1937 г.[2] он получил официальное название «Парка культуры и отдыха»[3], а в 1960 г. получил имя Гастелло[4]. В 2009 г. посвящение летчику пропало из его официального названия, он стал «Национальным парком культуры и отдыха Республики Тыва», тем не менее и сами горожане, и администрация учреждения продолжают его называть «парком имени Гастелло».

[1] Шайгарданова Н. Л. Парк культуры и отдыха как явление культуры и воплощение советского идеологического проекта: дисс. … канд. культ. Екатеринбург, 2014; Портников, В. И., Репкина Е. А. Формирование культуры семейного досуга в условиях парка культуры и отдыха // Наука и технологии: актуальные вопросы, достижения, инновации: сборник докладов и материалов II Национальной научно-практической конференции, Москва, 29–30 октября 2018 года. М.: АНО ВО «Институт непрерывного образования», 2018. С. 180–185; Шайгарданова Н. Л. Место советского парка культуры и отдыха в пространстве современного российского города // Современный город: социальность, культуры, жизнь людей: Материалы XVII Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 14–15 апреля 2014 года / ред. коллегия: Л. А. Закс и др. Т. 1. Екатеринбург: НОУ ВПО «Гуманитарный университет», 2014. С. 502–504.

[2] См. фотографию «Вид из городского парка» 1937 г. в: Черно-белая Тува. Незаконченная история …: фотоальбом / авт.-сост. С. К. Шойгу. Б. м. : Культурный фонд «Пор-Бажын», 2010. С. 125.

[3] ГАУ «Национальный парк культуры и отдыха РТ» [Электронный ресурс] // Учреждения культуры Республики Тыва. URL: https://kntuva.ru/org/6/ (дата обращения: 14.09.2025).

[4] В честь Н. Ф. Гастелло (1907–1941), советского военного летчика, участника трех войн, известного своим подвигом во время Великой отечественной войны, когда он направил свой подбитый самолет во вражескую танковую колонну.

Дырбак Кунзегеш

вином, в виде большого исключения в честь великого дня, редактор разрешил сотрудникам отметить победу над фашистами.

Впоследствии Юрий Шойдакович часто в «Шыне» публиковался, и я заметки туда писала. Мы всегда ее очень внимательно читали, обсуждали опубликованное, особенно то, что литературной жизни касалось. И сейчас ее читаю, ведь вся жизнь моя с этой газетой прошла, всех ее сотрудников знала.

Вот у меня фото сохранилось, это мы в кызыльском парке снялись, в то время он действительно был центром и культуры, и отдыха. Вот я стою, вот заведующий отделом газеты «Шын» Маннай-оол Дембий-оолович Оюн и его супруга Сай-Хоо Даржаевна. За ними Юра выглядывает. А вот кто этот высокий мужчина в кепке, никак вспомнить не могу.

Запрещённый Пюрбю

– Кто из тувинских писателей, на ваш взгляд, оказал наибольшее влияние на формирование Юрия Шойдаковича как поэта?

– Думаю, Сергей Пюрбю. Да, он. Именно ему Юра в тринадцать лет показал свои первые стихотворные опыты. Об этой встрече он часто вспоминал: как волновался, когда шел в писательский дом, тот самый дом № 74 на улице Красноармейской, на котором сейчас мемориальная доска висит. Как доброжелательно приняли его и Сергей Бакизович, и его русская супруга – оладьями угостила, он их первый раз тогда ел.

Конечно, стихи были сырыми, ученическими, но именитый писатель внимательно прочитал их, дал советы. Спросил: а как у тебя с русским языком? Юра признался, что не очень, поскольку только что прибыл на плоту из Тоджи, в пятый класс поступил. И тогда Сергей Бакизович дал ему совет: серьезно учить язык, русскую классику читать, потому что без этого не стать поэтом.

А я в школьные годы заочно с Сергеем Бакизовичем встретилась. В Чадане был маленький магазинчик, в котором все вперемешку продавалось. Однажды в нем новая книга появилась – сборник стихов Пюрбю, на тувинском языке. Папа, привозя меня в интернат, оставлял немножко денег, чтобы могла сама купить то, что нужно. И я этот сборник купила. А потом в газете написали, что эти стихи надо сжечь, потому что они вредные, и учителя об этом тоже говорили.

– Это ведь тот самый сборник «Родная земля» 1947 года издания, тысячный тираж которого после ареста поэта действительно был полностью уничтожен в Туве. Вы свой экземпляр тоже сожгли?

– Нет, в спальне под матрас своей кровати спрятала и читала, когда никто не видел. Очень мне стихи эти нравились, понять не могла, почему их сжигать надо.

И не я одна понять не могла. В 1952 году в Кызыле учительский институт открылся, и Юра настоял на том,

Справа налево: супруги Юрий Кюнзегеш и Дырбак Кунзегеш с дочкой Верой, композитор Саая Бюрбю, супруги Нина и Сергей Пюрбю с дочкой Леной, супруга композитора Мария Бюрбю. Кызыл, парк культуры и отдыха имени Николая Гастелло. 1967 год.

232

Фото 9. Фотография семей писателя Ю. Ш. Кюнзегеша, композиторов С. Б. Пюрбю и С. М. Бюрбе в городском парке, 1967 г., из книги «Люди Центра Азии», т. 3[1].
Photo 9. Photograph of the families of the writer Y. S. Kunzegesh, the composers S. B. Purbu and S. M. Burbe in the city park, 1967, from the book "People of the Center of Asia", vol. 3.

Среди прочих видов развлечений парка — постоянных и временных (сказочный городок для детей с каруселями[2], киоски, летняя веранда, розыгрыши лотереи и пр.), в нем также работали и фотографы. Имена некоторых из них упоминаются А. О. Эфендиевой (Эфендиева, 2023: 55). В том числе исследователь отмечает и парковые фотографии В. П. Ермолаева (там же). Фотографы предоставляли услуги фотографирования для желающих. А таковые всегда находились, потому что в парк в воскресные дни шли отдыхать нарядными. Здесь проходили свидания, организовывались танцы, семьи гуляли с детьми. Например, нарядные девушки, целеустремленно идущие в парк, танцы на площади у входа в парк запечатлены на фотографиях фотоальбома «Советская Тува» 1984 г.[3]

[1] Люди Центра Азии. Новосибирск: Новосиб. полигр. Комбинат, 2006. Т. 3. С. 210.
[2] См.: Черно-белая Тува. Незаконченная история …: фотоальбом / авт.-сост. С. К. Шойгу. Б. м. : Культурный фонд «Пор-Бажын», 2010. С. 124.
[3] Советская Тува. Фотоальбом к 40-летию образования автономной Тувы. М.: Планета, 1984. С. 88, 89.

И в фотоподборках из книги «Люди Центр Азии», и из личных архивов наших респондентов многократно повторяются фотографии из кызыльского парка, а также из других парковых зон райцентров и других городов, где отдыхали тувинские семьи. Причем понятно, что практически все они сделаны в летний сезон — в условиях резко-континентального климата Тувы только в летние месяцы можно отдыхать и наслаждаться парком (Зимний досуг горожан был связан с катанием на коньках и лыжах, которые распространились с 1930-х гг., что продвигал лично С. К. Тока[1]).

Рассмотрим одну из таких фотографий — *фотографию 9*.

На снимке стоит группа людей — три мужчины, три женщины, две девочки на переднем плане, сзади виднеются деревья и проходящие люди. Фотография летняя, на женщинах и девочках светлые летние платья. Визуальные лексии подсказывают нам, что перед нами советские семьи интеллигенции национальной республики.

Мы также знаем контекст фотографии, самих персон на ней и можем сказать, что перед нами прогулка в парке имени Гастелло семей трех известных в Туве людей — композиторов С. Б. Пюрбю с супругой и дочерью, С. М. Бюрбе с супругой, а также писателя Ю. Ш. Кюнзегеша с супругой и дочерью.

Перед нами три семьи образованных тувинцев, представителей творческих профессий, одна из семей — интернациональная; все они — кызылчане и досуг у них типичный городской, летний, культурный, по правилам того времени, — в парке. Одежда у них как и полагается у советских людей того времени: костюмы, платья. Более того, одна супружеская пара отличается особым вниманием к моде: супруга композитора С. Бюрбю (крайняя слева) носит модный высокий шиньон волос, а сам С. Бюрбю (четвертый слева) — острые удлиненные уголки ворота рубашки, которые в целом стали популярны уже в 1970-е гг. и ассоциировались со стилем диско, «городской» модой эпохи (подобные образы можно увидеть в фильме «Москва слезам не верит», 1979).

Такие «парковые» снимки хранятся во многих семейных фотоальбомах городских тувинцев.

Другая вариация такой «парковой» или скорее «природной» темы — фотографии из санаториев, домов отдыха. Если в первые десятилетия советской Тувы на таких снимках мы видели чаще известных деятелей республики (политиков, писателей[2]), то впоследствии, в 1980-е гг. такие фотографии стали отмечаться и в более широких масштабах. И третья вариация семейных фотографий по природным рекреационным локациям — дачи. Это редкий вид фотографий того времени, особенно в раннесоветское время, поскольку дачи, тем более для отдыха, там, где можно было фотографироваться, были, пожалуй, только у политической элиты, в частности у С. К. Тока. Как уже выше было сказано, у него есть фотография на обкомовской даче уже с третьей супругой — тувинкой Х. А. Анчима в 1949 г.[3]

Помимо фотостудий и парков, еще одна частая локация для семейных снимков советского времени — это стена здания, чаще всего деревяного дома, узнаваемая по рисунку бревен. Использовать стены стало традицией советского фотографирования в эпоху массового увлечения фотографией в СССР (примерно с 1950–1960-х гг.)[4], потому что они были удобным фоном для фото (помогали подчеркнуть человека, создавая контраст или естественную рамку); чаще всего располагались на улице, где было естественное освещение, необходимое для качественных фото без применения искусственного света. Кроме того, фотографирование у стены было удобным, потому что можно было опереться, обеспечить строгое вертикальное или равномерное освещение и не отвлекать внимание от объекта съемки, что было важно для портретов, школьных фото и памятных снимков.

Посмотрим на *фотографию 10* в подобном стиле.

[1] См.: Черно-белая Тува. Незаконченная история …: фотоальбом / авт.-сост. С. К. Шойгу. Б. м. : Культурный фонд «Пор-Бажын», 2010. С. 124.

[2] Например, в 6 томе книги «Люди Центра Азии» есть фотография писателя С. А. Сарыг-оола с супругой М. Д. Черноусовой-Сарыг-оол в Доме отдыха г. Сочи в 1958 г.: Люди Центра Азии / редкол.: Н. М. Антуфьева, А. А. Лачугина. Кызыл: Центр Азии, 2018. Т. 6. 52 интервью и очерка ; Избранное из первого тома: 21 очерк и интервью. С. 492.

[3] Люди Центра Азии / редкол.: Н. М. Алтуфьева, А. А. Лачугина. Кызыл: Центр Азии, 2014. Т. 5. 58 интервью и очерков. С. 773.

[4] Баринова О. А. Всесоюзное увлечение. Фотография в СССР [Электронный ресурс] // История.РФ. URL: https://histrf.ru/read/articles/vsesoyuznoe-uvlechenie-fotografiya-v-sssr (дата обращения: 17.09.2025).

Фото 10. Семья Шангыр-оола Дембиреловича Монгуш (стоит справа) и Мандараа Даваевны Ондар (сидит в центре) с детьми, примерно 1970 г. Фото В. Д. Ондара.
Photo 10. The family of Shangyr-ool Dembirelovich Mongush (standing on the right) and Mandara Davaevna Ondar (sitting in the center) with their children, circa 1970. Photo by V. D. Ondar.

У сельских жителей одежда также, как у горожан, была лишена этнического колорита, традиций, хотя конечно была проще. На *фото 10* — семья сельчан на фоне стены бревенчатого дома. Одежда: ватники, платки, скромное пальто, валенки. По снимку довольно сложно понять, кто в центре сидит с ребенком, но мы получили разъяснения от владельцев снимка, что это мать семейства, супруг стоит справа, остальные — их дети. Он — лодочник, она — ветеринар. Старшие дети (две девочки и один мальчик) стоят смирно, а младший явно капризничает и ерзает на коленях матери, которая его пытается удерживать.

В целом, на фотографиях 1950–1980-х годов распространены именно нуклеарные семьи: родители и дети, а бабушки и дедушки показываются парой, но чаще — отдельно. Весьма характерным в этой связи можно назвать размещение двух отдельных фотографий двух семей на одном листе в фотоальбоме «Черно-Белая Тува», в разделе советской истории: на одной фотографии на сельской улице стоят муж и жена с детьми, на другой — пожилой пары, у которых есть семеро детей, но об этом мы узнаем только из информации в подписи[1].

Вот и здесь — на *фотографии 10* — мы снова видим семью нуклеарную — родители и дети. Ее коннотативное значение указывает лишь на то, что семья простая, рабочая, сельская, типичная для советских лет. Причем ни одна визуальная лексия нам не указывает, что фотография сделана в Туве и что перед нами тувинцы. Став советскими людьми, визуально тувинцы перестали отличаться от других советских людей азиатской внешности. О такой же тенденции исчезновения традиционных маркеров этнической идентичности в других национальных республиках Союза в советское время, причем в 1970–1980-е гг., уже писали наши коллеги из Бурятии (Базаров, Дашибалова, 2021: 229). По их наблюдениям, с 1970-х гг. «этнический костюм либо “вымывается”, т. е. исчезает с фотографий, либо используется как симулякр, сценическая или парадная бутафория» (там же).

Что касается ношения тувинцами национальной одежды, здесь следует сделать оговорку. Ее продолжали носить в повседневной жизни, но делали это только те, кто занимался традиционным жи-

[1] Черно-белая Тува. Незаконченная история …: фотоальбом / авт.-сост. С. К. Шойгу. Б. м. : Культурный фонд «Пор-Бажын», 2010. С. 182.

Фото 11. Семья животноводов Досумаа Холаевны и Баазана Багай-ооловича Сатов, начало 1960-х гг. Фото из архива У. В. Куулар.
Photo 11. The family of livestock breeders Dosumaa Kholaevna and Baazan Bagai-oolovich Sat, early 1960s. Photo from the archive of U. V. Kuular.

вотноводством. С. М. Биче-оол подчеркивала, что «национальную одежду носят преимущественно повседневно люди преклонного, пожилого возраста»[1].

Взглянем на *фотографию 11*, которая датируется началом 1960-х гг.

На фото женщина и мужчина в зимней одежде. Мы видим, что на них утепленные тувинские шубы *негей тон* (мужчина) (Ховалыг, 2018: 249) и *ой тон* (женщина) (там же: 252). Чабаны продолжали носить традиционную одежду, которая была привычна, удобна для животноводов. Подобные фотографии не подтверждают наблюдение наших бурятских коллег о том, что этническое ушло полностью в симулякр (Базаров, Дашибалова, 2021: 229). Но платок у женщины и меховая шапка у мужчины явно покупные, завозные. Стоянка данной семьи чабанов была в Адыы-Ишкине, в Сут-Хольском районе[2]. Тем не менее снимок сделан также на фоне бревенчатого дома, очевидно в момент, когда они приезжали в село.

На таком фоне и с таким же коннотативным основным значением (нивелированием этнической идентичности) нам встретилось достаточно много фотографий. Стало увеличиваться число людей со своими личными фотоаппаратами, начала развиваться любительская фотография. Фотографы уже с более легкими переносными аппаратами наносили также визиты в организации. Туда же спешно собирались люди, кто в чем, и для съемки размещали их чаще всего дежурно к стене зданий.

О таком случае нам рассказывала снова М. К. Хомушку (1967 г. р., работник образования):

> «Был интересный случай. В село приехали фотографы, чтобы снять детей в саду. Я тогда жила возле садика. Спешно собрала всех своих братьев, сестер — кто в чем был. Сделали фото. Потом сказала тете, чтобы она забрала наши фото, заплатив за них.
>
> Потом мы увидели на снимке, что моя сестренка Саида сидела в халате, а остальные были в школьных формах. Мама Саиды, моя тетя, сетовала, зачем я ей не надела красивую одежду, почему я ее в халате поставила».

Новацией в семейных фотографиях тех лет можно назвать жанр свадебных фотографий, которые стали фиксировать полный разворот в сторону советских традиций гражданского бракосочетания: женихи в костюмах, невесты в белых платьях и фате[3]. Много фотографий из ЗАГСа, с момента

[1] Биче-оол С. М. Традиционные брачно-семейные отношения у тувинцев и их изменения в связи с социалистическими преобразованиями в Туве: дисс. … канд. ист. н. Ленинград, 1974. С. 133.
[2] Люди Центра Азии / гл. ред. и сост.: Н. М. Антуфьева. Кызыл: Центр Азии, 2011. Т. 4: 115 интервью и очерков. С. 681.
[3] О том, как в советское время поменялась свадебная обрядность, как появились гражданские регистрации и стали проходить «комсомольские» свадьбы и пр. см.: Биче-оол С. М. Традиционные брачно-семейные отношения у тувинцев и их изменения в связи с социалистическими преобразованиями в Туве: дисс. …

подписания молодоженами документов; есть фотографии с застолий (у горожан — в столовых, у сельчан — во дворах, где устанавливались длинные деревяные столы и скамьи).

О других новых типах фотографий, уже вне семейной темы, мы пишем в отдельной статье (Ламажаа, Кужугет, Майны, 2024: 92).

До 1960-х гг. доминировали черно-белые фотографии, цветные появились в 1960–1970-е гг. в связи с массовым распространением в СССР производства отечественной цветной фотопленки. Тем не менее в изученных нами семейных фотоальбомах цветные фотографии чаще датируются 1980-ми гг.

Семейные фотографии также отражают и иные социальные изменения: тувинцы стали делиться на городских, сельских и животноводов. Как писала в свое время С. М. Биче-оол (Биче-оол, 1970), различий сельской жизни от городской в Туве 1960–1980-х гг., несмотря на столичный статус Кызыл, его развитую инфраструктуру, культурную жизнь, было недостаточно для того, чтобы сельчане стремились переехать в город. Села в советское время хорошо обеспечивались товарами, в них было много и работы, и своей культурной жизни.

Среди фотографий встречались разные локации съемок, не только рассмотренные, но другие (внутри юрты у чабанов, около юрты, внутри дома, на улице и др.). Мы разобрали только наиболее типичные, распространенные в советское время композиции. К концу выделенного периода вариативность мест и положений людей стала расширяться, и это происходит благодаря дальнейшему развитию фотографического дела, увеличению числа владельцев аппаратов, которые уже могли снимать членов семьи в любых локациях и ракурсах.

Семейные фотографии тувинцев 1990–2000-х гг.

Такие же фотографии семей, сделанных в ателье, на природе, у стен и пр., продолжают делаться и позднее, в том числе и в наши дни. Но мы остановимся на том, что появилось в постсоветское время сразу после развала советского государства — в 1990-е гг. и на рубеже двух тысячелетий — XX-го и XXI-го вв.

На фотографиях этого периода обращает на себя внимания одна новая тенденция — практика такой съемки, которая визуально «возвращает» семью в семейную обстановку. Ранее, как мы видели, семьи фотографировались в социальных пространствах в первую очередь (фотоателье, природа, парки, на улице у зданий, во время бракосочетаний и др.). Государственной политикой они понимались как социальные ячейки, или как ячейки, важные прежде всего для общества, «соответствующие нашей советской действительности»[1]. То же самое демонстрировали, визуализировали и семейные фотографии — выполняли функции демонстрации «советскости» и соответствия социальной политике.

А вот в 1990-е гг., уже после падения советского государства, в условиях освобождения от тотального идеологического контроля и либерализации многих сторон общественной жизни, отмечается увеличение числа фотографий семей, сделанных неформально в домашней обстановке — за столом, на диване. Фотоаппараты, в том числе с мгновенной печатью фотографии (типа Polaroid), стали доступными, распространенными, люди могли сами фотографировать себя, свои семьи, делать это в цвете и фиксировать так, как им хотелось.

Как пишет М. В. Коновалова, в 1990-е гг., которые можно считать переломными для бывших советских людей, вследствие утраты социальных ориентиров, фотографирование в целом сосредоточилось на семье, на детях[2].

канд. ист. н. Ленинград, 1974. С. 144–147. Например, фотография невесты в белом платье и фате, уезжающая с женихом в костюме на конях от юрты, опубликованная в фотоальбоме «Черно-Белая Тува» в разделе «Тува советская, 1946–1989 гг.» (Черно-белая Тува. Незаконченная история …: фотоальбом / авт.-сост. С. К. Шойгу. Б. м. : Культурный фонд «Пор-Бажын», 2010. С. 165), уже содержит редкую отсылку к традициям. Новые свадебные церемонии обходятся уже при помощи автотранспорта.

[1] Биче-оол С. М. Традиционные брачно-семейные отношения у тувинцев и их изменения в связи с социалистическими преобразованиями в Туве: дисс. … канд. ист. н. Ленинград, 1974. С. 174.

[2] Коновалова М. В. Жизненный мир жителей российской провинции 1990-х годов в отражении семейных фотографий // Диалоги о культуре и искусстве : материалы V Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 40-летию со дня основания Пермского государственного института культуры, Пермь, 20–22 октября 2015 года. Пермь: Пермский государственный институт культуры, 2015. С. 222–226.

"Принцесса Лапландии" Ира вела балетмейстерскую работу.

В-четвертых, Ира принимала участие в 1 международном фестивале мод, проходившем в Ленинграде в 1989 году. На фестивале она танцевала и демонстрировала модели из коллекции самого Рафа Сардарова.

В-пятых, Ира считает, что несмотря ни на что, самое главное в жизни женщины – семья, и только для мужа и детей она старается всегда быть красивой и нежной.

В-шестых, благодаря Ире, маленькое население дома, в котором она живет, подбирает всех бездомных кошек, кормит их, ухаживает за ними, лечит с помощью Иры и пытается пристроить к добрым людям, а к Ире обращаются за советами и консультациями многие любители кошек.

В-седьмых, Ира принимала участие в недавно прошедшем конкурсе "Белый Лотос-97", она там танцевала "Восточный танец" на первом и втором туре.

Вот такая молодая женщина Ирина Хеймер-ооловна Ондар-Пятышева с очень интересной судьбой живет у нас в городе. И муж не зря считает ее самой-самой...

Беседовала Ирина Потапенко.
("Центр Азии" № 15 от 5 августа 1993 г.)

ПРОШЛО ВРЕМЯ...

Главный герой, европейский гладкошерстный кот Бусик, стал умудренным жизненным опытом котом в самом расцвете сил, по-прежнему обожаемым всеми членами семьи. С котиком Мавриком, когда тот стал постарше, Бус стал делить территорию. Пришлось Мавра отдать добрым людям. Зато теперь у Буса есть сестра – умная собака Соня. Ей два года, и недавно у нее появились два очаровательных толстеньких щеночка.

Сама Ирина за это время работала на телеканале "Тува ТВ" и вела передачу "Все, все обо всем модном", где, помимо моды, много говорилось и о животных. А потом ей захотелось понять, сможет ли она организовать свое дело. Так появился театр "Балет и мода", где хореография переплетается с показом моделей одежды. В своем театре Ирина учит юных девушек красиво ходить, основам макияжа и умению подать себя. Уроки Ирины не прошли даром: в августе 1997 года ее ученица Олеся Родионова стала первой вице-мисс на конкурсе красоты "Дангына-97", проводимом в Кызыле. Первым помощником во всех ее делах по-прежнему остается муж Олег и дети – Володя и Элечка.

Ирина с дочерью, сыном и мудрым котом Бусиком. 1997 г.

26

Фото 12. Танцовщица Ирины Ондар с детьми дома, 1997 г., из книги «Люди Центра Азии», 1 том[1].
Photo 12. Dancer Irena Ondar with children at home, 1997, from the book "People of Central Asia", volume 1.

Примером фотографии 1990-х гг. нового типа может рассматриваться снимок И. Ондар с детьми, который был опубликован в 1 томе книге «Люди Центра Азии» (*фото 12*). И хотя в книге «Люди Центра Азии» она приведена в черно-белом формате, однако главный редактор издания Н. М. Антуфьева помнит, что оригинал был цветным[2].

Мы видим на фотографии улыбающуюся женщину, с мальчиком подростком и девочкой у него на коленях. Видно, что они находятся явно дома, потому что сзади фоном висит ковер с орнаментом (визуальная лексия традиционного элемента обстановки квартир в советское время[3]), также на руках у женщины спокойный ухоженный кот. Даже с учетом того, что женщина на фото была тележурналистом, танцовщицей, увлекалась модой и считалась в целом неординарным человеком, которая впоследствии эмигрировала во Францию и строила там карьеру танцовщицы, о чем гласит интервью с ней, даже с учетом всех особенностей ее личной истории[4], коннотативно снимок содержит также информацию об изменениях, которые стали в целом происходить в социокультурной жизни тувинцев.

[1] Люди Центра Азии. 50 интервью / под общ. ред. Н. Антуфьевой. М., 1998. Т. 1. С. 26.
[2] Из личной переписки с авторами статьи.
[3] Зачем в СССР вешали ковры на стены и откуда пошла эта традиция? [Электронный ресурс] // Ковростил. URL: https://kovrostil.ru/news/zachem_v_sssr_veshali_kovry_na_steny/ (дата обращения: 19.09.2025).
[4] Потапенко И. Ирина Ондар-Пятышева: «Кошки — мои двоюродные дети» // Люди Центра Азии. 50 интервью / под общ. ред. Н. Антуфьевой. М., 1998. Т. 1. С. 22–26.

На семейных фотографиях тех лет мы видим, что люди стали менее формальными, они, что называется, раскрепощены, расслаблены, потому что находятся дома и технические характеристики фотоаппаратов позволяют уже не сидеть долго в неподвижности, теряя эмоции. Визуальные лексии одежды также передают нам отход от канонов советскости, новые веяния. У женщины на *фото 12* модная прическа тех лет: теперь это высокий конский хвост вероятно химически завитых волос с аксессуаром из ленты и резинки с тигровым рисунком. Также видны крупные висячие серьги, яркий макияж. Наряд девочки (платье с рукавами-фонариками) сохранил моду советских девочек еще с 1950-1960-х гг. Но на мальчике, выглядывающем из-за пышного платья сестренки, виднеется футболка с явно английской надписью, на что указывает последняя видная буква «d».

Интересная деталь также видна в визуальных лексиях, связанных с фенотипами лиц. Видно, что сама женщина имеет азиатские черты лица, однако, не чистые, а дети уже почти полностью лишены их. Как мы знаем из биографии И. Ондар, ее отцом был известный в Туве математик — тувинец Х. О. Ондар, а мама — педагог, русская Е. И. Коптева. То есть сама И. Ондар была[1] ребенком смешанного происхождения — метиской. Поскольку ее дети были рождены уже от русского отца, то тувинских черт у них стало еще меньше. Мы остановились на этом моменте, чтобы подчеркнуть распространение в Туве также метисов — детей родителей в межнациональных браках, которые, как мы упоминали, появились у тувинцев с 1930-х годов. В 1950-х гг. таких браков фиксировалось уже как «очень много», причем почти всегда это были тувинец-муж и русская-жена (Доржу, 2019: 147). На наш взгляд, эта тенденция, хоть она и не слишком велика[2], и ее зримые «результаты» — дети, а также их вопросы идентичности, собственных брачных ориентиров — все это представляет собой интереснейшую страницу истории тувинского этногенеза — новую и пока совершенно не исследованную.

В целом такую же раскованность в домашней обстановке мы видим и на фотографии семьи других тувинцев (*фото 13*). Члены семьи сидят дома на диване, очень близко друг к другу, буквально прижимаясь.

Фото 13. Семья Владимира Давааевича и Хилераа Сегбеевны Ондаров с дочерями и внуком, 1993 г. Фото Э. Куулара.
Photo 13. The family of Vladimir Davaevich Ondar and Hileraa Segbeevna Ondar with their daughters and grandson, 1993. Photo by E. Kuular.

[1] Она ушла из жизни в 2021 г.: В Париже умерла уроженка Тувы, хореограф Ирина Ондар [Электронный ресурс] // ИА Тува-Онлайн. 2021, 11 мая. URL: https://www.tuvaonline.ru/2021/05/11/v-parizhe-umerla-urozhenka-tuvy-horeograf-irina-ondar.html (дата обращения: 19.09.2025).
[2] Например, З. Ю. Доржу приводит статистику этнического состава семей 1970 г. в городах Тувы, в которой 12,4% от всех семей — межнациональные (Доржу, 2019: 148).

Помимо всего прочего, данная фотография представляет еще одну новую тенденцию — «соединение», демонстрацию связи между разными поколениями тувинцев, не только родителей с детьми, но и бабушек-дедушек с внуками. Это также видно на данной *фотографии 13*. Как мы знаем, здесь члены семьи трех поколений: мужчина и женщина не только с дочерями, но и с внуком — на коленях у дедушки.

Старшие поколения тувинцев, от которых в раннее советское время отрывались дети с другим образом жизни и другими профессиям, стали уходить из жизни. Теперь же у «оторванного» поколения свои дети повзрослели и обзавелись своим потомством. Образ жизни трех поколений стал схожим — это или все горожане, или сельчане, или в целом родственники, которые живут оседло, имеют более-менее схожие биографии, опыт социализации. Они перестали делиться на представителей Тувы «старой» и «новой». Они наоборот стали нивелировать различия, более того — увеличивая ценность бабушек и дедушек, поколения уходящего.

Отмечается еще одна новая тенденция — стали появляться и распространяться фотографии членов семей в национальных одеждах. Но ярче всего эта тенденция проявилась уже несколько позже, поэтому мы вернемся к ней в следующем разделе.

Увеличилось число локаций, в которых семьи стали запечатлевать свою жизнь. Здесь можно вспомнить о том, что в советское время для жителей Тувы, как жителей приграничного региона, существовали определенные ограничения на поездки в другие регионы страны. Кроме того, на мобильность влияли уровень благосостояния советских людей, не достаточный для дальних поездок, тем более с туристическими целями даже у горожан. Выезды в другие города они осуществляли, в основном, только в связи с командировками, а в отпуска предпочитали скорее ездить в районы к своим родственникам. Поездки в санатории позволялись только если производились по путевкам, которые полностью или частично оплачивались организациями. С 1990-х гг. постепенно тувинцы начинают «осваивать» новые локации самостоятельно, причем семьями, выезжая и фотографируясь, например, на Красной площади в Москве. Появились фотографии из других стран — с поездок, в том числе туристических: в Китай, Францию, США и др.

Открытие тувинского общества в постсоветское время для приезда иностранцев вылилось в том числе и в появление нового типа браков, когда в основном женщины-тувинки стали выходить замуж за граждан других стран. В биографиях, опубликованных в книгах «Люди Центра Азии» вместе с фотографиями, мы встречаем такие семьи: американского антрополога Брайана Донахо и Кыргыс Чайзу[1], тибетского буддийского священника из Индии геше Дакпа Гуалтсо и Чинчи Саая[2], американского музыканта Шона Куирка и Светланы Сундуй[3], финского музыканта Имре Пээмота и Виктории Ховалыг[4] и др.

Фотографии семей этих лет стали гораздо более разнообразными по композиции, по локациям. Они демонстрируют, как тувинские семьи стали открывать мир, другие страны, путешествовать, как появились тувинские семьи международные.

Семейные фотографии тувинцев 2010–2020-х гг.

Наконец, самое ближний для нас период, который мы рассматриваем — первые два десятилетия XXI в., в т. ч. настоящее время. Опять же подчеркнем, все те прежние виды композиций, которые мы рассмотрели в предыдущие десятилетия, никуда не уходят полностью, вариаций фотографий становится множество. Некоторые из типов композиций, особенно фотографии семей в фотоателье, уходят в прошлое, но не полностью, просто их число гораздо меньше. Благодаря распространению фотоаппаратов, в том числе цифровых, а затем и смартфонов, фотографирование перестало быть особым ритуалом, требующим значительных организационных усилий, а также подготовки. В целом фотография как жанр стала меняться, и заметно осложнилась ее институционализация (Клеменс, 2016).

[1] Экология любви // Люди Центра Азии / гл. ред. и сост.: Н. М. Антуфьева. Кызыл: Центр Азии, 2011. Т. 4: 115 интервью и очерков. С. 750–759.
[2] Лакпа Гуалтсо: «Я прожил в монастыре 21 год» // Люди Центра Азии. Новосибирск: Новосиб. полигр. Комбинат, 2006. Т. 3. С. 69–73.
[3] Заслуженный американец // Люди Центра Азии / гл. ред. и сост.: Н. М. Антуфьева. Кызыл: Центр Азии, 2011. Т. 4: 115 интервью и очерков. С. 540–543.
[4] Эксперимент с переездом: тувинская семья в Европе // Люди Центра Азии / гл. ред. и сост.: Н. М. Антуфьева. Кызыл: Центр Азии, 2011. Т. 4: 115 интервью и очерков. С. 810–819.

Как мы уже писали, изменились и практики фотографирования, и презентации как фотографий, так и целых фотоальбомов в цифровом виде (Ламажаа, Кужугет, Майны, 2024: 94).

Учитывая изменения в методах демонстрации фотографий, их форм — на цифровые, которые возможно показывать в социальных сетях в Интернете, фотографии стали не просто формой репрезентации, хранения семейной памяти, но и формой социальной демонстрации, трансляции определенных идей, смыслов.

Поэтому в трансформации этого жанра мы будем одновременно рассматривать, по-прежнему, содержание фотографий, которые демонстрируют нам явное усиление намеченных в прошлые годы тенденций, и учитывать пути распространения снимков.

Маркеры этнической культуры, долгое время бывшей под запретом или не поощряемой социальной политикой, восстановились в одежде и людям необходимо стало это фиксировать через фотографирование. В Туве, как и во многих постсоветских национальных регионах профессия фотографа не ушла в прошлое, она даже приобрела особую популярность для заказов специальных фотосессий свадеб, юбилеев, определенных мероприятий или просто для запечатления семьи.

Остановимся на двух тенденциях, явственно показывающих: во-первых, возврат этнической репрезентации тувинцев, причем даже в форме подчеркнутой демонстрации; во-вторых, также показывающих метод сборки большой, расширенной семьи тувинцев.

Рассмотрим тенденции на *фотографиях 14–16*, сделанных в разных локациях: в фотостудии, на природе и во время свадьбы. Денотативно они весьма схожи — во всех трех случаях семьи (почти все в национальной одежде) позируют статично для фотографа, глядя в объектив. Есть только некоторые различия в композиции, в локациях и, конечно, в составе семей.

На *фотографии 14* мы видим подборку из трех фотографий семьи нынешнего главы республики В. Т. Ховалыга. Снимки были размещены в открытом доступе, в социальной сети ВКонтакте на странице В. Ховалыга в канун празднования тувинского Нового года по лунному календарю в 2012 г. и сопровождались поздравлением всем землякам с праздником Шагаа.

Посмотрим на левую из фотографий, на которой изображена большая семья. Интересно то, что композиционно члены семьи образовали как бы три ступени: сидят на стульях сам глава семьи и его супруга, на коленях у него внучка, за ними стоят два их сына с невестками по центру, а впереди на полу сидят два маленьких мальчика — внука, подобрав под себя ноги и скрестив их.

Коннотативное значение фотографии раскрывается через визуальные лексии, которые усматриваются прежде всего в элементах одежды изображенных. Все одеты в национальные халаты — наплечную одежду — *тон* разных расцветок. В далеком прошлом такую одежду обычно тувинцы шили из шкур домашних и диких животных, из дешевых тканей; китайский шелк *торгу* для пошива одежды использовали только богатые (Ховалыг, 2018: 7). Современный шелк, разумеется, не делит тувинцев по уровню достатка, он доступен всем для заказа и пошива костюмов самых разных размеров и фасонов. На всех людях *тон* имеют ступенчатый вырез верхней части левой полы, который считается маньчжурским влиянием в тувинских национальных халатах. Он сначала присутствовал только у знати, а затем превратился в характерную деталь простонародной одежды (там же: 31). То есть одеяния главы республики и членов его семьи на данном фото не имеют особых отличий, указывающих на высокое социальное положение. У большинства запечатленных не видно обуви, но у мальчика, сидящего в центре впереди, видны спортивные кроссовки.

Головной убор самого В. Т. Ховалыга может указывать на его статус чиновника — на нем шапка с островерхой тульей и красным шариком на острие, впрочем не из драгоценного камня, как это было ранее в старой Туве (там же: 37), а явно из ткани. При этом, надо сказать, что подобная форма мужской шапки на сегодня достаточно распространена и ее носят, например, музыканты, артисты. Если же следовать строго канонам одежды чиновничества, то главный нойон (князь) носил не только шарик, причем из рубина, но и перо павлина. На одеянии нынешнего руководителя республики не заметно особого стремления повторять полностью старые традиции. Одна деталь — знак герба Тувы — на передней части шапки может подчеркивать государственный статус ее владельца, однако, этот знак мы можем встретить и на головных уборах артистов[1].

[1] Уважаемый Аян Сергеевич Ширижик! … [Электронный ресурс] // Тувинский национальный оркестр. ВКонтакте. 2025, 24 сентября. URL: https://vk.com/feed?w=wall-32774879_17275 (дата обращения: 24.09.2025).

Фото 14. Фотографии семьи главы Тувы Вячеслава Товарищтаевича и Айланы Чечей-ооловны Ховалыгов с сыновьями, невестками и внуками в посте В. Т. Ховалыга ВКонтакте в связи с праздником Шагаа, 2012 г.[1]

Photo 14. Photos of the family of the head of Tuva Vyacheslav Bakhtayevich and Ailana Chechey-oolovna Khovalyg with their sons, daughters-in-law and grandchildren in a post by V. T. Khovalyg on VKontakte in connection with the Shagaa holiday, 2012

У одного из сыновей политика, а также у двух внуков также на головах также есть шапочки с навершиями *дошка* и отворотами из черной ткани с четырех сторон, которые называются *оваадай* (там же: 97) — самые распространенные у тувинцев начала XX в.

Женщины все без головных уборов, волосы уложены аккуратно, но без кос. Практически все члены семьи улыбчивы и выглядят очень дружелюбно.

Так, на *фотографии 14* мы видим представителей трех поколений современных тувинцев, которые подчеркивают свою этническую идентичность с помощью распространившихся в последнее время вариаций одежды тувинцев, не передающих точно старые традиции, но адаптированных в современных формах. Мы знаем, что члены семьи не носят эту одежду повседневно, они отмечают таким образом национальный праздник. В обычной же жизни все они — горожане, носят современную европейскую одежду, однако, есть ряд специальных дат, событий, когда для них считается важным не просто продемонстрировать свою этническую идентичность, а транслировать в тувинское общество свою приверженность традициям, в том числе крепкой семейственности. Не высокого положения, богатства, а прежде всего традиционной семейственности. Здесь надо добавить, что семья Ховалыгов в тувинском обществе действительно считается респектабельной, дружной. И, судя по словам А. Ч. Ховалыг, жены главы республики, офтальмолога по профессии, в одном из интервью, все чле-

[1] С наступающим Шагаа, дорогие земляки! [Электронный ресурс] // Владислав Ховалыг. 2022, 1 февраля. ВКонтакте. URL: https://vk.com/wall360104045_14237 (дата обращения: 20.09.2025).

ны семьи, в том числе дети и внуки также ежедневно общаются с представителем четвертого поколения семьи — матерью А. Ч. Ховалыг, т. е. прабабушкой, которая находится на заслуженном отдыхе[1].

Интересен тот факт, что В. Т. Ховалыг — третий в постсоветское время руководитель республики, но именно такая трансляция сочетания этнической идентичности с традициями семейственности осуществляется им впервые.

Напомним, что первым руководителем республики, начиная с 1990-х гг., был Президент Тувы Ш. Д. Ооржак (1992–2002). Как писалось в СМИ в те годы, он прошел три инаугурации на свою должность. На первой в 1992 г. после клятвы президента он был облачен в национальную одежду (синий шелковый халат с серебряными узорами и головной убор с символом верховной власти амбынойона), на второй — в 1997 г. он также был в национальной одежде, но менее ярких цветов, но уже без нойонской шапки, на третьей — в 2002 г. на должности главы правительства — был уже в европейском костюме[2]. Его биографическое интервью в книге «Люди Центра Азии» в 1997 г. сопровождается также семейными фотографиями, но только на одной из них президент в национальном халате — верхом на коне, во время общественного мероприятия[3].

Вторым руководителем республики был председатель Правительства Республики Тыва — глава Тувы Ш. В. Кара-оол (2007–2021). Его инаугурация, как писала журналист Н. Антуфьева, в 2007 г., содержала «европейскую и азиатскую» традиции: на площади Арата он был в национальном костюме (коричневый шелковый халат с безрукавкой, шапка с высокой тульей, красной тесьмой и красным шариком на верхушке), а в помещении муздрамтеатра[4] — уже в европейском костюме. Как мы отмечали с коллегами, Ш. В. Кара-оол давал три биографических интервью газете «Центр Азии» (в 1996, 2001 и 2009 гг.) (Ламажаа, Туймебаев, Шагимгереева, 2024: 48). Ни в одном из них нет фотографии его в национальной одежде, тем более — членов его семьи. В основном СМИ транслировали его одетым в тувинские одежды только во время общественных национальных праздников, например, Шагаа[5] в окружении коллег, подчиненных, народа.

Тем самым, можно сказать, что В. Т. Ховалыг продолжил курс на трансляцию тувинской этнической культуры главами республики в одежде, но впервые подкрепляя это и демонстрацией традиций семейственности, когда в национальное одеты все члены его семьи.

Традиции семейственности в сочетании с национальными одеждами на сегодня стали весьма распространенной темой для семейных фотографий тувинцев 2010–2020-х гг.

Фотография 15 сделана на природе, во время одного из важнейших семейно-родовых мероприятий тувинцев — *дагылга*, обряда освящения определенных природных объектов на местах кочевок предков (Дагылга: тувинские … , 2021). На фото изображена семья школьного водителя Мергена Чургуй-ооловича Кужугета, его супруги, учителя Айсуу Байыровны Кужугет и их четырех детей.

На снимке тоже такая же семейная группа из двух поколений, но стоящая на природе, в лесу. Можно также провести параллель между этой фотографией и «парковыми» фотографиями советского времени. Фоном подобных снимков, сделанных во время *дагылга*, обычно является тоже природа (лес, кустарники, трава), но при этом дикая. Обряды обычно проводят вдали от цивилизации. Настоящий снимок сделан в местечке Делег-Хол Бай-Тайгинского района, во время *дагылга* родственной группы Кужугет.

При том, что все члены семьи одеты в национальную одежду, обращают на себя внимание удобная современная обувь (кроссовки) на ногах людей, а также бейсболка на голове отца семейства.

[1] Первая Леди Тувы Айлана Ховалыг: «Любовь познается в семье» [Электронный ресурс] // SETKIL. 2021, 17 октября. ВКонтакте. URL: https://vk.com/wall-60699103_69713 (дата обращения: 20.09.2025).
[2] Антуфьева Н. По одежке встречают, по уму — провожают [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2007, № 20. URL: http://www.centerasia.ru/issue/2007/20/711-po_odyozhke_vstrechayut_po_umu.html (дата обращения: 20.09.2025).
[3] Люди Центра Азии. 50 интервью / под общ. ред. Н. Антуфьевой. М., 1998. Т. 1. С. 216.
[4] Ныне — Национального музыкально-драматического театра им. В. Кок-оола Республики Тыва.
[5] Поздравление Главы РТ Ш. В. Кара-оола с народным праздником Шагаа [Электронный ресурс] // RTyva. Yutube.com. 2014, 30 января. URL: https://www.youtube.com/watch?v=7qkg2ZnxY8o (дата обращения: 20.09.2025); Глава Тувы встретил с земляками первые лучи солнца Нового года и помолился за благополучие страны [Электронный ресурс] // RTyva. Yutube.com. 2016, 9 февраля. URL: https://www.youtube.com/watch?v=7qkg2ZnxY8o (дата обращения: 20.09.2025).

Фото 15. Семья Мергена Чургуй-ооловича и Айсуу Байыровны Кужугетов с четырьмя детьми в местечке Делег-Хол Бай-Тайгинского района, во время дагылга родственной группы Кужугет, июль 2025 г. Фото С. Р. Монгуша.
Photo 15. The family of Mergen Churguy-oolovich and Aisuu Bayyrovna Kuzhuget with four children in the village of Al-Khol in the Bay-Taiga region, during the dagylga of the Kuzhuget related group, July 2025. Photo by S. R. Mongush.

Современные тувинцы, при всем своем стремлении подчеркнуть тувинскую идентичность, тем не менее не утруждают себя полным облачением в национальную одежду, обувь и головные уборы, поскольку некоторые элементы традиционного одеяния могут быть неудобны, особенно на природе.

На последнем *фото 16*, которое мы рассмотрим, сочетаются также и современные мотивы одежды, и тувинские этнические элементы.

На снимке мы видим в центре невесту в белом свадебном пышном одеянии в окружении семьи. Обращает на себя внимание, что мужчина, женщина, а также две юные девушки и девочка, прижавшаяся к маме, одеты в одежду, стилизованную под тувинские национальные традиционные: рубашка, блузы, блузы с юбками. Причем шелковая ткань, из которой пошиты одежды, одна, поэтому семья подчеркнуто одета одинаково, в единой цветовой гамме, и эти костюмы явно были специально пошиты для торжественных случаев.

Как мы знаем, на фото изображены Салим Кара-оолович Салчак, водитель, его супруга Долаана Маадыр-оловна Салчак, банковский работник, их четыре дочери разных возрастов, одна из которых выходит замуж и держит на коленях свою крошечную дочку, т. е. представительницу уже третьего поколения семьи.

У невест-тувинок сегодня стало весьма распространенным одеяние по национальным мотивам, но тем не менее мода на белые пышные платья не ушла в прошлое (Ламажаа, Майны, 2020: 416). Однако,

Фото 16. Семья Салима Кара-ооловича Салчака и Долааны Маадыр-ооловны Салчак с дочерями (на свадьбе одной из них) и внучкой, 12 августа 2024 г. Фото из архива семьи.
Photo 16. The family of Salim Kara-oolovich Salchak and Dolaana Maadyr-oolovna Salchak with their daughters (at the wedding of one of them) and a granddaughter, August 12, 2024. Photo from the family archive.

поскольку современная свадебная обрядность стала включать целый ряд мероприятий, в том числе и обряды сватовства, которые также проходят при участии представителей семей и родственных групп, то невесты имеют возможность продемонстрировать тувинские платья там. В частности, эта же невеста со снимка изображена во время *келин айтырар* ‘обряда испрашивания невесты’ вместе с женихом в тувинских национальных халатах *тон* из шелка одного цвета — на обложке журнала «Новые исследования Тувы» № 2 2023 г.[1]

Данная *фотография 16* вошла в подборку фотографий со свадьбы и была размещена в виртуальном фотоальбоме («облаке»). Доступ к нему молодожены разослали после мероприятия своим родственникам с предложением скачать фотографии, а также присоединиться к групповому заказу тиража фотоальбома, который планировалось сделать на основе отобранных снимков.

Отдельно также можно упомянуть о том, что стало востребованным не просто фотографирование семьи, состоящей из нескольких поколений, но и нескольких семей — представителей одного *төрел, төрел бөлүк, аймак*, т. е. рода, родственной группы — потомков одного предка (бабушки/дедушки или прабабушки/прадедушки). Часто такие снимки тувинцы делают во время родовых сборов на вышеупомянутых обрядах *дагылга*. Несколько примеров подобных фотографий, которые насчитывают несколько десятков человек, приведены в нашей книге «Дагылга: тувинские обряды освящения в XXI веке»[2]. Помимо одежды тувинцы на фотографиях также используют другие элементы традиционной культуры прошлого для того, чтобы продемонстрировать свою «тувинскость», этничность. Для этого используется часто интерьер юрты, внутри которой также есть традиционная меблировка, обстановка интерьера.

[1] Новые исследования Тувы. 2023, № 2 [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. URL: https://nit.tuva.asia/nit/issue/view/58 (дата обращения: 20.09.2025)
[2] Дагылга: тувинские обряды освящения в XXI веке / под ред. Ч.К. Ламажаа, Н.Д. Сувандии. Кызыл: б. и., 2021. С. 149, 154, 159, 160, 163, 167, 171, 176, 179.

Семейные фотографии в последние годы приобрели особое значение для тувинцев, которые стремятся фотографировать свои семьи, желательно всех поколений (три и даже четыре), одетых в национальные халаты по типу традиционных тувинских — из покупного шелка самых разных расцветок. Для этих фотосессий также тщательно готовятся, даже заказывают одежды из определенной ткани, одного цвета для всех членов семьи. Поскольку речь идет не просто о снимке семьи, но о репрезентации семьи, то есть их образа, имеющего большое значение, связывающее людей с их культурными корнями, то это ответственное мероприятие требует профессионального взгляда — фотографа (Богданова, 2012: 100). Спрос на фотосессии развил заново сферу фотоуслуг, которая несколько завяла в первые постсоветские годы, и на этот раз фотографы уже специально выезжают на мероприятия, в нужные клиентам локации.

Изменения за XX век

Описав отдельные примеры фотографий по выделенным периодам в истории тувинцев, сформулируем общие выводы по всем периодам в единой логической цепи рассуждений.

Рассматривая только один вид социальной группы — семью, мы фактически работали с фотографиями одного жанра, на которых изображены люди, находящиеся в родстве, представители нескольких поколений. Денотативно такие фотографии вне зависимости от времени создания представляют не слишком большое разнообразие композиций: практически всегда люди стоят или сидят очень близко друг к другу, прижимаются плечами, маленькие дети могут сидеть на коленях родителей, старших родственников. Но коннотативное значение, которое раскрывается через анализ визуальных лексий (одежды, причесок, этнического состава изображенных, точнее визуально заметных фенотипов лиц, локаций), позволяет увидеть много закадровой информации. В том числе можно заметить несколько тенденций социокультурных изменений, которые происходили с тувинцами и их семьями за столетие, особенно если выстраивать снимки такого жанра в панораму десятилетий. Поэтому семейные фотографии также по праву называют «произведениями интертекстуальными, многослойными, сложными по своему структурному содержанию» (Демина, 2024: 62).

Фотографии семей тувинцев 1920–1940-х гг., т. е. досоветского и раннесоветского времени, показывают нам переломный момент, когда традиционный быт вот только что был, но буквально за десятилетие радикально изменился, был отброшен. В жизнь людей ворвались исторические события, включая войну; поменялась конфигурация строения общества (бывшие князья потеряли свой статус, место элиты заняла бывшая беднота, которая стала ориентироваться во всем на стиль жизнь советского государства и сделала его повсеместным); появились межнациональные браки; люди стали одеваться совершенно иначе; жизнь младших поколений пошла по другому руслу, чем у их отцов, они стали заниматься такими профессиями, которых ранее не было в тувинском обществе. Многие старики чувствовали беспомощность, кто-то пытался подстроиться, а молодежь, в том числе как и полагается ей по возрасту, была полна решимости и новых надежд. Со всей очевидностью фотофактов тувинцы стали делиться на тувинцев «старой Тувы» и «новой» (советской), причем первые стали уходить с исторической сцены, от них даже физически избавлялись, а вторые стали активными строителями всех сфер жизни.

На фотографиях советского периода (1950–1980-х гг.) заметны тенденции нового общественного расслоения, которое связано с делением тувинцев на горожан и сельчан, при этом важным фактором более высокого статуса человека является его образование и, разумеется, принадлежность к партийной номенклатуре. Тувинцы при этом почти полностью лишились маркеров тувинской этнической культуры. Они поменяли стиль одежды на советский, перестав тем самым отличаться визуально от азиатского населениях других регионов России. Поменялся их образ жизни, формы досуга; появилась новая советская обрядность. Национальная одежда стала или украшением профессии (у артистов), или осталась удобным, привычным одеянием в профессии немногочисленных чабанов-животноводов, при этом последние также использовали и другие элементы покупной одежды уже по мере необходимости.

Семейными фотографиями советских лет фиксируется нарушение внутрисемейных, внутриродовых связей, «рассыпание» тувинских семей на нуклеарные, двух поколенные, где были только родители и дети. Причем у них появилась новая советская обрядность в виде фотографирования, чаще всего в фотоателье. Иногда на снимках появлялись и бабушки, дедушки, дяди и тети, но в целом

общая тенденция на атомизацию семей и разрывы образа жизни очевидна. Причем, эта тенденция, визуализируемая на фотодокументах, подтверждается и исследованиями социокультурных практик. Та же С. М. Биче-оол отмечала появление новых видов досуга на селе, например, семейных концертов, которые начались в 1965 г. в одном из колхозов Барун-Хемчикского района, а затем распространились в других селах района и за его пределами. По мнению С. М. Биче-оол, они имеют «огромное воспитательное значение, оказывают влияние на формирование новых взаимоотношений между членами семьи, способствуют преодолению все еще имеющейся семейной замкнутости и в целом повышают культурный уровень населения»[1]. Хотя исследователь писала об утверждении советских, идеологически правильных семейных отношений, сам факт того, что советская политика активно занималась перекройкой традиционных семейно-родственных отношений, давно известен и подтверждается также данными фотоисточниками.

Поскольку фотографии в советское время, выполняемые в государственных ателье, также являлись частью идеологической системы, то они стали репрезентировать советскость тувинцев, их соответствие стандартам советской культуры. В том числе начало семейной жизни отмечается в почти стандартных фотографиях бракосочетания тувинцев в ЗАГСе.

В межнациональных браках тувинцев с представителями других этносов, в основном с русскими, распространившимися с 1930-х гг., стали подрастать дети — метисы, которые стали создавать свои семьи уже к закату советского времени.

Территориальная локализация семейных фотографий большинства тувинцев связана с Тувой, поскольку миграция тувинцев за пределы республики была редким явлением, а фотографии из мест поездок (командировки, отдых, путешествия в другие города СССР, в том числе курортные) были доступны лишь очень ограниченному числу людей.

Семейные фотографии 1990–2000-х гг., сделанные после падения СССР, также демонстрируют ряд изменений как семейной, так и социальной жизни. Из социальных пространств фокус семейной жизни переместился в дом, при этом она сама перестала быть объектом внимания и регулирования внутренней политики государства. Фотодокументы открывают реальную семейную жизнь — на диване, за столом, во дворе, в свободных позах. Этому также способствовала увеличившаяся доступность фототехники и фотопечати.

Фотографии нам показывают и заграничные веяния моды в одежде, в прическах. С 1990-х гг. жители республики получили возможность больше ездить, путешествовать, в том числе семьями. Увеличилась география снимков. А с другой стороны появились и новые типы семей тувинцев с иностранцами.

Снятие идеологических ограничений на выражение тувинской этнической идентичности привело и к появившемуся желанию людей носить национальную одежду. Она стала все больше появляться на семейных фотографиях. При этом цветная фотография и печать стали передавать все краски разнообразных орнаментов, расцветок шелка.

На фотографиях чаще появляются представители трех поколений, в том числе отдельно бабушки и дедушки со своими внуками, также и в тувинской национальной одежде. Тувинцы разных поколений уже ведут более-менее сходный образ жизни, между ними нет значительных разрывов в социализации, как в начале XX в. Тувинцы стали «склеивать» разорванные в прошлые десятилетия связи родства между поколениями. Эта тенденция освобождения семейной жизни от тотального контроля, от необходимости презентовать некие нормы единой внеэтничной социальной культуры, и тенденция на презентацию собственной этнической идентичности, которая наметилась на рубеже веков, в последующем — только усилилась.

Семейные фотографии тувинцев уже последних двух десятилетий (2010–2020-х гг.) безусловно имеют множество видов, жанров, состава, локаций. Доступность фотографирования, технологические новации, Интернет, виртуальная среда заметно разнообразили не только возможности создания снимков для семей. Они изменили также и функции самих фотографий.

Тувинцы стали не только фиксировать свои семьи для семейных альбомов, которые раньше были принято показывать, демонстрировать для всех гостей дома. Фотографии стало возможным

[1] Биче-оол С. М. Традиционные брачно-семейные отношения у тувинцев и их изменения в связи с социалистическими преобразованиями в Туве: дисс. … канд. ист. н. Ленинград, 1974. С. 157.

выкладывать в социальных сетях, что позволило сделать их инструментами демонстрации своей семьи, семейной групповой идентичности далеко за пределы семейного и даже родственного, дружеского круга. В том числе своими фотографиями семьи в национальной одежде тувинцы, начиная с главы республики, транслируют, подчеркивают свою этничность, принадлежность к своей этнической культуре. Тот факт, что национальная одежда надевается чаще всего для национальных праздников, для отдельных торжественных случаев, а также для специальных фотосессий (хотя, конечно, сегодня тувинцев не удивить и будничным национальным нарядом), говорит нам о том, что фотографирование семьи в национальных одеждах стало восприниматься как специальный акт, равный торжеству, празднику, демонстрации, визуальной декларации.

Наличие на фотографии сегодня сразу нескольких поколений членов семьи понимается как метод сборки большой семьи. В далеком прошлом тувинцы проживали и хозяйствовали так вместе. Сегодня уже многие живут в квартирах, домах обособленно, встречаясь только посещая друг друга и на семейных мероприятиях, но фотографии с большим числом членов расширенной семьи и даже нескольких семей из одного рода, родственной группы создаются для репрезентации большой группы.

Таким образом, уходя в начале XX в. от своей этничности («тувинскости») тувинцы снова возвращаются к ней — подчеркнуто, демонстративно, всеми членами семьи, хотя это возвращение не полное, без возврата к кочевой жизни в юрте, без отказа от современных домов, удобств, технологий. Тем не менее это не только визуальная декларация в виде одежды, это и возвращение связей в большой семье, родовой группе, что происходит и другими путями, в частности при помощи современных технологий общения — виртуальных чатов, мессенджеров (Ламажаа, 2021b).

Помимо всего прочего, по рассмотренным фотографиям, а также по изученным, можно сказать об *изменениях функций фотографий*, и способа взаимодействия фотографируемых тувинцев с фотографом. В начале XX в. тувинцы были пассивными объектами фотографирования. В советское время фотографирование превратилось в один из новых семейных обрядов, а сами фотографии делались для сохранения семейной памяти. Люди превратились в активных участников процесса съемки, которые понимают для чего им это надо и рассматривают в том числе фотографии как способ или зеркало самопрезентации (Богданова, 2012: 101). В XXI в. фотографии стали пониматься как способ репрезентации этнической идентичности, личного богатства в виде семьи, ее состава, а каналами для их репрезентации стали социальные сети, Интернет.

Безусловно, рассмотренная нами панорама визуальных источников — семейных фотографий тувинцев — протяженностью в век, не может считаться уникальной в тенденциях. Подобную картину можно увидеть и в других национальных регионах России, а возможно и в ряде стран СНГ. И отдельные исследования фотографий и повседневной жизни людей, которые переживали советский период истории, менялись под воздействием политики государства, избавлялись от политизации и пр. — выходили и продолжают выходить у наших коллег, правда, в основном эпизодами, отдельными историческими периодами (Круткин, 2005; Калачева, 2012; Абилова, 2015, 2022; Пивнева, 2018; Никитина, Никифорова, 2020; Базаров, Дашибалова, 2021 и др.). В нашем же случае мы впервые попытались реконструировать вековую панораму.

Заключение

Таким образом, мы проанализировали семейные фотографии тувинцев, жителей Тувы, на протяжении века, начиная с 1920-х годов и до 2020-х гг., рассматривая их и денотативное, и коннотативное значения, т. е. их формы и содержание. Исследование с вековой перспективой, хотя и выстроенное в формате обсуждения только неких вех, позволяет видеть основные социокультурные изменения в жизни тувинцев и их семей.

Как удачно сказал В. Л. Круткин, «вот уже более полутора веков фотографии наблюдают за миром, но наблюдения за фотографией заметно отстают»[1]. Это же справедливо для фотографий Тувы, история которых насчитывает более века, но которые сами долгое время оставались за полем внимания исследователей.

[1] Круткин В. Л. Фотография на границах культур // Визуальные аспекты культуры — 2006. Сборник научных статей / под ред. В. Л. Круткина, Т. А. Власовой. Ижевск, 2006. С. 117.

В тувиноведении, которое, как мы уже подчеркивали, к сожалению, больше обращено к далекому прошлому, чем к недавнему, а уж тем более — к настоящему (Ламажаа, 2021а: 5–6), и в визуальных исследованиях больше значения приобрели фотоколлекции В. П. Ермолаева, которые показывают «старую», дореволюционную, досоветскую Туву, а также то, как она менялась. Однако, это фотодокументы только начала XX в. Фотографии, показывающие жизнь тувинцев в последующие годы, есть не только в архивах общественных. Они есть и в семейных фотоальбомах у тысяч семей, они публиковались в местных СМИ. Причем, как мы видим, по ним также можно увидеть жизнь тувинцев, историю их повседневности, моду, предпочтения в одежде, формы досуга, а также отношение к фотографии.

Несмотря на нашу попытку «прочитать» каждое из выбранных фотографий со всем вниманием к деталям, можно сказать, что все равно мы прошлись по ним довольно «поверхностно», поскольку углубленный взгляд по снимкам каждого периода в их многообразии типов, композиций и локаций позволит увидеть еще больше. Поэтому данное исследование лишь задает общий вектор для дальнейших изысканий.

Благодарности

Авторы статьи благодарят многочисленных респондентов, которые помогали нам восстанавливать истории семейных фотографий, делились ими, дали разрешение на их публикацию. Спасибо главному редактору газеты «Центр Азии», издателю серии книг «Люди Центра Азии» Надежде Мухарбековне Антуфьевой за разрешение использовать материалы книг. Выражаем признательность руководству Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва за разрешение опубликовать выбранные нами фотографии В. П. Ермолаева.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абилова, Р. О. (2015) «Они всегда со мной»: к истории настенного фотоальбома // Вестник Чувашского университета. № 4. С. 5–10.

Абилова, Р. О. (2022) Детство в сельской «глубинке» сквозь призму семейных фотоальбомов // Социальное и национальное в советской культуре: к 65-летию Декады татарского искусства и литературы в Москве: сборник статей по материалам Международной научной конференции (г. Казань, 27–28 октября 2022 г.) / отв. ред. И. И. Ханипова. Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. 436 с. С. 274–285.

Айыжы, Е. В., Мандан-Хорлу, М. М., Монгуш, А. Ч. (2019) Коллекция В. П. Ермолаева как этнографический источник изучения материальной и духовной культуры тувинского этноса // Oriental Studies. № 4. С. 669–681. DOI: https://doi.org/10.22162/2619-0990-2019-44-4-669-681

Базаров, А. А., Дашибалова, И. Н. (2021) «Проявленная» этничность в семейных фотоальбомах бурят // Власть. Т. 29. № 4. С. 226–231.

Барт, Р. (1989) Избранные работы. Семиотика. Поэтиу : пер. с фр. М. : Прогресс. 616 с.

Барт, Р. (2011) Camera lucida. Комментарий к фотографии ; пер. с фр., послесл. и коммент. М. Рыклина. М. : ООО «Ад Маргинем Пресс». 272 с.

Биче-оол, С. М. (1970) Новый быт в тувинской деревне // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Вып. XIV / отв. ред. Ю. Л. Аранчын. Кызыл : Типография управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Совета Министров Тувинской АССР. 304 с. С. 26–38.

Богданова, Н. М. (2012) Фотография как инструмент социологического анализа практик конструирования визуальной самопрезентации // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 15. № 2. С. 98–113.

Бойцова, О. Ю., Орех, Е. А. (2016) От светлой одежды — к светлому будущему: дискурс о цвете детской одежды в СССР в 1950–80-хх гг. // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследования. № 6. С. 6–15.

Визуальная антропология: настройка оптики (2009) / под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М. : ООО «Вариант», ЦСПГИ. 296 с.

Визуальная антропология: российское поле (2012) : Материалы конференции в рамках VI Московского международного фестиваля визуальной антропологии «Камера-посредник», 8–12 октября 2012 г. / ред.: Е. В. Александров, Е. С. Данилко. М. : ИЭА РАН. 202 с.

Дагылга: тувинские обряды освящения в XXI веке (2021) / под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. Кызыл : б. и. 188 с.

Демина, Д. О. (2024) Семейный фотоальбом как визуальный нарратив // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». № 7. С. 55–71. DOI: https://doi.org/10.28995/2686-7249-2024-7-55-71

Долгунцева, Д. А., Курило, П. А. (2022) История создания и техническое Описание первого крупносерийного советского фотоаппарата «Фотокор» // Основные тенденции государственного и общественного развития России: история и современность. № 1. С. 24–29.

Доржу, З. Ю. (2019) Межэтническое взаимодействие русских и тувинцев в советской и постсоветской Туве (на примере национально-смешанных семей) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 144–156. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2019.1.11

Дугар-Сурун, А. М. (2013) История Республики Тыва в архивных фотодокументах очевидца В. П. Ермолаева // Первые Республиканские Ермолаевские чтения, посвященные 120-летию со дня рождения первого директора Национального музея Республики Тыва Владимира Петровича Ермолаева. Кызыл, 9–10 октября 2012 г. : сборник материалов / сост. У. Б. Нурзат. Кызыл : Типография КЦО «Аныяк». 240 с. С. 18–21.

Дыртык-оол, А. О. (2013) Исторические фотографии В. П. Ермолаева в коллективных монографиях Тувы // Первые Республиканские Ермолаевские чтения, посвященные 120-летию со дня рождения первого директора Национального музея Республики Тыва Владимира Петровича Ермолаева. Кызыл, 9–10 октября 2012 г. : сборник материалов / сост. У. Б. Нурзат. Кызыл : Типография КЦО «Аныяк». 240 с. С. 38–41.

Калачева, И. И. (2012) Фотографии как источник для реконструкции повседневности белорусской семьи в советский и постсоветский периоды // Визуальная антропология: российское поле. Материалы конференции в рамках VI Московского международного фестиваля визуальной антропологии «Камера-посредник», 8–12 октября 2012 г. / ред.: Е. В. Александров, Е. С. Данилко. М. : ИЭА РАН. 202 с. С. 66–83.

Клеменс, Я. (2016) Фотография после фотографии после фотографии // Studia Culturae. Вып. 2 (28). С.188–194.

Круткин, В. Л. (2005) Антропологический смысл фотографий семейного альбома // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. VIII. № 1. С. 171–178.

Ламажаа, Ч. К. (2021a) Очерки современной тувинской культуры. СПб. : Нестор-История. 192 с.

Ламажаа, Ч. К. (2021b) Социальная культура тувинцев и онлайн-пространство // Новые исследования Тувы. № 2. С. 115–129. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.10

Ламажаа, Ч. К., Майны, Ш. Б. (2020) Свадебная обрядность тувинцев: от установления семейных связей до социальной презентации // Oriental Studies. Т. 13. № 2. С. 405–421. DOI: https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-48-2-405-421

Ламажаа, Ч. К., Майны, Ш. Б., Кужугет, Ш. Ю. (2024) Тувинский семейный фотоальбом: социальные практики создания и хранения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. Т. 23. № 1. С. 86–97. DOI: https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-1-86-97

Ламажаа, Ч. К., Туймебаев, Ж. К., Шагимгереева, Б. Е. (2024) «Люди Центра Азии» как научный источник // Новые исследования Тувы. № 1. С. 39–54. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.3

Монгуш, О. О. (2013) Фотографии В. П. Ермолаева как исторический источник // Первые Республиканские Ермолаевские чтения, посвященные 120-летию со дня рождения первого директора Национального музея Республики Тыва Владимира Петровича Ермолаева. Кызыл, 9–10 октября 2012 г. : сборник материалов / сост. У. Б. Нурзат. Кызыл : Типография КЦО «Аныяк». 240 с. С. 42–45.

Мунге, Б. В. (2019) Фотографии В. П. Ермолаева в фондах Государственного архива Республики Тыва: состав и использование // Ермолаевские чтения. № 3. С. 153–156. DOI: https://doi.org/10.24412/2686-9624-2019-156-159

Никитина, А. К., Никифорова, С. В. (2020) История одной фотографии (опыт визуально-антропологического анализа) // Вестник СВФУ. № 1. С. 29–40.

Новая история фотографии (2008) / под ред. М. Фризо : пер. с фр., англ., нем. М. : А. Г. Наследников. 338 с.

Нуркова, В. В. (2006) Зеркало с памятью. Феномен фотографии. Культурно-исторический анализ. М. : РГГУ. 287 с.

Паштекова, М. (2015) Спасите фотографию! Эпоха постфотографии и принятие осиротевших фотографий // Studia Culturae. Вып. 3. С. 12–20.

Печурина, А. В. (2007) Визуализация социальных исследований: новые данные или новые знания // Социологический журнал. № 3. С. 81–89.

Печурина, А. В. (2010) Увидеть необычное в обычном: исследования семейной фотографии // Социологический журнал. № 2. С. 92–97.

Пивнева, Е. А. (2018) Фоторепрезентации этнической культуры обских угров // Вестник угроведения. Т. 8. № 4. С. 716–728.

Пригарин, А. (2011) Фотография в культуре и культура в фотографиях: о своеобразии этнографического типа источников // Журнал этнологии и культурологии. Revista de Etnologie Şi Culturologie. Vol. IX–X. С. 84–92.

Рождественская, Е. Ю. (2008) Перспективы визуальной социологии // Социологический журнал. № 4. С. 70–83.

Романов, П., Ярская-Смирнова, Е. (2007) Ландшафты памяти: опыт прочтения фотоальбомов // Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность / под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова, В. Круткина. Саратов : Научная книга. 528 с. С. 146–168.

Сергеева, Н. М., Четырова, Л. Б. (2022) Визуальная репрезентация ойрат-калмыков и тувинцев в контексте быта в начале XX века // Новые исследования Тувы. № 4. С. 257–275. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.19

Смирнова, Т. Б., Киссер, Т. С. (2020) Этничность российских немцев в фотографиях: видимые образы и скрытые смыслы // Уральский исторический вестник. № 3. С. 45–54.

Ховалыг, Р. Б. (2018) Тувинская традиционная одежда. Новосибирск : Наука ; НГОПО Союз писателей России. 336 с.

Чалфен, Р. (2010) Семейные фотографии как коммуникация посредством изображений // Социологический журнал. № 2. С. 98–118.

Черняева, Н. А. (2025) Визуальные образы фронтира: фотографии Тывы и тувинцев из экспедиции П. Е. Островских 1897 года собрания МАЭ РАН (Кунсткамера) // Журнал фронтирных исследования. № 3. С. 77–107. DOI: https://doi.org/10.46539/jfs.v10i3.753

Чжан Жуян, Забияко, А. А. (2019) Нарративизация семейных фотоколлекция в поисках исторической памяти и этнической самобытности русских Трехречья // Традиционная культура. Т. 20. № 4. С. 74–86.

Штомпка, П. (2007) Визуальная социология. Фотография как метод исследования. М. : Логос. 168 с.

Штомпка, П. (2009) В фокусе внимания повседневная жизнь. Новый поворот социологии // Социологические исследования. № 8. С. 3–12.

Эфендиева, А. О. (2023) Фоторетроспектива городского оазиса: Национальный парк культуры и отдыха Республики Тыва // Сибирский антропологический журнал. Т. 7. № 3. С. 54–59.

Эфендиева, А. О. (2024) Визуализация экспедиционных и археологических исследований на территории Тувы в фотографиях В. П. Ермолаева (первая половина XX века) // Северные архивы и экспедиции. Т. 8. № 4. С. 74–83.

Gillian, R. (2003) Family Photographs and Domestic Spacings: A Case Study // Transactions of the Institute of British Geographers. Vol. 28. № 1. P. 5–18.

Hudgins, N. (2010) A historical approach to family photography: class and individuality in Manchester and Lille, 1850-1914 // Journal of Social History. Vol. 43. № 3. P. 559–586.

Pandey, K. P. (2016) How Useful Photography is in Sociological Researches on Ethnic Identity Studies? // Himalayan Journal of Sociology & Anthropology. Vol. VII. P. 75–95.

Sandbye, M. (2014) Looking at the family photo album: a resumed theoretical discussion of why and how // Journal of Aesthetics & Culture. Vol. 6. Issue 1. Article 25419. DOI: https://doi.org/10.3402/jac.v6.25419

Дата поступления: 12.09.2025 г.

Дата принятия: 30.09.2025 г.

REFERENCES

Abilova, R. O. (2015) They are always with me: on the history of the wall photo album. *Vestnik Chuvashskogo Universiteta*, no. 4, pp. 5–10. (In Russ.)

Abilova, R. O. (2022) Childhood in the rural “hinterland” through the prism of family photo albums. In: I. I. Khanipova (ed.). *Social and National in Soviet Culture:* To the 65th Anniversary of the Decade of Tatar Art and Literature in Moscow. Proceedings of the International Scientific Conference (Kazan, 27–28 October 2022). Kazan, Sh. Marjani Institute of History. 436 p. Pp. 274–285. (In Russ.)

Ayyzhy, E. V., Mandan-Khorlu, M. M., Mongush, A. Ch. (2019) V. P. Yermolaev’s Collection as an Ethnographic Source for Studies of Tuvan Material and Spiritual Culture. Part 1. *Oriental Studies*, no. 4, pp. 669–681. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.22162/2619-0990-2019-44-4-669-681

Bazarov, A. A., Dashibalova, I. N. (2021) Manifested ethnicity in family photo albums of the Buryats. *Vlast’*, vol. 29, no. 4, pp. 226–231. (In Russ.)

Barthes, R. (1989) *Selected Works. Semiotics. Poetics*, trans. from French. Moscow, Progress. 616 p. (In Russ.)

Barthes, R. (2011) *Camera lucida: Reflections on Photography*, trans., afterword, and commentary by M. Rykline. Moscow, Ad Marginem Press. 272 p. (In Russ.)

Biche-ool, S. M. (1970) New way of life in a Tuvan village. In: Yu. L. Aranchyn (ed.), *Scientifc Notes of TNIIALI.* Issue XIV. Kyzyl, Typography of the Directorate for Publishing, Printing and Book Trade. 304 p. Pp. 26–38. (In Russ.)

Bogdanova, N. M. (2012) Photography as an instrument of sociological analysis of practices for constructing visual self-presentation. *Zhurnal Sotsiologii i Sotsial'noi Antropologii*, vol. 15, no. 2, pp. 98–113. (In Russ.)

Boytsova, O. Yu., Orekh, E. A. (2016) From light clothing – to a bright future: discourse on the color of children's clothing in the USSR, 1950–1980s. *Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy*, no. 6, pp. 6–15. (In Russ.)

Visual Anthropology: Setting the Optics (2009), ed. by P. Romanov and E. Yarskaya-Smirnova. Moscow, Variant, CSPGI. 296 p. (In Russ.)

Visual Anthropology: The Russian Field (2012): Proceedings of the conference at the VI Moscow International Festival of Visual Anthropology 'Camera-Mediator', 8–12 October 2012, ed. by E. V. Aleksandrov and E. S. Danilko. Moscow, IEA RAN. 202 p. (In Russ.)

Dagylga: Tuvan Rituals of Blessing in the 21st Century (2021), ed. by Ch.K. Lamajaa and N.D. Suvandii. Kyzyl, s. n. 188 p. (In Russ.)

Demina, D. O. (2024) The family photo album as a visual narrative. *Vestnik RGGU. Series: Literary Studies. Linguistics. Cultural Studies*, no. 7, pp. 55–71. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.28995/2686-7249-2024-7-55-71

Dolgunceva, D. A. and Kurilo, P. A. (2022) History of creation and technical description of the first mass-produced Soviet camera "Fotokor". *Osnovnye tendentsii gosudarstvennogo i obshchestvennogo razvitiya Rossii: istoriya i sovremennost'*, no. 1, pp. 24–29. (In Russ.)

Dorzhu, Z. Yu. (2019) Interethnic interaction between Russians and Tuvans in Soviet and post-Soviet Tuva (on the example of nationally mixed families). *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 144–156. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2019.1.11

Dugar-Surun, A. M. (2013) History of the Republic of Tyva in archival photographic documents of eyewitness V. P. Ermolayev. In: U. B. Nurzat (comp.). *First Republican Ermolayev Readings dedicated to the 120th anniversary of the birth of the first director of the National Museum of the Republic of Tuva Vladimir Petrovich Ermolayev. Kyzyl, 9–10 October 2012*: collection of materials. Kyzyl, KCO 'Anyak' Printing. 240 p. Pp. 18–21. (In Russ.)

Dytryk-ool, A. O. (2013) Historical photographs by V. P. Ermolayev in collective monographs of Tuva. In: U. B. Nurzat (comp.). *First Republican Ermolayev Readings dedicated to the 120th anniversary of the birth of the first director of the National Museum of the Republic of Tuva Vladimir Petrovich Ermolayev. Kyzyl, 9–10 October 2012*: collection of materials. Kyzyl, KCO 'Anyak' Printing. 240 p. Pp. 38–41. (In Russ.)

Kalacheva, I. I. (2012) Photographs as a source for reconstruction of the everyday life of Belarusian families in Soviet and post-Soviet periods. In: E. V. Alexandrov, E. S. Danilko (eds.). *Visual Anthropology: The Russian Field.* Proceedings of the conference at the VI Moscow International Festival of Visual Anthropology "Camera-Mediator", 8–12 October 2012. Moscow, IEA RAN. 202 p. Pp. 66–83. (In Russ.)

Klemens, Ya. (2016) Photography after photography after photography. *Studia Culturae*, issue 2 (28), pp. 188–194. (In Russ.)

Krutkin, V. L. (2005) Anthropological meaning of family album photographs. *Zhurnal Sotsiologii i Sotsial'noi Antropologii*, vol. VIII, no. 1, pp. 171–178. (In Russ.)

Lamazhaa, Ch. K. (2021a) *Essays on contemporary Tuvan culture.* St. Petersburg, Nestor-Istoriya. 192 p. (In Russ.)

Lamazhaa, Ch. K. (2021b) Social culture of Tuvans and online space. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 115–129. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.10

Lamazhaa, Ch. K. and Mayny, Sh. B. (2020) Wedding rituals of Tuvans: from the establishment of family ties to social presentation. *Oriental Studies*, vol. 13, no. 2, pp. 405–421. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-48-2-405-421

Lamazhaa, Ch. K., Mayny, Sh. B. and Kuzhuget, Sh. Yu. (2024) Tuvan family photo album: social practices of creation and preservation. *Vestnik Rossiiskogo Universiteta Druzhby Narodov. Seriya: Istoriya Rossii*, vol. 23, no. 1, pp. 86–97. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-1-86-97

Lamazhaa, Ch. K., Tuymebaev, Zh. K. and Shagimgereeva, B. E. (2024) People of Central Asia as a scientific source. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 39–54. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.3

Mongush, O. O. (2013) Photographs by V. P. Ermolayev as a historical source. In: U. B. Nurzat (comp.). *First Republican Ermolayev Readings dedicated to the 120th anniversary of the birth of the first director of the National Museum of the Republic of Tyva Vladimir Petrovich Ermolayev.* Kyzyl, 9–10 October 2012: collection of materials. Kyzyl, KCO 'Anyak' Printing. 240 p. Pp. 42–45. (In Russ.)

Munge, B. V. (2019) Photographs of V.P. Ermolayev in the collections of the State Archive of the Republic of Tuva: composition and use. *Ermolaevskie Chteniya*, no. 3, pp. 153–156. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.24412/2686-9624-2019-156-159

Nikitina, A. K. and Nikiforova, S. V. (2020) The history of one photograph (a visual-anthropological analysis). *Vestnik SVFU*, no. 1, pp. 29–40. (In Russ.)

New History of Photography (2008), ed. by M. Frizo, trans. from French, English, German. Moscow, A. G. Nasledniko v. 338 p. (In Russ.)

Nurkova, V. V. (2006) *Mirror with Memory. The Phenomenon of Photography: Cultural-Historical Analysis.* Moscow, RGGU. 287 p. (In Russ.)

Pashtekova, M. (2015) Save the photograph! The era of post-photography and the adoption of orphaned photographs. *Studia Culturae*, issue 3, pp. 12–20. (In Russ.)

Pechurina, A. V. (2007) Visualization of social research: new data or new knowledge. *Sotsiologicheskii Zhurnal*, no. 3, pp. 81–89. (In Russ.)

Pechurina, A. V. (2010) Seeing the unusual in the ordinary: studies of family photography. *Sotsiologicheskii Zhurnal*, no. 2, pp. 92–97. (In Russ.)

Pivneva, E. A. (2018) Photorepresentations of the ethnic culture of the Ob Ugrians. *Vestnik Ugrovedeniya*, vol. 8, no. 4, pp. 716–728. (In Russ.)

Prigarin, A. (2011) Photography in culture and culture in photography: on the peculiarities of the ethnographic type of sources. *Zhurnal Etnologii i Kulturologii / Revista de Etnologie Şi Culturologie*, vol. IX–X, pp. 84–92. (In Russ.)

Rozhdestvenskaya, E. Yu. (2008) Perspectives of visual sociology. *Sotsiologicheskii Zhurnal*, no. 4, pp. 70–83. (In Russ.)

Romanov, P. and Yarskaya-Smirnova, E. (2007) Landscapes of memory: an experience of reading photo albums. In: E. Yarskaya-Smirnova, P. Romanov and V. Krutkin (eds.). *Visual Anthropology: New Views on Social Reality.* Saratov, Nauchnaia Kniga. 528 p. Pp. 146–168. (In Russ.)

Sergeeva, N. M. and Chetyrova, L. B. (2022) Visual representation of Oirat-Kalmyks and Tuvans in the context of daily life at the beginning of the 20th century. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 257–275. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.19

Smirnova, T. B. and Kisser, T. S. (2020) Ethnicity of Russian Germans in photographs: visible images and hidden meanings. *Uralskii Istoricheskii Vestnik*, no. 3, pp. 45–54. (In Russ.)

Khovalyg, R. B. (2018) *Tuvan Traditional Clothing.* Novosibirsk, Nauka; NGOPU Soyuz Pisatelei Rossii. 336 p. (In Russ.)

Chalfen, R. (2010) Family photographs as communication by means of images. *Sotsiologicheskii Zhurnal*, no. 2, pp. 98-118. (In Russ.)

Chernyaeva, N. A. (2025) Visual images of the frontier: photographs of Tuva and Tuvans from the 1897 expedition of P. E. Ostrovskikh from the MAE RAS (Kunstkamera) collection. *Zhurnal Frontirnykh Issledovanii*, no. 3, pp. 77–107. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.46539/jfs.v10i3.753

Zhang Zhuyuan and Zabyako, A. A. (2019) Narrativisation of family photo collections in search for historical memory and ethnic identity of the Russians of Sanjiang. *Traditsionnaya Kul'tura*, vol. 20, no. 4, pp. 74–86. (In Russ.)

Sztompka, P. (2007) *Visual Sociology. Photography as a Method of Research*. Moscow, Logos. 168 p. (In Russ.)

Sztompka, P. (2009) Everyday life in focus. A new turn in sociology. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, no. 8, pp. 3–12. (In Russ.)

Efendiyeva, A. O. (2023) Photoretrospective of the urban oasis: National Park of Culture and Recreation of the Republic of Tuva. *Sibirskii Antropologicheskii Zhurnal*, vol. 7, no. 3, pp. 54–59. (In Russ.)

Efendiyeva, A. O. (2024) Visualization of expeditionary and archaeological research in Tuva through the photographs of V.P. Ermolayev (first half of the 20th century). *Severnye Arkhivy i Ekspeditsii*, vol. 8, no. 4, pp. 74–83. (In Russ.)

Gillian, R. (2003) Family Photographs and Domestic Spacings: A Case Study. *Transactions of the Institute of British Geographers*, vol. 28, no. 1, pp. 5–18.

Hudgins, N. (2010) A historical approach to family photography: class and individuality in Manchester and Lille, 1850-1914. *Journal of Social History*, vol. 43, no. 3, pp. 559–586.

Pandey, K. P. (2016) How Useful Photography is in Sociological Researches on Ethnic Identity Studies? *Himalayan Journal of Sociology & Anthropology*, vol. VII, pp. 75–95.

Sandbye, M. (2014) Looking at the family photo album: a resumed theoretical discussion of why and how. *Journal of Aesthetics & Culture*, vol. 6, issue 1, article 25419. DOI: https://doi.org/10.3402/jac.v6.25419

Submission date: 12.09.2025.
Acceptance date: 30.09.2025.

DOI: 10.25178/nit.2025.4.10

Статья

Школы-интернаты в Тувинской АССР: между советской цивилизованностью и традиционной культурой

Эртине С. Доптан
Национальный Исследовательский Университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация

В статье представлен анализ школ-интернатов в Тувинской АССР (1940–1980-е гг.) как социальных институтов, формировавших коллективный опыт тувинского народа в советский период. Автор рассматривает школы-интернаты как часть советской политики колонизации, направленной на ассимиляцию коренных народов Сибири и Центральной Азии посредством приучения к социалистическим ценностям и оседлому образу жизни.

В основе исследования лежит качественный социологический подход, включая сбор устных историй и биографических интервью с бывшими воспитанниками интернатов в разных районах Тувы, а также анализ архивных материалов и публикаций в региональных СМИ. Автор раскрывает структуру интерната, особенности дисциплинарного режима, условия проживания, питания и одежды, а также механизмы внедрения и вытеснения элементов традиционной культуры и языка. Обнаружено, что несмотря на строгий контроль и идеологизацию, внутри интерната сохранялась скрытая практика традиционной культуры, а отношение к советским новшествам обладало временной и вариативной характеристикой: позитивные воспоминания соседствуют с нарративами о травме и тоске по родному дому.

Выявляется противоречивая роль интернатов: с одной стороны они выступали инструментом социализации и предоставления благ, с другой — были источником коллективной травмы, связанной с разрывом семейных связей и утратой части этнокультурной идентичности.

В заключении автор подчеркивает уникальность тувинского опыта интернатов как гибридной формы социализации, сочетающей советские и локальные элементы.

Ключевые слова: *интернат; коренной этнос; деколониалиальность; традиционная культура; советизация; Тува; тувинцы; история Тувы*

Для цитирования:
Доптан Э. С. Школы-интернаты в Тувинской АССР: между советской цивилизованностью и традиционной культурой // Новые исследования Тувы. 2025. № 4. С. 176-189. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.10

Доптан Эртине Сарыг-оолович — студент магистратуры Департамента истории Национального Исследовательского Университета «Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург. Адрес:190068, Россия, г. Санкт-Петербург, Набережная канала Грибоедова, 123 лит А. Эл. адрес: doptanertine@gmail.com

DOPTAN, Ertine Saryg-oolovich, Master's Student, Department of History, HSE University. Postal address: 123 A, Griboyedov Canal Embankment, St. Petersburg, 190068, Russia. E-mail: doptanertine@gmail.com

ORCID: 0009-0000-7340-5330

Article

Boarding schools in the Tuvan ASSR: between Soviet civility and traditional culture

Ertine S. Doptan
HSE University, Russian Federation

The article presents an analysis of boarding schools in the Tuvan ASSR (1940s–1980s) as social institutions that shaped the collective experience of the Tuvan people during the Soviet period. The author examines boarding schools as part of Soviet colonization policies aimed at assimilating the indigenous peoples of Siberia and Central Asia through the inculcation of socialist values and the promotion of a sedentary lifestyle.

The research is based on a qualitative sociological approach, including the collection of oral histories and biographical interviews with former boarding school students from different districts of Tuva, as well as an examination of archival materials and publications in regional media. The author explores the structure of boarding schools, the features of the disciplinary regime, living conditions, food and clothing, as well as the mechanisms of introducing and displacing elements of traditional culture and language. It was found that despite strict control and ideological influence, boarding schools preserved a hidden practice of traditional culture, while attitudes toward Soviet innovations were temporally and situationally variable: positive memories coexist with narratives of trauma and longing for home.

The contradictory role of boarding schools is revealed: on the one hand, they functioned as instruments of socialization and provision of benefits; on the other, they became sources of collective trauma associated with the disruption of family ties and the loss of part of ethnocultural identity.

In conclusion, the author emphasizes the uniqueness of the Tuvan boarding school experience as a hybrid form of socialization, combining Soviet and local elements.

Keywords: *boarding school; indigenous people; decoloniality; traditional culture; Sovietization; Tuva; Tuvans; history of Tuva*

For citation:
Doptan E. S. Boarding schools in the Tuvan ASSR: between Soviet civility and traditional culture. *New Research of Tuva*, 2025, no. 4, pp. 176-189. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.10

Введение

Советская модель колонизации часто вовлекала принудительные методы (Kreindler, 1986) и дисциплинарные институты (Annus, 2012) для ассимиляции коренных народов многих регионов бывшего СССР. Одной из более распространенных форм таких институтов стали школы-интернаты, где обучались дети кочевников Севера, Сибири и Центральной Азии. Они создавались с целью приучения детей этих народов социалистическим ценностям, седентарному образу жизни, и общей цивилизации населения (Bloch, 2004; Rashidov, 2019).

Интерес к этой теме резко возрос после распада СССР. Многие из этих школ-интернатов потеряли финансирование и закрылись. Появилось поле для обсуждения роли этих интернатов в жизни коренных народов, для исследований памяти об этих интернатах. Хотя в некоторых регионах они существуют до сих пор, например, на Ямале или в Республике Саха (Лярская, 2006).

Вместе с появлением исследований на эту тему возникают и разные позиции относительно этих институтов. Как пишет Е. Лярская (Liarskaya, 2004), существуют две основные линии повествования: одна признает некоторые принудительные практики, но в целом позитивно оценивает роль интернатов для коренных народов, другая же, более критическая, точка зрения предлагает рассматривать интернаты как исключительно инструменты колонизации, освещая их негативные последствия, например, плохую адаптацию выпускников вне интерната. Она также упоминает, что интернаты в разных республиках Союза сильно различались по уровню внедрения в учебное пространство элементов традиционной культуры. В некоторых районах традиционная культура была частью учебного плана, в то время, как в Советской Лапландии для саами в 1920–1930-х гг. это была табуированная тема[1]. В зависимости от исторического периода толерантность государства к элементам традиционной культуры в сфере образования варьировалась, поэтому в данном исследовании рассматривается конкретный период 1960–1980-х в Туве, когда интернаты получили наибольшее распространение.

Учитывая выше упомянутое, в данном исследовании проводится анализ формального и неформального пространства школ-интернатов в Тувинской АССР, которые появились в 1940-х гг. с началом кампании по седентаризации населения.

Школы-интернаты в Туве, существовавшие массово вплоть до распада СССР, являются мало освещенными в историографии республики, хотя по степени важности их влияния на современную Туву могут рассматриваться как ключевые институты, которые сформировали коллективный опыт нескольких поколений. Школы-интернаты во многом были «социальным экспериментом», потому что они были необходимой мерой для перехода населения на оседлый образ жизни. Как пишет М. Харунова, переход на оседлость в Туве был связан с появлением новых институтов, которых не было до этого в республике[2]. К их числу также относят и интернаты, пришедшие на смену кочевым школам (Маады, 2017), существовавших в Тувинской Народной Республике (далее — ТНР), и специально созданные для повышения грамотности населения по программе «всеобуча» (Национальный архив Республики Тыва, ф. 289, оп. 1, д. 179, л. 24) сначала с четырехлетней, а потом с семилетней и десятилетней школой. Поэтому, важно изучить, как были устроены формальные и неформальные пространства школ-интернатов в Тувинской АССР, чтобы понять, насколько идеологизированным и колониальным был этот опыт для поколения тувинцев, которые обучались в школах-интернатах. Такого рода исследования также важны с общей растущей актуальностью темы школ-интернатов, которые были созданы для ассимиляции коренных народов в империалистических странах.

В западной науке для изучения подобных процессов обращаются к опыту людей, переживших *boarding/residential schools* (аналог школ-интернатов). Результаты исследований показывают сложность и неоднозначность роли школ-интернатов для этих поколений, так как чаще эти институты становятся чем-то больше, чем инструмент дисциплинирования и принудительной ассимиляции. Например, интернаты становятся «местами памяти» для коренных народов, формируя коллективную идентичность в исторической перспективе (Dawson, 2012; Gibson, 2016; Nora, 1989), при этом опыт многих выпускников школ-интернатов наполнен травматическими нарративами об утрате связи с сообществом. И хотя, структура школ-интернатов и их задачи различались в СССР и западных странах, в XX в. эти институты получают наибольшее распространение, но под конец века они распадаются, становясь предметом дебат среди коренных народов. Следовательно, противоречивость школ-интернатов, обсуждаемая в мировой науке, открывает поле для дискуссий о тувинском кейсе.

Материалы и методы

Исследование было проведено с использованием качественного дизайна. Это объясняется тем, что тема памяти о травматическом опыте чаще всего исследуется через нарративные практики, например, биографическое интервью, устные истории/сторителлинг (Charbonneau-Dahlen, Lowe, Morris, 2016; Allemann, Dudeck, 2017). Более того, исследовательский вопрос требует обращения к опыту

[1] Afanasyeva A. Boarding School Education of the Sami People in Soviet Union (1935–1989): Experiences of Three Generations: Doctoral Thesis. Tromsø, 2019.
[2] Харунова М. М.-Б. Социально-политические преобразования в Тувинской автономной области, 1944–1961 гг.: дисс. … канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2003. С. 110–111.

людей, прошедших через интернаты. Устные истории были использованы во многих исследованиях индигенных сообществ, так как позволяют глубинно рефлексировать над опытом сообщества.

Помимо этого в дизайн была включена работа с архивными данными, которые могли бы предоставить фактические данные о школах-интернатах в Туве. Работа с данными проводилась в Национальном архиве Республики Тыва (далее — НА РТ). Для анализа рассматривались отчеты Министерства Просвещения ТАССР по школам-интернатам и детским садам за 1965–1985 года (НА РТ, ф. 289, д. 105; 134; 179; 226; 317; 375; 428; 596; 597; 819). Архивные данные также были важны для исследований нарративов о школах-интернатах, например, в контексте Таджикской ССР (Rashidov, 2019).

Выборка исследования была основана на «снежном коме»: информанты давали контакты людей с похожим опытом обучения в интернате. В итоге, были собраны биографические интервью (Рождественская, Семенова, 2011) с 10 людьми, которые обучались в интернатах Тувы в период с 1960-х по 1970-е гг. и являлись детьми чабанов.

В исследовании есть районная вариативность, так как в выборке присутствуют люди, которые обучались в нынешних Эрзинском, Кызылском, Чаа-Хольском, Барун-Хемчикском кожуунах (районах). Интервью проводились дома у информантов в сентябре-декабре 2024 г., конкретные села и имена информантов были убраны из текста, чтобы сохранить анонимность. В том числе было проведено два интервью с супружескими парами, которые обучались в интернатах, то есть в материальной базе исследования суммарно было 8 биографических интервью.

Для анализа данных интервью было применено тематическое кодирование. Интервью проводились на тувинском языке, в тексте представлены авторские переводы цитат.

В качестве дополнительных источников, которые подкрепляли бы тезисы, были использованы материалы из местного СМИ — газеты «Центр Азии».

Обзор литературы

Большинство исследований, которые ставят в фокус опыт в школах-интернатах с детьми представителей коренных этносов, так или иначе смотрят на дискурс через оптику памяти и коллективной травмы. Стоит отметить, что определенный пласт этих работ можно отнести к деколониальному дискурсу, который говорит о травме колонизированных групп. Такого рода работы чаще всего рассматривают контекст Америки, так как именно там в XIX–XX вв. интернаты для коренных американцев стали распространенным инструментом ассимиляции (Nagy, Sehdev, 2012; Gibson, 2016; Burrage, Momper, Gone, 2022). Многие исследователи рефлексируют над этим опытом как о травматическом, раскрывая механизмы болезненной утраты идентичности и связи с семьей в раннем возрасте.

Школы-интернаты в США и Канаде отличались от тех, что были, например, в СССР по своей структуре, так как большая часть школ в Канаде и США была унифицирована под определенный учебный стандарт, который бы «цивилизовал» коренных детей: преимущественно «белый» преподавательский состав, обучение протестантской этике, полный запрет на практику традиционной культуры и языка. Также отмечается разница в структурах этого института. Например, в сравнительном исследовании по США, Канаде и Мексике обсуждаются раса и этничность в контексте ассимиляции — в США и Канаде модель ассимиляции в школах-интернатах была сфокусирована на подавлении традиционной культуры, в то время как в Мексике сочетали культуру коренных народов Мексики и испанскую (Dawson, 2012). Автор утверждает, что травматичность опыта в школе-интернате сильно зависит от лишения человека традиционной культуры. Гибридный формат интернатов, таким образом, становится даже приемлемым объектом позитивной памяти.

Одним из первых исследований в области советских школ-интернатов стала работа А. Блох (Bloch, 2004) по эвенкийским интернатам в Сибири. В данном исследовании был проведен детальный анализ опыта эвенков, которые прошли через интернаты в СССР: затрагиваются вопросы принуждения новых культурных практик, которые были в школах-интернатах, в интервью информанток все еще прослеживается большое влияние опыта в школах-интернатах. Однако, А. Блох говорит, что культурная резистенция и принуждение со стороны государства — упрощенная рамка для анализа опыта детей коренных народов в школах-интернатах: коммунистическая идеология, которая была частью учебного и другого «скрытого» плана, на самом деле остается частью коллективности эвенкийских сообществ даже после распада СССР. Также важно упомянуть, что в районе Эвенкии интернаты появились гораздо

раньше, чем в Туве — примерно в 1920-х гг., и это в целом актуально для территорий, которые были присоединены к СССР раньше, чем Тува. Примерно в это же время появляются интернаты для саами, ненцев и других народов Севера (Liarskaya, 2004). Поэтому, интернаты в этих районах становятся более существенной частью истории этих сообществ.

В диссертации Е. Лярской анализируется опыт школ-интернатов для детей ненцев, в работе также упоминаются исторические аспекты, связанные с развитием школ-интернатов на Ямале[1]. На базе обширного полевого материала исследователь показывает, что интернаты становятся важной частью адаптации ненцев к «поселковому» образу жизни, звеном, которое соединяет по сути два сообщества, в тундре и рабочих поселках. Вопросы принуждения и резистенции Е. Лярская также предлагает рассматривать более холистически, целостно. Она пишет о том, что интернаты помогали детям влиться в советскую культуру, несмотря на то, что есть аргумент о деструктивности школ-интернатов для культуры и оленеводческого образа жизни и ненцев.

Л. Аллеманном были исследованы школы-интернаты для детей саами в СССР, которые появились в районе Советской Лапландии (Мурманская область) в 1930-х гг. и существовали вплоть до распада Союза (Allemann, 2018). Автор сходится в тезисах о травматичности опыта для саами с А. Афанасьевой: пребывание в интернате включало запрет на практику языка, принудительную седентеризацию, насильный разрыв с семьей и советизацию воспитания. Саами, прошедшие через интернаты, также говорят об унизительных практиках, например, о бритье головы, дискриминации по признаку этничности и проживания в интернат. А. Афанасьева выделяет три поколения саами, которые выросли в интернатах, и их опыт варьировался в зависимости от позиции государства[2]. Автор также отмечает трансформацию самого института, который под конец начинает становиться гибридным, вмещая уже не только детей саами, но и сирот, хотя изначально интернаты создавались исключительно для саами детей.

Т. Рашидов описывает интернаты, которые появляются в 1960-х гг. в Таджикистане (Rashidov, 2019). В Центральной Азии опыт школ-интернатов рассматривается как более положительный. Например, в таджикистанских интернатах были уроки традиционных танцев и игры на национальных музыкальных инструментах, а обучение было билингвальное. И хотя в учебных планах прослеживается менеджериальная[3], т. е. управленческая логика советского аппарата по созданию технических кадров через политехническое образование и советизация образования через коммунистическое просвещение, дети в этих школа-интернатах сохраняли культурную автономию. Автор также отмечает, что не последнюю роль в этом могли сыграть учителя той же этничности, которые относились к детям благосклонно. Та же тенденция отмечается, например, у саами и ненцев.

В Туве интернаты появились в 1920-х гг., но массовое распространение получили в 1940-х гг. с началом кампании «всеобуча» (НА РТ, ф. 289, оп. 1, д. 179, л. 24). М. М.-Б. Харунова утверждает, что переход на оседлый образ жизни стал причиной распространения новых форм образовательных институтов, в особенности школ-интернатов[4].

Важно также упомянуть, что до школ-интернатов были альтернативные формы обучения, например, кочевые школы, имевшие распространение далеко за пределами республики в Саха (Жиркова, 2010). Эта форма обучения помогала сохранить традиционный кочевой образ жизни, и институт кочевой школы был основан на поддержке сообщества, то есть по сравнению с школами-интернатами они были менее принудительными и горизонтальными, однако они не позволяли массово ликвидировать безграмотность, поэтому с включением Тувы в состав СССР эта форма обучения исчезла и появились интернаты, куда каждая семья должна была отдать одного или двух детей (НА РТ, ф. 289, оп. 1, д. 179, л. 24). Так, например, в отчетах Министерства Просвещения ТАССР в 1965–1966 гг. учебном году общая численность школ-интернатов в Туве достигала 80, из обучавшихся в то время в 6985 детей

[1] Лярская Е. В. Северные интернаты и трансформация традиционной культуры: На примере ненцев Ямала: дисс. … канд. ист. наук. СПб., 2003.
[2] Afanasyeva A. Boarding School Education of the Sami People in Soviet Union (1935–1989): Experiences of Three Generations: Doctoral Thesis. Tromsø, 2019.
[3] В СССР строго контролировалось создание кадров в разных сферах и регионах через образовательные институции, квоты и направления.
[4] Харунова М. М.-Б. Социально-политические преобразования в Тувинской автономной области, 1944–1961 гг.: дисс. … канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2003. С. 117–118.

4023 — были дети чабанов. Но эта была актуальная цифра для интернатов с полным государственным обеспечением, а на самом деле количество детей, которые проживали в школах-интернатах разного типа, достигала 8552 чел. (НА РТ, ф. 289, оп. 1, д. 105, л. 44–47).

Одна из первых значимых работ по школам-интернатам Тувы была проведена Л. П. Салчак. Исследователь защитила в 1974 г. кандидатскую диссертацию по истории образования в республике, в которой сквозь призму марксистско-ленинистской теории рассматривалась учебно-воспитательная работа в этих институтах[1]. Оценка автором эффекта школ-интернатов более положительная: отмечается важность трудового воспитания, идеологической работы с учениками и кадрами, но и прослеживается критика материального обеспечения и социального контроля, недостаточной включенности «марксистских» элементов традиционной культуры, под которыми подразумеваются устное народное творчество, национальные игры и музыка, переосмысленные через марксистскую призму классового конфликта.

Данное исследование отвечает на вопрос, какой был опыт поколения тувинцев, прошедших через интернаты. Рассматриваются их повседневные практики внутри разных пространств интерната, включая учебное и внеучебное. Более детально анализируются условия проживания, отношение к традиционной культуре и связи с разными акторами, включая воспитателей, семью и учеников.

Условия проживания

Когда мы говорим о школах-интернатах, важно понимать, что это прежде всего был переход к новому виду жилья. Отчеты Министерства Просвещения ТАССР за 1961–1968 гг. показывают, что условия проживания в большинстве интернатов были неприемлемые: превышались нормы расположения коек в комнате, из-за этого в помещениях было тесно, некоторые гигиенические нормы, например, наличие комнаты для девочек, не соблюдались вовсе, наблюдался дефицит твердой мебели (шкафов и тумб), умывальников и посуды (НА РТ, ф. 289, оп. 1, д. 179, л. 26–27; ф. 289, оп. 1, д. 226, л. 1–7). Однако, стоит отметить, что такое оснащение было не у всех школ-интернатов, прежде всего это были интернаты районов, которые были отдалены от Кызыла, предположительно, это было связано с трудностью доставки необходимых ресурсов. Поэтому, в отчетах, например, по Улуг-Хемскому кожуун, мы видим, что инспекторы оценивают условия как удовлетворительные (НА РТ, ф. 289, оп. 1, д. 134, л. 35). Вероятно, имело место быть и территориальное неравенство, когда более центральные районы получали больше ресурсов, судя по отчетам, например, Кызылский интернат отличался наибольшим уровнем соблюдения санитарных норм (НА РТ, ф. 289, оп. 1, д. 226, л. 12).

Тема условий проживания в воспоминаниях воспитанников интернетов также противоречива. Многие из них отмечают, что в комнатах было много кроватей, которые чуть ли не соприкасались друг с другом. Эта ситуация изменилась к 1970-м гг. Также наши собеседники говорят, что условия их в целом устраивали, они с благодарностью относятся к тому, что государство снабжало их всем необходимым, в том числе местом для проживания. Для информантов условия интерната казались «лучшей версией» того, что они могли получить, хотя некоторые и говорят о существенных недостатках интернатов того времени, например, о недостаточной электрификации. Тема предоставления благ для интернатцев сильно связана с социализмом, в этом плане советское прошлое предстает исключительно в позитивном свете. Некоторые отмечают, что со временем условия проживания улучшились, поэтому упоминания о плохих условиях обладают некой темпоральностью.

> «Внутри интерната тогда было хорошо. Детей народа обучали в хорошем месте. Условия были очень хорошие, просторно, сейчас здание разбитое вон там… Девочки, мальчики, у всех были комнаты» (Ч., жен., Кызылский кожуун).

Интернаты представляли собой часто одноэтажные деревянные здания без центрального отопления (*фото 1*). Тепло поддерживалось с помощью печек. Особое ностальгическое место в воспоминаниях информантов занимает «контрамарка» — особый вид печей, которые ставились в школах-интернатах. Она выполняла роль важного места, где собирались дети в свободное время. Также в памяти

[1] Салчак Л. П. Проблемы учебно-воспитательной работы в пришкольных интернатах (на материале Тувинской АССР): дисс. … канд. пед. наук. М., 1974.

Фото 1. Здание столовой около одного из интернатов в Кызылском кожууне, 2024 г. Из личного архива автора.
Photo 1. The canteen building near one of the boarding schools in Kyzylsky Kozhuun, 2024. From the author's personal archive.

интернатцев остались железные кровати, которые располагались в спальных комнатах. У каждого школьника была тумбочка, куда он складывал учебные материалы и собственные вещи.

Дефицит мебели также не артикулируется в нарративах информантов, а материальная составляющая внутреннего пространства интерната обладает позитивными воспоминаниями о «советском».

> «Жил я с 4–8 мальчиками в комнате. Специальный работник отапливал печь. Она называлась контрамарка, прямоугольные черные печки» (А., муж., Эрзинский кожуун).

Доставка детей в интернаты и домой осуществлялась совхозными машинами. За сопровождение детей отвечали воспитатели. Возвращение домой, даже на несколько дней, описывается как позитивное воспоминание[1].

Так, материальные условия в интернатах Тувы различались по уровню отдаленности от центральных районов: строже следили за интернатами ближе к Кызылу. Для информантов условия были удовлетворительными, воспоминания обладают позитивным оттенком советского прошлого, некоторые негативные моменты обеспечения интерната считались временными.

Интернатский режим и структура

Интернаты в Туве были комплексными изначально, не были предназначены исключительно для детей чабанов. Чаще всего они предназначались сразу для нескольких категорий (детей чабанов и детей-сирот). В этом смысле не было перехода от модели интерната исключительно для коренных детей к смешанной модели, где обучались также дети-сироты, как было в Советской Лапландии[2].

Все дети в интернатах должны были соблюдать определенный режим дня, что особенно было разительным для детей из чабанских стоянок. Во многом интернаты в Туве были дисциплинарными институтами, где были четко установлены график и расписание активностей; были акторы (воспитате-

[1] Иргит Л. Сорок один камешек [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2016 (31), 28 октября. URL: http://www.centerasia.ru/issue/2016/31/5309-lidiya-irgit.-sorok-odin-kameshek.html (дата обращения: 17.01.2025).
[2] Afanasyeva A. Boarding School Education of the Sami People in Soviet Union (1935–1989): Experiences of Three Generations: Doctoral Thesis. Tromsø, 2019.

ли), которые за этим следили и применяли систему санкций. Так, обычный день в интернате начинался в 6 часов утра, после чего все дети умывались, шли в столовую, а затем — в школу. Потом они делали домашние задания. Информанты часто вспоминали определенные часы, когда нужно было делать «домашку» под надзором в специальной комнате. Далее были последовательно обед, ужин, свободное время и отбой в 22 ч. Информант М., вспоминая этот режим, сравнивает его с армейским, отмечая строгий контроль за дисциплиной внутри интерната.

> «Потом думаешь и понимаешь, что дедовщина начинается именно там. Маленькие боятся старших. Тебе говорят «Делай», и ты сразу делаешь. Это всегда из-за коллектива» (М., муж., Эрзинский кожуун).

Внутри интерната была иерархия работников и школьников. Главой интерната был заведующий-директор, далее шли воспитатели, а потом — няни, которые смотрели за детьми в вечернее время. Тут важно отметить, что интернаты были автономны от сельских школ, у них была своя внутренняя структура и бухгалтерия. Вспоминая персонал интерната, информанты отмечают строгость воспитателей и применение телесных наказаний, но эти практики не осуждаются информантами, скорее рассматриваются в ключе необходимого элемента воспитания. Преподаватели не выступают в воспоминаниях акторами зла, а наоборот, чаще всего нарратив вокруг них складываются как об «учителях жизни». Также отмечаются неформальные практики, которые показывают, что воспитатели старались проходить через советскую бюрократию, например, предлагая способы заработка детям или отбирая школьников для очных отчетов перед инспекторами из Министерства Просвещения.

> «Если нарушал дисциплину, тянули за уши, ставили в угол. Наша воспитательница была такой. Она была директором интерната» (Т., муж., Кызылский кожуун);
>
> «Санэпидемстанция приезжала, видимо, у меня не было вшей. Только меня везде водили. Говорил туда иди, сюда иди, наверное, они тоже это замечали…» (Чод., жен., Кызылский кожуун).

Внутри сообщества воспитанников интернатов можно выделить два вида стратификации: формальную и неформальную. Формальная отсылает к системе санкций, которую выстраивал в отношении школьников интернат: те, кто отлично выполняли свои учебные требования, а также исполняли другие требования сверх учебы, например, по уборке интерната, получали звание старосты и другие привилегии. Эта система была прозрачной для воспитателей, так как именно они определяли эту иерархию, а неформальную стратификацию уже определяли сами дети. Как выразилась одна из информанток, в интернате было еще одно разделение, где был «хан» как глава воспитанников вне формальной системы. Участие в неформальной структуре было гендерно определенным, так как статус хана получали исключительно мальчики, которые получали уважение сверстников через участие в рисковом поведении, например, через драки. Использовались термины феодальных разделений далекие от советской терминологии, о чем бывшие воспитанники говорят, сопоставляя с понятием «дедовщины».

> «У интерната был свой *хан*. Он мог сказать, это мои братья и сестры. Никто нет трогал их. Даже мальчики… Значит, была дедовщина все-таки» (Чод., ж, Кызылский кожуун);
>
> «Русские тоже были, и на волейболе тоже. Вроде четыре человека. Мы враждовали иногда, но это же дети все-таки» (К., муж., Кызылский кожуун).

Внутри интерната было разделение по группам, которые иногда вступали в конфликт. Имело место запугивание тех, кто не смог влиться в неформальную структуру.

Выявление таких отношений показывает, насколько сложными были интернаты в Туве. Это были микросообщества со своими уровнями, своими особенностями социальных взаимоотношений между детьми разных возрастов, социального положения.

Интернаты существовали в двойной структурной ситуации с разными функциями: неформальной и формальной. Первая включала в основном школьников и была скрыта от воспитателей, а вторая была официальной и служила для внешних презентаций.

Новое питание и новая одежда

Интернаты в Тувинской АССР стали помимо всего прочего одними из ключевых институтов по смене культуры питания тувинцев с традиционной мясно-молочной на советскую с упором на трехразовое питание с разнообразным рационом, который включал обильное количество блюд из круп.

У интернатов были нормы поставки всех продуктов (НА РТ, ф. 289, оп. 1, д. 134, л. 37). В некоторых районах наблюдалась нехватка продуктов, а где-то использовали продукты свыше нормы, например, макаронные изделия. Инспекторы отмечали скудную диету воспитанников (НА РТ, ф. 289, оп. 1, д. 134, л. 37), однако сами обучавшиеся вспоминают питание как достаточное, бесплатное, относятся с благодарностью, как и в случае с общими условиями.

Тем не менее, в памяти информантов остались впечатления от непривычной интернатской еды, которая сильно отличалась от той, что была дома у родителей чабанов. Как было упомянуто выше, традиционная кухня тувинцев включала обилие мясных и молочных продуктов, поэтому для информантов каши и супы были непривычными. Гречневая и другие каши и супы, а в особенности борщ, в воспоминаниях людей остались неприятной едой, многие из них при возможности не трогали ее, утилизировали, или употребляли через силу ее только, потому что остальные ели.

> «Мы привыкли к тувинской еде, борщ и щи не хотели есть. Спрашивали, красный суп ли сегодня, а потом выливали» (С., жен., Эрзинский кожуун).

Иногда интернатам в сезон завозили молочные продукты прямо с ферм внутри сел. Это было радостным событием для обучающихся.

Система питания была устроена так, что каждый школьник получал по норме, однако как раз внутри неформальной структуры появлялись группы, которые участвовали в перераспределении продуктов. В том числе нередки были акты воровства продовольствия из складов. Одна из информанток отмечала, что «набеги» на склады совершались опытной группой, а новым участникам этого процесса из добытого давалось менее вкусное, например, свекла. После набега награбленное надо было сразу съесть, чтобы не поймали воспитатели. Неформальные структуры позволяли получать школьникам продовольствие сверх нормы.

Интересно, что во время праздников, даже сугубо советских, таких, как 1 мая, 9 мая или Новый Год, школьницы помогали на кухне, делая тувинские пельмени *манчы*. То есть в интернатах все-таки дозволялись некоторые традиционные продукты.

> «Чуть повзрослев, мы начали лепить манчы и хуужууры, таким вещам нас тоже учили. Мы катали тесто тоже» (К., жен., Эрзинский кожуун).

Но наши информанты не задумывались над тем, почему традиционная кухня вдруг появлялась в советских столовых.

Одеждой детей снабжало государство. Сведение к одинаковости — принцип дисциплины, поэтому одежду из дома школьники сдавали перед тем, как войти в интернат. Все школьники получали одинаковые комплекты. Как и везде в СССР, это были хлопковые костюмы, зимой давали теплые комплекты, которые были в дефиците. Опять же, к одежде от государства у информантов тоже теплое отношение, потому что она была бесплатная и качественная. Но поскольку на выдаваемую одежду была установлена норма, наши респонденты вспоминали и о случаях переиспользования и починки, если кто-то рвал элементы костюма.

> «В то время мы дети чабанов приходили в обуви из шерсти и в тоне. Когда нас привозили, заставляли менять все, родителям говорили в такой одежде не отправлять» (А., муж., Эрзинский кожуун).

Ношение традиционной одежды тувинцев, *тон* (верхняя одежда) и *идик* (кожаная обувь), было ограничено. Родителей воспитанников предупреждали о надобности одеть ребенка в «обычную» одежду. Если школьник приходил в традиционной одежде из дома, то ее сразу же отбирали, считая признаком отклонения от социалистического воспитания, но возвращали, когда он отправлялся на каникулы.

Информантка К., которая после выпуска стала заведующей в интернате, вспоминает, что традиционную одежду не могли носить и воспитатели, даже жилет из шерсти. Однажды, директор сельской школы, уже после слияния интернатов и школ, отчитал ее и попросил перед приездом министров надеть «нормальное» пальто, в результате она сняла жилет. Это показывает, насколько повседневность и персонала, и воспитанников интернатов должна была быть изменена, чтобы она соответствовала советскому городскому/поселковому образу жизни. При этом сами люди, прошедшие через интернаты, описывают практику ношения «советской» одежды как более значимую[1] по сравнению с традиционной тувинской.

[1] Ламажаа А. *Ажы төл* ‘потомки’ Чооду Мумбалдая Данзырын оглу из Тес-Хемского района // Тувинцы. Родные люди / под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. СПб.: Нестор-История, 2022. С. 260–261.

Таким образом, питание и одежда как важные элементы повседневности были модернизированы внутри тувинских интернатов по советскому типу. Традиционные еда и одежда были исключены из пространства интерната для внедрения советского стиля жизни. Однако это не вызывает негативных воспоминаний у информантов.

Советское воспитание

Воспитание в интернатах было идеологизированным, проводилось много занятий по марксистско-ленинской теории, с детьми активно говорили о коммунизме, иногда даже требовали повесить портрет Карла Маркса на стены. И это было прописано в отчетах Министерства Просвещения ТАССР (НА РТ, ф. 289, оп. 1, д. 134, л. 57–59; НА РТ, ф. 289, оп. 1, д. 105). Центральной темой воспитания становился труд, поэтому почти все информанты используют нарратив любви к труду, говоря об интернатах. Помимо этого, интернаты должны были привить самостоятельность и дисциплину, поэтому большое внимание уделялось политике чистоты, начиная от самого здания, заканчивая личной гигиеной. Школьники раз в неделю бесплатно ходили в сельскую баню, где мылись в группах. Также в самом интернате воспитатели следили за гигиеной обучающихся, например, мазали руки вазелином в зимний период для защиты от кожных трещин. Школьники также сами убирали за собой посуду. Был выстроен график уборки. Дети должны были научиться есть вилками, отсутствие этого навыка считалось плохой работой воспитателей.

Были практики, которые напрямую были связаны с советской идеологией. Например, школьники пели гимн по утрам, должны были читать советскую газету «Известия», а в некоторых случаях местную стенгазету интерната. В целом символически интернат был оформлен по канонам советского института: учебная комната называлась «ленкомната», висели фотографии Ленина, был «красный уголок» с книгами.

Большое внимание уделялось саморазвитию, но исключительно советскому (НА РТ, ф. 289, оп. 1, д. 317, л. 70–72), направленному на интеграцию в русское социокультурное пространство. Так, были кружки русского языка, классы игры на таких инструментах, как балалайка и аккордеон. Тувинские национальные музыкальные инструменты (*игил*, *дошпулуур*) не использовались. Внутри формальной структуры интернатцев, которая взаимодействовала с воспитателями, они учились играть в «советские» игры, такие как «лапту». То есть воспитание советского гражданина сводилось фактически к русификации.

Вопрос языка

Образование в школах-интернатах было билингвальное, обучение шло на двух языках — тувинском и русском. Отчеты Министерства Просвещения Тувинской АССР также включают анализ содержания библиотек. Интересно, что проверялось наличие как тувинских, так и русских книг (НА РТ, ф. 289, оп. 1, д. 226, л. 13). Однако, занятия проводились часто на тувинском языке, даже такие дисциплины, как «Русский язык и русская литература». Так преподавали учителя-тувинцы. Русские же учителя не знали совсем тувинского языка, а воспитанники интернатов не понимали их[1]. Между собой школьники также использовали тувинский язык.

> «Нынешние дети хорошо говорят на русском, время развитое стало. Мы хоть и старались, но все равно не знали так хорошо русский язык» (Ч., жен., Кызылский кожуун).

Особая ситуация складывалась в этом плане являются в интернатах в монголоязычных селах юга Тувы (сс. Нарын, Качык Эрзинского района). Информанты вспоминают, что их родной язык, монгольский, был запрещен внутри интерната, для коммуникации с преподавателями школьники использовали тувинский, а между собой — монгольский, хотя это пресекалось.

> «Когда я пришла в первый класс, я вообще не знала тувинский… Нам помогали два одноклассника с проведением занятий… Между собой мы говорили на монгольском, а с учителями на тувинском» (К., жен., Эрзинский кожуун).

[1] Кунзегеш Д. Пастушка поэта [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2015 (20), 7 июня. URL: http://www.centerasia.ru/issue/2015/20/5215-dirbak-kunzegesh.-pastushka-poeta.html (дата обращения:17.01.2025).

В памяти информантов остается болезненным период первых уроков на тувинском языке, который для них был также не родным. Со временем они привыкали к нему. Нынешние респонденты — эрзинские тувинцы — сейчас выражают сожаление, что новые поколения плохо знают монгольский и переходят на тувинский.

Так, интернаты были одним из социальных институтов для изменения языковой ситуации в национальном регионе.

Традиционная культура и семья

Несмотря на все предпринимаемые воспитательные меры, традиционная культура внутри интерната не исчезала. Ее отдельные элементы имели хождение, но скрытно от воспитателей, внутри неформальной структуры сообщества. Часто эта практика выражалась в играх. Так, мальчики играли в *тевек*, игру с подкидыванием предмета одним из ребер ступни ноги. Иногда проносили из дома *кажык* — тувинские игральные кости (астрагалы).

Информантка С. говорит, что один раз за напевание тувинских частушек *кожамык*, они получили замечания от воспитателя.

> «Мальчики всегда играли в *тевек*. Все умели играть. Даже девочки. Мы всегда играли в *кажык*» (Ч., жен., Кызылский кожуун);
>
> «В интернате злились на частушки. Если мы пели частушки, то тихо. Как раз рядом с печкой. Мы получали наказание за то, что мы пели» (С., жен., Эрзинский кожуун).

Место у печки было пространством, где, как мы уже сказали, дети собирались холодными вечерами. Здесь практиковалась устная культура тувинцев: часто рассказывали народные сказки, пели частушки. Некоторые воспитатели относились к этому лояльно, другие же старались запрещать. Так, одна из воспитательниц информанта водила его и других детей по окрестностям и рассказывала про местные тувинские топонимы, говорила о лечебных травах.

Праздник *Шагаа*, тувинский новый год по лунному календарю, был запретной темой, так же как и любые религиозные обряды. Но информанты вспоминают, что взрослые сами отмечали этот праздник. дети также могли наблюдать за совершением обрядов освящения места или кормления огня вне интерната. Поэтому запреты на практики отдельных элементов традиционной культуры не осознаются информантами как травма.

Как было упомянуто ранее, каждая семья чабанов должна была отдать как минимум одного ребенка в интернат, для семей с большим количеством детей эта цифра увеличивалась до двух (НА РТ, ф. 289, оп. 1, д. 226, л. 24). Разрыв с семьей происходил в раннем возрасте, примерно в 5–6 лет. С этого момента ребенок проводил в интернате 9 месяцев, а с родителями виделся летом. Но были случаи, когда дети уезжали на выходные дни, если стоянка родителей находилась рядом с селом.

Информанты болезненно вспоминают разрыв с семьей и постоянную тоску по родительскому дому. Многие из них пытались справляться с тоской через слезы. Они не вспоминают, что воспитатели порицали выражение эмоций, наоборот, многие воспитатели предстают эмпатичными, они пытались сделать пространство интерната более комфортным, понимая болезненность разрыва с родителями. На вопрос, что они считали домом в то время, информанты говорили о родителях, интернат был своего рода временным пристанищем.

> «Сразу после прибытия в интернат, до посинения плакала…[Сбегали] Мы не шли по путями машин, а по кустам — если видели машину, прятались и бежали дальше. Такие времена были» (К., жен., Эрзинский кожуун).

Именно сильная тоска по дому часто становилась причиной побегов из интерната, нужно сказать, что руководство интерната пыталось пресечь вообще присутствие школьников вне территории интерната. Если школьник был замечен на улице села, то его немедленно отводили обратно в интернат.

Многие из информантов также не раз предпринимали попытки побега из интерната, это была как групповая, так и индивидуальная активность. Так, в одном из дел Министерства Просвещения (НА РТ, ф. 289, оп. 1, д. 378, л. 10) описан кейс, когда школьник несколько раз сбегал из интерната, что стало причиной обращения администрации интерната в министерство для разбирательства.

Побеги из интерната планировались внутри неформальной структуры: определялись «безопасные» пути, время побега, состав группы побега. Часто воспитанники пользовались преимуществами

знания местного ландшафта, выбирая пути через леса и местности с кустами в степях. Родители относились к этой практике настороженно, чаще всего они обратно направляли детей учиться. Скорее всего, это связано с тем, что родители не могли сделать ничего с требованиями того времени по «всеобучу».

Тема травмы в тувинских интернатах прежде всего связана с потерей связи с семьей, а не с запретом на практику привычных элементов традиционной культуры. Насильственное принуждение к интернатскому образу жизни приводило к побегам из интерната.

Заключение

Анализ формального и неформального пространств школ-интернатов в Тувинской АССР показывает, что это были сложные социальные институты с несколькими уровнями, на которых логика управления и коммуникации выстраивались по-разному. Упрощенное дихотомическое разделение неформальной и формальной структуры может искажать комплексные нарративы (Bloch, 2004), которые выстраивает поколение воспитанников интернета. Например, часто практики по советизации населения воспринимаются с чувством благодарности, а воспитатели, которые должны были учить детей советской культуре, иногда выходили за рамки официальной структуры, позволяя практику традиционной культуры или помогая детям зарабатывать деньги внутри интерната. Образование и символическое оформление интерната были идеологизированы, однако это не значит, что люди, прошедшие через интернаты, воспринимают эти моменты как негативные. Наоборот, часто данное поколение говорит о важных ценностях, которым обучали внутри интерната, любви к труду и самостоятельности, являвшиеся центральными в воспитании советских детей[1]. Школы-интернаты в ТАССР ставили целью приучить детей к новой цивилизованности (Afanasyeva, 2019). Система включала вопросы гигиены, питания, одежды, в целом образа жизни, но это не стало для данного поколения негативным и травматическим опытом.

Элементы традиционной культуры существовали в основном внутри неформальной структуры самих школьников. Эта самая структура служила каналом для других неформальных практик: хищения продуктов со склада, сбегания из интерната, практики нетитульного языка. Запрет на традиционную культуру не осознается как травма, потому что ее практиковали вне интерната и внутри сообщества интернатцев. Л. П. Салчак также отмечала, что в некоторых интернатах были дозволены элементы традиционной культуры (уроки национальной музыки, устное творчество), но они должны были быть представлены через рамку «воспитания труда»[2]. Предположительно, внедренность таких элементов зависела от самой школы-интерната, в большинстве учреждений традиционная культура порицалась. Однако, травматическим информанты считают разрыв с семьей и отсутствия чувства дома, в этом плане дети были лишены родительской заботы, об этом также пишет Афанасьева (Dawson, 2012; Afanasyeva, 2019).

Школы-интернаты в Тувинской АССР были гибридными, потому что совмещали много элементов локальной культуры и общей советской. Данное исследование может быть свидетельством того, что большая автономность регионов в бывшем СССР позволяла выстраивать более гибридные форматы школ-интернатов, интернаты Тувы не были так свободны в допущении традиционной культуры, как в Таджикистане (Rashidov, 2019), но и не тотально ассимиляционными, как в Советской Лапландии.

Исследования в области тувинских школ-интернатов имеют большой потенциал, так как данный институт дает больше поле для анализа социокультурных практик населения в советское время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Жиркова, С. Г. (2010) Кочевая школа история и современность // Сибирский педагогический журнал. № 2. С. 276–284.

Лярская, Е. В. (2006) «У них же все не как у людей…»: некоторые стереотипные представления педагогов Ямало-Ненецкого округа о тундровиках. // Антропологический форум. № 5. С. 242–258.

[1] Салчак Л. П. Проблемы учебно-воспитательной работы в пришкольных интернатах (на материале Тувинской АССР): дисс. … канд. пед. наук. М., 1974. С. 163–164.
[2] Там же. С. 71–72.

Маады, С. С. (2017) Первые образовательные заведения Тувы в период ТНР // Вестник Тувинского государственного университета. Педагогические науки. № 4. С. 38–44.

Рождественская, Е., Семенова, В. (2011) Социальная память как объект социологического изучения // Интеракция. Интервью. Интерпретация. № 6. С. 27–48.

Allemann, L. (2018) «I do not know if Mum knew what was going on»: Social reproduction in boarding schools in Soviet Lapland // Acta Borealia : a Nordic journal of circumpolar societies. № 35. P. 115–142. DOI: https://doi.org/10.1080/08003831.2018.1536115

Allemann, L., Dudeck, S. (2017) Sharing Oral History With Arctic Indigenous Communities: Ethical Implications of Bringing Back Research Results // Qualitative Inquiry. № 25. P. 890–906. DOI: https://doi.org/10.1177/1077800417738800

Annus, E. (2012) The Problem of Soviet Colonialism in the Baltics // Journal of Baltic Studies. № 43. P. 21–45. DOI: https://doi.org/10.1080/01629778.2011.628551

Bloch, A. (2004) Red Ties and Residential Schools: Indigenous Siberians in a Post-Soviet State. Philadelphia : University of Pennsylvania Press. 264 p.

Burrage, R. L., Momper, S. L., Gone, J. P. (2022) Beyond trauma: Decolonizing understandings of loss and healing in the Indian residential school system of Canada // Journal of Social Issues. № 78. P. 27–52. DOI: https://doi.org/10.1111/josi.12455

Charbonneau-Dahlen, B. K., Lowe, J., Morris, S.L. (2016) Giving Voice to Historical Trauma Through Storytelling: The Impact of Boarding School Experience on American Indians // Journal of Aggression, Maltreatment & Trauma. № 25. P. 598–617. DOI: https://doi.org/10.1080/10926771.2016.1157843

Dawson, A. S. (2012) Histories and Memories of the Indian Boarding Schools in Mexico, Canada, and the United States // Latin American Perspectives. № 39. P. 80–99. DOI: https://doi.org/10.1177/0094582X12447274

Gibson, A. M. (2016) The Last Indian War: Reassessing the Legacy of American Indian Boarding Schools and the Emergence of Pan-Indian Identity [Электронный ресурс] // Global Tides. № 10. Article 2. URL: https://digitalcommons.pepperdine.edu/globaltides/vol10/iss1/2 (дата обращения: 20.08.2024).

Kreindler, I. (1986) The soviet deported nationalities: A summary and an update // Soviet Studies. № 38. P. 387–405. DOI: https://doi.org/10.1080/09668136808411648

Liarskaya, E. (2004) Northern residential schools in contemporary Yamal Nenets culture // Sibirica. № 4. P. 74–87. DOI: https://doi.org/10.1080/13617360500070889

Nagy, R., Sehdev, R. K. (2012) Introduction: Residential Schools and Decolonization // Canadian Journal of Law and Society. № 27. P. 67–73. DOI: https://doi.org/10.3138/cjls.27.1.067

Nora, P. (1989) Between Memory and History: Les Lieux de Memoire // Representations. № 26. P. 7-24. DOI: https://doi.org/10.2307/2928520

Rashidov, T. (2019) Soviet boarding schools as a forge of national professionals and intellectuals in Soviet Tajikistan in the 1950s and 1960s // Central Asian Survey. № 38. P. 494–509. DOI: https://doi.org/10.1080/02634937.2019.1652569

Дата поступления: 20.01.2025 г.
Дата принятия: 09.06.2025 г.

REFERENCES

Zhirkova, S. G. (2010) Nomadic school: history and modernity. *Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal,* no. 2, pp. 276–284. (In Russ.)

Lyarskaya, E. V. (2006) “They don’t live like normal people…”: some stereotypical ideas of teachers of the Yamal-Nenets district about tundra dwellers. *Antropologicheskiy forum,* no. 5, pp. 242–258. (In Russ.)

Maady, S. S. (2017) The first educational institutions of Tuva in the TNR period. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Pedagogicheskiye nauki,* no. 4, pp. 38–44. (In Russ.)

Rozhdestvenskaya, E. and Semenova, V. (2011) Social memory as an object of sociological study. *Interaktsiya. Interv’yu. Interpretatsiya,* no. 6, pp. 27–48. (In Russ.)

Allemann, L. (2018) “I do not know if Mum knew what was going on”: Social reproduction in boarding schools in Soviet Lapland. *Acta Borealia : a Nordic journal of circumpolar societies*, no. 35, pp. 115–142. DOI: https://doi.org/10.1080/08003831.2018.1536115

Allemann, L. and Dudeck, S. (2017) Sharing Oral History With Arctic Indigenous Communities: Ethical Implications of Bringing Back Research Results. *Qualitative Inquiry*, no. 25, pp. 890–906. DOI: https://doi.org/10.1177/1077800417738800

Annus, E. (2012) The Problem of Soviet Colonialism in the Baltics. *Journal of Baltic Studies*, no. 43, pp. 21–45. DOI: https://doi.org/10.1080/01629778.2011.628551

Bloch, A. (2004) *Red Ties and Residential Schools: Indigenous Siberians in a Post-Soviet State*. Philadelphia, University of Pennsylvania Press. 264 p.

Burrage, R. L., Momper, S. L. and Gone, J. P. (2022) Beyond trauma: Decolonizing understandings of loss and healing in the Indian residential school system of Canada. *Journal of Social Issues*, no. 78, pp. 27–52. DOI: https://doi.org/10.1111/josi.12455

Charbonneau-Dahlen, B. K., Lowe, J. and Morris, S. L. (2016) Giving Voice to Historical Trauma Through Storytelling: The Impact of Boarding School Experience on American Indians. *Journal of Aggression, Maltreatment & Trauma*, no. 25, pp. 598–617. DOI: https://doi.org/10.1080/10926771.2016.1157843

Dawson, A. S. (2012) Histories and Memories of the Indian Boarding Schools in Mexico, Canada, and the United States. *Latin American Perspectives*, no. 39, pp. 80–99. DOI: https://doi.org/10.1177/0094582X12447274

Gibson, A. M. (2016) The Last Indian War: Reassessing the Legacy of American Indian Boarding Schools and the Emergence of Pan-Indian Identity. *Global Tides*, no. 10, article 2 [online] Available at: https://digitalcommons.pepperdine.edu/globaltides/vol10/iss1/2 (date access: 20.08.2024).

Kreindler, I. (1986) The soviet deported nationalities: A summary and an update. *Soviet Studies*, no. 38, pp. 387–405. DOI: https://doi.org/10.1080/09668138608411648

Liarskaya, E. (2004) Northern residential schools in contemporary Yamal Nenets culture. *Sibirica*, no. 4, pp. 74–87. DOI: https://doi.org/10.1080/13617360500070889

Nagy, R. and Sehdev, R. K. (2012) Introduction: Residential Schools and Decolonization. *Canadian Journal of Law and Society*, no. 27, pp. 67–73. DOI: https://doi.org/10.3138/cjls.27.1.067

Nora, P. (1989) Between Memory and History: Les Lieux de Memoire. *Representations*, no. 26, pp. 7–24. DOI: https://doi.org/10.2307/2928520

Rashidov, T. (2019) Soviet boarding schools as a forge of national professionals and intellectuals in Soviet Tajikistan in the 1950s and 1960s. Central Asian Survey, no. 38, pp. 494–509. DOI: https://doi.org/10.1080/02634937.2019.1652569

Submission date: 20.01.2025.
Acceptance date: 09.06.2025.

DOI: 10.25178/nit.2025.4.11

Статья

Стрит нейминг города Кызыла (Тува)

Чимиза К. Ламажаа
Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Республика Казахстан,
Елена А. Маркова
Российский университет дружбы народов, Российская Федерация,
Майнура А. Бурибаева
Кызылординский университет имени Коркыт ата, Республика Казахстан

Статья посвящена комплексному исследованию политики стрит нейминга (наименований улиц) в г. Кызыле, столице Республики Тыва. Авторы анализируют разнообразие топонимов города, включая не только улицы, но и переулки, площади, проспекты и скверы, рассматривая их как часть городской годономии. В работе используется междисциплинарный подход, объединяющий филологию, лингвокультурологию, географию, историю, политологию и социологию. В качестве источников исследование опирается на официальную базу данных адресных объектов мэрии Кызыла, нормативные документы городских властей, материалы Национального архива Республики Тыва, а также краеведческие исследования и публикации местных СМИ.

Рассмотрены варианты классификации наименований улиц. В том числе выявлены группы: нейтральных названий на русском языке (44%), антропонимических названий (17,3%), советских названий (14,7%), топонимических названий, основанных на тувинских топонимах (11,3%), героических (военных) названий (5,3%), названий, содержащих тувинские слова, определенные понятия тувинской культуры и истории (5,4%), топонимических названий, основанных на топонимах страны и мира (3,2%); названий, указывающих на имена (преимущественно тувинские) (1,3%). Классификация по языку: названия с русскими терминами, русскими именами составляют большинство — 73,8%, названия с тувинскими именами, терминами — 27,4%.

Названия улиц рассмотрены сквозь призму наиболее значительного российско-советского влияния. Тем не менее отмечаются и локальные, тувинские названия, в основном последних лет. Отдельно рассмотрены особенности политики наименования улиц, которая характеризовалась и продолжает характеризоваться как ситуативная.

Полученные результаты позволяют оценить степень сохранения этнической и исторической специфики в современной уличной топонимии Кызыла и выделить ключевые тренды в политике наименования уличных объектов.

Ключевые слова: *Кызыл; Тува; история Тувы; стрит нейминг; название улицы; топоним; политика памяти; номинация*

Для цитирования:
Ламажаа Ч. К., Маркова Е. А., Бурибаева М. А. Стрит нейминг города Кызыла (Тува) // Новые исследования Тувы. 2025. № 4. С. 190-209. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.11

Ламажаа Чимиза Кудер-ооловна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института тюркологии и алтаистики Казахского национального университета имени аль-Фараби. Адрес: Казахстан, г. Алматы, 050000, пр. аль-Фараби, д. 71/27. Эл. адрес: lamazhaa@tuva.asia

Маркова Елена Андреевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов. Адрес:117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д.10, каб.502. Эл. адрес: abellen@yandex.ru

Бурибаева Майнура Абильтаевна — кандидат филологических наук, Член Правления-Проректор по научной работе и международным связям Кызылординского университета имени Коркыт ата. Адрес: Казахстан, г. Кызылорда, 120000, ул. Айтеке би, 29А, каб. 303. Эл. адрес: buribayeva.mainura@korkyt.kz

Article

Street Naming in the City of Kyzyl (Tuva)

Chimiza K. Lamazhaa
Al-Farabi Kazakh National University, Republic of Kazakhstan,
Elena A. Markova
RUDN University, Russian Federation,
Mainura A. Buribayeva
Korkyt Ata Kyzylorda University, Republic of Kazakhstan

This article presents a study of street naming policy in Kyzyl, the capital of the Republic of Tuva. The authors analyze a wide variety of urban toponyms, including not only streets but also lanes, squares, avenues, and parks, considering them as components of the city's hodonymic landscape. The research employs an interdisciplinary approach, integrating philology, linguistic and cultural studies, geography, history, political science, and sociology. The sources for this study include the official database of addressable objects from the Kyzyl City Hall, normative documents issued by city authorities, materials from the National Archives of the Republic of Tuva, as well as local history research and publications in regional mass media.

Several street name classification schemes are reviewed. Identified categories include: neutral Russian-language names (44%); anthroponymic names (17.3%); Soviet names (14.7%); toponyms based on Tuvan geographical names (11.3%); heroic (military) names (5.3%); names containing Tuvan words and concepts rooted in Tuvan culture and history (5.4%); toponyms based on place names of the country and world (3.2%); and names referencing personal names (mostly Tuvan) (1.3%). Linguistic classification shows that street names with Russian terms and personal names comprise the majority — 73.8%, while those with Tuvan names and terms account for 27.4%.

The analysis examines street names through the perspective of significant Russian-Soviet influence, while also noting the emergence of local Tuvan names in recent years. The study highlights the situational nature of street naming policy, which has remained largely unchanged over time.

The results make it possible to assess the degree of preservation of ethnic and historical specificity in contemporary urban toponymy of Kyzyl and to identify key trends in the politics of naming urban objects.

Keywords: *Kyzyl; Tuva; history of Tuva; street naming; street name; toponym; politics of memory; nomination*

For citation:
Lamazhaa Ch. K., Markova E. A., Buribayeva M. A. Street Naming in the City of Kyzyl (Tuva). *New Research of Tuva*, 2025, no. 4, pp. 190-209. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.11

LAMAZHAA, Chimiza Kuder-oolovna, Doctor of Philosophy, Chief Researcher, Scientific Research Institute of Turkology and Altaic Studies, Al-Farabi Kazakh National University. Postal address: 71/27 Al-Farabi Ave., Almaty, 050000, Kazakhstan. E-mail: lamazhaa@tuva.asia

ORCID: 0000-0003-1813-3605

MARKOVA, Elena Andreevna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University. Postal address: Off.502, 10 Miklukho-Maklay St.,117198 Moscow, Russia. E-mail: abellen@yandex.ru

BURIBAYEVA, Mainura Abiltayevna, Candidate of Philological Sciences, Vice-Rector for Research and International Relations, Korkyt ata Kyzylorda University. Postal address: Office 303, 29A Aiteke bi St., 120000, Kyzylorda, Kazakhstan. E-mail: buribayeva.mainura@korkyt.kz

ORCID: 0000-0002-2739-0905

Введение

Названия улиц населенных пунктов являются не только инструментами для районирования и нахождения нужных адресов и адресатов, не только частью топонимии. В XXI в. культурная антропология стала рассматривать их и как интереснейшие показатели, маркеры социальной политики, политики памяти, идентичности, формы материальной и символической власти, даже борьбы социальных общностей за права.

Исследования стрит нейминга (*street naming*, т. е. наименований улиц), начатые с работ американского антрополога Д. Х. Алдермана (Alderman, 2000; Rose-Redwood, Alderman, Azaryahu, 2010; Alderman, Inwood, 2013; и др.) на сегодня развились во многих странах и в разных направлениях. Одним из интересных направлений можно назвать исследования, в которых комплексно рассматриваются все названия улиц одного населенного пункта, что позволяет давать общие характеристики политике стрит нейминга этого образования и шире — территории, в которую оно входит.

Поскольку в тувиноведении таких работ почти не было, за исключением исследования с гендерным акцентом (женские имена в стрит нейминге Тувы, см.: Пушкарева, Жидченко, 2021), мы выбрали для исследования самый крупный и самый значимый город Республики Тыва — столицу, т. е. г. Кызыл.

Целью данного исследования будет комплексный анализ стрит нейминга современного г. Кызыла, столицы Республики Тыва. Объект исследования — г. Кызыл, предмет — наименования улиц, которые мы классифицируем и проанализируем по группам. Термин «улицы» в нашем случае условен и включает не только сами улицы, но и переулки, проспекты, площади, проезды, скверы. В топонимике для совокупности имен улиц города даже есть специальное название — годономия. Задачи исследования выстроены соответственно: обзор научной литературы, в котором мы покажем место нашего исследования; дадим справочные сведения о рассматриваемом городе; представим несколько вариантов классификаций групп названий; охарактеризуем стрит нейминг в его современном состоянии в нескольких выявленных аспектах, а также проанализируем в целом политику стрит нейминга г. Кызыла.

Поскольку речь идет о комплексном анализе, то мы сочетаем методы и опираемся на работы сразу нескольких научных дисциплин: филологии, лингвокультурологии, географии, истории, политологии, социологии.

Источниковой базой исследования выступят: 1) база данных адресных объектов г. Кызыла, предоставленная мэрией города; 2) ресурс основной правовой документации на официальном сайте мэрии г. Кызыла; 3) сборники архивных документов по истории г. Кызыла с 1914 г., изданные по материалам Национального архива Республики Тыва[1], 4) научная литература по смежным темам; 5) краеведческие публикации исследователей истории Тувы и Кызыла в различных изданиях, в том числе средствах массовой информации республики.

Обзор литературы

Наше внимание в целом к улицам столицы Республики Тыва безусловно не может обойтись без внимания к теме истории города, ее исследованности. В этом плане чрезвычайно ценными изданиями для нас являются упомянутые выше сборники документов, в которых воссоздана история г. Кызыла с 1914 г., вышедшие под научным руководством Н. М. Моллерова, известного специалиста по истории Тувы. Исследования истории города освещаются в отдельных научных публикациях историков и краеведов (Бондаренко, 2009; Монгуш, 2015; Калдар-оол, Ооржак, 2022; и др.[2]).

[1] История города в Центре Азии. Сборник документов. Т. 1. 1914–1944 гг. Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 2009; История города в Центре Азии. Научно-документальный сборник. Т. 2. 1944–1961 гг. Новосибирск: Сибирское книжное издательство, 2012; История города в Центре Азии: сборник архивных документов (1914–2014 гг.). Красноярск: Офсет, 2021.

[2] Доржу З. Ю., Дамдын-оол Д. А. История строительства города Кызыла // World Science: Problems And Innovations : сборник статей XIX Международной научно-практической конференции: в 3 ч., Пенза, 30 марта 2018 года. Ч. 1. Пенза: «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г. Ю.), 2018. С. 191–193; Ширап Р. О. «Тувинская правда» как исторический источник по изучению Кызыла середины 40–50-х годов XX века // Актуальные проблемы исследования этноэкологических и этнокультурных традиций народов Саяно-Алтая: Материалы III международной научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов, посвященной

Учреждения культуры Тувы также занимаются краеведческими исследованиями истории г. Кызыла, которые важно учитывать. Так, к 100-летию города в 2014 г. Национальная библиотека Республики Тыва выпустила библиографический указатель работ (научных, публицистических) о Кызыле, который содержит о почти 4 тысячах публикаций[1]. Особый интерес для нас представляет раздел этого указателя, посвященный улицам и статьям в СМИ о тех, в честь кого была названа та или иная улица[2]. Интерес представляет также фотоальбом, подготовленный Национальным музеем им. Алдан-Маадыр Республики Тыва, к этому же юбилею. Он составлен из фотографий первого директора музея «Кызыл в фотографиях В. П. Ермолаева», в котором представлены 158 фотографий по истории города, расположенные в хронологическом порядке с 1913 по 1940-е гг. и на которых можно увидеть ряд первых улиц[3]. В 2021 г. Национальный архив Республики Тыва создал электронный каталог оцифрованных архивных документов, в том числе фотоальбомы В. П. Ермолаева. Среди них нам интересно содержание альбома № 11 «г. Кызыл, 1925–1939»[4].

Близкими к нашей теме являются исследования языкового ландшафта г. Кызыла, которые вышли в последние годы по итогам изысканий филологов (Хилханова и др., 2024; и др.[5]).

Работы по стрит неймингу в целом в мировой и российской науке, как мы уже сказали, активно выходят в последние три десятка лет, хотя являются частью более широкого поля изучения топонимии и урбанистических исследований, то есть имеют исторические корни в научном анализе места, пространства и социальной динамики в городах, развивавшихся с конца XIX — начала XX в.

В исследованиях первого автора, который стал разбирать систематически вопросы стрит неймингa — Д. Х. Алдермана, — рассматриваются уличные названия как инструменты политики памяти, идентичности и борьбы за права в урбанистическом контексте. Одним из наиболее значимых его трудов является статья совместно с Дж. Инвудом, в которой изучается политическое измерение именования улиц в США — процесс присвоения названий улицам, посвященным Мартину Лютеру Кингу-младшему (Alderman, Inwood, 2013). Авторы рассматривают уличное именование как политический акт; подчёркивают, что уличные названия — это не просто символы, а инструменты социальной и политической борьбы, которые оказывают значительное влияние на признание и расовое равенство в городском пространстве.

В зарубежной науке на сегодня активно развивается направление критического анализа топонимии в целом (Critical toponymies: … , 2009), также затронутое в одной из работ Алдермана и его коллег (Rose-Redwood, Alderman, Azaryahu, 2010). Оно пересеклось с работами географов, которые также принялись критически осмысливать социально-политическую и символическую роль топонимов (Басик, 2018).

В российской науке в целом тема названий улиц как исследования топонимии в разных видах анализируется широко — прежде всего филологами, географами, историками (Шульгина, 2016; и др.[6]). В составе Русского географического общества работает Топонимическая комиссия, которая занимается изучением теоретических основ топонимики, народной географической терминологии, исторических аспектов и этнических границ по данным топонимии[7].

20-летнему юбилею Тувинского государственного университета, Году народных традиций в Республике Тыва, Кызыл, 26–30 июня 2015 года. Кызыл: Тувинский государственный университет, 2015. С. 69–71.

[1] Мой город Кызыл: к 100-летию со дня основания: библиогр. указ. / сост. : Л. А. Бюрбю, Ч. В. Сарыглар, С. Н. Доржу. Кызыл, 2014 [Электронный ресурс] // Национальная библиотека им. А. С. Пушкина Республики Тыва. URL: https://tuva-library.ru/uploads/documents/izdania/Moj-gorod-Kyzyl-k-100-letiyu-so-dnya-osnovaniya.pdf (дата обращения: 09.06.2025).

[2] Там же. С. 15–17.

[3] Кызыл в фотографиях В. П. Ермолаева. Альбом / сост. У. Б. Нурзат. Кызыл, 2014.

[4] Дело № 11 / Фонд №101 [Электронный ресурс] // Спецпроект. Публичные электронные фонды Национального архива Республики Тыва. URL: https://fond.gosarhivrt.ru/fond_101/delo_11 (дата обращения: 09.06.2025).

[5] Донгак Ч. Б. Языковой ландшафт города Кызыла в реальном и виртуальном пространствах // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 3. С. 385–388.

[6] Картавенко В. С. Становление региональной топонимической системы: Западный регион России: дис. … д-ра филол. н. Смоленск, 2012; Давыдова Т. В. Топонимика северных народов Сибири и Дальнего Востока России: Историографический аспект: дис. … к-та ист. н. СПб., 2003 и др.

[7] Топонимическая комиссия [Электронный ресурс] // Русское географическое общество. URL: https://www.rgo.ru/ru/msk/komissii/toponimicheskaya-komissiya (дата обращения: 12.05.2025).

В русле культурно-антропологических исследований стрит нейминга работ пока немного и тем ценнее тот факт, что тувиноведение уже имеет одну публикацию, в которой рассматриваются проблемы именования улиц Тувы именами женщин (Пушкарева, Жидченко, 2021). При этом тема гендерного дисбаланса в наименованиях улиц городских поселений Республики Тыва поднята авторами также впервые в российской историографии. Анализ проведен на основе изучения стрит-нейминга в городах Кызыл, Ак-Довурак, Шагонар, Чадан, Туран и поселке городского типа Каа-Хем, а также в ряде сел республики. В ходе исследования среди 1325 улиц городских поселений Тувы ученые насчитали 15 улиц, названных в честь женщин, т. е. около 1%. Факт обилия мужских имен в стрит нейминге Н. Л. Пушкарева и А. В. Жидченко объясняют гендерно-предвзятыми основаниями нейминга, обусловленными неравным распределением власти между полами в советской и постсоветской истории.

Мы можем сказать, что комплексный анализ стрит нейминга столицы Тувы может задать общую картину социальной, культурной политики не только администрации отдельного города, но и в целом республики. Он также позволит наметить дальнейшие пути для углубленного изучения отдельных аспектов этой темы. Этим и обусловлена научная новизна нашей работы.

Справочные сведения о городе

Известно, что город Кызыл был основан в 1914 г.[1], хотя на фотосвидетельствах В. П. Ермолаева есть снимок богослужения на закладке города Белоцарска (первое название города) в 1913 г.[2] В 2025 г. Кызыл отметил 111-летие, и считается очень молодым. Это и не удивительно, учитывая историю Тувы, которая была территорией проживания многочисленных кочевых племен тувинцев, подчинявшихся долгое время власти маньчжурской империи Китая.

В Урянхайском крае (старое название Тувы) было установлено административное деление по территориальному принципу, призванное только подчинять колонию и использовать ее как сырьевой источник (История Тувы, 2001: 217–220). Во внутренние дела Тувы китайцы не вмешивались, управляли им с помощью монгольского наместника и местных князей, которые имели свои ставки и чиновничий аппарат. Основная масса тувинцев проживала традиционно в кочевьях, территории которых покидать не разрешалось, мужчины несли воинскую повинность. Поэтому оседлые поселения в крае стали развиваться только с появлением русского населения (во второй половине XIX в.), а затем и с освобождением Тувы от китайской власти (1912 г.), получением протектората российской империи (1914 г.), провозглашением государственной независимости — Тувинской Народной Республики (1921–1944 гг.).

Строительство в местечке под название Виланы (рус.) или Хем-Бельдир (тув., слияние рек Бий-Хем и Каа-Хем, образующий Енисей) началось как устройство поселения для русского населения и его название было характерным — Белоцарск[3]. К концу 1915 г. в городе насчитывалось 18 служебных зданий, 54 частных строения[4]. В 1923 г. это место было официально названо постоянным местопребыванием Танну-Тувинского народного правительства, тем самым получив столичный статус. Само правительство первое время размещалось в небольшом деревяном домике, а члены правительства жили в юртах[5]. В 1918 г. было решено переименовать город в Урянхайск, но, как пишут историки, из-за быстрой смены власти в крае (она вновь перешла к сторонникам Временного правительства) это название за городом не закрепилось, его по-прежнему продолжали называть Белоцарском[6]. Во время

[1] Письмо Заведующего устройством русского населения в Урянхая В. К, Габаева Заведующему урянхами по р. Хемчику Гуну Буянбаторхо о строительстве нового административного центра в местности Виланы при слиянии двух притоков Енисея // История города в Центре Азии. Сборник документов. Т. 1. 1914–1944 гг. Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 2009. С. 13–14.

[2] Кызыл в фотографиях В. П. Ермолаева. Альбом / сост. У. Б. Нурзат. Кызыл, 2014. С. 11.

[3] Доржу З. Ю., Дамдын-оол Д. А. История строительства города Кызыла // World Science: Problems And Innovations: сборник статей XIX Международной научно-практической конференции : в 3 ч., Пенза, 30 марта 2018 года. Ч. 1. Пенза: «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г. Ю.), 2018. С. 191–193.

[4] История города в Центре Азии: сборник архивных документов (на русском языке). 1914–2014 гг. Красноярск: Офсет, 2021. С. 4.

[5] Гребнев Л. В. Кызылу — 50 лет (1914–1964) // Ученые записки / ТНИИЯЛИ. Вып. XI. Кызыл, 1964. С. 72.

История города в Центре Азии: сборник архивных документов (на русском языке). 1914–2014 гг. Красноярск: Офсет, 2021. С. 5.

Гражданской войны в 1919 г. город был практически сожжен. В 1920 г. его было решено восстановить. В 1924 г. город был переименован в Кызыл (от тув. *кызыл* ‘красный’). К этому времени в нем уже были каменные дома, административные здания, больницы, учебные заведения.

В целом детальная история названий улиц и их переименований в Кызыле еще ждет своего исследователя. Поэтому для краткой исторической справки мы воспользуемся имеющимися краеведческими публикациями.

У города сначала было всего две первых улиц — проспект Кривошеина (в честь главноуправляющего землеустройства и земледелия А. В. Кривошеина[1], который затем почти сразу был переименован в улицу Ленина) и улица, названная в честь П. Е. Щетинкина (1884–1927), командира партизанского отряда в Сибири в годы Гражданской войны. В 1919 г. он с А. Кравченко освободил Белоцарск от белогвардейцев (улица его имени позже была объединена с улицей Кравченко и в 1961 г. появилась улица Щетинкина-Кравченко[2]).

В 1930-х гг. у города стало несколько улиц: главная — имени Ленина; ее пересекала Октябрьская, по берегу Енисея шла улица Красных партизан, параллельно ей и улице Ленина — улица Кочетова (бывшая Ветеринарная), и улица Щетинкина-Кравченко[3]. Как писал один из мэров г. Кызыла Д. Л. Тинмей (1985–1989), в 1938 г. у города было всего 15 улиц[4].

Были также поперечные улицы, но они не имели сначала названий. В 1930 г. была создана специальная комиссия, которая устранила этот пробел: первый переулок от протоки — стал Болотный (сейчас улица Каа-Хем), второй — Садовый (улица Мугур), третий — Улуг-Хем (улица Интернациональная), четвертый — Смычка (улица Комсомольская), пятый переулок стал улицей Октябрьской, шестой — Братский (ул. Чульдума), седьмой — Песчанка (ул. Гагарина), восьмой — Культурный (ул. Чехова), девятый — Исправительный (ул. Топографическая)[5].

Как отмечает А. К. Кужугет, архитектура «старого» Кызыла 1920–1930-х гг. отличалась добротностью, ясностью, простотой. На перекрестках основных улиц строились угловые дома, которые замыкали квартал, чтобы новые постройки не выходили за «красную линию» (Кужугет, 2012: 117).

В 1960-е годы, как писал Л. В. Гребнев, у Кызыла были прямые широкие улицы центра — Щетинкина и Кравченко, Ленина, Кочетова, Дружбы, Красноармейская и Рабочая, которые шли вдоль Енисея, и пересекающие их строго с юга на север, к Енисею — Интернациональная, Чульдум, Гагарина, Титова, которые составляли, главным образом, жилую и административную части города[6].

В 2000-е годы, как писал Д. Л. Тинмей, у Кызыла насчитывалось более 200 улиц[7].

Администрация города Кызыла была создана на основе решения Президиума Малого хурала и Совета Министров ТНР в 1936 г.[8] Первым мэром Кызыла — председателем городского самоуправления — с 1936 по 1938 гг. стал Кужугет Арапаевич Серен, который был репрессирован, а в 1964 г. реабилитирован[9].

---

[1] Тимченко М. О Владимире Константиновиче Габаеве. Основателе Кызыла [Электронный ресурс] // ИА Тува-Онлайн. 2012, 14 сентября. URL: https://www.tuvaonline.ru/2012/09/14/o-vladimire-konstantinoviche-gabaeve-osnovatele-kyzyla.html (дата обращения: 12.05.2025).

[2] О переименовании улицы Щетинкина в улицу Щетинкина-Кравченко // История города в Центре Азии. Научно-документальный сборник. Т. 2. 1944–1961 гг. Новосибирск: Сибирское книжное издательство, 2012. С. 232.

[3] Мой город Кызыл: к 100-летию со дня основания : библиогр. указ. … С. 15.

[4] Тинмей Д. Л. Мой Кызыл. Абакан, 2009. С. 6.

[5] Хомушку И. Кызыл: улицы помнят, учат, славят … [Электронный ресурс] // ИА Тува-Онлайн. 2017, 9 сентября. URL: https://www.tuvaonline.ru/2017/09/09/kyzyl-ulicy-pomnyat-uchat-slavyat.html (дата обращения: 12.05.2025).

[6] Гребнев Л. В. Кызылу — 50 лет (1914–1964) // Ученые записки / ТНИИЯЛИ. Вып. XI. Кызыл, 1964. С. 80.

[7] Тинмей Д. Л. Мой Кызыл. Абакан, 2009. С. 7.

[8] Протокол заседания Президиума Малого Хурала и Совета Министров ТНР о создании администрации г. Кызыла. 28 мая 1936 г. // История города в Центре Азии. Сборник документов. Т. 1. 1914–1944 гг. Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 2009. С. 140.

[9] Качан И. Серен Кужугет. Один из первых руководителей Кызыла [Электронный ресурс] // ИА Тува-Онлайн. 2017, 15 мая. URL: https://www.tuvaonline.ru/2017/05/15/seren-kuzhuget-odin-iz-pervyh-rukovoditeley-kyzyla.html (дата обращения: 12.05.2025).

В советские годы Кызыл сохранил статус столицы. Город стал активно развиваться за счет индустриализации, миграций, формировался его городской облик, увеличивалось число улиц, строений, росло население. В 1945–1946 гг. была прекращена беспорядочная застройка города, строительные организации развернули масштабное строительство под руководством архитектурных отделов[1].

Так, следует подчеркнуть значение решения имперских властей России в появлении города, затем — влияние советской власти в его становление и дальнейшее развитие. Как мы увидим далее, эти факторы прямым образом отразились на стрит нейминге города.

В целом в истории развития г. Кызыла можно назвать несколько этапов, соответствующих основным этапам истории Тувы XX–XXI вв.:

1) основание и начало XX в. (1914–1921),

2) период Тувинской Народной Республики (1921–1944),

3) советский этап, начавшийся с вхождения Тувы в состав СССР (1944–1991),

4) современность (с 1991 г.).

Город управляется мэрией, которая разрабатывает проекты планов и программ социально-экономического развития столицы, его бюджеты, организует их исполнение[2]. Полномочия мэрии определяет Устав города, который принимается решением Хурала представителей г. Кызыла. Таким образом, столица Тувы управляется органами местного самоуправления, как это установлено общероссийским законодательством о местном самоуправлении. Однако, как город республиканского подчинения (т. е. под юрисдикцией республики) он официально находится в административном подчинении Правительства Республики Тыва, включен в вертикаль республиканского управления. Должность мэра города нередко становилась главной ступенью в политической карьере управленцев, которые впоследствии занимали должности главы республики.

Классификации названий улиц

Вопрос точного количества улиц Кызыла осложнен тем фактом, что власти города ведут учет не только интересующих нас объектов в черте города (улицы и пр.), но и объектов, которые входят в городскую агломерацию, в частности кварталов, СНТ, товариществ. Кроме того, в базе данных, полученной нами от мэрии, присутствовали многократные повторы одних и тех же названий, возможно зарегистрированных в разных участках, дублирующихся и др. Поэтому из базы мы, во-первых, выбрали только улицы, переулки, проспекты, площади, проезды, скверы, и, во-вторых, удалили повторные названия.

В итоге наш список стал насчитывать 663 наименования улиц, переулков, проспектов, площадей, проездов, скверов г. Кызыла[3] (*рис. 1*), которые, как мы уже упомянули ранее, для удобства в целом будем называть общим словом «улицы».

Классификации названий улиц в современной науке строятся на разных принципах и типах (Пушкарева, 2010; Rusu, 2021; Одинаев, 2023; Tan, 2023; и др.). Например, наиболее распространенной

[1] История города в Центре Азии: … С. 7; О создании областного отдела по делам архитектуры при Облисполкоме // История города в Центре Азии: сборник архивных документов (на русском языке). 1914–2014 гг. Красноярск: Офсет, 2021. С. 173–174; Об утверждении генерального плана реконструкции парка культуры и отдыха им. Гастелло и об утверждении планировки центральной площади города Кызыла, об утверждении эскизного генерального плана города Кызыла // История города в Центре Азии: сборник архивных документов (на русском языке). 1914–2014 гг. Красноярск: Офсет, 2021. С. 183–184.

[2] Полномочия, задачи и функции [Электронный ресурс] // Сайт органов местного самоуправления города Кызыла. Официальный сайт. URL: https://mkyzyl.ru/about/index.php (дата обращения: 14.06.2025).

[3] Тут можно отметить тот факт, что сведения о количестве улиц г. Кызыла, которые присутствуют у самых разных ресурсов, существенно различаются. Например, публичная кадастровая карта указывает на 402 улицы Кызыла: Город Кызыл [Электронный ресурс] // Информационный портал об объектах недвижимости. URL: https://publichnaya-kadastrovaya-karta.com/tyva/kyzyl?obj=3036 (дата обращения: 14.06.2025); на цифру 476 указывает портал «Сити-адрес»: Список улиц города Кызыл [Республика Тыва] [Электронный ресурс] // City-Address. URL: https://city-address.ru/region-17_kyzyl/all-street/page-5/ (дата обращения: 14.06.2025) и пр. В частности, на одном из подобных ресурсов строились подсчеты улиц у Н. Л. Пушкаревой и А. В. Жидченко, которые получили цифру — 919 улиц в г. Кызыле (Пушкарева, Жидченко, 2021: 192).

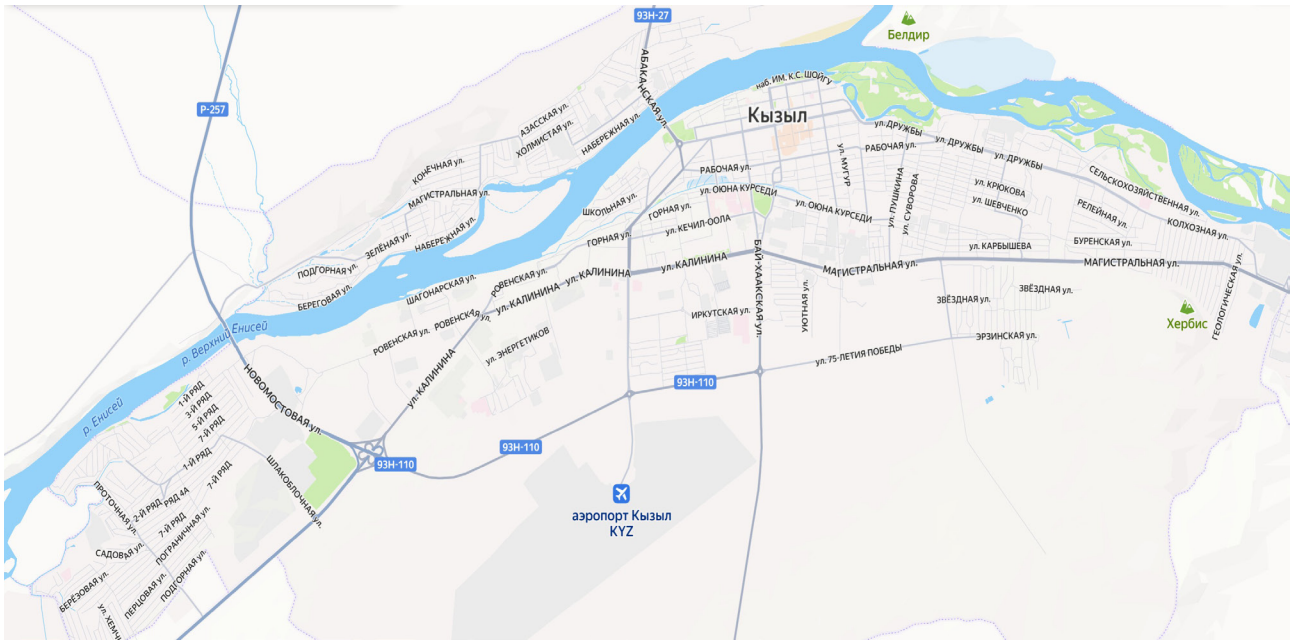

Рис. 1. Карта г. Кызыла на Яндекс-Картах, по состоянию на август 2025 г.
Fig. 1. Map of Kyzyl on Yandex Maps, as of August 2025.

считается классификация по мотиву (принципу) номинации: антропонимические (в честь людей), топографические и географические (по положению и ландшафту, отражающие топонимику местности), исторические (связанные с историческими событиями, датами, эпохами), функциональные (связанные с назначением улицы или объектов на ней), культурные/идеологические (в честь определенных важных событий), флористические и фаунистические, абстрактные и символические, отражающие особенности улиц (их форм, длины) и пр. Есть названия, состоящие из одного слова, а есть и составные.

Одна из наших классификаций составлена на основании мотива номинации. При этом основное наше внимание было уделено местной специфике (названиям с тувинскими словами, топонимическими группами, антропонимическим названиям, а также историко-культурным названиям). Поэтому все флористические, фаунистические, абстрактные, символические названия вошли в общую группу «нейтральные» названия, которая тем самым оказалась самой многочисленной.

Представим группы по убыванию процентного соотношения:

— нейтральные названия на русском языке — 291 (44%), в числе которых оказались, например, «бульвар Богатый», «переулок Дачный», «улица Каменистая», «улица Детства», «улица Зеленая», «улица Хризолитовая» и пр.;

— антропонимические названия — 114 (17,3%), которые появились в честь разных людей, например, «улица Юрия Аранчына», «улица Субедея», «улица Суворова», «улица Максима Мунзука», «улица Ленина» и пр. Из них 61 посвящены тувинцам, остальные 53 — личностям, которые внесли вклад в историю Кызыла, Тувы, известным в России и мире персонам (в т. ч. 43 — русские имена);

— советские названия — 97 (14,7%), к которым мы отнесли названия, основанные на терминах новых для Тувы отраслей экономики, нового образа жизни, профессий, выраженных на русском языке («переулок Коммунистический», «улица Индустриальная», «площадь Учителя», «сквер Молодежный», «улица Энергетиков»);

— топонимические названия, основанные на тувинских топонимах — 75 (11,3%), например, «улица Овюрская», «улица Кызылская», «переулок Хемчикский» и пр.;

— героические (военные) названия — 35 (5,3%), например, «улица Тувинских танкистов», «улица Воинская», «улица 26 бакинских комиссаров», «улица 60 богатырей» и пр.;

— названия, содержащие тувинские слова, определенные понятия тувинской культуры и истории — 36 (5,4%): «улица Чеди-Хаан», «улица Игила», «улица Алантос», «улица Найырал» и пр.;

— топонимические названия, основанные на топонимах страны и мира — 21 (3,2%). Например, «улица Якутская», «улица Варшавская», «улица Абаканская», «улица Крымская» и пр.;

— названия, указывающие на имена (преимущественно тувинские) — 9 (1,3%): «улица Ангырак», «улица Доржу», «улица Алдын-Херел»[1] и пр.

Другая классификация по языковому принципу позволяет рассматривать две большие группы: названия с русскими терминами, русскими именами — 487 (73,8%), названия с тувинскими именами, терминами — 181 (27,4%).

Третьим вариантом классификации может быть историческая: названия, несущие на себе отпечаток досоветского прошлого, названия с явным советским влиянием и названия постсоветского времени. Поскольку далеко не всегда можно определить отнесение того или иного названия к той или иной группе (например, потому что в советское время также использовались названия в досоветских традициях), то мы не стали делать точные подсчеты для этой классификации.

Также подчеркнем, что в каждой из выделенных групп также можно выделять внутренний состав и группы по разным аспектам.

Разнообразие классификаций позволяет увидеть разные тенденции в стрит нейминге. Рассмотрим наиболее явные из них.

Российско-советское влияние

Поскольку, как мы уже сказали, сам город Кызыл появился и стал развиваться вследствие российского имперского, затем — советского влияния, а также так как Тува после краткого исторического периода независимости вошла в состав СССР, в котором государственным языком был русский язык, то и не удивительно, что подавляющее большинство названий включают термины русского языка. И в данных названиях явно заметны традиции разных исторических эпох: 1) досоветской, российской имперской, 2) советской и 3) российской постсоветской. При этом, как мы знаем, из истории города Кызыла, основанного в 1914 г., российский имперский период его коснулся лишь первоначальным названием Белоцарск и всего лишь тремя годами управления. Поэтому практически сразу после основания его он стал развиваться как город революционный, при поддержке советского государства, т. е. советский. Тем не менее, поскольку и в самом СССР в стрит нейминге сохранялись традиции дореволюционной системы, то это отразилось и на названиях улиц Кызыла разных лет.

Так, например, Т. В. Шевелева пишет, что исторически годонимия сложилась как система принципиально семантическая: имена улиц в своей совокупности были своеобразным путеводителем по городу, информируя о его ландшафте, основных сооружениях, жителях и их занятиях, направлениях к соседним городам. Часто для наименования улиц в российских городах времен империи использовались прилагательные[2].

Мы видим такие названия у кызыльских улиц (в выделенной нами «нейтральной» группе):

— переулок Восточный,

— переулок Малый,

— переулок Загородный,

— улица Зеленая,

— улица Береговая,

— улица Гранитная,

— улица Дорожная,

— улица Каменистая,

[1] Возможно какие-то из них были посвящены конкретным личностям, но нам не удалось идентифицировать их.

[2] Шмелева Т. В. Советское наследие в новгородской годонимии // Советская культура в современном социопространстве России: трансформации и перспективы. Материалы научной интернет-конференции. Екатеринбург 28–29 мая 2008 г. Екатеринбург: б. и., 2008. С. 1.

— улица Овражная,

— улица Станичная,

— улица Складская,

— улица Тенистая и мн. др.

Подобные названия типичны для российских городов, в том числе малых, и поскольку их число в номинациях улиц Кызыла достаточно велико, то можно сказать, в этом смысле Кызыл, несмотря на его статус столицы национальной республики с тюркоязычным населением, несмотря на относительно малую историю интеграции региона в поле российской цивилизации, город с точки зрения стрит нейминга носит характер российской губернской «глубинки».

Советская власть привнесла свои новшества. Как пишет Т. В. Шевелева, после октябрьских событий имена улиц становятся частью политического словаря эпохи, первоначальным учебником политграмоты и унификации городов[1]. Так, и в Кызыле в первую очередь появилась улица Ленина, причем центральная. Также в городе есть, как и практически во всех городах страны:

— улица Советская,

— улица Коммунистическая,

— улица Интернациональная,

— переулок Совхозный,

— улица Дружбы народов,

— улица Октябрьская и пр.

Причем указанные названия квалифицируются как демонстративы, т. е. названия, демонстрирующие новые ценности. Помимо них советским новшеством стали меморативы, в которых увековечивались имена вождей, героев революции, воинских побед, деятелей культуры и науки[2].

Из выделенной нами группы антропонимических названий советскими меморативами выступают:

— улица Ленина,

— сквер у памятника Ленину,

— улица Фрунзе,

— улица Суворова[3],

— улица Мичурина,

— улица Щетинкина-Кравченко,

— улица Калинина,

— улица Орджоникидзе,

— улица Пушкина,

— улица Терешковой и пр.

И демонстративы, и меморативы, как подчеркивает Т. В. Шевелева, оформлялись преимущественно формой родительного падежа (кого? чего?), и эта особенность отличает также принцип советского стрит нейминга.

В постсоветское время во многих городах не только России, но и постсоветского пространства, прошла волна переименований улиц, появились новые улицы с новыми названиями. Тем не менее, российская история и русская лингвокультура продолжают доминировать в стрит нейминге Кызыла.

Так, и уже в XXI в. в городе продолжали появляться подобные названия из класса меморативов. Например:

— улица генерала Лебедя, в честь советского государственного и военного деятеля А. И. Лебедя (1950–2002), трагически погибшего в Красноярском крае,

[1] Там же. С. 2.

[2] Там же.

[3] Несмотря на то, что А. В. Суворов (1729–1800) являлся русским полководцем российской империи, он считается основоположником русской военной теории, был уважаем в советское время и до сих пор почитается в российской официальной истории.

— улица Владимира Габаева как дань памяти основателю города — В. К. Габаеву (1886–?), дворянину, служащему российской империи;

— улица Севьяна Вайнштейна (1926–2008), советского этнографа, одного из классиков тувиноведения и др.

Таким образом, стрит нейминг Кызыла продолжает сохранять значительное влияние российской городской культуры и советского прошлого, в котором также присутствуют и традиции стрит неймига досоветского прошлого.

Антропонимические названия

Многочисленные антропонимические названия (114 наименований —17,3%) интересны с разных сторон.

Если смотреть по этническому составу персон, имена которых украшают названия улиц Кызыла, то, как мы уже отметили, большее их количество (61) посвящено тувинцам, остальные 53 — личностям, которые внесли вклад в историю Кызыла, Тувы, известным в России и мире персонам (в т. ч. 43 — русские имена). Среди названий есть односоставные (по одному имени или фамилии, типа, «улица Фрунзе») или двусоставные (по имени и фамилии, например, «улица Владимира Оскал-оола»).

Идентификация имен как тувинских не вызывает сложностей, поскольку часть имен принадлежит очень известным в Туве личностям, а часть, даже если их владельцы менее известны, основана на тувинской системе антропонимики, которая относительно хорошо сохранилась (Сувандии, 2011).

В названиях улиц Кызыла отражена память о тувинцах из разных сфер общественной жизни, например:

— улица Юрия Аранчына, названная в честь ученого Ю. Л. Аранчына (1926–1997), доктора исторических наук, много лет руководившего Тувинским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории,

— улица Михаила Мендуме, посвященная советскому партийному и государственному деятелю М. К. Мендуме (1922–2001),

— улица Максима Мунзука, в честь артиста театра и кино М. М. Мунзука (1910–1999), одного из основателей тувинского национального театра,

— улица Леонида Чадамба, т. е. Л. Б. Чадамба (1918–1987), поэта, прозаика, детского писателя, переводчика,

— улица Оюна Курседи, названная в память об О. К. Курседи (1884–1925), общественного деятеля, основателя Тувинской народно-революционной партии,

— улица Буяна Бадыргы (1892–1932) — основателя тувинской государственности,

— улица Салчака Тока, посвященная многолетнему партийному правителю советской Тувы С. К. Тока (1901-1973),

— улица Анчима-Тока, которая отдает дань памяти Х. А. Анчима-Тока (1912–2008), супруге С. К. Тока и политическому деятелю, главе парламента республики.

Среди персон, в честь которых названы улицы, также есть и исторические личности, такие, как Самбажык, руководитель восстания 60-ти богатырей 1883–1884 гг. (улица Самбажык), а также Субедей, монгольский полководец XIII в., военачальник войска Чингис-хана, урянхайского происхождения (улица Субедея).

Некоторые персоны отмечены в антропонимических названиях по несколько раз. Например, в Кызыле есть «улица Шойгу», «улица Шойгу С. К.», названные в честь современного российского политического деятеля. Также есть «набережная имени Кужугета Шойгу» — в честь его отца К. С. Шойгу (1921–2010), политического деятеля советского времени.

Здесь же выделяется подгруппа названий, в которых отдается дань уважения и памяти русским жителям Тувы или российским, советским деятелям, которые внесли тот или иной вклад в развитие республики, определенных отраслей общественной жизни:

— улица Владимира Габаева (1886–?), основателя города, о котором уже выше было сказано,

— улица Пальмбаха, т. е. ученого-филолога А. А. Пальмбаха (1897–1963), одного из создателей тувинского алфавита на основе кириллицы,

— улица Василия Демина, в честь В. Ф. Демина (1912–1990), советского художника, автора ряда скульптур города, в том числе обелиска «Центр Азии» (1964–2014) на берегу Енисея,

— улица Александра Грача, т. е. археолога А. Д. Грача (1928–1981), исследователя древностей Тувы и др.

Антропологические названия не ограничиваются известными и важными для Тувы именами. Среди названий улиц есть и такие, которые отдают дань памяти российской и советской истории («улица Пушкина», «улица Рихарда Зорге», «улица Титова» и др.). А есть и такие, которые выглядят довольно экзотично для региона. Например, «улица Гиппократа» — как мы знаем, древнегреческого целителя. Правда, таких улиц единицы и можно сказать, что, в основном, антропологические названия в гораздо большей степени «привязаны» к истории и культуре Тувы.

«Героические», военные названия

Состав не очень многочисленной группы так называемых героических, военных названий, которую мы выделили (35 наименований), указывает нам на то, что в ней присутствуют тенденции в первую очередь коммеморации[1] воинской славы в целом, советской военной истории, а в последние годы появились улицы в честь тувинской военной истории.

Наибольшее число (11 наименований) мы насчитали в названиях в честь воинской славы, военной тематики в целом:

— улица Военных связистов,

— улица Красноармейская,

— улица Красногвардейская,

— улица Российская Армия,

— улица Воинов интернационалистов,

— сквер Воинам-интернационалистам,

— улица Мотострелковая,

— улица Гвардия,

— улица Мужества,

— улица Танкистов,

— улица Воинская.

Вторая группа (10 наименований) посвящена Великой Отечественной войне (1941–1945):

— улица Победа,

— улица Тувинских Добровольцев,

— улица Тувинских танкистов,

— улица Сибиряков Гвардейцев,

— сквер У обелиска Павшим воинам,

— сквер У памятника Красных партизан,

— улица Красных Партизан,

— улица 70-летия Победы,

— улица 75-летия Победы,

— улица 9 мая.

Названия только трех улиц напоминают нам о страницах истории Тувы, причем два из них — о восстании 60 богатырей (*алдан маадыр*):

— улица Алдан-Маадырская,

— улица 60 Богатырей,

— улица Героев Кобдо.

[1] Коммеморация (от лат. *memorialis* — памятный) — социальная практика, основу которой составляет мобилизованная коллективная память о значимых событиях и личностях.

Последнее название указывает на Кобдинское сражение 1912 г., которое происходило на территории современной Монголии и в котором участвовали также тувинцы (Харунова, Харунов, 2023).

Также в названиях присутствуют единичные названия в честь отдельных эпизодов мировой военной истории. Например, есть «улица Парижских Коммунаров», «улица 26 Бакинских Комиссаров». И, наконец, совсем новым названием стала «улица имени Героев специальной военной операции», которая была открыта в 2024 г. в результате переименования улицы Дружбы. Кстати, среди наименований улиц Кызыла также появилась «улица Героя России Владимира Жоги», который считается героем Донецкой Народной Республики, погибшим в 2022 г.

Если к рассмотренным названиям добавить и антропонимические, т. е. в честь военачальников (например, улица Суворова, улица генерала Лебедя и др.), героев Великой Отечественной войны (например, улица Кечил-оола и др.), а также то количество героических названий разумеется возрастет.

Мы видим, что советская традиция увековечивания памяти воинской славы продолжает присутствовать в стрит нейминге Кызыла.

Тувинские названия

Если рассматривать в названиях улиц термины тувинского языка, то в первую очередь можно отметить распространенную практику использования тувинских топонимов, причем многие сформулированы по российским-русским принципам использования прилагательных (см. об этом выше):

— улица Овюрская,

— улица Азасская,

— улица Туранская,

— улица Тоджинская и пр.

Тем не менее, ряд названий строятся по принципу использования тувинских названий без русских склонений, очевидно, как уже поздняя тенденция:

— улица Кундустуг (Кундустуг, Кундус-Туг — село в Каа-Хемском районе),

— улица Хемчик (Хемчик — река, протекающая по территории Бай-Тайгинского, Барун-Хемчикского и Дзун-Хемчикского районов Тувы),

— улица Чедер (Чедер — озеро в Кызылском районе Тувы),

— улица Танды-Уула (Танды-Уула — горная система на юге республики) и др.

Такие же различия можно наблюдать и в названиях с абстрактными словами тувинского языка. Например:

— улица Сумонная (от слова *сумон*, т. е. единица административного устройства со времен маньчжурского правления Тувы),

— улица Аратская (от слова *арат* ‘труженик’) и пр.

Названия с неизмененными тувинскими лексемами:

— улица Аялга (от слова *аялга* ‘музыка’),

— улица Сылдыс (от слова *сылдыс* ‘звезда’),

— улица Сайыр (от слова *сайыр* ‘галька’) и др.

В некоторых случаях тувинские буквы заменены на русские, например, у «улицы Сулде» (от слова *сүлде* ‘герб’).

Учитывая существенное количество подобных названий (вместе они составляют 111 наименований, т. е. 16,8%), отметим, что в стрит нейминге Кызыла также отражена в определенной мере местная специфика — история и культура тувинцев. Этот факт создает интересные возможности для сравнительных исследований по тюркизмам в названиях улиц в первую очередь тюркоязычных территорий, в том числе городов других регионов России, а также Турции, Казахстана.

Гендерные и отдельные топонимические особенности

Отметим также другие наблюдения, полученные в результате классификации названий улиц.

В первую очередь хотелось бы вернуться к исследованию коллег Н. Л. Пушкарева и А. В. Жидченко о гендерном дисбалансе в наименованиях улиц городских поселений Республики Тыва (не только Кызыла, но и Ак-Довурака, Шагонара, Чадана, Турана и поселка городского типа Каа-Хем) (Пушкарева, Жидченко, 2021). Ученые насчитали всего 1% названий улиц в честь женщин, включая также и женского праздника 8 марта. Такой результат они, как уже было сказано в обзоре, объясняют гендерно-предвзятыми основаниями нейминга, обусловленными неравным распределением власти между полами в советской и постсоветской истории.

Именования и переименования улиц продолжаются каждый год, но с тех пор ситуация не изменилась. В названиях улиц Кызыла имена женщин остаются малочисленными. Назовем их (они практически совпадают со списком Пушкаревой и Жидченко):

— улица Ензаны Пала — Е. Д. Пала (1939–2013), партийного, общественно-политического деятеля,

— улица Анчима-Тока — Х. А. Анчима-Тока (1912–2008), супруги С. К. Тока и политическому деятелю, главы парламента республики (о ней было упомянуто выше),

— улица Галины Доваадор — Г. Т. Довадор (1923–2005), участницы Великой Отечественной войны, одного из тувинских добровольцев,

— улица Светланы Козловой — С. В. Козловой (1933–1997), писателя, переводчика, журналиста,

— улица Кускелдей Тулуш — первой тувинской колхозницы, награжденной орденом Ленина.

И, помимо этих имен славных женщин, которые оставили заметный след в истории Тувы, есть и «улица Терешковой», в честь В. В. Терешковой (1937 г. р.), космонавта, политического деятеля России, как дань советской традиции отмечать первых космонавтов страны при жизни сразу после совершения ими полета.

Если гендерные женские названия рассматривать шире, в том числе и с женскими именами, то к ним также можно отнести:

— улица Байлак,

— улица Байза,

— улица Дан-Хайяа.

Всего, как мы видим, это в общей сумме 9 названий. И если приплюсовать к этому «переулок 8 марта» и «улица Маадыр ие», то «женских» улиц можно насчитать 11 в г. Кызыле, т. е. ничтожные 1,6%. Это подтверждает наблюдения наших коллег, несмотря на разницу количества улиц, от которого отталкивались они и мы. Тем не менее подчеркнем, что в названии «улица Маадыр ие» отмечено почетное, очень уважаемое звание «мать-героиня», который присваивался многодетной матери. Н. Л. Пушкарева и А. В. Жидченко квалифицировали такое название особенностью тувинской топонимики (Пушкарева, Жидченко, 2021: 194).

Среди групп названий мы также выделили топонимические, в которых отразились топонимы, расположенные за пределами Тувы. Это, например:

— улица Якутская,

— улица Читинская,

— улица Чукотская,

— улица Севастопольская и пр.

В общей сложности мы насчитали 21 такое наименование (3,2% от общего числа), и, в основном, это топонимы российских территорий, что знаменует тем самым очевидно определенные связи между регионами. Тем не менее, есть и пара названий «далеких»: «улица Вавилонская», «улица Турецкая».

Таким образом, к уже представленным нами характеристикам стрит нейминга также можно добавить яркий гендерный дисбаланс (недооцененность женщин в антропонимических названиях), а также некоторые внутристрановые региональные связи, которые отмечаются в топонимических названиях улиц Кызыла.

Политика стрит нейминга

Сформулировав характеристики стрит нейминга, которые выявляются из рассмотрения общего списка наименований улиц Кызыла, обратимся к вопросу о политике стрит нейминга.

В советское время единого всесоюзного документа, который бы строго регулировал политику наименований улиц в городах СССР, не было. Тем не менее существовали общие идеологические установки, рекомендации, влияющие на выбор названий, примеры региональных, городских решений, которым также следовали и власти г. Кызыла.

Например, из архивных документов города можно увидеть несколько примеров присвоения имен и переименований улицам. При этом отсутствие у Кызыла имперского прошлого привело к тому, что в его истории стрит нейминга не было массовых переименований с досоветских на советские названия (как, например, у губернских центров России, см.: Васильева, 2021). Наоборот, в городе в советское время могли пересматриваться даже советские демонстративы и меморативы. Например, в 1948 г. Кызылский городской Совет депутатов трудящихся Тувинской автономной области принял решение о том, что «улица Победы» (очевидно Победы в Великой Отечественной войне) будет переименована в «улицу Сельская», а «улица Коммунистическая» — в «улицу Болотная»[1]. Хотя, учитывая то, что в составе городских объектов на сегодня присутствуют «Площадь Победы», «улица 70-летия Победы», «улица 75-летия Победы», а также «улица Коммунистическая», возможно, городские власти задумывали присвоение значимых номинации более подходящим для этого улицам. То есть это не было связано с отказом от меморатива, скорее это было выполнено в русле оптимизации значений названий соответствующим улицам.

В 1953 г. при одной перепланировке кварталов один из переулков был назван «переулок Строителей»[2], другой — «переулок «Чульдума»[3], третий — «переулок Совхозный»[4]. В решениях не приводятся сведения из рабочих материалов, на основании которых предлагались те или иные названия. Однако, учитывая наличие отдельных решений, в которых подчеркнуто указывалось обоснование, то можно предположить, то названия предлагались разными отделами (в т. ч. это были Бюро технической инвентаризации, производственная группа по отводу земельных участков и др.) в рабочем порядке.

Там же, где речь шла о специальных случаях, событиях, причина указывалась в самом решении. Например, в 1954 г. улица Болотная в Кызыле стала улицей Шевченко «в честь празднования 300-летия воссоединения Украины с Россией», как об этом сказано в документе исполкома городского Совета депутатов трудящихся Кызыла[5].

В апреле 1961 г. не осталось без внимания и событие мирового масштаба — полет в космос первого человека Ю. Гагарина. Это событие выразилось в более многословном (по сравнению с другими подобными документами) вводном слове:

> «12 апреля 1961 года советский летчик майор Юрий Алексеевич Гагарин совершил беспримерный в истории человечества подвиг — полет в космос на космическом корабле “Восток”.
>
> Президиум Верховного Совета СССР наградил товарища Гагарина Ю. А. орденом Ленина, присвоил звания Героя Советского союза и “Летчика-космонавта СССР”, решил установить в г. Москве бронзовый бюст героя.
>
> Учитывая героический подвиг Ю.А. Гагарина, Исполком Кызылского городского Совета депутатов трудящихся единодушно РЕШИЛ:
>
> 1) Переименовать городскую улицу “Песочная” в улицу имени Юрия Гагарина. …»[6].

Еще одно событие, связанное с достижениями советской космонавтики, также отразилось на новом документе исполкома в этом же году, но в августе:

> «В ознаменовании великой победы Советского народа — успешного завершения 25-часового полета корабля-спутника Восток-2 и самоотверженного подвига гражданина Советского союза летчика-космо-

[1] О наименовании вновь выстроенных улиц и переулков города Кызыла // История города в Центре Азии: сборник архивных документов (1914–2014 гг.). Красноярск: Офсет, 2021. С. 209.
[2] Об утверждении проекта перепланировки кварталов в районе Кожзавода // Там же. С. 143.
[3] Об утверждении проекта перепланировки квартала между улицами Чульдум — Базарная площадь, Красноармейская — Рабочая в городе Кызыле // Там же. С. 143.
[4] Об утверждении проекта перепланировки кварталов // Там же. С. 149.
[5] О переименовании ул. Болотной в ул. Шевченко // Там же. С. 155.
[6] Цитата дается без изменений. См.: О переименовании улицы Песочной в улицу имени Юрия Гагарина // Там же. С. 222.

навта Г.С. Титова, пилотирующего корабль-спутник, исполком Кызылского городского Совета трудящихся РЕШИЛ:

Присвоить имя Г.С. Титова улице “Сесерлиг”, переименовав ее в улицу “Титова”»[1].

То есть очевидно, что процесс наименований улиц выполнялся согласно основным складывавшимся тенденциям советского стрит нейминга, кроме того был ситуативным.

Правовая база стрит нейминга стала формироваться уже после распада СССР, в постсоветское время.

В ряде крупных городов России существуют нормативные документы городских администраций, которые регулируют политику по наименованию улиц. Например, у Санкт-Петербурга есть документ «Принципы и правила транслитерации и перевода на английский язык названий объектов городской среды Санкт-Петербурга», который был утвержден Топонимической комиссией при правительстве города в 2015 г. в рамках подготовки к Чемпионату мира 2018 г.[2] В Москве действует Городская межведомственная комиссия по наименованию территориальных единиц, улиц, станций метро и других объектов[3], которая в том числе руководствуется Законом г. Москва от 8 октября 1997 г. «О наименовании территориальных единиц, улиц, элементов планировочной структуры и станций метрополитена города Москвы»[4].

У Кызыла также есть «Положение о порядке присвоения наименований и переименования улиц, скверов, площадей и других топонимических объектов на территории городского округа “город Кызыл Республики Тыва”»[5], которое было принято Хуралом представителей г. Кызыла в 2012 г.

Однако, как в документах Москвы и Санкт-Петербурга, так и Кызыла устанавливаются лишь общие правила передачи, транслитерации и оформления названий улиц, площадей, набережных и других топографических объектов. В том числе подчеркивается «нормализация наименований — определение наименований в соответствии с правилами и традициями употребления топонимов (имен собственных, относящихся к любому объекту на земле, природному или созданному человеком) в современном русском языке»[6]. То есть главные акценты таких документов связаны с языковыми нормами.

В нормативном документе, касающемся г. Кызыла, можно отметить два пункта:

«1.3. Присвоение наименований и переименование улиц, скверов, площадей и других топонимических объектов города Кызыла устанавливается в целях адресного ориентира, формирования социальной и культурной среды городского округа “Город Кызыл Республики Тыва”.

1.4. Предприятия, учреждения, организации города Кызыла независимо от их организационно-правовой формы и граждане, предлагающие увековечить память о каком-либо событии или лице, должны руководствоваться настоящим Положением и соблюдать определенный в нем порядок присвоения наименований и переименования улиц, скверов, площадей и других топонимических объектов города Кызыла»[7].

Это означает, что политика стрит нейминга Кызыла остается ситуативной, что собственно и отражается на общем списке названий и на появлении новых.

[1] О переименовании улицы Сесерлиг в улицу Титова // Там же. С. 229.

[2] Предложения Топонимической комиссии Санкт-Петербурга по принципам и правилам транслитерации и перевода на английский язык названий объектов городской среды Санкт-Петербурга для размещения на информационных носителях [Электронный ресурс] // Союз переводчиков России. Санкт-Петербургское отделение. URL: http://www.utr.spb.ru/info/Topo_%D0%A2%D0%9A_061115_1.pdf (дата обращения: 12.07.2025).

[3] Городская межведомственная комиссия по наименованию территориальных единиц, улиц, станций метрополитена, организаций и других объектов города Москвы [Электронный ресурс] // Москва. Департамент культурного наследия города Москвы. URL: http://www.utr.spb.ru/info/Topo_%D0%A2%D0%9A_061115_1.pdf (дата обращения: 12.07.2025).

[4] Закон г. Москва от 8 октября 1997 г. «О наименовании территориальных единиц, улиц, элементов планировочной структуры и станций метрополитена города Москвы» [Электронный ресурс] // Москва. Департамент культурного наследия города Москвы. URL: https://www.mos.ru/upload/content/files/05f0ba55e298afb2e9efcd8c664f4497/4Zakong_Moskviot08_10_1997N40-70(red_ot28_09_2022).pdf (дата обращения: 12.07.2025).

[5] Решение Хурала представителей г. Кызыла от 27.11.2012 № 433 (ред. от 30.08.2023) «Об утверждении Положения о порядке присвоения наименований и переименования улиц, скверов, площадей и других топонимических объектов на территории городского округа “Город Кызыл Республики Тыва”» [Электронный ресурс] // Гарант. URL: https://base.garant.ru/28726687/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/ (дата обращения: 12.07.2025).

[6] Там же.

[7] Там же.

В целом, учитывая примеры из истории города, а также наличие современных документов и современную практику, можно охарактеризовать политику стрит нейминга Кызыла на протяжении XX-го и начала XXI в. следующим образом.

В период основания Кызыла, а также во время ТНР, наименования улиц носили в основном революционный и советский характер. В 1930-х и 1940-х появилась практика присвоения улицам имен, связанных с советской символикой, героями Великой Отечественной войны, революционерами и значимыми советскими деятелями.

В советское время стрит нейминг Кызыла стал строиться в традициях российского дореволюционного прошлого и по правилам советской идеологии, советского образа жизни, соответствующих идеалов. В том числе антропонимические названия отражают практику присваивания имен государственных, общественных и военных деятелей, героев войны и труда, а также известных российских и тувинских писателей, ученых, и культурных деятелей.

В позднее советское время и в постсоветское время в новых микрорайонах, улицам стали присваиваться имена современных местных известных личностей и культурных деятелей, что свидетельствует о тенденции к усилению локальной, региональной идентичности.

Современная практика также включает использование порядковых номеров улиц и заимствование зарубежного опыта в наименованиях некоторых окраинных улиц.

Таким образом, стрит нейминг Кызыла отражает исторический путь города от советской эпохи к современности с растущим акцентом на местную идентичность, культурное наследие и общественное признание значимых личностей, при этом сохраняя значительную связь с советским и российским историческим контекстом.

Заключение

Проведённый анализ показал, что политика стрит нейминга в Кызыле представляет собой сложное переплетение исторических эпох, культурных слоёв и социально-политических факторов. Современная уличная топонимия отражает как сохранение влияние советского периода, когда доминировали идеологизированные названия, а также очевидные следы дореволюционных имперских традиций стрит нейминга.

Поэтому Кызыл с точки зрения наименования большинства своих улиц продолжает носить характер российской губернской «глубинки».

Значительное число названий улиц связано с именами героев войны, советских деятелей, что демонстрирует историческую преемственность. Тем не менее антропологические названия в гораздо большей степени «привязаны» к истории и культуре Тувы и эта тенденция стала ярко проявляться в последние годы. Также заметны усилия по актуализации и расширению числа тувинских топонимов, что свидетельствует о возрастании значимости этнокультурной идентичности в городской среде. Автономия и социально-культурная специфика региона находят выражение в названиях, поддерживающих этническую память, локальную историю, этническую культуру коренного населения.

К характеристикам стрит нейминга также можно добавить яркий гендерный дисбаланс (недооцененность женщин в антропонимических названиях), а также некоторые внутристрановые региональные связи, которые отмечаются в топонимических названиях улиц Кызыла.

Таким образом, политика стрит нейминга Кызыла может рассматриваться как отражение сложного процесса между централизацией и регионализацией, а также между исторической памятью и современными вызовами урбанистического развития. Этот процесс находится в динамике, требует дальнейших изучений, а также может учитываться городскими властями для формулирования конкретной политики стрит нейминга столицы самобытного региона.

Благодарности

Благодарим за базу данных адресных объектов г. Кызыла, любезно предоставленную по нашему запросу заместителем мэра города М.-Н. Б. Могедир, подготовленную Департаментом архитектуры, градостроительства и земельных отношений мэрии г. Кызыла (начальник отдела У. Н. Монгуш, главный специалист Д. С. Монгуш).

Также благодарим за помощь в подборе литературы и данных наших коллег из Тувинского государственного университета: Шенне Борисовну Майны и Шончалай Борисовну Майны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Басик, С. Н. (2018) Критическая топонимика как направление географических исследований: проблемы и перспективы // Географический вестник. № 1 (44). С. 56–63.

Бондаренко, Т. А. (2009) История создания города в центре Азии. К 95-летию Белоцарска — Урянхайска — Красного — Кызыла // Новые исследования Тувы. № 4. С. 109–119.

Васильева, Т. В. (2021) О переименовании названий улиц в советские годы // Зыряновские чтения : Материалы Всероссийской научной конференции, Курган, 02–03 декабря 2021 г. / ред. В. В. Менщиков и др. Курган : Курганский государственный университет. 262 с. С. 28–29.

Горбаневский, М. В. (2010) Названия улиц в малых исторических городах России как компонент их историко-культурного ландшафта: судьбы, проблемы, решения // Ономастика и общество: язык и культура : материалы Первой Всероссийской научной конференции, Тамбов, 14–15 октября 2010 года / отв. ред. А. С. Щербак. Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина. 222 с. С. 11–20.

История Тувы (2001) / под ред. С. И. Вайнштейна и М. Х. Маннай-оола. Новосибирск : Наука. 367 с.

Калдар-оол, А. Х.-Б., Ооржак Б. О. (2022) Об особенностях градостроительства города Кызыла // Вестник Тувинского государственного университета. № 3. Технические и физико-математические науки. № 3(98). С. 26–42.

Кужугет, А. К. (2012) Проблемы сохранения архитектурного облика старого Кызыла // Новые исследования Тувы. № 4. С. 113–118.

Монгуш, А. М. (2015) Правовые основы деятельности органов муниципальной власти столицы Республики Тыва города Кызыла в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Право и государство: теория и практика. № 9(129). С. 43–46.

Одинаев, Т. Н. (2023) Улицы г. Гродно (Республика Беларусь) и г. Термеза (Республика Узбекистан): принципы номинации // Известия Национальной академии наук Беларуси. Серия гуманитарных наук. Т. 68. № 1. С. 24–34. DOI: https://doi.org/10.29235/2524-2369-2023-68-1-24-34

Пушкарева, Н. Л., Жидченко, А. В. (2021) Женские имена в названиях улиц тувинских городов как проблема сохранения социальной памяти этноса // Новые исследования Тувы. № 1. С. 188–201. DOI: https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.1.10

Пушкарева, Ю. Г. (2010) Принципы классификации названий внутригородских объектов // Вестник Бурятского государственного университета. № 10. С. 116–121.

Харунова, М. М.-Б., Харунов, Р. Ш. (2023) О тувинцах в Кобдинском сражении 1912 г.: век спустя // Вестник Института востоковедения РАН. № 1. С. 116–126. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-1-116-126

Хилханова Э. В., Ондар Ч. Г., Иванов В. В., Акопян К. С. (2024) Языковые ландшафты Кызыла и Улан-Удэ как зеркало региональной языковой политики // Новые исследования Тувы. № 1. С. 18–38. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.2

Шульгина, О. В. (2016) Историко-географический подход в изучении топонимики российских регионов // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Естественные науки. № 2. С. 84–93.

Alderman, D. H. (2000) A Street Fit for a King: Naming Places and Commemoration in the African American Community // The Professional Geographer. Vol. 52. Issue 4. P. 672–684. DOI: https://doi.org/10.1111/0033-0124.00256

Alderman, D. H., Inwood, J. (2013) Street naming and the politics of belonging: spatial injustices in the toponymic commemoration of Martin Luther King Jr // Social & Cultural Geography. Vol. 14 (2). Pp. 211–233. DOI: https://doi.org/10.1080/14649365.2012.754488

Critical toponymies: contested politics of place naming (2009) / Berg, L., Vuolteenaho, J. (editors). Aldershot : Ashgate. 306 p.

Rose-Redwood, R., Alderman, D., Azaryahu, M. (2010) Geographies of toponymic inscription: new directions in critical place-name studies // Progress in Human Geography. Vol. 34. № 4. P. 453–470. DOI: https://doi.org/10.1177/0309132509351042

Rusu, M. S. (2021) Street naming practices: A systematic review of urban toponymic scholarship // Onoma. Vol. 56. P. 269–292. DOI: https://doi.org/10.34158/ONOMA.56/2021/14

Tan, M. L. J. (2023) Street Naming and Odonymy in Quezon City // UP Working Papers in Linguistics. Vol. 2. № 2. P. 122–154.

Дата поступления: 12.03.2025 г.
Дата принятия: 20.05.2025 г.

REFERENCES

Basik, S. N. (2018) Critical toponymy as a trend in geographical research: Problems and prospects. *Geograficheskii Vestnik*, no. 1 (44), pp. 56–63. (In Russ.)

Bondarenko, T. A. (2009) The history of the creation of a city in the center of Asia. On the 95th anniversary of Belotsarsk — Uryankhaysk — Krasny — Kyzyl. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 109–119. (In Russ.)

Vasilyeva, T. V. (2021) On the renaming of street names in the Soviet years. In: V. V. Menshikov et al. (eds.). *Zyryanov Readings:* Proceedings of the All-Russian Scientific Conference, Kurgan, 2–3 December 2021. Kurgan, Kurgan State University. 262 p. Pp. 28–29. (In Russ.)

Gorbanevsky, M. V. (2010) Street names in small historical towns of Russia as a component of their historical and cultural landscape: Fates, problems, solutions. In: A. S. Shcherbak (ed.). *Onomastics and Society:* Language and Culture. Proceedings of the First All-Russian Scientific Conference, Tambov, 14–15 October 2010. Tambov, Derzhavin Tambov State University Publishing House. 222 p. Pp. 11–20. (In Russ.)

The history of Tuva (2001), ed. by S. I. Vainshtein and M. Kh. Mannai-ool. Novosibirsk, Nauka. 367 p. (In Russ.)

Kaldar-ool, A. Kh.-B. and Oorzhak, B. O. (2022) On the features of urban planning in the city of Kyzyl. *Vestnik Tuvinskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Technical and Physical-Mathematical Sciences*, no. 3 (98), pp. 26–42. (In Russ.)

Kuzhuget, A. K. (2012) Problems of preserving the architectural appearance of old Kyzyl. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 113–118. (In Russ.)

Mongush, A. M. (2015) Legal framework for the activities of municipal authorities of the capital of the Republic of Tuva, the city of Kyzyl, during the Great Patriotic War (1941–1945). *Pravo i Gosudarstvo: Teoriya i Praktika*, no. 9 (129), pp. 43–46. (In Russ.)

Odinaev, T. N. (2023) Streets of Grodno (Republic of Belarus) and Termez (Republic of Uzbekistan): Principles of naming. *Izvestiya Natsionalnoi Akademii Nauk Belarusi. Seriya Gumanitarnykh Nauk*, vol. 68, no. 1, pp. 24–34. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.29235/2524-2369-2023-68-1-24-34

Pushkareva, N. L. and Zhidchenko, A. V. (2021) Female names in the street names of Tuvan cities as an issue in the preservation of the ethnic group's social memory. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 188–201. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2021.1.10

Pushkareva, Yu. G. (2010) Principles of classification of names of intra-urban objects. *Vestnik Buryatskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, no. 10, pp. 116–121. (In Russ.)

Kharunova, M. M.-B. and Kharunov, R. Sh. (2023) About the Tuvans in the Kobdo battle of 1912: A century later. *Vestnik Instituta Vostokovedeniya RAN*, no. 1, pp. 116–126. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.31696/2618-7302-2023-1-116-126

Khilkhanova, E. V., Ondar, Ch. G., Ivanov, V. V. and Akopyan, K. S. (2024) 'Linguistic landscapes of Kyzyl and Ulan-Ude as a mirror of regional language policy', *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 18–38. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.2

Shulgina, O. V. (2016) Historical and geographical approach to the study of toponymy in Russian regions. *Vestnik Moskovskogo Gorodskogo Pedagogicheskogo Universiteta. Seriya: Yestestvennye Nauki*, no. 2, pp. 84–93. (In Russ.)

Alderman, D. H. (2000) A Street Fit for a King: Naming Places and Commemoration in the African American Community. *The Professional Geographer*, vol. 52, issue 4, pp. 672–684. DOI: https://doi.org/10.1111/0033-0124.00256

Alderman, D. H. and Inwood, J. (2013) Street naming and the politics of belonging: spatial injustices in the toponymic commemoration of Martin Luther King Jr. *Social & Cultural Geography*, vol. 14 (2), pp. 211–233. DOI: https://doi.org/10.1080/14649365.2012.754488

Critical toponymies: contested politics of place naming (2009) / Berg, L., Vuolteenaho, J. (editors). Aldershot, Ashgate. 306 p.

Rose-Redwood, R., Alderman, D. and Azaryahu, M. (2010) Geographies of toponymic inscription: new directions in critical place-name studies. *Progress in Human Geography*, vol. 34, no. 4, pp. 453–470. DOI: https://doi.org/10.1177/0309132509351042

Rusu, M. S. (2021) Street naming practices: A systematic review of urban toponymic scholarship. *Onoma*, vol. 56, pp. 269–292. DOI: https://doi.org/10.34158/ONOMA.56/2021/14

Tan, M. L. J. (2023) Street Naming and Odonymy in Quezon City. *UP Working Papers in Linguistics*, vol. 2, no. 2, pp. 122-154.

Submission date: 12.03.2025.
Acceptance date: 20.05.2025.

DOI: 10.25178/nit.2025.4.12

Обзор

Проблемное поле исследований алкоголизации коренного населения Республики Тыва

Светлана А. Вангородская
Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Российская Федерация

В статье представлен анализ 525 научных публикаций (научных статей, диссертаций и пр.), размещенных в Научной электронной библиотеке, опубликованных с 1999 по 2025 гг., отобранных по поисковым запросам, отражающим различные аспекты потребления алкоголя коренным населением Тувы — тувинцами.

Было изучено проблемное поле исследований алкоголизации коренного населения и выделены пять основных групп детерминант, обуславливающих высокие масштабы потребления алкоголя в Республике Тыва: этнокультурные, природно-климатические, социально-экономические, политические, конституционно-обусловленные и нейропсихологические.

К группе этнокультурных детерминант были отнесены: вековые традиции использования алкоголя как психотропного средства; культурные нормы потребления, традиционные гендерные роли, институт семьи, межпоколенческие связи и др. Основными социально-экономическими факторами названы: низкий уровень жизни и высокий уровень безработицы населения, низкие среднедушевые доходы жителей, развитие теневого сектора алкогольного рынка, снижение эффективности системы первичной профилактики алкоголизма.

Выявлена существенная роль в алкоголизации коренного населения Тувы политических (нестабильность внутриполитической ситуации) и природно-климатических (суровые климатические условия) факторов.

Отдельно выделены конституционно-обусловленные и нейропсихологические особенности коренных народов Сибири: правополушарность, предопределяющая ускоренное формирование алкогольной зависимости у тувинцев; этнические особенности эмоциональной сферы тувинцев и специфика их эмоционального реагирования; дефицит в крови тувинцев изофермента альдегидаегидрогеназы; высокие темпы прогредиентности алкоголизма в сочетании со снижением популяционной устойчивости тувинцев к алкоголю; доминирование в структуре алкогольных мотиваций субмиссивной мотивации.

Сделан вывод о необходимости разработки комплекса мер, с одной стороны учитывающих ярко выраженную этнокультурную специфику Республики Тыва, а с другой — использующих положительный опыт российских регионов и зарубежных стран в сокращении масштабов потребления алкоголя и снижении сопряженных с ним рисков.

Ключевые слова: *потребление алкоголя; детерминанта алкоголепотребления; демографическая ситуация; демографический показатель; Республика Тыва; коренное население; тувинцы*

Исследование выполнено в рамках проекта ГЗ № FZWG-2023-0006.

Для цитирования:
Вангородская С. А. Проблемное поле исследований алкоголизации коренного населения Республики Тыва // Новые исследования Тувы. 2025. № 4. С. 210-232. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.12

Вангородская Светлана Анатольевна — доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социальных технологий и государственной службы Белгородского государственного национального исследовательского университета. Адрес: 308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, д. 85. Эл. адрес: Vangorodskaya@yandex.ru

VANGORODSKAYA, Svetlana Anatolyevna, Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor, Department of Social Technologies and Public Administration, Belgorod State National Research University. Postal address: 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia. E-mail: Vangorodskaya@yandex.ru

Review

Research Problem Field of Alcoholization among the indigenous population of the Republic of Tuva

Svetlana A. Vangorodskaya
Belgorod State National Research University, Russian Federation

The article presents an analysis of 525 scholarly publications in Russian (research articles, dissertations, etc.), available in the Scientific Electronic Library, published between 1999 and 2025. These were selected using search queries that reflect various aspects of alcohol consumption among the indigenous population of Tuva — the Tuvans.

The author examined the research problem field concerning the alcoholization of the indigenous population and identified five main groups of determinants responsible for the high levels of alcohol consumption in the Republic of Tuva: ethnocultural, natural-climatic, socio-economic, political, constitutionally determined, and neuropsychological.

The group of ethnocultural determinants includes centuries-old traditions of using alcohol as a psychotropic substance; cultural norms of consumption; traditional gender roles; the institution of the family; intergenerational ties, and others. The primary socio-economic factors cited are low standard of living and high unemployment rates, low per capita incomes, the development of the shadow sector of the alcohol market, and the decline in the effectiveness of the primary prevention system for alcoholism.

The study revealed a significant role of political factors (instability in the domestic political situation) and natural-climatic factors (harsh climatic conditions) in shaping alcohol consumption among the indigenous population of Tuva.

Constitutionally determined and neuropsychological characteristics of the indigenous peoples of Siberia are highlighted separately: right-hemisphere dominance, which predisposes Tuvans to the accelerated development of alcohol dependence; ethnic features of the emotional sphere of Tuvans and the specifics of their emotional responses; a deficiency in the aldehyde dehydrogenase isoenzyme in their blood; high rates of progressive alcoholism combined with reduced population resilience to alcohol; and the predominance of submissive motivation in the structure of alcohol-related motivations.

The author concludes that there is a need to develop a set of measures that, on the one hand, consider the pronounced ethnocultural specificity of the Republic of Tuva, and on the other hand, utilize the positive experience of Russian regions and foreign countries in reducing alcohol consumption and mitigating the associated risks.

Keywords: *alcohol consumption; determinants of alcohol use; demographic situation; demographic indicators; Republic of Tuva; indigenous population; Tuvans*

Financing
This study was carried out within the framework of project GZ No. FZWG-2023-0006.

For citation:
Vangorodskaya S. A. Research Problem Field of Alcoholization among the indigenous population of the Republic of Tuva. *New Research of Tuva*, 2025, no. 4, pp. 210-232. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.12

Введение

Демографическая ситуация в Республике Тыва в значительной степени отражает общероссийские тенденции, связанные с низкими показателями продолжительности жизни населения, ростом неустойчивости семьи и сокращением ее среднего размера, увеличением демографической нагрузки на трудоспособных граждан как следствия старения населения.

Несмотря на ряд показателей, демонстрирующих более позитивную в сравнении с общероссийской демографическую ситуацию в республике (в частности, коэффициент естественного прироста населения Тувы в 2023 г. составил 8,2 на 1000 человек населения при общероссийском показателе -3,5 и показателе по СФО -4,2; по общему коэффициенту рождаемости — 17,1 родившихся на 1000 чел.

населения — Республика Тыва по итогам 2023 г. заняла 2 место по РФ, а по общему коэффициенту смертности населения — 8,9 умерших на 1000 чел. населения — 10 место[1]), по значительному числу параметров социально-экономического развития Тува находится на последних позициях общероссийских рейтингов, что предопределяет миграционную непривлекательность территории и высокий уровень социального неблагополучия населения (Гунаев, Бадмаева, Кованова, 2019).

Помимо факторов макро- и мезоуровня (к числу которых относятся популяционные, экономические, социокультурные, институциональные, гендерные и пр.), существенное влияние на структуру и характер социально-экономических и демографических процессов в российских регионах оказывают факторы, имеющие трансдисциплинарный характер и обуславливающие специфику всех видов демографического поведения (репродуктивного, матримониального, самосохранительного, миграционного). В их ряду особая роль принадлежит потреблению алкоголя, имеющему давнюю историю и получившему широкое освещение в научной литературе, в том числе, в связи с его влиянием на показатели здоровья и ожидаемой продолжительности жизни российского населения (Бойцов, Самородская, Семенов, 2016; Вангородская, 2018; Коссова Т., Коссова Е., Шелунцова, 2017; Немцов, 2015). Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) включила потребление алкоголя в число семи основных факторов риска, оказывающих наиболее существенное негативное влияние на социально-экономическое и демографическое развитие стран европейского региона[2].

В России — как на федеральном, так и на региональных уровнях — проблема потребления алкоголя постоянно находится в центре внимания государства и общества, поскольку, по данным экспертов, около трети от общего числа смертей в нашей стране обусловлены неумеренным потреблением алкоголя, что делает Россию одним из мировых лидеров по доле алкоголь-ассоциированных смертей[3].

Сложная ситуация, сложившаяся в Туве по ряду показателей социально-экономического и демографического развития, диктует необходимость изучения всей совокупности воздействующих на нее факторов, в ряду которых потребление тувинцами алкогольных напитков и обуславливающие этот процесс детерминанты требуют особого внимания в том числе и потому, что алкоголизация населения республики имеет давние традиции и давнюю историю.

Одним из доказательств последнего могут служить данные, представленные в статье В. Ю. Башкуева о медико-санитарных экспедициях в Тувинскую Народную Республику Наркомздрава РСФСР (Башкуев, 2018). Одним из результатов первой такой экспедиции (1927–1928 гг.) стало привлечение внимания руководства к проблеме алкоголизма среди тувинцев и последовавший за этим запрет на продажу чистого спирта на территории республики (там же: 58).

В настоящее время потребление алкоголя в Республике Тыва приобрело угрожающие масштабы. В статье Л. С. Эрдыниевой приводятся результаты анализа демографических показателей республики за 1999 г. с применением метода Т. Гревилла I, свидетельствующие о вкладе алкоголя (в числе других внешних причин смерти) в сокращение продолжительности жизни тувинских мужчин на 27 лет, а тувинских женщин — на 20 лет[4].

Анализ, проведенный в рамках проекта «Если быть точным»[5], позволил отнести Туву к числу шести субъектов РФ с самым высоким уровнем потребления алкоголя. По итогам 2019 г. потребление

[1] Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024: Стат. сб. / Росстат. Москва, 2024. С. 68, 70 [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики : сайт. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2024.pdf (дата обращения: 13.02.2025).

[2] Здоровье-2020: основы европейской политики и стратегия XXI века (2013) / Всемирная организация здравоохранения. С. 8. [Электронный ресурс] // Европейское региональное бюро ВОЗ. URL: http://www.euro.who.int/ru/publications/abstracts/health-2020.-a-european-policy-framework-and-strategy-for-the-21st-century-2013 (дата обращения: 12.04.2025).

[3] Tackling harmful alcohol use. Economics and public health policy / Franco Sassi, ed. OEDS Publishing. OECD, 2015 [Электронный ресурс] // OECD. URL: http://www.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/tackling-harmful-alcohol-use_9789264181069-en (дата обращения: 12.01.2025).

[4] Эрдыниева Л. С. Состояние здоровья и демографические процессы населения Республики Тыва в начале XXI века // Медицина в Кузбассе. 2023. Т. 22, № 1. С. 87.

[5] «Если быть точным» — единая платформа открытых данных для представителей различных отраслей (НКО, бизнес, журналистика и пр.), занимающихся социальными проблемами в России. См.: Если быть точным. Главная страница [Электронный ресурс] // Если быть точным. URL: https://tochno.st/ (дата обращения: 26.04.2025).

алкоголя в республике составило 12 литров на душу населения, увеличившись с 2017 г. на 0,8 литра[1]. Согласно результатам социологического опроса населения Тувы, проведенного летом 2023 г. Г. Ф. Балакиной и ее коллегами, алкоголизм был отнесен коренными жителями республики к числу трех основных проблем, которые беспокоят их больше всего наряду с ростом цен, инфляцией и жилищной проблемой (Балакина, 2023).

Аналогичные данные были получены в ходе 16 фокус-групповых интервью, проведенных в период с 2016 по 2020 гг. в рамках проекта Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (ТИГПИ) и показавших, что «наибольшую тревогу жителей республики вызывают проблемы трудоустройства, алкоголизма и преступности» (Чирун, Сади, 2021: 23), а безуспешная борьба с алкоголепотреблением была признана «слабым местом» деятельности республиканских властей.

Актуальность проблемы нашла подтверждение и в ходе опроса населения Республики Тыва, проведенного в 2022 г. (N=1526), по результатам которого алкоголизм возглавил рейтинг наиболее острых социальных проблем (Горина, Кефели, 2025: 84), а также в рамках фокус-групповых интервью жителей республики (N=384), проведенных в 2024 г. и описанных в научной публикации Е. В. Матвеевой и коллег (Матвеева и др., 2025).

Целью статьи является определение проблемного поля исследований и выделение основных групп детерминант потребления алкоголя коренным населением Республики Тыва посредством анализа научных публикаций за 1999–2025 гг. Достижение указанной цели предполагает решение следующих *задач*: 1) определение проблемного поля научных исследований по теме алкоголизации коренного населения Тувы; 2) выделение основных групп детерминант, обуславливающих высокие масштабы потребления алкоголя коренным населением Республики Тыва.

В качестве *объекта исследования* выступают научные публикации российских и тувинских авторов по проблематике алкоголепотребления в Республике Тыва. *Предмет исследования* — детерминанты потребления алкоголя коренным населением Республики Тыва, отмечаемые в результатах научных исследований.

Источниковая база исследования включает в себя: 1) научные публикации, размещенные в Научной электронной библиотеке (НЭБ)[2] и найденные в ее базе по поисковым запросам, отражающим различные аспекты потребления алкоголя коренным населением Тувы. Всего было отобрано 525 научных работ, опубликованных в период с 1999 по 2025 гг., ставших основой углубленного анализа по выбранной проблематике; 2) данные Федеральной службы государственной статистики и иных статистических ведомств, характеризующие социально-экономическую и демографическую ситуацию в Республики Тыва.

Алкоголизация населения Тувы как социально-экономическая и демографическая проблема

Всю совокупность работ, рассматривающих потребление алкоголя в Республике Тыва в связке с социально-экономическими и демографическими процессами, можно условно разделить на две группы.

К *первой группе* относятся публикации, авторы которых приводят теоретические и эмпирические данные, доказывающие негативное влияние алкоголизации населения Тувы на происходящие в республике социально-экономические и демографические процессы.

В научных работах, посвященных анализу социально-демографической ситуации в Туве, алкоголь упоминается в первую очередь как один из важнейших факторов, обуславливающих высокие показатели *смертности населения республики от внешних причин* (Бохан и др., 2017; Гунаев, Бадмаева, Кованова, 2019; Дабиев, 2015; Евланова, 2020; Монгуш, 2021; Лебедева-Несевря, 2013; Опенко, Чухрова, 2011; Санников и др., 2023).

[1] Алкоголизм и наркомания в России [Электронный ресурс] // Проект Благотворительного фонда «Нужна помощь». URL: https://tochno.st/problems/alkogolizm_i_narkomaniya#part5 (дата обращения: 12.02.2025).

[2] Научная электронная библиотека. Главная страница [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека. URL: https://www.elibrary.ru (дата обращения: 23.04.2025).

В частности, в статье А. Л. Санникова и коллег, посвященной анализу смертности в Республике Тыва от внешних причин в 2013–2022 гг., высокий уровень алкоголизации населения республики назван одним из наиболее значимых факторов, на протяжении длительного времени предопределяющих (наряду с суровыми климатическими условиями, высоким уровнем безработицы и несовершенной социальной структурой) высокий уровень смертности населения Тувы от внешних причин (Санников и др., 2023: 5).

В публикации Т. Г. Опенко и М. Г. Чухровой смертность от внешних причин, вклад которых в структуру смертности населения Тувы составляет порядка 40%, также напрямую связывается с потреблением алкоголя (Опенко, Чухрова, 2011). Причем, речь идет не только о случайных отравлениях алкоголем, хотя эта проблема стоит в республике очень остро. Как доказательство последнего — по числу смертей от отравлений алкоголем и наркотиками, прочих случайных смертей (в том числе с неопределенными намерениями) Тува в 2019 г. вышла на первое место по России с показателем 56,3 случая на 100 тыс. населения в возрасте 15–79 лет[1]. По данным аналитиков Центра разработки национальной алкогольной политики, Тува регулярно входит в число регионов с показателями отравления спиртосодержащей продукцией выше среднероссийского уровня (в 2020 г. — от 1,5 до 2 раз)[2]. Неудивительно, что эта тема постоянно привлекает в себе внимание ученых, рассматривающих отравление алкоголем как одну из лидирующих позиций в структуре смертности населения Тувы от внешних причин.

Отдельно можно выделить научные статьи, авторы которых рассматривают алкоголизацию населения Тувы как важнейший фактор, обуславливающий *высокий уровень преступности в регионе* (Гунаев, Бадмаева, Кованова, 2019; Дабиев, 2015; Евланова, 2020, Монгуш, 2021). Такое внимание обусловлено тем, что на протяжении ряда лет Тува сохраняет статус одного из самых неблагополучных в плане криминогенной ситуации регионов России, а доля преступлений, совершенных жителями республики в состоянии алкогольного опьянения составила в 2019 г. 45,5 % (4 место по РФ).

В статье О. А. Евлановой приводятся данные о том, что в республике «в состоянии алкогольного опьянения совершается свыше 80% убийств и случаев умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, свыше половины грабежей и разбоев (55,8%), более трети краж (34,3%)» (Евланова, 2020: 64). Это не только в 1,5–2 раза превышает среднероссийский показатель, но и с каждым годом демонстрирует тенденцию к увеличению («в 2015 г. — на 6,6%, в 2016 г. — на 23,2%, в 2018 г. — на 4,2%» (Евланова, 2020: 64)), позволяя Туве сохранять одно из первых место по данному показателю среди всех субъектов РФ.

О сохранении актуальности темы говорит тот факт, что по данным изучения тувинского интернет-дискурса, в 2024 г., порядка 7% статей были посвящены проблеме противоправных действий, обусловленных потреблением алкоголя (Боргоякова, Лопсан, 2024: 57).

Особое внимание исследователей привлекает тема изучения алкоголя как одного из *факторов суицидального поведения*. В работе Н. А. Бохан и коллег, посвященной исследованию суицидального поведения населения северных районов Сибири, алкогольная зависимость рассматривается как главный предиктор суицидального поведения (связь между этими переменными установлена в 73,6% случаев), превосходящий по своей значимости социально-экономические, психические и психологические факторы (Бохан и др., 2017: 73–74).

Вспомогательная роль алкоголя как «растормаживающего агента, облегчающего реализацию суицидального намерения» обоснована в статье Т. Г. Опенко, в которой автор ссылается на результаты исследований, проведенных в г. Новосибирске в 2010–2018 гг. и свидетельствующих о том, что «более чем у половины самоубийц в крови был обнаружен алкоголь»[3].

[1] Алкоголизм и наркомания в России [Электронный ресурс] // Проект Благотворительного фонда «Нужна помощь». URL: https://tochno.st/problems/alkogolizm_i_narkomaniya#part5 (дата обращения: 12.04.2025).

[2] Структура алкогольных отравлений спиртосодержащей продукцией в 2020 г. [Электронный ресурс] // Центр Разработки Национальной Алкогольной Политики. URL: http://www.alcomarket.info/crnap/print.asp?NewsId=315210 (дата обращения: 12.04.2025).

[3] Опенко Т. Г. Возможности профилактики суицидального поведения в современном обществе // Профилактика девиантного поведения: материалы III международной научно-практической конференции (Новосибирск, 6–11 октября 2021 года) / под научн. ред. М. Г. Чухровой. Новосибирск: Изд-во АНО ДПО «Сибирь. Наука. Интеллект», 2021. С. 28.

В этой связи считаем также уместным упомянуть публикацию белорусских исследователей, которые пришли к аналогичным выводам, изучая социально-демографические и психопатологические корреляты парасуицида пациентов Гомельской психиатрической больницы (N = 165). На основе полученных данных Ю. Е. Разводовский и В. В. Дукорский пришли к заключению, что «острая алкогольная интоксикация может являться триггером суицидального поведения», поскольку «на момент совершения суицидальной попытки большинство мужчин (70,1%) и женщин (75,0%) находились в состоянии алкогольного опьянения» (Разводовский, Дукорский, 2015: 49).

Вторую группу научных работ, посвящённых рассмотрению алкоголизации населения Тувы как социально-экономической и демографической проблемы, составляют исследования, ориентированные на анализ социально-экономических и демографических факторов, которые сами выступают в качестве основных детерминант, обуславливающих характер и масштабы потребления алкоголя на территории республики.

Объективные факторы (социально-экономические, политические, религиозные, социокультурные и пр.), влияющие на масштабы потребления алкоголя и действующие на уровне как всего общества, так и отдельных социальных групп, получили достаточно подробное освещение в научных публикациях последних лет (Лебедева-Несевря, 2013; Ковешников, 2015; Морогин, Костина, 2013; Кошкина, Шамота, Ширижик, 2002; Пешковская, Мандель, Бадыргы, 2015). Рассматривая алкоголизацию тувинцев как социальную девиацию, исследователи отмечают, что ведущая роль в детерминации масштабов потребления алкоголя принадлежит прежде всего социально-экономическим факторам. Более того, существует прямая взаимосвязь между социально-экономическими показателями территорий Российской Федерации и уровнем потребления алкоголя (Лебедева-Несевря, 2013).

Основываясь на данных опросов общественного мнения, В. Г. Морогин и Н. П. Костина в качестве основных причин «повальной алкоголизации населения» называют «нищету, безработицу, низкий уровень жизни и другие социальные проблемы, что подтверждается тенденциями распространения алкоголизма в Российской Федерации, которые имеют выраженные региональные различия и напрямую зависят от социально-экономического развития региона, занятости населения, уровня заработной платы» (Морогин, Костина, 2013: 23).

По итогам 2023 г. совокупный показатель уровня безработицы и потенциальной рабочей силы в Туве составил 12,5% (при среднероссийских 4,2%)[1]. Согласно рейтингу, составленному агентством «РИА Рейтинг» по итогам 2022 г., по уровню безработицы Республика Тыва заняла 77 место среди 85 субъектов РФ с показателем 7,9% (что превышает показатель лидера рейтинга — Ямало-Ненецкий автономный округ с показателем 1,6% почти в пять раз)[2], Причем, крайне неблагоприятная ситуация по данному показателю сохраняется уже не первое десятилетие (*таблица 1*).

Таблица 1. Уровень безработицы в РФ, СФО и Республике Тыва (по данным выборочных обследований рабочей силы, 1995–2022 гг., в %)[3]

Table 1. Unemployment rate in the Russian Federation, the Siberian Federal District and the Republic of Tuva (according to sample surveys of the labor force, 1995–2022, in %)

	1995	*2000*	*2005*	*2010*	*2015*	*2020*	*2022*
Российская Федерация	9,5	10,5	7,1	7,3	5,6	5,8	3,9
Сибирский федеральный округ	9,1	12,6	9,3	8,7	7,7	7,3	4,4
Республика Тыва	21,4	22,9	21,9	21,7	18,6	18,0	9,5

[1] Трудовые ресурсы, занятость и безработица [Электронный ресурс] // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 13.04.2025).

[2] Рейтинг регионов по уровню безработицы [Электронный ресурс]// РИА рейтинг. 2023. 27 февраля. URL: https://riarating.ru/infografika/20230227/630237190.html?ysclid=lwrzddyabz924336676 (дата обращения: 11.01.2025).

[3] Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: Стат. сб. / Росстат. – Москва, 2017. С. 150. [Электронный ресурс] // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204 (дата обращения: 03.04.2024); Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023: Стат. сб. / Росстат. Москва, 2023 [Электронный ресурс] // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2023.pdf (дата обращения: 13.03.2025).

Как следствие — размер среднедушевых денежных доходов населения республики в 2022 г. составил 23 049 руб. (против 44 937 руб. по России), что обусловило 83 место Тувы по данному показателю в общероссийском рейтинге. В *таблице 2* представлено распределение численности населения по величине среднедушевых денежных доходов в 2022 г.

Таблица 2. Распределение численности населения РФ и Республики Тыва по величине среднедушевых денежных доходов в 2022 г. (в % от общей численности населения субъекта)[1]
Table 2. Distribution of the population of the Russian Federation and the Republic of Tuva by average per capita monetary income in 2022 (in % of the total population of the subject)

	Величина среднедушевых денежных доходов, руб. в месяц							
	До 7 000,0	*7 000,1 – 10 000,0*	*10 000,1 – 14 000,0*	*14 000,1 – 19 000,0*	*19 000,1 – 27 000,0*	*27 000,1 – 45 000,0*	*45 000,1 – 60 000,0*	*свыше 60 000,0*
Российская Федерация	1,4	3,0	6,2	9,7	16,1	27,4	13,5	22,7
Республика Тыва	7,0	10,4	15,9	17,8	20,0	19,7	5,3	3,9

Таким образом, величина среднедушевых денежных доходов более половины жителей республики (51,1%) варьируется в диапазоне от 7 000 до 19 000 рублей.

Справедливости ради необходимо отметить, что помимо результатов исследований, подтверждающих наличие связи между бедностью основной части населения Тувы и ростом алкоголизма, существуют и те, авторы которых делают вывод об отсутствии прямой корреляции между показателями бедности и денежных доходов населения Тувы с одной стороны и уровнем зарегистрированного алкоголизма, с другой (Артемьев, 2021), что, на наш взгляд, является очередным доказательством важности темы и требует дополнительных исследований.

В соответствии с проведенной Н. А. Лебедевой-Несевря кластеризацией субъектов РФ по объёмам продаж алкогольных напитков, Тува отнесена к «водочным» регионам, характеризующимся «высоким уровнем потребления водки и ликероводочных изделий и низким уровнем потребления алкогольных напитков средней и низкой крепости» (Лебедева-Несевря, 2013: 12). Низкий уровень социально-экономического развития и благоустроенности жилищного фонда, а также более низкие (в сравнении с общероссийскими) среднедушевые денежные доходы населения республики — все это не только предопределяет увеличение масштабов потребления алкоголя, но и провоцирует ухудшение качества употребляемых жителями Тувы алкогольных напитков. По мнению ряда экспертов, теневой сектор алкогольного рынка составляет порядка 26% от всего мирового рынка алкогольной продукции (Вечтомова, Богер, 2021: 34) и получает наибольшее распространение в регионах с низким уровнем экономического развития.

Помимо очевидных рисков отравления и других угроз жизни и здоровью, нелегальный алкоголь несет в себе еще одну опасность — «постоянное или ситуативное изменение структуры потребления с переходом на крепкий алкоголь, который преобладает на этом рынке» (Макушева, Чо, 2020: 101) и который, накладываясь на психофизиологические особенности тувинцев (о чем будет сказано ниже) оказывает особенно пагубное влияние на их здоровье и продолжительность жизни.

Наряду с социально-экономическими детерминантами увеличения масштабов потребления алкоголя жителями Тувы исследователи отмечают существенное воздействие «на человека стрессоров экстремальной среды, широко распространенных в северных регионах с их сложными климатическими, техногенными, психосоциальными условиями» (Ковешников, 2014: 138), а также внешнеполитические факторы. Среди последних одним из наиболее значимых, по мнению С. В. Кан, яв-

[1] Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: Стат. сб. / Росстат. Москва, 2021. С. 234–235. [Электронный ресурс] // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204 (дата обращения: 03.04.2024).

ляется «ощущение “китайской” угрозы, что обусловлено: 1) периодом длительного китайского господства над регионом (1644–1912 гг.); 2) многочисленностью китайцев <…>; 3) потребительским, агрессивным отношением китайцев к природным ресурсам; 4) лояльным отношением к китайцам со стороны федеральных и региональных властей…» (Кан, 2016: 63).

Таким образом, анализ литературы позволяет сделать вывод о том, что с одной стороны, потребление алкоголя населением Тувы оказывает существенное негативное влияние на происходящие в республике социально-экономические и демографические процессы, обуславливая высокий уровень преступности в регионе и высокие показатели смертности населения от внешних причин, а с другой — во многом именно социально-экономические и политические факторы выступают в качестве детерминант, обуславливающих специфику и масштабы потребления алкоголя населением региона.

Этнокультурная специфика потребления алкоголя коренными жителями Тувы

Анализ научных публикаций по исследуемой проблематике позволяет выделить в отдельную группу работы, авторы которых предпринимают попытки объяснить неудовлетворительную ситуацию с потреблением алкоголя в республике посредством изучения воздействующих на данный процесс социокультурных и, в первую очередь, этнокультурных факторов.

Данную группу факторов выделяют, как правило, исследователи, занимающиеся изучением специфики алкоголизации коренных (малых) этносов с привлечением данных этнографии и объясняющие выявленные закономерности существенным воздействием культурного контекста, имеющего непосредственную связь с проблематикой этнической идентичности (Ковешников, 2015).

Необходимо отметить, что употребление алкогольных напитков практиковалось коренными народами Сибири еще до начала XVIII в. В статье А. Х. Элерт, основанной на данных участников Второй Камчатской экспедиции (1733–1743 гг.), автор отмечает, что употребление алкоголя «носило сезонный характер, было тесно связано с языческими обрядами и верованиями, но не приводило к массовому появлению зависимых от алкоголя людей» (Элерт, 2007: 131).

Обращая внимание на то, что «бытовое пьянство <…> распространялось… лишь на немногих коренных жителей, которые утратили связь с сородичами и жили в городах и острогах, нанимаясь на работу к русским» (там же: 125), А. Х. Элерт вместе с тем предостерегает от поспешных выводов о наличии «русского следа» и указывает на отсутствие данных, «свидетельствовавших о серьезном влиянии русских на пристрастие коренных жителей Сибири к алкогольным напиткам» (там же: 131).

К аналогичному выводу пришли А. Н. Дмитриенко и М. Г. Чухрова на основе анализа сибирского эпоса, в котором представлены доказательства широкого использования алкоголя как психотропного средства, имеющего древние традиции и существовавшего «задолго до прихода славянских переселенцев»[1].

В статье А. Х. Элерта обосновывается, что процесс алкоголизации коренных жителей Сибири был запущен после разрешенного в 1833 г. ввоза на территории Сибири алкогольных напитков, а массовый характер приобрел с начала XX в. в результате установления в 1902 г. государственной винной монополии и замены «еще только складывающихся товарно-денежных отношений на товарно-водочные» (Элерт, 2007: 131).

В ряде научных работ (Ковешников, 2015; Пешковская, Мандель, Бадыргы, 2015) алкоголизация коренного населения Тувы рассматривается как результат насильственной модернизации традиционной тувинской культуры, начавшейся в 20-е гг. XX в. и повлекшей за собой разрушение традиционного образа жизни и утрату базовых социокультурных установок — процессов, продолжавшихся вплоть до 90-х гг. прошлого столетия, когда «культура тувинцев во всем богатстве ее проявлений, была реабилитирована и признана ценностью» (Ковешников, 2015: 122).

Как отмечает Ч. К. Ламажаа, в ходе модернизации «культура тувинцев скорее воспринималась как некое “докультурное” состояние, целина, которую нужно “поднимать”. Тувинцы же достаточно

[1] Дмитриенко А. Н., Чухрова М. Г. Алкоголь в эпосе сибирских народов // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 5 (36). С. 245.

скоро начали воспринимать такое отношение к своей культуре как высокомерие, это побуждало их "замыкаться в себе", включались механизмы самосохранения культуры, рождалось отчуждение»[1].

В этом смысле ценностно-нормативный конфликт, возникший в сознании тувинцев как «гордого народа», осознающего свою этническую принадлежность (Мадюкова, 2018: 78) и одновременно с этим принявшего идею «об отсталости культуры тувинского народа»[2], можно считать одним из предикторов аккультурационного стресса, оказавшего существенное влияние на масштабы потребления алкоголя в республике.

В статье М. Г. Чухровой и коллег подчеркивается, что «потеря духовной независимости в масштабах целого народа»[3], стала одним из наиболее патогенных факторов, спровоцировавших ускоренное формирование алкогольной аддикции среди коренного населения Восточных регионов России. Эта закономерность нашла также подтверждение в других работах отечественных и зарубежных исследователей (Дабиев, 2015; Ковешников, 2015; Пешковская, Мандель, Бадыргы, 2015; Семенова, 2017; Field, Caetano, 2010; Epstein, Botvin, Diaz, 2000; Rosa de la M., 2002), по мнению которых «аккультурация и аккультурационный стресс выступают условиями, способствующими развитию алкогольной зависимости» (Пешковская, Мандель, Бадыргы, 2015: 49).

В диссертационном исследовании А. К. Кужугет, посвященном изучению духовной культуры тувинцев сквозь призму социокультурных детерминант, автор приходит к выводу, что в процессе модернизации «игнорировались особенности многовекового жизненного уклада и менталитета народа, что привело <…> к социальной апатии, развитию чувства национальной неполноценности у тувинцев»[4].

Также можно выделить диссертацию Р. В. Ширижик, в которой именно состояния тоски, тревоги и дискомфорта названы в качестве основных провоцирующих факторов наиболее пароксизмального влечения к алкоголю у большинства тувинцев[5]. В этом исследовании, а также в ряде других публикаций[6] отмечается, что одним из последствий насильственной модернизации стало искоренение исконных тувинских традиций, в том числе касавшихся запрета на прием алкогольных напитков детьми, мужчинами до 39 лет (и только после женитьбы), женщинами — до 49 лет, ограничений по объему потребления, препятствующих состоянию сильного опьянения.

Авторы работ, посвященных изучению этнокультурных аспектов алкоголизации коренного населения Тувы, часто акцентируют внимание на том, что не последнюю роль в увеличении масштабов потребления алкоголя и росте смертности тувинцев от алкоголь-ассоциированных причин, оказал переход тувинцев с *араки* (традиционного тувинского алкогольного напитка крепостью от 5 до 20% алкоголя, производимого из заквашенного коровьего молока) на потребление более крепких спиртных напитков.

В статье В. А. Кисель показано, что, особые масштабы этот переход приобрел после установления советской власти — в результате запрета на самогоноварение (подрывавшее бюджет государства), а также коллективизации (следствием которой стало сокращение «количества скота и соответственно

[1] Ламажаа Ч. К. Этнопсихологические исследования тувинцев: социокультурологические и психологические [Электронный ресурс] // Национальные менталитеты: их изучение в контексте глобализации и взаимодействия культур. URL: http://national-mentalities.ru/diversity/nacionalnopsihologicheskie_osobennosti_etnosov_rossii/central_naya_aziya/lamazhaa_ch_k_etnopsihologicheskie_issledovaniya_tuvincev_sociokulturologicheskie_i_psihologicheskie1/ (дата обращения: 30.01.2025).

[2] Кужугет А. К. Социокультурные детерминанты исторической динамики духовной культуры тувинцев: автореф. дис. … д-ра культурологии. Кемерово. 2006. С. 37.

[3] Чухрова М. Г., Бадыргы И. О., Ударцева Т. Л., Монгуш Ч. К., Гафаров В. В. Основные направления профилактики алкоголизма среди коренного населения с учетом культуральных и психологических особенностей // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 7–2 (19). С. 226.

[4] Кужугет А. К. Социокультурные детерминанты исторической динамики духовной культуры тувинцев : автореф. дис. … д-ра культурологии. Кемерово. 2006. С. 37.

[5] Ширижик Р. В. Медико-социальные последствия злоупотребления алкоголем у коренных жителей Республики Тыва: автореф. дис. … канд. мед. наук. М., 2003. С. 23.

[6] Кисель В. А. Самогоноварение у тувинцев: конфликт традиционной культуры и государства // Сибирский сборник-4: Грани социального: Антропологические перспективы исследования социальных отношений и культуры: Памяти российского этнографа-тунгусоведа Надежды Всеволодовны Ермоловой, Санкт-Петербург, 28–30 октября 2013 г. / отв. ред. В. Н. Давыдов, В. В. Бочаров. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 506–522.

молока, шедшего на перегонку»)[1]. Изучая предпосылки и основные детерминанты конфликта между народными традициями и политикой государства, автор подчеркивает, что увеличение доли потребления тувинцами крепких алкогольных напитков стало закономерным следствием советской антиалкогольной политики, в результате которой произошел переход от традиционного слабоалкогольного напитка к покупной государственной продукции (Кисель, 2019).

Период конца XX — начала XXI в. ознаменовался кардинальной трансформацией не только социально-экономических, но и культурно-нравственных основ общества российского общества в целом и входящих в его состав территорий, в частности. Несоответствие между потребностями рыночной экономики и культурной спецификой малых народов, не «вписывающихся» в философию рыночной экономики, спровоцировало «волны» архаизации — «массового стихийного обращения к архаическому социокультурному наследию в условиях кризиса социальной трансформации» (Ламажаа, 2011: 11).

Как отмечает Ч. К. Ламажаа, большинство ценностей рыночной экономики (цена, конкуренция, прибыль и пр.) были чужды тувинцам, «а их внедрение в жизнь кардинальными способами <…> привело к полной дезорганизации и утрате привычных представлений о способах зарабатывания средств…» (там же: 14). Как результат — «основными видами финансовых доходов для семей в этот период, особенно в сельской местности, стали пенсии и детские пособия», а «существенная часть населения от безвыходности стала пропивать эти крошечные средства» (там же: 14).

Анализируя этнокультурные факторы алкоголизации коренного населения Республики Тыва, нельзя обойти вниманием *гендерные и возрастные аспекты* данной проблематики, также привлекающие к себе внимание исследователей.

В статье Т. Г. Боргояковой и А. П. Лопсан, посвященной выявлению проблемных зон гендерных отношений посредством анализа текстов у тувинском Интернет-дискурсе, один из выводов связан с тем, что максимальное внимание среди обсуждаемых тувинцами в Интернет-пространстве вопросов «занимает тема алкоголизма и его негативного влияния на состояние брачно-семейных отношений, составляя более 50% в общей тематике основных тематических блоков», хотя, конечно, «акцент сделан на его мужском варианте» (Боргоякова, Лопсан, 2024: 50).

В ряде публикаций (Алесеева, 2018; Анжиганова, Ак-Лама, 2016; Боргоякова, Лопсан, 2024; Донгак, 2025; Доржу, 2011; Монгуш, 2021) увеличение масштабов потребления алкоголя в Республике Тыва рассматривается как одно из последствий трансформации в сознании тувинцев представлений о гендерных ролях (Боргоякова, Лопсан, 2024), произошедшей, в том числе, под влиянием ослабления патриархальных устоев и демократизации семейных отношений (Доржу, 2011).

Эта же проблема стала предметом исследования в статье Л. В. Анжигановой и С. М. Ак-Лама (Анжиганова, Ак-Лама, 2016). Авторы акцентируют внимание на таких процессах, как утрата мужчинами маскулинности и смещение традиционных гендерных ролей, снижение ценности института семьи и рост числа разводов в республике. Показательно, что по данным проведенного авторами в 2015 г. социологического исследования с участием 250 жительниц Тувы, более четверти опрошенных (28,6%) к числу основных причин развода отнесли «пьянство супруга» (там же: 111).

В публикации З. Ю. Доржу также нашли отражение и проблема алкоголизма как одна распространенных причин развода в тувинских семьях и трансформация отношения общества к разводу, который «перестал быть страшным, и общественное мнение стало воспринимать его как явление нормальное и даже благотворное в некоторых ситуациях» (Доржу, 2011: 37).

В статье А. М. Монгуш в качестве основных факторов алкоголизации мужского населения Тувы выделены ломка «традиционного образа жизни и духовных ценностей, которая сопутствовала переходу от кочевого образа жизни к оседлому» (Монгуш, 2021: 43), оторванность от духовного образования и выработанных веками этических норм, а также распространение «мужского иждивенчества» как следствия ослабления роли мужчины как главы семьи (там же: 45).

Не случайно, на первом Республиканском форуме отцов Тувы, состоявшемся в ноябре 2011 г., наиболее злободневными вопросами для обсуждения стали повышение ответственности отцов за воспитание молодежи, возрождение традиционных семейных ценностей и борьба с алкоголизмом в

[1] Кисель В. А. Указ. соч. С. 515.

семьях[1]. В этой связи можно также отметить публикацию Н. М. Лавренюк-Исаевой, посвященную исследованию роли социального предпринимательства в человеческом развитии Тувы. В работе автор упоминает, в частности, региональную общественную организацию «Сыны народа за трезвость» и реализуемый ею социальный проект «Школа трезвости», цель которого «снизить и свести к нулю алкоголизацию населения Тувы, а затем и России» (Лавренюк-Исаева, 2022: 204).

Не меньшей проблемой в последние годы стало увеличение масштабов женского алкоголизма. Учитывая ежегодный рост случаев диагностированной алкогольной зависимости у женщин тувинской этнической принадлежности, интерес представляет работа Н.А. Бохан и коллег, основанная на сравнительном анализе особенностей потребления алкоголя в различных этнических группах, что позволило авторам сделать вывод о более высокой прогредиентности в формировании алкогольной зависимости у тувинских женщин в сравнении с русскими, низкой толерантности к алкоголю и более частой распространенностью тяжелых форм алкогольных амнезий (Бохан и др., 2021: 59).

Сами женщины также осознают эту проблему. По данным, представленным в статье Л. В. Анжигановой и С. М. Ак-Лама, проблема женского алкоголизма была отнесена жительницами Тувы (2015, N=250) к числу наиболее острых наряду с женской безработицей, бедностью и утратой статуса «хранительницы» очага (Анжиганова, Ак-Лама, 2016: 113).

Негативное отношение общества к женскому алкоголизму нашло отражение и в художественных произведениях тувинских авторов. В частности, рассматривая типологию женских образов в тувинской драматургии советского периода, Ш. А. Мааты-оол приводит в качестве примера пьесу В. Сорен-оол, в которой отрицательная героиня Чылбак наделена таким качеством, как неумеренное потребление алкоголя[2].

При всей важности гендерных аспектов алкоголизации коренного населения Тувы, не менее значимой является возрастная специфика, и в первую очередь, проблема потребления алкоголя тувинской *молодежью*.

В публикации В. К. Севек, Ш. Ч. Соян и Р. М. Севек представлены результаты исследования (2012, N=500), согласно которым 21,2%, то есть каждый пятый из числа тувинской молодежи, отнесли алкоголизм и наркоманию к числу наиболее острых общественно-значимых проблем региона (Севек, Соян, Севек, 2012: 142).

Трансформация социокультурной сферы, обусловленная социально-экономическим кризисом 1990-х гг., привела в Туве к утрате «межпоколенной связи, поддерживавшей морально-этические нормы в течение многих веков»[3] и имела одним из негативных последствий незнание молодыми поколениями тувинцев истории своего народа, а также исконных обычаев, в том числе «связанных с употреблением алкогольных напитков»[4].

В публикации С. Д. Хомушку, М. Г. Чухровой приведены результаты опроса 154 студентов Тувинского государственного университета, согласно которым только 6 человек слышали о существовании традиции, связанных с ограничением потребления алкоголя тувинцами[5]. По мнению Т. Л. Ударцевой

[1] Серээдар С. В. О создании Совета мужчин Республики Тыва // Россия и Сибирь в изменяющемся мире: история и современность : Материалы всероссийской (с международным участием) научно-теоретической конференции, Иркутск, 20 апреля 2022 года / отв. ред. Л. В. Занданова. Иркутск: Издательство «Репроцентр+», 2022. С. 106–112.

[2] Мааты-Оол Ш. А. Типология женских образов в тувинской драматургии советского периода (1945–1985 гг.) // Алтайское языкознание: проблемы и исследования : Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 150-летию первой «Грамматики алтайского языка», Горно-Алтайск, 18–22 июня 2019 года / отв. ред. А. Н. Майзина. Горно-Алтайск: Бюджетное научное учреждение Республики Алтай «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова», 2019. С. 338–343.

[3] Кужугет А. К. Социокультурные детерминанты исторической динамики духовной культуры тувинцев: автореф. дис. … д-ра культурологии. Кемерово. 2006. С. 37.

[4] Ооржак Л. Н., Монгуш Ч. Н. Факторы риска суицидального поведения в Республике Тува [Электронный ресурс] // Мир науки: Интернет-журнал. 2017. Т. 5, № 3. URL: http://mir-nauki.com/PDF/14PSMN317.pdf (дата обращения: 03.02.2025).

[5] Хомушку С. Д., Чухрова, М. Г. Мотивации отказа от алкогольного потребления у тувинской молодежи // Психолого-педагогические аспекты совершенствования подготовки студентов вуза : Материалы межвузовской студенческой научно-практической конференции с международным участием, Новосибирск, 03 марта 2021 года / под ред. Ю. А. Гуськова и др. Новосибирск: Новосибирский государственный аграрный университет, 2021. Ч. 1. С. 245.

и коллег, это стало одной из причин того, что представители данной возрастной группы стали «наиболее уязвимой категорией в отношении формирования аддиктивного и девиантного поведения»[1].

В то же время, именно отголосками многовековых традиций, сохранившимися благодаря тому, что «тувинцы в глубине души осознают особый культурный мир, неизменный в своем основании»[2], можно, на наш взгляд, объяснить более низкую распространенность потребления алкоголя в среде тувинских подростков (Кошкина, Шамота, Ширижик, 2002) и в целом более позднее приобщение тувинцев к потреблению алкоголя в сравнении с русскими, что нашло подтверждение в ряде исследований[3].

В частности, по данным, представленным в диссертационном исследовании И. О. Бадыргы, средний возраст начала систематического употребления алкоголя тувинцами составляет 35,1 года (а у русских — 24,6 года, то есть на 10 лет раньше). В диссертации также нашли отражение данные о более позднем первичном обращении тувинцев с алкогольным психозом к наркологу (40,3 года против 33,9 года у русских), а также доказано, что «манифестация психопатических расстройств у тувинцев происходит в среднем на 4,3 года позже, чем у русских»[4].

Вместе с тем, необходимо принять во внимание результаты других исследований, согласно которым причинами более позднего приобщения тувинской молодежи к употреблению алкоголя может быть не столько влияние этнокультурных традиций, сколько тот факт, что «подростки-тувинцы хуже переносят алкоголь <…> что может свидетельствовать или о большем в количественном отношении употреблении ими алкоголя за один прием <…> или о худшей переносимости ими алкоголя» (Пешковская, Мандель, Бадыргы, 2015: 50*)*. По данным многочисленных источников, и то, и другое характеризует специфику алкогольного поведения тувинцев и требует внимания к еще одной группе детерминант, имеющих в большей степени нейропсихологическое, нежели этнокультурное происхождение.

Конституционно-обусловленные, нейропсихологические и медицинские аспекты алкоголизации тувинцев

Среди научных работ, ставших объектом нашего анализа в ходе изучения заявленной проблематики, существенную долю занимают исследования, посвященные изучению *конституционно-обусловленных и нейропсихологических особенностей* коренных народов Сибири (Бохан и др., 2011; Бохан, Мандель, Пешковская, 2014; Донгак, Монгуш, 2021; Ковешников, 2014; Ламажаа, 2013; Пешковская, 2014; Пешковская и др., 2016; Чухрова и др., 2019). По мнению авторов, именно эта группа особенностей выступает в качестве значимых факторов риска алкоголизации тувинского народа, предопределяя неудовлетворительные медико-социальные и демографические показатели в регионе.

В частности, в ряде научных работ предрасположенность тувинцев к алкогольной зависимости объясняется эмоциональной направленностью и асимметрией мозга с преобладанием левых и неопределенных признаков (Леутин, Чухрова, Кривощеков, 1999).

Как отмечают Т. Л. Ударцева, И. О. Бадыргы и Ч. К. Монгуш, характерная для коренного населения Тувы правополушарность создает «нейрофизиологические предпосылки ускоренного формирования алкогольной зависимости у тувинцев, связанные с преобладанием амбидекстрии и левосторонних показателей функциональной асимметрии мозга»[5]. Согласно данным, приведенным М. Г. Чухровой и соавторами, «в популяции тувинцев более 70% синистралов (т. е. правополушарных личностей) <…>, среди русских таких в том же регионе не больше 14%»[6].

[1] Ударцева Т. Л., Бадыргы И. О., Монгуш Ч. К. (2010) Психологические факторы алкогольного потребления у тувинцев // Мир науки, культуры, образования. 2010. № 1 (20). С. 234.
[2] Ламажаа Ч. К. Этнопсихологические исследования тувинцев: социокультурологические и психологические [Электронный ресурс] // Национальные менталитеты: их изучение в контексте глобализации и взаимодействия культур. URL: http://national-mentalities.ru/diversity/nacionalnopsihologicheskie_osobennosti_etnosov_rossii/central_naya_aziya/lamazhaa_ch_k_etnopsihologicheskie_issledovaniya_tuvincev_sociokulturologicheskie_i_psihologicheskie1/ (дата обращения: 30.01.2025).
[3] Бадыргы И. О. Особенности формирования алкоголизма и алкогольных психозов у коренного населения Республики Тыва: автореф. дис. … канд. мед. наук. Томск. 2015. С. 11.
[4] Там же.
[5] Ударцева Т. Л., Бадыргы И. О., Монгуш Ч. К. Психологические факторы алкогольного потребления у тувинцев // Мир науки, культуры, образования. 2010. № 1 (20). С. 235.
[6] Чухрова М. Г., Бадыргы И. О., Ударцева Т. Л., Монгуш Ч. К., Гафаров В. В. Основные направления профилактики алкоголизма среди коренного населения с учетом культуральных и психологических особенностей // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 7–2 (19). С. 225.

В работе, выполненной М. Г. Чухровой и соавторами, обосновано, что формируемое правополушарностью образно-чувственное восприятие мира инициирует потребность в изменённых (эйфорических) состояниях сознания и оказывает влияние как на степень социальной адаптированности, так и «на поведенческие стереотипы, связанные с потреблением алкоголя» (Чухрова и др., 2019: 3351).

Важным представляется акцент, сделанный в статье В. Г. Морогина и Н. П. Костиной, на том, что влияние этанола на систему подкрепления приводит к сильному ее возбуждению и «создает нейрофизиологические предпосылки для развития «синдрома зависимости» (Морогин, Костина, 2013: 9) от алкогольных и наркотических веществ.

В ряде публикаций затрагивается проблема культурно обусловленной алекситимии, которая «провоцирует жить «здесь и сейчас», исключая долговременную перспективу» (Чухрова и др., 2019: 3352), а также рассматривается связанная с ней «антиципационная несостоятельность (неспособность прогнозировать результат того или иного процесса), что характерно для правополушарных личностей»[1].

Нельзя обойти вниманием научные публикации, авторы которых указывают на агрессивность как отличительное свойство личности тувинцев. Резкая континентальность национального характера коренных тувинцев (Ламажаа, 2013; Донгак, Монгуш, 2021), которая сформировалась под влиянием природно-климатического разнообразия в регионе и «поддерживается влиянием двух основных религиозных систем — шаманизма и буддизма, сосуществующих в регионе более двух веков», приводит к тому, что «в душе тувинца присутствуют разнонаправленные “зоны”, спрессованные в душе до взрывоопасного состояния. Достаточно “искры” в виде алкоголя, чтобы все эти “зоны” противоречий перестали контролироваться, выплеснулись наружу»[2]. По мнению исследователей, этим можно объяснить как большое число преступлений, совершенных тувинцами в состоянии алкогольного опьянения, так и высокий процент самоубийств как крайней степени проявления агрессии, направленной внутрь себя. Именно этнические особенности эмоциональной сферы тувинцев и специфика их эмоционального реагирования Л. Н. Ооржак и Ч. Н. Монгуш относят к одной из трех основных групп факторов риска, предопределяющих частоту суицидов среди населения Тувы[3].

В статье В. Г. Морогина и Н. П. Костиной, посвященной социально-психологическому осмыслению причин алкоголизации России, в качестве одного из важнейших биологических механизмов формирования алкогользависимого поведения назван дефицит изофермента альдегидаегидрогеназы, в результате чего «в ходе метаболизма этанола образуется большое количество уксусного альдегида, вызывающего дисфорию уже после небольших доз алкоголя» (Морогин, Костина, 2013: 9).

Коварные свойства алкоголя, обусловленные ферментативной недостаточностью и предопределяющие негативное воздействие на организм, нашли отражение и в литературных источниках. В частности, в статье А. Н. Дмитриенко и В. Г. Чухровой, посвященной анализу алкогольной тематики в эпосе коренных народов Сибири, приведены выдержки из древних сказаний, в которых алкоголь предстает как мощное оружие, используемое для различного рода испытаний и подавления воли врага, для его моральной и физической нейтрализации[4].

Яркие образы тувинцев после употребления алкоголя нашли отражение в тувинской сатирической прозе. В статьях Ш. Ю. Кужугет, посвященных становлению этого жанра, описано содержание произведения Ш. Монгуш «Хризантема», главный персонаж которого «в состоянии алкогольного

[1] Дмитриенко А. Н., Чухрова М. Г. Алкоголь в эпосе сибирских народов // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 5 (36). С. 245.
[2] Ламажаа Ч. К. Этнопсихологические исследования тувинцев: социокультурологические и психологические [Электронный ресурс] // Национальные менталитеты: их изучение в контексте глобализации и взаимодействия культур. URL: http://national-mentalities.ru/diversity/nacionalnopsihologicheskie_osobennosti_etnosov_rossii/central_naya_aziya/lamazhaa_ch_k_etnopsihologicheskie_issledovaniya_tuvincev_sociokulturologicheskie_i_psihologicheskie1/ (дата обращения: 30.01.2025).
[3] Ооржак Л. Н., Монгуш Ч. Н. Факторы риска суицидального поведения в Республике Тува [Электронный ресурс] // Мир науки: Интернет-журнал. 2017. Т. 5, № 3. URL: http://mir-nauki.com/PDF/14PSMN317.pdf (дата обращения: 03.02.2025).
[4] Дмитриенко А. Н., Чухрова М. Г. Алкоголь в эпосе сибирских народов // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 5 (36). С. 243–246.

опьянения перестает быть человеком, он и не животное, а необычное существо» (Кужугет, 2018: 45). Тем самым автор «указывает на противоестественное состояние человека после принятия алкоголя» и предупреждает о том, что пристрастившись к алкоголю, человек «может потерять самого себя»[1].

Определённый интерес представляют исследования, в которых описываются тенденция «снижения в поколениях популяционной устойчивости к алкоголю» (Ковешников, 2014: 138), а также высокие темпы прогредиентности алкоголизма у тувинцев, вследствие чего, как отмечает Р. В. Ширижик, «несмотря на более позднее знакомство с алкоголем и более позднее начало систематического употребления алкоголя, алкоголизм у большинства тувинцев сформировался очень быстро — у 44% за 3–5 лет и 9% вообще за 1–2 года»[2].

К числу факторов рассматриваемой группы исследователи также относят доминирование в структуре алкогольных мотиваций субмиссивной мотивации, связанной с «невозможностью отказаться от выпивки “когда наливают”, податливостью, покорностью, подверженностью влиянию пьяной компании»[3], что в определенность степени может служить показателем ригидности «алкогольных установок, которые традиционно считались нормой и входили в традиции тувинского народа»[4].

Учитывая распространение и тяжесть проявления алкогольной зависимости у коренных народов Сибири, закономерным и актуальным представляется внимание исследователей к *особенностям формирования и течения алкогольной зависимости* у коренных жителей Тувы, *клиническим проявлениям алкоголизма и его последствий*. Из наиболее значимых работ можно выделить диссертационные исследования Р. В. Ширижик[5] и И. О. Бадыргы[6], позволившее авторам выявить специфические особенности формирования алкоголизма и клинических проявлений алкогольных психозов у представителей тувинской этнической принадлежности.

В научных публикациях Н. А. Бохан и соавторов (Бохан и др., 2011; Бохан, Мандель, Пешковская, 2014) представлены данные, подтверждающие снижение продуктивности непосредственного запоминания, повреждение способности к обобщению, а также появление различного рода органических нарушений имеющие большую распространенность и глубину у больных алкоголизмом тувинцев в сравнении с представителями русской национальной принадлежности.

Результаты исследований, проведенных А. Г. Пешковской и соавторами, позволили не только описать влияние алкоголизма на когнитивные функции представителей коренного населения Сибири (Пешковская, 2014; Пешковская и др., 2016), но и подтвердить сделанный в ходе ряда исследований вывод о высокой прогредиентности, свидетельствующей о большей уязвимости коренного тувинского этноса к воздействию алкоголя и более *частой обращаемостью в наркологические учреждения* (Пешковская, Галкин, Стоянова, 2022: 563).

Что касается последнего, то считаем необходимым обратить внимание на научную публикацию Е. А. Кошкиной и коллег, подготовленную на основе изучения ситуации с алкоголизацией населения Тувы в 1991–2000 гг. (Кошкина, Шамота, Ширижик, 2002). Полученные в ходе проведенного анализа данные позволили авторам сделать вывод о том, что более частая обращаемость тувинцев в наркологические учреждения зачастую предопределена тем, что они находятся там «слишком кратковременно и не получают необходимого лечения, в результате чего почти половина больных попадает в стационар повторно в течение одного года» (там же: 63). В качестве причин такой ситуации авторы видят недостаточность наркологических учреждений в регионе и дефицит врачей-наркологов,

[1] Кужугет Ш. Ю. Становление жанра сатирического рассказа в тувинской прозе // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 4 (71). С. 451.
[2] Ширижик Р. В. Медико-социальные последствия злоупотребления алкоголем у коренных жителей Республики Тыва : автореф. дис. … канд. мед. наук. М., 2003. С. 21.
[3] Дмитриенко А. Н., Чухрова М. Г. Алкоголь в эпосе сибирских народов // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 5 (36). С. 243.
[4] Ударцева Т. Л., Бадыргы И. О., Монгуш Ч. К. (2010) Психологические факторы алкогольного потребления у тувинцев // Мир науки, культуры, образования. 2010. № 1 (20). С. 235.
[5] Ширижик Р. В. Медико-социальные последствия злоупотребления алкоголем у коренных жителей Республики Тыва : автореф. дис. … канд. мед. наук. М., 2003. С. 31.
[6] Бадыргы И. О. Особенности формирования алкоголизма и алкогольных психозов у коренного населения Республики Тыва: автореф. дис. … канд. мед. наук. Томск, 2015. 22 с.

что диктует необходимость привлечения внимания к это проблеме со стороны властных структур и общества.

К сожалению, с начала 2000 гг. ситуация не изменилась в лучшую сторону, о чем свидетельствуют выводы, представленные в работе М. А Семенова (Семенов, 2019). На основе изучения системы здравоохранения Тувы в 1944–2017 гг., автор делает вывод о том, что неудовлетворительная ситуация, сложившаяся в республике в связи с высокими показателями смертности населения от внешних причин, в том числе ассоциированных с алкоголем, в определенной степени стала одним из закономерных результатов реформирования системы здравоохранения на местах, сокращения амбулаторно-поликлинических учреждений и медицинского персонала (там же: 110), снижения качества медицинской помощи, а также следствием неэффективности системы первичной профилактики алкоголизма среди населения Тувы.

В этой связи можно выделить еще одну группу научных публикаций, авторы которых анализируют *инструменты профилактики, диагностики и терапии* (в первую очередь, психодиагностики и психотерапии) алкогольной зависимости, эффективность которых применительно к коренным жителям Тувы напрямую зависит от степени учета их этнокультурных и нейропсихологических особенностей.

Этот вывод нашел подтверждение, в частности, в ходе изучения особенностей наркологической ситуации в Сибири на основе обследования 155 больных тувинской и русской этнических принадлежностей с люцидной и психотической формами. Полученные результаты позволили Н. А. Бохан и коллегам сделать вывод о том, что именно выявление этнокультуральной специфики формирования наркологических расстройств среди коренного населения Тувы служит непременным условием для определения новых возможностей повышения эффективности терапии и профилактики алкоголизма и связанных с ним психотических расстройств «с расширением этнически компетентных границ реабилитационного воздействия» (Бохан и др., 2013: 12).

Из многочисленных работ по данной проблематике можно выделить статью О. И. Салминой-Хвостовой с коллегами (Салмина-Хвостова, Бадыргы, Басов, 2012), а также публикации, подготовленные научными коллективами под руководством или при непосредственном участии Н. А. Бохан и М. Г. Чухровой (Бохан, Мандель, Пешковская, 2014; Бохан и др., 2013, 2019).

В частности, важным представляется вывод М. Г. Чухровой и коллег о том, что высокие показатели заболеваемости алкоголизмом в республике в значительной степени являются следствием неэффективности системы первичной профилактики, которая, по мнению авторов, «практически совсем не работает, и все медико-психологические и социальные мероприятия проводятся уже по выявленным случаям зависимости и их последствиям — являясь, таким образом, мерами вторичной и третичной профилактики» (Чухрова и др., 2019: 3348).

Последнее представляется нам особенно важным, поскольку проблема разработки региональных программ на основе федеральных аналогов без учета социокультурных и этноконфессиональных особенностей населения конкретных территорий уже неоднократно признавалась одной из причин неэффективности реализации демографической политики на местах.

В этой связи хотелось бы обратить внимание на статью С. Ч. Донгак, в которой автор предлагает в борьбе с потреблением алкоголя тувинской молодежью использовать опыт Монголии, решившей эту проблему путем «широкого внедрения традиционного для всех кочевников напитка — кумыса» (Донгак, 2025: 121).

На основе представленного выше анализа научных публикаций по проблематике, связанной с потреблением алкоголя коренным населением Тувы, можно всю совокупность детерминант, предопределяющих специфику и масштабы потребления алкоголя в Республике Тыва, объединить в пять основных групп, представленных в *таблице 3*.

Необходимо подчеркнуть, что данная классификация достаточно условна, так же, как и распределение факторов внутри каждой из групп. Потребление алкоголя — это полидетерминированный процесс и оценка вклада каждого из выделенных факторов может стать предметом отдельного научного исследования.

Таблица 3. Основные детерминанты потребления алкоголя в Республике Тыва
Table 3. The main determinants of alcohol consumption in the Republic of Tuva

№	*Факторы*	*Содержание*
1.	*Этнокультурные*	— вековые традиции широкого использования алкоголя как психотропного средства; — установление в начале XX в. государственной винной монополии, способствовавшей массовой алкоголизации коренного населения Сибири; — искоренение исконных тувинских традиций в отношении ограничений потребления алкоголя как результат трансформации социокультурной сферы в целом и насильственной модернизации традиционной тувинской культуры в 1920–1990 гг. в частности: — переход тувинцев с араки на потребление более крепких спиртных напитков как результат советской антиалкогольной политики; — ригидность традиционных алкогольных установок тувинского народа; — несоответствие культурной специфики малых народов философии рыночной экономики и общества потребления; — смещение традиционных гендерных ролей, кризис института семьи и рост числа разводов; — утрата межпоколенных связей.
2.	*Природно-климатические*	— суровые климатические условия, предопределяющие выбор в пользу более крепких алкогольных напитков
3.	*Социально-экономические*	— низкий уровень жизни населения Тувы; — высокий уровень безработицы тувинцев; — более низкие, в сравнении с общероссийскими, среднедушевые доходы жителей республики; — развитие теневого сектора алкогольного рынка; — снижение эффективности системы первичной профилактики алкоголизма среди населения Тувы как следствие реформирования национальной системы здравоохранения
4.	*Политические*	— нестабильность внутриполитической ситуации в стране на протяжении всего XX в.; — воздействие внешнеполитических факторов, в том числе, «китайской» угрозы
5.	*Конституционно-обусловленные и нейропсихологические*	— правополушарность, предопределяющая ускоренное формирование алкогольной зависимости у тувинцев; — образно-чувственное восприятие мира, инициирующее потребность в изменённых (эйфорических) состояниях сознания и создающее предпосылки для развития зависимости от алкоголя; — этнические особенности эмоциональной сферы тувинцев и специфика их эмоционального реагирования как проявление резкой континентальности национального характера, обусловленной влиянием религии и природно-климатического разнообразия; — дефицит в крови тувинцев изофермента альдегидаегидрогеназы, обуславливающий интолерантность представителей данной этнической группы к алкоголю и негативно влияющий на характер, тяжесть и прогноз течения алкоголизма; — высокие темпы прогредиентности алкоголизма у тувинцев в сочетании со снижением популяционной устойчивости к алкоголю; — доминирование в структуре алкогольных мотиваций субмиссивной мотивации.

Заключение

Несмотря на отражение общероссийских тенденций, ряд показателей социально-экономического, демографического развития, а также общественной безопасности Республики Тыва требуют повышенного внимания, свидетельствуя о высоком уровне неблагополучия населения и предопределяя низкую миграционную привлекательность территории.

Потребление алкоголя выступает одним из значимых факторов, воздействующих на поведение тувинцев в отношении здоровья и продолжительности жизни и обуславливающих высокие показатели смертности населения Тувы, в том числе, от внешних причин.

На основе проведенного анализа вся совокупность детерминант, предопределяющих специфику и масштабы потребления алкоголя в Республике Тыва, выявленных и обсуждающихся в научных работах, условно объединена в пять основных групп: этнокультурные; природно-климатические; социально-экономические; политические; конституционно-обусловленные и нейропсихологические.

Необходимо понимать, что определение основных детерминант алкоголепотребления в Республике Тыва — это только первый этап, необходимый для понимания масштабов и степени остроты проблемы. Следующим шагом должна стать разработка комплекса мер, учитывающих социально-экономические, природно-климатические и культурно-исторические особенности Тувы и адресованных органам власти, общественным структурам и иным субъектам, заинтересованным в решении этой серьезной социальной проблемы.

Считаем важным подчеркнуть, что не все из указанных групп факторов подлежат прямому воздействию со стороны органов власти, а тех, на которые можно не только воздействовать, но и получить стабильные результаты в кратчайшие сроки — еще меньше. Значительная часть детерминант достаточно устойчивы к различного рода воздействиям и нивелировать их влияние или практически невозможно (как в случае с этнокультурными, природно-климатическими или конституционно-наследственными и нейропсихологическими). Воздействие же на социально-экономические детерминанты (включая снижение социальной напряженности, повышение уровня социально-экономического развития территории и уровня жизни населения республики) сопряжено с необходимостью вложения больших ресурсов (управленческих, организационных, финансовых) и отсроченным по времени эффектом.

Безусловно, учитывая значимость культурно-исторических факторов в детерминации алкоголепотребления, основной упор в сокращении масштабов потребления алкоголя необходимо сделать в пользу разработки и реализации мероприятий, учитывающих выраженную этнокультурную специфику региона и направленных на осознание этнической идентичности. Вместе с тем, это не отменяет традиционных мер, уже доказавших свою эффективность, в том числе, в других регионах. К их числу можно отнести: усиление контроля над производством и реализацией алкогольной продукции со стороны государства, расширение масштабов санитарно-просветительской работы среди населения, адресность и доступность антиалкогольной пропаганды, максимально раннее осуществление профилактических мероприятий, налаживание механизмов взаимодействия между традиционной медициной и народным целительством. Только комплексное решение проблемы с учетом всех воздействующих факторов способно принести положительные результаты, выраженные не только в сокращении масштабов потребления алкоголя, но и в снижении сопряженных с его потреблением рисков.

Благодарности

Автор выражает признательность рецензентам за критическую оценку материалов, отправленных на рецензирование, и конструктивные замечания, оказавшие существенную помощь в доработке рукописи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеева, А. Г. (2018) Семейно-брачные отношения коренных народов Сибири: современный аспект // Миссия конфессий. Т. 7. № 6 (33). С. 686–694.

Анжиганова, Л. В., Ак-Лама, С. М. (2016) Мир женщин современной Тувы // Новые исследования Тувы. № 2. С. 105–115.

Артемьев, И. А. (2021) Преемственность как научно-концептуальный футурологический подход к эпистемологии социальной психиатрии // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. № 2 (111). С. 73–81. DOI: https://doi.org/10.26617/1810-3111-2021-2(111)-73-81

Балакина, Г. Ф. (2023) Специфика адаптационных практик этнических групп Республики Тыва // Новые исследования Тувы. № 4. С. 255–273. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.18

Башкуев, В. Ю. (2018) Медико-санитарные экспедиции Наркомздрава РСФСР в Тувинской Народной Республике и становление тувинского здравоохранения (конец 1920-х — середина 1930-х гг.) // Вестник Томского государственного университета. № 426. С. 52–63. DOI: https://doi.org/10.17223/15617793/426/6

Бойцов, С. А., Самородская, И. В., Семенов, В. Ю. (2016) Влияние медицинских и немедицинских факторов на смертность населения: роль алкоголя // Социальная и клиническая психиатрия. Т. 26. № 2. С. 97–105.

Боргоякова, Т. Г., Лопсан, А. П. (2024) Гендерная проблематика в тувинском Интернет-дискурсе // Новые исследования Тувы. № 4. С. 46–60. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.4

Бохан Н. А., Мандель, А. И., Кузнецов, В. Н., Рахмазова, Л. Д., Аксенов, М. М., Перчаткина, О. Э., Репецкий, Д. Н. (2017) Алкоголизм и фактор суицидальности среди коренного населения районов, приравненных к Крайнему Северу // Суицидология. Т. 8. № 1 (26). С. 68–76.

Бохан, Н. А., Мандель, А. И., Пешковская, А. Г., Бадыргы, И. О., Асланбекова, Н. В. (2013) Этнотерриториальная гетерогенность формирования алкогольной зависимости у коренного населения Сибири // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. Т.113. № 6–2. С. 9–13.

Бохан, Н. А., Кисель, Н. И., Биче-оол, У. К., Мандель, А. И. (2021) Формирование алкогольной зависимости у женщин тувинской и русской этнической принадлежности // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. № 4 (113). С. 54–63. DOI: https://doi.org/10.26617/1810-3111-2021-4(113)-54-63

Бохан, Н. А., Мандель, А. И., Пешковская, А. Г., Бохан, Т. Г., Бадыргы, И. О., Монгуш, Ч. К. (2011) Этнокультуральные различия клинико-психологических взаимосвязей при алкогольной зависимости: возможности пиктографической идентификации // Психотерапия. № 9. С. 55–59.

Бохан, Н. А., Мандель, А. И., Пешковская, А. Г. (2014) Этнокультуральный контекст клинико-психологических взаимосвязей при алкогольной зависимости [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России. № 2 (25). URL: http://www.medpsy.ru/mprj/archiv_global/2014_2_25/nomer/nomer10.php?ysclid=mfzuxn3318923257348 (дата обращения: 05.02.2025).

Вангородская, С. А. (2018) Российская модель потребления алкоголя: особенности и влияние на смертность населения // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. Философия. Социология. Право. Т. 43. № 1. С. 28–36.

Вечтомова, Е. А., Богер, В. Ю. (2021) Анализ рынка алкогольной продукции // Технологии пищевой и перерабатывающей промышленности АПК — продукты здорового питания. № 1. С. 23–37. DOI: https://doi.org/10.24412/2311-6447-2021-1-23-37

Горина, Т. И., Кефели, В. Б. (2025) Восприятие проблем сохранения национально-культурной идентичности в общественном сознании жителей Республики Тыва // Теория и практика общественного развития. № 1 (201). С. 80–88.

Гунаев, Е. А., Бадмаева, Н. В., Кованова, Е. С. (2019) Индикаторы социального неблагополучия населения: этнорегиональная специфика Калмыкии, Бурятии и Тувы // Новые исследования Тувы. № 1. С. 190–201. DOI: https://doi.org/10.25178/ nit.2019.1.14

Дабиев, Д. Ф. (2015) Человеческий капитал и индекс преступности (на примере Тывы) // ЭКО. № 2 (488). С. 176-183.

Донгак, В. С., Монгуш, Д. Ш. (2021) Тувинская этничность как объект исследования // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. № 1. С. 146–172. DOI: https://doi.org/10.22162/2587-6503-2021-1-17-146-172

Донгак, С. Ч. (2025) О традиционном воспитании и проблема в современной тувинской семье // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. № 2 (195). С. 117–122.

Доржу, З. Ю. (2011) Тувинская семья: Тенденции её жизнедеятельности // Омский научный вестник. № 1 (95). С. 35–38.

Евланова, О. А. (2020) Некоторые результаты криминологического исследования детерминации преступности в Республике Тыва // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. № 2 (76). С. 62–70.

Кан, В. С. (2016) Этносоциальный профиль тувинцев // Новые исследования Тувы. № 2. С. 52–72.

Кисель, В. А. (2019) Народные традиции и государство: узел конфликтов и противоречий (на примере Тувы) // Кунсткамера. № 1 (3). С. 171–188. DOI: https://doi.org/10.31250/2618-8619-2019-1(3)-171-188

Ковешников, А. А. (2015) Культуральные факторы в генезе формирования алкогользависимого поведения // Вестник угроведения. № 3 (22). С. 119–128.

Ковешников, А. А. (2014) Распространенность алкоголизма среди молодежи разных этнических групп на территории северного района (обзор литературы) // Вестник угроведения. № 4 (19). С. 132–144.

Коссова, Т. В., Коссова, Е. В., Шелунцова, М. А. (2017) Влияние потребления алкоголя на смертность и ожидаемую продолжительность жизни в регионах России // Экономическая политика. Т. 12. № 1. С. 58–83.

Кошкина, Е. А. Шамота, А. З., Ширижик, Т. В. (2002) Особенности распространенности алкоголизма в Республике Тыва в 1991–2000 гг. // Вопросы наркологии. № 5. С. 59–64.

Кужугет, Ш. Ю. (2018) Фольклорные истоки сатиры в тувинской прозе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 7–1 (85). С. 41–46. DOI: https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-7-1.9

Лавренюк-Исаева, Н. М. (2022) Роль социального предпринимательства в человеческом развитии Республики Тыва // Новые исследования Тувы. № 4. С. 190–212. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.15

Ламажаа, Ч. К. (2011) Волны архаизации постсоветской Тувы // Новые исследования Тувы. № 4. С. 11–26.

Ламажаа, Ч. К. (2013) Национальный характер тюркоязычных народов Центральной Азии // Новые исследования Тувы. № 3. С. 69–83.

Лебедева-Несевря, Н. А. (2013) Социальные детерминанты потребления алкоголя в регионах России // Современные исследования социальных проблем. № 9. С. 1–20. DOI: https://doi.org/10.12731/2218-7405-2013-9-76

Леутин, В. П., Чухрова, М. Г., Кривощеков, С. Г. (1999) Связь употребления алкоголя с особенностями функциональной асимметрии мозга тувинцев // Физиология человека. Т. 25. № 2. С. 67–70.

Мадюкова, С. А. (2018) Ментальные и этнопсихологические особенности тувинцев в системе детерминант развития Республики Тыва (на примере этнотуризма) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 72–94. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2018.2.4

Макушева, М. О., Чо, Е. Г. (2020) Теневой рынок алкоголя: к определению основных типов и мотивов потребителей // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 5. С. 90–111. DOI: https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1642

Матвеева Е. В., Митин, А. А., Сат, А. В., Карашпай, С. М., Карашпай С. М. (2025) Социально-политические предпочтения в системе ценностей населения региона как ресурс устойчивости власти (на материалах Республики Тыва) // Вестник Забайкальского государственного университета. Т. 31. № 1. С. 127–139.

Монгуш, А. М. (2021) Особенности трансформации роли мужчины в тувинском обществе // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. Т. 36. С. 37–49. DOI: https://doi.org/10.26516/2227-2380.2021.36.37

Морогин, В. Г., Костина, Н. П. (2013) Социально-психологическая история алкоголизации России // Медицинская психология в России: Научный сетевой журнал. Т. 5. № 5 (22). С. 1–31. DOI: https://doi.org/10.24411/2219-8245-2013-15140

Немцов, А. В. (2015) Российская смертность в свете потребления алкоголя // Демографическое обозрение. Т. 2. № 4. С. 111–135.

Опенко, Т. Г., Чухрова М. Г. (2011) Смертность от внешних причин и ее связь с употреблением алкоголя в Республике Тыва // Суицидология. Т. 2. № 1(2). С. 48–50.

Пешковская, А Г. (2014) Этно-культуральный диспаритет когнитивных нарушений при алкоголизме // Неврологический вестник. Т. 46. № 3. С. 97–98.

Пешковская, А. Г., Мандель, А. И., Бадыргы, И. О. (2015) Этнический фактор и проблема алкоголизма (аналитический обзор) // Вестник ТГПУ. № 3 (156). С. 49–57.

Пешковская, А. Г., Мандель, А. И., Иванова, С. А., Прокопьева, В. Д. (2016) Влияние алкоголизма на когнитивные функции у представителей коренного населения Сибири / // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. № 4(93). С. 105–109.

Разводовский, Ю. Е., Дукорский, В. В. (2015) Корреляты парасуицида лиц с синдромом зависимости от алкоголя: гендерный аспект // Суицидология. № 1 (18). С. 46–53.

Салмина-Хвостова, О. И., Бадыргы, И. О., Басов, А. Н. (2012) Распространенность, клиника и особенности психотерапии алкоголизма у тувинцев // Вопросы наркологии. № 2. С. 79–85.

Санников, А. Л., Рогова, К. А., Мотина, А. А., Шаманин, Д. А. (2023) Анализ смертности от внешних причин в Республике Тыва // Международный научно-исследовательский журнал. № 12 (138). С. 1–7.

Севек, В. К., Соян, Ш. Ч., Севек, Р. М. (2016) Социальное самочувствие молодежи Республики Тыва // Социологические исследования. № 9 (389). С. 141–144.

Семенов, М. А. (2019) Развитие системы здравоохранения Тувы в 1944–2017 гг. // Новые исследования Тувы. № 3. С. 102–115. DOI: https://doi.org/10.25178/ nit.2019.3.9

Семенова, Н. Б. (2017) Причины суицидального поведения у коренных народов Сибири: смена традиционного образа жизни // Суицидология. Т. 8. № 4 (29). С. 31–42.

Чирун, С. Н., Сади С. С. (2021) Региональные политико-институциональные и этнополитические процессы на примере Республики Тыва // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. Т. 6. № 1(19). С. 19–27. DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-1-19-27

Чухрова, М. Г., Атаманова, Г. И., Хомушку, С. Д., Юдина, С. Д., Чухров, А. С. (2019) Этнокультуральный подход к превенции алкогольного потребления у тувинцев / // Профессиональное образование в современном мире. Т. 9. № 4. С. 3346–3355. DOI: https://doi.org/10.15372/PEMW20190423

Элерт, А. Х. (2007) Алкоголь и галлюциногены в жизни коренных народов Сибири // Наука из первых рук. № 2 (14). С. 119–131.

Epstein, J. A., Botvin, G. J., Diaz T. (2000) Alcohol use among Hispanic adolescents: Role of linguistic acculturation and gender // Journal of Alcohol and Drug Education. № 45 (3). P. 18–32.

Field, C., Caetano, R. (2010) The role of ethnic matching between patient and provider on the effectiveness of brief alcohol interventions with Hispanics // Alcoholism: Clinical and Experimental Research. № 34 (2). P. 262–271.

Rosa de la, M. (2002) Acculturation and Latino adolescents' substance use: A research agenda for the future // Substance Use & Misuse. № 37(4). P. 429–456.

Дата поступления: 12.05.2025 г.
Дата принятия: 30.07.2025 г.

REFERENCES

Alekseeva, A. G. (2018) Family and marital relations among the indigenous peoples of Siberia: contemporary aspect. *Missiya konfessiy*, vol. 7, no. 6 (33), pp. 686–694. (In Russ.).

Anzhiganova, L. V. and Ak-Lama, S. M. (2016) The world of women in contemporary Tuva. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 105–115. (In Russ.).

Artemyev, I.A. (2021) Continuity as a scientifically conceptual futurological approach to the epistemology of social psychiatry. *Sibirskiy vestnik psikhiatrii i narkologii*, no. 2 (111), pp. 73–81. (In Russ.).). DOI: https://doi.org/10.26617/1810-3111-2021-2(111)-73-81

Balakina, G. F. (2023) Specifics of adaptation practices of ethnic groups in the Republic of Tuva. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 255–273. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.18

Bashkuev, V. Yu. (2018) Medical and sanitary expeditions of the RSFSR People's Commissariat of Health in the Tuvan People's Republic and the establishment of Tuvan healthcare (late 1920s — mid-1930s). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 426, pp. 52–63. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.17223/15617793/426/6

Boytsov, S. A., Samorodskaya, I. V. and Semenov, V. Yu. (2016) Influence of medical and non-medical factors on mortality: the role of alcohol. *Sotsialnaya i klinicheskaya psikhiatriya*, vol. 26, no. 2, pp. 97–105. (In Russ.).

Borgoyakova, T. G. and Lopsan, A. P. (2024) Gender issues in Tuvan Internet discourse. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 46–60. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.4

Bokhan, N. A., Mandel, A. I., Kuznetsov, V. N., Rakhmazova, L. D., Aksenov, M. M., Perchatkina, O. E. and Repetsky, D. N. (2017) Alcoholism and suicidality factor among indigenous populations of territories equated to the Far North. *Suitsidologiya*, vol. 8, no. 1(26), pp. 68–76. (In Russ.).

Bokhan, N. A., Mandel, A. I., Peshkovskaya, A. G., Badyrgy, I. O. and Aslanbekova, N. V. (2013) Ethno-territorial heterogeneity in the formation of alcohol dependence among the indigenous peoples of Siberia. *Zhurnal nevrologii i psikhiatrii im. S. S. Korsakova*, vol. 113, no. 6–2, pp. 9–13. (In Russ.).

Bokhan, N. A., Kisel, N. I., Biche-ool, U. K. and Mandel, A. I. (2021) Formation of alcohol dependence in women of Tuvan and Russian ethnic affiliation. *Sibirskiy vestnik psikhiatrii i narkologii*, no. 4(113), pp. 54–63. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.26617/1810-3111-2021-4(113)-54-63

Bokhan, N. A., Mandel, A. I., Peshkovskaya, A. G., Bokhan, T. G., Badyrgy, I. O. and Mongush, Ch. K. (2011) Ethnocultural differences in clinical and psychological interrelations in alcohol dependence: possibilities for pictographic identification. *Psikhoterapiya*, no. 9, pp. 55–59. (In Russ.).

Bokhan, N. A., Mandel, A. I. and Peshkovskaya, A. G. (2014) Ethnocultural context of clinical and psychological interrelations in alcohol dependence. *Meditsinskaya psikhologiya v Rossii*, no. 2 (25). (In Russ.) [online] Available at: http://www.medpsy.ru/mprj/archiv_global/2014_2_25/nomer/nomer10.php?ysclid=mfzuxn3318923257348 (accessed 05.05.2025).

Vangorodskaya, S. A. (2018) The Russian model of alcohol consumption: characteristics and effects on population mortality. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*, vol. 43, no. 1, pp. 28–36. (In Russ.).

Vechtyomova, E. A. and Boger, V. Yu. (2021) Analysis of the alcoholic beverages market. *Tekhnologii pishchevoy i pererabatyvayushchey promyshlennosti APK — produkty zdorovogo pitaniya*, no. 1, pp. 23–37. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.24412/2311-6447-2021-1-23-37

Gorina, T. I. and Kefeli, V. B. (2025) Perceptions of the preservation of national-cultural identity in public consciousness of the Republic of Tuva residents. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, no. 1 (201), pp. 80–88. (In Russ.).

Gunaev, E. A., Badmaeva, N. V. and Kovanova, E. S. (2019) Indicators of social disadvantage: ethno-regional specifics of Kalmykia, Buryatia, and Tuva. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 190–201. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2019.1.14

Dabiev, D. F. (2015) Human capital and the crime index (the case of Tuva). *EKO*, no. 2(488), pp. 176–183. (In Russ.).

Dongak, V. S., Mongush, D. Sh. (2021) Tuvan ethnicity as an object of research. *Byulleten Kalmytskogo nauchnogo tsentra RAN*, no. 1, pp. 146–172. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.22162/2587-6503-2021-1-17-146-172

Dongak, S. Ch. (2025) On traditional upbringing and the problem in modern Tuvan families. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 2 (195), pp. 117–122. (In Russ.).

Dorzhu, Z. Yu. (2011) The Tuvan family: Trends in its livelihood. *Omskiy nauchnyy vestnik*, no. 1 (95), pp. 35–38. (In Russ.).

Evlanova, O. A. (2020) Some results of a criminological study on the determinants of crime in the Republic of Tuva. *Vestnik Universiteta prokuratury Rossiyskoy Federatsii*, no. 2 (76), pp. 62–70. (In Russ.).

Kan, V. S. (2016) Ethnosocial profile of the Tuvans. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 52–72. (In Russ.).

Kisel, V. A. (2019) Folk traditions and the state: a knot of conflicts and contradictions (the case of Tuva). *Kunstkamera*, no. 1(3), pp. 171–188. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.31250/2618-8619-2019-1(3)-171-188

Koveshnikov, A. A. (2015) Cultural factors in the genesis of alcohol-dependent behavior. *Vestnik ugrovedeniya*, no. 3(22), pp. 119–128. (In Russ.).

Koveshnikov, A. A. (2014) Prevalence of alcoholism among youth of different ethnic groups in the northern district (literature review). *Vestnik ugrovedeniya*, no. 4 (19), pp. 132–144. (In Russ.).

Kossova, T. V., Kossova, E. V. and Sheluntsova, M. A. (2017) The impact of alcohol consumption on mortality and life expectancy in Russian regions. *Ekonomicheskaya politika*, vol. 12, no. 1, pp. 58–83. (In Russ.).

Koshkina, E. A., Shamota, A. Z., Shirizhik, T. V. (2002) Features of the prevalence of alcoholism in the Republic of Tuva in 1991–2000. *Voprosy narkologii*, no. 5, pp. 59–64. (In Russ.).

Kuzhuget, Sh. Yu. (2018) Folklore origins of satire in Tuvan prose. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 7–1(85), pp. 41–46. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-7-1.9

Lavrenyuk-Isaeva, N. M. (2022) The role of social entrepreneurship in human development of the Republic of Tuva. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 190–212. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.15

Lamazhaa, Ch. K. (2011) Waves of archaization in post-Soviet Tuva. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 11–26. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2013) National character of Turkic-speaking peoples of Central Asia. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 69–83. (In Russ.).

Lebedeva-Nesevrya, N. A. (2013) Social determinants of alcohol consumption in Russia's regions. *Sovremennye issledovaniya sotsialnykh problem*, no. 9, pp. 1–20. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.12731/2218-7405-2013-9-76

Leutin, V. P., Chukhrova, M. G. and Krivoshchekov, S. G. (1999) The link between alcohol use and the characteristics of functional brain asymmetry in Tuvans. *Fiziologiya cheloveka*, vol. 25, no. 2, pp. 67–70. (In Russ.).

Madyukova, S. A. (2018) Mental and ethnopsychological characteristics of Tuvans in the system of determinants of the development of the Republic of Tuva (on the example of ethnotourism). *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 72–94. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2018.2.4

Makusheva, M. O. and Cho, E. G. (2020) The shadow alcohol market: towards a definition of basic types and consumer motives. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny*, no. 5, pp. 90–111. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1642

Matveeva, E. V., Mitin, A. A., Sat, A. V., Karashpay, S. M. and Karashpay, S. M. (2025) Socio-political preferences in the system of regional population values as a resource for government stability (based on materials from the Republic of Tuva). *Vestnik Zabaikalskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 31, no. 1, pp. 127–139. (In Russ.).

Mongush, A. M. (2021) Features of the transformation of the male role in Tuvan society. *Bulletin of The Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, And Anthropology Series*, vol. 36, pp. 37–49. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.26516/2227-2380.2021.36.37

Morogin, V. G. and Kostina, N. P. (2013) The social-psychological history of alcoholization in Russia. *Meditsinskaya psikhologiya v Rossii: Nauchnyi setevoy zhurnal*, vol. 5, no. 5(22), pp. 1–31. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.24411/2219-8245-2013-15140

Nemtsov, A. V. (2015) Russian mortality in light of alcohol consumption. *Demograficheskoe obozrenie*, vol. 2, no. 4, pp. 111–135. (In Russ.).

Openko, T. G. and Chukhrova, M. G. (2011) Mortality from external causes and its association with alcohol use in the Republic of Tuva. *Suitsidologiya*, vol. 2, no. 1(2), pp. 48–50. (In Russ.).

Peshkovskaya, A. G. (2014) Ethnocultural disparity of cognitive impairments in alcoholism. *Nevrologicheskiy vestnik*, vol. 46, no. 3, pp. 97–98. (In Russ.).

Peshkovskaya, A. G., Mandel, A. I. and Badyrgy, I. O. (2015) The ethnic factor and the problem of alcoholism (an analytical review). *Vestnik TGPU*, no. 3(156), pp. 49–57. (In Russ.).

Peshkovskaya, A. G., Mandel, A. I., Ivanova, S. A. and Prokopyeva, V. D. (2016) Influence of alcoholism on cognitive functions among the indigenous population of Siberia. *Sibirskiy vestnik psikhiatrii i narkologii*, no. 4 (93), pp. 105–109. (In Russ.).

Razvodovsky, Yu. E. and Dukorsky, V. V. (2015) Correlates of parasuicide in individuals with alcohol dependence syndrome: gender aspect. *Suitsidologiya*, no. 1(18), pp. 46–53. (In Russ.).

Salmina-Khvostova, O. I., Badyrgy, I. O. and Basov, A. N. (2012) Prevalence, clinic and psychotherapeutic features of alcoholism among Tuvans. *Voprosy narkologii*, no. 2, pp. 79–85. (In Russ.).

Sannikov, A. L., Rogova, K. A., Motina, A. A. and Shamanin, D. A. (2023) Analysis of mortality from external causes in the Republic of Tuva. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatelskiy zhurnal*, no. 12(138), pp. 1–7. (In Russ.).

Sevek, V. K., Soyan, Sh. Ch. and Sevek, R. M. (2016) Social well-being of youth in the Republic of Tuva. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 9 (389), pp. 141–144. (In Russ.).

Semenov, M. A. (2019) Development of the healthcare system in Tuva in 1944–2017. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 102–115. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2019.3.9

Semenova, N. B. (2017) Reasons for suicidal behavior among the indigenous peoples of Siberia: change in traditional lifestyle. *Suitsidologiya*, vol. 8, no. 4(29), pp. 31–42. (In Russ.).

Chirun, S. N. and Sadi, S. S. (2021) Regional politico-institutional and ethnopolitical processes on the example of the Republic of Tuva. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, vol. 6, no. 1(19), pp. 19–27. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-1-19-27

Chukhrova, M. G., Atamanova, G. I., Khomushku, S. D., Yudina, S. D. and Chukhrov, A. S. (2019) Ethnocultural approach to the prevention of alcohol consumption among Tuvans. *Professionalnoye obrazovaniye v sovremennom mire*, vol. 9, no. 4, pp. 3346–3355. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.15372/PEMW20190423

Elert, A. Kh. (2007) Alcohol and hallucinogens in the life of the indigenous peoples of Siberia. *Nauka iz pervykh ruk*, no. 2(14), pp. 119–131. (In Russ.).

Epstein, J. A., Botvin, G. J. and Diaz T. (2000) Alcohol use among Hispanic adolescents: Role of linguistic acculturation and gender. *Journal of Alcohol and Drug Education*, no. 45 (3), pp. 18–32.

Field, C. and Caetano, R. (2010) The role of ethnic matching between patient and provider on the effectiveness of brief alcohol interventions with Hispanics. *Alcoholism: Clinical and Experimental Research*, no. 34 (2), pp. 262–271.

Rosa de la, M. (2002) Acculturation and Latino adolescents' substance use: A research agenda for the future. *Substance Use & Misuse*, no. 37(4), pp. 429–456.

Submission date: 12.05.2025.
Acceptance date: 30.07.2025.

DOI: 10.25178/nit.2025.4.13

Статья

Методология и практика проведения демографической экспертизы на примере региональной программы «Повышение рождаемости в Республике Тыва на период 2023–2025 годов»

Тамара К. Ростовская
Институт социальной демографии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН;
Российский университет дружбы народов, Российская Федерация,
Арсений М. Ситковский, Луиза Н. Гишкаева
Российский университет дружбы народов, Российская Федерация

В статье представлена апробация авторской методики проведения демографической экспертизы документов в сфере демографической политики на примере региональной программы Республики Тыва «Повышение рождаемости в Республике Тыва на период 2023–2025 годов».

Методологическую базу исследования составляют методы экспертной оценки, сценарного прогнозирования и метод передвижки возрастов. Для подготовки и обработки данных использовался программный продукт Spectrum (модуль DemProj). Источниками данных выступили нормативно-правовые акты, статистические материалы Росстата и результаты предыдущих научных исследований.

В соответствии с авторской методикой проведения демографической экспертизы, на первом этапе проводится оценка документа на соответствие действующему законодательству, полноту представленной информации, соответствие актуальным научным теориям. На втором этапе моделируются два сценария динамики суммарного коэффициента рождаемости: базовый (без учёта мер) и целевой (с реализацией мероприятий программы).

С помощью сценарного прогнозирования численности населения были выявлены демографические последствия реализации мероприятий программы. Рассмотрены два сценария: базовый (без реализации мероприятий) и целевой (с учётом реализации программы). В результате показано, что меры программы в Туве способны повысить рождаемость примерно на 8–10% по сравнению с базовым трендом, а численность населения к 2045 году может увеличиться на 20 тыс. чел. по сравнению с вариантом без реализации программы. Также выявлены успешные практики и проблемные аспекты программы, даны экспертные рекомендации по её совершенствованию.

Результаты исследования демонстрируют значительный потенциал предложенной методики как эффективного инструмента анализа и повышения качества региональных программ демографического развития, позволяющего минимизировать риски принятия недостаточно обоснованных управленческих решений.

Ключевые слова: *демографическая политика; демографическая экспертиза; экспертное заключение; демографическое прогнозирование; рождаемость; Республика Тыва*

Для цитирования:
Ростовская Т. К., Ситковский А. М., Гишкаева Л. Н. Методология и практика проведения демографической экспертизы на примере региональной программы «Повышение рождаемости в Республике Тыва на период 2023–2025 годов» // Новые исследования Тувы. 2025. № 4. С. 233-253. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.13

Ростовская Тамара Керимовна — доктор социологических наук, профессор, заместитель директора Института социальной демографии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН; директор Института современных языков, межкультурной коммуникации и миграций Российского университета дружбы народов. Адреса: 119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, к. 1; 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Эл. адрес: rostovskaya.tamara@mail.ru

Ситковский Арсений Михайлович — младший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Динамика языков в миноритарной ситуации» Института современных языков, межкультурной коммуникации и миграций Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Эл. адрес: omnistat@yandex.ru

Гишкаева Луиза Нахидовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Эл. адрес: gishkaeva-ln@rudn.ru

Article

Methodology and practice of demographic expertise based on the example of the regional program “Increasing Birth Rates in the Republic of Tuva for the Period 2023–2025”

Tamara K. Rostovskaya
Institute of Social Demography of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences; RUDN University, Russian Federation,
Arseniy M. Sitkovskiy, Luisa N. Gishkaeva
RUDN University, Russian Federation

The article presents an evaluation of the authors’ original methodology for conducting demographic expertise of documents in the field of demographic policy. The authors tested this methodology using the regional program of the Republic of Tuva, “Increasing Birth Rates in the Republic of Tuva for the Period 2023–2025”, as an example. The methodological framework of the study comprises expert assessment methods, scenario forecasting, and the age-shifting method. Data preparation and processing were carried out using the Spectrum software (DemProj module). Data sources included normative legal acts, statistical materials from Rosstat, and findings from prior scientific research.

At the first stage of applying the methodology, the authors assessed the document for compliance with current legislation, the completeness of the information provided, and consistency with contemporary scientific theories. At the second stage, two scenarios for the dynamics of the total fertility rate were modeled: a baseline scenario (without policy measures) and a target scenario (assuming implementation of program activities).

Scenario-based population projections enabled the identification of demographic consequences resulting from the implementation of program activities. Two scenarios were considered: baseline (without program implementation) and target (with program implementation). The results demonstrate that the measures proposed by the program in Tuva could increase the birth rate by approximately 8–10% compared to the baseline trend, with the population rising by 20,000 by 2045 relative to the scenario without program measures. Furthermore, successful practices and problematic aspects of the program were identified, and expert recommendations for its improvement were provided.

The study results highlight the significant potential of the proposed methodology as an effective analytical tool, enabling the minimization of risks associated with insufficiently substantiated managerial decisions.

Keywords: *demographic policy; demographic expertise; expert assessment; demographic forecasting; birth rate; Republic of Tuva*

For citation:
Rostovskaya T. K., Sitkovskiy A. M. and Gishkaeva L. N. Methodology and practice of demographic expertise based on the example of the regional program “Increasing Birth Rates in the Republic of Tuva for the Period 2023–2025”. *New Research of Tuva*, 2025, no. 4, pp. 233-253. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.13

ROSTOVSKAYA, Tamara Kerimovna, Doctor of Sociology, Professor; Deputy Director, Institute of Social Demography, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences; Professor, Director, Institute of Modern Languages, Intercultural Communication and Migration, RUDN University. Postal addresses: Bldg. 1, 6 Fotieva St., 119333 Moscow, Russian Federation; 6 Miklukho-Maklaya St., 117198 Moscow, Russian Federation. E-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1629-7780

SITKOVSKIY, Arseniy Mikhailovich, Junior Researcher, Research Laboratory “Dynamics of languages in a minority situation”, Institute of Modern Languages, Intercultural Communication and Migration, RUDN University. Postal address: 6, Miklukho-Maklaya St., 117198 Moscow, Russian Federation. E-mail: omnistat@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-8725-6580

GISHKAEVA, Luisa Nakhidovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Faculty of Philology, Department of Foreign Languages, RUDN University. Postal address: 6 Miklukho-Maklaya St., 117198 Moscow, Russian Federation. E-mail: gishkaeva-ln@rudn.ru
ORCID: 0000-0001-7627-5375

Введение

Для реализации новых национальных проектов в области демографии и достижения целевых показателей национальной стратегии требуется научно обоснованный инструментарий оценки демографических последствий принимаемых мер. Одним из таких инструментов могла бы стать демографическая экспертиза. Однако данный термин до сих пор не получил чёткого определения ни в научной литературе, ни в нормативных документах.

Демографическая экспертиза — это вид научно-технической экспертизы, который является необходимым инструментом для принятия эффективных управленческих решений в сфере демографического развития регионов мира. В соответствии с модельным законом «О научной и научно-технической экспертизе» стран Содружества Независимых государств (СНГ) от 2003 г., «научная и научно-техническая экспертиза — деятельность, связанная с организацией проведения исследований, анализом и оценкой объектов экспертизы, подготовкой и оформлением экспертных заключений относительно этих объектов, необходимых для обоснования принятия общественно значимых решений»[1]. Кроме того, научная и научно-техническая экспертиза является одним из видов научно-исследовательской деятельности. Соответственно, экспертное заключение относятся к результатам научной деятельности и выполняется квалифицированными специалистами.

Демографическая экспертиза представляет собой оценку действенности мероприятий, предложенных в документах стратегического развития в сфере демографии, а также их влияние на динамику демографических процессов: рождаемость, смертность, здоровье населения, продолжительность жизни, миграционную привлекательность и т. д. Экспертиза направлена на исследование взаимосвязей между характеристиками демографических процессов с одной стороны и разработкой и реализацией программ и проектов социально-экономического развития территорий с другой стороны.

Демографическая экспертиза должна проводиться экспертами из числа высококвалифицированных специалистов-демографов, обладающих знаниями и умениями (компетенциями) как специфического, так и междисциплинарного характера, которые могут качественно осуществлять сбор, формирование и анализ информационно-аналитической демографической базы, подготавливать материалы для разработки демографически мер, выявлять демографическую конъюнктуру, проводить экспертизы экономических и социально-значимых программ (Рычихина, Евдокимова, 2021).

Согласно профессиональному образовательному стандарту «Демограф», специалист, осуществляющий демографическую экспертизу, должен владеть компетенциями по мониторингу и анализу демографических процессов, оценке влияния различных программ и проектов на демографические показатели и моделированию демографических последствий реализации мер демографической политики (Ростовская, Шабунова, Рычихина, 2025). Значимость демографической экспертизы определяется тем, что на её основе можно объективно оценить эффективность предлагаемых мероприятий по улучшению демографической ситуации и корректировать соответствующие стратегические решения.

Несмотря на то, что в стандарте указывается демографическая экспертиза, на сегодняшний день отсутствует утверждённая методика, а также практика её осуществления. Актуальные научно-методические разработки также отсутствуют. В связи с эти возникает объективная необходимость выработки такой методики, её апробации на примере актуального и действующего документа стратегического планирования в сфере демографии с целью создания должной научно-методической основы для дальнейшей подготовки специалистов-демографов.

Демографическая экспертиза в России проводится двумя основными методами: экспертная оценка и экспертный опрос. Оба метода не обладают должной научной и математической строгостью, не позволяют давать объективные и унифицированные заключения. При этом, в научной литературе отмечается задача именно моделирования влияния мер анализируемого документа на дальнейшую демографическую динамику, чего не встречаем на практике.

[1] Модельный закон «О научной и научно-технической экспертизе» (принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ от 15 ноября 2003 г. № 22–17) [Электронный ресурс] // Межпарламентская Ассамблея государств — участников Содружества Независимых Государств. 2003. URL: https://iacis.ru/public/upload/files/1/160.pdf (дата обращения: 05.01.2025).

В связи с этим, в настоящей статье предложена авторская методика проведения демографической экспертизы, основанная на сценарном прогнозировании численности населения региона, которая включает два последовательных этапа.

Первый этап — *экспертная оценка содержания программы*. Осуществляется проверка документа на соответствие действующему законодательству Российской Федерации, полноту предложенных мероприятий, их логическую взаимосвязь с заявленными целями и современными научными концепциями в области демографической политики.

Второй этап — *сценарное прогнозирование демографических последствий реализации мероприятий программы*. Критерием успешности реализации программы выступает измеримая разница между числом рождений и уровнем суммарного коэффициента рождаемости в сценариях с учётом и без учёта реализации программы. В ходе сценарного прогнозирования формируются два основных сценария: «Базовый» (без реализации мероприятий программы) и «Целевой» (с учетом реализации мероприятий программы). Сравнение сценариев позволяет количественно оценить влияние предложенных мероприятий на динамику рождаемости и численности населения региона.

На сегодняшний день в России активно внедряются стратегические документы в сфере региональной демографической политики. В 85 из 89 субъектов РФ были приняты региональные программы повышения рождаемости[1]. Во многом это обусловлено Приказом Минтруда России от 2023 г.[2], в приложении № 2 к которому содержится «Типовая региональная программа повышения рождаемости», а также Приказом Минтруда России от 2024 г.[3], посвящённому методическим рекомендациям по актуализации региональных программ по повышению рождаемости.

Для апробации предлагаемой авторской методики демографической экспертизы в качестве примера выбран именно региональный проект Республики Тыва, поскольку данный субъект РФ характеризуется уникальной демографической ситуацией — сочетанием традиционно высокой рождаемости с сохранением рисков депопуляции. Программа «Повышение рождаемости в Республике Тыва на период 2023–2025 годов», утверждённая Постановлением Правительства Республики Тыва № 462 от 30.06.2023 г.[4], предусматривает комплекс мер поддержки семей и служит хорошим кейсом для оценки эффективности подобных инициатив.

Цель настоящей статьи — разработка и апробация авторской методики демографической экспертизы на примере оценки мероприятий региональной программы «Повышение рождаемости в Республике Тыва на период 2023–2025 годов», утверждённой Постановлением Правительства Республики Тыва № 462 от 30.06.2023 г.[5] Объект исследования — демографическая экспертиза, предмет — методология и практика проведения демографической экспертизы на примере региональной программы «Повышение рождаемости в Республике Тыва на период 2023–2025 годов».

Задачи исследования: 1) обзор научной литературы и нормативной правовой документации, посвящённой подходам к проведению демографической экспертизы, а также социально-демогра-

[1] Актуальные решения по поддержке рождаемости: семейная политика [Электронный ресурс] // Комитет Совета Федерации по социальной политике, 2023. URL: http://social.council.gov.ru/activity/activities/parliamentary/149964/ (дата обращения: 05.05.2025).

[2] Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 5 мая 2023 г. № 436 «Об утверждении Методических рекомендаций по оценке демографического потенциала субъекта Российской Федерации и разработке региональных программ по повышению рождаемости» [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». 2023. URL: https://base.garant.ru/407059954/f7ee959fd36b5699076b35abf4f52c5c/ (дата обращения: 05.05.2025).

[3] Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 31 июля 2024 года № 387 «Об утверждении методических рекомендаций по актуализации региональных программ по повышению рождаемости» [Электронный ресурс] // СПС «Кодекс», 2024. URL: https://docs.cntd.ru/document/1306997950 (дата обращения: 05.05.2025).

[4] Постановление Правительства Республики Тыва от 30.06.2023 № 462 «Об утверждении региональной программы Республики Тыва “Повышение рождаемости в Республике Тыва на период 2023–2025 годов”» [Электронный ресурс] // Правительство Республики Тыва, 2023. URL: http://www.npa.rtyva.ru/sites/default/files/462.docx (дата обращения: 05.01.2025).

[5] Постановление Правительства Республики Тыва от 30.06.2023 № 462 «Об утверждении региональной программы Республики Тыва “Повышение рождаемости в Республике Тыва на период 2023–2025 годов”» [Электронный ресурс] // Правительство Республики Тыва, 2023. URL: http://www.npa.rtyva.ru/sites/default/files/462.docx (дата обращения: 05.01.2025).

фической ситуации в Республике Тыва; 2) разработка практикоориентированной авторской методики проведения демографической экспертизы на основе современных подходов и инструментов демографической науки, а также действующих нормативных правовых актов; 3) апробация разработанной методики на примере проведения демографической экспертизы региональной программы «Повышение рождаемости в Республике Тыва на период 2023–2025 годов», утверждённой Постановлением Правительства Республики Тыва № 462 от 30.06.2023 г.[1] с целью выработки рекомендаций по её совершенствованию, которая включает экспертную оценку содержания программы и сценарное прогнозирование демографических последствий реализации мероприятий программы.

Решение сформулированных задач требует, прежде всего, теоретического осмысления накопленного научного и практического опыта в области демографической экспертизы, а также анализа нормативной правовой базы, регулирующей её проведение.

Обзор литературы

Демографическая экспертиза не представлена должным образом ни в нормативных правовых документах, ни в научно-исследовательской литературе. Она многократно упоминается авторами из России и стран СНГ, однако её методика и терминологический аппарат — не выработаны. Судя по всему, её внедрение обсуждалось с 2000-х гг., но так и не произошло. Единственным действующим документом, в котором закреплена такая процедура является Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 24 ноября 2008 г. № 662 «О проведении мониторинга реализации региональных программ демографического развития»[2], который предполагает обязательный регулярный анализ демографической ситуации, динамики численности населения и ключевых демографических показателей, что необходимо для оценки эффективности принятых мер и своевременного внесения корректив. В соответствии с документом, методика демографической экспертизы состоит из этапов: 1) получение информации о ходе реализации документов демографического развития; 2) комплексный анализ реализации документов демографического развития; 3) оценка динамики и темпов изменения значений целевых показателей документов демографического развития, характеризующих демографическую ситуацию в определённой территории; 4) выявление демографических тенденций на основе целевых показателей; 5) разработка конкретных мер, направленных на оптимизацию осуществления демографической политики в определённой территории.

На сегодняшний день, ключевым методологом демографической экспертизы является Н. Г. Каберты, который пишет, что «демографическая экспертиза предполагает оценку степени и качества учета демографических особенностей, тенденций и перспектив воспроизводства населения территории при подготовке концептуальных (программных) документов, а также влияние ожидаемых результатов выполнения программ и проектов на параметры отдельных демографических процессов»[3]. Он рассматривает демографическую экспертизу как инструмент повышения качества управленческих решений и эффективности реализации социально-экономических программ.

По мнению Н. Г. Каберты и С. Ф. Дзагоева, демографическая экспертиза должна основываться на формировании экспертных групп, включающих специалистов разных профилей, обладающих глубокими демографическими знаниями (Каберты, Дзагоев, 2023). Подчёркивается, что экспертиза должна базироваться на междисциплинарном подходе, включать мониторинг, прогнозирование демографических процессов и оценку влияния различных программ и проектов на демографическую ситуацию региона. Демографическая экспертиза должна выявить, насколько корректно были уч-

[1] Постановление Правительства Республики Тыва от 30.06.2023 № 462 «Об утверждении региональной программы Республики Тыва “Повышение рождаемости в Республике Тыва на период 2023–2025 годов”» [Электронный ресурс] // Правительство Республики Тыва, 2023. URL: http://www.npa.rtyva.ru/sites/default/files/462.docx (дата обращения: 05.01.2025).

[2] Приложение № 1 Приказа Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 24 ноября 2008 г. № 662 «О проведении мониторинга реализации региональных программ демографического развития» [Электронный ресурс] // СПС «Кодекс», 2003. URL: https://docs.cntd.ru/document/902131418 (дата обращения: 05.01.2025).

[3] Каберты Н. Г. Демографические прогнозы и демографическая экспертиза, как инструменты повышения качества разработки и реализации социально-экономических проектов и программ региона / Отчёт о НИР: Грант РГНФ № 14–12-15008, 2015.

тены региональные демографические особенности и тенденции воспроизводства населения при подготовке программных документов федерального уровня. Также экспертиза должна предполагать обязательную оценку возможного влияния реализуемых программ и проектов на естественное и миграционное движение населения региона, с возможностью оперативного внесения корректив в эти документы (Каберты, Бекоев, 2024).

Ч. И. Ильдарханова, Г. М. Рустамова и Ю. Н. Ершова раскрывают институционализацию демографической науки, где демографическая экспертиза рассматривается как элемент профессионального стандарта «Демограф». В рамках этого подхода демографическая экспертиза включает моделирование демографических процессов, разработку сценариев, а также информационно-аналитическое обеспечение реализации программ и проектов демографического развития (Ильдарханова, Рустамова, Ершова, 2024).

Исследование А. Ш. Бегиевой и С. Ф. Дзагоева предлагает учитывать социально-экономические предпочтения и мотивации молодых специалистов при оценке эффективности региональных программ, что расширяет рамки демографической экспертизы и делает её методологию более социальной и психологически ориентированной (Бегиева, Дзагоев, 2015).

А. С. Варыгина рассматривает демографическую экспертизу через нормативно-правовые основы оценки демографических процессов, где важное место занимает предварительная социолого-демографическая оценка, а также графоаналитические методы и картографирование как визуальные инструменты оценки демографических процессов (Варыгина, 2017). Аналогично М. А. Беляева указывает на необходимость совершенствования региональной нормативной базы с использованием программно-целевого метода для обеспечения демографической безопасности, где демографическая экспертиза играет важную роль в межведомственной координации и оценке эффективности мер демографической политики (Беляев, 2015).

Д. В. Ноженко выделяет проблемы реализации программно-целевого подхода в управлении демографическими процессами, такие как отсутствие чётких прогнозов, низкое качество разработки демографических программ и недостаточная квалификация разработчиков. Автор подчеркивает необходимость введения обязательной демографической экспертизы на стадии разработки и внедрения региональных программ (Ноженко, 2020). С. А. Сукнёва и вовсе предлагает законодательно установить необходимость предварительной демографической экспертизы всех принимаемых законов, Указов Президента РФ и постановлений Правительства РФ. Экспертиза должна выявлять возможное влияние предлагаемых мер на демографические процессы (как прямое, так и косвенное) и указывать способы предотвращения отрицательных последствий намечаемых решений (Сукнёва, 2013).

И. И. Белобородов рассматривает демографическую экспертизу как метод оценки потенциальных демографических последствий нормативных актов ещё до их принятия[1]. По мнению автора, данная процедура должна включать комплексный анализ предлагаемых законопроектов по широкому спектру показателей, таких как влияние на рождаемость, семейную структуру, миграционные процессы, а также учёт долгосрочных социально-культурных и экономических последствий. Подчёркивается важность превентивного подхода, позволяющего скорректировать законодательные инициативы с целью избежания возможных негативных эффектов на воспроизводство населения

А. И. Антонов в одной из своих работ подчёркивают значимость демографической экспертизы как инструмента, позволяющего своевременно выявлять демографические риски и учитывать их при планировании социально-экономического развития территорий, акцентирует внимание на необходимости включения демографических параметров в комплексный анализ стратегических решений, направленных на управление народонаселением и улучшение демографической ситуации (Антонов, 2009). В статье о демографическом поведении отдельных социально-демографических групп населения отмечается, что демографическая экспертиза целевых программ должна представлять собой регулярный мониторинг, включать комплексную оценку долгосрочных изменений, а участие в ней должны принимать специалисты различных социальных профессий (Шклярук, 2008).

[1] Белобородов И. И. Вспомогательные репродуктивные технологии как фактор демографической деградации (демографическая экспертиза законопроекта «О вспомогательных репродуктивных технологиях» Республики Беларусь) [Электронный ресурс] // Web.Archive.org. URL: https://web.archive.org/web/20160806230006/http://demographia.net/demograficheskaya-ekspertiza-zakonoproekta-o-vspomogatelnyh-reproduktivnyh-tehnologiyah-respubliki (дата обращения: 29.03.2025).

Несмотря на то, что перечисленные выше авторы в своих исследованиях подчёркивают значимость демографической экспертизы как эффективного инструмента для оценки социально-экономических и нормативных документов, никто из них не предлагает методику её проведения. Кроме того, в работах отсутствует апробация методик демографической экспертизы на конкретных региональных документах стратегического планирования. Также стоить отметить, что не было обнаружено англоязычных материалов по данной проблематике.

С целью проведения демографической экспертизы на материалах Республики Тыва необходимо также осуществить обзор литературы, посвящённый анализу текущих демографических показателей и тенденциям рождаемости в регионе.

Демографические тенденции Республики Тыва характеризуются спецификой, отличающей её от большинства российских регионов. В республике отмечается высокий уровень рождаемости, существенно превышающий среднероссийские показатели. В исследовании Т. К. Ростовской, О. А. Золотаревой и Л. А. Давлетшиной выявлено, что суммарный коэффициент рождаемости в Туве в период с 1991 по 2006 г. составил в среднем 2,23 ребенка на женщину репродуктивного возраста, а в последующий период (2007–2021 гг.) вырос до уровня 3,10 ребенка на женщину (Ростовская, Золотарева, Давлетшина, 2023). Такая высокая рождаемость частично обусловлена введением регионального материнского капитала и другими мерами демографической политики, направленными на стимулирование рождаемости.

Е. Е. Тиникова отмечает неравномерность распределения населения по возрасту и полу в Республике Тыва, что влияет на показатели рождаемости и смертности (Тиникова, 2019a). Подобные структурные диспропорции следует учитывать при формировании и реализации региональных программ и экспертных заключений. Также автор подчёркивает, что динамика брачности и разводимости тесно связана со структурными изменениями в городах, этническим составом населения и изменениями в брачно-семейных установках. В Туве, как и в других регионах Южной Сибири, наблюдается рост незарегистрированных браков, повышение разводимости, а также увеличение среднего возраста вступления в брак (Тиникова, 2019b).

С. Н. Филимонов, О. И. Баран и В. А. Рябов в своём исследовании естественного воспроизводства населения Сибирского федерального округа отмечают, что Республика Тыва, наряду с республиками Алтай, Бурятия и Хакасия, демонстрирует относительно благоприятное соотношение рождаемости и смертности по сравнению с другими регионами Сибири (Филимонов, Баран, Рябов, 2019). Несмотря на общее снижение рождаемости после 2017 г., в Туве сохраняется один из самых высоких уровней естественного прироста населения в округе, что может служить сдерживающим фактором депопуляции в ближайшие годы. В то же время авторы выражают озабоченность по поводу тенденции увеличения естественной убыли в долгосрочной перспективе, обусловленной последствиями демографической «впадины» 1990-х гг. и сокращением численности женщин репродуктивного возраста.

Республика Тыва характеризуется устойчивым естественным приростом населения, регион остается одним из лидеров в России по коэффициенту рождаемости, несмотря на сложную экономическую ситуацию и социальные проблемы (Мандыт, 2017).

Сравнительный анализ этнодемографических характеристик молодежи в Республиках Тыва и Башкортостан подчеркнул устойчивость традиционных семейных и репродуктивных установок среди молодежи Тувы, несмотря на нарастающие процессы урбанизации и модернизации (Гайфуллин, 2022). Этнодемографические характеристики молодежных групп Тувы демонстрируют доминирование традиционного поведения среди коренного населения, что проявляется в относительно ранних браках и высокой рождаемости (Анайбан, 2016).

Факторный анализ рождаемости в северных регионах России указал на существенное влияние экономических и инфраструктурных факторов на рождаемость, что также актуально для Тувы (Зырянова, Попова, 2018). Демографическое развитие Тувы во многом связано с экономическим состоянием региона, и важность поддержки рождаемости через экономические инструменты (материнский капитал, социальная помощь) для долгосрочного развития региона (Монгуш, 2021). Исследования подчеркивают необходимость разработки регионально-специфических программ стимулирования рождаемости.

Нельзя не отметить значительный вклад миграции в демографическое развитие Тувы. Отмечается значительный отток русского населения и постепенное увеличение миграционного оттока моло-

дежи, обусловленного отсутствием рабочих мест и низкими доходами (Абылкаликов, 2021). Специфика Тувы также выражена в высоком естественном приросте, который обусловлен высокой рождаемостью, особенно среди сельского населения и коренного этноса (тувинцев), несмотря на проблемы миграционного оттока в крупные города России (Абылкаликов, Баймурзина, 2022).

Ведущую роль в поддержке и стимулировании демографического развития Республики Тыва играет региональная программа, утвержденная Постановлением Правительства Республики Тыва № 462 от 30 июня 2023 г. программа «Повышение рождаемости в Республике Тыва на период 2023-2025 годов»[1]. Программа разработана Министерством труда и социальной политики Республики Тыва. Целью ее является выработка эффективных мер, влияющих на репродуктивное поведение населения и общее число рождений, а также определение целевых значений показателей рождаемости в Республике Тыва. Задачи программы: 1) комплексный анализ демографической ситуации в Республике Тыва на основе оценки демографического потенциала; 2) определение перечня факторов, влияющих на репродуктивное поведение населения и общее число рождений в Республике Тыва; 3) определение и обоснование целевых значений общего числа рождений в регионе на период 2023–2025 гг. и на перспективу до 2030 г.; 4) формирование аналитической основы для разработки комплекса республиканских мер повышения рождаемости (Программы) и поддержки семей с детьми, способствующих достижению целевых показателей общего числа рождений в регионе, на период 2023–2025 гг.; 5) формирование комплекса республиканских мер повышения рождаемости с учетом анализа сложившейся демографической ситуации и действующего пакета мер.

Реализация программы возложена на ряд министерств и ведомств республики: министерство здравоохранения, министерство труда и социальной политики, министерство культуры, министерство образования, агентство по делам молодежи, министерство юстиции, а также органы местного самоуправления. Всего в рамках программы предусмотрено 18 целевых мероприятий, в том числе:

1) внедрение в работу врачей женских консультаций медицинских организаций государственной системы здравоохранения Республики Тыва речевых модулей для создания у женщин положительных установок на рождение детей в ситуации репродуктивного выбора;

2) обеспечить мониторинг проведения мотивационного анкетирования всех женщин, обратившихся за медицинской услугой по прерыванию беременности;

3) психологическое сопровождение беременных женщин, отказавшихся прервать беременность, до момента родов.

Имеющиеся исследования показывают, что Республика Тыва характеризуется уникальной для российских регионов демографической ситуацией, которая определяется устойчиво высоким уровнем рождаемости и стабильным естественным приростом населения. Вместе с тем, демографическое развитие региона сопровождается целым рядом серьёзных вызовов, таких как постепенное увеличение возраста матери при рождении первого ребёнка, рост среднего возраста вступления в брак и значительный миграционный отток, особенно среди молодёжи. Для успешной реализации региональной демографической политики, направленной на повышение рождаемости, необходимо учитывать эти факторы, а также специфические этнокультурные и социально-экономические условия Тувы.

Проведение демографической экспертизы региональной программы «Повышение рождаемости в Республике Тыва на период 2023–2025 годов», станет важным инструментом оценки и повышения эффективности стратегических мер, направленных на улучшение демографической ситуации в республике.

Впервые представленная в данной статье авторская методика демографической экспертизы основана на сочетании формализованного экспертного анализа содержания стратегических документов с инструментарием количественного сценарного моделирования демографических процессов.

[1] Постановление Правительства Республики Тыва от 30.06.2023 № 462 «Об утверждении региональной программы Республики Тыва “Повышение рождаемости в Республике Тыва на период 2023–2025 годов”» [Электронный ресурс] // Правительство Республики Тыва, 2023. URL: http://www.npa.rtyva.ru/sites/default/files/462.docx (дата обращения: 05.01.2025).

Методика проведения демографической экспертизы

На сегодняшний день существует несколько методик прогнозирования основных демографических показателей на среднесрочную перспективу: интерполяционный метод, аналитический метод, метод передвижки возрастов (также называемый методом компонент) и методы, основанные на теории циклического этногенеза. Наиболее изученным, популярным и достоверным на данный момент считается метод передвижки возрастов, который был разработан американским демографом П. К. Уэлптоном в первой четверти XX в. (Whelpton, 1928).

Метод передвижки возрастов представляет собой математическую модель, описывающую динамику движения населения. В его основе лежит статистическая информация о численности населения на последний известный момент времени (год), с распределением по возрастным группам и полу. В дальнейшем, в каждом следующем году численность населения корректируется с учётом воздействия различных демографических факторов. Таким образом, каждый человек, рассматриваемый как единица, «передвигается» по возрастной группе, то есть его возраст увеличивается на один год в каждом прогнозируемом периоде. В ходе этого процесса с заданной вероятностью учитываются такие демографические явления, как смерть, воспроизводство (рождение детей) или миграция (переезд на территорию или её покидание).

Математически это выглядит как формула (1):

$$\mathbf{P}_{x+1} = \mathbf{P}_x \frac{\mathbf{L}_{x+1}}{\mathbf{L}_x} + \mathbf{МС} \quad (1)$$

где $\mathbf{P}_x$ — численность возрастной группы «*x*», $\mathbf{P}_{x+1}$ — численность возрастной группы «*x*+1» (следующий год), $\frac{\mathbf{L}_{x+1}}{\mathbf{L}_x}$ —коэффициент передвижки в следующий возраст (вероятность жить в возрасте «*x*+1»), **МС** — миграционное сальдо (Назаров, Носова, 2009).

Приведённая выше формула является наиболее кратким её вариантом. Метод передвижки возрастов — это многофакторное демографическое прогнозирование. Точное число таких факторов в научной литературе не определено и может варьироваться в зависимости от качества статистического источника и полноты располагаемой информации об объекте прогнозирования. Обязательными факторами являются: средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении, суммарный коэффициент рождаемости (СКР), суммарный коэффициент смертности. С увеличением количества факторов увеличивается точность демографического прогноза, однако сильно возрастает сложность вычислений.

В результате усложнения задач демографического прогнозирования и развития информационных технологий было разработано программное средство ДемПродж (DemProj). Модель ДемПродж была впервые создана в 1980 году американским учёным и бизнесменом Д. Стоувером[1]. С тех пор она используется Организацией Объединённых Наций, а также исследователями-демографами для прогнозирования численности и структуры населения как небольших государств, так и отдельных территориальных образований внутри стран. Этот инструмент позволяет спрогнозировать численность населения и связанные с ней демографические показатели на период до 150 лет от исходного года. На сегодняшний день модель ДемПродж поставляется в составе бесплатного программного комплекса Спектрум (Spectrum) компании Avenir Health[2]. В данном исследовании использовалась версия Spectrum v. 6.4.

В качестве основы для расчётов использовались следующие данные Росстата: численность населения Республики Тыва на 01.01.2024 г. по полу и однолетним возрастным группам[3], фактические[4]

[1] Stover D., Kirmeyer S. DemProj Manual: a computer program for making population projections. The Futures Group International, 2007. P. 5–6.

[2] Spectrum [Электронный ресурс] // Avenir Health. 2025. URL: https://avenirhealth.org/software-spectrum.php (дата обращения: 28.02.2025).

[3] 23110000100030200004 Численность постоянного населения — женщин по возрасту на 1 января [Электронный ресурс] // Витрина статистических данных: Росстат. 2024. URL: https://showdata.gks.ru/report/278938/ (дата обращения: 28.02.2025); 23110000100030200003 Численность постоянного населения — мужчин по возрасту на 1 января [Электронный ресурс] // Витрина статистических данных: Росстат. 2024. URL: https://showdata.gks.ru/report/278936/ (дата обращения: 28.02.2025).

[4] Суммарный коэффициент рождаемости [Электронный ресурс] // ЕМИСС. 2024. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/31517 (дата обращения: 28.02.2025).

и прогнозные[1] значения суммарного коэффициента рождаемости Республики Тыва на период до 2045 г., прогнозные значения средней ожидаемой продолжительности жизни при рождении Республики Тыва на период до 2045 г.[2], фактические возрастные коэффициенты рождаемости[3] и возрастные коэффициенты смертности[4] Республики Тыва (принимаемые константой на весь прогнозируемый период до 2045 г.).

Авторская методика проведения демографической экспертизы предполагает два этапа.

Первый этап — экспертная оценка содержания документа. На этом этапе проводится анализ программы на соответствие действующему законодательству Российской Федерации, полноту представленных мероприятий, их логическую взаимосвязь с заявленными целями и современными научными концепциями демографической политики. Эксперт также оценивает наличие необходимой информации (например, ресурсов финансирования, ответственных исполнителей, целевых индикаторов), достаточной для проведения всесторонней экспертизы. В случае выявления пробелов (дефицитных данных о финансовых затратах, неучтённых факторах и пр.) фиксируются ограничения для дальнейшей оценки эффективности программы.

Второй этап — сценарное прогнозирование демографических последствий реализации мероприятий. Разрабатываются и сопоставляются два сценария развития демографической ситуации: «базовый» (в отсутствие рассматриваемых мер) и «целевой» (при условии реализации программы). Критерием эффекта программы выступает разница между числом рождений (и связанными показателями рождаемости) в целевом и базовом сценариях. Такой подход позволяет количественно оценить влияние предлагаемых мероприятий на динамику рождаемости и численность населения. Само по себе демографическое прогнозирование не является новшеством, однако впервые применяется в отношении моделирования последствий реализации документов стратегического планирования.

Авторская методика демографической экспертизы разработана в ответ на существующий дефицит унифицированных процедур анализа влияния стратегических документов на демографические процессы. В отличие от традиционных подходов, основанных преимущественно на качественной экспертной оценке или статистическом мониторинге, предложенная методика опирается на комбинацию двух взаимодополняющих аналитических инструментов: экспертного анализа содержательной части документа и имитационного сценарного моделирования демографических последствий. Её новизна заключается в интеграции формализованного анализа текста управленческого документа с количественным прогнозированием демографических показателей на основе метода передвижки возрастов.

Таким образом, методика соединяет в себе элементы правовой экспертизы, политической оценки и демографического моделирования, обеспечивая воспроизводимую, проверяемую и прикладную оценку ожидаемого эффекта от реализации конкретных мероприятий. Это позволяет не только судить о качестве программных документов, но и предлагать количественно верифицируемые прогнозы и управленческие рекомендации. Её прикладной потенциал заключается в возможности сравнительного сценарного анализа, позволяющего моделировать демографические последствия с различной степенью интервенции управленческих мер, что особенно актуально в условиях демографической неопределённости и бюджетных ограничений.

[1] Суммарный коэффициент рождаемости / Демографический прогноз [Электронный ресурс] // Управление Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва. 2025. URL: https://24.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Суммарный%20коэффициент%20рождаемости_РТ.xlsx (дата обращения: 28.02.2025).

[2] Ожидаемая продолжительность жизни при рождении / Демографический прогноз [Электронный ресурс] // Управление Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва. 2025. URL: https://24.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Ожидаемая%20продолжительность%20жизни%20при%20рождении_РТ.xlsx (дата обращения: 28.02.2025).

[3] Возрастные коэффициенты рождаемости / Демографический прогноз [Электронный ресурс] // Управление Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва. 2025. URL: https://fedstat.ru/indicator/30973 (дата обращения: 28.02.2025).

[4] Возрастные коэффициенты смертности / Демографический прогноз [Электронный ресурс] // Управление Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва. 2025. URL: https://fedstat.ru/indicator/30974 (дата обращения: 28.02.2025).

Экспертная оценка содержания программы

Региональная программа Республики Тыва включает ряд конкретных мер и мероприятий, направленных на стимулирование рождаемости (материальная поддержка семей с детьми, пропаганда традиционных семейных ценностей, повышение доступности услуг репродуктивного здоровья, профилактика абортов и др.). Для проведения первого этапа экспертизы проанализируем содержание документа.

Во-первых, Постановление Правительства Республики Тыва от 30.06.2023 № 462 «Об утверждении региональной программы Республики Тыва "Повышение рождаемости в Республике Тыва на период 2023–2025 годов"» (далее — Программа) в полной мере соответствует действующему федеральному законодательству и не противоречит положениям следующих документов:

1) Национальным целям развития РФ на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г.[1];

2) Стратегии национальной безопасности РФ[2];

3) Стратегии научно-технологического развития РФ[3];

4) Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 г.[4];

5) Показателям оценки эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов РФ и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации[5];

6) Концепции демографической политики РФ на период до 2025 г.[6] и плану по её реализации[7];

7) Концепции государственной семейной политики в РФ на период до 2025 г.[8];

8) Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в РФ до 2036 г.[9];

9) Национальному проекту «Демография»[10];

---

[1] Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России, 2024. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542 (дата обращения: 08.05.2025).

[2] Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС «Гарант», 2021. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401325792/ (дата обращения: 08.05.2025).

[3] Указ Президента Российской Федерации от 01.12.2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России, 2016. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449 (дата обращения: 08.05.2025).

[4] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13.02.2019 г. № 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Правительства России, 2019. URL: http://static.government.ru/media/files/UVAlqUtT08o60RktoOXl22JjAe7irNxc.pdf (дата обращения: 08.05.2025).

[5] Указ Президента Российской Федерации от 28.11.2024 г. № 1014 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Правительства России, 2024. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202411280003?index=5 (дата обращения: 08.05.2025).

[6] Указ Президента Российской Федерации от 09.10.2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс] // СПС «Гарант», 2007. URL: https://base.garant.ru/191961/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/ (дата обращения: 08.05.2025).

[7] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 16.06.2021 г. № 2580-р «Об утверждении плана мероприятий по реализации в 2021–2025 годах Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс] // СПС «Кодекс», 2021. https://docs.cntd.ru/document/608644722 (дата обращения: 05.05.2025).

[8] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25.08.2014 года № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс] // СПС «Кодекс», 2014. URL: https://docs.cntd.ru/document/420217344 (дата обращения: 08.05.2025).

[9] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 15.03.2025 г. № 615-р «Об утверждении Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Правительства России, 2025. URL: http://static.government.ru/media/files/r10o4FJgcqMhYx2bGAJRxMNNS2m7pmN4.pdf (дата обращения: 08.05.2025).

[10] Паспорт национального проекта «Демография» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Правительства России, 2018. URL: http://static.government.ru/media/files/Z4OMjDgCaeohKWaA0psu6lCekd3hwx2m.pdf (дата обращения: 08.05.2025).

10) Основам государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей[1];

11) Мерам по реализации демографической политики РФ[2];

12) Мерам социальной поддержки многодетных семей[3];

13) Методическим рекомендациям по оценке демографического потенциала субъекта РФ и разработке региональных программ по повышению рождаемости[4];

14) Методическим рекомендациям по актуализации региональных программ по повышению рождаемости[5].

Во-вторых, Программа сформулирована в соответствии с федеральными приоритетами демографической политики (направлена исключительно на рост рождаемости), содержит диагностику демографической ситуации в регионе и устанавливает целевые показатели. Программа отличается достаточной полнотой и четкостью структуры: представлены конкретные целевые показатели, указаны ответственные органы исполнительной власти, предусмотрены механизмы мониторинга и отчетности. Вместе с тем, необходимо отметить отсутствие в постановлении детализированного финансового обеспечения мероприятий, что ограничивает возможность оценки их реализации. В случае, если бы такие данные были бы предоставлены, то была бы возможность оценить эффективность затраченных средств и даже рассчитать в сколько рублей для бюджета республики обходится одно дополнительное рождение. В связи с этим, первым результатом проводимой экспертизы является рекомендация дополнить документ конкретизацией бюджетного сопровождения по всем предусмотренным мероприятиям.

Региональная программа направлена на устранение причин снижающейся рождаемости и стимулирование деторождения в Туве. Мероприятия программы можно разделить на три ключевых блока:

— *предотвращение абортов и укрепление репродуктивного здоровья*. Введение специальных «речевых модулей» в консультациях для создания у женщин позитивной установки на рождение ребенка при возникновении репродуктивного выбора. Все обратившиеся за прерыванием беременности женщины проходят мотивационное анкетирование, им предлагается психологическая поддержка при отказе от аборта вплоть до родов. Одновременно организовано информирование беременных о доступных мерах федеральной и региональной поддержки, включая помощь кризисных центров. Предусмотрена широкая просветительская кампания по вопросам охраны репродуктивного здоровья, нравственно-полового воспитания молодежи и профилактики ВИЧ. Такие меры призваны сократить число абортов и нежелательных беременностей, что прямо увеличивает число рождающихся детей. Например, если значительная часть женщин вместо аборта сохранит беременность, ожидается рост числа рождений;

— *социальная и медицинская поддержка рождения детей*. Программа расширяет возможности лечения бесплодия: запланировано выполнение необходимых объемов экстракорпорального оплодо-

[1] Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России, 2022. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502 (дата обращения: 08.05.2025).

[2] Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 г. № 606 «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России, 2012. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/35270 (дата обращения: 08.05.2025).

[3] Указ Президента Российской Федерации от 23.01.2024 г. № 63 «О мерах социальной поддержки многодетных семей» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России, 2024. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50259 (дата обращения: 08.05.2025).

[4] Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 05.05.2023 г. № 436 «Об утверждении Методических рекомендаций по оценке демографического потенциала субъекта Российской Федерации и разработке региональных программ по повышению рождаемости» [Электронный ресурс] // СПС «Гарант», 2023. URL: https://base.garant.ru/407059954/f7ee959fd36b5699076b35abf4f52c5c/ (дата обращения: 05.05.2025).

[5] Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 31.07.2024 г. № 387 «Об утверждении методических рекомендаций по актуализации региональных программ по повышению рождаемости» [Электронный ресурс] // СПС «Кодекс», 2024. URL: https://docs.cntd.ru/document/1306997950 (дата обращения: 05.05.2025).

[6] Обязательное медицинское страхование.

творения (ЭКО) за счет средств ОМС[6] для семей, страдающих бесплодием. Для женщин, решивших сохранить беременность, повышается доступность услуг по уходу за детьми — акцент сделан на 100%-е обеспечение мест в дошкольных организациях для детей от 2 месяцев до 7 лет, в том числе приоритетное устройство в ясли детей женщин, отказавшихся от аборта. Также предусмотрены субсидии малоимущим семьям на оплату жилья и коммунальных услуг, продление групп продленного дня для детей младшего возраста, то есть меры, снижающие финансовую нагрузку на семьи с детьми. Хотя прямых новых денежных выплат за рождение программа не вводит, перечисленные меры опосредованно улучшают условия для воспитания детей, что может стимулировать семьи решаться на рождение еще одного ребенка;

— *формирование мотивации к многодетности и поддержка семейных ценностей*. Программой запущена информационно-коммуникационная кампания, продвигающая позитивный образ семьи с несколькими детьми и традиционные семейные ценности. Цель — повысить престиж родительства и число молодых «полноценных семей» с тремя и более детьми. Дополнительно, для студенческих семей введены адресные льготы: студенткам, родившим ребенка во время обучения, гарантирован перевод на бюджетное место, а семьям с детьми предоставляется общежитие вне очереди. Данные меры призваны устранить препятствия для рождения детей в молодом возрасте (страх «не потянуть» учебу или быт) и тем самым снизить откладывание деторождения.

В совокупности указанные шаги формируют более благоприятную среду для рождения детей, однако, вследствие их опосредованного характера, не затрагивающего первопричины снижения рождаемости (откладывание рождения детей, финансовые трудности молодых семей и др.), их ожидаемый эффект на суммарный коэффициент рождаемости (далее — СКР) носит умеренный характер. Важно, что программа преимущественно опирается на нематериальные стимулы (консультирование, информирование, организационные улучшения) и частично на косвенную финансовую поддержку (субсидии, услуги ухода за детьми) — новых прямых выплат за рождение ребенка не предусмотрено. Предшествующие исследования показывают, что наиболее существенные всплески рождаемости происходили в ответ на весомые материальные стимулы (Ростовская, Золотарева, Давлетшина, 2023). Так, после введения в 2007 г. федерального материнского капитала СКР в Туве за год вырос на 26,9% . В 2011 г. в республике ввели региональный семейный капитал при рождении третьего ребенка, что также сопровождалось заметным ростом рождаемости (+7,3% за 2011 г.). Впоследствии, однако, эффект стимулирующих мер ослабевал: после пика СКР = 3,485 (2014 г.) началось снижение до 2,292 к 2024 г., а с

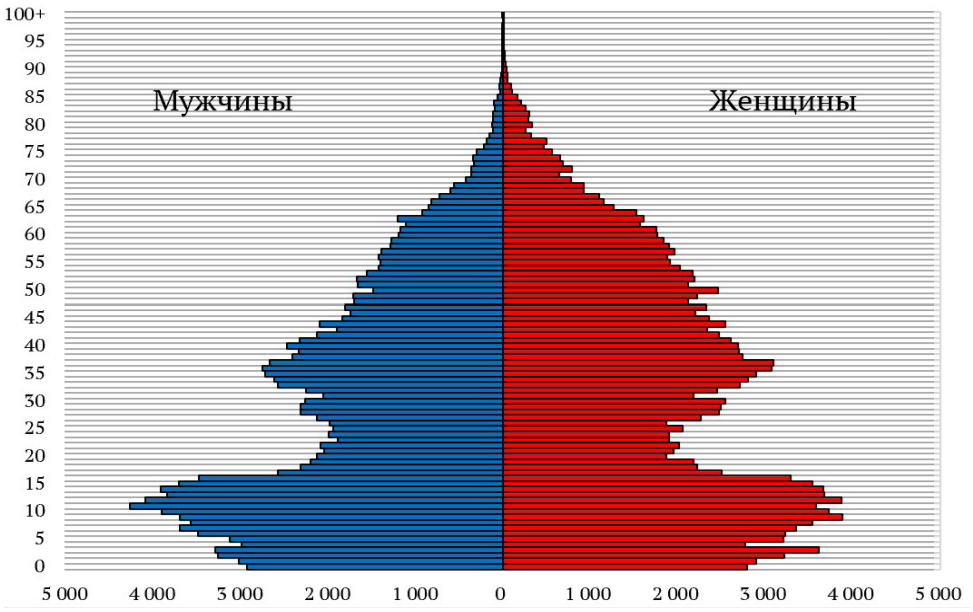

Рис. 1. Половозрастная пирамида населения Республики Тыва по однолетним группам на 01.01.2024, человек.
Fig. 1. Age and sex pyramid of the population of the Republic of Tuva by one-year groups as of 01.01.2024, people.

2014 по 2024 гг. фиксировалось падение СКР на 7–8% ежегодно. Это свидетельствует, что разовые меры могут давать временный подъем рождаемости, но для долгосрочного поддержания высокого уровня требуются постоянные усилия, а также своевременная индексация выплат.

Возрастно-половая структура населения Республики Тыва на 01.01.2024 г. представлена на *рисунке 1*. Она характеризуется преобладанием молодых возрастов: доля детей и молодежи весьма высока (пирамида имеет широкое основание) при относительно узкой вершине (доля детей 0–14 лет превышает 30% от общей численности населения). Такое «молодое» население создаёт потенциал для естественного прироста — численность женщин репродуктивного возраста в ближайшие годы останется значительной. По данным Росстата, на 1 января 2023 г. в Тыве проживало ~327 тыс. человек, при этом городское население превышает сельское. С 2010 по 2024 гг. численность населения увеличивалась — с ≈306 до ≈333 тыс. чел., главным образом за счёт высокого естественного прироста. Ежегодно рождается значительно больше, чем умирает (например, в 2021–2023 гг. естественный прирост ≈2,5–3 тыс. человек в год). Одновременно республика сталкивается с оттоком населения: миграционное сальдо отрицательное (в последние годы убыль ≈0,5 тыс. человек ежегодно)[1].

Исходя из ретроспективных данных, можно ожидать, что текущая региональная программа (2023–2025 гг.), не содержащая эквивалента материнского капитала, скорее всего обеспечит невысокий рост СКР либо предотвратит его дальнейшее падение, нежели вызовет новый «демографический бум». Косвенно оценить возможный масштаб влияния можно по плановым индикаторам самой программы. Правительство Республики Тыва заложило целевые показатели: 5900 рождений в 2023 г., 6000 — в 2024 г. и 6100 — в 2025 г., что примерно на 5–10% выше недавних уровней (в 2022 г. родилось около 5550 детей, в 2023 г. — ≈5800). Таким образом, ожидаемый эффект — порядка +8–9% к СКР (например, рост с ≈2,3 до ≈2,5 детей на женщину к 2025 г.). Если меры сработают успешно (прежде всего удастся сократить число абортов и стимулировать рождение третьих детей в молодых семьях), суммарный коэффициент рождаемости в Туве может действительно повыситься в указанном диапазоне. В противном случае, при недостаточной результативности, прироста СКР может не произойти — тогда рождаемость продолжит следовать общероссийскому тренду на снижение из-за уменьшения числа женщин репродуктивного возраста и изменения установок на количество желаемых и ожидаемых детей. В целом же, учитывая молодой возрастной состав населения Тувы и традиционно высокую рождаемость в регионе (Тува занимает 2-е место в РФ по СКР после Чечни, обеспечивая расширенное воспроизводство населения)[2], даже небольшое позитивное влияние программы способно поддержать рождаемость на уровне выше среднего по стране.

Проведение первого этапа демографической экспертизы основывается на структурированной процедуре анализа нормативного документа, включающей проверку на соответствие федеральным стратегическим и нормативно-правовым ориентирам, выявление полноты и логической согласованности предложенных мероприятий, а также выявление пробелов в содержании (например, отсутствие финансово-экономического обоснования или недостаточная конкретизация механизмов реализации). Отличительной особенностью технологии применения авторской методики на данном этапе является формализация критериев оценки качества управленческого документа: экспертное заключение формируется не на интуитивной или описательной основе, а с использованием заранее заданной системы показателей соответствия и достаточности. Это позволяет обеспечить воспроизводимость анализа и его адаптацию к другим программам стратегического планирования в сфере демографии.

По результатам проведённой экспертной оценки можно заключить, что Программа соответствует стратегическим ориентирам демографической политики, однако недостаток сведений о ресурсах оставляет открытым вопрос о реальной исполнимости всех мер. Полученные на первом этапе выводы становятся основой для сценарного прогнозирования на втором: установленные цели и индикаторы программы (в том числе заявленные приросты рождаемости), а также степень соответствия мероприятий заявленным целям используются как отправные гипотезы для построения целевого сце-

[1] Миграционный прирост населения [Электронный ресурс] // ЕМИСС. 2024. URL: https://fedstat.ru/indicator/46162 (дата обращения: 05.05.2025).
[2] Суммарный коэффициент рождаемости [Электронный ресурс] // ЕМИСС. 2024. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/31517 (дата обращения: 28.02.2025).

нария демографического развития. Иными словами, количественная часть экспертизы базируется на содержательных характеристиках документа, что обеспечивает логическую связку между качественным и численным анализом.

Сценарное прогнозирование демографических последствий реализации мероприятий программы

В соответствии с вышеизложенной экспертизой программы построены два варианта динамики суммарного коэффициента рождаемости, которые представлены на *рисунке 2*, где показана расчётная траектория СКР при отсутствии эффекта от программы (красная линия) и при реализации мер программы (зелёная линия). Чёрным крестом отмечен фактический уровень 2023 г. (2,4 рождения на женщину). В целевом сценарии к 2025 г. СКР повышается до ≈2,5 (примерно на 8% выше базового), а затем медленно снижается до ≈2,3 к 2045 г. В базовом же варианте продолжается постепенное падение показателя — до ≈1,8 к 2045 г.

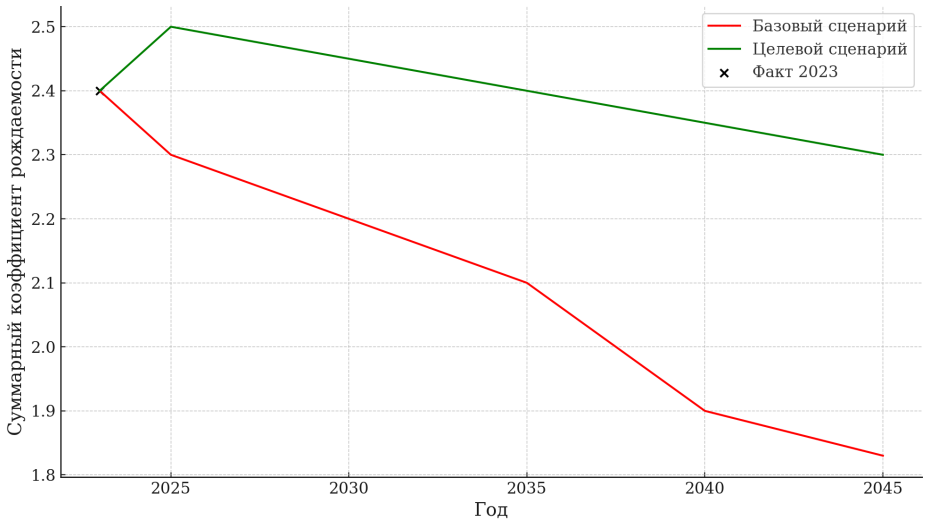

Рис. 2. Прогноз динамики суммарного коэффициента рождаемости Республики Тыва в базовом и целевом сценариях, 2023–2045 гг.
Fig. 2. Forecast of the dynamics of the total fertility rate of the Republic of Tuva in the baseline and target scenarios, 2023–2045.

Базовый сценарий (без дополнительного эффекта от программы). Предполагается, что СКР будет и дальше постепенно снижаться под влиянием общемирового тренда[1]. После значения ≈2,4 в 2023 г. ожидается снижение до ≈2,3 к 2025 г. и дальнейшее плавное опускание показателя до ~1,8 к середине 2040-х гг. Таким образом, даже к 2045 г. рождаемость в Тыве останется выше минимальных значений, наблюдавшихся в России за период 1990–2023 гг. (для сравнения: минимальный уровень СКР по регионам РФ в новейшей истории отмечен около 1,06, а антирекорд по стране — ≈1,16 в 1999 г.). Однако тенденция будет направлена на сближение с общероссийским уровнем.

Целевой сценарий (реализация мер программы). Здесь заложен положительный эффект мер 2023–2025 гг. на репродуктивное поведение. СКР в 2024–2025 гг. прогнозируется несколько выше, чем в базовом варианте: около 2,45–2,5 (против ≈2,3 без программы). Это соответствует выполнению целевых показателей — прирост числа рождений на ≈8–10%. В дальнейшем, после 2025 г., эффект мер может частично сойти на нет, однако задел в виде более высокой рождаемости и продолжение демографической политики (возможно, новых мер поддержки семей) позволят дольше удерживать СКР на повышенных уровнях. Мы предполагаем лишь умеренное снижение СКР в целевом сценарии —

[1] Roser M. The global decline of the fertility rate [Электронный ресурс] // UN — World Population Prospects, 2024. URL: https://ourworldindata.org/global-decline-fertility-rate (дата обращения: 08.05.2025).
[2] Суммарный коэффициент рождаемости / Демографический прогноз [Электронный ресурс] // Управление Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва. 2025. URL: https://24.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Суммарный%20коэффициент%20рождаемости_PT.xlsx (дата обращения: 28.02.2025).

с ≈2,5 до ≈2,3 к 2045 г. (то есть сохранение уровня воспроизводства близкого к простому замещению поколений). Именно такой СКР прогнозируется Росстатом в базовом сценарии прогноза, который рассчитывался в 2022 г.[2] Отметим, что даже в целевом варианте показатель не достигает рекордных для Тувы значений прошлых лет (ниже 3,5 детей на женщину, зафиксированных в 2014 г.), оставаясь в рамках реализованных в РФ диапазонов.

Таким образом, оба сценария соответствуют разумным ограничениям: СКР не выходит за пределы минимальных и максимальных значений, наблюдавшихся в Туве за последние десятилетия. В 2024 г. разброс региональных значений СКР составлял от 0,89 в Ленинградской области и 0,99 в г. Севастополе, до 2,67 и 2,29 — в Чечне и Туве соответственно. В нашем прогнозе базовый СКР к 2045 г. (1,8) остается выше общероссийского минимума, а целевой (2,3) — ниже исторического пика Тувы в современной российской истории в 3,34, который наблюдался в 2014 г, что подтверждает реалистичность заданных ограничений.

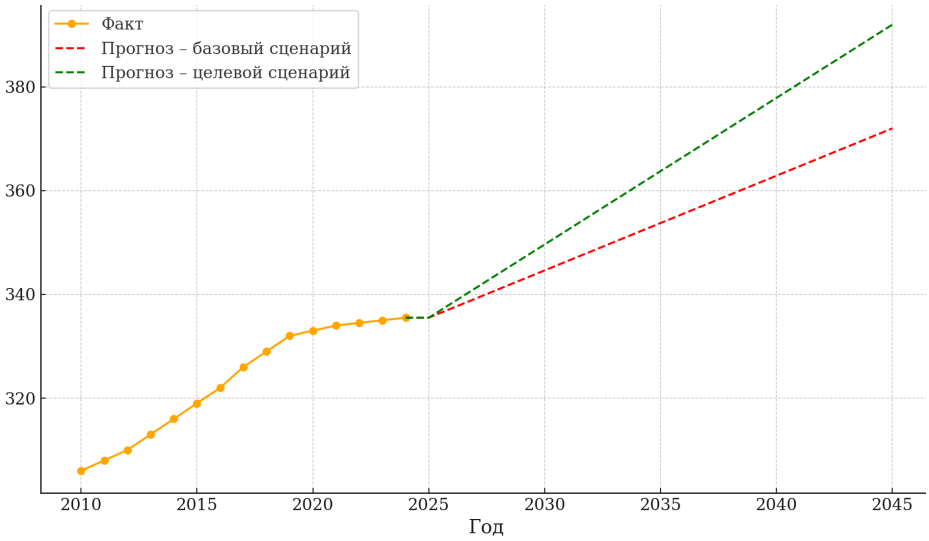

Рис. 3. Динамика численности населения Республики Тыва: фактические значения 2010–2024 гг. и прогнозные значения 2025–2045 гг. в базовом и целевом сценариях, тыс. человек
Fig. 3. Population dynamics of the Republic of Tuva: actual values for 2010–2024 and projected values for 2025–2045 in the baseline and target scenarios, thousand people

На *рисунке 3* показана динамика общей численности населения Тувы в 2010–2024 гг. (факт) и рассчитанная траектория до 2045 г. по двум сценариям. В нашем прогнозе миграция не учитывается (оба сценария построены при нулевом миграционном приросте), чтобы изолированно оценить влияние разных траекторий рождаемости. Следовательно, полученные значения несколько завышают возможную численность населения (при сохранении миграционного оттока реальные цифры были бы ниже), однако разница между базовым и целевым сценариями обусловлена именно изменениями рождаемости.

На *рисунке 3* видно, что в базовом сценарии численность продолжит увеличиваться за счёт молодого состава населения и инерционно высокой рождаемости, однако темпы прироста будут постепенно замедляться. Численность населения (при отсутствии миграции) возрастет с ≈333 тыс. чел. в 2024 г. до ≈372 тыс. к 2045 г. Наоборот, в целевом сценарии более высокий уровень рождаемости обеспечивает бóльший естественный прирост, и население достигнет ≈392 тыс. человек к 2045 г., что на ≈5,5% выше, чем в базовом варианте. Иными словами, реализация мер программы способна дать прибавку порядка +20 тыс. населения за два десятилетия по сравнению с базовым сценарием. Различия между кривыми начинают заметно нарастать после 2030 г., когда в детородный возраст войдут те поколения, рождаемость которых была повышена программой. Даже в базовом варианте население Тувы (без учета миграции) не сокращается — сохраняется естественный прирост, хотя и снижающийся ко времени исчерпания демографического потенциала молодежи. В целевом же варианте кривая численности лежит выше и растет быстрее.

Технология применения авторской методики на втором этапе включает чёткий алгоритм сценарного прогнозирования. На первом шаге определяются исходные параметры (численность населения по возрастным когортам и полу, текущий суммарный коэффициент рождаемости, возрастные коэффициенты рождаемости и смертности и ожидаемая продолжительность жизни). Далее формулируются гипотезы относительно изменения этих показателей в двух сценариях (базовом и целевом). Затем производится количественная оценка демографических последствий реализации программных мероприятий с помощью метода передвижки возрастов, реализованного в программном комплексе Spectrum (модуль DemProj). Отличием предложенного подхода является то, что для целевого сценария используются целевые показатели самой оцениваемой программы, ранее проверенные на этапе экспертной оценки, а для базового сценария — ретроспективные тренды демографических процессов. Таким образом, количественное моделирование последствий основывается на выводах первого этапа экспертизы и позволяет получить прогноз, непосредственно связанный с содержанием и качеством программного документа. В результате методика обеспечивает целостность и взаимосвязь между качественным анализом и количественными прогнозами, что существенно повышает её научную и прикладную ценность.

Сценарное прогнозирование на втором этапе осуществляется в строгой увязке с результатами первого этапа экспертизы. Целевые индикаторы программы, выявленные ограничения (например, отсутствие прямых выплат или недостаточная детализация мер), а также структура возрастно-полового состава населения становятся входными условиями для построения прогностических сценариев. Сценарное прогнозирование не проводится изолированно от содержательной оценки программы, а, напротив, строится на её основе: задаются реалистичные и логически вытекающие параметры изменения СКР, согласованные с заявленными целями и масштабом мер. Таким образом, численные сценарии выступают как инструмент верификации ожидаемого эффекта программы и позволяют количественно выразить демографический результат, достижение которого возможно при полном и своевременном выполнении предусмотренных мероприятий.

Заключение

Проведенная демографическая экспертиза региональной программы «Повышение рождаемости в Республике Тыва на период 2023–2025 годов», утверждённой Постановлением Правительства Республики Тыва № 462 от 30.06.2023 г. показывает, что она имеет шансы несколько повысить рождаемость, прежде всего за счёт снижения числа абортов и небольшого смягчения экономических и социальных барьеров для семей с детьми. Однако отсутствие информации о финансировании мероприятий ограничивает возможности проведения демографической экспертизы в части экономической оценки эффективности затрачиваемых средств регионального бюджета.

Ожидаемый рост СКР на 2023–2025 гг. оценивается в несколько процентов (ориентировочно до +5-10% относительно тренда, т. е. вместо дальнейшего падения до ≈2,2 произойдет стабилизация на уровне ≈2,4–2,5). В исторической ретроспективе это сравнительно скромный эффект — например, введение маткапитала давало скачки >25%. Однако для Тувы даже удержание рождаемости на высоком уровне будет успехом: регион уже сейчас выделяется одним из самых высоких СКР в России, и дополнительный прирост рождений укрепит его демографический потенциал.

Если же программа не будет иметь прогнозируемого эффекта, велика вероятность продолжения плавного снижения рождаемости под влиянием общемирового тренда (сдвиг деторождения на более поздний возраст, стремление к меньшему числу детей и т. д.). Прогноз численности населения на период до 2045 г. демонстрирует, что в любом из сценариев естественный прирост в Туве сохранится еще длительное время благодаря молодому населению. Тем не менее, разница между сценариями весьма показательна: в условном отсутствии программы численность к 2045 г. на ≈20 тыс. человек меньше, чем при условии реализации всех задуманных мер поддержки семей. Иными словами, комплекс мер демографической политики способен увеличить население Тувы примерно на 5% к середине века по сравнению с базовой траекторией. Хотя программа региональная и относительно малозатратная (многие мероприятия не требуют финансирования), её вклад в демографическое развитие республики может оказаться существенным. Главное — достигнуть заявленных целевых показателей рождаемости и закрепить положительные тенденции на долгосрочную перспективу.

Без целенаправленных мероприятий ожидается дальнейшее снижение рождаемости и сокращение естественного прироста, что в перспективе усиливает риск депопуляции. Внедрение же запланированных мер — включая поддержку семей с детьми, укрепление репродуктивного здоровья, профилактику абортов и другие инициативы — способно частично переломить негативный тренд. Согласно расчетам, реализация программы позволит удержать ежегодное число рождений на более высоком уровне и даже обеспечить его небольшой рост. Тем не менее, для закрепления достигнутого эффекта и дальнейшего роста рождаемости может потребоваться продление и расширение мер поддержки семей и рождаемости за пределы 2025 г.

Поскольку анализируемая программа направлена именно и только на повышение рождаемости, она никак не препятствует миграционному оттоку. Вследствие этого можно констатировать, что программа не обязательно приведёт к увеличению численности населения Республики Тыва, тогда как она точно приведёт к увеличению численности населения. При сохранении отрицательного миграционного сальдо реальный прирост населения был бы меньшим в обоих вариантах, однако разрыв между сценариями остаётся показателем потенциального демографического выигрыша от реализации политики стимулирования рождаемости.

Проведенная демографическая экспертиза региональной программы «Повышение рождаемости в Республике Тыва на период 2023–2025 годов» позволила подтвердить её целесообразность и эффективность. Разработанная авторская методика демографической экспертизы демонстрирует значительный потенциал для оценки влияния управленческих решений на динамику демографических процессов и позволяет выявлять риски и возможности, которые в противном случае могли бы остаться без внимания. Проведение регулярной и систематической демографической экспертизы на федеральном, региональном и муниципальном уровнях становится всё более актуальной задачей, обеспечивая научно-обоснованную базу для принятия решений в области демографической политики, социального и экономического развития.

Результаты апробации методики на примере региональной программы Республики Тыва подтвердили её прикладную состоятельность. Предложенный двухэтапный алгоритм позволяет проводить системную и воспроизводимую оценку стратегических документов в сфере демографической политики — от экспертной интерпретации содержания до количественного моделирования ожидаемых последствий. Главное преимущество методики заключается в её универсальности: она может применяться к программам различного уровня административной иерархии, а также различных территорий при наличии минимально необходимой информации о мероприятиях и целях. Интеграция экспертного и прогностического уровней в рамках одной процедуры делает её особенно ценной в условиях, когда требуется обоснованное прогнозирование демографических эффектов до начала реализации мер. В дальнейшем методика может быть расширена для оценки дополнительных компонентов демографического баланса (миграции, смертности) и использоваться при формировании комплексной оценки эффективности социальной политики в регионах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абылкаликов, С. И. (2021) Особенности демографического развития Тувы: вклад миграции в демографический баланс // Новые исследования Тувы. № 4. С. 131–142. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.10

Абылкаликов, С. И., Баймурзина, Г. Р. (2022) Особенности демографических процессов в городах Кызыл и Элиста в 2011–2020 годы: сравнительный анализ // Новые исследования Тувы. № 2. С. 34–52. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.3

Анайбан, З. В. (2016) Современные этнодемографические характеристики молодежных групп Тувы и Хакасии // Новые исследования Тувы. № 2. С. 90–104.

Антонов, А. И. (2009) О соответствии мер и средств демографической политики её долгосрочным целям (опыт демографической экспертизы) // Демографические исследования: сборник / отв. ред. А. И. Антонов. М. : Университет кн. дом. 290 с. С. 148–161.

Бегиева, А. Ш., Дзагоев, С. Ф. (2015) Исследование предпочтений молодых специалистов при выборе места работы // Вестник университета. (13). С. 322–327.

Беляев, М. А. (2015) Российские регионы в системе обеспечения демографической безопасности России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. № 3. С. 373–376.

Варыгина, А. С. (2017) Нормативно-правовые основы оценки демографических процессов // Экономика и социум. № 9 (40). С. 64–67.

Гайфуллин, А. Ю. (2022) Этнодемографические характеристики молодежи в республиках Тыва и Башкортостан // Новые исследования Тувы. № 2. С. 128–142. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.9

Зырянова, М. А., Попова, М. А. (2018) Факторный анализ процессов рождаемости в северных регионах России // Север и рынок: формирование экономического порядка. № 3 (59). С. 111–121. DOI: https://doi.org/10.25702/KSC.2220-802X.3.2018.59.111-121

Ильдарханова, Ч. И., Рустамова, Г. М., Ершова, Ю. Н. (2024) Институционализация демографической науки в Российской Федерации (акторно-сетевая модель) // Logos et Praxis. № 2. С. 108–119. DOI: https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.2.12

Каберты, Н. Г., Бекоев, Г. Б. (2024) Демографические меры регулирования рынка труда Северной Осетии — Алании // Народонаселение. Т. 27. № 4. С. 153–162. DOI: https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-4-153-162

Каберты, Н. Г., Дзагоев, С. Ф. (2023) Демографическое образование — важнейший фактор социально-экономического и демографического развития региона // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова. № 3. С. 202–210. DOI: https://doi.org/10.29025/1994-7720-2023-3-202-210

Мандыт, М. К. (2017) Республика Тыва как регион устойчивого естественного прироста населения // Успехи современного естествознания. № 7. С. 91–95.

Монгуш, С. П. (2021) Экономика народонаселения и демография. Традиционное природопользование в формировании современного пространственного развития территории (на примере Республики Тыва) // Актуальные вопросы современной экономики. № 11. С. 692–705. DOI: https://doi.org/10.34755/IROK.2021.40.20.054

Назаров, А. А., Носова, М. Г. (2009) Метод передвижки возрастных групп в демографии и его приложения // Вестник Томского государственного университета. Управление, вычислительная техника и информатика. № 3 (8). С. 67–74.

Ноженко, Д. В. (2020) Проблемы применения программно-целевого метода в управлении демографическими процессами // Московский экономический журнал. № 7. С. 421–427. DOI: https://doi.org/10.24411/2413-046X-2020-10499

Ростовская, Т. К., Золотарева, О. А., Давлетшина, Л. А. (2023) Особенности рождаемости в Республике Тыва (1991–2021) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 34–49. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.3

Ростовская, Т. К., Шабунова, А. А., Рычихина, Н. С. (2025) Профессиональный стандарт «Демограф»: от квалификации специалистов к эффективным решениям в области демографии // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 1. С. 66–79. DOI: https://doi.org/10.15838/esc.2025.1.97.3

Рычихина, Н. С., Евдокимова, О. В. (2021) Управление карьерой HR-менеджера // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. № 4 (68). С. 26–31. DOI: https://doi.org/10.6060/snt.20216804.0004

Сукнёва, С. А. (2013) Арктическая зона Северо-Востока России: проблемы демографического развития // Региональная экономика: теория и практика. № 25. С. 13–16.

Тиникова, Е. Е. (2019a) Половозрастная структура населения городов Южной Сибири в середине XX — начале XXI в. // Genesis: исторические исследования. № 2. С. 74–87. DOI: https://doi.org/10.25136/2409-868X.2019.2.29163

Тиникова, Е. Е. (2019b) Брачность и разводимость населения городов Южной Сибири в середине XX — начале XXI в. // Genesis: исторические исследования. № 9. С. 81–92. DOI: https://doi.org/10.25136/2409-868X.2019.9.30599

Филимонов, С. Н., Баран, О. И., Рябов, В. А. (2019) Естественное воспроизводство населения Сибирского федерального округа в начале второй волны депопуляции (особенности и прогноз) // Здравоохранение Российской Федерации. Т. 63. № 3. С. 116–121. DOI: https://doi.org/10.18821/0044-197X-2019-63-3-116-121

Шклярук, В. Я. (2008) Демографическое поведение отдельных социально-демографических групп населения // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. № 12. С. 358–364.

Whelpton, P. K. (1928) Population of the United States, 1925 to 1975 // The American Journal of Sociology. Vol. 34. № 2. P. 253–270.

Дата поступления: 31.03.2025 г.
Дата принятия: 31.08.2025 г.

REFERENCES

Abylkalikov, S. I. (2021) Features of demographic development in Tuva: contribution of migration to demographic balance. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 131–142. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.10

Abylkalikov, S. I. and Baymurzina, G. R. (2022) Features of demographic processes in the cities of Kyzyl and Elista in 2011–2020: comparative analysis. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 34–52. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.3

Anaiban, Z. V. (2016) Contemporary ethnodemographic characteristics of youth groups in Tuva and Khakassia. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 90–104. (In Russ.)

Antonov, A. I. (2009) On the compliance of demographic policy measures and tools with its long-term goals (experience of demographic expertise). In: *Demographic Studies*: Collection / ed. by A. I. Antonov. Moscow, University Book House. 290 p. Pp. 148–161. (In Russ.)

Begieva, A. Sh. and Dzagoev, S. F. (2015) Study of young specialists' preferences when choosing a workplace. *Vestnik Universiteta*, no. 13, pp. 322–327. (In Russ.)

Belyaev, M. A. (2015) Russian regions in the system of ensuring demographic security of Russia. *Gosudarstvennoe i munitsipalnoe upravlenie. Uchenye zapiski*, no. 3, pp. 373–376. (In Russ.)

Varygina, A. S. (2017) Normative and legal foundations of demographic process assessment. *Ekonomika i socium*, no. 9 (40), pp. 64–67. (In Russ.)

Gaifullin, A. Yu. (2022) Ethnodemographic characteristics of youth in the republics of Tuva and Bashkortostan. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 128–142. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.9

Zyryanova, M. A. and Popova, M. A. (2018) Factor analysis of birth rate processes in the northern regions of Russia. *Sever i rynok: formirovanie ekonomicheskogo poryadka*, no. 3 (59), pp. 111–121. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25702/KSC.2220-802X.3.2018.59.111-121

Ildarkhanova, Ch. I., Rustamova, G. M. and Ershova, Yu. N. (2024) Institutionalization of demographic science in the Russian Federation (actor-network model). *Logos et Praxis*, no. 2, pp. 108–119. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.2.12

Kaberty, N. G. and Bekoev, G. B. (2024) Demographic measures of labor market regulation in North Ossetia-Alania. *Narodonaselenie*, vol. 27, no. 4, pp. 153–162. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-4-153-162

Kaberty, N. G. and Dzagoev, S. F. (2023) Demographic education as a key factor in socio-economic and demographic development of the region. *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta im. K. L. Khetagurova*, no. 3, pp. 202-210. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.29025/1994-7720-2023-3-202-210

Mandyt, M. K. (2017) The Republic of Tuva as a region of sustainable natural population growth. *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya*, no. 7, pp. 91–95. (In Russ.)

Mongush, S. P. (2021) Population economy and demography. Traditional nature management in shaping the modern spatial development of the territory (example of the Republic of Tuva). *Aktualnye voprosy sovremennoi ekonomiki*, no. 11, pp. 692–705. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.34755/IROK.2021.40.20.054

Nazarov, A. A. and Nosova, M. G. (2009) The age-shifting method in demography and its applications. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Upravlenie, vychislitelnaya tekhnika i informatika*, no. 3 (8), pp. 67–74. (In Russ.)

Nozhenko, D. V. (2020) Problems of applying program-target method in the management of demographic processes. *Moskovskii ekonomicheskii zhurnal*, no. 7, pp. 421–427. (In Russ.)

Rostovskaya, T. K., Zolotareva, O. A. and Davletshina, L. A. (2023) Features of birth rate in the Republic of Tuva (1991-2021). *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 34–49. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.3

Rostovskaya, T. K., Shabunova, A. A. and Rychikhina, N. S. (2025) Professional standard "Demographer": from specialist qualification to effective solutions in demography. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, vol. 18, no. 1, pp. 66–79. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.15838/esc.2025.1.97.3

Rychikhina, N. S. and Evdokimova, O. V. (2021) Career management for HR manager. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii. Regional'noe prilozhenie*, no. 4 (68), pp. 26–31. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.6060/snt.20216804.0004

Sukneva, S. A. (2013) Arctic zone of the Russian North-East: problems of demographic development. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika*, no. 25, pp. 13–16. (In Russ.)

Tinikova, E. E. (2019a) Sex and age structure of the population of Southern Siberian cities in the mid-20th — early 21st century. *Genesis: istoricheskie issledovaniya*, no. 2, pp. 74–87. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25136/2409-868X.2019.2.29163

Tinikova, E. E. (2019b) Marriage and divorce rates in the population of Southern Siberian cities in the mid-20th — early 21st century. *Genesis: istoricheskie issledovaniya*, no. 9, pp. 81–92. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25136/2409-868X.2019.9.30599

Filimonov, S. N., Baran, O. I. and Ryabov, V. A. (2019) Natural population reproduction in the Siberian Federal District at the beginning of the second wave of depopulation (features and forecast). *Zdravookhranenie Rossiiskoi Federatsii*, vol. 63, no. 3, pp. 116–121. (In Russ.)

Shklyaruk, V. Ya. (2008) Demographic behavior of individual socio-demographic population groups. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, no. 12, pp. 358–364. (In Russ.)

Whelpton, P. K. (1928) Population of the United States, 1925 to 1975. *The American Journal of Sociology*, vol. 34, no. 2, pp. 253–270.

Submission date: 31.03.2025.
Acceptance date: 31.08.2025.

DOI: 10.25178/nit.2025.4.14

Статья

Использование нейронных сетей для поиска археологических памятников скифского времени (VII–III вв. до н. э.) в Юго-Западной Туве

Анастасия Б. Глебова, Игорь С. Сергеев
Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

В статье представлен новый подход для поиска неисследованных археологических памятников скифского времени (VII–III вв. до н. э.) на территории Юго-Западной Тувы на основе использования современных методов исследования — нейронных сетей. Для решения поставленной цели была создана база данных археологическая памятников скифского периода, расположенных на территории исследования. База собиралась как по литературным данным, так и собственным полевым исследования авторов. В проведенном анализе участвовало 639 объектов скифского времени.

На основе цифровой модели рельефа SRTM в программе ArcGIS 10.2 с использованием модуля пространственного анализа Spatial Analyst, а также в среде Python 3.7 проведен геоинформационный анализ распределения археологических памятников по девяти ландшафтным признакам: абсолютной высоте, крутизне склонов, экспозиции склонов, положению относительно водотоков, высоте над урезом близлежащего водотока, интенсивности солнечной радиации за декабрь и июнь, наличию видимости горных вершин и удаленности от горных вершин. Выбор признаков основан на выявленных закономерностях распределения археологических памятников в ландшафтах Юго-Западной Тувы и Юго-Восточного Алтая в ходе полевых экспедиционных исследованиях.

В дальнейшем на основе дисперсного анализа определена важность каждого признака. На основе полученных данных была обучена нейронная сеть прямого распространения и построена прогнозная модель возможных местонахождений еще неисследованных археологических памятников. Верификация прогнозной модели проводилась по космическим изображениям с использованием ресурса World Imagery, который предоставляет изображения Земли из космоса в рамках ПО ArcGIS-Online. Визуально было обследовано около 150 спрогнозированных участков размером каждый 250×250 метров. В 48-х случаях были обнаружены новые ранее не известные археологические объекты (курганы).

В заключение, учитывая все полученные данные, создана картосхема ареала расселения народов в скифское время.

Ключевые слова: *Тува; Юго-Западная Тува; скифское время; археологический памятник; геоинформационный анализ; нейронная сеть*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 24-27-00068 «Ландшафтная геоархеология Северо-Запада Внутренней Азии с построением нейросетевых моделей пространственно-временных закономерностей расселения древних народов» https://rscf.ru/project/24-27-00068/.

Для цитирования:
Глебова А. Б., Сергеев И. С. Использование нейронных сетей для поиска археологических памятников скифского времени (VII–III вв. до н. э.) в Юго-Западной Туве // Новые исследования Тувы. 2025. № 4. С. 254-266. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.14

Глебова Анастасия Борисовна — кандидат географических наук, старший преподаватель кафедры физической географии и ландшафтного планирования института наук о Земле Санкт-Петербургского государственного университета. Адрес: 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9. Эл. адреса: a.glebova@spbu.ru; a_glebova@mail.ru

Сергеев Игорь Сергеевич — кандидат географических наук, доцент кафедры геоморфологии института наук о Земле Санкт-Петербургского государственного университета. Адрес: 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9. Эл. адреса: i.sergeev@spbu.ru; igorsergeev.spb@gmail.com

Article

The use of neural networks for the search of archaeological sites from the Scythian period (7th — 3rd centuries BC) in Southwestern Tuva

Anastasia B. Glebova, Igor S. Sergeev
Saint Petersburg State University, Russian Federation

The article presents a new approach for identifying previously unexplored archaeological sites of the Scythian period (7th-3rd centuries BC) in the territory of Southwestern Tuva through the application of modern research methods, namely neural networks. To achieve this objective, a database was created comprising archaeological sites of the Scythian era located within the study area. The database was compiled both from literature sources and from the authors' own field research. The analysis involved 639 Scythian-period sites.

Based on the SRTM digital elevation model in ArcGIS 10.2, using the Spatial Analyst extension, as well as in the Python 3.7 environment, a geoinformation analysis was carried out to assess the distribution of archaeological sites across nine landscape parameters: absolute elevation, slope gradient, slope aspect, proximity to watercourses, elevation above the nearest watercourse, solar radiation intensity in December and June, visibility of mountain peaks, and distance from mountain peaks. The choice of parameters was informed by patterns of archaeological site distribution observed in the landscapes of Southwestern Tuva and Southeastern Altai during field expeditions.

Subsequently, variance analysis was performed to determine the significance of each parameter. Based on the obtained data, a feedforward neural network was trained, and a predictive model of potential locations of previously unexplored archaeological sites was constructed. Verification of the predictive model was conducted using satellite imagery provided by the World Imagery resource within ArcGIS Online. Approximately 150 predicted areas, each measuring 250×250 meters, were visually inspected. In 48 cases, previously unknown archaeological objects (kurgans) were discovered.

In conclusion, considering all the acquired data, a cartographic scheme of the settlement area of populations during the Scythian period was developed.

Keywords: *Tuva; Southwestern Tuva; Scythian period; archaeological site; geoinformation analysis; neural network*

Financing
The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation within the framework of the scientific project No. 24-27-00068 "Landscape geoarchaeology of the North-West of Inner Asia with the construction of neural network models of spatial and temporal patterns of settlement of ancient peoples", https://rscf.ru/project/24-27-00068/

For citation:
Glebova A. B. and Sergeev I. S. The use of neural networks for the search of archaeological sites from the Scythian period (7th — 3rd centuries BC) in Southwestern Tuva. *New Research of Tuva*, 2025, no. 4, pp. 254-266. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.14

GLEBOVA, Anastasia Borisovna, Candidate of Geographical Sciences, Senior Lecturer, Department of Physical Geography and Landscape Planning, Institute of Earth Sciences, St. Petersburg State University. Postal address: 7-9 Universitetskaya Emb., 199034, Russia, Saint Petersburg. E-mail addresses: a.glebova@spbu.ru; a_glebova@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1086-3574

SERGEEV, Igor Sergeevich, Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor, Department of Geomorphology, Institute of Geosciences, St. Petersburg State University. Postal address: 7-9 Universitetskaya Emb., 199034, Russia, Saint Petersburg. E-mail addresses: i.sergeev@spbu.ru; igorsergeev.spb@gmail.com
ORCID: 0000-0001-8341-7159

Введение

Юго-Западная Тува — это горных регион, который отличается суровым климатом, но несмотря на это с древнейших время эта территории была заселена. Здесь проживали разные культурные общности, которые на протяжении истории сменяли друг друга. Следы, существовавших на этой территории культур, сохранились в ландшафтах в виде самых разных археологических памятников: курганов, поминальных сооружений, балбалов, петроглифов, поселений и др. Количество оставленных памятников разными культурами неодинаковое: одни оставили много памятников, другие единицы. Скорее всего, это было связано с численностью населения, можно предположить, что чем больше оставленных древним население археологических объектов, тем больше была численность населения. Период, в который население оставило много памятников, относится к скифскому времени (VII–III вв. до н. э.). Многие памятники этого периода уже изучены и описаны археологами, но остается еще также та часть археологических объектов, которая еще не зафиксирована учеными.

В скифское время (VII — до III вв. до н. э.) на территории Тувы формируются новые культурные общности. Л. Р. Кызласов и М. Х. Маннай-оол считают, что в этот период существовала одна культура — уюкская (Кызласов, 1979; Маннай-оол, 1964, 1970). С. И. Вайнштейн называет эту культуру кызылганской (Вайнштейн, 1958). А. Д. Грач вместо одной уюкской культуры выделяет несколько культур: алды-бельскую (подразделяемую на два этапа — аржанский VIII–VII вв. до н. э. и усть-хемчикский VII–VI вв. до н. э.), саглынскую (подразделяемую также на два этапа — саглынский V–IV вв. до н. э. и озен-ала-белигский IV–III вв. до н. э.) и улуг-хемскую (Грач, 1980). Д. Г. Савинов выделяет две культуры, существовавшие в Туве в это время: алды-бельскую VIII в. до н. э. — VI в. до н. э. и уюкско-саглынскую V в. до н. э. — III в. до н. э. (Савинов, 1994). В конце III в. до н. э. уюкская культура прекратила свое существование, уступив место шурмакской культуре. На более высоком уровне уюкцы входили в ареал распространения Саяно-Алтайской культурной общности, охватывающей, кроме Тувы еще и Горный Алтай, Северо-Запад Монголии и Восточный Казахстан (Суразаков, 1989).

Территория Юго-Западной Тувы в скифский период была хорошо освоена. Подобный вывод можно сделать, основываясь на том, что население оставило довольно много археологических памятников, причем значительно больше, чем в другой какой-либо исторический период. Этому могли способствовать и более благоприятные в климатическом условия по сравнению с другими периодами. Археологические памятники скифского времени встречаются по долинам крупных рек и их притоков. Много археологических объектов в долине р. Хемчик и ее притоков: р. Барлык, р. Алаш, Р. Чадан и др. В горных районах они встречаются по долинам рек Моген-Бурен, Дуруг-Суг, Каргы, Мугур, Бугузун, Аг-Суг и др.

Существует много способов поиска древних культовых сооружений по данным дистанционного зондирования. Одним из современных методов является использование методов глубокого машинного обучения — нейронных сетей для построения прогнозных моделей в зависимости от ландшафтного окружения и характеристик местоположений археологических памятников.

За рубежом используют сверточные нейронные сети, основанные на визуальном поиске археологических объектов. Такие исследования как правило проводят на небольшие территории, т. к. для этого требуются космические снимки высокого качества. Такие исследования проводились в Нижней Саксонии в регионе Грац, где высокая концентрация археологических памятников[1] (Kazimi et al., 2018); в Южных Нидерландах в районе Мидден-Лимбург, где с помощью алгоритмов глубокого обучения (использован автоматизированный инструмент WODAN) были обнаружены курганы и кельтские поля (Verschoof-van der Vaart, 2021); в Иракском Курдистане на равнине Эрбиль, где для автоматического дистанционного обнаружения археологических объектов были использованы спутниковые снимки CORONA (Soroush et al., 2020) и др. Для соседних регионов Юго-Западной Тувы в Юго-Восточного Алтае и прилегающий территории Монголии учеными из Бельгии и Китая проводилось автоматическое обнаружение каменных курганов с использованием метода глубокой сверточной нейронной сети (CNN) (Chen et al., 2021). Коллективом из Малайзии был опубликован обзор приложения глубокого обучения для обнаружения археологических структур, в которой освещаются статьи из баз данных

[1] Kazimi B., Thiemann F., Malek K., Sester M. Archaeological Object Detection in Airborne Laser Scanning Data Using Convolutional Neural Networks (Presentation) / Conference: CAA 18 [Электронный ресурс] // ResearchGate.net. URL: https://www.researchgate.net/publication/328198957_Archaeological_Object_Detection_in_Airborne_Laser_Scanning_Data_Using_Convolutional_Neural_Networks (дата обращения: 14.04.2025).

Scopus, Web of Science и IEEE Xplore, относящиеся к использованию методов на основе сверточной нейронной сети для обнаружения археологических объектов (Hanani, 2022).

Впервые метод глубокого машинного обучения для прогноза местонахождения археологических памятников на территории Юго-Восточного Алтая был применен нами в 2022 г. (Глебова, Сергеев, Быков, 2022). Для проводимого нами исследования информация по археологическим памятникам была собрана по литературным источникам и собственным полевым исследованиям. Анализ проводился без разбивки на исторические периоды. В дальнейшем методика была усовершенствована и прогнозные модели возможного местонахождения археологических объектов на основе нейронной сети были построены для восьми исторических периодов, выделенных археологами для территории Юго-Восточного Алтая (Глебова и др., 2024). Модели были заверены по космическим изображениям и в ходе полевых экспедиционных исследований в Юго-Восточном Алтае. По результатам верификации модели дали хорошую прогнозную силу.

В данной работе нейронные сети применяются для поиска еще неисследованных археологических объектов скифского периода (VII–III вв. до н. э.).

Целью настоящего исследования является поиск новых неисследованных археологических объектов скифского времени VII–III вв. до н. э.), расположенных на территории Юго-Западной Тувы, на основе использования современных методов исследования — нейронных сетей.

Задачами исследования является проведение геоинформационного анализа на основе имеющихся археологических данных и цифровой модели рельефа, обучение нейронной сети, построение прогнозной карты возможных местонахождений археологических памятников скифского времени, верификация полученных результатов и построение карты мест потенциального расселения древних народов на территории Юго-Западной Тувы.

Объектом исследования являются ландшафтные признаки местоположений археологических памятников скифского времени в пределах Юго-Западной Тувы. Предметом исследования является пространственные закономерности расположения археологических памятников скифского времени.

Проведенное исследование можно рассматривать как методическое объединение аналитических инструментов географических информационных систем (ГИС) и современных информационных технологий — нейронный сетей в историко-географических исследованиях.

Результатами такого подхода становится прогноз местонахождений новых археологических памятников скифского периода в ландшафтах Юго-Западной Тувы.

Обзор литературы

В Туве исследования археологических памятников и выявления новых проводились с помощью современных методов исследования: дистанционного зондирования; ГИС-технологий; аэрофотосъёмки; 3D-моделирования и др. В «Долине царей» для обновления планиграфии[1] уже изученных археологических объектов и открытия новых использовался метод фотограмметрии на основе БПЛА[2]. Полученные данные обрабатывались с использованием программного обеспечения ГИС. Результатом исследования было обнаружение 1000 археологических объектов, в том числе еще неисследованных. Недостатком данного метода является, то, что его можно применять только на открытых пространствах и высокая стоимость (Vavulin et al., 2021).

В «Долине царей» на северной стороне речной террасы реки Уюк с использованием панхроматических фотоматериалов WorldView-2 высокого разрешения (до 0,46) ученым из Институт археологических наук Бернского университета Дж. Каспари было проведено картографирование «царских» курганов и оценены условия их сохранности. Из поиска были исключены все области с углом наклона более 15°, для этого использовалась цифровая модель рельефа из Shuttle Radar Topographic Mission (SRTM). Результатом проведенного исследования стало обнаружение 716 курганов самых разных размеров. На карту был нанесены не только большие курганы, но и курганы размером 5–20 м (Caspari, 2020).

[1] Планиграфия — способ описания и представления результатов измерений или данных в трехмерном пространстве как относящихся к определённому моменту или периоду времени.
[2] БПЛА — беспилотный летательный аппарат.

Учеными из Институт археологии Ягеллонского университета (Краков) и Института археологических наук Бернского университета (Берн) в долине реки Уюк (территория исследования охватывает горные долины к северу от Чкаловки и Аржана) с помощью метода дистанционного зондирования и наземных исследований были исследованы шесть памятников: Желвак 1, 2, 3, 5, 8 и Сандакин. Наземные исследования показали, что на памятнике Желвак 5 фрагменты керамики, которые представляли бронзовый век, скифский период, кокэльскую культуру и, возможно, уйгурский период (Zhogova et al., 2023).

В 2015 г. в Москве прошла конференция «Археология и Геоинформатика». На конференции рассматривались различные современные методы, используемые в археологических исследованиях, в том числе и в Туве. Одна из статей в сборнике материалов данной конференции посвящена исследованию, которое проводились в 2012–2014 гг. отрядом Тувинской экспедиции ИА РАН по изучению каменных курганов скифского времени в Турано-Уюкской котловине (в зоне расположения Кенкольского, Чинге-Тэйского и Аржанских курганных полей) с использованием низковысотной аэрофотосъемки (с применением гелиевого аэростата «АСГ-10» и мотопараплана) и геофизических методов (георадиолокационное исследование структуры курганных насыпей с применением георадара «Лоза-V»). Результатом исследования стало уточнение планиграфии курганных могильников и погребально-поминальных комплексов данного региона в зоне расположения Кенкольского, Чинге-Тэйского и Аржанских курганных полей (Рукавишникова, Рукавишников, Морозов, 2015). Еще один доклад конференции был посвящен 3D-реконструкции комплекса Пор-Бажын (Аржанцева и др., 2015).

В настоящей работе описывается методика прогнозирования местоположений неисследованных археологических памятников, основанная на создании алгоритма обучения глубокой нейронной сети по ландшафтным признакам, характерным для местоположений уже известных археологических объектов скифского периода. Используемый метод не только позволяет решать задачу оптимизации и целенаправленности полевых поисков новых мест древних сооружений, но и решает научные задачи ретроспективного моделирования географического расселения народов для разных исторических эпох с учетом ландшафтных предпочтений людей в ведении хозяйства.

Материалы и методы исследования

Анализ проводится для территории Юго-Западной Тувы. На основе имеющихся археологических данных и цифровой модели рельефа SRTM[1] в программе ArcGIS 10.2 с использованием модуля пространственного анализа Spatial Analyst, а также в среде Python 3.7 (Шолле, 2018; Дэвидсон-Пайлон, 2019). Выполнен геоинформационный анализ распределения археологических объектов по девяти ландшафтным признакам: абсолютной высоте, крутизне склонов, экспозиции склонов, положению относительно водотоков, высоте над урезом близлежащего водотока, интенсивности солнечной радиации за декабрь и июнь, наличию видимости горных вершин и удаленности от горных вершин. На следующем этапе проведен дисперсный анализ и на основе статистических закономерностей определена важность каждого из рассматриваемого признака. Выбор ландшафтных признаков не случайный, он обусловлен многолетними ландшафтно-археологическими исследованиями, проведенными нами в Юго-Восточном Алтае и Юго-Западной Тувы. В дальнейшем можно рассматривать и другие признаки при наличии достаточного обоснования.

На основе полученных данных геоинформационного и дисперсного анализов была обучена нейронная сеть и построена прогнозная модель возможных местонахождений еще неисследованных археологических памятников. Результатом проведенного исследования было построение картосхемы ареала расселения народов в скифское время на территории Юго-Западной Тувы.

В наших исследованиях мы используем нейронные сети прямого распространения. В отличии от сверточных нейронных сетей, нейронные сети прямого распространения могут работать не только с визуальной информацией, но и со сложными данными имеющих глобальный характер, например, ландшафтными метриками. Под глобальностью мы понимаем крупные, охватывающие всю изучаемую территорию взаимодействия признаков. Такой подход построения нейронной сети заведомо снижает точность прогнозирования, но позволяет лучше прослеживать пространственные закономерности искомых объектов.

[1] USGS. Science for a changing world. Главная страница [Электронный ресурс] // USGS. Science for a changing world. URL: http://earthexplorer.usgs.gov/ (дата обращения 03.02.2025).

Данные по археологическим объектам скифского времени, расположенных в Юго-Западной Туве собирались по литературным источникам (Маннай-оол, 1964, 1970; Грач, 1980; Самбу, 1994; Мандельштам, 1992; Семенов, 1999; и др.) и собственным полевым исследованиям авторов (Глебова, Сергеев, 2024). В ходе полевых исследований были определены точные координаты археологических объектов, приблизительное время сооружение, типы и ландшафты в которых расположены памятники. Время сооружения археологических объектов указывалось приблизительно на основе внешних признаков и в дальнейшем требует уточнения. Для некоторых объектов, которые ранее были описаны археологами, время их сооружения уточнялось по имеющимся данным ученых. Для памятников, собранных по литературным источникам в базе данных приведены те же сведения, что и по тем, что зафиксированы в полевых условиях. В итоге в проведенном анализе участвовало 639 объектов скифского времени.

Территория исследования

Районом исследования является юго-западная часть республики Тыва *(рис. 1)*. В пределах рассматриваемого региона расположены горные хребты: Цаган-Шибэту, юго-западная часть хребта Танну-Ола, отроги Шапшальского хребта, а также отдельно стоящий горный массив Монгун-Тайга (3976 м), достаточно большую часть территории занимает Хемчикская котловина. В высокогорных частях хребтов и в горном массиве Монгун-Тайга имеют альпинотипный рельеф с современными ледниками и снежниками, а также следы древнего оледенения.

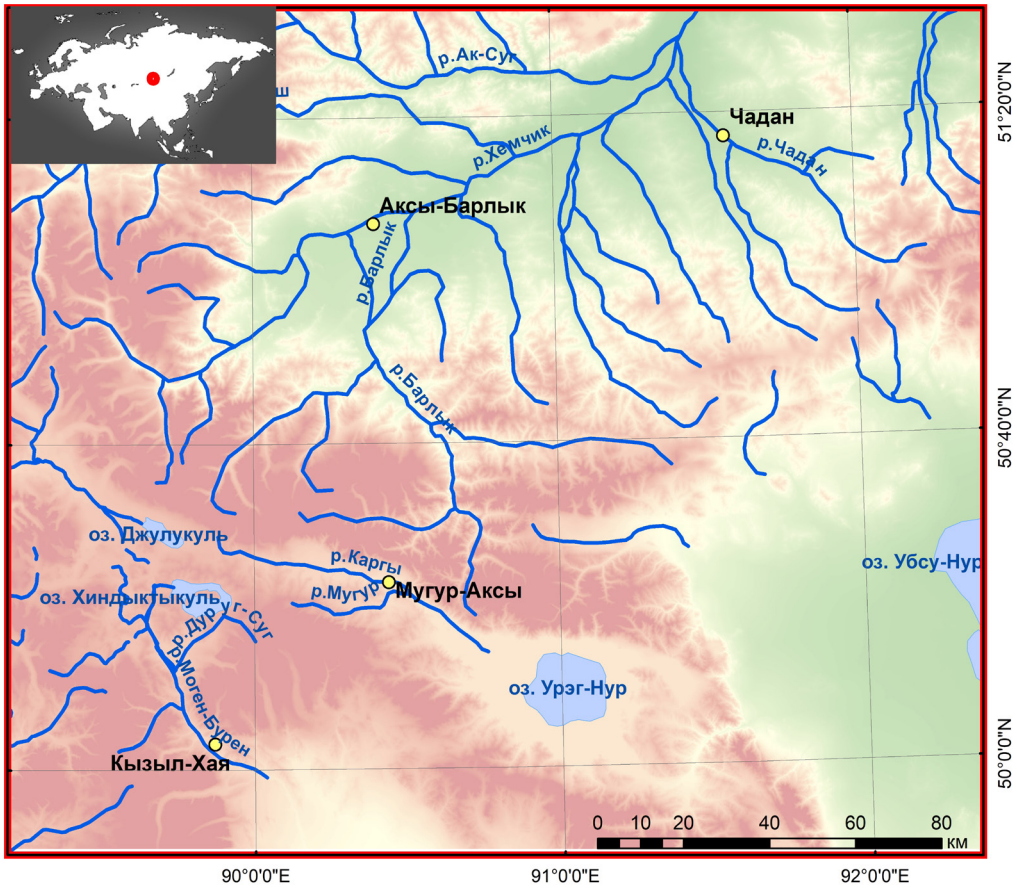

Рис. 1. Территория исследования Юго-Западной Тувы. Составлена авторами на основе Цифровой Модели Рельефа SRTM[1].
Fig. 1. The research area of Southwestern Tuva. Compiled by the authors on the basis of the Digital Relief Model SRTM.

[1] USGS. Science for a changing world. Главная страница [Электронный ресурс] // USGS. Science for a changing world. URL: http://earthexplorer.usgs.gov/ (дата обращения 03.02.2025).

Геоинформационный анализ

Среди оставленных населением археологических памятников большинство представляют собой цепочки и комплексы каменных курганов. Цепочки обычно ориентированы на восток и состоят из трех — шести, иногда и более курганов. Иногда от центрального кургана в восточном направлении установлен ряд балбалов (каменных необработанных столбиков), о предназначении которых среди археологов нет единого мнения. Иногда рядом с цепочками курганов расположены поминальные сооружения, представляющие собой выложенные из камней круги диаметром 1–1,5 м. Как правило такой круг выложен из 8 камней, но не все сохранились до нашего времени.

Геоинформационный анализ распределения археологических памятников скифского периода по девяти ландшафтным признакам показывает, что большинство памятников находится в диапазоне абсолютных высот от 1500 до 2250 м, средние значения 1882 (*рис. 2а*). Такое расположение памятников связано с хозяйственным укладом племен, основной отраслью которого было кочевое скотоводство. Скот выпасали на древних речных террасах и по склонам горны хребтов. Когда растительность выгорала скот перегоняли в более высокие области, где за счет таяния ледников и более холодного климата формировались хорошие пастбищные условия.

Для сооружения археологических объектов скифы выбирали в основном плоские поверхности или склоны с уклонами до 5 градусов (*рис. 2б*). Встречаются и памятники и по более крутым склонам, часть из них изначально была расположена на речных террасах, но в результате подмыва берега рекой, оказалась на склонах речных террас и сейчас «оползает». Огромное значение в жизни древнего общества играла вода. Во-первых, в поймах некоторых рек расположены заливные луга, которые служили кормовой базой для домашнего скота, во-вторых, вода служила источником питьевой воды, значение имело, чтобы вода была чистая, в-третьих в некоторых случаях строительный материал для курганов брали из реки, такие камни имели окатанный вид и были легко доступны. Поэтому большинство памятников расположено на расстоянии до 450 м от реки (*рис. 2в*). Значение имела и высота древней речной террасы, на которой сооружали культовые сооружения. Основная масса находится на высоте до 45 м над урезом воды, средние значения составляют 17,3 м над урезом воды (*рис. 2г*). Высокие речные террасы способствовали лучшей сохранности культовых объектов, и как правило с мест культовых объектов открывался красивый вид на долину реки.

Распределение археологических памятников по склонам разных экспозиций показывает, что большинство расположено по склонам южной и северной экспозиций (*рис. 2д*). Расположение культовых объектов по склонам южной экспозиции связно с тем, что эти склоны хорошо прогреваются, особенно в весенний и летний период, сезонная мерзлота оттаивает на большую глубину, что позволяло выкапывать ямы достаточной глубины для погребения умерших. Это подтверждают и данные прихода солнечной радиации в июне. Большинство памятников расположены в местоположениях, где приход солнечной радиации составил от 181 до 200 мДж/м^2, среднее значение — 190 мДж/м^2 (*рис. 2е*). В зимний период поступление солнечной радиации было незначительном и в среднем составило 9,6 мДж/м^2 (*рис. 2ж*). Расположение культовых объектов по склонам северной экспозиции связано со строением речной долины, речные террасы, примыкающие к склонам северной экспозиции значительно шире, чем речные террасы, примыкающие к склонам южной экспозиции.

Нами было также установлено, что при выборе мест создания культовых объектов в ряде случаев играл такой показатель, как наличие видимости горной вершины или вершин, особенно если эта вершина была заснеженной. В большинстве случаев в тех местах, где хорошо видна горная вершина или вершины концентрация археологических объектов велика, и наоборот, где вершина или вершины не видны, их либо немного, либо нет совсем. На основе полученной статистики для среднегорной части территории Юго-Западной Тувы этот показатель является важным. Но для людей, проживавших в Хемчикской котловине, по всей видимости, этот параметр значения не имел (*рис. 2з*). Еще один признак, который мы рассматривали, является удаленность археологических объектов от горных вершин (*рис. 2и*). Этот показатель в среднем составил около 21 км. Но большинство объектов расположены на расстоянии около 10–15 км.

В дальнейшем на основе дисперсного анализа была определена важность каждого из рассматриваемых признаков. Наиболее важное значение при выборе местоположений создания археологических объектов играли удаленность от водотока и наличие видимости горной вершины или горных вершин в горных районах. Немного меньшую роль играла высота над урезом близлежащего

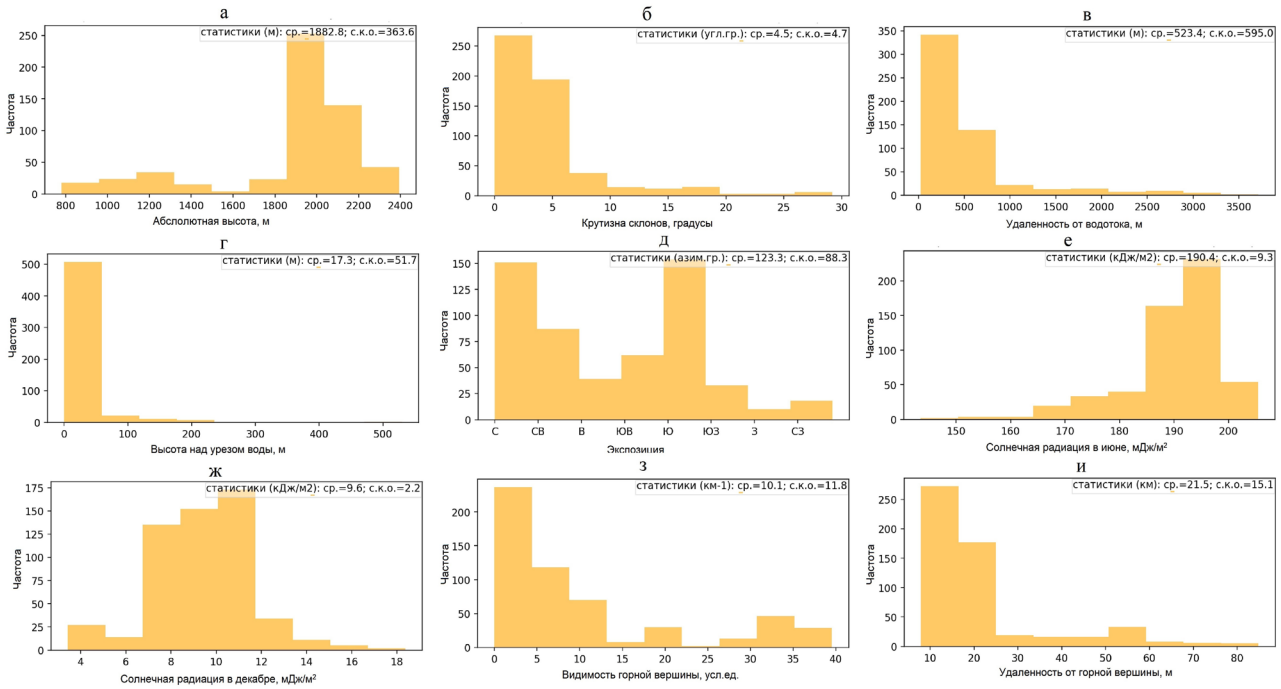

Рис. 2. Распределение археологических памятников скифского времени Юго-Западной Тувы по ландшафтным признакам: а — абсолютной высоте; б — склонам разной крутизны; в — удаленности от водотока; г — высоте над урезом близлежащего водотока; д — склонам разной экспозиции; е — интенсивности солнечной радиации в июнь; ж — интенсивности солнечной радиации в декабрь; з — наличии видимости горных вершин; и — удаленности археологических памятников от горных вершин.
Fig. 2. Distribution of archaeological sites of the Scythian period of Southwestern Tuva by landscape features: а — absolute height; б — slopes of different steepness; в — distance from the watercourse; г — height above the edge of a nearby watercourse; д — slopes of different exposure; е — intensity of solar radiation in June; ж — intensity of solar radiation in December; з — the visibility of mountain peaks; и — the remoteness of archaeological sites from mountain peaks.

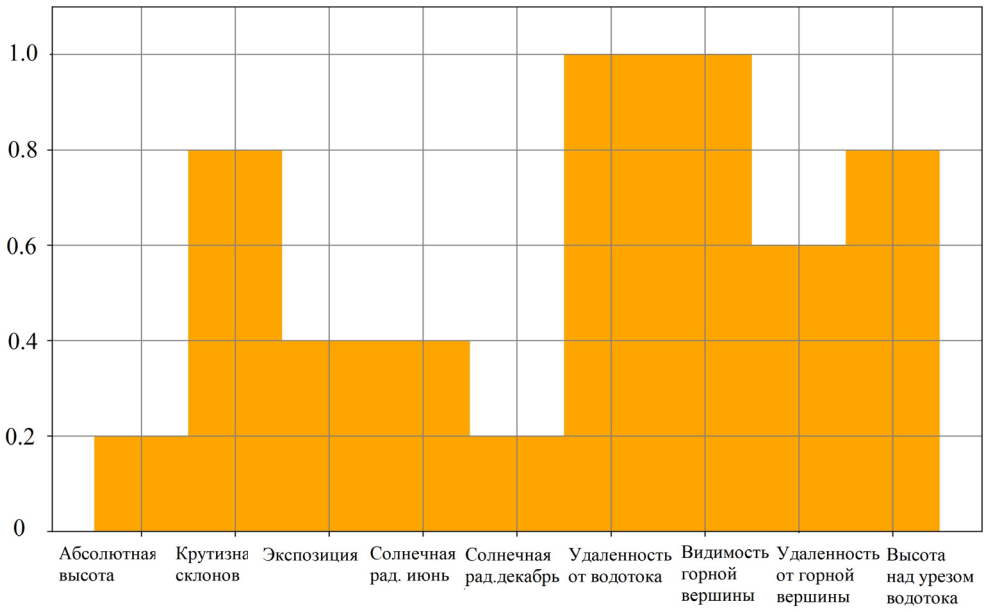

Рис. 3. Важность ландшафтных признаков в Юго-Западной Туве.
Fig. 3. The importance of landscape features in Southwestern Tuva.

водотока и крутизна склонов (*рис. 3*). Самую незначительную роль играли абсолютная высота и приход солнечной радиации в декабре. В основу анализа положен статистический критерий распределения Фишера отношения внутривыборочной и межвыборочной изменчивостей, вычисляемых в ходе статистической процедуры известной под термином ANOVA (Дэвидсон-Пайлон, 2019).

Построение прогнозной модели и картосхемы расселения

На основе полученных данных геоинформационного и дисперсного анализов была обучена нейронная сеть с тестовой точностью 92% и построена прогнозная карта возможных местонахождений еще неисследованных археологических объектов скифского времени на территории Юго-Западной Тувы (*рис. 4*). Спрогнозировано более 4500 местоположений, где возможно обнаружение новых археологических объектов скифского времени. Некоторые участки расположены на территории Монголии. Неисследованные памятники можно обнаружить по долинам крупных рек и их притоков, например, в Хемчикской котловине по долинам рек Хемчик, Барлык, Чадан, Большие Аянгаты, Угуг-Чыргакы, Шеми, Алаш, Хонделен. В горных районах — в долинах рек Моген-Бурен, Каргы, Мугур, Бугузун и др.

Верификация прогнозных участков проводилась по космическим изображениям, нами использовался ресурс World Imagery, который предоставляет изображения Земли из космоса в рамках ПО ArcGIS-Online из источников: Esri, Maxar, GeoEye, Earthstar Geographics, CNES/Airbus DS, USDA, USGS, AeroGRID, IGN, GIS User Community. Визуально было обследовано около 150 спрогнозированных участков размером каждый 250×250 метров.

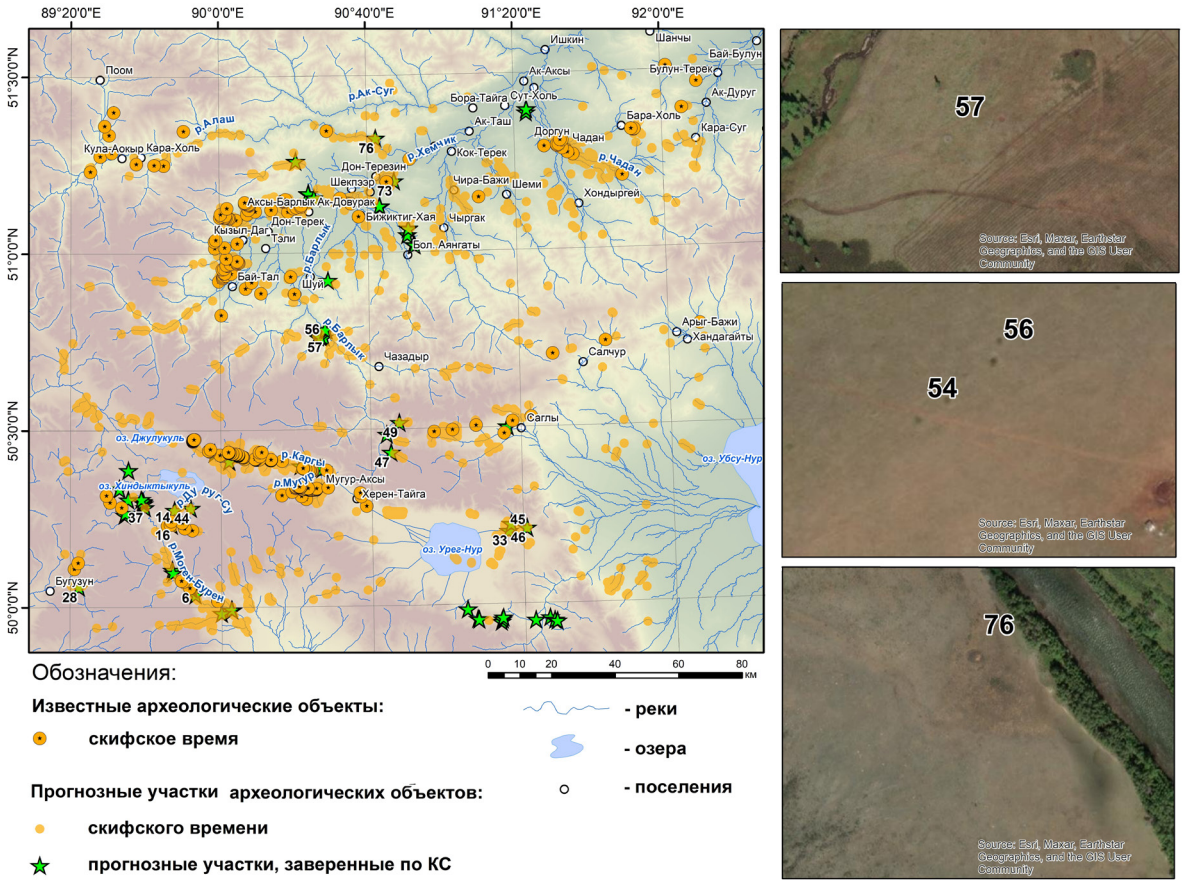

Рис. 4. Прогнозная карта возможных местонахождений археологических памятников скифского времени на основе нейросетевой модели на территории Юго-Западной Тувы и примеры результатов верификации прогноза по космическим снимкам высокого разрешения: 54,56, 57 — р. Барлык; 76 — р. Алаш.

Fig. 4. Forecast map of possible locations of archaeological sites of the Scythian period based on a neural network model in the territory of Southwestern Tuva and examples of forecast verification results from high-resolution satellite images: 54.56, 57 — Barlyk River; 76 — Alash River.

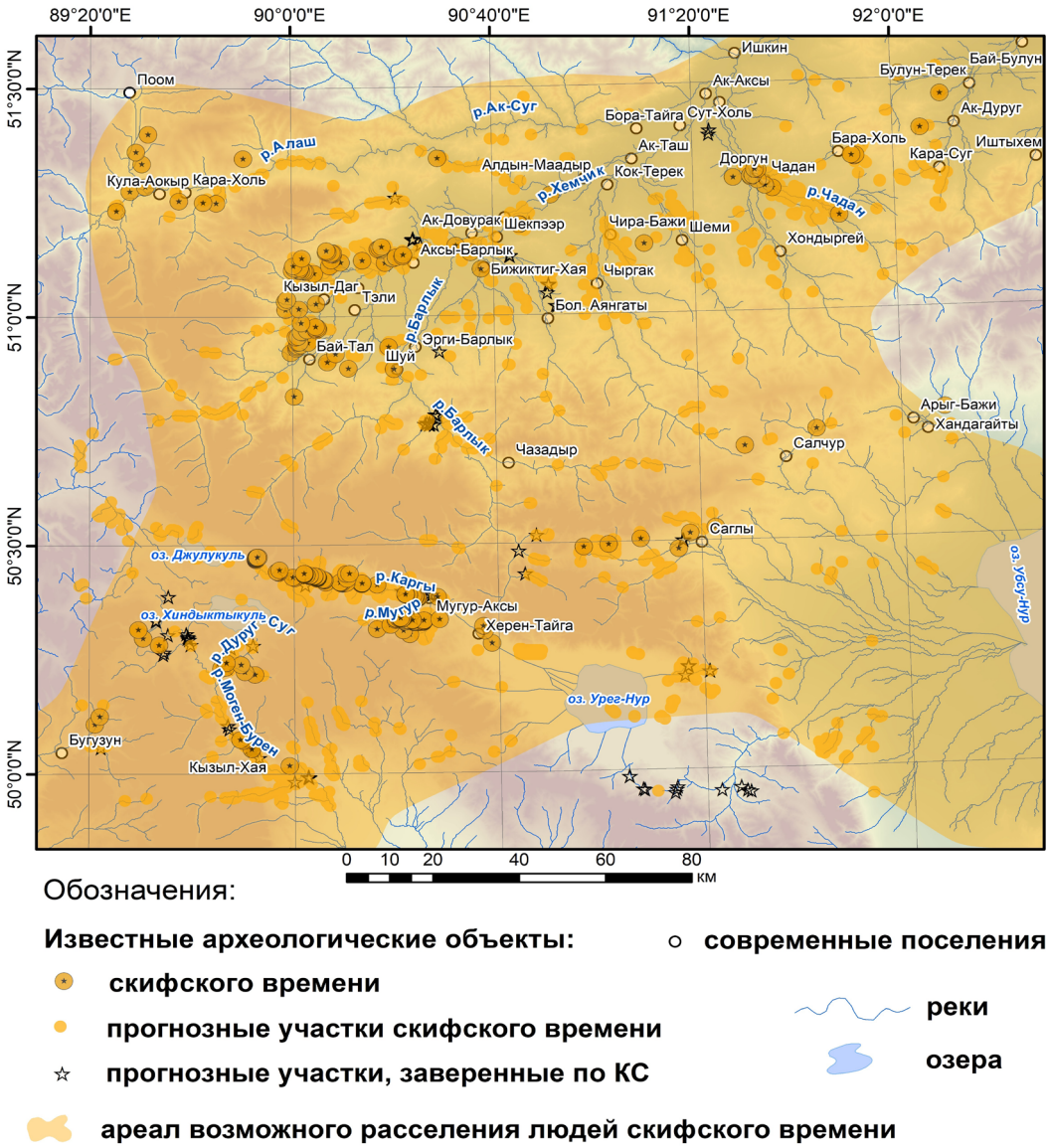

Рис 5. Схема района расселения древних народов по данным нейросетевого моделирования в скифское время на территории Юго-Западной Тувы. Составлена на основе Цифровой Модели Рельефа SRTM *и данным полевых исследований авторов.*
Fig. 5. The scheme of the area of settlement of ancient peoples according to neural network modeling in the Scythian period on the territory of Southwestern Tuva. Compiled based on the SRTM Digital Relief Model and the authors' field research data.

В 48-х случаях были обнаружены новые ранее неизвестные археологические объекты (курганы). Небольшое количество обследованных участков связано с отсутствием, в ряде случаев, хорошего качества космических изображений. Неисследованные археологические объекты, предположительно скифского периода, были обнаружены по долинам рек Барлык, Хемчик, Большие Аянгаты, Хонделен, Алаш, Моген-Бурен, Каргы, Мугур. Некоторые примеры приведены на *рисунке 4*. Прогнозная карта показала также участки, где могут находится археологические объекты скифского времени в долинах рек Мугур и Каргы, где нами ранее были проведены детальные ландшафтно-археологические экспедиционные исследования, в ходе которых было обнаружено много памятников скифского периода (Глебова, Сергеев, 2024). Верификация прогнозных участков подтвердила полученные результаты, и фактическая прогнозная сила как отношение обнаруженных объектов на снимках к количеству просмотренных сцен, подсказанных нейросетью составила около 0.32, для сравнения (из опыта дешифрирования): прогнозная сила при дешифрировании космических снимков без ландшафтных модельных предустановок составляет 0.02–0.1.

Основываясь на полученных данных составлена картосхема расселения древних народов, проживающих на территории Юго-Западной Тувы в скифское время (*рис. 5*). Карта составлена путем вычисления пространственной плотности фактических и спрогнозированных участков археологических объектов, аппроксимированных полиномом пятого порядка. Ареал расселения людей говорит о том, что люди осваивали, как горные, так и котловинные ландшафты, и рассмотренная территория в целом была хорошо освоена.

Заключение

Проведенное научное исследование позволило выявлять местоположения с характерным набором ландшафтных характеристик присущих археологическим памятникам скифского периода. На основе полученных данных была создана и обучена искусственная нейронная сеть и построена прогнозная модель, которая позволила обнаружить новые археологические объекты.

Используя полученные данные в дальнейшем можно более обоснованно планировать экспедиционные маршруты в места наибольшего скопления археологических памятников и проводить детальные ландшафтно-археологические исследования. На основе пространственного анализа расположения прогнозных объектов возможно определять какие районы, и в какое историческое время были наиболее освоены, какие менее, при условии проверки результатов независимым способом и получения достаточной прогнозной силы. Независимые данные, полученные в ходе дешифрирования космических изображений легли в основу проверки работоспособности модели. Верификация прогнозных данных показала хороший результат, позволивший обобщить полученные данные в виде карты тренда плотности спрогнозированных участков, которая легла в основу схемы потенциального расселения человека по территории Юго-Западной Тувы в скифское время.

Таким образом, методы глубокого машинного обучения могут стать эффективным инструментом в историко-географических исследованиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аржанцева, И. А., Вафеев, Р. А., Шуберт А., Харке Г. (2015) 3D-реконструкции комплекса Пор-Бажын (Тува) // Археология и геоинформатика. Вторая Международная конференция. Тезисы докладов. / отв. ред. Д. С. Коробов. М. : ИА РАН. 52 с. С. 9.

Вайнштейн, С. И. (1958) Некоторые итоги работ археологической экспедиции Тувинского НИИЯЛИ в 1956–1957 гг. // Ученые записи ТНИИЯЛИ. Вып. 6 / отв. ред. Н. А. Сердобов Кызыл : Тув. кн. изд-во. 307 с. С. 217–237.

Глебова, А. Б., Сергеев, И. С., Быков, Н. И. (2022) Геоинформационный анализ с построением модели нейронной сети для прогноза размещения археологических объектов в ландшафтах Юго-Восточного Алтая // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. Т. 67. № 3. С. 491–514. DOI: https://doi.org/10.21638/spbu07.2022.306

Глебова, А. Б., Сергеев, И. С. (2024) Ландшафтная приуроченность археологических памятников в долинах р. Мугур и р. Каргы (Юго-Западная Тува)// Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. Вып. 4. С. 695–715. DOI: https://doi.org/10.21638/spbu07.2024.405

Глебова, А. Б., Сергеев, И. С. И. С., Капкина, А. С., Паутова, Е. М. (2024) Прогнозирование местонахождений археологических объектов в ландшафтах Юго-Восточного Алтая на основе алгоритма нейронной сети // LXXVII Герценовские чтения. География: развитие науки и образования. Материалы Международной научно-практической конференции : в 2-х т. / отв. ред. Д. А. Суббето, Ю. Л. Войтеховский, А. Н. Паранина. СПб. : Изд-во: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена Т. 1. 304 с. С. 99–103.

Грач, А. Д. (1980) Древние кочевники в центре Азии. М. : Наука. 256 с.

Дэвидсон-Пайлон, К. (2019) Вероятностное программирование на Python: байесовский вывод и алгоритмы. СПб. : Питер. 256 с.

Кызласов, Л. Р. (1979) Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М. : Изд-во Московского ун-та. 207 с.

Мандельштам, А. М. (1992) Ранние кочевники скифского периода на территории Тувы // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР / отв. ред. М. Г. Мошкова М. : Наука. 494 с. С. 178–196.

Маннай-оол, М. Х. (1964) Археологические памятники Тувы. Кызыл : Тувкнигоиздат. 46 с.

Маннай-оол, М. Х. (1970) Тува в скифское время (уюкская культура). М. : Наука. 117 с.

Рукавишникова, И. В., Рукавишников, Д. В., Морозов, П. А. (2015). Применение низковысотной аэрофотосъемки и геофизических методов при исследовании каменных курганов скифского времени в Турано-Уюкской котловине (Тува) // Археология и геоинформатика. Вторая Международная конференция. Тезисы докладов / отв. ред. Д. С. Коробов. М. : ИА РАН. 52 с. С. 30.

Савинов, Д. Г. (1994) Тува раннескифского времени «на перекрестке» культурных традиций (алды-бельская культура) // Культурные трансляции и исторический процесс: палеолит — средневековье / отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб. : . Изд-во Санкт-Петербургского университета. 172 с. С. 76–89.

Самбу, И. У. (1994) Свод археологических памятников Республики Тыва. Кызыл : Рестипография. 192 с.

Семенов, Вл. А. (1999) Синхронизация и хронология памятников алды-бельского типа в Туве // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий / отв. ред. Ю. Ф. Кирюшин, А. А. Тишкин. Барнаул : Алтайский государственный университет. 284 с. С. 165–169.

Суразаков, А. С (1989) Об этнической интерпретации памятников пазырыкской культуры // Проблемы археологии скифо-сибирского мира: социальная структура и общественные отношения : в 2 ч. / отв. ред. В. Н. Добжанский. Кемерово : Кемеровский государственный университет (КемГУ). Ч. 2. 148 с. С. 44–47.

Шолле, Ф. (2018) Глубокое обучение на Python. СПб. : Питер. 400 с.

Caspari, G. (2020) Mapping and Damage Assessment of “Royal” Burial Mounds in the Siberian Valley of the Kings // *Remote Sensing. Vol. 12*(5). Article 773. DOI: https://doi.org/10.3390/rs12050773

Chen, F., Zhou, R., Van de Voorde, T., Chen, X., Bourgeois, J., Gheyle, W., Yang, J., Xu, W. (2021) Automatic detection of burial mounds (kurgans) in the Altai Mountains // *ISPRS Journal of Photogrammetry and Remote Sensing.* Vol. 177. P. 217-237. DOI: https://doi.org/10.1016/j.isprsjprs.2021.05.010

Hanani, A., Yakub, F., Azizan, A., Roslan, S., Shairatul, A. R., Ahmad, S. A., Muhammad, S. A. A. (2022) Review on Deep Learning Application for Detection of Archaeological Structures // Journal of Advanced Research in Applied Sciences and Engineering Technology. Vol. 26, Issue 1. P. 7–14.

Soroush, M., Mehrtash, A., Khazraee, E., Jason, Ur A. (2020) Deep Learning in Archaeological Remote Sensing: Automated Qanat Detection in the Kurdistan Region of Iraq // Remote Sensing. Vol. 12:500. P. 1–18. DOI: https://doi.org/10.3390/rs12030500.

Vavulin, M. V., Chugunov, K. V., Zaitceva, O. V., Vodyasov, E. V. Pushkarev, A. A. (2021) UAV-based photogrammetry: Assessing the application potential and effectiveness for archaeological monitoring and surveying in the research on the ‘valley of the kings’ (Tuva, Russia) // Digital Applications in Archaeology and Cultural Heritage. Vol. 20. Article e00172. DOI: https://doi.org/10.1016/j.daach.2021.e00172

Verschoof-van der Vaart, L., K. (2021) Applying automated object detection in archaeological practice: A case study from the southern Netherlands. // Archaeological Prospection. Vol. 29 (341). P. 1–17. DOI: https://doi.org/10.1002/arp.1833

Zhogova, A., Oleszczak, L., Michalczewski K., Pienkos I., Caspari, G. (2023) Identifying seasonal settlement sites and land use continuity in the prehistoric southern Siberian steppe — Zhelvak 5 (Tuva) // Archaeological Research in Asia. Vol. 35. Article 100467. DOI: https://doi.org/10.1016/j.ara.2023.100467

Дата поступления: 14.04.2025 г.
Дата принятия: 21.05.2025 г.

REFERENCES

Arzhantseva, I. A., Vafeev, R. A., Schubert, A. and Harke, G. (2015) 3D reconstructions of the Por-Bazhyn complex (Tuva). In: Korobov, D. S. (ed.) *Archaeology and Geoinformatics. Second International Conference. Abstracts of Papers.* Moscow, Institute of Archaeology RAS. 52 p. P. 9. (In Russ.)

Vainshtein, S. I. (1958) Some results of the archaeological expedition of the Tuvan Research Institute of Language, Literature and History in 1956–1957. In: Serdobov, N. A. (ed.) *Scholarly Notes of the Tuvan Research Institute of Language, Literature and History.* Issue 6. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 307 p. Pp. 217–237. (In Russ.)

Glebova, A. B., Sergeev, I. S. and Bykov, N. I. (2022) Geoinformation analysis with the construction of a neural network model for predicting location of archaeological monuments in the landscapes of South-Eastern Altai. *Vestnik of Saint Petersburg University. Earth Sciences,* vol. 67, no. 3, pp. 491–514. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21638/spbu07.2022.306

Glebova, A. B. and Sergeev, I. S. (2024) The landscape indication of archaeological sites in the valleys of the rivers Mugur and Kargy (Southwestern Tuva). *Vestnik of Saint Petersburg University. Earth Sciences,* no. 4, pp. 695–715. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21638/spbu07.2024.405

Glebova, A. B., Sergeev, I. S., Kapkina, A. S. and Pautova, E. M. (2024) Predicting the location of archaeological sites in the landscapes of Southeastern Altai based on a neural network algorithm. In: Subbeto, D. A., Voitekhovsky, Yu. L. and Paranina, A. N. (eds.) *LXXVII Herzen Readings. Geography: Development of Science and Education.* Proceedings of the International Scientific and Practical Conference: in 2 vols. St. Petersburg, Herzen State Pedagogical University of Russia. Vol. 1. 304 p. Pp. 99–103. (In Russ.)

Grach, A. D. (1980) *Ancient Nomads in the Center of Asia.* Moscow, Nauka. 256 p. (In Russ.)

Davidson-Pilon, C. (2019) *Probabilistic Programming in Python: Bayesian Inference and Algorithms.* St. Petersburg, Piter. 256 p. (In Russ.)

Kyzlasov, L. R. (1979) *Ancient Tuva (from the Paleolithic to the 9th century).* Moscow, Moscow University Press. 207 p. (In Russ.)

Mandelshtam, A. M. (1992) Early nomads of the Scythian period in the territory of Tuva. In: Moshkova, M. G. (ed.) *The Steppe Zone of the Asian Part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Period. Archaeology of the USSR.* Moscow, Nauka. 494 p. Pp. 178–196. (In Russ.)

Mannai-ool, M. Kh. (1964) *Archaeological Sites of Tuva.* Kyzyl, Tuvknigoizdat. 46 p. (In Russ.)

Mannai-ool, M. Kh. (1970) *Tuva in the Scythian Period (Uyuk Culture).* Moscow, Nauka. 117 p. (In Russ.)

Rukavishnikova, I. V., Rukavishnikov, D. V. and Morozov, P. A. (2015) Application of low-altitude aerial photography and geophysical methods in the study of stone kurgans of the Scythian period in the Turano-Uyuk Basin (Tuva). In: Korobov, D. S. (ed.) *Archaeology and Geoinformatics.* Second International Conference. Abstracts of Papers. Moscow, Institute of Archaeology RAS. 52 p. P. 30. (In Russ.)

Savinov, D. G. (1994) Tuva of the Early Scythian period "at the crossroads" of cultural traditions (Aldy-Bel culture). In: Savinov, D. G. (ed.) *Cultural Translations and the Historical Process: Paleolithic–Middle Ages.* St. Petersburg, St Petersburg University Press, 172 p. Pp. 76–89. (In Russ.)

Sambu, I. U. (1994) *Corpus of Archaeological Sites of the Republic of Tuva.* Kyzyl, Restipografia. 192 p. (In Russ.)

Semenov, Vl. A. (1999) Synchronization and chronology of Aldy-Bel type sites in Tuva. In: Kiryushin, Yu. F. and Tishkin, A. A. (eds.) *Results of the Study of the Scythian Epoch of Altai and Adjacent Territories.* Barnaul, Altai State University. 284 p. Pp. 165–169. (In Russ.)

Surazakov, A. S. (1989) On the ethnic interpretation of the monuments of the Pazyryk culture. In: Dobzhansky, V. N. (ed.) *Problems of the Archaeology of the Scythian-Siberian World: Social Structure and Social Relations*: in 2 parts. Kemerovo, Kemerovo State University. Part 2. 148 p. Pp. 44–47. (In Russ.)

Chollet, F. (2018) *Deep Learning with Python.* St. Petersburg, Piter. 400 p. (In Russ.)

Caspari, G. (2020) Mapping and Damage Assessment of "Royal" Burial Mounds in the Siberian Valley of the Kings. *Remote Sensing, vol. 12*(5), article 773. DOI: https://doi.org/10.3390/rs12050773

Chen, F., Zhou, R., Van de Voorde, T., Chen, X., Bourgeois, J., Gheyle, W., Yang, J., Xu, W. (2021) Automatic detection of burial mounds (kurgans) in the Altai Mountains. *ISPRS Journal of Photogrammetry and Remote Sensing,* vol. 177, pp. 217-237. DOI: https://doi.org/10.1016/j.isprsjprs.2021.05.010

Hanani, A., Yakub, F., Azizan, A., Roslan, S., Shairatul, A. R., Ahmad, S. A., Muhammad, S. A. A. (2022) A Review on Deep Learning Application for Detection of Archaeological Structures. *Journal of Advanced Research in Applied Sciences and Engineering Technology*, vol. 26, issue 1, pp. 7–14.

Soroush, M., Mehrtash, A., Khazraee, E., Jason, Ur A. (2020) Deep Learning in Archaeological Remote Sensing: Automated Qanat Detection in the Kurdistan Region of Iraq. *Remote Sensing*, vol. 12 (3), article 500, pp. 1–18. DOI: https://doi.org/10.3390/rs12030500

Vavulin, M. V., Chugunov, K. V., Zaitceva, O. V., Vodyasov, E. V. Pushkarev, A. A. (2021) UAV-based photogrammetry: Assessing the application potential and effectiveness for archaeological monitoring and surveying in the research on the 'valley of the kings' (Tuva, Russia). *Digital Applications in Archaeology and Cultural Heritage*, vol. 20, article e00172. DOI: https://doi.org/10.1016/j.daach.2021.e00172

Verschoof-van der Vaart, L., K. (2021) Applying automated object detection in archaeological practice: A case study from the southern Netherlands. *Archaeological Prospection*, vol. 29 (341), pp. 1–17. DOI: https://doi.org/10.1002/arp.1833

Zhogova, A., Oleszczak, L., Michalczewski K., Pienkos I., Caspari, G. (2023) Identifying seasonal settlement sites and land use continuity in the prehistoric southern Siberian steppe — Zhelvak 5 (Tuva). *Archaeological Research in Asia*, vol. 35, article 100467. DOI: https://doi.org/10.1016/j.ara.2023.100467

Submission date: 14.04.2025.
Acceptance date: 21.05.2025.

DOI: 10.25178/nit.2025.4.15

Статья

Паттерн интернет-зависимого поведения у подростков Республики Тыва

Ольга И. Зайцева, Татьяна А. Колодяжная, Жанна Г. Зайцева
Научно-исследовательский институт медицинских проблем Севера — обособленное подразделение ФИЦ КНЦ СО РАН, Российская Федерация

В статье анализируется структура интернет-аддикций, этапы становления паттерна интернет-зависимого поведения у подростков, проживающих в Республике Тыва. Рассматриваются возрастные, гендерные и этнические аспекты данного паттерна. Исследование базируется на материалах психологического обследования 223 школьников в возрасте 12–18 лет, проведенного весной 2023 г. и весной 2024 г. Диагностическим инструментом выступает скрининговый опросник «Шкала интернет-зависимости Чена».

Установлено, что в основе интернет-зависимого поведения у всех подростков лежит устойчивый и выраженный паттерн, включающий пять интернет-аддикций. Первый этап развития паттерна характеризуется ограниченным числом (1–4) интернет-аддикций. Второй этап содержит полное количество интернет-аддикций и, соответственно, оформленный паттерн интернет-зависимого поведения. Особенностями паттерна интернет-зависимого поведения возрастного порядка следует считать возросшую в 2,1 раза частоту компульсивных симптомов и в 2,4 раза — внутриличностных проблем, а также проблем, связанных со здоровьем у младших подростков-тувинцев с интернет-зависимостью в сравнении со старшими тувинскими подростками с такой же зависимостью.

Гендерное своеобразие паттерна проявляется доминированием в 1,9 раза симптомов отмены и признаков толерантности у девочек-тувинок с интернет-зависимостью. Этнические аспекты паттерна интернет-зависимости поведения у подростков-тувинцев проявляются в 2 раза большим числом интернет-аддикций и повышенными количественными показателями шкал.

Ключевые слова: *Республика Тыва; тувинцы; русские Тувы; подросток; интернет-аддикция; паттерн*

Для цитирования:
Зайцева О. И., Колодяжная Т. А., Зайцева Ж. Г. Паттерн интернет-зависимого поведения у подростков Республики Тыва // Новые исследования Тувы. 2025. № 4. С. 267-286. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.15

Зайцева Ольга Исаевна — доктор медицинских наук, главный научный сотрудник лаборатории клинической патофизиологии Научно-исследовательского института медицинских проблем Севера — обособленного подразделения ФИЦ КНЦ СО РАН. Адрес: 660022, Россия, г. Красноярск, ул. Партизана Железняка, д. 3г. Эл. адрес: 1081959@mail.ru
Колодяжная Татьяна Александровна — кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории клинической патофизиологии Научно-исследовательского института медицинских проблем Севера — обособленного подразделения ФИЦ КНЦ СО РАН. Адрес: 660022, Россия, г. Красноярск, ул. Партизана Железняка, д. 3г. Эл. адрес: tat2360955@mail.ru
Зайцева Жанна Геннадьевна — младший научный сотрудник лаборатории клинической патофизиологии Научно-исследовательского института медицинских проблем Севера — обособленного подразделения ФИЦ КНЦ СО РАН. Адрес: 660022, Россия, г. Красноярск, ул. Партизана Железняка, д. 3г. Эл. адрес: 89831549968@mail.ru

Article

The pattern of Internet-dependent behavior among adolescents in the Republic of Tuva

Olga I. Zaitseva, Tatiana A. Kolodiazhnaia, Zhanna G. Zaitseva
Research Institute of Medical Problems of the North, Federal Research Center "Krasnoyarsk Science Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences", Russian Federation

This article analyzes the structure of Internet addictions and the stages in the formation of Internet-dependent behavior patterns among adolescents living in the Republic of Tuva. The authors examine the age, gender, and ethnic aspects of this behavioral pattern. The study is based on the psychological assessment materials of 223 schoolchildren aged 12 to 18, conducted in the spring of 2023 and spring of 2024. The diagnostic tool used was Chen's Internet Addiction Scale screening questionnaire.

It was found that Internet-dependent behavior in all adolescents is rooted in a stable and pronounced pattern comprising five Internet addictions. The first stage of pattern development is characterized by a limited number (1–4) of Internet addictions. The second stage involves the full set of Internet addictions and, accordingly, the formation of a complete pattern of Internet-dependent behavior. Age-related features of the Internet-dependent behavior pattern include a 2.1-fold increase in the frequency of compulsive symptoms and a 2.4-fold increase in intrapersonal problems, as well as health-related issues in younger Tuvan adolescents with Internet addiction compared to older Tuvan adolescents with the same dependency.

The gender-specific characteristics of the pattern are manifested in a 1.9-fold dominance of withdrawal symptoms and signs of tolerance among Tuvan girls with Internet addiction. Ethnic aspects of the Internet addiction behavior pattern in Tuvan adolescents are reflected in twice as many Internet addictions and elevated quantitative indicators on the relevant scales.

Keywords: *Republic of Tuva; Tuvans; Russians of Tuva; adolescent; Internet addiction; behavior pattern*

For citation:
Zaitseva O. I., Kolodiazhnaia T. A. and Zaitseva Zh. G. The pattern of Internet-dependent behavior among adolescents in the Republic of Tuva. *New Research of Tuva*, 2025, no. 4, pp. 267-286. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.15

ZAITSEVA, Olga Isaevna, Doctor of Medical Sciences, Chief Researcher, Laboratory of Clinical Pathophysiology, Research Institute of Medical Problems of the North, Federal Research Center "Krasnoyarsk Science Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences". Postal address: 3 Partizana Zheleznyaka St., 660022, Krasnoyarsk, Russia. Email: 1081959@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7199-2308

KOLODYAZHNAYA, Tatyana Aleksandrovna, Candidate of Biological Sciences, Leading Researcher, Laboratory of Clinical Pathophysiology, Research Institute of Medical Problems of the North, Federal Research Center "Krasnoyarsk Science Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences". Postal address: 3 Partizaan Zheleznyaka St., 660022, Krasnoyarsk, Russia. Email: tat2360955@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5695-4880

ZAYTSEVA, Zhanna Gennadievna, Junior Researcher, Laboratory of Clinical Pathophysiology, Research Institute of Medical Problems of the North, Federal Research Center "Krasnoyarsk Science Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences". Postal address: 3 Partizana Zheleznyaka St., 660022, Krasnoyarsk, Russia. Email: 89831549968@mail.ru
ORCID: 0000-001-6863-7014

Введение

В последнее время психическое неблагополучие подрастающего поколения, связанное с Интернетом, является растущей проблемой как в зарубежных странах (Alimoradi et al., 2019; Becirovic, Pajevic, 2020), так и в России (Шутова, Баранова, 2017; Макарова, Резников, 2020; Шубина, Терещенко, Горбачева, 2022). Многочисленные исследования подтверждают тот факт, что недостаточно контролируемое поведение, связанное с использованием Интернета подростками, влечет пагубные последствия для их психического и физического здоровья, снижая качество социального и личностного функционирования (Хуторянская, Петрова, Нургалиева, 2019; Семенова и др., 2020; Куприянчук, Ладухина, Лисовцева, 2022). Такое психологическое состояние индивида расценивается специалистами как интернет-зависимость (ИЗ). По определению М. И. Дрепа, интернет-зависимость — это «компульсивное желание войти в Интернет, находясь в offline, и невозможность выйти из Интернета, находясь в online» (Дрепа, 2009: 190).

Феномен ИЗ поведения в текущее время активно изучается, в том числе и у подрастающего поколения. Широкое научное признание получили труды В. Л. Малыгина и соавторов (Малыгин, Феклисов, 2011; и др.[1]), в которых четко изложены диагностические критерии интернет-зависимого поведения у подростков, включающие в себя следующие признаки:

— компульсивность: навязчивое (компульсивное) стремление использования Интернета, рост значимости Интернета для подростка в его системе интересов и ценностей;

— толерантность: необходимость тратить все больше времени на Интернет, возрастающая потребность в приобретении чрезмерного количества новейших устройств для использования Интернета;

— абстиненция: изменение настроения (появление симптомов отмены) при отсутствии доступа в Интернет (депрессия, тревога, агрессивность), использование Интернета для снятия дисфории;

— конфликт: чрезмерное использование Интернета, несмотря на негативные психосоциальные последствия; потеря предыдущих интересов и развлечений в результате чрезмерного пребывания в интернете; потеря социальных связей, образовательных и спортивных возможностей в результате чрезмерного использования Интернета; споры и ложь в отношении использования Интернета, наличие рецидивов (напрасные самостоятельные усилия контролировать использование Интернета) (Малыгин, 2011: 128–132).

Многие исследователи сходятся во мнении, что для становления ИЗ поведения в каждом конкретном случае имеет место сочетанное влияние врожденных свойств функционирования нервной системы: особенности морфологии нервной ткани, функционирование нейромедиаторных систем (Кибитов и др., 2020; Абдрахманова и др., 2022; Kaess et al., 2017; Lu et al., 2017; Tereshchenko, Kasparov, 2019; Vaccaro, Potenza, 2019; Doh et al., 2020; Hong et al., 2023) с разнообразными внешнесредовыми факторами. В контексте изучаемой проблемы заслуживают внимания работы авторов, демонстрирующие взаимосвязь определенных нейрофизиологических характеристик индивидов с субъективным поведением интернет-зависимых людей (Durkee et al., 2016, Jiang et al., 2022; и др.[2]). Судить же о реальной интернет-зависимости следует только при наличии всех вышеперечисленных специфических признаков (интернет-аддикций) у индивида.

В научной литературе широко пользуются понятием устойчивый и выраженный паттерн ИЗ поведения. Проанализировав и обобщив суждения авторитетных специалистов по этому вопросу (Малыгин, Феклисов, 2011; Солдатова, Рассказова, 2013), можно сказать, что под термином «паттерн ИЗ поведения» следует понимать специфическую устойчивую систему действий и характерных психоэмоциональных проявлений индивидом, обусловленные чрезмерным использованием Интернета. В целом понятие включает в себя неконтролируемое время пребывания в сети Интернет, отказ от дру-

[1] Малыгин В. Л., Хомерики Н. С., Антоненко А. А. Индивидуально-психологические свойства подростков как факторы риска формирования интернет-зависимого поведения [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России. 2015. Т. 30. № 7. С. 7. URL: http://mprj.ru/archiv_global/2015_4_33/nomer01.php (дата обращения: 20.03.2024).

[2] Тарасова М. Г. Социально-психологические проявления интернет-зависимости и ее сущность // Молодой ученый. 2021. Т. 365. № 23. С. 482–484. URL: https://moluch.ru/archive/365/82129/ (дата обращения: 14.06.2024); Северин, А. П. (2020) Нейрофизиологические паттерны интернет-зависимости [Электронный ресурс] // Глобус. Т. 51. № 5. URL: https://journals.indexcopernicus.com/api/file/viewByFileId/1074088 (дата обращения: 14.06.2024).

гих видов деятельности, ухудшение социальных отношений и проблемы с психическим и физическим здоровьем.

Наиболее уязвимую категорию в этом плане составляют подростки (Конарева, Самойлова, 2022). Подверженность подростков интернет-зависимости обусловлена психофизиологическими и физическими преобразования в растущем организме (Эверт и др., 2020; Кочерова и др., 2024). Именно в этом возрасте идет формирование ключевых психических функций и развитие навыков общения[1]. Чрезмерное информационное воздействие Интернета влечет негативные последствия в виде шокирующей информации, неудовлетворения потребностей, включая потребность в общении. Стремление избавиться от психологического дискомфорта реализуется зачастую подростками посредством ухода в виртуальную реальность Интернета и создает те условия, в которых формируется интернет-зависимость (Розанов, 2018; Tran et al., 2017; Miao et al., 2018; Müller et al., 2017).

Поэтому мы считаем, что концептуальный подход к проблеме, рассматриваемой в статье, должен базироваться на фундаментальных знаниях и методологических принципах, включающих современные психофизиологические и генетические сведения касательно развития симптомов интернет-зависимости у современного человека. При этом анализ полученного научного материала должен осуществляться с учетом новых сведений по возрастной физиологии и этнопсихологии.

Однако в России на данный момент наблюдается существенная нехватка эмпирических данных относительно структуры интернет- зависимого поведения у подростков (специфических симптомов и психологических аспектов), проживающих в разных регионах страны, включая территорию Сибири.

Рассматриваемая в статье проблема интернет-зависимости среди подростков чрезвычайно актуальна для подрастающего поколения Республики Тыва. Это обусловлено тем, что подростковое население Республики Тыва развивается в неустойчивых социально-экономических условиях, характеризующихся дисбалансом между социально-психологическими факторами, повышающими риск интернет-зависимого поведения и детерминантами, обеспечивающими устойчивость к воздействию этих факторов риска (Балакина, Бегзи, 2016; Ооржак, 2019; Ламажаа, 2021; Трошкина, Ойдуп, Дилекова, 2024; Трошкина и др., 2024; Севек В., Соян, Севек Р., 2016; Хуторянская, Петрова, Нургалиева, 2019: Электр. ресурс; Ламажаа, 2021; Ооржак, 2019; Ондар, Донгак, Монгуш, 2023). В текущее время проблема ИЗ поведения у подростков в Туве и связанные с ней нежелательные проявления психосоматического нездоровья активно изучаются и освещаются в научной литературе и прежде всего сибирскими учеными (Зайцева и др., 2024; Паничева и др., 2024; Эверт и др., 2024; Фотекова и др., 2024).

В настоящей работе нами предпринята попытка провести исследование, *целью* которого является изучение структурных компонентов паттерна ИЗ поведения у подростков г. Кызыла (Республики Тыва) с учетом этнической принадлежности, возрастных и гендерных различий.

Для реализации поставленной цели сформулированы следующие *задачи:* изучить частоту разных форм поведения в сети Интернет у подростков Кызыла с учетом этнической, возрастной и гендерной принадлежности: минимальный риск ИЗ поведения (МИЗ); склонность к ИЗ поведению (СИЗ); наличие ИЗ поведения (ИЗ); оценить распространенность интернет-аддикций и параметры показателей шкал интернет-аддикций у подростков разного этноса (тувинцы, русские) в зависимости от формы поведения в сети Интернет с учетом возрастной и гендерной принадлежности; выделить этапы становления паттерна интернет-зависимого поведения и изучить содержательные особенности каждого этапа у подростков разного этноса (тувинцы, русские); провести сравнительный анализ интернет-аддикций у представителей анализируемых этнических групп с одинаковыми формами поведения в сети Интернет; сопоставить результаты с данные других авторов.

Материал и методы исследования

Настоящее исследование проведено в рамках научной темы Научно-исследовательского института медицинских проблем Севера (НИИ МПС) Федерального исследовательского центра «Крас-

[1] Малыгин В. Л., Хомерики Н. С., Антоненко А. А. Индивидуально-психологические свойства подростков как факторы риска формирования интернет-зависимого поведения [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России. 2015. Т. 30. № 7. С. 7. URL: http://mprj.ru/archiv_global/2015_4_33/nomer01.php (дата обращения: 20.03.2024).

ноярский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук» (ФИЦ КНЦ СО РАН) (рег. № ЕГИСУ ЕГИСУ № 124020100064-6), темы научно-исследовательской работы (НИР) «Психосоматические расстройства у подростков Центральной Сибири: распространенность, структура, психологические факторы риска и нейрогенетические предикторы» (2024-2026 гг.), выполняемой коллективом клинического отделения соматического и психического здоровья детей (руководитель — д. м. н., профессор С. Ю. Терещенко). Авторы соблюдали этические принципы Хельсинкской декларации Всемирной медицинской ассоциации. Проведение исследования одобрено Комитетом по биомедицинской этике ФИЦ КНЦ СО РАН. После получения информированного согласия родителей ученики были уведомлены о добровольности и конфиденциальности исследования, им предложено заполнить анкеты в течение одного урока в присутствии учителя и исследователя. В случае возникновения у респондентов затруднений в понимании вопросов анкеты учитель и исследователь имели возможность разъяснить их смысл. В ходе анкетирования подростки указывали место рождения и этническую принадлежность, в том числе и этническую принадлежность родителей.

Источником информации для работы служили результаты психологического обследования, проведенного в столице Республике Тыва (г. Кызыл) в марте — мае 2023 г. и в марте — мае 2024 г. Объектом исследования стали учащиеся четырех общеобразовательных школ г. Кызыла в возрасте 12-18 лет, включенные в исследование методом случайной выборки подростков. Общая выборка составила 223 школьника: 173 тувинских подростков (75 мальчиков и 98 девочек) и 50 русских подростков (24 мальчика и 26 девочек). Анализ полученных показателей проводился отдельно в двух возрастных группах: 12–14 лет и 15–18 лет, а также учитывались гендерные и этнические различия. Дизайн исследования предполагал изучение структурных компонентов паттерна ИЗ поведения у подростков разных этнических групп (тувинцы, русские) с учетом возраста и гендерных различий в зависимости от формы поведения в сети Интернет.

Для оценки интернет-аддикций у подростков использовалась «Шкала интернет-зависимости Чена» (Cnen et al., 2003). Преимуществом данного теста является возможность измерять аддикции, относящиеся как к специфическим симптомам интернет-зависимости (компульсивность, толерантность, симптом отмены), так и к исключительно психологическим признакам (способность управлять собственным временем и наличие внутриличностных проблем). Опросник состоит из 26 вопросов, на которые необходимо ответить в течение 10–15 минут.

Тест содержит 5 оценочных шкал:

1. Шкала компульсивных симптомов (Com) — невозможность преодолеть желание войти в Интернет;

2. Шкала симптомов отмены (Wit) — чувство дискомфорта, если приходится прекратить пользоваться Интернетом на определенный период времени;

3. Шкала толерантности (Tol) — заметное возрастание количества времени, которое нужно провести в сети Интернет, чтобы достичь удовлетворения;

4. Шкала внутриличностных проблем и проблем, связанных со здоровьем (IH) — периодические или постоянные физические, социальные или психологические проблемы, которые вызываются использованием сети Интернет;

5. Шкала управления временем (TM) — невозможность контролировать длительность времени пребывания в Интернете, что приводит к недосыпанию, нарушению питания, чувству усталости днем.

Помимо пошкальной оценки существуют 2 типа надшкальных критериев, которые также оценивались — интегральные (ключевые) симптомы непосредственно самой интернет-зависимости, включающие в себя первые 3 шкалы и критерий негативных последствий использования Интернета (последние 2 шкалы). Оцениваются ключевые симптомы интернет-зависимости (КСИЗ, IA-Sym); проблемы психологического плана, связанные с интернет-зависимостью (ПИЗ, IA-RP) и общий CIAS балл. Сумма всех шкал является интегральным показателем, необходимым для установления формы поведения в сети Интернет (МИЗ, СИЗ, ИЗ).

Полученные результаты проанализированы путем сравнения с пороговыми значениями показателей по основным шкалам (оценки средних), которые рекомендованы разработчиками адаптированной версии опросника Чена с выделением критериев оценки интернет-зависимого поведения (Малыгин, Феклисов, 2011):

— минимальный риск интернет-зависимого поведения (МИЗ) констатировали при величине суммарного CIAS-балла по шкале Чена в диапазоне 27–42 балла;

— склонность к возникновению интернет-зависимого поведения (СИЗ) устанавливали при величине суммарного CIAS-балла по шкале Чена в диапазоне 43–64 балла,

— выраженный и устойчивый паттерн интернет-зависимого поведения (ИЗ) фиксировали при величине суммарного CIAS-балла по шкале Чена ⩾ 65 баллов.

Данная методика апробирована российскими исследователями, которые подтверждают высокую точность заявленных показателей интернет-зависимого поведения с высокой степенью надежности (Малыгин, Феклисов, 2011; Зайцева и др., 2024; Паничева и др., 2024; Эверт и др., 2024).

Статистическая обработка производилась с использованием модуля непараметрических статистик программы Statistica 12 for Windows (StatSoft Inc., США). Бинарные признаки представлены в виде % доли и границ доверительного интервала (95% ДИ), оцененного по методу Уилсона (Wilson) и рассчитаны при помощи онлайн-калькулятора. Уровень значимости различий (p) для бинарных качественных признаков при сравнении двух не связанных групп оценивался по критерию $\chi 2$ Пирсона (chi-squrae Pearson), для малых выборок — двусторонний точный критерий Фишера. Количественные признаки оценивались с помощью непараметрического U-критерия Манн-Уитни при сравнении двух несвязанных выборок. Различия между группами считались статистически значимыми при $p \leqslant 0{,}05$.

Частота различных форм поведения в сети Интернет

Встречаемость разных форм поведения в сети Интернет у подростков г. Кызыла, Республика Тыва с учетом этнической принадлежности представлена в *таблице 1*.

Таблица 1. Частота разных форм поведения в сети Интернет у подростков г. Кызыла, Республика Тыва по величине общего CIAS-балла, в %.
Table 1. Frequency of different forms of behavior on the Internet among adolescents in Kyzyl, Republic of Tuva, based on the total CIAS score, in %

Группы	МИЗ (≤42 б.)	СИЗ (43-64 б.)	ИЗ (⩾65 б.)	χ^2	P по χ^2
	[1]	[2]	[3]		
Подростки-тувинцы (n=173)	37,5 30,6–45,0	43,4 36,2–50,8	19,1 13,9–25,6	14,58 23,75	P_{1-3}=0,0001 P_{2-3}<0,001
Подростки-русские (n=50)	48,0 34,8–61,5	52,0 38,4–65,2	–	0,16	P_{1-2}=0,6892

Среди тувинских подростков многочисленными были группы респондентов с МИЗ (P=0,0001) и с СИЗ (P<0,001) в сравнении с учащимися с ИЗ. Однако обращает на себя внимание на тот факт, что ИЗ регистрируется у каждого пятого респондента из выборки тувинских школьников (33 чел. — 19,1%). Среди представителей русской части выборки численность респондентов в группах с МИЗ и с СИЗ была практически одинаковой, а интервьюированные с ИЗ регистрируются в единичных случаях и потому нами не учитываются.

Частота интернет-аддикций

Изучали распространенность интернет-аддикций и интегральных критериев ИЗ по шкалам CIAS у подростков г. Кызыла, Республика Тыва. Результаты представлены в *таблице 2*.

Для тувинских подростков с МИЗ характерным является отсутствие интернет-аддикций, фиксируемых опросником Чена. Испытуемым данной группы в целом свойственно спокойно обходиться без каких-либо электронных устройств в свободное время, предпочитая нахождению в сети Интернет иное времяпрепровождение (помощь по дому, спорт, занятия музыкой), поэтому пользование Интернетом подростками данной группы считается адаптивным. В то же время почти у каждого чет-

вертого испытуемого этой группы регистрируются специфические симптомы ИЗ поведения, а именно, компульсивные реакции (шкала Com: 15 чел. — 23,0%). Выявленные качественные характеристики шкальных показателей отражаются на частоте интегрального показателя «Ключевые симптомы интернет-зависимости», который определяется у каждого девятого школьника (IA –Sym: 9 чел. — 13,8%).

Таблица 2. Частота интернет-аддикций у подростков г. Кызыла, Республика Тыва с разными формами поведения в сети Интернет, в %
Table 2. Frequency of Internet addiction among adolescents in Kyzyl, Republic of Tuva with different forms of behavior on the Internet, in %

Группы	подростки-тувинцы			χ^2	P по χ^2
	МИЗ (≤42 б.) n=65	СИЗ (43–64 б.) n=73	ИЗ (≥65 б.) n=33		
	[1]	[2]	[3]		
Com ⩾9 б.	23,0 14,5–37,7	83,5 73,3–90,3	96,9 84,2–99,2	17,21 24,35	P_{1-2}<0,001 P_{1-3}<0,001
Wit ⩾ 11 б.	–	49,3 38,1–60,5	93,9 80,3–98,1	19,46	P_{2-3}<0,001
Tol ⩾ 10 б.	–	45,2 34,2–56,6	84,8 68,9–93,2	14,62	P_{2-3}=0,0001
IH⩾ 11 б.	–	79,4 68,7–87,1	90,9 76,3–96,6	10,05	P_{2-3}=0,0002
TM ⩾ 10 б.	–	61,6 50,1–71,9	87,8 72,5–95,0	5,83	P_{2-3}=0,0158
IA –Sym ⩾ 26 б	13,8 7,5–24,3	84,9 74,9–91,3	90,9 76,3–96,6	18,05 20,55	P_{1-2}<0,001 P_{1-3}<0,001
IA-RP ⩾ 20 б.	–	86,3 76,5–92,3	87,8 72,5–95,0	21,46	P_{2-3}<0,001
	подростки-русские			χ^2	P по χ^2
	МИЗ (≤42 б.) n=24	СИЗ (43-64 б.) n=26	ИЗ (⩾65 б.) n=0		
Com ⩾9 б.	–	73,0 53,7–86,2	–		
Wit ⩾ 11 б.	–	42,3 25,4–61,2	–		
Tol ⩾ 10 б.	–	38,4 22,3–57,6	–		
IH⩾ 11 б.	–	57,7 38,7–74,5	–		
TM ⩾ 10 б.	–	38,4 22,3–57,6	–		
IA –Sym ⩾ 26 б	–	80,7 61,9–91,3	–		
IA-RP ⩾ 20 б.	–	53,8 35,3–71,3			

Интересна динамика показателей частоты интернет-аддикций у тувинских школьников группы СИЗ. У испытуемых данной группы отмечается стремительный рост компульсивных симптомов (шкала Com: 61 чел. — 83,5%), что означает постоянное желание этих подростков находиться в сети Интернет, где они и проводят все свободное время. Помимо этого у них возникают трудности управления временем (шкала ТМ: 45 чел. — 61,6%) и появляются внутриличностные проблемы и проблемы связанные со здоровьем (шкала IH: 58 чел. — 79,4%). Кроме того, в случае сокращения времени проводимого в сети Интернет, половина респондентов-тувинцев с СИЗ испытывает психоэмоциональный дискомфорт, о чем свидетельствуют симптомы отмены (шкала Wit: 36 чел. — 49,3%) и возникает необходимость увеличения времени, проводимого в сети Интернет, для достижения удовлетворения — признаки толерантности (шкала Tol: 36 чел. — 45,2%). Суммируя вышеперечисленное следует отметить, что для испытуемых-тувинцев группы СИЗ характерны различные комбинации 2–4 вышеперечисленных интернет-аддикций, что отражается на частоте интегральных показателей: ключевые симптомы Интернет зависимости (IA-Sym: 62 чел. — 84,9%) и негативные последствия использования Интернета (IA-RP: 63 чел. — 86,3%). По мнению С. Э. Давтян, ощущение душевного подъема, радостного возбуждения от выхода в Интернет, а также утаивание от родителей действительного времени пребывания в сети, являются признаками первого (доаддиктивного) этапа развития паттерна ИЗ поведения (Давтян, 2000). Само же поведение таких подростков в Интернете расценивается как чрезмерное использование Интернета.

Для каждого тувинского подростка с ИЗ характерно наличие всех пяти аддиктивных признаков ИЗ поведения подростка в отличие от подростков вышеописанных групп, что свидетельствует о присутствии сформированного и устойчивого паттерна ИЗ поведения. У подростков-тувинцев с ИЗ частота компульсивных реакций нарастает в 1,2 раза в сравнении с аналогичной группой с СИЗ (Com: P<0,001) и в 4,2 раза — с группой респондентов-тувинцев с МИЗ (Com: P<0,001), что проявляется навязчивым побуждением к выходу в Интернет и проблемами с волевым контролем. Регистрируется учащение в 1,9 раза симптомов отмены у респондентов-тувинцев с ИЗ в сравнении с аналогичной группой с СИЗ (Wit: P<0,001), что обусловлено недостатком времени, проводимого в сети Интернет. Такая ситуация в большинстве случаев сопровождается тревогой, психомоторным возбуждением, изменением настроения, мечтой об очередном выходе в сеть. Испытуемые тувинцы ИЗ проявляют в 1,7 раза большую толерантность в сравнении с респондентами-тувинцами с СИЗ (Tol: P=0,0011), что подразумевает увеличения количества времени проводимого в сети Интернет для достижения удовлетворения. Регистрируется высокая частота ключевых симптомов интернет-зависимости (IA-Sym: 30 чел. — 90,9%,) и негативных последствий использования Интернета (IA-RP: 29 чел. — 87,8%).

Далее мы проанализировали частоту интернет-аддикций у представителей русской части выборки. Поведение в сети Интернет русских подростков с МИЗ характеризуется отсутствием интернет-аддикций, а встречаемые в единичных случаях специфические симптомы не учитывались. Такое поведение в сети Интернет соответствует адаптивному пользованию Интернетом. У испытуемых русских с СИЗ наблюдается схожая с подростками-тувинцами с СИЗ динамика показателей частоты интернет-аддикций, характеризующаяся появлением у преобладающего числа русских подростков компульсивных симптомов (Com: 19 чел. — 73,0%) и внутриличностных проблем и проблем связанных со здоровьем (IH: 15 чел. — 57,7%). Остальные интернет-аддикции встречаются у меньшего числа русских подростков. Наряду с этим у подавляющего большинства русских подростков регистрируются ключевые симптомы интернет-зависимости (IA –Sym: 21 чел. — 80,7%) и негативные последствия использования Интернета (IA-RP: 14 чел. — 53,8%).

Для всесторонней оценки интернет-аддикций, составляющих паттерн ИЗ поведения, у подростков г. Кызыла изучены параметры (количественные значения) показателей шкал опросника Чена, представленные в *таблице 3*.

У подростков-тувинцев с МИЗ по анализируемым шкалам и интегральным критериям регистрируются количественные показатели в диапазоне нормативных интервалов шкалы CIAS, что подтверждает данную ранее им характеристику, как рациональных и адаптивных пользователей Интернета. В группе тувинских подростков СИЗ в сопоставлении с группой респондентов-тувинцев с МИЗ наблюдается статистически значимое превышение нормативных параметров по шкалам: компульсивность (Com: P<0,001), толерантность (Tol: P=0,0019), внутриличностные проблемы и проблемы связанные со здоровьем (IH, P=0,0013), управление временем (ТМ: P=0,0042), а также по шка-

лам интегральных критериев: ключевые симптомы интернет-зависимости (IA –Sym: P<0,001) и психологические проблемы, связанные с интернет-зависимостью (IA-RP: P=0,0040). Не превышает нормативные параметры показатель шкалы симптомов отмены (Wit=10 б.), несмотря на статистически значимый рост данного показателя в группе школьников с СИЗ (Wit: P=0,0004) в сравнении аналогичным показателем в группе респондентов с МИЗ. Весьма важной чертой группы подростков с СИЗ является нормальный показатель шкалы симптомов отмены, свидетельствующим о стабильном психоэмоциональном состоянии подростков вне зависимости от сети Интернет. Однако в целом, выявленный диапазон показателей шкалы CIAS у школьников с СИЗ указывает на нерациональное использование Интернета данной когортой подростков и склонность к формированию паттерна ИЗ поведения у них (первый этап становления паттерна ИЗ поведения — доаддиктивный). Полученные результаты соответствуют оценке, данной этой группе ранее. Респонденты-тувинцы с ИЗ демонстрируют статистически значимо высокие показатели по всем шкалам CIAS (P<0,001) в сравнении с учащимися-тувинцами с МИЗ (P<0,001) и с группой СИЗ (P<0,001), что указывает на существование устойчивого и выраженного паттерна ИЗ поведения у них (второй этап становления паттерна ИЗ поведения — аддиктивный).

Таблица 3. Параметры показателей шкал и интегральных критериев интернет-аддикций у подростков г. Кызыла с разными формами поведения в сети Интернет, в балах
Table 3. Parameters of the scales and integral criteria of Internet addictions in adolescents from Kyzyl with different forms of behavior on the Internet, in points

Шкалы	подростки-тувинцы						P по M–W
	МИЗ (≤42б.) n=65		СИЗ (43–64 б.) n=73		ИЗ (≥65 б.) n=33		
	[1]		[2]		[3]		
	Me	25‰–75‰	Me	25‰–75‰	Me	25‰–75‰	
Com ⩾ 9 б.	7,0	6,0–8,0	10,0	9,0–12,0	15,0	14,0–17,0	$P_{1-2,3}$<0,001 P_{2-3}<0,001
Wit ⩾ 11 б.	7,0	6,0–8,0	10,0	9,0–12,0	16,0	14,0–8,0	P_{1-2}=0,0004 $P_{1,2-3}$<0,001
Tol ⩾ 10 б.	6,5	5,0–7,0	10,0	9,0–11,0	12,0	10,0–4,0	P_{1-2}=0,0019 $P_{1,2-3}$<0,001
IH ⩾ 11 б.	9,0	7,0–10,0	13,0	11,0–15,0	19,0	16,0–0,0	P_{1-2}=0,0013 $P_{1,2-3}$<0,001
TM ⩾ 10 б.	7,0	6,0–8,0	10,0	9,0–12,0	14,0	12,0–17,0	P_{1-2}=0,0042 $P_{1,2-3}$<0,001
IA-Sym ⩾ 26 б	21,0	18,0–23,0	30,5	27,5–34,0	43,0	40,0–47,0	$P_{1-2,3}$<0,001 P_{2-3}<0,001
IA-RP ⩾ 20 б.	15	14,0–17,0	23,0	21,0–26,0	32,0	29,0–6,0	P_{1-2}=0,0040 $P_{1,2-3}$<0,001

	подростки-русские						
	МИЗ (≤42б.) n=24		СИЗ (43–64 б.) n=26		ИЗ (≥65 б.) n=0		
	[1]		[2]		[3]		
Com ⩾ 9 б.	7,0	5,5–8,0	11,0	10,0–11,0	–	–	P_{1-2}<0,001
Wit ⩾ 11 б.	7,5	5,5–8,0	10,0	9,0–12,0	–	–	P_{1-2}=0,0110
Tol ⩾ 10 б.	5,5	4,5–7,0	9,0	8,0–10,0	–	–	P_{1-2}=0,0007
IH ⩾ 11 б.	7,5	7,0–9,5	12,0	9,0–14,0	–	–	P_{1-2}=0,0005
TM ⩾ 10 б.	6,0	6,0–7,0	9,0	8,0–10,0	–	–	P_{1-2}<0,001
IA-Sym ⩾ 26 б	20,5	17,5–23,0	30,0	27,0–32,0	–	–	P_{1-2}=0,0001
IA-RP ⩾ 20 б.	14,0	13,0–17,0	21,0	18,0– 25,0	–	–	P_{1-2}<0,001

Полученные количественные показатели специфических симптомов и психологических признаков ИЗ у представителей русской части выборки полностью подтверждают описанную выше характеристику, данную этим группам. В группе русских подростков с МИЗ параметры изучаемых показателей опросника Чена не превышают нормативные параметры. Испытуемые русские с СИЗ в отличие от аналогичной группы респондентов с МИЗ демонстрируют превышение нормативных параметров по шкалам: компульсивные симптомы (P<0,001), внутриличностные проблемы и проблемы связанные со здоровьем (IH: P=0,0005), а также по параметрам шкал интегральных критериев: ключевые симптомы интернет-зависимости (IA-Sym: P<0,001) и психологические проблемы, связанные с интернет-зависимостью (IA-RP: P=0,0005).

Следующим этапом рассмотрели возрастные и гендерные особенности паттерна ИЗ поведения у подростков, представленные в группе этнических тувинцев с ИЗ. Результаты продемонстрированы в *диаграмме 1*.

Подростки-тувинцы с ИЗ 11–14 лет в отличие от аналогичной группы респондентов-тувинцев 15–18 лет демонстрируют в 2,1 раза чаще компульсивность (Com: P=0,0001) и в 2,4 раза чаще внутриличностные проблемы и проблемы связанные со здоровьем (IH: P=0,0002). Анализируя частоту аддиктивных симптомов ИЗ поведения у подростков-тувинцев с ИЗ с учетом гендерной принадлежности, выявлены худшие показатели частоты интернет-аддикций у девочек-тувинок с ИЗ. У девочек-тувинок с ИЗ в сравнении с аналогичной группой мальчиков-тувинцев в 1,9 раза чаще встречаются симптомы отмены (Wit: P=0,0007) и симптомы толерантности (Tol: P=0,0025).

Выявлены этнические особенности паттерна ИЗ поведения, определяемые на доаддиктивном этапе в группе мальчиков-подростков с СИЗ. Результаты представлены в *диаграмме 2*.

Тувинские мальчики-подростки с СИЗ в сравнении с русскими мальчиками с СИЗ демонстрируют статистически значимо высокие количественные показатели: шкала «компульсивность, Com» — в 1,3 раза выше, (P=0,0357); шкала «внутриличностные проблемы и проблемы, связанные со здоровьем, IH» — в 1,2 раза, (P=0,0472); шкала «Ключевые симптомы ИЗ, IA-Sym» — в 1,15 раза (P=0,0124). Дополнительной чертой этнического плана паттерна ИЗ поведения является наличие у подавляющего большинства тувинских подростков с СИЗ в 1,5 раза большего числа специфических аддикций.

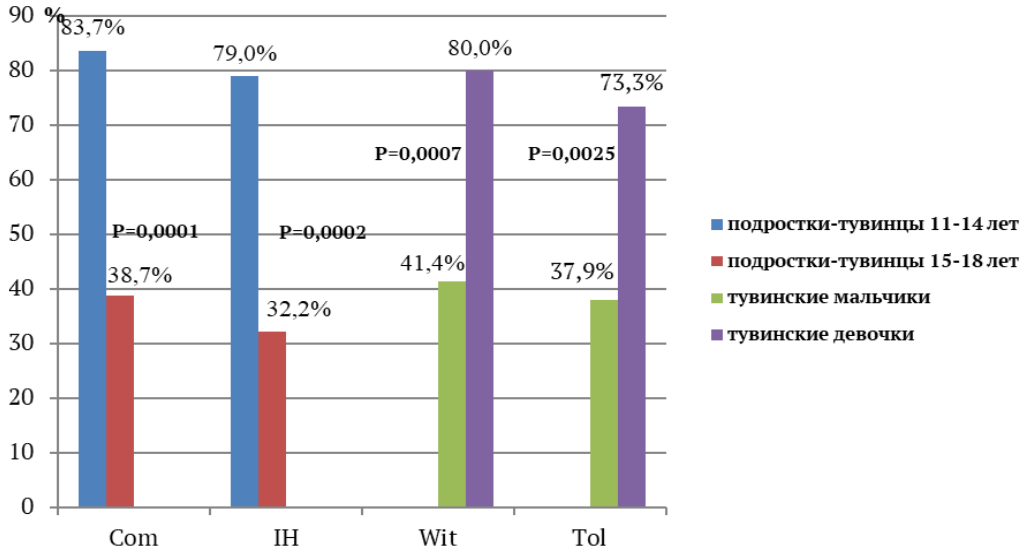

Диаграмма 1. Частота интернет-аддикций у подростков-тувинцев с интернет- зависимым поведением по шкале CIAS с учетом возраста и пола, в %.
Diagram 1. Frequency of Internet addictions in Tuvan adolescents with Internet-dependent behavior according to the CIAS scale, considering age and gender, in %.

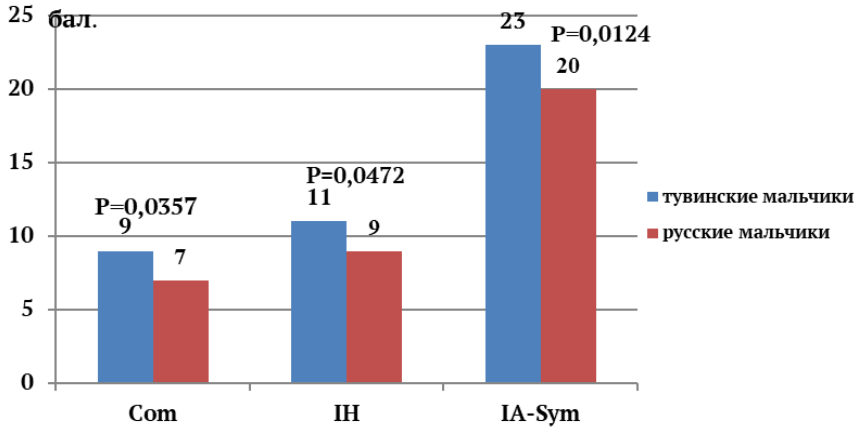

Диаграмма 2. Количественные показатели шкал «компульсивность», «внутриличностные проблемы и проблемы со здоровьем», «ключевые симптомы ИЗ» у тувинских и русских мальчиков, в баллах.
Diagram 2. Quantitative indicators of the scales "compulsivity", "intrapersonal problems and health problems", "key symptoms of IZ" in Tuvan and Russian boys, in points.

У тувинских подростков с СИЗ помимо широко распространенных интернет-аддикций, встречающихся у подростков разных этнических групп с СИЗ: компульсивные симптомы (русские подростки с СИЗ: шкала Com: 19 чел. — 86,3%, и тувинские подростки с СИЗ: шкала Com: 61 чел. — 83,5%) и внутриличностные проблемы и проблемы, связанные со здоровьем (русские подростки с СИЗ: шкала IH: 14 чел. — 63,6% и тувинские подростки с СИЗ: шкала IH: 58 чел. — 79,4%), у подростков-тувинцев добавляется еще один признак — трудность управления временем (шкала TM: 45 чел. — 61,6%).

Этапы становления паттерна интернет-зависимого поведения

Тщательное изучение показателей шкал опросника Чена «Шкала интернет-зависимости» у подростков г. Кызыла позволяет установить этапы формирования паттерна ИЗ поведения и обозначить его содержательные особенности.

Выделены следующие этапы развития паттерна ИЗ поведения:

— *первый этап (доаддиктивный)*: характеризуется чрезмерным использованием Интернета. Ему соответствуют превышающие норму значения суммарного CIAS-балла, но не достигающие пока границы патологического использования (43–64 баллов). Указанный диапазон суммарного CIAS-балла демонстрируют подростки, склонные к ИЗ-поведению (СИЗ). Содержательной особенностью доаддиктивного этапа является наличие только нескольких интернет-аддикций у подростков из 5 возможных признаков опросника Чена. Для тувинских подростков СИЗ характерным является комбинация 2–3 интернет-аддикций из выявляемых четырех признаков ИЗ. У преобладающего большинства тувинских подростков самыми распространенными признаками были: компульсивные симптомы (Com: 10 баллов; 61 чел. —83,5%), внутриличностные проблемы и проблемы, связанные со здоровьем (IH: 13 баллов; 58 чел. — 79,4%), трудность управления временем (TM: 10 баллов; 45 чел. — 61,6%). В то же время у подавляющего большинства русских подростков СИЗ распространенными были только 2 специфических признака: компульсивные симптомы (Com: 11 баллов; 19 чел. — 86,3%) и внутриличностные проблемы и проблемы, связанные со здоровьем (IH: 12 баллов; 14 чел. — 63,6%). Следует отметить, что остальные интернет-аддикции регистрируются у меньшего числа русских респондентов и, соответственно, средние значения количественных показателей по этим шкалам остаются в норме. По всей видимости, наблюдаемая нами неблагоприятная динамика показателей интернет-аддикций у тувинских подростков обусловлена разносторонними факторами риска формирования ИЗ. Они включают в себя социально-бытовые, межличностные и внутриличностные (генетически детерминированные) категории, причем последние признаются исследователями более значимыми факторами. На это указывают исследования сибирских ученых-генетиков, обнаруживших среди представителей тувинского этноса достоверно высокую частоту S-аллель гена транспортера серотонина (5-HTT gene-linked promoter region, 5-HTTLPR), имеющего тесную взаимосвязь с психопатологическими синдромами у коренного населения Сибири (Савостьянов и др., 2014). Выявленные особенности поведения показателей интернет-аддикций являются проявлением этического своеобразия паттерна ИЗ поведения.

Обращает на себя внимание тот факт, что среди тувинских подростков с адекватным пользованием Интернета (группа МИЗ: суммарный CIAS-балл в диапазоне 27–42 балла) не реже чем у каждого пятого респондента этой группы (23,0%) показатель шкалы компульсивность превышает пороговые значения (Com ⩾9 б.). Наличие у небольшой части тувинских подростков лишь одного специфического признака ИЗ поведения, в частности, компульсивности, не позволяет, согласно ключу опросника Чена, интерпретировать его как аддикцию. Специалистами в этой области наличие одного специфического симптома расценивается как проявление современного образа жизни и не должно вызывать на первый взгляд настороженности по поводу риска чрезмерного использования Интернета (Малыгин, Феклисов, 2011; Солдатова, Рассказова, 2013). В то же самое время эти же авторы указывают, что непреодолимое желание часто пользоваться Интернетом (компульсивность) может быть самым ранним признаком паттерна ИЗ поведения у подростков;

— *второй этап (аддиктивный)*: выраженный и устойчивый паттерн интернет-зависимого поведения этап. Ему соответствуют значения суммарного CIAS-балла, достигающие и превышающие границы патологического использования Интернетом (⩽65 баллов), регистрируемые в группе подростков с ИЗ поведением. Содержательной особенностью аддиктивного этапа паттерна ИЗ поведения является наличие у группы подростков с ИЗ всех пяти компонентов интернет-зависимости по опроснику Чена. В группе тувинских подростков с ИЗ специфические симптомы и психологические признаки интернет-зависимости регистрируются с частотой 84,8–96,9%. У русских подростков ИЗ поведение регистрировалось в единичных случаях.

Обсуждение

Психологическое тестирование подростков г. Кызыла, Республика Тува при помощи опросника Чена «Шкала интернет-зависимости» позволяет установить частоту различных форм поведения в сети Интернет по величине суммарного CIAS-балла. Независимо от этнической принадлежности минимальный риск интернет-зависимого поведения регистрируется чаще, чем у каждого третьего подростка (группа МИЗ: тувинские подростки — 37,5% и русские школьники — 48,0%). Подобная частота регистрируется у подростков-тувинцев, склонных к ИЗ поведению (группа СИЗ: респонденты-

тувинцы — 43,4% и русские учащиеся — 52,0%). Меньшей по численности была группа подростков с интернет-зависимостью, определяемая в выборке только тувинских подростков (19,1%).

Для интерпретации полученных нами результатов мы произвели сравнение с показателями российских авторов и с данными зарубежных исследователей. В качестве диагностического инструментария при проведении исследований в России чаще используется шкала интернет-зависимости Чена (CIAS), в зарубежном проекте SEYLE — опросник К. Янг (IAT). Установленная в настоящем исследовании частота ИЗ поведения среди подростков коренного населения г. Кызыла, Республика Тыва (19,1%) существенно превышает показатели отечественных исследователей, полученные у подростков, проживающих в городах-миллионерах и мегаполюсах: г. Москва и Подмосковье — 4,25%[1], г. Красноярск (Центральная Сибирь) — 6,8% (Семенова и др., 2020). Подобные результаты (3,8–5,2%) получили авторы крупномасштабного зарубежного проекта SEYLE, проведенного среди подростков одиннадцати европейских стран (Durkee et al., 2016; Wasserman, 2016). Наряду с этим, сопоставимые с подростками-тувинцами показатели частоты ИЗ поведения у подростков установлены российскими исследователями в г. Сургуте (население до 500 тыс. чел.), Ханты-Мансийский автономный округ — 21,0% (Конарева, Самойлова, 2022).

По всей видимости, многозначность результатов, полученных в российских регионах и в зарубежных странах, указывает на зависимость показателя частоты ИЗ поведения в подростковой среде от многих причин, включая неблагоприятные социальные, региональные факторы и этнокультурные особенности, а также методологию исследования (объем выборки исследования) и используемый диагностический инструментарий. В то же время в научной среде сложилось альтернативное суждение, согласно которому причина высокой распространенности чрезмерного использования Интернета в отдельных регионах России кроется в слабой информированности жителей этих регионов, включая подростков и их родителей, о риске интернет-зависимости и, соответственно, крайне незначительной и малоэффективной профилактической работе среди данной категории индивидов. Сложившаяся ситуация в этих регионах может быть связана с относительно недавней возможностью широкого доступа жителей отдельных регионов России к Интернету. Подтверждением данного факта может служить значительный прирост пользователей (19%) Интернета за счет граждан российских городов с населением до 500 тыс. чел. (Пильгун, 2015). Именно к городам с такой численностью населения относится г. Кызыл (столица Республики Тыва, население которой составляет свыше 100 тыс. чел.). При этом следует отметить, что в регионах, где давно созданы максимальные возможности освоения Интернета (г. Москва и г. Санкт-Петербург), чрезмерное использование Интернета подростками наблюдается реже. Аналогичная ситуация отмечается в европейских странах. Специалисты по данной проблеме связывают это с хорошо налаженной и регулярно проводимой профилактической работой среди детей и подростков, их родителей, а также с постоянным совершенствованием способов контроля за пользованием Интернетом среди подростков (Солдатова, Рассказова, 2013; и др.[2]).

Согласно данным литературы, паттерн интернет-зависимого поведения имеет возрастные и гендерные характеристики, которые изучены нами в выборке тувинских подростков[3].

Особенностями паттерна ИЗ поведения возрастного порядка следует считать возросшую 2,1 раза частоту компульсивных реакций (P=0,0001) и в 2,4 раза встречаемость внутриличностных проблем и проблем, связанных со здоровьем (P=0,0002) у младших подростков в сравнении со старшими подростками. Такое психологическое состояние младших подростков связано с бурным темпом психофизиологических и морфологических преобразований в растущем организме, что делает их легко восприимчивыми к формированию аддиктивным формам поведения и к психосоматическим заболеваниям (Рерке, Портная, 2021).

Гендерное своеобразие паттерна ИЗ поведения проявляется доминированием в 1,9 раза как симптомов отмены (P=0,0007), так и признаков толерантности (P=0,0025) у девочек-тувинок с ИЗ в

[1] Малыгин В. Л., Хомерики Н. С., Антоненко А. А. Индивидуально-психологические свойства подростков как факторы риска формирования интернет-зависимого поведения [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России. 2015. Т. 30. № 7. С. 7. URL: http://mprj.ru/archiv_global/2015_4_33/nomer01.php (дата обращения: 20.03.2024).
[2] Там же.
[3] Там же.

отличие от мальчиков-тувинцев с ИЗ. Полученные различия, по всей видимости, обусловлены становлением полоролевого поведения подростка в обществе. На подобные паттерны гендерных различий указывают отечественные (Прайзендорф, 2022; Лановая, Фадеева, 2023; Яскевич, Федорова, Костюченко, 2024) и зарубежные авторы (Durkee et al., 2016; Wasserman, 2016; Su et al., 2019; Tomaszek, Muchacka-Cymerman, 2019).

Этнической характеристикой паттерна ИЗ поведения у тувинских подростков следует считать наличие большего числа интернет-аддикций за счет дополнительного признака — трудность управления временем (61,6%), а также присутствие у мальчиков-тувинцев в отличие от русских мальчиков высоких количественных значений показателей компульсивных реакций (P=0,0357), внутриличностных проблем и проблем, связанных со здоровьем (P=0,0472); Ключевых симптомов ИЗ (P=0,0124). Указанное своеобразие паттерна ИЗ поведения у тувинских подростков обусловлено как генетически детерминированными признаками (Савостьянов и др., 2014), так и этнокультурными факторами (Ооржак, 2019; Ламажаа, 2021; Кекеева и др., 2022).

Заключение

Повседневная жизнь современных подростков немыслима без Интернета, который служит средством общения и источником информации, важным элементом их социализации. Однако когда общение в сети Интернет происходит на стыке реальности и виртуального мира, следует констатировать развитие интернет-зависимого поведения. Необходимость изучения развития и течения интернет-зависимости определяется как широкой распространенностью и доступностью Интернета, так и тем, что наиболее уязвимыми и в то же время активными пользователями сети Интернет являются подростки.

Анкетирование с помощью опросника «Шкала интернет-зависимости Чена» позволило установить распространенность дезадаптивных форм поведения в сети Интернет у подростков г. Кызыла (Республика Тыва), изучить этапы формирования паттерна ИЗ поведения с описанием содержательной сущности каждого этапа. Впервые в популяции этнических тувинцев подросткового возраста был изучен паттерн ИЗ поведения и обозначены возрастные, гендерные и этнические характеристики. Таким образом, была подтверждена наша концепция, что в основе ИЗ поведения у подростков лежит устойчивый и выраженный паттерн ИЗ, своеобразие которого обусловлено возрастными, гендерными и этническими факторами.

Подобные исследования в многонациональной Сибири, где исконно живут коренные сибирские народы, включая этнических тувинцев, с их генетическим своеобразием и этнокультурными традициями, крайне актуальны.

Выделение среди подростков Республики Тыва индивидов с чрезмерным пользованием Интернета и с паттерном ИЗ поведения необходимо для осуществления ранней профилактики и психотерапевтической коррекции. При этом профилактические мероприятия должны быть направлены отдельно на мальчиков и на девочек, а также на их родителей, что позволит снизить частоту интернет-аддикций и распространенность неблагоприятных исходов в подростковой среде.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абдрахманова, А. Е., Ефремов, И. С., Гизатуллин, Т. Р., Асадуллин, А. Р. (2022) Проблемное использование социальных сетей: можем ли мы говорить о зависимости? // Неврологический вестник. Т. LIV. №. 1. С. 63–71. DOI: https://doi.org/10.17816/nb99931

Балакина, Г. Ф., Бегзи, А. Д. (2016) Экономика Тувы: возможные стратегии развития. Кызыл : ТИКОПР СО РАН. 380 с.

Давтян, С. Э. (2000) Клинико-катамнестический анализ одной из разновидностей интернет-аддикции (патологического влечения к виртуальному общению) // Вестник психиатрии. № 3. С. 23–31.

Дрепа, М. И. (2009) Интернет-зависимость как объект научной рефлексии в современной психологии // Знание. Понимание. Умение. № 2. С. 189–193.

Зайцева, О. И., Терещенко, С. Ю., Колодяжная, Т. А., Зайцева, Ж. Г. (2024) Психологические проблемы у подростков Республики Тыва с разными видами онлайн-поведения // Новые исследования Тувы. № 3. С. 119–135. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.7

Кекеева, З. О., Уварова, Г. Н., Даржинова, С. В., Муева, А. В., Ооржак, А. Б. (2022) Исследование сетевой идентичности студенческой молодежи регионов России (на примере Калмыкии и Тувы) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 169–179. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.13

Кибитов, А. О., Чупрова, Н. А., Гречаный, С. В., Соловьева, М. Г., Бродянский, В. М., Меркулова Т. В., Николишин А. Е., Солдаткин В. А., Яковлев А. Н., Илюк Р. Д., Крупицкий Е. М., Шмуклер А. Б., Егоров А. Ю. (2020) Генетические маркеры риска выраженности симптомов и проявлений интернет-зависимости по шкале CIAS: предварительные результаты // Вопросы наркологии. Т. 184. № 1. С. 60–82. DOI: https://doi.org/10.47877/0234-0623_2020_1_60

Конарева, Я. П., Самойлова М. В. (2022) Интернет-зависимость у детей и подростков // Символ науки. № 9–1. С. 52–55.

Кочерова, О. Ю., Филькина, О. М., Бобошко, А. В., Воробьева, Е. А, Долотова, Н. В., Малышкина, А. И. (2024) Личностные факторы риска развития интернет-зависимости у подростков 15–17 лет // Анализ риска здоровью. № 3. С. 21–29. DOI: https://doi.org/10.21668/health.risk/2024.3.03

Куприянчук, Е. В., Ладухина, М. В., Лисовцева, В. М. (2022) Индивидуально-психологические особенности подростков с интернет-зависимостью [Электронный ресурс] // Мир науки. Педагогика и психология. Т. 10. № 4. URL: https://mir-nauki.com/01psmn422.html (дата обращения: 24.06.2024).

Ламажаа, Ч. К. (2021) Социальная культура тувинцев и онлайн-пространство // Новые исследования Тувы. № 2. С. 115–129. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.10

Лановая, А. М., Фадеева Е. В. (2023) Гендерные различия проблемного использования информационно-коммуникативных сетей // Психология. Психофизиология. Т. 16. № 1. С. 51–62.

Макарова, И. А., Резников, С. А. (2020) Организация профилактики интернет-зависимости подростков в современной школе // Вопросы педагогики. Т. 6. № 2. С. 143–146.

Малыгин, В. Л., Феклисов, К. А. (2011) Интернет-зависимое поведение. Критерии и методы диагностики. М. : МГМСУ. 32 с.

Ондар, Ч. Г., Донгак, В. С., Монгуш, Д. Ш. (2023) Тувинский язык в Интернете: представленность, проблемы и перспективы // Новые исследования Тувы. № 1. С. 186–207. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.11

Ооржак, Л. Н. (2019) Влияние национально-психологических особенностей тувинцев на взаимоотношения в коллективе // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. Т. 8. № 5А. С. 38–47.

Паничева, Е. С., Сат, Д. А., Курганская, Т. М., Серен-оол, С. С. (2024) Интернет-зависимое поведение как фактор риска рецидивирующих головных болей у лиц подростково-молодежной популяции Республики Тыва // Новые исследования Тувы. № 3. С. 27–43. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.2

Пильгун, М. А. (2015) Основные коммуникативные паттерны в русскоязычной сетевой среде // Вопросы психолингвистики. Т. 24. № 2. С. 166–176.

Прайзендорф, Е. С. (2022) Половая идентичность девочек и мальчиков младшего подросткового возраста // Педагогика и просвещение. № 2. С. 116–133. DOI: https://doi.org/10.7256/2454-0676.2022.2.35661

Рерке, В. И., Портная, Я. А. (2021) Интернет-зависимость младших подростков: изучение и организация профилактики // Вестник Омского университета. Серия «Психология». № 2. С. 25–33. DOI: https://doi.org/10.24147/2410-6364.2021.2.25-33

Розанов, В. А. (2018) Психическое здоровье детей и подростков — попытка объективной оценки динамики за последние десятилетия с учетом различных подходов // Социальная и клиническая психиатрия. Т. 28. № 1. С. 62–73.

Савостьянов, А. Н., Науменко, В. С., Синяков, Н. А., Львова, М. Н., Левин, Е. А., Залешин, М. С., Кавай-оол, У. Н. (2014) Взаимосвязь уровня тревожности с полиморфными вариантами гена серотонинового транспортера у русских и тувинцев // Вавиловский журнал генетики и селекции. Т. 18. № 4–3. С. 1268–1280.

Севек, В. К., Соян, Ш. Ч., Севек, Р. М. (2016) Социальное самочувствие молодежи Республики Тыва // Социологические исследования. № 9. С. 141–144.

Семенова, Н. Б., Терещенко, С. Ю., Эверт, Л. С., Зайцева, О. И., Шубина, М. В. (2020) Распространенность интернет зависимости у подростков Центральной Сибири // Здравоохранение Российской Федерации. Т. 64. № 1. 36–44.

Солдатова, Г. У, Рассказова, Е. И. (2013) Чрезмерное использование интернета: факторы и признаки // Психологический журнал Т. 34. № 4. С. 105–114.

Трошкина, И. Н., Ойдуп, Т. М., Дилекова, С. Д. (2024) Семейные ценности населения республик Южной Сибири в оценках алтайцев, тувинцев, хакасов (по данным социологического исследования 2022 г.) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 166–183. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.11

Фотекова, Т. А., Власова, Е. Н., Митрухина, С. В., Монгуш, Ч. Н. (2024) Выраженность тревожно-депрессивных состояний и соматизации у подростков и молодежи Тувы с разными вариантами онлайн-поведения // Новые исследования Тувы. № 3. С. 136–158. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.8

Хуторянская, Т. В., Петрова, Л. Г., Нургалиева, А. М. (2019) Социально-психологические особенности подростков с разной степенью интернет-зависимости [Электронный ресурс] // Мир науки. Педагогика и психология. № 3. URL: https://mir-nauki.com/73pdmn319.html (дата обращения: 10.04.2024).

Шубина, М. В., Терещенко, С. Ю., Горбачева, Н. Н. (2022) Частота встречаемости головных болей у детей с интернет-зависимостью // Российский журнал боли. Т. 20. № 4. С. 6–14. DOI: https://doi.org/10.17116/pain2022200416

Шутова, Н. В., Баранова, Ю. М. (2017) Оценка риска интернет-зависимости для психического здоровья подростков // Гигиена и санитария. № 6. С. 568–572.

Эверт, Л. С., Терещенко, С. Ю., Зайцева, О. И., Семенова, Н. Б., Шубина, М. В. (2020) Интернет-зависимость у подростков Центральной Сибири: анализ распространенности и структура потребляемого контента // Бюллетень сибирской медицины. Т. 19. № 4. С. 189–197. DOI: https://doi.org/10.20538/1682-0363-2020-4-189-197

Эверт, Л. С., Гришкевич, Н. Ю., Бахшиева, С. А., Сат, Д. А. (2024) Боли в спине у подростков и молодежи Республики Тыва, ассоциации с интернет-зависимым поведением // Новые исследования Тувы. № 3. С.75-102. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.5

Яскевич, Р. А., Федорова, А. А., Костюченко, Ю. Р. (2024) Гендерно-этнические особенности потребления интернет-контента среди студенческой молодежи г. Кызыла и г. Красноярска // Новые исследования Тувы. № 3. С. 44–59. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.3

Alimoradi, Z., Lin, C.-Y., Broström, A., Bülow, P. H., Bajalan, Z., Griffiths, M. D., Ohayon, M. M., Pakpour, A. H. (2019) Internet addiction and sleep problems: a systematic review and meta-analysis // Sleep Medicine Reviews. Vol. 47. № 6. P. 51–61. DOI: https://doi.org/10.1016/j.smrv.2019.06.004

Becirovic, E., Pajevic, I. (2020) Bihavioral Addictions in Childhood and Adolescence — Pandemic Knocking Door // Psychiatr Danub. Vol. 32. № 3. P. 382–385.

Chen, S.-H., Weng, L.-J., Su, Y.-J., Wu, H.-M., Yang, P.-F. (2003) Development of a Chinese Internet Addiction Scale and Its Psychometric Study // Chinese Journal of Psychology. Vol. 45. № 3. P. 279–294. DOI: https://doi.org/10.1037/t44491-000

Doh, Y. Y., Kim, B., Lee, S., Gweon, G. (2020) The Cyclic Value-Context Reinforcement Model of Problematic Internet Use: Empirical Validation Using a Thematic Analysis of Children's Counseling Data // Journal of Medical Internet Research. Vol. 22. № 7. Article e17996. DOI: https://doi.org/10.2196/17996

Durkee, T., Carli, V., Floderus, B., Wasserman, C., Sarchiapone, M., Apter, A. (2016) Pathological Internet use and risk-behaviours among European adolescents // International Journal of Environmental Research and Public Health. Vol. 13. № 3. Article 294. DOI: https://doi.org/10.3390/ijerph13030294

Hong, Y. N., Hwang, H., Starcevic, V., Choi, T. Y., Kim, T. H., Han, D. H. (2023) Which is more stable and specific: DSM-5 internet gaming disorder or ICD-11 gaming disorder? A longitudinal study // Psychiatry and Clinical Neurosciences. Vol. 77. № 4. P. 213–222. DOI: https://doi.org/10.1111/pcn.13522

Jiang, M. Zh., Y., Wang, J., Hua, L., Chen, Y., Yao, Y., Jin, Y. (2022) Serial Multiple Mediation of the Correlation Between Internet Addiction and Depression by Social Support and Sleep Quality of College Students During the COVID-19 Epidemic // Psychiatry Investigation. Vol. 19. № 1. P. 9–15. DOI: https://doi.org/10.30773/pi.2021.0147

Kaess, M., Parzer, P., Mehl, L., Weil, L., Strittmatter, E., Resch, F., Koenig, J. (2017) Stress vulnerability in male youth with Internet Gaming Disorder // Psychoneuroendocrinology. Vol. 77. P. 244–251. DOI: https://doi.org/10.1016/j.psyneuen.2017.01.008

Lu, L. , Sarah, W., Jin-Tao, Zh., Ling-Jiao, W., Zi-Jiao, S., Ben, L., Shan-Shan, M., Yuan-Wei, Y., Xiao-Yi, F. (2017) Activation of the ventral and dorsal striatum during cue reactivity in Internet gaming disorder // Addiction Biology. Vol. 22. № 3. P. 791–801. DOI: https://doi.org/10.1111/adb.12338

Miao, X., Jiang, X., Wang, P., Li, H., Wang, M., Zeng, H. (2018) Online activities, prevalence of internet addiction and risk factors related to family and school among adolescents in China // Addictive Behaviors Reports. Vol. 7. P. 14–18. DOI: https://doi.org/10.1016/j.abrep.2017.10.003

Müller, K. W., Dreier, M., Duven, E., Giralt, S., Beutel, M. E., Wölfling, K. (2017) Adding Clinical Validity to the Statistical Power of Large-Scale Epidemiological Surveys on Internet Addiction in adolescence: a combined approach to investigate psychopathology and development-specific personality traits associated with Internet addiction // Journal of Clinical Psychiatry. Vol. 78. № 3. P. e244–e251. DOI: http://dx.doi.org/10.4088/JCP.15m10447

Su, W., Kiraly, O., Demetrovics, Z, Potenza, M. N. (2019) Gender moderates the partial mediation of impulsivity in the relationship between psychiatric distress and problematic online gaming: online survey // JMIR Mental Health. Vol. 6. № 3. Article e10784. DOI: https://doi.org/10.2196/10784

Tran, B. X., Huong, L. T., Hin, N. D., Nguyen, L. H., Le, B. N., Minh, N. V. V, Thuc, V. Th., Tran, D. T., Latkin C., Zhang, M., Ho, R. (2017) A study on the influence of internet addiction and online interpersonal influences on health-related quality of life in young Vietnamese // BMC Public Health. Vol. 17. P. 138–148.

Tereshchenko, S., Kasparov, E. (2019) Neurobiological Risk Factors for the Development of Internet Addiction in Adolescents // Behavioral Sciences. Vol. 6. № 9. P. 62–67. DOI: https://doi.org/10.3390/bs9060062

Tomaszek, K., Muchacka-Cymerman, A. (2019) Sex differences in the relationship between student school burnout and problematic Internet use among adolescents // International Journal of Environment Public Health. Vol. 21. № 16. Article 4107. DOI: https://doi.org/10.3390/ijerph16214107

Vaccaro, A. G., Potenza, M. N. (2019) Diagnostic and classification considerations regarding gaming disorder: neurocognitive and neurobiological features // Frontiers in Psychiatry. Vol. 10. P. 405–415. DOI: https://doi.org/10.3389/fpsyt.2019.00405

Wasserman, D. (2016) Review of health and risk-behaviours, mental health problems and suicidal behaviours in young Europeans on the basis of the results from the EU-funded Saving and Empowering Young Lives in Europe (SEYLE) study // Psychiatria Polska. Vol. 50. № 6. P. 1093–1107. DOI: https://doi.org/10.12740/PP/66954

Дата поступления: 26.06.2025 г.
Дата принятия: 08.07.2025 г.

REFERENCES

Abdrakhmanova, A. E., Efremov, I. S., Gizatullin, T. R. and Asadullin, A. R. (2022) Problematic use of social networks: can we speak of addiction? *Nevrologicheskii Vestnik*, vol. LIV, no. 1, pp. 63–71. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.17816/nb99931

Balakina, G. F. and Begzi, A. D. (2016) *Economy of Tuva: possible development strategies*. Kyzyl, TIKOPR SO RAN. 380 p. (In Russ.)

Davtyan, S. E. (2000) Clinical and catamnestic analysis of one variant of Internet addiction (pathological urge for virtual communication). *Vestnik Psikhiyatrii*, no. 3, pp. 23–31. (In Russ.)

Drepa, M. I. (2009) Internet addiction as an object of scientific reflection in contemporary psychology. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 2, pp. 189–193. (In Russ.)

Zaitseva, O. I., Tereshchenko, S. Yu., Kolodyazhnaya, T. A. and Zaitseva, Zh. G. (2024) Psychological problems among adolescents of the Republic of Tuva with different types of online behavior. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 119–135. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.7

Kekeeva, Z. O., Uvarova, G. N., Darzhinova, S. V., Mueva, A. V. and Oorzhak, A. B. (2022) Studying network identity among student youth in Russian regions (case of Kalmykia and Tuva). *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 169–179. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.13

Kibitov, A. O., Chuprova, N. A., Grechanyi, S. V., Solovieva, M. G., Brodyanskii, V. M., Merkulova, T. V., Nikolishin, A. E., Soldatkin, V. A., Yakovlev, A. N., Ilyuk, R. D., Krupitskii, E. M., Shmukler, A. B. and Egorov, A. Yu. (2020) Genetic markers for risk and severity of symptoms of Internet addiction according to CIAS scale: preliminary results. *Voprosy Narkologii*, no. 1 (184), pp. 60–82. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.47877/0234-0623_2020_1_60

Konareva, Ya. P. and Samoilova, M. V. (2022) Internet addiction among children and adolescents. *Simvol Nauki*, no. 9–1, pp. 52–55. (In Russ.)

Kocherova, O. Yu., Filkina, O. M., Boboshko, A. V., Vorobyeva, E. A., Dolotova, N. V. and Malyshkina, A. I. (2024) Personal risk factors for developing Internet addiction among adolescents aged 15–17 years. *Analysis of Health Risk*, no. 3, pp. 21-29. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21668/health.risk/2024.3.03

Kupriyanchuk, E. V., Ladukhina, M. V. and Lisovtseva, V. M. (2022) Individual psychological characteristics of adolescents with Internet addiction. *Mir Nauki. Pedagogika i Psikhologiya*, 10, no. 4 [online] Available at: https://mir-nauki.com/01psmn422.html (accessed: 24 June 2024). (In Russ.)

Lamazhaa, Ch. K. (2021) Social culture of Tuvans and online space. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 115–129. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.10

Lanovaya, A. M. and Fadeeva, E. V. (2023) Gender differences in problematic use of information and communication networks. *Psikhologiya. Psikhofiziologiya*, 16, no. 1, pp. 51–62. (In Russ.)

Makarova, I. A. and Reznikov, S. A. (2020) Organization of Internet addiction prevention among adolescents in modern schools. *Voprosy Pedagogiki*, 6, no. 2, 143–146. (In Russ.)

Malygin, V. L. and Feklisov, K. A. (2011) *Internet addictive behavior. Criteria and diagnostic methods*. Moscow, MGMSU. 32 p. (In Russ.)

Ondar, Ch. G., Dongak, V. S., Mongush, D. Sh. (2023) Tuvan language on the Internet: representation, problems, and prospects. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 186–207. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.11

Oorzhak, L. N. (2019) Influence of national-psychological characteristics of Tuvans on interpersonal relationships in a collective. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya*, 8, no. 5A, pp. 38–47. (In Russ.)

Panicheva, E. S., Sat, D. A., Kurganskaya, T. M. and Seren-ool, S. S. (2024) Internet addictive behavior as a risk factor for recurrent headaches in the adolescent and youth population of the Republic of Tuva. *New Research of Tuva*, no. 3, 27–43. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.2

Pilgun, M. A. (2015) Main communicative patterns in Russian-speaking online environment. *Voprosy Psikholingvistiki*, 24, no. 2, pp. 166–176. (In Russ.)

Praizendorf, E. S. (2022) Gender identity of girls and boys in early adolescence. *Pedagogika i Prosveshchenie*, no. 2, pp. 116–133. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.7256/2454-0676.2022.2.35661

Rerke, V. I. and Portnaya, Ya. A. (2021) Internet addiction among younger adolescents: study and organization of prevention. *Vestnik Omskogo Universiteta. Seriya 'Psikhologiya'*, no. 2, pp. 25–33. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.24147/2410-6364.2021.2.25-33

Rozanov, V. A. (2018) Mental health of children and adolescents – an attempt at objective assessment of dynamics over recent decades with various approaches considered. *Sotsialnaya i Klinicheskaya Psikhiatriya*, 28, no. 1, pp. 62–73. (In Russ.)

Savostyanov, A. N., Naumenko, V. S., Sinyakov, N. A., Lvova, M. N., Levin, E. A., Zaleshin, M. S. and Kavai-ool, U. N. (2014) Association of anxiety levels with polymorphic gene variants of serotonin transporter in Russians and Tuvans. *Vavilovskii Zhurnal Genetiki i Seleksii*, 18, no. 4–3, pp. 1268–1280. (In Russ.)

Sevek, V. K., Soyan, Sh. Ch. and Sevek, R. M. (2016) Social wellbeing of youth in the Republic of Tuva. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, no. 9, pp. 141–144. (In Russ.)

Semenova, N. B., Tereshchenko, S. Yu., Evert, L. S., Zaitseva, O. I. and Shubina, M. V. (2020) Prevalence of Internet addiction among adolescents in Central Siberia. *Zdravookhranenie Rossiiskoi Federatsii*, 64, no. 1, pp. 36–44. (In Russ.)

Soldatova, G. U. and Rasskazova, E. I. (2013) Excessive Internet use: factors and signs. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 34, no. 4, 105–114. (In Russ.)

Troshkina, I. N., Oidup, T. M. and Dilekova, S. D. (2024) Family values of the population of the South Siberian republics as seen by Altaians, Tuvans, Khakassians (based on the 2022 sociological survey data). *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 166-183. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.11

Fotekova, T. A., Vlasova, E. N., Mitrukhina, S. V. and Mongush, Ch. N. (2024) Severity of anxious-depressive states and somatization among adolescents and youth in Tuva with different online behavior variants. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 136–158. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.8

Khutoryanskaya, T. V., Petrova, L. G., Nurgalieva, A. M. (2019) Socio-psychological features of adolescents with different levels of Internet addiction. *Mir Nauki. Pedagogika i Psikhologiya*, no. 3. [online] Available at: https://mir-nauki.com/73pdmn319.html (Accessed: 10 April 2024). (In Russ.)

Shubina, M. V., Tereshchenko, S. Yu. and Gorbacheva, N. N. (2022) Frequency of headache occurrence in children with Internet addiction. *Rossiiskii Zhurnal Boli*, 20, no. 4, 6–14. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.17116/pain2022200416

Shutova, N. V. and Baranova, Yu. M. (2017) Risk assessment of Internet addiction for mental health of adolescents. *Gigiena i Sanitariya*, no. 6, pp. 568–572. (In Russ.)

Evert, L. S., Tereshchenko, S. Yu., Zaitseva, O. I., Semenova, N. B. and Shubina, M. V. (2020) Internet addiction among adolescents of Central Siberia: prevalence analysis and content structure. *Byulleten' Sibirskoi Meditsiny*, 19, no. 4, pp. 189-197. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.20538/1682-0363-2020-4-189-197

Evert, L. S., Grishkevich, N. Yu., Bakhshieva, S. A. and Sat, D. A. (2024) Back pain in adolescents and youth in the Republic of Tuva, in association with internet-addictive behavior. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 75–102. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.5

Yaskevich, R. A., Fedorova, A. A. and Kostyuchenko, Yu. R. (2024) Gender and ethnic features of internet-content consumption among student youth in Kyzyl and Krasnoyarsk. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 44–59. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.3

Alimoradi, Z., Lin, C.-Y., Broström, A., Bülow, P. H., Bajalan, Z., Griffiths, M. D., Ohayon, M. M. and Pakpour, A. H. (2019) Internet addiction and sleep problems: a systematic review and meta-analysis. *Sleep Medicine Reviews*, vol. 47, no. 6, pp. 51–61. DOI: https://doi.org/10.1016/j.smrv.2019.06.004

Becirovic, E. and Pajevic, I. (2020) Bihavioral Addictions in Childhood and Adolescence — Pandemic Knocking Door. *Psychiatr Danub*, vol. 32, no. 3, pp. 382–385.

Chen, S.-H., Weng, L.-J., Su, Y.-J., Wu, H.-M. and Yang, P.-F. (2003) Development of a Chinese Internet Addiction Scale and Its Psychometric Study. *Chinese Journal of Psychology*, vol. 45, no. 3, pp. 279–294. DOI: https://doi.org/10.1037/t44491-000

Doh, Y. Y., Kim, B., Lee, S. and Gweon, G. (2020) The Cyclic Value-Context Reinforcement Model of Problematic Internet Use: Empirical Validation Using a Thematic Analysis of Children's Counseling Data. *Journal of Medical Internet Research*, vol. 22, no. 7, article e17996. DOI: https://doi.org/10.2196/17996

Durkee, T., Carli, V., Floderus, B., Wasserman, C., Sarchiapone, M. and Apter, A. (2016) Pathological Internet use and risk-behaviours among European adolescents. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 13, no. 3, article 294. DOI: https://doi.org/10.3390/ijerph13030294

Hong, Y. N., Hwang, H., Starcevic, V., Choi, T. Y., Kim, T. H. and Han, D. H. (2023) Which is more stable and specific: DSM-5 internet gaming disorder or ICD-11 gaming disorder? A longitudinal study. *Psychiatry and Clinical Neurosciences*, vol. 77, no. 4, pp. 213–222. DOI: https://doi.org/10.1111/pcn.13522

Jiang, M. Zh., Y., Wang, J., Hua, L., Chen, Y., Yao, Y. and Jin, Y. (2022) Serial Multiple Mediation of the Correlation Between Internet Addiction and Depression by Social Support and Sleep Quality of College Students During the COVID-19 Epidemic. *Psychiatry Investigation*, vol. 19, no. 1, pp. 9–15. DOI: https://doi.org/10.30773/pi.2021.0147

Kaess, M., Parzer, P., Mehl, L., Weil, L., Strittmatter, E., Resch, F. and Koenig, J. (2017) Stress vulnerability in male youth with Internet Gaming Disorder. *Psychoneuroendocrinology*, vol. 77, pp. 244–251. DOI: https://doi.org/10.1016/j.psyneuen.2017.01.008

Lu, L., Sarah, W., Jin-Tao, Zh., Ling-Jiao, W., Zi-Jiao, S., Ben, L., Shan-Shan, M., Yuan-Wei, Y. and Xiao-Yi, F. (2017) Activation of the ventral and dorsal striatum during cue reactivity in Internet gaming disorder. *Addiction Biology*, vol. 22, no. 3, pp. 791–801. DOI: https://doi.org/10.1111/adb.12338

Miao, X., Jiang, X., Wang, P., Li, H., Wang, M. and Zeng, H. (2018) Online activities, prevalence of internet addiction and risk factors related to family and school among adolescents in China. *Addictive Behaviors Reports*, vol. 7, pp. 14–18. DOI: https://doi.org/10.1016/j.abrep.2017.10.003

Müller, K. W., Dreier, M., Duven, E., Giralt, S., Beutel, M. E. and Wölfling, K. (2017) Adding Clinical Validity to the Statistical Power of Large-Scale Epidemiological Surveys on Internet Addiction in adolescence: a combined approach to investigate psychopathology and development-specific personality traits associated with Internet addiction. *Journal of Clinical Psychiatry*, vol. 78, no. 3, pp. e244–e251. DOI: http://dx.doi.org/10.4088/JCP.15m10447

Su, W., Kiraly, O., Demetrovics, Z. and Potenza, M. N. (2019) Gender moderates the partial mediation of impulsivity in the relationship between psychiatric distress and problematic online gaming: online survey. *JMIR Mental Health*, vol. 6, no. 3, article e10784. DOI: https://doi.org/10.2196/10784

Tran, B. X., Huong, L. T., Hin, N. D., Nguyen, L. H., Le, B. N., Minh, N. V. V, Thuc, V. Th., Tran, D. T., Latkin C., Zhang, M. and Ho, R. (2017) A study on the influence of internet addiction and online interpersonal influences on health-related quality of life in young Vietnamese. *BMC Public Health*, vol. 17, pp. 138–148.

Tereshchenko, S. and Kasparov, E. (2019) Neurobiological Risk Factors for the Development of Internet Addiction in Adolescents. *Behavioral Sciences*, vol. 6, no. 9, pp. 62–67. DOI: https://doi.org/10.3390/bs9060062

Tomaszek, K. and Muchacka-Cymerman, A. (2019) Sex differences in the relationship between student school burnout and problematic Internet use among adolescents. *International Journal of Environment Public Health*, vol. 21, no. 16, article 4107. DOI: https://doi.org/10.3390/ijerph16214107

Vaccaro, A. G. and Potenza, M. N. (2019) Diagnostic and classification considerations regarding gaming disorder: neurocognitive and neurobiological features. *Frontiers in Psychiatry*, vol. 10, pp. 405–415. DOI: https://doi.org/10.3389/fpsyt.2019.00405

Wasserman, D. (2016) Review of health and risk-behaviours, mental health problems and suicidal behaviours in young Europeans on the basis of the results from the EU-funded Saving and Empowering Young Lives in Europe (SEYLE) study. *Psychiatria Polska*, vol. 50, no. 6, pp. 1093–1107. DOI: https://doi.org/10.12740/PP/66954

Submission date: 26.06.2025.
Acceptance date: 08.07.2025.

DOI: 10.25178/nit.2025.4.16

Обзор

Сферы занятости титульных этносов России (на примере тувинцев, башкир, калмыков, бурят, хакасов, якутов и дагестанцев)

Миляуша Ф. Сиразетдинова
Уфимский университет науки и технологий, Российская Федерация

В статье представлен обзор российских научных работ по вопросам сфер занятости титульных этносов в национальных республиках России, опубликованных с 2000 г. по настоящее время. Показано распределение публикаций по типам, научным центрам (аффилиациям авторов) и годам, рассмотрены этапы развития проблемно-тематических направлений исследований.

Скачок числа публикаций отмечается с 2016 г., с пиком — в 2018 г. Трендом последних лет является рост сравнительных исследований, позволяющих сопоставить изменения в сферах занятости титульных этносов и иных этнонациональных сообществ российских регионов. Это объясняется общим ростом исследовательского интереса к проблемам трансформаций этничности, глобальными изменениями сфер занятости, развитием средств научной коммуникации, стимулирующими публикационную активность по рассматриваемой теме.

Основную долю публикаций составляют статьи в научных журналах и материалы конференций, монографий/глав за рассматриваемый период было издано 4, диссертаций — 6. Выявлены лидеры-организации по числу публикаций.

В ходе сравнительного вторичного анализа литературы выявлены общие и специфические черты сфер занятости титульных этносов разных регионов России. Все рассмотренные этносы наиболее широко представлены в сферах государственной службы, науки, образования. Активность представителей титульных этносов в определенных сферах занятости больше связана с существованием трудовых династий, родственных и соседских связей, нежели с сетевой взаимопомощью только с представителями собственного этноса.

Содержание работ указывает на многообразие субъективных и объективных факторов как индивидуального выбора профессий, так и коллективного трудового поведения, повлиявших на меньшую представленность большинства титульных этносов в промышленности и бизнесе: этнокультурные традиции, менталитет, сохранение трудовых династий, процессы модернизации, индустриализации, культурной революции (распространение массового образования) и политика формирования национальных элит из бывших социальных низов российской империи в эпоху СССР.

Ключевые слова: *социокультурный фактор; тувинцы; башкиры; калмыки; буряты; хакасы; якуты; дагестанцы; сфера занятости; профессиональное предпочтение; этнический фактор*

Статья выполнена в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности, 2023–2025 гг. (руководитель академик РАН В. А. Тишков).

Для цитирования:
Сиразетдинова М. Ф. Сферы занятости титульных этносов России (на примере тувинцев, башкир, калмыков, бурят, хакасов, якутов и дагестанцев) // Новые исследования Тувы. 2025. № 4. С. 287-304. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.16

Сиразетдинова Миляуша Фаритовна — кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры социологии и работы с молодежью Института гуманитарных и социальных наук Уфимского университета науки и технологий. Адрес: 450076, Россия, г. Уфа, ул. Карла Маркса, д. 3/4. Эл. адрес: glavredsirazi@gmail.com

SIRAZETDINOVA, Miliausha Faritovna, Candidate of Philosophy, Senior Lecturer, Department of Sociology and Work with Youth, Institute of Humanities and Social Sciences, Ufa University of Science and Technology. Postal address: 3/4 Karla Marxa St., 450076, Ufa, Russia. E-mail: glavredsirazi@gmail.com

ORCID: 0000-0002-5572-4351

Review

Areas of employment of the titular ethnic groups of Russia (cases of Tuvans, Bashkirs, Kalmyks, Buryats, Khakass, Yakuts and Dagestanis)

Milyausha F. Sirazetdinova
Ufa University of Science and Technology, Russian Federation

The article provides a review of Russian scholarly works addressing the spheres of employment of titular ethnic groups in Russia's national republics, published from 2000 to the present. The distribution of publications by type, academic centers (authorial affiliations), and year is demonstrated, and developmental stages of thematically focused research directions are examined.

A marked increase in the number of publications has been observed since 2016, with a peak in 2018. In recent years, there has been a distinct trend toward the growth of comparative studies, making it possible to compare changes in the employment spheres of titular ethnic groups and other ethnonational communities in Russian regions. This is attributed to a general increase in research interest in the dynamics of ethnicity, global shifts in the domains of employment, and the development of scientific communication tools that stimulate publication activities on the subject.

Most publications consist of journal articles and conference proceedings. Leading organizations in terms of publication output have been identified.

Through comparative secondary analysis of the literature, both general and specific characteristics of the employment spheres of titular ethnic groups across various Russian regions have been revealed. All the examined ethnic groups are most widely represented in public service, science, and education sectors. The engagement of titular ethnic group members in certain spheres of employment is more closely tied to the existence of labor dynasties, kinship, and neighborhood ties than to intragroup network assistance based solely on ethnicity.

The content of the reviewed works points to a diversity of both subjective and objective factors influencing individual career choices and collective labor behavior, which have contributed to the underrepresentation of most titular ethnic groups in industry and business. These factors include ethnocultural traditions, mentality, the persistence of labor dynasties, processes of modernization, industrialization, cultural revolution (expansion of mass education), and the Soviet-era policy of forming national elites from former lower social strata of the Russian Empire.

Keywords: *sociocultural factor; Tuvans; Bashkirs; Kalmyks; Buryats; Khakass; Yakuts; Dagestanis; sphere of employment; occupational preference; ethnic factor*

Financing
The study was carried out within the framework of the Program of scientific research related to the study of the ethnocultural diversity of Russian society and aimed at strengthening the all-Russian identity in 2023–2025 (headed by Academician of the Russian Academy of Sciences V. A. Tishkov).

For citation:
Sirazetdinova M. F. Areas of employment of the titular ethnic groups of Russia (cases of Tuvans, Bashkirs, Kalmyks, Buryats, Khakass, Yakuts and Dagestanis). *New Research of Tuva*, 2025, no. 4, pp. 287-304. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.16

Введение

Актуальность обзора научных публикаций о сферах занятости титульных этносов различных регионов России связана с необходимостью понимания факторов складывания трудовых предпочтений в российском обществе. Рост научного интереса к данной тематике обусловлен как новыми этнокультурными процессами на постсоветском пространстве, так и общероссийскими социальными, экономическими, политическими изменениями и глобальными изменениями в сфере труда.

Аналитический обзор научных публикаций по теме сфер занятости титульных этносов, проживающих на территории соответствующих регионов, направлен на выявление сложившихся тематик и новых трендов и на систематизацию факторов существования сфер занятости с высоким представительством тех или иных этносов.

Цель исследования — произвести обзор и обобщение результатов научных работ (статьи в научных журналах, статьи в сборниках научных статей, публикации в трудах научных конференций, диссертации, монографии/главы монографий) по вопросам сфер занятости, наиболее распространенных у титульных этносов разных регионов России (Башкортостан, Тува, Калмыкия, Бурятия, Дагестан, Якутия) — башкир, тувинцев, калмыков, бурят, дагестанцев и якутов) за 2000–2025 гг.

Задачи исследования — проанализировать количественные характеристики работ (распределение последних по типам и тематикам, научным центрам и годам) и этапы развития основных проблемно-тематических блоков; проанализировать представленность титульных этносов разных регионов России (Башкортостан, Тува, Калмыкия, Бурятия, Хакасия, Дагестан, Якутия) в различных сферах занятости; рассмотреть меньшую степень представленности большинства рассматриваемых титульных этносов в бизнесе и промышленности.

Объект исследования — научные публикации российских исследователей по проблемам сфер занятости титульных этносов России (на примере тувинцев, башкир, калмыков, бурят, якутов и дагестанцев). *Предмет исследования* — количественные (распределение по типам, научным центрам, годам публикации) и качественные (основные проблемные блоки и результаты) характеристики публикаций.

В работе были применены методы обзорного анализа и контент-анализа. В качестве источника использованы данные Научной электронной библиотеки, базы Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)[1] по ключевым словам «труд», «занятость», «профессия» в сочетании с наименованиями этносов: «тувинец», «башкир», «калмык», «хакас», «якут», «дагестанец» — с учетом морфологических вариаций терминов, включая упоминания в аннотациях и наименованиях публикаций. Затем вручную осуществлена очистка данных; для анализа отобраны 114 релевантных работ. Информация о каждой статье собиралась вручную: сведения об авторах и соавторах (фамилия, имя, аффилиация), год издания, тип документа, журнал, аннотация и ключевые слова. При обработке данных использовался инструмент Polyanalyst от Мегапьютер[2].

При сопоставлении специфики и выявлении общих закономерностей концентрации представителей титульных этносов в различных сферах занятости были использованы метод сравнительного анализа, индуктивное обобщение эмпирических данных, синтез результатов культурологических и социологических исследований.

Научная новизна работы состоит в междисциплинарном характере обзора, позволяющем аккумулировать наработки и интегрировать знания, полученные в рамках социологических, культурологических, исторических и экономических дисциплин, определить наиболее перспективные направления исследований и провести экспертизу опубликованных научных работ.

Количественные характеристики работ и этапы развития основных проблемно-тематических блоков

Как отмечено ранее, за указанный период было отобрано 114 публикаций. Распределение по типам: 93 статьи в научных журналах (81,58%), 9 — в трудах конференций (7,89%), 2 — в сборниках (1,75%), 6 диссертаций (5,26%)[3] и 4 монографии/главы (3,5%) (*рис. 1*).

[1] Российский индекс научного цитирования [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека. URL: https://elibrary.ru/project_risc.asp (дата обращения: 06.02.2025).

[2] Polyanalyst — российская платформа аналитики данных, разработанная компанией Мегапьютер, см. Megaputer. Главная страница [Электронный ресурс] // Megaputer. https://www.megaputer.ru/produkti/polyanalyst-pro/ (дата обращения: 06.02.2025).

[3] Капустина Е. Л. Трудовая миграция из сельского Дагестана как хозяйственная практика и социокультурное явление: автореф. дис. … к. ист. н. СПб., 2013; Кутаев Ш. К. Занятость населения как фактор развития экономики депрессивного региона: на примере Республики Дагестан: автореф. дис. … к. экон. н. Краснодар, 2024; Кылгыдай А. Ч. Развитие рынка труда слабоурбанизированного региона: автореф. дис. … к. экон. н. Томск, 2024; Олчанова Ц. В. Формирование и развитие калмыцкой национальной интеллигенции в конце XIX — в 1-ой половине XX века: автореф. дис. … к. ист. н. Элиста, 2006; Тимирова Л. Н. Особенности воспроизводства национальной научно-технической интеллигенции Республики Башкортостан: автореф. дис. … к. социол. н. Уфа, 2008; Хасанова З. Ф. Эволюция традиционных хозяйственных занятий башкир Инзерского бассейна: середина XIX — начало XXI в.: автореф. дис. … к. ист. н. СПб., 2012.

Рис. 1. Диаграмма соотношений публикаций о сферах занятости титульных этносов России по типам (2000 г. — июнь 2025 г.).
Fig. 1. Diagram of the ratios of publications on the fields of employment of the titular ethnic groups of Russia by type (2000 — June 2025).

Рис. 2. Диаграмма количества публикаций по вопросам сфер занятости титульных этносов России по аффилиациям авторов (2000 г. — июнь 2025 г.).
Fig. 2. Diagram of the number of publications on employment issues of the titular ethnic groups of Russia by author affiliations (2000 — June 2025).

Авторы научных работ по вопросам сфер занятости титульных этносов России (тувинцев, башкир, калмыков, бурят, хакасов, якутов и дагестанцев) аффилированы с 60 российских и 1 зарубежной научных и образовательных организаций. Авторы значительного объема работ — исследователи из Тувинского института комплексного освоения природных ресурсов (ТИКОПР) СО РАН, опубликовавших 16 работ, т. е. 14% общего объема публикаций (*рис. 2*).

На *рисунке 2* отмечены научные центры, выпустившие 3 и более работы по теме за рассматриваемый период. Ранжирование организаций по числу публикаций демонстрирует, что лидируют ТИКОПР

СО РАН, Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (ХакНИИЯЛИ), Северо-Восточный Федеральный университет им. М. К. Аммосова (СВФУ им. М. К. Аммосова), Уфимский университет науки и технологий (УУНиТ) (принимая во внимание его образование в 2021 г. путем объединения Башкирского государственного университета (БашГУ) и Уфимского государственного авиационного технического университета (УГАТУ).

Первое десятилетие XXI в. с 1–2 публикациями в год, всего 15 авторов, выглядит как стадия первичного накопления интереса к проблемам сфер занятости титульных этносов (*рис. 3*). Вместе с тем, меньшее количество публикаций за этот период на графике может быть связано с неполным присутствием опубликованных работ в базе, поскольку российские издатели еще занимаются оцифровкой архивов соответствующих лет и постепенным индексированием в РИНЦ.

Работы первого этапа посвящены вопросам развития экономики с учетом этнической специфики и уникального способа приспособления к окружающей среде (Потахин, 2000), сравнительных этноэкономических характеристик субрегионов и трудового поведения конкретных этносов, трансформации их традиционных видов хозяйственной деятельности. Районы Дагестана, к примеру, отличаются разным количеством малых предпринимателей и научных деятелей — некоторые села ярко выделяются представленностью занятых в этих сферах (Багомедов, Гаджиев, 2002), а уральские, зауральские, северные и северо-восточные районы Башкортостана получили «развитие как сельскохозяйственные, хотя по сравнению с другими районами они отличаются неблагоприятными климатическими условиями для земледелия» (Валиахметов, 2002: 308).

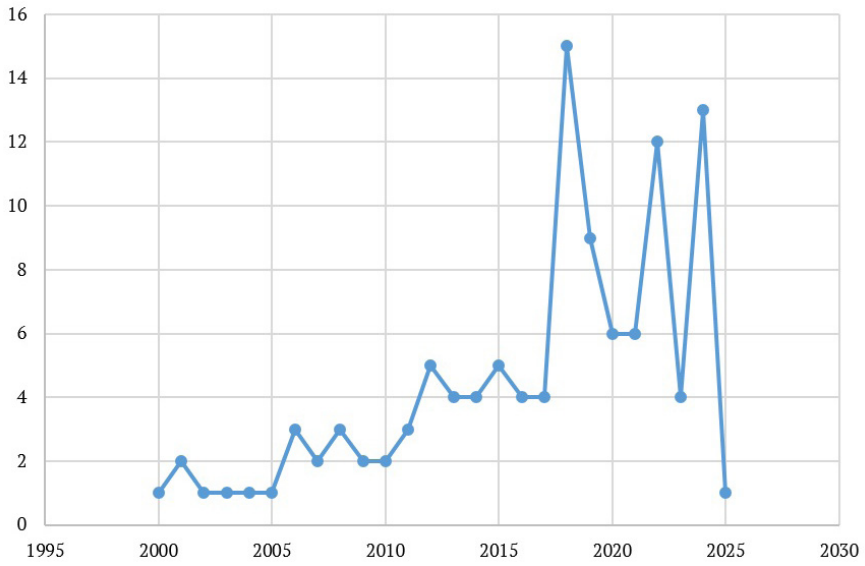

Рис. 3. Количество публикаций по вопросам сфер занятости титульных этносов России по годам (2000 г. — июнь 2025 г.).
Fig. 3. The number of publications on employment issues of the titular ethnic groups of Russia by year (2000 — June 2025).

В публикациях до 2011 г. отчетливо оформлен тренд на анализ возможностей самозанятости и предпринимательства, изучение практик отходничества и сетевой взаимопомощи как способов выживания в меняющемся российском обществе (Мулукова, 2008; Багомедов, Гаджиев, 2002; Овчинников, Колесников, 2006; Колесников, 2003; Барлыбаева и др., 2011).

С 2011 до 2016 гг. наблюдается постепенное увеличение количества публикаций и смещение центра исследований на восток — увеличивается доля работ, посвященных сферам занятости калмыков, башкир, тувинцев, бурят, якутов (*рис. 4*). Часть работ посвящена роли этнического социального капитала в решении проблем занятости населения и безработицы, возможностям этнопредпринимательства, производственным нишам и этническому разделению труда[1].

[1] Ирназаров Р. Проявление этничности в трудовой занятости населения РБ // Ватандаш. 2015. № 8 (227). С. 153-161.

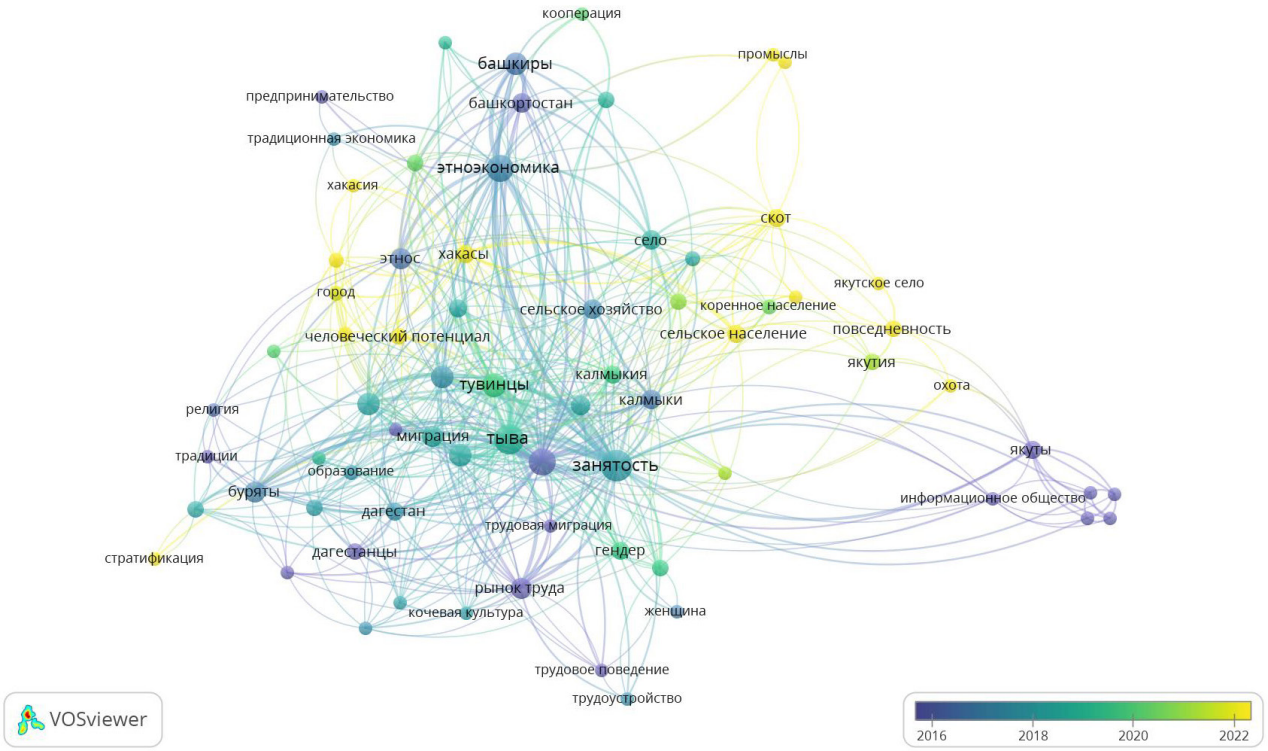

Рис. 4. Частота и связи употребления ключевых слов в публикациях по вопросам сфер занятости титульных этносов России по годам (2015–2025 гг.). Карта сети ключевых слов составлена в программе для наукометрического анализа VOSviewer на основе собранной в РИНЦ базы публикаций. Размеры узлов в сети соответствуют частоте употребления ключевых слов.
Fig. 4. Frequency and relationships of keyword usage in publications on employment issues of the titular ethnic groups of Russia by year (2015–2025). The map of the keyword network was compiled in the VOSviewer scientometric analysis program based on the database of publications collected in RSCI. The size of the nodes in the network corresponds to the frequency of keyword usage

На *рисунке 4* зафиксирована тенденция роста исследовательского интереса к занятости хакасов и якутов (ключевые слова, обозначенные желтыми узлами – с 2021 г.), в особенности — к связям сфер занятости представителей титульных этносов с более широким контекстом повседневности и быта, городским и сельским образом жизни, а также к скотоводству, охоте и промыслам. Цвета узлов в сети соответствуют годам публикаций и определяются программой VOSviewer: относительно «молодым» трендом выглядят исследования сфер занятости тувинцев и калмыков (наиболее высокая активность в 2018-2020 гг.), в то время как сферы занятости башкир и дагестанцев выглядят более разработанными — по ним найдено больше ранних публикаций, визуализируемых программой наиболее холодным цветом (до 2017 г). Пространственная близость ключевых слов на карте определяется частотой их совместного употребления в проанализированных работах.

Наиболее существенный рост количества публикаций наблюдается с 2016 г. с пиком в 2018 г., когда тематика работ обогащается благодаря увеличению числа социологических исследований, проведению сравнительных исследований и большему акценту на внеэкономические факторы разделения труда.

Работы о социокультурных факторах трудовых предпочтений титульных этносов содержат ценную информацию об особенностях труда женщин (Анжиганова, Ак-Лама, 2016; Винокурова, 2021; Натсак, Балакина, 2024), гендерных аспектах трудовой миграции (Бадмаева, Натсак, 2021).

В Дагестане религиозные (исламские) ценности влияют на представления не только о труде женщин, но и об аморальности извлечения прибыли из занятий виноделием при наличии весьма подходящих для этого природно-климатических условий (Гимбатова, Мусаева, 2017; Абдулаева, 2018). Культурные установки анализируются и в исследованиях взаимосвязи ценностей буддизма (Тарбастаева, 2018) и восточного понимания времени (Ламажаа, 2018), этнопсихологических черт (Хабаева, 2014; Анайбан, 2018) с предпочитаемыми сферами занятости.

Продолжаются исследования в области занятости сельского населения, (само)занятости в личных подсобных хозяйствах (ЛПХ) (Лушникова, 2024), традиционных форм занятости[1] и видов хозяйственной деятельности (Федоров, Яковлев, 2019) и этнического предпринимательства (Тюхтенева, 2018; Айдарбаков и др., 2019; Ахметов, Матинова, 2021). Выясняются взаимосвязи профессиональных предпочтений и трудовой миграции (Гусаков, 2019; Валиахметов, Туракаев, 2024; и др.[2]) с экономико-географическим положением, экономической культурой, этнокультурой и менталитетом (Дабиев, 2018; Бадмаева, Натсак, 2021; Баймурзина, Кабашова, 2022; Попков, Тюгашев, 2018; Лушникова, 2021b).

Еще одна интересующая научное сообщество тема — взаимопомощь и роль этнической принадлежности в вопросах трудоустройства и ведении хозяйства (Барлыбаева и др., 2011; Айдарбаков и др., 2019; Лушникова, 2021b; Тарбастаева, 2024). В России трудовые династии являются значимой составляющей в том числе «этнически нейтральных» сфер занятости. В Республике Башкортостан бренды создают семьи, члены которых трудятся в одной сфере и часто создают семейные предприятия. К примеру, самые длинные очереди на ярмарках выстраиваются к известным семьям пчеловодов, выступавшим на телевидении, где тоже доминируют династии наемных служащих. Подбор персонала по родственному принципу и расчет на помощь родственников в деле трудоустройства упоминали эксперты недавнего исследования человеческого потенциала Тувы (Ламажаа, Валиахметов, Самба, 2022: 14) и этнического предпринимательства Тувы и Калмыкии (Тюхтенева, 2018). Ю. В. Попков и Е. А. Тюгашев называют клановость родственных групп «формой социоэкономической организации», связанной с нормамии ценностями взаимопомощи, коллективных усилий и наследования ресурсов (Попков, Тюгашев, 2018: 32); «этноэкономическим механизмом выживания и жизнеобеспечения» (там же: 23), обеспечивающим устойчивость и эффективное освоение пространства.

В последнее десятилетие отмечается рост сравнительных исследований трудового поведения титульных и нетитульных этносов в регионах (в особенности — в сибирских регионах и в Республике Башкортостан) (Валиахметов, 2002; Балакина, Кылгыдай, 2015; Тиникова, 2020; Петрова, Бильтрикова, Дашибалова, 2020; Ламажаа, Валиахметов, Самба, 2022; Балакина, 2022, 2023; Лушникова, 2021a, 2024 и др.[3]), а также титульных этносов разных регионов (Четырова, 2018, 2019; Валиахметов и др., 2021; Валиахметов, Зарипов, Туракаев, 2022; Баймурзина, Кабашова, 2022; Валиахметов, Туракаев, Абылкаликов, 2023; и др.[4]).

Если большинство работ фиксируют особую внутрирегиональную «специализацию» этносов по сферам занятости (Валиахметов, 2002; Анайбан, 2018; Подойницына, 2013; Дабиев, 2018; Багомедов, 2001; Багомедов, Гаджиев, 2002; Намруева, 2014; Хабаева, 2014), то в последнее десятилетие сравнивается общее и особенное в сферах занятости титульных этносов разных регионов. Ввиду объективных сложностей проведения репрезентативных эмпирических этносоциологических исследований занятости на больших территориях лишь немногие авторские коллективы проводили их в двух-трех регионах одновременно (Четырова, 2018; Баймурзина, Кабашова, 2022; Валиахметов и др., 2021).

[1] Самба А. Д.-Б. Тенденции профессионализации традиционных видов занятости в Республике Тыва // Социально-стратификационные процессы в Республике Тыва. М.; Кызыл: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, 2020. С. 90–103; Кылгыдай А.-К. Ч. О традиционном виде занятости тувинцев в современное время // Природные системы и экономика Центрально-Азиатского региона: фундаментальные проблемы и перспективы рационального использования. Материалы IV Всероссийской молодёжной школы-конференции с международным участием. Кызыл, 2022. С. 20–22.

[2] Шахбанова М. М., Муртузова З. М., Шахпазова Р. Д. Миграционные процессы в современном дагестанском обществе: состояние и тенденции // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2018. № 1(214). С. 171–179; Курбанов М. Ю., Гимбатов Ш. М. Миграционные процессы в современном Дагестане: периодизация и этносоциальный контекст // История, археология и этнография Кавказа. 2023. Т. 19. № 4. С. 1124–1136.

[3] Лушникова О. Л. Трудовые стратегии русских и хакасов в условиях села // Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий: Материалы IX Международной научной конференции, посвященной Десятилетию науки и технологий и Десятилетию языков коренных народов, Абакан, 21 сентября 2023 года. Абакан: Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, 2023. С. 73–76.

[4] Кан В. С., Тулуш Д. К. Общие и особенные черты этносоциального развития Тувы и Бурятии // Республики на востоке России: траектории экономического, демографического и территориального развития: сборник научных статей по итогам Всероссийского научно-практического семинара, Улан-Удэ, 10–11 июня 2018 года. Улан-Удэ: Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН, 2018. С. 73–88.

Один из блоков работ, не привязанный к рассмотренным этапам развития тематики, связан с концентрацией представителей титульных этносов в определенных сферах занятости, обусловленной историческими особенностями вхождения в состав России, политикой советского государства в области формировании национальных элит, индустриализацией и урбанизацией[1], а также постсоветскими трансформациями (Валиахметов, 2002; Васильева, 2024; Тиникова, 2020; Четырова, 2018; Подойницына, 2013; Намруева, 2009; Четырова, 2018; Багомедов, 2001; Бадараев, 2022; Камалетдинов, 2022; и др.[2]).

Общее и особенное в сферах занятости российских титульных этносов

Несмотря на существенный разброс в интерпретации факторов формирования сфер занятости с высоким представительством титульных этносов разными группами источников, их результаты фиксируют совпадающие и схожие трудовые предпочтения разных титульных этносов. При различающихся экономико-географическом положении регионов, структуре экономики, особенностях модернизации, этническом составе населения, ценности этнической принадлежности и удовлетворенности возможностями развития в трудовой сфере (см.: Валиахметов и др., 2021) часто выбираемые сферы занятости сохраняются на протяжении десятилетий. Это может говорить о том, что стартовые возможности и условия (Валиахметов, 2002: 304) различны для титульных и нетитульных этносов и схожи для титульных этносов различных регионов.

Недавние исследования выявили, что работающие башкиры чаще оседают в «образовании и науке, культуре и искусстве, МВД, органах безопасности и судебной системе по сравнению со всеми другими этническими группами. Доля татар по сравнению с башкирами и русскими выше среди занятых в сферах услуг, финансов, страхования, ЖКХ; русские чаще, чем татары и башкиры встречаются в машиностроении и ИКТ» (Баймурзина, Кабашова, 2022: 192). Эти результаты свидетельствуют о сохранении спустя 20–30 лет тенденции к относительно высокой (соответствующей или превышающей удельный вес в структуре населения) занятости башкир в сельском хозяйстве, науке, образовании, культуре и искусстве, управлении и к более низкой — в промышленности. Наибольший разрыв между представленностью башкир и русских наблюдался в сельском хозяйстве (преобладание башкир) и машиностроении и металлообработке (высокая представленность русских) при относительно «ровной» представленности татар. Башкиры, как и сейчас, были менее, чем нетитульные этносы, представлены в инженерно-технических профессиях и среди руководителей предприятий (высокая представленность русских), а также в экономических специальностях — торговле, заготовках, снабжении и сбыте, в сферах планирования и учета (высокая представленность татар) (Валиахметов, 2002: 305, 310–312, 317).

Сферы высокой представленности башкир, выявленные в 2022 г., подтверждают тенденцию к сохранению большинства трудовых предпочтений и карьерных траекторий, изученных в 2002 г. Русские все так же сохраняют высокую концентрацию в сферах, требующих высокой рабочей квалифика-

[1] Цыдыпова Л. С. О влиянии социально-экономических трансформаций на образ жизни бурят Баргузинской котловины (1930–1960 гг.) // Устойчивое развитие в Восточной Азии: актуальные эколого-географические и социально-экономические проблемы: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 30-летию высшего географического образования и 60-летию фундаментальной географической науки в Бурятии, Улан-Удэ, 17–19 мая 2018 года / науч. ред. Ц. Д. Гончиков. Улан-Удэ: Бурятский государственный университет, 2018. С. 181–183; Винокурова Л. И. Труд и быт рабочих совхозов Якутии в конце 1960-х — 1970-е гг.: по документам официальных проверок // Эхо веков. 2018. № 2. С. 111–121; Лиджеева К. Ф., Олчанова Ц. В. Кадровая подготовка как условие для модернизации региона в 20-30-е годы XX века (на материалах Калмыкии) // Вестник Калмыцкого университета. 2019. № 1 (41). С. 55–61; Федоров С. И., Винокурова Л. И. Промысловики Крайнего Севера: труд охотников Якутии в 1960–1980-е гг. // Oriental Studies. 2024. Т. 17, № 6. С. 1228–1240; Лушникова О. Л. Алтайцы, тувинцы, хакасы: вовлечение в урбанизационные процессы // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 3(58). С. 113–125.

[2] Ахмадиева Н. В. Башкиры в сфере умственного труда: социальнопрофессиональный аспект // Социально-демографическая характеристика башкирского населения (на материалах Башкирской АССР. 1959–1989 гг.): сборник статей / отв. ред. Н. В. Ахмадиева. Уфа: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук, 2012. С. 126-138; Кан В. С., Тулуш Д. К. Общие и особенные черты этносоциального развития Тувы и Бурятии // Республики на востоке России: траектории экономического, демографического и территориального развития: сборник научных статей по итогам Всероссийского научно-практического семинара, Улан-Удэ, 10–11 июня 2018 года. Улан-Удэ: Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН, 2018. С. 73–88.

ции, то время как татары преобладают в сфере торговли; успешными в сфере предпринимательства себя считают представители русского и татарского этносов (там же: 311–312). Это может свидетельствовать о большей мотивированности представителей нетитульных этносов к проявлению активности, адаптации и освоению новых сфер занятости.

Работы в рамках различных дисциплин и подходов подтверждают, что и представители других титульных этносов от Северного Кавказа до Сибири и Дальнего Востока (тувинцев, саха, бурят, дагестанцев, хакасов) часто занимают преподавательские и государственные должности, склонны к творческим видам деятельности, включая науку, а в этноэкономике — к животноводству (Анайбан, 2018; Подойницына, 2013; Хабаева, 2014: 5; Ламажаа, 2018; Барлыбаева и др., 2011; Дабиев, 2018; Ламажаа, Валиахметов, Самба, 2022: 14; Лушникова, 2021b).

В склонности к творческим и гуманитарным специальностям тувинцы обнаруживают «гораздо больше совпадений с хакасской молодежью, нежели с местной русской», предпочитающей профессии экономиста, менеджера и инженера (Анайбан, 2018: 120). И. И. Подойницына даже называет единственной «культурно-наследуемой» сферой занятости в социально-профессиональной структуре общества, популярной в том числе у молодежи, работу в сфере образования, где занято около одной пятой доли всех саха. Автор подчеркивает наличие учительских династий саха и рекрутирование государственных деятелей из учителей саха (Подойницына, 2013).

Д. Ф. Дабиев делает вывод о большей привлекательности для тувинцев «работы с относительно свободным графиком» в области науки, образования и медицины и меньшей — работы с жестким графиком в индустриальном секторе. Он же отмечает и высокий престиж государственной службы, профессии военнослужащего и работника милиции среди тувинцев (Дабиев, 2018: 138).

М. А. Багомедов, например, отмечает, что выраженные сферы специализации дагестанцев, выходцев из развитых крупных сел, где при царской России были построены первые школы, сформированы в наиболее престижных в советский период сферах занятости — государственной службе и науке (Багомедов, 2001: 58). Престиж административной власти как сферы занятости мог быть связан с невозможностью миграции из колхоза в город и с использованием имеющихся «на месте» возможностей повысить свой уровень жизни (там же: 57). Смена профессии башкирами тоже часто осуществлялась в пределах обозначенных сфер занятости: культурно-просветительская и пропагандистская работа по линии комсомола открывала двери в партийную исследовательскую деятельность (Сиразетдинова, 2022). Подобные карьерные траектории популярны и сегодня.

Сохранившиеся предпочтения тувинцев в Туве к занятиям сельским хозяйством, встречающиеся в 4 раза чаще по сравнению с русскими (Дабиев, 2018: 139), могут быть обусловлены транспортной и социальной изолированностью от других регионов, преобладанием титульного этноса в структуре сельского населения, а также традиционным образом жизни и более слабым взаимодействием с соответствующими социальными институтами, организациями и экономическими субъектами. В пользу последнего говорит и высокий уровень неформальной занятости и занятости в неформальном секторе, связанных с самостоятельным поиском ресурсов и заработка (Валиахметов и др., 2021: 210, 218; Ламажаа, Валиахметов, Самба, 2022: 13). Это, на наш взгляд, свидетельствует о значимой роли времени приобщения разных этносов к различным сферам занятости.

Многие авторы подчеркивают роль скотоводства наряду с другими сегментами этноэкономики в качестве «резервного» вида трудовой деятельности и ресурса выживания в период рыночных трансформаций, деиндустриализации и безработицы 1990-х гг. (Четырова, 2018; Колесников, 2003; Колесников, Дармилова, 2009; Канцеров, Аджикова, 2011; Багомедов, Гаджиев, 2002). Думается, скотоводство здесь следует рассматривать как занятие, характерное для большинства представителей доиндустриального типа общества — именно в этом смысле оно традиционно, а не в силу менталитета того или иного этноса. Уникальны лишь конкретные черты занятий скотоводством, связанные с природно-климатическими факторами, а не сам факт существования животноводческого сегмента в структуре этноэкономики.

Большинство титульных этносов сохраняют традиционные занятия скотоводством, но это сопровождается переходом к оседлой форме, снижением доли носителей традиции, сокращением поголовья скота у большинства семей, внедрением технологий (доильные аппараты, сепараторы). В последние десятилетия роль традиционных занятий скотоводством снижается из-за нерентабельности содержания и реализации продукции, сложности и дороговизны содержания земель и животных,

дефицита помощников и замены бесплатной взаимопомощи платными услугами (Тарбастаева, 2024; Барлыбаева и др., 2011; Лушникова, 2024: 32–33), хотя получение поддержки может стимулировать возобновление занятий животноводством (Валиахметов, Туракаев, Абылкаликов, 2023: 116).

Таким образом, все рассмотренные этносы широко представлены в сферах государственной службы, науки, образования; большинство из них менее представлены в индустриальном секторе, торговле и финансах по сравнению с нетитульными этносами. Спад интереса к занятиям в сфере сельского хозяйства, традиционных промыслов и владению ЛПХ более всего наблюдается у калмыков (Намруева, 2014; Валиахметов, Туракаев, Абылкаликов, 2023: 116) и саха, среди которых представленность респондентов в сельском хозяйстве по сравнению с их родителями упала 6,4 раза с 37,1% до 5,8%, в то время как в дореволюционный период составляла 80% (Подойницына, 2013: 135, 141). Сравнительно ниже по сравнению с другими титульными этносами и доля участия саха в сфере культуры (Подойницына, 2013: 136).

Особенное в преобладающих сферах занятости представителей титульных этносов не определяется полностью их национально-психическим складом или этническим составом регионов. Так, несмотря на то, что Республика Тува является моноэтничной, а в Республике Башкортостан анализ данных осложняет наличие не двух, а трех больших этнических групп (Валиахметов, 2002: 302) — русских, татар и башкир, вышеназванные сферы высокой концентрации башкир совпадают с аналогичными сферами занятости с высокой степенью представленности других титульных этносов.

Меньшая представленность титульных этносов в индустриальном секторе и торговле

Единственный рассматриваемый в данном направлении этнос — саха — представлен в промышленности наравне с русскими, а на отдельных предприятиях и вовсе кратно превышает численность русских (Подойницына, 2013: 136).

Представленность тувинской молодежи в индустриальном секторе за последние десятилетия также заметно выросла (Анайбан, 2018). Данный факт опровергает стереотипный тезис об отсутствии склонностей кочевых в прошлом народов к промышленному труду и демонстрирует потенциал успешного объединения творческих способностей представителей коренных этносов с потребностями промышленного производства (для саха, например, это ювелирная и алмазообрабатывающая промышленность).

В то же время невысокий уровень представленности большинства титульных этносов, включая тувинцев, в торговле и промышленности до сих пор сохраняется (Анайбан, 2018; Ламажаа, 2018; Хабаева, 2014: 4; Баймурзина, Кабашова, 2022), что, скорее всего, связано с медленными темпами изменений в образе жизни, с сохранением доиндустриального уклада экономики, близостью к природе. Более низкая вовлеченность в промышленность связана с тем, что на этапе появления индустриальных предприятий потребность в работниках закрывалась за счет внешних мигрантов. Преимущественно сельское коренное население регионов было занято в личном хозяйстве и на колхозах, часто не имея паспорта, а следовательно, и возможности выезда в город для официального трудоустройства. Лишь после Великой Отечественной войны задачи ускорения социального развития, стирания резких различий между слоями населения, подъема уровня образования и культуры народов и открытие учебных заведений для подготовки работников обеспечили приток представителей титульных этносов в индустриальный сектор.

После войны представители коренных народов массово начали получать паспорта и возможность прохождения школ фабрично-заводского обучения в городах и, как следствие, трудоустраиваться на промышленные предприятия. Так, среди саха «интерес к промышленному труду при переходе к современному (индустриальному) обществу увеличился в 2 раза» (Подойницына, 2013: 135). «Детерминированная» степным прошлым сущность этноса не препятствовала ни обучению, ни выполнению трудовых обязанностей. Это подтверждают и более ранние работы, включая зарубежные, о раннеиндустриальных стереотипах собственников предприятий и городских управленцев о «медлительности» рабочих из крестьян или о жалобах рабочих-мужчин на нерасторопность жен, слишком долго одевающихся и опаздывающих на встречи (Thompson, 1991). Даже в рамках семьи могут сталкиваться индустриальное и доиндустриальное отношение ко времени, связанное с характером

труда и темпом жизни. Склонные к экспансии западные страны первыми индустриализировались, что не означает «неспособности» остального человечества создавать промышленные производства, как и способности женщин лишь к домашнему труду. Пунктуальность и «английская точность» — не прерогатива этносов, контролирующих индустриальный сектор, а следствие рыночной конкуренции, высокой стоимости промышленного оборудования и тесной взаимозависимости участников трудового процесса, синхронизации труда (Thompson, 1991). Подобные качества вовсе не играли большой роли в доиндустриальных обществах — ни в российском, ни в западном, а стали социальной необходимостью лишь в процессе индустриализации, о чем свидетельствует и повсеместное распространение часов именно в данную эпоху.

Всем, кто работал в собственном хозяйстве, а не в индустриальном ритме, были не знакомы индустриальное отношение ко времени, склонности к точной координации действий и формальным отношениям во вторичных группах. Сохранение «кочевого времени» тем самым обусловлено более поздним приобщением к современному ритму коренных жителей национальных республик по сравнению с пришлым населением, подобно более позднему выходу на рынок труда женщин по сравнению с мужчинами.

Отсюда меньшая представленность большинства титульных этносов в числе сотрудников заводов может быть связана с социально-экономическим контекстом — распространенной в России практикой трудоустройства и карьерного продвижения по знакомству, особенно на высокооплачиваемую работу. Изначально заводскими рабочими в советских национальных республиках становились русскоязычные мигранты из других регионов России, возможно, — в силу наличия соответствующей подготовки и опыта. Так, несколько авторов указывают, что советская индустриализация не изменила хозяйственного быта местного населения Северного Кавказа (Овчинников, Колесников, 2006) и не обеспечила профессиональную дифференциацию большей части его населения (Колесников, 2003), концентрированного в традиционном для него высокопроизводительном сельском хозяйстве (Канцеров, Аджикова, 2011). Постсоветский рыночный уклад привел к свертыванию промышленности в республиках Северного Кавказа, оттоку рабочих и еще большему возрастанию роли этноэкономики (Колесников, 2003; Колесников, Дармилова, 2009).

Сама жизнь большинства представителей титульных этносов дольше всего была связана с селом, а не с городом: так, в Туве доля титульного этноса в сельском населении составляет около двух третей (Анайбан, 2018: 68), а в Башкортостане быстрый рост городского населения происходил до конца 1960-х гг. за счет татар и русских, вследствие чего удельный вес башкир в городском населении вырос значительно позднее. Большая часть башкир еще в начале XXI века проживала в наименее развитых зонах — уральской, северной и северо-восточной (Валиахметов, 2002: 305–306, 308), что и обусловило долгое и неполное сглаживание социально-профессиональной дифференциации. Все это не может не отразиться на трудовых предпочтениях.

Причиной несформированности качеств планирования и пунктуальности у тувинцев считается склонность «тувинцев не к монотонному, скрупулезному труду» в индустриальном ритме, «а к животноводству и творчеству», истоком которых является особое мировосприятие и его важная компонента — неспешное «тувинское время» экстенсивного скотоводства (Ламажаа, 2018). И. М. Хабаева схожим образом объясняет сохранение бурятских традиций степного скотоводства: ценности кочевых цивилизаций — свобода и автономия — «противоречат» промышленным регламентам и локализации в рамках лесного и водного хозяйства, горного дела. И. М. Хабаева связывает стремление бурят к получению образования, занятию государственных должностей, работе в учреждениях науки и высшего образования, не имеющих очевидных корреляций с номадическим образом жизни, культурными контактами монгольского суперэтноса и органичностью для него образца конфуцианской учености и идеала «благородного мужа», проникших в культуру бурятского этноса (Хабаева, 2014: 4).

Специфически-локальными факторами меньшей представленности в промышленности тувинцев Тувы названы преимущественно сырьевая направленность индустрии (Валиахметов и др., 2021: 210), более позднее вхождение в состав России по сравнению с другими регионами (Ламажаа, Валиахметов, Самба, 2022: 12), сокращение производственных мощностей в эпоху рыночных реформ и трудности последующего восстановления. Второе касается и титульных этносов Дагестана (Овчинников, Колесников, 2006; Колесников, 2003; Канцеров, Аджикова, 2011; Колесников, 2003; Колесников, Дармилова, 2009; Влиахметов, Зарипов, Туракаев, 2022).

Невысокий уровень занятости в торговле и промышленности может быть связан с отсутствием развитой инфраструктуры, включая дорожное сообщение (Анайбан, 2018: 76; Ламажаа, Валиахметов, Самба, 2022: 12, 13, 15). Отсутствие каналов сбыта препятствует рентабельности предприятий и способствует сохранению традиционных видов хозяйствования (Валиахметов и др., 2021: 211).

У большинства рассмотренных титульных этносов не успело сформироваться устойчивое и многочисленное сословие купцов и кулаков, а также высокой доли городских жителей вплоть до периода советской модернизации, когда предпринимательство оказалось вне закона. К тому же политика регистрации и паспортизации населения, а также внешних мигрантов из других регионов не способствовали массовой миграции титульных этносов из села в город, что обусловило их более позднюю урбанизацию и участие в бизнесе и промышленности (особенно — в тяжелой) (Лушникова, 2021b: 8, 23). В современной России устойчивый интерес к бизнесу, связанному с наличием земельных и рекреационных ресурсов, наблюдается у представителей титульных этносов Северного Кавказа благодаря прибыльности (Багомедов, Гаджиев, 2002); развивается молодежное предпринимательство среди тувинцев (Анайбан, 2018). Вместе с тем, тувинцы ассоциируют сферу торговли с приезжими, сетевой взаимопомощью и мотивацией кавказцев к высокому заработку, и более высокой финансовой грамотностью русских (Ламажаа, Валиахметов, Самба, 2022: 14–15). При этом относительная новизна бизнеса и получения прибыли отражается во вторичности коммерческого интереса и инструментальных ценностей у тувинских и калмыцких этнопредпринимателей (Тюхтенева, 2018; Дабиев, 2018; Попков, Тюгашев, 2018) и размера оплаты труда у бурятских работников, сохраняющаяся с советских времен, когда зарплаты в индустриальном секторе были выше, чем в сельском хозяйстве (Хабаева, 2014: 5).

Таким образом, более высокая степень вовлеченности нетитульных этнических групп в рыночные отношения может быть и продолжением эффектов советской модернизации, поощрявшей создание национальных элит через получение представителями титульных этносов высшего образования и карьеру в области государственного управления. Это могло стимулировать представителей нетитульных этносов более интенсивно осваивать новые сферы занятости в постсоветский период. Фактор формирования трудовых династий и этнической взаимопомощи, скорее, играет дополнительную роль, укрепляя сложившиеся предпочтения сфер занятости представителей как титульных, так и нетитульных этносов.

Заключение

В ходе обзора и обобщения результатов научных работ по вопросам сфер занятости, наиболее распространенных у титульных этносов разных регионов России (Башкортостан, Тува, Калмыкия, Бурятия, Дагестан, Якутия) — башкир, тувинцев, калмыков, бурят, дагестанцев и якутов) за 2000-2025 гг. выявлено преобладание статей в научных журналах, — они публикуются быстрее, чем монографии и диссертации, — но это может указывать и на активное развитие темы. Хотя конференции важны для обмена научными результатами, а диссертации и монографии являются фундаментальными трудами, систематизирующими накопленные знания, количество соответствующих публикаций может снижаться ввиду нового формата научной коммуникации с онлайн доступом к публикациям, а также мотивированности ученых ежегодно отчитываться по эффективным контрактам, а не заниматься долгосрочными и более трудоемкими проектами.

Ядро научного сообщества, занимающегося вопросами этнической занятости, сформировано опубликовавшими от 7 работ организациями — ТувИКОПР СО РАН, Хакасским НИИ ЯЛИ, СВФУ им. М. К. Аммосова и УУНиТ. Научные центры некоторых регионов (Калмыкия, Бурятия) представлены меньшим числом работ, что может указывать на отсутствие специализации их научных учреждений на этнической тематике, невысокий интерес к исследованиям этноспецифики.

В 2000–2010 гг. наиболее активно изучались вопросы этноэкономики, традиционных видов хозяйственной деятельности и адаптации к рынку отдельных этносов в отдельных регионах: ученые из изучали прежде всего «свои» этносы и республики в рамках своих научных школ.

В 2011–2016 гг. постепенно росло количество публикаций, акцент сместился к темам анализа этнического социального капитала, этнического предпринимательства, этнического разделения труда, а научные центры сместились на восток: все больше работ посвящались вопросам сфер занятости тувинцев, башкир, калмыков, бурят, якутов. Значение и уникальность локального контекста для

формирования трудовых предпочтений представителей титульных этносов обусловливали продолжение организационной концентрации исследований в региональных научных центрах.

В 2016–2025 гг. наблюдается значительный и более резкий по сравнению с предыдущими этапами рост числа публикаций, с первым пиком в 2018 г. и последующими — в 2022 и 2024 гг., что свидетельствует о возрастающем интересе к рассматриваемой тематике. Увеличилось количество социологических исследований; значительно расширился спектр тем, включая гендерные аспекты занятости, влияние культурных и религиозных факторов на сферы занятости представителей титульных этносов регионов России. Тематика работ обогащается за счет анализа влияния цифровизации и глобализации на предпочитаемые сферы занятости. Наблюдается рост сравнительных межрегиональных исследований трудового поведения титульных и нетитульных этносов, проводимых соавторами из разных регионов, в отличие от субрегиональных и региональных исследований. Это указывает на зрелость исследовательского поля, накопление достаточного количества данных для сравнительного анализа и стандартизации методик сбора и обработки данных, преодоление изолированности локальных научных школ и стремление к обобщающим выводам не только по конкретным этносам и регионам, но и выявлению общих закономерностей в динамике сфер занятости, выбираемых представителями различных этносов в разных регионах в сопоставимых условиях.

Таким образом, обзор выявил, что сферы занятости представителей титульных этносов становятся все более актуальным, динамично развивающимся направлением современной российской науки, о чем свидетельствуют устойчивый рост количества публикаций и развитие новых исследовательских линий, переход от локальных и субрегиональных к межрегиональным исследованиям, активизация межрегиональной коллаборации, многофакторный подход в рассмотрении выбора определенных сфер занятости представителями титульных этносов.

Неравномерный охват регионов и тематик, структура публикаций по типам и выявленные тенденции к росту тематического и дисциплинарного разнообразия работ отражают сложность и многогранность изучаемого предмета, а также перспективность сравнительных исследований и интеграции новых методологических подходов вместе с ростом исследовательского поля.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абдулаева, З. З. (2018) Влияние гендерных стереотипов на формирование рынка труда и занятости // Региональные проблемы преобразования экономики. № 8 (94). С. 129–137. DOI: https://doi.org/10.26726/1812-7096-2018-8-129-137

Айдарбаков, Ф. Ф., Барлыбаев, А. А., Барлыбаев, У. А., Насыров, Г. М., Ситнова И. А. (2019) Развитие предпринимательства в сельской местности: этноэкономический аспект (на примере Республики Башкортостан) // Проблемы прогнозирования. № 3 (174). С. 80–90.

Анайбан, З. В. (2018) Трудовая занятость и социально-профессиональные ориентации молодежи современной Тувы // Новые исследования Тувы. № 2. С. 112–131. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2018.2.6

Анжиганова, Л. В., Ак-Лама, С. М. (2016) Мир женщин современной Тувы // Новые исследования Тувы. № 2. С. 105–115.

Ахметов, В. Я., Матинова, Ф. В. (2021) Этнокультурный туризм как фактор диверсификации экономики села и повышения качества жизни в сельской местности // Журнал прикладных исследований. Т. 3. № 6. С. 212–218. DOI: https://doi.org/10.47576/2712-7516_2021_6_3_212

Багомедов, М. А. (2001) Сравнительная этно-экономическая характеристика Сергокалинского и Гунибского районов Республики Дагестан // Вопросы структуризации экономики. № 8. С. 56–59.

Багомедов, М. А., Гаджиев, А. Г. (2002) Типология этноэкономического поведения народов Республики Дагестан // Вопросы структуризации экономики. № 2. С. 5–11.

Бадараев, Д. Д. (2022) Тенденции трансформации системы занятости и социальной структуры в трансграничных обществах Монголии и Бурятии // Власть. Т. 30. № 3. С. 243–249. DOI: https://doi.org/10.31171/vlast.v30i3.9081

Бадмаева, Н. В., Натсак, О. Д. (2021) Современная трудовая миграция из Калмыкии и Тувы: экономические, социокультурные и гендерные аспекты // Новые исследования Тувы. № 4. С. 186–205. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.14

Баймурзина, Г. Р., Кабашова, Е. В. (2022) Занятость и доходы населения республик Тыва и Башкортостан (2010-2020 гг.) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 186–207. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.13

Балакина, Г. Ф. (2022) Риски развития человеческого потенциала этнических общностей Республики Тыва (1999–2021 гг.) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 20–33. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.2

Балакина, Г. Ф., Кылгыдай, А. Ч. (2015) Этнорегиональные модели адаптации к рынку труда в Туве / отв. ред. Л. В. Корель. Кызыл : ТувИКОПР СО РАН. 160 с.

Балакина, Г. Ф. (2023) Специфика адаптационных практик этнических групп Республики Тыва // Новые исследования Тувы. № 4. С. 255–273. DOI https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.18

Барлыбаева, Ф. Б., Ахметов, В. Я., Бердникова, Г. И., Ситдикова, Г. И., Тулябаева, А. Р. (2011) Сетевая взаимопомощь в структуре этноэкономики башкирского села // Региональная экономика: теория и практика. № 39 (222). С. 47–55.

Валиахметов, Р. М. (2002) Основные индикаторы социально-экономического и социально-культурного неравенства этнических групп Башкортостана // Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / отв. ред. Л. М. Дробижева. М. : Academia. 480 с. С. 300–319.

Валиахметов, Р. М., Баймурзина, Г. Р., Туракаев, М. С., Самба, А. Д. Б. (2021) Этносоциальные особенности занятости населения в республиках Тува и Башкортостан // Новые исследования Тувы. № 4. С. 206–222. DOI: https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.15

Валиахметов, Р. М., Зарипов, А. Я., Туракаев, М. С. (2022) Проблемы развития человеческого потенциала в республиках Российской Федерации (по результатам опроса экспертов в Дагестане и Туве) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 170–185. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.12

Валиахметов, Р. М., Туракаев, М. С. (2024) Семейный статус и этническая принадлежность как факторы миграции и трудовой мобильности населения (на примере Республики Башкортостан) // Научный результат. Социология и управление. Т. 10. № 4. С. 111–129. DOI: https://doi.org/10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-6

Валиахметов, Р. М., Туракаев, М. С., Абылкаликов, С. И. (2023) Этнический фактор развития человеческого потенциала Калмыкии и Тувы: сравнительный анализ // Новые исследования Тувы. № 2. С. 111–124. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.8

Васильева, О. В. (2024) Социальное самочувствие якутов в контексте процессов урбанизации в Республике Саха (Якутия) // Социологические исследования. № 1. С. 63–72.

Винокурова, Л. И. (2021) Зимний труд женщин в сельской Якутии 1920-х-1970-х гг. // Северо-Восточный гуманитарный вестник. № 4 (37). С. 46–53. DOI: https://doi.org/10.25693/SVGV.2021.37.4.005

Гимбатова, М. В., Мусаева, М. К. (2017) Трансформация хозяйственной специализации у народов Дагестана: гендерный аспект // Вестник Института истории, археологии и этнографии. № 4 (52). С. 89–96.

Гусаков, Т. Ю. (2019) Многоукладность современного этнического региона России: архаизация, аграризация и миграции (на примере Республики Тыва) // Крестьяноведение. Т. 4. № 4. С. 76–95. DOI: https://doi.org/10.22394/2500-1809-2019-4-4-76-95

Дабиев, Д. Ф. (2018) Профессиональные предпочтения населения Тувы в контексте экономической культуры // Новые исследования Тувы. № 2. С. 132–148. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2018.2.7

Камалетдинов, Д. А. (2022) Изменение социально-профессионального состава населения Башкортостана в 1979–2010 гг. // Исторический бюллетень. Т. 5. № 4. С. 153–157.

Канцеров, Р. А., Аджикова, А. С. (2011) Этноэкономические особенности регионального развития предпринимательства в субъектах Северо-Кавказского федерального округа // Стратегия развития экономики. № 7 (12). С. 21–26.

Колесников, Ю. С. (2003) Этноэкономика в судьбах модернизации Юга России // Пространство экономики. № 2. С. 19–24.

Колесников, Ю. С., Дармилова, Ж. Д. (2009) Ресурсы модернизации многоукладной экономики России // Проблемы прогнозирования. № 1. С. 60–73.

Ламажаа, Ч. К. (2018) Тувинское время и экономическая культура тувинцев // Новые исследования Тувы. № 2. С. 4–21. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2018.2.1

Ламажаа, Ч. К., Валиахметов, Р. М., Самба, А. Д.-Б. (2022) Проблемное поле исследований человеческого потенциала Тувы: обзор литературы и мнения экспертов (2020–2021) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 6–19. DOI: https://doi.org/10.25178/ nit.2022.2.1

Лушникова, О. Л. (2021а) Алтайцы, тувинцы, хакасы: вовлечение в урбанизационные процессы // Ойкумена. Регионоведческие исследования. № 3 (58). С. 113–125. DOI: https://doi.org/10.24866/1998-6785/2021-3/113-125

Лушникова, О. Л. (2021b) Стратегии адаптивного поведения сельских мигрантов (на примере основных этнических групп Хакасии) // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 24. № 4. С. 7–33. DOI: https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.4.1

Лушникова, О. Л. (2024) Занятость в личном подсобном хозяйстве: этнорегиональные особенности (на примере Хакасии) // Социологические исследования. № 4. С. 153–159. DOI: https://doi.org/10.31857/S0132162524040143

Мулукова, Л. (2008) Феномен этнического предпринимательства на примере татар города Ижевска // Бизнес. Общество. Власть. № 2 (2). С. 21–39.

Намруева, Л. В. (2009) Традиционная культура в условиях модернизации жизни (на примере калмыков) // Вестник Института комплексных исследований аридных территорий. № 1. С. 117–119.

Намруева, Л. В. (2014) Влияние производственной ниши на изменение этничности современных калмыков // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. № 4. С. 109–114.

Натсак, О. Д., Балакина, Г. Ф. (2024) Гендерные различия в адаптивных стратегиях населения Республики Тыва // Новые исследования Тувы. № 2. С. 177–192. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.11

Овчинников, В. Н., Колесников, Ю. С. (2006) Этноэкономика как фактор развития // Проблемы прогнозирования. № 1. С. 118–123.

Петрова, Е. В., Бильтрикова, А. В., Дашибалова, И. Н. (2020) Влияние этничности на социальное продвижение в Бурятии (по данным массового и экспертного опросов) // Социологические исследования. № 3. С. 91–99. DOI: https://doi.org/10.31857/S013216250008799-1

Подойницына, И. И. (2013) Профессиональные занятия народа саха и «прорыв» в информационный социум // Вестник РУДН. Серия Социология. № 1. С. 130–142.

Попков, Ю. В., Тюгашев, Е. А. (2018) Экономическая культура тувинцев в горизонте социокультурного подхода // Новые исследования Тувы. № 2. С. 22–39. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2018.2.2

Потахин, С. (2000) Этнические традиции природопользования // Известия Русского географического общества. Т. 132. № 4. С. 76–79.

Сиразетдинова, М. Ф. (2022) Биография Кузыева Рамазана Усмановича (1906–1981) в контексте культурного строительства советского Башкортостана // Вестник Карагандинского университета. Серия «История. Философия». № 2 (106). С. 144–152. DOI: https://doi.org/10.31489/2022HPh2/144-152

Тарбастаева, И. С. (2018) Буддийские ценности как возможная экономическая детерминанта развития тувинского общества // Новые исследования Тувы. № 2. С. 95–111. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2018.2.5

Тарбастаева, И. С. (2024) Сельско-городское взаимодействие в Туве (по материалам интервью с уроженцами Овюрского района) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 209–224. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.13

Тиникова, Е. Е. (2020) Особенности этничности и межэтнических отношений в городской и сельской среде Хакасии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 4 (158). С. 533–548. DOI: https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.735

Тюхтенева, С. П. (2018) Этническое предпринимательство без миграции (на примерах из Тувы и Калмыкии) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 149–167. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2018.2.8

Федоров, С. И., Яковлев, А. И. (2019) Трансформация культуры жизнеобеспечения у современных якутов (на примере охоты) // Человек и культура. № 6. С. 84–90. DOI: https://doi.org/10.25136/2409-8744.2019.6.31519

Хабаева, И. М. (2014) Об этнической составляющей экономического поведения бурят как части монгольского суперэтноса // Вестник Бурятского университета. Экономика и менеджмент. № 1. С. 3–7.

Четырова, Л. Б. (2018) Труд в этнической культуре кочевников постсоциализма (на примере бурят, калмыков, тувинцев) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 40–71. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2018.2.3

Четырова, Л. Б. (2019) Трансформация труда в постсовременном мире: ресурсы интеграции этнической трудовой культуры (на примере Тувы и Калмыкии) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 77–88. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2019.3.7

Thompson, E. P. (1991) The making of the English working class. Toronto : Penguin Books. 958 p.

Дата поступления: 06.02.2025 г.
Дата принятия: 28.06.2025 г.

REFEGENCES

Abdulaeva, Z. Z. (2018) The influence of gender stereotypes on the formation of the labor market and employment. *Regionalnye Problemy Preobrazovaniya Ekonomiki*, no. 8(94), pp. 129–137. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.26726/1812-7096-2018-8-129-137

Aydarbakov, F. F., Barlybaev, A. A., Barlybaev, U. A., Nasyrov, G. M. and Sitnova, I. A. (2019) The development of entrepreneurship in rural areas: ethno-economic aspect (case of Republic of Bashkortostan). *Problemy Prognozirovaniya*, no. 3(174), pp. 80–90. (In Russ.)

Anaiban, Z. V. (2018) Labor employment and socio-professional orientations of youth in modern Tuva. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 112–131. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2018.2.6

Anzhiganova, L. V. and Ak-Lama, S. M. (2016) The world of women in modern Tuva. *New Research of Tuva*, no. 2, 105–115. (In Russ.)

Akhmetov, V. Ya. and Matinova, F. V. (2021) Ethnocultural tourism as a factor in rural economic diversification and quality of life improvement. *Zhurnal Prikladnykh Issledovanii*, 3, no. 6, pp. 212–218. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.47576/2712-7516_2021_6_3_212

Bagomedov, M. A. (2001) Comparative ethno-economic characteristics of Sergokalinsky and Gunibsky districts of the Republic of Dagestan. *Voprosy Strukturyzatsii Ekonomiki*, no. 8, 56–59. (In Russ.)

Bagomedov, M. A. and Gadzhiev, A. G. (2002) Typology of ethno-economic behavior of peoples of Dagestan. *Voprosy Strukturyzatsii Ekonomiki*, no. 2, 5–11. (In Russ.)

Badaraev, D. D. (2022) Trends of transformation in employment systems and social structure in cross-border communities of Mongolia and Buryatia. *Vlast'*, vol. 30, no. 3, pp. 243–249. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.31171/vlast.v30i3.9081

Badmaeva, N. V. and Natsak, O. D. (2021) Contemporary labor migration from Kalmykia and Tuva: economic, sociocultural and gender aspects. *New Research of Tuva*, no. 4, 186–205. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.14

Baymurzina, G. R. and Kabashova, E. V. (2022) Employment and income of the population in the Republics of Tuva and Bashkortostan (2010–2020). *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 186–207. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.13

Balakina, G. F. (2022) Risks of human potential development among ethnic communities of the Republic of Tuva (1999–2021). *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 20–33. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.2

Balakina, G. F. and Kylgyday, A. Ch. (2015) *Ethno-regional models of adaptation to the labor market in Tuva*. Chief editor L. V. Korel. Kyzyl, TuvIKOPR SO RAN. 160 p. (In Russ.)

Balakina, G. F. (2023) Specific features of adaptive practices among ethnic groups of the Republic of Tuva. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 255–273. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.18

Barlybaeva, F. B., Akhmetov, V. Ya., Berdnikova, G. I., Sitdikova, G. I. and Tulyabaeva, A. R. (2011) Network mutual aid in the structure of ethnoeconomics of the Bashkir village. *Regionalnaya Ekonomika: Teoriya i Praktika*, no. 39 (222), pp. 47–55. (In Russ.)

Valiakhmetov, R. M. (2002) Basic indicators of socio-economic and sociocultural inequality of ethnic groups in Bashkortostan. In: Drobizheva, L. M. (ed.) *Social inequality of ethnic groups: perceptions and reality*. Moscow, Academia, total pages of publication. 480 p. Pp. 300–319. (In Russ.)

Valiakhmetov, R. M., Baymurzina, G. R., Turakaev, M. S. and Samba, A. D.-B. (2021) Ethnosocial features of employment in the Republics of Tuva and Bashkortostan. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 206–222. (In Russ.) DOI: https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.15

Valiakhmetov, R. M., Zaripov, A. Ya. And Turakaev, M. S. (2022) Problems of human potential development in the republics of the Russian Federation (based on expert surveys in Dagestan and Tuva). *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 170–185. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.12

Valiakhmetov, R. M. and Turakaev, M. S. (2024) Family status and ethnicity as factors in migration and labor mobility (the case of the Republic of Bashkortostan). *Nauchnyi Rezultat. Sotsiologiya i Upravlenie*, 10, no. 4, pp. 111–129. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-6

Valiakhmetov, R. M., Turakaev, M. S. and Abylkalikov, S. I. (2023) The ethnic factor in the development of human potential in Kalmykia and Tuva: a comparative analysis. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 111–124. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.8

Vasileva, O. V. (2024) Social wellbeing of Yakuts in the context of urbanization processes in the Republic of Sakha (Yakutia). *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, no. 1, pp. 63–72. (In Russ.)

Vinokurova, L. I. (2021) Women's winter labor in rural Yakutia in the 1920s–1970s. *Severo-Vostochnyi Gumanitarnyi Vestnik*, no. 4(37), pp. 46–53. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25693/SVGV.2021.37.4.005

Gimbatova, M. B. and Musaeva, M. K. (2017) Transformation of economic specialization among the peoples of Dagestan: gender aspect. *Vestnik Instituta istorii, arheologii i etnografii*, no. 4(52), pp. 89–96. (In Russ.)

Gusakov, T. Yu. (2019) Diversity of modern ethnic regions of Russia: archaization, agrarization and migration (case of the Republic of Tuva). *Krestyanovedenie*, 4, no. 4, pp. 76–95. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.22394/2500-1809-2019-4-4-76-95

Dabiev, D. F. (2018) Professional preferences of the population of Tuva in the context of economic culture. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 132–148. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2018.2.7

Kamaletdinov, D. A. (2022) Change in the socio-professional composition of the population of Bashkortostan in 1979-2010. *Istoricheskii Byulleten'*, vol. 5, no. 4, pp. 153–157. (In Russ.)

Kantserov, R. A. and Adzhikova, A. S. (2011) Ethno-economic features of regional entrepreneurship development in the North Caucasus Federal District. *Strategiya razvitiya ekonomiki*, no. 7(12), pp. 21–26. (In Russ.)

Kolesnikov, Yu. S. (2003) Ethnoeconomics in the fate of the modernization of the South of Russia. *Prostranstvo ekonomiki*, no. 2, pp. 19–24. (In Russ.)

Kolesnikov, Yu. S. and Darmilova, Zh. D. (2009) Resources for the modernization of the multi-structured economy of Russia. *Problemy Prognozirovaniya*, no. 1, pp. 60–73. (In Russ.)

Lamazhaa, Ch. K. (2018) The Tuvan time and economic culture of Tuvans. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 4–21. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2018.2.1

Lamazhaa, Ch. K., Valiakhmetov, R. M. and Samba, A. D.-B. (2022) The problem field of research on the human potential of Tuva: literature review and expert opinions (2020–2021). *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 6–19. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.1

Lushnikova, O. L. (2021a) Altaians, Tuvans, Khakass: involvement in urbanization processes. *Oikumena. Regional Studies*, no. 3(58), pp. 113–125. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.24866/1998-6785/2021-3/113-125

Lushnikova, O. L. (2021b) Adaptive behavior strategies of rural migrants (case of main ethnic groups in Khakassia). *Zhurnal Sotsiologii i Sotsialnoy Antropologii*, 24, no. 4, pp. 7–33. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.4.1

Lushnikova, O. L. (2024) Employment in personal subsidiary farming: ethno-regional features (case of Khakassia). *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, no. 4, 153–159. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.31857/S0132162524040143

Mulukova, L. (2008) The phenomenon of ethnic entrepreneurship using the example of the Tatars of Izhevsk. *Biznes. Obshchestvo. Vlast'*, no. 2(2), pp. 21–39. (In Russ.)

Namrueva, L. V. (2009) Traditional culture in the context of modernization (case of the Kalmyks). *Vestnik Instituta kompleksnykh issledovanii aridnykh territorii*, no. 1, pp. 117–119. (In Russ.)

Namrueva, L. V. (2014) The influence of the production niche on the change of ethnicity among modern Kalmyks. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovanii RAN*, no. 4, pp. 109–114. (In Russ.)

Natsak, O. D. and Balakina, G. F. (2024) Gender differences in adaptive strategies of the population of the Republic of Tuva. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 177–192. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.11

Ovchinnikov, V. N. and Kolesnikov, Yu. S. (2006) Ethnoeconomics as a development factor. *Problemy Prognozirovaniya*, no. 1, pp. 118–123. (In Russ.)

Petrova, E. V., Biltrikova, A. V., Dashibalova, I. N. (2020) The influence of ethnicity on social mobility in Buryatia (based on mass and expert surveys). *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, no. 3, pp. 91–99. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.31857/S013216250008799-1

Podoynitsyna, I. I. (2013) Professional occupations of the Sakha people and the "breakthrough" into the information society. *Vestnik RUDN. Seriya Sotsiologiya*, no. 1, pp. 130–142. (In Russ.)

Popkov, Yu. V., Tyugashev, E. A. (2018) Economic culture of the Tuvans in the context of the sociocultural approach. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 22–39. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2018.2.2

Potakhin, S. (2000) Ethnic traditions of nature management. *Izvestiya Russkogo Geograficheskogo Obshchestva*, 132, no. 4, 76–79. (In Russ.)

Sirazetdinova, M. F. (2022) Biography of Kuziyev Ramazan Usmanovich (1906–1981) in the context of cultural construction in Soviet Bashkortostan. *Vestnik Karagandinskogo Universiteta. Seriya 'Istoriya. Filosofiya'*, no. 2(106), pp. 144-152. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.31489/2022HPh2/144-152

Tarbastaeva, I. S. (2018) Buddhist values as a potential economic determinant of Tuvan society's development. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 95–111. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2018.2.5

Tarbastaeva, I. S. (2024) Rural-urban interaction in Tuva (based on interviews with natives of the Ovyur district). *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 209–224. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.13

Tinikova, E. E. (2020) Features of ethnicity and interethnic relations in urban and rural environments of Khakassia. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskiye i Sotsialnye Peremeny*, no. 4 (158), pp. 533–548. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.735

Tyukhteneva, S. P. (2018) Ethnic entrepreneurship without migration (cases from Tuva and Kalmykia). *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 149–167. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2018.2.8

Fedorov, S. I., Yakovlev, A. I. (2019) Transformation of subsistence culture among modern Yakuts (case of hunting). *Chelovek i Kultura*, no. 6, pp. 84–90. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25136/2409-8744.2019.6.31519

Khabaeva, I. M. (2014) On the ethnic component of economic behavior among Buryats as part of the Mongolian superethnos. *Vestnik Buryatskogo Universiteta. Ekonomika i Menedzhment*, no. 1, pp. 3–7. (In Russ.)

Chetyrova, L. B. (2018) Labor in the ethnic culture of post-socialist nomads (case of Buryats, Kalmyks, Tuvans). *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 40–71. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2018.2.3

Chetyrova, L. B. (2019) Transformation of labor in the postmodern world: resources for integrating ethnic labor culture (case of Tuva and Kalmykia). *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 77–88. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2019.3.7

Thompson, E. P. (1991) *The making of the English working class*. Toronto, Penguin Books. 958 p.

Submission date: 06.02.2025.
Acceptance date: 28.06.2025.

DOI: 10.25178/nit.2025.4.17

РОДНОЙ ЯЗЫК

Статья

Тувинские загадки об артефактах в лингвокогнитивном аспекте

Татьяна Г. Бочина
Казанский (Приволжский) федеральный университет, Российская Федерация

В статье рассматриваются знаки материальной культуры тувинцев через призму энигматических текстов (загадок), которые в качестве одного из инструментов трансляции этнической культуры и социализации новых поколений являются своеобразным словарем народной концептосферы.

Источником исследования послужили 297 загадок об артефактах из сборника тувинских загадок составителя Г. Н. Курбатского 2021 г. издания. На основе составленных рейтингов номинативной плотности и частотности тематических групп загадок, а также анализа многочленных синонимических рядов текстов об одном и том же артефакте выявляется значимость материальных сфер тувинской культуры и устанавливаются наиболее частотные в энигматическом корпусе закодированные предметы.

Установлено, что наиболее значимой бытийной сферой тувинцев является юрта и ее «вещный» мир, особенно кухонная утварь, — те материальные знаки культуры, которые с ранних лет окружают детей — основного адресата энигматических текстов. Второй по представленности в загадках является сфера деятельности: артефакты коневодства — традиционного занятия тувинцев, а также инструменты и оружие, связанное с охотничьим промыслом.

Была выявлена закономерность: чем более рекуррентна та или иная сфера в энигматическом пространстве, тем больше в ней загадок-синонимов, транслирующих разные особенности загадываемых объектов, тем больше супермногочленных синонимических рядов загадок. Наличие серии текстов, шифрующих один и тот же артефакт, позволяет реконструировать объемные многоаспектные образы знаков традиционной материальной культуры, синтезирующие внешние признаки, внутренние качества, функции предмета и корреляции со смежными (сопутствующими) объектами.

Ключевые слова: *загадка; тувинцы; тувинский фольклор; тувинская культура; артефакт; номинативная плотность*

Для цитирования:
Бочина Т. Г. Тувинские загадки об артефактах в лингвокогнитивном аспекте // Новые исследования Тувы. 2025. № 4. С. 305-320. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.17

Бочина Татьяна Геннадьевна — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой лингвистического образования для иностранных студентов Казанского (Приволжского) федерального университета. Адрес: 420008, Россия, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18. Эл. адрес: Tatyana.Bochina@kpfu.ru

BOCHINA, Tatyana Gennadievna, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Linguistic Education for International Students, Kazan (Volga Region) Federal University. Postal address: 18, Kremlevskaya St., 420008 Kazan, Russian Federation. E-mail: Tatyana.Bochina@kpfu.ru

ORCID: 0000-0002-2606-2985

Article

Tuvan Riddles about Artifacts in a Linguo-Cognitive Aspect

Tatyana G. Bochina
Kazan (Volga Region) Federal University, Russian Federation

This article examines the signs of material culture of the Tuvans through the lens of riddles, which are regarded as a kind of dictionary of the folk conceptual sphere and one of the tools for transmitting ethnic culture and socializing new generations. The research is based on 297 riddles about artifacts collected in the anthology of Tuvan riddles compiled by G. N. Kurbatsky, published in 2021. Through the rankings of nominative density and frequency of thematic groups of riddles, as well as the analysis of extensive synonymic series within texts about the same artifact, the author reveals the significance of material spheres of Tuvan culture and identifies the most frequent encoded objects within the enigmatic corpus.

The author has established that the most significant existential sphere for the Tuvans is the yurt and its "object" world, especially kitchen utensils — those material signs of culture that, from an early age, surround children, the primary audience for enigmatic texts. The second most represented sphere in the riddles is activity: artifacts of horse breeding, the traditional occupation of the Tuvans, as well as instruments and weapons associated with hunting.

The author has identified a pattern: the more recurrent a sphere is in the enigmatic space, the greater the number of riddle-synonyms circulating within it, conveying various features of the guessed objects, and the more multi-member synonymic series of riddles exist. The presence of a series of texts encoding the same artifact allows for the reconstruction of voluminous, multifaceted images of signs of traditional material culture, synthesizing external features, internal qualities, functions of the object, and its correlations with related (accompanying) items.

Keywords: *riddle; Tuvans; Tuvan folklore; Tuvan culture; artifact; nominative density*

For citation:
Bochina T. G. Tuvan Riddles about Artifacts in a Linguo-Cognitive Aspect. *New Research of Tuva*, 2025, no. 4, pp. 305-320. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.17

Введение

Как известно, элементарной структурной единицей культуры является артефакт, под которым понимается как рукотворный объект, так и нематериальный продукт человеческой деятельности. При узком понимании, принятом в данной работе, артефактами считаются созданные руками человека предметы, являющиеся, с одной стороны, знаками, с другой — символами культуры.

Данными свойствами обладают не только те артефакты, которые оставили след в истории человечества и являются драгоценными сокровищами, настоящими символами древних эпох, например, в тувинской культуре *Бижиктиг-Хая* 'Гора с письменами', *Кижи-Кожээ* 'Каменный Чингисхан', но и некогда многочисленные общедоступные предметы быта, которые, тем не менее, способны нести информацию о прошлых временах и людях, быть их знаками и символами. Этнографы считают изучение «вещного мира» действенным способом репрезентации этничности. Более того, одну из недавних этнографических конференций так и назвали «Вещь в трансляции этничности»[1]. О. В. Лысенко в докладе на данной конференции подчеркивал, что «формулируя проблему "вещь в тран-

[1] Вещь в трансляции этничности : Материалы Семнадцатых Международных Санкт-Петербургских этнографических чтений / отв. науч. ред. В. М. Грусман, Е. Е. Герасименко. СПб.: ИПЦ СПГУТД, 2018.

сляции этничности", по сути, мы рассматриваем вопрос, касающийся предметного кода культуры и знаковых характеристик вещи, ее семиотического статуса, функций в коммуникативном и языковом пространствах» (Лысенко, 2018: 172). Важный вклад в познание этнического своеобразия тувинской материальной культуры могут внести филологи и лингвисты, прежде всего, исследованиями паремиологических текстов (Ломакина, 2022; и др.).

В данной статье знаки материальной культуры тувинцев анализируются через призму энигматических текстов (загадок), которые в качестве одного из инструментов трансляции этнической культуры и социализации новых поколений считаются своеобразным словарем народной концептосферы. К примеру, Т. В. Цивьян корпус загадок рассматривает в качестве толкового словаря модели мира, где «отгадка — это слово, а описательная часть — его дефиниция» (Цивьян, 1978: 65). Заметим, что когнитивные исследования загадок привлекают внимание ряда исследователей, ибо отвечают задачам современной парадигмы языкознания с ее ориентацией на человека и отражение познания в языковых единицах (Селиванова, 2010; Ковшова, Орлова, 2018, 2020).

Что касается тувинских загадок, то в последние несколько лет изучались разные тематические группы энигматических текстов, в том числе загадки о мире вещей. Так, в результате сопоставления тувинских, русских и колумбийских загадок О. С. Чеснокова и Т. Б. Радбиль пришли к выводу о том, что «загадки о мире повседневности выступают как маркеры преемственности культурных традиций, фольклорных образов и мотивов, способов игрового воплощения традиционного быта и эстетики мира повседневности» (Чеснокова, Радбиль, 2024: 107), что, безусловно, мотивирует важность исследований тувинских загадок об артефактах.

Целью данной статьи является выявление значимости материальных единиц тувинской культуры на основе количественного и лингвокогнитивного анализа тувинских загадок об артефактах.

Достижению данной цели способствует решение следующих задач:

— выявить наиболее значимые тематические группы загадок об артефактах на основе определения рейтингов их номинативной плотности и частотности;

— определить самые частотные в корпусе тувинских загадок закодированные предметы и рассмотреть когнитивные признаки описательной части энигматических текстов о них.

На первом этапе исследования из сборника тувинских загадок 2021 г. «Тыва тывызыктар», составленного Г. Н. Курбатским[1], было отобрано 297 текстов об артефактах традиционной культуры, при этом главное внимание уделено разделам сборника, посвященным загадкам о быте и хозяйстве[2]. К отобранным текстам был применен метод когнитивной лингвистики, заключающийся в определении номинативной плотности и рекуррентности концепта. Когнитологи считают, что большое количество языковых знаков, номинирующих ту или иную денотативную сферу, свидетельствует о ее значимости для коллективного сознания: «важнейшим объективным показателем актуальности той или иной сферы действительности для конкретного сообщества является понятие номинативной плотности» (Карасик, 2004: 112). Еще одним показателем значимости концепта является частотность его языковых репрезентаций в речи, или рекуррентность, которая отражает не только когнитивную и языковую, но и социальную актуальность концепта. Аналогичный подход возможно применить и к корпусу загадок, если рассматривать его как толковый словарь модели мира: на важность определенной сферы действительности в этнической лингвокультуре указывают как количество денотатов-отгадок одной тематической группы (номинативная плотность фрагмента концептосферы), так и общее количество энигматических текстов, связанных с этим фрагментом картины мира.

Тематические сферы загадок о быте и хозяйстве

С целью выявления значимых для тувинцев объектов материальной культуры загадки об артефактах были подвергнуты количественному анализу, результаты которых приводятся на гистограмме, где первый столбец — количество номинаций артефактов одной тематической группы, второй — количество загадок данной сферы (см. *рис. 1*).

[1] Тыва тывызыктар = Тувинские загадки / сост. Г. Н. Курбатский. Кызыл: Детский литературный сайт «Радуга Тувы»; Тувинское книжное изд-во им. Ю. Ш. Кюнзегеша, 2021. (далее — ТТТЗ).

[2] В количественном анализе не учитывались загадки из разделов «Новый быт» и «Новая хозяйственная деятельность» сборника ТТТЗ.

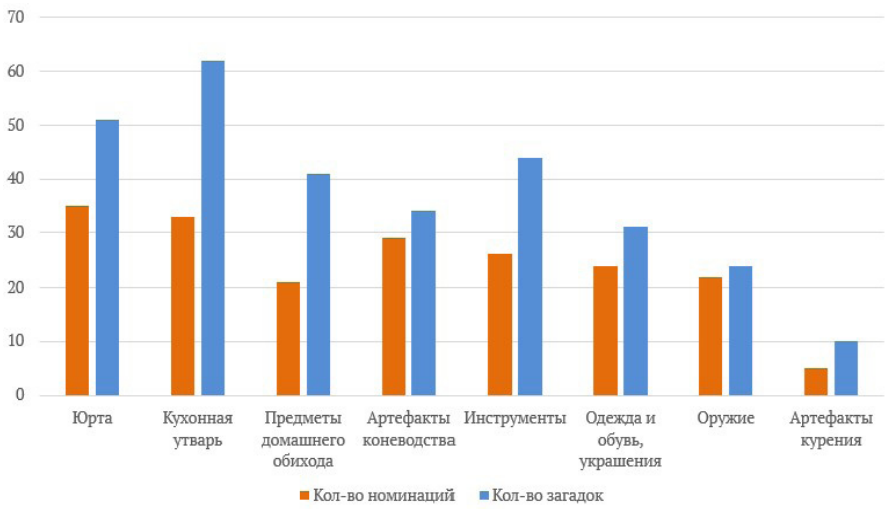

Рис. 1. Рейтинг номинативной плотности и частотности артефактов в тувинских загадках
Fig. 1. Rating of nominative density and frequency of artifacts in Tuvan riddles

Загадки о жилище и предметах домашнего обихода

Более половины загадок об артефактах (154 из 297) посвящены традиционному жилищу тувинцев и предметам его внутреннего убранства, в том числе 51 загадка об юрте и ее деталях, 62 загадки о кухонной утвари и 41 — о других предметах домашнего обихода.

Рассмотрим данные группы подробнее.

В загадках о традиционном жилье тувинцев *өг* ‘юрта’ зашифровано 35 номинаций (в том числе словосочетаний) артефактов: *өг ханазы* ‘решетка юрты’, *улун (ынаа)* ‘тонкая жердь, служащая стропилом в юрте’, *хараача* ‘большой обруч дымового отверстия’ — по 5[1], *өг куру* ‘лента для опоясывания, обвязка, (опояска) юрты’, *багана (магана)* ‘жердь, поддерживающая верхний обруч юрты’, *өреге (өгнүң өрегези)* ‘войлочное покрывало дымохода’, *өреге баа* ‘ремни войлочного покрывала дымохода юрты’, *суугу* ‘печь’, *хана бажы* ‘верхние перекрытия решёток — секций юрты’, *ширтек* ‘войлочный коврик’ — по 3, *өгнүң хана-каралтары* ‘клетки юрточной решётки’, *хана көгү* ‘кожаная скрёпка деревянной решётки, служащей стеной юрты’, *эжик* ‘дверь’ — по 2, *боо биле улун* ‘жердь — стропило в юрте’, *дүндүкте багана бажы* ‘вершина подпорки — багана в дымовом отверстии юрты’, *дээвиирлер* ‘войлочная кровля юрты’, *кожалаң* ‘лентообразная волосяная веревка, снаружи опоясывающая остов юрты’, *өг* ‘юрта’, *өг адаа* ‘низ юрты’, *өг ханазының черде дээп турар уштары* ‘нижние концы деревянных решёток юрты’, *өгнүң дүндүү* ‘дымовое отверстие юрты’, *тербе бажының солушкаа* ‘стены — решетки войлочной юрты’, *тербе өг* ‘войлочная юрта’, *төш* ‘печь’, *чадырның алажызы* ‘тонкая жердь, служащая стропилом в чуме’, *чээк* ‘обшлаг, обшивка’, *ынаа салдырыы* ‘ремень в виде петли’, *илдирге* ‘волосяная верёвочная петля для скрепления жердей (решёток) в юрте’, *эргин чаактары* ‘косяки двери’ — по 1.

Значительное количество загадок, репрезентирующих знания об устройстве юрты и ее мельчайших деталях, указывает на высокую культурную ценность самого артефакта в жизни народа (подробнее см.: Бочина, 2024).

Среди базовых материальных элементов тувинской культуры, знание о которых транслируется детям через загадки, безусловно, преобладают предметы домашнего обихода (103 загадки о 54 артефактах), причем наиболее дробной и частотной является тематическая сфера «кухонная утварь», в которую вошли 33 артефакта: *илбек* ‘крюк для вытаскивания мяса из котла’— 10, *паш* ‘котел, чугунная чаша’, *согааш* ‘ступа, ступка’ — по 8, *бала* ‘пест, пестик’ — 7, *шууруун* ‘деревянный перегонный аппарат’ — 6, *бышкы* ‘мутовка — мешалка’ — 4, *деспи* ‘корытце для мяса’, *дөрт кулактыг паш* ‘четыре ушка котла (чугунной чаши)’, *үлгүүр (ге), өргүүлде* ‘посудный шкаф, посудная полка’, *хөнек* ‘чайник’, *ыяш аяк* ‘деревянная чашка (пиала)’ — по 3, *бүлгээр* ‘деревянный перегонный аппарат’, *былгааш* ‘мешалка для помешивания зёрен при поджаривании’, *ожук кырында паш* ‘котёл, чугунная чаша на

[1] Здесь и далее цифра после лексемы обозначает количество загадок, в которых отгадка обозначена данным словом (словосочетанием).

треноге’, *чылапча* ‘чугунная чаша’, *шууруун шоргазы* ‘жёлоб деревянного перегонного аппарата’ — по 2, *бижек* ‘нож’, *домбу* ‘китайский чайник в виде медного кувшина’, *доңгуу* ‘чайник в виде кувшина с узким горлышком’, *доскаар* ‘бочка’, *көгээр* ‘большая кожаная фляга для кумыса или молочной водки — араки’, *ожук* ‘тренога’, *ораалга* ‘обертка, прокладка’, *паш тигери* ‘котёл (чугунная чаша), стоящий (стоящая) на треноге в виде камней’, *сава* ‘посуда’, *хөөлүг сава* ‘покрытая сажей посуда’, *хува туткан* ‘деревянная чаша’, *шаажан аяк* ‘фарфоровая чашка’, *шай согаажын* ‘чаевая ступка’, *шишкиш* ‘сито, решето’, *шууруун херексели* ‘принадлежности (части) деревянного перегонного аппарата’ — по 1.

Кроме того, в данной тематической группе представлено наибольшее количество многочленных (более 5 единиц) синонимических рядов загадок о таких артефактах, как *илбек*, *паш*, *согааш*, *бала*, *шууруун*, что говорит об особой роли в жизни тувинцев этих артефактов.

41 загадка о 21 артефакте посвящена другим предметам домашнего обихода: *сыртык* ‘подушка’ — 6, *кыскаш* ‘щипцы — кочерга’, *ширбиил* ‘метла, веник’ — по 5, *оттук / оттук демири* ‘огниво / железное огниво’, *тыва сыртык арны* ‘лицевая сторона тувинской подушки’, *шокарлап каан тыва аптара* ‘орнаментированный тувинский сундук’, *шооча* ‘замок’ — по 4, *ойнаар-кыс* ‘кукла’, *ожук* ‘котел’ — по 3, *ожук буттары (ожук дегези)* ‘ножки треноги’, *дүлгүүр* ‘ключ’ — по 2, *аптара шоочазы* ‘замок тувинского сундука’, *бичии кижи кавайы* ‘колыбель (люлька) младенца’, *дүрзү* ‘зеркало’, *коңгулуур* ‘ламский колокольчик’, *лаа* ‘свеча’, *сенчи* ‘задвижка, засов’, *туужуур* ‘метелка (веник) из злака типчака’, *шүүр* ‘китайский частый гребень’ — по 1.

Итак, в корпусе тувинских загадок об артефактах наиболее дробным и многочисленным является фрагмент концептосферы, связанный с традиционным жилищем тувинцев и предметами, наполняющими его.

Загадки об артефактах коневодства и инструментах

Второе место в рейтинге номинативной плотности и 3–4 в рейтинге частотности занимают загадки об артефактах коневодства и инструментах. Как известно, коневодство относится к традиционным занятиям тувинцев и вполне закономерно имеет большое значение для модели мира кочевого народа. Поэтому вполне закономерно, что весомое количество предметов, связанных с этой деятельностью, а именно 29, являются отгадками 34 энигматических текстов, иначе говоря, участвуют в «когнитивной эстафете» — обучении детей знакам и символам традиционной материальной культуры.

Это такие артефакты, как *эзерниң башка арыннары* ‘седельная передняя лука’, *эзерниң ийи арны* ‘две стороны седла’, *эзерниң соңгу арыннары* ‘седельная задняя лука’ — по *5, эзерниң сонгу-башкы арыннары болгаш чавы* ‘седельная задняя и передняя лука и выступающие концы опорных дощечек ленчика (основы седла)’, *эзерниң шавылдыыр* ‘седельная подпруга’, *кижен* ‘конские путы’, *суглук* ‘удила’, *чирими* ‘ремень седла, соединенный с подпругой’, *чонак* ‘потник’, *чүген* ‘узда’, *эзенги* ‘стремя’, *эзер* ‘седло’ — по *3, кудурга* ‘подхвостник, задняя подпруга вьючного седла’, *кымчы* ‘кнут’ — по *2, аът кижени* ‘конские путы из кожаных ремней’, *аъттың баглаажы* ‘коновязь’, *барба* ‘кожаный вьючный мешок’, *барбада тараа* ‘кожаный вьючный мешок с просом’, *дерги* ‘торока’, *идик дагазы* ‘подкова’, *өрген* ‘кол’, *төрепчилер* ‘черпаки кожаные’, *херексели* ‘сбруя’, *хиизин* ‘столб в середине тока для привязывания быков, лошадей’, *шавылдыыр* ‘задняя подпруга’, *ыңгыржак* ‘вьючное седло’, *эзер бажы* ‘лука седла’, *эзер колуну* ‘подпруга седла’, *эзер ыяштары* ‘седло деревянное’ — по 1. Как видно из перечня отгадок, детальнее всего представлены признаки седла и его частей.

Большая значимость предметов коневодства для рукотворного мира тувинцев отражена не только в детальной дифференцированности номинативной сферы, связанной с «одеждой» лошади, — точки, в которой непосредственно сходятся натурфакты и артефакты этнического «ближнего круга», но и использование антропонимического кода при кодировке традиционных объектов. Так, седло и его детали в текстах загадок обретают статус титула *нойон* ‘князь, правитель’, присвоенного также и коню, и самому всаднику:

Эппи ноян, ханны ноян (ТТТЗ: 771)[1]. (*Эзер, чонак*).	Сверху нойон, снизу нойон. (Седло, потник).

[1] Здесь и далее загадки и их перевод на русский язык цитируются по изданию: Тыва тывызыктар = Тувинские загадки / сост. Г. Н. Курбатский. Кызыл: Детский литературный сайт «Радуга Тувы»; Тувинское книжное изд-во им. Ю. Ш. Кюнзегеша, 2021. Здесь и далее в скобках указано сокращенное название издания (ТТТЗ) и номера загадок, ответы на которые приводятся в сборнике под теми же номерами в разделе «Отгадки».

Ханың ноян харап олур, *Хепин ноян хереп олур,* *Олурар ноян орталап чор,* *Чүгүрүк дарга маңнады,* *Чүктешкизи шигжирееди* (ТТТЗ: 769). *(Аъттыг кижи: эзер бажы, аътыг кижи, кымчы, аът, херексели).*	Хапын-нойон смотрит сверху, Сидящий нойон порядок наводит, Искривленный хлещет, Быстроногий начальник бежит. Груз поскрипывает. (Всадник: лука седла, всадник, кнут, конь, его сбруя).

Олицетворению деталей седла в загадочном тексте послужили также ламский титул *гелунг* и номинация супруги хана:

Олурар хелин, чүгүрер хелин (ТТТЗ: 785). *(Чүген, кудурга).*	Сидящий хелин, бегущий хелин. (Узда: подхвостник, задняя подпруга вьючного седла).
Эленчиг кадын, *Халанчыгкадын* (ТТТЗ: 788). *(Эзенги).*	Изнашивающаяся ханша, Устающая ханша. (Стремя).

Эзерниң ийи арны: эзерниң соңгу, башка арыннары ‘две стороны седла: седельные задняя и передняя лука’ описываются широким спектром номинаций, среди которых наименования близких родственников, божеств, охотников и др.:

Өлгүжевиске ийи алышкф арнывыс *Көргүшпээли (көргүп чивел)* (ТТТЗ: 776).	До самой смерти давай мы, два брата, В лицо друг другу смотреть не будем.
Ийи алышканын *Арны, бажык көзүлбес* (ТТТЗ: 777).	У двух братьев Лица, головы не видны.
Сен — дарийги, *Мен — дарийги,* *Ийи арнывыс көргүшпээли* (ТТТЗ: 780).	Ты — богиня, Я — богиня, Отвернемся друг от друга.
Сен — тарийги, мен — тарийги, *Ийи арнывыс көргүшпээли* (ТТТЗ: 778).	Ты — негодяй, я — негодяй, Отвернемся друг от друга.

Как видим, во всех загадках о луках седла отмечается их разнонаправленность. Отмечены в энигматических текстах и другие характерные качества седла и его составных частей. Сравни этнографическое описание тувинского седла и загадок:

> «Остов седла (эзер) тувинцы делали из *березы*. Седло имело сравнительно высокие луки — почти вертикальную переднюю и круто изогнутую заднюю. Подушка (көвенчик) изготовлялась из войлока и обшивалась сверху красным или коричневым сукном. Как правило, на богатых седлах открытые части лук и выступающие концы опорных дощечек (чавы) ленчика были окрашены красной краской и *покрыты лаком* …»[1].

Инек кижи ийи кезек, *Хадың ыяш дөрт кезек* (ТТТЗ: 774). *(Төрепчилер, эзер ыяштары).*	Коровья шкура из двух частей Березовая древесина из четырех частей. (Чепраки кожаные, седло деревянное).

[1] Тувинское седло (эзер) [Электронный ресурс] // Культурное наследие Тувы. 2021, 22 августа. URL: https://kntuva.ru/post/4/950/?ysclid=m9zca4go1v269272891 (дата обращения: 02.05.2025); курсив в цитате автора. — *Т. Б.*

Эп ноян, тап ноян, *Эртине ноян, дозу ноян,* *Доруун ноян, дошкун ноян* (ТТТЗ: 773). (*Эзер, чонак, чүген, эзерниң сонгу-башкы арыннары болгаш чавы, кымчы, аът).*	Ладный нойон, удобный нойон, Драгоценный нойон, лак-краска нойон, Хороший нойон, свирепый нойон. (Седло, потник, узда, седельные задняя и передняя лука, выступающие концы опорных дощечек ленчика (основы седла), кнут, конь).

44 загадки знакомят детей с 26 инструментами: *хөргүк* ‘горн, кузнечный мех’ — 7, *балды* ‘топор’ — 6, *дөжү* ‘наковальня’, *ине* ‘игла’, *маска* ‘молот’ — по 5, *бижек* ‘нож’, *хачы* ‘ножницы’, *чаныы* ‘брусок, мягкий точильный камень, оселок’, *ызырар кыскаш* ‘острогубцы, кусачки, острые щипцы’ — по 3, *далгыг* ‘кожемялка’, *хирээ* ‘пила’, *хыннык бижек* ‘нож в ножнах’, *чүстүк* (*чүскүк*) ‘наперсток’, *ызырар ээргиши* ‘веретено’ — по 2, а также *доңгурак* ‘складной нож’, *дүрбүү* ‘рашпиль’, *кадаг* ‘гвоздь’, *күжү* ‘трубка у кузнечного меха (делается из глины, смешанной с асбестом)’, *өрүм* ‘сверло, бурав’, *сүргү* ‘инструмент для выделки или чистки кожи при обработке’, *ужуктуг ине* ‘иголка с ниткой’, *үңгү* ‘инструмент с лезвием для обработки углублений (при изготовлении деревянных ступок или чашек)’, *хайырга* ‘точильный брусок из грубого камня’, *чүскүктүг ине* ‘игла с наперстком’ — по 1.

Таким образом, наибольшее количество загадок об инструментах связано с кузнечным делом. Помимо основных профессиональных инструментов кузнеца, как пишет С. М. Орус-оол, «упоминаются и другие вспомогательные инструменты, с помощью которых раньше кузнецы выполняли и массу специфических операций … : утюжок для разглаживания швов (*хаарыыл*); железная лопатка (*демир хүүрек*); сверло, бурав (*өрүм*); угли, щипцы для угля» (Орус-оол, 2020: 137–138).

Загадки об одежде, обуви и украшениях

31 загадка повествует об одежде, обуви и украшениях: *бөрт* ‘шапка’ — 6, *уктуг идик* ‘войлочный чулок сапога (обуви)’ — 5, *идик* ‘сапог’, *сыргазы* ‘серьга’, *хөм улдуң* ‘кожаная подошва из коровьей шкуры’, — по 3, *тыва тон өвүү* ‘пуговицы тувинского халата, шубы — тон’, *өвүк, дижи* ‘пуговица, петля’, *хол-хавы* ‘рукавицы’, *идик* ‘обувь’, *идик уну* ‘голенище сапога’, *оъдунга дээр* ‘подстилка из овечьей шерсти (войлочного чулка)’, *тыва идик* ‘тувинские сапоги’, *чең ‘рукав’* — по 2, *бөвөшкүн* ‘завязки, ремешки у обуви’, *бөрт маагы* ‘цветная лента — украшение на шапке’, *бөрт дошказы* ‘пуговица, связанная из ниток или лент, или помпон на шапке’, *идик улдуңу* ‘подошва сапога’, *ийи идик* ‘пара обуви (сапоги)’, *инчик биле дуңгу* ‘ремешки для подтягивания голенищ сапог (прикрепляются к поясу) и подвязка для национальной мягкой обуви’, *салаа* ‘кольцо, перстень’, *чавага, кежеге хинди,* ‘узорчатое украшение, подвеска для косы’ — по 1.

В этой группе наибольшей рекуррентностью характеризуются загадки о шапке *бөрт* — 6 (см. в следующем разделе). В других же текстах, как правило загадываются детали одежды:

Тыртып-тыртып салыптарга, *Дырышкак* (ТТТЗ: 526) (*Чең, идик уну*).	Тянешь-тянешь, как отпустишь — Сразу сморщится. (Рукав; голенище сапога)

Бээжинниң беш калдар ыдын *Эртен баглааш,* *Кежээ салды* (ТТТЗ: 528). (*Тыва тон өвүү*).	Пять тёмных с подпалинами собак Пекина Утром привязывают. Вечером отвязывают. (Пуговицы тувинского халата, шубы-тон).

Единственный вид обуви, попавший в загадки, — сапоги, причем для картины мира наиболее важными являются такие признаки, как парность, а также соседство обуви, одежды и части тела:

Элеп-түреп-даа чорааш, *Эдержип чоруур алышкылар* (ТТТЗ: 510). (*Ийи идик*).	Хоть изнашиваются, нищенствуют, Но совместно живут братья. (Пара обуви (сапоги)).

Улуг өг, *Улуг өгнүң иштинде* *Биче өг,* *Биче өгнүң иштинде* *Киш (булан) чаагы* (ТТТЗ: 512). (*Улуг өг дээни кижиниң идии,* *биче өг дээни кижиниң угу,* *булан чаагы дээни кижиниң буду*).	Большая юрта, Внутри большой юрты — Малая юрта. Внутри малой юрты — Соболиная (лосиная) челюсть. («Большая юрта» — сапоги, «Малая юрта» — войлочные чулки, «Лосиная челюсть» — ноги).

Как и в других случаях, в тувинских загадках об артефактах уделяется внимание культурной трансляции этнически значимых деталей:

Матпаадайым багладым, *Метпээдейим бектедим* (ТТТЗ: 511). (*Инчик биле дуңгу*).	Толстушку привязал, Растолстушку прикрепил. (Ремешки для подтягивания голенищ сапог (прикрепляются к поясу) и подвязка для национальной мягкой обуви).

Нужно заметить, что артефакты украшения слабо представлены в тувинских загадках; если не учитывать мелкие детали одежды, то нам встретилось всего 5 загадок о серьгах, подвесках для косы и перстне.

Загадки об оружии и артефактах курения

К тематической группе «Оружие» относится 24 загадки о 22 артефактах: *согун* ‘стрела’, *ча* ‘лук’ — по 4, *ая* ‘самострел’, *боо огу* ‘пуля из ружья’ — по 3, *боо* ‘ружье’, *боонун эттингени* ‘выстрел из ружья’, *огу* ‘пуля’, *ок* ‘пуля’ — по 2, *адар чалгын ок* ‘оперенная спущенная стрела’, *балды* ‘топор’, *боо араазы* ‘нарез у винтовки’, *боо биле улун* ‘ружье о двух стволах’, *боо иштi* ‘ствол ружья’, *боо иштинде ок* ‘пуля в магазине ружья’, *боо уну* ‘ствол ружья’, *буттуг боо* ‘сошки ружья’, *дарызы* ‘порох’, *какпа* ‘капкан’, *оттук-дажы* ‘кремень’, *чактыр боонуң дарызы* ‘порох для старинного кремниевого ружья’, *ыяжы* ‘деревянное ложе ствола, приклад’— по 1. Большая часть загадок (18) имеют отношение к огнестрельному оружию и лишь 6 связаны с луком и стрелами.

Последнее место в обоих рейтингах занимают загадки об артефактах, связанных с курением: всего 10 загадок о 5 артефактах: *даңза* ‘курительная трубка’ — 4, *бөөшкүн* ‘узелок для табака’, *даңза бажы* ‘головка трубки’, *Тыва узун сөөскен даңза* ‘Тувинская длинная таволожная трубка’, *хап* ‘кисет’ — по 1, что, по всей видимости, связано с ее второстепенной ролью в моделировании этнической картины мира и малой актуальностью для детей этой сферы жизни.

Таким образом, в модели мира тувинцев, по данным корпуса загадок, наиболее значимой сферой является дом — юрта и артефакты домашнего быта, особенно кухонная утварь; вторыми по значимости являются предметы, связанные с деятельностью, прежде всего с коневодством, а также инструменты и оружие; наименее актуальны артефакты из сферы курения.

Супермногочленные ряды загадок об артефактах в когнитивном аспекте

Рассмотрим когнитивный уровень загадок об артефактах, связанный с их «способностью воплощать в языковом знаке ценностные знания, сформированные в том или ином лингвокультурном сообществе» (Мухтаруллина, Туктарова, 2017: 127). Ответим на вопрос, каковы когнитивные признаки, отражающие особенности рукотворного предмета, зафиксированные в кодирующем тексте и воспроизводящие тем самым метафорический образ мира тувинцев? С этой целью важно рассмотреть описательную часть синонимичных загадок, под которыми понимаются энигматические тексты, имеющие одинаковые (близкие) отгадки. Особенно перспективны в этом смысле супермногочленные синонимические ряды, которые аккумулируют несколько когнитивных признаков загаданного предмета, создавая его объемный образ.

В диссертации И. В. Фоминой было доказано, что квалификация синонимического ряда как супермногочленного соотносится с оперативной памятью человека[1], в которой может храниться лишь очень ограниченное количество информации — не более 7 ± 2 единиц материала[2]. Соответственно этому, рассмотрим ряды загадок об одном и том же артефакте, содержащие более пяти членов.

Загадки о крюке для вытаскивания мяса из котла

К числу наиболее дифференцированных относится серия загадок о крюке для вытаскивания мяса из котла *илбек* (10 загадок). В описательной части данных текстов даются как внешние признаки, так и внутренние (назначение, функция). К внешним качествам относятся прежде всего черный цвет артефакта и его изогнутая форма:

Этпес кара кускун *Эътте хонду* (ТТТЗ: 630)	Некаркающий черный ворон На мясе ночевал.
Ытпак хаай ылдыртты (ТТТЗ: 629)	Кривоносый зацепил.
Изиг, соок билбес, *Иткилчек маадыр* (ТТТЗ: 631).	Ни жары, ни мороза не знающий, Крючковатый богатырь.

Важным для тувинцев оказалось такое качество крюка, как его жаро- и морозостойкость:

Изигни изиг дивес ырбаадай, *Соокту соок дивес ырбаадай* (ТТТЗ: 633).	Жару за жару не считает бродяга, Холод за холод не считает бродяга.

Ряд текстов намекает на специфику использования загаданного предмета, на то, что требуется опустить крюк в котел, чтобы подцепить и вытащить мясо:

Аскак алдай аътка дүштү, *Муң хоюм сугга дүштү* (ТТТЗ: 634).	Хромой алтай на коня упал, Тысяча моих овец в воду упала.

При этом процесс вытаскивания мяса крюком из котла метафорически уподобляется охоте, для которой тоже нужна меткость и ловкость:

Даштыг хөлдүң ортузунда *Алдын баштыг өдүректи* *Дарган оглу Дамбыралдай* *Адып алгаш, чана берген* (ТТТЗ: 635).	Посреди галечного озера Золотоголовую утку Сын кузнеца Дамбыралдай Отстрелил и увёз с собой.

Как известно, в описательной части загадки и в ее денотате довольно часто сочетаются реалии разных классификационных категорий[3], например, артефакты кодируются натурфактами (Бочина, 2024: 137). В тувинских загадках *илбек* олицетворяется и кодируется образом сына кузнеца или богатыря:

[1] Фомина И. В. Дифференцированная номинация в когнитивном аспекте (На материале супермногочленных синонимических рядов в русском и английском языках) : автореф. дис. … канд. филол. наук. Воронеж, 2004. С. 9.
[2] Головин С. Г. Словарь практического психолога. Минск: Харвест Место, 1997. С. 389.
[3] Абдрашитова М. О. Миромоделирующая функция жанра загадки в фольклорном дискурсе : автореф. дисс. … канд. филол. н. Томск, 2012. С. 9.

Алдыы хөлдүң ортузунда *Аът баштыг өдүрек олур,* *Дарган оглу Дамыралдай* *Дары кылып, адып алды* (ТТТЗ: 636)	Посреди нижнего озера Лошадиноголовая утка сидела, Сын кузнеца Дамыралдай, Сделав порох, подстрелил.
Изиг, сооктан кортпас, *Ингилчек кара маадыр* (ТТТЗ: 632).	Ни жары, ни мороза не боящийся, Крючковатый черный богатырь.

В последнем примере описание крюка синтезирует внешние приметы (цвет, форму) и внутреннее качество (жаро- и морозостойкость), приписанные субъекту.

Перенос натурфакт — артефакт осуществляется и за счет метафоризации зоонимов:

Этпес кускун эътте хонду, *Чанмас кускун чагда хонду* (ТТТЗ: 638).	Некаркающий ворон на мясо сел, Нелетающий ворон на сало сел.

Загадки о котле, чугунной чаше

Лексема *паш* ‘котел, чугунная чаша’ и словосочетания *ожук кырында паш* ‘чугунная чаша на треноге’, *паш тигери* ‘котёл (чугунная чаша), стоящий (стоящая) на треноге в виде камней’ послужили денотатами 11 загадок. В метафорической дефиниции (описательной части загадки) данного артефакта ключевым признаком выступает его черный цвет, при этом артефакт одушевляется посредством зоометафоры (черный орел, бык, корова):

Ишпес, чивес илдиң кара (ТТТЗ: 608).	Не пьет, не ест гладко-чёрный.
Хая кырында кара эзир олур (ТТТЗ: 520).	На скале чёрный орёл сидит.
Кара, кызыл — *Ийи буга чылгашты* (ТТТЗ: 605).	Чёрный, красный — Два быка лижут друг друга.
Ак, кара — *Ийи инек чылгашты* (ТТТЗ: 606).	Белая, чёрная — Две коровы лижут друг друга.

Красный бык и белая корова здесь символизируют огонь, костер.

Специфической деталью тувинского артефакта *паш* является наличие у чаши-котла четырех ушек, которые отличают данный вид посуды от всех других, а посему закономерно служат признаком кодируемого загадкой предмета:

Дөңгүр кара *Дөрт кулактыг* (ТТТЗ: 611).	У безрогого чёрного Четыре уха.
Дөңгур кара *Дөрт бурундуктуг* (ТТТЗ: 612).	У безрогого чёрного Четыре повода.
Кара-Хөлдүң эриинде *Дөрт кускун эдип олур* (ТТТЗ: 613).	На берегу чёрного озера Четыре ворона, каркая, сидят.

Загадки также намекают на качество материала, из которого сделан котел, и его съедобное содержимое:

Дашты хая-даш, *Ишти ижер-чиир (*ТТТЗ: 610).	Внешность скалисто-каменная, Нутро съедобное.

Кодируется загаданный предмет *паш тигери* через его функцию и в следующей загадке о процессе варки чая в чугунной чаше:

Көвей (көк) кижи хүрээледи, *(Көвүк кижи хөөреди),* *Хүрең аскыр чыраалады* (ТТТЗ: 642).	Много людей окружили (Пена людская бурлит), Бурый жеребец иноходит.

Загадки о большой деревянной ступе и песте для толчения зерна

Пример еще одного супермногочленного синонимического ряда загадок дают 8 текстов о традиционной утвари тувинцев *согааш* — большой деревянной ступе для толчения зерна. Лишь в одном из текстов загадывается ступа сама по себе как отдельный артефакт:

Адам даарааn идиимниң *Аксын аңдарып чададым* (ТТТЗ: 665). (*Согааш*).	Голенища отцом сшитых сапог моих Наизнанку вывернуть не смог. **(**Ступа, ступка**)**.

В других семи загадках фигурирует бином «ступа с пестиком», неслучайно большая деревянная ступа для толчения зерна называлась *согааш-бала* (*соктааш-бала* или *тараа согаажы*) в отличие от маленьких — для размельчения чая (*шай согаажы*) и соли (*дус согаажы*)[1]. В данных текстах для кодирования этно-реалии используется, главным образом, антропонимический код. Более того, данный артефакт зашифрован концептом *төрел* ‘родня, родственник’, который тувинские исследователи относят к самому ближнему кругу «своего мира» и тем концептам, «которые, собственно, и определяют своеобразие тувинской культуры как этнической культуры, имеющей длительную историю генезиса» (Тувинцы, Родные … , 2022: 82). Как известно, антропоморфная метафора распространена в загадках многих народов; полагаем, что выбор ее для шифрования тувинского артефакта, безусловно, отражает значимость самого предмета материальной культуры для идентичности тувинцев. Немаловажна также гендерная маркированность, намекающая не только на внешнее, но и на функциональное сходство рукотворных предметов с членами семьи: ступа — *беременная мать, невестка (сноха)* (большой живот, как представляется, в данном случае — не просто намек на форму ступы, а указание на жизнетворящую функцию предмета, дающее пищу человеку), *старуха*, а пестик — *ханский сын, сын Маная, отец, старик*:

Келин кыстың ишти улуг, *Хаан оолдуң бажы улуг* (ТТТЗ: 666). (*Согааш, бала*).	У невестки живот большой, У ханского сына голова большая. (Ступа, ступка; пест, пестик для толчения в ступке).
Маңай-оглум бажы улуг, *Кенним кыстың ишти улуг* (ТТТЗ: 667). (*Бала, согааш*).	У моего сына Маная голова большая, У моей снохи живот большой. (Пест, пестик для толчения в ступке; ступа, ступка).
Авазы иштиг, Оглу орлаанай, *Адазы адыралбай* (ТТТЗ: 668). (*Согааш, тараа, бала*).	Мать на сносях, Дитя удалое, Отец привередливый. (Ступа, ступка; просо; пест, пестик).
Ашак-кадай хүннүң чокшур (ТТТЗ: 669). (*Бала, согааш*).	Старик со старухой каждый день дерутся. (Пест, пестик; ступа, ступка).

Кроме того, транслируется утилитарно-практическая ценность *согааш-бала*, которая дарует сытую счастливую жизнь:

[1] Тувинские ступы — согааш [Электронный ресурс] // Культурное наследие Тувы. URL: https://old.kntuva.ru/2022/08/08/тувинские-ступы-согааш-в-этнографиче/ (дата обращения: 02.05.2025).

Ашак-кадай чогушту, *Аал ишти тотту* (ТТТЗ: 671). (*Бала, согааш*).	Старик со старухой подрались — Весь аал насытился. (Пест, пестик; ступа, ступка).
Аал ишти дойлуп, *Ажы-төлү тода берди* (ТТТЗ: 672). (*Бала, согааш*).	Весь аал суетится, Дети досыта наелись. (Пест, пестик; ступа, ступка).
Ашак-кадай чогушту, *Аал ишти амырады* (ТТТЗ:670). (*Бала, согааш*).	Старик со старухой дерутся. Весь аал радуется. (Пест, пестик; ступа, ступка).

Загадки о горне, кузнечном мехе

Семь загадок транслируют детям традиционное знание о важнейшем артефакте кузнечного дела — *хөргүк* ‘горн, кузнечный мех’, который в энигматических текстах предстает живым существом с ногами, животом, сердцем и легкими, действующим и издающим звуки:

Ийи буду тевеннээн, *Ишта-хырны кызаннаан* (ТТТЗ: 922). (*Хөргүк*).	Две ноги пинаются, А живот мелькает красным. (Горн, мех кузнечный).
Өлпе-чүрээн кызаңнаткан, *Ийи будун дазаннаткан* (ТТТЗ: 923). (*Хөргүк*).	Легкие, сердце мелькают красным, Двумя ногами дрыгает. (Горн, мех кузнечный).
Ийи адыг чангыс үңгүрнү былаажып тур (ТТТЗ: 924). (*Ийи хөргүк*).	Два медведя за одну берлогу бьются. (Два кузнечных меха, дующих попеременно в одну дыру).
Күжүген күжүледи, *Сааскан шажылады,* *Арган аскыр бажын савады,* *Арган чылан аксын аазатты* (ТТТЗ: 928). (*Хөргүк, дөжү, маска,* *ызырар кыскаш*).	Пищуха-грызун пищит, Сорока стрекочет, Худой жеребец головой кивает, Худая змея пасть разевает. (Горн, кузнечный мех, наковальня, молот, острогубцы, кусочки, острые щипцы).
Хүүлээнин аксында *Хүрен дилги чыдыр.* (ТТТЗ: 926). (*Хөргүк, күжү, көс*).	У гудящего входа Бурая лиса лежит. (Горн, кузнечный мех, трубка кузнечного меха (делалась из глины с асбестом), горящие угли, жар).

Думается, этот образ коррелирует с особым отношением тувинцев и к людям почитаемой профессии кузнеца, и к локусу, в котором благодаря мастерству человека минералы трансформируются в разные ценные для человека предметы. Как отмечала исследователь тувинского фольклора С. М. Орус-оол, «не только дух-хозяин, но и основное место для плавки металла — кузнечный горн наделяется определенной святостью, обладает способностью излечивать больных, защитить человека от неприятностей и злых духов» (Орус-оол, 2020: 143). Важно, что кузнечное дело уподобляется процессу охоты, требующей сноровки и умения: «Одна из тувинских загадок о плавке железа в горне звучит так: «Ыргак-оол (острогубцы) синюю утку (раскаленное железо), побитую Кагароолом (молотом), в голубую тайгу выпустил, т. е. отпустил заготовку в холодную воду» (Курбатский, 2001: 68).

Көк хөлдүн ортузунда, *Көк өдуректи Ыргак-оол тутту,* *Кагар-оол какты,* *Көк тайга кырынче үндүрдү* (ТТТЗ: 929). (*Хөргүк, маска, дөжү, кызыткан демир, ызырар кыскаш, суг*).	Посреди синего озера Синюю утку Ыргак-оол поймал, Кагар-оол побил ее, В голубую тайгу выпустил. (Горн, кузнечный мех, наковальня, молот, острогубцы, кусочки, острые щипцы, вода).
Алдын хөлдүн ортузунда, *Аңгывалдай бажын саван орда,* *Андыралбай анчы келгеш,* *Адын алгаш, чоруй барды* (ТТТЗ: 930). (*Хөргүк, кызыдан каан демир, ызырар кыскаш*).	Посреди золотого озера Ангывалдай головой кивал, Охотник Адыралбай пришел, Подстрелил его и унес. (Горн, мех кузнечный, раскаленное железо, острогубцы, кусочки, острые щипцы).

Загадки о шапке

В загадках об одежде и обуви наибольшей рекуррентностью характеризуются загадки о шапке *бөрт* — 6, в которых описывается головной убор целиком, его отдельные детали, а также действия, которые с ним производятся. Итак, для описания тувинской шапки важны такие ее признаки, как цвет и местоположение:

Хая кырында кара эзир олур (ТТТЗ: 520). (*Бөрт*).	На скале чёрный орёл сидит. (Шапка).

Не забыты загадкой и этнически маркированные украшения тувинской шапки:

Дээлдиген аал долганды (ТТТЗ: 524). (*Бөрт маагы*).	Коршун вокруг аала летает. (Цветная лента — украшение на шапке).
Дектегелдей теве кадарды (ТТТЗ: 525). (*Бөрт дошказы*).	Торопыга верблюдов пасёт. (Пуговица, связанная из ниток или лент, или помпон на шапке).

В трех текстах синтезированы особенности числового кода (десять — знак двух рук, пять — одной), намек на местоположение (верх, возвышенность), социальная значимость (корона) и традиции бытового поведения (надеть шапку двумя руками, а снять — одной):

Оваадайны он кижи аъткарды (ТТТЗ: 521). (*Ийи холдап бөрт кедери*).	Корону десять человек на коня верхом посадили. (Надевание шапки двумя руками).
Хокпак Алдайны *Он кижи аъткарды* (ТТТЗ: 522). (*Он салаа-биле бөрттү кеткени*).	Бугристого Алтая Десять человек на коня верхом посадили. Надевание шапки обеими руками (десятью пальцами).
Он кижи аъткарган. *Беш кижи дүжүрген* (ТТТЗ: 523). (*Бөрттү кедери, уштуру*).	Десять человек на коня верхом посадили, Пять человек сняли. (Надевание, снимание шапки).

Итак, практически во всех тематических группах тувинских загадок об артефактах имеются синонимичные загадки с разными образами при одном денотате. Наиболее значимые для традицион-

ной материальной культуры рукотворные предметы отражены в супермногочленных синонимических рядах энигматических текстов. Так, среди загадок о кухонной утвари 12 — о котле, его разновидностях и деталях, 10 — о крюке для вытаскивания мяса из котла, 8 — о ступе (семь из которых о ступе с пестиком), 6 — о деревянном перегонном аппарате. В загадочных текстах об артефактах коневодства более 20 связаны с денотатом ‘седло и его детали’. В кодировании одного и того же объекта используются разные когнитивные признаки, указывающие на особенности формы и цвет предмета, материал, из которого он сделан, свойства и функции вещи. Таким образом, серия загадок об одном и том же денотате формирует объемный разносторонний образ этно-артефакта.

Заключение

Количественный и лингвокогнитивный анализ корпуса тувинских загадок об артефактах показал, что наиболее значимой бытийной сферой тувинцев является юрта и ее «вещный» мир, особенно кухонная утварь, — те материальные знаки культуры, которые с ранних лет окружают детей — основного адресата энигматических текстов. Второй по представленности в загадках является сфера деятельности, прежде всего это артефакты коневодства — традиционного занятия тувинцев, а также инструменты и оружие, связанное с охотничьим промыслом. Наименее актуальными в предметном мире загадок являются вещи, связанные с курением, что объясняется возрастными особенностями «получателя» знаний, передаваемых загадочными текстами.

Кроме того, была выявлена следующая закономерность: чем более рекуррентна та или иная сфера в энигматическом пространстве, тем больше в ней загадок-синонимов, транслирующих разные особенности загадываемых объектов, тем больше супермногочленных синонимических рядов загадок. К числу наиболее частотных[1] в корпусе тувинских загадок об артефактах относятся такие кодируемые предметы, как *илбек*, *паш*, *согааш*, *бала*, *хөргүк*, *балды*, *сыртык*, *шуурууп*.

Наличие серии текстов, шифрующих один и тот же артефакт, позволяет реконструировать объемные многоаспектные образы знаков традиционной материальной культуры, синтезирующие внешние признаки с внутренними качествами и функциями предмета, корреляцией со смежными (сопутствующими) объектами. Так, *хөргүк* ‘горн, кузнечный мех’ в энигматических текстах предстает живым существом с ногами, животом, сердцем и легкими, которое действует и издает звуки. Для кодирования наиболее значимых этно-артефактов используется антропонимический код: *илбек* ‘крюк для вытаскивания мяса из котла’ — сын кузнеца, богатырь, *эзер* ‘седло’ и его детали — князь, правитель, луки седла — братья. Важный для идентичности тувинцев знак материальной культуры *согааш-бала* ‘ступа для толчения зерна’ маркируется концептом төрел ‘родня, родственник’, являющимся ядром тувинского мира, при этом двусоставный предмет представляется как традиционная гендерная пара: ступа — *беременная мать, невестка (сноха), старуха*, а пест — *ханский сын, сын Маная, отец, старик.*

Таким образом, загадки об артефактах можно рассматривать как способ трансляции этнической идентичности, который служит целям социализации новых поколений народа, сохранения своеобразного, этнически маркированного мировидения. В этом смысле этничность кроется в деталях зашифрованного загадками описания традиционных реалий, многие из которых уже трансформировались или утратили актуальность в современном мире.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бочина, Т. Г. (2024) Юрта и ее детали в тувинских загадках // Новые исследования Тувы. № 2. С. 125–140. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.8

Карасик, В. И. (2004) Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М. : Гнозис. 389 с.

Ковшова, М. Л., Орлова, О. С. (2018) Загадки о рождении: опыт когнитивно-лингвокультурологического исследования // Когнитивные исследования языка. № 35. С. 44–51.

Ковшова, М. Л., Орлова, О. С. (2020) Когнитивный анализ загадок и культурологический комментарий: опыт исследования // Когнитивные исследования языка. № 2 (41). С. 98–102.

[1] Без учета словосочетаний с данными лексемами.

Курбатский, Г. Н. (2001) Тувинцы в своем фольклоре. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 462 с.

Ломакина, О. В. (2022) Тувинская паремиология: лингвокультурологический и лингвоаксиологический потенциал // Новые исследования Тувы. № 1. С. 6–16. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.1

Лысенко, О. В. (2018) Этничность скрывается в деталях // Вещь в трансляции этничности: Материалы Семнадцатых Международных Санкт-Петербургских этнографических чтений / отв. ред. В. М. Грусман, Е. Е. Герасименко. СПб. : ИПЦ СПГУТД. 308 с. С. 172–176.

Мухтаруллина А. Р., Туктарова Г. Р. (2017) Когнитивно-семантическая структура текста загадки (на материале английского, русского и башкирского языков) // Перспективы науки и образования. № 6 (30). С. 126–132.

Орус-оол, С. М. (2020) Традиционное кузнечное производство в тувинском фольклоре // Айыы Таңара и кузнечный культ в тенгрианстве: сборник статей II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Айыы Таңара и кузнечный культ в тенгрианстве» (02–03 апреля 2021 г., с. Верхневилюйск, с. Кэнтик, Верхневилюйский улус (район) Республика Саха (Якутия), Россия) / отв. ред. Л. В. Федорова. Якутск : Дани Алмас. 236 с. С. 131–147.

Селиванова, Е. А. (2010) Загадка как когнитивно-семиотический феномен в парадигматическом пространстве современной лингвистики // Язык и ментальность. Вып. 5 / отв. ред. М. В. Пименова. СПб. : СПбГУ. 695 с. С. 95–100.

Тувинцы. Родные люди (2022) / Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии, Ш. Ю. Кужугет, Ш. Б. Майны ; под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. СПб. : Нестор-История. 344 с.

Цивьян, Т. В. (1978) Дом в фольклорной модели мира (на материале балканских загадок) // Труды по знаковым системам. № 10. С. 65–84.

Чеснокова, О. С., Радбиль, Т. Б. (2024) Загадки о быте как отражение этнокультурной идентичности (на примере тувинских, русских и колумбийских загадок) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 92–109. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.7

Дата поступления: 02.05.2025 г.
Дата принятия: 21.05.2025 г.

REFERENCES

Bochina, T. G. (2024) he yurt and its details in Tuvan riddles. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 125–140. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.8

Karasik, V. I. (2004) *Language circle: personality, concepts, discourse*. Moscow, Gnosis. 389 p. (In Russ.)

Kovshova, M. L. and Orlova, O. S. (2018) Riddles about birth: experience of cognitive-linguoculturological research. *Kognitivnye Issledovaniya Yazyka*, no. 35, pp. 44–51. (In Russ.)

Kovshova, M. L. and Orlova, O. S. (2020) Cognitive analysis of riddles and cultural commentary: research experience. *Kognitivnye Issledovaniya Yazyka*, no. 2(41), pp. 98–102. (In Russ.)

Kurbatsky, G. N. (2001) *Tuvans in their folklore*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing house. 462 p. (In Russ.)

Lomakina, O. V. (2022) Tuvan paremiology: linguoculturological and linguoaxiological potential. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 6–16. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.1

Lysenko, O. V. (2018) Ethnicity hides in the details. In: Grusman, V. M., Gerasimenko, E. E. (eds) *The thing in the transmission of ethnicity: Proceedings of the Seventeenth International St. Petersburg Ethnographic Readings*. St. Petersburg, IPC SPbSUTD. 308 p. Pp. 172–176. (In Russ.)

Mukhtarullina, A. R. and Tuktarova, G. R. (2017) Cognitive-semantic structure of the riddle text (on the material of English, Russian and Bashkir languages). *Perspektivy Nauki i Obrazovaniya*, no. 6(30), pp. 126–132. (In Russ.)

Orus-ool, S. M. (2020) Traditional blacksmithing in Tuvan folklore. In: Fedorova, L.V. (ed.) *Aiyy Tangara and the blacksmith cult in Tengrianism:* proceedings of the 2nd All-Russian scientific-practical conference with international participation “Aiyy Tangara and the blacksmith cult in Tengrianism” (April 2–3, 2021, Verkhnevilyuysk, Kentik, Verkhnevilyuysky District, Republic of Sakha (Yakutia), Russia). Yakutsk, Dani Almas. 236 p. Pp. 131–147. (In Russ.)

Selivanova, E. A. (2010) The riddle as a cognitive-semiotic phenomenon in the paradigmatic space of modern linguistics. In: Pimenova, M. V. (ed.) *Language and mentality*. Issue 5. St. Petersburg, St Petersburg University. 695 p. Pp. 95–100. (In Russ.)

Tuvans. Native people (2022) / Lamazhaa, Ch. K., Suvandii, N. D., Kuzhuget, Sh. Yu., Mainy, Sh. B.; ed. by Lamazhaa, Ch. K., Suvandii, N. D. St. Petersburg, Nestor-Istoriya. 344 p. (In Russ.)

Tsivyan, T. V. (1978) The house in the folklore model of the world (on the material of Balkan riddles). *Trudy po Znakovym Sistemam*, no. 10, pp. 65–84. (In Russ.)

Chesnokova, O. S. and Radbil, T. B. (2024) Riddles about everyday life as a reflection of ethnocultural identity (on the example of Tuvan, Russian and Colombian riddles). *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 92–109. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.7

Submission date: 02.05.2025.
Acceptance date: 21.05.2025.

DOI: 10.25178/nit.2025.4.18

ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Статья

«Притяжение места»: живопись Шой Чурука и Оралбека Кабоке как культурная память

Жанерке Н. Шайгозова
Казахский национальный педагогический университет имени Абая, Республика Казахстан,
Альмира Б. Наурзбаева
Казахская национальная консерватория им. Курмангазы, Республика Казахстан

В статье анализируются особенности художественного выражения культурной памяти в творчестве Шоя Чурука (1967 г. р.) и Оралбека Кабоке (1987 г. р.) — представителей живописной школы Тувы и Казахстана XXI в. Анализ выстроен на детальном анализе отдельных картин художников, фрагменты которых иллюстрируют текст.

В творчестве Шой Чурука и Оралбека Кабоке главным принципом можно назвать своеобразное живописное обращение к теме коллектива, современников и их памяти. Их искусство стремится собрать воедино рассредоточенные аффекты коллективной памяти. Отмечено, что творчество художников при ярком и индивидуальном авторском почерке каждого из них, объединяет стремление к актуализации культурной памяти.

Живопись двух художников демонстрирует новое осмысление духовных ценностей кочевой культуры, которое в призме идеи «притяжения места», можно оценивать как поиски локального аутентичного художественного пространства. Творчество этих художников характеризуется определенным способом кодирования смыслового контекста, опытом деконструкции и философским дискурсом, своеобразной интеллектуальной осью, а также презентацией себя в качестве живописца-ученого или кодировщика сакрального, священного.

Ключевые слова: *искусство; кочевая эстетика; художественный процесс; живопись; Тува; тувинцы; Казахстан; казахи; Шой Чурук; Оралбек Кабоке*

Статья подготовлена в рамках гранта Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан ИРН AP23488164 «Традиционное и современное искусство Казахстана в фокусе визуальных исследований: иконография, семиотика и дискурс».

Для цитирования:
Шайгозова Ж. Н., Наурзбаева А. Б. «Притяжение места»: живопись Шой Чурука и Оралбека Кабоке как культурная память // Новые исследования Тувы. 2025. № 4. С. 321-345. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.18

Шайгозова Жанерке Наурызбаевна — кандидат педагогических наук, профессор, профессор кафедры художественного образования Казахского национального педагогического университета имени Абая. Адрес: Республика Казахстан, 050010, г. Алматы, пр-т Достык, д. 13. Эл. адрес: zanna_73@mail.ru

Наурзбаева Альмира Бекетовна — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социогуманитарных дисциплин Казахской национальной консерватории имени Курмангазы. Адрес: Республика Казахстан, 050002, г. Алматы, пр-т Абылай хана, д. 86. Эл. адрес: naurzbaeva_a@mail.ru

SHAYGOZOVA, Zhanerke Nauryzbaevna, Candidate of Pedagogical Science, Professor, Department of Art Education, Abai Kazakh National Pedagogical University. Postal address: 13 Dostyk Av., Almaty, Republic of Kazakhstan, 050010. E-mail: zanna_73@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8167-7598

NAURZBAYEVA, Almira Beketovna, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Social and Humanitarian Disciplines, Kurmangazy Kazakh National Conservatory. Postal address: 86 Abylai Khan Av., Almaty, Republic of Kazakhstan, 050002. E-mail: naurzbaeva_a@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4604-6835

DIALOGUE OF CULTURES

Article

"Attraction of Place": The Painting of Shoi Churuk and Oralbek Kaboke as Cultural Memory

Zhanerke N. Shaygozova
Abai Kazakh National Pedagogical University, Republic of Kazakhstan,
Almira B. Naurzbayeva
Kurmanzagy Kazakh National Conservatory, Republic of Kazakhstan

The article analyzes the distinctive features of artistic expression of cultural memory in the works of Shoi Churuk (b. 1967) and Oralbek Kaboke (b. 1987), representatives of the pictorial schools of Tuva and Kazakhstan of the 21st century. The analysis is based on a close reading of selected paintings by the artists, fragments of which are used to illustrate the text.

In the works of Shoi Churuk and Oralbek Kaboke, the central principle is an original pictorial engagement with the theme of the collective, contemporaries, and their memory. Their art seeks to assemble the dispersed affects of collective memory into a coherent visual and emotional whole. It is noted that although each artist demonstrates a highly individual style, both are united by a shared impulse toward the actualization of cultural memory.

The painters' works reflect a renewed understanding of the spiritual values of nomadic culture, which, through the lens of the idea of "attraction of place," may be viewed as a search for a local and authentic artistic space. Their art is characterized by a specific method of encoding semantic contexts, a practice of deconstruction, and a philosophical discourse that shapes their intellectual axis. Furthermore, both artists present themselves as painter-scholars — codifiers of the sacred and the spiritual.

Keywords: *art; nomadic aesthetics; artistic process; painting; Tuva; Tuvans; Kazakhstan; Kazakhs; Shoi Churuk; Oralbek Kaboke*

Financing
The article was prepared within the framework of the grant from the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, IRN AP23488164 "Traditional and Contemporary Art of Kazakhstan in the Focus of Visual Research: Iconography, Semiotics, and Discourse".

For citation:
Shaygozova Zh. N. and Naurzbayeva A. B. "Attraction of Place": The Painting of Shoi Churuk and Oralbek Kaboke as Cultural Memory. *New Research of Tuva*, 2025, no. 4, pp. 321-345. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.18

Введение

Связь памяти, творчества и искусства не раз становилась объектом научного анализа в работах ряда известных ученых: Ю. М. Лотмана (Лотман, 1992), Я. Ассмана (Ассман, 2004), А. Ассмана (Ассман, 2014) и других. Для нас важным методологическим инструментом стала концепция культурной памяти, которая по мнению Ю. М. Лотмана имеет два вида: «память информативную» и «память креативную (творческую)» (Лотман, 1992).

Концепт «творческая память» или, иначе ее называют «память искусства», которая в определении Ю. М. Лотмана имеет «панхронный, континуально-пространственный характер», выступает для нашего исследования в качестве методологического каркаса. В этой интерпретации культурная память не исчезает, а актуализируется в текстах культуры, «высвечиваются памятью, а неактуальные не исчезают, а как бы погасают, переходя в потенцию» (Лотман, 1992: 201).

Об исчезающей старой, самобытной Америке в современном искусстве рассуждает Л. Липпард, обосновывая авторскую парадигму «притяжения места» или «чувства места» (Lippard, 1997). Согласно этой концепции именно «притяжение места» как один из методологических принципов междисциплинарных исследований позволяет понять и осмыслить некоторые процессы современного искусства. Несмотря на то, что искусствовед описывает дискурсивность трансформации американского ландшафта, включая культурное поле искусства, исследователь акцентирует свою мысль на необходимости «иметь как корни, так и охват» и «чтить местную историю и нравы» (там же: 15). Эта тенденция в интеллектуальной гуманитаристике получила развитие в контексте идей глокализации как мягкой альтернативы глобализации и ее последствиям. Ведь, согласно С. М. Белокуровой, неопределенность в будущем заставляет человека искать опору в прошлом (Белокурова, 2023: 33).

Теоретические положения концепции памяти как объекта и инструмента искусствознания[1] послужили толчком к осмыслению современных художественных процессов в ареале тюркского мира на примере живописи Тувы и Казахстана, а именно — в фокусе творчества тувинского живописца Шоя Чурука и казахского художника Оралбека Кабоке.

Оба народа, унаследовавшие культурную память тюрков-кочевников, имеют, безусловно, сходные культурные коды, хранящие память культуры. Но в их генетической памяти циркулируют и две отличительные константы: тувинский буддийско-шаманский синкретизм и казахский симбиоз тенгрианства и ислама. Поэтому сравнительный аспект осмысления творчества этих художников позволяет рассмотреть два лика тюркской кочевой культуры, проявляемых в образах живописи.

На наш взгляд, культурная память кочевой эстетики предопределяет общее в живописи Тувы и Казахстана (как части общей художественной традиции тюрков), а особенное выражается как минимум в двух аспектах: в традициях эстетики буддизма и тенгрианства, а также в специфике авторского стиля каждого художника.

Учитывая это культурное родство, «совпадения» и различия, наше исследование преследует *цель* раскрыть особенности художественного освоения культурной памяти в творчестве Шоя Чурука (1967 г. р.) и Оралбека Кабоке (1987 г. р.) как представителей живописной школы Тувы и Казахстана XXI в.

Достижению поставленной цели служат задачи комплексного культурологически-искусствоведческого анализа произведений Шой Чурука и Оралбека Кабоке. В нашем исследовании культурологический анализ сосредоточен на концепции культурной памяти Ю. М. Лотмана, по мнению которого весьма продуктивно использование семиотического прочтения произведений изобразительного искусства как актуализированных текстов, хранящихся в культурной памяти. Важным аспектом изучения является понимание механизмов рождения новых текстов в результате встречи традиции с современными кодами культуры. Искусствоведческий анализ в тесном взаимодействии с культурологической методологией художественно-эстетического языка визуальных текстов решает задачу поиска пространственного решения «чувства места» как актуализацию «креативной памяти» традиционной картины мира тувинцев и казахов через призму творчества Шоя Чурука и Оралбека Кабоке.

В фокусе исследования выборка из картин художников, созданных за последние 25 лет, экспонировавшихся в рамках персональных выставок в течение ряда лет. Картины Шоя Чурука широкой общественности представлялись на персональных выставках в Национальном музее имени А. В. Анохина (Республика Алтай, Горно-Алтайск, 2015), в Доме Туризма под названием «Мое наследие» (Республика Тыва, Кызыл, 2022) и других. Интересующие нас работы художника представлены на официальном авторском сайте[2] и объемном каталоге его творческих произведений[3].

[1] «Память как объект и инструмент искусствознания» — название сборника и конференции, проведенной в Государственном институте искусствознания МК РФ в октябре 2014 г., г. Москва. См.: Память как объект и инструмент искусствознания: сборник статей / сост. Е. А. Бобринская, А. С. Корндорф. М.: Государственный институт искусствознания, 2016.

[2] Художник-живописец Чурук Шой Улзайович: официальный сайт [Электронный ресурс] // Wix. URL: https://syldyskalyndu.wixsite.com/churuk (дата обращения 24.03.2025).

[3] Шой Чурук: альбом / ред.: А. А. Кужугет, А. А. Лачугина. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2018.

Картины Оралбека Кабоке были представлены на персональных выставках художника в Государственном музее искусств имени Абылхана Кастеева «Birtutas[1]» (Республика Казахстан, Алматы, 2018), «Qara Jer[2]» (Республика Казахстан, Алматы, 2025) и на выставке «Shezhire[3]» в Almaty Gallery (Республика Казахстан, Алматы, 2023). Произведения с выставки «Birtutas» презентована в одноименном каталоге[4]. Уточнения и пояснения по некоторым вопросам исследования были получены авторами статьи непосредственно от самих художников.

Картина художественного процесса Тувы и Казахстана: обзор исследований

Когда речь заходит о формировании профессиональной живописи того или иного народа, основной интерес представляет вопрос о включенности в новое художественное пространство его самобытного культурного опыта и эстетических традиций, своеобразной интерпретации картины мира и изобразительного языка. Ответы на вопросы подобного рода самобытности художественного процесса в целом и его представителей дают преимущественно этнокультурные исследования.

Исследованию этнокультурных особенностей живописной школы Тувы посвящены труды А. С. Хертек (Хертек, 2022), А. К. Кужугет[5], С. М. Белокуровой (Белокурова, 2019), М. Д. Наксыл и Ч. О. Санчай (Наксыл, Санчай, 2019) и многих других.

Анализ работ этих ученых позволяет обобщенно сказать, что XX в. стал исторической «точкой отсчета» развития профессиональной художественной школы Тувы. Творчество первых художников Тувы С. К. Ланзы (1927–1977), С. Ш. Сарыг-оол (1937–1992), В. Л. Тас-оол (1920–1988) и многих других составляют национальный золотой фонд, отражая генезис развития художественного языка живописи республики.

По мнению А. С. Хертека, в творчестве первых национальных художников-представителей реалистического искусства, впервые в истории развивается тематика, связанная с родной Тувой: у С. К. Ланзы (1937–1977) — это тема прошлого, настоящего и будущего Тувы, «перекличка времен» — устоявшегося привычного прошлого и будущего, манящего новым», а в творчестве С. Ш. Саая (1937-1992) ощущается неразрывная взаимосвязь человека и природы (Хертек, 2022: 122–124) и т. д. М. Д. Наксыл и Ч. О. Санчай считают, что в творчестве С. К. Ланзы сохраняется «историческая память народа», «осмысление событий прошлого» и «самобытная культура тувинцев» (Наксыл, Санчай, 2019: 57).

Но, уже во второй половине XX в. в национальной школе живописи Тувы наблюдается тенденция к изменению художественного языка. А. С. Хертек, отмечая художников среднего поколения А. Д. Седипкова (1957–2020) и Ш. У. Чурука (1967 г. р.), пишет, что они начинали как живописцы реалистического направления, но затем постепенно отошли от него, проникаясь декоративным оформлением, композиционным построением и живописной манерой письма (Хертек, 2022: 124).

Относительно творчества Ш. Чурука А. С. Хертек отмечает, что к середине 2000-х гг. он находит «свой живописный стиль», который в дальнейшем усложняется «тематикой сюжетов», «расширением круга образов и стремлением углубленно передать символический характер произведений» (там же: 126).

Аналогичные процессы наблюдаются и в истории развития казахской национальной художественной школы. Основа национальной школы живописи Казахстана создавалась А. Кастеевым (1904–1973), М. Кенбаевым (1825–1993), К. Тельжановым (1927–2013) и многими другими художниками. Изучению их творчества и этнической живописи Казахстана в целом посвящены труды Р. А. Ергалиевой (Ергалиева, 2017), А. А. Шевцовой (Шевцова, 2016), С. Ж. Кобжановой и Д. С. Шариповой (Кобжанова, Шарипова, 2024) и мн. др.

Казахские мастера кисти, осваивая новый для представителей кочевой культуры вид искусства, выражаясь словами Р. А. Ергалиевой, смогли обеспечить «триумфальное шествие» реалистической жи-

[1] *Birtutas* в переводе с казахского языка означает ‘одно целое’.
[2] *Qara Jer* дословно с казахского переводится как ‘черная земля’.
[3] *Shezhire* означает родословную.
[4] Orabek Kaboke. Birtutas: каталог выставки / вступ. статья Уморбеков Б. Алматы: Фонд Первого Президента РК — Елбасы, 2018.
[5] Кужугет А. К. Образ коня в тувинском искусстве [Электронный ресурс] // Тувинская правда. 2023. № 9 (18611). 8 февраля. URL: https://tuvapravda.ru/novosti/obraz-konya-v-tuvinskom-iskusstve/ (дата обращения 24.03.2025).

вописи в XX в., которое сконцентрировалось на сохранении национальной ментальности, характера и способа видения (Ергалиева, 2017: 209).

Вместе с этим, как отмечает А. А. Шевцова, ряд мастеров Казахстана с академическим художественным образованием отходят от реалистического фигуратива, актуализируя этничность другими приемами и сюжетами (Шевцова, 2016: 138). Анализируя, тенденции современного искусства Казахстана С. Ж. Кобжанова и Д. С. Шарипова отмечают, что визуальные образы обретают свойства «мест памяти», способных транслировать ее следующим поколениям (Кобжанова, Шарипова, 2024: 78).

Таким образом, исследования устанавливают, что в Казахстане, как и в Туве, язык живописи претерпевает изменения в соответствии с общекультурными трансформациями и говорит о том, что художественный процесс в своей динамике ищет новый язык новой реальности, новое в вечном и текучем.

Современная живопись Тувы и Казахстана повысила интерес к духовным константам кочевой культуры и показала, что в XXI в. ресурсы художественного языка и традиционной эстетики открывают свои новые грани. Яркими представителями новой волны художественной практики можно назвать тувинского художника Шоя Чурука и казахского художника Оралбека Кабоке, привнесших в современное искусство новые способы и приемы «живописной» трактовки культурной памяти.

Многогранное творчество Ш. Чурука не раз удостаивалось восторженных характеристик и эпитетов в среде профессионалов, критиков, искусствоведов и журналистов: «новое явление в живописи Тувы», «неожиданное событие», «таинственность»[1]; «поиск внутренней сути вещей и явлений», «многозначный символ», «сочетание элементов буддизма и шаманизма», «народные мотивы», «стилизованная Тува», «знание культурного и духовного наследия»[2] и многие другие.

Важной для осмысления научным исследованием, посвященным персонально творчеству Ш. Чурука, является труд известного российского искусствоведа С. М. Белокуровой (Белокурова, 2019). В ней ученый сконцентрировала свой анализ на картинах («Хранитель истории», «Истоки Енисея», «На дорогах жизни»), созданных художником в 2015 г. Методологическим инструментом исследования выступает методика выявления культурных универсалий и их художественная интерпретация, а именно двух констант — «Воин» и «Родина». Анализ этих работ и, разумеется, владение общей ситуацией динамики развития современной живописи во всем центральноазиатском регионе позволяет ученому прийти к важным выводам о творчестве Ш. Чурука.

В его творчестве, по мнению С. М. Белокуровой, сфокусирована самобытность тувинского искусства, что обусловлено глубоким изучением художественных традиций прошлого и их переосмыслением, сочетанием разнообразных техник, композиционными построениями, символикой, семантическими коннотациями и стилистическими направлениями, метафорами, аллегориями и символами (Белокурова, 2019: 105–106).

Вместе с тем, как отмечает С. М. Белокурова, творчество художника подтверждает общерегиональные художественные тенденции: «интерес и глубокое переосмысление художественных традиций символов и образов архаичного искусства» и «творческий поиск на основе реставрации искусство прошлого» (там же: 111). Можно также отметить особенности творческого переосмысления скифских «Солнце скифов» (2015) и буддийских мотивов и образов «Чырык» (2010), «Ожук» (2010) и другие картины.

Творчество Оралбека Кабоке, безусловно, привлекает внимание специалистов, которые находят в нем «тонкую связь поколений», «историческую память», «память прошлого», «поиск себя в современном безумном мире»[3] и другие.

Творчество Оралбека Кабоке рассматривалось в контексте цветовой символики современного искусства Казахстана в работе Ж. Н. Шайгозовой и Л. И. Нехвядович, где авторы на основе анализа

[1] Сергеева Е. Читая полотна Шой Чурука [Электронный ресурс] // Информационно-туристический портал Хан Алтай. 2015, 19 сентября. URL: https://gorno-altaisk.ru/news/chitaya-polotna-shoj-churuka (дата обращения 24.03.2025).

[2] Ак-кыс Е. Чурук Шой Улзаевич [Электронный ресурс] // Лица культуры — каталог деятелей культуры Республики Тыва. 2023. URL: https://kntuva.ru/peoples/254?ysclid=m9k6arf7fd714679993 (дата обращения 14.04.2025).

[3] Казымбетов Р. Поедание бараньей головы и могилы посреди музея: как в Алматы открылась выставка Оралбека Кабоке [Электронный ресурс] // Курсив Медиа Казахстан. 2025. 13 февраля. URL: https://kz.kursiv.media/2025-02-13/lfst-rbik-oralbek-kaboke/?ysclid=m9k8p7li2y254830754 (дата обращения 18.04.2025).

картин художника: «Притяжение» (2017), «Время ожидания» (2015), «Одно целое» (2017–2018), «Красный ковер» (2017–2018) и «Орнамент» (2013) приходят к выводу о том, что цвет в работах Оралбека Кабоке всегда несет знаковую функцию, выводя зрителя на высокий уровень понимания традиционных ценностей казахской культуры: любовь, семья, предки (Шайгозова, Нехвядович, 2024: 225).

В каталоге персональной выставки Оралбека Кабоке «Birtutas» (2018) известный казахстанский искусствовед Б. Уморбеков выделяет ряд стилевых особенностей его творчества: объекты в его композициях поданы ниже линии горизонта; художник умело использует метод «взгляд с высоты птичьего полета»; «предпочтение пластическим связям крупных форм», «народные обычаи и истоки при изображении живописных форм»[1].

Анализируя проблематику трансформации культурной традиции современного искусства Казахстана, Р. Ергалиева обоснованно отмечает о стремлении художников к «поиску новизны, остроты и масштабности видения вызвал обращение к архаике самых разных времен и культур», а в «искусстве проявились многогранность и универсальность взгляда на мир» (Ергалиева, 2017: 211). Так и творчество Оралбека Кабоке не только продолжает этническую живопись казахских мастеров кисти первого поколения, но и, с художественной точки зрения, коренится в истоках казахского искусства с его монументальностью и лаконичностью форм и колорита.

В содержательном аспекте творчество Оралбека Кабоке обращено к семье и древнейшему культу предков — *аруақ* (*аруах*). Суть этого понятия отражает *шежире* — казахская генеалогия (одноименная выставка О. Кабаоке 2023 г.). Емко об этом феномене пишет Б. Д. Кокумбаева: как ветвь не может существовать отдельно от дерева, так и человек не может жить без рода. В сознании кочевника понятие «я — моя семья — мой род» неразделимо и цело (Кокумбаева, 2020: 86). Так, по словам А. Ассман «обращаясь в воспоминании к мертвым, общность подтверждает свою идентичность» (Ассман, 2004: 67), а по классификации Я. Ассмана такие культурные константы как семья, род и др. в творчестве О. Кабаке можно смело назвать «фигурами воспоминания» (там же: 38).

Исследования художественного процесса и самобытного творчества Шой Чурука и Оралбека Кабоке — представителей современного тувинского и казахского искусства — открывают перспективы изучения их творчества в контексте концепции культурной памяти, что представляется актуальным и обоснованным в силу ряда объективирующих факторов.

Прежде всего, оба художника — представители тюркской кочевой культуры. Эта общность проявляется в их творчестве обращенностью к знакам и символам тюркской культуры, которыми проникнуты тексты их полотен. К примеру, легко читаемые сакральные горы и камень: Ш. Чурук «Мелодии гор» (2010), «Воспоминания коновязи» (2010) и О. Кабоке «Время и пространство» (2022), «Небоскреб» (2019) и др.; священные животные: Ш. Чурук «Судьба сивого коня» (2008), «Течение» (2008), «Ожук» (2010) и О. Кабоке «Главная молитва» (2025); орнаменты и стилизованные тексты: Ш. Чурук «Орнаменты моего народа» (2010), «Чырык» (2010) и О. Кабоке «Покой» (2019), «Притяжение отца» (2019). Но есть и опосредованное выражение общетюркской символической картины мира: юрты у Ш. Чурука «Мелодии гор» (2010) и семья у О. Кабоке «Небоскреб» (2019); всевидящее око и охрана Высших сил у Ш. Чурука «Тос карак» (2013), «Чырык» (2013) и у О. Кабоке «Золотое сечение» (2025).

У обоих художников значимую роль играет священное для всех тюрков Небо и его цветовой атрибут — сине-голубой: Ш. Чурук «Мелодии гор» (2010), «Утро на стоянке» (2010), «Судьба сивого коня» (2008) и многие другие; у О. Кабоке «Время и пространство» (2022), «Золотое сечение» (2025) и другие.

Вместе с тем, не менее важными факторами, определяющими особенность картины мира каждого из них, следует видеть также духовные составляющие культуры, в которой формировалась творческая личность художника. Если тувинская этнокультура, представителем которой является Ш. Чурук, унаследовала образы и мотивы шаманизма и буддизма, то казахская традиционная культура, к которой своим творчеством обращен О. Кабоке, хранит в своих духовных горизонтах тенгрианство и ислам.

Обозначенное, играет значительную роль в художественном осмыслении мира современными художниками. У тувинцев изначально шаманистов, буддизм, по словам Ч. К. Ламажаа, стал важной частью их культуры, более того — фактором развития культуры, ее эволюционного усложнения и

[1] Orabek Kaboke. Birtutas: каталог выставки / вступ. статья Уморбеков Б. Алматы: Фонд Первого Президента РК — Елбасы, 2018.

расширения пространственного аспекта картины мира (Ламажаа, 2019: 30). У казахов, исконно приверженцев тенгризма — ислам, войдя в пространство традиционной культуры, по словам Р. М. Мустафиной способствовал появлению бытовой формы — народного ислама (Мустафина, 1992).

Безусловно, индивидуальное творчество каждого художника свободно в своем выборе текстов культурной памяти, способов их интерпретации, воспроизводства, сохранения и передачи. Современный художник создает новый текст, в котором интертекстуальность — не дань этнографизму. Художник создает новое письмо, которое способно выразить и высказаться миру своего начала, где звучала родная мелодия далеких преданий, где дорогие сердцу картины природы окружали воображение, где само бытие проникнуто культурным кодом. Именно этот аспект творчества каждого художника как онтология культурной памяти представляет особый интерес для нашего исследования. Поэтому в рамках нашего сравнительного исследования вполне уместны приемы дискурс-анализа в интерпретации художественных текстов Шой Чурука и Оралбека Кабоке в аспекте концепции культурной памяти.

«Притяжение места» в творчестве Шой Чурука

Шой Чурук — знаковый художник современной Тувы, имя которого известно и за пределами республики. Творческая память тувинского искусства, в которой адаптивные культурные механизмы способствуют переосмыслению народных художественных традиций — гармоничного сочетания материалов и техник, богатства форм визуальной символики, нашла свое выражение в его творчестве. В поле зрения нашего исследования несколько работ художника, в которых зримо присутствует чувство места как концептуального ядра его творчества. Картина «Мелодия гор» (2010) (*фото 1*), большую часть ее изобразительного пространства занимают горы, окутанные разноцветными облаками. Обращение художника к образу гор, культ которых одна из значимых констант духовной культуры тувинцев, почитаемых и бережно хранимых, можно сказать, канонично. Вместе с тем, само художественное решение передать традиционную эстетику восприятия мира через разноцветье облаков, задающих тон и ритм, позволяют художнику визуально отразить музыкальное звучание гор.

Фото 1. Фрагмент картины Ш. Чурука «Мелодии гор», 2010 г. Холст, масло. Фото из личного архива художника.
Photo 1. Fragment of a painting by Sh. Churuka “Melodies of the mountains”, 2010. Oil on canvas. Photo from the artist’s personal archive.

Сочетание холодноватых оттенков аметистового, бирюзового-голубого, темновато-аквамаринового, аспидно-синего, лазурного и других цветов отдаленно напоминают традиционные ритуальные тувинские ленты-*чалама*. Эти ленты использовались в шаманских мистериях, вывешивались у юрты, но и в горах, горных перевалах (Ритуальные ленты … , 2024: 25–39). Это колористическое сочетание, также, на наш взгляд, отсылает к истокам одного из разновидностей тувинского горлового пения *каргыраа — кожагар каргыраазы,* что в переводе означает ‘горное, пещерное’ *каргыраа*. «Музыка в этом субстиле сурова. — пишет этномузыковед З. К. Кыргыс. — В ней ощутимы мощь и величие гор, имеет место более плотный, носовой, тускловатый тембр» (Кыргыс, 2002: 93). Врожденная образная память, обладая богатой ассоциативностью, способна к вариативности семиозиса своего культурного пространства. Так, Шой Чурук создает многослойный текст, который раскрывает сакральное таинство гор, запечатленное в ритмике цвета *чаламы* и воспроизводит визуальную метафору музыки гор как праосновы *кожагар каргыраазы*.

Не раз в творчестве художника появляется священный символ кочевой культуры — юрта — *өг*: «Окно во Вселенную» (2012), «Тенги» (2017), «Праздник новой юрты» (2017), «Мираж» (2022) и многие другие.

Как нельзя емко объяснение этому феномену дают авторы книги о тувинской юрте: «в тувинском языке слово *өг* ‘юрта’ имеет несколько показательных производных… Семантика слова *өг* тесно связана с представлениями о семье, с самым близким и родным кругом людей и поэтому юрта (*өг*) в тувинской лингвокультуре имеет значение не просто дома, но дома, где живет семья» (Өөвүс. Возвращение … , 2022: 4–5). Вместе с тем, *өг* не исчезла из жизни тувинцев, а «перекочевала» в современность потомков номад, снова стала важной частью их культуры, но уже в других формах (там же: 4). Юрта «живет» в литературе и тувиноведении, архитектуре и дизайне интерьера, искусстве и графическом дизайне, сувенирной продукции и многом другом.

Обратимся к картине Ш. Чурука «Мелодия гор» (2010). На переднем плане в левом углу картины расположены две юрты. Не случайным видится количество юрт — их на полотне две. Число *ийи* ‘два’ в тюркской и, в частности, тувинской культуре, символизирует оппозицию и выражает бинарные понятия (Бредис и др., 2022: 283). Следует отметить, что число два в тюркском сознании означает целостность как единое.

Две белые юрты, озаренные утренними лучами солнца, фигурируют и на другой картине Шой Чурука «Утро на стоянке» (2010) (*фото 2*). Пространство картины символически поделена на две равные части: одну занимает сине-голубое небо, другую — рыжевато-красная земля, визуально подчеркнуто ближе к зрителю в темных тонах. Соединяют эти два космических начала — Небо и Землю — две белоснежные *өг*. В обеих картинах образ древнего жилища кочевников, выражаясь словами М. С. Байыр-оол «юрта своей формой не нарушает гармонии окружающего горно-степного ландшафта, органично вписывается в него, является как бы его продолжением, его частью, образом» (Байыр-оол, 2013: 70). Прием сферической перспективы позволяет сконцентрировать внимание созерцающего на белоснежных юртах: проекция пространства юрты и космоса в картине мира тувинцев — пространственное «чувство места» традиционного мировидения.

Юрта Шоя Чурука, согласно тувинскому обычаю, ориентирована своим входом на восход солнца, словно гимн Утру, Новому дню, Солнцу, с которого начинаются повседневные хлопоты кочевников, где жизнь из века в век устроена и регулируется движением солнца. «…Специфика ориентации тувинцев во времени и пространстве соотносится с движением Солнца, видимым не только с Земли, но и с учетом общего движения целостной (планетарной) системы, в центре которой находится Солнце», — отмечает В. Ю. Сузукей (Сузукей, 2009: 259).

Солнечный ритм жизни кочевника-тувинца, описанный М. С. Байыр-оолом, делится на 12 времен суток (Байыр-оол, 2013: 69–70). На полотне «Утро на стоянке» угадывается время, называемое тувинцами *хүн үнген*. В этой «солнечной» визуализации чувства ритма жизни кочевников, неизменяемой тысячелетиями, декларируется незыблемость ценности символической основы культурной памяти и ее жизнеутверждающий посыл. Как пишет О. Х. Ноозун в искусстве отразилось все «многообразие духовных связей тувинского народа с природой, почитание Неба как отца, Земли как матери — «Дээр адам, Чери ем» обусловили мифологическое, поэтическое отношение к миру» (Ноозун, 2016: 23).

Все это в полной мере свойственно творчеству Шой Чурука.

Две юрты ненавязчиво появляются в другой работе художника «Судьба сивого коня» (2008) (*фото 3*). По мнению А. К. Кужугет, образ коня является одним из ключевых в современном изобразительном

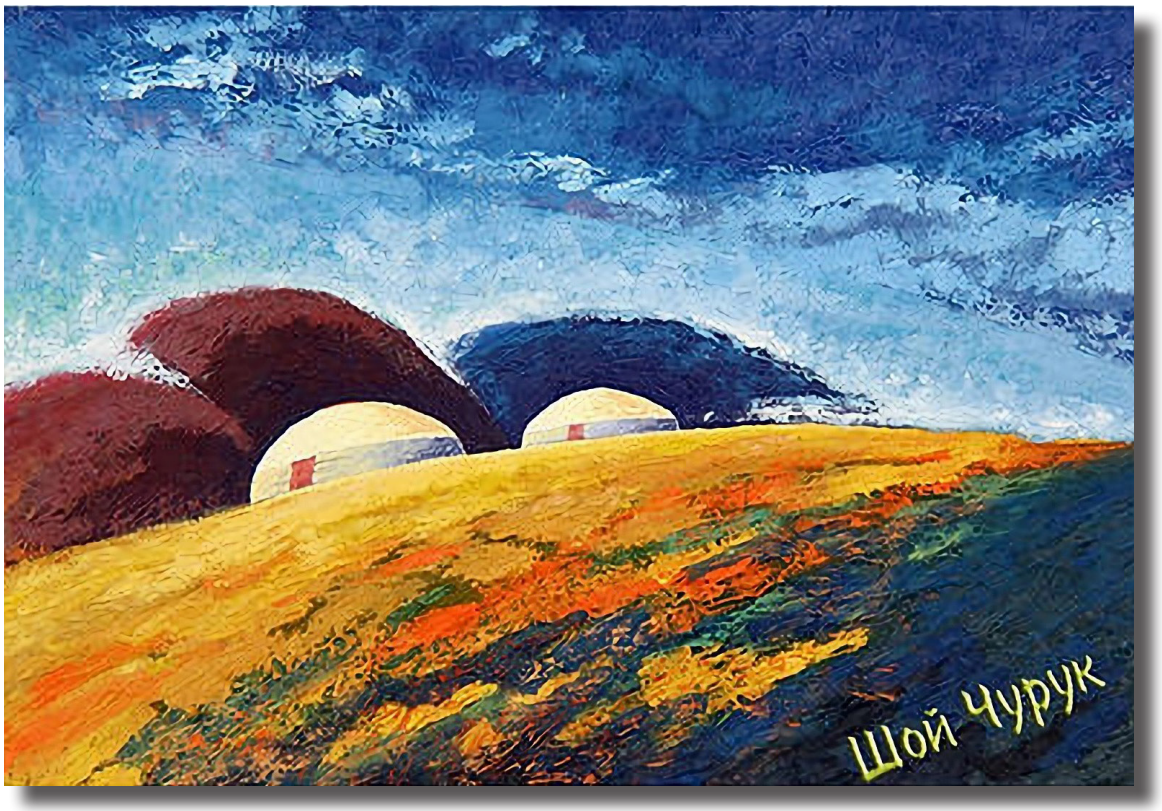

Фото 2. Фрагмент картины Ш. Чурука «Утро на стоянке», 2010 г. Холст, масло. Фото из личного архива художника
Photo 2. Fragment of the painting by Sh. Churuka "Morning in the parking lot", 2010. Oil on canvas. Photo from the artist's personal archive

Фото 3. Фрагмент картины Ш. Чурука «Судьба сивого коня», 2008 г. Холст, масло. Фото из личного архива художника.
Photo 3. Fragment of the painting by Sh. Churuka "The Fate of the grey horse", 2008. Oil on canvas. Photo from the artist's personal archive.

Фото 4. Фрагмент картины Ш. Чурука «Воспоминания коновязи», 2012 г. Холст, масло. Фото из личного архива художника.
Photo 4. Fragment of the painting by Sh. Churuka "Memories of a horse hitching post", 2012. Oil on canvas. Photo from the artist's personal archive.

искусстве Тувы, он символ свободы, символ перемен[1]. Образ коня, как известно, универсальный общемировой культурный символ. Но для тувинцев и казахов традиционно конь, по словам К. Жанабаева, — это «альфа и омега всей кочевой жизни», воплотивший в себе несколько начал: «эстетическое — предмет любования и гордость кочевника; историческое — расцвет и трагедия конно-кочевой цивилизации; прагматическое — основа жизни; мифологическое — конь как космос; этическое — опора и ближайший друг кочевника» (Жанабаев, 2018: 39).

Судьба коня — героя повествования прозаична, по признанию самого художника Ш. Чурука: «прошла ночь, наступает рассвет…бесконечная череда дня и ночи, тьмы и света в жизни сивого коня, блаженного отдыха в прохладе и тяжелого труда при свете солнца, складываются в его судьбу»[2]. Вторит этой идее и темновато-сумрачный колорит картины, едва озаряемый рассветом. Сивый конь — символ судьбы как бесконечного круговорота, смены ночи и дня, жизни как вечного возвращения к началу.

[1] Кужугет А. К. Образ коня в тувинском искусстве [Электронный ресурс] // Тувинская правда. 2023. № 9 (18611). 8 февраля. URL: https://tuvapravda.ru/novosti/obraz-konya-v-tuvinskom-iskusstve/ (дата обращения 24.03.2025).
[2] Шой Чурук: альбом / ред.: А. А. Кужугет, А. А. Лачугина. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2018. С. 62.

Фото 5. Фрагмент картины Ш. Чурука «Ожук», 2010 г. Холст, масло. Фото из личного архива художника
Photo 5. Fragment of the painting by Sh. Churuka "Ozhuk", 2010 Canvas, oil. Photo from the artist's personal archive

С образом коня прочно связано концептуальное понятие тувинской культуры — коновязь. Ей посвящена работа Шоя Чурука «Воспоминания коновязи» (2012) (*фото 4*). Колористически преимущественно монохромное решение создает атмосферу космического, уходящего вдаль пространства. Сдержанный колорит картины, решенный исключительно в охристых тонах, концентрирует внимание на коновязи *баглааш* — символе родного жилища и древа жизни, модели мира, маркере сакрального места, а также знака рождения новой семьи.

Вечность и временность, незыблемость и изменчивость — философия кочевника, запечатлеваемая в языке символов, прозвучала как чувство места в этой картине Шоя Чурука. В ней выразительно высказана двумя соседствующими объектами — *баглааш* и окружающим его травянистым растением — «перекати-поле» — вековая народная мудрость. Тем самым картина метафорически манифестирует своего рода культурологический тезис о ценности фундамента этноса — его культурной памяти.

В картине «Ожук» (2010) Шоя Чурука (*фото 5*) привлекает внимание символ кочевой культуры, маркирующий сакральный центр юрты — домашний очаг на фоне пламени ярко алого огня, завитки которого переходят в голубовато-синие и голубовато-фиолетовые тона. Интересный ракурс изображаемого — взгляд сверху на очаг позволило художнику достичь выразительного эффекта, целостного восприятия визуальной проекции очага в юрте, а в более широком смысле духовного очага, по мнению А.-Х. О. Базырчап, «связующего звена между предками и потомками, символа преемственности поколений. Раньше эта идея передавалась с помощью материальных предметов, а именно трех камней, которые возили с собой при перекочевках»[1].

[1] Базырчап А.-Х. О. Традиционные верования и святилища (сакральные места) тувинцев: типология и современное состояние: дис. … канд. ист. наук. Кызыл, 2020. С. 191.

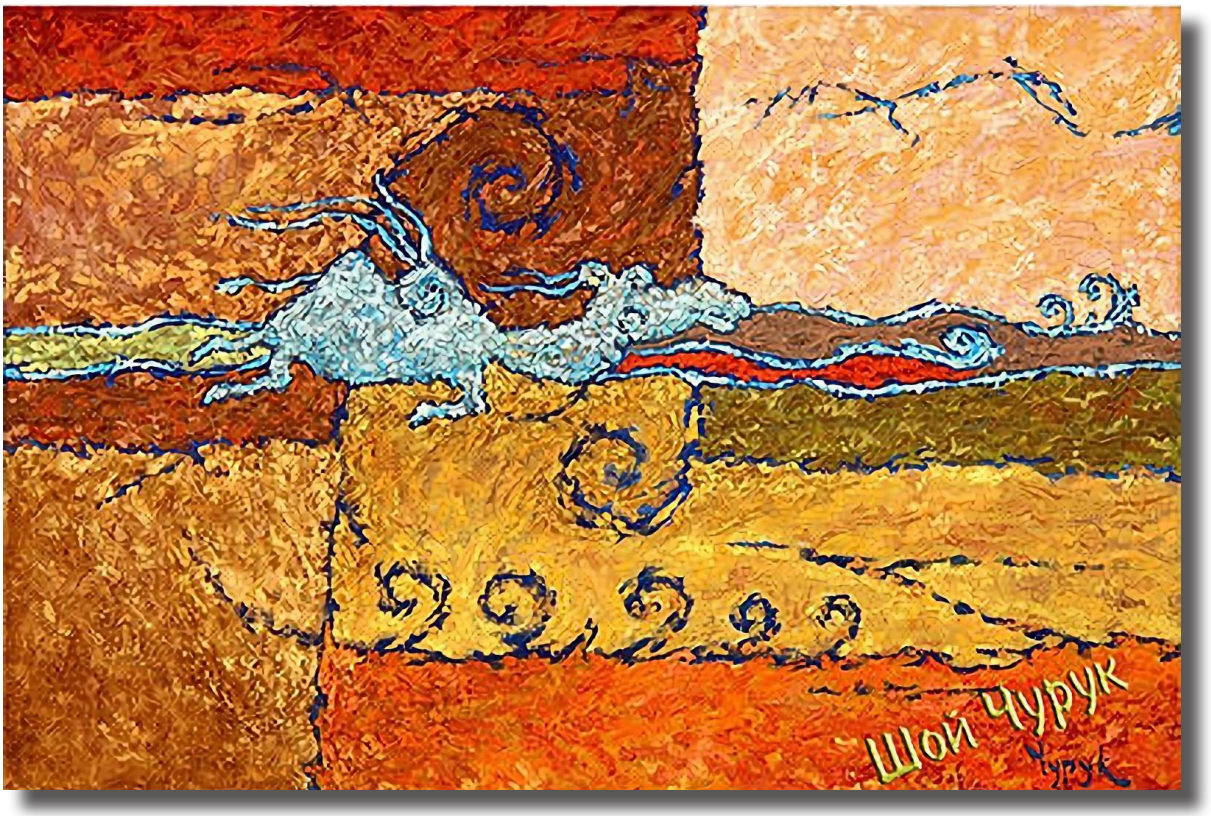

Фото 6. Фрагмент картины Ш. Чурука «Течение», 2008 г. Холст, масло.
Фото из личного архива художника.
Photo 6. Fragment of the painting by Sh. Churuka "The Current", 2008. Oil on canvas.
Photo from the artist's personal archive.

На картине изображены четыре головки *кошкара* (баран-производитель), три — вверху и одна — внизу полотна. Традиционно конструкция *ожук* (*таган*) представляет собой треножник в виде железных ободков и ножек, украшенные чеканным пояском. Стержни-упоры треножника заканчиваются коваными головками баранов, называемыми *ожук кошкар,* количество которых, по замечанию знатока тувинского народного искусства С. И. Вайнштейна, соответствует числу держателей — обычно три, реже четыре (Вайнштейн, 1974: 105). Анализируя эту традицию, ученый приводит параллели с казахстанскими артефактами скифо-сакского периода и считает ее характерной для ранней кочевой культуры. Как известно, символика барана в тюркской культуре многозначна — изобилие, плодородие, достаток и счастье, охранитель.

Картина «Течение» (2008) (*фото 6*) по структуре технического решения отдаленно напоминает войлочное полотно. Художник с помощью цвета, а вернее близких по тону и сочетанием разных объемов коричнево-кирпичного, красновато-оранжевого и охристых оттенков создает иллюзию движения. Динамику картине придают волнообразные линии, спиралевидные завитки и фигура, оформленная в виде плывущего облака, напоминающего образ оленя-лося, схожего с иконографий этого священного животного в скифо-сибирском искусстве. Думается, и здесь олень-лось как зооморфном искусстве скифо-сибирского ареала художник акцентирует «исключительную роль культа животных как тотемов, защитников и охранителей родов» (Ерекешева, 2021: 16).

Триптих «Орнаменты моего народа» (2010) (*фото 7*) оригинален своим композиционным решением. Нет строгой упорядоченности элементов, обычно «зеркалящих» друг друга в орнаментальном пространстве. Но подобная схема благодаря творческой задумке автора позволила создать сбалансированную композицию, основанную на равновесии колористических пятен. Центральное полотно занимает крупная розетка с элементами узора *аяк хээзи* 'узор пиалы', также читаются элементы знаменитого узла счастья *өлчей удазыны*, изображены белая птица, рыбы, а венчает все голова барана с круто загнутыми рогами.

Фото 7. Фрагмент картины Ш. Чурука «Орнаменты моего народа». Триптих, 2010 г. Холст, масло. Фото из личного архива художника
Photo 7. Fragment of the painting by Sh. Churuka "Ornaments of my people". Triptych, 2010. Oil on canvas. Photo from the artist's personal archive

На двух остальных частях триптиха изображены растительные узоры, похожие по своей структуре, цвету и совпадающие интонационно. В отличие от традиционного тувинского орнамента, которому в основном свойственна строгая симметрия, художник в «Орнаменте моего народа» изобразил их переплетение, наслаивание друг на друга, словно, воссоздавая его исторический путь развития и влияние разных культур. Яркая и самобытная гамма цветовых контрастов традиционного тувинского расписного орнамента, который, по словам С. И. Вайнштейна, сформировался на основе «полной цветовых контрастов природы Тувы с ее почти всегда чистым изумрудно-синим небом, ослепительно ярким солнцем и непередаваемыми непрерывно меняющимися от зари к закату красками гор и степей — то пламенеющими и густыми, то нежными и прозрачными» (Вайнштейн, 1967: 51), звучит в картине с одной стороны, как ода культуре тувинского народа, а с другой репродуцирует свойства орнамента как этнознакового кода (Шайгозова, Наурзбаева, Нехвядович, 2024).

Все пространство картины «Тос карак» (2013) (*фото 8*) Шоя Чурука занимает *тос карак* (девятиглазка). Деревянная ритуальная ложка *тос карак* с удлиненной ручкой, с помощью которой, по одной версии в старину тувинские женщины обращались с молитвами к Солнцу (Кенин-Лопсан, 2006: 40), а по другой, ею пользовались только тувинские шаманы (Дыртык-оол, 2020: 40). Ими разбрызгивались чай и молоко в качестве жертвоприношения духам неба, духам покровителям шаманов. Верхняя часть ложки имеет девять углублений, а на картине художник изобразил их в виде стилизованных девяти глаз. Многократная формула «глаз», несомненно, усиливает эффект молитвы девяти сакральным элементам тувинского мировоззрения: Солнцу, Земле, Воде, Дереву, Стреле, Огню, Орлу, Маралу и Медведю.

Символический язык картины «Чырык» (2010) (*фото 9*) суггестивен. И, прежде всего, этому способствует интересное композиционное решение в построении текста — соединение вертикальной и горизонтальной ракурсов видения символического пространства изнутри юрты. Следует помнить, что сама пространственная целостность юрты органично сочетает вертикальную и горизонтальную проекции мира. Вертикальный модус от центра юрты устремлен к ее куполу, который олицетворяет небесный уровень мироздания, символизирует пространство Дома. Внутренняя крестовина, вписанная в круг купола, семантически и визуально отсылает к архетипам знака солнца. В горизонтальной проекции сакральное место — *дөр* — место божества в юрте. Две визуальные проекции акцен-

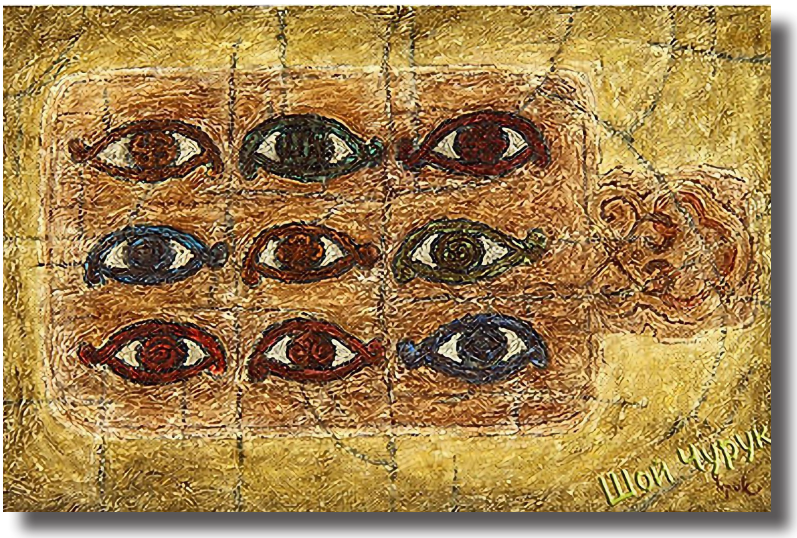

Фото 8. Фрагмент картины Ш. Чурука «Тос карак», 2013 г. Холст, масло. Фото из личного архива художника.
Photo 8. Fragment of a painting by Sh. Churuka "Tos Karak", 2013. Oil on canvas. Photo from the artist's personal archive.

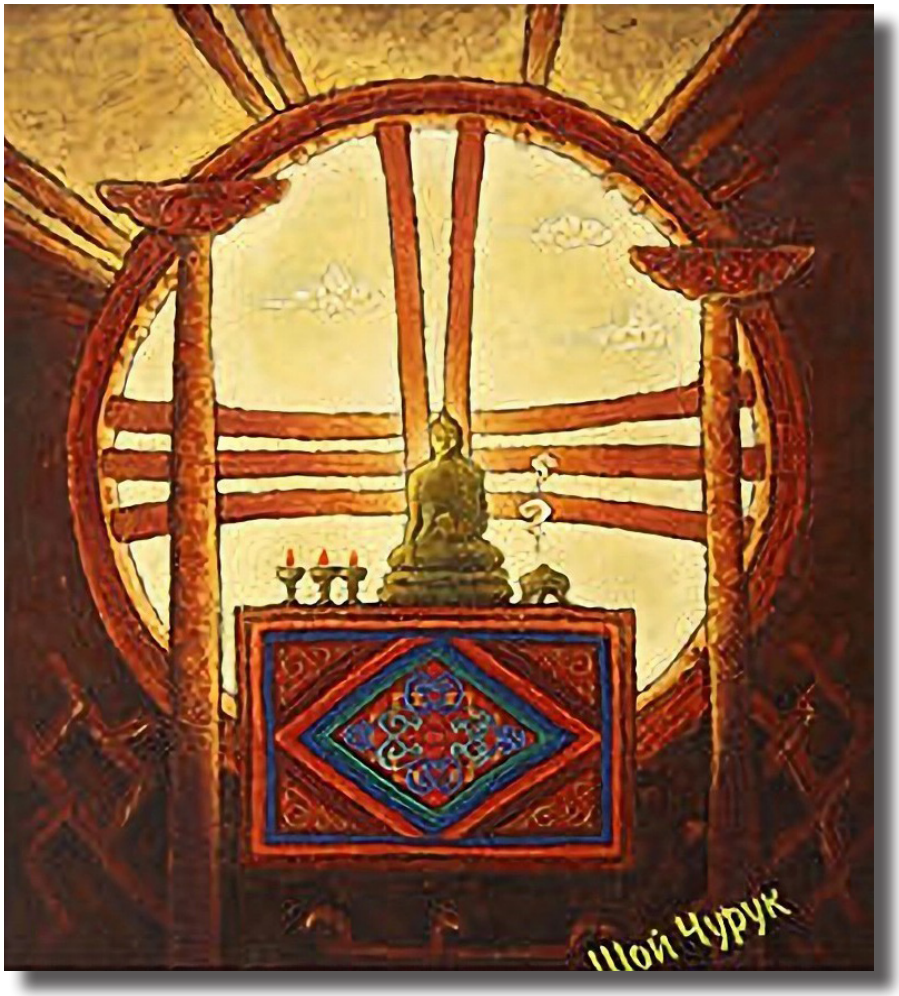

Фото 9. Фрагмент картины Ш. Чурука «Чырык», 2010 г. Холст, масло. Фото из личного архива художника
Photo 9. Fragment of a painting by Sh. Churuka "Chyryk", 2010 Canvas, oil. Photo from the artist's personal archive

тированно сходятся на символических центрах духовных основ тувинского народа. Шою Чуруку удалось совместить не только разные проекции зрения в одном полотне, но и продемонстрировать связь сакральных центров тувинской юрты, которые «служат узлами связей, местами защиты и управления»[1].

Буддийский алтарь — *Бурган ширээзи* в проекции круга символического небесного светила и композиционно указывают на духовный центр картины мира. Атрибуты алтаря на традиционном расписном сундуке — *аптара* вносят нотку этнографизма. С. И. Вайнштейн пишет, что в тускло освещенной юрте сундуки и кровать с яркой праздничной ковровой орнаментацией были главным украшением жилища скотовода-кочевника, и поэтому они особенно ценились (Вайнштейн, 1974: 119). Подпирающие купол два деревянных шеста — *багана*, также принадлежащие к предметной атрибутике юрты, отсылают к их сакральному значению, восходящему к универсальному символу Мирового Древа. Текст этой работы Шоя Чурука многомерен с точки зрения его интерпретации как выражения «чувства места», что созвучно гипертекстуальности современного художественного видения.

Подытоживая анализ работ известного тувинского художника Шой Чурука, можно с уверенностью утверждать, что его авторский стиль, его творчество значимы как обретение современным искусством тюркских народов нового художественного языка. Перформативность, характерная для его стиля, манифестирует не только «общую память», но и разные культурные пласты духовной истории тувинского народа.

Несомненно, творчество Шоя Чурука как хранителя и создателя культурных смыслов побуждает интерес современников — тувинцев, потомков древней культуры — к самопознанию через понимание ценности культурной памяти.

Оралбек Кабоке: визуальное исследование памяти

Главная тема творчества Оралбека Кабоке — культурная память, ее многослойность и способность передаваться от поколения к поколению. Отметим, что привлекаемые для анализа в статье произведения художника демонстрировались в рамках персональных выставок («Birtutas», 2018; «Shezhire», 2023; «Qara Jer» 2025).

Картина «Время и пространство» (2022) (*фото 10*) концептуально решает вопрос времени и пространства в ключе парадокса устойчивости традиционных символов в сменяющих друг друга культурно-цивилизационных эпохах. Фигура всадника силуэтна, в абрисе его фигуры проглядывают вершины гор на фоне голубого неба, где их общее очертание детализировано белым цветом мотивами наскальных рисунков в виде животных, людей и фрагментом колесницы. Прием «взгляд в сквозь» усиливает динамику пространства, которое способствует визуальному ощущению перехода в иное пространство-время, а отмеченная детализация снежных вершин гор различными фигурами, на наш взгляд соединяет прошлое и настоящее.

В отличие от всадника практически реалистично прописан конь, взгляд которого устремлен на зрителя. На темном фоне изображена электронная схема — зеленые линии соединений на фоне платы, символизирующая новое информационное пространство как лабиринт затерянных смыслов. Текст-метафора — так можно описать художественное целое языка этой картины, в которой символ кочевого мира не иллюзорен в отличие от современности, выраженной условным языком схем с потерянным человеческим смыслом. Картина скромна своей цветовой палитрой, создавая тем самым концептуальное пространство иллюзорного, «симулятивного» антропологического присутствия. Традиция жива в культуре. Ее смыслы постижимы. Человек всегда потенциален как постигающий субъект.

Работа Оралбека Кабоке «Небоскреб» (2019) (*фото 11*) аллегорична: стоящий отец, на плечах которого уместился младший сын, перед главой семейства стоит старший сын-подросток, затем беременная мама, у колен которой сидит девочка. Люди расположены тем самым лесенкой. Но название произведения «Небоскреб» вносит иную коннотацию этой визуальной конструкции семьи. Достигающее небес «сооружение» — и есть семья как наивысшее достижение человека. Фокус зрения

[1] Базырчап А.-Х. О. Традиционные верования и святилища (сакральные места) тувинцев: типология и современное состояние: дис. … канд. ист. наук. Кызыл, 2020. С. 187.

Фото 10. Фрагмент картины О. Кабоке «Время и пространство», 2022 г. Холст, акрил. Фото из личного архива художника.
Photo 10. Fragment of O. Kaboke's painting "Time and Space", 2022. Canvas, acrylic. Photo from the artist's personal archive.

Фото 11. Фрагмент картины О. Кабоке «Небоскреб», 2019 г. Холст, акрил. Фото из личного архива художника.
Photo 11. Fragment of O. Kaboke's painting "Skyscraper", 2019. Canvas, acrylic. Photo from the artist's personal archive.

сконцентрирован на созерцании конструкта — семьи как бесконечно растущей и возвышающейся ценности. Визуальное пространство повествования, сосредоточенное на телесной конструкции семьи, вместе с тем содержит валуны и небольшие камни. Эта композиция намекает на социальное окружение как пространство живого и неживого. Вероятен принцип многосмысленности этого текста. Небоскреб как символ пространства мегаполиса создает отчужденность в социальной коммуникации

Фото 12. Фрагмент картины О. Кабоке «Покой», 2019 г. Холст, акрил. Фото из личного архива художника.
Photo 12. Fragment of O. Kaboke's painting "Peace", 2019. Canvas, acrylic. Photo from the artist's personal archive.

и только тесные узы традиционной семьи могут хранить жизненное живое пространство. Другой смысл заключен в понимании валунов в значении балбал-тасов — каменных изваяний, олицетворяющих дух предков, символизирующих молчаливое наследие.

Работа «Покой» (2019) (*фото 12*) монументальна, сидящий в традиционной позе кочевников мужчина — молодой отец. На шее у отца, обняв его голову, расположился маленький ребенок, в руках которого дудочка; другой ребенок на руках отца, третий — в ногах. Все фигуры решены художником в единой стилистике и едином монохромном колорите.

На темно-коричневом фоне как в технике граффито «процарапана» абстрактная композиция с элементами пейзажа, изображения кувшина, телефона, человеческих ладоней и др. Фон картины имеет явные параллели с декором многих поминальных сооружений Мангыстау — полуострова в Западном Казахстане, который передает сюжеты из жизни погребенного в мавзолеях. Приглушенная цветовая гамма картины, ее стилевое решение и фон с граффито демонстрируют соединение прошлого и настоящего, циклический поток времени или, иначе говоря, здесь «семейная память» сливается с коллективной, выражаясь словами А. Ассман в «протяженном временном горизонте», «длительном временном диапазоне» (Ассман, 2014: 19).

На другой картине Оралбека Кабоке «Притяжение отца» (2019) (*фото 13*) художник продолжает тему отцовства. Все полотно композиции занимает огромная голова мужчины, а вокруг с разных позиций к лицу отца прильнули пятеро детей. Здесь, как в предыдущей картине — минимум цвета, на темном фоне «процарапаны» слова на разных языках, связанные смысловым контекстом — «балалар»,

Фото 13. Фрагмент картины О. Кабоке «Притяжение отца», 2019 г.
Фото из личного архива художника.
Photo 13. Fragment of O. Kaboke's painting "Father's Attraction", 2019.
Photo from the artist's personal archive.

«рай», «father», «ask», «children» и другие; встречаются и китайские иероглифы. Сочетание этих слов на одном пространстве-фоне, как и электронная схема на картине «Время и пространство» передает идею глобального мира, в котором живут человеческие ценности.

В марте 2025 г. в Государственном музее искусств им. А. Кастеева Оралбек Кабоке провел очередную персональную выставку под символическим названием «Qara Jer». Этот концепт в казахской культуре многозначен: от прямого значения определения цвета земного покрова до символического — земное бытие. Слово *қара* у тюркских народов означает не только черный цвет, но и несет «дополнительную семантическую нагрузку: имеет метафорические и коннотативные значения» (Муратова, 2020: 144). В данном контексте *қара жер* прочитывается в онтологическом смысле как земля «древняя», «священная», «тленная».

На этой выставке художник представил новую работу «Главная молитва» (2025) (*фото 14*). Картина представляет интерес с точки зрения смысла манифестируемого «чувства места»: все полотно картины занимает огромная голова жертвенного барана с крестообразной меткой на лбу. Фон картины яркий алый как цвет крови. По обе стороны головы барана прописан текст молитвы на казахском и английском языках, который виден фрагментами. Традиция нанесения крестообразной метки на лбу жертвенного барана у казахов называется *бастың жолын ашу*, что в смысловом переводе значит — «преподнести голову на удачу». Голова жертвенного барана близка к натуралистичности, но деформирована и создает атмосферу неприятия. Красный фон с прописанными молитвами как антитеза жизнеутверждающему смыслу ритуала жертвоприношения, вершащего смерть.

Концептуальность этой работы Оралбека Кабоке очевидна. Происходит некая деконструкция смысла архаического жертвоприношения и молитвы, обращенной к светлым силам.

Картина «Золотое сечение» (2025) (*фото 15*) представляет неожиданный в своей интерпретации перефраз универсального закона пропорций как кода гармонии. По сине-голубому фону проведена

Фото 14. Фрагмент картины О. Кабоке «Главная молитва», 2025 г. Фото Ж. Н. Шайгозовой, 2025.
Photo 14. Fragment of O. Kaboke's painting "The Main Prayer", 2025. Photo by Zh. N. Shaygozova, 2025.

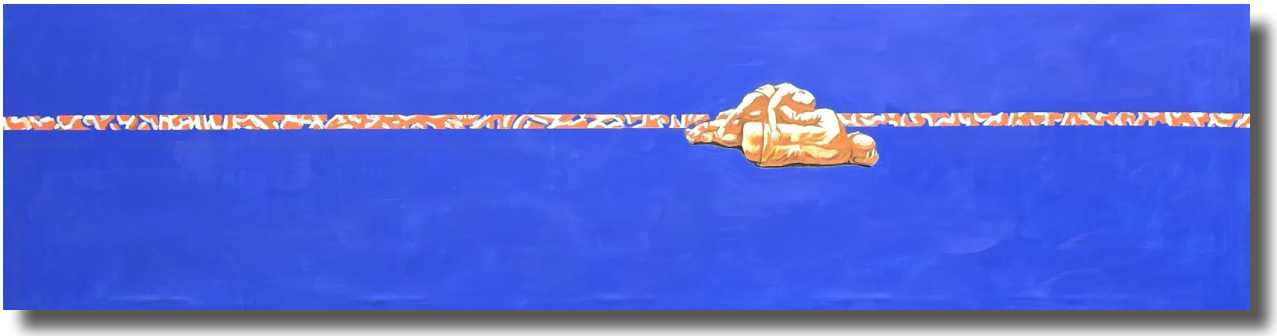

Фото 15. Фрагмент картины О. Кабоке «Золотое сечение», 2025 г. Фото Ж. Н. Шайгозовой, 2025.
Photo 15. Fragment of O. Kaboke's painting "The Golden Section", 2025. Photo by Zh. N. Shaygozova, 2025.

линия условного горизонта в виде цепочки, на которой лежат обнявшиеся отец и маленький сын. Концепт «золотое сечение» в этом контексте получает значение не пространственной универсалии, а гуманистическое — отношение отца и сына как божественная гармония.

Произведение Оралбека Кабоке «Найти свое место» (2025) (*фото 16*) была выставлена в рамках «Qara Jer». На темном вибрирующем фоне чуть правее от центра изображен стоящий человек с книгой в руке. Вокруг него в разных позах размещены разные фигуры людей в позах спящего, думающего, страдающего и т. д. Центральная фигура человека с книгой в руке — в поиске своего места в мире людей.

Фото 16. Фрагмент картины О. Кабоке «Найти свое место», 2025 г. Фото Ж. Н. Шайгозовой, 2025.
Photo 16. Fragment of O. Kaboke's painting "Finding your place", 2025. Photo by Zh. N. Shaygozova, 2025.

Метафора духовного поиска как поиска своего места в жизни поднимает проблему онтологического содержания понятия «место».

Смысл названия выставки «Qara Jer» Оралбека Кабоке с художественной точки зрения выступает как поиск перспективных решений и сложных пространственных ходов, а также языка перфоманса, организованного на выставке в виде разделывания по казахским обычаям головы барана и символического бросания последней горсти земли к «могиле отца» на импровизированных холмиках (*фото 17*). По признанию художника в личной переписке с авторами статьи, он, к сожалению, не смог присутствовать на похоронах своего отца и не исполнил сыновий долг. Творческие работы и перфоманс, продемонстрированный на этой выставке, представляют единый замысел художника в призме своего личностного понимания связи с ушедшим из жизни отцом, по-новому осмыслить духовное наследие предков.

Фото 17. Перфоманс с выставки О. Кабоке «Qara Jer», 2025 г. Фото Ж. Н. Шайгозовой, 2025.
Photo 17. Performance from O. Kaboke's exhibition "Qara Jer", 2025. Photo by Zh. N. Shaygozova, 2025.

В целом, творчество О. Кабоке привлекает зрителей и исследователей новым взглядом на проблематику визуального отражения «места памяти».

Современная живопись Тувы и Казахстана в призме творчества Шой Чурука и Оралбека Кабоке

Комплексный культуролого-искусствоведческий анализ творчества современного тувинского художника Шой Чурука и его казахского «vis-a-vis» Оралбека Кабоке отчетливо демонстрирует мысль, высказанную итальянским искусствоведом С. Бурини о том, что никакая другая эпоха в истории человечества не была так занята проблемами памяти, как наша (Бурини, 2014: 71).

Точками сопоставимого или общего в творчестве этих художников в контексте теории культурной памяти можно назвать как минимум два аспекта. Во-первых, сознательно потаенное и одновременно откровенное моделирование духовно-эстетического наследия и традиций кочевой общности. Все это осуществляется путем актуализации в их творчестве ключевых архетипов, символов и знаков кочевых тюрков, что свидетельствует о жизнеспособности культурной, творческой памяти, хранящей огромный потенциал этой семиотически насыщенной картины мира. На полотнах Ш. Чурука и О. Кабаке это, прежде всего, горы и камень — символы вечности, орнаменты как этнознаковые коды, сакральные животные — конь и баран, юрта — семья и нерушимая вера в Высшие силы, их покровительство в виде Вечного Неба[1] или персонализированных божеств.

Во-вторых, объединяющим их творчество фактором служат смелые художественные эксперименты в поисках композиционных решений и совмещении разных пространственных ракурсов видения объектов; обращение к полихрому — пластичному и богатому, а также к монохрому — монументальному и многозначному в своей простоте.

Отмеченное сходство в творческом обличье Шой Чурука и Оралбека Кабоке заключает в себе и в настоящем удерживает их живопись в поле общерегиональной традиции, в которой, как отмечали М. Ю. Шишин, С. М. Белокурова и Д. Уранчимэг на примере искусства Монголии — художники в разных аспектах включают достижения и находки традиционного искусства в свое творчество: это может быть цветовое и композиционное решение, семантические соотношения или сюжетные ходы (Шишин, Белокурова, Уранчимэг, 2017: 209).

На различия между двумя «художниками смысла» тувинца Шой Чурука и казаха Оралбека Кабоке в творчестве в целом и, в частности на концептуальное постижение культурной памяти, оказал влияние один из важнейших факторов, отличающих культуру тувинцев от казахской — духовно-мировоззренческие основания шаманизма и буддизма одних, и симбиоз тенгрианства и ислама — других. К примеру, у Ш. Чурука — это, прежде всего священный буддийский алтарь («Чырык», 2010), а О. Кабоке — ритуал жертвоприношения («Главная молитва», 2010). Этот фактор определяет особенности и видение культурной памяти в творчестве Шой Чурука и Оралбека Кабоке.

Безусловно, художественное прочтение, творческая интерпретация культурной памяти, исходного «места» своей идентичности, у каждого художника, безусловно, индивидуальны, что диктуется их стилевыми и жанровыми предпочтениями. Но особенность структуры культурной памяти, к которой обращен творческий взор, не может не влиять на результат ее художественного осмысления.

Поэтому у каждого художника свой подход к «чувству места», свой способ «притяжения места», свое понимание, постижение культурной памяти. Содержательно тексты Шоя Чурука написаны языком древних знаков и символов, которые в новом, нетрадиционном композиционном решении получают современную форму выразительности коллективной памяти. Работы Оралбека Кабоке «говорят» преимущественно в пространстве мира человеческих судеб в призме субъективной памяти. Безусловно, каждый человек носитель индивидуальной и коллективной культурной памяти. В картинах Оралбека Кабоке — диалектика личного и коллективного создает пространство универсального и единичного.

Не вызывает сомнений, что сравнение работает и применительно к художественному языку. Так, память получила отражение и в художественном языке мастеров. У Шой Чурука он явственно

[1] Выражение «Вечное Небо» заимствовано у З. Наурзбаева. См.: Наурзбаева З. Вечное небо казахов. Алматы: СаГа, 2013.

декоративный и утонченный, а у Оралбека Кабоке — масштабный и монументальный. Это, думается, можно объяснить спецификой традиций народного искусства обоих народов и, в первую очередь, орнаментального. Анализ тувинского декоративно-прикладного искусства, отмеченные особенности его орнаментальной системы в трудах С. И. Вайнштейна (Вайнштейн, 1967, 1974) и О. Х. Ноозун (Ноозун, 2016), позволяет говорить, что выразительность рисунка изображаемого, эффект рельефности, игра светотени, умелое сочетание чистых интенсивных цветов со смягченными полутонами в полотнах Шоя Чурука — родом из этой традиции. Каждый из этих отмеченных элементов изобразительного языка художника может стать предметом исследования творчества современных тувинских художников, сохраняющих преемственность традиционного цветового моделирования.

Как было отмечено выше, у Оралбека Кабоке мы видим масштабность и монументальность, что сродни иконографии казахских войлочных ковров — *текемет и сырмақ*. Именно их лаконичность в форме и колористическом строе, укрупненные узоры, стремление занять все композиционное пространство воспроизводится в работах художника. Эта особенность творчества О. Кабоке и ряда других художников Казахстана также может стать отдельной темой исследования, которая наиболее рельефно способна высветить разноликость тюркской культуры, художественные признаки которой несут в себе значения и смыслы картины мира каждого народа. По емкому утверждению М. Торопыгиной: если художник выбирает какую-либо возможность изображения, это не просто возможность воззрения на мир (Anschauung der Welt), но способ мировоззрения (Weltanschauung) (Торопыгина, 2016: 123). То есть, различные формы художественно-цветовых конструкций отражают и различные представления об устройстве мира.

Заключение

Раскрытие особенностей художественного освоения культурной памяти в творчестве Шой Чурука и Оралбека Кабоке как представителей живописной школы Тувы и Казахстана XXI в. показало, что их творчество служит выразительным примером генерирования новых художественных текстов, образованных «общей памятью». Духовные ориентиры кочевой культуры в их творчестве не только «оживают», но оживляют художественный процесс, в котором память выступает, изрекая словами М. Ю. Лотмана, не как «пассивное хранилище», а действующий «текстообразующий механизм» (Лотман, 1992: 202). Оба художника наследники кочевой цивилизации, владеющие навыками «перевода» культурной памяти в пространство нового символического и метафорического языка живописи.

В целом, большой исследовательский интерес представляет изучение других аспектов и закономерностей «работы памяти» в искусстве XXI в. на примере творчества художников Центральной Азии. Особенно, на наш взгляд, перспективен этот поиск в языке художественных текстов и его элементах — цвете, форме, ракурсе.

Благодарности

Авторы искренне благодарят Ш. У. Чурука и О. Кабоке за предоставленные фотографии своих произведений и пояснения по некоторым вопросам исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ассман, А. (2014) Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М. : Новое литературное обозрение. 328 с.

Ассман, Я. (2004) Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М. : Языки славянской культуры. 368 с.

Байыр-оол, М. С. (2013) Юрта в тувинской традиционной культуре // Новые исследования Тувы. № 2. С. 67–79.

Белокурова, С. М. (2019) Константы кочевой культуры в творчестве художника Шоя Чурука // Искусство Евразии. № 3 (14). С. 105–114.

Белокурова, С. М. (2023) Образ Гэсэра в творчестве художников XX–XXI веков: к постановке проблемы // Искусство Евразии. № 2 (29). С. 32–41.

Бируни, С. (2016) Культурная память как семиотический механизм в искусстве // Память как объект и инструмент искусствознания: сборник статей / сост. Е. А. Бобринская, А. С. Корндорф. М. : Государственный институт искусствознания. 384 с. С. 70–79.

Бредис, М. А., Ломакина, О. В., Борисова, А. С., Лазарева, О. В. (2022) Числовой код тувинской лингвокультуры в пословицах (на фоне ряда тюркских и монгольских языков народов России) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 276–293. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.20

Вайнштейн, С. И. (1967) Орнамент в народном искусстве тувинцев // Советская этнография. № 2. С. 45–61.

Вайнштейн, С. И. (1974) История народного искусства Тувы. М. : Наука. 224 с.

Дыртык-оол, А. О. (2020) Ритуальный предмет тос-карак как артефакт музейной культуры // «Ермолаевские чтения»: материалы IV научно-практической конференции (19 июня 2020 г.) / отв. ред. А. К. Тамдын. Кызыл : Изд. отд. НБ им. А. С. Пушкина РТ. 188 с. С. 38–43.

Ергалиева, Р. А. (2017) Трансформация культурной традиции в современном искусстве Казахстана // Ученые записки / Алтайская государственная академия культуры и искусств.; редкол.: Е. А. Полякова и др. Барнаул : Изд-во АГИК. 271 с. С. 209–213.

Ерекешева, Л. Г. (2021) Религия и искусство репрезентации: символизм зооморфного стиля в Центральной Азии // Новые исследования Тувы. № 1. С. 6–29. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2021.1.1

Жанабаев, К. (2018) Тюркский миф в эпосе, обряде и ритуале. Алматы: Қазақ университеті. 125 с.

Кенин-Лопсан, М. Б. (2006) Традиционная культура тувинцев. Кызыл : Тув. кн. изд-во. 232 с.

Кобжанова, С. Ж., Шарипова, Д. С. (2024) Трансмедиальные связи в визуальной культуре: фотография в живописи и проектах современного искусства Казахстана // Saryn. № 4. С. 62–80.

Кокумбаева, Б. Д. (2020) Культ предков у казахов: Аруахи, Коркыт Ата, Торе // CONCORDE. № 1. С. 70–89.

Кыргыс, З. К. (2002) Тувинское горловое пение: этномузыковедческое исследование. Новосибирск : Наука. 236 с.

Ламажаа, Ч.К. (2019) Геокультурные образы буддийского мира тувинцев: исторический контекст и современность // Новые исследования Тувы. № 3. С. 27–40. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2019.3.3

Лотман, Ю. М. (1992) Память в культурологическом освещении. Избранные статьи : в 3 т. Таллин : Александра. Т. 1. 479 с. С. 200–202.

Муратова, Р. Т. (2020) Историко-этимологический аспект изучения тюркского цветообозначения «карачерный» // Вестник Башкирского университета. № 1. С. 142–147.

Мустафина, Р. М. (1992) Представления, культы, обряды и у казахов. Алма-Ата : Казак университеты. 192 с.

Наксыл, М. Д., Санчай, Ч. О. (2019) Историческая живопись С. К. Лангзы в собраниях Национального музея Тувы // Новые исследования Тувы. № 2. С. 46–58. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2019.2.4

Ноозун, О. Х. (2016) Тувинское декоративно-прикладное искусство: вехи историко-культурного наследия. Кызыл : ОАО «Тываполиграф». 153 с.

Өөвүс. Возвращение тувинской юрты (2022) / под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. Кызыл : б. и. 85 с.

Ритуальные ленты и флаги в тувинской культуре (2024) / под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. Кызыл : Издательство Тувинского государственного университета. 195 с.

Сузукей, В. Ю. (2009) Пространство и время в традиционной культуре тувинцев // Новые исследования Тувы. № 1–2. С. 250–267.

Торопыгина, М. (2016) Иконолог в кинематографе «Фантазия» и стиль в интерпретации Э. Панофского // Память как объект и инструмент искусствознания: сборник статей / сост. Е. А. Бобринская, А. С. Корндорф. М. : Государственный институт искусствознания. 384 с. С. 120–129.

Хертек, А. С. (2022) Развитие пейзажной живописи в Республике Тыва // «Ермолаевские чтения»: материалы IV научно-практической конференции (19 июня 2020 г.) / отв. ред. А. К. Тамдын. Кызыл: Изд. отд. НБ им. А. С. Пушкина РТ. 188 с. С. 119–126.

Шайгозова, Ж. Н., Наурзбаева, А. Б., Нехвядович, Л. И. (год) Семиотический базис казахской культуры: орнамент как этнознаковый код // ΠΡΑΞΗΜΑ. Проблемы визуальной семиотики. Вып. 1 (39). С. 120–142. DOI: https://doi.org/10.23951/2312-7899-2024-1-120-142

Шайгозова, Ж. Н., Нехвядович, Л. И. (2024) Цветовая символика в современном изобразительном искусстве Казахстана // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. № 66. С. 221–228.

Шевцова, А. А. (2016) Этничность и традиционализм в творчестве современных казахстанских художников // Самарский научный вестник. № 2. С. 136–140.

Шишин, М. Ю., Белокурова, С. М., Уранчимэг, Д. (2017) Основные тенденции в современном искусстве Монголии: опыт интерпретации произведений искусства // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 12. Ч. 2. С. 206–210.

Lippard, L. (1997) The lure of the local: senses of place in a multicentered society. New York; London: New Press. 328 p.

Дата поступления: 24.03.2025 г.
Дата принятия: 08.05.2025 г.

REFERENCES

Assmann, A. (2014) *The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 328 p. (In Russ.)

Assmann, J. (2004) *Cultural Memory: Writing, Memory of the Past and Political Identity in the High Cultures of Antiquity*. Moscow, Yazyki slavyanskoi kultury. 368 p. (In Russ.)

Baiyr-ool, M. S. (2013) The yurt in Tuvan traditional culture. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 67–79. (In Russ.)

Belokurova, S. M. (2019) Constants of nomadic culture in the work of the artist Shoi Churuk. *Iskusstvo Evrazii*, no. 3 (14), pp. 105–114. (In Russ.)

Belokurova, S. M. (2023) The image of Geser in the work of artists of the 20th–21st centuries: toward problem definition. *Iskusstvo Evrazii*, no. 2 (29), pp. 32–41. (In Russ.)

Biruni, S. (2016) Cultural memory as a semiotic mechanism in art. In: Bobrinskaya, E. A. and Korndorf, A. S. (eds) *Memory as an Object and Instrument of Art Studies: Collected Articles*. Moscow, State Institute for Art Studies. 384 p. Pp. 70-79. (In Russ.)

Bredis, M. A., Lomakina, O. V., Borisova, A. S. and Lazareva, O. V. (2022) Numeric code of Tuvan linguistic culture in proverbs (against the backdrop of several Turkic and Mongolic languages of the peoples of Russia). *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 276–293. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.20

Vainshtein, S. I. (1967) Ornament in the folk art of the Tuvans. *Sovetskaya etnografiya*, no. 2, pp. 45–61. (In Russ.)

Vainshtein, S. I. (1974) *History of the Folk Art of Tuva*. Moscow, Nauka. 224 p. (In Russ.)

Dyrtyk-ool, A. O. (2020) Ritual item tos-karak as an artifact of museum culture. In: Tamdyn, A. K. (ed.) *Yermolaev Readings: Materials of the 4th Scientific-Practical Conference (19 June 2020)*. Kyzyl, Publishing Department of the Pushkin National Library of the Republic of Tuva. 188 p. Pp. 38–43. (In Russ.)

Ergalieva, R. A. (2017) Transformation of cultural tradition in contemporary art of Kazakhstan. In: Polyakova, E. A. et al. (eds) *Proceedings of Altai State Academy of Culture and Arts*. Barnaul, Publishing House of AGIK. 271 p. Pp. 209–213. (In Russ.)

Erekesheva, L. G. (2021) Religion and the art of representation: symbolism of the zoomorphic style in Central Asia. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 6–29. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2021.1.1

Zhanabaev, K. (2018) *Turkic Myth in Epic, Rite and Ritual*. Almaty, Qazaq Universiteti. 125 p. (In Russ.)

Kenin-Lopsan, M. B. (2006) *Traditional Culture of the Tuvans*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 232 p. (In Russ.)

Kobzhanova, S. Zh. and Sharipova, D. S. (2024) Transmedia connections in visual culture: photography in painting and contemporary art projects of Kazakhstan. *Saryn*, no. 4, pp. 62–80. (In Russ.)

Kokumbaeva, B. D. (2020) Cult of ancestors among Kazakhs: Aruakhi, Korkyt Ata, Tore. *CONCORDE*, no. 1, pp. 70–89. (In Russ.)

Kyrgys, Z. K. (2002) *Tuvan Throat Singing: An Ethnomusicological Study*. Novosibirsk, Nauka. 236 p. (In Russ.)

Lamazhaa, Ch. K. (2019) Geo-cultural images of the Buddhist world of the Tuvans: historical context and modernity. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 27–40. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2019.3.3

Lotman, Yu. M. (1992) Memory in the cultural studies perspective. In: Lotman, Yu. M. *Selected Articles:* in 3 volumes. Tallinn, Aleksandra. Vol. 1. 479 p. Pp. 200–202. (In Russ.)

Muratova, R. T. (2020) Historical and etymological aspect of studying the Turkic color designation “kara-black”. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, no. 1, pp. 142–147. (In Russ.)

Mustafina, R. M. (1992) *Beliefs, Cults, Rites among the Kazakhs*. Alma-Ata, Qazaq Universiteti. 192 p. (In Russ.)

Naksyyl, M. D. and Sanchai, Ch. O. (2019) Historical painting by S. K. Langzy in the collections of the National Museum of Tuva. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 46–58. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2019.2.4

Noozun, O. Kh. (2016) *Tuvan Decorative and Applied Arts: Milestones of Historical and Cultural Heritage*. Kyzyl, Tyvapoligraf. 153 p. (In Russ.)

Lamazhaa, Ch. K. and Suvandii, N. D. (eds) (2022) *Öövüs. The Return of the Tuvan Yurt*. Kyzyl, s. n. 85 p. (In Russ.)

Lamazhaa, Ch. K. and Suvandii, N. D. (eds) (2024) *Ritual Ribbons and Flags in Tuvan Culture*. Kyzyl, Publishing House of Tuvan State University. 195 p. (In Russ.)

Suzukey, V. Yu. (2009) Space and time in the traditional culture of the Tuvans. *New Research of Tuva*, no. 1–2, pp. 250-267. (In Russ.)

Toropygina, M. (2016) Iconologist in the film “Fantasia” and style in the interpretation of E. Panofsky. In: Bobrinskaya, E. A. and Korndorf, A. S. (eds) *Memory as an Object and Instrument of Art Studies: Collected Articles*. Moscow, State Institute for Art Studies. 384 p. Pp. 120–129. (In Russ.)

Khertek, A. S. (2022) Development of landscape painting in the Republic of Tyva. In: Tamdyn, A.K. (ed.) *Yermolaev Readings: Materials of the 4th Scientific-Practical Conference (19 June 2020)*. Kyzyl, Publishing Department of the Pushkin National Library of the Republic of Tyva. 188 p.Pp. 119–126. (In Russ.)

Shaigozova, Zh. N., Naurzbayeva, A. B. and Nekhvyadovich, L. I. (n.d.) Semiotic basis of Kazakh culture: ornament as an ethno-symbolic code. *ΠΡΑΞΗΜΑ. Problemy vizual'noi semiotiki*, iss. 1 (39), pp. 120–142. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.23951/2312-7899-2024-1-120-142

Shaigozova, Zh. N. and Nekhvyadovich, L. I. (2024) Color symbolism in contemporary visual art of Kazakhstan. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv*, no. 66, pp. 221–228. (In Russ.)

Shevtsova, A. A. (2016) Ethnicity and traditionalism in the work of modern Kazakhstani artists. *Samarskiy nauchnyy vestnik*, no. 2, pp. 136–140. (In Russ.)

Shishin, M. Yu., Belokurova, S. M. and Uranchimeg, D. (2017) Main trends in contemporary art of Mongolia: experience of interpreting artworks. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, no. 12, pt. 2, pp. 206–210. (In Russ.)

Lippard, L. (1997) *The lure of the local: senses of place in a multicentered society*. New York; London, New Press. 328 p.

Submission date: 24.03.2025.
Acceptance date: 08.05.2025.

DOI: 10.25178/nit.2025.4.19

Статья

Сравнительный анализ становления и развития этнической печати Гагаузии и Тувы (XX–XXI вв.)

Сабир Р. Мамедов
Бакинский государственный университет, Азербайджан

В статье представлен сравнительный анализ этнической печати гагаузов и тувинцев — двух родственных тюркских народов, исторически проживающие на удаленных в географическом плане друг от друга территориях — в Южной Бессарабии и Южной Сибири. Они находятся в разных геополитических условиях, тем не менее, прошли схожий путь развития. Этнические издания понимаются как газеты, журналы, альманахи, бюллетени, которые выходят на языке данного этноса, освещают вопросы общественной жизни, культуры, распространяют этнические ценности, способствуют самопознанию этого сообщества, его консолидации и мобилизуют на решение предстоящих задач.

Автор рассматривает историю развития гагаузской и тувинской этнической печати с периода зарождения в 1920–1930-х гг., далее — в годы «оттепели», «перестройки» и на этапе демократизации общественной жизни. История печати анализируется на основе широкого социального фона и общественно-политических событий на протяжении века. Проводятся параллели между происходившим в Гагаузии и Туве, выявляются сходства, отмечаются особенности.

Показано, что этнические издания не только всесторонне отражают жизнь своего народа, но в большей степени сами являются основными инициаторами и создателями разнообразных форм и методов укрепления этничности. Отмечается, что этнические издания, объединяющие вокруг себя национальные элиты и огромную часть общества в числе своих читателей, являются также центрами огосударствления и общественного управления.

Сравнительный анализ позволяет утверждать, что в силу относительно большей численности тувинцев, по сравнению с гагаузами, формирования у них устоявшейся этнической элиты, наличия научных кадров, представляющих разные области исследований, а также других возможностей титульного этноса, структура и охват этнической печати тувинцев более развита, что дает ей определенные преимущества.

Ключевые слова: *гагаузы; тувинцы; родной язык; тувинский язык; средство массовой информации; этническая печать; этническое издание; традиция; этническая культура; тюркский мир*

Для цитирования:
Мамедов С. Р. Сравнительный анализ становления и развития этнической печати Гагаузии и Тувы (XX–XXI вв.) // Новые исследования Тувы. 2025. № 4. С. 346-375. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.19

Мамедов Сабир Рза оглы — доктор политических наук, профессор кафедры международной журналистики и информационной политики Бакинского государственного университета. Адрес: Азербайджан, AZ1148, г. Баку, ул. академика Захида Халилова, д. 33. Эл. адрес: sabir.rm@mail.ru

MAMMADOV, Sabir Rza, Doctor of Political Sciences, Professor, Chair of International Journalism and Information Policy, Baku State University. Postal address: 33 Akademika Zakhida Khalilova St., Baku, AZ1148, Azerbaijan. E-mail: sabir.rm@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9176-2569

Article

Comparative Analysis of the Formation and Development of Ethnic Press in Gagauzia and Tuva (20th–21st Centuries)

Sabir R. Mammadov
Baku State University, Azerbaijan

The article presents a comparative analysis of the ethnic press of the Gagauz and Tuvan peoples — two kindred Turkic groups historically residing in geographically distant territories, namely Southern Bessarabia and Southern Siberia. Despite distinct geopolitical conditions, both communities have undergone parallel paths of development. Ethnic publications are understood as newspapers, journals, almanacs, and bulletins published in the language of the respective ethnic group; they address issues of civic life and culture, disseminate ethnic values, facilitate self-awareness of the community, promote its consolidation, and mobilize readers for the resolution of immediate tasks.

The author examines the historical evolution of Gagauz and Tuvan ethnic press from its inception in the 1920–1930s, through the periods of the "thaw", "perestroika", and the stage of democratization of public life. The history of the press is analyzed against a broad social backdrop and in the context of political events across the century. Parallels are drawn between the processes in Gagauzia and Tuva, similarities are revealed, and distinctive features are highlighted.

It is shown that ethnic publications not only comprehensively reflect the life of their people but also serve as principal initiators and creators of diverse forms and methods for strengthening ethnic identity. The study points out that ethnic periodicals, which unite national elites and a vast readership, also act as centers of statehood and public governance.

Comparative analysis allows the assertion that, due to the relatively larger population of Tuvans compared to the Gagauz, the formation of a stable ethnic elite, the availability of scholars in various research fields, and other resources characteristic of a titular ethnicity, the structure and reach of the Tuvan ethnic press are more advanced, conferring certain advantages.

Keywords: *Gagauz; Tuvan; native language; Tuvan language; mass media; ethnic press; ethnic publications; tradition; ethnic culture; Turkic world*

For citation:
Mammadov S. R. Comparative Analysis of the Formation and Development of Ethnic Press in Gagauzia and Tuva (20th–21st Centuries). *New Research of Tuva*, 2025, no. 4, pp. 346-375. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.19

Введение

Бурные процессы глобализации, способствующие ослаблению этнических культур и доминированию влиятельных языков, требуют всестороннего анализа механизмов сохранения идентичности и раскрытия консолидирующей роли этнической печати. Издания, выходящие на родном языке, противостоят процессу ассимиляции и играют важную роль в сохранении культурного разнообразия. Основные угрозы для этничности чаще всего исходят из политического обустройства общества, а также из социальных и правовых взаимоотношений между носителями разных культур, иной раз принадлежащие к тем или иным языковым группам. В противовес внешнему давлению крупных наций, этносы формируют устойчивые средства сохранения и укрепления идентичности. Причем, как показывает научный анализ такие средства самосохранения и культурного возрождения больше всего вытекают из самого этнического бытия и особенностей внутреннего мира данных народов. Лучшим обоснованием данного тезиса является раскрытие конкретных направлений всей системы самоутверждения отдельных родственных этносов, проживающих в совершенно разных географических и геополитических условиях, а также в окружении других народов.

Разумеется, соседствующие и проживающие на близких территориях, а также развивающиеся в единой социально-политической системе одного государства тюркские этносы в относительной степени находились постоянном контакте друг с другом, что оказывало взаимное влияние на схожесть их языка, культуры и социальной жизни. Схожие этнические черты в таком случае вполне понятны. Вызывает большой интерес совершенно другая ситуация, когда этносы, проживающие на невероятно отдаленных друг от друга территориях, в кругу других этносов, не имеющие сколь-нибудь существенных исторических, экономических и социальных связей между собой, тем не менее, каждый в отдельности сохраняет общие родственные характерные черты. К числу таких факторов относятся историческая память, фольклор, внутренняя самоидентификация, образ мышления, общие культурные традиции, обычаи, праздники, обряды, социальная структура, система ценностей, вытекающие из глубины веков и сохранившиеся до настоящего времени, несмотря на потрясающие «бури» в истории или неожиданности общественного водоворота. Такой территориальной и географической разобщенности умело противостоят гагаузский и тувинский этносы. Даже принадлежность к разным подгруппам тюркских языков, отличие экономических условий деятельности гагаузов и тувинцев, несовпадение религиозных воззрений не являются преградой для выявления у них родственных этнических, исторических корней и общей организации духовной жизни.

Следует отметить, что научных исследований, прямо обсуждающих родственность культур и сравнение процессов этнического развития гагаузов и тувинцев, до сих пор не было. Вместе с тем существуют фундаментальные работы, в которых анализируются тюркские корни гагаузов, их связи с другими тюркскими народами (Мошков, 2004; Булгар, Димчогло, 2017), а также общие черты кочевой культуры, характерные для тюркских этносов Евразии, к которым относятся гагаузы и тувинцы. Очень важно проследить внутренний механизм самоутверждения гагаузов и тувинцев, провести параллели между отдельными элементами самосохранения данных этносов и осуществить сравнительный анализ факторов духовного развития, которые нашли свое отражение в истории развития этнической печати.

Для определения общей картины, выделения главных элементов и обоснованного утверждения своих тезисов и теоретических выводов автор счел целесообразным проанализировать и рассмотреть этническую печать Гагаузии и Тувы с периода ее зарождения в начале XX в. вплоть до 2020-х гг. Несмотря на большое отличие территориальных (Южная Бессарабия и Южная Сибирь), экономических, социальных и политических контекстов пребывания гагаузов и тувинцев (в начале XX в. Гагаузия была в составе Румынии, Тува в качестве независимого государства), тем не менее, в их судьбе много общего, что непосредственным образом отразилось в деятельности этнических периодических изданий. Будучи на последующем этапе в составе единого союзного государства, гагаузский и тувинский народы находились в единой политической и информационно-коммуникационной среде, что коренным образом отразилось во всех областях их социально-экономической и культурной жизни. Даже после распада СССР, находясь в составе разных государств, этническая печать этих народов развивалась на основе схожих критериев, что дает возможность провести классификацию и выявить общие составляющие в типологии газет и журналов.

В методологических и исследовательских целях важно определиться и с такими понятиями, как «этнические издания» и «этническая печать». В работах российских и зарубежных авторов каждый из этих терминов охватывают близкие по существу значения, хотя иной раз трактуются с некоторыми отличительными особенностями, связанными с социологическим восприятием «этнос», «национальное меньшинство», «этнические группы» и т. д. (Рыбаков, 2001; Малькова, 2004; Исхаков, 2008; Макарова, 2013; Блохин, 2013; Вебер, 2017).

В целом же «этнические издания» — это газеты, журналы, серийно выпускаемые альманахи, бюллетени, которые выходят на языке данного этноса, освещают вопросы общественной жизни, культуры, распространяют этнические ценности, способствуют самопознанию этого сообщества, его консолидации и мобилизуют на решение предстоящих задач (Барсукова, 2018; Кравченко, Абросимова, 2017). Рост количества печатных органов, выпуск этнических изданий, ориентированных на отдельные слои населения и социальные группы, на определенные территории распространения, а также имеющие разные типологические особенности и служащие развитию этноса, определяется как «этническая печать» (Позина, 2011; Этническая журналистика … , 2017).

Целью данной статьи является выявление схожих и отличительных особенностей этнических печатных изданий, проведение параллелей в направлениях и основных типологических свойствах га-

зет и журналов, выходящих на гагаузском и тувинском языках. Для достижения этой цели поставлены следующие задачи: осветить основные события этнополитической истории Гагаузии и Тувы на всем протяжении XX в., раскрыть историческую необходимость создания первых печатных изданий гагаузов и тувинцев на их родном языке и их развитие в первой половине XX в.; охарактеризовать деятельность этнических изданий данных народов в период «оттепели» и либерализации общественных отношений в соотнесении с развитием языка этносов; показать возможности целостной структуры этнической печати этих родственных этносов в период гласности и перестройки; выявить схожие и отличительные черты современной гагаузской и тувинской периодики.

Объектом исследования является история этнической печати Гагаузии и Тувы. Предметом научного анализа выступают схожие и различительные черты в истории гагаузской и тувинской этнической печати в контексте языка самих изданий.

Осмысление процесса формирования и развития этнической печати Гагаузии и Тувы преподносится автором на основе теории модернизации, предполагающий обновление и совершенствование жизни данных народов, определяющий глубокие социальные перемены и основные факторы общественного прогресса (Ламажаа, 2011). Этот теоретический подход целиком отражает социальные и политические устремления гагаузов и тувинцев, как на начальном этапе зарождения этнических изданий, так и в последующие периоды их развития. Соответствующий теории модернизации, предложенной Ч. К. Ламажаа, общий историко-хронологический метод способствует периодизации истории развития этих регионов, а вместе с тем успешному выявлению характера и особенностей издаваемых здесь газет.

Более конкретный социокультурный подход помогают раскрывать связь этнической печати с государственной политикой, с проблемами повышения этнического самосознания, сохранения и передачи этнокультурных ценностей, укрепления основ идентичности.

Исследование основано на материалах исторических трудов, посвященных этнокультурным основам самоутверждения тувинского и гагаузского народов. Проанализированы фундаментальные исследования по истории зарождения и развития печати Тувы, а также научные данные и важные сведения об этнических изданиях Гагаузии, помещенные в различных сборниках статей, в материалах конференций. Следует учесть и то обстоятельство, что историко-журналистский анализ деятельности этнической печати Гагаузии, с периода ее возникновения и до современного времени еще ожидает своего исследователя. Автор рассмотрел многочисленные научные статьи, материалы периодической печати, которые находятся в открытом доступе, а также в фондах Комратского государственного университета (г. Комрат, Республика Молдова), в электронных базах документов и материалов. В них содержатся интересные данные о сотрудниках гагаузских газет, передаются особенности их выпуска, трудности и, в то же время, огромная мотивация создания этнических изданий. Примером тому является организация юбилейных выпусков газет, подборка фактов из истории печати, опубликованная на страницах газеты «Вести Гагаузии»[1], интервью с создателями гагаузских этнических изданий А. Харламенко-Жековой, Т. Занет[2] и другими. Проанализированы официальные документы, биографические очерки (Чакир, 2005: 25–55; Булгар, 2003), воспоминания журналистов (Костенко, 2005), А. Бюк[3] и других. Ценными источниками являются электронные ресурсы[4], веб-

[1] Мы молоды. Нам только 20 лет! // Вести Гагаузии. 2016. 16 марта С. 1–5.

[2] Жекова о первой печати на гагаузском языке: «у нас была целая команда» (Интервью с А. Жековой) [Электронный ресурс] // Gagauzinfo.md. 2020, 5 февраля. URL: https://gagauzinfo.md/news/life/zhekova-o-pervoy-pechati-na-gagauzskom-yazyke-u-nas-byla-celaya-komanda (дата обращения: 27.03.2025); Радиш Н. 31 год назад вышел первый номер газеты «Ana sözü» (Интервью с Т. Занет) [Электронный ресурс] // grt.md. 2019, 14 августа. URL: https://old.grt.md/news/2019/08/14/31-год-назад-вышел-первый-номер-газеты-ана-s/ (дата обращения: 11.03.2025); Terzi E.Todur Zanet: bän yazêrım onu, neyi duyêrım, hem ölä, nicä duyêrım! (Интервью с Т. Занет) [Электронный ресурс] // Ana sözü. 2013, 29 июня. URL: https://anasozu.com/todur-zanet-ban-yazerim-onu-neyi-duyerim-hem-ola-nica-duyerim/ (дата обращения: 11.03.2025).

[3] Бюк А. Путь в профессию // Вести Гагаузии. 2016, 16 марта. С. 4.

[4] 64 года назад. Как появилась гагаузская письменность? [Электронный ресурс] // Gagauzinfo.md. 2021, 30 июля. URL: https://gagauzinfo.md/index.php/news/life/64-goda-nazad-kak-poyavilas-gagauzskaya-pismennost (дата обращения: 27.03.2025); «Русская гагаузка»: счастливый шанс для языка. Анна Харламенко о Людмиле Покровской [Электронный ресурс] // Laf.md. 2024, 28 марта. URL: https://laf.md/2024/03/28/русская-гагаузка-счастливый-шанс-дл/ (дата обращения: 27.03.2025); Комрат — Кишинев — Тирасполь: «В составе унитарной Молдавии Приднестровье давили и душили бы, так же, как и Гагаузию» [Электронный ресурс] // Регнум. 2008, 12 июня. URL: https://regnum.ru/article/1014122 (дата обращения: 27.03.2025).

архивы, составленные на основе газетных публикаций[1]. Весомую поддержку исследователям оказывает электронный архив газет «Ana Sözü» («Слово матери»)[2] и «Hakikatın sesi» («Голос истины»)[3], а также сами электронные версии периодических изданий[4].

Огромный пласт аналитической информации по теме данной статьи содержится в публикациях тувиноведения. Автор проанализировал многочисленные монографии, книги, научные статьи, диссертационные работы исследователей, посвященные отдельным периодам истории Тувы, а также раскрывающие деятельность политических партий, общественных организаций, движений, их руководителей, ведущих государственных и политических деятелей, исторических личностей республики.

Для полного уяснения деятельности этнической печати Тувы необходимо было проанализировать языковую и информационную политику Тувинской Народной Республики (ТНР), освещенную в научных исследованиях А. К. Сат (Сат, 2013), И. В. Отрощенко (Отрощенко, 2015), Н. М. Моллерова (Моллеров, 2013) и др.

Существенное значение имело также изучение характера межэтнических отношений в Туве, что нашло отражение в официальных статистических данных[5] и работах П. К. Дашковского, Е. А. Шершневой, У. П. Бичелдей, А. В. Монгуш (Дашковский и др., 2022), Г. Ф. Балакиной и З. В. Анайбан (Балакина, Анайбан, 1995), Ч. М.-Х. Тензин (Тензин, 2019) и др.

Задачи научного исследования требовали глубокого осознания сущности перестроечных процессов и тенденций современного развития тувинского общества. В этом ключе, многие интересные факты освещены в воспоминаниях Ч.-Д. Б. Ондара[6], а также в материалах А. Байыр-оол[7] и др.

Для исследователей истории печати несомненную ценность представляет справочно-библиографический материал М. С. Маадыр и Седип-оол М. М. (Маадыр, Седип-оол, 2020), с указанием газетных фондов Национального архива Тувы и характеристикой периодических изданий, играющий роль научного путеводителя для ученых. Особую значимость представляют научные исследования, результаты социологических опросов, анализ читательской аудитории этнической печати, тематика газет и журналов, представленные Тувинским институтом гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований (ТИГПИ). Сами научные журналы данного исследовательского центра, находящиеся в открытом доступе, дополняют и усиливают аргументированность выводов.

Автор проанализировал номера литературно-художественного альманаха «Улуг-Хем», выпущенные в разные годы и размещенные сегодня в открытом доступе на сайте Национальной библиотеки Республики Тыва[8], ознакомился с важными материалами газет «Шын», «Тыванын аныяктары»,

[1] Рождение Гагаузии: день за днем [Электронный ресурс] // Веб-архив MoldovaNova. URL: https://web.archive.org/web/20140322013230/http://www.moldovanova.md/ru/publications/show/45 (дата обращения: 27.03.2025).
[2] Gazetamızın arhivı [Электронный ресурс] // Веб-архив Ana sözü. URL: https://anasozu.com/gazetamizin-arhivi/ (дата обращения: 27.03.2025).
[3] İki peet 2022 [Электронный ресурс] // Viktor Kopuşçu. URL: https://kopuzsesi.wordpress.com (дата обращения: 27.03.2025).
[4] «Ana sözü» [Электронный ресурс] // Ana sözü. URL: https://anasozu.com/ (дата обращения: 27.03.2025); «Хакикатын сеси» [Электронный ресурс] // Viktor Kopuşçu. URL: https://kopuzsesi.wordpress.com/gazeta/ (дата обращения: 27.03.2025); «Гугушчук» [Электронный ресурс] //Gagauz literatura kartası. URL: https://glk.md/ge/books/jurnallar/gugu-uk-6-2022/ (дата обращения: 27.03.2025).
[5] Межэтнические отношения. Информация о межэтнических отношениях в Республике Тыва [Электронный ресурс] // Официальный сайт Агентства по делам национальностей Республики Тыва. URL: https://нацполитика-тыва.рф/mezhetnicheskie-otnosheniya/ (дата обращения: 28.03.2025); Отчет об итогах работы Агентства по делам национальностей Республики Тыва за 2022 год [Электронный ресурс] // Официальный сайт Агентства по делам национальностей. URL: https://нацполитика-тыва.рф/ob-agenstve/otchety/ (дата обращения: 28.03.2025).
[6] Ондар Ч.-Д. Б. Тува. 1990 год. Как формировалась новая власть после первых демократических выборов — глазами участника этих выборов [Электронный ресурс] // ИА Тува-Онлайн. 2013, 22 апреля. URL: https://www.tuvaonline.ru/2013/04/22/tuva-1990-god-kak-formirovalas-novaya-vlast-posle-pervyh-demokraticheskih-vyborov-glazami-uchastnika-etih-sobytiy.html (дата обращения: 26.03.2025).
[7] Байыр-оол А. Члены Народного фронта Тувы «Хостуг Тыва» отметили 10-летие со дня его I организационного съезда [Электронный ресурс] // ИА Тува-Онлайн. 2002, 15 мая. URL: https://tuvaonline.ru/2002/05/15/chleny-narodnogo-fronta-tuvy-quot-hostug-tyva-quot-otmetili-10-letie-so-dnya-ego-i-organizacionnogo-sezda.html (дата обращения: 26.03.2025).
[8] Литературно-художественный альманах «Улуг-Хем» / Электронная библиотека «Тувы читающая» [Электронный ресурс] // URL: https://tuva-library.ru/elektronnaya-biblioteka?c=4 (дата обращения: 25.03.2025).

«Сылдысчыгаш» и других. Большим подспорьем послужили также электронные версии этнических газет Тувы[1].

Обзор литературы

История формирования и развития этнической печати Гагаузии и Тувы изучена далеко не в равной степени. В то время как деятельность периодической печати Тувы, начиная с периода ее зарождения и до последних десятилетий, являлась объектом фундаментальных научных исследований; становление и развитие системы печатных органов Гагаузии изучена довольно отрывочно.

Общие и концептуальные проблемы истории развития периодической печати Тувы рассматриваются В. С. Кан (Кан, 2021). Как результат многолетних плодотворных исследований, в ее работе раскрывается история становления и развития тувинской печати, освещается многогранная деятельность печатных изданий. Зарождение и формирование системы печати Тувы рассматривается в работе Е. Т. Тановой (Танова, 2006). Журнальная периодика является объектом серьезного исследования М. С. Маадыр (Маадыр, 2009). О. Д. Якимов раскрыл закономерности развития печати национальных регионов Сибири и Дальнего Востока (Якимов, 2000).

Межнациональные отношения в Туве, проблемы этнокультурного развития, факторы сохранения этничности являются основной целью исследований М. В. Монгуш (Монгуш, 2010), З. В. Анайбан, М. Н. Губогло, М. С. Козлова (Анайбан, Губогло, Козлов, 1999), Ч. К. Ламажаа (Ламажаа, 2016), В. Н. Лексина (Лексин, 2019) и В. С. Донгак[2]. Формирование централизованной системы управления в 1920-1930-е гг., массовые репрессии против представителей национальной интеллигенции, лам в 1930-е гг., судебные процессы над представителями первого состава правительства Тувы освещаются в работах Е. М. Ондар (Ондар, 2016), И. В. Отрощенко (Отрощенко, 2012), О. Ю. Иргит[3]. В ходе научного исследования отдельных периодов истории развития Тувы автором были использованы также работы А. Кужугет и М. Татаринцевой (Кужугет, Татаринцева, 1993), О. П. Оюн[4] и других авторов.

Сравнительный анализ этнической печати Гагаузии и Тувы предполагает также всестороннее исследование общественных процессов, происходящих на территориях проживания гагаузов в Южной Бессарабии, охватывающих часть междуречья Днестра и Прута, а также определенные районы в низовьях Дуная. Весьма важно проанализировать обширную литературу по истории и общественной мысли региона, выявить основополагающие факторы этничности гагаузов (Чакир, 2005а); Ангели, 2007; Мошков, 2004; Булгар, Димчогло, 2017).

Документы и справочные издания, относящиеся к разным периодам развития национального региона, также содержат небезынтересные данные социально-экономического и культурного возрождения Южной Бессарабии (Кендигелян, 2009). Вопросы этнотерриториального развития нашли свое отражение также в диссертационных исследованиях П. М. Пашалы[5] и А. Г. Нягова[6].

Проблемы становления периодической печати Гагаузии в определенной мере затрагивались учеными-литературоведами. Фундаментальный труд М. Н. Губогло (Губогло, 2004) охватывает вопросы духовного развития гагаузов, раскрывают языковую связь родственных и других соседствующих этносов.

Непосредственно ярким фактам создания и выпуска печатных органов Гагаузии посвящены публицистические статьи, опубликованные на страницах газет и журналов разных лет, воспоминания редакторов, издателей и других представителей СМИ.

Таким образом, данное научное исследование имеет все признаки новизны.

[1] Шын. Главная страница [Электронный ресурс] // Шын (газета). URL: https://shyn.ru/ (дата обращения: 27.03.2025); Тыванын аныяктары. Главная страница [Электронный ресурс] // Тыванын аныяктары (газета). URL: http://anyiaktar.ru/ (дата обращения: 27.03.2025); Сылдысчыгаш. Главная страница [Электронный ресурс] // Сылдысчыгаш (газета). URL: https://syldyschygash.ru/ (дата обращения: 27.02.2025 — 25.03.2025).

[2] Донгак В. С. Этническая идентичность тувинцев : автореф. дисс. … канд. соц. н. СПб, 2003.

[3] Иргит О. Ю. Политические репрессии в Тувинской Народной Республике в 1921–1944 гг. : автореф. дисс. … канд. ист. н. Иркутск, 2019.

[4] Оюн О. П. История становления и развития многопартийности в Республике Тыва: в 90-е гг. XX в. — начало XXI вв.: автореф. дисс. … канд. ист. н. Кызыл, 2011.

[5] Пашалы П. М. Социально-экономические и этнокультурные основы самоутверждения Гагаузии как этнотерриториального региона Республики Молдова: автореф. дис. … канд. ист. н. М., 2009.

[6] Нягова А. Г. Роль неправительственных организаций в становлении гражданского общества в полиэтничной Гагаузии: автореф. дис. … канд. ист. н. М., 2008.

Особенности политической истории Гагаузии и Тувы

В соответствии с целями и задачами научного анализа, а также для полноты восприятия факторов, влияющих на общественную жизнь данных этносов и печатные издания, выходившие на их родных языках, необходимо в сжатой форме охарактеризовать политическую историю Гагаузии и Тувы на всем протяжении XX в.

Гагаузия всегда была в гуще региональных и политических событий. Находясь в составе Российской империи в начале XX в., гагаузы в силу своих этнических задач всецело симпатизировали революционным идеям переустройства общества. В период первой русской революции территория проживания гагаузов была охвачена крестьянским восстанием, в результате чего на короткий отрезок времени была даже провозглашена Комратская Республика. Активными деятелями революционного движения в этот период были Н. Хаджи, С. Сырбу, Д. Маджар, Ф. Болфосов, П. Николаев, И. Поркграс и др.[1] Немаловажно, что важнейшим требованием восставших было преподавание родного языка этноса в учебных заведениях. Провозглашение Комратской Республики и выдвижение демократических требований говорило об этнополитической зрелости гагаузов. Несмотря на то, что царское правительство жестоко расправилось с руководителями национально-освободительного движения, тем не менее, это событие сыграло исключительную роль в дальнейшей борьбе данного этноса за свои права и явилось «побудительной силой в развертывании борьбы за национальное и социальное освобождение» (Туфар, 2015: 54).

В годы Первой мировой войны вся Южная Бессарабия оказалась прифронтовой зоной, что тяжелым бременем отразилось на жизни местного населения. В последующем, гагаузы активно участвовали в революционных событиях 1917 г. Уже в декабре того же года по инициативе группы революционеров из Комрата в Кишиневском Совете рабочих, солдатских и крестьянских депутатов обсуждался вопрос о провозглашении Гагаузско-Буджакской Республики[2].

Борьба гагаузов за национальную автономию была прервана оккупацией этих территорий Румынией в январе 1918 г. Согласно соглашению между РСФСР и Румынией от 5–9 марта 1918 г. Румыния была обязана в двухмесячный срок вывести свои войска из Бессарабии. Однако она не выполнила свои обязательства и аннексировала эти территории. Гагаузы и представители других этносов, проживающих в этом крае, неоднократно выступали против румынских властей. Подтверждением тому явились Хотинское 1919 г. и Татарбунарское 1924 г. восстания против оккупантов. Советская Россия со своей стороны никогда не признавала захват Южной Бессарабии Румынией. В июне 1940 г. советское правительство потребовало от Румынии освободить Бессарабию и северную Буковину, население которой исторически были связаны с Россией. Румынские войска были вынуждены покинуть эти территории. В начале августа 1940 г. основные районы проживания гагаузов были включены в состав только что созданной Молдавской ССР, в то же время определенная часть этого этноса оказалась в составе Украинской ССР.

С началом Великой Отечественной войны Гагаузия, как и в целом, вся Молдавия была оккупирована немецкими и румынскими войсками. Жесточайший фашистский режим поставил под угрозу само существование малых народов, в том числе гагаузов. Осуществлению идеи румынского диктатора Антонеску расселить и ассимилировать гагаузский народ помешал ход военных действий на фронтах Великой Отечественной войны и полный крах плана «блицкриг». Сам гагаузский народ внес посильный вклад в дело разгрома фашизма.

Богатая непреходящими событиями была полна в XX в. и этнополитическая история тувинцев. В начале прошлого столетия Тува, находящаяся под оккупацией Циньской империи, переживала процесс подъема этнического самосознания. В результате революционных событий 1911–1913 гг. в Китае была свергнута династия Цинь, что способствовало усилению национально-освободительного движения в Туве и Монголии, завершившееся изгнанием китайских чиновников. Передовые представители тувинского этноса нередко обсуждали идею национальной самостоятельности, однако внутренние и внешние условия не способствовали ее осуществлению. В 1914 г. был установлен российский протекторат над Тувой, согласно которому Урянхайскому краю (старое название Тувы) за-

[1] Из истории гагаузского народа [Электронный ресурс] // Сайт Научно-исследовательского центра Гагаузии им. М. В. Маруневич. URL: http://www.gbm.md/index.php/kratkaya-istoriya-gagauzov (дата обращения: 12.03.2025).
[2] Там же.

прещалось вступать в какие-либо сношения с зарубежными странами; более того, местные кожууны обязывались решать возникающие между собой споры только на суде царского представителя в крае (История Тувы, 2007: 12).

Протекторат России над Тувой, продолжившийся до Октября 1917 г. фактически явился переходным периодом для создания независимого тувинского государства. Под влиянием революционных потрясений этнические процессы в Туве приняли новое очертание и наполнились иным содержанием. Период с 1917 г. по 1921 г. в Туве происходили бурные процессы, связанные с гражданской войной в целом по всей России и стремлением тувинцев жить в независимом государстве. В июне 1921 г. передовые представители тувинского народа провели совещание в поселке Чадан Урянхайского края и приняли решение о необходимости провозглашения независимости Тувы. В августе 1921 г. была провозглашена Народная Республика Танну-Тува (впоследствии названная Тувинская Народная Республика), принята Конституция и утверждены государственные атрибуты.

Вместе с тем формирование структуры государственного управления и политической системы независимой Тувы сопровождалось небывалыми трудностями. Если Тувинская Народная Республика была провозглашена одним составом образованной тувинской знати, вполне готовой к эволюционным реформам, то в 1929 г. к власти в стране пришли, в основном, большевистски «подкованные» выпускники КУТВа, которые сначала возглавили Тувинскую народно-революционную партию (ТНРП), а затем, сосредоточив в своих руках всю полноту власти, объявили о коммунистическом пути развития для страны.

Отрицание исторического опыта, усиление авторитаризма, характерное для тех лет, сопровождалось претензиями ТНРП на всю полноту власти в стране. Возрождение независимого тувинского государства происходило под сильным идеологическим влиянием российских большевиков и при непосредственном участии представителей СССР, что совершенно неоднозначно воспринималось на всей территории Тувы (Монгуш, 2010: 83–87; Отрощенко, 2012: 76–83). Об острых противоречиях между политическими силами страны свидетельствует и частая смена Конституции страны в 1920-х гг. До 1929 г. были приняты «три Конституции, что свидетельствует о немалых трудностях на пути государственного строительства в ТНР» (История Тувы, 2007: 157).

Усиление позиций «левых» сил в конце 1920-х — начале 1930-х гг. привело к форсированным социалистическим преобразованиям без учета вековых традиций тувинского народа и с перегибами. Жесткое администрирование, вмешательство партийных органов в хозяйственную жизнь аратов, преследование лам, бывших чиновников сопровождалось народным недовольством и вооруженными восстаниями.

Руководство Тувы вынуждено было провозгласить «новый политико-хозяйственный курс», который позволил в определенной степени отойти от «аратской» диктатуры. Однако большевистская верхушка ТНРП не довольствовалась вторичной ролью в управлении страной и всячески боролась за первенство в системе власти. Такое соперничество сопровождалось массовыми репрессиями и насаждением культа личности (там же: 401).

Несмотря на все эти трудности, общая социальная направленность общественного обустройства дала возможность тувинскому народу добиться больших успехов в деле ликвидации безграмотности, подготовки национальных кадров, формирования системы просвещения и здравоохранения, развития этнической культуры.

Тесные советско-тувинские связи в целом способствовали развитию структуры государственного управления Тувы, созданию необходимых условий для решения предстоящих задач. Особенно наглядно проявилось это в годы Великой Отечественной войны.

Начиная с этого периода, тувинцы оказались в общей политической системе советского государства. Необходимо отметить, что в том же 1944 г. в информационное пространство СССР включились и территории проживания гагаузов, которые были освобождены от немецко-румынского фашизма в результате успешного наступления советских войск в Бессарабии.

Единая система политических ценностей и принципов регулирования межэтнических отношений создавали одинаковые условия для развития этничности у гагаузов и тувинцев. Тем не менее, тувинцы в этом плане имели ряд явных преимуществ. В период существования независимого тувинского государства в 1921–1944 гг. сформировалась целостная система государственного управления

разными сферами жизнедеятельности общества: высшие органы власти, в том числе министерства образования, культуры, их соответствующие структуры на местах. С 1936 г. действовал музыкально-драматический театр-студия, в октябре 1942 г. был создан Союз писателей Тувы[1].

Необходимо учесть и такой важный фактор преимущества тувинцев: Тува была включена в состав РСФСР в качестве национально-территориальной единицы (Тувинской автономной области), чего нельзя было сказать, к сожалению, о гагаузах в составе Молдавской ССР. Выступая на первых порах в качестве автономной области, с 1961 г. Тува стала уже автономной республикой — Тувинской АССР. Вполне понятно, что такой статус создавал более широкие возможности для развития языка, культуры и просвещения этноса.

Здесь уместно напомнить о неоднократных требованиях представителей гагаузской интеллигенции под руководством известного ученого И. И. Мещерюка, направившем 3 обращения первому секретарю ЦК КПСС Н. С. Хрущеву о необходимости создания в крае национально-территориальной автономии (Губогло, 2004: 74–80).

Хотя гагаузы в советский период и не имели своей автономии, тем не менее, они в относительной степени могли развивать свою культуру и родной язык. Несмотря на существование строгих границ дозволенного в развитии этноса, были достигнуты определенные успехи в области литературы и искусства, также действовали творческие коллективы, музыкальные ансамбли.

Вместе с тем аморфная политическая идея создать единую социалистическую общность людей — советский народ — далеко не учитывала интересы и запросы представителей разных этносов. Именно этим объясняется тот факт, что с началом «перестройки» стали возвышаться голоса о необходимости широкого использования родных языков этносов.

Углубление и всеобщее расширение процесса гласности в стране сопровождалось активизацией и политической жизни гагаузов. По инициативе представителей творческой интеллигенции в марте 1988 г. был создан дискуссионный клуб «Гагауз Халкы» («Гагаузский народ»). Вскоре появились и другие общественные объединения «Бирлик» («Единство»), «Ватан» («Родина»), «Миллет санжысы» («Боль народа») (Ангели, 2007: 519). В мае 1989 г. все эти организации объединились в этническом общественном движении «Гагауз Халкы», стремившейся создать национальную автономию в крае (Кендигелян, 2009: 158–165).

Схожие общественные процессы наблюдались и в Туве, сопровождавшиеся появлением разнохарактерных объединений и движений, которые проводили многотысячные мероприятия с этническими требованиями. Вскоре на арену политической борьбы вышли «Народный фронт Тувы» (1989 г.), «Хостуг Тыва» («Свободная Тува») (1991 г.), «Народная партия суверенной Тувы» (1991 г.), которые явились активными катализаторами общественной жизни (Кужугет, Татаринцева, 1993: 8–10).

Перестроечные процессы в Молдавии сопровождались резким усилением этничности. 12 ноября 1989 г. состоялся чрезвычайный съезд гагаузского народа, на котором была провозглашена Гагаузская Советская Социалистическая Автономная Республика в составе Молдавской ССР (Ангели, 2006: 38). Однако это решение было отклонено Верховным Советом Молдавии. 19 августа 1990 г. в административном центре области, где компактно проживают гагаузы — в Комрате, состоялся съезд депутатов, представляющих выборные органы разного уровня, здесь же была провозглашена Гагаузская Республика (там же: 63–64).

Правительство Молдавии выступило против решения национальных сил гагаузского народа и выдвинуло в данный регион армейские части, а также радикальные националистические группировки. В результате возникла большая общественно-политическая напряженность, чреватая непредсказуемыми последствиями. Противостояние, которое могло привести к вооруженным столкновениям, было прекращено вмешательством России. 27 августа 1991 г. Молдавская Республика провозгласила свою независимость. Политические требования гагаузов продолжались оставаться на политической арене дня. 23 декабря 1994 г. парламент Молдавии принял закон «О Земле Гагаузии» с предоставлением особого статуса данной области. Согласно этому закону Гагаузия получила внутреннюю независимость и право принимать законы, не противоречащие молдавским законам, самостоятельно организовывать свою экономическую и социальную жизнь (Ангели, 2007: 562).

[1] Союз писателей Республики Тыва. Краткая историческая справка [Электронный ресурс] // Министерство культуры Республики Тыва. URL: https://culture-tyva.ru/soyuz-pisatelej-respubliki-tyva/kratkaya-istoricheskaya-spravka/ (дата обращения: 12.03.2025).

Глава автономного края Гагаузия — Башган (глава), который также — является членом правительства Республики Молдова. Действует высший законодательный орган Гагаузии — Халг Топлушу (Народное собрание). Гагаузия имеет свою государственную символику, гимн и герб. В автономном крае три официальных языка: гагаузский, русский и румынский[1].

Судьбоносные перемены в эти годы происходили и в Туве. В 1990 г. была принята Декларация о государственном суверенитете советской республики Тува. Спустя несколько месяцев, в мае 1991 г., согласно решению Съезда народных депутатов РСФСР Тува приобрела статус союзной республики — Тувинской ССР. При этом была внесена соответствующая поправка в конституцию Российской Федерации. В августе 1991 г. в ответ на антиконституционный путч в Москве Верховный Совет республики переименовал Тувинскую ССР в Республику Тува и принял в связи с этим соответствующие законодательные акты. Последнее название «Республика Тыва» (синонимы — «Республика Тува», «Тува») было закреплено в 1993 г. на республиканском референдуме.

Значимые политические процессы, происходившие в Гагаузии и Туве, непосредственным образом влияли на развитие этнической печати в этих регионах. Небезынтересно, что новые веяния в политической жизни народов на всем протяжении XX в., словно индикаторы, давали о себе знать в деятельности газет и журналов и прямым образом способствовали появлению новых изданий на родном языке этноса.

Этническая печать первой половины XX в.

Зарождение и формирование печатных изданий на языках тюркских народов, проживающих в составе России и на сопредельных с ней регионах, можно рассматривать, с одной стороны, как общий процесс становления всего тюркского мира, с другой — как важный фактор консолидации и развития непосредственно отдельной общности, являющейся коренным населением того или иного края (Мошков, 2004). Народы, разделяющие общую судьбу, сталкиваются, как правило, схожими вызовами и политическими катаклизмами, которые ведут к активизации общественной процессов (Якимов, 2000).

В начале XX в. появление этнических печатных изданий на территории бывшей Российской империи главным образом явилось результатом революционных событий и в особенности массового протестного движения 1905–1907 гг. Выпуск газет: на азербайджанском языке «Гуммет» («Энергия») в Баку в 1904 г., на татарском — «Нур» («Свет») в Петербурге в 1905 г., на чувашском — «Хыпар» («Весть») в Казани в 1906 г., на языке саха — «Саха дойдута» («Якутский край») в Якутске в 1907 г. и других, явилось проявлением интеллектуальных возможностей каждого этноса и его стремлением к обновлению и общественному развитию.

В зависимости от сложившейся ситуации в каждом регионе представители этнической интеллигенции по-разному подходили к решению насущных задач. Особым образом это проявилось у представителей гагаузского народа. Учитель Кишиневской мужской духовной семинарии, а также известный священнослужитель М. Чакир в 1904 г. обратился с письмом к руководству Русской православной церкви с просьбой разрешить ему издание религиозной газеты на гагаузском языке. После получения соответствующего разрешения он начал печатать и распространять двухстраничную религиозную газету в Кишинёве. Первый номер православной миссионерской газеты, которая получила название «Хакикатын сеси» («Голос истины»), вышел в 1907 г. (Чакир, 2005а, 104). Параллельно с этим М. Чакир выступил также инициатором создания переводной комиссии в Кишиневе. В течение короткого времени эта общественная организация перевела на гагаузский язык основные религиозные книги православной церкви («Евангелие», «Псалтирь», «Часослов», «Акафист», «Святые в истории») (там же: 105). Основная цель М. Чакира заключалась в необходимости убедить своих соотечественников в том, что выполнение религиозных обрядов на родном языке будет способствовать осознанному выполнению духовных правил и в то же время побуждать национальные чувства и общие интересы народа. Газета «Хакикатын сеси», как в последующем писал сам М. Чакир, печаталась «славянскими и русскими буквами» (там же: 104). Знакомство с текстом одной из страниц газеты, которая была обнаружена и опубликована известным исследователем и крупным политическим деятелем Гагаузии С. Булгаром, позволяет утверждать, что М. Чакир использовал кириллицу с добавлением отдельных знаков и латинских букв (Булгар, 2003: 27).

[1] АТО Гагаузия [Электронный ресурс] // Официальный сайт Исполнительного комитета АТО Гагаузии. URL: https://www.gagauzia.md/ru/ato-gagauziya/ (дата обращения: 12.03.2025).

После румынской оккупации территорий проживания гагаузов М. Чакир сумел «своевременно и адекватно реагировать на все изменения в социальной и культурной жизни, чтобы развитие и совершенствование его народа продолжалось» (там же: 31). М. Чакир и другие представители интеллигенции целиком сосредоточилась на проблемах сохранения этнической культуры, вероисповедования и образования, поскольку гагаузы столкнулись в этот период с невиданным профашистским процессом «румынизации» (Ангели, 2007: 403–405; Булгар, Димчогло, 2017: 168–175).

В связи с новой политической реальностью М. Чакир «позаботился о внедрении в гагаузскую письменность латинской графики» (Булгар, 2003: 31). К сожалению, номера газеты «Хакикатын сеси» утеряны и до сих пор не обнаружены, именно поэтому мы вынуждены опираться на вторичные источники. 8 ноября 1931 г. по случаю 50-летия учительской и священнической деятельности М. Чакира в церкви Орфелинат был прочитан подготовленный В. Касымом адрес-обращение к нему от имени гагаузов, в котором содержатся отдельные данные о религиозной газете «Хакикатын сеси». В благодарственном послании, обращаясь к М. Чакиру, отмечалось: «И сейчас, в преклонном возрасте, Вы каждый месяц посылаете гагаузам миссионерские листки, чтобы просвещать их добрым наставлением» (Чакир, 2005a: 106). Миссионерским листком гагаузы называли тогда религиозную газету «Хакикатын сеси» (Булгар, 2007: 144).

В период, когда Гагаузия была оккупирована Румынией, М. Чакир также написал и издал несколько книг на тему этничности гагаузов. В их числе особо выделяются «История гагаузов Бессарабии» (Чакир, 2005a: 80–108), «Свадебные обряды гагаузов» (Чакир, 2005b: 109–112), гагаузско-румынский словарь (1938). Заостряя внимание на этнической неповторимости гагаузов, проживающих в обособленном положении вдали от других тюркских народов и соседствующих с совершенно иными этническими группами, М. Чакир в «Истории гагаузов Бессарабии» писал: «Гагаузы не греки-урумы, не болгары и не румыны, не русские, не турки-сельджуки, не куманы, но тюркского рода, происходят от древних тюрок-узов, тюрок-огузов, как утверждают профессор Иречек, Мошков, академик Радлов и профессор Манов» (Чакир, 2005a: 94). М. Чакир несомненно понимал, что развитие чувства этнической самоидентификации является краеугольным камнем осознания других характерных черт этноса.

Как отмечал современник М. Чакира, редактор румынского журнала «Viata Basarabiei» («Жизнь Бессарабии») Н. Костенко, издательская деятельность неутомимого гагаузского просветителя, а также выпуск газеты «Хакикатын сеси», продолжалась вплоть до его смерти в 1938 г. (Костенко, 2005: 79).

Волею судеб гагаузы оказывались в гуще бурных региональных процессов. Факторы нестабильного развития региона, вторжения румынских и немецких войск в Бессарабию самым непосредственным образом мешали консолидации гагаузского этноса. В таких условиях представителям гагаузской интеллигенции было трудно, конечно, предпринимать яркие шаги на пути этнического развития. Интеллектуальные устремления этноса были сосредоточены на сохранении народных традиций, фольклора, соблюдения обрядов. Гагаузские православные священники, в особенности М. Чакир, путем распространения газеты «Хакикатын сеси», религиозной литературы сыграли роль апостолов этничности.

Поистине судьбоносные события в плане создания этнической печати происходили в Туве в 1920-е гг. После провозглашения независимости перед тувинцами остро стояли вопросы государственного строительства и общественного развития. Своеобразным ориентиром для местных сил в этих условиях выступала обособленно действующая согласно межправительственному соглашению между советской Россией и Тувой Русская самоуправляющаяся колония. Эта административно-управленческая структура целиком находилась под влиянием российских большевиков, которые осознавали большую роль печати в процессе мобилизации общества для решения предстоящих задач.

В 1924 г. в Русской самоуправляющейся колонии при поддержке советской России был организован выпуск газеты «Красный пахарь» (Танова, 2006: 17). Необходимость организации информационных отношений между властями и местным населением, идеологическая обработка масс, стремление подчинить людей централизованному управлению, задачи формирования «нового человека» выдвинули идею издания газеты для местного населения. Особо остро стоял вопрос о языке будущей газеты, поскольку отсутствовала тувинская письменность. Небезынтересно, что сотрудники редакции «Красный пахарь» предложили печатать газету кириллицей, более того они время от времени стали печатать на страницах своего издания отдельные заметки на тувинском языке, используя русский шрифт. Многочисленные факты свидетельствовали о том, что выпуск газеты на родном языке ту-

винцев, применяя кириллицу, вполне подходил поставленным задачам. Однако руководство страны, получившее образование, в основном, в монастырях на тибетском и монгольском языках, решило учесть традиционное использование монгольского языка в делопроизводстве, а также привычность прежней административной работы на местах. В результате этого, первая этническая тувинская газета «Эрх чолоот Танну-Тува» («Свободная Тува») стала печататься на монгольском языке. Готовили газету к выпуску Дарма-Базыр, Цеден-Соднам, Тумен-Байыр, Сагды-Базыр, Феликс Пудалов и другие (Кан, 2021: 49).

Первый номер газеты был выпущен 31 августа 1925 г. (История Тувы, 2007: 140) тиражом 300 экземпляров (Кан, 2021: 50). Здесь были опубликованы приветствия по случаю выпуска издания и перепечатки из известных московских газет. Вполне знаменательным было название самого издания, означающая в переводе «Свободная Тува». Выход первого периодического издания имело огромное значение для страны, оно было воспринято тувинцами с большим воодушевлением. В самых разных уголках страны, араты при поддержке партийных активистов знакомились с содержанием газеты. Повсеместно наблюдался процесс приобщения населения к газетной информации.

Согласно решению пленума ЦК ТНРП от 27 июля 1926 г. газета «Эрх чолоот Танну-Тува» приняла новое название «Танну-Тувагийн үнэн» («Правда Тувы»). Под этим заголовком вышло всего два номера газеты небольшим форматом на 4 страницах и тиражом 700 экземпляров. Оформилась структура редакции, ее отделы, руководил коллективом С. А. Нацов (там же).

Вскоре начали издаваться и два журнала на монгольском языке — «Хувисгалд Ард» («Революционный арат») и «Залуучуудын зорилго» («Задачи молодежи») (История Тувы, 2007: 141). Эти ежемесячные информационные и теоретические журналы, несомненно, занимали важное место в печатной деятельности тувинского правительства, но все же приоритетное место всегда отводилось газете.

Очень важным, на наш взгляд, являлось правовое закрепление в Конституции 1926 г. места и роли печати в тувинском обществе. В специальном подпункте первой главы подчеркивалось, что «в целях обеспечения за трудящимися действительной свободы выражения мнений» (Кан, 2021: 53) правительство предполагает предоставить гражданам необходимых средств издания печатной продукции и свободного ее распространения.

Важнейшим было и принятое в том же году на съезде ТНРП решение о необходимости создания национальной письменности. Однако в силу ряда причин осуществить эту задачу тогда не удалось (История Тувы, 2007: 141). Тем не менее, назревшая сущность этой проблемы осознавалось на всех уровнях власти. Как отмечают исследователи, монгольский язык для тувинцев отличался сложностью восприятия и трудностью письма, поскольку «сложное построение предложений составляли большое неудобство для читателя, притом отсутствовали заглавные буквы и знаки препинания» (Танова, 2006: 20), что также создавало дополнительные трудности в восприятии печатного текста.

В 1930 г. правительство ТНР на основе научных рекомендаций утвердило проект национальной письменности и наметило сроки перевода делопроизводства и печати на тувинский язык. Для обучения новой письменности был создан специальный комитет, а на местах эту работу осуществляли его низовые ячейки. Повсюду в стране были созданы кружки ликвидации безграмотности и курсы письменности, открылись краткосрочные центры подготовки учителей. Параллельно с этим развернулась широкая пропагандистская кампания с привлечением общественных организаций и печатных изданий. В газете «Унэн» («Правда») с начала июля 1930 г. появился уголок тувинской письменности. Здесь публиковались методические советы, рекомендации, как учиться родному языку. Более того, публиковались уроки самостоятельного обучения новой письменности, причем с порядковой нумерацией уроков. Весьма знаменательно, что в процессе распространения новой письменности активизировались сами читатели, которые часто выступали с немаловажными предложениями. Как отмечает исследователь печати В. С. Кан, одна из читательниц газеты посредством рубрики «Мое мнение» справедливо возмутилась оскорбительно звучащему в тувинском языке слову *херээчок* ‘ненужная’ по отношению к женщине. В результате, на основе предложений общественности и ученых женщина на тувинском языке стала называться *херээжен* ‘нужная женщина’ (Кан, 2021: 61).

Применение новой национальной письменности сопровождалось повышением интереса всего населения к периодической печати. В стране началось движение по поименному привлечению лиц к подписке на газеты. На собраниях, в школах и кружках организовывались читки газет. Первая газета, которая начала печататься на основе новотюркского алфавита, была «Тыва араттын шыны»

(«Правда тувинского арата»). Первые две страницы газеты преподносили материалы на этническом языке тувинцев, а третья и четвертая страницы печатались по-прежнему на монгольском. В 1931 г. это этническое издание получило новое название — «Шын» («Правда»), которая полностью стала выпускаться на основе новой письменности. Газета «Шын», которая по образному выражению тувинцев являлась «учительницей родного языка», сыграла незаменимую роль в распространении национальной письменности.

Вскоре появились и другие этнические издания, в том числе еженедельная «Реванэ шыны» («Правда ревсомола») (1933). Спустя некоторое время она стала называться «Аревэ шыны» («Ревсомольская правда») (1936), тираж ее достигал 5500 экземпляров. В 1936 г. вышел первый номер молодежного журнала «Аревэ», а в следующем году — «Революстуг арат» («Революционный арат»). Эти этнические издания формировали грамотную, общественно активную читательскую аудиторию, сосредоточенную на широкое общественное использование родного языка. (История Тувы, 2007: 288)

Национальная письменность положила начало новым жанрам изобразительного искусства: появились газетная и книжная графика, плакат, карикатура и иллюстрация (там же: 294). На страницах этнических изданий печатались первые стихи начинающих тувинских поэтов. В газете «Шын» увидело свет первое художественное произведение на тувинском языке под названием «Рассказ Самбукай» (Кан, 2021: 63).

В свою очередь, внедрение национальной письменности и повышение спроса на газеты и журналы дали широкую возможность правящей партии для целенаправленной идеологической обработки населения. Если учесть, что с конца 1920-х гг. борьба за влияние на управленческие структуры в стране между «левыми» силами и теми, кто в определенной мере терпеливо относился к традиционным ценностям, приобрела непримиримый характер, тогда возрастание значения этнических изданий становилось вполне понятным.

Этническая печать Тувы второй половины 1930-х г. целиком была подчинена задачам форсированного строительства социализма в независимом государстве, «мощным оружием в деле постройки нового общества» (там же) и в борьбе с «правым оппортунизмом» (Ондар, 2016: 160–161). Разоблачение мнимых «врагов народа», «чистка» в рядах правящей партии были довольно частыми темами материалов «Шын» («Правда») и «Аревэ шыны» («Правда ревсомола»), «Хостуг арат» («Свободный арат»), а также журналов «Аревэ» («Ревсомолец») «Революстуг арат» («Революционный арат») и других изданий[1]. В то же время шла идеологическая подготовка тувинцев к присоединению к СССР (Кан, 2014). Начавшаяся Великая Отечественная война в некоторой степени задержала этот процесс.

Таким образом, до присоединения Тувы к СССР в 1944 г., впрочем, и освобождения Гагаузии в том же году от вражеской оккупации и вовлечения ее в эпоху стабильности, этнические издания этих тюркских народов прошли определенный путь в своем развитии. Сравнительный анализ их деятельности позволяет выделить то общее и особенное, которое они внесли в развитие и консолидацию данных этносов.

Схожее. Этнические газеты были учреждены передовыми представителями гагаузского и тувинского народов, интеллектуалами, пробуждающими свое родное сообщество.

Осознание представителями гагаузского и тувинского народов необходимости выпуска этнических изданий говорит глубоком понимании ими мобилизующей и направляющей роли печати в решении насущных задач этничности, в ознакомлении соседних народов с неповторимыми и отличительными чертами своего этноса.

Организаторы гагаузской и тувинской этнической печати всецело осознавали роль газет, выходящих на родном языке в объединении и консолидации этноса, укреплении внутренних связей между членами этноса путем формирования общих интересов. Издатели этнических газет прекрасно осознавали большое значение печатного слова и типографского текста в эффективном воздействии на умы читателей.

Тувинские этнические издания и гагаузская газета «Хакикатын сеси» стремились к формированию активного социального слоя, стремящегося к служению своему народу, выполняли просветительскую роль, распространялись бесплатно (тувинские газеты только на начальном этапе), способ-

[1] Иргит О. Ю. Политические репрессии в Тувинской Народной Республике в 1921–1944 гг.: автореф. дисс. … канд. ист. н. Иркутск, 2019.

ствовали развитию родного языка, обогащению ее словарного состава. Впервые даже был использован лингвоним (глоттоним) *гагаузча* или *гагаузча тюркчья*, обозначающее название гагаузского языка.

Газеты, выходившие на родных языках, являлись неформальными центрами объединения интеллектуальных сил данного этноса. Авторитет и известность издателей, редакторов обладали притягательной силой для других творческих сил этноса. В то же время читатели были очень привязаны к этническим изданиям, переживали за несвоевременный выпуск или закрытие газеты.

Названия первых этнических изданий — «Хакикатын сеси» у гагаузов и «Эрх чолоот Танну-Тува» у тувинцев, говорят о главных целях, преследуемых их издателями на данном этапе деятельности. Перевод названия «Хакикатын сеси» («Голос истины») и главных этнических изданий тувинцев «Тыва араттын шыны» («Правда тувинского арата»), «Унэн» («Правда»), «Шын» («Правда») и других довольно созвучны и говорят о внутренних помыслов двух тюркских этносов (хотя в названиях тувинских газет прослеживалась идейная связь с большевистской «Правдой»).

И гагаузы, и тувинцы имели традиционные религиозные верования. Если гагаузы придерживались православия, то тувинцы в большинстве своем относились к буддизму и шаманизму, но вместе с тем эти этносы не принимали атеистическую политику большевиков. М. Чакира в советское время старались вообще не вспоминать, а многих буддийских лам Тувы большевики либо репрессировали, либо не давали работать, закрывали их храмы. Издавая газету «Хакикатын сеси», М. Чакир стремился соединить православную тюркоязычную общность с ее основным этническим символом, каким являлся родной язык.

Деятельность этнических печатных изданий осложнялась удаленностью населенных пунктов, отсутствием постоянно действующих систем доставки, слабой организацией почтовой службы. Тем не менее, газеты доходили до читателей, вовлекали их в свою информационную орбиту, чему были рады и араты в Туве, и прихожане в Гагаузии.

Отличительное. Необходимо учесть, что анализируемые нами этнические издания выпускались в разных общественно-политических условиях, что накладывало значительный отпечаток на результатах их деятельности. Кроме того, гагаузская газета «Хакикатын сеси» и первые тувинские этнические издания в основном решали совершенно разные задачи.

Первая гагаузская газета «Хакикатын сеси» была миссионерским изданием, начала выходить гораздо раньше, чем тувинская «Эрх чолоот Танну-Тува», выпускалась одним лицом (М. Чакир), по его собственной инициативе, на свои средства, преследовала цель объединения представителей своего этноса посредством распространения православия и ознакомления гагаузов с религиозными обрядами. Тувинские газеты же издавались правительственными служащими, на средства, выделяемые из госбюджета, решали задачи строительства жизни в независимом государстве, обеспечивали информационную связь между властями и населением, преследовали цель претворения в жизнь решений руководства страны, были подчинены задачам идеологической обработки масс.

«Хакикатын сеси» выходила на родном языке этноса с использованием кириллицы, а первые тувинские газеты печатались на монгольском языке. В 1930 г. в Туве была введена новотюркская письменность на основе латинского алфавита. В 1943 г. был узаконен модифицированный кириллический алфавит. Таким образом, после 1930 г. тувинские издания выходили на родном языке с использованием своей этнической письменности. Гагаузы на данном этапе не имели своей официальной письменности.

Вместе с тем, следует учесть, что в первые годы независимости Тувы наряду с официальной письменностью на монгольском языке, в государственном управлении использовался также тувинский язык. Развивалась тувинская литература, проводились первые научные изыскания, что создавало довольно благоприятную социальную среду также для развития этнической печати. Издавались учебники, с 1941 г. стали разрабатывать специальные школьные программы для обучения тувинских детей. В 1944 г. в Туве работали 330 учителей тувинской этнической принадлежности[1].

Тувинцы обладали огромным предыдущим опытом развития этнического самосознания, это имело большую мобилизующую силу. К сожалению, у гагаузов таких ярко выделяющихся факторов эт-

[1] Из истории Тувы: первые школы республики [Электронный ресурс] // ИА Тува-Онлайн. 2024, 2 мая. URL: https://www.tuvaonline.ru/2024/05/02/iz-istorii-tuvy-pervye-shkoly-respubliki.html (дата обращения: 12.03.2025).

нического развития было немного, кроме отдельных исторических фактов. Первые литературные и исторические гагаузские тексты были созданы автором книги «Гагаузы Бендерского уезда (Этнографические очерки и материалы)» В. А. Мошковым в 1895 г., а несколько лет спустя и М. Чакиром (Грек, 2016: 298–301).

Этнические тувинские издания 1920–1930-х гг. внесли огромный вклад в формирование литературного тувинского языка. В то же время нельзя утверждать, что такую же цель ставил перед собой и издатель «Хакикатын сеси» М. Чакир. Для него она не была основополагающей, как справедливо подчеркивает известный ученый И. Ф. Грек. Основной посыл в деятельности М. Чакира был — приверженность гагаузов к православию, осознание гагаузами, что они являются тюркским этносом и имеют отдельные, неповторимые черты этничности (там же: 295). Тувинские этнические газеты же в своей деятельности способствовали развитию родного языка целенаправленно. На их страницах были опубликованы стихи, рассказы, отрывки из эпических произведений, переводы русских классиков.

М. Чакир был в гораздо сложной ситуации в плане выпуска и распространения своей газеты, доставки ее экземпляров до читателей, в отличие от первых печатных органов Тувы, которые доставлялись до местных учреждений и организаций. Местные представители власти содействовали коллективной читке газет, созданию рабселькоровского движения, проведению абонентной подписки. Таких преимуществ и «Хакикатын сеси» не было.

У первых этнических газет гагаузов и тувинцев был совершенно разный типографский формат, издания отличались друг от друга внешним оформлением. Редакции тувинских изданий использовали графику, фотоматериалы, иллюстрации. Судя по имеющимся данным, к сожалению, у М. Чакира таких широких возможностей не было.

К периоду вхождения в СССР в Туве уже сформировалась разветвленная система этнической печати, включавшая в себя издания разных типологических особенностей (общественно-политические, молодежные, специализированные) и предназначенных отдельным социальным группам населения. Кроме общей республиканской периодики, действовали и местные районные газеты, которые издавались на родном языке этноса.

Этническая печать середины XX в.

Этнические издания, входившие в единое информационное пространство, созданное в Союзе, имели определенное преимущество в вопросах финансирования, подписки, распространения, подготовки журналистских кадров, но в то же время должны были учитывать реальные границы возможностей решения проблем этничности. Организация выпусков, основное содержание изданий целиком были подчинены идеологическим установкам правящей партии. Газеты и журналы стали важным средством поддержания новой системы власти, которая осуществляла контроль над всей распространяемой информацией. Главное внимание уделялось не профессионально-творческим качествам журналистов, а их идейно-политическим убеждениям.

Вместе с тем, существующая советская система создавала определенные условия для развития культуры, искусства, просвещения этносов. В 1945 г. так же как и в других регионах страны, в Туве на родном языке этноса появилась газета для детей под названием «Сылдысчыгаш» («Звездочка»). Стало выходить несколько районных газет на тувинском языке, что свидетельствовало о растущих информационных потребностях местного населения: «Колхозчу» («Колхозник»), «Кызыл тук» («Красное знамя»), «Ленинчи орук» («Ленинский путь»), «Чаа амыдырал» («Новая жизнь»), «Буруңгаар» («Вперед») и др. (Кан, 2021: 100–101).

Важным событием в общественной жизни Тувы явилось издание в 1946 г. на языке местного этноса и при поддержке тувинских писателей литературно-художественного альманаха «Улуг-Хем» («Енисей»). Одним из первых его редакторов был известный тувинский писатель Л. Б. Чадамба, сыгравший незаменимую роль в развитии письменности родного языка. Л. Б. Чадамба был первым составителем тувинского букваря «Үжүглел» («Букварь»), который был издан в 1946 г.[1], автором учебни-

[1] Сын Тоджи, Сын Тувы // Биобиблиографический указатель к 100-летию со дня рождения Л. Б. Чадамба / сост. А. Б. Куулар. Кызыл: Типография КЦО «Аныяк», 2018. С. 19.

ков по грамматике родного языка для детей 1–3 классов. В последующие годы он также подготовил учебные пособия «Төрээн чугаа» («Родная речь»), «Төрээн дыл» («Родной язык»). В старших классах тувинских школ занятия по родному языку также вели по учебникам, подготовленным в соавторстве с Л. Б. Чадамба. Его перу принадлежат первый «Русско-тувинский словарь» и «Тувинско-русский словарь», а также «Орфографический словарь тувинского языка». Он принимал непосредственное участие в переводе тувинской письменности с латинской графики на кириллицу[1]. Совмещая научную, просветительскую и творческую деятельность, Л. Б. Чадамба, будучи главным редактором «Улуг-Хем», был также опытным наставником для молодых прозаиков.

Литературно-художественный альманах «Улуг-Хем» служил творческой лабораторией для многих поэтов и писателей. Здесь публиковались С. Сарыг-оол, С. Сюрюн-оол, О. Толгар-оол, Н. Курбатский, А. Пальмбах, А. Горелов, И. Плоткина и др. (Кан, 2021: 119). На страницах альманаха помещались произведения разных жанров: очерки, стихи, рассказы, спектакли. Тем не менее, наряду с публикацией художественных произведений, переводов русских и советских писателей, материалов литературной критики, «Улуг-Хем» имел и идеологическое наполнение, служил строгим идейно-политическим ориентиром для начинающих мастеров пера.

Только лишь во второй половине 1950-х гг., в содержании материалов этнической печати произошла небольшая либерализация. Воспользовавшись относительной «оттепелью» в государственном управлении, представители тувинской интеллигенции стали активно обсуждать вопросы развития этнической культуры, сохранения идентичности и в то же время критиковали советскую политику в этой области. В 1956 г. газеты «Молодежь Тувы», «Тувинская правда» и «Шын» посвятили данной проблеме серию статей. Примечательно, что авторами газетных выступлений были представители разных слоев общества. Прослеживается и тот факт, что редакции газет успешно лавировали, уточняя общественный пульс и выявляя реакцию партийного руководства области на такую постановку вопроса.

Первоначально в газете «Молодежь Тувы» в номере от 5 октября 1956 г. было опубликовано письмо пожилого читателя И. Шоюна, истинного любителя народной музыки и сетовавшего на то, что в учреждениях культуры, артисты театров во время гастролей не используют национальные инструменты, их «не увидишь в учреждениях культуры и клубах» (Кан, 2021: 116). В продолжение этой темы в газете «Тувинская правда» выступил студент консерватории, в будущем известный композитор, А. Б. Чыргал-оол, со своей статьей «Тувинская песня и музыка» (там же). Материал содержал уже обоснованную критику в адрес областного управления культуры и научно-исследовательского института, в сферу деятельности которого входили вопросы национальной литературы, истории и народного творчества.

Без всякого сомнения можно утверждать, что данные газетные выступления вызвали сильный общественный резонанс. В начале декабря того же года газета «Шын» поместила обширную статью молодых ученых В. Ч. Очура и Ш. Ч. Сат, которые заявили о необходимости всестороннего учета этнокультурных потребностей тувинцев[2]. Авторы с большой тревогой указывали на постепенную утрату традиционных ценностей, отмечали недостатки в процессе воспитания молодежи, разрушение основ этнической культуры. Они впервые недвусмысленно заявили об ошибочной официальной политике в области культуры. Ученые выдвигали конкретные предложения по оживлению народной музыки, созданию национального оркестра с использованием тувинских инструментов, организации мероприятий по ознакомлению с традиционными ремеслами, образцами прикладного искусства. При этом авторы статьи неоднократно подчеркивали, что выражают не только свое мнение, но и общее общественное настроение.

Совершенно очевидно, что и редакции газет, и авторы материалов взывали к мыслям и чувствам историков, ученых и представителей творческой интеллигенции, а также рядовых людей, поскольку почва внутреннего недовольства у интеллектуальной части тувинского общества была уже «подготовлена». Важно было и то, что публикация материалов о путях возрождения этнической культуры, усиления исторической памяти, сохранения народных традиций и обрядов продолжалась

[1] Дорогие друзья, сегодня мы познакомим вас с биографией детского писателя Леонида Барандаевича Чадамба [Электронный ресурс] // Сайт Тувинской республиканской детской библиотеки им. К. И. Чуковского. 2020, 14 ноября. URL: https://chukovka17.ru/item/493133 (дата обращения: 17.03.2025).
[2] Кан В. С. Становление и развитие газетной периодики Тувы (1921–1985 гг.): автореф. дисс. … канд. ист. н. Омск, 2007. С. 20.

на протяжении нескольких месяцев. Более того, редакция газеты «Шын» неоднократно указывала на важность обсуждаемых проблем и призывала своих читателей активно участвовать в данной дискуссии. Позиция «Шын» нашла отклик у некоторых тувинских писателей. Как отмечала газета, свою поддержку авторам публикаций выразила М. А. Хадаханэ. Бесспорно, что руководство Тувы было сильно обеспокоено с широко развернувшимся всплеском этничности. По данному вопросу вынужден был публично выступить в печати руководитель области С. К. Тока, а в феврале 1957 г. этот вопрос стоял также специальным пунктом на заседании обкома партии (Кан, 2021: 118).

Свои «кричащие» этнические проблемы в период «оттепели» старались решать и представители гагаузской интеллигенции. Самым больным вопросом было отсутствие национальной письменности, что пагубно отражалось на всем развитии этничности гагаузов, поскольку выпадала мобилизующая роль родного языка в сфере образования, литературы, искусства и этнической печати.

На массовых мероприятиях представителей гагаузского этноса и на научных заседаниях ученых этот вопрос неоднократно выносился на детальное обсуждение. В результате этого, 8 октября 1946 г. по указанию вице-президента АН СССР В. П. Волгина «придавая большое значение изучению этнографии, фольклора, истории и языка гагаузов… была создана особая комиссия» в составе известных ученых Н. К. Дмитриева, С. Б. Бернштейна, И. И. Мещерюка и В. П. Арабаджи (Булгар, 2007: 59). Проблемы гагаузского языка были в центре внимания и зарубежных ученых-тюркологов: В. Зайончковского из Польши (Зайончковский, 1961), В. Дримбы из Румынии (Дримба, 1961, 1962) и др. С просьбой ввести гагаузскую письменность выступали представители трудящихся Чадыр-Лунги и Комрата[1]. Наконец, 30 июля 1957 г. Президиумом Верховного Совета МССР был издан указ о введении письменности для гагаузского языка на основе русского алфавита[2].

Национальная письменность в значительной мере стимулировала этническое самосознание гагаузского народа. В средних школах родной язык стал одним из обязательных предметов, в подготовительных отделениях началось обучение на языке коренного этноса[3]. В том же году в газете «Молдова Сочиалистэ» («Социалистическая Молдавия») стала выходить отдельная страница на гагаузском языке. Здесь печатались исторические материалы, образцы фольклора, подготовленные известными публицистами Н. Танасоглу, Д. Карачобан, К. Василиоглу. Редактором страницы был В. Стефоглу. В 1959 г. появился также литературно-фольклорный сборник «Буджактан сесляр» («Голоса Буджака»), подготовленный Д. Н. Танасоглу (Губогло, 2004: 81). Эта была первая книга, вышедшая на официальном гагаузском языке на основе кириллицы. В сборник были включены наиболее распространенные образцы устного народного творчества — песни, баллады, маани (басни, сказания), сказки, пословицы, поговорки[4].

Тем не менее, ожидания и надежды гагаузов о дальнейших возможностях этнического развития прерывались в связи с несистемностью и отрывочностью наблюдавшейся «оттепели» в СССР. Партийное руководство страны в целом не было готово к формированию либеральной этнической политики, с учетом коренных интересов всех народов и этнических групп.

Такая неуверенность и непоследовательность в проводимой политике на территориях проживания этнических гагаузов в Молдавии проявилась в запрете и отказе от ранее декларируемых решений. В январе 1961 г. волюнтаристским решением партийного руководства обучение на гагаузском языке в средних школах было отменено[5]. Это вызвало неоднозначную реакцию среди населения. Представители гагаузской интеллигенции неоднократно высказывались о необходимости пересмотра данного решения.

Официальные власти были вынуждены считаться с реальной потребностью широкого применения гагаузского языка в общественной жизни края. Спустя некоторое время, в 1969 г. было дано

[1] Cebotari N. Знай свою историю. Как у гагаузов появилась собственная письменность [Электронный ресурс] // Laf.md. 2023, 3 апреля. URL: https://laf.md/2023/04/03/znaj-svoju-istoriju-kak-u-gagauzov-pojavilas-sobstvennaja-pismennost/ (дата обращения: 24.03.2025).
[2] Указ Президиума Верховного Совета Молдавской ССР от 30 июля 1957 г. «О введении письменности для гагаузского языка» [Электронный ресурс] // Gagauzinfo.md. URL: https://gagauzinfo.md/storage/uploads/posts/2020-07/1596092190_116363231_2106715726119910_1886754826013287761_n.jpg (дата обращения: 11.03.2025).
[3] Покровская Л. А. Гагаузской письменности 50 лет // Вести Гагаузии, 2007, 12 октября, С. 3.
[4] Там же.
[5] Гайджаржи Г. Язык и культура гагаузов: вчера, сегодня, завтра // Ленинское слово. 1989, 2 декабря. С. 2.

разрешение на выпуск в качестве приложения к Комратской газете небольшой странички на гагаузском языке под названием «Бурчак дан йерлери» («Утренние зори Бурчака»). Партийное руководство возложило ответственность за выпуск страницы на А. Н. Харламенко-Жекову. Данное приложение выходило до 1976 г. Примечательно, что здесь были опубликованы произведения известных гагаузских писателей Н. Бабоглу, Д. Карачобан и других (Чеботарь, 2019: 9).

В целом, 1960–1970-е гг. в области развития этничности гагаузов происходили положительные сдвиги: организовывались научные изыскания по гагаузской тематике, на местах открывались краеведческие музеи, формировались творческие коллективы, создавались произведения художественной литературы. Гагаузская самобытность привлекала внимание художников, скульпторов, кинорежиссеров, сценаристов. Значительным было и то обстоятельство, что в этот период сформировалась прослойка гагаузской интеллигенции, которая сосредоточилась на этнических ценностях.

Однако в структуре материалов партийно-советской печати того периода, во всех регионах страны основное место отводилось теме промышленности, аграрного сектора, ударным стройкам, выполнению пятилетних планов социально-экономического развития. Такая тенденция наблюдалась как в скудных информационных ресурсах Гагаузии, так и в широкой системе этнической печати Тувы. Жесткий партийный контроль над печатными изданиями, всемерное осуществление политики по созданию единой общности людей — советский народ заставляла этническую печать регионов ограничиваться только такими темами, которые входили в жесткие рамки дозволенного.

Схожее. Либерализация общественных отношений в период «оттепели» благотворно повлияла на развитие этнической печати Гагаузии и Тувы. В 1957 г. начала печататься страничка на гагаузском языке в республиканской газете «Молдова Сочиалистэ». Данное событие непосредственным образом было связано с введением гагаузской письменности. Родной язык гагаузов стал преподаваться в школе. Эти события явились результатом благотворных информационных связей этноса и руководства Союза. Стали выходить книги и сборники на гагаузском языке.

Процесс «оттепели» также способствовал развитию этнической печати Тувы. Появились отдельные ветви в структуре печати: детская газета «Сылдысчыгаш», литературно-художественный альманах «Улуг-Хем», новые районные этнические издания. Либерализация позволяла выносить на обсуждение общества назревшие проблемы культуры, искусства, использования родного языка. Этим были продиктованы публикации в газетах «Шын», «Тувинская правда» и «Молодежь Тувы».

Анализируемые материалы свидетельствуют также о незавершенности процесса либерализации в деятельности этнической печати. Как по всей стране целом, так и в Гагаузии, и в Туве нарушилось информационное взаимодействие читателей и населения с партийным руководством, приведшее к свертыванию начатых преобразований.

Этнические печатно-информационные ресурсы Гагаузии и оформившаяся стройная система этнических изданий Тувы были непосредственным образом связаны с литературно-художественным процессом у данных этносов. Они являлись стимуляторами укрепления этничности в сфере родного языка, литературы и искусства.

Отличительное. В период «оттепели» в Гагаузии только начали создаваться этнические газетные выпуски и приложения («Бурчак дан йерлери») в современном дизайне и оформлении, с определенными средствами распространения и подписки, с возможностями финансирования. В это время в Туве уже действовала устоявшаяся и имеющая многолетний опыт газетно-журнальной практики этническая печать.

Материалы этнических изданий Гагаузии и Тувы на разном уровне ставили и решали вопросы усиления этничности. При довольно осторожном освещении проблем развития этноса у гагаузских издателей, тувинские журналисты, ученые и читатели более критически относились к имеющимся недостаткам в области развития культуры, литературы и искусства, о чем свидетельствуют опубликованные статьи в газетах «Шын», «Тувинская правда» и др.

Этническая печать конца XX — начала XXI в.

Знаменательные события, свидетельствующие о новом этапе «этнического ренессанса» в Туве и Гагаузии, развернулись во второй половине 1980-х — начале 1990-х гг. Либерализация общественных отношений позволила вынести на обсуждение этноса тему усиления роли родного языка.

В Гагаузии стремление населения получать общественную информацию на родном языке усилилось сразу же после принятия курса на перестройку общества в 1985 г. В результате этого уже в следующем году в республиканском издании «Литература и искусство» (г. Кишинев), а также в районных газетах «Ленинское слово» (г. Комрат), «Знамя» (г. Чадыр-Лунга), «Свет Октября» (г. Тараклы), «Путь к коммунизму» (г. Вулканешты) появились отдельные страницы на гагаузском языке (Чеботарь, 2019: 9).

В 1986 г. в средних школах было восстановлено преподавание гагаузского языка как выборочного предмета в старших классах. С 1 сентября 1989 г. в густонаселённых этнических районах края гагаузский язык начал преподаваться в школах уже с первого класса как обязательный предмет. Начали выпускать учебники на гагаузском языке, было принято решение о подготовке преподавателей родного языка в Кишинёвском педагогическом институте.

Духовное возрождение гагаузов требовало также создания этнических печатных органов. Следует учесть, что после прекращения издания газеты «Хакикатын сеси» в 1938 г. у гагаузов не было ни одного самостоятельного печатного органа, выпускавшегося на родном языке. 14 августа 1988 г. в качестве приложения к официальному изданию «Советская Молдавия» вышла газета «Ана сезю» («Слово матери»), тиражом 3000 экземпляров. Это издание считается первым периодическим органом современной Гагаузии (Бюк, 2019: 110).

Уже через год газета «Ана сезю» была представлена читателям как самостоятельное еженедельное издание. Редактором газеты является известный гагаузский поэт и публицист Т. Занет. Его имя знакомо широкой общественности как автора национального гимна гагаузов, утверждённого в 1990 г., а также составителя учебника для изучения алфавита, на основе которого ведется преподавание родного языка в средних школах.

Появление газеты «Ана сезю» стало большим общественным событием в жизни гагаузов. С самого начала своей деятельности газета систематически освещала все значимые общественно-политические, экономические, социальные, культурные, исторические и литературные события, происходящие в родном крае. Особое внимание газета уделяла освещению вопросов формирования этнической идентичности, событиям исторического прошлого. В те дни, когда представители гагаузской интеллигенции выдвинули на всеобщее обсуждение вопрос о необходимости создания национальной автономии, газета «Ана сезю» всемерно способствовала формированию вокруг этой идеи широкого общественно-политического движения. Газета «Ана сезю» в целом осуществляла информационную поддержку требования национально-территориальной автономии гагаузов (Чавдарь, 2016; 50–51).

В начальный период своей деятельности газета «Ана сезю» печаталась на основе кириллицы и имела широкую читательскую аудиторию. Тираж газеты в самой популярный период превышал 70 000 экземпляров. В целом с 1988 по 2011 гг. было выпущено 559 номеров газеты[1].

Начиная с 1993 г. газета печатается на основе латинской графики. Название издания также дается на латинице. Это новшество привело к сокращению числа читателей старшего поколения, сразу же стали давать о себе знать финансовые проблемы, которые накладывали отпечаток на всей работе редакции. В этом смысле очень уместной оказалась всесторонняя техническая помощь газете со стороны российских предпринимателей и Турецкого Агентства сотрудничества и развития.

Перестроечные процессы ярко отразились и в деятельности этнической печати Тувы. На газетные полосы вышли совершенно новые темы, связанные с вопросами тувинской культуры, необходимостью использования родного языка в государственном управлении, с нерадивой деятельностью местных органов, неэффективным использованием бюджетных средств, необъективным распределением финансовых ресурсов между федеральным центром и Тувой, безработицей. Представители творческой интеллигенции, ученые, писатели в своих публикациях требовали расширения сферы использования родного языка, предлагали придать ему статус государственного. В декабре 1990 г. был принят закон о языках, провозглашавший тувинский язык единственным государственным языком Республики, одновременно закреплявший роль русского языка как средства межнационального общения (Боргоякова, Биткеева, 2020: 53).

[1] Объединению гагаузов мешает искусственная молдавско-украинская граница: Гагаузия за неделю [Электронный ресурс] // Регнум. 2008, 12 июня. URL: https://regnum.ru/news/polit/1014122.html (дата обращения: 11.03.2025).

Возрождение этничности сопровождалось созданием новых печатных изданий, отличающихся от прежних газет и журналов, как по своему содержанию, так и по типологическим особенностям. Анализ информационных процессов данного периода свидетельствует о чрезвычайной активности тувинцев по возрождению этничности. Несомненно, здесь сказывалась историческая память этноса, неудовлетворенность в выражении этничности и отсутствием таких возможностей в период господства коммунистической идеологии. Государственная идентичность поэтапно уступала место этнической идентичности (Анайбан, 2024: 841). Притесненная на протяжении долгих лет и существующая только лишь в определенных рамках этничность сразу же решила воспользоваться процессом либерализации и демократизации общества. Этническая активность тувинцев всецело проявилась в создании различных по характеру, политическим позициям, адресованности к определенным группам населения и типологическим свойствам газет и журналов. Происходил процесс превращения интеллектуальных конструкций в социальные, которые ориентируют людей и деятельность социальных институтов (Дробижева, 2006: 95; Ламажаа, 2016: 43).

За короткий период времени появились независимая газета «Туруш» («Позиция»), орган местного отделения общества «Мемориал» — «Каргыштыг чылдар» («Проклятые годы»), газета творческой молодежи «Көжеге» («Занавес»), экологическое издание «Кара-Даштың чаңгызы — Эхо Кара-Даша», литературный альманах «Ак-көк хемнер» (Маадыр, 2009). Начала выходить газеты «Содействие — Деткимче», «Правительственный вестник» — «Чазак Медээзи», «7 дней Тувы — Тыва эрткен чеди хонукта» и другие (Кан, 2021: 144).

Газетный бум начала 1990-х гг., несомненно, являлся ярким показателем духовной жизни тувинского этноса. К сожалению, рамки научной статьи не позволяют охватить деятельность всех этнических изданий Гагаузии и Тувы, поэтому предпочтительнее выявить основные печатные органы, характеризующие различные ветви всей структуры этнической периодики данных регионов. Типологические особенности этих газет и журналов раскрывают богатую палитру общей системы этнической печати.

Рассматривая характерные особенности каждой группы этнических изданий, автор приходит к выводу, что специализированные газеты и журналы в плане возрождения этноса, развития его культуры, языка, искусства, утверждения этнической памяти, воссоздания народных обычаев, традиций имеют большее преимущество по сравнению с общественно-политическими газетами. Характер изданий, ориентирующихся на освещение официальных мероприятий, встреч руководителей страны и республики, вопросов внешней политики, актуальных событий общей культурной жизни страны и региона, не позволяют настоятельно ориентироваться на проблемы этничности. В связи с этим основные задачи данного исследования требуют сосредоточения внимания главным образом на специализированных этнических изданиях, а также газетах адресованных отдельным социальным слоям населения. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что тувинские газеты «Шын», «Тыва Республика» так же как и гагаузские «Мейдан» («Площадь»), «Хакикатын сеси», «Gagauz sesi» («Голос гагауза») играют неоценимую роль в формировании политической ориентации данных этносов.

Важным событием общественной жизни Тувы явилось издание в январе 1991 г. по инициативе Детского фонда и Ассоциации тувинских писательниц газеты «Эне сөзү» («Слово матери») на языке коренного этноса. Небезынтересно, что газета с таким же названием выходила и в Гагаузии, что лишний раз свидетельствует о единой сущности мироощущений и этнических ценностей тюркских народов, проживающих в разных частях Евразии. Как отмечают тувинские исследователи газета «Эне сөзү» в рубриках «Традиции — потомкам», «Богатство души — национальное достояние» и других пропагандировала этничность, знакомила читателей с народными традициями и обычаями, подчеркивала насущные проблемы семьи и незащищенной части общества. Женская газета «Эне сөзү» способствовала повышению общественной и творческой активности читателей, а по своим типологическим особенностям возглавляла одно из направлений в системе этнической печати Тувы (Кан, 2022: 32).

Различные по своему содержанию газеты и журналы в реальности отражали определенные стороны этнической жизни тувинцев. Специализированные издания более глубоко проникали в существо проблем, обогащая духовный мир читателей. В декабре 1990 г. как орган Союза литераторов Тувы прошла официальную регистрацию литературно-публицистическая газета «Уран чогаал» («Литература»). Выступая за свободу творчества, защиты прав человека, создание необходимых условий

для полной реализации потребностей граждан, данный этнический печатный орган позиционировал себя больше всего как оппозиционный источник информации (Кан, 2021: 140).

В лихие перестроечные годы на страницах этнических изданий Тувы представители творческой интеллигенции нередко вовлекались в дискуссии по волнующим тувинское общество темам. Уместно отметить, что творческая интеллигенция всегда была носителем этнических ценностей. Здесь сказывалась сбалансированная позиция тувинских поэтов и писателей, а также издаваемого тувинским отделением Союза писателей СССР литературно-художественного альманаха «Улуг-Хем». Опубликованные на его страницах литературные произведения формировали у читателей художественный вкус, прививали любовь к этническим корням, к истории своего народа, к красоте и великолепию родного края.

В 1990 г. в 26-м номере «Улуг-Хем» был опубликован краткий отчет о X съезде писателей Тувы, который состоялся 6 октября 1989 г. Выступая на съезде, видный ученый и общественный деятель Тувы Ю. Л. Аранчын отметил:

> «Нельзя подходить односторонне к историческому прошлому, все охаивать. Нужно подойти объективно, доказательно, взвешенно, работать с архивами… Требуется переиздания “Истории Тувы” и крупных научных трудов на тувинском языке»[1].

Издательская и этнопросветительская деятельность являлась характерной чертой и творческой интеллигенции Гагаузии. В июне 1996 г. здесь было организовано издание литературно-художественного и исторического журнала «Сабаа йылдызы» («Утренняя звезда»). Учредителем этнического издания являлся Исполнительный комитет Гагаузии. Редактор журнала стал С. Булгар. Тираж богатого разнообразными материалами издания — 3 000 экземпляров. «Сабаа йылдызы» выходит раз в три месяца и играет довольно важную роль в развитии литературного гагаузского языка, освещении различных проблем культурной и социально-политической жизни автономного края, сохранении духовного единства народа[2]. В настоящее время журнал выпускается на основе латинской графики.

Формирование литературно-художественной атмосферы и творческой среды в Гагаузии дали возможность поэту В. Копушчу, известным публицистам Е. Мокану, А. Бюк и другим представителям творческой интеллигенции учредить в 2013 г. «Союз молодых гагаузских писателей». В 2014 г. при непосредственном участии «Союза» стал издаваться литературно-художественный альманах «Огуз сеси» («Голос Огуза»). На страницах этого издания были опубликованы многие произведения молодых гагаузских писателей, поэтов и публицистов. «Союз молодых гагаузских писателей» приобрел большую популярность в тюркском мире и в настоящее время поддерживает творческие связи с представителями интеллигенции других стран[3].

Глубоко осознавая роль и сам процесс этнического самоутверждения человека, тувинские и гагаузские издатели, редакторы, журналисты с неимоверной заботой относятся к воспитанию подрастающего поколения, поскольку, как справедливо отмечала Л. М. Дробижева, «заложенное в детстве чаще всего в той или иной мере влияет на последующие восприятия» (Дробижева, 2006: 94). Учитывая, что элементы национальной идентификации, чувства этнической принадлежности складываются с малых лет жизни человека, представители интеллигенции всегда стараются вовлечь в орбиту этнического влияния детей и подростков.

Путеводной звездой многих поколений тувинцев является детская газета «Сылдысчыгаш». В длительной истории ее издания были большие творческие успехи и неимоверные трудности, вытекающие из идеологических установок и ограничительных мер бюрократов. Совершенно благотворно, что рядом с детской газетой всегда были известные писатели, поэты, ведущие публицисты Тувы: Ш. Ч. Сат, А. А. Шоюн, Д. Д. Аракчаа, О. Д. Сувакпит, К.-Э. Кудажи, К.-К. К. Чооду и другие.

Нельзя не учитывать тот факт, что газета «Сылдысчыгаш» появилась сразу же после вхождения Тувы в состав Союза и основная цель тогдашнего партийного руководства была стремление воспитать подрастающее поколение в духе коммунистических идеалов. Но в реальности эта идея на страницах газеты всегда стопорилась и получала противодействие со стороны творческих сил тувинского этноса. Используя возможности образной передачи информации, публикуя этнические по

[1] На X съезде писателей Тувы (Краткий отчет) // Улуг-Хем (литературный альманах). 1990. № 26. С. 168.
[2] Первый журнал на гагаузском языке // Вести Гагаузии. 1996, 6 июля. С. 3.
[3] Бюк А. Путь в профессию // Вести Гагаузии. 2016, 16 марта. С. 4.

духу свои произведения, поэты и писатели Тувы в полной мере смогли подчинить издание своим замыслам, что вызывало гнев и возмущение партийного руководства. Именно этим обстоятельством можно объяснить тот факт, что, несмотря на противодействие общества, а также многочисленные обращения читателей, ученых, писателей, деятелей искусства, в 1959 г. по явно надуманной причине выпуск газеты был запрещен.

Сложившиеся в период перестройки благоприятные условия позволили представителям творческой интеллигенции, журналистам и редакторам восстановить полноценное издание газеты «Сылдысчыгаш» в 1990 г., причем на замещение должности редактора был объявлен общественный конкурс. Об этом сообщало молодежное издание «Тыванын аныяктары» в номере от 28 декабря 1989 г. (Кан, 2021: 133). Данный шаг лишний раз показывает степень значимости издания для тувинского общества и этноса. газета «Сылдысчыгаш» восстановила свою деятельность и продолжила нумерацию, которая была прервана в первый период ее издания.

Следует отметить, что газета «Сылдысчыгаш» воспринималась тувинским обществом как печатный орган, адресованный не только детям, но и молодежи в целом. Конечно же, здесь сказывалось и то обстоятельство, что с 1960 по 1985 гг. «Сылдысчыгаш» два раза в месяц выпускалась как отдельная страничка молодежной газеты «Тыванын аныяктары». Сама газета «Тыванын аныяктары» на протяжении всей своей деятельности последовательно освещала вопросы этнокультуры, помещала материалы о возрождении народных ремесел, камнерезном искусстве, способах изготовления тувинских музыкальных инструментов, об истории празднования Шагаа, знакомила читателей с содержанием традиционных обрядов и обычаев. На волне демократизации общества одной из ведущих тем молодежной газеты «Тыванын аныяктары», было восстановление исторической правды о массовых репрессиях, которые оставили трагический след в судьбе тувинского этноса. Отзывы и отголоски сфабрикованных судебных процессов против видных представителей тувинской интеллигенции, национальной элиты, религиозных деятелей, лам периодически исходили со страниц молодежного издания (Доржу, Иргит, 2016: 45).

Взаимовлияние и взаимодополнение «Тыванын аныяктары» и «Сылдысчыгаш» создавало благоприятную почву для системного воспитания подрастающего и молодого поколения в духе сохранения и преумножения этнических ценностей. Несомненно, это сказывалось и на характере других изданий.

В 2011 г. детская этническая печать Тувы пополнился интересным журналом «Алдын-Кушкаш» («Золотая птица»). Издателем журнала является известный поэт, публицист А. Шоюн, одновременно являющийся и редактором газеты «Сылдысчыгаш». Коллектив редакции «Алдын-Кушкаш» в 2012 г. начал осуществлять проект под названием «История Тувы глазами детей», преследующая цель ознакомить подростков с историко-культурными памятниками родного края, сформировать у них чувство гордости за свой народ и уважение к представителям других этносов. Опубликованные на страницах журнала материалы, авторами которых были дети разных возрастов, рассказывали об исторических событиях того или иного региона, освещали достопримечательности Кызыла, знакомили с природой края[1].

Важность этнических изданий для детей активно воспринимается и в Гагаузии. В июне 1991 г. редактор газеты «Ана сезю», Т. Занет начал выпускать первый детский гагаузский журнал «Кырлангач» («Сокол»). Издание имело большой успех, и распространялся солидным для данного региона тиражом — 7 500 экземпляров. Вокруг журнала сформировался опытный коллектив из представителей этнической интеллигенции: Н. Бабоглу, Т. Мариноглу, П. Чеботарь, В. Романов, С. Адиева и др. В каждом номере журнала публиковались стихи, рассказы известных авторов, помещались описания всевозможных национальных игр, различные календари, раскраски. В целях патриотического воспитания и любви к родному краю выпускался и другой небезынтересный детский журнал «Гюнешчик» («Солнышко»). Вместе с тем периодичность детских журналов Гагаузии часто нарушалась, больше всего из-за финансовых трудностей. С сентября 2024 г. детская этническая периодика пополни-

[1] Шаги к 100-летию: исторический проект детского журнала «Алдын-Кушкаш» поддержан в Роспечати [Электронный ресурс] // Тува.Азия. 2013, 19 июля. URL: https://www.tuva.asia/news/tuva/6409-aldyn-kushkash.html (дата обращения: 24.03.2025).

лась еще одним журналом, которую также выпускает Т. Занет — «Mamucuumnan Kol-Kola». Издание адресовано детям дошкольного возраста и ученикам начальных классов[1].

Начиная с малых лет, процесс формирования и осознания этнического «Я» переплетается с множеством факторов общественно-воспитательного, социально-демографического, культурно-традиционного и духовно-религиозного характера. В этом плане необходимо учесть, что на этническую идентичность гагаузов и тувинцев всецело влияют традиционные религиозные воззрения данных сообществ, их мироощущения и слияние с окружающим миром. Поскольку гагаузы придерживаются православной религии, которая в целом обособленно стоит от их этнических особенностей, тем не менее, очень важным является совершение ими обрядов на родном языке, что в конечном итоге влияет на сущность восприятия религиозных догм. Немаловажным является и то, что зарождение этнической печати у гагаузов происходило на основе религиозно-переводческой деятельности протоиерея М. Чакира.

Духовная жизнь тувинского этноса тесно переплетается с буддизмом, шаманизмом и православием, которые накладывают особый отпечаток на мировоззрение, культуру, обряды и традиции коренного населения. Буддизм, совмещаясь с традиционными верованиями, включая шаманизм, создает уникальный синкретизм — слияние религиозных и этнических элементов, превращаясь тем самым в составную часть тувинской культуры (Хомушку, 2024).

Процесс возрождения этничности у тувинцев сопровождался также созданием религиозных газет на родном языке. В мае 1991 г. буддийское общество «Алдын Богда» начало выпускать газету «Эреге» («Чётки») на тувинском языке. Тираж газеты составлял 4 тысячи экземпляров, но вскоре его издание было прекращено[2].

Более устойчивой была буддийская газета «Тун» («Раковина»), которая начала выходить в 2010 г. Главный редактор газеты В. Монгуш отмечал, что издание преследует цель ознакомления тувинцев с деятельностью Управления духовенства Республики и освещения буддизма по всей территории Тувы, в том числе в самых отдаленных ее уголках[3].

Выход первого номера газеты был приурочен к национальному празднику Шагаа. По замыслу издателей газеты, она стремилась предоставить читателям широкую информацию об учении Будды и заняться просветительской деятельностью. Однако в издании печатного органа возникли определенные проблемы, и ее функции уже в следующем году продолжила новая газета под названием «Цеченлинг» («Обитель безграничного сострадания»). Как подчеркивал руководитель объединения буддистов, на страницах «Цеченлинг» был опубликован отчет религиозной организации за 2010 г. В свою очередь редактор газеты Ч. Монгуш подчеркнул важность издания такой газеты и отметил желание превратить ее в еженедельник, наполненный полезной по буддизму информацией[4].

Как показывают дальнейшие события, издание этнических религиозных газет в Туве сопровождалось трудностями финансирования, а также подборами профессиональных кадров, что приводило к остановкам или прекращению выпусков. Тем не менее, данные этнические издания оставили за собой заметный след в истории региональной периодики.

Схожее. С самого начала процесса гласности и перестройки в Гагаузии и в Туве увеличились инициативы создания новых этнических изданий и повышения роли родного языка. Не случайно, что первая общественно-политическая газета гагаузов объединяла эти два параметра этничности — «Ана сезю» («Слово матери»). Поэтапно осуществлялись такие задачи этнического развития гагаузов, как восстановление преподавания родного языка в школах, подготовка педагогических кадров, придание

[1] [2] Доброва М. В Гагаузии презентовали новое издание Тодура Занет: это детский журнал-раскраска «Mamucuumnan Kol-Kola» [Электронный ресурс] // Laf.md. 2024, 20 сентября. URL: https://laf.md/2024/09/20/фото-в-гагаузии-презентовали-новое-из/ (дата обращения: 27.03.2025).

[2] Терентьев А. Тибетский буддизм в Туве в 2023 году [Электронный ресурс] // Study Buddhism by Berzin Archives. 2023. URL: https://studybuddhism.com/ru/prodvinutyy-uroven/istoriya-i-kultura/buddizm-v-rossii/buddizm-v-mongolskih-i-tyurkskih-regionah-rossii-v-2023-godu/tibetskiy-buddizm-v-tuve-v-2023-godu (дата обращения: 27.03.2025).

[3] Вышла в свет первая буддийская газета на тувинском языке [Электронный ресурс] // Тува.Азия. 2010, 17 февраля. URL: https://www.tuva.asia/news/tuva/1360-tun.html (дата обращения: 02.04.2025).

[4] Объединение буддистов Тувы выпустило газету «Цеченлинг» [Электронный ресурс] // Тува.Азия. 2011, 21 января. URL: https://www.tuva.asia/news/tuva/2934-gazeta-bud.html (дата обращения: 02.04.2025).

статуса автономии территориям проживания гагаузов. В 1994 г. Верховный совет Молдовы принял закон о «Гагауз Ери», который утверждал автономный статус Гагаузии со всеми официальными структурами и атрибутами: глава региона, парламент, флаг, герб, гимн. Официальными языками стали гагаузский, румынский, русский.

Факторы усиления этничности в области печати и родного языка продолжались и в Туве. Ярким примером тому явилось создание газет «Туруш», «Көжеге», «Каргыштыг чылдар» и др. Созвучная с гагаузской «Ана сезю», появилась и тувинская женская газета «Эне сөзү». Многие гагаузские и тувинские этнические издания позиционировали себя как независимые газеты и журналы. Отрадным явлением было то, что большинство из них были специализированные и освещали разную тематику, начиная от историко-просветительских и кончая экологическими проблемами. Тувинская литературная газета «Уран чогаал» продолжала традиции альманаха «Улуг-Хем». В свою очередь в рассматриваемый нами период появился и гагаузский литературно-художественный журнал «Сабаа йылдызы». Через некоторое время в продолжении этой тематики сформировалось и другое этническое издание гагаузов — интересный альманах «Огуз сеси».

Развитие этничности у гагаузов и тувинцев требовали особого внимания к воспитанию подрастающего поколения. Возродился выпуск тувинского детского издания «Сылдысчыгаш». Редактор этой же газеты, поэт А. Шоюн с целью привлечь в орбиту печати самых маленьких читателей решил создать для них привлекательный журнал «Алдын-Кушкаш».

В перестроечный период появился и первый гагаузский журнал для детей — «Кырлангач». Несмотря на финансовые трудности, действовало и другое этническое издание на родном языке под названием «Гюнешчик». Несколько лет тому назад появился и красочный «Mamucuumnan Kol-Kola».

Как видно из представленных материалов эти разнохарактерные и специализированные издания составляли в свою очередь отдельные ветви в структуре этнической печати Гагаузии и Тувы, что придавало огромное значение в развитии этнической идентичности.

Отличительное. Сравнительный анализ развития этнической прессы Гагаузии и Тувы не может быть проведен без учета региональных процессов, а также политических, социальных условий, которые оказали решающее влияние на издание печатных органов. Некоторые проблемы, освещаемые гагаузскими этническими изданиями, были важны и актуальны в период гласности в данном регионе, поскольку они были уже решены тувинским этносом раньше. В числе этих вопросов была организация преподавания родного языка в средних школах, целевая подготовка кадров в Кишиневском пединституте, открытие вуза в Комрате, повышение статуса территории проживания этноса и т. д.

Небезынтересной особенностью этнической печати Гагаузии на современном этапе является отсутствие специализированных религиозных газет и журналов. Причиной этому выступает целая гамма факторов. Необходимо учесть, что принадлежность гагаузов к православию на протяжении многих веков выступала как важное средство самосохранения и самоутверждения этнического сообщества. С начала XX в. религиозное вероисповедование для гагаузских общественных деятелей, и в первую очередь для М. Чакира, стало представлять собой действенную платформу укрепления социальной функции родного языка. С включением Гагаузии в единое информационное пространство Союза, формированием письменности на гагаузском языке и выпуска отдельных этнических изданий, а также под господствующим влиянием советской атеистической пропаганды религиозный фактор отступил на задний план перед этнической идентичностью. В дальнейшем продолжалось усиление этнического фактора гагаузов, завершившееся получением автономии, что также не было связано с религиозностью местного населения.

Параллельно с этими процессами усиливалось осознание гагаузами их принадлежности к тюркскому миру, который является преимущественно исламским. Более того, на протяжении столетий отмечалось противоречие между тюркской кочевой культурой, опирающейся на компактное исполнение обрядов, с одной стороны, и христианскими обычаями, основанными на коллективное их выполнение, с другой. Несомненно, в духовной жизни гагаузов отражались и сущность традиционных народных праздников «Canavar yortulari» («Волчьи праздники»), «Okuzlerin gunu» («Воловий день»), «Tauklarin gunu» («День курицы»), «Пипируда» (обряд вызывания дождя), «Хыдырлез» (весенний праздник) и др.[1], содержащих в себе комплекс элементов язычества и не имеющих какой-либо связи

[1] Квилинкова Е. В. Календарная обрядность гагаузов конца XIX — начале XX вв.: автореф. дис. … канд. ист. н. Кишинев, 2001.

с христианством. Именно основываясь на эти и другие факторы, отдельные ученые указывают на ситуативный характер религиозности гагаузов (Губогло, 2006: 206–331). В современный период творческие силы Гагаузии целиком преподносят родной этнос как часть тюркского мира и не поднимают вопросов создания православного этнического издания. При этом учитывается тот факт, что целенаправленное укрепление религиозности среди гагаузов будет «смывать» их тюркскую этничность среди других соседних народов, исповедующих православие. Принимается во внимание и относительная многоконфессиональность гагаузского общества, а также малочисленность данного этноса, единство которой может быть подорвано в результате такой деятельности, что чревато пагубными последствиями.

Вместе с тем местные издания освещают религиозную жизнь региона, а также содержат статьи, посвященные духовности и вере, в том числе и в гагаузской общине. В отличие от гагаузов в этнической печати тувинцев, религиозные издания составляли одну из весомых ветвей в общей структуре современной периодики. В их числе буддийские газеты «Эреге», «Тун» и «Цеченлинг», которые оказывали заметное влияние в освещении проблем религии в Туве.

Заключение

Проведенный сравнительный анализ этнической печати Гагаузии и Тувы с периода выхода первых газет на родных языках этих народов в начале XX века и вплоть до первых десятилетий XXI в., выявил много общего и особенного в истории их развития, а также плодотворной деятельности на пути укрепления этничности.

Самый главный вывод заключается в том, что эти отдельные тюркские народы, которые проживают в разных концах Евразии, а также в разных геополитических условиях, прошли в своем развитии фактически один и тот же путь, приведший к созданию целостной структуры этнической периодики. Гагаузы и тувинцы на протяжении всего XX в. ощущали на себе насыщенное этнопросветительское влияние газет и журналов, издававшихся на родном языке. В результате этого росло этнокультурное самосознание представителей данных народов.

Вполне закономерно, что на общность процессов в Гагаузии и Туве влияла советская политика, регулирующая этнические вопросы в целом по стране. И вместе с тем, для создания, в пределах дозволенного, отдельных важных этнических средств развития нужны были необходимые интеллектуальные силы и соответствующий потенциал самого этноса. Причем передовые представители данного этноса должны были упорно и настойчиво поднимать необходимые вопросы и вместе с тем уметь решать их.

Несмотря иной раз на явный декларативный характер принимаемых решений в советский период гагаузский и тувинский этносы добились значительных успехов в области этнической печати. Находившиеся под сильным идеологическим давлением печатные органы, тем не менее, формировали активную читательскую аудиторию, создавали широкую информационную среду, способствовали развитию культуры, искусства, литературы, родного языка этносов. Издавалась художественная литература, финансировалась и распространялась этническая периодика, в определенные периоды на местах велось обучение на этнических языках, укреплялась прослойка этнической интеллигенции.

Можно с уверенностью сказать, что развитие и бесповоротное осознание собственной этнокультурной идентичности и у гагаузов, и у тувинцев происходило также под сильным влиянием информационных ресурсов, этнических газет и журналов. Этот процесс нашел свое оформление в создании Гагаузской республики в составе Молдовы и Республики Тыва в составе Российской Федерации. Сегодня невозможно представить гагаузский и тувинский этносы без печатных изданий на родном языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анайбан, З. В. (2024) Тюркоязычные регионы Южной Сибири: процессы общегражданской и этнической идентификации // Ориенталистика. № 4–5. С. 834–844. DOI: https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-4-5-834-844

Анайбан, З. В., Губогло, М. Н., Козлов, М. С. (1999) Формирование этнополитической ситуации. Т. 1. Очерки истории постсоветской Тувы. М. : ЦИМО. 420 с.

Ангели, Ф. (2006) Гагаузская автономия. Люди и факты (1989–2005 гг.). Кишинев : Tipografia Centrala. 260 с.

Ангели, Ф. (2007) Очерки истории гагаузов — потомков огузов (середина VIII — начало XXI вв.). Кишинев : Tipografia Centrala. 640 с.

Балакина, Г. Ф., Анайбан З. В. (1995) Современная Тува: социокультурные и этнические процессы. Новосибирск : Наука. 137 с.

Барсукова, А. В. (2018) Этнические периодические издания в системе СМИ Приволжского федерального округа [Электронный ресурс] // Медиаскоп. Вып. 1. URL: http://www.mediascope.ru/2419 (дата обращения: 21.03.2025). DOI: https://doi.org/10.30547/mediascope.1.2018.9

Блохин, И. Н. (2013) Журналистика в этнокультурном взаимодействии. СПб. : Изд. дом СПбГУ. 198 с.

Боргоякова, Т. Г., Биткеева А. Н. (2020) Тувинский язык в правовом и функциональном измерении // Новые исследования Тувы. № 1. С. 50–61. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.4

Булгар, С. (2003) Гагаузские судьбы. Кишинев : Центральная типография. 192 с.

Булгар, С. (2007) Гагаузские просветители, писатели, ученые XIX — начала XX в. и роль русского языка в духовном развитии гагаузов // Русин. № 2 (8). С. 138–155.

Булгар, С. С., Димчогло, Ю. Д. (2017) История гагаузов Украины. Одесса : Астропринт. 748 с.

Бюк, А. (2019) Исторические предпосылки развития региональной прессы и общая характеристика печатных СМИ Гагаузии // Роль СМИ в развитии гагаузского языка: сборник докладов науч.-практ. конф. (25 марта 2015 г., г. Комрат) / вып. ред.: Д. Г. Палачор. Комрат : НИЦ Гагаузии им. М. В. Маруневич. 168 с. С. 108–128.

Вебер, М. (2017) Избранное. Образ общества. 3-е изд., испр. и доп. / сост. С. Я. Левит. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив. 767 с.

Грек, И. Ф. (2016) Деятельность П. Хилендарского и М. Чакира: общее и особенное // Русин. № 1(43). С. 285–307. DOI: https://doi.org/10.17223/18572685/43/18

Губогло, М. Н. (2004) Русский язык в этнополитической истории гагаузов. М. : Старый сад. 432 с.

Губогло, М. Н. (2006) О религиозной (ли) идентичности // Курсом изменяющейся Молдовы. Материалы I Российско-Молдавского симпозиума «Трансформационные процессы в Республике Молдова. Постсоветский период», посвященного 40-летию этносоциологических исследований (25–26 сентября 2006 г. г. Комрат) / под общей редакцией М. Н. Губогло. Комрат ; М. : Старый сад. 413 с. С. 206–231.

Дашковский, П. К., Шершнева, Е. А., Бичелдей, У. П., Монгуш, А. В. (2022) Этнический и религиозный аспекты толерантности в Республике Тыва (по результатам социологического исследования) // Народы и религии Евразии. Т. 27. № 3. С. 122–143. DOI: https://doi.org/10.14258/nreur(2022)3-09

Доржу, З. Ю., Иргит, О. Ю. (2016) Историография политических репрессий в Туве // Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. № 1. С. 44–49.

Дримба, В. (1961) Исследования по фонетике гагаузского языка (I) // Revue de linguistique. Т. VI. № 2. С. 239–258.

Дримба, В. (1962) Исследования по фонетике гагаузского языка (II) // Revue de linguistique. Т. VII. № 1. С. 141-160.

Дробижева, Л. М. (2006) Методологические проблемы этносоциологических исследований // Социологический журнал. № 3–4. С. 89–101.

Зайончковский, В. (1961) Состояние и ближайшие задачи изучения гагаузов // Folia Orientalia. Т. II. С. 43–51.

История Тувы (2007): в 3 т. / под общ. ред. В. А. Ламина. Новосибирск : Наука. Т. 2. 430 с.

Исхаков, Р. Л. (2008) Феномен этнической журналистики (к определению понятия) // Известия Уральского государственного университета. № 60. С. 93–98.

Кан, В. С. (2014) Идеологическая подготовка вхождения Тувы в состав СССР // Вестник Томского государственного университета. История. № 5 (31). С. 66–69.

Кан, В. С. (2021) Становление и развитие периодической печати Тувы (1924–1991 гг.). Абакан : ООО «ИПП «Журналист». 272 с.

Кан, В. С. (2022) Новые тенденции в деятельности периодической печати Тувы в период перестройки // Вестник Томского государственного университета. История. № 80. С. 28–37.

Кендигелян, М. В. (2009) Гагаузская Республика. Борьба гагаузов за национальное самоопределение. 1989–1995. Воспоминания. Документы. Комрат : Tipografia Centrala. 605 с.

Костенко, Н. (2005) Апостол протоиерей Михаил Чакир // Страницы истории и литературы гагаузов XIX — нач. XX вв. / сост., прилож.: С. Булгар; ред. М. Арсеньева. Кишинев : Pontos. 320 с. С. 75–80.

Кравченко, Ю. Д., Абросимова, Е. А. (2017) Этнические СМИ в структуре современной региональной журналистики (к постановке проблемы) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 7 (73): в 3-х ч. Ч. 3. С. 41–45.

Кужугет, А., Татаринцева, М. (1993) Этнополитическая ситуация в Республике Тыва накануне и после выборов в Федеральное собрание России в 1993 году [Электронный ресурс] // Исследования по прикладной и неотложной этнологии / РАН. Институт этнологии и антропологии. № 74, С. 8–10. URL: https://static.iea.ras.ru/neotlozhka/74-Kuzhuget.pdf (дата обращения: 21.03.2025).

Ламажаа, Ч. К. (2011) Тува между прошлым и будущим. 2-ое изд. СПб. : Алетейя. 368 с.

Ламажаа, Ч. К. (2016) Тувинская этничность и социум в этносоциологических и антропологических исследованиях // Новые исследования Тувы. № 2. С. 32–51.

Лексин, В. Н. (2019) Деликатная тема. Национальный вопрос в многонациональной России // Свободная мысль, №. 6 (1678). С. 69–84.

Маадыр, М. С. (2009) Журналы Тувы // Новые исследования Тувы. № 4. С. 135–158.

Маадыр, М. С., Седип-оол, М. М. (2020) Газетный фонд Национального архива Республики Тыва // Новые исследования Тувы. № 2. С. 87–102. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2020.2.6

Макарова, И. А. (2013) Социально-философские подходы к определению понятия «этнос» // Вестник ЗабГУ. № 9 (100). С. 84–92.

Малькова, В. К. (2004) Этнические аспекты журналистики. Из опыта анализа российской прессы. М. : Информполиграф. 278 с.

Моллеров, Н. М. (2013) О смене властной элиты и политического курса в конце 1920-х годов в связи с китайскими и монгольскими событиями // Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. № 1. С. 24–37.

Монгуш, М. В. (2010) Один народ: три судьбы. Тувинцы России, Монголии и Китая в сравнительном контексте. Осака : Национальный музей этнологии. 358 с.

Мошков, В. А. (2004) Гагаузы Бендерского уезда (Этнографические очерки и материалы) / под ред. С. С. Булгар. Кишинев : Tiporgrafia Centrala. 493 с.

Ондар, Е. М. (2016) К вопросу об особенностях политического развития Тувинской Народной Республики в 1920–1930-е годы // Вестник ТГПУ. № 12 (177). С. 158–164.

Отрощенко, И. В. (2012) Из истории протестного движение в ТНР первой половины 1930-х гг. // Новые исследования Тувы. № 2. С. 74–85.

Отрощенко, И. В. (2015) Языковая политика и культурное строительство в Тувинской Народной Республике // Новые исследования Тувы. № 2. С. 16–31.

Позина, А. А. (2011) Этническая журналистика. Структурные характеристики // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. № 3. С. 52–61.

Рыбаков, С. Е. (2001) Философия этноса. М. : ИПК Госслужбы. 358 с.

Сат, А. К. (2013) Создание национальной письменности и ее роль в культурном развитии ТНР // Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. № 1. С. 37–40.

Танова, Е. Т. (2006) История возникновения и развития периодической печати Тувы. Кызыл : Тувинское книжное изд-во. 96 с.

Тензин, Ч. М.-Х. (2019) Межэтнические и межконфессиональные отношения в Туве в динамике // Межэтнические отношения и процессы в современном мире. Материалы всероссийской с международным участием научной конференции, посвященной 95-летию со дня рождения д. ф. н., профессора В. И. Затеева / отв. ред. М. В. Бадмаева. Улан-Удэ : БГУ. 236 с. С. 95–99.

Туфар, Н. Х. (2015) Очерки истории гагаузов: Комратская Республика. 1906 год. Огузское государство IX–X вв. Комрат : НИЦ Гагаузии им. М. В. Маруневич. 68 с.

Хомушку, О. М. (2024) Религии в Туве: история и современность. Новосибирск : Наука. 176 с.

Чавдарь, Ф. (2016) Этнокультурная тематика в газете «Ана сезю» (1988–1994 гг.) // Этнокультурное наследие Республики Молдова в воспитании молодого поколения: тезисы докл. научн.-практ. конф. (17 ноября 2016 г., г. Кишинев) / ред. В. Турчану. Кишинев : Институт культурного наследия. Вып. 1. 62 с. С. 50–51.

Чакир, Д. (2005) Биографический очерк рода и фамилии Чакир // Страницы истории и литературы гагаузов XIX — нач. XX вв. / сост., прилож.: С. Булгар; ред. М. Арсеньева. Кишинев : Pontos. 320 с. С. 25–55.

Чакир, М. (2005a) История гагаузов Бессарабии // Страницы истории и литературы гагаузов XIX — нач. XX вв. / сост., прилож.: С. Булгар; ред. М. Арсеньева. Кишинев : Pontos. 320 с. С. 80–108.

Чакир, М. (2005b) Свадебные обряды гагаузов // Страницы истории и литературы гагаузов XIX — нач. XX вв. / сост., прилож.: С. Булгар; ред. М. Арсеньева. Кишинев : Pontos. 320 с. С. 109–112.

Чеботарь, П. А. (2019) Ретроспектива: сегодняшнее состояние прессы на гагаузском языке (на гагауз. яз.) // Роль СМИ в развитии гагаузского языка: сборник докладов науч.-практ. конф. (25 марта 2015 г. г. Комрат) / вып. ред.: Д. Г. Палачор. Комрат : НИЦ Гагаузии им. М. В. Маруневич. 168 с. С. 7–12.

Этническая журналистика: история и современность (2017) / Ежегодник. № 10 / отв. ред. А. А. Гладкова, О. Д. Минаева, О. В. Смирнова, М. В. Шкондин. М. : Фак. журн. МГУ. 82 с.

Якимов, О. Д. (2000) Печать национальных регионов Сибири и Дальнего Востока: от возникновения до наших дней. Новосибирск : Наука. Сибирская издательская фирма РАН. 192 с.

Дата поступления: 09.04.2025 г.
Дата принятия: 09.07.2025 г.

REFERENCES

Anayban, Z. V. (2024) Turkic-speaking regions of Southern Siberia: Processes of civic and ethnic identification. *Orientalistika*, no. 4–5, pp. 834–844. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-4-5-834-844

Anayban, Z. V., Guboglo, M. N. and Kozlov, M. S. (1999) *The formation of the ethnopolitical situation. Vol. 1: Essays on the history of post-Soviet Tuva*. Moscow, TsIMO. 420 p. (In Russ.)

Angeli, F. (2006) *Gagauz autonomy. People and facts (1989–2005)*. Chisinau, Tipografia Centrala. 260 p. (In Russ.)

Angeli, F. (2007) *Essays on the history of the Gagauz—descendants of the Oghuz (mid-8th — early 21st centuries)*. Chisinau, Tipografia Centrala. 640 p. (In Russ.)

Balakina, G. F. and Anayban, Z. V. (1995) *Modern Tuva: Sociocultural and ethnic processes*. Novosibirsk, Nauka. 137 p. (In Russ.)

Barsukova, A. V. (2018) Ethnic periodicals in the media system of the Volga Federal District. *Mediascope*, no. 1 [online] Available at: http://www.mediascope.ru/2419 (accessed: 21.03.2025). (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.30547/mediascope.1.2018.9

Blokhin, I. N. (2013) *Journalism in ethnocultural interaction*. St. Petersburg, Publishing House SPbSU. 198 p. (In Russ.)

Borgoyakova, T. G. and Bitkeeva, A. N. (2020) The Tuvan language in legal and functional dimensions. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 50–61. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.4

Bulgar, S. (2003) *Gagauz destinies*. Chisinau, Central Typography. 192 p. (In Russ.)

Bulgar, S. (2007) Gagauz enlighteners, writers, scholars in the 19th — early 20th centuries and the role of the Russian language in the spiritual development of the Gagauz. *Rusyn*, no. 2(8), pp. 138–155. (In Russ.)

Bulgar, S. S. and Dimchoglo, Yu. D. (2017) *History of the Gagauz of Ukraine*. Odessa, Astroprint. 748 p. (In Russ.)

Byuk, A. (2019) Historical prerequisites for the development of regional press and the general characteristics of printed media in Gagauzia. In: D. G. Palachor (ed.) *The role of mass media in the development of the Gagauz language:* Proceedings of the scientific-practical conference (25 March 2015, Comrat). Comrat, Marunevich Research Center of Gagauzia. 168 p. Pp. 108–128. (In Russ.)

Weber, M. (2017) *Selected works. Image of society*. 3rd ed., revised and enlarged, S. Ya. Levit (comp.). Moscow, St. Petersburg, Center of Humanitarian Initiatives. 767 p. (In Russ.)

Grek, I. F. (2016) Activities of P. Hilendarsky and M. Chakir: common and special features. *Rusyn*, no. 1(43), pp. 285–307. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.17223/18572685/43/18

Guboglo, M. N. (2004) *The Russian language in the ethnopolitical history of the Gagauz*. Moscow, Stary Sad. 432 p. (In Russ.)

Guboglo, M. N. (2006) On religious (or not) identity. In: M. N. Guboglo (ed.) *Course of the changing Moldova:* Materials of the I Russian-Moldovan symposium “Transformational processes in the Republic of Moldova. The post-Soviet period” (25–26 September 2006, Comrat). Comrat, Moscow, Stary Sad. 413 p. Pp. 206–231. (In Russ.)

Dashkovsky, P. K., Shershneva, E. A., Bicheldei, U. P. and Mongush, A. V. (2022) Ethnic and religious aspects of tolerance in the Republic of Tuva (based on sociological survey results). *Narody i religii Evrazii*, vol. 27, no. 3, pp. 122–143. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.14258/nreur(2022)3-09

Dorzhy, Z. Yu. and Irgit, O. Yu. (2016) Historiography of political repressions in Tuva. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Social and Humanitarian Sciences*, no. 1, pp. 44–49. (In Russ.)

Drimba, V. (1961) Studies on the phonetics of the Gagauz language (I). *Revue de linguistique*, vol. VI, no. 2, pp. 239–258. (In Russ.)

Drimba, V. (1962) Studies on the phonetics of the Gagauz language (II). *Revue de linguistique*, vol. VII, no. 1, pp. 141-160. (In Russ.)

Drobizheva, L. M. (2006) Methodological problems of ethno-sociological research. *Sotsiologicheskii zhurnal*, no. 3–4, pp. 89–101. (In Russ.)

Zaionchkovskii, V. (1961) Condition and urgent tasks in the study of the Gagauz. *Folia Orientalia*, vol. II, pp. 43–51. (In Russ.)

History of Tuva (2007) *:* in 3 volumes. Edited by V. A. Lamin. Novosibirsk, Nauka. Vol. 2. 430 p. (In Russ.)

Iskhakov, R. L. (2008) The phenomenon of ethnic journalism (to the definition of the concept). *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 60, pp. 93–98. (In Russ.)

Kan, V. S. (2014) Ideological preparation for Tuva joining the USSR. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, no. 5 (31), pp. 66–69. (In Russ.)

Kan, V. S. (2021) *Formation and development of the periodical press of Tuva (1924–1991)*. Abakan, OOO "IPP "Zhurnalist". 272 p. (In Russ.)

Kan, V. S. (2022) New trends in the activities of Tuva's periodical press during perestroika. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, no. 80, pp. 28–37. (In Russ.)

Kendigelyan, M. V. (2009) *Gagauz Republic: The struggle of the Gagauz for national self-determination, 1989–1995. Memoirs. Documents.* Comrat, Tipografia Centrala. 605 p. (In Russ.)

Kostenko, N. (2005) Apostle Archpriest Mikhail Chakir. In: S. Bulgar (comp., app.), M. Arsenyeva (ed.) *Pages from the history and literature of the Gagauz in the 19th – early 20th centuries*. Chisinau, Pontos. 320 p. Pp. 75–80. (In Russ.)

Kravchenko, Yu. D. and Abrosimova, E. A. (2017) Ethnic mass media in the structure of contemporary regional journalism (setting the problem). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 7 (73), pt. 3, pp. 41–45. (In Russ.)

Kuzhuget, A. and Tatarintseva, M. (1993) Ethnopolitical situation in the Republic of Tyva before and after the elections to the Federal Assembly of Russia in 1993. *Issledovaniya po prikladnoy i neotlozhnoy etnologii*, no. 74, pp. 8–10 [online] Available at: https://static.iea.ras.ru/neotlozhka/74-Kuzhuget.pdf (accessed: 21.03.2025). (In Russ.)

Lamazhaa, Ch. K. (2011) *Tuva between past and future.* 2nd ed. St. Petersburg, Aleteya. 368 p. (In Russ.)

Lamazhaa, Ch. K. (2016) Tuvan ethnicity and society in ethnosociological and anthropological research. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 32–51. (In Russ.)

Lexin, V. N. (2019) Delicate topic. The national question in multiethnic Russia. *Svobodnaya mysl'*, no. 6 (1678), pp. 69-84. (In Russ.)

Maadyr, M. S. (2009) Magazines of Tuva. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 135–158. (In Russ.)

Maadyr, M. S. and Sedip-ool, M. M. (2020) Newspaper collection of the National Archive of the Republic of Tuva. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 87–102. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2020.2.6

Makarova, I. A. (2013) 'Social-philosophical approaches to the definition of the concept "ethnos"', *Vestnik ZabGU*, no. 9 (100), pp. 84–92. (In Russ.)

Malkova, V. K. (2004) *Ethnic aspects of journalism. From the experience of analyzing the Russian press*. Moscow, Informpoligraf. 278 p. (In Russ.)

Mollerov, N. M. (2013) On the change of ruling elite and political course in the late 1920s in connection with Chinese and Mongolian events. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Social and Humanitarian Sciences*, no. 1, pp. 24-37. (In Russ.)

Mongush, M. V. (2010) *One people: Three destinies. Tuvans of Russia, Mongolia and China in comparative context*. Osaka, National Museum of Ethnology. 358 p. (In Russ.)

Moshkov, V. A. (2004) *Gagauz of Bendery County (Ethnographic essays and materials)*, edited by S. S. Bulgar. Chisinau, Tiporgrafia Centrala. 493 p. (In Russ.)

Ondar, E. M. (2016) On the features of political development of the Tuvan People's Republic in the 1920-1930s. *Vestnik TGPU*, no. 12 (177), pp. 158–164. (In Russ.)

Otroshchenko, I. V. (2012) From the history of protest movements in the Tuvan People's Republic in the first half of the 1930s. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 74–85. (In Russ.)

Otroshchenko, I. V. (2015) Language policy and cultural development in the Tuvan People's Republic. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 16–31. (In Russ.)

Pozina, A. A. (2011) Ethnic journalism. Structural characteristics. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, no. 3, pp. 52–61. (In Russ.)

Rybakov, S. E. (2001) *Philosophy of ethnos*. Moscow, IPK Gosluzhby. 358 p. (In Russ.)

Sat, A. K. (2013) Creation of national writing and its role in the cultural development of the Tuvan People's Republic. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Social and Humanitarian Sciences*, no. 1, pp. 37–40. (In Russ.)

Tanova, E. T. (2006) *History of the emergence and development of the periodical press of Tuva*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 96 p. (In Russ.)

Tenzin, Ch. M.-Kh. (2019) Interethnic and interconfessional relations in Tuva in dynamics. In: M. V. Badmaeva (ed.) *Interethnic relations and processes in the modern world:* Proceedings of the All-Russian conference with international participation dedicated to the 95th anniversary of Prof. V. I. Zateev. Ulan-Ude, Buryat State University. 236 p. Pp. 95–99. (In Russ.)

Tufar, N. Kh. (2015) *Essays on the history of the Gagauz: The Comrat Republic, 1906. The Oghuz state, 9th–10th centuries*. Comrat, Marunevich Research Center of Gagauzia. 68 p. (In Russ.)

Khomushku, O. M. (2024) *Religions in Tuva: History and modernity*. Novosibirsk, Nauka. 176 p. (In Russ.)

Chavdar', F. (2016) Ethnocultural topics in the newspaper "Ana Sezyu" (1988–1994). In: V. Turchanu (ed.) *Ethnocultural heritage of the Republic of Moldova in educating the younger generation:* Abstracts of the scientific-practical conference (17 November 2016, Chisinau). Chisinau, Institute of Cultural Heritage. No. 1. 62 p. Pp. 50–51. (In Russ.)

Chakir, D. (2005) Biographical essay of the Chakir clan and surname. In: S. Bulgar (comp., app.), M. Arsenyeva (ed.) *Pages from the history and literature of the Gagauz in the 19th — early 20th centuries*. Chisinau, Pontos. 320 p. Pp. 25–55. (In Russ.)

Chakir, M. (2005a) History of the Gagauz of Bessarabia. In: S. Bulgar (comp., app.), M. Arsenyeva (ed.) *Pages from the history and literature of the Gagauz in the 19th — early 20th centuries*. Chisinau, Pontos. 320 p. Pp. 80–108. (In Russ.)

Chakir, M. (2005b) Wedding rites of the Gagauz. In: S. Bulgar (comp., app.), M. Arsenyeva (ed.) *Pages from the history and literature of the Gagauz in the 19th — early 20th centuries*. Chisinau, Pontos. 320 p. Pp. 109–112. (In Russ.)

Chebotar', P. A. (2019) Retrospective: Current state of the Gagauz-language press (in Gagauz). In D. G. Palachor (ed.) *The role of mass media in the development of the Gagauz language:* Proceedings of the scientific-practical conference (25 March 2015, Comrat). Comrat, Marunevich Research Center of Gagauzia. 168 p. Pp. 7–12. (In Russ.)

Ethnic journalism: history and modernity (2017) / Yearbook, no. 10, edited by A. A. Gladkova, O. D. Minaeva, O. V. Smirnova, M. V. Shkondin. Moscow, Faculty of Journalism, Moscow State University. 82 p. (In Russ.)

Yakimov, O. D. (2000) *Press of national regions of Siberia and the Far East: From emergence to the present day*. Novosibirsk, Nauka, Siberian Publishing Firm of the RAS. 192 p. (In Russ.)

Submission date: 09.04.2025.
Acceptance date: 09.07.2025.

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ
THE NEW RESEARCH OF TUVA
www.nit.tuva.asia №4 2025 Novye issledovaniia Tuvy

DOI: 10.25178/nit.2025.4.20

TURKIC-MONGOLIAN WORLD

Article

Ovoo phenomenon of the Mongolians: Influencing well-being through the human–nature and human–spiritual relationships

Buyandelger Batmunkh, Amgalan Tuya, Solongo Sandagjav, Munkhdagva Unenbat, Ichinkhorloo Shagdar
Mongolian National University of Medical Sciences, Mongolia

The Mongolian ovoo is a cairn of stones and wood branches found in a natural environment. Because of stereotypes, ovoo is only understood as a place of worship or symbol, but it is a unique way to influence well-being through the human–nature and human–spiritual relationships. Hence, the aim of our study was to review the literature and provide an overview investigating the effects of the ovoo on the well-being of the Mongolians. The ovoo phenomenon has culture-specific characteristics and philosophical aspects related to identity, tradition and conservation, but the most interesting issue is undoubtedly its influence on well-being. In 2017, the ovoo and Mongolian worshipping rituals were inscribed on UNESCO's List of Intangible Cultural Heritage in Need of Urgent Safeguarding as part of "Mongolian traditional practices of worshipping the sacred sites". Understanding how the ovoo influences well-being through the human–nature and human–spiritual relationships is essential for addressing current challenges. The ovoo is of a wide significance, there are many ovoos in all areas where the Mongolians live. It should be emphasized again that the ovoo ritual is not only an intangible cultural heritage, but also a phenomenon that has a positive effect on well-being by interacting between human and nature in the spiritual sphere.

Keywords: *ovoo ritual; ovoo phenomenon; well-being; human–nature relationship; human–spiritual relationship; ovoo worshipping*

For citation:
Batmunkh B., Tuya A., Sandagjav S., Unenbat M. and Shagdar I. *Ovoo* phenomenon of the Mongolians: Influencing well-being through the human–nature and human–spiritual relationships. *New Research of Tuva*, 2025, no. 4, pp. 376-393. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.20

BATMUNKH, Buyandelger, Associate Professor, Department of Basic Science, School of Nursing, Mongolian National University of Medical Sciences. Postal address: School of Nursing, Mongolian National University of Medical Sciences, Ard Ayush Street, 6th khoroo, Bayangol district, Ulaanbaatar, Mongolia. E-mail: buyandelger.b@mnums.edu.mn
ORCID: 0000-0003-2476-5078

TUYA, Amgalan, Lecturer, Department of Basic Science, School of Nursing, Mongolian National University of Medical Sciences. Postal address: School of Nursing, Mongolian National University of Medical Sciences, Ard Ayush Street, 6th khoroo, Bayangol district, Ulaanbaatar, Mongolia. E-mail: Amgalan@mnums.edu.mn
ORCID: 0000-0002-2443-7915

SANDAGJAV, Solongo, Lecturer, Department of Basic Science, School of Nursing, Mongolian National University of Medical Sciences. Postal address: School of Nursing, Mongolian National University of Medical Sciences, Ard Ayush Street, 6th khoroo, Bayangol district, Ulaanbaatar, Mongolia. E-mail: Solongo.s@mnums.edu.mn
ORCID: 0009-0000-4451-0289

UNENBAT, Munkhdagva, Lecturer, Department of Basic Science, School of Nursing, Mongolian National University of Medical Sciences. Postal address: School of Nursing, Mongolian National University of Medical Sciences, Ard Ayush Street, 6th khoroo, Bayangol district, Ulaanbaatar, Mongolia. E-mail: Munkhdagva@mnums.edu.mn
ORCID: 0009-0009-7894-5163

SHAGDAR, Ichinkhorloo, Lecturer, Department of Basic Science, School of Nursing, Mongolian National University of Medical Sciences. Postal address: School of Nursing, Mongolian National University of Medical Sciences, Ard Ayush Street, 6th khoroo, Bayangol district, Ulaanbaatar, Mongolia. E-mail: ichinkhorloo.sh@mnums.edu.mn
ORCID: 0009-0004-1618-3785

ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИЙ МИР

Статья

Феномен *обо* у монголов: влияние на благополучие через взаимоотношения человека с природой и духовным миром

Буянделгер Батмунх, Амгалан Туяа, Солонго Сандагджав, Мунхдагва Уненбат, Ичинхорлоо Шагдар
Монгольский национальный университет медицинских наук, Монголия

Монгольское обо — это рукотворная груда камней и веток деревьев, которая встречается в естественной среде. Вследствие стереотипов обо воспринимается только как место поклонения или символ, но это уникальный способ влияния на благополучие посредством взаимоотношений человека с природой и духами. Таким образом, цель нашего исследования —проанализировать литературу, представить ее общий обзор и изучить влияние обо на благополучие монголов. Феномен обо имеет специфические культурные особенности и философские аспекты, связанные с идентичностью, традициями и сохранением природы, но самым интересным вопросом, несомненно, является его влияние на благополучие людей. В 2017 г. обо и монгольские обряды поклонения были внесены в Список нематериального культурного наследия человечества, нуждающегося в срочной охране ЮНЕСКО как часть «монгольских традиционных практик поклонения священным местам». Понимание того, как обо влияет на благополучие через взаимоотношения человека с природой и духовным миром, существенно для решения современных вызовов. Обо имеют большое значение, их много во всех районах проживания монголов. Следует еще раз подчеркнуть, что обряд обо — это не только нематериальное культурное наследие, но и явление, которое положительно влияет на благополучие благодаря взаимодействию человека и природы в духовной сфере.

Ключевые слова: *обряд обо; феномен обо; благополучие; взаимоотношение человека и природы; взаимоотношение человека и духов; поклонение обо*

Для цитирования:
Batmunkh B., Tuya A., Sandagjav S., Unenbat M. and Shagdar I. *Ovoo* phenomenon of the Mongolians: Influencing well-being through the human–nature and human–spiritual relationships // Новые исследования Тувы. 2025. № 4. С. 376-393. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.20

Буянделгер Батмунх — доцент кафедры фундаментальных наук Школы сестринского дела Монгольского национального университета медицинских наук. Адрес: Школа сестринского дела, Монгольский национальный университет медицинских наук, ул. Ард Аюш, 6-й квартал, Баянгольский район, Улан-Батор, Монголия. Эл. адрес: buyandelger.b@mnums.edu.mn

Амгалан Туяа — преподаватель кафедры фундаментальных наук Школы сестринского дела Монгольского национального университета медицинских наук. Адрес: Школа сестринского дела, Монгольский национальный университет медицинских наук, ул. Ард Аюш, 6-й квартал, Баянгольский район, Улан-Батор, Монголия. Эл. адрес: Amgalan@mnums.edu.mn

Солонго Сандагджав — преподаватель кафедры фундаментальных наук Школы сестринского дела Монгольского национального университета медицинских наук. Адрес: Школа сестринского дела, Монгольский национальный университет медицинских наук, ул. Ард Аюш, 6-й квартал, Баянгольский район, Улан-Батор, Монголия. Эл. адрес: Solongo.s@mnums.edu.mn

Мунхдагва Уненбат — преподаватель кафедры фундаментальных наук Школы сестринского дела Монгольского национального университета медицинских наук. Адрес: Школа сестринского дела, Монгольский национальный университет медицинских наук, ул. Ард Аюш, 6-й квартал, Баянгольский район, Улан-Батор, Монголия. Эл. адрес: Munkhdagva@mnums.edu.mn

Ичинхорлоо Шагдар — преподаватель кафедры фундаментальных наук Школы сестринского дела Монгольского национального университета медицинских наук. Адрес: Школа сестринского дела, Монгольский национальный университет медицинских наук, ул. Ард Аюш, 6-й квартал, Баянгольский район, Улан-Батор, Монголия. Эл. адрес: ichinkhorloo.sh@mnums.edu.mn

Introduction

The Mongols say that Chinggis Khan worshiped the *ovoo* as a symbol of success when heading off to a great war in a distant land[1]. Currently, the Mongolians have not even counted the total number of *ovoos* in their country. In any case, it is generally accepted that it is a cultural tradition passed down from the ancestors. In 2017, the *ovoo* and worshipping rituals of the Mongolians were included in UNESCO's List of Intangible Cultural Heritage in Need of Urgent Safeguarding[2]. The list does not use the term 'ovoo', but it refers to the features of Mongolian sacred sites (Hutchins, 2021), and all rituals and ceremonies are performed near *ovoo* (Bayarmaa, Buyandelger, 2017: 15). Examining the reasons behind the *ovoo*'s significance as an intersection in the Mongolians' natural and spiritual relationships from the standpoint of well-being is fascinating and crucial. According to an overview of research on the *ovoo*, it has been studied from many aspects: mythology (Dulam, 1989), symbolism (Dulam, 1999), nature conservation (Amarkhuu, 2000), sacrality (Ganbold, 2001), taboo (Erdenetuya, 2005), history (Bayarmaa, Buyandelger, 2017) and culture (Sukhbaatar, 2001). While *ovoo* worship, *ovoo* culture and *ovoo* ceremonial were typically defined quite narrowly in these studies, research into the *ovoo* phenomenon (Dal Zovo, 2021; Charleux, Smith, 2021) has made it possible to develop a more sophisticated conclusion based on several pieces of research information. This approach provides a favorable opportunity to evaluate the Mongolian *ovoo* as a concept of well-being. Several definitions of well-being are constantly evolving in light of new findings from various studies[3]. An in-depth study of the *ovoo* is not limited to understanding specific cultural ideas and practices. Through research on the *ovoo*, the following factors can be summarized at an academic level:

— anthropological awareness of human aspirations and efforts for well-being;

— practical experience of keeping the natural environment clean and passing it on to the descendants in the context of nature conservation;

— manners and scope with which people participate in state and public ceremonies and rituals;

— characteristics of the nation that make religious rituals evolve.

Materials and methods

In our research, we have selected the most informative literature about well-being and the *ovoo* phenomenon according to purposive sampling (Moser, Korstjens, 2018). The search strategies for articles and books were different. Articles published between 2000 and 2024 were searched using PubMed, Web of Science and Google Scholar to draw on the latest research findings published in peer-reviewed journals. The titles and abstracts were read and the articles were processed according to the inclusion (the results were limited to academic journals) and exclusion (conference papers) criteria. But books from Mongolian national and university libraries were used regardless of the year of publication.

The inclusion criteria were the following:

(1) Title: Mongolian history, culture, philosophy, religion and customs with the *ovoo* ritual;

(2) Language: Mongolian (cyrillic and traditional), English.

The exclusion criteria was other fields of research (archaeology, mineralogy, management, etc.) into places named with 'ovoo'.

The *ovoo* phenomenon affects the well-being of Mongolian people through two main areas of relationships: human–nature and human–spiritual. In order to clarify the well-being based on the human–nature relationship of the *ovoo* phenomenon, "the four channels of experience and the 10 constituents of well-being" (Russell et al., 2013: 475) were used as the main concept. Nature (ecosystem) provides the primary conditions for human life (Alcamo et al., 2003: 83) but also has an essential effect on creating human well-

[1] Erdenebulgan, Kh. (2023) *Sulden khukh ovoo*, or the great heraldic idol of Chinggis Khan. *Montsame News Agency*. 2023. January 16. Available at: https://montsame.mn/mn/read/311355 (accessed 15.10.2024). (In Mongolian).
[2] Mongolian traditional practices of worshipping the sacred sites. Inscribed in 2017 (12.COM) on the List of intangible cultural heritage in need of urgent safeguarding. *ICH — UNESCO Intangible Cultural Heritage*. Available at: https://ich.unesco.org/en/USL/mongolian-traditional-practices-of-worshipping-the-sacred-sites-00871 (accessed 10.04.2024).
[3] Carter, S. (2016) *Holding it together: An explanatory framework for maintaining subjective well-being (SWB) in principals*: PhD thesis. [Toowoomba], University of Southern Queensland. xii, 394 p. Pp. 14–16.

being. Therefore, by using the ethnographic literature evidence of the Mongolians, let's take a deeper look at the effects of the *ovoo* on human well-being in the ten areas where the human–nature relationship affects well-being in an intangible way.

On the other hand, in the research pursued to clarify the ethnographic features of the human–spiritual relationship, an inductive analysis was conducted. It was coordinated with the development process of Mongolian history, culture, philosophy and religion. This research included the following stages: (I) analyzing relevant literature reviews; (II) exploring the constituents of well-being in the human–nature and human–spiritual relationships through the *ovoo* phenomenon in Mongolia. We will not touch upon the theory and model of well-being, but we will emphasize the inductive analysis of how the *ovoo* phenomenon connects people with nature and the spiritual world and thereby affects people's well-being within the framework of Mongolian ethnography.

The place of the ovoo phenomenon in Mongolian culture

The *ovoo* is a ritual object built of stone and wood for valuing nature and communicating with spiritual beings in accordance with the unique features of Mongolian nomadic civilization. In English, it is denoted as 'heap' or 'pile' (Evans, Humphrey, 2003). Benedikte V. Lindskog explains the meaning of the Mongolian word 'ovoo' through the verb 'ovooloh' ('to heap up'). Its connotations are linked to central conceptual values among the Mongols (Lindskog, 2016). The origin of Mongolian *ovoo* has been explained in several ways. First, when Tibetan Buddhism spread to Mongolia during the 16th and 17th centuries, it became a part of religious practice and spread among the Mongolians (Atwood, 2004: 414–416; Sneath, 2014). However, this assumption is insufficient to fully explain the origin of all types of *ovoos* in Mongolia. Perhaps, in the 16th and 17th centuries, some traditions of building and worshipping the *ovoo*, directly related to Tibetan Buddhism, spread more strongly among the Mongolians. Cecilia Dal Zovo proposes that there may have been a connection between the culture and practices of the proto-Mongols who inhabited Mongolia during the Late Prehistory (the Bronze and Iron Ages, around 1,500–250 B.C.) before the advent of Tibetan Buddhism (Dal Zovo, 2021).

In our opinion, the *ovoo* reflects the influence of Buddhism in its historical development, but before that, it was formed under the influence of factors such as Mongolian indigenous worship, philosophical thinking and animal husbandry. The main places where the Mongolians build *ovoos* are mountains and highlands (Bayarmaa, Buyandelger, 2017: 36) because the ancient people in Mongolia lived in the mountains from the time of hunter-gatherer societies (Ochir et al., 2003: 60–64). In particular, mountain caves were the main dwellings of ancient humans (Sukhbaatar, Tsolmon, 1986: 27–28), which are understood to be inseparable from people's objective well-being. The possible facts related to the history of deifying and worshipping mountains from the ancient states (Xiongnu, Xianbei, etc.) in Mongolia to the Mongol Empire and later are summarised in *Table 1*. They are a significant endorsement of the place of the human–nature relationship among the nomads. The Mongolian tradition of honoring the sacredness of mountains and *ovoos* is not only for individuals but also for administrative units and even for national ceremonies (turiin tahilga) that have been continuously passed down to the present day.

Another important aspect of the *ovoo* is that it acts as a nexus of communication with spirits of the ancestors or the wider spiritual world. According to shamanism, a native religion of the Mongolians, the sacred *ovoo* is the home of the Lord or master of the land and water (Purev, 1999: 243). But the *ovoo* should not be understood only as a place where savdag and lus are worshipped but also as a sacrificial sanctuary where respect is paid to all the cherished deities (Mansang, 2012: 123). One unique tradition of worshipping the *ovoo* is the complex ceremony when shamans prepare sacrificial food and drink and vouch for people's good (Buyanbat, 1985: 40). The *ovoo* does not depend on the influence of Buddhism, and the custom of worshiping stones and honoring the dead predates the formation of monotheistic religions. For example, it can be found in traditions among the Bedouin (Avner, 2023).

The *ovoo*'s spiritual features are not limited to shamanism and has expanded its scope through Buddhism which spread to Mongolia through Tibet, creating another alternative. As a result, by the 18th century, Mongolian worship of the *ovoo* was no longer the sole representation of shamanism (Bayarmaa, Buyandelger, 2017: 50). This is because Buddhism turned into the official religion in Mongolia with political and administrative support and became inextricably mixed with indigenous worship and culture. Therefore, the spiritual relationship linked with the *ovoo* is of a composite character containing elements of both religions. This is directly related to the process of formation of Mongolian Buddhism that began in the middle

of the 16th century. Mongolian Buddhism is relatively different from Indian and Tibetan traditions and has developed with unique features (Batmunkh, Enkhbat, 2024). But let's note again that in this article we are studying the human–nature relationship in the *ovoo* phenomenon.

Table 1. A historical overview of Mongolian ovoos in mountains
Таблица 1. Исторический обзор монгольских обо в горах

Mongolian historical period and stage		*Historic places to represent ovoos*	*Main feature*
Ancient Period	Bronze and Iron Age (1500-250 B.C)	Places with *Khirigsuurs*	An ancient type of burial in Mongolia
	Xiongnu (3rd century BC to the late 1st century AD)	*Khangai; Dalan Khar* mountains	The most important mountains in the historical records of that time. These mountains still have sacred *ovoos*.
	Rouran (330-555)	*Khangai* mountains	
	Turkic Khaganate (551-744)	*Otgontenger* mountain	
	Khitan Empire (916-1125)	*Khangai* mountains	
Medieval Period	Khamag Mongol (eleventh-twelfth century)	*Burkhan Khaldun* mountain	In connection with the great deeds of *Chinggis Khaan*, this mountain *ovoo* has been traditionally worshiped for centuries and even today at the state level.
	Great Mongol (1206-1260)		
	Mongolian Empire (1260-1368)		
	Political dissolution (end fourteenth century to beginning seventeenth century)		
	Mongolia under Qing Empire (seventeenth-beginning twentieth century)	*Otgontenger; Burkhan Khaldun; Bogdhan* mountains	The *ovoos* of these three mountains were worshiped as the highest ceremony of the Mongols.
Modern Period	Early twentieth century (1911-1923)		
	Socialist Mongolia (1924-1990)	None	The government has officially banned the sacrifice of mountains and *ovoos*.
	Democratic Development (since 1991)	Thirteen mountains	Each of the *ovoos* of these mountains is worshiped as a state ceremony every five years.

The ovoo: Aspects of well-being in the human–nature relationship

The *ovoo* is not only used for sacrificial purposes but also as a daily practice of nomadic herders. Refer to *Table 2* for the practical significance of contributing to the practice (*Table 2*). Because of their wide significance, there are many *ovoos* in all areas where the Mongolians live. If they move to a new *nutag*[1] (Bumochir, 2019) and settle for a long time, they build an *ovoo* similar to the one in their old *nutag* and use it to express

[1] *Nutag* is not only a territorial scale, but also a manifestation of different ways of human existence and interaction with non-human beings.

their clan and lineage traditions. Among the Shinehen Buryats who migrated to China in the early 20th century, there are *ovoos* used as a means helping to legitimize themselves in the host country (Dumont, 2021).

Table 2. Classification and definition of the ovoo
Таблица 2. Классификация и определение обо

Classification of ovoo	*Types of ovoo*		*Definition*	*Common location*	*Number of ovoo (common quantities*
	English	*Mongolian*			
Ovoo with offerings	Sky *ovoo*	*Tenger ovoo*	Sacrifices are offered to heaven, mediated by mountains *ovoos*	At the peaks of famous big mountains	Three *ovoos* (shamanist: heaven, earth, human; or buddhist Ayush, Shakyamuni, Maitreya)
					Four *ovoos* for one of the ninety-nine heavens of shamanism
					The five *ovoos* are for the five heavens of almsgiving (existence, father, mother, spirit, life)
					shamanism
					Twenty-seven *ovoos*, or King *ovoo*, dedicated to Chinggis Khaan's accession to the throne at the age of twenty-seven
					The thirty-three *ovoos* are dedicated to the thirty-three heavens (mother earth)
	Mineral springs *ovoo*	*Rashaanii ovoo*	*Ovoos* erected in places believed to be inhabited by water spirits	Source of springs, or alongside lakes, ponds or rivers	An one *ovoo* (for water spirits)
	Source of springs *ovoo*	*Bulgiin ovoo*			
	Herder families *ovoo*	*Khot ailiin ovoo*	An *ovoo* for one or more families to worship together	Highlands near families	An one *ovoo* (for worship only at the beginning of the lunar calendar, or tsagaan sar)
Ovoo without offerings	Roads and tracks *ovoo*	*Zamiin ovoo*	*Ovoo* for keeping people from getting lost in rural areas	Near of roads, or tracks	An one *ovoo*
	Ovoo of along passes	*Davaanii ovoo*	*Ovoo*, representing crossing the mountain	At the around peak of a mountain pass	An one *ovoo*
	Boundaries *ovoo*	*Hiliin ovoo*	*Ovoo* to mark the boundaries of administrative units	No specific location is indicated	Two *ovoos*
	Informational *ovoo*	*Temdeg ovoo*	*Ovoo* for careful not to injure people or animals	Edges of land such as ditches and canyons	An one *ovoo*

The *ovoo* is not a unique natural formation, such as a cave or cliff, an element of nature like trees and grass, or even a natural phenomenon such as wind, storm, snow, rain or lightning. However, the *ovoo* is a human-made object that cannot be separated from any natural factors (its location is at the top of a mountain, on the banks of a river or lake, and its materials are stone, wood, dirt, etc.). The worldview of the Mongolian people and their distinctive way of interacting with the natural world form the foundation of the ancient *ovoo* sacrificial practices (Bayarmaa, Buyandelger, 2017: 59). This is because the Mongols do not separate man, society and culture from nature, and this feature can be seen more deeply in the concept of the 'four ontologies': animism, totemism, naturalism and analogism (Descola, 2013). This characteristic is essential not only in ethnography but also in discussions about the classification of world heritage. For instance, it has been proposed that it will be challenging to define the terms 'material', 'natural' and 'immaterial' if nature and culture are too sharply divided from one another without enough logical justification (Kirshenblatt-Gimblett, 2004: 60).

Why can the *ovoo* be considered a part of nature? The *ovoo* can be built anywhere, anytime, by anyone. For example, an *ovoo* has even been built in the courtyard of the Mongolian Embassy in France (Charleux, Smith, 2021). However, according to a traditional Mongolian custom, the *ovoo* is always erected in a natural environment and people often use non-artificial materials such as stone and wood. Thus, the *ovoo* receives a new compositional form and structure due to human activity but has the peculiarity that the form in nature remains unchanged in space and materials (stones and trees, respectively). When erecting the *ovoo*, the Mongolians take the natural form into account, so it can be understood that it is more stable under the influence of natural processes such as wind, rain and seasonal changes. If it had not been built by human consciousness and purposeful actions, it would remain a component of nature or return to nature if people stopped using it for their purposes. Based on this, the *ovoo* is a part of nature that has been modified under the influence of humans.

Although a person who builds the *ovoo* is a human being, there is no evidence that it directly affects physical health. Ecosystem degradation empirically exerts influence on physical wellness, and it is practical to address the natural environment in a health-friendly and accessible manner in order to support human physical health adequately (Jardine et al., 2007). Nature conservation is one of the *ovoo*'s most pivotal roles in Mongolian civilization (Erdenetuya, 2014: 65–69). Nature conservation methods and forms are relatively different from modern Western approaches and are more traditional (Humphrey, Mongush, Telengid, 1993). A faith-based approach is one key rationale for deepening the meaning of this unique conservation tradition centered on the *ovoo* (Hultkrantz, 1978). The erection of the *ovoo* begins the process of transforming even an ordinary environment into a sacred place. This occurs in two main ways: hierophanic and theophanic (Park, 1994: 245). According to the Mongolians, by offering sacrifices to the *ovoo*, the environment of a *nutag* can be balanced (Lindskog, 2014), or it symbolizes that the work of a person making the offering will be productive, profitable and free from physical illness. For example, people who pass by the road (*zamiin*) *ovoo* go around clockwise (*nar zuv*) and say, 'Yields of the *ovoo* belong to thee, earnings of the game belong to me' and add a stone or leave offerings. On the other hand, when offering food to the *ovoo* of the spring (*rashaanii*), the main goal is to help the body heal as quickly and well as possible (Bayarmaa, Buyandelger, 2017: 68). Thus, on the one hand, the *ovoo* creates conditions for nature conservation by respecting the surrounding area of the *ovoo* as sacred through religious ideas and rituals (communication with the owners of the land, etc.). This positively affects maintaining the environment accessible and favorable to human health. On the other hand, in places with powerful physical healing properties, the belief that the *ovoo* has a direct effect on human health persists.

How specific activities, such as celebrating an important ritual in a natural environment, affect human health and well-being has not been specifically studied. Still, as a general category, they are directly related to the three channels of human interaction with nature: knowing, perceiving and interacting (Russell et al., 2013). However, the fourth channel, living, cannot be aligned with the Mongolians' concept of the *ovoo*. For example, it is forbidden to spend the night next to a sacred *ovoo*, to live in its vicinity, to defecate, to disturb the animals in the area, and to disturb plants and soil (Bayarmaa, Buyandelger, 2017: 73). In most cases, the day of worshipping the sacred *ovoo* is scheduled many months in advance, and preparations for it begin. These preparations activate people's perception of the *ovoo* or their sensory channel of knowledge about the ecosystem through experience (Russell et al., 2013). People prepare to make simple offerings to the *ovoo* in their daily activities, but they also interact with nature through the knowing channel.

Photo 1. A willow-built ovoo. Photo by D. Battulga, 2018.
Фото 1. Обо, построенное из ивы. Фото Д. Баттулга, 2018 г.

Viewing the *ovoo* in some way (remote viewing, visiting the environment, etc.) or watching a video capturing its form or sacrificial behavior forms the basis of the perceiving channel's interaction with the *ovoo*'s surrounding ecosystem. Observing nature not only reduces stress levels but also improves mental health (Kaplan, 2001). The results showed that time spent in nature has a positive effect on a person's mental health, and there was also a high likelihood of mental health recovery through nature travel, with approximately 90% of all cases studied showing one or more statistically significant effects (Kuo, 2001). The *ovoo* ritual of the Mongols is a religious ritual that engages those who participate in it during traditional ceremonies (Khurchabaatar, Ujume, 1991: 267–268; Sainjargal, 2008: 370), the *ovoo* festival (Tomikawa, 2006; Batmunkh, Boldbaatar, 2021) in order to interact with the ecosystem.

Spending time in natural environments improves concentration and reduces fatigue and irritability (Herzog, Maguire, Nebel, 2003). Consequently, there is evidence that contact with nature actively promotes recovery after bereavement and similar psychological distress (Ottosson, Grahn, 2008). People believe that participation in the *ovoo* ritual can improve their health. Still, they tend to believe in the invisible connection rather than in scientific evidence of the relationship between man and nature. The main mechanism for the success of nature-based therapy methods is the positive effects of nature on mental well-being (Maller et al., 2006). Therefore, explaining the ritual of worshipping (*rashaanii ovooi*) during the treatment that utilizes curative spring and lake water (*rashaan*), which is a form of nature-based therapy in Mongolian traditional medicine, can present a more scientific perspective in terms of the mental effects of human interaction with nature.

The *ovoo* is one of the main centers of the spiritual (non-human) world and related forces in its ecosystem, and due to this characteristic, it has an impact not only on human mental health but also beyond. It can be understood that the Mongols believe that each *ovoo* has a range of functions only within its ecosystem, and in this process, "the interaction between the human individual and the non-human landscape entity" (Watters, 2021) occupies a key position. Ignoring the spiritual connection between humans and the natural world

Photo 2. An ovoo *built at the top of a mountain. Photo by D. Battulga, 2021.*
Фото 2. Обо, построенное на вершине горы. Фото Д. Баттулга, 2021 г.

can negatively affect human well-being. However, the approach of academic literature focused on Western philosophy may undercharacterize people's connection to nature (Vining, Merrick, Price, 2008). The main features of Mongolian ideology are as follows.

The *ovoo* is necessarily associated with spiritual well-being, as it largely represents well-being for the individual, or more broadly, the people of that *nutag* and the overall ecosystem which is considered culturally intact by the Mongols. By erecting the *ovoo*, the ecosystem seems to be changed by human actions, but considering the *ovoo*'s "models of the world" (Birtalan, 1998: 200, 206), it is the way to least affect nature. *Dayandeerhi* Cave and its *ovoo* were a major center of Mongolian shamanism until the 16th century (Banzragch, Sainkhuu, 2004). Consequently, hylozoism, which considers nature to be alive as a whole, occupies a significant place in Mongolian mythology (Batmunkh, Enkhbat, 2024), which is important for clarifying the influence of the *ovoo* on spiritual well-being. However, this is a spiritual approach to the *ovoo*, influenced only by nature and related factors. Elements of nature such as plants, animals, mountains and water are elements of rituals and ceremonies associated with the concept of spirit in many indigenous cultures (Russell et al., 2013). The *ovoo* festival (Tomikawa, 2006; Tsogt, Buyandelger, 2012) thus became a traditional Mongol ceremony and is still practiced today.

The *ovoo* significantly affects the sense of control and security among the Mongolians. According to the Mongolian worldview, the most important basis for security is balance (*tentsver*) between humans and nature, along with other factors that affect it (Humphrey, Onon, 1996: 363). If this balance cannot be maintained, Mongolian nomadic civilization, which is based on animal husbandry and herding throughout the year's four seasons, will face difficulties. In achieving this balance, the *ovoo* ritual and related customs play a crucial role. That is why *ovoo* sacrifices are mainly performed in summer and autumn (Bayarmaa, Buyandelger, 2017: 104). They are dedicated to overcoming the challenges of winter and spring that are the most difficult seasons for migratory livestock. By interacting with natural factors and non-natural elements believed to be under control, people gain a sense that they can control the positive and negative effects to a certain extent and appropriately maintain balance. Ultimately, all of this is an attempt to guarantee the well-being connected to solidifying one's cultural existence.

Education is vital to human existence and enhances well-being (Anand, Hunter, Smith, 2005). Although there is no set structure for teaching the *ovoo*'s theme and content, traditional Mongolian home and school education introduce children to the importance of nature in human life, particularly in nomadic agriculture, society and culture through oral stories, mainly myths (Chao, Li, Reyes-García, 2023: 352). These stories provide a means of understanding the underlying worldview. These legends often connect natural formations and characteristics with the *ovoo*, Mongolian heroes, wrestlers and the Naadam festival. Children and young people inherit Mongolian cultural values and traditional customs by observing and imitating the elders and ceremony leaders and by participating in *ovoo* ceremonies. It is important to ensure the preservation of native culture. Nature provides a restorative environment that supports focus and enhances cognitive functions (Kaplan, 1995). Since all *ovoo* practices occur in nature, children and young people are undoubtedly influenced by the immediate mastery of simple rituals and routines. Involvement of children in the *ovoo* ritual can help to preserve the collective customs and traditions of the relationship with nature.

Ecosystems include humans, and many people's well-being depends on the land and natural environment (Russell et al., 2013). Particularly for nomadic pastoralists, interaction with nature is crucial to the formation of their sense of self and forms the cornerstone of their indigenous culture and way of life. The study of the Anthropocene has lagged behind in recent years in terms of identifying the impact of supernatural forces and non-living environments on human civilization and culture (Pískatá, 2021). Investigating the geosociality of the *ovoo* is crucial for understanding the pattern of the "commingling of the geologic and the social" (Palsson, Swanson, 2016: 149) as well as for a thorough examination of how it impacted the development of the Mongols' "ecological identity" (Thomashow, 1996). The *ovoo* uses certain behaviors in the natural environment to create relationships between humans and non-humans or between ancestors and descendants (Pískatá, 2021). This enhances people's sense of belonging, creating special memories and a desire to love and protect their place. Thus, by participating in the *ovoo* ritual and various preparatory activities with family and friends, social groups can develop a style of relationship with nature, which is "equally important for social reasons…" (Russell et al., 2013: 487).

Due to disparities in their perspectives on environmental values, the rural Mongolians are more protective of their traditional *ovoo* practices (Kaczensky, 2007). This is partly because urban residents can no longer support themselves through animal husbandry due to environmental and climatic factors. People's sense of belonging is badly impacted by the disruption of traditional activities like hunting, fishing and travelling

Photo 3. An ovoo erected on the shore of a lake. Photo by D. Battulga, 2020.
Фото 3. Обо, воздвигнутое на берегу озера. Фото Д. Баттулги, 2020 г.

because of climate change and environmental degradation (Russell et al., 2013). As a result, the Mongolian *ovoo* ritual plays a significant role in giving the nomadic society its original meaning again.

As some researchers have noted, "The connection between nature and identity can also be mediated by particular species" (Ibid.: 488). For the Mongols, cattle serve as an intermediary, and their system of rites and ceremonies centered around the *ovoo* sufficiently ensures their existence and well-being. Because the *seterleh* ritual is performed at the *nutag*'s *ovoo* ceremony. *Seterleh* means saving an animal's life from death (Sarangerel, 1990: 128). Offering the best of the livestock to the *nutag*'s deities of the sky, earth and water represents the welfare of the entire herd of animals and the *nutag*'s community. Some scholars have defined this interaction as "emotional and ethical entanglements of human–animal relations" (Convery et al., 2005: 100). Since human and animal health are interdependent, the *ovoo* ritual through the *seterleh* ceremony is aimed at human well-being (Zinsstag et al., 2005). The *ovoo* is a cultural phenomenon common not only in Mongolia, but also among Turkic-speaking peoples, for example, the Tuvans. It influences the formation of an "ecocentric identity" (Stairs, 1992: 119–120) associated with the characteristics of nomadic civilization and animal husbandry.

The main feature of the Mongolian social organization is the "appanage community" (Atwood, 2012: 2). Throughout the 17th–20th centuries, the form of the banner (*khoshuu*) prevailed. Within their borders, members of a *khoshuu* performed the *ovoo* ritual to express their interests and aspirations (Bass, 2021) and, in some cases, used it for administrative accounting and military readiness (Bayarmaa, Buyandelger, 2017). In modern times, the *ovoo* ritual is used by local authorities (*aimags*, *soums*) to reintegrate members of their community and restore their territorial identity. On the other hand, the *ovoo* served as a material symbol of the border of the Mongolian people, and it was called the *ovoo* border (*hiliin*) (Bayarmaa, Buyandelger, 2017). Because there were no clear borders to delineate their territories since ancient times, the *ovoo* was used as a marker, and sacrifices were performed jointly by neighboring communities. Given that a natural location is identified as the most suitable for civilization (Newell, 1997), the Mongolian location is the most suitable environment for nomadic animal husbandry. That is why herders have a sense of belonging to the area as a conscience and integral factor in their livestock farming. The *ovoo* can be understood as a form of expression of this feeling.

People gain a sense of belonging to a social group through their relationship with nature, increasing positive well-being aspects (Nisbet, Zelenski, Murphy, 2011). Not only is this process directly related to the Mongolian concept of *nutag* (homeland), but the ritual of participation and performance of *nutag* and non-*nutag ovoo* sacrifices is different among people. When worshipping the *ovoo* of one's *nutag*, one should not directly touch the main *ovoo* but must perform a ritual of veneration of the minor *ovoo*, which is believed in by such people as queens, gatekeepers and soldiers (Sanjid, 1988: 21).

Regarding subjective well-being, relationships with nature are ranked similarly to things like marriage, education and income (Howell et al., 2011). In Mongolia each of the fourteen mountains' sacred *ovoos* (a mountain that is under special protection by the government and worshipped together with the participation of the government and the public at a set time) is the primary cause for the special protection of a mountain or natural park. As a result, it is now required by law that each *ovoo* be honored every five years. This special protection becomes the main factor in increasing the number of plant and animal species in the environment, which in turn affects a person's subjective well-being through the *ovoo*.

The ovoo: Aspects of well-being in the human–spiritual relationship

The *ovoo* shares a close relationship with the concept that every land and body of water has /a/ potent 'owner/owners' (ezen/ezed) and a domain dedicated to them (Bayarmaa, Buyandelger, 2017: 36). It is known that a mountain ezen is at the top of the mountain, a water ezen is at the river's source, and if there are several mountains close by, it is at the highest points of the mountains, such as a pass and a notch. Ezed are powerful supernatural beings who control and unite the spirits of all earthly and aquatic phenomena and processes in their 'jurisdictions'. Ezed are located in the horizontal space above the top layer of earth and water, or the boundary between earth and sky (Buyandelger, 2009: 42) and are ever-moving objects that respond to human interactions with their surroundings and objects under their control. This makes it plausible to believe that the *ovoo*, situated atop a mountain or near a water source, developed into one of the main ways to communicate with the land and the world's water. The *ovoo* cannot be regarded as a permanent home for supernatural beings (Lindskog, 2016); rather, it necessitates communication between

humans and these spiritual entities. These human and spiritual relationships through the *ovoo* can be understood to influence well-being through various forms such as mythology, shamanism and Buddhism, according to the characteristics of Mongolian thought.

Mythology is a distinct method of thinking that stresses not being 'true' but 'meaning' (Buyandelger, 2009: 26). Based on mythology, there has emerged a viable non-scientific, imaginative and logical explanation for the impacts of the *ovoo*, both positive and negative, on human well-being as well as on other realms. That is why the *ovoo* is dedicated not only to human–nature, but also to human–spiritual balance. This idea became customary and common in daily life among Mongolian nomadic pastoralists. The phrase 'Yields of the *ovoo* belong to thee, earnings of the game belong to me' is an abstract form of oral tradition that conveys the idea of bestowing well-being upon oneself as a reward for one's contribution to nature and spiritual existence (Bayarmaa, Buyandelger, 2017). It is typically said after presenting a stone or an offering.

The idea that the *ovoo* holds an enigmatic inner ability to communicate with spiritual creatures through words and rites makes sense when seen within the framework of mythology, and it is typical in Mongolian oral literature to find such interpretations (Dulam, 1989: 21). The Mongols traditionally worship stone, the main element that makes up an *ovoo*. The protagonist is frequently described in oral literature as powerful, like a rock, or as born of stone (Buyandelger, Khosbayar, 2020: 26). As a result, the use of stones in funeral rites persisted from the Neolithic era to the current Mongol period (Erdenebaatar, 2002: 31), demonstrating not only the *ovoo*'s ancient origin but also its connection to the spiritual realm (Dal Zovo, 2021).

The *ovoo* festival (Naadam) is held to entertain the ezed of land and water through *ovoo* sacrifices (Mansang, 2012: 128). It is a social process forming an 'innate identity' of the community members because of its recurrence and traditions (Tomikawa, 2006). It was crucial that rather than a strong wrestler or a horse racer, the nutag deity is represented by a man or a horse during the *ovoo* festival. By providing entertainment for these otherworldly creatures, the event aims to enhance the local population's well-being (Bayarmaa, Buyandelger, 2017: 73).

Photo 4. An ovoo representing crossing a mountain. Photo by U. Munkhdagva, 2020.
Фото 4. Обо, представляющее собой переход через гору. Фото У. Мункхдагвы, 2020 г.

Chants and incantations are widely used in *ovoo* ceremonies to communicate one's own and other people's aspirations. Therefore, it is thought that praying for good things will indirectly impact someone's life, such as a bountiful growth of plants and vegetables, balanced sun and rain on land and water, and a pleasant weather with less wind. Consequently, the concept and practice of worshipping the 'Eternal Blue Sky and Mother Earth' (Etugen) were executed through the *ovoo* offering (Bayarmaa, Buyandelger, 2017: 44). The mythological idea of the *ovoo* was updated and built upon the idea of the sacral sky, strengthening the tradition and creating State Sacred Mountains (*ovoo*) that were revered not only by the locals, but by the entire population of the area. As a result, the concept of the *ovoo* from Mongolian mythology served as the foundation for preserving the *ovoo* ritual within the context of shamanic and Buddhist teachings, enriching and renewing its significance for the welfare of people.

According to shamanism, worshipping the *ovoo* starts with greeting its *ezen*, offering food and drink, then going on to express whatever you wish verbally and lastly bidding farewell with warm regards (Bayarmaa, Buyandelger, 2017). The *ovoo* is, therefore, a key object in shamanism that facilitates communication with the spiritual realm. This communication's primary goal is to draw in otherworldly elements that will enhance a person's quality of life while they are living in *nartu* (the world where humans live). *Ovoo* texts (*ovoonii san*) are oral traditions passed down from generation to generation for blessing auspiciousness, praising the *ezed*, honoring them, inviting blessings and apologizing (Erdenetuya, 2014). Later, during the spread of Buddhism, it was converted into written form (Sangha sutras) and was read mainly in Tibetan. *Ovoonii san* vary in size and formulation but share a common internal structure and content. The idea of *ovoonii san* is wishing to make people's livestock as numerous as the stars in the sky, to make the crops as abundant as the roots in the earth, ward off adversities (diseases, famine, drought, robbery, quarrels, etc.), to pray for people's long life, prosperity and a successful development of a desired outcome (Bayarmaa, Buyandelger, 2017). It is not a real regulation, but it means to support one's well-being by solving supernatural factors that cannot be done within the scope of one's own consciousness and actions with the help of the spiritual world.

In Mongolia, Buddhism spread three times (Sainbileg, 2018); the third one, which started in the 16th century, was greatly assimilated into the national worship and culture thanks to political and administrative backing. Buddhism created 'syncretism', a practice that integrated aspects of both religions by using the idols and customs of both the old and new religions (Purevjav, 1978: 54). In this way, the *ovoo* ritual began to combine shamanic rituals with Buddhist chants and, for instance, in the eastern part of Buryatia, the ritual and offering became a complex of chants, so that one half of the ritual became shamanic and the other was Buddhist (Mykhailov, 1987: 182). As a result, the Mongols, who understood the image of earth and water only as a representative of the shaman inviting the spirit to himself, painted portraits based on the established Buddhist canon and placed them in some Buddhist temples or depicted them in cham (*tsam*) dance (Purevjav, 1978: 58). Thus, the ritual form of the Mongols was enriched with the influence of Buddhism and passed on as an integral part of spiritual relations for the well-being of the people.

The most influential Buddhists in Mongolia actively participated in the development of the *ovoo* worship ritual. For instance, Zaya Pandita Luvsanperenley (1642–1715) created numerous ovoonii san texts (Ibid.: 47). As a result of all this, among the Mongolians, the features of the Buddhist ritual were formed, where monks worshiped the *ovoo*. Monks' involvement is crucial for guiding the *ovoo* offering in the correct direction and producing positive outcomes from an arrangement with the gazryn ezed (Lindskog, 2016). As Buddhism played a leading role in *ovoo* sacrifices, organizations responsible for sacrifices and established customs and rituals were formed according to the hierarchy of Mongol administrative units (soum — secondary subdivisions, aimag — provinces, etc.). For instance, in the vicinity of the *ovoo*, a brand-new Buddhist institution called the 'Ovoo Temple' emerged (Khurchabaatar, Ujume, 1991: 267). When building the *ovoo*, recitations known as aravnai are performed in addition to calling upon the ezed of earth and water. These recitations are meant to purify any treasures (shunshig) — such as coral, pearls, gold, silver, sandalwood, juniper, incense and khadag (Buddhist traditional ceremonial scarves) — that would be utilized to construct Buddhist deities (Ibid.: 268). According to Mongolian Buddhism, the water ezed (lus) rest and should not be worshipped from the 15th of midwinter to the 7th of early spring (Sanjid, 1988: 23). All these processes can be seen as the goal that guided Buddhist teachings and practices to realize the traditional relationship between man and spiritual well-being through the *ovoo*.

Conclusion

The positive effect on well-being through the *ovoo* in the form of the human–nature relationship is reflected in ten spectrums (physical health; mental health; spirituality; certainty and sense of control and security; learning and capability; inspiration and fulfillment of imagination; sense of place; identity and autonomy; connectedness and belonging; subjective well-being) (see: Russell et al., 2013: 474). The practical significance of this study lies primarily in the formation of a suitable combination of traditions and challenges of the *ovoo* phenomenon. A deeper understanding of its effects on well-being will provide important impetus for the development of its beneficial aspects for human health. The *ovoo* ceremony, as we have discovered earlier, is a significant practice of wishing for and believing in the fulfilment of well-being through the link between humans, nature and spirits. It has developed into a phenomenon, with numerous other sociopolitical goals in addition to being a component of Mongolian culture and a religious expression. The Qing (Manchu) dynasty administration had a restrictive policy and was hesitant to acknowledge the significance of the ovoo in Mongolian culture (Natsagdorj, 1963: 92). However, since the 18th century, the number of *ovoos* in Mongolia has greatly increased because the Mongolians used to mark the boundaries of a province (khil) by erecting *ovoos* (Gongor, 1978: 274). Since this khiliin *ovoo* is not worshipped, it does not affect the spiritual relationship, but it has an important effect on the well-being expressed by the relationship of the people living in that nutag with nature. Although the recognition and prevalence of the *ovoo* phenomenon has varied throughout historical development, its impact on the well-being of Mongolian people has remained stable. That is why the *ovoo* ceremony is deeply intertwined with other elements of Mongolian traditional culture and is still one of the most important ceremonies related to the concept of nutag.

Ovoo sacrifices among the Mongolians can be understood as supported by the public process of devotion blended with protecting the environment. The *ovoo* is an important phenomenon to protect the land and nature around it. This positively affects the well-being of people by guaranteeing the real basis of their existence. Different aspects of the human–spiritual relationship of the *ovoo* ceremony represent public faith, increase the sense of well-being of the general public by meeting their need for contacts with a spiritual being. The *ovoo* worship was eventually discontinued in the 1930s as a result of government policies and acts targeting monks and temples. The *ovoo* ceremony was outlawed because religious beliefs and customs superseded the merits of enhancing human welfare via interaction with the natural world. In the 1990s, however, the ceremony of *ovoo* sacrifice started to be reintroduced in Mongolia as part of social reforms and the restoration of people's freedom of worship. Investigating and promoting the essence of the *ovoo* ritual to improve the harmonious coexistence of human, natural and spiritual realms is one of the most important strategies to overcome these obstacles effectively. This strategy concludes that contrary to what was customary in the past, it is more crucial to cultivate scientific reasoning than it is to rely solely on religious consciousness. Finally, although we have presented only the origins and significance of the Mongolian *ovoo* worship, it is not only a tradition of the Mongolian cultural world. This tradition is related in many ways to the cultural world of shamanism and Buddhism, where there is religious syncretism. Therefore, it is important to expand the scope of this research in the future.

Author contributions

BATMUNKH, Buyandelger: conceptualization, methodology, writing — original draft, writing — review and editing.

TUYA, Amgalan: methodology, software, writing — original draft, writing — review and editing.

SANDAGJAV, Solongo: methodology, resources, software, writing — original draft.

UNENBAT, Munkhdagva: conceptualization, resources, visualization, writing — original draft.

SHAGDAR, Ichinkhorloo: supervision, resources, writing — original draft.

REFERENCES

Alcamo, J., Ash, N. J., Butler, C. D. et al. (2003) *Ecosystems and human well-being* : A report of the Conceptual Framework Working Group of the Millennium Ecosystem Assessment. Washington ; Covelo ; London, Island Press. xiv, 245 p.

Amarkhuu, O. (2000) *Mongolian customs and laws for environmental protection.* Ulaanbaatar, Khaan Printing. 225 p. (In Mongolian).

Anand, P., Hunter, G. and Smith, R. (2005) Capabilities and well-being: Evidence based on the Sen–Nussbaum approach to welfare. *Social Indicators Research*, vol. 74, no. 1, pp. 9–55. DOI: https://doi.org/10.1007/s11205-005-6518-z

Atwood, C. P. (2004) *Encyclopedia of Mongolia and the Mongol Empire.* New York, Facts on File, Inc. x, 678 p.

Atwood, C. P. (2012) Banner, *otog*, thousand: Appanage communities as the basic unit of traditional Mongolian society. *Mongolian Studies*, vol. 34, pp. 1–76.

Avner, U. (2023) Prehistoric cult sites along the desert roads. *Religions*, vol. 14, no. 12, art. 1472. DOI: https://doi.org/10.3390/rel14121472

Banzragch, Ch. and Sainkhuu, B. (2004) *History of the Mongolian monasteries.* Ulaanbaatar, Soyombo Printing. 435 p. (In Mongolian).

Bass, S. H. (2021) "They call out to their dead devils!" Erküüt and the rejection of communal rituals in a Mongol banner. *Études Mongoles et Sibériennes, Centrasiatiques et Tibétaines*, no. 52. DOI: https://doi.org/10.4000/emscat.5025

Batmunkh, B. and Boldbaatar, D. (2021) Mongolian wrestling (bukh) during the twelfth-fourteenth centuries. *The International Journal of the History of Sport*, vol. 38, no. 9, pp. 988–1007. DOI: https://doi.org/10.1080/09523367.2021.1973443

Batmunkh, B. and Enkhbat, M. (2024) Mongolian philosophical underpinnings of well-being: Mythology, shamanism and Mongolian Buddhism (before the development of modern nursing). *Nursing Philosophy*, vol. 25, no. 1, art. e12469. DOI: https://doi.org/10.1111/nup.12469

Bayarmaa, B. and Buyandelger, B. (2017) *Mountain and ovoo worship of the Mongolians.* Ulaanbaatar, Arvai Printing. 140 p. (In Mongolian).

Birtalan, Á. (1998) Typology of stone cairn obos (preliminary report, based on Mongolian fieldwork material collected in 1991–1995). In: Blondeau, A.-M. (ed.) *Tibetan mountain deities, their cults and representations* : Papers presented at a panel of the 7th Seminar of the International Association for Tibetan Studies (Graz, 1995). Vienna, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. Pp. 199–210.

Bumochir, D. (2019) Nationalist sentiments obscured by 'pejorative labels': Birthplace, homeland and mobilisation against mining in Mongolia. *Inner Asia*, vol. 21, no. 2, pp. 162–179. DOI: https://doi.org/10.1163/22105018-12340124

Buyanbat, G. (1985) *The meaning of Mongolian shamanism.* Huhhot, Inner Mongolian Press Committee. 189 p. (In Mongolian traditional script).

Buyandelger, B. (2009) *The Mongolian mind: Metaphysics.* Ulaanbaatar, Ikh Shavi Institute. 101 p. (In Mongolian).

Buyandelger, B. and Khosbayar, A. (2020) *The 44 heroic epics with wrestling content.* Ulaanbaatar, Arvai Press. 321 p. (In Mongolian).

Chao, O., Li, X. and Reyes-García, V. (2023) Faith, reciprocity, and balance: Inner Mongolian Ovoo offering ritual and its contribution to climate change adaptation. In: Reyes-García, V. (ed.). *Routledge handbook of climate change impacts on indigenous peoples and local communities.* 1st ed. London, Routledge. Pp. 348–357. DOI: https://doi.org/10.4324/9781003356837-26

Charleux, I. and Smith, M. J. (2021) Introduction to the special issue: Points of transition: *Ovoo* and the ritual remaking of religious, ecological, and historical politics in Inner Asia. *Études Mongoles et Sibériennes, Centrasiatiques et Tibétaines*, no. 52. DOI: https://doi.org/10.4000/emscat.4919

Convery, I., Bailey, C., Mort, M. and Baxter, J. (2005) Death in the wrong place? Emotional geographies of the UK 2001 foot and mouth disease epidemic. *Journal of Rural Studies*, vol. 21, no. 1, pp. 99–109. DOI: https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2004.10.003

Dal Zovo, C. (2021) *Ovoo*-cairns and ancient funerary mounds in the Mongolian landscape. Piling up a monumental tradition? *Études Mongoles et Sibériennes, Centrasiatiques et Tibétaines*, no. 52. DOI: https://doi.org/10.4000/emscat.4925

Descola, P. (2013) *Beyond nature and culture.* Chicago, The University of Chicago Press. xxii, 463 p.

Dulam, S. (1989) *Mongolian mythological thinking.* Ulaanbaatar, State Press Committee. 192 p. (In Mongolian).

Dulam, S. (1999) *Mongolian symbolism.* Ulaanbaatar, Admon Press. 210 p. (In Mongolian).

Dumont, A. (2021) Community, faith and politics. The *ovoos* of the Shinehen Buryats throughout the 20th century. *Études Mongoles et Sibériennes, Centrasiatiques et Tibétaines*, no. 52. DOI: https://doi.org/10.4000/emscat.5072

Erdenebaatar, Kh. (2002) *Culture of square graves and khirigsuur in Mongolia.* Ulaanbaatar, Soyombo Printing. 275 p. (In Mongolian).

Erdenetuya, U. (2005) Prohibitions during *oboo* worship ceremony. *Mongolian Journal of Anthropology, Archaeology and Ethnology*, vol. 1, no. 1 (242), pp. 125–131. (In Mongolian).

Erdenetuya, U. (2014) *Approaches towards environmental conservation of the Mongols.* Ulaanbaatar, Nuudelchin Group. 228 p. (In Mongolian).

Evans, C. and Humphrey, C. (2003) Timelessness and the monumental: The oboos of the Mergen environs, Inner Mongolia. *Cambridge Archaeological Journal*, vol. 13, no. 2, pp. 195–211. DOI: https://doi.org/10.1017/S095977430300012X

Ganbold, M. (2001) *Altai Uriankhai traditional worship.* Ulaanbaatar, National University of Mongolia. 166 p. (In Mongolian).

Gongor, D. (1978) *Khalkha tovchoo: Socio-economic organization of the Khalkha Mongols (The 11th and 17th centuries).* Ulaanbaatar, Press State Committee. 396 p. (In Mongolian).

Herzog, T. R., Maguire, C. P. and Nebel, M. B. (2003) Assessing the restorative components of environments. *Journal of Environmental Psychology*, vol. 23, no. 2, pp. 159–170. DOI: https://doi.org/10.1016/S0272-4944(02)00113-5

Howell, A. J., Dopko, R. L., Passmore, H.-A. and Buro, K. (2011) Nature connectedness: Associations with well-being and mindfulness. *Personality and Individual Differences*, vol. 51, no. 2, pp. 166–171. DOI: https://doi.org/10.1016/j.paid.2011.03.037

Hultkrantz, Å. (1978) Ecological and phenomenological aspects of shamanism. In: Diószegi, V. and Hoppál, M. (eds.) *Shamanism in Siberia*. Budapest, Akadémiai Kiadó. Pp. 27–58.

Humphrey, C. and Onon, U. (1996) *Shamans and elders: Experience, knowledge and power among the Daur Mongols.* Oxford ; New York, Clarendon Press. x, 396 p.

Humphrey, C., Mongush, M. and Telengid, B. (1993) Attitudes to nature in Mongolia and Tuva: A preliminary report. *Nomadic Peoples*, no. 33, pp. 51–61.

Hutchins, K. G. (2021) With each pass, another stone. Ovoo at the heart of heritage, environment, and conflict. *Études Mongoles et Sibériennes, Centrasiatiques et Tibétaines*, no. 52. DOI: https://doi.org/10.4000/emscat.5165

Jardine, A., Speldewinde, P., Carver, S. and Weinstein, P. (2007) Dryland salinity and ecosystem distress syndrome: Human health implications. *EcoHealth*, vol. 4, no. 1, pp. 10–17. DOI: https://doi.org/10.1007/s10393-006-0078-9

Kaczensky, P. (2007) Wildlife value orientations of rural Mongolians. *Human Dimensions of Wildlife*, vol. 12, no. 5, pp. 317–329. DOI: https://doi.org/10.1080/10871200701555303

Kaplan, R. (2001) The nature of the view from home: Psychological benefits. *Environment and Behavior*, vol. 33, no. 4, pp. 507–542. DOI: https://doi.org/10.1177/00139160121973115

Kaplan, S. (1995) The restorative benefits of nature: Toward an integrative framework. *Journal of Environmental Psychology*, vol. 15, no. 3, pp. 169–182. DOI: https://doi.org/10.1016/0272-4944(95)90001-2

Khurchabaatar, L. and Ujume, C. (1991) *Culture of Mongolian shamanism and sacrifice.* Huhhot, Inner Mongolian Cultural Press Committee. 327 p. (Mongolian traditional script).

Kirshenblatt-Gimblett, B. (2004) Intangible heritage as metacultural production. *Museum International*, vol. 56, no. 1–2, pp. 52–65. DOI: https://doi.org/10.1111/j.1350-0775.2004.00458.x

Kuo, F. E. (2001) Coping with poverty: Impacts of environment and attention in the inner city. *Environment and Behavior*, vol. 33, no. 1, pp. 5–34. DOI: https://doi.org/10.1177/00139160121972846

Lindskog, B. V. (2014) Natural calamities and 'the Big Migration': Challenges to the Mongolian health system in 'the Age of the Market'. *Global Public Health*, vol. 9, no. 8, pp. 880–893. DOI: https://doi.org/10.1080/17441692.2014.940361

Lindskog, B. V. (2016) Ritual offerings to ovoos among nomadic Halh herders of west-central Mongolia. *Études Mongoles et Sibériennes, Centrasiatiques et Tibétaines*, no. 47. DOI: https://doi.org/10.4000/emscat.2740

Maller, C., Townsend, M., Pryor, A., Brown, P. and Leger, L. S. (2006) Healthy nature healthy people: 'Contact with nature' as an upstream health promotion intervention for populations. *Health Promotion International*, vol. 21, no. 1, pp. 45–54. DOI: https://doi.org/10.1093/heapro/dai032

Mansang, T. (2012) *Mongolian shamanism.* Huhhot, Inner Mongolian Press Committee. 308 p. (Mongolian traditional script).

Moser, A. and Korstjens, I. (2018) Series: Practical guidance to qualitative research. Part 3: Sampling, data collection and analysis. *European Journal of General Practice*, vol. 24, no. 1, pp. 9–18. DOI: https://doi.org/10.1080/13814788.2017.1375091

Mykhailov, T. M. (1987) *Buryat shamanism: History, structure and social functions*. Novosibirsk, Nauka. 287 p. (In Russ.).

Natsagdorj, Sh. (1963) *History of Khalkha: A brief history of Manchu rule*. Ulaanbaatar, State Press Committee. 282 p. (In Mongolian).

Newell, P. B. (1997) A cross-cultural examination of favorite places. *Environment and Behavior*, vol. 29, no. 4, pp. 495-514. DOI: https://doi.org/10.1177/001391659702900403

Nisbet, E. K., Zelenski, J. M. and Murphy, S. A. (2011) Happiness is in our nature: Exploring nature relatedness as a contributor to subjective well-being. *Journal of Happiness Studies*, vol. 12, no. 2, pp. 303–322. DOI: https://doi.org/10.1007/s10902-010-9197-7

Ochir, A., Dalai, C., Ishjamts, N., Natsagdorj, S., Shirendev, B., Boldbaatar, J., Jamsran, L., Ishdorj, T. and Tseveendorj, D. (2003) *History of Mongolia*. Ulaanbaatar, Mongolian Academy of Sciences. 436 p. (In Mongolian).

Ottosson, J. and Grahn, P. (2008) The role of natural settings in crisis rehabilitation: How does the level of crisis influence the response to experiences of nature with regard to measures of rehabilitation? *Landscape Research*, vol. 33, no. 1, pp. 51–70. DOI: https://doi.org/10.1080/01426390701773813

Palsson, G. and Swanson, H. A. (2016) Down to Earth: Geosocialities and geopolitics. *Environmental Humanities*, vol. 8, no. 2, pp. 149–171. DOI: https://doi.org/10.1215/22011919-3664202

Park, C. (1994) *Sacred worlds: An introduction to geography and religion*. London ; New York, Routledge. 352 p. DOI: https://doi.org/10.4324/9780203421055

Pískatá, J. M. (2021) On offering and forgiveness at Altan Ovoo's national Tahilga. *Études Mongoles et Sibériennes, Centrasiatiques et Tibétaines*, no. 52. DOI: https://doi.org/10.4000/emscat.5119

Purev, O. (1999) *Mongolian shamanism*. Ulaanbaatar, Mongolian Academy of Sciences. 392 p. (In Mongolian).

Purevjav, S. (1978) *A brief history of Buddhism in Mongolia*. Ulaanbaatar, State Press Committee. 288 p. (In Mongolian).

Russell, R., Guerry, A. D., Balvanera, P., Gould, R. K., Basurto, X., Chan, K. M. A., Klain, S., Levine, J. and Tam, J. (2013) Humans and nature: How knowing and experiencing nature affect well-being. *Annual Review of Environment and Resources*, vol. 38, pp. 473–502. DOI: https://doi.org/10.1146/annurev-environ-012312-110838

Sainbileg, B. (2018) Buddhist studies in the west, past and present: Role of the Mongolian Buddhism. *Proceedings of the Mongolian Academy of Sciences*, vol. 58, no. 1, pp. 127–139. (In Mongolian). DOI: https://doi.org/10.5564/pmas.v58i1.978

Sainjargal, M. (2008) *Mongolian worship ritual*. Huhhot, Press Committee of Inner Mongolia University. 419 p. (In Chinese).

Sanjid, J. (1988) *Nature conservation: Some practices of the Mongolians*. Ulaanbaatar, Eruul Enkh. 54 p. (In Mongolian).

Sarangerel. (1990) *Behaviours of deed mongols*. Huhhot, People's Press Committee of Inner Mongolia. 408 p. (In Mongolian traditional script).

Sneath, D. (2014) Nationalising civilisational resources: Sacred mountains and cosmopolitical ritual in Mongolia. *Asian Ethnicity*, vol. 15, no. 4, pp. 458–472. DOI: https://doi.org/10.1080/14631369.2014.939330

Stairs, A. (1992) Self-image, world-image: Speculations on identity from experiences with Inuit. *Ethos*, vol. 20, no. 1, pp. 116–126. DOI: https://doi.org/10.1525/eth.1992.20.1.02a00050

Sukhbaatar, O. (2001) *Mongolian sacred mountain and water scriptures*. Ulaanbaatar, Soyombo Printing. 213 p. (In Mongolian).

Sukhbaatar, O. and Tsolmon, P. (1986) *A cave*. Ulaanbaatar, State Press Committee. 100 p. (In Mongolian).

Thomashow, M. (1996) *Ecological identity: Becoming a reflective environmentalist*. Cambridge, MA, MIT Press. xxii, 228 p.

Tomikawa, R. (2006) Mongolian wrestling (bukh) and ethnicity. *International Journal of Sport and Health Science*, vol. 4, no. 1, pp. 103–109. DOI: https://doi.org/10.5432/ijshs.4.103

Tsogt, B. and Buyandelger, B. (2012) *Mongolian wrestling culture*. Ulaanbaatar, Mongolian Philosophy of Sports Federation. 119 p. (In Mongolian).

Vining, J., Merrick, M. S. and Price, E. A. (2008) The distinction between humans and nature: Human perceptions of connectedness to nature and elements of the natural and unnatural. *Human Ecology Review*, vol. 15, no. 1, pp. 1–11.

Watters, R. (2021) The middle of the story. *Ovoos* and the ecological imagination in Mongolian conservation. *Études Mongoles et Sibériennes, Centrasiatiques et Tibétaines*, no. 52. DOI: https://doi.org/10.4000/emscat.5194

Zinsstag, J., Schelling, E., Wyss, K. and Mahamat, M. B. (2005) Potential of cooperation between human and animal health to strengthen health systems. *Lancet*, vol. 366, no. 9503, pp. 2142–2145. DOI: https://doi.org/10.1016/S0140-6736(05)67731-8

Submission date: 02.12.2024.
Acceptance date: 07.02.2025.

DOI: 10.25178/nit.2025.4.21

Статья

Смена термина как репрезентация миграционного дискурса в СМИ: кейс Казахстана

Марлан О. Негизбаева, Елена И. Дудинова, Назгуль Т. Шынгысова, Анастасия И. Скрипникова, Айгерим А. Тасилова
Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Республика Казахстан

В статье анализируется проблема восприятия миграционных процессов и отношения к мигрантам и терминологии на примере Казахстана. В 2020 г. здесь была произведена замена основного термина, используемого с 1997 г. в отношении представителей казахской национальности, проживавших за пределами Республики Казахстан, но вернувшихся на историческую родину после обретения ею суверенитета.

Казахстанский кейс интересен для изучения в аспекте особенностей адаптации репатриантов и принимающего общества, а также в приложении к медийному сопровождению государственной инициативы по переименованию.

Был проанализирован уровень интереса медиа к терминам «кандас» и «оралман». Установлено, что термин оралман знаком гражданам Казахстана и России. Наблюдается неверие казахстанцев, что замена термина серьезно изменит отношение к репатриантам. Потенциал активизации и положительных изменений миграционного дискурса, в связи со сменой термина, не реализован. Освещая тему замены термина, казахстанские журналисты, не обеспечивают широкую репрезентацию всего спектра мнений и обсуждение темы; чаще ограничиваются цитированием документов, не стремятся к жанровому разнообразию материалов, пишут об изменении термина, основываясь только на официальной информации.

Проведенное исследование показало скачкообразный интерес аудитории к теме; результаты опроса — позитивное восприятие респондентами нового наименования репатриантов, но скептический взгляд на изменение отношения принимающего общества к кандасам; вариации дискурса смены терминологии.

Ключевые слова: *Казахстан; казахи; миграция; кандас; медиа; экономическая политика; социальное развитие; демографическая политика*

Для цитирования:
Негизбаева М. О., Дудинова Е. И., Шынгысова Н. Т., Скрипникова А. И., Тасилова А. А. Смена термина как репрезентация миграционного дискурса в СМИ: кейс Казахстана // Новые исследования Тувы. 2025. № 4. С. 394-416. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.21

Негизбаева Марлан Онласыновна — кандидат филологических наук, доцент факультета журналистики Казахского национального университета имени аль-Фараби. Адрес: Республика Казахстан, 050000, г. Алматы, пр. аль-Фараби, д. 71. Эл. адрес: marlan.negizbayeva@kaznu.edu.kz

Дудинова Елена Ивановна — кандидат филологических наук, доцент факультета журналистики Казахского национального университета имени аль-Фараби. Адрес: Республика Казахстан, 050000, г. Алматы, пр. аль-Фараби, д. 71. Эл. адрес: elenadudinova29@gmail.com

Шынгысова Назгуль Турсынбаевна — доктор филологических наук, профессор факультета журналистики Казахского национального университета имени аль-Фараби. Адрес: Республика Казахстан, 050000, г. Алматы, пр. аль-Фараби, д. 71. Эл. адрес: nazgul.shyngyssova@gmail.com

Скрипникова Анастасия Ивановна — PhD, старший преподаватель факультета журналистики Казахского национального университета имени аль-Фараби. Адрес: Республика Казахстан, 050000, г. Алматы, пр. аль-Фараби, д. 71. Эл. адрес: sai.kz@mail.ru

Тасилова Айгерим Айтбаевна — PhD, старший преподаватель факультета журналистики Казахского национального университета имени аль-Фараби. Адрес: Республика Казахстан, 050000, г. Алматы, пр. аль-Фараби, д. 71. Эл. адрес: taika9183@gmail.com

Article

Change of Terminology as a Representation of Migration Discourse in the Media: The Case of Kazakhstan

Marlan O. Negizbayeva, Yelena I. Dudinova, Nazgul T. Shyngyssova, Anastasiya I. Skripnikova, Aigerim A. Tassilova
Al-Farabi Kazakh National University, Republic of Kazakhstan

The article analyzes the problem of the perception of migration processes and attitudes toward migrants and migration-related terminology, using Kazakhstan as an example. In 2020, the main term used since 1997 to refer to individuals of Kazakh ethnicity who had lived outside the Republic of Kazakhstan, but returned to their historical homeland after the country gained sovereignty was replaced.

The case of Kazakhstan is of particular interest for studying the specifics of adaptation by both repatriates and the host society, as well as for exploring the media coverage of the state's renaming initiative. The level of media interest in the terms "kandas" and "oralman" was analyzed. It was established that the term "oralman" is familiar to citizens of Kazakhstan and Russia. There is a notable skepticism among Kazakhstanis regarding the extent to which the change of terminology will alter perceptions of repatriates. The potential for revitalization and positive transformation of migration discourse in connection with the terminological change remains unrealized. While addressing the topic, Kazakhstani journalists generally do not provide a broad representation of the diversity of opinions and discussions; more often they limit themselves to quoting official documents and refrain from employing various journalistic genres. Reporting on the change in terminology is based mainly on official information.

The study revealed that audience interest in the topic was irregular; survey results indicated a positive reception of the new designation for repatriates among respondents, yet a skeptical view regarding changes in host society attitudes toward "kandas". There were also variations in the discourse surrounding the change in terminology.

Keywords: *Kazakhstan; Kazakhs; migration; kandas; media; economic policy; social development; demographic policy*

For citation:
Negizbayeva M. O., Dudinova Y. I., Shyngyssova N. T., Skripnikova A. I., Tassilova A. A. Change of Terminology as a Representation of Migration Discourse in the Media: The Case of Kazakhstan. *New Research of Tuva*, 2025, no. 4, pp. 394-416. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.21

NEGIZBAYEVA, Marlan Onlasynovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Journalism Faculty, Al-Farabi Kazakh National University. Postal address: 71, Al-Farabi Ave., 050000, Almaty Republic of Kazakhstan. E-mail: marlan.negizbayeva@kaznu.edu.kz
ORCID: 0000-0002-7391-5952

DUDINOVA, Yelena Ivanovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Journalism Faculty, Al-Farabi Kazakh National University. Postal address: 71, Al-Farabi Ave., 050000, Almaty Republic of Kazakhstan. E-mail: elenadudinova29@gmail.com
ORCID: 0000-0001-9411-0558

SHYNGYSSOVA, Nazgul Tursynbayevna, Doctor of Philological Sciences, Professor, Journalism Faculty, Al-Farabi Kazakh National University. Postal address: 71, Al-Farabi Ave., 050000, Almaty Republic of Kazakhstan. E-mail: nazgul.shyngyssova@gmail.com
ORCID: 0000-0001-9499-9182

SKRIPNIKOVA, Anastasiya Ivanovna, PhD, Senior Lecturer, Journalism Faculty, Al-Farabi Kazakh National University. Postal address: 71, Al-Farabi Ave., 050000, Almaty Republic of Kazakhstan. E-mail: sai.kz@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5536-191X

TASSILOVA, Aigerim Aitbayevna, PhD, Senior Lecturer, Journalism Faculty, Al-Farabi Kazakh National University. Postal address: 71, Al-Farabi Ave., 050000, Almaty Republic of Kazakhstan. E-mail: taika9183@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0295-4636

Введение

Миграционные процессы исторически включены в культурный, экономический и социальный сектора жизни любого общества. Постсоветские государства после 1991 г. накопили определенный опыт по привлечению «новых граждан» в свои страны, рассчитывая на дивиденды в виде роста численности населения, трудовых, технологических и финансовых резервов.

Казахстан — одно из первых государств СНГ, приступивших к активному привлечению представителей коренного этноса на историческую родину. Уже в июне 1992 г. был принят Закон об иммиграции[1]. В данном документе не было специального термина, использовались схожие в смысловом плане слова и словосочетания: репатрианты, лица казахской диаспоры, соотечественники и лица коренной национальности, репатрианты-беженцы.

Возвращение этнических казахов было призвано способствовать сохранению национальной идентичности государства, возрождению традиций, культуры и языка.

Уже тогда ученые писали о необходимости отдельного термина для именования казахов зарубежья. По их мнению, процесс самоидентификации этнических казахов очень важен, к тому же он может «сгладить» социолингвистическую адаптацию в принимающем обществе (Bokayev et al., 2012: 333).

С 1996 г. наблюдался прогрессивный рост числа репатриантов, что отражало экономические успехи Казахстана и рост уровня жизни, а также повышение осведомленности этнических казахов, проживающих за пределами Казахстана, о позитивной миграционной политике (Дудинова и др., 2021: 39). Государство, понимая важность процесса возвратной миграции для относительно небольшого населения Казахстана, инициировало процессы адаптации, финансовой и информационной поддержки. В Законе о миграции 1997 г. был впервые введен специальный термин *оралман* ‘вернувшийся’ для обозначения репатриантов. Он использовался более 20 лет.

Безусловно, важной целью было увеличение численности казахского населения, понесшего значительные демографические потери в 1920–1930-х гг., а также динамика национального строительства и возрождения казахской культуры и языка.

Отношение к репатриантам не было однозначным, так как в принимающем обществе возникали опасения за рабочие места, неравенство в выделении земель, образовательных грантов, материальных средств. Чаще всего такие стереотипы возникали из-за низкой осведомлённости населения об экономических и социальных выгодах от репатриации и реальном контенте государственных программ по переселению.

Несколько пассивную роль заняли СМИ, многие из которых просто транслировали прогосударственную позицию, не отражая всего спектра мнений населения и его негативно настроенных представителей, выражающих свое «неприятие» в комментариях под текстами журналистов или в быту.

В 2019 г. Президент Республики Казахстан К.-Ж. Токаев предложил новый термин для вернувшихся на родину казахов, обозначив смысловой контекст замены: «Жеті атасын білетін халыққа қандас деген ұғым жарасады» (‘Для народа, знающего семь поколений предков, ближе понятие кандас’)[2].

И уже в 2020 г. Приказом Министра внутренних дел Республики Казахстан[3] произошла замена термина *оралман* на *кандас* ‘единокровный’, что вызвало динамику миграционного дискурса.

В этой связи интересно изучить влияние смены термина на актуализацию миграционной темы в медийной повестке дня Казахстана, рассматривая ее на нескольких уровнях: лояльность государства, лояльность населения принимающей страны и лояльность медиа.

Под лояльностью государства мы понимаем официальную позицию государственных органов, выраженную в республиканских программах, законах, финансировании и поддержке репатриантов. Лояльность населения обычно прослеживается (кроме бытового уровня и межличностной комму-

[1] Закон Республики Казахстан «Об иммиграции» от 26 июня 1992 года. Утратил силу — Законом РК от 13 декабря 1997 г. N 205 ~Z970205 [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z920003300_(дата обращения 21.08.2024).
[2] Елисеева У. Надо отказаться от слова «оралман» — Токаев [Электронный ресурс] // Казахстанская правда. 2019, 19 сентября. URL: https://kazpravda.kz/n/nado-otkazatsya-ot-slova-oralman-tokaev/ (дата обращения 01.08.2024).
[3] Приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан от 27 августа 2020 года № 599 «О внесении изменений и дополнения в приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан...» [Электронный ресурс] // Юрист. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37311168&utm_source=fb&utm_medium=03.09.&utm_campaign=9&pos=3;-106#pos=3;-106 (дата обращения 23.08.2024).

никации) через реакции в соцсетях, оценки блогеров/гражданских журналистов. Лояльность медиа представляет интересный объект для изучения, так как СМИ находятся между полюсами: проводят двухстороннюю коммуникацию, ориентируясь на государственный заказ или реагируя на политическую актуальность информационных поводов, параллельно учитывая интересы и запросы аудитории.

Целью нашего исследования стал малоизученный феномен зависимости актуализации миграционного дискурса в Казахстане от смены терминологии. Авторы сосредоточились на вопросах: как менялся уровень интереса к теме в период принятия нового наименования? Проявили ли иностранцы интерес к данному событию? Какие нарративы использовались как удачные? Почему смена термина вызвала широкую поддержку в публичной сфере, но, по некоторым оценкам, имела признаки популистского дискурса и фреймирования репатриантов вне публичной сферы, на семейно-бытовом уровне.

Вопрос о том, что изменилось в сознании казахстанцев и в их отношении к «новым соотечественникам», находится в сфере когнитивно-психологической и социально-культурной компетенции. Поэтому авторы обратились к изучению медийного ответа на ситуацию, замерам внимания и интереса аудитории к данной теме, частоты обращения журналистов и пролонгированности новостного повода в СМИ.

Авторами было выдвинуто несколько предположений. Во-первых, если прибывающие репатрианты будут иметь «определение», релевантное культурному коду или национальному менталитету, то они легче будут интегрироваться в местные сообщества и местную социально-культурную среду в течение более короткого периода времени. Во-вторых, локальные сообщества будут открыты для интеграции прибывших граждан как в культурном, так и в экономическом плане, по причине того, что мигранты займут вакантные рабочие места, которые не востребованы среди местного населения. В-третьих, синтез демографических и географических соображений, поскольку растущая экономика требует больше рабочей силы в сельских регионах, которые непопулярны среди молодежи коренной национальности.

У данного исследования, таким образом, сформировался комплекс задач: 1) осветить тенденции процессов репатриации в Казахстане, проанализировать исследовательский комплекс научной школы по данной теме; 2) провести контент-анализ журналистских материалов, освещающих проблему смены терминологии; 3) выяснить отношение общества к замене термина и к миграционной политике государства в целом, а также понять уровень интереса со стороны медиа-аудитории.

Казахстанский кейс смены термина, коннотации и последствий этого процесса интересен для изучения в аспекте особенностей адаптации репатриантов и принимающего общества, а также в приложении к медийному сопровождению государственной инициативы по переименованию: насколько новый термин изменил отношение казахстанцев к репатриантам, как к нему относятся сами вернувшиеся этнические казахи; насколько качественно был освещен данный процесс СМИ в аналитических проектах, экспертных интервью и др.

Для определения уровня лояльности/интереса СМИ к освещению репатриации в связи со сменой термина авторами в качестве гипотезы было выдвинуто следующее предположение: смена термина, являясь позитивным фактором отношения к этническим казахам, тем не менее не достигла уровня наиболее читаемых, обсуждаемых и долговременных медийных тем, представленных в информационном поле.

Данное исследование носит междисциплинарный характер, затрагивая такие научные отрасли, как социология, журналистика, политология, культурология, международные отношения и коммуникации.

В рамках исследования были изучены тексты электронных медиа Казахстана (Baigenews.kz, Tengrinews.kz, Ainews.kz, Kadry.kz, Forbes.kz, Nur.kz, Lada.kz и Sputnik.kz), релевантные теме посты и комментарии активных пользователей социальной сети Facebook (далее — FB; принадлежит компании Meta (США), признанной в РФ экстремистской. — *ред.*) за период 2020–2024 гг. Также в круг интересов авторов вошли государственные документы и законодательные акты, регламентирующие развитие миграционных процессов в Казахстане с 1991 по 2024 гг. Авторский коллектив работал с документами, находящимися в открытом доступе, на официальном сайте Министерства юстиции Казахстана Adilet.zan.kz[1].

[1] Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. Главная страница [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: https://adilet.zan.kz/rus (дата обращения: 04.09.2024).

Обзор литературы

Научный ландшафт сегодня представлен значительным количеством трудов по изучению проблем адаптации мигрантов, кросс-культурным и социальным формам интегрирования в новое общество, аспектам позитивной коммуникации и др. Ученые называют ключевым элементом благополучия мигрантов их эмоциональную интеграцию, то есть степень, в которой они воспринимают себя членами общества, и их идентификацию со страной, в которой они живут (Becker, 2021: 2). Дж. Юнгук отмечает решающую роль «этнической принадлежности в решении о переезде и выборе места назначения, поскольку потенциальные мигранты выбирают регионы, где преобладают их соотечественники» (Youngook, 2021: 618).

Анализ негативного или дискриминационного отношения к «новым гражданам» через стереотипы проводит Г. Дятлов, отмечая, что «через мифы и стереотипы формируется и функционирует модель отношений. Но по мере изменения отношения принимающего общества к мигрантам меняется и структура стереотипов, интенсивность присутствия в них страхов и враждебности» (Дятлов, 2010: 143). Неоднозначную роль СМИ в адаптации репатриантов отмечает Б. Пфетч, описывая чувства репатриантов, которые ощущают себя исключенными из сообщества большинства, к которому они так сильно хотят принадлежать (Pfetsch, 1999: 3). Исследования С. Кастелса и М. Миллера проливают свет на понимание трудностей репатриантов, которые, при определенных условиях, могут превращаться в этническое меньшинство (Castles, Miller, 1993: 31).

Действительно, социальные и культурные аспекты являются одними из важнейших мотиваторов миграционного процесса. Мигранты часто опасаются того, как они будут психологически адаптироваться на новом месте (Тажибаева, Козырев, 2015: 125). По данным некоторых исследований, проведенных в Казахстане, этнические казахи часто считают, что этнодемографические факторы окажут положительное влияние на их стабильную и поступательную интеграцию в общество (Абильдина, 2017: 5).

Возникают аналогии с исследованием Р. Росальдо о культурном гражданстве, дифференцирующем людей на «полных» граждан и граждан «второго сорта» (Rosaldo, 1994: 404). Вопрос неравноправия в случае репатриации является также часто обсуждаемым и болезненным.

В контексте темы интересно исследование российских авторов, посвященное миграционному опыту «новых граждан» и «устойчивости» принимающего населения (Абылкаликов, Баймурзина, Баталов, 2023: 6).

Ценностные мотивации в сохранении религиозной идентичности и формировании этнических сообществ у трудовых мигрантов (Бадмаева, Натсак, 2021: 200) также представляют интерес для понимания специфики, в том числе, и ценностных факторов этнических репатриантов.

Исторические предпосылки, государственная политика, правовая база и меры по поощрению прибытия этнических мигрантов в Казахстан вызывают устойчивый интерес отечественных ученых (Абдигалиева, Камалдинова, 2015: 137). С точки зрения парадигм теории международных отношений (либерализм и конструктивизм) изучены причины репатриации казахов (Абраимов, 2016).

Двухуровневый комплекс проблем адаптации, культурные и социально-психологические барьеры, возникающие у студентов-оралманов в высших учебных заведениях Казахстана, основательно изучены в исследовании российских и казахстанских ученых (Valieva et al., 2019).

Исследование причин замены термина *оралман* на *кандас* в Казахстане обоснованно вызвало широкий интерес ученых из разных стран (Шайбакова, 2023: 353; Жаркынбекова и др., 2024; Ковальская, Федорова, Хизат, 2024: 8).

Научная мысль по вопросам миграции развивается по разнообразным, в смысловом контексте, векторам: виды и формы миграции; проблемы адаптации «новых граждан»; этнические конфликты в миграционной сфере; концепции принимающего общества; формы реализации государственной политики в сфере «собирания» граждан и др. Однако, дискурс поэтапного изменения термина и отношения к нему, выраженный через медиа и фрейм- анализ откликов изучается впервые. Исследование целей, оценок и последствий введения нового термина, проведенное авторами в следующих разделах, позволяет прогнозировать возможные реакции и частично приступить к изучению проблемы категоризации данного процесса в социально-коммуникативном дискурсе. Попытки изменить

контент политических процессов через смену терминологии сегодня вызывают активный интерес. Примером может служить инициатива Турции по замене термина «Центральная Азия» на «Туркестан»[1].

Таким образом, исследование малоизученной темы смены термина, как новой формы актуализации медийного дискурса представляет собой также и практический интерес с точки зрения когнитивной лингвистики и вербализации медийной картины мира в текстах СМИ.

Из истории термина

Казахстан исторически обладает значительными территориями, находится на девятом месте по площади в мире, но при этом характеризуется низкой плотностью населения, что консервирует проблему освоения земель. М. Т. Жетесова отмечает, что из-за различных исторических событий XIX в. (политических преследований, голода, репрессий и коллективизации) численность представителей казахской национальности сократилась более чем на миллион человек[2]. Согласно официальным данным переписи, население сократилась с 3,63 млн чел. в 1926 г. до 2,31 млн чел. в 1939 г. Массовая эмиграция в первой половине XX в. способствовала формированию казахской диаспоры во многих странах мира, включая Китай, Афганистан, Иран и Турцию (Мендикулова, 1997: 3).

18 ноября 1991 г. Кабинет министров Казахской ССР принял постановление «О порядке и условиях переселения в Казахскую ССР лиц коренной национальности, изъявивших желание работать в сельской местности, из других республик и зарубежных стран»[3]. Так началась история «великого возвращения» на родину более полутора миллионов коренных казахов, их адаптации, обустройства, участия в политической и экономической жизни страны.

В 1997 г. был принят Закон Республики Казахстан «О миграции населения»[4], в который неоднократно затем вносились изменения и дополнения. Например, несколько раз менялось определение впервые введенного в официальный оборот термина *оралман*, уточнялся его денотат. Если в первом варианте так определяли лицо, изгнанное за пределы исторической родины и лишенное гражданства в силу актов массовых политических репрессий, незаконной реквизиции, насильственной коллективизации, то в редакции 2007 г. понятие определялось уже по-другому: «Оралман — иностранец или лицо (лица) без гражданства казахской национальности, постоянно проживающее на момент приобретения суверенитета Республикой Казахстан за ее пределами и прибывшее в Казахстан с целью постоянного проживания» (Досжанов, 2009: 254).

Все последующие законы и государственные программы были призваны урегулировать миграционные процессы (Игнатьева, 2022: 150), статус репатриантов и повысить привлекательность страны для мигрантов. Открывались Центры поддержки, запускались специализированные порталы. Например, Migration.enbek.kz, где в доступной форме предлагается широкий спектр услуг: включение в региональную квоту приема мигрантов, выдача карты «Ата жолы» («Путь предков» — документа, выдаваемого этническим казахам, которые готовы реализовать свои бизнес-идеи на территории Казахстана. Карта дает право на постоянное проживание в республике в течение 10 лет без потери гражданства другой страны.) и т. д.

Практически с первых дней принятия закона о репатриации в информационном пространстве Казахстана шли дискуссии. Прозвучала единичная, но заметная критика политики экс-президента по репатриации, обвинение некоторых репатриантов в организации беспорядков в г. Жанаозен в

[1] Турция откажется от термина “Центральная Азия“, заменив его на “Туркестан“ [Электронный ресурс] // Tengrinews. 2024, 10 октября. URL: https://tengrinews.kz/world_news/turtsiya-otkajetsya-termina-tsentralnaya-aziya-zameniv-na-550551/ (дата обращения 10.10.2024).

[2] Жетесова М. Т. Механизм экономической интеграции оралманов в казахстанское общество: автореф. дис… канд. ист. наук. Алматы, 2007. С. 34.

[3] Постановление Кабинета Министров Казахской ССР от 18 ноября 1991 года № 711 О порядке и условиях переселения в Казахскую ССР лиц коренной национальности, изъявивших желание работать в сельской местности, из других республик и зарубежных стран [Электронный ресурс] // Online.Zakon.kz. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1000759 (дата обращения 10.10.2024).

[4] Закон Республики Казахстан от 13 декабря 1997 года № 204-I О миграции населения [Электронный ресурс] // Online.Zakon.kz. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1008461&pos=5;-106#pos=5;-106 (дата обращения 01.09.2024).

2011 г.[1] Процесс интеграции казахов-репатриантов в местное сообщество также проходил не просто. Ощущались барьеры не только в отношениях другу к другу, но и в более широком социокультурном контексте (Ковальская, Федорова, Хизат, 2024: 8).

Неприятие вызывал и сам термин. По мнению некоторых исследователей, «по казахской традиции человек, который покидал род, не приветствовался, и к нему относились с презрением… Да, предки этих людей бежали из Казахстана, но они бежали, спасая свою честь, гордость, образ жизни, национальный язык, и, наконец, жизнь» (Досжанов, 2009: 254).

Социальный и культурный разрыв между оралманами и коренными казахами также стал более заметным (Тажибаева, Козырев, 2015: 132). Проблемы адаптации оралманов настолько возросли, что они начали искать альтернативные самоидентификации, такие как *агайын* ‘братья, родственники’, *отандастар* ‘соотечественники’ (Жетесова, 2014: 191).

Термин также не особо нравился репатриантам, проживающим в приграничных районах. Многие понимали, что казахские диаспоры — это потомки соотечественников, которые были репрессированы или бежали. Об этом свидетельствует тот факт, что прибывшим в то время оралманам выдавались справки о репрессиях их предков.

Эксперты отмечают, что понятия и дискурс, сформированные в связи с функционированием термина *оралман,* негативно влияли на отношения между родственниками и межкультурное восприятие[2].

Двадцать три года наименование *оралман* официально использовалось в политическом и социальном дискурсе; представители других национальностей, проживающие в Казахстане, понимали это слово без перевода и корректно использовали его. Сам термин изначально рассматривался как временное наименование для получения определенных льгот в ожидании получения гражданства (один год).

Местные исполнительные органы установили единовременные пособия оралманам и членам их семей, в том числе компенсацию расходов на проезд и провоз имущества. Порядок и условия выплаты пособий утверждались акиматами. Также оралманам предоставлялись земельные участки для ведения крестьянского или фермерского хозяйства и производства сельскохозяйственной продукции (меры государственной поддержки).

Возможно, в связи с широким, но односторонним информированием населения о льготах для репатриантов, в принимающем обществе стало формироваться негативное отношение к оралманам, как к лентяям, которым достается все и сразу. В народе даже сложилось убеждение: *оралман* — иждивенец, которого государство обеспечивает всем необходимым. Жители РК стали воспринимать «новых сограждан» как тех, кто бежал из страны в тяжелые времена и решил вернуться только тогда, когда уровень жизни в ней существенно вырос.

13 мая 2020 г. Президент подписал законодательный акт, согласно которому Казахстан официально отказался от термина *оралман* в пользу термина *кандас*.

Надо отметить, что тема полной смены термина, обозначающего вернувшихся на историческую родину этнических граждан, мало изучена. Например, в немецком языке закреплены термины: *aussiedler* ‘переселенцы’ и *spätaussiedler* ‘поздние переселенцы’ (Dietz, 2006: 116). Данные термины обозначают хронологию возвращения репатриантов или волны миграции и не меняют содержание или коннотацию термина.

Интересен кейс Израиля. Существует понятие *алия* (עלייה ‘подъём’, ‘восхождение’, ‘возвышение’), означающее репатриацию евреев на свою исконную родину. Закон «О возвращении»[3] закрепляет

[1] Тогузбаев К. Оралманы требуют извинений от Тимура Кулибаева. [Электронный ресурс] // Радио Азаттык. 2011, 4 октября. URL: https://rus.azattyq.org/a/timur_kulibaev_oil_workers_strike_oralmans_kazakh_repatriates/24348862.html (дата обращения 01.08.2024).

[2] Әшімханова Д. Э., Мұсатаева Ф. М., Окасова Г. Е., Кәрім Ж. Қ. Қазақстандағы этникалық топтардың өзара қарым-қатынасының психологиялық ерекшеліктері (2006–2020 жылдар кезеңінде этникалық топтардың қатысуымен болған қақтығыстық кейстер негізінде). Әдістемелік құрал [Психологические особенности межэтнических отношений в Казахстане (на материале межэтнических конфликтов 2006–2020 гг.). Методическое пособие]. Нұр-Сұлтан: Қолданбалы этносаяси зерттеулер институты, 2021. С. 59. (На каз. яз.).

[3] Текст Закона Израиля «О возвращении» на русском. Принят Кнессетом 5 июля 1950 года. [Электронный ресурс] // РИКЦ. URL: https://russia-israel.com/basic-laws/zakon-o-vozvrashhenii#tekst-zakona-o-vozvrashhenii-na-russkom (дата обращения: 14.10.2024).

это понятие сионизма как одно из ключевых. Евреев, вернувшихся в Израиль, называют *олим* — *עִילִּוי* ‘репатрианты’ или ‘восходящие’, а недавно вернувшихся — *олим хадашим* — *עישדח עילוי* ‘новые репатрианты’. В «Основном законе: Израиль — национальное государство еврейского народа» провозглашен принцип «собирания рассеянных по миру евреев»[1]. Усиление понятия репатриант детерминацией «рассеянный» создает дополнительную смысловую нагрузку.

В российских документах с 2006 г. используется понятие *соотечественник*[2]. Термин *репатриант* встречается как смысловой синоним в текстах СМИ[3].

В Китае, активно работающим над программой объединения и привлечения иностранных китайцев, особенно нового поколения мигрантов-интеллектуалов, под лозунгом «Служить родине», используется несколько понятий: *hua-qiao* ‘китайские граждане, проживающие за рубежом’; *huaren* ‘иностранные граждане китайского происхождения’; общее название — *haiwaitonbao* ‘зарубежные и китайские соотечественники’ (Камалдинова, Абдигалиева, 2017: 207). Данные термины называют признаки и отличия, несут дополнительную информацию.

В Кыргызстане используется термин 2007 г. — *кайрылман*[4]. Этот статус предоставлялся всем переселенцам — иностранным гражданам и лицам без гражданства кыргызского этнического происхождения.

В Казахстане иная ситуация: появление нового термина *кандас* полностью отменило официальное хождение и легитимное использование термина *оралман*. Причины, цель и понимание этого феномена, безусловно, вызывают исследовательский интерес.

Методология

На основе инструментария Google Trends исследовательская группа проанализировала поисковые запросы *кандас* (одно из или единственное слово в поисковом запросе) с 13 мая 2020 г. (день официального объявления о замене термина в Республике Казахстан) по 13 мая 2024 г. включительно. Релевантные промежуточные исследования апробированы в статье А. И. Скрипниковой (Skripnikova, 2021: 10).

Для получения первичных данных исследовательская группа проанализировала интерес аудитории к обоим терминам: *оралман* и *кандас* (пользователи Интернета считаются частью медиапотребителей, т. е. частью аудитории).

На основе изучения поисковых запросов был сделан один из выводов: об интересах и запросах Интернет-пользователей, которые являются неотъемлемой частью аудитории СМИ (доля пользователей сети Интернет на 2024 г. в Казахстане превышает 90% во всех регионах страны[5]). Помимо этого, получена информация, что иностранные граждане, в том числе потенциальные мигранты, не заинтересованы в изменении политических векторов по данному вопросу.

В качестве дополнительного источника информации для обсуждения был проведен социологический опрос, результаты которого позволяют провести предварительный фрейм-анализ реакций населения на новый термин и государственную политику в сфере миграции, в целом. Опрос был запущен 20 мая 2021 г., практически сразу же после подписания Закона. Ссылка на опрос была

[1] Основной закон: Израиль — национальное государство еврейского народа [Электронный ресурс] // ИА ТАСС. 2018, 19 июля. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5386569 (дата обращения: 13.09.2024).
[2] Указ Президента РФ от 22 июня 2006 г. № 637 «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал Гарант.ру. URL: https://base.garant.ru/189653/ (дата обращения: 14.09.2024).
[3] В России упростили условия программы переселения для репатриантов [Электронный ресурс] // Ведомости. 2024, 17 февраля. URL: https://www.vedomosti.ru/society/news/2024/02/17/1020841-programmi (дата обращения: 29.08.2024).
[4] Постановление Правительства Кыргызской Республики от 23 июня 2015 года № 402 Об утверждении Положения о порядке предоставления статуса кайрылмана (с изменениями и дополнениями по состоянию на 08.05.2024 г.) [Электронный ресурс] // Online.Zakon.kz. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32814895 (дата обращения 01.09.2024).
[5] Об использовании ИКТ [Электронный ресурс] // Бюро национальной статистики агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: https://stat.gov.kz/ru/industries/business-statistics/stat-it/dynamic-tables/?period=year (дата обращения 13.09.2024).

опубликована в социальной сети FB в открытом доступе (с тематическими хэштегами и ключевыми словами) с неограниченной возможностью пересылки, а также производилась ее рассылка посредством мессенджера WhatsApp в студенческих группах и рабочих факультетских чатах Казахского национального университета им. аль-Фараби с просьбой распространить информацию. Приглашение принять участие в опросе было разослано также по электронной почте с применением рандомайзера на базе начальных значений или семян: «kz» и «kaz», послуживших отправной точкой для генерации списка адресов. Опрос был завершен 10 июля 2021 г.

Респонденты (150 чел.) принимали участие в опросе бесплатно и добровольно.

Также в качестве материалов исследования анализировались отклики (комментарии) к текстам электронных СМИ по теме репатриации за 2020–2024 гг.

На эмпирическом уровне группа исследователей сосредоточилась на отборе внешних проявлений и реакций (фиксации в СМИ и фрейм-анализе откликов). Были также изучены закономерности динамизации медиаподдержки данного явления, их обусловленность государственной повесткой дня и законодательными инициативами.

Для решения исследовательского вопроса авторы использовали следующие подходы: анализ уровня интереса к теме потребителей информации, контент-анализ новостных материалов, опубликованных в СМИ, социологический опрос казахстанцев по уровню эмпатии к кандасам, анализ трендов в поисковых запросах и социальных сетях.

В качестве методов исследования также использован анализ измеряемых эмпирических данных в части ранжирования результатов опроса и комплекс универсальных методов сегментации основной и дополнительной информации фрейм-анализа, часть из которой не может быть представлена в силу высокой субъективности, стереотипности и использования крайне-оценочных характеристик и конфликтогенов в текстах комментаторов.

Результаты

Исследование количества запросов в Интернете позволяет определить интерес аудитории к данной теме. Поскольку Интернет предоставляет огромные возможности для быстрого получения и распространения информации, количество поисковых запросов, на наш взгляд, можно считать одним из репрезентативных показателей.

Был произведен анализ поисковых запросов с IP-адресов Республики Казахстан (устройства физически находились на территории страны), поступивших в период с 13 мая 2020 г. (день, когда президент подписал Закон по вопросам регулирования миграционных процессов) по 13 мая 2024 г. Полученные данные приведены ниже *(рис. 1)*.

Отметим, что Закон Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам регулирования миграционных процессов»

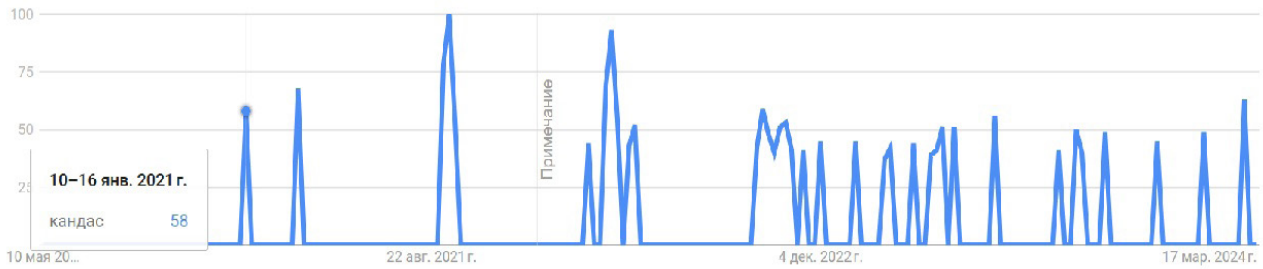

Рисунок 1. Динамика популярности поискового запроса по ключевому слову «кандас» в Казахстане за 2020–2024 гг. на базе Google Trends.
Figure 1. Dynamics of popularity of the search query by the keyword "kandas" in Kazakhstan f or 2020–2024 on the Google Trends' base.

введен в действие со 2 января 2021 г.[1] Как видно из полученного графика, первый всплеск интереса произошел практически сразу же после вступления в силу Закона. Значительный скачок был зафиксирован в конце августа 2021 г., что может быть объяснено повышением интереса в летний период, перед началом учебного года, когда пользователи искали информацию о скидках, льготах и грантах на обучение для кандасов. Также всплески приходятся на конец каждого календарного года. Данный факт можно связать с официальной публикацией отчетов и статистики за предыдущий год и планов на будущий официальными службами. Например, Служба Центральных коммуникаций при президенте РК сообщает: «Более 1 тыс. этнических казахов получили статус кандаса с начала 2024 года»[2]. Статистические данные широко используются в СМИ, поэтому подобные публикации всегда востребованы не только среди рядовых граждан, но и среди журналистов.

Если зададим те же параметры анализа, но изменим фильтр на поиск по всему миру, то получим идентичный график *(рис. 2)*.

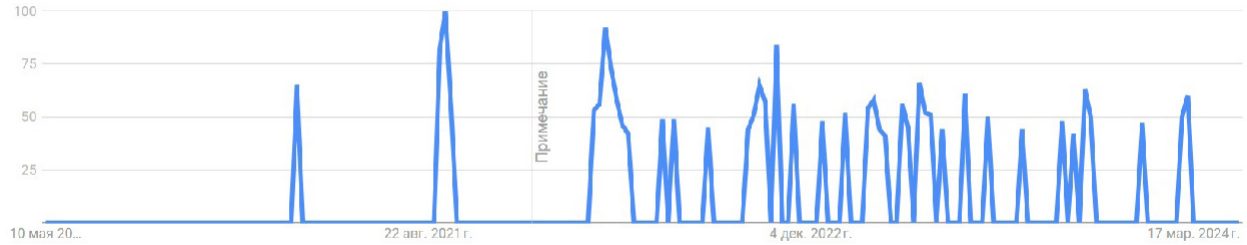

Рисунок 2. Динамика популярности поискового запроса по ключевому слову «кандас» по всему миру за 2020–2024 гг. Google Trends.
Figure 2. Dynamics of popularity of the search query "kandas" worldwide for 2020–2024. Google Trends.

Как видим, мировые поисковые запросы за 2020–2024 гг. достигали максимальной популярности практически в одно и то же время с казахстанскими. Следовательно — Интернет-пользователи, физически находящиеся в других странах, их не проводили или проводили в минимальном количестве. Это подтверждают нижеприведенные данные (*рис. 3)*.

1	Казахстан	100
2	Узбекситан	3
3	Россия	<1
4	Украина	<1

Рисунок 3. Частота поисковых запросов с ключевым словом «кандас» по миру за 2020–2024 гг. Google Trends.
Figure 3. Frequency of search queries with the keyword "kandas" around the world for 2020–2024. Google Trends.

[1] Закон Республики Казахстан О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам регулирования миграционных процессов [Электронный ресурс] // Online.Zakon.kz. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37013745&pos=1;-16#pos=1;-16 (дата обращения 09.10.2024).
[2] Более 1 тыс. этнических казахов получили статус кандаса с начала 2024 года [Электронный ресурс] // Служба Центральных Коммуникаций при Президенте РК. 2024, 16 февраля. URL: https://ortcom.kz/ru/novosti/1708056095 (дата обращения 01.08.2024).

Из вышеприведенных сведений можно вывести заключение об ограниченном интересе в мировом Интернет-сообществе к термину *кандас* (запросы поступали, в основном, с территории РК). Отсюда вывод — возможно, многие иностранцы, в принципе не знакомы с рассматриваемым термином.

В связи с такими результатами возникает закономерный вопрос: почему граждане соседних с Казахстаном стран слабо интересуются темой репатриации и размещения кандасов в республике? По данным официального информационного ресурса Премьер-министра РК на 2024 г., 45,8% кандасов являются выходцами из КНР, 39% — из Узбекистана, 5,9% — из Монголии, 5,2% — из Туркменистана, 2,9% — из России и 1,2% — из других стран[1]. Однако, поисковые запросы зафиксированы только из Узбекистана и России, и то с очень низкими показателями.

На основе полученных данных можно сделать вывод, что иностранные граждане, в том числе потенциальные мигранты, мало информированы о происходящих изменениях в казахстанской терминологии. Новый термин в большей степени интересен Интернет-пользователям, физически находящимся в Казахстане. Это может объясняться тем, что при поиске информации о стране назначения потенциальные мигранты больше интересуются уровнем жизни, наличием вакансий, качеством медицинских услуг, образовательными льготами и т. д. Возможно, журналистам, чтобы привлечь аудиторию к своим материалам (а потенциальные мигранты являются прямой целевой аудиторией), необходимо предоставлять информацию о терминах наряду с другими данными.

Здесь стоит внести ремарку: в 2022 г. вышел веб-сериал на казахском языке «Кандас» (реж. Н. Жубанаев), снятый в Казахстане[2] , который привлек внимание большого числа Интернет-пользователей. Проект стал очень популярен: только первая серия набрала 1,7 млн просмотров и 33 тыс. положительных оценок на YouTube.

Так как разделить поисковые запросы по ключевому слову *кандас* по смыслу (поиск сериала/поиск информации) не представляется возможным, группа исследователей признает наименование сериала в качестве постороннего «шума» (*таб. 1*).

Таблица 1. Анализ похожих запросов по всему миру за 2020–2024 гг.
Table 1. Analysis of similar queries worldwide for 2020–2024.

№	*Поисковый запрос*	*Кол-во*
1	кандас это	100
2	кандас 2 серия	30
3	кандас сериал	27
4	кандас перевод	22
5	кандасы	16

Для того, чтобы соотнести популярность запросов по «новому» и «старому» наименованию репатриантов, проведем сравнительный анализ поисковых запросов (ключевые слова: *кандас* и *оралман*) за период 2020–2024 гг. без географических ограничений. Получен следующий результат *(рис. 4)*.

Исходя из данных графика можно сделать вывод, что поисковые запросы с ключевым словом *оралман* в некоторые периоды даже превосходят аналогичные поисковые запросы со словом *кандас*, что само по себе уже сигнализирует о более слабом распространении последнего термина, возможно, из-за его сравнительно недавнего введения в лексикон. Казахстанцы в быту, по-прежнему, используют слово *оралман*. Еще одним потенциальным объяснением количественного превосходства

[1] Как Казахстан поддерживает переселение этнических казахов в трудодефицитные регионы [Электронный ресурс] // Официальный информационный ресурс Премьер-министра РК. 2024, 23 октября. URL: https://primeminister.kz/ru/news/reviews/kak-kazakhstan-podderzhivaet-pereselenie-etnicheskikh-kazakhov-v-trudodefitsitnye-regiony-29335 (дата обращения 23.10.2024).
[2] Қандас [Кандас] [Электронный ресурс] // YouTube канал Бизнес таңдау. URL: https://www.youtube.com/watch?v=KJTVDCemECs&t=189s (дата обращения 20.10.2024).

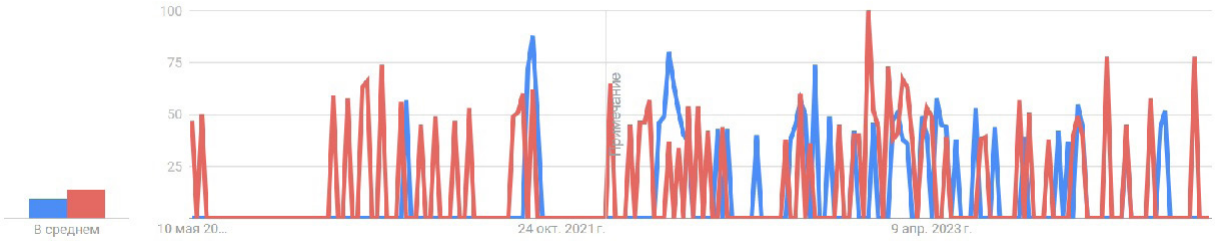

Рисунок 4. Сравнение динамики популярности поисковых запросов по ключевым словам «кандас»/«оралман» за 2020–2024 гг. Google Trends.
Прим.: на графике поиск по термину кандас отображен синим цветом, оралман — красным.
Figure 4. Comparison of the popularity dynamics of search queries "kandas"/"oralman" for 2020–2024. Google Trends.
Note: on the graph, the search for the term "candace" is shown in blue, "oralman" in red.

в сети термина *оралман* может быть одноименный фильм режиссера С. Курманбекова «Оралман» о переселенцах из Афганистана[1], который был признан лучшим азиатским фильмом на 35-м Международном кинофестивале в Иране[2]. В данном случае, фильм имеет непосредственное отношение к тематике, так как повествует о восприятии обществом оралманов. Но вновь разделить поиски по фильму и непосредственно понятию не представляется возможным.

При отображении результатов сравнительного анализа запросов по миру в виде карт видно, что к пользователям из Казахстана присоединяются пользователи из других стран *(рис. 5)*.

Рисунок 5. Сравнение поисковых запросов по ключевым словам «кандас»/«оралман» по регионам мира за 2020–2024 гг. Google Trends.
Figure 5. Comparison of search queries for "kandas"/"oralman" by world regions for 2020–2024. Google Trends.

Причем, в России, Казахстане, Украине и Узбекистане проводились поисковые запросы по обоим терминам, но везде преобладал термин *оралман*. Эти данные еще раз подтверждают слабый интерес к новому наименованию не только внутри РК, но и в других странах.

В дополнение к вышеописанному анализу исследовательской группой был проведен социологический опрос. Следует отметить, что данный метод не может дать полной и объективной картины, поэтому служит лишь материалом для обсуждения.

В анкете участникам предлагалось ответить на вопросы: об отношении к двум терминам и о личном мнении о том, будет ли замена термина играть существенную роль в политике.

Респондентам было предложено оценить свое отношение к обоим терминам по шкале от 1 (очень негативно) до 5 (очень позитивно). Данные представлены в виде сравнительной диаграммы *(рис. 6)*.

[1] Шимырбаева Г. Отечественная картина «Оралман» побила рекорд: за последние два года ее посмотрели свыше миллиона зрителей [Электронный ресурс] // Казахстанская правда. 2022, 20 октября. URL: https://kazpravda.kz/n/otechestvennaya-kartina-oralman-snyataya-v-2017-godu-pobila-rekord-za-poslednie-dva-goda-ee-posmotreli-svyshe-milliona-zriteley/ (дата обращения 05.04.2024).
[2] Казахстанский фильм «Оралман» получил главный приз на фестивале в Иране [Электронный ресурс] // Казахстанская правда. 2017, 28 апреля. URL https://kazpravda.kz/n/kazahstanskiy-film-oralman-poluchil-glavnyy-priz-na-festivale-v-irane/ (дата обращения 05.04.2024).

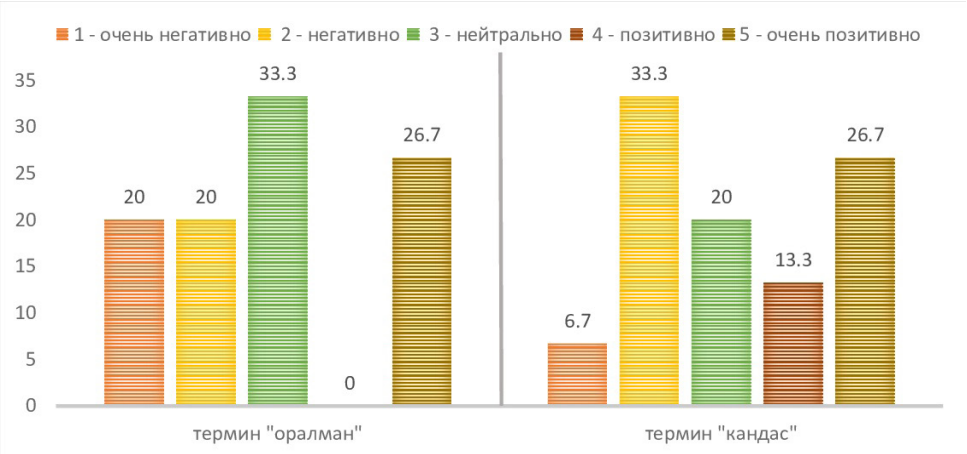

Рисунок 6. Личное отношение участников опроса к терминам.
Figure 6. Personal attitude of survey participants to terms.

Диаграмма показывает более позитивное отношение к термину *кандас*.

Следующий вопрос звучал так: «Как вы думаете, сыграет ли замена термина какую-либо роль в государственной политике?» 66,7% ответили «нет». Остальные 33,3% респондентов дали положительный ответ. Как следует из ответов участников исследования, большинство не считает, что смена термина серьезно повлияет на ситуацию и отношение к репатриантам в обществе.

Помимо опроса исследовательская группа также провела контент-анализ журналистских материалов отечественных СМИ. В выборку вошли наиболее читаемые (по показателям) новостные статьи, связанные с заменой базового термина, это работы корреспондентов восьми новостных порталов: Baigenews, Tengrinews, Ainews.kz, Kadry.kz, Forbes.kz, Nur.kz, Lada.kz и Sputnik.kz.

«Термин оралман был заменен на кандас» — именно так назвали свои материалы о рассматриваемом событии семь из восьми СМИ. Большинство редакций опубликовали краткую новость без каких-либо пояснений.

Проанализировав выборку, мы сделали несколько выводов. Во-первых, и это очевидно, казахстанские журналисты подошли к освещению события весьма формально: жанровое разнообразие материалов бедно, заголовки не привлекательные, креативные приемы не применяются, за основу материала берутся выдержки из Закона и цитаты политиков. Во-вторых, одни СМИ цитируют другие СМИ, причем не только информационные агентства, которые могут служить официальными источниками, но и рядовые новостные порталы. Опубликованные материалы носят нейтральный характер, не имеют негативной или явно позитивной коннотации.

Большинство журналистов не имеют личной заинтересованности в освещении темы репатриации и ограничиваются только официальной «сухой» сжатой информацией. При этом доказано, что СМИ играют большую роль в политике правительства, и в частности, в формировании идеологии (Андиржанова, Иставлетова, 2022; Негизбаева и др., 2019; Петрова, 2009).

Тем временем, эксперты предлагают ряд мер для успешной адаптации и интеграции мигрантов. Среди них — создание журналистской продукции на этических основаниях для просвещения и формирования в общественном сознании культуры принятия мигрантов, пропаганда деятельности государственных органов, работающих с мигрантами (публикации, интервью, телепередачи), создание видео- и печатной продукции на культурную тематику и т. д.[1]

В рамках следующего этапа исследования были изучены отклики и комментарии на материалы СМИ и социальных сетей на казахском и русском языках.

[1] Сағынбаева А. З., Бейсекеев Г. А., Сагандыкова Ж. Т. Полиэтникалық қоғамда мигранттардың әлеуметтік бейімделуі. Әдістемелік құрал [Социальная адаптация мигрантов в полиэтническом обществе. Методическое пособие]. Астана : Қолданбалы этносаяси зерттеу институты, 2023. С. 13 (На каз. яз.).

Как видно из *таблицы 2,* тенденция превалирования негативных откликов о термине и дискурсе репатриации в русскоязычном контенте сохраняется. Риторика высказываний от «Добро пожаловать домой!» до «Зачем нам неграмотные бородачи?», присутствует на протяжении всего периода исследования. Если на стартовых месяцах, после принятия решения о смене термина, в большей степени транслировалась характеристика «Кандасы — наши кровные братья и знают казахский язык и культуру», то на современном этапе в большей степени представлена экономическая риторика о пользе «новых граждан». Также отмечается низкая, а порой и нулевая активность комментаторов на государственном языке.

Статистика частоты освещения данной темы на популярном в РК новостном портале Tengrinews.kz также показывает тренд на снижение журналистского запроса: за 4 года тема *кандас* освещалась 26 раз. В 2020 г. — 2 публикации; в 2021 г. — 11; в 2022 г. — 6, в 2023 г. — 1; в 2024 г. — 6[1].

Таблица 2. Компаративный анализ оценочных сообщений в рамках фрейм-анализа публикаций на портале Tengrinews.kz по теме кандас.
Table 2. Comparative analysis of evaluative messages within the frame analysis of publications on the Tengrinews.kz portal on the topic “kandas”.

Название статьи	*Название СМИ/ автор*	*Дата публикации*	*Общее кол-во откликов*	*Кол-во полож. (нейтр.) откликов, в %*	*Количество отрицательных откликов, в %*
Термин оралман заменили на кандас в Казахстане[2]	Tengrinews.kz / редакция	03.09.2020	62	37 (60)	25 (40)
Почти 4 тысячи кандасов вернулись в Казахстан за 3 месяца[3]	Tengrinews.kz / редакция	05.04.2021	193	66 (34)	127 (66)
Этнических казахов доставили из Афганистана в Алматы[4]	Tengrinews.kz / редакция	09.09.2021	199	12 (6)	187 (94)
Более 3 тысяч кандасов вернулись в Казахстан с начала года[5]	Tengrinews.kz / редакция	05.04.2022	79	44 (56	35 (44)
Сколько казахов вернулось на историческую родину с 1991 года[6]	Tengrinews.kz / редакция	25.11.2024	8	3 (2)	35 (92)

[1] Кандас [Электронный ресурс] // Информационный портал Tengrinews. URL: https://tengrinews.kz/search/?text=%D0%9A%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D0%B0%D1%81 (дата обращения 20.09.2024).
[2] Термин «оралман» заменили на «кандас» в Казахстане [Электронный ресурс] // Информационный портал Tengrinews. 2020, 3 сентября. URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/termin-oralman-zamenili-na-kandas-v-kazahstane-413101/ (дата обращения 29.09.2024).
[3] Почти 4 тысячи кандасов вернулись в Казахстан за 3 месяца [Электронный ресурс] // Информационный портал Tengrinews. 2021, 5 апреля. URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/4-tyisyachi-kandasov-vernulis-kazahstan-3-mesyatsa-433560/ (дата обращения 29.09.2024).
[4] Этнических казахов доставили из Афганистана в Алматы [Электронный ресурс] // Информационный портал Tengrinews. 2021, 9 сентября. URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/etnicheskih-kazahov-dostavili-iz-afganistana-v-almatyi-448119/ (дата обращения 30.09.2024).
[5] Более 3 тысяч кандасов вернулись в Казахстан с начала года [Электронный ресурс] // Информационный портал Tengrinews. 2022, 5 апреля. URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/3-tyisyach-kandasov-vernulis-kazahstan-nachala-goda-465742/ (дата обращения 01.10.2024).
[6] Сколько казахов вернулось на историческую родину с 1991 года [Электронный ресурс] // Информационный портал Tengrinews. 2024, 25 ноября. URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/skolko-kazahov-vernulos-na-istoricheskuyu-rodinu-s-1991-goda-554965/ (дата обращения 01.10.2024).

Несколько иная картина в социальных сетях, особенно на казахском языке. В FB есть группа под названием «Кандастар»[1], а также функционирует «Центр информационной поддержки кандасов»[2] (название представлено в смысловом переводе с казахского).

Компаративный анализ оценочных сообщений на тему смены термина в социальных сетях позволяет сделать следующие выводы: комментирование данного вопроса в FB более активно, чем в электронных СМИ; тексты содержат, в большинстве своем, положительные отклики; редко встречаются оппонирующие высказывания типа — «смена термина ничего не изменит, не решит проблем, пустая трата слов, времени, бумаги». Возможно такое единомыслие связано с форматом FB, который является платформой для поиска интеллектуалов-единомышленников.

Запросы по терминам *кандас* и *оралман* дали схожие результаты, что говорит о параллельном хождении терминов в социальных сетях.

Авторы также обнаружили практику использования двух терминов через запятую в одном предложении. Например, «Директор школы лично встретился с учениками кандасами, оралманами»[3].

В таблицах ниже представлен анализ казахоязычного сегмента FB по запросам *кандас* (*таб. 3*) и *оралман* (*таб. 4*), которые были зафиксированы на январь 2024 г.

Таблица 3. Фрейм-анализ постов FB по запросу «кандас».
Table 3. Frame analysis of FB posts for the query “kandas”.

Название (в скобках дан смысловой перевод)	*Дата публикации поста*	*Общее количество откликов*	*Кол-во положит. откликов*	*Кол-во нейтр. откликов*	*Кол-во отриц. откликов*
Шетелдегі қазақ, немесе шетелден оралған қазақ — ҚАНДАС болса, сонда жергілікті қазақ кім? («Если казах за рубежом или вернувшийся на родину казах — КАНДАС, кем же является местный казах?»)	21.01.2024	9	9	—	—
Үкімет айқындаған 8 облыстан басқа аумаққа барса шетелден көшіп келген қазақтарға “қандас куәлігі” берілмейді. («Вернувшимся на родину казахам не будет выдано “удостоверение кандас” в случае отказа поселиться в одной из 8-ми областей, предлагаемых Правительством»)	26.09.2023	301	113	88 За то, чтобы кандасы селились в северных областях Казахстана	—
«Туыстығыңды дәлелде». Шеттен келген қазақтар тағы қандай кедергіге кезікті? («Докажи свое родство». С какими препятствиями столкнулись вернувшиеся на родину казахи?)	27.12.2023	52	52	—	—

[1] Қандастар [Электронный ресурс] // Қандастар. Общедоступная группа FB. URL: https://www.facebook.com/groups/226127388200156/?ref=share&mibextid=NSMWBT (дата обращения 05.10.2024).
[2] Қандастарды Ақпараттық Қолдау Орталығы [Электронный ресурс] // Қандастарды Ақпараттық Қолдау Орталығы. Страница FB. URL: https://www.facebook.com/profile.php?id=100021207016692&mibextid=ZbWKwL (дата обращения 05.10.2024).
[3] Мектеп директоры оралман, қандас оқушыларға жеке қабылдау ұйымдастырды [Директор школы лично встретился с учениками кандасами, оралманами]. [Электронный ресурс] // Береке Ауылы Орта Мектебі [Средняя школа села Береке]. Страница FB. https://www.facebook.com/photo/?fbid=1327992911576459&set=a.126772698365159 (дата обращения 20.10.2024).

Таблица 4. Фрейм-анализ постов FB по запросу «оралман», на 25 декабря 2024 г.
Table 4. Frame analysis of FB posts for the query "oralman".

Название (в скобках дан смысловой перевод)	*Дата публикации поста*	*Общее кол-во откликов*	*Кол-во положит. откликов*	*Кол-во нейтр. откликов*	*Кол-во отриц. откликов*
Оралман да Қазақ! Бөлінбейік! (Оралман такой же казах! Не отчуждайте!)	01.11.2020	1000	1000	—	—
Оралман ұғымын Қандас сөз ешқашан айырбастай алмайды (Слово «кандас» не может заменить понятие «оралман»)	21.05.2021	36	36 За то, чтобы вернуть термин *оралман*	—	—
Оралған қызбын, оралман емес! (Я девушка, вернувшаяся на родину, не оралман!)	11.04.2022	218	203	10	5
Әр қазақ көру керек! Оралман! (Каждый казах должен это посмотреть! Оралман!)	17.03.2023	413	403 За термин *кандас*	—	10
Оралман деген атау дұрыс па? (Правильно ли название «оралман»?)	19.07.2024	127	127		

Таким образом, можно увидеть явные различия в оценках комментаторов под материалами информационных порталов и постов социальных сетей. Также фиксируется разница в понимании проблемы смены термина в казахоязычном и русскоязычном сегментах миграционного дискурса.

Обсуждение

После введения нового термина в Казахстане возникла поляризация мнений: от крайне положительных реакций, до крайне отрицательных. Официальный Казахстан выводит смену термина на общеидеологический и историко-культурный уровень: как уже указывалось ранее, Президент Казахстана К. Ж. Токаев, соотносит новый термин с казахским принципом *Жеті ата*[1] 'семь предков', подразумевая не только дань уважения предкам, но и заботу о людях. В кочевых условиях знание семи предков по мужской линии помогало заботиться о здоровье и сохранять чистоту этноса.

Таким образом признается не столько практическое или юридическое значение термина, сколько, во многом, его идеологический, культурный и политический подтекст, направленный на сближение репатриантов с принимающим обществом, сокращение дистанции и создание атмосферы самобытной этнической идентичности.

В научной среде также сформировался позитивный отклик. Ученые отмечали, что изменения в миграционной политике помогают стране создать положительный имидж за рубежом и стать более «заметной» на международной арене (Шаламова, 2021: 45). Изменения в терминологии отражают изменения социальных и культурных факторов и ведут к более устойчивому политическому, экономическому, культурному и историческому развитию общества (Махамбетова, Айнабаева, 2018: 144). Некоторые пошли еще дальше в обсуждении важности правильных терминов, предположив, что новый термин окажет положительное влияние на перспективы духовного роста и социальной сплоченности (Шыңғысбаева, Хамзина, 2019: 171).

[1] Кульшаманов А. Токаев: Надо отказаться от слова «оралман» [Электронный ресурс] // Информационный портал Tengrinews.kz. 2019, 19 сентября. URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/tokaev-nado-otkazatsya-ot-slova-oralman-379519/ (дата обращения 23.08.2024).

С воодушевлением встретили смену термина и некоторые эксперты. Например, газета «АиФ» от 15 декабря 2020 г. пишет: «На вопрос, заданный известному поэту, писателю, большому знатоку слова О. Сулейменову, как лучше называть казахских репатриантов — орламанами или кандасами, он ответил кратко: “Определенно кандасами”»[1].

Газета «Власть» от 10 декабря 2019 г. отметила важность создания благоприятных условий этнической репатриации для экономики и инвестиционного климата[2].

Однако, новый термин вызвал некоторые дискуссии среди самих репатриантов. Вот что сказал в интервью «Азаттық» от 13 декабря 2019 г. казах из Китая:

> «Слово оралман разделяет этнических казахов из-за рубежа и местных жителей. В обществе, говоря “оралманы”, хотели выделить казахов, приехавших из-за рубежа, в отдельную социальную группу лентяев и попрошаек. Это в какой-то степени повлияло на население. В обществе стало формироваться понятие, что “оралманы” — иждивенцы; кандас — понятие теплее и ближе»[3].

Есть и другое мнение:

> «Оралман — хорошее понятие, это временный статус. Если использовать слово кандас, то получается, что человек, вернувшийся на историческую родину, будет “кровным родственником” только до тех пор, пока не получит гражданство?»[4]

Тем не менее, исследования казахстанских ученых по определению целесообразности замены термина показали следующие результаты: 58% опрошенных заявили, что для этнических казахов, возвращающихся на историческую родину, термин *кандас* более привлекателен, чем термин *оралман* (Sharimova, 2024: 103).

Можно сделать вывод, что восприятие термина неоднозначно в силу того, что факторы неприятия «новых граждан» не только в Казахстане трудно поддаются изменениям, хотя государство предпринимает определенные шаги по информационной поддержке процесса интеграции и адаптации мигрантов, проводит разъяснительную работу, стимулирует научную мысль и лидеров общественного мнения к разработке и продвижению концепций интеграции. Однако тут существует некоторое противостояние двух дискурсов: официального, видимого через СМИ, и социально-бытового, латентного в негативных проявлениях, через сферу коммуникации.

Безусловно, с точки зрения инициаторов, смена термина знаменует собой переосмысление прежней политики, духовное обновление и идеологическую перезагрузку процессов создания сильной нации и возрождения национального духа, ценностей и языка. Это предположение хорошо иллюстрирует мнение репатрианта из Монголии, высказанное на Радио «Азаттық» 13 декабря 2019 г.: «…Я бы хотел, чтобы негативное отношение исчезло вместе со старым понятием и сформировалось другое вместе со словом кандас»[5].

Необходимо также признать и то, что сложно однозначно ответить, на кого именно рассчитан процесс смены терминологии, поскольку он получил обратную связь как от мигрантов, так и от местного населения. Об актуализации дискурса свидетельствует обсуждение этого факта в СМИ страны, поскольку репатриация изначально была включена в стратегически важные аспекты развития для Казахстана. Замена термина на идеологему национальной идентичности, несущую более инклюзивную концепцию (в отличие от эксклюзивистского[6] (с аллюзией на исключение) контекста термина *оралман*), вызвала обновление дискурса и новые мысли по этой теме.

---

[1] Возвращение родины [Электронный ресурс] // Аргументы и факты. Казахстан. 2020, 15 апреля. URL: https://kzaif.kz/politic/vozvrashchenie_rodiny (дата обращения 08.09.2024).
[2] Термин «оралман» в Казахстане заменят на «кандас» [Электронный ресурс] // Газета Власть. 2019, 11 декабря. URL: https://vlast.kz/novosti/36350-termin-oralman-v-kazahstane-zamenat-na-kandas.html (дата обращения 08.09.2024).
[3] Лаханулы Н. Слово «оралман» заменят на «қандас». Что думают об этом репатрианты и эксперты? [Электронный ресурс] // Радио Азаттык. 2019, 13 декабря. URL: https://rus.azattyq.org/a/kazakhstan-oralman-kandas/30323211.html (дата обращения 08.09.2024).
[4] Там же.
[5] Там же.
[6] В данном контексте имеется в виду ограничение термина «оралман» с точки зрения формирования эксклюзивистской идентичности репатриантов, остающихся за пределами современной интегративной идентификации принимающего общества (дифференция на «своих» и «чужих).

Полученные в ходе реализации исследовательского проекта данные позволяют сделать общий вывод о том, что произошла базовая ценностно-ориентированная замена термина *оралман* на *кандас*, заложенная инициаторами как источник ротации нового идеологического концепта для цементирования этнической идентичности, актуализации всего национального дискурса. Однако, качество медийного сопровождения замены термина имеет ряд негативных коннотаций, ввиду чего потенциал идеологемы не был качественно и полностью реализован.

Активного обсуждения в обществе введения нового термина так же не зафиксировано (в отличие, например, от петиций о реформировании уголовного и административного законодательства о защите от домашнего насилия[1]) что, возможно, говорит об отсутствии широкого общественного интереса.

Очевидна связь с идеологическими формами работы с населением и формированием надстройки в виде национальных концепций, деклараций и призывов. Такая форма коммуникации плохо работает в странах постсоветского пространства, так как связана с ментальной памятью об авторитарной системе правления. Мифологизация и призывы к национальной идентичности, чувству единства и патриотизма вызывают сильный отклик только у части населения, не обремененной собственными проблемами. Интенсификация, то есть использование только внутренних (уже существующих) резервов, которая была выбрана правительством в качестве базовой модели, без привлечения новых ресурсов, финансирования программ, введения новых социальных институтов или создания работающей модели мониторинга миграционных процессов, не всегда создает качественные изменения в дискурсе. Можно рекомендовать более углубленную систему разработки концепций национальной самоидентификации через репатриацию с учетом предыдущего опыта. В принципе, следует признать, что как идеологический рычаг смена термина выполнила свою функцию, активизировав коммуникацию, демонстрирующую работу государства, учитывающего интересы населения в сфере этнической идентификации.

Внутри страны в СМИ распространяется коннотация: «Оралманов назвали кандасами, но легче жить им не стало»[2]. В публичной сфере объективное обсуждение или критика недостатков миграционной политики были затруднены в силу инициирования всех ее концептов сверху, без обсуждения и анализа, на фоне отсутствия в открытом доступе качественной статистики и глубоких замеров. Это могло сформировать социальную пассивность и апатию. Данные по реализации, например, программы «Нұрлы көш» (государственной программы рационального расселения и содействия в обустройстве этническим иммигрантам) характеризовали ее как проблематичную: выполненными оказались чуть более трети поставленных целей (Dukeyev, 2017: 5). Возможно, слабый интерес и низкий уровень ожиданий общества от смены терминологии обуславливается отсутствием системной обратной связи госорганов с населением.

Граждане соседних стран не проявили большого интереса к изменениям в терминологии. Возможно, ожидания потенциальных репатриантов, в первую очередь, связаны с механизмами увеличения финансовой поддержки, трудоустройством, уровнем развития страны и инфраструктуры в месте нового проживания, нежели с наименованием временного статуса. Для граждан дальнего зарубежья изменение термина малопонятно, а потому так же не вызывает интереса.

Спад интереса к теме со стороны журналистов может объясняться рыночным характером прессы и лимитированностью социально-экономических ресурсов госорганов, заинтересованных в обсуждении данной темы и формировании качественной обратной связи. Возможно, традиционно низкий интерес аудитории к идеологическим темам объясняется перегруженностью казахстанской информационной повестки дня жесткими отечественными и мировыми новостями, вытеснением позитивного контента негативным и травмирующим, а потому более «кликабельным» и популярным.

Государственным органам стоит обратить внимание на медиа-поддержку внедрения новой терминологии. Эффективная работа с социальными и культурными аспектами миграции зависит от ряда факторов, в которых СМИ может играть роль «зеркала», фиксатора, ретранслятора или института коммуникаций и общественных дискуссий.

[1] Открытое обращение к Президенту Казахстана о реформировании уголовного и административного законодательства по вопросам защиты от семейно-бытового насилия [Электронный ресурс] // Өтініш. 2021, 23 февраля. URL: https://otinish.kz/ru/petition/61/ (дата обращения 07.08.2024).

[2] Лаханулы Н. «Оралманов» назвали «кандасами», но легче жить им не стало [Электронный ресурс] // Радио Азаттык. 2020, 28 октября. URL: https://rus.azattyq.org/a/kazakhstan-kazakh-repatriates-oralman-kandas-citizenship-problems/30916663.html (дата обращения 01.08.2024).

По мнению исследователей, наименования понятий могут быть больше, чем просто дефиниции; они могут передавать мощные образы, быть политическим оружием (Martin, 1991: 83). Исследования социальных и культурных аспектов миграции в мире в целом, и в Казахстане в частности, должны быть сосредоточены не только на изменении политики, но и на инструментах для передачи сообщений и развитии процесса культурной коммуникации. Конечно, изменение термина в этом контексте — это больше, чем изменение обозначения понятия репатрианта, его сближение с принимающим обществом; это призыв к единству и этнической идентификации, сплочению вокруг основных ценностей и стремлений.

Заключение

Подводя итоги исследования, можно сделать следующие выводы.

1. Новый термин *кандас* стремительно вошел в публичный лексикон страны. Старый термин *оралман* после 2021 г. более не употребляется в текстах журналистов и в речи официальных лиц. В масс-медиа страны отсутствует транзитный период параллельного хождения двух терминов: старого и нового. Использование термина оралман сохранилось в социальных сетях вплоть до настоящего времени.

2. Краткосрочная реакция медиа на смену термина обусловлена тем, что СМИ восприняли ее как рядовую информацию о решении правительства и ограничились стандартной реакцией, механически отработав инфоповод.

3. Количество публикаций на тему смены термина в официальных СМИ резко снижается в течение короткого времени после принятия Закона.

4. Исследования социальных сетей указывают на разницу восприятия нововведения казахоязычными и русскоязычными пользователями; фиксируется параллельное хождение старого и нового термина в названиях постов и комментариям к ним.

5. Активный интерес к теме проявляется только внутри страны. Иностранные граждане (потенциальные мигранты) не заинтересованы в изменении терминологии и смене политических векторов в этом вопросе.

6. Контент-анализ СМИ показывает, что некоторые общественные деятели верят в важность замены термина в публичном дискурсе. Тем не менее, граждане не считают, что новая терминология существенно изменит само отношение к репатриантам.

Вклад авторов

Негизбаева М. О. — руководитель исследовательской группы, автор идеи; контент-анализ медиаматериалов, обзор и интерпретация данных.

Дудинова Е. И. — координатор данных, администрирование участников опроса, общая редактура текста, обеспечение академического качества исследования, координация авторов.

Шынгысова Н. Т. — обзор зарубежных исследований, анализ и визуализация данных, подготовка таблиц.

Скрипникова А. И. — анализ данных, организация и структурирование материала, редактура текста,

Тасилова А. А. — переводческое сопровождение проекта, редактура текста, обзор отечественных исследований.

Благодарности

Авторский коллектив статьи выражает благодарность анонимным рецензентам, чьи замечания помогли расширить, углубить исследование, сделать текст статьи более четким и структурированным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абдигалиева, Г. К., Камалдинова, А. А. (2015) Социально-политическое положение оралманов в Казахстане // Вестник КазНУ. Серия философии, культурологии и политологии. № 50 (1). С. 131–138.

Абильдина, Г. С. (2017) Социокультурная и языковая адаптация детей-репатриантов в условиях современного Казахстана // Актуальные проблемы адаптации и интеграции репатриантов: сборник материалов международной научно-практической конференции / отв. ред. А. Е. Агманова. Астана : Изд-во ТОО «kazserviseprint ltd». 220 с. С. 5–12.

Абраимов, А. (2016) Политика репатриации Республики Казахстан: к вопросу о причинах возвращения казахов // Вестник КазНУ. Серия международные отношения и международное право. № 63 (3–4). С. 99–102.

Абылкаликов, С. И., Баймурзина, Г. Р., Баталов, Р. О. (2023) Миграция населения в Туве по данным Всероссийской переписи населения 2020 года // Новые исследования Тувы. № 2. С. 6–16. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.1

Андиржанова, Г. А., Иставлетова, А. Б. (2022) Место и роль средств массовой информации в политике // Вестник Карагандинского университета. Серия История. Философия. № 3 (107). С. 22–34. DOI: https://doi.org/10.31489/2022hph3/22-34

Бадмаева, Н. В., Натсак, О. Д. (2021) Современная трудовая миграция из Калмыкии и Тувы: экономические, социокультурные и гендерные аспекты // Новые исследования Тувы. № 4. С. 186–205. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.14

Досжанов, Б. Б. (2009) Некоторые особенности конституционно-правового статуса оралманов в Республике Казахстан // Известия вузов Кыргызстана. № 7. С. 254–257.

Дудинова, Е. И., Негизбаева, М. О., Скрипникова, А. И., Шынгысова, Н. Т. (2021) Медийные аспекты исследовательского дискурса миграции и переселенцев // Вестник ЕНУ. Серия журналистика. № 3. С. 35–47. DOI: https://doi.org/10.32523/2616-7174-2021-136-3-35-47

Дятлов, Г. (2010) Трансграниченые мигранты в современной России: динамика формирования стереотипов // Полития. № 3–4 (58–59). С. 121–149.

Жаркынбекова, Ш., Тажибаева, С., Шахпутова, З., Кузар, Ж. (2024) Репатрианты в СМИ: формирование и трансформация образа // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. № 17 (10). С. 2036–2049.

Жетесова, М. Т. (2014) Интеграция этнических казахов-оралманов в казахстанском обществе // Вестник НАН РК. № 2. С. 190–195.

Игнатьева, Л. Н. (2022) Миграционная политика Казахстана (90-е гг. XX в. — начало XXI в. // Общество: философия, история, культура. № 6 (98). С. 146–151.

Камалдинова, А. А., Абдигалиева, Г. К. (2017) Международный опыт этнической репатриации: сравнительный анализ (на примере Казахстана, Кыргызстана и Китая) // Вестник КазНУ. Серия философии, культурологии и политологии. № 62 (4). С. 202–211.

Ковальская, С., Федорова, А., Хизат, А. (2024) Репатриационная политика Республики Казахстан: от «оралмана» до кандас [Электронный ресурс] // История: электронный научно-образовательный журнал. Т. 15. № 1 (135). URL: https://history.jes.su/s207987840029938-0-1/ (дата обращения: 26.10.2024).

Махамбетова, А.К., Айнабаева, К.А. (2018) Терминдерді безендіру-уақыт талабы [Оформление терминов — требование времени] // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. № 5 (54). С. 143–153. (На каз. яз.).

Мендикулова, Г. М. (1997) Исторические судьбы казахской диаспоры. Происхождение и развитие. Алматы : Ғылым. 264 с.

Негизбаева, М., Слямова, А., Жуй, Л. (2019). Новые медиа в продвижении государственных программ // Вестник ЕНУ. Серия Журналистика. № 2 (127). С. 84–90. DOI: https://doi.org/10.32523/2616-7174-2019-127-2-84-90

Петрова, Т. Ю. (2009) СМИ в формировании государственной идеологии // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. № 1. С. 146–149.

Тажибаева, С. Ж., Козырев, Т. А. (2015) Межъязыковое взаимодействие в современном Казахстане // Сибирский филологический журнал. № 2. С. 124–133.

Шайбакова, Д. (2023) Лексическая объективация понятия «перемещающиеся лица»: Словарь Д. Н. Ушакова и современная лексикографическая практика // Филологический класс. Т. 28. № 4. С. 349–366.

Шаламова, А. Н. (2021) Обеспечение социально-экономических прав «возвратившихся соотечественников» как элемент правовой политики социального государства (опыт России и Казахстана) // Вестник Уфимского юридического института МВД России. № 1 (91). С. 38–49.

Шыңғысбаева, Д. М., Хамзина, Н. А. (2019) Терминдерді қолдану: тиімділігі мен келеңсіздіктері [Использование терминов: преимущества и недостатки] // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. № 2 (56). С. 168–174. (На каз. яз.).

Becker, C. C. (2021) Migrants' Social Integration and its Relevance for National Identification: An Empirical Comparison Across Three Social Spheres // Migration and Society. Vol. 6. DOI: https://doi.org/10.3389/fsoc.2021.700580

Bokayev, B., Zharkynbekova, S., Nurseitova, K., Bokayeva, A., Akzhigitova, A., Nurgalieva, S. (2012) Ethnolinguistic Identification and Adaptation of Repatriates in Polycultural Kazakhstan // Journal of Language, Identity & Education. № 11 (5). P. 333–343. DOI: https://doi.org/10.1080/15348458.2012.723579

Castles, S., Miller, M. J. (1998) The Migratory Process and the Formation of Ethnic Minorities. In: The Age of Migration / ed. by Castles, S., de Haas, H., Miller, M. J. Palgrave, London. 336 p. P. 19–47. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-349-26846-7_2

Dietz, B. (2006) Aussiedler in Germany: From Smooth Adaptation to Tough Integration // Paths of Integration: Migrants in Western Europe (1880–2004), edited by L. Lucassen, D. Feldman and J. Oltmer. Amsterdam : Amsterdam University Press. 343 p. P. 116–136. DOI: https://doi.org/10.1515/9789048504244-007

Dukeyev, B. (2017) Ethnic Return Migration in Kazakhstan: Shifting State Dynamics, Changing Media Discourses // Central Asia Program Series. № 1 (11). P. 1–11.

Martin, B. L. (1991) From Negro to Black to African American: the Power of Names and Naming // Political Science Quarterly. Vol. 106. № 1. P. 83–107. DOI: https://doi.org/10.2307/2152175.

Pfetsch, B. (1999) In Russia We were Germans, and Now We are Russians — Dilemmas of Identity Formation and Communication among German-Russian Aussiedler // Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung (WZB). Discussion Paper. Section III — Social Structure and Social Reporting / ed by Zapf, W. Berlin : WZB. 62 p. P. 1–48.

Rosaldo, R. (1994) Cultural Citizenship and Educational Democracy // Cultural Anthropology. Vol. 9. № 3. P. 402–411.

Skripnikova, A.I. (2021) Replacement of the Term "Oralman" to "Kandas": Role in the Migration Process and Media Coverage // Best in Education: I International book collection of scientific and pedagogical workers / ed. by Abiev E. Astana : Bobek. 72 p. P. 8–12.

Sharimova, M. (2024) Repatriation in Kazakhstan: relevance of terminology and social adaptation (according to the results of sociological research) // The Journal of Psychology and Sociology. № 88 (1). P. 98–109. DOI: https://doi.org/10.26577/JPsS.2024.v88.i1.08

Valieva, F., Sagimbayeva, J., Kurmanayeva, D., Tazhitova, G. (2019). The Socio-Linguistic Adaptation of Migrants: The Case of Oralman Students' Studying in Kazakhstan // Education Sciences. № 9 (3). Article 164. DOI: https://doi.org/10.3390/educsci9030164

Youngook, J. (2021) Road home: The role of ethnicity in the post-Soviet regional migration // Migration Studies. Vol. 9. № 3. P. 617–648.

Дата поступления: 26.10.2024 г.
Дата принятия: 25.04.2025 г.

REFERENCES

Abdigaliyeva, G. K. and Kamaldinova, A. A. (2015) The socio-political situation of Oralman in Kazakhstan. *Vestnik KazNU. Seriya filosofii, kul'turologii i politologii*, no. 50 (1), pp. 131–138. (In Russ.)

Abildina, G. S. (2017) Socio-cultural and linguistic adaptation of repatriate children in modern Kazakhstan. In: Agmanova A. E. (ed.) *Topical Issues of Adaptation and Integration of Repatriates*: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Astana, Kazserviseprint Ltd. 220 p. Pp. 5–12. (In Russ.)

Abraimov, A. (2016) The repatriation policy of the Republic of Kazakhstan: on the reasons for the return of Kazakhs. *Vestnik KazNU. Seriya mezhdunarodnye otnosheniya i mezhdunarodnoe pravo*, no. 63 (3–4), pp. 99–102. (In Russ.)

Abylkalikov, S. I., Baymurzina, G. R. and Batalov, R. O. (2023) Population migration in Tuva according to the data from the All-Russian Population Census 2020. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 6–16. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.1

Andirzhanova, G. A. and Istavletova, A. B. (2022) The place and role of media in policy. *Vestnik Karagandinskogo universiteta. Seriya Istoriya. Filosofiya*, no. 3 (107), pp. 22–34. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.31489/2022hph3/22-34

Badmaeva, N. V. and Natsak, O. D. (2021) Contemporary labour migration from Kalmykia and Tuva: economic, socio-cultural and gender aspects. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 186–205. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.14

Doszhanov, B. B. (2009) Some features of the constitutional and legal status of Oralman in the Republic of Kazakhstan. *Izvestiya vuzov Kyrgyzstana*, no. 7, pp. 254–257. (In Russ.)

Dudinova, E. I., Negizbayeva, M. O., Skripnikova, A. I. and Shyngysova, N. T. (2021) Media aspects of migration and resettler research discourse. *Vestnik ENU. Seriya zhurnalistika*, no. 3, pp. 35–47. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.32523/2616-7174-2021-136-3-35-47

Dyatlov, G. (2010) Cross-border migrants in modern Russia: dynamics of stereotype formation. *Politiya*, no. 3–4 (58-59), pp. 121–149. (In Russ.)

Zharkynbekova, Sh., Tazhibayeva, S., Shakhputova, Z. and Kuzar, Zh. (2024) Repatriates in the media: formation and transformation of image. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, no. 17 (10), pp. 2036–2049. (In Russ.)

Zhetesova, M. T. (2014) Integration of ethnic Kazakh Oralman into Kazakhstani society. *Vestnik NAN RK*, no. 2, pp. 190–195. (In Russ.)

Ignatyeva, L. N. (2022) Migration policy of Kazakhstan (1990s — early XXI century). *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kultura*, no. 6 (98), pp. 146–151. (In Russ.)

Kamaldinova, A. A. and Abdigaliyeva, G. K. (2017) International experience of ethnic repatriation: a comparative analysis (case of Kazakhstan, Kyrgyzstan and China). *Vestnik KazNU. Seriya filosofii, kul'turologii i politologii*, no. 62 (4), pp. 202–211. (In Russ.)

Kovalskaya, S., Fedorova, A. and Khizat, A. (2024) Repatriation policy of the Republic of Kazakhstan: from "Oralman" to "Kandas". *Istoriya: elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal*, vol. 15, no. 1 (135) [online] Available at: https://history.jes.su/s207987840029938-0-1/ (accessed 26.10.2024). (In Russ.)

Makhambetova, A. K. and Aynabaeva, K. A. (2018) Terminological design — a requirement of time. *Vestnik Instituta zakonodatelstva i pravovoy informatsii Respubliki Kazakhstan*, no. 5 (54), pp. 143–153. (In Kaz.)

Mendikulova, G. M. (1997) *Historical destinies of the Kazakh diaspora. Origin and development*. Almaty, Gylym. 264 p. (In Russ.)

Negizbayeva, M., Slyamova, A. and Zhuy, L. (2019) New media in the promotion of state programs. *Vestnik ENU. Seriya Zhurnalistika*, no. 2 (127), pp. 84–90. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.32523/2616-7174-2019-127-2-84-90

Petrova, T. Yu. (2009) Mass media in the formation of state ideology. *Vestnik Akademii ekonomicheskoy bezopasnosti MVD Rossii*, no. 1, pp. 146–149. (In Russ.)

Tazhibayeva, S. Zh. and Kozyrev, T. A. (2015) Interlingual interaction in modern Kazakhstan. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal*, no. 2, pp. 124–133. (In Russ.)

Shaibakova, D. (2023) Lexical objectification of the concept "displaced persons": Ushakov's Dictionary and modern lexicographic practice. *Filologicheskiy klass*, vol. 28, no. 4, pp. 349–366. (In Russ.)

Shalamova, A. N. (2021) Ensuring socio-economic rights of "returned compatriots" as an element of social state legal policy (experience of Russia and Kazakhstan). *Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, no. 1 (91), pp. 38–49. (In Russ.)

Shyngysbayeva, D. M. and Khamzina, N. A. (2019) The use of terms: advantages and disadvantages. *Vestnik Instituta zakonodatelstva i pravovoy informatsii Respubliki Kazakhstan*, no. 2 (56), pp. 168–174. (In Kaz.)

Becker, C. C. (2021) Migrants' Social Integration and its Relevance for National Identification: An Empirical Comparison Across Three Social Spheres. *Migration and Society*, vol. 6, pp. 1–15. DOI: https://doi.org/10.3389/fsoc.2021.700580

Bokayev, B., Zharkynbekova, S., Nurseitova, K., Bokayeva, A., Akzhigitova, A. and Nurgalieva, S. (2012) Ethnolinguistic Identification and Adaptation of Repatriates in Polycultural Kazakhstan. *Journal of Language, Identity & Education*, no. 11 (5), pp. 333–343. DOI: https://doi.org/10.1080/15348458.2012.723579

Castles, S. and Miller, M. J. (1998) The Migratory Process and the Formation of Ethnic Minorities. In: *The Age of Migration* / ed. by Castles, S., de Haas, H., Miller, M. J. Palgrave, London. 336 p. Pp. 19–47. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-349-26846-7_2

Dietz, B. (2006) Aussiedler in Germany: From Smooth Adaptation to Tough Integration. In: *Paths of Integration: Migrants in Western Europe (1880–2004)*, ed. by L. Lucassen, D. Feldman and J. Oltmer. Amsterdam, Amsterdam University Press. 343 p. Pp. 116–136. DOI: https://doi.org/10.1515/9789048504244-007

Dukeyev, B. (2017) Ethnic Return Migration in Kazakhstan: Shifting State Dynamics, Changing Media Discourses. *Central Asia Program Series*, no. 1 (11), pp. 1–11.

Martin, B. L. (1991) From Negro to Black to African American: the Power of Names and Naming. *Political Science Quarterly*, vol. 106, no. 1, pp. 83–107. DOI: https://doi.org/10.2307/2152175

Pfetsch, B. (1999) In Russia We were Germans, and Now We are Russians — Dilemmas of Identity Formation and Communication among German-Russian Aussiedler. In: *Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung (WZB)*. Discussion Paper. Section III — Social Structure and Social Reporting / ed by Zapf, W. Berlin, WZB. 62 p. Pp. 1–48.

Rosaldo, R. (1994) Cultural Citizenship and Educational Democracy. *Cultural Anthropology*, vol. 9, no. 3, pp. 402–411.

Skripnikova, A. I. (2021) Replacement of the Term "Oralman" to "Kandas": Role in the Migration Process and Media Coverage. In: *Best in Education: I International book collection of scientific and pedagogical workers* / ed. by Abiev, E. Astana, Bobek. 72 p. Pp. 8–12.

Sharimova, M. (2024) Repatriation in Kazakhstan: relevance of terminology and social adaptation (according to the results of sociological research). *The Journal of Psychology and Sociology*, no. 88 (1), pp. 98–109. DOI: https://doi.org/10.26577/JPsS.2024.v88.i1.08

Valieva, F., Sagimbayeva, J., Kurmanayeva, D. and Tazhitova, G. (2019) The Socio-Linguistic Adaptation of Migrants: The Case of Oralman Students' Studying in Kazakhstan. *Education Sciences*, no. 9 (3), article 164. DOI: https://doi.org/10.3390/educsci9030164

Youngook, J. (2021) Road home: The role of ethnicity in the post-Soviet regional migration. *Migration Studies*, vol. 9, no. 3, pp. 617–648.

Submission date: 26.10.2024.
Acceptance date: 25.04.2025.

DOI: 10.25178/nit.2025.4.22

Статья

Концепт *aah* ‘пиала’ в лингвокультуре калмыков

Галина Б. Есенова, Тамара С. Есенова
Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова, Российская Федерация

В статье анализируется «aah» ‘пиала’ как концепт калмыцкой лингвокультуры. Теоретико-методологическую основу статьи составили положения российской лингвоконцептологии. Источниковой базой выступил языковой материал, извлеченный методом сплошной выборки из существующих лексикографических источников калмыцкого языка, словарей родственных языков, а также материалы эссе, записанные респондентами-калмыками в июле 2025 г. в г. Элисте (Калмыкия).

Установлено, что в калмыцком языке концепт «aah» ‘пиала’ имеет вариативное выражение, характеризующее «aah» с точки зрения: а) материала, б) формы, в) размера, г) функции. В современной калмыцкой речи наиболее часто используемыми обозначениями являются лексемы «aah» и «шаазң», именем концепта — «aah». Ядро концепта — лексема «aah»; системные синонимы — «цөгц», «шаазң», периферия — «бадр», «мандл», «савл», «тагш», «цоома», «цар».

Понятийное содержание концепта: чашка, предназначенная для чая, подношения на алтаре, сделанная из дерева, фарфора, фаянса. Перцептивно-образная сторона концепта: целая, чистая чашка, до краев наполненная чаем, ассоциирующаяся со счастьем. Ценностный компонент неразрывно связан с содержимым «aah» — «цә» ‘чай’, который относится к «цаһан идән» ‘белая, счастливая пища’, и указывает на важное место концепта в культуре калмыков. Это объясняет использование «aah» в обыденной жизни калмыков, знаковых ритуалах, обычаях, поведенческих установках, текстах. В сознании современных калмыков «модн aah», «мөңгн aah», «агч aah» ассоциируются с кочевым прошлым народа, мужчинами-скотоводами, воинами, «цөгц aah» — духовной сферой.

В концепте «aah» ‘пиала’ отражаются особенности кочевой жизни калмыков, природная среда, верования, контакты с другими народами, образ мышления. Концепт прошел длительный период «оязыковления» и осмысления в лингвокультуре, сохранив за собой статус глубоко этничного, культурно нагруженного знака.

Ключевые слова: *калмыки; калмыцкий язык; калмыцкая культура; материальная культура; концепт культуры; aah; пиала; компонент концепта*

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда No 25-18-00703 «Исследование тюркской и монгольской лексики материальной культуры, связанной с домашней утварью и посудой: сравнительно-исторический аспект».

Для цитирования:
Есенова Г. Б., Есенова Т. С. Концепт *aah* ‘пиала’ в лингвокультуре калмыков // Новые исследования Тувы. 2025. № 4. С. 417-435. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.22

Есенова Галина Борисовна — кандидат филологических наук, ведущий специалист научного отдела Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовиков. Адрес: 358000, Россия, г. Элиста, ул. Пушкина, д. 11. Эл. адрес: esenova_gb@gmail.com

Есенова Тамара Саранговна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и общего языкознания, русской и зарубежной литературы гуманитарного факультета Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовиков. Адрес: 358000, Россия, г. Элиста, ул. Пушкина, д. 11. Эл. адрес: esenova_ts@mail.ru

ESENOVA, Galina Borisovna, Candidate of Philology, Leading Specialist, Scientific Department, Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov. Postal address: 11 Pushkina St., Elista, 358000, Russia. E-mail: esenova_gb@gmail.com
ORCID: 0009-0004-3001-0100

ESENOVA, Tamara Sarangovna, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Language and General Linguistics, Russian and Foreign Literature, Faculty of Humanities, Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov. Postal address: 11 Pushkina St., Elista, 358000, Russia. E-mail: esenova_ts@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7655-7751

Article

The Concept of *aah* 'piala' in the Linguoculture of the Kalmyks

Galina B. Esenova, Tamara S. Esenova
Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov, Russian Federation

The present article analyzes "aah" 'piala' ("bowl"/"cup") as a concept of Kalmyk linguoculture. The theoretical and methodological basis of the study comprises the principles of Russian linguistic conceptology. The source material consisted of language data extracted through continuous sampling from existing lexicographic sources on the Kalmyk language, dictionaries of related languages, as well as essay materials recorded from Kalmyk respondents in July 2025 in Elista (Kalmykia).

It is established that in the Kalmyk language, the concept of "aah" 'piala' exhibits variability of expression, characterizing "aah" in terms of a) material, b) form, c) size, d) function. In contemporary Kalmyk speech, the most frequently used denotations are the lexemes "aah" and "shaazn", with the name of the concept itself being "aah". The core of the concept is the lexeme "aah"; systemic synonyms include "tsögts", "shaazn"; the periphery consists of "badr", "mandl", "savl", "tagsh", "tsoma", and "tsar".

The conceptual content of "aah" includes: a cup intended for tea, for offering on an altar, made of wood, porcelain, or faience. The perceptive and figurative aspect of the concept is a whole, clean cup filled to the brim with tea, associated with happiness. The value component is inextricably linked to the contents of "aah" — "tsä" 'tea,' which is classified as "tsakhan idän" 'white, auspicious food', and this underscores the importance of the concept in Kalmyk culture. This explains the use of «aah» in the daily life of the Kalmyks, in significant rituals, customs, behavioral codes, and texts. Among contemporary Kalmyks, "modn aah", "möngn aah", "agch aah" are associated with the nomadic past of the people, with male herders and warriors; "tsögts aah" — with the spiritual sphere.

The concept of "aah" 'piala' reflects features of the nomadic life of the Kalmyks, their natural environment, beliefs, interactions with other peoples, and mindset. The concept has undergone a prolonged process of "enlanguaging" and conceptualization in linguoculture, while retaining its status as a deeply ethnic, culturally significant symbol.

Keywords: *Kalmyks; Kalmyk language; Kalmyk culture; material culture; concept of culture; aah; piala; component of a concept*

Financing
The research was funded by the Russian Science Foundation grant No. 25-18-00703 "Research on Turkic and Mongolian Material Culture Vocabulary Related to Household Utensils and Dishes: A Comparative Historical Aspect".

For citation:
Esenova G. B. and Esenova T. S. The Concept of *aah* 'piala' in the Linguoculture of the Kalmyks. *New Research of Tuva*, 2025, no. 4, pp. 417-435. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.22

Введение

Большой интерес для лингвистов представляет посуда и домашняя утварь, относящаяся к древнему пласту материальной культуры, который формировался под влиянием особенностей среды обитания, занятий, образа жизни этноса — того, как он осваивал природу и использовал ее богатства для своих потребностей. В том числе важным предметом материальной культуры кочевников является пиала.

С древних времен ею пользуются монгольские, тюркские и тунгусо-маньчжурские этносы, что отложилось в названии предмета в алтайских языках. Этим объясняется интерес лингвистов к анализу обозначений пиалы в составе названий посуды и домашней утвари как одного из древнейших пластов лексики тюркских и монгольских языков (Хайрутдинова, 2000; Замалетдинова, Хуснуллина, 2014; Нурмухаметова, 2014; Нурмухаметова, Хуснуллина, 2016; Рассадин, 2017; Рассадин, Трофимова, Тувшинтогс, 2017; Атакаева, 2017; и др.[1]). Сходные обозначения пиалы с некоторыми фонетическими

[1] Ооржак А. Ч. Названия пиал/чашек в тувинском языке // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 5 (54). С. 355–357.

вариантами представлены в тюркских и монгольских языках: в тоф. *айак* ‘большая чашка’, ‘миска’[1], алт. *айак* ‘чашка’[2], баш. *аjак*[3], уйг. *айақ* ‘чаша, чашка’[4], тув. *аяк* ‘чаша, чашка, пиала’[5], кирг. *аяк* ‘чашка, чаша’[6]; монг. *аяга(н)* ‘пиала; чаша, чашка; братина, миска’[7], бур. *аяга* ‘чаша, чашка, стакан’[8], калм. *аah* ‘пиала, чашка, чаша’[9].

Необходимость проведенного исследования определяется важным местом пиалы в лингвокультуре кочевников Евразии. Так как ареал использования пиалы обширен и, вероятно, в каждом регионе существуют свои особенности ее функционирования, в данной статье мы ограничимся рамками Калмыкии.

Лексика посуды и домашней утвари содержит важные сведения о культуре калмыков, в прошлом кочевников-скотоводов, на ментальность которых определенное влияние оказал буддизм. Актуальность статьи определяется необходимостью лингвокультурологического анализа элементов материальной культуры калмыков, в частности, концепта *аah* ‘пиала’, отражающего специфику как материальной, так и духовной сферы калмыцкого народа.

Историография темы показывает устойчивый интерес лингвистов к лексике посуды и домашней утвари монгольских народов (Рассадин, Цыренова, 1996; Бальжинимаева, 2017; Карбушева, Лиджиев, 2021; и др.), в том числе в сравнительном освещении (Рассадин, 2017). Данный пласт лексики представлен в толковых словарях традиционного быта калмыков[10], ойратов Монголии и калмыков[11]. Вместе с тем посуда и домашняя утварь пока не рассматриваются в лингвокультурологическом аспекте, с точки зрения того, как эта важная часть культуры осмыслена в лингвокультуре, как в ней отражаются картина мира этноса, его контакты с другими народами.

Цель исследования — обоснование *аah* ‘пиала’ как концепта калмыцкой лингвокультуры. Объект исследования — концепт *аah* ‘пиала’ в калмыцкой лингвокультуре. Предмет исследования — понятийный, перцептивно-образный и ценностный компоненты концепта *аah* ‘пиала’ в калмыцкой лингвокультуре.

Задачи: а) изучение понятийного содержания концепта *аah* ‘пиала’, б) анализ его перцептивно-образной составляющей, в) описание ценностного компонента концепта.

Теоретико-методологическую основу исследования составили положения современной лингвоконцептологии. При этом мы придерживаемся лингвокультурологического подхода к концепту, в рамках которого концепт понимается как ментальное образование, имеющее полевую структуру и включающее понятийную, перцептивно-образную, ценностную компоненты (Воркачев, 2004; Карасик, 2009; Красавский, 2001; Ламажаа, 2023; Слышкин, 2004; Степанов, 2004, 2007).

Источниковую базу работы составили языковые данные, извлеченные методом сплошной выборки из существующих лексикографических источников калмыцкого языка[12]. Для сравнения привлекаются

[1] Рассадин В. И. Тофаларско-русский словарь. Русско-тофаларский словарь. Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд., 1995. С. 14.
[2] Баскаков Н. А. Русско-алтайский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1963. С. 832.
[3] Каримова Г. Р. Русско-башкирский словарь. М.: ГИС, 1954. С. 260.
[4] Кибиров Ш., Цунвазо Ю. Уйгурско-русский словарь. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1961. С. 26.
[5] Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М. : Советская энциклопедия, 1968. С. 80
[6] Киргизско-русский словарь / сост. К. К. Юдахин. М.: Советская энциклопедия, 1965. С. 86.
[7] Большой академический монгольско-русский словарь : в 4-х т. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. Т. I. С. 194.
[8] Черемисов К. М. Бурят-монгольско-русский словарь. М.: ГИИНС, 1951. С. 75.
[9] Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 17.
[10] Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1996.
[11] Цэндээ Ю., Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта ойратов Монголии и калмыков. Улаанбаатар: Ганпринт, 2016.
[12] Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977; Тодаева Б. Х. Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая. Элиста: НПП «Джангар», 2007; Монраев М. У. Словарь синонимов калмыцкого языка. Элиста: АПП «Джангар», 2002; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка. Элиста: Калм. ун-т, 2020; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка: в 2 т. Элиста: РИА «Калмыкия», 2021. Т. 1; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка: в 2 т. Элиста: РИА «Калмыкия», 2022. Т. 2; Тодаева Б. Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1996; Цэндээ Ю., Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта ойратов Монголии и калмыков. Улаанбаатар: Ганпринт, 2016.

данные из словарей других монгольских языков[1]. Среди источников исследования также материалы эссе 27 респондентов-калмыков, представляющих людей разного возраста, пола, профессий (14 женщин и 13 мужчин, возраст от 36 до 82 лет, работающие в образовательной, сельскохозяйственной, строительной, правоохранительной сферах, а также домохозяйки и пенсионеры). Эссе — сочинения на тему «Аahин тускар санхла, ухандм орна… ‘Когда я думаю о пиале, я представляю себе…’ — были записаны по нашей просьбе в июле 2025 г. в г. Элисте.

Методы анализа: лексико-семантический и этимологический анализ обозначений концепта *aah* ‘пиала’, интерпретативный анализ эссе и ценностно-маркированных единиц (фразеологизмов, пословиц, загадок, благопожеланий и др.), выражающих данный концепт.

Aah ‘пиала’ мы относим к важным культурно-значимым категориям ментального мира калмыков на основании того, что, во-первых, *aah* имеет вариативные языковые обозначения («синонимизацию слов», по Ю. С. Степанову, см.: Степанов, 2004: 44), часть из которых этимологизируется на монгольской языковой почве, а часть относится к заимствованиям из других языков, что указывает на продолжительное время бытования *aah* в калмыцкой лингвокультуре; во-вторых, *aah* имеет перцептивно-образное представление, по В. И. Карасику, «след чувственного представления в памяти в единстве с метафорическими переносами» (Карасик, 2009: 26); в-третьих, используется в культурно-маркированных контекстах, передавая особенности этнокультурного общения калмыков (в формулах традиционного этикета, благопожеланиях), регламентируя поведение людей в разных сферах и ситуациях общения; в-пятых, объективируется в разных материалах (дерево, металл, фаянс, фарфор). Сказанное дает основание считать *aah* концептом лингвокультуры калмыков. Его можно отнести к этнокультурным концептам, фиксирующим своеобразие культуры (Карасик, 2009: 28).

В том числе мы рассматриваем концепт *aah* ‘пиала’ как имеющий полевую структуру, в которой выделяются ядро и периферия. С точки зрения содержания в *aah* выделяются понятийный, перцептивно-образный и ценностный компоненты.

Понятийное содержание концепта

Лексико-семантический анализ собранного языкового материала позволил определить номинативное поле концепта.

Оно включает следующие единицы: *aah* ‘пиала’ ‘чашка’, ‘чаша’[2], *тәклин aah* ‘жертвенная чаша’[3], *бадр уст., рел.* ‘чашка для сбора подаяний и пожертвований странствующими монахами’[4], *мандл рел.* ‘блюдо для сбора пожертвований’[5], *наальңһш aah* ‘неглубокая чашка’[6], *наальңһш сав* ‘неглубокая чашка’[7], *савл* ‘чашка с ручкой (особого назначения для привилегированных лиц)’[8], *савл устар.* ‘чашка с ручкой (особого назначения для привилегированных лиц)’[9], *тагш* ‘деревянная чашка’, ‘пиала’[10], *цоома*

[1] Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 тт. М.: ИВ РАН, 2015. Т. 1; Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. М.: ИВ РАН, 2016. Т. 2; Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. М.: ИВ РАН, 2018. Т. 3; Большой академический монгольско-русский словарь: в 4-х т. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. Т. I; Большой академический монгольско-русский словарь: в 4-х т. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. Т. II; Большой академический монгольско-русский словарь: в 4-х т. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. Т. III; Большой академический монгольско-русский словарь: в 4-х т. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2002. Т. IV; Лувсандэндэв А. Монгольско-русский словарь. М.: ГИН, 1957; Черемисов К. М. Бурят-монгольско-русский словарь. М.: ГИИНС, 1951.

[2] Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 17.

[3] Смирнов П. Путевые записки по Калмыцким степям Астраханской губернии. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1999. С. 236.

[4] Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 76.

[5] Там же. С. 341.

[6] Там же. С. 365.

[7] Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1996. С. 129.

[8] Там же.

[9] Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 434; Цэндээ Ю., Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта ойратов Монголии и калмыков. Улаанбаатар: Ганпринт, 2016. С. 282.

[10] Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1996. С. 129; Цэндээ Ю., Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта ойратов Монголии и калмыков. Улаанбаатар: Ганпринт, 2016. С. 283.

‘чаша (большая)’[1], *цоома / цөөмə* ‘пиала’, ‘большая чаша’[2], *цар* ‘блюдце’[3], *цөгц* ‘чашечка’, ‘чаша’, ‘чарка’[4], *деежин цөгц* ‘жертвенная чаша’[5], *шаазң* ‘пиала’, ‘чаша’, ‘посуда’[6].

Номинативная «плотность» концепта свидетельствует о важности для лингвокультуры калмыцкого народа данного ментального образования. Ядро лексико-семантического поля концепта — лексема *аah*; системные синонимы — *цөгц, шаазң,* периферия — *бадр, мандл, савл, тагш, цоома, цар*.

Именем концепта, по нашему мнению, является существительное *аah*, поскольку оно: а) сочетается с разными словами, образуя словосочетания, детализирующие разновидности *аah*, б) участвует в словообразовании, образуя дериваты, связанные с *аah*, в) не имеет ограничений в дистрибуции с точки зрения сферы употребления и актуальности значения во временной перспективе, г) относится к исконной, общемонгольской лексике.

Рассмотрим последовательно языковые средства, обозначающие характеристики рассматриваемого концепта.

Аah

Обратимся к этимологическому анализу слова *аah*, который позволит обнаружить «исходную форму концепта» (Степанов, 2004: 43).

По данным Этимологического словаря монгольских языков, лексема *аah* восходит к старописьменному монгольскому AYAγA, рефлексами которого в современных монгольских языках являются: «халх., бур. *аяга*, калм. *аah*, дунс., бао. *jiңa*, мнгр. *jaңa* ‘чаша’, ‘чашка’, ‘кружка’; бур. *аяга* ‘тарелка’, ‘миска’; параллелями: ◊ — др.-тюрк. *ajaq* ‘чаша’, ‘чашка’; як. *аях* ‘большой кубок’; (?) эвк. *хага* ‘короб из кожи’; ‘короб из бересты’»[7]. До сих пор нет единого мнения относительно первоосновы обозначения пиалы в тюрко-монгольских языках: В. В. Радлов считает первичным монгольское происхождение (Радлов, 1893: 201), Э. В. Севортян — тюркское[8]; А. Ч. Ооржак допускает, что тувинское название *аяк* является «возвратным монгольским заимствованием в тувинском»[9].

Бесспорно, что *аah* относится к лексике, общей для алтайских языков, формирование которой проходило на раннем этапе интенсивных этнокультурных контактов народов Центральной Азии.

Анализ сочетаемости слова *аah* позволяет выделить следующие признаки изучаемого концепта: а) чашка, б) изготовленная из дерева, фарфора, клена, с серебряным окаймлением (*модн аah* ‘деревянная чашка’, *шаазң аah* ‘фарфоровая чашка’, *агч аah* ‘кленовая чашка’, *цаһан мөңгəр бүгжлж зивглсн аah* ‘деревянная чашка с серебряным окаймлением’), б) широкая (*далһа аah* ‘широкая чашка’), в) неглубокая (*наальңһш аah* ‘неглубокая чашка’), в) предназначенная для бульона, сбора подаяний, жертвенная (*шөлнə аah* ‘бульонная чашка’, *тəклин аah* ‘жертвенная чаша’, *бадарин аah* ‘чаша для сбора подаяний, пожертвований странствующими монахами’).

Кочевая жизнь калмыков обусловила как компактность предметов быта, так и универсальность их применения. *Аah* отвечала требованию многофункциональности: из нее пили чай, бульон, кумыс; ели мясные и молочные блюда. Думаем, что выделение специальной *шөлнə аah* ‘бульонной чашки’ произошло не так давно, в связи с переходом на оседлую жизнь и улучшением материального положения калмыков.

[1] Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 637.
[2] Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1996. С. 131; Цэндээ Ю., Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта ойратов Монголии и калмыков. Улаанбаатар: Ганпринт, 2016. С. 284.
[3] Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 625.
[4] Там же. С. 638; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1996. С. 131; Цэндээ Ю., Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта ойратов Монголии и калмыков. Улаанбаатар: Ганпринт, 2016. С. 284.
[5] Смирнов П. Путевые записки по Калмыцким степям Астраханской губернии. Элиста: Калмыцкое. книжное издательство, 1999. С. 236.
[6] Монраев М. У. Словарь синонимов калмыцкого языка. Элиста: АПП «Джангар», 2002. С. 13.
[7] Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. М.: ИВ РАН, 2015. Т. 1. С. 60.
[8] Ооржак А. Ч. Лексика посуды и домашней утвари в тувинском языке и его диалектах: дисс. … канд. филол. наук. Кызыл, 2022. С. 23.
[9] Там же.

Традиционно *аah* изготавливали из таких материалов, которые служили долго и не могли повредиться в условиях кочевой жизни, когда в течение года люди несколько раз перемещались вслед за скотом в поисках пастбищ с обильным травостоем и водными источниками. *Аah* делали, как правило, из клена. Если в *аah* появлялось какое-нибудь повреждение, то ее ремонтировали, скрепляли с помощью серебра. Мужчины носили *аah* в мешочке, привязанном к ремню, или за пазухой.

Лексема *аah* образует отыменное существительное *аahч,* имеющее значения ‘разливальщик’, ‘посудомойка’, ‘прислуга на кухне’[1]. Глагольный дериват *аahлх* имеет значение ‘наливать в пиалу, чашку’: «*Арвн хурһнь алтн мет, аahлсн үснь аршан мет* ‘его десять пальцев подобны золоту, разлитое молоко подобно целебному источнику’»[2]. На базе *аah* образованы словосочетания, обозначающие связанные с *аah* предметы обихода: *аahин альчур* ‘посудное полотенце’, *аahин үкүг* ‘посудный шкаф, букв.: шкаф для чашек’, *аahин гер* ‘мешочек для чашки, букв.: дом для чашки’[3]. *Аah* образует парные слова с собирательным значением ‘посуда’: *аah-шаңһ* ‘кухонная посуда’, *аah-сав* ‘посуда’. Последний бином формирует атрибутивное словосочетание, конкретизирующее вид посуды: *цәәһә аah-сав* ‘чайная посуда’. Как видим, *аah,* будучи важным элементом культуры калмыков, образует своеобразную микросферу, куда входят связанные с *аah* понятия.

Этимологический, лексико-семантический анализ и изучение сочетаний существительного *аah* с другими словами позволяют выделить характеристики концепта *аah*: а) чашка, б) из дерева, клена, фарфора, с серебряным окаймлением, в) широкая, г) неглубокая, д) предназначенная для питья, сбора подаяний; жертвенная.

Бадр

Лексема *бадр* относится к периферии лексико-семантического поля концепта *аah*. *Бадр* имеет неоднозначную трактовку в словарях калмыцкого языка с точки зрения употребления в современной речи. В Калмыцко-русском словаре под редакцией Б. Д. Муниева *бадр* имеет пометы ‘*уст.*’, ‘*рел*’, семантизируется как ‘чашка для сбора подаяний и пожертвований странствующими монахами’[4]. В толковых словарях Г. Ц. Пюрбеева, а также в аспектных словарях она имеет помету ‘*рел.*’, регистрируется то же значение[5]. На базе данного слова образуется глагольное словосочетание *бадр авх* ‘собирать подаяние’[6].

Согласно Этимологическому словарю монгольских языков, *бадр* восходит к старописьменному монгольскому *BADAR*, заимствованному из санскрита [*pātra*]. В современных письменных монгольских языках ему соответствуют в «халх., бур. *бадар*, калм. *бадр* ‘сбор подаяний’»[7].

Бадр входит в состав буддийской терминологии, которая составляет значительный пласт лексики во всех монгольских языках, носители которых являются приверженцами буддизма. Вместе с учением монголы восприняли и буддийскую лексику, в которой доминируют заимствования из санскрита, пали, тибетского языка. В связи с возрождением буддизма в обществе усиливается интерес к изучению буддийской лексики (Будажапова, 2012; Будажапова, Харанутова, 2023; Харанутова, Будажапова, Байкалов, 2023; Шагдаров, 2011; Шагдарова, 2016; Есенова Т., Есенова Г., 2025; и др.). В Кратком толковом бурятско-русском словаре буддийских терминов Л. Б. Будажаповой[8] данное слово не представлено. По нашему мнению, значение слова *бадр* отражает жизненный принцип буддийского монаха — жить подаянием, приоритет отдавать духовной, а не материальной сфере.

[1] Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1996. С. 125; Цэндээ Ю., Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта ойратов Монголии и калмыков. Улаанбаатар: Ганпринт, 2016. С. 279.
[2] Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка: в 2 т. Элиста: РИА «Калмыкия», 2021. Т. 1. С. 21.
[3] Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка: в 2 т. Элиста: РИА «Калмыкия», 2021. Т. 1. С. 21; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калмыц. книжное издательство, 1996. С. 125.
[4] Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 76.
[5] Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка. Элиста: Калм. ун-т, 2020. С. 45; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка: в 2 т. Элиста: РИА «Калмыкия», 2021. Т. 1. С. 87; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калмыц. книжное издательство, 1996. С. 126; Цэндээ Ю., Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта ойратов Монголии и калмыков. Улаанбаатар: Ганпринт, 2016. С. 280.
[6] Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1996. С. 126.
[7] Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. М.: ИВ РАН, 2015. Т. 1. С. 65.
[8] Будажапова Л. Б. Краткий толковый бурятско-русский словарь буддийских терминов. Улан-Удэ: Номад, 2024.

Итак, лексема *бадр* обозначает чашку для сбора подаяний и пожертвований странствующими монахами; слово заимствовано из санскрита в ходе распространения среди монголов буддизма. В связи с буддийской практикой, сложившейся в Калмыкии, монахи не обходят население с чашей для сбора подаяний и пожертвований, что и обусловило ограниченное употребление слова *бадр* в речи. *Бадр* относится к разряду устаревшей религиозной лексики.

В слове *бадр* выделяются такие характеристики концепта *aah*, как а) чашка, б) предназначенная для сбора подаяний и пожертвований странствующими монахами.

Мандл

Лексема *мандл* относится к периферии лексико-семантического поля концепта *aah*. В калмыцком языке существуют омонимы *мандл* I ‘алтарь’ и *мандл* II: 1) ‘чаша, блюдо для сбора пожертвований’, 2) ‘поверхность чего-либо’[1]. По данным лексикографических источников калмыцкого языка, *мандл* относится к религиозной лексике[2].

Согласно Этимологическому словарю монгольских языков, данное слово восходит к старописьменному монгольскому *MANDAL*, заимствованному из санскрита [*maṇḍala*]. В бурятском языке ему соответствует «*мандал* ‘алтарь’; монгольском — *мандал* ‘диск’, ‘круг’; ‘поверхность чего-либо’; ◊ ← др.-тюрк. *mandal* ‘магический заколдованный круг’, ‘фигура’»[3]. Вероятно, в калмыцком языке в результате расщепления значений многозначного слова образовалось два самостоятельных слова. В отличие от лексемы *бадр*, называющей ‘чашку для сбора подаяний и пожертвований странствующими монахами’, *мандл* обозначает ‘чашу, блюдо для сбора пожертвований’, которая ставится на алтарь и на которую верующие ставят свои подношения.

Итак, в современном калмыцком языке *мандл* относится к заимствованной из санскрита в ходе распространения буддизма религиозной терминологии, обозначает чашу, блюдо для сбора пожертвований на алтаре, на которую верующие ставят подношения.

Данная лексема выделяет следующие признаки концепта *aah:* а) чашка, б) предназначенная для сбора пожертвований на алтаре.

Савл

Лексема *савл* относится к периферии номинативного поля концепта *aah*. По данным словарей современного калмыцкого языка, *савл* имеет значение ‘чашка с ручкой (особого назначения для привилегированных лиц)’, сопровождается пометой ‘*устар.*’[4] Слово *савл* не представлено в Этимологическом словаре монгольских языков, Монгольско-русском словаре А. Лувсандэндэва, Большом академическом монгольско-русском словаре, Бурят-монгольско-русском словаре К. М. Черемисова. В языке ойратов Синьцзяна *савл* функционирует в двух фонетических вариантах: *савал* и *сабил*, имеет значение ‘чаша с ручкой’, ‘ковш (для употребления вина)’[5]. Как видим, в этих языках общим признаком *савл* является ‘ручка’, дифференцирующим — сфера применения: для привилегированных лиц (калмыцкий), для употребления вина (язык ойратов Синьцзяна). Согласно Б. Х. Тодаевой, в языке ойратов Китая данное слово относится к общеупотребительной лексике, не имеет ограничений в дистрибуции: встречается как в эпическом тексте (*заани сойаahаар нүделен кегсен нәрхен шара савал цөгце* ‘тончайшая желтая чаша-братина, инкрустированная бивнем слона’), сказочном дискурсе (*бал хара хорзааса түме балһава гежи туң дораа ородаг угаа хара савал дүүргәәд далан күмен дамжилаад бәрвәә генәә* ‘наполнив медовой крепчайшей хорзой черную чашу-братину, из которой сделай хоть десять тысяч глотков и то не убавится, подняли семьдесят человек и преподнесли ему’), так и

[1] Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 341.
[2] Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка. Элиста: Калм. ун-т, 2020. С. 201; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка: в 2 т. Элиста: РИА «Калмыкия», 2021. Т. 1. С. 482; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калмыц. книжное издательство, 1996. С. 128; Цэндээ Ю., Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта ойратов Монголии и калмыков. Улаанбаатар: Ганпринт, 2016. С. 282.
[3] Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. М.: ИВ РАН, 2016. Т. 2. С. 160.
[4] Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 434; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка. Элиста: Калм. ун-т, 2020. С. 260; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка: в 2 т. Элиста: РИА «Калмыкия», 2022. Т. 2. С. 73; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1996. С. 129; Цэндээ Ю., Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта ойратов Монголии и калмыков. Улаанбаатар: Ганпринт, 2016. С. 282.
[5] Тодаева Б. Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. С. 282.

в живой разговорной речи (*савал дүүрээд асхрва* ‘чаша переполнилась, из нее стало выливаться’)[1]. С учетом сказанного можно предположить, что *савл* входит в состав ойратизмов; в калмыцком языке *савл* относится к устаревшей лексике, в языке ойратов Китая не имеет ограничений в дистрибуции.

Лексема *савл* выделяет следующие признаки *аан*: а) чашка, б) с ручкой (особого назначения для привилегированных лиц).

Тагш

Лексема *тагш* относится к периферии номинативного поля концепта *аан*. Толковые словари калмыцкого языка Г. Ц. Пюрбеева, Калмыцко-русский словарь под редакцией Б. Д. Муниева, а также Словарь языка ойратов Синьцзяна Б. Х. Тодаевой не содержат данную лексему, в то время как она представлена в аспектных словарях: Толковом словаре традиционного быта калмыков Г. Ц. Пюрбеева и Толковом словаре традиционного быта ойратов Монголии и калмыков Ю. Цэндээ, Г. Ц. Пюрбеева, которые определяют его значение как ‘деревянная чаша’, ‘пиала’[2].

Согласно Этимологическому словарю монгольских языков, данное слово восходит к старописьменному монгольскому TAγSI. Его рефлексами являются в: «халх. *тагш*, бур. *тагша* ‘чашка’, ‘пиала’»[3]. Авторы словаря допускают, что данному слову соответствуют в кирг. *такчы* ‘небольшая чашка с плоским дном’, ‘тарелка’[4]. На основании сказанного можно считать, что номинация *тагш* относится к древнему пласту монгольской лексики, выражающей характеристики концепта *аан* — деревянная чашка, пиала.

Цоома / цөөмэ

Лексема *цоома / цөөмэ* относится к периферии номинативного поля концепта *аан*. *Цоома / цөөмэ* лексикографическими источниками калмыцкого языка семантизируется как ‘пиала’, ‘чаша (большая)’[5]. К сожалению, в словарях не приводятся сведения о функционировании слова, контексты употребления. Данная единица не отражена в Словаре языка ойратов Синьцзяна Б. Х. Тодаевой, Этимологическом словаре монгольских языков, Большом академическом монгольско-русском словаре, Монгольско-русском словаре А. Лувсандэндэва, Бурят-монгольско-русском словаре К. М. Черемисова, что дает основание считать данную лексему единицей исключительно калмыцкого языка.

Лексема *цоома / цөөмэ* выделяет признаки концепта *аан* — пиала, большая.

Цар

Лексема *цар* относится к периферии лексико-семантического поля концепта *аан*. Слово *цар* в калмыцком языке используется для обозначения блюдца, относится к редко употребляемым словам[6].

Цар восходит к старописьменному монгольскому *ČARA*, которому в современных письменных языках соответствуют: «халх. *цар, цараа* ‘кратер’; ‘объём’, калм. *цар* ‘неглубокая тарелка’; бур. *сара* ‘чаша с широким верхом’; в кирг. *чара* ‘большая чашка’; ‘глазница’; ‘могильная яма’; ‘нижняя часть копыта лошади’; маньчж. *čara* ‘ендова из металла на ножках’»[7]. Следовательно, *цар* относится к общей лексике алтайских языков. В калмыцком языке *цар* является редко используемой единицей.

Лексема *цар* выделяет характеристику концепта *аан* — неглубокая.

[1] Там же.
[2] Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1996. С. 129; Цэндээ Ю., Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта ойратов Монголии и калмыков. Улаанбаатар: Ганпринт, 2016. С. 283.
[3] Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. М.: ИВ РАН, 2018. Т. 3. С. 148.
[4] Там же.
[5] Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 637; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка. Элиста: Калм. ун-т, 2020. С. 392; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка: в 2 т. Элиста: РИА «Калмыкия», 2022. Т. 2. С. 426; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1996. С. 131; Цэндээ Ю., Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта ойратов Монголии и калмыков. Улаанбаатар: Ганпринт, 2016. С. 284.
[6] Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 625; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка: в 2 т. Элиста: РИА «Калмыкия», 2022. Т. 2. С. 408.
[7] Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. М.: ИВ РАН, 2015. Т. 1. С. 134.

Шаазҥ

Лексему *шаазҥ* можно отнести к синонимам *aah*. Словарь синонимов калмыцкого языка М. У. Монраева к слову *aah* приводит синонимы *шаазҥ, aah-сав* ‘пиала’, ‘чаша’, ‘посуда’[1]. Однако ни в Толковом словаре традиционного быта калмыков Г. Ц. Пюрбеева, ни в Толковом словаре традиционного быта ойратов Монголии и калмыков Ю. Цэндээ, Г. Ц. Пюрбеева *шаазҥ* не приводится как специальное обозначение чашки, пиалы; но дается словосочетание *шаазҥ aah* ‘фарфоровая чашка’.

Лексикографические источники калмыцкого языка в данном слове выделяют значения ‘фарфор, фаянс’[2], ‘фарфор, фаянс, фарфоровый, фаянсовый’[3]. В языке ойратов Синьцзяна *шаазаң* употребляется в значениях ‘фарфор’, ‘фарфоровый’, ‘фарфоровая чашка’[4] как в фольклорных текстах (*далан күмен дамҗилдаг далһаа шара шаазаң* ‘чашка, которую поднимают семьдесят человек’), так и в живой разговорной речи (*шаазаң савааса хото ууха* ‘пить, есть из фарфоровой посуды’)[5]. В наших записях разговорной речи калмыков фиксируется *шаазҥ* в значении ‘пиала’ (*шаазҥд цә кечкв / сууһад амстн* ‘в пиалу налила чай / посидите / испробуйте’)[6].

Авторы Этимологического словаря монгольских языков предполагают, что слово *шаазҥ* является заимствованием из китайского языка: *ŠAǰANG* [кит. ?]. В бурятском языке *шаажан* имеет значения ‘фарфор, фаянс’, ‘фарфоровый, фаянсовый’, в халха-монгольском — ‘фарфор; фаянс’ ‘фарфоровый, фаянсовый’, ‘изделия, посуда из фарфора’[7]. А. Ч. Ооржак по результатам анализа лексики посуды и домашней утвари тувинского языка и его диалектов *шаажаң* ‘фарфор’ квалифицирует как монголизм[8]. Интересно, что, по данным Е. М. Куулар, в юго-восточном диалекте тувинского языка *шаажаң* используется в значении ‘пиала’ (Куулар, 2012: 178). На наш взгляд, в слове *шаазҥ* произошло расширение смыслового содержания в результате переноса значения по смежности (с материала, из которого сделана чашка, на сам предмет).

Можно полагать, что слово *шаазҥ* вошло в монгольские языки в отдаленное время как обозначение привезенных из Китая изделий из фарфора, фаянса. За период своего бытования слово адаптировалось в грамматической системе монгольских языков, о чем свидетельствует «подчинение» его монгольскому словоизменению. Расширилась его семантика: ‘фарфор, фаянс’ → ‘фарфоровый, фаянсовый’ → ‘фарфоровая пиала’, → ‘пиала’, что, по нашему мнению, объясняется экстралингвистическими причинами. Монголы-кочевники традиционно использовали деревянные чашки, отвечающие условиям кочевой жизни. Потом стали использовать *шаазҥ aah* ‘чашки из фарфора’, которые привозились из Китая. Постепенно после произошедших коренных изменений образа жизни, с переходом от номадизма к оседлости распространение в быту получает заводская посуда, сделанная из фарфора, фаянса. Этим можно объяснить употребление среди калмыков слова *шаазҥ* в значении ‘пиала’.

Итак, в калмыцком языке *шаазҥ* обозначает пиалу, предназначенную для чая. Слово вошло в монгольские языки из китайского языка для номинации изделий из фаянса, фарфора, доставляемых из Китая. На монгольской почве *шаазҥ* адаптировалось в грамматической и лексико-семантической системе; в современном калмыцком языке за ним закрепляется значение ‘пиала’. Слово стилистически нейтрально, не имеет ограничений в дистрибуции.

В лексеме *шаазҥ* выделяются следующие признаки рассматриваемого концепта: а) пиала, б) фарфоровый, фаянсовый.

[1] Монраев М. У. Словарь синонимов калмыцкого языка. Элиста: АПП «Джангар», 2002. С. 13.
[2] Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка: в 2 т. Элиста: РИА «Калмыкия», 2022. Т. 2. С. 461.
[3] Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 657; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка. Элиста: Калм. ун-т, 2020. С. 406.
[4] Тодаева Б. Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. С. 445.
[5] Там же.
[6] Полевые материалы Т. С. Есеновой, 1999 г.
[7] Большой академический монгольско-русский словарь: в 4-х т. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2002. Т. IV. С. 2024.
[8] Ооржак А. Ч. Лексика посуды и домашней утвари в тувинском языке и его диалектах: дисс. … канд. филол. наук. Кызыл, 2022. С. 28.

Цөгц

Как и *шаазң,* лексему *цөгц* можно отнести к синонимам *аан*.

Согласно Этимологическому словарю монгольских языков, *цөгц* восходит к старописьменному монгольскому *ČÖGÜCE*, которому в современных письменных языках соответствуют: «халх. *цөгц*, бур. *сүгсэ* ‘чашка для жертвенных зёрен, масла’; калм. *цөгц* ‘деревянная чашка’. ◊ – кирг. *чөөчөк, чөйчөк* ‘маленькая чашка; рюмка, бокал’»[1].

Лексикографические источники калмыцкого языка дефинируют значение *цөгц* следующим образом: ‘чарка’, ‘чашечка’, ‘чаша’[2], ‘чашка’[3]. В языке ойратов Китая *цөгц* употребляется в двух значениях: 1) *рел.* ‘жертвенная чаша, лампадка’, 2) ‘рюмка’, ‘чарка’, ‘чаша’[4]. С точки зрения материала *цөгц* бывают *мөңгн* ‘серебряные’, *зес* ‘медные’, *модн* ‘деревянные’[5]; предназначения: для напитков (деревянная) — *цөгц аан,* для вина (деревянная) — *әркин цөгц*, жертвенная — *зулын цөгц*[6], *тәклин цөгц*[7], *дееҗин цөгц*[8].

Лексема *цөгц,* относящаяся к исконной, общемонгольской лексике, является стилистически нейтральным словом, которое употребляется во всех стилях и жанрах речи.

Цөгц выделяет такие признаки концепта *аан*, как: а) чашка, б) небольшого размера, в) предназначенная для подношения чая на алтаре, г) жертвенная чашка.

Таким образом, анализ показал, что в калмыцком языке концепт *аан* имеет вариативное выражение, свидетельствующее о разнообразии социокультурных практик и ритуалов, в которых используется пиала: обыденная и религиозная сферы, с учетом социального статуса лица и коммуникативной ситуации.

Лексико-семантический и этимологический анализ лексем-вербализаторов позволил выделить следующие признаки концепта *аан*: а) чашка, б) из дерева (*модн аан* ‘деревянная чашка’, *агч аан* ‘кленовая чашка’), фарфора (*шаазң аан* ‘фарфоровая чашка’), серебра (*цаһан мөңгәр бүгҗлж зивглсн аан* ‘деревянная чашка с серебряным окаймлением’), в) широкая (*далһа аан* ‘широкая чашка’), г) с ручкой (*савл* ‘чашка с ручкой, особого назначения для привилегированных лиц)’, д) неглубокая (*наальңһш аан* ‘неглубокая чашка’, *наальңһш сав* ‘неглубокая, с широкими краями чашка’, *цар* ‘неглубокая’, ‘неширокая чашка’, ж) маленькая (*цөгц* ‘маленькая чашка’), з) большая (*цоома / цөөмә* ‘большая чашка’), и) для питья (*шөлнә аан* ‘бульонная чашка’), к) для сбора подаяний (*бадарин аан* ‘чаша для сбора подаяний, пожертвований странствующими монахами’), л) для пожертвований (*мандл* ‘блюдо для сбора пожертвований на алтаре’), м) для подношения (*дееҗин цөгц, зулын цөгц, тәклин цөгц* ‘жертвенная чаша’).

Ядро номинативного поля концепта — лексема *аан,* вызывающая наиболее актуальные для носителей современной калмыцкой лингвокультуры ассоциации; системные синонимы — *цөгц, шаазң;* периферию составляют *бадр, мандл, савл, тагш, цоома, цар,* утратившие свою актуальность в связи с общественно-политическими изменениями в жизни калмыков в XX в. В языковом сознании современных калмыков понятийное содержание концепта *аан* ‘пиала’: а) чашка, б) предназначенная для чая, подношения на алтаре, в) сделанная из дерева, фарфора, фаянса, серебра.

Среди вербализаторов концепта выделяются исконные, общемонгольские слова (*аан, тагш, цөгц, цар*), ойратизм (*савл*), а также слова, заимствованные из санскрита (*бадр, мандл*) в ходе распространения буддизма, из китайского языка (*шаазң*) в результате социокультурных контактов народов, что свидетельствует о длительном времени бытования концепта в культуре калмыцкого народа.

[1] Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 тт. М.: ИВ РАН, 2015. Т. 1. С. 1523.
[2] Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 638; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка. Элиста: Калм. ун-т, 2020. С. 393.
[3] Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка: в 2 т. Элиста: РИА «Калмыкия», 2022. Т. 2. С. 428.
[4] Тодаева Б. Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. С. 430.
[5] Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка. Элиста: Калм. ун-т, 2020. С. 393; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка: в 2 т. Элиста: РИА «Калмыкия», 2022. Т. 2. С. 428.
[6] Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 638.
[7] Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка. Элиста: Калм. ун-т, 2020. С. 393.
[8] Смирнов П. Путевые записки по Калмыцким степям Астраханской губернии. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1999. С. 236.

Перцептивно-образный компонент

Для определения перцептивно-образных характеристик *аah* ‘пиала’ анализировались дискурсивная реализация концепта и метафоры с участием *аah*. Были изучены эссе на тему «Когда я думаю о пиале, я представляю себе…», которые представляют собой пример дискурсивной реализации изучаемого концепта. Приведем фрагменты из некоторых сочинений.

«Мана ээж агч аahас цэ ууна. Өдр болһн ик эрт босад цээгэн чанчкад, түргүн болж бичкн цөгцд үстэ, тоста, давста халун цэ кеһəд бурхнд деež тəвнə. Түүнə хөөн модн аahд дүүргəд халун акта зандн цэ кечкəд йөрəл тəвнə. Тиигчкəд сорад цəəһэн ууна.

Манад дала сəəхн шаазҥгуд бəəнə. Эəжд шаазҥгд цэ кеж уутн гиж мадн келдүвидм. Тиигхлэ уга гинə.

Модн аahас ик кезəнəс ууһав гинə. Халун цэ уухд модн аah сəн, һар халхш, цэ əмтəхн болж медгднə. Эн агч аah намд мана эцкəс күртлə. Аав келдг эн агч аah уйəс уйд мана өрк-бүлд йовдг. Мини эцкт көкшн аавас, түнд болхла түүнə эцкəсн күртсн. Агч аah невчкн кемтрхтə, түнгинь мини эцк мөҥгəр уйж. Иим модн аah ода берк. Мана эцкт көвүн уга болад, эн агч аahиг намд мини эцк заасн болжана. Тиигəд аавин агч аahас цэ уухла, аавм санандм орна».

‘Наша бабушка пьет чай из кленовой пиалы (*фото 1*). Каждый день, встав рано утром, сварив чай, она перво-наперво в маленькую пиалу наливает горячий чай с молоком, маслом, солью и ставит на алтарь как *деež*. После этого наливает в кленовую пиалу до краев горячий, наваристый густой чай и произносит благопожелание. После этого пьет чай.

У нас много фарфоровых пиал. Мы говорим бабушке, чтобы она пила чай из них. На это она отвечает: “Нет”.

Говорит: “Издавна пью чай из деревянной пиалы. Деревянная пиала хороша для пития горячего чая, руки не обжигает, чай кажется более вкусным. Эта кленовая пиала досталась мне от моего отца. Отец говорил: “Эта кленовая пиала в нашей семье из поколения в поколение передается. Моему отцу она досталась от его отца, а ему — от его отца. Пиала имеет небольшое повреждение, отец поставил “заплатку” из серебра. Сейчас такие деревянные пиалы редкость. Т. к. у отца не было сына, он завещал кленовую пиалу мне. Когда пью чай из отцовской кленовой пиалы, мне вспоминается мой отец””’ (К. А., жен., 48 лет, учитель).

Фото 1. Агч аah из семейной коллекции Н. С. Есенова. Фото Н. С. Есенова, 2025 г.
Photo 1. “Agch aah” from the family collection of N. S. Esenov. Photo by N. S. Esenov, 2025.

«Манад олн зүсн аahс бәәнә. Өдр бoһн хальмг цә кеһәд уудг шаазңгдуд бәәнә. Шаазң халун хальмг цә уухд сән, ик хотта болчкад, уданд халу бәрдг сав. Нег сәәхн шаазңгиг нанд зе күүкм белгиллә. Болв зәрмдән орс цә уухла оңгдан савас хар цә уудвидм, шаазңгәс хар цә уудговидм. Орс цә уухла шаазң бәрхд эвго, бәрдг юумн уга.

Дакад болхла манад деежң бәрдг бичкн цөгс бәәнә. Эн цөгсәс күн цә уудго, энчинь бурхна цөгц. Эн цөгцт өргүн болһн шин чансн цәәһәр бурхна өмн деежң тәвдм. Цәәһиг бурхна цөгст, шаазңгд дүргжң кех керктә. Тиим авъяс бәәнә. Шаазңгас шөл чиган уудвидм. Нәр болхла, цә, шөл, дотр — халун хот шаазңгд кежң уудвдм.

Айта сав! Хальмг хот кежң уудг мана йоста сав! Юу болвч аahас эдлжң болна».

‘У нас есть разные пиалы. Есть пиалы, из которых ежедневно пьем калмыцкий чай. Из пиалы хорошо пить горячий калмыцкий чай, она вместительна, долго держит тепло. Одну красивую пиалу мне подарила моя внучка (*фото 2*). Но, когда пьем русский чай, из других чашек пьем, из пиалы черный чай не пьем. Когда русский чай пьешь, неудобно держать пиалу, нет ручки.

А еще у нас есть маленькая пиала для подношения на алтаре. Из этой пиалы люди чай не пьют, эта пиала для *бурхана*. В этой пиале каждое утро подносим *бурхану* на алтаре свежесваренный чай. В пиалы и маленькие чашки надо наливать чай до краев. Таков обычай. Из пиалы пьем и бульон. На мероприятиях чай, бульон, *дотур* — горячую пищу — принимаем из пиал.

Отличная посуда! Наша национальная посуда, из которой принимаем калмыцкие блюда! Хоть что можно принимать из пиалы’ (С. Н., жен., 76 лет, пенсионер).

Фото. 2. Шаазң из авторской коллекции Т. А. Очировой. Фото Т. А. Очировой, 2025 г.
Photo. 2. “Shaazn” from the author’s collection of T. A. Ochirova. Photo by T. A. Ochirova, 2025.

«Модн аah, агч аah, мөңгн аah Пальмовин нертә музейд бәәнә. Кезәнә хальмгуд модас кесн агч аah олзлдг билә. Учрин: модн аah унучигн хамхрдго, гишкн сав, бийтәгән авхд сән, өвр дотр, биснә заакт тәвжң болна. Кезәнә малын ард йовхларн залус модн аahиг өвр дотран тәвәд, кергтә цагт haphad ус чигн, цә чигн уудг билә. Кемтрсн орминь цаһан мөңгәр уйдг бәәжң, байн улс мөңгәр кесн аahас цә уудг бәәжң.

Ода цагт модн аahар, агч аahар цә уухшувидм, цуһар шаазңгас уудувидм. Агч аah, модн аah, мөңгн аah мана зөөр».

‘Деревянные пиалы, кленовые пиалы, серебряные пиалы есть в музее имени Пальмова. Раньше калмыки использовали кленовые пиалы, сделанные из дерева пиалы. Причина: деревянная пиала не разбивается при падении, это легкая посуда, удобно брать с собой, можно положить за пазуху, за ремень. Раньше,

ухаживая за скотом, мужчины носили деревянные пиалы за пазухой, в нужное время вытаскивали и из нее пили и воду, и чай. Ставили серебряные «заплатки» на поврежденное место пиалы, богатые пили чай из серебряных пиал (*фото 3*).

Сейчас не пьем из деревянных и кленовых пиал, все пьем из фарфоровых. Деревянные, кленовые, серебряные пиалы — наше достояние' (В. Э., муж. 60 лет, педагог).

Фото. 3. Мөңгн aah из семейной коллекции Н. С. Есенова. Фото Н. С. Есенова, 2025 г.
Photo. 3. "Möngn aah" from the family collection of N. S. Esenov. Photo by N. S. Esenov, 2025.

Респонденты дают амбивалентную характеристику *aah*, отмечая, что она подходит для приема этнической пищи (калмыцкий чай, бульон, *дотур*), с одной стороны, и не подходит для приема отсутствующих в национальной культуре напитков (черного чая, кофе, киселя, компота) — с другой. В сочинениях респонденты пишут о том, что сейчас деревянные, серебряные, кленовые пиалы — большая редкость, повседневно употребляют фарфоровые пиалы, из которых пьют калмыцкий чай, бульон, едят *дотур*. В ответах названы такие характеристики *aah*, как 'отсутствие ручки', 'из фарфора, дерева, клена, серебра', 'легкая', 'крепкая', 'удобная', 'может / не может разбиться', что свидетельствует о присутствии в сознании респондентов четкого образа *aah*. Отметим, что индивидуальные характеристики *aah,* приведенные респондентами, в целом соответствуют научному описанию предмета (Сангаджиева, 2024).

Положительную оценку у респондентов вызывает свойство пиалы держать тепло, не обжигать пальцы при питье горячего чая или бульона. Во многих ответах *aah* ассоциируется с калмыцкой этничностью, с калмыцкой этнической культурой; при этом *модн aah* 'деревянная пиала', *агч aah* 'кленовая пиала', *мөңгн aah* 'серебряная пиала' ассоциируются с прошлым, воспринимаются как архаика.

Обращает на себя внимание гендерная и профессиональная привязка ассоциирующихся с кочевым прошлым калмыков *модн aah*, *мөңгн aah* и *агч aah*. Эти виды пиал в сознании современных калмыков ассоциативно связаны с мужчинами, кочевым скотоводческим занятием, военным прошлым. Помимо *aah, шаазң*, для сознания современных калмыков актуальна *цөгц aah,* которая ассоциируется с духовно-религиозной сферой, национальными обычаями.

Aah, будучи предметным концептом, может быть охарактеризован через человека, использующего пиалу в своей повседневной жизни. Используя пиалу как предмет посуды, человек стремится содержать ее в чистоте, не использовать поврежденную пиалу, остерегаясь нанести вред счастью; наливает в пиалу чай до краев, старается не расплескать чай и выпивает его полностью, чтобы было «полное счастье». При использовании *цөгц aah*, наполняя ее чаем, человек обращается с молитвами к *бурханам* о благополучии. Видим, что *aah* связан как с материальной, так и духовной сферой мира калмыков.

Предметно-образная сторона концепта — это целая, чистая чашка, до краев наполненная чаем, которая ассоциируется со счастьем. Образный компонент рассматриваемого концепта прослеживается в метафоре «цельности», «полноты», «крепости», которая находит выражение в языке (*агч aah авад шивв чигн хамхрхш* ‘кленовую чашку как ни бросай на землю, не разобьется’[1], *хоосн aah күүнд өгдм биш* ‘не следует давать людям пустую пиалу’[2], *aahд цә дүүргҗ кех кергтә* ‘следует наливать полную пиалу чая’[3]) и связана с образами счастья, благополучия. Прослеживается идея о том, что полная пиала, пиала, не имеющая повреждения, олицетворяет собой полное счастье. Наблюдается пересечение семантических полей «полный-неполный», «целый-нецелый» и «счастье-несчастье», что указывает на связь концепта *aah* ‘пиала’ с *кишг* ‘счастье’.

Итак, образная составляющая концепта: целая, чистая чашка, без ручки, до краев наполненная чаем, ассоциирующаяся со счастьем. Образный компонент концепта *aah* раскрывается через связь с человеком, использующим пиалу в разных ситуациях и сферах. Через метафору «цельности», «полноты», «крепости», которая реализуется в языковых контекстах с участием вербализаторов концепта, раскрывается связь *aah* с *кишг* ‘счастье’. В сознании современных калмыков традиционные *модн aah, мөңгн aah, агч aah* ассоциируются с кочевым прошлым калмыков, мужчинами-скотоводами, воинами, *цөгц aah* — с духовной сферой.

Ценностный компонент

В скудном «посудном хозяйстве» номадов *aah* занимает центральное место, которое обусловлено значимостью *цә*, напитка, чаще всего содержащегося в ней: у калмыков *цә* ‘чай’ входит в *цаһан идән* ‘белая пища’. В представлении калмыков, вся молочная пища, как *цаһан идән,* ассоциируется со счастьем, здоровьем, добротой — благодатью (Жуковская, 1988: 160), что объясняется сакральностью белого цвета в цветосимволике монгольских народов. В связи с этим ценностный компонент *aah* ‘пиалы’ раскрывается в ходе рассмотрения места *цә* ‘чай’ в этнокультуре калмыцкого народа.

Как известно, чай сопровождает все важные жизненные события калмыка (свадьба, сватовство, похороны, встреча новорожденного, наречение его именем, новоселье и т. д.). Чай входит в комплекс гостеприимства, коммуникативные акты (приветствие, прощание, поздравление и т. д.), это неотъемлемый элемент ежедневной жизни калмыка. Основываясь на значимости чая в культуре калмыков, мы относим *цә* к прецедентным феноменам (Есенова Т., Есенова Г., 2012: 7–14). Ранее нами были проанализированы понятийное, образное и ценностное содержание концепта *цә* ‘чай’ (Есенова, 2012: 84–101), ниже рассмотрим языковые примеры, в которых осмысливается *aah* ‘пиала’ как значимый элемент этнокультуры нашего народа.

1. *Aah* ‘пиала’ участвует в следующих культовых актах:

— *дееҗ* ‘подношение на алтаре напитков и еды божествам’. В каждой калмыцкой семье есть *дееҗин цөгц* ‘жертвенная чаша’, в которую наливается первая порция *цә* ‘чая’, *шөлүн* ‘бульона’ и которая ставится на алтарь перед *бурханами* ‘божествами’ в качестве подношения с чтением молитвы о благоденствии всех живых существ;

— *гиичлһн* ‘угощение’. Гостям в первую очередь варят свежий чай, входящий в комплекс ‘*цаһан идән’*. Свежесваренный чай наливают в *aah* ‘пиалу’ и преподносят, держа пиалу обеими руками на уровне груди, сначала — хозяину дома, далее — гостям по старшинству;

[1] Тодаева Б. Х. Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2007. С. 760.
[2] Челбана Е. И. Хальмг улсин авг-бәрц авъяс болн сойл [Традиции и обычаи калмыков]. Элст: ЗАОз «НПП «Джангар», 2008. Х. 39. (На калм. яз.).
[3] Там же.

— *цаһан хаалһ* ‘белая дорога’. Перед поездкой, началом нового дела калмыки варят свежий *цә* ‘чай’, разливают в *аһ* ‘пиалы’, старший произносит *йорәл* ‘благопожелание’ и, выпив чай, с уверенностью в благополучном исходе дела и белой дороге отправляются в путь, принимаются за дело;

— *өргүни цә* ‘утренний чай’, символ исполнения задуманного, удачи в делах. Как ни спешит человек, он всегда найдет время, чтобы сварить утренний чай, с которого начинается день каждого калмыка. Наливая в пиалы свежесваренный чай и выпивая его, человек пребывает в уверенности, что все задуманное в этот день исполнится и день пройдет удачно.

Значит, *аһ* ‘пиала’, в которую наливают наделенный глубоким смыслом в этнокультуре калмыков, относящийся к *цаһан идән* ‘белой, счастливой пище’ *цә* ‘чай’, имеет такой же позитивный смысл — счастливая, благостная пиала.

2. С *аһ* ‘пиала’ связаны следующие рекомендации:

— *кемтрхә аһас цә уудго* ‘нельзя пить чай из пиалы с поврежденным краем’. Вероятно, этот запрет можно объяснить следующим образом: чтобы не навредить счастью, нельзя использовать поврежденные предметы;

— *аһд цә дүүргҗ кех кергтә* ‘следует наливать полную пиалу чая’. Полная чаша символизирует полное счастье, поэтому надо стремиться наливать полную пиалу чая. Если же чай расплескался и пиала оказалась неполной, то следует вновь наполнить пиалу до краев чаем и преподнести с извинениями;

— *хоосн аһ күүнд өгдм биш* ‘не следует давать людям пустую пиалу’. Прослеживается та же логика: пустая пиала — символ неполного счастья, полная пиала символизирует полное счастье.

В приведенных рекомендациях, связанных с использованием *аһ,* прослеживается стремление человека уберечь счастье, символом которого является полная, целая *аһ.*

3. В монгольских языках лексема *аһ* ‘пиала’ входит в состав фразеологизма, означающего ‘есть, пить’: *аһин ам зуух* ‘букв.: дотронуться ртом до края чашки’[1] (значение содержимого *аһ* переносится на сам предмет в результате метонимического переноса). Т. е. идея приема пищи, важнейшей потребности человека, ассоциируется с *аһ.*

4. О значимости концепта ‘пиала’ *аһ* в этнокультуре калмыков можно судить, рассмотрев участие лексемы *аһ* в характеристике человека. Через *аһ* ‘пиалу’ калмыки иносказательно оценивают человека, если тот неприветливо встречает гостя: *аһин ама зуулһадаг угаа* ‘ничем не угощающий, не дающий ничего поесть и попить; букв.: не давший прикоснуться к краю чашки’[2]. Через *аһ* дается оценка и в целом всей семье: *һазаһааса иргсен күменде аһиин ама зуулһадаг угаа харамчи әәл* ‘жадная семья, которая зашедшим к ним людям не предложит ни поесть, ни попить, букв.: не дали прикоснуться к краю чашки’[3]. Надо сказать, что калмыки, как в целом номады, жизнь которых проходит уединенно на огромных, безлюдных степных пространствах, очень гостеприимны. Если с гостем обходятся с нарушением этикета, то это сразу отмечается, потому калмыки говорят: *адуна алгас — аһин алг* ‘пестрота в чашке хуже, чем пестрота в табуне’[4].

5. Лексема *аһ* ‘пиала’ участвует в характеристике отношений между людьми. Выражением *аһинь хамхрҗ одв* ‘чашка сломалась’ характеризуются отношения людей: поссорившиеся люди более не пьют вместе чай, «подобно пиале, сломалась их дружба» (метафорический перенос).

6. *Аһ* представлена в устном народном творчестве калмыков. Например, *йорәләх* ‘благопожеланиях’, в которых отмечается способность *аһ* сохранять свои свойства: *халуг кехлә — халдг уга, киитг кехлә — царцдг уга, кезә мөңкинд цевр-цегән бәәдг, ах-икән күндлҗ, амтта цә-хотан кеҗ өгдг, хаш эрднь аһ шаазҥнь өлзәтә болтха* ‘да будут благословенны драгоценные фарфоровые пиалы, которые не тают, когда их наполняешь горячим, не стынут, когда наполняешь их холодным, вечно пребывающие в чистоте, в которых преподносится вкусный чай в знак почтения к старшим’ (Есенова, 2012: 94).

[1] Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 18.
[2] Тодаева Б. Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. С. 16.
[3] Там же.
[4] Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 17.

Интерес вызывают загадки, в которых народ зафиксировал свои наблюдения, касающиеся свойств *ааһ* и окружающих предметов (ружейная пуля), животных (конь), человека (мальчик), небесных светил (солнце, луна). Речь идет о таких характеристиках *ааһ*, как:

— крепость: *агч ааһ авад шивв чиг хамхрхш (мөрнә турун)* ‘кленовую чашку как ни бросай на землю, не разобьется (копыта коня)’[1];

— размер: *ааһин чинән арлас тавн нуһсн нисж, ардаснь хурдн хар нуһсн көвж (бууһин сумн)* ‘с островка величиной с чашу поднялись пятнадцать уток, за ними погналась быстрая черная утка (ружейная пуля)’[2], *ааһин чинән зальд хамг әмтн көлчәж (нарн)* ‘у огня величиной с чашу греются все люди (солнце)’[3], *уулын чинән бийтә, туулан чинән чиктә, ааһин чинән нүдтә (мөрн)* ‘сам величиной с гору, уши величиной с зайца, глаза величиной с чашу (конь)’[4];

— цвет: *төгрг шар көвүн төр болһнд дутх уга (ааһ)* ‘округлый желтый мальчик принимает участие во всех делах (чашка)[5];

— материал: *мөсн деер мөңгн ааһ (сар)* ‘на льду серебряная чаша (луна)’[6];

— форма: *төгрг шар көвүн төр болһнд дутх уга (ааһ)* ‘округлый желтый мальчик принимает участие во всех делах (чашка)[7].

Наблюдая за природой, окружающей действительностью, люди находят сходства между ними и *ааһ*, значит, в сознании людей *ааһ* переходит из разряда предметов бытия в его образы, становится ментальным объектом.

Сказанное позволяет считать, что аксиологическая составляющая концепта *ааһ* ‘пиала’ — значимый элемент культуры калмыков. На это указывает участие *ааһ* в: а) знаковых актах, б) рекомендациях относительно поведения, в) оценке человека, г) характеристике отношений между людьми, д) формировании образа мира.

Заключение

Как показано в исследовании, *ааһ* ‘пиала’ является концептом, культурно-значимым элементом ментального мира калмыков. На это указывают: а) номинативная плотность концепта в калмыцком языке, б) его четкое перцептивно-образное представление в сознании носителей калмыцкой лингвокультуры, в) участие в разнообразных социокультурных практиках и ритуалах, определяющих особенности этнокультурного общения и коммуникативного поведения калмыков в разных ситуациях и сферах.

Понятийное содержание концепта: чашка, предназначенная для чая, подношения на алтаре, сделанная из дерева, фарфора, фаянса. Предметно-образная составляющая концепта: целая, чистая чашка, до краев наполненная чаем, ассоциирующаяся со счастьем. Образный компонент концепта *ааһ* прослеживается в метафоре «цельности», «полноты», «крепости», которая находит выражение в языковых средствах с участием вербализаторов концепта. Ценностный компонент, неразрывно связанный с содержимым *ааһ — цә* ‘чай’, который относится к *цаһан идән* ‘белая, счастливая пища’, прослеживается в использовании *ааһ* как этнокультурного символа в обыденной жизни калмыков, знаковых ритуалах, обычаях, поведенческих установках, текстах.

Ядро номинативного поля концепта — лексема *ааһ,* вызывающая наиболее актуальные для носителей современной калмыцкой лингвокультуры ассоциации; системные синонимы — *цөгц, шаазң*; периферию составляют *бадр, мандл, савл, тагш, цоома, цар*, утратившие свою актуальность в связи с общественно-политическими изменениями в жизни калмыков в XX в. В сознании современных калмыков *модн ааһ, мөңгн ааһ, агч ааһ* ассоциируются с кочевым прошлым калмыков, мужчинами-скотоводами, воинами; *цөгц ааһ* — с духовной сферой.

[1] Тодаева Б. Х. Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2007. С. 760.
[2] Там же. С. 677.
[3] Там же. С. 713.
[4] Там же. С. 759.
[5] Там же. С. 740.
[6] Там же. С. 759.
[7] Там же. С 740.

В концепте *aah* ‘пиала’ ярко отражаются особенности кочевой жизни калмыков, природная среда, верования, контакты с другими народами, образ мышления. Концепт прошел длительный период «оязыковления» и развития, сохранив за собой статус глубоко этничного, культурно нагруженного элемента лингвокультуры калмыков.

Пиала, как один из древних предметов материального мира кочевников Евразии, является их общим достоянием. Однако, думаем, что в каждой из этнокультур имеются уникальные особенности, позволяющие относить ее к национальным символам каждого из народов, что предстоит изучить исследователям в будущем. Перспективы исследования мы видим в лингвокультурологическом исследовании других объектов материальной культуры калмыков, которые глубоко осмыслены сознанием, представлены в разных средствах языка и которые, как и пиала, являются, с одной стороны, евразийским достоянием, а с другой — этническими символами конкретных народов.

Благодарности

Приносим глубокую благодарность художнице по фарфору Татьяне Анатольевне Очировой и Николаю Сергеевичу Есенову за предоставленные фотоматериалы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Атакаева, Ф. Ш. (2017) О некоторых названиях посуды и кухонной утвари в ногайском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 1 (67). С. 74–77.

Бальжинимаева, Б. Д. (2017) Названия тары и емкостей из кожи в монгольских языках // Oriental Studies. № 3. С. 110–114.

Будажапова, Л. Б. (2012) Буддийские термины в современном бурятском языке / отв. ред. Э. Р. Раднаев. Улан-Удэ : Бурятский государственный университет. 104 с.

Будажапова, Л. Б., Харанутова, Д. Ш. (2023) Заимствованная буддийская лексика в монгольских языках // Социолингвистика. № 2 (14). С. 64–78.

Воркачев, С. Г. (2004) Счастье как лингвокультурный концепт. М. : Гнозис. 236 с.

Есенова, Т. С. (2012) Цэ / чай // Очерки по лингвокультуре калмыков / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. Элиста : Издательство Калмыцкого университета. 159 с. С. 84–101.

Есенова, Т. С., Есенова, Г. Б. (2012) Ээҗин цә как прецедентный феномен лингвокультуры калмыков // Урало-алтайские исследования. № 2. С. 7–14.

Есенова, Т. С., Есенова, Г. Б. (2025) Обозначения буддийских священнослужителей в калмыцком языке // Язык, фольклор, литература монгольских народов в контексте традиционной культуры / ред. Э. П. Бакаева, В. В. Куканова, Г. М. Ярмаркина. Элиста: КалмНЦ РАН. 188 с. С. 64–69.

Замалетдинов, Р. Р., Хуснуллина, Г. Н. (2014) Лингвокультурологические особенности наименований посуды и кухонной утвари в татарском языке // Филология и культура. № 4 (38). С. 95–100.

Жуковская, Н. Л. (1988) Категории и символика традиционной культуры монголов. М. : Наука. 195 с.

Карасик, В. И. (2009) Языковые ключи. М. : Гнозис. 405 с.

Карбушева, И. В., Лиджиев, А. Б. (2021) Метафорические образы лексики кухонной утвари и посуды в монгольских языках // Вестник Института. № 2 (43). С. 104–108.

Красавский, Н. А. (2001) Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Волгоград : Перемена. 495 с.

Куулар, Е. М. (2012) Юго-восточный диалект тувинского языка. Кызыл : РИО ТувГУ. 213 с.

Ламажаа, Ч. К. (2023) Концепты культуры: форма, идея, социальная регуляция // Новые исследования Тувы. № 1. С. 6–25. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.1

Нурмухаметова, Р. С. (2014) Словообразовательные особенности кулинарной лексики татарского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 10 (40). С. 121–123.

Нурмухаметова, Р. С., Хуснуллина, Г. Н. (2016) Национально-культурная специфика татарского чаепития: названия посуды и блюд // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 9. С. 156–158.

Радлов, В. В. (1893) Опыт словаря тюркских наречий. Санктпетербург : Императорская Академия наук. 320 с.

Рассадин, В. И. (2017) Общемонгольская лексика по разделу интерьер, домашняя утварь и посуда в хакасском, бурятском и калмыцком языках // Вестник Калмыцкого университета. Вып. 33 (1). С. 97–101.

Рассадин, В. И., Трофимова, С. М., Тувшинтогс, Б. (2017) Тюрко-монгольские параллели среди терминов материальной культуры в монгольских языках (на примере терминов одежды, жилища, домашней утвари) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Вып. 2 (115). С. 101–106.

Рассадин, В. И., Цыренова, Д. Б. (1996) Лексика материальной культуры окинских сойотов // Проблемы бурятской диалектологии / отв. ред. В. И. Рассадин. Улан-Удэ : БНЦ РАН СО РАН. 159 с. С. 58–99.

Сангаджиева, Д. В. (2024) Художественное оформление предметов из дерева в декоративно-прикладном искусстве Калмыкии: традиции и современность // Наследие веков. № 1 (37). С. 97–112.

Слышкин, Г. Г. (2004) Лингвокультурные концепты и метаконцепты. Волгоград : Перемена. 340 с.

Степанов, Ю. С. (2004) Константы. Словарь русской культуры. М. : Академический проект. 3-е изд. 992 с.

Степанов, Ю. С. (2007) Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М. : Языки славянской культуры. 246 с.

Хайрутдинова, Т. Х. (2000) Бытовая лексика татарского языка (посуда, утварь, предметы домашнего обихода). Казань : Фикер. 128 с.

Харанутова, Д. Ш., Будажапова, Л. Б., Байкалов, Н. С. (2023) Заимствованная буддийская лексика бурятского языка в историко-лингвистическом освещении // Монголоведение. Т. 15. № 4. С. 742–756.

Хуснуллина, Г. Н. (2016) Способы образования наименований посуды и кухонной утвари в татарском языке // Филология и культура. № 4 (46). С. 82–86.

Шагдаров, Л. Д. (2011) Буддийская лексическая система в современном бурятском литературном языке // Вестник БНЦ СО РАН. № 3. С. 177–184.

Шагдарова, Д. Л. (2016) Буддийская лексика и терминология и проблема их перевода // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 3–1 (57). С. 192–195.

Дата поступления: 22.07.2025 г.
Дата принятия: 23.09.2025 г.

REFERENCES

Ataeva, F. Sh. (2017) On some names of dishes and kitchenware in the Nogai language. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 1(67), pp. 74–77. (In Russ.)

Balzhinimaeva, B. D. (2017) Names of leather containers and vessels in Mongolic languages. *Oriental Studies*, no. 3, pp. 110–114. (In Russ.)

Budazhapova, L. B. (2012) *Buddhist Terms in Contemporary Buryat Language*. Ed. by E. R. Radnaev. Ulan-Ude, Buryat State University. 104 p. (In Russ.)

Budazhapova, L. B. and Kharanutova, D. Sh. (2023) Borrowed Buddhist vocabulary in the Mongolic languages. *Sociolinguistics*, no. 2 (14), pp. 64–78. (In Russ.)

Vorkachev, S. G. (2004) *Happiness as a Linguocultural Concept*. Moscow, Gnosis. 236 p. (In Russ.)

Esenova, T. S. (2012) Tsä / Tea. In: *Essays on the Linguoculture of the Kalmyks*. Ed. by G. Ts. Pyurbeev. Elista, Kalmyk University Press. 159 p. Pp. 84–101. (In Russ.)

Esenova, T. S. and Esenova, G. B. (2012) Eejin tsä as a precedent phenomenon of Kalmyk linguoculture. *Uralo-Altaiskie issledovaniya*, no. 2, pp. 7–14. (In Russ.)

Esenova, T. S. and Esenova, G. B. (2025) Denotations of Buddhist clergymen in the Kalmyk language. In: *Language, Folklore, Literature of Mongolic Peoples in the Context of Traditional Culture*. Eds. by E. P. Bakaeva et al. Elista, Kalmyk Scientific Center RAS. 188 p. Pp. 64–69. (In Russ.)

Zamaletdinov, R. R. and Khusnullina, G. N. (2014) Linguocultural features of dish and kitchenware names in the Tatar language. *Philology and Culture*, no. 4 (38), pp. 95–100. (In Russ.)

Zhukovskaya, N. L. (1988) *Categories and Symbolism in the Traditional Culture of the Mongols*. Moscow, Nauka. 195 p. (In Russ.)

Karasik, V. I. (2009) *Linguistic Keys*. Moscow, Gnosis. 405 p. (In Russ.)

Karbusheva, I. V. and Lidzhiev, A. B. (2021) Metaphoric images of kitchenware and dish vocabulary in Mongolic languages. *Vestnik Instituta*, no. 2(43), pp. 104–108. (In Russ.)

Krasavsky, N. A. (2001) *Emotional Concepts in German and Russian Linguocultures*. Volgograd, Peremena. 495 p. (In Russ.)

Kuular, E. M. (2012) *The Southeastern Dialect of Tuvan Language*. Kyzyl, RIO TuvGU. 213 p. (In Russ.)

Lamazhaa, Ch. K. (2023) Cultural Concepts: Form, Idea, Social Regulation. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 6–25. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.1

Nurmukhametova, R. S. (2014) Word-formation features of culinary vocabulary in Tatar language. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 10 (40), pp. 121–123. (In Russ.)

Nurmukhametova, R. S. and Khusnullina, G. N. (2016) National-cultural specifics of Tatar tea drinking: names of dishes and food. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 9, pp. 156–158. (In Russ.)

Radlov, V. V. (1893) *A Dictionary of Turkic Dialects*. Saint Petersburg, Imperial Academy of Sciences, 320 pp. (In Russ.)

Rassadin, V. I. (2017) Common Mongolic vocabulary in the category of interior, household goods and dishes in Khakas, Buryat and Kalmyk languages. *Vestnik Kalmytskogo universiteta*, vol. 33, no. 1, pp. 97–101. (In Russ.)

Rassadin, V. I., Trofimova, S. M. and Tuvshintogs, B. (2017) Turko-Mongolic parallels among material culture terms in Mongolic languages (clothing, housing, home utensils). *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 2 (115), pp. 101–106. (In Russ.)

Rassadin, V. I. and Tsirenova, D. B. (1996) Vocabulary of Material Culture of Okinskie Soyots. In: *Problems of Buryat Dialectology.* Ed. by V. I. Rassadin. Ulan-Ude, BSC RAS SB RAS. 159 p. Pp. 58–99. (In Russ.)

Sangadzhieva, D. V. (2024) Artistic Decoration of Wooden Items in the Decorative Applied Art of Kalmykia: Traditions and Modernity. *Nasledie vekov*, no. 1 (37), pp. 97–112. (In Russ.)

Slyshkin, G. G. (2004) *Linguocultural Concepts and Metaconcepts*. Volgograd, Peremena. 340 p. (In Russ.)

Stepanov, Yu. S. (2004) *Constants. Dictionary of Russian Culture*. Moscow, Akademicheskii Proekt. 3rd ed. 992 p. (In Russ.)

Stepanov, Yu. S. (2007) *Concepts. The Thin Film of Civilization*. Moscow, Languages of Slavic Culture. 246 p. (In Russ.)

Khairutdinova, T. Kh. (2000) *Everyday Vocabulary in Tatar Language (dishes, utensils, household items)*. Kazan, Fiker. 128 p. (In Russ.)

Kharanutova, D. Sh., Budazhapova, L. B. and Baikalov, N. S. (2023) Borrowed Buddhist vocabulary of the Buryat language in historical-linguistic perspective. *Mongolovedenie*, vol. 15, no. 4, pp. 742–756. (In Russ.)

Khusnullina, G. N. (2016) Ways of forming names for dishes and kitchenware in the Tatar language. *Philology and Culture*, no. 4 (46), pp. 82–86. (In Russ.)

Shagdarov, L. D. (2011) The Buddhist Lexical System in Modern Buryat Literary Language. *Vestnik BNC SO RAN*, no. 3, pp. 177–184. (In Russ.)

Shagdarova, D. L. (2016) Buddhist vocabulary and terminology and the problem of their translation. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 3–1(57), pp. 192–195. (In Russ.)

Submission date: 22.07.2025.
Acceptance date: 23.09.2025.

DOI: 10.25178/nit.2025.4.23

Статья

Казахи в Казахстане во второй половине XX века: рождаемость в контексте социально-экономического развития

Нелли Л. Краснобаева, Жанна С. Аубакирова, Александр Н. Алексеенко
Восточно-Казахстанский технический университет им. Д. Серикбаева, Республика Казахстан

В статье анализируются особенности процессов рождаемости казахского населения, ставшие следствием сложившихся в 1950–1980-е гг. социально-экономических реалий в Казахской ССР. Методологической основой статьи служит концепция демографической модернизации.

Миграционный приток из республик СССР в 1950–1960-е гг. привел к этнической дифференциации системы расселения, экономической деятельности. Казахское население было сконцентрировано в сельской местности, индустриально-промышленный, городской вектор развития республики определяло нетитульное население, прежде всего русские. Одним из результатов подобного разделения стали разные тенденции демографического развития казахского и русского этносов.

В статье характеризуется своеобразие демографических отношений, сложившихся у казахов в аграрной среде. Показаны причины сохранения высокой рождаемости, приводятся подтверждающие статистические данные. Выдвигается предположение, что особенности демографического развития казахов, результатом которых стал демографический взрыв в 1950–1960-е гг., во многом были следствием «искусственной полиэтничности», в короткие сроки созданной советским государством.

Миграционный отток славянско-европейского населения, активная урбанизация и постепенное заполнение автохтонным компонентом социальных городских ниш привели ко все большему влиянию городского пространства на демографические установки, проявляющегося в том, что в 1970–1980-е гг. у казахской молодежи явственно обозначился процесс снижения рождаемости.

Ключевые слова: *Казахстан; казахи; рождаемость; миграции; демографические отношения; этническая дифференциация; урбанизация*

Статья выполнена в рамках реализации грантового научного проекта ИРН AP19676895 «Казахи как демографический потенциал Казахстана: ретроспектива и перспективы развития», финансируемого Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан.

Для цитирования:
Краснобаева Н. Л., Аубакирова Ж. С., Алексеенков А. Н. Казахи в Казахстане во второй половине XX века: рождаемость в контексте социально-экономического развития // Новые исследования Тувы. 2025. № 4. С. 436-450. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.23

Краснобаева Нелли Леонидовна — кандидат исторических наук, главный научный сотрудник международного научно-исследовательского центра «Digital Social Research» Восточно-Казахстанского технического университета им. Д. Серикбаева. Адрес: Республика Казахстан, 070000, г. Усть-Каменогорск, ул. Серикбаева, д. 19. Эл. адрес: krasn_nelli@mail.ru

Аубакирова Жанна Сакеновна — кандидат исторических наук, ассоциированный профессор, руководитель международного научно-исследовательского центра «Digital Social Research» Восточно-Казахстанского технического университета им. Д. Серикбаева. Адрес: Республика Казахстан, 070000, г. Усть-Каменогорск, ул. Серикбаева д. 19. Эл. адрес: zhanna_aubakirova707@inbox.ru

Алексеенко Александр Николаевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник международного научно-исследовательского центра «Digital Social Research» Восточно-Казахстанского технического университета им. Д. Серикбаева. Адрес: Республика Казахстан, 070000, г. Усть-Каменогорск, ул. Серикбаева д. 19. Эл. адрес: alalexeenko56@gmail.com

Article

Kazakhs in Kazakhstan in the second half of the twentieth century: fertility in the context of socio-economic development

Nelli L. Krasnobayeva, Zhanna S. Aubakirova, Aleksandr N. Alekseenko
D. Serikbayev East Kazakhstan Technical University, Republic of Kazakhstan

The article analyzes the specific features of birth rate processes among the Kazakh population, which developed because of the socioeconomic realities prevailing in the Kazakh SSR during the 1950s–1980s. The methodological framework of this study is based on the concept of demographic modernization.

The migration influx from Soviet republics in the 1950s–1960s led to ethnic differentiation in settlement patterns and economic activity. The Kazakh population was concentrated in rural areas, while the industrial and urban development of the republic was directed primarily by the non-titular population, above all Russians. One of the consequences of this division was divergent demographic trends between the Kazakh and Russian ethnic groups.

The article characterizes the unique demographic relationships that formed among Kazakhs in rural settings. It highlights the reasons for the preservation of high fertility and presents supporting statistical data. The authors suggest that the demographic peculiarities of the Kazakhs — culminating in a demographic boom in the 1950s–1960s — were largely the result of an "artificial polyethnicity" rapidly created by the Soviet state.

The out-migration of the Slavic-European population, intensive urbanization, and the gradual filling of urban social niches by the autochthonous (Kazakh) component led to the growing influence of urban settings on demographic behaviors. This manifested in a noticeable birth rate decline among Kazakh youth in the 1970s–1980s.

Keywords: *Kazakhstan; Kazakhs; birth rate; migration; demographic relations; ethnic differentiation; urbanization*

Financing
This research was funded by the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Grant No. AP19676895) "Kazakhs as the demographic potential of Kazakhstan: retrospective and development prospects"

For citation:
Krasnobayeva N. L., Aubakirova Zh. S. and Alekseenko A. N. Kazakhs in Kazakhstan in the second half of the twentieth century: fertility in the context of socio-economic development. *New Research of Tuva*, 2025, no. 4, pp. 436-450. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.23

KRASNOBAYEVA, Nelli Leonidovna, Candidate of Historical Sciences, Chief Researcher, International Research Center "Digital Social Research", East Kazakhstan Technical University named after D. Serikbaev. Postal address: 19 Serikbayeva St., Ust-Kamenogorsk, 070000, Republic of Kazakhstan. E-mail: krasn_nelli@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9081-0191

AUBAKIROVA, Zhanna Sakenovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head, International Research Center "Digital Social Research", East Kazakhstan Technical University named after D. Serikbaev. Postal address: 19 Serikbayeva St., Ust-Kamenogorsk, 070000, Republic of Kazakhstan. E-mail: zhanna_aubakirova707@inbox.ru
ORCID: 0000-0003-1179-5518

ALEKSEENKO, Aleksandr Nikolaevich, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, East Kazakhstan Technical University named after D. Serikbaev. Postal address: 19 Serikbayeva St., Ust-Kamenogorsk, 070000, Republic of Kazakhstan. E-mail: alalexeenko56@gmail.com
ORCID: 0000-0002-1169-412X

Введение

Демографическая история казахов в советское время насчитывает несколько этапов, фиксируемых переписями населения. В период между первой и последней Всесоюзными переписями (1926 и 1989 гг.) численность населения Казахстана увеличилась в 2,6 раза (с 6196,3 тыс. чел. в 1926 г. до 16464,5 тыс. чел. — в 1989 г.). При этом самые низкие темпы роста были у казахов — их стало больше лишь в 1,8 раза (3627,6 тыс. чел. в 1926 г. и 6534,6 тыс. чел. — в 1989 г.), тогда как русских — в 4,9 раза (1275,0 тыс. чел. в 1926 г. и 6227,5 тыс. чел. — в 1989 г.), представителей других этносов — в 2,9 раза (1293,7 тыс. чел. в 1926 г. и 3702,4 тыс. чел. — в 1989 г.)[1]. Подобная динамика в значительной мере была следствием катастрофических явлений первых десятилетий советской истории (в первую очередь голод 1930-х гг.).

В период между переписями населения 1926 и 1939 гг. число казахов уменьшилось на 35,8% (с 3627,6 тыс. чел. в 1926 г. до 2327,7 тыс. чел. — в 1939 г.)[2]. В межпереписной период 1939–1959 гг. численность этноса увеличилась на 19,7%, но вследствие миграционного притока из республик СССР темпы роста русского, прежде всего, населения были намного выше. В 1959 г. в сравнении с 1939 г. русских стало больше на 61,5% (2458,7 тыс. чел. в 1939 г. и 3972,0 тыс. чел. — в 1959 г.) В результате, в 1959 г. удельный вес казахов в составе населения республики составил всего 30,0%, тогда как русских — 42,7%[3].

Миграционный приток в Казахстан из союзных республик продолжался до конца 1960-х гг., в 1970–1980-е гг. сальдо межреспубликанской миграции становится отрицательным. Динамика же роста численности казахов существенно выросла. Данные переписей населения 1959 и 1989 гг. свидетельствуют о том, что численность казахского этноса за 30 лет увеличилась в 2,3 раза (с 2787,3 тыс. чел. в 1959 г. до 6534,6 тыс. чел. — в 1989 г.)[4]. При этом миграционный приток из Китая в конце 1950-х — начале 1960-х гг. не определял суть демографических процессов (Аблажей, 2007; Алтаев, Жангуттин, 2008).

Численность казахского населения в 1950–1980-е гг. в основе своей увеличивалась за счет естественного прироста, который существенно превышал показатели других этнических групп в Казахской ССР. Важно выявить причины такого стремительного роста, определить специфику демографических отношений казахов во второй половине XX в.

Целью статьи является анализ особенностей воспроизводства казахского населения в контексте социально-экономического развития Казахской ССР в 1950–1980-е гг. Для достижения цели поставлены следующие задачи: 1) изучить общие тенденции демографической ситуации в Казахстане во второй половине XX в.; 2) исследовать особенности рождаемости казахского населения в полиэтничной среде в 1950–1980-е гг. и 3) выявить влияние урбанизации казахов на снижение показателей рождаемости в 1970–1980-е гг.

Объектом исследования является демографическая ситуация в Казахстане во второй половине XX в. в контексте социально-экономического развития. Предметом исследования стала рождаемость казахского населения в 1950–1980-е гг. в полиэтничной среде.

Проблема рассматривается через призму процессов рождаемости. Авторы исходят из предположения А. Омрана, заключающегося в том, что средняя продолжительность жизни растет, пока не достигнет 50 лет. После этого рождаемость становится решающим фактором роста населения, а изменения смертности ничего принципиально не меняют (Омран, 1977: 57). Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в Казахстане в середине XX в. достигла необходимой отметки. Так, в 1950 г. у мужчин она составляла 50,17 лет, женщин — 60,69 лет, в 1960 г. соответственно — 53,23 и 63,76 лет, в 1970 г. — 57,06 и 67,60 лет, в 1980 г. — 59,66 и 70,21 лет, в 1990 г. — 63,90 и 73,40 лет[5].

[1] Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1928. Т. VIII. Казакская АССР, Киргизская АССР. Издание ЦСУ Союза ССР. С. 15–46 (Казакская АССР в 1925–36 гг. административно-территориальная единица в составе РСФСР [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия URL: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/2032421 (дата обращения: 01.04.2025); Статистический сборник по отдельным показателям Всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. Алма-Ата, 1991. С. 7–9.

[2] Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1928. Т. 8. Казакская АССР. С. 15–46, 126–153; Всесоюзная перепись населения 1939 г. (Государственный архив Российской Федерации — ГА РФ, ф. 1562, оп. 336, д. 388–402).

[3] Всесоюзная перепись населения 1939 г. (ГА РФ, ф. 1562, оп. 336, д. 388–402); Всесоюзная перепись населения 1959 г. (Центральный государственный архив Республики Казахстан — ЦГА РК. ф. 1568, оп. 21, д. 4).

[4] Статистический сборник по отдельным показателям Всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. Алма-Ата, 1991. С. 7–9.

[5] Приложение. 15 новых независимых государств. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении. 1950–2020 гг. [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_e0.php (дата обращения: 10.10.2024).

Методологической основой статьи служит концепция демографической модернизации, рассматриваемая в контексте социальных, экономических, политических явлений в Казахстане в 1950-1980-е гг. (Landry, 1934, 1945; Thompson, 1929, 1930; Notestein, 1945, 1953).

Вследствие того, что динамика прохождения стадий демографического перехода в республике была этнически дифференцирована, линейная логика развития демографических событий маловероятна (Вишневский, 2005; Штомпка, 1996; Coleman, 2004). Демографическое развитие наиболее многочисленных этносов Казахстана, казахов и русских, проходило по разным сценариям. Численность русских, являвшихся большинством городского населения, в основном увеличивалась за счет миграционного притока, показатели рождаемости были невысокими. Процессы воспроизводства большинства казахстанских русских отражали особенности индустриально-промышленного вектора и в значительной мере объясняются концепцией социально-экономической детерминации рождаемости (Easterlin, 1969, 1975; Van De Kaa, 2010; Антонов, 1980; Борисов, 1976; Струмилин, 1982; и др.).

Согласно данной концепции, снижение рождаемости происходит потому, что урбанизация, индустриализация, отношение к собственности и другие социальные процессы способствуют процессу размывания традиционных ценностей, постепенному вытеснению их ценностями экономическими. Сокращается посредническая роль семьи во взаимодействии личности и общества. В результате: «Перевес внесемейных ориентаций над семейными оказывается решающим для процесса уменьшения потребности в детях, для начала сокращения рождаемости» (Антонов, 1980: 211).

В казахской среде, сосредоточенной в сельской местности, гораздо большее влияние на репродуктивное поведение оказывали традиционные воззрения, семейно-родственные связи, социокультурный фактор в целом. Это было присуще и для коренных народов Средней Азии, национальных регионов Российской Федерации (Антонов, Кадыров, Цуладзе, 1988; Кадыров, 1990; Асылбеков, Галиев, 1991; Вишневский, 1998; Касымова, 2006; Ламажаа, 2007; Ата-Мирзаев, 2009; Анайбан, 2011; Сарсембаева, 2014; Козлова, 2020; и др.[1]).

Статья направлена на анализ особенностей демографического развития казахов в 1950–1980-е гг. И, надо отметить, что при этом процессам рождаемости казахов во второй половине XX в. уже посвящено несколько авторских разработок. В них рассматриваются различные аспекты социально-экономического, социокультурного развития населения Казахстана в 1950–1980-е гг. (количество школ, детских садов, медицинских учреждений в городах и селах республики, тиражи изданий периодической печати на казахском и русском языках и т. д.), влиявшие, по мнению авторов, на процессы воспроизводства (Алексеенко, Аубакирова, 2017; Алексеенко, Аубакирова, Жанбосинова, 2019; Аубакирова и др., 2024; и др.). В данном материале внимание сконцентрировано на особенностях рождаемости казахского населения, формирующихся в контексте социально-экономического развития Казахской ССР во второй половине XX в.

Источники. Источниковую основу статьи составили данные первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., Всесоюзных переписей населения 1926, 1939, 1959, 1970, 1979 и 1989 гг.[2] Так, в материалах переписи населения 1989 г. имеются сведения о распределении женщин отдельных национальностей по возрасту и числу рожденных детей, что позволяет выявить данные об этнических особенностях процесса рождаемости в Казахстане в 1950–1980-е гг. Немало информации имеется в Демографических ежегодниках СССР, статистических сборниках. Так, в Демографическом ежегоднике СССР (1990 г.)[3] приводятся как абсолютные, так и относительные сведения по воспроизводству городского, сельского населения по коренным национальностям союзных республик в 1979 и 1989 гг. Определенное количество демографических данных (возрастные коэффициенты рождаемости и смерт-

[1] Есимова А. Б. Семейно-родственные связи как социальный капитал в реализации репродуктивного поведения // Вестник ПГУ. Серия гуманитарная. 2010. № 2. С. 8–14; Валитова З. Х. Репродуктивное поведение семьи в Казахстане: роль социальных сетей [Электронный ресурс] // Тезисы докладов и выступлений на III Всероссийском социологическом конгрессе 21–24 октября 2008 г. Москва. URL: https://www.isras.ru/abstract_bank/1208435344.pdf (дата обращения: 15.11.2024).

[2] Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. СПб., 1904. Т. 81, Т. 87; СПб., 1905. Т. 84, Т. 85, Т. 86, Т. 88; Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 8. Казакская АССР. М. 1928; Всесоюзная перепись населения 1939 г. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ, ф. 1562, оп. 336, д. 388–402); Статистический сборник по отдельным показателям Всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. Алма-Ата, 1991.

[3] Демографический ежегодник СССР. 1990. М., 1990.

ности, суммарные коэффициенты рождаемости и др.) содержится в отдельных сборниках «Народное хозяйство Казахстана», издаваемых со второй половины 1950-х гг. до конца 1980-х гг.[1]

Воспроизводство населения Казахстана в 1950–1980-е гг.

Этническая дифференция процессов воспроизводства на протяжении XX в. менялась в зависимости от разных факторов.

Особенности второй половины века становятся очевидными, если мы взглянем на особенности его первой половины. В конце XIX — первой четверти XX в. показатели рождаемости у казахского и русского населения отличались незначительно. Индекс детности (соотношение детей возраста 0–9 лет на 100 женщин 20–49 лет) по данным первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.[2] равнялся у казашек 135, у русских — 149[3]. Высокая рождаемость в значительной степени «нейтрализовалась» смертностью. Медицинское обслуживание фактически отсутствовало, согласно данным переписи населения 1897 г. в Средней Азии один гражданский врач должен был обслуживать 113,9 тыс. чел. При этом в городах на одного врача приходилось 22,8 тыс. чел., а в сельской местности — 272,5 тыс. чел.[4] У кочевого населения смертность достигала катастрофических показателей:

> «Высокая смертность, особенно детская (до года) достигала в кочевых районах порой 60%... В Акмолинской области в 1900 г. естественный прирост кочевого населения был в 2,6 раза ниже, чем у русских и украинцев, в 1910 г. — в 5,1 раза, в 1914 г. — в 3,5 раза. С некоторыми колебаниями эта тенденция наблюдалась в Туркестанской, Уральской, Семиреченской и других областях края»[5].

Исходя из вышесказанного (высокие показатели рождаемости и смертности) с некоторой долей условности можно определить среднегодовой прирост казахского населения по отдельным областям в конце XIX — начале XX в. По Акмолинской области он составлял 0,8%, Семипалатинской — 0,8%, Тургайской — 1,0%, Уральской — 0,7%, Семиреченской — 1,0%, Сыр-Дарьинской — 0,9% (Горюшкин, 1976: 138). С учетом того, что границы областей в это время не менялись, а сколько-нибудь значимых межобластных перемещений казахов не было, среднегодовой прирост можно отнести к естественному, который был небольшим. Суть процесса воспроизводства определяла смертность, особенно младенческая и детская. Лишь высокая рождаемость, компенсирующая смертность, могла поддерживать естественный прирост на более или менее приемлемом уровне.

Особенности этнодемографического развития Казахской ССР, в формировании которых важную роль играл социально-экономический фактор, начали проявляться в 1950–1960-е гг. Существенно увеличившиеся показатели воспроизводства стали следствием значительного снижения смертности (общий коэффициент смертности уменьшился с 21,4 ‰ в 1939 г. до 7,3 ‰ в 1958 г., в возрастной группе 0–4 года — с 85,9 ‰ в 1939 г. до 15,0 ‰ в 1958 г., в возрасте 5–9 лет с 7,8 ‰ до 1,6 ‰ и т. д.)[6]. Большое значение имел миграционный приток из европейской части СССР, вместе с представителями славянско-европейских этнических групп, прежде всего русских, перенесший в республику важнейшие модернизационные компоненты: городской образ жизни, промышленность, структуру за-

[1] Народное хозяйство Казахской ССР. Статистический сборник. Алма-Ата: Казахское государственное издательство, 1957; Народное хозяйство Казахской ССР в 1960–1961 гг. Статистический сборник. Алма-Ата: Госстатиздат, 1963; Народное хозяйство Казахстана. Статистический сборник. Алма-Ата: Казахстан, 1968; Народное хозяйство Казахстана в 1971 году. Статистический сборник. Алма-Ата: Союзучетиздат, 1972; Народное хозяйство Казахстана в 1980 году. Статистический сборник. Алма-Ата: Казахстан, 1981; Народное хозяйство Казахстана в 1987 г. Статистический ежегодник. Алма-Ата: Казахстан, 1988; Народное хозяйство Казахстана в 1988 году. Статистический сборник. Алма-Ата: Казахстан, 1989.

[2] Этнический состав населения переписью 1897 г. не учитывался. Ситуация оценивалась по сведениям о родном языке, конфессиональной принадлежности через призму возрастно-половой структуры.

[3] Первая всеобщая перепись Российской империи 1897 г. СПб., 1904. Т. 81. С. 6–7; СПб., 1905. Т. 84. С. 5–6; СПб., 1905 Т. 85. С. 6–7; СПб., 1904. Т. 87. С. 4–5; СПб., 1905. Т. 88. С. 5–7.

[4] Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения Российской империи. СПб., 1905. Т. 2. С. 263.

[5] Ахмет Б. Пинком — в цивилизацию. Стоит ли сожалеть об уходе казахов от кочевой жизни? [Электронный ресурс] // Central Asia Monitor. 2018, 28 августа. URL: https://camonitor.kz/31523-pinkom-v-civilizaciyu-stoit-li-sozhalet-ob-uhode-kazahov-ot-kochevoy-zhizni.html (дата обращения: 10.02.2025).

[6] Население Казахской ССР. Итоги Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 года. Алма-Ата: Госстатиздат, 1960. С. 25.

нятости и т. д.[1] Казахское население в основном оставалось сельским, городской вектор развития определяли русские. В результате динамика воспроизводства наиболее многочисленных этносов Казахстана стала существенно разной.

Полиэтничность, в сжатые сроки сконструированная политическими методами из существенно отличающихся социокультурных, социально-экономических предпочтений, стала причиной появления в Казахстане «параллельных миров» с этнически дифференцированной системой расселения (село казахское, город русский), структуры занятости (казахи в сельском хозяйстве, русские в индустриально-промышленном секторе), сложившихся к концу 1950-х гг. (по данным переписи населения 1959 г. удельный вес казахов в городских поселениях составлял 17,0%, русских — 42,7%)[2].

Статистические данные воспроизводства населения Казахстана в 1950 –1980-е гг. свидетельствуют о том, что исторический максимум естественного прироста населения (30,6‰) был достигнут в 1960 г. Произошло это вследствие снижения общего коэффициента смертности (11,7‰ в 1950 г. и 6,6‰ в 1960 г.) и сохранения высоких показателей рождаемости (37,6 ‰ в 1950 г., 37,2 ‰ в 1960 г.). В течение 10 лет (1960–1970 гг.) рождаемость быстро сокращается (с 37,2‰ в 1960 г. до 23,4‰ в 1970 г.), смертность стабилизируется и постепенно увеличивается (6,6‰ в 1960 г. и 7,7‰ в 1990 г.). В результате, в течение тридцати лет естественный прирост сократился в 2,2 раза (30,6‰ в 1960 г. и 14,0‰ в 1990 г.) (*диагр. 1*). Суммарный коэффициент рождаемости, равнявшийся в 1960 г. 4,47, в 1990 г. уменьшился до 2,79[3].

Приведенные данные демонстрируют быстрое прохождение фаз демографического перехода, важнейшим критерием которого является то, что снижение смертности с течением времени ведет

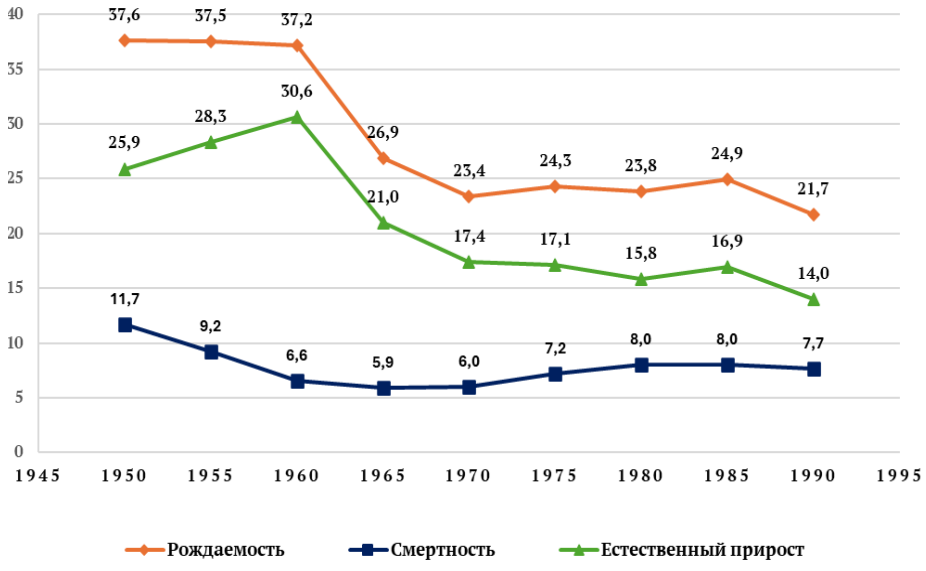

Диаграмма 1. Воспроизводство населения Казахстана в 1950–1990 гг., на 1 тыс. населения[4].
Diagram 1. Reproduction of the population of Kazakhstan in 1950–1990, per 1,000 population.

[1] В 1950–1968 гг. положительное сальдо межреспубликанской миграции составило 1601,6 тыс. человек. См.: Население СССР (численность, состав и движение населения). 1973. Статистический сборник. М., 1975. С. 74.
[2] Статистический сборник по отдельным показателям Всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. Алма-Ата, 1991. С. 7–9.
[3] Народное хозяйство Казахстана в 1987 г. Статистический ежегодник. Алма-Ата: Казахстан, 1988. С. 189; Демографический ежегодник Казахстана. Статистический сборник / под ред. Ж. А. Кулекеева. Алматы, 1998. С. 103.
[4] Рассчитано по: Население СССР (численность, состав и движение населения). 1973. Статистический сборник. М., 1975. С. 74; Демографический ежегодник СССР. М.: 1990. С. 93; Демоскоп weekly. Приложение. 2023. № 995-996 (22 августа — 4 сентября 2023 г.).

за собой снижение рождаемости[1]. Такая динамика в основном объясняется этническим составом населения Казахстана. Даже к концу советского периода истории удельный вес казахов в составе населения не достигал и 40% (39,7% по данным переписи населения 1989 г.), тогда как удельный вес представителей европейских этнических групп с невысокими показателями рождаемости составлял более 50% населения республики (русские — 37,8%, украинцы — 5,8%, немцы — 5,8%, белорусы — 1,1% и т. д.)[2]. В то же время темпы роста численности титульного населения в 1959–1989 гг. была намного выше, чем всех других этносов республики. Так, казахов стало больше на 234,4%, русских — на 56,8%, представителей других этносов — на 46,0%[3]. Основной причиной был естественный прирост, определяемый высокой рождаемостью. Об этом говорят данные *таблицы 1*.

Таблица 1. Общие коэффициенты рождаемости (ОКР), смертности (ОКС), естественного прироста (ЕП) городского и сельского населения Казахской ССР в 1989 г., на 1000 населения[4]
Table 1. Total fertility rates, mortality rates, and natural growth rates of the urban and rural population of the Kazakh SSR in 1989, per 1,000 population

	Городское население		*Сельское население*	
	Казахское население	*Без учета казахского населения*	*Казахское население*	*Без учета казахского населения*
ОКР	32,0	17,6	30,6	18,6
ОКС	5,5	9,3	6,7	7,3
ЕП	26,5	8,3	23,9	11,3

Как видно из данных *таблицы 1*, в конце 1980-х гг. показатели воспроизводства у казахского населения существенно отличаются от показателей представителей других этнических групп, прежде всего в городах. Так, общий коэффициент рождаемости у казахов выше здесь в 1,8 раза, общий коэффициент смертности — в 1,7 раза ниже, естественный прирост в 3,2 раза больше, чем у городского населения без учета казахов. Явление характерно и для сельской местности (*таб.1*). В значительной степени такие коэффициенты воспроизводства объясняются возрастной структурой казахов — в репродуктивный возраст вступило многочисленное поколение демографического взрыва (1950-1960-е гг. рождения), в 1970–1980-е гг. активно перемещавшегося в города и переносящего на новое место жительства репродуктивные установки, сформированные в сельской местности. Вследствие этого показатели воспроизводства казахов в городах были выше, чем в сельской местности.

Таким образом, на процессы воспроизводства населения Казахстана в 1950–1980-е гг. определяющее влияние оказала этническая дифференциация системы расселения, экономической деятельности. Показатели рождаемости казахского и русского, прежде всего, населения стали существенно отличаться.

Особенности рождаемости казахов в полиэтничной среде

Особенности демографического развития казахов, рождаемости в первую очередь, можно определить только в сравнении с показателями рождаемости других этносов, в контексте социально-демографической ситуации, сложившейся в Казахстане во второй половине XX в. Социально-экономическая составляющая, связанная с урбанизацией, городским образом жизни, индустриально-промышленным производством и соответствующей структурой занятости, не разрушала традиции рож-

[1] Демографический переход (1985) // Демографический энциклопедический словарь / глав. ред. Д. И. Валентей. М.: Советская энциклопедия. С. 115–117.
[2] Статистический сборник по отдельным показателям Всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. Алма-Ата, 1991. С. 9.
[3] Там же. С. 7–9.
[4] Рассчитано по: Демографический ежегодник СССР, 1990. С. 182–183, 186–187.

даемости коренного населения, так как модернизационные функции выполняли в основном представители европейских этнических групп.

Основная масса казахов проживала в сельской среде, особенностью которой, по мнению казахстанского историка Ж. Б. Абылхожина, было то, что: «В качестве наиболее благоприятной среды для консервации и относительной стерильности традиционалистских представлений выступала сельская периферия, то есть сельское социальное пространство, которое исторически являлось очаговым доменом их воспроизводства» (Абылхожин, 2020: 162). Самым ярким маркером аграрно-традиционного сознания, считает ученый, является группоцентризм, когда личность ориентируется только на моральные ценности своей «родной» группы. «И если в дореволюционном и раннесоветском казахском обществе группоцентристские смыслы были связаны с родоплеменными и жузовскими тождествами, то в более позднее время трансформировались в этнонациональные» (там же: 361-362). При этом «группа» обладает достаточной внутренней самостоятельностью и слабо подвержена внешнему влиянию. Соответственно, демографические отношения у казахов складывались в контексте собственной «внутренней среды». «Казахский вариант» во многом схож с этническими реалиями других народов, например тувинцев, согласно концепции Ч. К. Ламажаа: «Модели архаизации… можно считать в обоих случаях сходными как по своему этнокультурному облику, так и по степени проявления» (Ламажаа, 2012: 23).

Одной из особенностей «внутренней среды» было то, что существенное снижение смертности в 1950-е гг. не явилось фактором, значительно влияющим на снижение рождаемости вплоть до конца 1980-х гг. (*таб. 1*). Объясняется это тем, что большое число детей не приносило семье чрезмерных материальных расходов, многодетность поощрялась государством как материально[1], так и морально (медали, звания, публикации в СМИ и т. д.). При этом медицина, образование (дошкольное, школьное, высшее) были бесплатными. Детям из многодетных семей, особенно жителям сельской местности, предоставлялись льготы на получение высшего, среднего специального образования.

Не следует забывать и о том, что в селе, в личном подсобном хозяйстве дети были незаменимыми помощниками. Вследствие вышесказанного многодетность стала распространенным явлением у казахского населения. Так, согласно материалам переписи населения 1989 г. 68,2% казашек имели пять и более детей, рожденных в 1950–1960-е гг. и доживших до конца 1980-х гг. У русских женщин показатель намного ниже — 8,2%[2]. Явление было характерно для многих народов Средней Азии, национальных регионов РФ: «В период социалистического строительства, благодаря коренному улучшению всего комплекса социально-экономических условий жизни народов Средней Азии традиция многодетности сохраняется здесь среди основной массы коренного населения» (Ата-Мирзаев, Гольдфарб, 1979: 113). Факторами сохранения традиционной многодетности в Туве З. В. Анайбан также назывались: «… компактное проживание представителей титульной национальности главным образом в сельской местности, сравнительно слабая миграционная активность, тесные родственные связи» (Анайбан, 2011: 138).

Социально-экономические, морально-идеологические преференции социалистического государства способствовали сохранению расширенной семьи:

> «Следует говорить о едином способе экономико-демографического воспроизводства. Весь экономический строй … расширенной семьи, весь образ ее жизни продуцируют многодетность как результат и одновременно условие ее эффективного функционирования… Результаты исследований, проведенных в Узбекистане, Таджикистане, Туркмении в 1979–1981 гг. показали, что чем больше детей в семье, тем выше уровень ее благосостояния» (Кадыров, Медков, 1986: 225, 227).

[1] В 1970 г. единовременное пособие на третьего ребенка составляло 20 руб., четвертого — 65 руб., седьмого — 100 руб. Ежемесячные пособия на каждого ребенка составляли 12 рублей. Источник: Постановление Совета министров СССР. Об утверждении Положения о порядке назначения и выплаты пособий беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям. 12 августа 1970 г. № 659 [Электронный ресурс] // Электронная библиотека исторических документов. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/414557-postanovlenie-soveta-ministrov-sssr-ob-utverzhdenii-polozheniya-o-poryadke-naznacheniya-i-vyplaty-posobiy-beremennym-zhenschinam-mnogodetnym-i-odinokim-materyam-12-avgusta-1970-g-locale-nil-659#mode/inspect/page/3/zoom/4 (дата обращения: 05.03.2025); Байхожа Ж. Многодетные в Казахской ССР и Казахстане: почувствуйте разницу [Электронный ресурс] // Central Asia Monitor. 2019, 7 февраля. URL: https://camonitor.kz/32535-mnogodetnye-v-kazahskoy-ssr-i-v-kazahstane-pochuvstvuyte-raznicu.html (дата обращения: 05.10.2024).

[2] Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Алма-Ата, 1992. Т. 2. С. 360–361.

Этническая дифференциация показателей детности более всего проявилась в 1950–1960-е гг. — времени демографического взрыва казахов. Определяли ее женщины от 45 лет и старше, в 1989 г. находившиеся в середине XX в. в репродуктивном возрасте. Имея в виду, что репродуктивный потенциал представительниц этой возрастной группы к концу 1980-х гг. в основном был исчерпан, среднее число детей, рожденных одной женщиной, можно считать итоговым.

Как видно из данных *таблицы 2* показатель детности у казахских женщин намного выше, чем у представительниц других наиболее многочисленных этнических групп. В возрастном диапазоне от 45 до 64 лет в 1989 г. на одну казахскую женщину приходилось более шести детей. Число детей в возрасте 45–49 лет у казашек было в 2,7 раза больше, чем у русских, в возрасте 50–54 года — в 2,8 раза, 55-59 лет — в 2,7 раза и т. д.

Таблица 2. Распределение женщин отдельных национальностей по возрасту и числу рождений детей[1]
Table 2. Distribution of women of individual ethnic groups by age and number of births

Возраст женщин в 1989 г.	*Среднее число детей, рожденных одной женщиной **	*в том числе*			
		казашки	*русские*	*украинки*	*немки*
15 лет и старше	2,36	2,80	1,94	2,40	2,58
15–19	0,05	0,03	0,07	0,08	0,08
20–24	0,74	0,62	0,83	0,89	0,99
25–29	1,91	1,70	1,53	1,61	1,88
30–34	2,30	2,75	1,90	2,03	2,29
35–39	2,74	3,80	2,06	2,20	2,49
40–44	3,08	4,75	2,07	2,33	2,67
45–49	3,58	6,09	2,21	2,47	3,10
50–54	3,62	6,53	2,31	2,59	3,48
55–59	3,61	6,55	2,45	2,65	3,92
60–64	3,57	6,04	2,56	2,77	3,79
65–69	3,56	5,50	2,69	2,80	3,50
70 и старше	4,00	4,73	3,53	3,79	4,08

Прим.: * без учета женщин, не указавших число рожденных детей.

В результате несмотря на то, что удельный вес казашек в возрастной группе 45–59 лет в 1989 г. (1930–1944 годы рождения) составлял 25,4%, русских — 46,9%, других этносов — 28,4%[2], казашки обеспечили 44,2% всех рождений в этом возрасте, русские — 30,3%, представительницы других этносов — 25,5% (*таб. 3*). Вследствие высокого естественного прироста казахского населения и постепенно увеличивающегося с конца 1960-х гг. миграционного оттока представителей европейских этнических групп, сочетаемого с низкими показателями рождаемости, этнический состав населения к концу 1980-х гг. существенно изменился. Если в 1959 г. удельный вес казахов в составе населения составлял 30,0%, русских — 42,7 %, то в 1989 г. соответственно 39,7% и 37,8%[3].

[1] Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Алма-Ата: Республиканский информационно-издательский центр, 1992. Т. II. С. 357–363.
[2] Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Алма-Ата: Республиканский информационно-издательский центр, 1992. Т. II. С. 357, 360.
[3] Статистический сборник по отдельным показателям Всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. Алма-Ата, 1991. С. 7–9.

Таблица 3. Распределение рождений по возрасту у женщин отдельных национальностей, в %[1]
Table 3. Distribution of births by age among women of certain ethnic groups, in %

Возраст женщин	Всего рождений	в том числе				
		казашки	русские	украинки	немки	другие этносы
15 лет и старше	100	41,6	33,8	6,2	6,7	11,7
15–19	100	27,1	47,6	6,8	6,5	12,0
20–24	100	41,5	34,0	5,8	6,0	12,7
25–29	100	43,1	32,9	5,0	6,8	12,2
30–34	100	42,8	33,7	4,7	7,3	11,5
35–39	100	44,6	33,2	4,7	6,4	11,1
40–44	100	48,8	31,1	5,5	3,5	11,1
45–49	100	50,4	27,0	6,2	4,3	12,1
50–54	100	43,9	30,4	6,6	6,7	12,4
55–59	100	36,9	34,1	6,4	8,8	13,8
60–64	100	36,4	36,4	7,7	8,0	11,5
65–69	100	37,1	36,8	7,8	6,8	11,5
70 и старше	100	32,1	41,3	8,4	7,9	10,3

В 1970-е гг. в этнодемографической истории Казахстана наметилась новая тенденция, окончательно оформившаяся в 1980-е гг. Определило ее то, что в репродуктивно активный возраст вступило многочисленное население, появившееся на свет в 1950–1960-е гг. Реализация репродуктивного потенциала представителей этого поколения не могла быть такой же, как у поколения предыдущего. Важно, что оно все более становилось городским. Паспортная реформа середины 1970-х гг. значительно интенсифицировала миграционный поток из села в городские поселения[2], в 1979–1989 гг. темпы роста городского казахского населения в 5,2 раза превышали темпы роста в сельской местности[3]. В 1970-е гг. миграционная подвижность казахов как внутри республики, так и за ее пределы, была самой высокой среди всех национальностей СССР (Социально-культурный … , 1986: 18–19).

Демографическая волна, возникшая вследствие демографического взрыва 1950–1960-х гг., изменила представительство этносов в возрастно-половой структуре населения республики. В молодых возрастных группах значительно увеличился удельный вес казахского населения, в том числе и в городах. В результате: «В 1960-е — 1980-е годы прошла кадровая казахизация высшего образования. Соотношение студентов-казахов и студентов-русских в вузах Казахской ССР в 1959 году составляло 1:1.15, а в 1970 г. — 1,31 к 1»[4]. Все более явно рост числа студенчества обеспечивался казахской молодежью: в 1970-е гг. на 81,7%, в 1980-е гг. — на 98,8%. Удельный вес студентов в составе казахского населения составлял в 1980–1981 гг. 2,45%, в 1989–1990 гг. — 2,41% (русских, соответственно — 1,51% и 1,43%)[5]. В конце 1980-х гг. высшее образование имели 15,0% городских казахов старше 15 лет (мужчины — 15,6%, женщины — 14,5%) и 7,0% сельских (мужчины — 7,3%, женщины — 6,8%). Русских, соответственно, 12,6% (мужчины — 12,6%, женщины — 12,6%) и 4,7% (мужчины — 4,2%, женщины — 5,2%) (Алексеенко, Аубакирова, 2017: 133–134).

[1] Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Алма-Ата: Республиканский информационно–издательский центр, 1992. Т. II. С. 357–364.
[2] 28 августа 1974 г. Советом министров СССР утверждено Положение о паспортной системе в СССР. Паспорта обязаны были иметь все граждане СССР, достигшие 16-летнего возраста, независимо от места жительства. До 1974 г. колхозники не могли покидать место жительства без документов (справки от колхоза). См.: Кириченко Ю. Н. Историко-правовой очерк проведения паспортной реформы 1974 г. и ее роль в укреплении общественного порядка в СССР// Bylye Gody. 2014. № 34 (4). С. 710.
[3] Статистический сборник по отдельным показателям Всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. Алма-Ата, 1991. С. 7-9.
[4] Казиев С. Ш. Советская национальная политика и проблемы доверия в межэтнических отношениях в Казахстане (1917–1991 годы) : дисс. … д-ра ист. н. М., 2015. С. 433–434.
[5] Народное хозяйство Казахстана за 70 лет. Алма-Ата, 1990. С. 100.

С конца 1960-х гг. интенсифицируется отток из Казахстана русского населения, прежде всего из городов. Отрицательное сальдо межреспубликанской миграции в 1968–1989 гг. составило 1159,5 тыс. чел.[1] Освободившиеся в городах социальные ниши постепенно заполняются представителями казахского этноса. Об этом косвенно свидетельствует структура занятости в конце 1980-х гг. Значительная часть казахского населения (35,3%) все еще занята в сельском хозяйстве (русского — 10,3%), работающих в промышленности пока не очень много — 13,0% (русские — 27,0%). Наибольшим предпочтением у казахов пользовались такие отрасли, как народное образование, здравоохранение, социальное обеспечение, культура и искусство — 18,7% занятых (русские — 15,4%)[2]. В целом, по мнению С. Ш. Казиева: «… к середине 1980-х казахи доминировали в администрации, высшем образовании, науке и культуре Казахской ССР» (Казиев, 2014: 95).

Столь значительные социальные изменения постепенно начали сказываться и на показателях рождаемости казахских женщин. Наиболее четко тенденция видна на примере возрастной группы 15–19 лет в 1989 г., составляющей 49,4% всех женщин Казахстана этого возраста (русские — 32,1%, другие этносы — 18,5%)[3]. Вклад казашек в общее число рождений в данной возрастной группе составил всего 27,1%, тогда как русских — 47,6%, представительниц других этносов — 25,3% (*таб. 3*). Число детей, приходящихся на одну женщину в возрасте до 25 лет у казашек существенно меньше, чем у представительниц других этнических групп (*таб. 2*).

Таким образом, рост городского казахского населения, обретение новых социальных статусов постепенно меняют социально-экономический контекст воспроизводства населения. Тенденции рождаемости казахов все в большей мере отражают реалии городского образа жизни.

Заключение

Особенности воспроизводства коренного населения КазССР складывались в контексте социально-экономического развития республики в 1950–1980-е гг. В 1950–1960-е гг. основная масса казахов была «отстранена» от индустриально-промышленного, модернизационного вектора развития Казахстана, оставаясь в сельской местности. В то же время это позволило им сохранить традиционные демографические отношения, материально, социально, идеологически поддержанные социалистической системой. В результате естественный прирост достиг высоких значений.

Активная урбанизация и социализация в городском пространстве в 1970–1980-е гг. наметили новые тенденции демографического развития казахской молодежи, показатели рождаемости начинают снижаться. Неоднозначность ситуации в том, что, с одной стороны, советская действительность укрепила традиционный демографический потенциал казахов, следствием чего стал демографический взрыв, приведший к быстрому росту численности этноса. С другой, предоставила возможность реализоваться поколению взрыва в городской, относительно модернизированной среде, что привело к уменьшению показателей рождаемости в молодых возрастных группах. Сложно сказать, какими могли быть репродуктивные установки этого поколения в более старшем возрасте.

Распад СССР и создание суверенного Казахстана определили новые тенденции демографического развития населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аблажей, Н. Н. (2007) С Востока на Восток: Российская эмиграция в Китае. Новосибирск : Изд-во СОРАН. 218 с.

Абылхожин, Ж. Б. (2020) Постсталинский период в истории советского Казахстана: череда обреченных реформ и несостоявшихся деклараций (1953–1991 гг.). Алматы : КБТУ. 468 с.

Алексеенко, А. Н., Аубакирова, Ж. С. (2017) Население Казахстана в 50 — 80-е годы XX века: демографический взрыв и особенности этносоциальных эволюций // Вестник НГУ, серия: история, филология. Т. 16. № 8. С. 127–142.

[1] Демографический ежегодник СССР. 1990. М., 1990. С. 93; Приложение. 15 новых независимых государств. Численность населения на начало года. 1950–2019, тыс. человек [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_pop.php (дата обращения: 10.10.2024).

[2] Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Алма-Ата: Республиканский информационно-издательский центр, 1992. Т. 3. С. 82–83.

[3] Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Алма-Ата: Республиканский информационно-издательский центр, 1992. Т. II. С. 357–364.

Алексеенко, А. Н., Аубакирова, Ж. С., Жанбосинова, А. С. (2019) Этнодемографические эволюции и становление суверенной демографической системы в Казахстане // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: История. Т. 64. Вып. 4. С. 1368–1385.

Алтаев, А. Ш., Жангуттин, Б. О. (2008) Краткие очерки истории Казахстана. Алматы : Бастау. 244 с.

Анайбан, З. В. (2011) Характеристика этнодемографических процессов Тувы в советский период // Новые исследования Тувы. № 2–3. С. 130–150.

Антонов, А. И. (1980) Социология рождаемости. Теоретические и методологические проблемы. М. : Статистика. 271 с.

Антонов, А. И., Кадыров, Ш. Х., Цуладзе Г. Б. (1988) Планирование семьи и национальные традиции. М. : Институт социологии. 283 с.

Антонов, А. И., Сорокин, С. А. (2000) Судьба семьи в России XXI века. М. : Издательский Дом «Грааль». 416 с.

Асылбеков, М. Х., Галиев, А. Б. (1991) Социально-демографические процессы в Казахстане (1917–1980 гг.). Алма-Ата : Гылым. 191 с.

Ата-Мирзаев, О. Б. (2009) Народонаселение Узбекистана: история и современность. Ташкент : Ижтимоий фикр. 223 с.

Ата-Мирзаев, О., Гольдфарб, Б. (1979) Перспективы воспроизводства населения Средней Азии // Наше будущее глазами демографа / гл. ред. Д. И. Валентей. М. : Статистика.120 с. С. 113–119.

Аубакирова, Ж. С., Махметова, Н. А., Уалиева, С. К., Омырзак, Т. Е., Алексеенко, А. Н. (2024) Этнические особенности рождаемости в Казахстане в середине XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 2 (65). С. 203–214. DOI: https://doi.org/10.20874/2071-0437-2024-65-2-18

Борисов, В. А. (1976) Перспективы рождаемости. М. : Статистика. 248 с.

Вишневский, А. Г. (1998) Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М. : ОГИ. 432 с.

Вишневский, А. Г. (2005) Демографическая революция // Вишневский А. Г. Избранные демографические труды. М. : Наука. Т. 1. Демографическая теория и демографическая история. 214 с. С. 3–214.

Горюшкин, Л. М. (1976) Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1890–1917 гг.). Новосибирск : Наука. 342 с.

Кадыров, Ш. (1990) В защиту традиций // СССР: демографический диагноз / сост. В. И. Мукомель. М. : Прогресс. 696 с. С. 547–563.

Кадыров, Ш., Медков, В. (1986) Репродуктивное поведение, демографическая политика (на примере среднеазиатского региона) // Мы и наши планы / отв. ред. Д. И. Валентей / серия «Народонаселение». М. : Мысль. 284 с. С. 220–250.

Казиев, С. Ш. (2014) «Золотой век» советского интернационализма и проблемы межэтнических отношений в Казахстане (1964–1985 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. № 6 (32). С. 95–101.

Касымова, С. (2006) Традиция многодетного материнства у таджиков в контексте гендера и времени // Вестник Евразии. № 4 (34). С. 63–84.

Козлова, Е. А. (2020) Особенности воспроизводства населения Республики Тува в конце 1980-х — 1990-х гг. // Ethnography, Ethnology and Anthropology. Vol. 13. Issue 9. С. 39–43. DOI: https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.9.7

Ламажаа, Ч. К. (2007) Поколенческий подход к истории Тувы XX века [Электронный ресурс] // Электронный научный журнал «Знание. Понимание. Умение». № 1. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/1/Lamajaa/ (дата обращения: 02.05.2025).

Ламажаа, Ч. К. (2012) Региональные модели архаизации: масштабы и перспективы // Новые исследования Тувы. № 2. С. 11–29.

Омран, А. (1977) Эпидемиологический аспект естественного движения населения // Проблемы народонаселения. О демографических проблемах стран Запада / предисл. и ред. Д. И. Валентея и А. П. Судоплатова М. : Прогресс. 303 с. С. 57–92.

Сарсембаева, Г. А. (2014) Репродуктивное поведение казахского населения Восточно-Казахстанской области в современный период (по материалам социологического исследования) // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях : сб. науч. трудов / отв. ред. А. Н. Алексеенко. Усть-Каменогорск : Медиа-Альянс. 453 с. С. 294–308.

Социально-культурный облик советских наций (по результатам этносоциологического исследования) (1986) / отв. редактор Ю. В. Арутюнян, Ю. В. Бромлей. М. : Наука. 454 с.

Струмилин, С. Г. (1982) Проблемы экономики труда. М. : Наука. 472 с.

Штомпка, П. (1996) Социология социальных изменений. М. : Аспект-пресс. 416 с.

Van De Kaa, D. J. (2010) Demographic transitions // Yi. Zeng, ed. Encycclopedia of life support systems (EOLSS). Demography. Oxford : Eolis Publishers. Vol. 1. 395 p. P. 65–103.

Coleman, D. (2004) Why we don't have to believe without doubting in the «Second Demographic Transition» — some agnostic comments // Vienna Yearbook of population research / Feichtinger G. (eds.). Austrian Academy of Sciences Press. Vol. 2. 340 p. P. 11–24.

Easterlin, R. A. (1969) Towards a socioeconomic theory of fertility: survey of recent research on economic factors in American fertility // Fertility and family planning: A Word View / Behrman S. J., Corsa J. L., Freedman R. (eds.). Ann Arbor : University of Michigan Press. 503 p. P. 127–156.

Easterlin, R. A. (1975) An economic framework for fertility analysis // Studies in family planning. Vol. 6. P. 54–63.

Landry, A. (1934) La Révolution démographique (Etudes et essais sur les problèmes de la population). Libr. du Recueil Sirey. 230 p.

Landry, A. (1945) Traité de démographie. Paris : Payot. 651 p.

Notestein, F. W. (1945) Population — The long view // Schultz T W (ed.) Food for the World. University of Chicago Press. 365 p. P. 36–57.

Notestein, F. W. (1953) Economic problems of population change. In: Proceedings of the Eighth International Conference of Agricultural Economists / Dixey R. (eds.). London : Oxford University Press. 608 p. P. 13–31.

Thompson, W. S. (1929) Population // American Journal of Sociology, Vol. 34. № 6. P. 959–975.

Thompson, W. S. (1930) Population Problems. New York : McGraw-Hill. 462 p.

Дата поступления: 02.05.2025 г.
Дата принятия: 27.08.2025 г.

REFERENCES

Ablazhey, N. N. (2007) *From East to East: Russian Emigration in China*. Novosibirsk, Publishing House of SB RAS. 218 p. (In Russ.)

Abylkhozhin, Zh. B. (2020) *The post-Stalin period in the history of Soviet Kazakhstan: A succession of doomed reforms and unrealized declarations (1953–1991)*. Almaty, KBTU. 468 p. (In Russ.)

Alekseenko, A. N. and Aubakirova, Zh. S. (2017) The population of Kazakhstan in the 1950s–1980s: demographic boom and features of ethno-social evolution. *Vestnik NGU, Seriya: Istoriya, Filologiya*, vol. 16, no. 8, pp. 127–142. (In Russ.)

Alekseenko, A. N., Aubakirova, Zh. S. and Zhanbosinova, A. S. (2019) Ethnodemographic evolution and the formation of the sovereign demographic system in Kazakhstan. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya: Istoriya*, vol. 64, no. 4, pp. 1368–1385. (In Russ.)

Altaev, A. Sh. and Zhanguttin, B. O. (2008) *Brief Essays on the History of Kazakhstan*. Almaty, Bastau. 244 p. (In Russ.)

Anayban, Z. V. (2011) Characteristics of ethno-demographic processes in Tuva during the Soviet period. *New Research of Tuva*, no. 2–3, pp. 130–150. (In Russ.)

Antonov, A. I. (1980) *Sociology of Birth Rate: Theoretical and Methodological Issues*. Moscow, Statistika. 271 p. (In Russ.)

Antonov, A. I., Kadyrov, Sh. Kh. and Tsuladze, G. B. (1988) *Family Planning and National Traditions*. Moscow, Institute of Sociology. 283 p. (In Russ.)

Antonov, A. I. and Sorokin, S. A. (2000) *The Fate of the Family in Russia in the 21st Century*. Moscow, Graal Publishing House. 416 p. (In Russ.)

Asylbekov, M. Kh. and Galiyev, A. B. (1991) *Social and Demographic Processes in Kazakhstan (1917–1980)*. Alma-Ata, Gylym. 191 p. (In Russ.)

Ata-Mirzaev, O. B. (2009) *Population of Uzbekistan: History and Present*. Tashkent, Ijtimoiy Fikr. 223 p. (In Russ.)

Ata-Mirzaev, O. and Goldfarb, B. (1979) Prospects for Population Reproduction in Central Asia. In: D. I. Valentei (ed.) *Our Future through the Eyes of a Demographer*. Moscow, Statistika. 120 p. Pp. 113–119. (In Russ.)

Aubakirova, Zh. S., Makhmetova, N. A., Ualiyeva, S. K., Omyrzak, T. E. and Alekseenko, A. N. (2024) Ethnic features of fertility in Kazakhstan in the mid-20th century. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 2 (65), pp. 203–214. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.20874/2071-0437-2024-65-2-18

Borisov, V. A. (1976) *Prospects for Fertility*. Moscow, Statistika. 248 p. (In Russ.)

Vishnevsky, A. G. (1998) *The Sickle and the Rouble: Conservative Modernization in the USSR*. Moscow, OGI. 432 p. (In Russ.)

Vishnevsky, A. G. (2005) Demographic revolution. In: A. G. Vishnevsky (ed.) *Selected Demographic Works. Vol. 1: Demographic Theory and Demographic History*. Moscow, Nauka. 214 p. Pp. 3–214. (In Russ.)

Goryushkin, L. M. (1976) *Agrarian Relations in Siberia during the Imperialist Period (1890–1917)*. Novosibirsk, Nauka. 342 p. (In Russ.)

Kadyrov, Sh. (1990) In defense of traditions. In: V. I. Mukomel' (ed.) *USSR: Demographic Diagnosis*. Moscow, Progress. 696 p. Pp. 547–563. (In Russ.)

Kadyrov, Sh. and Medkov, V. (1986) Reproductive behaviour, demographic policy (case of Central Asian region). In: D. I. Valentei (ed.) *We and Our Plans. Population Series*. Moscow, Mysl'. 284 p. Pp. 220–250. (In Russ.)

Kaziev, S. Sh. (2014) The "Golden Age" of Soviet internationalism and the problems of interethnic relations in Kazakhstan (1964–1985). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, no. 6 (32), pp. 95–101. (In Russ.)

Kasymova, S. (2006) The tradition of large motherhood among Tajiks in the context of gender and time. *Vestnik Evrazii*, no. 4 (34), pp. 63–84. (In Russ.)

Kozlova, E. A. (2020) Specificity of Population Reproduction in the Tyva Republic at the End of the 1980-1990s. *Ethnography, Ethnology and Anthropology*, vol. 13, issue 9, pp. 39–43. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.9.7

Lamazhaa, Ch. K. (2007) A generational approach to the history of Tuva in the twentieth century. *Elektronnyi nauchnyi zhurnal "Znanie. Ponimanie. Umenei",* no. 1 [online] Available at: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/1/Lamajaa/ (accessed: 02.05.2025). (In Russ.)

Lamazhaa, Ch. K. (2012) Regional models of archaization: scale and prospects. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 11–29. (In Russ.)

Omran, A. (1977) The epidemiological aspect of natural population movement. In: D. I. Valentei and A. P. Sudoplatov (eds.) *Problemy narodonaseleniya. O demograficheskikh problemakh stran Zapada*. Moscow, Progress. 303 p. Pp. 57–92. (In Russ.)

Sarsembayeva, G. A. (2014) Reproductive behavior of the Kazakh population of East Kazakhstan region in the modern period (based on sociological research). In: A. N. Alekseenko (ed.) *Ethnodemographic Processes in Kazakhstan and Adjacent Territories*: Collection of Scientific Papers. Ust-Kamenogorsk, Media-Alliance. 453 p. Pp. 294–308. (In Russ.)

The socio-cultural image of Soviet nations (based on ethno-sociological research results) (1986), edited by Yu. V. Arutyunyan, Yu. V. Bromlei. Moscow, Nauka. 454 p. (In Russ.)

Strumilin, S. G. (1982) *Problems of Labour Economics*. Moscow, Nauka. 472 p. (In Russ.)

Sztompka, P. (1996) *Sociology of Social Change*. Moscow, Aspect Press. 416 p. (In Russ.)

Van De Kaa, D. J. (2010) Demographic transitions. In: Yi. Zeng, ed. *Encycclopedia of life support systems (EOLSS). Demography*. Oxford, Eolis Publishers. Vol. 1. 395 p. Pp. 65–103.

Coleman, D. (2004) Why we don't have to believe without doubting in the «Second Demographic Transition» — some agnostic comments. In: *Vienna Yearbook of population research* / Feichtinger G. (eds.). Austrian Academy of Sciences Press. Vol. 2. 340 p. Pp. 11–24.

Easterlin, R. A. (1969) Towards a socioeconomic theory of fertility: survey of recent research on economic factors in American fertility. In: *Fertility and family planning: A Word View* / Behrman S. J., Corsa J. L., Freedman R. (eds.). Ann Arbor, University of Michigan Press. 503 p. Pp. 127–156.

Easterlin, R. A. (1975) An economic framework for fertility analysis. *Studies in family planning*, vol. 6, pp. 54–63.

Landry, A. (1934) *La Révolution démographique (Etudes et essais sur les problèmes de la population)*. Libr. du Recueil Sirey. 230 p.

Landry, A. (1945) *Traité de démographie*. Paris, Payot. 651 p.

Notestein, F. W. (1945) Population — The long view. In: Schultz T W (ed.) *Food for the World*. University of Chicago Press. 365 p. Pp. 36–57.

Notestein, F. W. (1953) Economic problems of population change. In: *Proceedings of the Eighth International Conference of Agricultural Economists* / Dixey R. (eds.). London: Oxford University Press. 608 p. Pp. 13–31.

Thompson, W. S. (1929) Population. *American Journal of Sociology*, vol. 34, no. 6, pp. 959–975.

Thompson, W. S. (1930) *Population Problems*. New York, McGraw-Hill. 462 p.

Submission date: 02.05.2025.
Acceptance date: 27.08.2025.

DOI: 10.25178/nit.2025.4.24

Статья

Этноязыковое самочувствие русского населения в Якутии: этносоциопсихолингвистическое измерение

Нина И. Иванова
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов СО РАН, Российская Федерация

В статье представлены результаты исследования этноязыкового самочувствия представителей русской этнической общности Якутии в контексте динамических процессов социокультурной интеграции. Исследователем выдвинута принципиально новая категория «этноязыковое самочувствие» в объективации природы межэтнических отношений с точки зрения главного культурного маркера — этнического языка.

Подход апробирован на анализе полевых материалов этносоциолингвистических опросов, интервью и ассоциативных экспериментов, полученных с 2007 по 2024 гг. у русского населения г. Якутска. Этноязыковое самочувствие русского населения г. Якутска атрибутируется следующими признаками. У исследуемой группы, как части российского языкового и культурного сообщества, сохраняется устойчивая этноязыковая идентичность, уверенность в благоприятной перспективе русского языка в регионе (несколько снижающаяся у представителей старшего поколения) и сопряженная снижением вовлеченности молодежи в якутскую языковую компетенцию. Языковое сосуществование саха и русских в умеренной степени осложняется индивидуальными предубеждениями — нигилистическими установками по отношению к социальным функциям якутского языка у среднего и старшего поколения русских респондентов.

Благодаря совместному многолетнему преодолению суровых природно-климатических условий, высокой ценности родных языков (62% русских и 67% саха выделяют их как доминирующий этноопределяющий признак), обусловливающей их выбор и поведение в социуме, в регионе сложилась гармоничная ситуация межэтнического согласия. Молодежь проявляет склонность к гибким языковым стратегиям, неконфликтному общению, способствующим интеграционным процессам.

Направленный ассоциативный эксперимент отражает идентичность ассоциативных полей концептов «русский язык» и «якутский язык» в коммуникативном сознании русских и саха. Лингвоконцептологическое содержание их ядра и ближней периферии достаточно полно репрезентирует как этноязыковое самочувствие, так и национально-языковые отношения.

Ключевые слова: *этноязыковое самочувствие; родной язык; русский язык; якутский язык; русские; саха; Якутия; Якутск; молодежь; межэтнические отношения; языковая компетенция*

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-20392, https://rscf.ru/project/24-28- 20392/

Для цитирования:
Иванова Н. И. Этноязыковое самочувствие русского населения в Якутии: этносоциопсихолингвистическое измерение // Новые исследования Тувы. 2025. № 4. С. 451-468. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.24

Иванова Нина Иннокентьевна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Центра социолингвистических исследований Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской Академии наук. Адрес: Российская Федерация, 677007, г. Якутск, ул. Петровского, 1, каб. 310. E-mail: haar-haar@mail.ru

IVANOVA, Nina Innokentievna, Doctor of Philology, Leading Researcher, Center for Sociolinguistic Studies, Institute for Humanitarian Studies and Problems of Indigenous Peoples, North of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences. Postal address: office 310, 1 Petrovskogo St., 677007, Yakutsk, Russian Federation. E-mail: haar-haar@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3064-0175

Article

Ethnolinguistic Well-Being of the Russian Population in Yakutia: An Ethnosociopsycholinguistic Dimension

Nina I. Ivanova
Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

The article presents the findings of a study on the ethnolinguistic well-being of the Russian ethnic community in Yakutia within the context of dynamic processes of sociocultural integration. The researcher introduces the concept of ethnolinguistic well-being as a category for objectifying the nature of interethnic relations from the standpoint of the primary cultural marker — ethnic language. The proposed approach was tested through the analysis of field materials obtained via ethnosociolinguistic surveys, interviews, and associative experiments conducted between 2007 and 2024 among the Russian population of Yakutsk. The data are compared with analogous studies of the Sakha (Yakut) population of the city.

The ethnolinguistic well-being of Yakutsk's Russian population is characterized by several features. As part of the national linguistic and cultural community, this group maintains a stable ethnolinguistic identity and confidence in the favorable prospects of the Russian language in the region—though with a slight decline among the older generation — alongside a reduction in youth involvement in Yakut language competence. The linguistic coexistence of Sakha and Russians is moderately complicated by individual prejudices, specifically by nihilistic attitudes toward the social functions of the Yakut language among middle-aged and older Russian respondents.

Through the joint, long-term adaptation to harsh environmental and climatic conditions, as well as the high value placed on native languages (62% of Russians and 67% of Sakha identify language as the dominant ethnodetermining trait), which shapes social choices and behavior, a harmonious situation of interethnic accord has developed in the region. Young people exhibit flexible language strategies and non-confrontational communication patterns that facilitate integration processes.

A directed associative experiment reflects the identity of the associative fields of the concepts "Russian language" and "Yakut language" within the communicative consciousness of Russians and Sakha. The linguoconceptual content of their core and near periphery fully represents both ethnolinguistic well-being and national-linguistic relations.

Keywords: *ethnolinguistic well-being; native language; Russian language; Yakut language; Russians; Sakha; Yakutia; Yakutsk; youth; interethnic relations; language competence*

Financing
The research was supported by the Russian Science Foundation grant No. 24-28-20392, https://rscf.ru/project/24-28-20392/

For citation:
Ivanova N. I. Ethnolinguistic Well-Being of the Russian Population in Yakutia: An Ethnosociopsycholinguistic Dimension. *New Research of Tuva*, 2025, no. 4, pp. 451-468. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.24

Введение

Ведущий российский этносоциолог, основатель московской школы этносоциологии Л. М. Дробижева, оценивая ресурсный потенциал межэтнического согласия в активации интеграционных процессов среди москвичей, установила основные факторы согласия, которые достижимы лишь при условии уважительного отношения к национальному достоинству всех народов России и обеспечения равенства их прав и возможностей (Дробижева, 2015). В многонациональном сообществе, таком как Республика Саха (Якутия), также важно установить факторы межэтнического согласия, определяющегося состоянием межэтнических отношений, этническим и этноязыковым самочувствием населяющих ее народов.

На рубеже XX–XXI вв. стали актуальны исследовательские проекты, сосредоточивающиеся на человеке в системе изменяющихся социальных связей, связанных с концептом «самочувствие»: со-

циальное (Тощенко, 1998; Михайлова, 2010; Социальное самочувствие …, 2011; и др.); демографическое самочувствие (Демографическое самочувствие … , 2021; и др.), этническое (Шахбанова, Лысенко, Мамараев, 2015; Туракаев, 2022; и др.).

Автором ранее выдвигалось предположение объективации социального самочувствия, природы межэтнических отношений с точки зрения главного культурного маркера — этнического языка (Иванова, 2008), позже ею обоснована возможность формирования теоретической основы для последующего анализа и соответствующих выводов с позиции данного подхода (Иванова, 2024).

Детерминированность социального самочувствия этнокультурной составляющей региона, состоянием этнических ресурсов и их доступностью якутские этносоциологи стали включать в систему оценки социального самочувствия в регионах с полиэтническим населением и данный подход оказался вполне состоятельным (Республика Саха … , 2024). В том числе на материале республик Башкортостан, Тувы, Калмыкии подтверждается зависимость социального самочувствия от условий изучения, сохранения и развития национального родного языка (Туракаев, 2022).

В то же время поле социолингвистических исследований обогащается поиском закономерностей во взаимосвязи между языком и обществом в экспликации концептов «языковая комфортность» (Биткеева, Хохолова, Филиппова, 2023), «субъективное благополучие»[1]; автономия и достоинство (Боргоякова, Донгак, 2024) и др. В последней статье авторы в контексте теории языковой справедливости актуализируют роль этнических языков в отличие от доминантного русского языка, обеспечивающего всем народам Российской Федерации эффективность и равные возможности коммуникации в масштабе государства, но не содействующего реализации возможностей, которые представляют этнические языки других народов РФ: «общение на родных языках позволяет им выразить свою автономию и достоинство как представителей своего народа» (там же: 77).

Антропоцентрический аспект исследования в приложении к носителям национальных языков, в том числе и русского, в двуязычных, многоязычных российских сообществах в регионах в современных достаточно противоречивых условиях с точки зрения их социокультурной интеграции составляет наш исследовательский интерес. Впервые на якутском материале будет разработана модель изучения этноязыкового самочувствия в контексте систематизации существующих убеждений, мотивов, оценки в языковых практиках и установках русских, проживающих в г. Якутске в условиях численного меньшинства, с дальнейшим внедрением данной модели исследования на этнические общности коренных жителей региона.

Авторская же интерпретация термина может выглядеть следующим образом: *этноязыковое самочувствие* — это состояние оценочного характера, субъективное восприятие языковой ситуации и себя в ней, выражающееся в тех или иных языковых практиках и установках, национально-языковых отношениях, восприятии языков, этнических и неэтнических. При этом задача исследователя заключается в выявлении и обосновании субъективных и объективных характеристик языковой ситуации, национально-языковых отношений как детерминанты оптимального этноязыкового самочувствия личности, этноса.

Под оптимальным этноязыковым самочувствием мы понимаем качество, свойство, характеризующее уважительное отношение к родному (этническому) языку, языку другого индивида, этноса, совместно проживающего на какой-либо территории, составляющее социокультурную интегрированность, при взаимном соблюдении гражданских, языковых прав и обязательном обеспечении государством развития функций всех языков в соответствии с их юридическим статусом.

Цель настоящей статьи — представить анализ результатов исследования этноязыкового самочувствия представителей русской этнической общности, проживающих в г. Якутске, в контексте динамических процессов социокультурной интеграции. В связи с этим поставлены следующие *задачи*:

— выявить динамичные изменения показателей этноязыковой самоидентификации, языковой компетенции русских, проживающих в г. Якутске, в родном (этническом) языке и языке региона;

[1] Шайгерова Л. А., Алмазова О. В., Долгих А. Г. Русско-национальное двуязычие: субъективное благополучие различных категорий молодежи в республике Башкортостан и Республике Татарстан // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. Вып. 2 / Материалы II Международной научно-практической конференции Санкт-Петербург, 10–11 октября 2019 г. СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. С. 567-574.

— систематизировать с позиций кросс-культурного сопоставительного подхода существующие языковые практики и языковые установки в различных социальных институтах;

— установить проявления языковой интеграции/дезинтеграции, их мотивы;

— определить языковое благополучие/неблагополучие исследуемой этноязыковой общности в сопоставлении с контактируемой;

— обозначить национально-языковые отношения между контактируемыми этническими общностями (под национально-языковыми отношениями нами принимается их социолингвистическое понимание: «взаимные поведенческие и оценочные установки и предрасположенности носителей различных языков или форм существования языка по отношению как к чужим, так и к собственным языкам и языковым вариантам; использование оценок языка типа богатый, бедный, красивый; отношение к использованию языка, к языковой политике и т. п.»[1]).

Соглашаясь с многокомпонентностью заданного эмпирического поля и учитывая собственный исследовательский опыт, предполагаем вариативность этнокультурных компонентов, релевантных при кросс-культурном анализе языковых установок и языковых практик в условиях активных языковых контактов, характеризующихся экзоглоссностью, гетерогенностью, неравновесностью, несбалансированностью. Интегрированный этносоциопсихолингвистический подход из опыта нашего описания языковой ситуации в 2007–2024 гг. (Иванова, 2022b, и др.[2]; Данилова, Иванова, 2024) позволил синтезировать взаимно обусловленные, достаточно чувствительные индикаторы. Данный метод триангуляции сочетает в себе выявление количественных характеристик, устанавливаемых на макросоциолингвистическом уровне, и качественных признаков на микросоциолингвистическом уровне, необходимых для интерпретации статистики. Так, национально-языковые отношения можем измерить как в количественных показателях (например, число желающих изучить неэтнические языки в процентном выражении от общего количества респондентов), так и в качественных, для чего интерпретируется психолингвистический атрибут — ядро ассоциативного поля (далее — АП) на стимулы, например, «русский язык», «якутский язык». Содержание АП позволяет установить характер смысловой или эмоциональной коннотации, в свою очередь ядерные и периферийные характеристики АП, их коннотации направляют исследовательскую мысль на поиск социальных, культурных, исторических, психологических факторов, обусловливающих восприятие тех или иных языков, на установление их взаимосвязи.

Исходная точка в выборе индикаторов лежит в плоскости языкового комфорта/языкового дискомфорта[3], уважительного отношения к национальному достоинству всех народов России и обеспечения равенства их прав и возможностей, ориентации на признание равного статуса народов в государстве, общности интересов (Дробижева, 2015); ориентации на диалоговое решение возникающих проблем; доверие, способное усиливать развитие интеграционных процессов, согласованные ценностные ориентации, общее ви́дение образа мира. В парадигматический ряд критериев социального самочувствия многие исследователи включают социально-экономические факторы: уровень жизни, доходы, материальное положение, обеспеченность. Однако основной концепт нашего исследования «этнический язык» не допускает столь прагматической коннотации по отношении к нему и оценка качества жизни в регионе в отличие от других вполне может детерминировать лингвоповеденческие паттерны.

Инструментарий кроме базовых демографических, этнодемографических данных содержит вопросы, позволяющие уловить достаточно сенситивные индикаторы интегрирующих и дезинтегрирующих установок, обнаруженных эмпирическим путем и потому позволяющих сгруппировать их в категории этноязыкового самочувствия. Таким образом, нами выбраны следующие категории, в равной мере атрибутирующие этноязыковое самочувствие методом социолингвистических опросов, интервьюирования и АЭ:

— этноязыковая самоидентификация, языковая компетенция в родном (этническом) языке и других языках региона (самооценка говорящего об уровне владения тем или иным языком), языковой барьер;

[1] Словарь социолингвистических терминов / отв. ред. В. Ю. Михальченко. М.: Институт языкознания РАН, 2006. С. 279.
[2] Иванова, Н. И. (2024) Кросс-культурный анализ языковых практик и идеологий саха и русских (на материале г. Якутска) // Новое знание : в 4 т. М. : Инфра-М. Т. 3. С. 93–97.
[3] Словарь социолингвистических терминов … С. 274–275.

— языковые практики и языковые установки в различных социальных институтах (дискриминационное/недискриминационное общение), в повседневном, бытовом общении;

— проявления языковой интеграции/дезинтеграции, проявляющихся в различных аспектах социального взаимодействия, их мотивы;

— языковое благополучие (оценка будущего родного (этнического) языка, комфортное/дискомфортное общение, языковая лояльность, языковой нигилизм по отношению к родному (этническому) и другим языкам; поведенческий компонент языковых установок); оценка мер конструктивной/деструктивной языковой политики республики, государства, так же непосредственным образом воздействующих на языковое самочувствие индивида или этнической группы;

— национально-языковые отношения (интерпретации АП стимульных сочетаний, обозначающих значимые для данной языковой общности языки).

Выбор русского населения г. Якутска, отличающегося динамичным сокращением их представленности в столице, в отличие от других крупных промышленных центров (гг. Мирный, Нерюнгри)[1], предполагает широкий спектр индикаторов, выявляющих состояние этноязыкового самочувствия и его изменения в условиях беспрецедентного в последние 50 лет изменения этнической структуры. Таким образом, данный ракурс исследования предпринят нами в отношении русской этнической общности, как общности, в настоящее время демографически уступающей саха в регионе, и полученную модель можно использовать в регионах со схожей этнодемографической ситуацией для экспликации билингвальных и полилингвальных сообществ. На территории муниципального образования г. Якутск по итогам последней переписи[2], проводившейся в 2020 г., проживали представители более 100 представителей различных этнических групп, из которых наиболее многочисленными являлись: якуты (саха) — 59,2%, русские — 26,4%. Предыдущие итоги переписи в 2010 г. зафиксировали 47,4% якутов и 38,4% русских» (Иванова, 2024).

В основу изучения этноязыкового самочувствия русских были положены методы сравнительно-сопоставительного, кросс-культурного, вторичного анализа как социолингвистических, так и психолингвистических данных, без которых невозможно выявление динамичных тенденций. Для сбора первичных эмпирических данных были использованы методы включенного и невключенного наблюдения, анкетирование; полуформализованное интервью. Основанием для их использования выступила необходимость выявления вышеуказанных категорий у целевой группы, сегментированной по параметрам возраста, урбанизированности, уровню образования.

В качестве гипотезы было выдвинуто предположение о том, что выбранная этническая общность будет отличаться в оценке уровня этноязыкового самочувствия в зависимости от возраста: молодое поколение русских имеет более выраженную степень позитивного этноязыкового самочувствия (нежели среднее и старшее поколение), в силу социализации в равностатусный период взаимодействия обеих этнических общностей и обусловленный федеральной политикой этнокультурного многообразия.

В опросе 2024 г. приняли участие 432 представителя русской этнической общности г. Якутска, в т. ч. 53,9% женщин и 46,1% мужчин, 69% которых являются уроженцами г. Якутска, остальные проживают в столице от 1,5 до 40 лет. Возрастные характеристики опрошенного населения: 17–25 лет — 39,4 %, 26-35 лет — 11,8%, (далее по тексту именно данные две группы отмечаются как русская молодежь); 36–50 лет — 31,4%; 50–60 лет — 13,2%, старше 60 лет — 4,8%. Высшее образование имеют 54,5% респондентов, незаконченное высшее образование — 4,8%; среднее специальное образование — 39,2% и 2% — среднее общее образование. Данный опрос в том же 2024 г. параллельно проведен среди якутов, благодаря чему получен релевантный сопоставительный материал у 456 респондентов-саха, проживающих в г. Якутске. Также для сопоставления используются: итоги опросов русского населения г. Якутска 2007 г. (n=191), 2016 г. (n=267). (Иванова, 2012, 2017, 2019, 2022а), выборка молодежной когорты русских 16–35 лет (N=115) из массива опроса, проведенного в 2024 г. в г. Якутске (Данилова, Иванова, 2024); выборка молодежи саха (N=120), из социолингвистического опроса, проведенного

[1] По данным Всероссийской переписи населения 2020 г. в г. Мирный проживали 20797 русских, 3828 — саха; в г. Нерюнгри — 39727 русских, 1533 — саха.

[2] Итоги переписи 2020 г. представляются весьма условными в силу обстоятельств, вызванных пандемией распространения коронавируса SARS-CoV-2 во время проведения переписи.

в 2022 г. в Таттинском улусе республики (там же). Качественный метод представлен материалами полуформализованных интервью, полученных в 2025 г. у 8 ключевых информантов[1], в том числе у 4 — этнических русских до 30 лет и 4 русских в возрасте старше 44 лет, проживающих в г. Якутске.

Инструментарий опроса включал несколько блоков вопросов, направленных на выявление функционального статуса русского и якутского языков, эксплицирующие языковые практики; эстимационный блок определяет ценностные ориентиры, выявляющие языковую лояльность и блок персональных данных (этно- и социодемографические характеристики опрашиваемых). В психолингвистическом разделе участникам опроса был предложен направленный ассоциативный эксперимент (далее — НАЭ), опрашиваемые в течение 2–3 минут должны записать ассоциации к предлагаемым стимулам «Русский язык — какой?» и «Якутский язык — какой?» В данной статье анализу подверглись реакции 90 русских студентов на стимулы «якутский язык» и «русский язык», полученные в ходе НАЭ в 2007 г., 106 чел. — в ходе подобного НАЭ в 2016 г. и 123 чел. — в ходе НАЭ в 2024 г. Для сопоставления приведены данные НАЭ студентов саха: 111 испытуемых в 2007 г., 126 чел. — в 2014 г. и 171 чел. — в 2024 г. Также интерпретации подверглись реакции 432 русских респондентов на данные стимулы, полученные в 2024 г., при этом для сопоставления содержания АП использованы реакции 456 респондентов саха, полученные в 2024 г.

Этноязыковая самоидентификация, языковая компетенция в родном (этническом) языке и языке региона

Сохраняется прямая языковая самоидентификация русского населения г. Якутска (98,1%), двойная самоидентификация спорадично фиксируется среди взрослого населения (1,7%), в молодежной среде прямая языковая самоидентификация имеет абсолютный характер — 100%.

Таблица 1. Самооценка уровня знания родного (русского) языка русскими респондентами, 2024 г., г. Якутск, в %
Russian Russian respondents' self-assessment of the level of knowledge of their native (Russian) language, 2024, Yakutsk, Russia, in %

Как Вы оцениваете свой уровень знаний русского языка?	*Все русское население*	*в т. ч. русская молодежь*
Свободно говорю, читаю, пишу	98,2	98,1
Говорю, читаю, но не пишу	–	–
Говорю, но не читаю и не пишу	–	–
Говорю с затруднениями	–	1,8
Понимаю общий смысл сказанного, но не говорю	–	–
Не владею	0,8	–

Таблица 2. Динамика показателей уровня знания якутского языка русскими респондентами, г. Якутск, в %
Table 2. Dynamics of indicators of the level of knowledge of the Yakut language by Russian respondents, Yakutsk, in %

Как Вы оцениваете свой уровень знаний якутского языка?	*Все русское население*			
	2007 г.	*2016 г.*	*2024 г.*	
			Все	*в т. ч. русская молодежь*
Свободно говорю, читаю, пишу	2,7	0,6	0,8	
Говорю, читаю, но не пишу	1,8	2,8	0,8	
Говорю, но не читаю и не пишу	4,4	2	–	–
Говорю с затруднениями	4,4	2	4,2	3,7
Все понимаю, но не говорю	1,8	2,8	–	-
Понимаю общий смысл сказанного, но не говорю	27,4	27,2	24,7	15
Не владею	57,5	62,6	69,2	81,1

[1] В текст статьи после обобщения включены не все информанты.

Данный компонент этноязыкового самочувствия характеризуется стабильностью основных этноязыковых показателей, при этом включенность в якутскую языковую компетенцию, как исторически обусловленный региональный интегрирующий фактор, снижается, в частности у молодежи. Между тем, приобретение базовых знаний в контактном языке происходит в течение всей жизни, и часть русской молодежи, вероятно, повысит свой уровень. Латентная контекстуальная переменная у взрослых респондентов, как способность к аудированию якутской речи и знание базовых слов, присутствует:

> «Если вы спросите, знаю ли я якутский язык, я отвечу, что не знаю. Но на самом деле какие-то слова знаю. У нас во дворе он всегда функционировал» (жен., рус., 1961 г. р., высш. образ., преподаватель);
>
> «Моя мама что-то может сказать. Да, можем сказать, просто не замечаем» (жен., рус., 1981 г. р., высш. образ., преподаватель);
>
> «Моя мама изучила якутский язык, у нее стопочка книг, купила разговорники, словари. Ее желание было мотивировано тем, что ей было интересно изучать язык и общаться на якутском языке, хотя она нигде не работала. Потом она устроилась на работу, и как бы там практиковала в том числе якутский язык» (муж., рус., 1995 г. р., высш. образ., преподаватель).

Наиболее низкая якутская языковая компетенция фиксируется у молодежи, и на это, в числе других факторов влияет снижающаяся в последнее время якутская языковая компетенция молодежи саха.

В целом констатируем устойчивость основных этноидентифицирующих показателей русского населения в г. Якутске, снижение вовлеченности в якутскую языковую компетенцию.

Языковые практики и языковые установки в различных социальных институтах

Вопросы этнической принадлежности и языковой компетенции политических элит в регионе служат одним из индикаторов этноязыкового самочувствия этнических групп. Рассмотрим данные, полученные у русских респондентов в г. Якутске (*табл. 3*).

Таблица 3. Динамика распределения ответов русских респондентов на вопрос «Согласны ли Вы с тем, что государственными русским и якутским языками должен свободно владеть Глава (Президент) Республики Саха (Якутия)?», г. Якутск, в %
Table 3. Russian respondents' response dynamics to the question "Do you agree that the Head (President) of the Republic of Sakha (Yakutia) should be fluent in the official Russian and Yakut languages?", Yakutsk, Russia, in %

Год	*2001 г.*[1]	*2007 г.*	*2016 г.*	*2024 г.*
Ответы респондентов	37,2	63,2	81	74

Значимость двуязычного главы республики в мнениях русского населения по сравнению с 2016 г. немного снизилась в связи с общей гомогенизацией (русскоязычием) языковых практик городской коммуникации, однако, по данным опроса 2024 г., запрос к двуязычности первого лица выше, чем к таковой депутатов Государственного собрания (Ил Тумэн) — 62,9%, а также к представителям других социально значимых отраслей, в том числе, жизненно важных профессий: врачей (57,3%); учителей, воспитателей (51%), а также работников сферы обслуживания (53,1 %), госслужащих (52%).

В опрос 2007 г. включена оценка общественных функций якутского языка русским населением. При этом установлена выраженная нигилистическая установка дискриминирующего характера к общественным функциям якутского языка — вопреки давно установившимся высоким социальным функциям якутского языка, например, в СМИ, значительная часть русских респондентов отрицательно оценила значимость якутского языка во всех социально-коммуникативных сферах. Социальный контекст языковой конкуренции («свое» и «чужое»), в котором происходит этнический контакт, в совокупности с изменением этнической структуры горожан в сторону увеличения населения саха, несмотря на доминирующие русскоязычные языковые практики в г. Якутске (Иванова, 2022: 117–119) предопределяют, на наш взгляд, у русского населения старшего возраста интенции к сохранению привычного для них баланса языков либо восстановлению утраченного языкового преимущества.

[1] Данные за 2001 г. приводятся по: Борисова У. С. Образ идеального президента Республики Саха (Якутия): социологическое исследование. Якутск, 2001. С. 9.

Проявления языковой интеграции/дезинтеграции, их мотивы

У русских приблизительно в 2 раза усилился интерес к изучению этнического языка, потребность изучать якутский язык, снизившись в 2016 г., к 2024 г. вновь повысилась. Стабильно высок спрос на знание иностранных языков, при этом в последнем опросе заметно повысился показатель иностранных восточных языков. Опрос показал конвергентные тенденции в интегрирующих факторах якутян (русских и саха) в сфере этноязыковых установок, так, к 2024 г. практически стали аналогичны в отношении изучения русского и якутского языков, имеются различия лишь в интенциях на изучение иностранных языков (см. *табл. 4*).

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос «Какой язык желаете изучить и использовать в повседневной жизни?», г. Якутск, в %
Table 4. Distribution of answers to the question "Which language do you want to learn and use in everyday life?", Yakutsk, in %

Языки	*2007 г.*		*2016 г.*	*2024 г.*	
	Русские	*Саха*	*Русские*	*Русские*	*Саха*
Русский язык	10,9	17,5	21,4	19,2	19,7
Якутский язык	27	23,8	20,1	30	29
Иностранный (европейский)	51,7	42,8	46,7	40,7	36
Иностранный (восточные)	10,5	15,9	11,8	17,1	9

У большинства русских респондентов, как показывает практика организации языковых курсов в городе (Иванова, 2022), желание изучить якутский язык не формируется в осознанную интенцию, что актуально и сегодня:

> «Конечно, появляется возможность понимать тех, кто живет в этом регионе, а с другой стороны, им не надо знать этот язык. Конечно, повышается уровень профессионализма, открываются новые возможности, только ты не обязан. Ты должен знать свой язык качественно и грамотно» (жен., рус., 1981 г. р., высш. образ., преподаватель).

Иерархия языковых предпочтений у молодежи (*табл. 5*) и всего русского сообщества (*табл. 4*), а также у городской русской молодежи по итогам опроса, проведенного в 2024 г., и сельской молодежи саха по данным исследования 2022 г., безусловно, отличается (*табл. 5*).

Таблица 5. Распределение ответов на вопрос «Какой язык желаете изучить и использовать в повседневной жизни?», г. Якутск, 2024 г., Таттинский улус, 2022 г., в %
Table 5. Distribution of answers to the question "Which language do you want to learn and use in everyday life?", Yakutsk, 2024, Tattinsky ulus, 2022, in %

Языки	*Русская молодежь в г. Якутске, 2024 г.*	*Молодежь саха в Таттинском улусе, 2022 г.*
Русский язык	50,9	14
Якутский язык	18,8	39,4
Иностранный (европейский) язык	65,9	30,9
Иностранный (восточный) язык	30,1	15,4

Наиболее чувствительным индикатором в контексте социокультурной ситуации в г. Якутске являются установки русского населения в вопросах приобщения детей к якутскому языку в детских образовательных учреждениях. Данные установки представляют уровень их интегрированности в общее двуязычное коммуникативное пространство и они стабильны: 2016 г. — 32,4% русских выбрали детсад с воспитанием на русском языке и изучением разговорного якутского языка; в 2024 г. —

33,5%; школу с русским языком обучения и изучением якутского языка как предмета — 14% и 18% соответственно. То есть количество родителей, лояльных к изучению якутского языка, растет. Однако языковые установки сегодняшней молодежи на интеграцию с глобальным миром (*табл. 5*), усиливающие интерес к изучению иностранных языков и снижение языковой компетенции у молодежи и детей саха, с точки зрения лингвистической прогностики в недалеком будущем может привести к дальнейшему снижению интереса русских родителей к обучению детей якутскому языку.

Также в опросах русского населения г. Якутска 2016 и 2024 гг. значимы ответы об усилении языковой политики в сфере институционализации этнокультурного образования, усиливающие позиции языка саха. При этом ими выбраны вполне осознаваемые векторы агентности: обязательное изучение языка саха в отношении носителей языка, для всех остальных — факультативное (необязательное).

В языковом сосуществовании русских и саха заметны конвергентные тенденции — установлено совпадение языковых предпочтений в отношении изучения русского и якутского языков, имеются различия лишь в интенциях на изучение иностранных языков. Ресурсный потенциал межэтнического согласия в активации интеграционных процессов формируется уважительным отношением к языковому наследию и пониманием текущих этноязыковых проблем саха. При этом русским сообществом четко осознаются и разграничиваются собственные языковые права.

Языковое благополучие/неблагополучие

В числе переменных, диагностирующих национально-языковые отношения, включены вопросы об оценке будущего родного (этнического) языка за период с 2007 по 2024 гг. в кросс-культурном контексте (*табл. 6*).

Таблица 6. Распределение ответов на вопрос «Как Вы оцениваете будущее языка своей национальности в республике?», г. Якутск, в %

Table 6. Distribution of answers to the question "How do you assess the future of the language of your nationality in the republic?", Yakutsk, in %

Вариант ответа	*Русские*		*Саха*	
	2007 г.	*2024 г.*	*2007 г.*	*2024 г.*
Уверенно	49,8	52	30,2	15
С тревогой	18,3	15	49,4	56,8
С отчаянием	1,5	6	6,2	14,5
Затрудняюсь ответить	30,4	24	14,2	13,7

Русское население характеризует уверенность в благополучии родного (этнического) языка, при этом основной фактор языкового неблагополучия респонденты старшего возраста видят в массовой сельско-городской миграции саха и ее социокультурных последствиях:

> «В какое-то время мне лично было совсем некомфортно; в последнее время стало нормально. Наверное, связано с тем, что прибывшие сюда люди адаптировались и перестали вести себя так» (жен., рус., 1979 г. р., высш. образ., научный сотрудник).

Убеждения, социальные нормы некоторых респондентов, приобретенные ими в 1980–1990-е гг. до массовой сельско-городской миграции в условиях доминирования русского населения, сегодня сталкиваются с изменением этнической структуры, трансформируются, происходят взаимные адаптационные процессы, тем не менее эмоциональный фон в зависимости от характера социального опыта может иметь негативный окрас.

Между тем, как показывает опрос и другие наши исследования, представители якутского этноса существенно встревожены состоянием якутского языка, сокращением его применения молодежью и детьми вследствие лингвистических и во многом экстралингвистических факторов (Иванова, Никитина, Филиппова, 2021; Иванова, Никитина, 2023).

Незначительность доли респондентов с выраженной стигматизацией (*табл. 6*), снижение данных тенденций, а также результаты этносоциологических исследований в регионе (Маклашова, 2018; Васильева, 2020; Щеголькова, 2024) позволяют сделать вывод о стабильности межэтнической ситуации, об отсутствии острых языковых конфликтов.

В целом следует заметить, что этноязыковая идентичность в регионе не теряет своей значимости как среди русского населения, так и среди саха; основные ее компоненты — родной язык, этноязыковая самоидентификация и языковая компетенция взаимно обусловлены.

Далее представим мнение русской молодежи о языковых практиках в г. Якутске и оценку состояния якутского языка, личные языковые установки на примере интервью двух молодых людей, занятых в сфере образования и сфере торговли:

> «…[языковая практика] зависит не от города, а от каких-то областей [применения языка], например, в государственных структурах функционируют два языка. Садишься в автобус, соответственно, присутствуют якутский и русский языки. Где-то превалирует русский язык. Я нигде не видел, чтобы все было на якутском языке. Студенты больше разговаривают на якутском языке. У школьников города все-таки больше слышим русскую речь. Мне кажется он [якутский язык] ассимилирует, то есть, условно очень многие слова звучат так же, как и на русском языке. Вот такой процесс происходит в последние 10 лет. Якутский язык должен развиваться, а не превращаться в русский язык или наподобие этому» (муж., рус., 1995 г. р., высш. образ., преподаватель).

Далее отрывки из интервью другого молодого респондента, занятого в сфере торговли:

> «… я работаю, вот старший продавец, в плане профессионального общения, так как я, ну, хоть немножко понимаю якутский язык <…> естественно, у меня профессиональное общение в основном идёт на русском языке. Да, но они [трудности из-за незнания якутского языка] настолько редкие. Сейчас молодёжь больше стала на русском языке говорить. Незнание якутского языка сильных проблем не доставляет, но при этом его знание достаточно удобно. Особенно здесь, в столице» (муж., рус., 1998 г. р., средн. образ., продавец).

В целом, единое коммуникативное пространство отличает языковое благополучие, что отмечают и респонденты, в частности, русская молодежь, с детства адаптировавшаяся к двуязычной языковой ситуации в городе (*табл. 7*).

Таблица 7. Распределение по возрасту русских респондентов, уверенных в языковом благополучии русского языка, г. Якутск, 2024 г., в %
Table 7. Age distribution of Russian respondents who are confident in the linguistic well-being of the Russian language, Yakutsk, 2024, in %

	17–25 лет	*26–35 лет*	*36–50 лет*	*50–60 лет*	*старше 60 лет*
Уверенно	36,5	9,8	35,5	14,2	4

Вместе с тем, по данным опроса большая часть русских опрашиваемых (58,4%) уверена в том, что хорошее образование, успешная карьера достижимы при владении одним русским языком, 25,3% считает необходимым для этого владение обоими компонентами регионального двуязычия и одним из международных языков. Доля респондентов, включающих русский и якутский языки в качестве «навигатора» успеха, весьма незначительна — 6%, это респонденты старше 26 лет, с высшим и средним специальным образованием, трудящиеся в самых различных отраслях экономики: в сферах услуг, жилищно-коммунального хозяйства, культуре, науке, образовании, промышленности, строительстве, транспорте, связи, энергетике. Между тем, опрос показал, что доли желающих изучить якутский язык среди русского населения (30%) и потенциально включающих его в профессиональную компетенцию в городе Якутске (31%) практически совпадают, в связи с чем представляется актуальной организация курсов якутского языка в столице.

В вопросах изучения государственного языка саха в обществе существуют эмоциональные и институциональные установки, детерминированные высокой или низкой мотивационной структурой. Исследование выявления мотивации показывает ее значимость у этнических саха с выраженной эмоциональной установкой. Представители (нерусского и неякутского) этнических сообществ, выбравшие платные языковые курсы, отличаются высокой мотивацией, руководствуются институциональными и лингвокультурологическими потребностями.

Большинство русских респондентов указали на массовое снижение речевой культуры, как наиболее серьезной проблемы, 17% — на использование ненормативной лексики. Действительно, в условиях активного двуязычия в различной степени у разных социальных слоев этнической общности саха результаты языковых контактов могут выражаться в интерферентных нарушениях, однако, доля

русских респондентов, совершенно не удовлетворенных грамотностью в республиканских русскоязычных СМИ, в том числе электронных, не превышает 4,2%, не более 32,3% — «иногда замечают ошибки». Представители саха не видят никаких проблем в функционировании государственного русского языка в городе (22%), обладающего, действительно, широким функциональным статусом, 20% — затруднились ответить. Между тем, лишь 18% саха отметили засилье англицизмов в русском языке, что, действительно, признается сегодня серьезной проблемой и даже признается исследователями и политиками как угроза русской национально-культурной идентичности (Бойко, 2014; Шапошникова, 2018; Бондаренко, 2020; и т. д.).

Далее рассмотрим особенности специфику якутских языковых практик русских респондентов, обратим внимание на их интенсивность и экстенсивность. Динамичные тенденции указывают на снижение числа всегда испытывающих трудности при коммуникации с 9,3% до 6,3%, у молодежи данное значение выше (11,3%), так как в силу возраста у них меньше межкультурного опыта, следовательно, базовый лексический уровень недостаточен и способность к аудированию якутской речи ниже.

Языковая лояльность, т. е. «(признание родным своего этнического языка (этноязыковая идентичнось), выбор языка в качестве языка обучения, передача языка подрастающим поколениям, стремление к расширению социальных функций родного языка, языковые установки (национально-языковые отношения, мотивация изучения языков невладеющими), выбор языка в качестве средства общения (языковая практика и ориентации), изучение и сохранение культурного наследия на своем языке, защита языка правовыми актами»[1] предполагает наличие у членов этнической общности выраженного поведенческого компонента. Однако, доминирующие функции государственного русского языка в г. Якутске (Иванова, 2022) принадлежность к государствообразующему народу РФ детерминируют языковое благополучие 52% представителей русской лингвокультурной общности (*табл. 1*) и, следовательно, поведенческий компонент языковых установок в целом выражается в воспитании детей в любви к родному языку и культуре (*табл. 8*).

Таблица 8. Выраженность поведенческого компонента у русских респондентов в динамике, г. Якутск, 2016, 2024 гг., в %

Table 8. The severity of the behavioral component in Russian respondents in dynamics, Yakutsk, 2016, 2024, in %

Какие действия Вы лично предпринимаете для поддержки языка и культуры своего народа?	*Русское население, 2016 г.*	*2024 г.*	
		Все русское население	*в т. ч. русская молодежь*
Участвую в работе обществ. организаций (национально-культурных центров, ассоциаций и т. д.)	3	8,14	15
Участвую в мероприятиях (конкурсы, смотры, концерты, выставки народного творчества)	9,5	9,5	18,8
Участвую в политических мероприятиях	3	5,88	9,4
Обращаюсь в органы государственной власти, местного самоуправления	0,7	2,11	5,7
Стараюсь привлекать внимание общественности к вопросам языка и культуры через СМИ	5,1	6,79	9,4
Воспитываю своих детей в любви к родному языку и культуре	21,6	20,36	11,3
Я не считаю, что культура моего народа нуждается в поддержке	13,9	8,14	16,9
Ничего не предпринимаю, хотя считаю, что поддержка моей культуры необходима	13,5	10,86	7,5
Затрудняюсь ответить	29,7	27,6	62,2

[1] Словарь социолингвистических терминов / отв. ред. В. Ю. Михальченко. М.: Институт языкознания РАН, 2006. С. 261–262.

Молодежь непосредственно участвует в массовых культурных мероприятиях (18,8%) и в работе общественных организаций (15%), при этом 62,2% затруднились ответить, 16,9% — не считают, что культура их народа нуждается в поддержке.

И последний контрольный вопрос касается мнения русского населения об изменениях в состоянии якутского языка, повышении его социальной роли, поскольку, на наш взгляд, более объективное мнение об этом можно получить у контактирующего народа. Ответы на вопрос «Какие на Ваш взгляд, изменения произошли в последние годы в плане развития якутского языка, повышения его социальной роли после принятия Закона РС(Я) “О языках” (1992 г.)»[1] показали, что только незначительная часть русского населения задумывается об этом (*табл. 9*).

Таблица 9. Распределение ответов русских респондентов на вопрос «Какие на Ваш взгляд, изменения произошли в последние годы в плане развития якутского языка, повышения его социальной роли после принятия Закона Республики Саха (Якутия) “О языках в Республике Саха (Якутия)” (1992 г.)?», в %
Table 9. Distribution of responses from Russian respondents to the question: “What changes, in your opinion, have occurred in recent years in terms of the development of the Yakut language and the enhancement of its social role since the adoption of the Law of the Republic of Sakha (Yakutia) “On Languages in the Republic of Sakha (Yakutia)”, in %

	2016 г.	*2024 г.*
Серьезные положительные сдвиги	13,3	13,2
Некоторые положительные сдвиги	14,8	16,7
Очень слабые изменения	2,3	5,59
Никаких изменений	4,3	3,4
Не знаю такого закона	16,4	18
Затрудняюсь ответить	48,8	41,9

Основная доля принявших в опросе респондентов, безусловно, не связывают языковые процессы с принятием доктринальных документов, тем не менее 28,1% (в совокупности ответов «Серьезные положительные сдвиги» и «Некоторые положительные сдвиги») в 2016 г. и 29,9% в 2024 г. отмечают в той или иной степени положительные сдвиги и 6,6% (в совокупности ответов «Очень слабые изменения» и «Никаких изменений») в 2016 г. и 8,9% в 2024 г. не отметили никаких изменений. В исследуемый период стабильно мнение 1/3 русских жителей, подтверждающих положительные сдвиги в развитии якутского языка.

Национально-языковые отношения

Национально-языковые отношения отражают как индивидуальные, так и коллективные установки, и поведение в языковой сфере, связанные с этнической идентичностью и межэтническими контактам.

В данном подразделе рассматриваем ядро АП на слова-стимулы «русский язык», «якутский язык» в коммуникативном сознании русских жителей с учетом возрастного параметра, а также в рамках кросс-культурного подхода сопоставляем ядерные характеристики АП русских и саха.

Содержание АП в реакциях русских в 2024 г. впервые в практике наших НАЭ, проводимых с 2007 г., выявило идентичные признаки с реакциями саха (*табл. 10*), что само по себе представляется позитивным признаком национально-языковых отношений, выражающим общность представлений.

[1] Закон Республики Саха (Якутия) от 16 октября 1992 года № 1170-XII «О языках в Республике Саха (Якутия)» (с изменениями на 28 апреля 2022 года) [Электронный ресурс] // URL: https://docs.cntd.ru/document/804911252 (дата обращения: 02.03.2025).

Таблица 10. Содержание АП концептов «русский язык» и «якутский язык» в коммуникативном сознании русских и саха, 2024 г.
Table 10. "Russian language" and "Yakut language" concepts in the communicative consciousness of Russians and Sakha people, 2024

	Ядро АП «Русский язык»	*Ядро АП «Якутский язык»*
Русские	Красивый — 159, могучий — 120, родной — 114, сложный, трудный — 84, великий — 78	Сложный, трудный — 129, интересный — 75, непонятный — 48, красивый — 45, родной — 24
Саха	Красивый — 120, великий — 117, богатый — 108, могучий — 84	Родной — 159, сложный, трудный — 117, красивый — 87

Так, в ядре АП концепта «русский язык» представителей русской и якутской этнических общностей актуализированы оценочные признаки — «красивый», стереотипизированные признаки глобальных функций русского языка «великий», «могучий». При этом этноидентифицирующий признак «родной» у русских респондентов смещен на 3 позицию, а признак «сложный» входит в ближнюю периферию АП; негативные оценки минимальны — 1 реакция «грубый». У саха негативные реакции занимают не более 2% всех полученных реакций, в том числе, связанной с инвективной лексикой («*матов много», «мат», «матерщинный», «матерный*») — 12 реакции.

Далее рассмотрим содержание АП двух основных языков республики в коммуникативном сознании русских студентов в динамике 2007–2024 гг. и определим репрезентативность АЭ в экспликации этноязыкового самочувствия (*табл. 11*). В целом, материал НАЭ позволяет выявить наибольшее количество актуальных для современного коммуникативного сознания признаков коммуникативных категорий «якутский язык» и «русский язык», репрезентирующих состояние национально-языковых отношений.

Выявляется снижение негативных реакций у русских студентов на стимул «якутский язык»: если в 2007 г. негативные реакции составляли 37 % от всех реакций АП (Иванова, 2012), то в НАЭ 2016 г. их практически нет, в 2024 г. не более 1,2 %, представленные единичными реакциями (*агрессивный, дурацкий, бесячий, грубый, резкий, жесткий*, 1 инвективная лексическая единица на якутском языке).

Таблица 11. Описание ядра АП стимулов «русский язык», «якутский язык» в коммуникативном сознании русских студентов в 2007–2024 гг.
Table 11. Description of the core associative field of stimuli "Russian language" and "Yakut language" in the communicative consciousness of Russian students in 2007–2024

«Русский язык»			*«Якутский язык»*		
2007 г.	*2016 г.*	*2024 г.*	*2007 г.*	*2016 г.*	*2024 г.*
Родной — 46, Сложный — 37, Могучий — 37, Великий — 34, Красивый — 33	Красивый — 50, Великий — 48, Родной — 40, Сложный — 38, Могучий –36	Красивый– 39, Могучий — 21, Великий — 18, Сильный — 15, Родной — 15	Непонятный — 44, Сложный — 26, Странный — 13, Некрасивый — 10	Сложный — 28, Непонятный — 15, Интересный — 14, Красивый –11	Сложный, трудный — 37, Интересный — 30, Красивый — 18

Анализ АП концепта «якутский язык» в коммуникативном сознании русских студентов показал, что в полной мере овладеть якутским языком не представляется возможным, так как признаки «сложный», «трудный» актуализированы в ядре АП, но в то же время концепт постепенно приобретает

позитивные признаки, на что указывает снижение негативных реакций. Замещение показателя этноязыковой идентичности «родной» другими более актуальными реакциями «красивый», «великий», «могучий», «сильный» наблюдается в ядре АП «русский язык» (*табл. 10*), что позволяет предположить отсутствие языковой экспансии, снижение тревожности за будущее родного русского языка в регионе, что коррелирует с показателем уверенности в будущем родного языка (*табл. 6*). Вместе с тем необходимо обратить внимание на то, что признак «родной» в ядре АП «русский язык» у русских респондентов занимает лишь третью позицию («русский» — 114), тогда как у саха данный признак составляет в целом ядро АП концепта «якутский язык» (159) (*табл. 10*).

Также и в коммуникативном сознании русских студентов с 2007 по 2024 гг. признак «родной» сместился с ядра АП концепта «русский язык» в ближнюю периферию (*табл. 11*), т. е. наблюдается тенденция дистанцирования от этнодифференцирующего признака «родной», при этом активизирована оценочная зона концепта — «красивый», а по отношению к якутскому языку — прагматический признак «сложный». Итоги последних экспериментов 2016 и 2024 гг. отличает включение эстетической оценки в ядро и ближнюю периферию концепта «якутский язык» в оценочной зоне «красивый», что отражает установление позитивных отношений к неэтническому языку.

Сравнение АП русских студентов и студентов саха на стимул «русский язык» и «якутский язык» обнаруживает сходные установки (*табл.12*), в том числе оценочная зона ядра концепта «русский язык» положительно воспринимается обеими группами испытуемых.

Таблица 12. Описание ядра АП стимулов «Русский язык», «Якутский язык» в коммуникативном сознании студентов саха в 2007–2024 гг.
Table 12. Description of the core of the associative field of stimuli "Russian language" and "Yakut language" in the communicative consciousness of Sakha students in 2007–2024

«Русский язык»			*«Якутский язык»*		
2007 г.	*2014 г.*	*2024 г.*	*2007 г.*	*2014 г.*	*2024 г.*
Великий — 31, Красивый — 29, Родной — 29, Богатый — 22	Красивый — 44, Богатый — 33, Великий — 33, Легкий — 22	Сложный (трудный) — 27 Богатый — 24 Красивый — 21	Родной — 93, Сложный — 40, Красивый — 20	Сложный — 73, Родной — 64, Красивый — 47	Родной — 42, Сложный, (трудный) — 42, Красивый — 30

Лингвоконцептологическое содержание ядра и ближней периферии АП концептов этнических/неэтнических, изучаемых языков достаточно полно репрезентирует национально-языковые отношения, и в целом итоги психолингвистического анализа материалов НАЭ коррелируют с результатами социолингвистических опросов и интервью в совокупности, эксплицируя качественные характеристики объекта исследования: преобладает положительная оценка концептов «русский язык», «якутский язык» обеими этническими группами, в ядре АП выделяется эстетический признак «красивый», свойственный коммуникативному сознанию обеих групп испытуемых (русских и саха).

Заключение

В Якутии этноязыковое самочувствие русского населения, характеризуемое по пяти ключевым показателям, этноязыковым (этноязыковой самоидентификации, языковой компетенции в родном (этническом) языке и языке региона); языковым практикам и языковым установкам в различных социальных институтах; языковой интеграции/дезинтеграции; языковому благополучию/неблагополучию этноязыковой общности в сопоставлении с контактируемой и национально-языковым отношениям между контактируемыми этническими общностями, в целом оценивается позитивно.

Значимым фактором и ценностью якутян (русских и саха), обусловливающей их выбор и поведение в социуме, выступает родной язык, который 62% русских и 67% саха выделяют как доминирующий этноопределяющий признак. И, безусловно, именно ценностное отношение к родному

языку как к национально-культурному явлению, определяет все позитивные и негативные проявления этноязыкового самочувствия, что мы установили в ходе интегрированного этносоциопсихолингвистического исследования. Одним из позитивных проявлений является понимание текущих проблем функционирования якутского языка русским населением, у среднего поколения имеется потребность в изучении и использовании якутского языка в профессиональной среде. В целом констатируется устойчивость основных этноидентифицирующих показателей русского населения в г. Якутске, при этом идет тенденция снижения вовлеченности русской молодежи в якутскую языковую компетенцию.

Потенциал межэтнического согласия в активации интеграционных процессов формируется уважительным отношением к языковому наследию и пониманием текущих этноязыковых проблем саха, что присуще и русской молодежи. При этом русским сообществом четко осознаются и разграничиваются языковые права языковой личности, принадлежащей к государствообразующему этносу, и проявляется нигилистическая установка к социальным функциям якутского языка, поддерживаемая компенсаторными процессами адаптации к новому балансу языков в условиях изменения этнической структуры населения города.

Картина языкового благополучия в Якутске характеризуется контрастными оценками: благоприятной перспективой русского языка и неблагоприятной для якутского языка, что указывает на необходимость пристального внимания к факторам, влияющим на его воспроизводство и трансляцию будущему поколению.

Исследование национально-языковых отношений через призму психолингвистического метода выявило сближение коммуникативного сознания, общность представлений о языках между контактируемыми этническими общностями. Итоги психолингвистического анализа материалов НАЭ коррелируют с результатами социолингвистических опросов и интервью в совокупности, эксплицируя качественные характеристики объекта исследования.

В целом, выбранные нами параметры, включающие в себя опросник из 18 вопросов и НАЭ, репрезентируют объект исследования, атрибутируя этноязыковое самочувствие носителей русского языка. Оценку этноязыкового самочувствия для каждой этнической общности в республике, на наш взгляд, можно определить по сформированным выше критериям, для чего необходимо инициировать научно-исследовательский проект. Также перспективные исследования связываем с формированием целостного понятия «этноязыковое самочувствие», для чего необходимо установить более глубинные ментальные качества объекта исследования и экстраполировать методологию для исследования этноязыкового самочувствия языков в регионах РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Биткеева, А. Н., Хохолова, И. С., Филиппова, В. В. (2023) Модель языковой комфортности в городском пространстве: новые аспекты и методы исследования // Новые исследования Тувы. № 3. С. 151–170. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.10.

Бойко, С. А. (2014) Англицизмы в современном русском языке: лингвоэкологический аспект // Экология языка и коммуникативная практика. № 2. С. 32–43.

Бондаренко, О. Р. (2020) Современная дилемма: овладение английским языком и сохранение русскоязычной идентичности? // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 3. С. 6–14. DOI: https://doi.org/10.17308/lic.2020.3/2925

Боргоякова, Т. Г., Донгак, Ч. Б. (2024) Развитие билингвизма в Республике Тыва: дихотомия прагматизма и идентичности // Языки и фольклор коренных народов Сибири. № 2. Вып. 50. С. 75–86. DOI: https://doi.org/10.25205/2312-6337-2024-2-75-86

Васильева, О. В. (2020) Этничность и общество в Республике Саха (Якутия): социологический анализ. Якутск : ИГИиПМНС СО РАН. 151 с.

Данилова, Р. А., Иванова, Н. И. (2024) Кросскультурный анализ языковых практик и языковых установок русской и саха молодежи (на материале г. Якутска и Таттинского улуса) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. № 4 (49). С. 174–187.

Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад-2020 (2021) / отв. ред. Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова. М. : ИТД «Перспектива». 214 с.

Дробижева, Л. М. (2015) Потенциал межнационального согласия: осмысление понятия и социальная практика в Москве // Социологические исследования. № 11. С. 80–90.

Иванова, Н. И. (2008) Речевое поведение в условиях межкультурной коммуникации: социолингвистическая реальность Якутии // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. № 88. С. 132–140.

Иванова, Н. И. (2012) Современное коммуникативное пространство русского языка в Республике Саха (Якутия): социопсихолингвистический аспект. Новосибирск : Наука. 130 с.

Иванова, Н. И. (2017) Национально-языковые отношения якутов и русских в г. Якутске (2008–2014 гг.) // Вестник СВФУ. № 1. С. 94–105.

Иванова, Н. И. (2019) Функциональный статус русского языка в Республике Саха (Якутия) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. № 4 (29). С. 101–106.

Иванова, Н. И. (2022a) Современные тенденции в языковой компетенции саха: лингвистический и экстралингвистический контекст // Этносоциальные процессы в Якутии: современный ракурс и перспективы развития / В. Б. Игнатьева, Е. Г. Маклашова, А. Г. Томаска и др. 2-е изд., доп. Новосибирск : Наука. 296 с. С. 221–238.

Иванова, Н. И. (2022b) Языковая ситуация в Республике Саха (Якутия): якутский язык в XXI в. (этносоциопсихолингвистический аспект). Новосибирск : Наука. 284 с.

Иванова, Н. И. (2024) Функционирование русского языка в г. Якутске: этносоциопсихолингвистическое измерение // Cuadernos de Rusística Espanola, № 20. С. 315–326.

Иванова, Н. И., Никитина, В. Н. (2023) Уровень владения лексикой родного языка у детей саха при смешанном типе раннего двуязычия (на материале Нюрбинского улуса) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. № 3(44). С. 79–91. DOI: https://doi.org/10.25693/SVGV.2023. 44.3.007

Иванова, Н. И., Никитина, В. Н., Филиппова, А. Г. (2021) Социолингвистическая обусловленность функционирования якутского языка в сфере школьного образования: истоки начинающегося кризиса // Научный диалог. № 10. С. 65–84.

Карамова, А. А. (2024) Концепт «русские» в языковой картине политического мира: семантический аспект // Политическая лингвистика. № 2 (104). С. 12–19.

Маклашова, Е. Г. (2018) Государственная национальная политика России: практика реализации в Дальневосточном федеральном округе. Якутск : ИГИиПМНС СО РАН. 226 с.

Михайлова, Л. И. (2010) Социальное самочувствие и восприятие будущего россиянами // Социологические исследования. № 3. С. 45–50.

Социальное самочувствие населения в условиях реформ: региональный аспект (2011) / под ред. М. К. Горшкова. М. ; СПб. : Нестор-История. 176 с.

Тощенко, Ж. Т. (1998) Социальное настроение — феномен современной социологической теории и практики // Социологические исследования. № 1. С. 21–35.

Республика Саха (Якутия) и большие вызовы: социальное самочувствие, стратегии адаптации населения (2024) / отв. ред. В. Б. Игнатьева. Новосибирск : Наука. 192 с.

Туракаев, М. С. (2022) Этноязыковая ситуация как фактор социального самочувствия региона в национальных республиках России (на примере Тувы, Башкортостана и Калмыкии) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 70–84. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.5

Шапошникова, И. В. (2018) К вопросу о языковой политике в научно-образовательной сфере // Вопросы психолингвистики. № 1. С. 173–191.

Шахбанова, М. М., Лысенко, Ю. М., Мамараев, Р. М. (2015) Дагестанские русские о состоянии межнациональной ситуации в Республике Дагестан // Вестник Института ИАЭ. № 2. С. 149–157.

Щеголькова, Е. Ю. (2024) Динамика межнациональных отношений в оценках жителей полиэтничного города (на примере Якутска) // Историческая этнология. Т. 9. № 3. С. 373–396. DOI: https://doi.org/10.22378/he.2024-9-3.373-396

Дата поступления: 22.06.2025 г.
Дата принятия: 22.08.2025 г.

REFERENCES

Bitkeeva, A. N., Khokholova, I. S. and Filippova, V. V. (2023) Model of linguistic comfort in urban space: new aspects and research methods. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 151–170. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.10

Boiko, S. A. (2014) Anglicisms in Modern Russian: a linguistic ecological aspect. *Ekologiia yazyka i kommunikativnaia praktika*, no. 2, pp. 32–43. (In Russ.)

Bondarenko, O. R. (2020) The modern dilemma: mastering English and preserving Russian-language identity? *Vestnik VGU. Seria: Lingvistika i mezhkulturnaia kommunikatsiia*, no. 3, pp. 6–14. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.17308/lic.2020.3/2925

Borgoyakova, T. G. and Dongak, Ch. B. (2024) The development of bilingualism in the Republic of Tyva: dichotomy of pragmatism and identity. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri*, no. 2, issue 50, pp. 75–86. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25205/2312-6337-2024-2-75-86

Vasil'eva, O. V. (2020) *Ethnicity and Society in the Republic of Sakha (Yakutia): sociological analysis*. Yakutsk, IGI i PMNS SO RAN. 151 p. (In Russ.)

Danilova, R. A. and Ivanova, N. I. (2024) Cross-cultural analysis of language practices and attitudes of Russian and Sakha youth (based on materials from Yakutsk and Tattinsky district). *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik*, no. 4(49), pp. 174–187. (In Russ.)

Demographic Well-being of the Regions of Russia. National Demographic Report-2020 (2021) Ed. by T. K. Rostovskaya and A. A. Shabunova. Moscow, ITD Perspektiva. 214 p. (In Russ.)

Drobizheva, L. M. (2015) Potential for interethnic accord: conceptualization and social practice in Moscow. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 11, pp. 80–90. (In Russ.)

Ivanova, N. I. (2008) Speech behavior in intercultural communication situations: sociolinguistic reality of Yakutia. *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*, no. 88, pp. 132–140. (In Russ.)

Ivanova, N. I. (2012) *Contemporary communicative space of Russian in the Republic of Sakha (Yakutia): sociopsycholinguistic aspect*. Novosibirsk, Nauka. 130 p. (In Russ.)

Ivanova, N. I. (2017) National-linguistic relations of Sakha and Russians in Yakutsk (2008–2014). *Vestnik SVFU*, no. 1, pp. 94–105. (In Russ.)

Ivanova, N. I. (2019) Functional status of Russian in the Republic of Sakha (Yakutia). *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik*, no. 4 (29), pp. 101–106. (In Russ.)

Ivanova, N. I. (2022a) Modern trends in language competence of the Sakha: linguistic and extralinguistic context. In: *Ethnosocial Processes in Yakutia: Current Perspective and Prospects*, 2nd ed. expanded. Eds. by V. B. Ignatieva et al. Novosibirsk, Nauka. 296 p. Pp. 221–238. (In Russ.)

Ivanova, N. I. (2022b) *Language Situation in the Republic of Sakha (Yakutia): Yakut Language in the 21st Century (ethnosociopsycholinguistic aspect)*. Novosibirsk, Nauka. 284 p. (In Russ.)

Ivanova, N. I. (2024) Functioning of Russian in Yakutsk: ethnosociopsycholinguistic dimension. *Cuadernos de Rusística Española*, no. 20, pp. 315–326. (In Russ.)

Ivanova, N. I. and Nikitina, V. N. (2023) Lexical proficiency of native language among Sakha children under mixed early bilingualism (based on Nyurbinsky district data). *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik*, no. 3 (44), pp. 79–91. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25693/SVGV.2023.44.3.007

Ivanova, N. I., Nikitina, V. N. and Filippova, A. G. (2021) Sociolinguistic determinants for functioning of Yakut in school education: origins of an emerging crisis. *Nauchnyi dialog*, no. 10, pp. 65–84. (In Russ.)

Karamova, A. A. (2024) Concept 'Russians' in the linguistic worldview of politics: semantic aspect. *Politicheskaia lingvistika*, no. 2 (104), pp. 12–19. (In Russ.)

Maklashova, E. G. (2018) *State National Policy of Russia: Implementation Practice in the Far Eastern Federal District*. Yakutsk, IGI i PMNS SO RAN. 226 p. (In Russ.)

Mikhailova, L. I. (2010) Social well-being and perceptions of the future among Russians. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 3, pp. 45–50. (In Russ.)

Social Well-being of the Population under Reforms: Regional Aspect (2011) Ed. by M. K. Gorshkov. Moscow, St Petersburg, Nestor-Istoria. 176 p. (In Russ.)

Toshchenko, Zh. T. (1998) Social mood—a phenomenon of contemporary sociological theory and practice. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 1, pp. 21–35. (In Russ.)

Republic of Sakha (Yakutia) and Major Challenges: Social Well-being, Adaptation Strategies (2024) Ed. by V. B. Ignatieva. Novosibirsk, Nauka. 192 p. (In Russ.)

Turakaev, M. S. (2022) Ethnolinguistic situation as a factor of regional social well-being in national republics of Russia (case study: Tuva, Bashkortostan, Kalmykia). *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 70–84. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.5

Shaposhnikova, I. V. (2018) On language policy in the research and education sphere. *Voprosy psikholingvistiki*, no. 1, pp. 173–191. (In Russ.)

Shakhbanova, M. M., Lysenko, Yu. M. and Mamaraev, R. M. (2015) Dagestani Russians on the state of interethnic relations in the Republic of Dagestan. *Vestnik Instituta IAE*, no. 2, pp. 149–157. (In Russ.)

Shchegol'kova, E. Yu. (2024) Dynamics of interethnic relations in residents' assessments of a polyethnic city (the case of Yakutsk). *Istoricheskaia etnologiia*, vol. 9, no. 3, pp. 373–396. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.22378/he.2024-9-3.373-396

Submission date: 22.06.2025.
Acceptance date: 22.08.2025.

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ
THE NEW RESEARCH OF TUVA
www.nit.tuva.asia №4 2025 Novye issledovaniia Tuvy

DOI: 10.25178/nit.2025.4.25

БУДДИЙСКИЙ МИР

Статья

Цам Калачакры и цам Докшитов в Бурятии: современные адаптации и интерпретации

Жаргал А. Аякова

Бурятская государственная сельскохозяйственная академия имени В. Р. Филиппова, Российская Федерация

В статье анализируются два вида тибетской традиции цам: цам Калачакры и цам Докшитов, восстановленных и практикуемых в Бурятии после длительного перерыва в советское время. Рассмотрены особенности их современных адаптаций и способы мировоззренческих интерпретаций. Основными материалами анализа выступили церемонии, которые автор наблюдал и исследовал: цам Калачакры в Дуйнхор дацане в г. Улан-Удэ в апреле 2024 г., и цам Докшитов — в Сартуул-Булагском дацане Джидинского района в сентябре 2024 г. Также автор опирался на буддийские трактаты, буддологические исследования и др.

Основой рассмотрения мистерий стал факт, что возрождение традиции цам в Бурятии в постсоветский период осуществлялось под руководством тибетских учителей в соответствии с канонами. В целях обучения и подготовки монахов был учреждён тантрический факультет при Буддийском университете «Даши Чойнхорлин», а для практики учений и проведения цам был возведен Дуйнхор (Калачакра) дацан.

Исследование показывает, что цам Калачакры и цам Докшитов, сохраняя свои мировоззренческие основы, адаптируются к современным реалиям, способствуют пониманию буддийского учения, его передаче и посвящениям, укрепляют основы буддийского вероучения. Традиция цам как важный элемент буддийской практики, несомненно, вносит важный вклад в формирование буддийского мировоззрения, раскрывая ключевые идеи о пустоте и сострадании, карме и перерождении.

Ключевые слова: *буддизм; махаяна; ваджраяна; гелуг; цам Калачакры; цам Докшитов; Дуйнхор дацан; Бурятия*

Для цитирования:
Аякова Ж. А. Цам Калачакры и цам Докшитов в Бурятии: современные адаптации и интерпретации // Новые исследования Тувы. 2025. № 4. С. 469-486. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.25

Аякова Жаргал Аюшиевна — доктор философских наук, доцент; доцент кафедры социально-гуманитарных наук, рекламы и туризма Бурятской государственной сельскохозяйственной академии имени В. Р. Филиппова. Адрес: 670024, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Пушкина, д. 8. Эл. адрес: azhargal@yandex.ru

AIAKOVA, Zhargal Ayushievna, Doctor of Philosophy, Associate Professor; Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Sciences, Advertising and Tourism of the Buryat State Agricultural Academy named after V. R. Filippov. Postal address: 8 Pushkin Str., Ulan-Ude, 670024, Russia. E-mail: azhargal@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-7332-5952

BUDDHIST WORLD

Article

Kalachakra tsam and Dokshitov tsam in Buryatia: Contemporary Adaptations and Interpretations

Zhargal A. Aiakova
Buryat State Agricultural Academy named after V.R. Filippov, Russian Federation

The article analyzes two types of the Tibetan tsam tradition: the Kalachakra tsam and the Dokshitov tsam, which were revived and are practiced in Buryatia after a long interruption during the Soviet era. The study considers the features of their modern adaptations and methods of worldview interpretation. The main materials for analysis were ceremonies observed and studied by the author: the Kalachakra tsam at the Duinhor datsan in Ulan-Ude in April 2024, and the Dokshitov tsam at the Sartuul-Bulak datsan in the Dzhida district in September 2024. The author also drew on Buddhist treatises, Buddhist scholarship, and other sources.

The foundation for examining these mysteries lies in the fact that the revival of the tsam tradition in post-Soviet Buryatia was carried out under the guidance of Tibetan teachers and in accordance with canonical standards. To train and prepare monks, a tantric faculty was established at the Buddhist University "Dashi Choinkhorlin", and the Duinhor (Kalachakra) datsan was erected specifically for both study and the practice of teachings and performance of the tsam ritual.

The research demonstrates that the Kalachakra tsam and Dokshitov tsam, while maintaining their worldview foundations, are being adapted to contemporary conditions, facilitating understanding of Buddhist doctrine, its transmission, and initiations, as well as strengthening the foundations of Buddhist religious teaching. The tsam tradition, as an important element of Buddhist practice, undoubtedly makes a significant contribution to the formation of Buddhist worldview, revealing key ideas about emptiness and compassion, karma, and rebirth.

Keywords: *Buddhism; Mahayana; Vajrayana; Gelug; Kalachakra tsam; Dokshitov tsam; Duinhor datsan; Buryatia*

For citation:
Aiakova Zh. A. Kalachakra tsam and Dokshitov tsam in Buryatia: Contemporary Adaptations and Interpretations. *New Research of Tuva*, 2025, no. 4, pp. 469-486. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.25

Введение

Тибетская традиция буддизма *гелуг* неразрывно связана с культовой практикой, обрядностью, ритуалами, которые позволяют в наглядной и красочной форме ретранслировать буддийское учение во всей его полноте и многогранности. Ярким примером тому служит сложное и многоаспектное ритуальное представление *цам* (монг.) (тиб. *чам* 'танец'), совершавшееся ежегодно в буддийских монастырях Тибета, Непала, Монголии, Бурятии, Тувы, других регионах распространения школы. Цам становится одним из основных религиозных служений всех буддийских школ *гелуг*, символизирующим победу буддийского учения над древними тибетскими верованиями. Крупные монастыри имели свой набор масок, костюмов, музыкальных инструментов. *Цам* обычно исполнялся во дворе монастыря с разным количеством исполнителей от 4–5 до 108 человек в зависимости от вида *цам*. Известны несколько видов *цам*: разговорный, пантомима, *цам*, посвящённый разным персонажам и событиям буддийского вероучения[1]. *Цам* может быть созерцательным, гневным, мирским.

[1] Буддизм. Словарь / под общ. ред. Н. Л. Жуковской. М., 1992. С. 264–265.

В монастырях Тибета *цам* чаще всего устраивался в связи с наступлением нового года по буддийскому календарю, в Монголии, Бурятии, Туве *цам* был приурочен к летним буддийским праздникам. Исполнять его могли посвященные монахи, незначительные роли доверялись послушникам монастыря. В течение нескольких недель в монастырях проводились специальные молебны, монахи — исполнители погружались в медитацию, идентифицируя себя с идамом буддийского пантеона. Проведение *цам* преследовало основные цели: средство просветления, способ устрашения и подавления врагов буддийского учения, подготовка верующих к тому, что ожидает человека в момент смерти в период его пребывания в состоянии *бардо*[1].

Тибетские учителя утверждают, что традиция *цам* берет свое начало от самого Будды Шакьямуни и была создана с целью помочь верующим визуализировать пантеон идамов и бодхисаттв в их разнообразных проявлениях и действиях[2].

Традиция появления цам в Тибете связана с именем индийского йогина Падмасамбхавы, исполнившего первый *цам Ваджракилы* с целью беспрепятственного сооружения первого буддийского монастыря Самье в VIII в. (Pearlman, 2002: 17–18). Свое наибольшее развитие *цам* получает в недрах школы *ньингма*, следовавшей Падмасамбхаве, которая решила проводить цам на публике.

V Далай-лама Нгаванг Лобсанг Гьяцо (1617–1682) после основания им тантрийского монастыря при храмовом комплексе Потала в Лхасе выбирает *цам* школы *ньингма* и пишет текст *Ваджракилы*, который стал, по существу, структурной основой всех последующих *цам*[3]. Так, *цам* исполнялся в тибетском монастыре — резиденции панчен-лам Дашилхумпо на основе текста, написанного V Далай-ламой (Цендина, 2018: 63). В Монголии *цам* стали проводить с XVIII в. в монастыре Эрдэни-Дзу. Он стал прочно установившейся традицией и имел разновидности, например, разговорный *цам* Миларепы, но наибольшее распространение получил *цам* Докшитов (монг. *догшин* ‘свирепый, грозный’). Другое его название *Эрлик Цам* по имени владыки смерти.

Отмечается, что в Туве *цам* распространился в конце XVIII–XIX вв. с возникновением крупных буддийских монастырей (тув. *хурээ*), в которых имелся свой набор масок, костюмов и музыкальных инструментов[4]. К началу XX в. в Туве функционировали 22 хурээ с численностью около 4000 чел. буддийского духовенства, что составляло 10% всего коренного населения Тувы[5]. *Цам* обычно исполнялся в середине лета в день празднования Будды Майтрея (тув. *Майдыр*) и в новогодние праздники по буддийскому календарю (Сундуй, 2014: 66, Лобсанг, Карелина, Адыгбай, 2021: 105–106; и др.[6]). *Цам* был неотъемлемой частью религиозной жизни тувинцев, причем, как отмечает М. В. Монгуш: «этот религиозный праздник в прошлом был настолько значительным по своей яркости и зрелищности, что другие на его фоне терялись и выглядели вполне обычными» (Монгуш, 2001: 116).

В XIX в. *цам* Докшитов появляется у бурят, называемый ими также *Чойжал цам* (тиб. *Чойжал* ‘защитник, хранитель учения’, в буддийском учении *Чойжал* — гневная эманация будды мудрости Манджушри), *Эрлик Номун Хан* (монг., бур. *Номун Хан* ‘царь законов’). Главными действующими лицами выступали грозные Докшиты — хранители и защитники учения и веры в их гневных воплощениях (бур. *сахуюсаны*). Первый цам в Бурятии был проведен в Иройском дацане в 1848 г., последний — в 1931 г. в Тамчинском (Гусиноозёрском) дацане[7], когда религиозная деятельность в советский период оказалась под запретом.

[1] Там же.
[2] Мистерия Цам в Храме Калачакры Видеозапись (фрагменты мистерии Цам, интервью с настоятелем дацана Калачакры Будой Цыденовым и комментарии Агвана Жамцо) / фильм Р. Сухоставского. Улан-Удэ. [Электронный ресурс] // Сохраним Тибет (Наланда). YouTube.com. URL: https://www.youtube.com/watch?v=u5ECio-PAVE (дата обращения: 25.06.2024).
[3] Лепехов С. Ю. Цам [Электронный ресурс] // Библиотека сибирского краеведения. URL: https://bsk.nios.ru/enciklodediya/cam (дата обращения: 29.04.2025).
[4] Допай А. Х. М. Атрибуты буддийской мистерии «цам» в фондах Национального музея Республики Тыва // Ермолаевские чтения: материалы VII научно-практической конференции, посвященной 90-летию М. А. Дэвлет и М. Х. Маннай-оола, 95-летию А. Д. Грача в рамках Года педагога и наставника, Кызыл, 15–16 июня 2023 года. Кызыл: ПрофЛидер, 2024. С. 256.
[5] Ондар И. О., Карелина Е. К. Буддизм в культуре и искусстве Тувы (на примере мистерии Цам) // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 7–4 (38). С. 76.
[6] Ондар И. О. Генезис и трансформация тувинского танца в культуре Тувы: дисс. ... канд. культурологии. Красноярск, 2016. С. 14.
[7] Лепехов С. Ю. Цам [Электронный ресурс] // Библиотека сибирского краеведения. URL: https://bsk.nios.ru/enciklodediya/cam (дата обращения: 29.04.2025).

В настоящее время, когда возрождаются буддийские традиции в российском социокультурном пространстве после продолжительного антирелигиозного советского периода, *цам* вновь начинает играть заметную роль в религиозной жизни бурят, в их культурной и социальной регуляции повседневной жизни. Несмотря на то, что в тибетском буддизме существуют несколько видов *цам*, в Бурятии установились два из них: *цам* Калачакры и *цам* Докшитов.

Существует корпус научных работ по исследованию *цам*, как в Бурятии, так и в других буддийских регионах России, главным образом, представляющий общие характеристики традиции *цам*, где основной акцент делался на его театральность и зрелищность (Владимирцов, 1923; Жигмитова, 2017; и др.[1]). Вместе с тем становится очевидной необходимость их дополнения более глубоким исследованием мировоззренческих аспектов, выявлением связей с каноническими текстами, системным анализом отдельных видов *цам*, а именно *цам* Калачакры и *цам* Докшитов, установившихся в буддийских регионах России в досоветский период.

В советский антирелигиозный период *цам* как религиозная служба постепенно исчезает из ритуальной практики буддийских монастырей и вскоре стал упоминаться как «ныне исчезнувшая танцевальная мистерия» (Жуковская, 2013: 449). Элементы *цам* воспроизводились в светской форме в качестве театрализованных постановок и концертных номеров, но об их исходной цели — постижение буддийского учения и достижение просветления[2] — не могло быть и речи. *Цам* стал восприниматься как «театральное представление», «танец гневных божеств», «пантомимой и пляской масок», смысл которых сводился к победе добра над злом. Таким образом, в советский период *цам* как культовый феномен тибетского буддизма прекратил свое существование в буддийских регионах России, а его «театральный реквизит» (маски, костюмы, музыкальные инструменты, ритуальные атрибуты) стал достоянием музеев.

Возрождение традиции *цам* в Бурятии после длительного перерыва в советское время началось под руководством тибетских наставников и стало важным и знаковым событием. В Бурятии для проведения *цам* Калачакры в 1997 г. был возведен специальный монастырь — Дуйнхор дацан, посвященный идаму Калачакра. Один из выдающихся тибетских мастеров Калачакра тантры Агван Жамцо был приглашен для обучения и передаче учения цам бурятским ламам[3].

В 2010 г. состоялся первый *цам* Калачакры (тиб. *Дуйнхор* ‘колесо времени’)[4], а в 2011 г. — первый *цам* Докшитов[5]. Целью *цам* Калачакры (ламы в коронах, например, с изображениями пяти дхьяни-будд) является построение мандалы и призывание идамов в процессе медитативного танца — подношения. *Цам* Докшитов (ламы в масках гневных идамов, животных и т. д.) демонстрирует беспощадную борьбу с невежеством и врагами веры. Эти уникальные тантрические служения в форме танца изначально предназначались для посвященных лам и считались тайными действиями, но со временем они были адаптированы и стали открытыми для публики. Поэтому во время *цам* присутствующим объясняются общий смысл и значение на русском и бурятском языках.

Цель данного исследования заключается в систематизации традиции *цам* в постсоветской Бурятии, существующей в двух видах — *цам* Калачакры и *цам* Докшитов, рассмотрении мировоззренческих аспектов, их современных адаптаций и особенности интерпретаций.

Для этого решаются следующие задачи: исследовать *цам* Калачакры и *цам* Докшитов как способов выражения мировоззренческих аспектов буддийского учения, рассмотреть современную обряд-

[1] Ондар И. О., Карелина Е. К. Буддизм в культуре и искусстве Тувы (на примере мистерии Цам) // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 7–4 (38). С. 76–80; Абзаев В. М. Мистериальный театр цам: дисс. … канд. искусствоведения. М., 1990.

[2] Просветление (тиб. *джангчуб*) подразумевает два аспекта: избавление от *клеш* (тиб. *нёнмон*) и обретение мудрости (тиб. *шейраб*).

[3] Мистерия Цам в Храме Калачакры Видеозапись (фрагменты мистерии Цам, интервью с настоятелем дацана Калачакры Будой Цыденовым и комментарии Агвана Жамцо) / фильм Р. Сухоставского. Улан-Удэ [Электронный ресурс] // Сохраним Тибет (Наланда). YouTube.com. URL: https://www.youtube.com/watch?v=u5ECio-PAVE (дата обращения: 25.06.2024).

[4] Липчинская О. Впервые за 80 лет в Бурятии буддисты провели мистерию [Электронный ресурс] Цам // Комсомольская правда. 2010, 17 апреля. URL: https://www.irk.kp.ru/online/news/652221/ (дата обращения: 10.02.2025).

[5] Иванов Д. В. Лекция «Мистерия Цам в Монголии и Забайкалье» [Электронный ресурс] // Музей-институт семьи Рерихов. RuTube.ru. 2020. URL: https://rutube.ru/video/9f428f000ba44fae02b42c5715aa02f5/ (дата обращения: 10.02.2025).

ность двух цамов и особенности их исполнения и интерпретации, показать, что традиции *цам* Калачакры и *цам* Докшитов в Бурятии, несмотря на свои особенности и разные формы представления, имеют общую цель — трансформацию сознания и достижение просветления.

Рассмотрение особенностей *цам* Калачакры и *цам* Докшитов в Бурятии в условиях их современных адаптаций и интерпретаций определяют новизну исследования.

Среди работ, посвящённых исследованию традиции цам, прежде всего, стоит отметить труды отечественных востоковедов и буддологов А. М. Позднеева (Позднеев, 1993), Б. Б. Барадийна (Барадийн, 1909), Б. Я. Владимирцова (Владимирцов, 1923), В. П. Дьяконовой (Дьяконова, 1976), М. В. Монгуш (Монгуш, 2001, 2014), А. К. Кужугет (Кужугет, 1995). В их исследованиях *цам* освещался в основном в контексте общей характеристики буддийской обрядности и театрального действа. *Цам* упоминается в трудах Г. Ц. Цыбикова, посвященных религиозной жизни Центрального Тибета, Монголии и Бурятии (Цыбиков, 1981). Значительный вклад в исследование иконографии и ритуальных атрибутов *цам*, сохранившихся в российских музейных фондах, внесли Т. А. Пострелова (Пострелова, 1977), А. М. Решетов (Решетов, 1987), Е. А. Баторова, Э. Н. Райцанова (Баторова, Райцанова, 2023), А. И. Шинковой (Шинковой, 2019). Искусствоведческие аспекты *цам* описаны в работах Д. С. Жамсуевой, О. Лувсан (Жамсуева, Лувсан, 2019), А. А. Жигмитовой[1], И. О. Ондар, Е. К. Карелиной[2], В. М. Абзаева[3]. Реже цам освещался в контексте мировоззренческих аспектов (Найдакова, 1997; Молодцова, 2013; и др.[4]). Последнее объясняется тем, что *цам* часто рассматривался проявлением искаженного буддизма, смесью буддизма и шаманизма[5]. Более того, считалось, что «действия цама не имеют никакого отношения к основам учения Будды и к философии буддизма» (Владимирцов, 1923: 99). Вместе с тем, без изучения мировоззренческих основ, составляющих ядро *цам*, это ритуальное действо выглядит как театр, как зрелище. В качестве источников, относящихся к учению тибетского буддизма, выделяются прежде всего труды основоположника гелуг Чже Цонкапы (1357–1419) «Ламрим Ченмо»[6].

Материалами выступили два вида *цам* Бурятии, которые автор наблюдал и исследовал: *цам* Калачакры, проведенный в Дуйнхор дацане в г. Улан-Удэ в апреле 2024 г.,[7] и *цам* Докшитов — в Сартуул — Булагском дацане Джидинского района в сентябре 2024 г.,[8] а также видеозапись интервью с *ширээтэ* (настоятелем) ламой Дуйнхор дацана Будой Цыденовым, записанная Р. Сухоставским в 2013 г. о мистерии *цам* в Бурятии[9].

[1] Жигмитова А. А. Мистерия Цам в современной Бурятии: этнотеатроведческие аспекты: дисс. … канд. искусствоведения. СПб., 2020.
[2] Ондар И. О., Карелина Е. К. Буддизм в культуре и искусстве Тувы (на примере мистерии Цам) // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 7–4 (38). С. 76–80.
[3] Абзаев В. М. Мистериальный театр цам: дисс. …канд. искусствоведения. М., 1990.
[4] Бальжанов Ц. Д. Мистерия Цам как буддийский философский текст и ритуальное действо: дисс. … канд. филос. н. М., 2002.
[5] Менхен-Хелфен О. Путешествие в Азиатскую Туву // Кужугет А. Традиционная культура тувинцев глазами иностранцев (конец XIX — начало XX века). Кызыл, 2003. С. 203.
[6] Цонкапа Чже. Большое руководство к этапам Пути Пробуждения. Подготовительная часть и этап духовного развития низшей личности / пер. А. Кугявичус, под ред. А. Тереньева. Санкт-Петербург: Нартанг, 1994; Цонкапа Чже. Большое руководство к этапам Пути Пробуждения. III глава. Этап духовного развития низшей личности / пер. А. Кугявичус, под ред. А. Терентьева. СПб.: Нартанг, 1997; Цонкапа Чже. Большое руководство к этапам Пути Пробуждения. II глава. Этап духовного развития средней личности / пер. А. Кугявичус, под ред. А. Тереньева. СПб.: Нартанг, 2000.
[7] В Улан-Удэ начался Дуйнхор-хурал или «Праздник Калачакры» [Электронный ресурс] // MK.RU. URL: https://ulan.mk.ru/social/2024/04/11/v-ulanude-nachalsya-duynkhorkhural-ili-prazdnik-kalachakry.html (дата обращения: 06.02.2025)
[8] В одном из дацанов Бурятии впервые за 90 лет пройдет Мистерия Цам [Электронный ресурс] // MK.RU. 2024, 11 апреля. URL: https://ulan.mk.ru/social/2024/09/14/v-odnom-iz-dacanov-buryatii-vpervye-za-90-let-proydet-misteriya-cam.html (дата обращения: 06.02.2025).
[9] Сухоставский Р. Мистерия Цам в Храме Калачакры. (2013) Видеозапись (фрагменты мистерии Цам, интервью с настоятелем дацана Калачакры Будой Цыденовым и комментарии Агвана Жамцо) [Электронный ресурс] // фильм Р. Сухоставского. Улан-Удэ. Сохраним Тибет (Наланда). Youtube.com. URL: https://www.youtube.com/watch?v=u5ECio-PAVE (дата обращения: 25.06.2024).

Цам Калачакры: мандала и мудры просветления

Калачакра тантра (тиб. *Дуйнхор*) считается вершиной ваджраяны и занимает наиболее заметное место в *гелуг*. Калачакра означает круг (круговорот) времени, а система Калачакры представляет три таких круговорота: внешний, внутренний и изменяющий. Объясняется, что структуры внешнего и внутреннего круговоротов схожи, подобно параллели между макрокосмом и микрокосмом, обсуждаемой в западной философии. Это означает, что сходные законы Вселенной пронизывают и атомы, и тело, и наш опыт жизни[1]. Таким образом в буддизме считается, что все внешние явления и процессы (макрокосм) взаимосвязаны с телом и внутренним миром человека (микрокосм) (Молодцова, 2013: 155). Одно из центральных мест в учении Калачакра тантры занимает мандала, представляющая собой схему дворца Калачакры и диаграмму буддийского космоса в целом. Её созерцание и медитативные техники являются одним из основных способов сакрального взаимодействия, поэтому *цам* Калачакры представляет собой тщательно разработанный ритуал созерцания и медитации.

Целью *цам* Калачакры выступают призвание во дворец собрания будд и бодхисаттв в их разнообразных проявлениях для гармонизации взаимодействия внешнего и внутреннего, устранения препятствий для духовных реализаций (там же: 132).

Учения Калачакры называются тайными из-за многочисленных источников, многослойной структуры и содержания, доступных высоким учителям — перерожденцам, а посвящение в них предназначено для малого числа учеников. Но существует историческая традиция передачи посвящения Калачакры большим собраниям народа и в разных уголках мира. Так, в 2019 г. по просьбе Буддийской традиционной сангхи России в Бурятии были дарованы публичные учения и посвящения Калачакры тибетским мастером тантры Чадо Тулку Ринпоче буддистам, которые съехались не только со всей республики, но и со всей страны и зарубежья[2].

В Бурятии *цам* Калачакры входит в программу многодневной религиозной службы Дуйнхор хурала и традиционно даруется с опорой на песочную мандалу, посвященному многоликому и многорукому идаму времени Калачакра и 722 идамам его свиты (Стрелков, 2008: 127). Статуя идама Калачакры в единении с духовной супругой находится, как правило, в Дуйнхор дацане. Он изображен в своей возбужденной ипостаси со множеством ликов и рук, основных и сопутствующих фигур и атрибутов, отвечающих различиям в наклонностях, образе мышления и способностях учеников и последователей.

Цам Калачакры подразделяется на *цам сагар* — исполняется перед возведением мандалы, и *цам чодгар* — исполняется в качестве подношения мандале и идамам.

Цам сагар посвящен обряду очищения местности, испрашиванию разрешения на возведение мандалы у идама Калачакра, поддержки и благословления. После этого начинается длительная и кропотливая работа монахов по возведению песочной мандалы. Во время этого процесса все желающие могут посетить дацан, помолиться и наблюдать этот сокровенный процесс.

Цам чодгар проводится в основные дни Дуйнхор хурала и знаменует собой практику подношения мандале Калачакры. В день проведения *чодгар* собирается большое количество верующих с целью созерцания действа, прикосновения к таинству внешних и внутренних подношений и получения благословления Калачакры и собрания идамов. Через несколько дней мандалу разрушают согласно буддийской доктрине о непостоянстве и раздают небольшими порциями присутствующим в качестве оберега от «бед и болезней». Основную порцию развеивают над местными реками в качестве подношения *нагам* (санскр.) — хозяевам воды (бур. *лусад*).

Считается, что тантрические ритуалы и медитативные техники, связанные с мандалой и приглашением в нее просветленных существ, очищают пространство, восстанавливают баланс в природе и гармонизируют отношения между живыми существами всех миров (Жамсуева, Лувсан, 2019: 189). Особенно эти практики важны во времена упадка нравственности, экологических катаклизмов и техногенных катастроф (Монгуш, 2014: 164).

---

[1] Дуйнхор хурал — торжественный молебен, посвящённый Калачакре, будет проведён 11, 12 и 13 мая 2025 года [Электронный ресурс] // Дацан Гунзэчойнэй གུན་བཟེ་ཆོས་གནས་གླིང་ཚང. Страница ВК. URL: https://vk.com/wall-1142099_53232 (дата обращения: 15.06.2025).

[2] Сухоставский Р. Видео. В Улан-Удэ состоялись танцы чам в рамках посвящения Калачакры [Электронный ресурс] // Новости буддизма Наланда. 2019. URL: https://savetibet.ru/2019/07/07/kalachakra.html (дата обращения: 10.02.2025).

Предварительные знания, представление и визуализация собрания будд и бодхисаттв во время *цам* Калачакры способствуют получению посвящения. Важно быть «подходящими сосудами» для понимания и восприятия всех тонкостей тантрической системы. Однако, все шаги в посвящении чрезвычайно сложны, без знакомства с ними включение в процесс мысленных представлений может оказаться довольно запутанным. Возможно верующим достаточно понимание того, что дни Дуйнхор хурала — это время углублённой духовной практики, принятия обетов, особенного внимания к благотворительности и помощи всем, кто в ней нуждается.

Сегодня, несмотря на тайные тантрические церемонии, *цам* Калачакры доступен не только буддистам, но и всем тем, кому интересен буддизм. В любом случае, утверждают учителя, что «лишь при одном взгляде на мандалу очищается карма негативная и зарабатывается благая карма» (Молодцова, 2013: 153).

Для монахов высшей мотивацией для получения посвящения — оказаться способным практиковать методы Калачакры. Для верующих мирян — заложить кармические семена и получить высшее благословение *адис* Калачакры и всех идамов мандалы, благодаря чему устраняются препятствия в жизни и на пути духовной практики. Цам Калачакры *(фото 1)* характеризуется визуализацией и медитативной концентрацией ума, обладающей громадной творческой силой. Считается, что слияние умов лам исполнителей и искушенных зрителей в коллективной визуализации и медитации способно изменить окружающий мир (там же).

Фото 1. Цам Калачакры в Дуйнхор дацане, г. Улан-Удэ, Бурятия, апрель 2024 г. Фото А. Нимаевой.
Photo 1. Kalachakra tsam in Duinhor datsan, Ulan-Ude, Buryatia, April 2024. Photo by A. Nimaeva.

Обряды *цам* Калачакры исполняются ламами в специальных одеяниях с головными уборами в виде пятилепестковых лотосовых корон с образами пяти дхьяни-будд. В руках каждого из них — ваджра и колокольчик, олицетворяющие сострадание (*бодхичитта*) и мудрость понимания пустоты (*шунья*). Под звучание мантр и буддийских инструментов исполнители создают определенные фигуры движений, передающие особые значения духовной практики.

В *цам* Калачакры одними из отличительных особенностей являются мудры (ваджрные мудры) — символические жесты рук и пальцев исполнителей. Почти все мудры имеют функции и вариации: мудра защиты, мудра даяния, мудра просветления и т. д., всего включено двенадцать мудр. В тантре подчёркивается важность женского принципа, в связи с чем в танце преобладает идея женского начала, матери всех будд Праджняпарамиты, воплощающей в себе совершенную мудрость и всеведение. При этом женщины не допускались к исполнению *цам*, роли женских идамов исполнялись монахами мужчинами. Поэтому грациозность и легкость исполнения, мягкость жестов и ритуальных движений отсылают к женским божествам — тарам и дакиням, от имени которых делается подношение.

Завершающим этапом Дуйнхор хурала выступает огненная пуджа *Жинсрэг* — подношение идамам Калачакры через элемент огня. Ламы готовят 9 видов подношений: тростниковые палочки (достижения могущества), топленое масло (материальное и семейное благополучие), семена кунжута (очищение кармы), колосья проса (долголетие), рис (устранение препятствий), овес (богатство), ячмень (сиддхи, скорая реализация планов и замыслов), горох (сила, здоровье), пшеницу (устранение болезней). Верующие на этот обряд приносят подношения в виде напитков *сэржэм дээжэ,* фруктов и сладостей *далга,* топленое масло, жаренную муку *цампа*.

Буддисты считают, что созерцание мандалы Калачакры оказывает положительное воздействие на умы верующих, оставляя в них благоприятные отпечатки, способствующие накоплению хорошей кармы. Считается, что созерцание мандалы влияет на коллективную карму «страны и всех её народов, независимо от их вероисповеданий»[1].

Таким образом, *цам* Калачакры в Бурятии показывает свою востребованность в духовной жизни верующих. Для лам, исполняющих его, это способ получения посвящения для практики методов Калачакры, для мирян — возможность заложить кармические отпечатки с надеждой на лучшее перерождение. Автор приходит к выводу, что в современных условиях *цам* Калачакры приобретает особое значение, так как, согласно учению, он наделен силой гармонизации внутреннего и внешнего миров. Чем больше людей вовлечено в процесс коллективного созерцания и медитативной практики, тем больше вероятность на благополучный исход. К счастью, несмотря на тайные тантрические церемонии, *цам* Калачакры сегодня доступен не только буддистам, но и всем тем, кому интересен буддизм.

Цам Докшитов: маски и гнев как сострадание

Цам Докшитов посвящен гневным божествам буддийского пантеона и считается одним из наиболее известных видов традиции *цам* в монгольском буддийском мире. Он представляется своеобразной «визитной карточкой» религиозной жизни дореволюционной и советской Бурятии. В 1891 г. *цам* Докшитов был исполнен в честь цесаревича Николая II, посетившего Шулутский (Ацагатский) дацан во время своего путешествия на Восток[2], а в 1928 г. уникальные съемки этого вида *цам* в Тамчинском дацане вошли в фильм В. Пудовкина «Потомок Чингисхана» (Беляева-Сачук, Трушкина, 2022).

В основу *цам* Докшитов положены различные истории, связанные с тибетским буддизмом. Исследователи полагают, что *цам* гневных божеств впервые был исполнен тантрическим гуру и йогином Падмасамбхавой в VIII в. (около 760–770 гг.) с целью очищения и устранения врагов учения сабдагов — сущностей, препятствовавших строительству первого буддийского монастыря Самье. Тантри-

[1] В Бурятии проведут величественный 18-дневный Дуйнхор хурал, посвящённый божеству идаму Калачакре [Электронный ресурс] // Буддийская Традиционная Сангха России. ВКонтакте. 2024, 9 апреля. URL: https://vk.com/wall-92531215_20236?w=wall-92531215_20236 (дата обращения: 25.06.2024).

[2] Ширээтэ Лама Шулутского дацана ГАНДАН ДАРЖАЛИН Чингис Ешиев. Шулутский дацан: возрождение субурганов и триумфальной арки по инициативе казаков [Электронный ресурс] // Буддийская Традиционная Сангха России. 2016, 11 мая. URL: https://sangharussia.ru/hurals/shulutskij-datsan-vozrozhdenie-suburganov-i-triumfalnoj-arki-po-initsiative-kazakov (дата обращения: 02.02.2025).

ческая мощь Падмасамбхавы была направлена не только для усмирения сабдагов, но и для подчинения и склонения их на сторону Дхармы (Pearlman, 2002: 17–18; Khanna, Reddy, 2017[1]).

Существует легенда о тибетском правителе Ландарм (841–901 гг.), яром противнике буддизма, разрушавшем монастыри. Согласно ей, один из монахов, пустившись в ритуальный танец, внезапно выхватил из широких рукавов лук со стрелой и поразил правителя. Таким образом, враг буддийской веры был повержен, с тех пор одна из идей *цам* заключается в победе над врагом буддийского учения[2], а широкие рукава персонажей *цам* Докшитов до сих пор символизируют тайное оружие против врагов буддизма.

В центре *цам* Докшитов находятся гневные защитники и покровители учения (бур. *сахюусан*), отчаянный гнев которых направлен против вредоносных сущностей, препятствующих буддийской вере и практике. В тантрическом буддизме они называются гневными идамами, воплощающими свирепые и ужасающие формы самих будд и бодхисаттв, «ибо тот порок, который нельзя искоренить любовью и состраданием, лечится гневом» (Молодцова, 2013: 126). Гневные маски защитников учения становятся главным атрибутом *цам* Докшитов. Маски *цам* создавались на основе ваджраянской иконографии и являются главными составляющими визуальной, действенной и смысловой содержательности. Эти маски не только символизируют мощь и бесстрашие, но и служат средством духовной трансформации лам исполнителей цам и тех, кто его наблюдает.

Цам сопровождается звуками духовых и ударных буддийских инструментов, в общем потоке которых угадываются звуки *дункар, дунчен, гьялинг* и др. (Аякова, 2024: 97). Хотя сочетание звуков этих инструментов не отличается мелодичностью, но, как утверждают посвященные, они являются аналогами естественных звуков, которые человек может услышать в собственном теле, если закроет пальцами уши, чтобы перекрыть все внешние шумы. Так, можно услышать «глухой мерный звук, похожий на бой большого барабана, лязгающий звук, похожий на звук тарелок…»[3]. Звуки *цам* создают особую атмосферу для каждого персонажа *цам*, раскрывая особый посыл ритуального действа и усиливая их значение. Как верно замечено, устрашающие звуки инструментов *цам* верующими воспринимались священными и были привычны с детства, но совсем неоднозначно воспринимались представителями иной культуры (Кужугет, 1995: 98).

Таким образом, идамы обладают не только мирным, но и гневным аспектом. Гнев Докшитов — это ваджрный гнев, искусное средство *упая*, с помощью которого учитель ведет ученика к просветлению. Согласно буддистам, привычные представления о природе реальности, основанные на внешнем, грубом уровне восприятия явлений сложно изменить, и только безжалостный гнев защитников учения могут разрушить наивность восприятия внешнего и обратить взоры на внутренний потенциал. Чем страшнее облик идамов, тем добрее оно к людям и тем выше его сострадательность, а молитвы, обращенные к ним, помогают быстрее.

Гневный аспект идамов олицетворяет мудрость *праджня*, решительность и силу человека в его борьбе с внутренними омрачениями, известными как *клеши* ума (тиб. *нёнмон*), среди которых главными выступают шесть клеш — страсть (*додчаг*), злость (*конто*), гордыня (*аржал*), неведение (*маригба*), сомнение (*тэцом*), неправильные взгляды (*логда*)[4]. Гнев идамов — это «резкая откровенность природы праджни и сострадания, которая может показаться безжалостной, выбивающей человека из рутины жизни, но ведущей к осознанию подлинной реальности»[5]. Их гневные образы, запечатленные в умах верующих, должны напоминать о кармической ответственности и предостерегать их от неблагих поступков. Важно помнить, что гнев Докшитов олицетворяет внутренний гнев человека в борьбе со своим невежеством, но не внешнее проявление обычного гнева в отношении окружающих, одного из основных клеш, отягчающих карму.

[1] Khanna D., Reddy J. Vajra Nrithyam Dance as a Movement of Meditation. 2017 URL: https://www.researchgate.net/publication/344327778_Vajra_Nrithyam_Dance_as_a_Movement_of_Meditation (дата обращения: 20.05.2024)
[2] Шастина Н. П. Религиозная мистерия цам в монастыре «Дзунхуре» // Современная Монголия. 1935. № 1. С. 92-113.
[3] Тибетская книга мертвых. Бардо Тхёдол. М.: АСТ, 2018. С. 373–374.
[4] Дымбрыл лама. Сэмжун. Ментальные факторы. Думта. Комментарий к труду «Драгоценное ожерелье учений философских школ. Улан-Удэ: Номад, 2023. С. 29–48.
[5] Трунгпа Ч. Преодоление духовного материализма М.: Открытый мир, 2009. С. 229.

С 2011 г. в Бурятии ежегодно проводится *цам* Докшитов или *Чойжал цам*, по имени главного персонажа — владыки смерти и хранителя учения Чойжал. Главная функция Чойжал сахюусана (царя и защитника Дхармы)— напоминание верующим о том, что необходимо неустанно заниматься практикой учения, так как смерть может наступить в любой момент. В Ламриме сказано: «Владыка смерти никому не друг, и он всегда внезапно нападает. Поэтому не медли, говоря, мол, буду завтра следовать Ученью, — но тотчас же все силы прилагай!»[1] Несмотря на устрашающие персонажи и действо, *цам* Докшитов привлекает большое число верующих, приходят семьями с детьми. Это свидетельствует о том, что он занимает важное место в духовной жизни буддистов республики, а его проведение собирает верующих со всех уголков региона.

Цам Докшитов может проводиться в разных дацанах. Так, в сентябре 2024 г. он состоялся в Сартуул-Булагском дацане Джидинского района Бурятии, на котором присутствовал автор.

К обряду *цам* Докшитов ламы готовились заранее: в течение трех дней проводились хуралы в дацане, шли подготовительные практики для успешного проведения *цам*. В день исполнения *цам* собралось множество зрителей и верующих с подношениями *далгаа*. Перед началом *цам* настоятель *ширээтэ* Дуйнхор дацана лама Буда Цыденов дал краткое объяснение присутствующим, раскрыл смысл и значение ритуального действа, призывая верующих воспринимать происходящее не как театральное представление, а как глубокое вероучение. Именно поэтому аплодисменты запрещены. Весь *цам* сопровождался мантрами и звуками буддийских инструментов.

Буда лама объяснял верующим:

> «Все присутствующие получат благословение божеств для устранения препятствия в своей жизни, привлечения благой энергии *адис*, нужна искренняя вера *сүзэг* в могущество происходящего. Вера мощный источник реализации всех благих планов и исполнения желаний. Чем больше искренней веры, тем больше *адис* для своего блага и блага близких»[2].

Главным персонажем *цам* Докшитов выступал Чойжал сахюусан — Владыка смерти (*бур. Эрлик Номун Хан*) в маске буйвола с тремя свирепыми глазами, проницающими прошлое, настоящее и будущее (*фото 2*). Чойжал сахюусан является гневным аспектом будды мудрости Манджушри. Он отвечает за перерождение земных существ, на нём — украшения из черепов, а в руках держит атрибуты — жезл в форме человеческого скелета и черный аркан, напоминающий о том, что ни один человек не избежал встречи с Владыкой смерти. Его танец напоминает, что жизнь на земле подобна вспышке молнии — настолько она коротка и быстротечна. Поэтому необходимо ценить каждое мгновение этой жизни, наполняя его учением и духовной практикой для лучшего перерождения.

Для плодотворной практики буддийского учения необходимо памятовать о смерти: «…склонность верить, что не умрешь, — дверь всякого упадка, а ее противоположность — памятование о смерти — дверь всего благополучия»[3]. Смерть в буддизме рассматривается как важный этап на пути к духовному развитию. Согласно учению смерть это состояние *бардо* — перехода сознания *алаявиджняна* к следующему кармическому состоянию своего существования[4]. Практика памятования о смерти призвана помочь осознать преходящий характер и более осознанно относиться к жизни, которая рассматривается буддистами как драгоценность из-за возможности практиковать буддийское учение. Важно понимать, что размышления о смерти не должны восприниматься как источник подавленности. Напротив, они могут стать ключом к осознанию быстротечности жизни, а время — это драгоценный ресурс для изучения и практики учения. «Время проводят в сонливости, вялости, пустых разговорах, в еде, питье и прочих праздных занятиях, поэтому усердной, правильной практики не получается»[5]. Поэтому *Чойжал сахюусан* в порыве танца каждым своим движением и взглядом напоминает о необходимости усердной практики и дарует всем живым существам благословление *адис*.

[1] Цонкапа Чже. Большое руководство к этапам Пути Пробуждения. Подготовительная часть и этап духовного развития низшей личности / пер. А. Кугявичус, под ред. А. Терентьева. СПб.: Нартанг, 1994. С. 191.
[2] Мистерия Цам Чойжал сахюусана г.Улан-Удэ 24 сентября 2022 г. часть 1 [Электронный ресурс] // Буда Жимбеев. Youtube.com. URL: https://www.youtube.com/watch?v=3H6lKX0H6Gk (дата обращения: 25.06.2024).
[3] Цонкапа Чже. Большое руководство к этапам Пути Пробуждения. Подготовительная часть и этап духовного развития низшей личности / пер. А. Кугявичус, под ред. А. Терентьева. СПб.: Нартанг, 1994. С. 175.
[4] Цонкапа Чже. Большое руководство к этапам Пути Пробуждения. II глава. Этап духовного развития средней личности / пер. А. Кугявичус, под ред. А. Тереньева. СПб.: Нартанг, 2000. С. 72.
[5] Цонкапа Чже. Большое руководство к этапам Пути Пробуждения. Подготовительная часть и этап духовного развития низшей личности / пер. А. Кугявичус, под ред. А. Терентьева. СПб.: Нартанг, 1994. С. 172.

Фото 2. Чойжал — защитник Учения. Цам Докшитов в Сартуул — Булагском дацане Джидинского района Бурятии. Сентябрь, 2024 г. Фото Ж. Аяковой.
Photo 2. Choizhal is a defender of the Doctrine. Dokshitov tsam in the Sartul-Bulag datsan of the Dzhidinsky district of Buryatia. September 2024 Photo by Zh. Aiakova.

Чойжал сахюусан предстает в сопровождении персонажей в масках оленей, символизирующих готовность воспринимать и понимать Дхарму. Олени отличаются своим тонким слухом, и согласно легенде, именно они были одними из первых слушателей учения Будды Шакьямуни. Не случайно их фигуры по обе стороны от Дхармачакры (восьмеричного колеса Дхармы) украшают вход в каждый буддийский храм.

Друг за другом на арене Цам появляются защитница и покровительница Учения Балдан Лхамо, гневный аспект Тары, *Жамсаран сахюусан* — защитник воинов, в руках держат ритуальную чашу *габала* в виде человеческого черепа и кинжал *пурбо*. В руках покровительствующих идамов эти атрибуты являются символом и оружием духовной трансформации и выражением гневного аспекта сострадания.

Отдельная сцена посвящена хозяевам кладбищ — *хохимой* (монг., букв. череп, скелет) в костюмах, изображающих скелеты. Они помогают существам в низших мирах обрести лучшее перерождение и напоминают о непредсказуемости смерти. В Ламриме, в части о непредсказуемости смерти, говорится: «Условий смерти много; условий жизни мало…»[1]. Время наступления смерти не определено и часто внезапно, люди умирают от несчастных случаев, аварий, убийств, самоубийств и т. д. Созерцая *хохимой*, верующим полагается мысленно обратиться к усопшим родственникам и близким с пожеланиями лучшего перерождения. Главная функция *хохимой* — охрана кладбищ и мест погребений, а также защита тантриков, практикующих в таких местах. Поэтому у бурят не принято ходить на кладбище, чтобы не нарушить покой и не препятствовать благому перерождению.

В действе *цам* Докшитов особое внимание привлекает персонаж Белого Старца (бур. *Сагаан Убгэн*). Для одних он предстает глубоким, немощным старцем, который с трудом, но с почтением простирается перед Тремя драгоценностями: Буддой, Дхармой и Сангхой. Однако для искушенных зрителей Белый старец представляет собой воплощение будды сострадания Авалокитешвары (бур. *Арьябала*). Его значение и функции подробно описаны в «Сутре Белого Старца»[2], которая была создана «для утверждения культа Белого старца в многочисленном ряду местных защитников, давших клятву защищать буддизм и его последователей» (Бичеев, Алтан-Очир, 2021: 176). В Сутре повествуется встреча Белого Старца с Буддой, где он представляется хозяином неба и земли, господином всех живых существ, покровителем Учения, обладателем знания заслуг и благодеяний людей, ведающим их сроком жизни, дарителем богатства и благополучия, порицателем за не почитание родителей и жестокость, неуважение к Трем драгоценностям и т. д.[3]

Белый старец как мирское существо демонстрирует все виды сансарического страдания: старость, болезни, желание, страсть. Сцена переедания пищи старцем символизирует клеши страдания, немощность в практике и приближение смерти. Но глубокая вера в Три Драгоценности поддерживает Белого старца и дает ему силу на последнюю схватку с клешами своего ума, воплощённых в образе тигра. Схватка завершается победой Белого старца, демонстрирующей пример духовных достижений в неустанной борьбе с клешами и обретения мудрости.

На завершающих этапах Цам появляются десять персонажей в черных шляпах — шанаги. Черные шанаги — гневные аспекты бодхисаттв и йогинов тайной тантры. В их руках атрибуты беспощадной борьбы с врагами Учения — *габала* и тантрический кинжал *пурбо* — символы уничтожения клеш и неведения.

Цам завершается выходом духовной супруги Чойжал *Замунди*, символизирующей собрание женских идамов Зеленой Тары, Балдан Лхамо и Янжимы. В её руках трезубец — символ очищения уме, речи и тела. В конце *цам* все персонажи предстают перед зрителями, преподносят свои духовные подвиги в качестве золотого нектара *сэржэм* — подношения Трем Драгоценностям. За финальной церемонией скрыто таинство выноса и сожжения *сора* — трехгранной пирамиды, украшенной языками пламени и увенчанной изображением человеческого черепа. *Сор* наделяется могущественной разрушительной силой посредством предварительной закрытой службой лам, сжигающей врагов буддийского учения (Молодцова, 2013: 144).

[1] Там же. С. 190.
[2] «Сутра Белого Старца» на «ясном письме»: исследование, перевод, транслитерация, комментарии, факсимиле / под ред. Н. В. Ямпольской, Н. С. Яхонтовой. М.: Наука, Вост. лит., 2023.
[3] Там же. С. 321–323.

Количество персонажей *цам* Докшитов составило 22 человека.Это намного меньше традиционных 78 персонажей, участвовавших в ежегодном *цам* Гусиноозерского (Тамчинского) дацана до 1931 г. Такая разница происходит за счет сокращения числа второстепенных божеств, входивших в свиту Докшитов (Найдакова, 1997: 2).

Существует мнение, что *цам* претерпевает некоторую трансформацию в контексте современности и взаимодействия различных культур, превращается в театральное представление для любопытствующих и туристов, негативно влияющее на чистоту традиции (Schrempf, 1997: 92–96). Однако, авторитетные ламы утверждают, что в буддийских регионах *цам* возрождается в соответствии с мировоззренческими канонами, понятными не только для монахов, но и для верующих[1].

Мирянам *цам* обычно представляется зрелищем для «отпугивания злых духов», им не видится больше, чем внешнее действие. Для них достаточна информация, лежащая на поверхности: имена божеств в масках, название атрибутов, одежды и реквизита. Им будет «рассказано лишь то, что сочтут подходящим для восприятия непросветленного ума собеседника» (Молодцова, 2013: 125, 134).

Сегодня присутствующим на обряде *цам* объясняются мировоззренческие аспекты, символика и значение, важность созерцания и проникновения в суть действа для благоприятных условий, способствующих накоплению заслуг и укреплению духовной практики. Тем не менее, *цам* остается «многопорядковой, многослойной, раскрывающейся по-разному для разных кругов зрителей и самих участников мистерии, по уровню их сознания» (Найдакова, 1997: 16).

Возможно ли говорить о полноценности *цам* в современное время? Автор приходит к выводу, что возможно. Во-первых, это, несомненно, религиозные ритуальное действо, исполняемое ламами, с проведением важных обрядов *сэржэм* и сжигания *сора*, во-вторых, в преддверии *цам* проводятся многодневные службы *хуралы*, в-третьих, традиция *цам* в Бурятии была восстановлена согласно передаче учения посвященных тибетских учителей и их наставничеству.

Цам как метод, путь и трансформация

Цам Калачакры и *цам* Докшитов, как и в целом буддийское учение, выступают практическими методами, основанными на синтезе знаний, представлений, наглядности и анализе информации и опыта, ориентированными на внутреннюю работу и постепенное развитие качеств, способствующих трансформации сознания и преодолению привычного восприятия. Традиция *цам* представляет собой живое выражение важнейших постулатов буддийского учения о пустоте и сострадании, карме и перерождении. Костюмы, маски, атрибуты, мантры, звуки буддийских инструментов, ритуальные жесты и движения образуют неразрывное единство исполнения церемониалов. Если *цам* Калачакры представляет собой созерцательный аспект буддийской практики, использующий глубинные методы визуализации и медитации, то *цам* Докшитов выражает активный гневный аспект буддийской практики, усиливающий мотивацию к внутренним трансформациям.

Цам Калачакры и *цам* Докшитов как методы буддийского учения ориентированы на трансформацию обыденного сознания, выход за рамки привычного видения и осознание принципов кармической ответственности. Их внешняя атрибутика и внутренние техники являются средством выражения буддийской практики и способом достижения особых состояний, необходимых для реализации духовных постижений. Поэтому изначально учение и церемонии *цам* были скрыты от посторонних глаз. Путешественники и ученые, наблюдавшие *цам* в монастырях Тибета и Монголии, не скрывали того, что им не удалось проникнуть в его содержание, отмечая, что в беседах с ламами ощущалась тщательно охраняемый от посторонних внутренний смысл ритуала. «Изучить цам, раскрыть его сущность, понять значение его символов и магических действий невозможно, т. к. учение окутано глубокой тайной»[2].

[1] Мистерия Цам в Храме Калачакры Видеозапись (фрагменты мистерии Цам, интервью с настоятелем дацана Калачакры Будой Цыденовым и комментарии Агвана Жамцо) / фильм Р. Сухоставского. Улан-Удэ [Электронный ресурс] // Сохраним Тибет (Наланда). YouTube.com. URL: https://www.youtube.com/watch?v=u5ECio-PAVE (дата обращения: 25.06.2024).

[2] Шастина Н. П. Религиозная мистерия цам в монастыре «Дзунхуре» // Современная Монголия. 1935. № 1. С. 92-93.

Одно из значений *цам* — воспитание мирян в духе буддийского учения, памятования о неизбежности смерти и неустанной практики, подразумевающей избавление от ментальных пороков и внутреннюю трансформацию. Клеши лежат в основе порочных деяний и их последствий, а для их искоренения необходимы решительность и памятование, которые, в свою очередь, также сложно зародить. Гневные маски *цам* отчасти решают эту проблему внушением религиозного страха, ориентирующего последователя в нравственном пространстве и кармической ответственности.

Лама Цонкапа анализирует страх смерти с точки зрения его пользы и вреда. Для практикующих памятование о смерти страх служит защитой и мотивацией для развития благих качеств с целью благого перерождения. «Вот если думать о [смерти] с таким страхом, то осуществляем те [цели] и поэтому в смертный час не будем бояться»[1]. В других случаях страх смерти является парализующей силой, влияющей на реакции и поведение человека с негативными последствиями: «смерти бояться следует лишь тем, кто не подготовился к следующей жизни — не покончил с причинами дурной участи и не сотворил причин высокого положения и подлинного блага»[2]. Сознание буддиста, пронизанный учением и его образами, мирными или гневными, становится спасением перед лицом смерти, остальное — бесполезно, наставляет Лама Цонкапа.

Фото 3. Маска из Монголии Жамсаран сахюусан на домашнем алтаре. Май, 2025 г. Фото Ж. Аяковой.
Photo 3. The mask of Zhamsaran sahyuusan from Mongolia on the home altar. May 2025 Photo by Zh. Aiakova.

[1] Цонкапа Чже. Большое руководство к этапам Пути Пробуждения. Подготовительная часть и этап духовного развития низшей личности / пер. А. Кугявичус, под ред. А. Терентьева. СПб.: Нартанг, 1994. С. 176.
[2] Там же.

Поэтому на домашних алтарях верующих встречаются фигурки или уменьшенные маски *цам* как напоминание о неустанной практике учения *(фото 3)*.

Традиция *цам* порождает множество функций, среди которых можно выделить три основные:

— первая — достижение просветления, для участвующих монахов «посредством медитации и созерцания», а для присутствующих верующих посредством приобретения глубоких отпечатков в сознании;

— вторая — усмирение *сабдагов* и врагов Учения, включение их в буддийский пантеон (Молодцова, 2013: 126, 130);

— третья — подготовка верующего к смерти, переходу в состояние *бардо* (Молодцова, 2013: 188).

Последняя связана с процессом умирания, переходом в промежуточное состояние между смертью и следующим перерождением, в котором просветленные сущности могут принимать гневные, устрашающие формы, чтобы защитить сбитых с толку существ и помочь им. Свирепые идамы *цам* должны восприниматься верующими как будды и бодхисаттвы при жизни, чтобы не «испугаться» их перевоплощений в состоянии *бардо* и не обрушиться от страха в худшие миры[1].

Персонажи, образы и элементы ритуала цам служат средствами для выражения абстрактных концепций, связывающими сакральное с профанным. Поэтому *цам* называют «мостом между миром просветленных существ и миром людей»[2]. Мировоззренческие аспекты *цам* способствуют преодолению ограничивающих представлений, препятствующих достижению духовных целей. Эти аспекты не исчерпывают полного спектра философии цама, их понимание может существенно различаться в зависимости от конкретной традиции, школы и конкретных практикующих.

Заключение

Цам Калачакры и *цам* Докшитов, как и традиция *цам* в целом, выступают практическими методами, основанными на синтезе знаний, представлений, наглядности и анализе информации и опыта, ориентированными на внутреннюю работу и преобразование отрицательных человеческих качеств в духовные заслуги. Традиция *цам* представляет собой живое выражение важнейших постулатов буддийского учения о пустоте и сострадании, карме и перерождении. Костюмы, маски, атрибуты, мантры, звуки буддийских инструментов, ритуальные жесты и движения образуют неразрывное единство религиозной практики и обнаруживают связь с каноническими текстами. Тантрические практики предлагают немедленный эффект посредством единства противоположных начал: мирного и гневного, пассивного и активного, созерцательного и возбужденного, способствующих постижению недвойственности и очищению глубоко укоренившихся привычных представлений.

Сценарии *цам* вполне поддаются описаниям, однако их суть, как и любого тантрического учения, остается достаточно скрытой. Тем не менее, содержание *цам* не упрощается, но адаптируется и формулируется в контексте современных реалий. Сложность восприятия смысла и действа *цам* обусловлена, прежде всего, уровнем подготовки последователей. Разумеется, полный текст *цам* предназначен и доступен лишь монахам, но частичные практики возможны и для мирян, будь то созерцание мандалы в *цам* Калачакры или опыт религиозного страха в *цам* Докшитов. Публичность *цам* способствует его распространению, ретрансляции и сохранению ценностей буддийской традиции, пониманию его учения и укреплению веры. В целом *цам* воспринимается верующими как величественный обряд, посвященный торжеству будд и бодхисаттв, участие в котором обещает благословление и духовные заслуги. *Цам* призван помочь верующим понять принципы буддийского учения и совершенствовать свои повседневные практики.

Цам Калачакры и *цам* Докшитов в Бурятии сохраняют свои мировоззренческие основы и, несмотря на свои особенности и разные формы представления, имеют единый путь и общую цель — трансформация сознания и достижение просветления. Не зря сегодня в научном мире феномен созна-

[1] Тибетская книга мертвых. Бардо Тхёдол. М. : АСТ, 2018. С. 224–225.
[2] Сухоставский Р. Мистерия Цам в Храме Калачакры. (2013) Видеозапись (фрагменты мистерии Цам, интервью с настоятелем дацана Калачакры Будой Цыденовым и комментарии Агвана Жамцо) [Электронный ресурс] // фильм Р. Сухоставского. Улан-Удэ. Сохраним Тибет (Наланда). Youtube.com. URL: https://www.youtube.com/watch?v=u5ECio-PAVE (дата обращения: 25.06.2024).

ния рассматривается и с буддийской точки зрения, проводятся исследования совместно с буддийскими монахами, посвященные его различным состояниям, в том числе и посмертным (Белимова, 2023; Медведев, Бойцова, Бубеев, 2022). Предстоит пройти множество научных лабиринтов, но курс на укрепление нравственного стержня посредством учений создает оптимистическую перспективу. Традиция *цам* заставляет задуматься о страданиях всех живых существ и развитии сострадания к ним — главного постулата махаяны, на фоне которых наши собственные страдания становятся менее значимыми. В этом смысле она достигает своей высшей цели — развитие безграничного сострадания, ведущей к буддийской мудрости. В современном мире традиция *цам* как живое учение, которое вдохновляет и побуждает к поиску внутренних трансформаций, продолжает жить благодаря усилиям буддийских учителей, лам, дацанов и верующих.

Очевидно, что *цам* Калачакры и *цам* Докшитов одинаково востребованы в бурятском обществе, а значит их нравственный потенциал будет развиваться и открываться всем, кому интересны буддийское учение и его традиции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аякова, Ж. А. (2024) Практика Цам как буддийское искусство // Буддийская культура и искусство в ракурсе современности: сборник трудов конференции / отв. ред. Е. Ю. Перова. Улан-Удэ : Восточно-Сибирский государственный институт культуры. 180 с. С. 95–99.

Барадийн, Б. Б. (1909) Цам Миларайбы (Из жизни в Лавране). СПб.: тип. В.Ф. Киршбаума (отд-ние). 162 с.

Баторова, Е. А., Райцанова, Э. Н. (2023) Маски мистерии Цам из собрания Кяхтинского краеведческого музея имени В. А. Обручева: к проблеме атрибуции // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. № 63. С. 148–159. DOI: https://doi.org/10.31773/2078-1768-2023-63-148-159

Белимова, В. С. (2023) Диалог между буддизмом и наукой: от трудных вопросов о сознании — к изучению феномена посмертной медитации «тукдам» // Идеи и идеалы. Т. 15. № 4–2. С. 254–281. DOI: https://doi.org/10.17212/2075-0862-2023-15.4.2-254-281

Беляева-Сачук, В. А., Трушкина Е. Ю. (2022) Бурятский буддизм в советском этнографическом кино 1920–1930-х годов // Исторический курьер. № 5 (25). С. 116–129. DOI: https://doi.org/10.31518/2618-9100-2022-5-9

Бичеев Б. А., Алтан-Очир (2021) Культ Белого старца (монгольские тексты из Тувы) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 174–187. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2021.1.9

Владимирцов, Б. Я. (1923) Тибетские театральные представления // Восток / ред. кол.: В. М. Алексеев, Б. Я. Владимирцов, И. Ю. Крачковский, С. Ф. Ольденбург, А. Н. Тихонов. М. ; СПб. : Всемирная литература. Кн. 3. 212 с. С. 99–107.

Дьяконова, В. П. (1971) Цам у тувинцев // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX — начале XX века. Сборник Музея антропологии и этнографии при Российской Академии наук / отв. ред. Л. П. Потапов, С. В. Иванов. Л. : Наука. Т. 27. 299 с. С. 113–129.

Жамсуева, Д. С., Лувсан, О. (2019) Ритуальные аспекты мистерии Цам в бурятских дацанах // Власть. Т. 27. № 3. С. 189–193. DOI: https://doi.org/10.31171/vlast.v27i3.6443

Жигмитова, А. А. (2017) Эволюция мистерии Цам в театрализованное действо // Вестник культуры и искусств. № 1 (49). С. 135–140.

Жуковская, Н. Л. (2013) О буддизме и буддистах. Статьи разных лет. 1969–2011. М. : Ориентология. 480 с.

Кужугет, А. К. (1995) Цам в Туве // Ученые записки : сборник статей / отв. ред. Ч. М. Доржу Кызыл : Типография Госкомитета по печати и информации Республики Тыва. 201 с. С. 93–101.

Лобсанг, Т., Карелина, Е. К., Адыгбай, Ч. О. (2021) Об искусстве и музыкальной традиции буддизма в Туве // Тува в буддийском мире: история и современность: Материалы международной научно-практической конференции, Кызыл, 28 сентября 2021 года / отв. ред. Е. Д. Монгуш. Кызыл : Тувинский государственный университет. 112 с. С. 103–110.

Медведев, С. В., Бойцова, Ю. А., Бубеев, Ю. А., Кокурина, Е. В. (2022) Буддийский тибетский феномен «тукдам» как объект исследования для получения новых знаний в интегративной физиологии Организационные и методологические аспекты // Интегративная физиология. Т. 3. № 4. С. 402–410. DOI: https://doi.org/10.33910/2687-1270-2022-3-4-402-410

Молодцова, Е. Н. (2013) Тибет: сияние пустоты. М. : Новый Акрополь. 312 с.

Монгуш, М. В. (2001) История буддизма в Туве (вторая половина VI — конец XX в.). Новосибирск : Наука. 200 с.

Монгуш, М. В. (2014) Таинственная Шамбала: реальность без вымысла // Новые исследования Тувы. № 2. С. 158-167.

Найдакова, В. Ц. (1997) Буддийская мистерия ЦАМ в Бурятии. Улан-Удэ : БИОН СО РАН. 39 с.

Позднеев, А. М. (1993) Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношением сего последнего к народу. Элиста : Калмыцкое книжное издательство. 512 с.

Пострелова, Т. А. (1977) О ламаистских масках мистерии цам // Государственный музей искусства народов Востока / Научные сообщения. Вып. IX / отв. ред. А. М. Высоцкий. М. : Наука, ГРВЛ. 190 с. С. 97–104.

Решетов, А. М. (1987) Монгольский цам по коллекциям МАЭ // Корейские и монгольские коллекции в собраниях МАЭ / отв. ред. А. М. Решетов. Ленинград : Наука, Ленингр. отд-ие. 173 с. С. 121–136.

Стрелков, А. М. (2008) Буддийское учение Калачакра: источники, структура, содержание // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. Т. 9. № 1. С. 114–132.

Сундуй, Д. М. (2014) Хореографическая пластика в буддийско-ламаистских мистериях цам // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. № 40. С. 62–72.

Цендина, А. Д. (2018) «История цама в монголии» — сочинение настоятеля монастыря гандан габджу Эрдэни-пэла // Oriental Studies. Т. 11. № 3 (37). С. 61–67. DOI: https://doi.org/10.22162/2619-0990-2018-37-3-61-67

Цыбиков, Г. Ц. (1981) Избранные труды : в 2 т. Новосибирск : Наука. Т. 2. О Центральном Тибете, Монголии и Бурятии. 240 с.

Шинковой, А. И. (2019) Цам-хурал. История, традиция и особенности буддийской праздничной мистерии. Костюмы и маски цама в собрании ИОКМ // Краеведческие записки : сборник статей / редколл.: С. Г. Ступин и др. Иркутск : Институт географии им. В. Б. Сочавы Сибирского отделения Российской академии наук. 135 с. С. 5–29.

Pearlman, E. (2002) Tibetan Sacred Dance: A Journey into the Religious and Folk Traditions. Rochester : Inner Traditions. 192 p.

Schrempf, M. (1997) From “Devil Dance” to “World Healing”: Some representations, Perceptions and Innovations of contemporary Tibetan Ritual Dances // Proceedings of the 7th Seminar of the International Association for Tibetan Studies. Ed. by F. J. Korom. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. 119 p. P. 91–103.

Дата поступления: 11.02.2025 г.
Дата принятия: 02.07.2025 г.

REFERENCES

Aiakova, Zh. A. (2024) Tsam practice as Buddhist art. In: Perova E. Yu. (ed.) *Buddhist Culture and Art in the Perspective of Modernity: Conference Proceedings*. Ulan-Ude, East Siberian State Institute of Culture. 180 p. Pp. 95–99. (In Russ.)

Baradiin, B. B. (1909) *Tsam of Milarepa (From Life in Lavran)*. St. Petersburg, V.F. Kirshbaum Printing House (branch). 162 p. (In Russ.)

Batorova, E. A. and Raytsanova, E. N. (2023) Masks of the Tsam mystery from the collection of the Kyakhta Regional Museum named after V. A. Obruchev: on the problem of attribution. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul’tury i iskusstv*, no. 63, pp. 148–159. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.31773/2078-1768-2023-63-148-159

Belimova, V. S. (2023) Dialogue between Buddhism and science: From difficult questions about consciousness to the study of the phenomenon of posthumous meditation ‘tukdam’. *Idei i idealy*, vol. 15, no. 4–2, pp. 254–281. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.17212/2075-0862-2023-15.4.2-254-281

Belyaeva-Sachuk, V. A. and Trushkina, E. Yu. (2022) Buryat Buddhism in Soviet ethnographic film of the 1920s — 1930s. *Istoricheskiy kuryer*, no. 5(25), pp. 116–129. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.31518/2618-9100-2022-5-9

Bicheev, B. A. ans Altan-Ochir (2021) The cult of the White Old Man (Mongolian texts from Tuva). *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 174–187. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2021.1.9

Vladimirtsov, B. Ya. (1923) Tibetan theatrical performances. In: Alekseev V. M., Vladimirtsov B. Ya., Krachkovskiy I. Yu., Oldenburg S. F., Tikhonov A. N. (eds.) *East*. Moscow; St. Petersburg, World Literature. Book 3. 212 p. Pp. 99–107. (In Russ.)

Diakonova, V. P. (1971) Tsam among the Tuvinians. In: Potapov L. P., Ivanov S. V. (eds.) *Religious Beliefs and Rites of the Peoples of Siberia in the 19th — Early 20th Centuries*. Proceedings of the Museum of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences. Leningrad, Nauka. Vol. 27. 299 p. Pp. 113–129. (In Russ.)

Zhamsueva, D. S. and Luvsan, O. (2019) Ritual aspects of the Tsam mystery in Buryat datsans. *Vlast'*, vol. 27, no. 3, pp. 189–193. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.31171/vlast.v27i3.6443

Zhigmitova, A. A. (2017) Evolution of the Tsam mystery into a theatrical action. *Vestnik kultury i iskusstv*, no. 1 (49), pp. 135–140. (In Russ.)

Zhukovskaya, N. L. (2013) *On Buddhism and Buddhists. Articles from different years. 1969–2011*. Moscow, Orientologiya. 480 p. (In Russ.)

Kuzhuget, A. K. (1995) Tsam in Tuva. In: Dorzhu Ch. M. (ed.) *Scholarly Notes: Collected Articles*. Kyzyl, State Committee for Printing and Information of the Republic of Tuva. 201 p. Pp. 93–101. (In Russ.)

Lobsang, T., Karelina, E. K. and Adygbay, Ch. O. (2021) On art and musical tradition of Buddhism in Tuva. In: Mongush E. D. (ed.) *Tuva in the Buddhist World: History and Modernity.* Proceedings of the International Scientific-Practical Conference, Kyzyl, 28 September 2021. Kyzyl, Tuvan State University. 112 p. Pp. 103–110. (In Russ.)

Medvedev, S. V., Boitsova, Yu. A., Bubeev, Yu. A. and Kokurina, E. V. (2022) The Buddhist Tibetan phenomenon 'tukdam' as an object of research for obtaining new knowledge in integrative physiology: Organizational and methodological aspects. *Integrativnaya fiziologiya*, vol. 3, no. 4, pp. 402–410. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.33910/2687-1270-2022-3-4-402-410

Molodtsova, E. N. (2013) *Tibet: The radiance of emptiness*. Moscow, Novy Akropol. 312 p. (In Russ.)

Mongush, M. V. (2001) *History of Buddhism in Tuva (second half of 6th — end of the 20th century).* Novosibirsk, Nauka. 200 p. (In Russ.)

Mongush, M. V. (2014) Mysterious Shambhala: Reality without fiction. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 158–167. (In Russ.)

Naydakova, V. Ts. (1997) *Buddhist Mystery Tsam in Buryatia*. Ulan-Ude, BION SB RAS. 39 p. (In Russ.)

Pozdneev, A. M. (1993) *Essays on the Life of Buddhist Monasteries and Buddhist Clergy in Mongolia in connection with their attitude toward the people*. Elista, Kalmyk Book Publishing House. 512 p. (In Russ.)

Postrelova, T. A. (1977) On lamaist masks of the Tsam mystery. In: Vysotsky A. M. (ed.) *State Museum of Eastern Peoples' Art / Scientific Reports*. Issue IX. Moscow, Nauka, GRVL. 190 p. Pp. 97–104. (In Russ.)

Reshetov, A. M. (1987) Mongolian Tsam based on the collections of MAE. In: Reshetov A.M. (ed.) *Korean and Mongolian Collections in the Collections of MAE*. Leningrad, Nauka, Leningrad branch. 173 p. Pp. 121–136. (In Russ.)

Strelkov, A. M. (2008) Buddhist teaching of Kalachakra: Sources, structure, content. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii*, vol. 9, no. 1, pp. 114–132. (In Russ.)

Sunduy, D. M. (2014) Choreographic plasticity in Buddhist-Lamaist Tsam mysteries. *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kulturologii*, no. 40, pp. 62–72. (In Russ.)

Tsendina, A. D. (2018) 'History of Tsam in Mongolia'— a composition by the abbot of Gandan Monastery Gabju Erdenipel. *Oriental Studies*, vol. 11, no. 3(37), pp. 61–67. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.22162/2619-0990-2018-37-3-61-67

Tsybikov, G. Ts. (1981) *Selected Works*: in 2 vols. Novosibirsk, Nauka. Vol. 2. On Central Tibet, Mongolia and Buryatia. 240 p. (In Russ.)

Shinkovoy, A. I. (2019) Tsam-khurul. History, tradition and features of the Buddhist festive mystery. Tsam costumes and masks in the collection of IOKM. In: Stupin S. G. et al. (eds.) *Local History Notes: Collection of Articles*. Irkutsk, Institute of Geography named after V. B. Sochava, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 135 p. Pp. 5–29. (In Russ.)

Pearlman, E. (2002) *Tibetan Sacred Dance: A Journey into the Religious and Folk Traditions*. Rochester, Inner Traditions. 192 p.

Schrempf, M. (1997) From "Devil Dance" to "World Healing": Some representations, Perceptions and Innovations of contemporary Tibetan Ritual Dances. In: *Proceedings of the 7th Seminar of the International Association for Tibetan Studies.* Ed. by F. J. Korom. Wien, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. 119 p. Pp. 91–103.

Submission date: 11.02.2025.
Acceptance date: 02.07.2025.

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ / THE NEW RESEARCH OF TUVA

Электронный научный журнал

Главный редактор *Ч. К. Ламажаа.*
Редактор *Б. Н. Гайдин.*

№ 4, 2025
https://nit.tuva.asia/nit/issue/view/68

Для иллюстрации обложки использована фотография Ш. Кужугет (Россия)

Подписано к публикации 28.11.2025 г.
Объем - 60,75 п. л.
Эл. адрес: article@tuva.asia